РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

В. Б. МАВРОДИН

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ


Русская
Библиотека

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА



В. В. МАВРОДИН

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43
М12

Серия основана в 2002 г.

Редакционная коллегия
серии «Русская библиотека»

И. И. ВЕРНЯЕВ, И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, А. Ю. ДВОРНИЧЕНКО, С. Г. КАЩЕНКО, Ю. В. КРИВОШЕЕВ (председатель), *А. Б. МАЗУРОВ, М. В. МАНДРИК, А. А. МЕЩЕНИНА, А. В. ПЕТРОВ, Р. А. СОКОЛОВ* (ученый секретарь), *М. В. ХОДЯКОВ* (заместитель председателя), *Н. В. ШТЫКОВ*

Ответственный редактор
Ю. В. КРИВОШЕЕВ

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации

ТП-2008-II-№ 242
ISBN 978-5-02-026311-6

© Издательство «Наука», серия «Русская библиотека» (разработка, оформление), 2002 (год основания), 2009
© Ю. В. Кривошеев, вступительная статья, 2009

Ю. В. Кривошеев

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ МАВРОДИН — УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ЧЕЛОВЕК

Имя Владимира Васильевича Мавродина на протяжении более чем полувека неразрывно связано с развитием советской исторической науки, с Ленинградским университетом, с его историческим факультетом.*

Именно сюда в 1926 г. приехал из провинциального Рыльска В. В. Мавродин. Он слушал лекции таких ученых, как А. Е. Пресняков, Е. В. Тарле и др., а научной работой и в студенческие годы, и в аспирантуре (1930—1932 гг.) занимался у Б. Д. Грекова — специалиста по истории Древней Руси, ставшего его учителем. С 1930 г. он начинает работу в качестве ассистента и в 1933 г. защищает кандидатскую диссертацию. В 1935 г. Владимир Васильевич становится доцентом кафедры истории СССР, только что открывшейся в Ленинградском университете.

В. В. Мавродин вошел в большую науку истории в бурную и противоречивую пору: в пору ее становления, когда происходили многочисленные и жаркие дискуссии, в ходе которых создавалась марксистская концепция отечественной истории. В Государственной академии истории материальной культуры, ставшей центром гуманитарной научной мысли в начале 30-х годов, проходили дискуссии об основных закономерностях развития первобытного общества, античного мира, об общественном строе кочевников.

Особенно острые и горячие споры развернулись по проблемам начальной русской истории. В. В. Мавродин — непременный участник этих диспутов. Голос молодого ученого — а Владимиру Васильевичу было 25 лет — не теряется среди мнений известных ученых. Часто он не соглашался с ними, выступая с собственными наблюдениями и выводами. Этому способствовал и сам дух дискуссий тех лет: еще демократичный и свободный. И в дальнейшем, несмотря на то что в марксистско-ленинской исторической науке, изучающей Древнюю Русь, утвердилась концепция Б. Д. Грекова о феодальной природе общественного строя, В. В. Мавродин не раз высказывал проблемные и далеко идущие суждения на эту тему. Примером служит его статья 1939 г. «Некоторые моменты из исто-

*О В. В. Мавродине написано немало работ. Его жизненный путь и творческую биографию, а также библиографию работ о нем см.: *Дворниченко А. Ю.* Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб., 2001.

рии разложения родового строя на территории Древней Руси». Само название звучит симптоматично, ибо заостряет внимание на явлениях первобытно-общинного строя в Киевской Руси IX—XII вв., т. е. того периода, когда, по общепринятому мнению, на Руси уже безраздельно господствовал феодализм. В этой статье автор одним из первых поставил проблему варварского общества на Руси, в условиях которого имеет место борьба трех укладов — первобытного, рабовладельческого и феодального. Перспективными для науки оказались и положения о неравномерном развитии феодализма в различных районах Древней Руси, о стойкости кровно-родственных отношений и в целом о живучести патриархального уклада. Схожий подход к этим проблемам был осуществлен и в книге «Образование древнерусского государства» (1945 г.). «Генезис феодализма, — писал В. В. Мавродин, — не одноактное действие, а длительный процесс, сложный и многообразный. Здесь нет места статике, все в динамике, все в развитии. Здесь на обломках старого возникает новое, опутанное нитями старого, отживающего, цепкими нитями, но обреченными». По сути, ученый предлагал свою концепцию генезиса феодализма на Руси. К сожалению, книга не была понята современными ей историками. Появились рецензии, объявлявшие ее «путаной». Авторы их не учитывали, что здесь проблемы истории Древней Руси ставились во всей их сложности и многогранности.

Тем не менее эти идеи не заглохли. В 60-х годах формируется концепция, рассматривающая Древнюю Русь как общество переходного этапа развития от первобытности к феодализму. Она продолжает развиваться на кафедре истории СССР и по сей день учениками Владимира Васильевича и уже учениками его учеников.

В 30-е годы в исследованиях В. В. Мавродина по феодализму наметилась и другая тема — классовая борьба. Причем уже первые выступления и работы по ней свидетельствовали о широком диапазоне ее изучения: от Киевской Руси до конца XVIII столетия. Данная тематика была малоисследованной в молодой советской науке.

Ряд работ В. В. Мавродина позволил на конкретных примерах показать классовую борьбу как основной фактор исторического развития нашей страны в феодальную эпоху.

Дальнейшая разработка указанных и других проблем нашла свое выражение в монографии «Очерки истории Левобережной Украины», выпущенной издательством Ленинградского университета в 1940 г. Эта книга явилась и докторской диссертацией 30-летнего ученого. Представляется знаменательным название этой книги, в которой В. В. Мавродин как бы продолжал на новой методологической основе тематику локальных исследований средневековых русских земель — тип исследований дореволюционных историков, забытый к тому времени за спорами по общим вопросам. Таким образом, продолжалась преемственность научной мысли — то, без чего невозможно развитие науки вообще.

Своеобразная преемственность наблюдается и в разработке проблем формирования Русского государства в XIV—XVI вв., чему уделяли большое внимание профессора исторического и юридического факультетов Санкт-Петербургского университета. Монография «Образование русского национального государства», выдержавшая три издания (два из них до войны), явилась первым марксистским исследованием темы большой

важности. Молодому ученому-марксисту удалось преодолеть схематизм социологического подхода М. Н. Покровского. В дальнейшем (в первые послевоенные годы) В. В. Мавродин принял активное участие в дискуссии по проблемам образования единого Русского государства, отстаивая свою точку зрения на сложность и синтетичность этого процесса, не сводя его лишь к факторам экономического значения, учитывая его политический и национальный характер.

Научная работа Владимира Васильевича Мавродина в последние предвоенные годы была соединена с научно-организаторской и административной деятельностью. В 1938 г. он стал заведующим кафедрой истории СССР, которой он руководил в общей сложности свыше 40 лет. А в 1940 г. В. В. Мавродин был избран деканом исторического факультета. На этом посту он пробыл более 20 лет.

Руководил он факультетом и в тяжкую военную пору: вначале в блокадном Ленинграде, затем в эвакуации в Саратове. Именно в это суровое время стало отточенным перо В. В. Мавродина, страстного пропагандиста и агитатора отечественной истории. В годы войны со страниц его более чем 20 брошюр и статей зримо вставали Александр Невский, Дмитрий Донской, генерал Брусилов и другие патриоты своего Отечества, своего народа. Он часто выступал с лекциями и беседами по радио, на митингах, промышленных предприятиях, перед бойцами Красной Армии. Верой в победу над врагом было пронизано живое слово В. В. Мавродина-лектора. Оно, как и серенькие книжечки-брошюры, было обращено прежде всего к воинам Красной Армии. Характерным в этой связи является посвящение книги «Образование древнерусского государства»: «Воинам доблестной Красной Армии, богатырям земли Русской, сражавшимся за освобождение нашего древнего Киева в грозовую и победоносную осень 1943 года, посвящает автор эту книгу. 1944 г. Саратов». К слову сказать, и в будущем выдающийся исследователь и педагог совмещался в нем с талантливым популяризатором исторической науки.

Работая в первые послевоенные годы членом Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на нашей земле, он воочию увидел, сколь велики человеческое горе и культурные потери нашего народа. Но в то же время как и всякий советский человек, он должен был испытывать чувство гордости за русского солдата, за русский народ, сокрушивший фашистскую машину. Возможно, здесь и скрывались истоки нового научного увлечения Владимира Васильевича: вскоре он начинает заниматься вопросами этнического развития восточного славянства и русского народа. Первая статья «Основные этапы развития русского народа» появилась в 1950 г., а закончилось это исследование монографиями «Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности» (1971 г.) и «Происхождение русского народа» (1978 г.), кстати, изданной на нескольких иностранных языках.

С военной тематикой и давней исследовательской страстью была связана и разработка вопросов по истории огнестрельного оружия в России, истории русского судостроения, судоходства и мореходства.

Вместе с тем, что было присуще и многим ученым — историкам прошлых поколений, В. В. Мавродин параллельно с исследованием средневековой России начинает заниматься проблемами России XVIII в. — эпохи

глубоких и коренных изменений. В первую очередь, что было естественно, ученого привлек образ Петра Великого, которому он посвятил монографию, изданную в серии «Жизнь замечательных людей». Разработкой этих сюжетов В. В. Мавродин продолжил также тему классовой борьбы, но уже на завершающей стадии развития феодализма в России. Итогом более чем 20-летней исследовательской работы стал фундаментальный труд по истории грандиозной крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева, выпущенный в трех томах, из которых первый был написан Владимиром Васильевичем, а следующие — совместно с его учениками и коллегами. «Крестьянская война в России в 1773—1775 гг.» представляет собой самую солидную и самую обстоятельную историю восстания Пугачева в прошлой и современной историографии. К данному изданию примыкают и два тома курсов лекций по классовой борьбе и общественно-политической мысли в России XVIII в. Эти труды подводили определенный итог изучению классовой борьбы в эпоху феодализма, итог работы, начавшейся еще в 30-е годы.

В. В. Мавродин известен также своими теоретическими и историографическими трудами. Здесь уместно заметить, что Владимир Васильевич подходил к наследию классиков марксизма-ленинизма, касающемуся вопросов истории России, с диалектических, творческих, а не догматических позиций, имевших ранее и имеющих место сейчас в нашей исторической науке. Вдумываться в глубокий смысл написанных ими строк, анализировать их содержание и только затем делать выводы, применять их для подтверждения своих суждений — такова была последовательность работы В. В. Мавродина с произведениями Маркса, Энгельса, Ленина. Характерными являются его статьи о взглядах К. Маркса на историю Киевской Руси, Ф. Энгельса — об основных проблемах истории первобытного общества в преломлении к Древней Руси и др.

Работа над историографическими проблемами в первом томе «Крестьянской войны» и опыт совместной работы и руководства единомышленниками по науке позволили В. В. Мавродину приступить к еще одному чрезвычайно важному изданию. В 70-х годах он объединил авторский коллектив историков университета и Ленинградского отделения Института истории СССР в работе над очерками по советской историографии и источниковедению Киевской Руси. В результате вышли две монографии, исчерпывающим образом отразившие изучение Древней Руси, не имевшие аналогов в науке.

Любовь к Ленинграду — городу его юности, мужания и зрелости — воплотилась в ряде исследований Владимира Васильевича по истории Петербурга. Особенную известность и популярность приобрела его книга «Основание Петербурга». Он является автором глав многих обобщающих и краеведческих работ, посвященных Петрограду—Ленинграду. Будучи благодарным Ленинградскому университету, где он стал ученым и педагогом, Владимир Васильевич считал своим долгом рассказать и о его истории и современной жизни, о событиях, происходивших в его стенах, очевидцем многих из которых он был за шесть десятилетий. Выходом «Очерков истории Ленинградского университета», редактором которых он был, университанты разных поколений обязаны ему. С именем В. В. Мавродина связано и начало выпуска журнала «Научный бюллетень» (с 1946 г. переименован в «Вестник Ленинградского университе-

та») — в 1944 г. он стал во главе издательской деятельности ЛГУ, будучи назначенным главным редактором издательства.

Но не только книги остались памятью о Владимире Васильевиче. В нем сочеталась удивительная гармония университетского ученого и университетского педагога. Если первое подтверждается его более чем 360 печатными работами, среди которых 29 монографий и 17 учебников и учебных пособий (в том числе изданных на 10 иностранных языках), то второе — тысячами учеников, работающих по всей стране, среди которых около 50 кандидатов и 9 докторов исторических наук.

Обаяние В. В. Мавродина в общении со студентами, коллегами, просто знакомыми и незнакомыми людьми было так велико, а научная профессиональность была так высока, что это отмечали даже обычно сухие строчки служебных характеристик. Так, в 1946 г. писалось, что «большая эрудиция, широкий научный диапазон, высокий идейно-политический уровень в сочетании с педагогическим мастерством поставили В. В. Мавродина в ряд самых любимых и наиболее популярных профессоров Ленинградского университета». А ровно через 30 лет отмечалось, что он «является опытным и любимым студентами педагогом», что его научные работы «снискали большую популярность советского читателя, пользуются заслуженным признанием среди советской педагогической общественности». Следует добавить и то, что его отношения с учениками никогда не носили характера навязывания своих мнений. Широко мысливший ученый, он давал простор для мысли и своим ученикам. «Тот ученый, который считает свою точку зрения единственно правильной, перестает быть ученым», — не уставал повторять Владимир Васильевич.

В. В. Мавродин был крупным организатором научно-исследовательской работы в ЛГУ, Ленинграде, в стране. Долгое время он руководил Головным советом по историческим наукам Минвуза РСФСР. За научные и педагогические достижения в 1968 г. ему было присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки РСФСР.

Однако научная и педагогическая работа не были тем кругом, которым замыкалась деятельность Владимира Васильевича. Много сил и энергии он отдавал общественной работе. Он неоднократно избирался членом Василеостровского райкома КПСС, депутатом Василеостровского райсовета. В 60-х годах являлся членом жюри Всесоюзного комитета по Ленинским премиям, входил в состав национального Комитета советских историков.

Человек исключительной душевной щедрости и теплоты, согревавшей всех, кто соприкасался с ним, большой житейской мудрости — таким был Владимир Васильевич Мавродин.

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Воинам доблестной Красной Армии,
Богатырям земли Русской,
Сражавшимся за освобождение нашего
Древнего Киева
В грозовую и победоносную осень 1943 года,
Посвящает автор
Эту книгу

г. Саратов
1944 г.

Проф. В. В. МАВРОДИН

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД
1945

Глава I

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯН

«Во мнозех же временах сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И о тех Словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше, на котором месте».[1]

Так повествует о прародине славян и о расселении славянских племен древнерусский летописец. Старинные смутные предания, передававшиеся из уст в уста, а быть может, и документальные материалы, говорящие о давнем жительстве славян по Дунаю, заставили летописца усматривать в дунайских землях прародину славян. С тех пор как были написаны эти строки летописи, прошло много столетий. Вопрос о происхождении славян интересовал средневековых хронистов и летописцев, византийских, римских и германских историков, географов, политических деятелей, католических и православных монахов, арабских и персидских путешественников, слагателей скандинавских саг и анонимных авторов древнееврейских источников.

Могущественный и многочисленный славянский народ с оружием в руках, под звон мечей и пение стрел, вышедший могучей поступью на арену мировой истории и распростерший владения свои на огромное пространство от лазоревых вод Адриатики и прибрежных скал Эгейского моря до дремучих лесов верховьев Оки и Днепра, от покрытых туманом берегов Балтики и залабских лесов и полей, от прозрачных озер и холодных скал Карелии до залитых солнцем черноморских степей, не мог не приковать к себе внимание Запада и Востока.

И если заброшенными где-то далеко на севере «венедами» державный Рим только интересовался, то могучий натиск славян заставил византийских и западноевропейских писателей VI—VII вв. с тревогой искать ответа на вопрос: откуда взялись эти высокие, русоволосые, сильные и воинственные варвары, с копьями, мечами и луками со стрелами покорившие целые страны, гоня перед собой прославленные войска «ромеев», и как с ними бороться?

Этот натиск славян и продвижение их все дальше на юг и запад, когда славянские дружины дошли до Морен, Италии, Малой Азии, Африки и Испании то в качестве самостоятельного войска, то в качестве союзных и наемных отрядов, заставили историка готов Иордана констатировать, что «теперь по грехам нашим они свирепствуют повсюду», а императора Константина Багрянородного с грустью заметить, что «вся страна» (Византия) ославянилась.[2]

Современники этой эпохи «бури и натиска» славянства оставили нам свои труды. Неясные отрывочные сведения о славянах, домыслы, пересказы, записи со слов очевидцев, собственные впечатления, попытки по-своему осмыслить разные легенды, предания и сообщения — вот что представляют собой произведения античных, греко-римских, византийских, западноевропейских и восточных писателей I—VII вв. Скудны сообщаемые ими сведения, темна и неясна древнейшая история народов славянских, но тем ценнее каждый незначительный эпизод ее, запечатленный в труде древнего автора, каждая особенность славянской жизни, быта, культуры, отразившаяся в письменном источнике, каждый заржавленный изломанный серп, полуистлевший кусок ткани, простенькое украшение, добытое трудом археолога, тем ценнее следы древних славянских языков, обнаруженные кропотливой работой лингвиста в современной речи, в топонимике, в надписях, в произведениях далеких, давно прошедших веков.

В эпоху славянских войн и походов, вторжений и завоеваний, передвижений и переселений о славянах говорили и в Византии, пышной, великолепной, блестящей Византии, наследнике и преемнике Рима, и в полуразрушенном варварами и ими же варваризированном «вечном городе» Риме, в монастырях, замках и городах пестрой и многоплеменной, полуварварской-полуфеодальной Западной Европы, напуганной появлением славян у Фульского монастыря, в лесах Тюрингии, в прирейнских землях, и в городах мусульманского Востока, в Закавказье, в Малой и Средней Азии, где ученые арабские географы, путешественники, поэты и купцы повествовали о «сакалибах» и «русах», совершавших отважные походы на города Закавказья, пробиравшихся со своими товарами и на Каму, и в далекий Багдад.

Не оставили воспоминаний о первых страницах своей истории лишь сами славяне, храбрый и мужественный, великий и трудолюбивый славянский народ. В годы славянских завоеваний они еще не знали письменности, не могли записать даже те полулегендарные сказания о начале славянского народа, которые передавались из уст в уста. По туманным, сказочным преданиям восстанавливали начальные страницы истории своих народов славянские летописцы и хронисты, наивными домыслами и собственной фантазией искажая и приукрашивая то немногое, что им было известно. И недалеко ушли от них первые историки славянства XVI—XVII вв., повторявшие и развивающие фантастические рассказы своих предшественников. Да и можно ли предъявлять требования к тем, кто писал во времена, когда историческая наука еще находилась в младенческом состоянии!

Лишь конец XVIII и начало XIX вв. можно назвать временем, когда вопрос о славянстве был поставлен на научную основу. Это было время создания и развития индоевропейской теории, наложившей отпечаток и определившей в значительной степени дальнейшее развитие не только лингвистики, но и истории, археологии, этнографии и антропологии. И немало прошло времени с той поры, пока наконец передовые ученые, занимавшиеся разными областями общественных наук, не начали освобождаться от индоевропейского пленения и высказывать новые, свежие мысли. Я не собираюсь отрицать той роли, которую сыграла индоевропейская теория, в частности в области изучения и классификации языков, не собираюсь оспаривать целый ряд ее весьма серьезных и неоспоримых

достижений, но должен отметить, что современная наука о языке, современные история, археология и другие сопредельные области знаний уже во многом опередили ее и ушли вперед.

Ушел далеко вперед и вопрос о происхождении славян. Мы не будем выводить их из предгорий Кавказа или степей Средней Азии или заставлять совершать фантастические передвижения по Европе. Уже давно начали раздаваться голоса об автохтонности славян в Европе, и в частности, на тех местах, которые и поныне занимают некоторые славянские народы. Высказывавшие эти суждения лингвисты и историки, археологи и антропологи с большой убедительностью анализировали всевозможного рода источники, и постепенно новая точка зрения стала завоевывать все большее и большее число сторонников.

Так, например, Забелин в своей «Истории русской жизни» высказывает взгляды, значительно отличающиеся от теорий тех историков, для которых история народов — сплошной калейдоскоп непрерывных передвижений, переселений, истреблений, вытеснений одной народности другой в пределах определенной области. Он писал: «Уступая, однако, здравому смыслу, историки-исследователи, для более здравых объяснений этого передвижения народов, выработали сокращенные, но почти у всех одинаковые рассуждения, вроде следующих: „Вероятно, остатки скифов были потом вскоре частью истреблены сарматами, частью прогнаны назад в Азию, частью же, наконец, совершенно сошлись с сарматами“. Исчезло в писании имя Роксалан — „можно догадаться, что одних из них истребили готы, а других гунны, а что осталось то того, то поспешило соединиться с родичами своими аланами. Аланы северные, когда исчезли и куда девались, неизвестно, а южные ушли за гуннами или на Кавказ“ и т. д. Так всегда очищается место для появившегося вновь народного имени, когда исчезает из истории старое имя. Известно, что в XVI и XVII столетиях Русь в Западной Европе стала называться Московией, а русские — московитами. Явился, следовательно, новый народ — москвичи, а Русь внезапно исчезла, оставив небольшой след только в юго-западном углу страны, у Карпатских гор. Если бы это произошло за десять веков назад, не в XVI, а в VI или V в., откуда так мало сохранилось свидетельств, то исследователи имен, конечно, объяснили бы исчезновение Руси теми же самыми словами, как объясняли исчезновение скифов».[3]

Я позволил себе привести такую длинную цитату только потому, что в ней отражена глубокая по содержанию и оригинальная по форме мысль, с которой трудно не согласиться.

Правда, восстав против теории сплошных переселений, все и вся объясняющих в истории народов, Забелин оказался способным только на то, чтобы огульно отнести все племена глубокой древности к славянам, совершив таким образом не менее грубую ошибку, нежели его противники. Приблизительно на той же позиции стоял и Иловайский в своих «Разысканиях о начале Руси».

Заслугой обоих историков, несмотря на ненаучность многих их выводов, натянутость доказательств и фантастичность теорий, является то, что они одними из первых выступили против миграционной теории.

Говоря о переселении народов, трудно отказать себе в удовольствии привести одно яркое и красочное место из популярной брошюры академика А. Н. Толстого «Откуда пошла русская земля».

«Движение народных масс подобно морским волнам — кажется, что они бегут издалека и разбиваются о берег, но вода неподвижна, лишь одна волна вызывает взлет и падение другой. Так и народы в своей массе обычно неподвижны, за редким исключением; проносятся тысячелетия над страной, проходят отряды завоевателей, меняются экономические условия, общественные отношения, племена смешиваются с племенами, изменяется самый язык, но основная масса народа остается верной своей родине».

Вытекает ли из этого, что современная советская наука должна отрицать переселения, передвижения, миграции и сводить все дело к трансформации, эволюции этноса, к «перевоплощению» одного народа в другой? Отнюдь нет. Термины «переселение племени», «передвижения племен и народов», даже так пугавший еще не так давно историков «школы» М. Н. Покровского термин «великое переселение народов» имеют такое же право на существование в науке, как и термины «автохтонность», «скрещение племен», «смешение этнических начал» и т. д. и т. п. Ведь совершенно ясно, что народы передвигались, переселялись, расселялись в различных направлениях в самые различные эпохи и не только на памяти письменной истории, но и в глубокой древности, когда, собственно, не было еще народов, а существовали лишь союзы племен, племена, родовые группы и первобытные орды. В исторические времена словенцы появились на берегах Адриатического моря, сербы и болгары — на Балканах, а русские — в Заволжье, на Урале, в Сибири и Средней Азии. Никто не вздумает утверждать, что словенцы являются потомками «скрещенных» с туземными автохтонными варварскими племенами Иллирии римлян, а русские в сибирской тайге и тундре — «перевоплотившимися» в русских палеоазиатами и тунгусо-маньчжурами. Так же точно, как русские на Кавказе отнюдь не могут считаться продуктом «индоевропеизации» в результате дальнейшего развития производственных отношений, а следовательно, мышления и языка, населения с более архаической «яфетической» речью.

Мы знаем примеры и более древних переселений. Никто теперь не станет отрицать, что Америка заселена выходцами из Азии и, быть может, частично из Океании. Нам известно, что малайцы появились на Мадагаскаре не в результате перевоплощения автохтонов, а океанских переселений этого отважного народа мореходов. Можно считать установленным заселение Океании в более позднее время народами иного, по-видимому полинезийского, происхождения, вытеснившими древних негроидов Океании, создавших высокую культуру. Мы знаем, как Центральная Азия — инкубатор народов — выбрасывала волны кочевников-гуннов, тюрок, монголов, доходивших почти до Атлантического океана и создававших новые этнические массивы на территории Европы, как те же процессы отодвигали окраинное население Азии на восток, на острова Океании и привели меланезийцев на остров Пасхи (Рапа-Нуи). Нам известно, что в эпоху, очень отдаленную от нас, человек заселил Австралию и Тасманию. Мы можем проследить передвижения племен на огромном пространстве «Черного материка» (Африки), приведшие к тому, что одни племена были загнаны завоевателями в нездоровые дебри тропических лесов Центральной Африки (пигмеи: акка-акка и др.), а другие ушли в безводную и мертвую пустыню Калахари (бушмены). Нам известно, что население европео-

идного типа несколько тысячелетий тому назад обитало в Средней Азии и Сибири и заходило далеко на восток, туда, где спустя некоторое время жили лишь монголоиды. Нам теперь известны пути и примерно время проникновения монголоидов в Европу, в начале на север, а затем и на юг ее. Мы знаем, как заселял человек эпохи палеолита и неолита материк Европы и частично Азии. Мы знаем, как передвигались на юг, в Иран и Индию, «арии» — предки иранцев и индусов.[4] Я не считаю необходимым отрицать даже передвижения европеоидов с индоевропейской речью из Азии в Европу в разное время и в разной форме, пример чему мы можем усмотреть в несомненном передвижении из Средней Азии каких-то скифских кочевых племен в причерноморские степи.

Таким образом, нет никакой необходимости в отрицании переселений и передвижений племен и народов, расхождений и схождений языков и культур. «Переселение народа» — не жупел, которым можно пугать.

Несмотря на это, мы все же прежде всего будем искать древнюю прародину славян (я позволю себе употребить этот термин, понимая под ним древнейшую территорию основного очага славянского этногенеза, как он намечается по памятникам материальной культуры, данным языка, топонимике и отрывочным сведениям письменных источников, дошедшим до нас от того времени, когда впервые можно говорить о праславянах или протославянах), и искать ее именно в тех местах, где застают славян первые исторические сведения о них.

Н. Я. Марр замечает:

«В формации славянина, конкретного русского, как, впрочем, по всей видимости, и финнов, действительное историческое население должно учитываться не как источник влияния, а творческая материальная сила формирования...».[5]

Древнейшее население Европы в процессе общественного развития, передвижений и скрещений, в процессе эволюции быта, мышления и языка выковывает и формирует, эволюционируя, впитывая в себя пришлые элементы и выделяя из своей среды племена и группы, в определенное время покидающие свои насиженные места, для того чтобы включиться в этно- и глоттогонический процесс в другом месте, с другими, ранее с ними не связанными племенами, этнические объединения более поздних времен и принимает участие в формировании и славянства, и финнов, и литовцев, и угорских и тюркских народов. Ибо нет и не может быть «расово чистых» народов, нет и не может быть совпадения рас и языков, нет и не может быть «этнически чистых» племен, народностей и наций.

И в формировании современного славянства приняло участие множество племен глубокой древности; тех, кого уже знают древние греческие и римские историки и географы, и тех, которые сошли со сцены еще до того, как варварская Средняя и Восточная Европа стала известной писателям древности.

На первый взгляд, отнесения ряда племен к непосредственным предкам славян кажется натянутым, но «что понимать под племенем? Тварей одного вида, зоологический тип с врожденными ab ovo племенными особенностями, как у племенных коней, племенных коров? Мы таких человеческих племен не знаем, когда дело касается языка».[6]

А язык — основа народности, добавим мы от себя. Подобно тому как «нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этру-

сков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать и об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен»,[7] так и в гораздо более древние времена более обширные группы племен — германцы, славяне и другие — впитали в себя и ассимилировали десятки и сотни мелких племен, как протогерманских, протославянских, так и ставших германцами и славянами в силу включения их в очаги германского и славянского этногенеза в результате экономических, политических и культурных связей, ибо «когда говорят о конкретном племени (а не об отвлеченном племени-примитиве), то это определенное скрещение ряда племен...».[8]

Основная линия этногенеза идет от дробности к единству, не к расчленению единого пранарода с определенными ab ovo сложившимися антропологическими и языковыми устойчивыми и неизменяющимися особенностями, а к объединению этнических, слабо связанных между собой образований в великие семьи народов. Это отнюдь не исключает того, что сближение происходит и в отдаленные, и в более близкие нам времена чаще всего между племенами, близкими друг другу по образу жизни, уровню общественного развития, быту, языку, культуре, что имеют место расчленения, расхождения, разъединения, выключения племен, их частей или групп племен из этногонического процесса, их переселения и передвижения, колоризация ими других племен или ассимиляция, все новые и новые дробления, перемещения и скрещивания.

Целые народы меняют свой язык на язык пришельцев (так, русскими по языку стали меря, весь, мурома, голядь, племена восточно-финского и литовского происхождения) или начинают говорить на языке аборигенов края (так, тюрко-яфетиды, болгары из орд Аспаруха, стали славянами). Старые этнические термины обозначают новые народности, а новые наименования обозначают потомков автохтонного населения. Меняется антропологический тип, и в основном длинноголовое население полей погребальных урн и раннеславянских курганов сменяется круглоголовым населением великокняжеских, киевских времен. И каждое современное этническое образование является продуктом чрезвычайно сложного процесса схождения и слияния, дробления и распада, перерождений и переселений, скрещений и трансформаций разнообразных этнических, т. е. языковых, расовых и культурных элементов. Из этих позиций мы и исходим, приступая к вопросу о происхождении славян.

Не только в глухих болотистых лесах Немана, у побережья туманной Балтики, не только на северных склонах Карпатских гор родился и вышел на арену мировой истории великий народ славянский. Его колыбелью была несравненно более обширная территория, а временем начала его формирования была не эпоха Плиния, Тацита и Птоломея, а гораздо более отдаленные века, времена бронзы и даже позднего неолита.

Уже за 3000 лет до н. э. племена неолитической Европы делились на охотничье-рыболовческие и земледельческие. Первые населяют почти всю лесную полосу Восточной Европы до Подесенья, северной части Среднего Поднепровья, левобережной Припяти и Немана. Следом их обитания являются поселения с так называемой «ямочно-гребенчатой керамикой». Вторые занимают обширные пространства от Франции до Днестра, Среднего Днепра и Дуная. В это время племена неолита от Атлантики

до Днепра переходят от собирательства к земледелию и начинают осваивать не заросшие лесом лёссовые и черноземные пространства. Складывается «культура ленточной керамики». На востоке этой территории, в современных Югославии, Румынии, на Правобережной Украине и частично на Заднепровском Левобережье из однообразного этносубстрата создателей «культуры ленточной керамики», примитивных землевладельцев неолита, выделяются племена с высокой и своеобразной культурой. Этот юго-восточный вариант «культуры ленточной керамики» хорошо известен по памятникам «трипольской культуры». Здесь ранее, чем в других районах, появляется знаменитая «трипольская керамика», весьма совершенная и искусно раскрашенная, наземные постройки в виде больших длинных домов, первые изделия из меди и т. д.[9] Создатели «трипольской культуры» занимались мотыжным земледелием так называемого «огороднического» типа, возделывая просо, пшеницу, ячмень. В раннетрипольское время примитивное мотыжное земледелие было ведущим. Земледелие сочеталось со скотоводством, носившим пастушеский характер, причем разводился главным образом крупный рогатый скот, и только позднее, в позднетрипольское время, наряду с рогатым скотом появилась недавно приручённая лошадь. Скот разводился только на подножном корму, и никаких заготовок сена не было. По мере необходимости и в момент опасности скот загонялся на площадь внутри поселения. Охота и рыбная ловля, особенно последняя, играли второстепенную роль.

Трипольцы были оседлым земледельческим населением. Их поселки располагались у воды, но при этом не всегда избирались берега больших рек, а зачастую трипольцы довольствовались небольшим ручейком, текущим по дну степного оврага. Это обстоятельство отчасти и обусловливало слабое развитие рыболовства. Оседлость трипольцев способствовала развитию гончарного искусства и созданию знаменитой расписной трипольской керамики.

Носители трипольской культуры вели первобытное коллективное хозяйство и жили матриархально-родовыми группами, общинами, состоявшими из отдельных брачных пар.

Позднетрипольские племена отходят от мотыжного земледелия. Усиливается значение скотоводства и охоты. Главным домашним животным вместо крупного рогатого скота становится лошадь. Вместе с ростом скотоводства наблюдается и естественный результат этого явления — большая подвижность населения. Время от времени в некоторых местах начинаются переходы с места на место. Ухудшается керамика. Исчезают большие дома и их место занимают семейные землянки. Поселения трипольцев этой поры уже определенно локализуются главным образом на низменных левых берегах степных и лесостепных рек. Наблюдается переход к патриархально-родовым отношениям. Появляются и распространяются первые украшения и орудия из меди и бронзы. Начинаются межплеменные войны. Возникают укрепленные поселения-городища.

Нам неизвестны племенные названия создателей трипольской культуры. Мы не можем вслед за обнаружившим трипольскую культуру В. В. Хвойко видеть в ее носителях «праславян» или «протославян», пронесших свое славянское ab ovo начало через тысячелетия, вплоть до времен образования Киевского государства; но не связывать эти земледельческие оседлые племена, к которым генетически восходит ряд племен

Приднепровья, с позднейшими славянами также не представляется возможным. Несомненно, что создатели трипольской культуры приняли в какой-то мере участие в формировании славянства.[10] Трипольская культура связывала население Приднепровья, с одной стороны, с западом, с Подунавьем, с протоиллирийцами, с племенами культуры «ленточной керамики», с другой — с Балканами, с протофракийцами, племенами культуры «крашеной керамики», со Средиземноморьем.

Несколько более высокое развитие культуры трипольцев, выделяющее их из числа других неолитических земледельческих племен, может быть объяснено влиянием со стороны цивилизаций Восточного Средиземноморья, так ярко сказывающимся на культуре древних фракийских племен. И прямые потоки трипольцев могли во многом отставать от своих предков, вступив в иную стадию развития и потеряв связи с культурами Восточного Средиземноморья, в частности — с крито-микенской культурой. Подобные явления частичного регресса имели место и позднее и, как это будет указано мной далее, даже в отношении приднепровского славянства. Ибо история представляет собой не непрерывное восхождение народов, а сложное переплетение прогресса и упадка, эволюции и революционных скачков, зигзагов и извилин, взлетов и падений.

Племена лесной полосы Восточной Европы создают культуру «ямочно-гребенчатой керамики» (3000—1000 лет до н. э.). Эта культура принадлежит рыбакам и охотникам, жившим родами, объединенными в племена, в поселениях, не знавших укреплений, причем зимой жильем служила землянка, а летом шалаш. Господствовали матриархальные отношения. Мне кажется, что большинство племен лесной полосы Восточной Европы в дальнейшей своей эволюции дало литовские и главным образом финно-угорские племена, но несомненно, что и племена культуры «ямочно-гребенчатой керамики», скрещиваясь и смешиваясь с земледельческими племенами, обитавшими от них к югу и западу, которых можно было бы назвать протославянами по преимуществу, также могут претендовать на славян как на своих потомков. В этом отношении представляет большой интерес разительное сходство керамики славянских городищ роменского типа, явно северного, задесенского, лесного происхождения, с ямочно-гребенчатой, что, быть может, говорит о генетических связях носителей обеих культур.[11]

К сожалению, нам неизвестен антропологический тип трипольцев. Слабо представлены антропологическими находками и создатели культуры «ямочно-гребенчатой керамики». В костных остатках последних встречаются как долихоцефалы европеоидного типа (коллекции Иностранцева), так и метисы европеоидно-монголоидного типа (Олений остров).

Это объясняется своеобразной формой погребения покойников, которые хоронились либо на поверхности земли, либо в домиках-ящиках, либо в ящиках или свитках из коры на помостах или деревьях («на старом дубе» или «вершине березы» мордовского эпоса), что имело место до недавней поры в Поволжье и в Сибири. Конечно, от таких погребений до наших времен не осталось ничего, и восстановить антропологический тип населения той далекой поры так же невозможно, как и попытаться из пепла раннеславянских урн и кострищ воссоздать облик сожженного на костре покойника.[12] Конечно, можно предположить, что создатели культуры «ямочно-гребенчатой керамики» знали различные формы погребений.

Позднее, между 2500 и 1800 гг. до н. э. (датировка, конечно, неточная), к началу эпохи бронзы, на основе неолитических культур в Центральной Европе выделяется группа племен, создателей так называемой «шнуровой керамики» и могильных каменных ящиков (кист) с шаровидными амфорами. Она охватывает южную часть Среднего Приднепровья и частично Нижнее Приднепровье, побережье Черного моря до Днестра, Бессарабию, Буковину, Прикарпатье, течения Вислы, Одера, Эльбы, заэльбские земли и побережье Балтийского моря. Заходит она и дальше на восток. Культура «шнуровой керамики» создана была различными племенами (в том числе не земледельческими, а скотоводческими) и не является этнической особенностью. Об этом говорит наличие на территории распространения культуры «шнуровой керамики» различных погребальных обычаев.

Среди племен, населявших эту обширную область, были и племена, создавшие впоследствии так называемую «лужицкую культуру», хотя эта последняя генетически не увязывается с культурой «шнуровой керамики».

Можно считать установленным, что «лужицкая культура», охватывающая как раз те области от Эльбы и Верхнего Дуная до Среднего и Нижнего Поднепровья и от Балтики до Карпат и Черного моря, где в исторические времена выступает славянство, генетически связывается с уже бесспорно славянской культурой без какого бы то ни было разрыва. Важно отметить и то обстоятельство, что связывающая лужицкую с собственно раннеславянской культурой культура «полей погребальных урн», характеризуемая (особенно на юге) так называемыми «провинциально-римскими элементами», в первые века эры на востоке доходит до Среднего Приднепровья.[13]

Это подчеркивает общность этногонического процесса на огромной территории распространения «лужицкой культуры», являющейся одновременно областью расселения славянских племен первых письменных источников. Случайно ли это обстоятельство? Отнюдь нет.

Несомненным для нас является тот факт, что в эпоху позднего неолита и бронзы, на низшей стадии варварства, у ряда земледельческих племен, сохранивших следы древности зарождения у них земледелия и своей этнической близости в общности земледельческих терминов в своих языках, на огромной территории в Центральной и Восточной Европе начинают складываться общие черты.[14]

Нет никакого сомнения в том, что славянское единство развивалось на основе древней земледельческой культуры. Тщательный анализ земледельческих терминов во всех славянских языках дает возможность говорить об их удивительной близости, больше того — о тождестве, несмотря на огромные расстояния, отделявшие славянские народы один от другого. Так, например, термин «жито» от глагола «жить» существует во всех славянских языках в обозначении главного рода хлеба, бывшего основным продуктом питания, и обозначает рожь, ячмень, пшеницу, а у резян — даже кукурузу. Слово «обилие» означает богатство вообще и одновременно урожай хлеба, хлеб собранный, хлеб на корню и хлеб вообще. Слово «брашьно» («борошно») означает и имущество, и еду вообще, и, в частности, муку.

Приведенное свидетельствует о том, что у древних славян в эпоху их первоначальной близости земледелие играло решающую роль, так как

термины, означающие богатство, имущество, даже самое жизнь, взяты из земледельческой терминологии и обозначают хлеб как главную пищу, имущество и средство к поддержанию жизни.

Кроме того, мы можем сделать вывод о древности земледелия и о тесной связи славянских племен между собой в период зарождения у них земледелия. На это указывает общность сельскохозяйственных терминов.

Названия целого ряда злаков, а также обозначение земледельческих орудий носят общеславянский характер — «пьшеница» (пшеница), «пьшено» (пшено), «овос» (овес), «зръно» (зерно), лен и др. Общеславянскими терминами являются «орати» (пахать), «сеять», «ратай» (пахарь), «нива», «семя», «ролья» (пашня), «ляда», «целина», «угор», «перелог», «бразда», соха, плуг, лемех, рало, борона, серп, коса, грабли, мотыга, лопата.

Такими же общеславянскими наименованиями являются яр, ярина, озимь, озимина, жатва, молотьба, млин (мельница), мука, сито, решето, сноп, сено, жернов (жорн).

Из области огородничества мы могли бы указать на такие общеславянские названия, как горох, сочевица, лук, чеснок, репа, хмель, мак, плевел, полоть.[15]

Сопоставляя термины земледельческого хозяйства с терминами, связанными с рыбной ловлей, характерными для славянских языков, и устанавливая их общность, мы приходим к выводу, что общих слов, относящихся к рыболовству, в славянских языках очень немного (окунь, осетр, угорь, лосось — причем последние два встречаются и в других европейских языках, — уда, невод мережа) и выступают они далеко не в таком всеобъемлющем значении, как слова земледельческой терминологии.

А это свидетельствует о том, что в период формирования славянских языков из пестрых племенных языков палеоевропейцев рыбная ловля не имела решающей роли и примат в хозяйственной деятельности принадлежал земледелию.

И в этой связи невольно вновь обращает на себя внимание слабое развитие рыбной ловли у земледельцев-трипольцев.

Все указанное свидетельствует о том, что славянские языки формировались в котле славянской этно- и глоттогонии в землях, население которых не было по преимуществу рыбаками. Бросаются в глаза в то же самое время рыболовческий характер занятий неолитических племен лесной полосы Восточной Европы, создателей культуры «ямочно-гребенчатой керамики», и незначительная роль рыбной ловли у оседлых земледельческих племен Триполья и их преемников, которые со своими поселениями даже не выходят на берега крупных рек. Это свидетельствует о земледельческом характере древних протославян, выкристаллизовавшихся из массы палеоевропейских племен в конце неолита. Позднее они, распространяя свое влияние и расселяясь на север и северо-восток, включили в свой состав и, ассимилируя, славянизировали одних потомков племен рыбаков неолита лесов Восточной Европы, создателей культуры «ямочно-гребенчатой керамики», тогда как другие потомки этих племен продолжали развиваться независимо или в очень слабой зависимости от славянства, оформляясь в восточно- и западнофинские племена, сохраняющие в своих языках некоторые общие со славянскими элементы, вос-

ходящие к речи праевропейцев времен легендарной, доисторической «чуди» былин и преданий.

О земледельческом характере хозяйства славян говорит и древнеславянский календарь, сохранившийся у украинцев, белорусов, поляков и других славянских народов.

В январе подрубают, секут деревья. Отсюда название месяца — с е ч е н ь (січень, styczen). В следующем месяце они сохнут на корню. Этот месяц называется с у х о й (февраль). Затем сухостой рубят и сжигают, на корню, и деревья превращаются в золу. Этот месяц, соответствующий марту, носил название «б е р е з о з о л». Затем идут: кветень (апрель), когда травой покрываются луга и поля и наступает время цветения; ч е р в е н ь (июнь), л и п е н ь (июль), когда цветут липы и рои диких пчел усиленно собирают мед, добываемый в бортях; с е р п е н ь (польское sierpien), или ж н и в е н ь (август) — начало уборки урожая, когда основным орудием становится серп; в р е с е н ь (польское wrzesien, т. е. сентябрь), когда начинают молотить (от «врещи» — молотить); наконец, ж о в т е н ь — время, когда в золото одеваются лиственные леса; л и с т о п а д (ноябрь) и г р у д е н ь, или с н е ж а н ь (декабрь), когда замерзшая земля превращается в «грудки» (комья) и ровной пеленой ложится снег. Древний календарь славян не вызывает сомнений в том, что земледелие было основой хозяйственной жизни славян во времена седой древности.

Но он позволяет нам сделать и некоторые другие выводы. Во-первых, мы можем утверждать, что древнеславянское земледелие было подсечным и возникло не в степях, а в лесной и лесостепной полосах.

Во-вторых, совершенно очевидно, что областью славянского земледелия в весьма отдаленную от нас эпоху были не юг и не север Европы, а именно центральная лесная и лесостепная полосы, где в апреле буйно зеленеют луга, поля и нивы, где липа цветет в июне, где в августе убирают созревший хлеб, в сентябре молотят, в октябре желтеет листва, в ноябре падает лист и оголяются деревья, в декабре смерзается земля, еще не везде покрытая снегом, в январе начинаются трескучие морозы и звенят под ударами топора лесные исполины, в феврале еще «лютуют» морозы (украинское «лютый», польское «luty», т. е. «лютый»), а в марте готовят под пашню выжженный лес, где едва ли не преобладающим деревом была береза («березозол», «березень»). Это не дремучие хвойные леса далекого севера, не южная степь, а область смешанных и лиственных лесов, тянущаяся в центральной полосе Восточной и Средней Европы. Нам кажется, что общность земледельческих терминов в различных славянских языках, древний земледельческий календарь, соответствующий чередованию различных сельскохозяйственных работ, — явления очень древнего порядка, реликты давней эпохи. Именно в эту эпоху в Центральной и Восточной Европе зарождаются и развиваются культуры, распространенные там, где позднее появляются славянские племена, и эти культуры, близкие между собой, отличаются от соседних культур.

Итак, средой, в которой начинает устанавливаться этническая, т. е. языковая, бытовая и культурная общность, общность, которую можно именовать зарождением славянства, была среда земледельческих племен лесной и лесостепной полос Восточной и частично Центральной Европы.

Эта среда возникает на основе однородного типа хозяйства, быта, культуры. Но однородность хозяйства сама по себе еще не обусловли-

вает этнической общности, и на основе земледелия на огромном пространстве от Атлантики и до днепровского Левобережья развилась разноликая культура многочисленных неолитических палеоевропейских племен.

Различные по хозяйственному укладу племена могут говорить на родственных языках (финны-суоми-земледельцы и охотники и оленеводы лопари-саамы, тюрки-кочевники и тюрки-земледельцы и т. п.), а народы, занимающиеся одним и тем же видом хозяйственной деятельности, говорят на различных языках.

Примеры подобного рода буквально бесчисленны. Племена неолита пестры и разнообразны. Они живут изолированно, каждое на своем пространстве, на своей земле, которую оно рассматривает как условие своего существования и охраняет от соседей, в которых чаще всего видит только врагов. Они говорят каждое на своем языке, придерживаются своих обычаев, хотя и сходных с обычаями соседей.

Только на определенной стадии племена начинают объединяться, и устанавливается этническая общность. Причина этого явления заключается в росте населения, все чаще и чаще происходящих мирных и военных столкновениях между различными племенами, в освоении человеком все большего и большего количества земель, что ставит племена в более тесное соприкосновение друг с другом. Для ведения совместных войн и охраны своих земель и имущества складываются союзы племен. В процессе этих войн пленных перестают убивать. Их берут в род, в племя, и они, естественно, передают победителям элементы своего языка и культуры. В процессе расселения, складывания военных союзов, столкновений, войн и торговли усиливается общение племен друг с другом и вместе с этим происходит языковое и культурное взаимопроникновение, ассимиляция.

Так представляется нам общий путь складывания крупных племенных образований, в основе которых лежит языковая общность или близость. И когда мы ставим вопрос о происхождении славян, мы, собственно говоря, допускаем ошибку, так как подобного рода постановка проблемы недопустима. Славянство в своих ab ovo корнях такое же древнее, как и человечество, и реставрируя гипотетических предков славян, мы дойдем до неандертальца. Поэтому на вопрос, когда же складывается славянство, мы должны прежде всего ответить вопросом: а о какой стадии формирования славянства будет идти речь?

Я считаю, что правомерным будет говорить о славянстве с той поры, когда можно будет констатировать наличие общности в быту и прежде всего — в языках группы племен, и эта общность будет роднить данную группу с историческим славянством. И это общее в своем первоначальном, исходном протославянском варианте (исходном, конечно, в смысле начально-славянском), в своих корнях, мы усматриваем уже в группе формирующихся и как-то отличающихся уже по особенностям хозяйственной деятельности, по культуре, быту, языку (что находит отражение в топонимике) позднеолитических племен, которые мы можем назвать группой славянизирующихся племен, уже выделяющихся из пестрого массива древних праевропейцев.

Это — первая, доисторическая, дописьменная фаза формирования славянства.

Зарождается славянство. Из этого отнюдь не следует, что уже в эпоху позднего неолита славянские племена сформировались со всеми своими особенностями. «Это были пра- или протославяне, но еще не славяне».[16]

Какая-то часть этих протославянских, или праславянских, племен вышла из прародины — основного очага этногенеза и, попав под культурное и политическое влияние соседей, могла стать, например, германцами; с другой стороны, в состав славянства позднее могли войти племена, отличавшиеся в период неолита и бронзы своей культурой от праславянских племен.

Но основы этнической близости, заложенные еще в те времена, были столь прочными, что даже тогда, когда среднеднепровские праславяне попали в состав скифских племенных союзов, их этнические связи со своими западными сородичами не прервались, и их этнокультурная близость уже после распада скифской организации племен ярко проявляется в культуре «полей погребальных урн».

На курганы земледельческих племен скифов, так называемых «скифов-пахарей», живших, по Геродоту, в 10—11 днях пути от низовьев Днепра вверх по его течению, обратил внимание А. А. Спицын.[17] Огромные скифские городища, датируемые главным образом VI—V вв. до н. э. (с III—II вв. до н. э. они уже не возводились), распространены на всей территории Среднего Поднепровья, в лесостепной полосе. Некогда в древности, в начале скифской поры, в лесостепной полосе не было укрепленных поселений, и остатки таких неукрепленных поселений земледельческого населения мы можем наблюдать в виде так называемых «зольников».[18]

Позднее, когда окончательно оформилось «первое крупное общественное разделение труда» и «пастушеские племена выделились из основной массы варваров», скотоводы отделились от земледельцев, кочевники — от оседлых, когда подвижные и воинственные кочевники начали непрерывные нападения на оседлые земледельческие племена, результатами которых был увод скота и рабов, грабеж и насилия, земледельцы принялись за постройку укрепленных городищ, возведение огромных, длинных (так называемых «змиевых») валов и т. п.[19] Так возникли громадные городища скифской поры: Пастерское, Бельское и др.

Они располагаются главным образом, как ранее располагались поселения трипольцев, на берегах небольших рек, у оврагов, на дне которых текли ручьи. Интересной особенностью городищ скифской поры является их тяготение к лесным массивам, служившим естественной защитой от враждебных степняков-кочевников. Даже на опушках лесных массивов мы почти не встречаем городищ. Большая площадь городищ, обнесенных валом и рвом, достигающая нескольких тысяч гектаров, представляет собой целый заселенный район с поселением из землянок, полуземлянок и наземных жилищ, с обработанными полями, площадкой для скота и т. д. У скифских земледельческих племен существовало плужное земледелие. Возделывались просо, пшеница, лук, чеснок, лен, конопля. Несмотря на господство земледелия, у скифских земледельческих племен большую роль играло скотоводство. Орудия труда изготовлялись из меди, бронзы, а позднее и из железа.

Скифские городища довольно многочисленны, и от Днестра и Припяти до Северного Донца их насчитывается более сотни. В какой же мере

население городищ скифской поры, расположенных в лесостепной полосе Среднего Приднепровья, связано с позднейшим славянским населением этого края? Как показали раскопки ряда городищ скифской поры в Среднем Приднепровье, особенно на территории Киевщины, как то: Жарища, Матронинского, Великобудского и др., они были обитаемы со времен скифов и до периода расцвета Киевского государства. Вскрытая ими эволюция культуры земледельческого населения ведет от земледельческой скифской культуры к культуре «полей погребальных урн» времен готов, гуннов и антов, причем обе они генетически тесно связаны и последняя является дальнейшим развитием первой, затем к культуре VII—VIII— IX вв., за которой укрепился термин «раннеславянской», и, наконец, все это покрывается слоями культуры Киевской Руси XI—XII вв.

Не представляет исключения и сам Киев, на территории которого не раз находили скифо-сарматские, греческие и римские вещи: керамику, римские монеты, бронзовые и железные изделия и т. п., остатки культуры «полей погребальных урн» и, наконец, вещи «раннеславянской» поры, что свидетельствует, между прочим, о возникновении Киева как поселения еще в первых веках нашей эры, задолго до летописных Кия, Щека и Хорива.

Вещественные памятники, обнаруженные в разных слоях скифских городищ, свидетельствуют о преемственной связи славян (в хозяйстве, быту, обычаях, обрядах, в религиозных представлениях) с древнейшими обитателями этого края, а связи скифо-сарматских языков со славянскими показаны Н. Я. Марром.[20]

Недаром игравший большую роль в религии древних славян бог солнца (а это вполне понятно — земледельческий быт славян накладывал отпечаток на религиозные верования) у восточных славян днепровского Левобережья носил название «Хорс», созвучное иранскому «Хуршид», что означает солнце. Не случайно народное искусство Руси XI—XIII вв. (терракоты, «черпала», вышивки с мотивом богини) продолжает традиции скифо-сарматского искусства, а славянский идол Святовита, найденный на реке Збруч, аналогичен каменной бабе скифской поры с Нижнего Днепра и т. п. Если мы попытаемся восстановить этнографический тип скифа по описаниям и изображениям древних греков, то и тут мы должны указать на большое сходство определенной скифской этнической группы с позднейшим славянством. И связующим звеном, сближающим тип скифской поры с русским типом XI—XIII вв., а через последнего — с этнографическим русским XVIII—XIX вв., являются изображение мужчин на фибулах и мужские литые фигурки VI—VII вв. антской эпохи, найденные в Киевщине. На протяжении тысячелетий — один и тот же антропологический тип с рядом общих черт в одежде, оружии и т. д. В облике скифа, в облике анта выступает русский тип.

Понятно, почему мы считаем возможным говорить о том, что в формировании приднепровского славянства приняло участие и земледельческое скифское население I тысячелетия до н. э. Однако этого недостаточно, и мы вправе поставить вопрос о роли скифского периода в истории формирования славянства. Она очень велика.

Мы не можем не признать в скифских земледельческих племенах протославян.

Но этого мало. Дело в том, что в скифские времена складывались обширные племенные союзы оседлых земледельческих племен. Целью этих союзов являлась оборона от подвижных и сильных, воинственных и алчных кочевников. Только наличием таких крупных межплеменных образований может быть объяснено создание в лесостепи целой мощной укрепленной линии, состоящей из городищ и длинных земляных валов, относящихся к скифской поре. Эти тянущиеся на сотни километров укрепленные поселения и валы могли быть воздвигнуты только трудом многих тысяч людей, что предполагает наличие племенных союзов, так как отдельные племена не были в состоянии создавать такие сооружения.

В процессе длительной многовековой борьбы оседлых земледельческих скифских племен с кочевниками, в процессе их объединений складывалась языковая, культурная и бытовая общность. Она охватывала обширную территорию, выходящую за пределы Среднего Приднепровья.

Славянство вступало в первую историческую фазу своего формирования.

Отсюда, из глубины скифского мира, берут свое начало русско-скифские связи, так ярко охарактеризованные А. И. Соболевским и Н. Я. Марром, равно как и наименование греками отдаленных потомков скифских земледельческих племен — летописных русских — по многовековой исторической традиции «скифами» и «тавроскифами». Этим объясняются сходство антропологического типа скифа и древнего славянина, наличие у славян пережитков скифских религиозных представлений и т. п.

Около нашей эры в Поднепровье появляется культура «полей погребальных урн», возникающая несколько ранее в западных областях Центральной Европы, в районах древней «лужицкой культуры», т. е. в тех местах, где еще в конце неолита и в эпоху бронзы наметилась культурная общность, которую мы вправе назвать этногенезом протославян.

«Поля погребальных урн» охватывают Бранденбург и Лужицы, где доходят до Эльбы, Северную Чехию, Моравию, Познань, Закарпатье, Галицию и Польшу. В Восточной Европе они распространены на Волыни, Среднем Приднепровье, где «поля погребений» выходят частично на левый берег Днепра у устья Десны и южнее, в Полтавской области, в бассейне Западного Буга, где они встречаются восточнее и севернее Бреста до Гродно, а на северо-востоке северные «поля погребальных урн» доходят до верховьев Днепра.

Несмотря на сравнительно широкое распространение «полей погребальных урн» в Восточной Европе, основными их центрами на востоке являются Приднепровье и Западная Украина, где (в Чехах и Поповке) находятся древнейшие ее очаги, восходящие к неолиту и бронзе.

В лесостепной полосе Украины нанесен на карту 161 пункт находок «полей погребальных урн», датируемых только I—IV вв. н. э. Большое количество «полей погребений» датируется несколько более поздним временем.[21]

Ничем не выделяющиеся над поверхностью земли «поля погребальных урн» обнаруживаются с трудом. Они представляют собой кладбища, состоящие иногда из 600 и более индивидуальных погребений. Для культуры «полей погребальных урн» характерны сочетание трупоположения с трупосожжением и наличие урн с прахом и вещами, поставленных на глиняной площадке, напоминающей площадки Триполья. Инвентарь бед-

ный, однообразный и состоит главным образом из фибул, шпилек, бус, гребешков, подвесок, пряслиц, пряжек и т. п. Из орудий труда попадаются серпы. Оружие не встречается вовсе. Из импортных вещей попадаются стекло, краснолаковая посуда, серебряные и бронзовые украшения, морские раковины. Нередки находки римских монет.[22]

Население, обитавшее на территории «полей погребальных урн», не представляет собой, вполне понятно, единого антропологического типа, хотя преобладают длинноголовые черепа, часто встречающиеся в славянских курганах IX—XII вв.

Период зарождения и развития культуры «полей погребальных урн» был временем, когда варварская периферия находилась под воздействием Греции и особенно Рима, когда границы могущественной Римской империи в задунайской Дакии простирались на севере до Карпат, а на востоке до низовьев Днепра, когда вместе с вовлечением в торговлю с Римом, с античными городами Причерноморья и Подунавья, на север, к варварам, жившим своим племенным бытом, проникали не только римские изделия, украшения, драгоценности и монеты, обнаруживаемые в кладах древних славянских земель эпохи великого переселения народов, но и римское влияние. Торговля с Римом варварских племен, создавших культуру «погребальных урн», способствовала дальнейшему разрушению их первобытной изолированности, начавшемуся еще в эпоху позднего неолита и бронзы, их сближению между собой, втягивала в орбиту влияния Рима, создавала близость варварских племен между собой. Римское влияние шло не только по линии экономических связей; оно способствовало проникновению римской культуры в среду варварских племен. Этим влиянием объясняются предание о Трояне, отразившееся и в южном и восточнославянском эпосе, коляды, русалии, трансформировавшие древнеславянских «берегынь» в русалок, заимствование у римлян русскими меры сыпучих тел — «четверти» (26,24 литра), полностью соответствующей римскому «квадранту» (26,24 литра), появление местных подражаний римским фибулам, римской черной лощеной посуде и т. д. В борьбе с Римом складывались, рассыпались и вновь складывались обширные объединения варварских племен, в которых деятельное участие приняли славяне, начавшие эпоху политического объединения славянства, — дальнейший шаг по пути славянского этногенеза.[23]

Так, на рубеже двух эр, в первые века великого переселения народов, на огромной территории от Левобережья Среднего Днепра до Эльбы, от Поморья (Померании), Лужиц и Бреста до Закарпатья, Поднестровья и Нижнего Днепра в процессе этно- и глоттогонического объединения, на древней местной «прото»- или «праславянской» основе начинает складываться собственно славянство.

Я считаю необходимым подчеркнуть этот термин «собственно славянство», так как процесс складывания этнически однообразных массивов на стадии культуры «ленточной керамики», Триполья, «лужицкой культуры», «культуры скифов-пахарей» в силу архаических форм объединения может быть назван процессом складывания «прото»- или «праславян», тогда как во времена «полей погребальных урн» славянство в собственном смысле этого слова выступает уже в исторических источниках.

Этногенез славянства распадается на ряд этапов, отличающихся между собой тем, что каждый последующий этап имел место во времена более

высокого уровня развития производительных сил, производственных отношений, быта и культуры, что и определяло более совершенную стадию этнического объединения. Культура «полей погребальных урн», уже несомненно раннеславянская, подвергшаяся значительному воздействию ри́мской цивилизации на всей территории распространения «полей погребений», характеризуется высоким развитием производства, социальных отношений, быта и культуры. Господствуют плужное, пашенное земледелие, высокоразвитое ремесло с гончарным кругом, а наличие в трупоположении более богатого инвентаря по сравнению с инвентарем трупосожжений свидетельствует об имущественной дифференциации, характерной для высшей ступени варварства, для эпохи «военной демократии».

К сожалению, до сих пор плохо изучены поселения культуры «полей погребальных урн». По-видимому, основным типом поселения были открытые «селища», хотя создатели «полей погребений» продолжали обитать и в огромных древних скифских городищах: Пастерском, Матронинском, Великобудском. Появляются и небольшие городища типа Кременчугского, Кантемировского и др. Но были ли их создателями те, кто хоронил своих покойников на «полях погребений», — сказать трудно.

Культура «полей погребальных урн» в значительной степени отличается от культуры этого же периода времени, распространенной в верховьях Днепра, Волги и Оки, где позднее мы находим северные восточнославянские племена. Поэтому можно с уверенностью сказать, что процесс возникновения славянства в более южных и западных областях Центральной и Восточной Европы, где оно выступает в I—VII вв. под названием «венедов», «славян» и «антов», начался раньше, чем на севере.[24] Но о племенах северной части Восточной Европы мы будем говорить далее в связи с вопросом об антах.

Итак, мы должны констатировать, что в первые века новой эры процесс этногенеза славян протекает чрезвычайно быстро и в яркой форме. В этот процесс включались и племена, в эпоху неолита и бронзы чуждые протославянской культуре, становясь таким образом славянами, так же точно, как отдельные племена протославянской группы могли быть позднее поглощены соседями и ассимилироваться в их среде, что тем более понятно, если учесть сравнительно слабую заселенность лесных пространств, где часто племена различной этнической принадлежности сидели чересполосно, взаимопроникая в земли друг друга. Но племена, попавшие в основной, главный очаг славянского этногенеза, границы которого мы очертили ранее, несомненно могут считаться создателями славянского этнического типа.

В этот процесс нельзя не включить и некоторые племена Дакии. Ранние византийские писатели не случайно упорно называют славян гетами, а Феофилакт Симокатта указывает, что славян раньше называли гетами.[25] Нам известно немало случаев, когда более поздние этнические образования античными и средневековыми авторами именуются названием древних обитателей края. Тех же славян называют скифами и тавроскифами, что отнюдь еще не означает их тождества. Но в данном случае все гораздо сложнее. Уже давно исследователи обратили внимание на сходство антропологического типа населения древней Дакии со славянами, на сходство в одежде, вооружении, на близость некоторых бытовых особен-

ностей, на упорное сближение гетов со славянами в произведениях древних писателей. Об этом писали Чертков и Дринов.[26] О значении Рима в жизни варварских племен Причерноморья, о дунайских связях славян, о славянских элементах в Дакии говорил Самоквасов.[27] На близость гетов, даков и славян указывал Брун.[28] Подобные же взгляды развивали Накко и Пич.[29] О дако-сарматских элементах в русском народном творчестве писал Городцов.[30]

Ошибка большинства этих исследователей заключалась в том, что они отождествляли гетов и даков со славянами. Но в то же время они стояли на правильном пути в том отношении, что обратили внимание историков и археологов, занимающихся древнейшим периодом в истории славян, на Дакию и дакийские племена.

М. А. Тиханова обращает внимание на изображение варваров на «Tropaeum Traiani» у села Адамклиси в Добрудже. «Среди рельефных изображений варваров, побежденных Траяном, ясно выделяются три группы, количественно неравные. Наиболее многочисленная дает изображение обычного обобщенного образа германца с характерным узлом волос над правым виском. Две другие группы представлены значительно меньшим количеством изображений. Особый интерес для нас представляет вторая группа изображений пленных варваров, длинноволосых, со свободно нависающими на лоб, плохо или вовсе не причесанными косматыми волосами и с большой остроконечной бородой. Они одеты в узкие штаны и кафтан с длинными рукавами, спускающимися почти до колен, с расходящимися полами».[31]

Варвары второй группы «Tropaeum Traiani» по своему типу, с одной стороны, сближаются со скифами — так, как они изображались древними греками, с другой — со славянским населением Киевской земли VII в. — так, как оно рисуется нам изображением на пряжке, хранившейся в Киевском историческом музее, и со статуэтками из с. Пойана в Южной Молдавии. Этот тип — обобщенный тип северного варвара, и на «Tropaeum Traiani» мы видим несомненно изображение костобока, или беса, населения Северо-Восточной Дакии, племенное название части которого отразилось в названии края (Бессарабия). Это было население, которое создало «липицкую культуру» и в середине I тысячелетия вошло компонентом в состав юго-западной ветви восточного славянства, впитавшей в себя гето-дакийские элементы.

Входившие с VII в. до н. э. в состав скифского племенного союза Восточная Галиция и Западная Волынь после распада последней оказались в составе гетского государства Бурвисты, занимавшего территорию современных Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехословакии и включавшего в сферу своего влияния до самого начала нашей эры и Западную Украину. Позднее, во время владычества даков, Галиция не входила в состав государственных образований варварских племен Дакии, государства Декебала, но соседство с последним определило распространение в Прикарпатье римского влияния. Здесь в первые века нашей эры распространяется местный вариант «полей погребений», так называемая «липицкая культура» (от с. Липица Горна Рогатинского района), представленная несколькими могильниками, селищами и отдельными погребальными находками. «Липицкая культура» характеризуется разнотипной керамикой, изготовленной на гончарном круге, хотя попадается и сделанная от руки, и бедным

погребальным инвентарем (бронзовые и железные фибулы раннего типа, сильно профилированные, и поздние, провинциально-римского типа, с эмалью; ножи, кресала, иглы, пряслица, стеклянные бусы). Эти памятники материальной культуры сближают «липицкую культуру» с соседними гето-фракийскими областями (Румыния, Венгрия и др.) эпохи позднего Латена и раннеримского периода.

Синхронные «полям погребений» «липицкой культуры» поселения верховьев Днестра у Рогатина, Залещиков, Збаража, основанные еще во времена Латена и продолжающие существовать в первые века нашей эры, состоят из прямоугольных полуземлянок с очагом в центре жилища. Там же наряду с погребениями «липицкой культуры» встречаются небольшие по размеру изолированные могильники II—III вв. н. э., причем мужские погребения заключают в себе оружие, что говорит о превращении среднего слоя населения в воинов.

Следующий этап «липицкой культуры» представлен «полями погребений» IV—V вв. и селищами (Псари, Городница, Теребовль, Романово Село и др.), распространенными повсеместно от Румынии, Закарпатья, Прикарпатья до правобережного Днепра. Наряду с рядовыми могильниками встречаются погребения знати (Кременец, Волынь).

Основным занятием создателей «липицкой культуры» были земледелие и скотоводство; значительного развития достигает и ремесло, особенно — керамика и обработка металла.

Население Западной Украины времен «полей погребений» находилось под сильным влиянием провинциально-римской культуры. Археологически установлены тесные связи Западной Украины этого времени не только с Причерноморьем и Дакией, но и с более отдаленными провинциями Рима, вплоть до Галлии. В период Латена и в первые века нашей эры население Западной Украины не было этнически однообразным. Несмотря на то что в культуре, характеризуемой «полями погребальных урн», много общего, существует множество местных особенностей, локальных групп, обусловленных многоплеменностью и многокультурностью населения. В III—V вв. этническая картина уже менее пестра. Складываются массивы однообразной материальной культуры, в которые сливаются многочисленные пестрые локальные группы. Начинается этническое объединение племен Западной Украины, результатом которого было складывание юго-западной ветви восточных славян. Слияние двух очагов восточнославянского этногенеза, прикарпатского и среднеднепровского, в процессе которого переплавлялись в славянство остатки гето-дакийских, фракийских, кельтских, скифских и сарматских племен, колоризуемых славянами, падает на эпоху антов. Это слияние было объединением протославян, формирующихся в результате эволюции гето-дакийских (фракийских) и связанных с ними территориально племен с праславянскими элементами скифских земледельческих племен Среднего Приднепровья. Таким образом, «липицкая культура», генетически связанная с культурой предыдущего периода Латена и раннеримской, в которой гето-дакийские элементы играли большую роль, перерастает в культуру юго-западной группы восточнославянских, русских, племен.[32]

Наличие в древней Дакии римской поры славянской топонимики (Patissus — Потиссье, Pistra — Быстра, Быстрица, Tsierna — Черная и т. д.), находка древнегреческой надписи «dzoapan» — жупан, антрополо-

гический и этнографический тип варвара Дакии подтверждают наши предположения.[33]

Таковы компоненты славянства по археологическим данным.

Вполне понятно, почему свое рассмотрение вопроса о происхождении славян мы начали с рассмотрения памятников материальной культуры.

Еще до того как писатели древности впервые упомянули о венедах, славянах и антах, за столетия и даже тысячелетия до нашей эры, на обширной территории начинаются процессы, приведшие к образованию племенных массивов, которые складываются в землях исторических славян.

Если материальную культуру славянских земель эпохи письменных источников мы можем безоговорочно считать славянской, то, анализируя пути ее сложения и ее истоки, мы можем проследить и те протославянские элементы, из которых она сложилась в результате длительного и сложного развития, и то исчезновение частных, локальных, а следовательно племенных, признаков, которое столь характерно для глубокой древности, и нарастание общих, которое не оставляет сомнения в том, что племена однородной культуры складываются в этническое образование нового типа — славянство.

Памятникам материальной культуры — бусам и обломкам глиняной посуды, могильникам и городищам, серпам и наконечникам стрел — мы обязаны установлению путей этногенеза еще по отношению к тем временам, когда для античных писателей Средняя и Восточная Европа была окутана «киммерийским мраком». Благодаря им в результате тщательной и кропотливой работы археологов, и в первую очередь их передового отряда — советских археологов, удалось установить древнейшие культуры, к которым генетически восходит славянская культура, а следовательно, признать в их создателях протославянские племена.

Скромным, малозаметным, бедным остаткам материального производства древнейшего населения мы придаем большое значение именно потому, что они показывают нам сложный и длительный путь превращения племен неолита и бронзы в многочисленную и могущественную семью великих славянских народов.

Вещественные памятники всевозможного рода — от серпа и сердоликовых бус до костных остатков и погребальных урн — позволяют нам приподнять край завесы, скрывающей от нас далекое прошлое славянства. Они показывают, как в результате развития орудий производства и распространения новых, совершенных форм общественного быта складываются более сложные культуры, как в итоге однотипности хозяйства и роста торговых связей усиливается процесс общения, разрушающий первобытную изолированность племен и способствующий объединению их в крупные этнические образования.

С давних, очень давних пор далекие предки славян родовыми группами, объединявшимися в племена, заселяли целые области в средней и западной частях Восточной Европы. Это было еще в эпоху неолита, быть может, даже раньше. Они не походили на своих потомков ни по своим примитивным орудиям труда, предназначенным для охоты, ловли рыбы, усложненного собирательства и первобытного земледелия, ни своим оружием, не отличавшимся от орудий труда, ни своими общественными отношениям. Их быт, культура, язык, верования значительно отличались от

быта, языка, культуры и верований их отдаленных потомков. У предков все было грубее, проще, примитивней. Но в то же время много неуловимых черт связывает тех и других.

Земледелие неолитических племен является зародышевой формой земледелия скифов-пахарей и населения культуры «полей погребальных урн», серп из захоронения III—V вв. н. э. представляет собой как бы ухудшенную копию серпа X—XII вв., а погребальные обычаи и инвентарь, бытовавший у русских племен во времена Ярослава и Мономаха, уходят в седую даль веков. В те далекие времена, в эпоху позднего неолита, бронзы и раннего железа, общения между племенами были еще редки и, даже постепенно усиливаясь, они все же не могли разрушить той стены замкнутости и враждебности к соседям, которой окружили себя первобытные протославянские племена. Но по мере роста населения разрастались роды и племена, выделяя из своей среды новые родоплеменные группы, расходившиеся все дальше и дальше из древнего племенного гнезда. Они осваивали новые речные поймы и плодородные плато. Лесная чаща пугала первобытных земледельцев, да и нечего было делать в лесу. Лишь богатые пушным зверем угодья манили в лесную глушь смелых охотников, часто надолго покидавших поселки своего рода.

Здесь, на новых местах, эти переселенцы встречались с соплеменниками, с выходцами из других, родственных по языку и быту племен, а иногда и с представителями чужих, инокультурных и иноязычных племен. Войны с иноплеменниками и «инородцами», союзы с ними, обмен, общения, взаимные связи и влияния, смешанные браки — все это делало свое дело. И по прошествии некоторого времени либо первые постепенно превращаются во вторых, принимая их язык, быт и культуру, но привнося в нее и нечто свое, либо — наоборот. Новые переселения и расселения, результат все того же роста населения и стремления к освоению новых угодий, новые столкновения с соседями — и вот в итоге какая-то часть потомков семьи или семей, десятки, даже сотни лет покинувших старое родовое гнездо, давным-давно смешавшись с соседями, утрачивает свой язык и культуру и с изумлением слышит при встрече речь и смотрит на невиданные одежды, украшения, на странные обычаи своих соседей, несмотря на то что далекие их предки были людьми одного и того же племени. Другая часть, попав как-нибудь снова в окружение своих далеких родственников, не покидавших своих древних поселений и угодий, с неменьшим изумлением прислушивается к особенностям их языка и быта, близким к их собственным и в то же самое время уже отличным. С другой стороны, такое распространение вширь способствует колоризации различных племен, имевших локальные особенности, различающихся и по хозяйственному укладу, и по быту, и по речи, и, наконец, по основному антропологическому типу, более сильным, культурным, более многочисленным племенем или группой племен.

Конечно, трудно сказать, почему в данном случае имела место ассимиляция праславянами пралитовцев, прафиннов или прагерманцев, а в другом случае, наоборот, славянские племена были поглощены и колоризованы германцами или каким-либо другим народом. Трудно потому, что по одним памятникам материальной культуры это установить невозможно, так как подобная ассимиляция есть продукт исторических и культурных

условий, продукт исторического развития. Установить его в такой форме, как это имеет место в письменную эпоху, невозможно; мы же должны довольствоваться лишь тем, что говорят нам могилы, селища, городища. Этого недостаточно.

Наконец, по мере роста производительных сил растет обмен, а с ним вместе — и общение между племенами. Возникающие и распадающиеся союзы племен, войны и торговля, объединения для совместных походов, поездки в земли соседей, браки между представителями разных племен — все это способствует постепенному сближению не только близких между собой племен, но и племен с иной культурой и речью. Включение их в сферу влияния восточносредиземноморской, античной, греческой и римской цивилизаций еще больше объединяет протославянские племена. Среди них еще живут инокультурные и иноязычные племена, подобно тому как в XI—XII вв. среди русских жило племя голядь, остатки древней литвы, но по мере расширения связей и дальнейшего освоения земель и угодий, которые теперь вместе с ростом населения перестают быть ничьими, освоенными на правах трудовой заимки, эти племена окончательно сливаются со славянами.

Так, в процессе объединения и схождения на основе роста взаимных связей формируется славянство.

Насколько прочным было славянское объединение, насколько древними и нерушимыми были связи, соединявшие славянские племена, можно судить по тому, что ни готский, ни гуннский племенные союзы не могли их разрушить, поглотить и ассимилировать славянские племена. Наоборот, готский и гуннский союзы способствовали объединению славянства. Еще в большей степени консолидации славянских племен способствовали войны славян и антов с «ромеями» и вторжение их в пределы Византийской империи.

Когда начался процесс складывания, хотя бы в зародышевой форме, тех этнических особенностей, которые характеризуют славянство, — мы не знаем. Первые шаги этногенеза славян мы можем проследить лишь с начала III тысячелетия до н. э.

Где находился древнейший очаг славянского этногенеза, нам тоже неизвестно. Но надо полагать, он находился где-то на территории распространения в 3000—2000 гг. до н. э. культуры «ленточной керамики» и культуры «шаровидных амфор». На протяжении нескольких тысячелетий формирования славянских племен мы можем установить несколько стадий. И славянство разных этапов формирования существенно отличается рядом этнических признаков.

Не все племена области славянского этногенеза были протославянами. Они довольно долго сохраняли свой особый быт, свой язык и культуру. Но впоследствии и они растворились в среде славян. Кто они были? Мы не знаем. Быть может, среди них были и кельты, и фракийцы, и протогерманцы, и литовцы, и финны. Это были праевразийцы. Почему не они поглотили славян, а наоборот, эти последние ассимилировали их в своей среде? Потому, что одни были разбиты и разгромлены греками и римлянами, как гето-дакийские племена, а их племенные союзы распались, высвободив входившие в их состав славянские племена. Другие сошли со сцены как могущественные народы очень рано. Так произошло с кельтами. Третьи перенесли центр тяжести своей политической жизни на юг и

запад. Я имею в виду германцев. Четвертые, малочисленные и рассеянные на огромном пространстве дремучих лесов севера, были не в состоянии противостоять компактным массам славянства, носителям более высоких общественных форм, являвшихся результатом включения славянства в орбиту влияния греко-римской и византийской цивилизаций. Это последнее обстоятельство сыграло весьма существенную роль в усилении славянства, которое достигло в первые века новой эры высшей стадии варварства — военной демократии, тогда как его северные и восточные соседи переживали в те же времена еще более примитивные формы быта и пребывали на стадии нетронутых патриархально-родовых отношений.

Объединение славян для вторжения на юг, в Византию, завершило давно начавшийся процесс консолидации славянства.

Разрешен ли археологически вопрос о генезисе славянства? Нет, он только поставлен. Предстоит еще много работы, совместной работы археологов, историков и лингвистов, прежде чем проблема происхождения славян приблизится к разрешению.

Мы рассмотрели некоторые материалы, построенные на основе археологических разысканий, подводящие нас к вопросу об этногенезе славян.

Мы довели наше изложение до V—VI вв. н. э., когда в Среднем Приднепровье исчезает культура «полей погребальных урн». В это время на севере, в лесах Восточной Европы, в верховьях Днепра, Оки и Волги, обитают другие племена — с культурой, генетически не связанной со среднеднепровской. А так как, судя по памятникам материальной культуры, эти племена являются автохтонами, то, следовательно, их включение в состав славянства происходит позднее, не ранее середины I тысячелетия н. э. И перед нами встает проблема антов и восточнославянских племен предлетописных и летописных времен, изложением которой мы займемся далее. Вот что говорят о происхождении славян памятники материальной культуры.

Встают вопросы: можем ли мы связать однотипную культуру с одно-образным этническим образованием? Можем ли мы утверждать, что продолжатели традиций культуры «ленточной керамики» эпохи позднего неолита стали славянами и только славянами?

Конечно, нет. Говоря даже только о юго-восточном варианте культуры «ленточной керамики», мы отнюдь не собираемся утверждать, что все ее носители стали славянами. По-видимому, в ее создании участвовали прафракийские племена. Но какая-то часть племен Триполья, быть может, изменив свой язык, несомненно стала «праславянами». В состав славянства вошли и племена охотников и рыболовов лесов Восточной Европы, создавших культуру «ямочно-гребенчатой керамики».

Одну и ту же посуду с ленточным или ямочно-гребенчатым орнаментом выделывали предки разных племен, так же точно как одно и то же племя или объединение племен могло оставить следы своего производства в материальных остатках различных по типу культур.

Когда мы добываем вещи из могильников «полей погребальных урн», мы можем уже более или менее основательно считать их славянскими, но более ранние памятники материальной культуры, дошедшие до нас от бесписьменных эпох, могут быть причислены к «протославянским» лишь в порядке более или менее достоверной и обоснованной гипотезы, строя-

щей свои выводы на весьма, правда, убедительном положении, сводящемся к утверждению об этническом схождении разнородных и разноязычных племен на основе устанавливающейся общности хозяйственного уклада, растущих связей, взаимных влияний, а следовательно — на основе общности культуры.

Однако однотипность культуры лишь в основном, но не целиком определяет этнический облик ее создателей.

Памятники материальной культуры в том случае, если они не могут быть сопоставлены со свидетельствами письменных источников, данными языка и т. п., не позволяют исследователям безошибочно определять этническую принадлежность того населения, которое оставило их после себя, не только в те времена, когда вообще никаких еще следов современных народностей не могло быть, но даже и по отношению к тому времени, когда далеко на юге складывались великие цивилизации древности, заметное влияние которых хотя и сказалось даже на дикарях и варварах Европы, но все же оставило Европу вне поля своих письменных памятников.

Решающую роль должен сыграть язык, но, к сожалению, язык древних аборигенов края нам неизвестен, и лишь весьма косвенные данные помогают нам установить некоторые особенности речи более поздних обитателей того или иного края, отразившиеся в топонимике, именах собственных и т. д.

Становится понятным, почему мы так дорожим каждым, даже самым неясным упоминанием о славянах в произведениях античных и византийских писателей, в источниках раннего средневековья, почему такое огромное значение имеют для нас следы древней речи, почему наше внимание приковывает к себе «язык земли» — топонимика. К этим бесценным материалам мы перейдем.

В Певтингеровых таблицах — дорожнике, составленном в самом начале нашей эры при императоре Августе, дважды упоминается племя венетов, соседей бастарнов, обитавших на Карпатах, и гетов и даков, занимавших низовья Дуная: дважды потому, что, очевидно, дорога два раза проходила через их землю. Певтингеровы таблицы — один из первых источников, говорящих о венедах.[34]

В «Естественной истории» Плиния Старшего, жившего в I в. н. э., мы читаем: «Некоторые писатели передают, что эти местности, вплоть до реки Вистулы (Вислы), заселены сарматами, венедами, скифами, гиррами».[35]

В «Германии» Тацита также говорится о венетах, или венедах: «Здесь конец страны свевов. Относительно племен певкинов, венетов и финнов я не знаю, причислять ли мне их к германцам или сарматам... Более похожи венеты на сарматов по своим нравам и обычаям».[36]

Еще одно упоминание о венедах мы имеем в «Географии» Птолемея: «Сарматию занимают очень большие племена: венеды вдоль всего Венедского залива; на Дакии господствуют певкины и бастарны; по всей территории, прилегающей к Меотийскому озеру, — языги и роксаланы; в глубь страны от них находятся амаксобии и аланы — скифы».[37]

И это — не первые упоминания о венедах. О венедах знали в классической Греции. Так, например, Геродот сообщает о том, что янтарь привозят с реки Эридана от енетов (венетов). Софокл (V в. до н. э.) знал, что янтарь доставляют с севера с берегов северного океана, добывая его в ка-

кой-то реке у индов. В енетах (венетах) и индах V в. до н. э. нетрудно усмотреть виндов или венедов.

Сравнивая и сличая скупые свидетельства древних авторов, мы можем сделать вывод, что венеды обитали к северу от Карпат до Балтийского моря («Венедского залива»). Оттуда северная граница расселения венедов шла на восток вдоль полосы озер и болот к Нареву и Припяти и на запад заходила за Вислу к Одеру. Южная граница венедов от северных склонов Карпат шла на восток вдоль лесостепной полосы, в юго-западной части которой венеды были соседями даков, а в юго-восточной — сарматов.

Принадлежность венедов к славянам не вызывает сомнений. Если для Плиния, Тацита и Птолемея венеды — малоизвестный народ далекого севера, а Тацит откровенно сознается в своей неосведомленности по поводу того, к кому из известных римлянам народов, германцам или сарматам, их причислить, высказавшись все же после некоторых колебаний в пользу близости венедов по нравам и обычаям к сарматам, то более поздние писатели, познакомившиеся со славянами и антами во времена их вторжения в пределы Византийской империи, не колеблясь, считают венедов древним названием славян и антов.

Историк готов Иордан, писавший в VI в., указывает: «От истока реки Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венедов. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако главным образом они именуются склавинами и антами». И далее: «Они (славяне. — *В. М.*), как мы установили в начале изложения, именно в перечне народов, происходя из одного племени, имеют теперь три имени: т. е. венеды, анты и склавины».[38]

Прокопий Кесарийский, писавший тогда же, когда и Иордан, в VI в., тоже вспоминает о том, что «некогда даже имя у славян и антов было одно и то же»,[39] хотя это древнее наименование славян и антов он приводит, переосмысливая какое-то название и переводя его на греческий язык. Но об этом далее. Алкуин, говоря о победах Карла Великого, пишет: «Sclavos, quos nos Vionodus dicimus».[40]

В песне английского путника, датируемой VIII—IX вв., упоминаются среди прочих народов «vinedum» и их река «Wistla».[41] Название «венеды» в обозначении славян сохранилось у их соседей гораздо позднее. У немцев славяне назывались «wenden», «winden», «winida», а у финнов — «venäjä», «venë», «veneä». «Wendenplatz» и «Wendenstrasse» встречаются еще и сейчас в онемеченных древних славянских городах Восточной Германии.

Происхождение термина «венед» остается до сих пор еще неясным.

Большинство исследователей не считают его славянским. Так, Цейс выводил его из готского «vinja» — луг, поле. Венеды, по его мнению, жители лугов, полей, аналогичные «полянам» русских летописей. Объясняли происхождение термина «венеды от кельтского «vindas» — белый. Производили «венедов» и от «wend» — «вѧт» — «вѧнт» — «вѧщий» — большой (по аналогии с чешским «obrzin» — «обрин», т. е. авар, обозначающий «великана», русским «велеты» — «велетни», т. е. тоже великаны, «spal»-ы или «spol»-ы — исполины и т. д.).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в топонимике слово «wend», «wind», «wenet», «wened» имеет самое широкое распространение. Обычно указывали на то, что это слово чаще всего встречается на территории, занимаемой кельтами. Это дало повод А. А. Шахматову счи-

тать венедов не славянами, а кельтами, а славянам отвести территорию, о которой вообще никаких известий до нас не дошло.[42]

Но термин «венед» в топонимике встречается и в землях, где никаких кельтов не было, в частности в Прибалтике (Вента, Венден, Виндава и т. д.), где, как мы можем судить, за много тысячелетий до нашей эры жили и литовские, или протолитовские, и финские, или протофинские, племена.[43]

Полагаю, что такая широкая распространенность термина «венед» объясняется древней основой ряда языков, которую Н. Я. Марр назвал «яфетической», древними, протоисторическими связями племен, соседствующих друг с другом или так или иначе связанных, хотя бы и не непосредственно. Следы обитания кельтов у Карпат легко обнаруживаются в топонимике, и, быть может, Галич и Галиция того же кельтского происхождения, что и Галлия, галлы и т. д. Здесь, у Карпат, они выступали соседями венедов.

Термин «венед», «венд» мог закрепиться за славянами и позднее, и естественно стремление некоторых исследователей усматривать его вариант в «ант»-ах и «вятичах» — «вѧт»-ах летописных времен, племени несомненно славянском, но позднее всех влившемся в славянский массив Среднего Поднепровья.

Итак, письменные источники заставляют нас со всей определенностью говорить о славянстве венедов. Но на каком языке говорили венеды, был ли их язык славянским?

Никаких следов языка венедов в письменных источниках мы не обнаруживаем. Никаких слов, никаких имен собственных писатели древности нам не сохранили.

Тем большее значение приобретает топонимика — «язык земли».

Как мало внимания уделяют исследователи языку древнего населения края в том виде, в каком он отложился в названиях рек, озер, болот, гор, холмов, лесов и т. д. Как незаслуженно забыт этот чрезвычайно ценный источник, зачастую дающий для разрешения проблем этногенеза больше, чем десятки городищ и могильников или скудные и сбивчивые свидетельства древних авторов.

Между тем совершенно очевидно, что если «Дон» в осетинском языке означает «вода», то значит, что это название было дано реке иранизированными сарматами, а не славянами, для которых это слово — набор звуков, не имеющий смысла.

Так же точно как не вызывает сомнений и то, что озеро Селигер обязано своим названием финнам, а не славянам, ибо по-фински «Селигер» (Selgjärv) означает «чистое» или «рыбное озеро», тогда как пришедшие позднее сюда славяне, ассимилировавшие туземное финское население, естественно называли озеро по-старому, на языке аборигенов края, но смысл слова был забыт и утрачен и оно опять-таки превратилось для славянина в бессмысленный набор звуков, ассоциирующийся лишь с данным географическим пунктом.

Таково же происхождение названий «Шексна», «Молога», «Вага» и т. д.

Можно привести и обратные примеры. В тех местах, где текут Вепрь, Борб, Березина и т. д., несомненно с древнейших времен обитают славяне. В незапамятные времена заселили они этот край и назвали реки и озера, болота и горы своими славянскими именами. Там, где в Дон впадают

Тихая Сосна, Медведица, Ворона, там, где текут Десна и Припять, там — славянская земля. И таких примеров можно привести очень много.

«Язык земли» говорит нам часто больше, чем произведения древних и средневековых авторов, больше, чем говорит о своей истории сам народ, путаясь, сбиваясь, припоминая и фантазируя, больше, чем солидные штудии маститых исследователей.

«Язык земли» не поддается фальсификации. Здесь ничего не придумаешь, не сочинишь. Он сохраняет грядущим поколениям память о том народе, который давно сошел с арены истории, потомки которого, растворившись в среде пришельцев, изменив свой язык, обычаи, культуру, с изумлением узнали бы о том, что непонятные, но привычные названия знакомых рек и озер на языке их далеких предков означали то или иное слово, выражали то или иное понятие.

В «языке земли» древние аборигены края вписали свою жизнь в историю грядущих поколений прочнее, нежели вписали свое имя в историю великие полководцы древних цивилизаций, оставившие свои письмена, вырубленные на камне.

«Языку земли» давно прошедшие эпохи, давно исчезнувшие народы и культуры доверили хранить память о себе. И он свято и честно сохранил и пронес ее через великие передвижения и переселения, через века эволюций, скрещений и трансформаций и великие общественные сдвиги и перевороты.

«Земля есть книга, в которой история человеческая записывается в географической номенклатуре».[44]

Если мы обратимся к «языку земли», то увидим, что почти по всей территории, которую мы предположительно установили как землю, заселенную венедами, господствует славянская топонимика. К северу от Карпат тянутся земли, где такие названия, как Береза, Березина, Берестье, Бобр, Бобер, Болотница, Блотница, Вепрь, Брод, Броды, Бродница, Глуша, Гнилая, Гнилуша, Добра, Добрица, Ельня, Комар, Яблоница, Лозница и т. д., встречаются на каждом шагу. Такого типа названия тянутся по Западной Украине, Польше и в искаженной, германизированной форме (след позднейшей немецкой колонизации XII—XV вв.) — в Силезии, Лужицах, Поморье, на юге заходят до Карпат и даже Закарпатской низменности, на востоке тянутся до Заднепровья и Полесья.

К северу от Припяти, на линии от Пруссии и Литвы до верховьев Днепра, Оки и Волги лежат местности с иной топонимической основой. Между Вислой на западе, Березиной и даже верховьями Волги и Оки на востоке и Припятью на юге слышатся иные названия. Здесь много рек с окончанием «са», «сса»: Осса, Писса, Виса, Плисса, Дубисса, Усса и др. Эти наименования носят уже несколько иной характер и уводят на север, в Пруссию и Литву. Еще дальше к северу — к Нареву, Ясельде и Неману — топонимика носит еще более ярко выраженный литовский характер: Вилия, Илия, Ирша, Ислочь, Нарова, Илга (Долгое), Апуша (Ольховая), Гирупа (лесная речка), Улла, Венсуп (Раковая речка), Швентуп (Святая речка), Удрупис (речка выдр) и др. Здесь славянские названия перемежаются с литовскими и исчезают дальше к северу, в глухих и болотистых лесах Немана.

В дремучих лесах Нарева, Ясельды и Немана славянство соприкасалось с литвой, древними аборигенами края, с близкой к славянским язы-

кам речью. Близость и созвучность языка — результат того времени, когда речь племен, населявших этот край, не была еще ни славянской, ни литовской, но заключала в себе зародыши той и другой. Это была эпоха венедов Плиния, Тацита и Птолемея.[45] Взаимопроникновение близких друг другу по языку, обычаям и культуре славян и литовцев отразилось в топонимике в наличии названий, общих для славянской и литовской территорий (Вилия, Колпица, Котра, Локница, Нарова, Жиздра — литовск. «песок», Таль, Окра, Упа — литовск. «река на востоке и др.), и привело к тому, что еще в XI—XII вв. в центре русских земель сидела голядь, литовское племя, остатки древних галиндов, а Визна и Герцикэ стали русскими городами. Литовские наименования встречаются далеко на востоке и северо-востоке.

Такими наименованиями, несомненно литовского происхождения, следует считать названия рек Жукопа (Калининская обл.), объясняемое из балтийск. *Žekapė (рыбная река), др.-прусск. suckis — рыба, Нара (Московская обл.) — литовск. «петля», Торопа (Псковская и Калининская обл.), где окончание «опа» соответствует литовск. «upė» — река, Опша (Апуша) или Обща (Смоленская обл.), что значит «Ольховая», Оболь (Витебская обл.), обзнач. «Яблоко», «Яблочная», и, наконец, уже упомянутые выше Жиздра [литовск. ži(g)ždras — песок, гравий] и Упа в Тульской обл. и соответствующая Упе Вопь в Смоленской обл.

Литовская топонимика встречается на востоке до Наровы, Новгорода, озера Селигер, Калинина, Серпухова, Калуги, Тулы, верховьев Оки и Придесенья, а на юге доходит до Припяти и даже переходит через нее. Повсюду на востоке и северо-востоке она смешана со славянской и финно-угорской.

Еще дальше в верховьях Днепра, Оки, Волги и далее на восток к Дону и за Доном топонимика, как правило, финского происхождения. На севере лежит озеро Ильмень (др.-русск. Ильмерь, Илмерь), что означает в финских языках «бурливое», «непогодливое», «открытое» озеро. К юго-востоку от него раскинулось огромное, на сотни квадратных километров, болото Невий Мох (суоми — «neva» — болото). Невдалеке течет река Мста (др.-русск. Мъста, Мьста), названная так по черному цвету дна (суоми — «musta», эстонск. «must» — черный). Южнее, в Калининской обл., лежит озеро Мстино; озеро Волго, как и Волга, объясняется из финно-угорских языков (суоми — «valkea», эстонск. «valge», марийск. «волгыдь» — белый, светлый). Название Твери (др.-русск. Тьхверь) аналогично Тихвари в Карелии, «Tihverä» — в Финляндии. Наименование реки Свирь несомненно происходит от «syöväri» — глубокая. Озеро Мегро, река Мегра (Псковск., Новгородск., Олонецк., Арханг.) происходят от слова «mägrä» (карельск.), «mägr» (эстонск.), что означает «барсук».

Еще дальше на восток текут Мокша, Унжа, Ветлуга, Пекша, множество рек с окончанием «лей», объясняемых из мордовского «läi» — речка.

В области летописных мери и веси мы встречаем названия Нерехта, Сорохта, Андома, Кинешма, Колдома, Шелшедам, Кештома, Шагебан, Ухтома, Пертома, Ликура и др. не славянского происхождения, но они не могут быть объяснены и из современных финно-угорских языков.

Финно-угорская топонимика резко выражена к северу от линии устье Камы—верховья Суры, Оки, Сожа и Днепра. В западной части она силь-

но перемешана с литовской, на юге — со славянской. Обычно считают, что наименованиями, созвучными с финской речью, являются также Черепеть, Вытебеть, Ирпа, Вага, Титва, Вазуза, Яуза, Вязьма, Страпа, Жарна, Габа, Илманта, Ветма и др. Вся эта топонимика несомненно финского, точнее — протофинского происхождения.[46]

Характерно то обстоятельство, что граница наименований финского происхождения, тянущаяся от верховьев Дона к северной части Среднего Приднепровья и вдоль Днепра, далее на северо-запад, в основном совпадает с границей распространения в неолитическую эпоху культуры «ямочно-гребенчатой керамики».[47]

Когда мы говорит о топонимике финского происхождения, о следах протофинской речи древнейшего населения этого края, как она отложилась в «языке земли», мы имеем в виду не современные исторические финские племена и не современную речь восточных финнов. В «языке земли» севера Восточной Европы, да и почти всего центра и востока лесной полосы, отложилась речь древнейшего населения.

Это были праевропейцы, сложный комплекс разнообразных, разноязычных племен, быть может, та самая легендарная, полумифическая «чудь», которую считают аборигенами и русские, и северные, и восточные финны, в известной своей части такие же пришельцы, как и русские, «чудь», скрещенными потомками которой являются позднейшие финские племена севера Восточной Европы, язык которых сохранил древние слои, отложившиеся в топонимике, в названиях, которые не могут быть объяснены из финно-угорских или славянских языков.

Недаром предания русского и финского севера сохраняли воспоминания о «чудских ямах», в которых легко увидеть и узнать жилища неолитических рыбаков и охотников лесов Восточной Европы времен распространения здесь культуры «ямочно-гребенчатой керамики».

В то же самое время обращает на себя внимание наличие на всей огромной территории лесной и лесостепной полосы Восточной Европы колоссального количества названий, которые встречаются во всех ее уголках и не могут быть объяснены ни славянским, ни финно-угорским, ни литовским языками.

Попадаются сложные наименования, состоящие из двух частей, одна из которых русская, финно-угорская или литовская, а другая неизвестного происхождения, но встречающаяся и в других сложных наименованиях или самостоятельно.

Типичными остатками каких-то древних языков является ряд наименований в верховьях Волги, в земле мери и веси, в пограничных литовско-русских областях и других местах. Но что это за языки — мы не знаем. Они очень древние. Семантика их неизвестна, забыта, утрачена. Их можно было бы назвать одинаково и протославянскими, и протолитовскими, и протофинно-угорскими, потому что они созвучны и тем, и другим, и третьим и в то же время отличны от них. Они встречаются повсеместно, и одинаковые названия, не объяснимые из языков Восточной Европы, попадаются в местах, где позднее обитали и славянские, и финно-угорские, и литовские племена. Это свидетельствует о том, что если в топонимике отразилась протофинская, протолитовская и протославянская речь древних аборигенов Восточной Европы, то везде и повсеместно мы вскроем несравненно более древние слои, следы еще более древней речи

давно уже трансформировавшихся древнейших обитателей с их еще доиндоевропейской, дофинской речью.

Это население, многоязычное и пестрое, навечно запечатлевшее следы своей архаической речи в названиях рек, озер, болот, уже непонятных их далеким потомкам, речи, имевшей много племенных отличий, но в то же время и ряд общих черт, характерных для огромной территории, мы называем «протоевропейцами», «палеоевразийцами».

И сможем ли мы когда-либо расшифровать остатки их языков, внесших свой вклад в формирование индоевропейских и финно-угорских языков Восточной Европы и связавших чем-то общим языки народов, отделенных друг от друга огромными пространствами, кто знает!

Несмотря на финский характер топонимики верховьев Днепра, Дона, Оки и Волги, мы должны отметить, что и здесь проникновение славян, точнее — восточных славян, русских, на север, северо-восток и восток еще в очень отдаленные времена нашло свое отражение в смешении финских и славянских наименований.

Славянская топонимика всего края от верховьев Одры (Одера) и Лабы (Эльбы) до Десны и Сожа, от Поморья до Карпат и верховьев Серета, Прута, Днестра и Буга — древнего происхождения. Она не является результатом позднейшего исторического расселения славян, как это имеет место по отношению к славянским названиям на Балканах и у берегов Адриатики или к русским наименованиям в Сибири и Средней Азии.

В ней, как в зеркале, отразилась древняя жизнь славян. Реки и озера, болота и горы древней Славянщизны своими именами говорят о том, что здесь колыбель исторического славянства, что здесь славянский край, где сложился великий народ славянский. Там, где текут среди дремучих лесов Вепрь, Бобр, Припять, Тетерев и Березина, где прорываются меж гор и шумят на дне горных ущелий Черемош и Быстрица, где стоят покрытые буковым лесом Черная гора и Яворник, где по весне на горных пастбищах Карпат звучит трембита и пастухи-гуцулы поют древние песни и добывают священный огонь трением двух кусков дерева, как делали их предки в эпоху неолита, там, где в болотах Полесья живут древними дворищами, большими семьями и бытуют обряды и обычаи, уходящие далеко в глубь веков, там древняя Славянщизна, там славянский край.

И в однообразных названиях гор и лесов, рек и озер древнее население земли сохранило память о себе, о своей культуре, своих обычаях и религиозных верованиях, о своем языке. Это население было славянским.

При определении основного очага славянского этногенеза мы не можем не учитывать близости языков славянских и балтийских, т. е. литовских, латышских или леттолитовских. Между тем можно считать установленным, что литовцы занимали края, где застают их первые письменные источники, по крайней мере за несколько тысяч лет до нашей эры.

В литературе было высказано предположение, что в эпоху Плиния, Тацита и Птолемея термин «венеды» покрывал и славянские, и близкие к ним литовские племена. Я думаю, что с этим предположением следует считаться. Венеды были предками славян, но наряду с ними предками славян были и другие племена, которые в начале нашей эры не отождествлялись с венедами и отличались от них. В состав славянства постепенно включались различные племена, близкие венедам и отличающиеся от них, связанные друг с другом близостью или общностью языка и быта, и ино-

язычные, или инокультурные. В Средней Европе предками славян наряду с венедами могли быть лугии, которых Певтингеровы таблицы, источник поздний, но составленный по данным начала нашей эры, помещают между сарматами-амаксобиями, занимавшими долину реки Тисы, и венедами, отделяя лугиев от германцев и причисляя венедов и лугиев скорее к сарматам, чем к германцам. Правда, письменные источники не дают еще нам права безоговорочно считать лугиев предками славян. Зато памятники материальной культуры дают возможность говорить об этнических связях лугиев со славянами.

Я имею в виду «лужицкую культуру», которая генетически связывается с позднейшей славянской культурой, как это показал М. И. Артамонов, без всякого перерыва.[48]

В названиях позднейших славянских обитателей этого края (лужицких сербах, или лужичанах), в наименовании самой земли «Лужицы» сохранилось воспоминание о древних обитателях — лугиях.

В Восточной Европе такими же предками славян были приднепровские племена скифов-пахарей, а быть может, и геродотовские «нескифские» племена. Чаще всего причисляют к гипотетическим предкам славян невров. Между Вислой и Западным Бугом, а быть может, и дальше на восток до Днепра, лежали земли невров. Никаких сдвигов населения на этой территории нельзя отметить на протяжении двух-трех тысячелетий и во всяком случае от Геродота и до времени Киевского государства.

Геродот сообщает только о передвижении невров на восток, в земли будинов, которых исследователи считают протофиннами, и это, быть может, первое глухое упоминание о расселении славян на восток, в земли древних финских племен.

В Заднепровье среди финских наименований встречаются и чисто славянские, например Десна, причем название левого притока Днепра «десной» заставило исследователей говорить о расселении славян по левобережью из Среднего Поднепровья на север, вверх по течению Днепра. Характерно то обстоятельство, что земледельческие племена древних культур (трипольской, «полей погребений») на левый берег Днепра выходят мало и главным образом на среднем течении.

Имя невров отложилось в топонимике края.

По течению Западного Буга, где еще в XVI в. лежала «Нурская земля», струятся Нур, Нурец и Нурчик. Здесь когда-то жили невры и в летописные времена народ «нарицаемии Норци, иже суть Словене».[49]

Эти неясные указания, вера в волков-оборотней, культ зверей связывают геродотовских невров со славянским населением северо-западных и западных русских земель.[50]

Среди фракийцев — гетов и даков также могли быть племена, позднее слившиеся со славянскими, быть может, даже племена, которые могут быть названы протославянами. Их также связывают не только свидетельства древних авторов, и прежде всего Феофилакта Симокатта, но и некоторые бытовые особенности.[51] Так расширяется круг предков славян. Но когда же они превратились в собственно славян, в народ или, вернее, в группу народов с одинаковым образом жизни, обычаями, языком? Превращение различных племен, родственных друг другу или не родственных, протославянских или ставших славянами лишь с течением времени, в славянские происходило и в скифский период, и в первые века новой

эры, в эпоху римского влияния, во времена готского и гуннского владычества, когда различные племена оказывались включенными в огромные, хотя и недолговечные и примитивные политические объединения. Этот процесс усилился и привел к дальнейшему оформлению славянства в эпоху вторжений в Византию, когда борьба с могущественной Византийской империей и продвижение славян на юг, юго-запад и запад всколыхнули весь славянский мир, когда древнейший очаг славянского этногенеза в Восточной Европе — Среднее Поднепровье — включил в орбиту своего влияния, а следовательно, в процесс становления славянства, протославянские племена верховьев Днепра, Оки и Волги.

Но этот же период «бури и натиска» славян, сплачивая их в войнах и походах на Византию, в то же самое время был эпохой расселения славян на юг, запад, север и восток, временем расхождения, расчленения славянства, отпочкования племен, дифференциации славянских языков и культур, т. е. эпохой не только объединений и схождений, но и расхождений и изоляции, которые привели славян на берега Адриатики и на верховья Волги, на побережье Финского залива и на Балканы и обусловили формирование новых племенных языков, зарождение местных культурных и бытовых особенностей славянских племен, все более и более отличающихся друг от друга.

Это было в середине I тысячелетия н. э.[52]

Глава II

АНТЫ

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП В ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДА И РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

«От истока реки Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венедов. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако главным образом они именуются склавинами и антами.

Склавины живут от города Новиетуна (Новиедуна. — *В. М.*) и озера, которое именуется Мурсианским, до Данастра, а на севере до Вислы. Место городов занимают у них болота и леса. Анты же, храбрейшие из них, живя на изгибе Понта, простираются до Данапра. Реки эти отстоят друг от друга на много дневных переходов».[1]

Так говорит об антах и славянах историк готов Иордан. От Черноморского побережья у Лукоморья (Угла) и Днестра до Днепра простираются, по Иордану, земли антов — храбрейших из всех славянских племен.[2]

Прокопий Кесарийский, живший, как и Иордан, в VI в., в царствование Юстиниана, несколько расширяет территорию расселения антов. Он говорит о славянах и антах, «которые имеют свои жилища по ту сторону реки Дунай, недалеко от его берега».[3] В другой части своего произведения — «Готская война» — Прокопий снова возвращается к вопросу о границах земли антов.

«За сагинами осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Евлисия; прибрежную ее часть, равно и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого Меотийского озера и до реки Танаиса, которая впадает в озеро. Устье этого озера находится на берегу Понта Евксинского. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами. Дальше на север от них занимают земли бесчисленные племена антов».[4]

О расселении славян и антов вплоть до низовьев Дуная сообщает и третий автор VI в. Я имею в виду Маврикия, или Псевдо-Маврикия.[5] В своем «Стратегиконе», говоря о славянах и антах, он указывает, что «их реки вливаются в Дунай».[6]

Свидетельства авторов VI в. дают нам возможность локализовать антов на пространстве от дунайских гирл у левого берега низовьев Дуная до Днепра. Мы не знаем, как далеко на восток простиралась земля антов. Указание Прокопия Кесарийского на то, что к северу от утигуров (утургуров), одного из болгарских племен, обитают «бесчисленные племена антов», еще не дает нам возможности утверждать о расселении антов

вплоть до побережья Азовского моря и Тамани.[7] «К северу от утигуров», занимавших приазовские степи, это может быть и на Среднем Доне, и на Северном Донце. В этом отношении свидетельство Прокопия дает возможность самого широкого толкования. Мне кажется, что Северный Донец и Средний Дон в качестве восточной окраины земли антов и лесостепная полоса Подонья в качестве южной ее границы скорее могут соответствовать исторической действительности и самому смыслу указания Прокопия, нежели побережье Азовского моря и Тамань. Подобное предположение тем более основательно, что памятники материальной культуры, которые бы могли быть приписаны древним восточным славянам-антам, ни в Приазовье, ни на Северном Кавказе не обнаружены. Наоборот, оружие, утварь, украшения, орудия труда и т. п., наконец, сами погребения, обнаруженные на указанной территории, свидетельствуют о том, что в IV—VI вв. н. э. этот край заселяли туземные племена, с одной стороны, уходящие своими корнями в древний, скифо-сарматский, а быть может и киммерийский, мир, а с другой — связанные с позднейшими обитателями Приазовья и Предкавказья — яфетическими, иранскими и тюркскими степными и горскими народами. Такая локализация антов не исключает возможности проникновения антов далеко на юг и юго-восток, но в этом случае речь может идти не о сплошном массиве антского населения, а об антских дружинах и об отдельных поселениях антов.

Так, например, еще III в. н. э. (270 г.) датируется греческая надпись из Керчи, где по отношению к мужскому имени имеется прилагательное «Ἄντας» («Ἄντας Παπι...», т. е. «Папион», или «Папиос Ант»).[8] Пока не будут обнаружены достоверные следы пребывания антов на юго-востоке, было бы более осторожным придерживаться высказанной мною точки зрения.[9] Гораздо более определенной является граница антов на западе; здесь, по-видимому, она не шла далее Прута и излучины Дуная. Этому, казалось бы, противоречит сообщение Михаила Сирина, утверждающего, что «край их» (антов. — *В. М.*) был к западу от Дуная.[10] Вряд ли можно безоговорочно принять это свидетельство Михаила Сирина, так как в данном случае речь идет, по-видимому, либо о проникновении антов в глубь земель, заселенных славянами, либо, что вероятнее, имеются в виду не анты, а собственно славяне. Имеется еще одно интересное указание о земле антов. В отразившем древний эпос остготов сказании о начале лангобардов, датируемом V в. и вошедшем в «Историю лангобардов» Павла Диакона и в «Origo gentis Langobardorum», перечисляются земли, через которые проходили лангобарды во время своего передвижения с севера на Дунай: «Golanda, ubi aliquanto tempore commorati dicuntur: post haec Anthaib, Bantaib pari modo et Burgundaib...».[11] Нет никакого сомнения в том, что «Anthaib» означает «край (или «земля») антов» (aib, eiba — округ, край, земля). «Края антов, венетов, бургундов» — это как раз те земли, которые были хорошо известны готам и из готского эпоса попали к лангобардам. Есть и другая трактовка приведенного отрывка из лангобардской легенды. «Golanda» — это древние галинды, голядь нашей летописи. «Bantaib» или «Wantaib» — край «Want»-ов, вѧт-ов, т. е. вятичей. В «Burgundaib», или «Burguntaib», усматривают не бургундов, а болгар. Но все исследователи сходятся на том, что «Anthaib» — земля или край антов. Объясняя таким образом упоминание о «крае антов» в лангобардской легенде, мы устраняем необходимость помещать антов далеко на за-

пад или заставлять лангобардов совершать свое передвижение на юг по лесам и болотам Восточной Европы.[12] Северная граница антов нам неизвестна, но можно думать, что та часть «бесчисленных племен антов», которая была известна писателям раннего средневековья, вряд ли обитала далеко к северу от лесостепной полосы.

Если обратиться к памятникам материальной культуры, которые в науке принято считать антскими, то придется вслед за А. А. Спицыным и Б. А. Рыбаковым признать, что основным ядром земли антов было Среднее Поднепровье: оба берега Днепра от Припяти до порогов, Подесенье, Посемье, течения Псла, Суллы и Ворсклы. Отдельные островки антской культуры доходят до Воронежа на Дону, до Харькова и, наконец, до Херсона на Нижнем Днепре. К сожалению, гораздо хуже в археологическом отношении изучены Побужье, Поднестровье и Дунайское понизовье, места обитания антов и их потомков, летописных уличей и тиверцев. Тем не менее указанное обстоятельство не мешает нам говорить об этих областях как о западной части «края антов».

В результате рассмотрения и сопоставления приведенных выше источников мы можем, наконец, установить границы «края антов». «Край антов» окажется лесостепной полосой, которая от Днепра к Бугу и Днестру и далее к Дунаю спускается все южнее и южнее, почти до самого берега Черного моря. Отсюда, от гирл Дуная и побережья Черного моря, южная граница «края антов», направляясь на северо-восток, пересечет Днестр, Буг и выйдет к Днепру южнее Киева, а оттуда лесостепь, заселенная «бесчисленными племенами антов», потянется к Полтаве, Харькову, Курску и Воронежу. Анты живут и южнее, в степи, на нижнем течении Днепра, возможно, и восточней, но степь освоена ими мало.[13] Так рисуется нам «земля антов» по скудным, скупым и немногочисленным, но в силу этого обстоятельства и чрезвычайно ценным источникам раннего средневековья.

Кем же были анты?

Нет никакого сомнения в том, что писатели VI—VII вв., прекрасно знавшие и славян, и антов, уже в силу хотя бы того обстоятельства, что военная мощь славянских и антских племен Дамокловым мечом нависла над Византийской империей, считают и тех и других потомками одного племени — венедов.

Иордан говорит о славянах и антах как о двух главнейших ветвях «многолюдного племени венедов». В другом месте Иордан отмечает: «Они (венеды. — *В. М.*), как мы установили в начале изложения, именно в перечне народов, происходя из одного племени, имеют теперь три имени, т. е. венеды, анты и склавины».[14]

Для Иордана, жившего в Мизии, современника и свидетеля опустошительных набегов на византийские земли славян и антов, не было никаких сомнений в том, что славяне и анты — родственные, близкие друг другу группы племен, носившие ранее название венедов, которое продолжало обозначать то славян в целом, то определенную, главным образом западную, группу славян, не только во времена Иордана, но и гораздо позднее, что и отразилось в наименовании славян германцами («wenden», «winden», «winida») и финнами («venäjä», «venë», «veneä»).

Отмечая родство славян и антов и подчеркивая, что «...у обоих этих вышеназванных варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы», Прокопий говорит: «И некогда даже имя у славян и антов было одно и то

же». Но это древнее наименование славян и антов у Прокопия иное. «В древности оба эти племени называли спорами, думаю потому, что они жили, занимая страну „спораден", „рассеянно", отдельными поселками».[15]

Мы не знаем, что имел в виду Прокопий, когда древнее наименование славян и антов пытался перевести на привычный для него язык термином «рассеянно», «рассеянные». Можно только предположить, что само наименование славян или название, данное им соседям, он пытался осмыслить по-своему, исходя из того, что он знал о жизни и быте славян. «Επόροι» связывали со «spali» Иордана, местным населением Приднепровья, с которым пришлось воевать готам во время их продвижения на юг, с «сербами», «сорбами» более поздних источников, наименованием уже собственно славянских племен; вопрос о «Επόροι» остается до сих пор не решенным. По-видимому, все же «Επόροι» — это греческое осмысление какого-то этнического термина («спалы», «сполы», «сербы»). Греки знали, что славяне живут родами, племенами, «рассеянно» и называются «spol», «Επόροι» или «sorb». По-гречески же «спорос», «спораден» — «рассеянный», «рассеянно». Вполне понятно поэтому, что византиец VI в. считал, что славяне называются «spol» или «spor» потому, что они живут «рассеянно».

Если до сих пор остается неясным указание Прокопия на древнее название славян и антов «спорами», то зато не вызывает никаких сомнений тесная связь этих двух групп славянских племен.

Прокопий указывает: «У тех и других (т. е. у славян и антов. — *В. М.*) один и тот же язык, довольно варварский, и по внешнему виду они не отличаются друг от друга».[16]

Подтверждение этому мы находим в «Стратегиконе»: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе».[17]

Антские имена собственные, дошедшие до нас в латинизированной или эллинизированной форме, звучат как чисто славянские имена: Доброгаст (или Доброгост), Всегорд, Хвалибуд, Мезамир (Межамир), Идар, Бож, Келагаст.

Что же касается самого названия «ант», то вряд ли это слово может быть названо славянским. Оно очень древнего происхождения и читается еще в Галикарнасской надписи V в. до н. э., где этим именем назван греческий жрец. Тогда же, в эпоху античной Греции, оно встречалось в составе сложных собственных имен: Эоант, Калхант, Тоант и т. д. По-видимому, так же как и «венед», это наименование дано было группе восточнославянских племен соседями и является словом чужого происхождения, хотя очень заманчивой кажется попытка установить связь между термином «ант» и названием «венд» — «венед», с одной стороны, и наименованием «вент» — «вят» — «вятич» — с другой.[18]

В свете приведенных выше свидетельств мы можем установить не только область расселения «бесчисленных племен антов» на протяжении лесостепной полосы от низовьев Дуная до Дона, имеющей более или менее однородные физико-географические природные условия, фауну, флору, но и прийти к выводу о формировании на указанной территории, не только в силу географических, но и исторических условий, особой группы славянских племен. Это были анты, ближайшие предки восточнославянских, русских, племен.

А. А. Спицын, специально занимавшийся вопросом о характере и распространении культуры антов, отмечает наличие однотипной и однообразной культуры, которую он связывает с культурой «полей погребальных урн» и датирует VI—VII вв. Остатки культуры эпохи антов локализуются в Киевской, Херсонской, а на Левобережье — в Черниговской, (Шестовицы, Новоселов у Остра, Верхнее-Злобники у Мглина и др.), Полтавской (Лебеховка, Поставлуки, Берестовка и др.) и главным образом Харьковской (Сыроватка, Березовка и пр.) областях.[19]

Б. А. Рыбаков указывает, что «стержнем культуры (антов. — *В. М.*) оказывается Днепр, а основная масса находок географически совпадает с центральной частью Киевской Руси — с княжествами Киевским, Черниговским, Новгород-Северским и Переяславльским».[20]

Анты II—VII вв. — это уже славяне, точнее — восточные славяне, одна из ветвей венедов I в. н. э., при этом анты — не единый народ, а совокупность бесчисленных племен. Об их принадлежности к русским, восточнославянским, племенам говорят их имена, их верования (культ «бога, творца молний» по Прокопию, т. е. Перуна) и прямые указания писателей древности.

На отсутствие полного единства антских племен указывает наличие местных особенностей в материальной культуре и погребальных обычаях (трупоположение и трупосожжение) — типичный признак этнической пестроты. Но эта последняя все же не столько отрицает, сколько подтверждает факт начавшегося процесса этногенеза восточных славян ранней, антской, ступени формирования.

О жизни и быте антов мы узнаем главным образом из произведений Прокопия, Маврикия, Менандра и Иордана. Им мы и предоставим слово.

Говоря о славянах и антах, Маврикий (Псевдо-Маврикий) замечает: «Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей».[21]

Прокопий добавляет его рассказ: «Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они по большей части меняют места жительства».[22] Это же подтверждает и Маврикий своим замечанием о том, что «они... (славяне и анты. — *В. М.*) ведут жизнь бродячую».[23] Свидетельства обоих писателей древности во многом подтверждаются материалами археологии.

Славяне и анты действительно живут в лесах, у рек, болот и озер. Если мы возьмем карту городищ и могильников антской поры и даже более позднюю, восточнославянских поселений VII—X вв., и наложим ее контуры на карту распространения лесов в Восточной Европе, то в южной своей части они почти полностью совпадут. В открытую степь поселения антов выходят редко. Антские и собственно восточнославянские поселения, естественно, группируются у рек, болот и озер, так как, во-первых, это были труднодоступные места, и, как правило, избираемые славянами для жительства правые, высокие и холмистые, покрытые лесом берега рек были, как и болота и озера, естественными укреплениями; во-вторых, река кормила рыбой, река давала дичь, на реках били бобров и выдр, на речных поймах заливных лугов пасли скот, реками пользовались как средством передвижения, у рек и озер лежали и возделанные поля, так как в чащу дремучего леса славянин-земледелец заходил в те времена редко.

Но как примирить указания и Прокопия и Маврикия на бродячий образ жизни славян и антов с оседлым земледельческим бытом славянства той поры, как он рисуется нам по памятникам материальной культуры? Прежде всего нужно отметить, что Маврикий говорит об антах как о земледельческом оседлом народе: «У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы».[24] Очень характерным является и другое замечание Маврикия о многочисленных выходах в жилищах антов.

Данные археологических раскопок подтверждают указания древних авторов.

Городища эпохи антов, к сожалению, изучены мало, и число их очень невелико.

Говоря о памятниках материальной культуры, которые могут быть определены как принадлежащие антам, мы, естественно, будем называть антскими все те из них, которые связаны с культурой «полей погребальных урн». Бытование этой культуры в Среднем Приднепровье и в сопредельных областях в I—VI вв. н. э., т. е. во времена антов, ее связи с позднейшей собственно славянской культурой дают возможность признать ее создателями антов.

Но нам уже известно, что поселения времен культуры «полей погребальных урн» изучены очень слабо. В литературе было высказано предположение о господстве во времена антов открытых поселений. Работы Днепровской (Славянской) экспедиции, произведенные в 1940 г., обнаружили в районе известных «полей погребений» у села Кантемировки остатки открытого поселения римской поры. Археологические работы по берегам рек киевского Полесья выявили наличие исключительно одних селищ среди памятников I тысячелетия н. э. Ни одного городища этой поры не было обнаружено. Селища очень невелики по размерам и имеют незначительные культурные наслоения. По-видимому, в это время в лесной части Среднего Приднепровья люди селились совсем маленькими поселками. Южнее, к границам лесной полосы, размеры селищ вырастают. Жилищем в открытых поселениях времен «полей погребений» служила полуземлянка с крышей, возвышающейся над поверхностью земли. Таким образом, мы можем прийти к выводу, что во времена антов славянское население Среднего Приднепровья и сопредельных областей обитало в небольших открытых поселениях, что свидетельствует о мирном быте обитателей поселений времени «полей погребальных урн». Но я обращаю внимание на наличие антских слоев и в огромных городищах Приднепровья. На громадных, достигающих 35—45 тысяч квадратных метров городищах — Жарище, Матронинское и др. — обнаружены слои V—VIII вв. с вещами, принадлежность которых к антам не вызывает сомнений. Высокий вал городища Жарище был обнесен деревянным частоколом из бревен. Целая система валов и рвов окружает другие городища. Наряду с большими городищами встречаются менее крупные, площадью в 4—5 тысяч квадратных метров, располагающиеся обычно на высоких, крутых берегах рек, обведенные валом и рвом. Укрепленные поселения антов говорят о войнах, о вступлении антов в высшую стадию варварства, в эпоху военной демократии.

Внутри городищ, заселенных в ту пору антами, обнаружены остатки наземных жилищ или полуземлянок со стенами, сплетенными из камыша

или хвороста и обмазанными глиной. Размеры их невелики: 4×3, 4×5, 6×4, 6×5 метров. Внутри жилищ помещались глинобитные очаги и печи. Рассказ Маврикия о множестве выходов в жилищах у славян и антов подтверждается раскопками Б. А. Рыбакова на Гочевском городище в Курской области, где в слоях VI—VII вв. обнаружен ряд землянок с соединительными ходами и, следовательно, несколькими выходами. Подобного же рода соединительные ходы обнаружены в более поздних городищах VIII—X вв. раскопками Н. Макаренко в районе г. Ромны Полтавской области и раскопками П. П. Ефименко на Борщевском городище у Дона.

Эти соединительные ходы говорят о комплексном жилье, которое занимала целая группа родственников, состоявшая из отца, взрослых сыновей с их семьями, ведущая общее хозяйство. Это была патриархальная большая семья, семейная община, основная общественная организация древних славян, объединенная общим хозяйством, общим имуществом, общей работой, известная позднее под названием большой кучи, задруги, дружества или верви, из которой развилась позднее сельская община. Внутренние ходы действительно давали возможность антам использовать их в целях укрытия и обороны, но не это было целью их создания.

Таким образом, анты обитали не только в «жалких хижинах». Поселениями служили им и громадные городища с целыми жилищными комплексами, помещавшимися внутри их. Нет сомнения в том, что в результате дальнейших работ археологов лучше будут изучены и открытые селища. Их трудно обнаружить. Но огромное число «полей погребальных урн» заставляет нас искать где-то вблизи поселения. Между тем поблизости городищ нет. Следовательно, тут где-то неподалеку находятся остатки открытого поселения — «селище».

Но как понять утверждение Прокопия о «жалких хижинах» антов? Во-первых, «жалкими хижинами» для византийца были жилища открытых антских поселений — селищ. Это был хижины — избы, землянки и полуземлянки и просто жилища типа куреней и шалашей. Во-вторых, нет никаких сомнений в том, что в известной и немалой своей части, как и их потомки, русские, анты выселялись из городищ. По весне они выходили в луга, в степи, где ловили рыбу, били зверя, птицу, собирали мед диких пчел. Зимой охотники уходили в леса, где ставили «зимовья», били пушного зверя, добывали на мясо и шкуры крупного зверя: зубра, тура, лося, оленя, дикого кабана. В «жалких хижинах» антов едва ли не следует усматривать временные жилища земледельцев, выходивших на новые заимки, в зависимости от обрабатываемого участка пашни в известном радиусе от городищ, или землянки и шалаши типа позднейших куреней, зимовий и летовий охотников, рыбаков и скотоводов, промышлявших в лесах, степи, на реках и озерах. Зимой возвращались в укрепленные городища, где оставалось немало и мужчин, и женщин, не покидавших их на долгое время. Туда же скрывались при появлении врагов. Кроме того, указание на «жалкие хижины» антов и славян, быть может, является следствием того, что византийцы имели дело с передовыми волнами славянской колонизации, имевшей характер военных вторжений, а воинам, стремившимся к новым и новым завоеваниям, к захвату все новых и новых земель, жаждавшим славы и добычи, было не до возведения городищ. Они довольствовались «жалкими хижинами», мечтая о дворцах, городах,

садах и полях пышной, сказочной богатой Византии. С другой стороны, сам способ ведения хозяйства у древних славян, обширность и слабая заселенность ими и их соседями земель приводили к медленным, постепенным, но непрерывным переселениям и расселениям в поисках лучших земель и угодий, по мере того как переставала давать большие урожаи земля и оскудевали рыбой и дичью угодья, расселениям отдельными патриархальными семьями, обиталищем которым служил неукрепленный двор типа позднейших «дворищ», «печищ» и «газдивств».

Примитивное лесное земледелие славянских племен лесной полосы Восточной Европы являлось причиной того, что все они находились как бы в состоянии непрерывного передвижения. По мере истощения почвы их заимки передвигались, и на новом месте появлялись новые селища, состоявшие из «жалких хижин», а старые запустевали. Проходило некоторое время, запустевало и это последнее, покинутое своими обитателями, передвинувшимися на другое место. Размах этих передвижений невелик, они локальны. Расселения и переселения, обусловленные самим характером земледелия, протекают медленно. Масса населения все время в движении, постепенном, ограниченном, растекающемся по пространствам Восточной Европы очень медленно, но в движении. Этим и обусловливается незначительность культурных слоев в поселениях I тысячелетия н. э. Вот эти-то постоянные передвижение и расселение, а еще в большей степени вторжение славян и антов в пределы Византийской империи, присущее варварским народам стремление к переселениям и давали возможность византийским писателям назвать их жизнь бродячей и этим самым вступить в противоречия со своими утверждениями о земледельческом хозяйстве, а следовательно, и об оседлом образе жизни славян.

Маврикий говорит о кучах проса («кенхрос») и пшеницы (вернее, особого рода проса «элюмос», заменяющего пшеницу) у антов. Археологическими раскопками обнаружены ямы-хранилища, где найдены остатки пшеницы и проса и серпы. У антов было распространено пашенное, плужное земледелие. Рало и плуг с железным лемехом-наральником были главными земледельческими орудиями. На юге, в черноземных землях Приднепровья, по-видимому, подсечное земледелие не было распространено, а с давних пор господствовало пашенное земледелие. При раскопках городищ обнаружены кости быков, коров, лошадей, свиней, коз и овец. Бык у антов считался главным жертвенным животным и приносился в жертву богу грозы.[25] Этот обычай уводит нас в седую древность, во времена Триполья с его культом быка. Большую роль играли охота и рыбная ловля. За это говорят находки в ямах-хранилищах рыбьей чешуи, а также рыболовных крючков и грузил для сетей. Охотились на лося, медведя, бобра, лисицу, куницу, били и ловили дикую птицу.

Как ни мало занимались археологи вещественными памятниками антов, мы все же можем сделать вывод, что ремесло у антов достигает высокого развития. Почти везде на городищах найдены следы обработки железа сыродутным способом. Железо добывалось из местных болотных руд. Из привозных меди, бронзы, золота и серебра выделывались разнообразные украшения: фибулы, пряжки, кольца, бляхи и т. д. Особое распространение в Восточной Европе получили выделываемые антами Среднего Приднепровья в III—V вв. н. э. бронзовые вещи, украшенные красными и зелеными вставками и эмалью.

Гончарная керамика, изготовленная на круге, достигающая высокого совершенства, особенно знаменитая посуда с черной лощеной поверхностью, свидетельствует о высоком развитии ремесла. Правда, бытует и грубая керамика, лепленная от руки. Стандартность форм изделий кузнецов, ювелиров, гончаров говорит о ремесленной форме производства, о сложении ремесла, об отделении его от сельского хозяйства. А эти процессы говорят уже о начале распада общины.

Высокого развития достигла у антов и торговля. Из причерноморских и придунайских городов на север, к антам, шли украшения: бусы, фибулы, зеркала, оружие и пр. Из земли антов на юг шли меха, возможно, хлеб, воск и мед.

На своих лодках — однодеревках («моноксилах») анты плавали по Днепру (в его низовьях находили антские вещи), выходили в море, и, быть может, достигали Херсонеса.[26]

Пашенное, плужное земледелие, скотоводство, достигшее высокого развития ремесло, открытые поселения и большие городища, все чаще и чаще используемые для жилья, укрепляемые вместе с обострением межплеменных войн, — таким рисуется нам хозяйственный быт антов. Земледельческая культура антов как бы продолжает скифскую земледельческую культуру. Железный лемех, пашня, рабочий скот, используемый для обработки земли, бытуют в Среднем Приднепровье от эпохи скифов-пахарей до времен Боза и Межамира. В антах мы усматриваем продолжателей традиций скифов-пахарей. И недаром из скифо-сарматского мира анты унаследовали и элементы изобразительного искусства, и культовые представления (Матери-Земли, Хорса и Симаргла, переданные ими своим потомкам — восточным славянам киевской поры), и, быть может, само свое имя.[27]

Многовековые связи с античным Причерноморьем, длительное развитие относительно высокой земледельческой культуры, находившейся под влиянием античной цивилизации, не могли не отразиться на общественном строе антов, явившихся как бы последним этническим образованием скифо-сарматского мира и первым — нового, средневекового, русского.

«Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим», — говорит Прокопий Кесарийский.

«Не имея над собой главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя...», — пишет Маврикий и далее добавляет: «Так как между ними нет единомыслия, то они не собираются вместе, а если и соберутся, то решенное ими тотчас же нарушают другие, так как все они враждебны друг другу и при этом никто не хочет уступить другому». «...Они (т. е. варвары. — *В. М.*) не имеют военного строя и единого начальника; таковы славяне и анты...». «Их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране», — указывает Маврикий в других частях своего «Стратегикона».[28]

Иордан говорит об антском вожде Боже (Бозе) и 70 старших вельможах антов, в которых нетрудно усмотреть племенных князьков.

Перед нами родоплеменной строй на высшей, и последней, стадии своего развития. Анты, по свидетельству Прокопия, «рассуждают обо всем, что для них полезно или вредно, сообща». Речь идет, по-видимому, о сходках родов или племен, о родовых и племенных вечевых собраниях,

на которых сообща решались все вопросы. Но объединения племен непрочны. Они то складываются, то рассыпаются. Племена антов, бесчисленные и свободолюбивые, находятся в постоянной вражде. Союзы племен, формирующиеся по взаимной договоренности на межплеменных сходах, недолговечны и непостоянны. Анты не признают над собой власти ни иноземцев, ни своих соплеменников и лишь на время интересы обороны или совместных военных походов заставляют их объединиться под властью одного вождя. Многочисленность предводителей у антов, которых Маврикий называет «риксами», а Феофилакт Симокатта «рексами», заявляя, что «так варвары называют на своем языке» вождей, давала возможность византийцам подкупать некоторых из них и этим самым усиливать среди них вражду и не давать им стать «под власть одного вождя» (Маврикий).[29] Византия часто приглашала антских вождей на военную службу. В 469 г. начальником фракийских войск был славянин, или ант, Анангаст. В 30-х годах VI в. ант Хвалибуд, или Хвилибуд (Хилвудий), был начальником византийских гарнизонов по Дунаю. В те же времена командующим византийской черноморской эскадрой был ант Доброгаст. Среди военачальников византийского войска упоминается ант Всегорд.

С течением времени межплеменные объединения расширяются и становятся все более прочными и длительными.

По свидетельству Менандра, во времена опустошительных набегов аваров на земли антов, около 558 г., анты были объединены под властью одной семьи знатных, родовитых антов. Менандр знает отца — Идара, его сыновей, Межамира и Келагаста Идаричей. Явившись к аварскому кагану, Межамир Идарич «закидал их (аваров. — *В. М.*) надменными и даже дерзкими речами».[30] Поведение его вполне понятно. Сын знатного вождя, он не привык к повиновению и мог позволить себе такое обращение с каганом всесильных аваров, зная, что за его спиной стоит воинство «бесчисленных племен антов». Убийство Межамира действительно привело к распаду племенного союза антов и к временному успеху аваров. Нам понятны и страх, внушаемый аварам Межамиром, и его более чем независимое поведение в ставке аварского кагана — он был «риксом» целого племенного союза антов. Его власть была уже властью наследственной и составляла привилегию одной семьи, трех членов которой Менандр знал по именам. Быть может, появлялись отдельные «рексы», узурпировавшие власть, как, например, славянин Ардагаст, ставший полновластным повелителем «страны, бывшей под властью Ардагаста».[31] Свое право собственности на земли, угодья, ценные вещи антская племенная знать отмечала особыми знаками типа «пятен» Киевской Руси, имеющими форму, близкую к знаменитым родовым знакам Рюриковичей.

В известном Мощинском кладе (Верхняя Ока), в находках у Смелы (у Киева) были обнаружены трапециевидные подвески из тонкой медной пластины, на которых были выбиты тамги: одна (мощинская) в виде двузубца, другая (из Смелы) в виде двузубца с отрогом внизу, усложненным дугой.[32]

Межплеменные и завоевательные войны, грабительские походы, заканчивавшиеся уводом пленных и захватом ценностей (скота, имущества, драгоценностей), торговля и поборы с покоренных племен обогащают антских предводителей и усиливают их власть. Маврикий пишет о славя-

нах и антах: «Необходимые для них вещи они зарывают (в землю) в тайниках, ничем лишним открыто не владеют».[33]

По всей лесостепной полосе, где обнаружены антские городища, тянутся богатые погребения и клады дорогих византийских золотых и серебряных вещей с клеймами византийских мастеров Константинополя и причерноморских городов. Из этих кладов наиболее известны Обоянский, Днепропетровский и Перещепинский. Б. А. Рыбаков совершенно прав, когда говорит: «Плохая традиция археологической науки стремилась распределить эти клады между любыми народами, так или иначе упоминавшимися в связи с Восточной Европой, но ни разу не назвала антов. Эти клады приписывали готам, хотя все они были зарыты спустя сотни лет после ухода готов из степей (клады датируются IV—VII вв. н. э. — *В. М.*); приписывали их аварам, хотя авары в южнорусских степях были всего лишь десяток лет. Настоящими хозяевами этих сокровищ надо считать антов, грабивших в VI в. византийские города и возвращавшихся с добычей на родину. Некоторые клады накапливались, очевидно, несколькими поколениями. Клады содержат кубки, кувшины, блюда, фалары, браслеты, аграфы, мечи, пряжки и т. д. Вес золота в некоторых кладах превышает 20 килограммов.[34] В кладах времен антов встречаются вещи, совершенно определенно говорящие, что они были захвачены во время похода на Византию. Так, например, в днепропетровском кладе было обнаружено византийское навершие знамени в виде орла, которое только в битве могло попасть в руки противника. Каждый удачный поход обогащал предводителя антских дружин. Росла имущественная дифференциация.

О военных походах антов и славян на Византию сообщают древние авторы:

«Около этого времени анты сделали набег на Фракийскую область и многих из бывших там римлян ограбили и обратили в рабство. Гоня их перед собой, они вернулись с ними на родину. Одного из этих пленников судьба привела к человеколюбивому и мягкому хозяину».

«С того времени как Юстиниан принял власть над Римской империей (527 г. — *В. М.*), гунны, славяне и анты, делая почти ежегодно набеги, творили над жителями этих областей нестерпимые вещи. Я думаю, что при каждом набеге было убито здесь и взято в плен римлян по 200 000 человек, так что эта страна повсюду стала подобной скифской пустыне». «Вся Европа разграблена гуннами, славянами и антами, из городов одни были разрушены до основания, другие дочиста обобраны благодаря денежным контрибуциям... варвары увели с собой в плен всех людей со всем их достоянием...».[35] Так говорит о походах славян и антов Прокопий. Это с грустью констатирует и Иордан, сообщая, что анты и славяне «теперь по грехам нашим... свирепствуют повсюду».[36]

Свидетельства Прокопия, Иордана, Иоанна Эфесского, Менандра и других древних авторов о походах славян и антов, подкрепляемые находками кладов IV—VI вв. в землях антов и имущественной дифференциацией, прослеживаемой по материалам погребений, дают право утверждать о далеко зашедшем расслоении среди антов.

Антские племенные князья-предводители, «рексы», сосредоточивают в своих руках ценности, которые тщательно, пряча от врагов, зарывают в землю. В результате походов на юг антская племенная знать не только

накапливает золото и серебро, дорогое оружие, ценные украшения и утварь, но она становится и обладательницей рабов.

Какой характер носило рабство у антов?

Маврикий сообщает: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая срок рабства определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там, где они находятся, на положении свободных и друзей».[37] Ограниченный срок рабства, небольшой выкуп, возможность стать свободным и полноправным членом общины антов — все это говорит за патриархальный характер рабства.

Но в то же время нельзя не отметить, что рабство у антов перерастало патриархальную форму. Огромное количество пленных, уводимых в рабство антами во время их набегов на Византию, покупка и продажа рабов у антов (один грек, пленный, попадает, по Прокопию, к хозяину, который, очевидно, купил его у какого-то вернувшегося из похода на Византию антского воина, вместе с хозяином они едут к славянам и покупают раба, родом анта), затруднительность возвращения в «ромейскую землю» из антского плена рабов-греков — все это свидетельствует о том, что рабство у антов играет большую роль.

Правда, главным источником рабства, если не единственным, был плен. Долгового рабства анты еще не знают. Ант — раб, вернувшийся на родину, согласно закону становится свободным.[38] Ант, купивший раба-анта и вернувшийся с ним на родину, теряет заплаченные за него деньги, так как его купленный раб становится таким же свободным, как и он сам, и только потому, что он — ант.

Сообщение Маврикия о самоубийствах жен на могилах мужей тоже говорит о рабстве, а именно — о ритуальном убийстве рабынь на могиле своего господина.[39] Обычай, бытовавший у руссов в IX—X вв. и описанный Ибн-Фадланом.*

Даже наличие архаических черт, которыми характеризуется рабство у антов, свидетельствующих о патриархальном укладе семьи, не опровергает нашего мнения о том, что рабство у антов способствовало распадению первобытно-общинных отношений, разложению родовой, патриархальной семейной организации, усиливало имущественное неравенство. Рабы, отпущенные на волю, поселенные в земле антов, разлагали кровно-родственную организацию рода, семьи и способствовали развитию территориальной общины. Воины-анты, захватившие в плен рабов, даже отпуская их на волю, становились собственниками определенных материальных благ, вносимых в качестве выкупа. Еще больше обогащались антские князья-«рексы», становившиеся собственниками ценностей, захваченных во время непрерывных походов в «землю ромеев».

«Богатства соседей возбуждают жадность у народов, которым приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд».[40]

Война, а следовательно, и накопление богатств в результате войны еще больше усиливает власть верховных военачальников.

---

*Имена собственные даются в транскрипции автора. — *Прим. отв. ред.*

Анты вышли на сцену мировой истории из своих дремучих лесов и степей как воинственный, храбрый и свободолюбивый народ.

«Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище». «Их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране», — говорит об антах Маврикий.

Вооруженные небольшими копьями, луками и стрелами, иногда с ядовитыми наконечниками, мечами и прочными, тяжелыми щитами анты были опасными врагами. В густых лесах, обрывах, ущельях поджидали они своих противников и внезапно с криком нападали на них из засады. Днем и ночью, используя знание местности, прибегая к всевозможного рода хитростям, анты нападали на врагов, изобретая всевозможного рода способы боя. Анты умело переправлялись через реки, «превосходя в этом отношении всех людей» (Маврикий). На своих однодеревках они отваживались пускаться и далеко в море и вместе со славянами нападали на византийские владения вдоль морских побережий. Застигнутые врасплох анты укрывались в камышах и, опустившись у берега на дно реки или озера, дышали через выдолбленные камышины, часами выдерживая пребывание в воде и укрываясь от глаз врага.

Когда враг внезапно нападал на антов в походе, они устраивали укрепление из телег, как это делали русские во времена походов в глубь степей, на половцев. Такой круг, составленный из сдвинутых телег, напоминавших казацкий табор, был неприступен для неприятеля. Меткие стрелы и метательные копья антов держали врага на почтительном расстоянии от боевого стана антов.

В непрерывных походах и войнах «грубые варвары» — славяне и анты, шедшие в бой с «ромеями» в начале своих вторжений в Византию со щитами и копьями в руках, одетые в простые рубахи и шаровары, научились военному искусству у своих же врагов, вооружились их же оружием, и настало время, когда анты, изумившие своей доблестью Прокопия, «научились вести войну лучше, чем римляне» (Иоанн Эфесский).[41] Немудрено, что «они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия».[42]

Византийцы высоко оценивали военное искусство антов, умевших воевать в самых трудных условиях, в горах, ущельях, лесах и болотах, стойких, мужественных, искусно использовавших местность, предприимчивых и смелых в бою, «доблестных» и «энергичных» (Прокопий). Маврикий посвятил искусству войны со славянами и антами целый ряд разделов своего «Стратегикона», а это свидетельствует о том, что Византия считала их опасными врагами. Конечно, славяне и анты не умели сражаться сомкнутым строем и обрушивались на врага с криком, нестройной толпой. Вначале им трудно было воевать с византийцами на открытом месте. Поэтому они предпочитали сражаться в лесах и болотах, в горах и ущельях, пользовались засадами, ловушками, внезапными нападениями и т. д. Но это было «детство» военного искусства антов. Выйдя на широкие просторы византийских земель, они вынуждены были отказаться от своей примитивной тактики и усвоить искусство врагов. Но с самого начала войн с Византией недостаток вооружения заменяли антам храбрость, стойкость, выносливость и предприимчивость.

Иордан называет антов «храбрейшими из них» (славян). Высоко расценивая боевые качества своих противников, император Юстиниан с гордо-

стью носил титул «победителя антов». Фредегар говорит о том, что авары всегда ставили в первых рядах славянских воинов как самых сильных и храбрых.

Византийцы не жалеют красок, описывая опустошительные набеги славян и антов и их жестокость. Они не щадят врагов, убивают и мучат их.

Походы антов, приводившие к обогащению антских дружин и их вождей-князей, способствовали укреплению «развивающейся из родового строя военной демократии», «военной потому, что война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни» (Фр. Энгельс), «демократией» потому, что перед нами вооруженный народ, управляющийся народным собранием, советом старейшин и вождей и высшим военачальником, еще не знающий не только власти, противопоставляющей себя народу, но даже отделенной от него.

С течением времени «грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей; обычное избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют...».[43] Так зарождаются первые примитивные формы государственной власти, обусловленные имущественным неравенством и развитием рабства.

Война и народоправство («демократия») — эти две особенности общественной жизни антов отмечают и писатели древности.

Дружины антов не были отрядами профессионалов-воинов, как это имело место позднее, в Киевской Руси. Вооружены были все мужчины, и почти все вооруженные мужчины принимали участие в обороне своей земли и даже в далеких походах на Византию. Маврикий, рассказывая о военных хитростях антов, говорит, что при внезапном нападении на них «некоторые, из числа остающихся дома», спасаются, прибегая к погружению на дно реки у прибрежных камышей, так как поселения антов «расположены вдоль рек...».[44] Уходят в поход не все, но все же дружины антов — это вооруженный народ.[45] В комплектовании дружин сохраняется архаический обычай — по возрастному принципу. Тот же Маврикий, хорошо знавший славян и антов, говорит об особенно опасных для «ромеев» внезапных нападениях из засад «легковооруженной молодежи».[46] Пережитки этого явления бытуют еще в Киевской Руси в виде «старшей» и «молодшей дружины». Все эти качества антов и привели к тому, что они вошли в историю как храбрый, воинственный и свободолюбивый народ. Они были варварами эпохи «военной демократии» со всеми присущими им отрицательными и положительными качествами. И не случайно хорошо знавший антов Прокопий говорит, что, несмотря на их жестокость, «грубый, без удобств» образ жизни, они «по существу неплохие люди и совсем незлобные», хотя и сохраняют «гуннские», т. е. варварские, нравы.[47]

Эти высокие, сильные, темно-русые люди, страшные для врагов, отличаются гостеприимством, ласково принимают иноземцев, заботятся и охраняют их, и если по вине какого-либо анта с чужеземцем случится несчастье, то первый приютивший его у себя ант «начинает войну против виновного...».[48]

Патриархальное гостеприимство и кровная месть за чужеземца, как за сородича, говорят о родовом быте антов, еще не успевшем окончательно

разложиться под влиянием имущественного расслоения и рабства. Патриархальный быт антов с родовыми и племенными вечевыми сходами выступает и в указании Прокопия на то, что «у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим», и в свидетельстве его же о межплеменных собраниях. Патриархальный быт антов отразился и на положении женщин в семье, «скромность» которых «превышает всякую человеческую природу...»,[49] предпочитающих смерть вдовству.

Культ бога, «творца молний», которому приносят в жертву быков и совершают другие обряды, почитание рек, нимф (русалок) и «всяких других демонов», приношения им в жертву роднят антов с восточными славянами Киевской Руси, которые, так же как и их предки, почитали Перуна и поклонялись рекам, родникам, «кладезям», русалкам, лешим, домовым и т. д.

Подводя некоторые итоги, мы приходим к выводу, что в антах следует усматривать восточных славян Среднего Приднепровья и смежных с ним южных областей лесостепной полосы, вступивших уже в стадию «военной демократии», с союзами племен, богатой племенной знатью, владельцами ценностей, скота, рабов, с территориальной общиной, состоящей из патриархальных общин, с разлагающимися, но еще очень сильными традициями родового быта. По мере развития войн и вовлечения в сферу влияния Византии, по мере проникновения антов на юг, в пределы «страны ромеев», распадение родового строя у антов идет все быстрее и быстрее.

Переходя к политической истории антов, мы вынуждены прежде всего отметить скудость дошедших до нас источников. Сколько-нибудь стройное изложение ее не представляется возможным.

Первые упоминания о политической истории антов связаны с их столкновениями с германцами-готами.

Вопрос о готах в Причерноморье и на Днепре очень сложен. Даже для того чтобы осветить современное его состояние в науке, пришлось бы сделать большое отступление, что для наших целей совсем не обязательно.

С берегов Вислы, где их помещают античные авторы, а быть может из более северных земель, готы (Gutthiuda) — одно из восточно-германских племен, соседившее здесь, на севере, с лугиями, венедами, айстами (эстами — древнее название литовцев, закрепившееся позднее за пришельцами с востока — финнами) и феннами (финнами), — прошли на юг, миновав труднопроходимые, болотистые места, где погибло их немало на переправах. В краю «Oium» они столкнулись с местными жителями «сполами» (спалами) и двинулись дальше на юг, в Причерноморье, где их и застают письменные свидетельства начала III в. Так говорят о переселении готов на юг Иордан и Гута-Сага (XII—XIII вв.). Остроготы сидели от Днепра до Днестра и Карпат. К западу от них обитали визиготы. Как далеко на север простирались владения остроготов, мы не знаем. Правда, у Иордана говорится о том, что в царствование Германариха остроготам был подчинен ряд племен, в том числе Thiudas (чудь), Merens (меря), Mordens (мордва), Vasinabroncas (весь?), Aestii (литва) и др.

Но уже давно вызывали сомнения огромные размеры державы Германариха, давно обратили внимание на то обстоятельство, что, говоря о племенах, подвластных Германариху, Иордан, по сути дела, включает все известные племена Восточной Европы и, кроме того, считая подвластными

готам чудь, мерю, весь и т. д., оставляет непокоренными «многолюдное племя венедов», оказавшееся в самом центре державы Германариха. Несомненно, готский союз племен был образован в результате завоеваний. Не вызывают сомнения его этническая пестрота и обширность территории, но вряд ли можно предположить, что держава Германариха тянулась от Балтики до Черного моря и от Волги до Карпат. В условиях болот и лесов Восточной Европы, при тогдашних способах передвижения, примитивности политических объединений и управления создание такой колоссальной державы просто было немыслимо. Что же касается финско-готских языковых связей, так же как и гото-славянских и гото-литовских, то они — результат длительного общения и древних культурных связей, и не во времена недолговечной державы Германариха, а в гораздо более отдаленную эпоху, и не где-либо, а именно на севере, там, где все эти четыре группы племен соседили и общались друг с другом на заре новой эры.

В основу сообщения Иордана о подвластных Германариху народах была положена подвергшаяся сильным искажениям какая-то народная сага.

Для еще большего возвеличивания рода Амалов, еще большего прославления Германариха Кассиодор, а следовательно, и Иордан придумывают свою версию о покорении им венедов, не сообщая никаких подробностей об этой войне и ограничиваясь лишь наставительно-напыщенным замечанием о том, что никто не может противиться готам. И хотя, подчеркивая, что «венеды, анты и склавины... теперь, по грехам нашим, свирепствуют повсюду», он вспоминает о том, что «тогда все подчинялись приказам Германариха», но это его утверждение повисает в воздуха.[50] Вряд ли власть Германариха распространялась на славянские, вернее, антские племена Среднего Приднепровья. Мы не знаем, где был край «Oium» и кто были Иордановы «spoil». В настоящее время была сделана попытка объяснить происхождение наименования «сполы» (Иордан) и «споры» (Прокопий). А. Удальцов считает, что название «споры» произошло от наименования скифов-паралатов, земледельцев-«плужников» (иранское «sûpor» с дериватами в смысле «плуг», «соха»), которое исходя из ряда аналогий в скифском языке («сколоты», «скол», «скил», по-видимому и «Сколоксай») могло звучать как «спаралаты», причем позднее первоначальное «с» выпало. Корень «спар» встречается часто в иранских, иллирийских и фракийских словах. «Спаралаты» означало «плужники», что Геродот точно перевел на греческий язык. Основа «спар» в наименовании этого древнейшего протоиндоевропейского народа «сколотов» в дальнейшей своей эволюции дала «споров» Прокопия и «сполов» Иордана, так же как и «полян» нашей летописи, и была древнейшим наименованием днепровских протославян, корнями своего происхождения, через скифов-пахарей, уходящих к трипольцам с их мотыжным земледелием.

Соображения А. Удальцова заслуживают внимания и дальнейшей их разработки.

И в этой связи невольно хочется напомнить, что культура «полей погребальных урн», несомненно славянская, антская, восходит, особенно в своей древнейшей части (например, Зарубинский могильник), к культуре скифов-пахарей. Погребальный обычай «полей погребальных урн» в известной мере связан с погребальными обычаями земледельческих племен

скифской поры. В скифских курганах Киевской и Полтавской областей и на Волыни встречается трупосожжение с помещением праха сожженного покойника в урне. С другой стороны, могилы, обложенные деревом, характерные для скифских курганов, встречаются и в «полях погребений», причем способ крепления деревянных частей с помощью вертикальных столбов аналогичен в тех и других памятниках.

Нельзя пройти и мимо отмеченных еще Хвойко частых находок остатков культуры «полей погребальных урн» на многих городищах Среднего Днепра скифской поры.

Этим самым на вещественных памятниках устанавливается связь между «спаралатами», «спорами», или «сполами» («спалами»), и, быть может, летописными «полянами», которые, сидя «на горах Киевских», среди лесов, получили свое наименование, конечно, не от «поля». Во всяком случае край сполов несомненно лежал между болотами и лесами Полесья и черноморскими степями, т. е. где-то у Среднего Днепра, быть может, несколько западнее. Хотя Иордан и говорит, что «spoli» были покорены, но готы почему-то не остались здесь и двинулись на юг. Очевидно, и покорение «spol»-ов надо отнести к домыслу. Тогда и владычество Германариха в землях антов тоже выдумка, равным образом как и сколько-нибудь длительное их пребывание на Среднем Днепре, в «Днепровском городе», у «днепровских мест», как повествует об этом Харварсага.[51] Зато другое сообщение Иордана об антах не вызывает сомнений. Он рассказывает о том, как после смерти Германариха, в конце 70-х или начале 80-х годов IV в., остготский вождь Винитар (по Аммиану Марцеллину — Витимир), подвластный гуннам, напал на антов, вторгшись в их страну. В первом же столкновении с антами он потерпел поражение, но затем сумел захватить антского вождя Божа с сыновьями и 70 «старшими вельможами» и распял их, но за свое выступление против антов через год был разгромлен гуннским вождем Баламбером (или Валамиром) и убит.[52]

Нам кажется, что общее наступательное движение варварских племен на юг в поисках плодородных земель и добычи, которую обещали богатые и многолюдные города и земли Византийской империи, всколыхнуло и антов. Антские дружины появились на юге ранее, чем стали проникать сюда их поселения, и здесь они столкнулись с готами, что и привело к их схватке с Винитаром (Витимиром) и к выступлению на стороне антов гуннского вождя Баламбера (Валамира).

Я считаю возможным связывать «время Бусово», о котором пели готские красные девы «на брезе синему морю» в «Слове о полку игореве», с борьбой антов с готами Винитара. Речь идет о готах-тетракситах, обитателях Тмутаракани — Матархи. Именно здесь, по свидетельству Георгия Пахимера, они жили вместе с аланами и русскими еще в IX—X вв. Почему готы праздновали победу половцев над русскими? Потому, что поход Игоря Святославича был направлен на Дон, Лукоморье, Тмутаракань, потому, что Новгород-Северский князь шел «поискать града Тмутараканя», вернуть земли «незнаемые», т. е. утерянные, забытые, а следовательно, угрожал тмутараканским готам-тетракситам. В готском эпосе сохранились, очевидно, воспоминания о столкновении с антами, об антах-врагах, о Бусе (Боже). Готы-тетракситы, помнившие об отдаленных предках русских — антах, неплохо знавшие самих русских, в последних видели прямых потомков первых. Они сравнивают победу половцев над русскими

князьями, когда они все были взяты в плен, с разгромом антов Винитаром, когда много антских князей было им схвачено и казнено, устанавливая этим связь между двумя историческими моментами и двумя народами. Аналогия очень характерная. Нам могут возразить, откуда это все было известно автору «Слова о полку Игореве», который вряд ли был знаком с тем, что пели готские девы и что думали готы по поводу похода Игоря Святославича? Но откуда же он почерпнул сведения о плаче готских дев у берега «синего моря», которое могло быть только Черным морем? Следовательно, автор «Слова» знал о готах на берегу Черного моря, быть может, знал и их эпос, их песни, как знали на Руси половецкие песни, попавшие в наши летописи, знал, конечно, и о том, как могли относиться к походу Игоря готы Тмутаракани. То, что эпические сказания готов пережили столетия, в этом нет ничего удивительного, и примеров такого рода можно привести очень много.[53]

Вот еще одно связующее звено между антами и русскими киевских времен.

Держава Германариха была сметена гуннской волной, и горсточка крымских готов, дожившая до времен Екатерины II, — вот все, что осталось от готского владычества в черноморских степях. Вторжение гуннов в Восточную Европу и продвижение их дальше, на запад, в Центральную Европу, не могли не отразиться на антах. Из рассказа Иордана мы узнаем, что гунны, по-видимому, почитали расправу с антскими князьями самоуправством Винитара и обрушились на готов, так как те напали на антов, являвшихся подданными или союзниками гуннов. Нет никакого сомнения в том, что какая-то часть антских дружин, как это имело место и во времена владычества аваров, была включена в состав гуннских орд и вместе с ними устремилась на запад. Наличие среди гуннов в Паннонии славян зафиксировано известным рассказом Приска Паннонского о его путешествии в ставку Аттилы. Перевозчики — гунны — говорили на славянском языке.

В течение всего V в. никаких упоминаний об антах нет. В конце V в. первые славянские дружины появляются в пределах Византийской империи, а с VI в. вторжения славян и антов в «страну ромеев» становятся обыденным явлением.

«Когда Юстиниан, дядя Германа, вступил на престол (527 г. — *В. М.*), анты, ближайшие соседи славян, перейдя Истр с большим войском, вторглись в пределы римлян», — так рассказывает о вторжении антов за Дунай в 533 г. Прокопий Кесарийский.[54] Герман ненадолго останавливает их, но вскоре новый натиск антов и славян опрокидывает заградительные кордоны Византии по Дунаю. «С того времени как Юстиниан принял власть над Римской империей, гунны (болгары. — *В. М.*), славяне и анты, делая почти ежедневно набеги, творили над жителями этих областей нестерпимые вещи». «Вся Европа разграблена гуннами, славянами и антами...».

Прокопий с грустью вспоминает о том, что «пришлось перенести от мидян, сарацин, славян, антов...» византийцам.[55]

Вскоре Юстиниану удалось привлечь на свою сторону могущественного вождя антов Хильвуда, или Хилбудия (Хвалибуда), сделав его магистром византийской армии во Фракии и направив его деятельность не против соплеменников-антов, а против славян. В течение нескольких лет, с

530 по 533 г., Хилбудий отражал нападения славян на Мезию, но в 534 г. он с незначительными силами переправился через Дунай и был убит славянами. Убийство Хильвуда послужило причиной войны между славянами и антами. Анты мстили за своего соплеменника, возможно, следуя обычаю кровной мести. Война была неудачной для антов, и они были побеждены славянами. Воспользовавшись этим обстоятельством и будучи свидетелем опустошительных вторжений антов во Фракию, как это имело место вскоре после анто-славянской войны, когда анты предприняли набег во Фракию и увели в свою землю толпы пленных византийцев, Юстиниан решил привлечь их на свою сторону, предложив им поселиться в городе Туррисе и в области, прилегающей к нему. Туррис, расположенный на левом берегу Дуная, был построен императором Траяном, но к этому времени совершенно запустел, будучи непрерывно разоряем варварами. Юстиниан предлагал антам также деньги, но с условием, если они будут мирно жить с «ромеями» и не допустят «гуннов» (болгар) нападать на Византию. Анты соглашались на это, но при условии, если Юстиниан восстановит «начальником римского вождя Хилбудия». Дело в том, что во время анто-славянской войны один славянин взял в плен юношу-анта по имени Хилбудий. В плену у славян «он совершил много славных подвигов и смог добиться для себя военной славы». После набега антов на Фракию они привели с собой много пленных. В числе их был один грек, решивший хитростью вернуться на родину. Он сообщил своему хозяину, что у славян в плену находится римской военачальник Хилбудий, который скрывает от славян свое истинное положение. Если его выкупить, то можно добиться большой славы и получить много денег от императора. Доверчивый ант послушал хитрого византийца. К тому времени у антов со славянами был заключен мирный договор, и ант со своим рабом отправился к славянам и купил Хилбудия. Вернувшись домой, из правдивого рассказа Хилбудия он понял, что обманут и деньги его пропали, так как по закону ант-раб, вернувшийся на родину, становился свободным. Но когда слух о Хилбудии дошел до других антов, на общем вече антов они решили продолжать выдавать его за Хилбудия. Лже-Хилбудий в их руках должен был стать орудием, благодаря которому они могли бы выторговать у Юстиниана нечто большее, чем Туррис с его областью. Во время переговоров с Юстинианом анты вначале заставили Хилбудия угрозами выдавать себя за Хилбудия — римского военачальника, но позднее и сам Лже-Хилбудий понял, что такое положение открывает перед ним блестящие перспективы, и начал утверждать, что он действительно тот, за кого выдают его анты. Но когда посланный Юстинианом Нарзес встретился с Лже-Хилбудием, ехавшим для переговоров с Юстинианом, и каким-то образом захватил его, то самозванца не спасло знание и латинского языка, и биография подлинного Хилбудия. Он был заключен в тюрьму. Антам не удалось использовать Лже-Хилбудия для нажима на Юстиниана и выторговать у Византии больше того, что она предлагала.[56] Мы не знаем, поселились ли анты в области Турриса или нет. Из рассказа Прокопия это установить невозможно. Но уже в те времена несомненно анты дошли до Дуная, и их границей со славянами был Днестр.

К концу 50-х годов VI в. относятся нападения на антов авар. Авары грабили и опустошали земли антов. «Властители антские были приведены

в бедственное положение и утратили свои надежды», — пишет Менандр.[57]

Анты отправили к аварам посла Межамира, сына Идара (Идаризиева, Идарича), с просьбой о выкупе некоторых пленных антов. Межамир вел себя в разговоре с аварским каганом дерзко и вызывающе.

Тогда один кутургур по имени Котрагиг, родственник авар, сказал кагану, что Межамир пользуется огромным влиянием среди антов и если его убить, то это внесет расстройство в ряды антов и легко можно будет вторгнуться в их страну. Каган послушал Котрагига, и Межамир был убит. «С тех пор больше прежнего авары стали разорять землю антов, не переставая грабить ее и порабощать жителей...».[58]

Едва ли не от этого времени дошло до древнего русского летописца народное сказание, быть может в форме песни, отраженное им в известном рассказе о дулебах и обрах (аварах): «Си же Обри воеваху на словенех и примучиша Дулебы, сущая Словены, и насилье творяху женам Дулебьским: аще поехати будяше Обрину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу, и повести Обърена...».[59]

Я не думаю, чтобы это сказание было связано с чешскими дулебами, так как вряд ли в Киеве XI в. знали именно о чешских дулебах, а не о чехах и моравах вообще. Слишком ярко рисует нам тяжкую неволю аварскую этот рассказ для того, чтобы признать его эпосом другого, не русского народа, прямого потомка древних антов.

Такую же систему грабежа и насилий авары установили, по свидетельству франкского летописца VII в. Фредегара, и в земле славян: «Каждый год гунны (авары. — *В. М.*) приходили к славянам, чтобы провести у них зиму; они брали тогда из славян жен и детей и пользовались ими, и к довершению остальных насилий славяне должны были платить гуннам дань».

Мы не знаем, сколь длительным было аварское владычество в землях антов. Но нельзя не поставить в связь два свидетельства древних источников. В своем сочинении «Промывальни золота» («Золотые луга») Масуди (40-е годы X в.) пишет, говоря о славянах: «Из этих племен одно имело прежде, в древности, власть над ними, его царя называли Маджак, а само племя называлось Валинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена, ибо верховная власть была у него и прочие цари ему повиновались».[60] О «племени, которое называлось Влинбаба, и было это племя у них (славян. — *В. М.*) почитаемым», говорит Ибрагим Ибн-Якуб.[61] Волыняне — это и есть дулебы, ибо древнейшим названием восточнославянских обитателей Волыни было дулебы. Как это мы увидим дальше, в Прикарпатье еще задолго до «державы Рюриковичей» сложилось мощное варварское политическое межплеменное объединение во главе с дулебами-волынянами. Они и были организаторами борьбы антов с аварами, да и едва ли не сам волынский племенной союз сложился для отражения грабительских нападений аваров. В VII в. союз антских племен был разгромлен аварами, которые «ходиша на Ираклия царя и мало его не яша» (610—641 гг.). К этому же времени летописец приурочивает «примучивание» обрами дулебов.[62]

Итак, в VII в. антские межплеменные политические объединения под ударами аваров ослабевают, рассыпается антский (дулебский) союз в Прикарпатье и на Волыни, разгромленный аварами.

Этот племенной союз дулебов-волынян мы вправе назвать первым варварским восточнославянским примитивным протогосударством ранней, антской, поры формирования русского народа.

Если мы обратимся к вещественным памятникам восточнославянских племен Прикарпатья, Волыни, Подолии и Днепровского Правобережья IX—X вв., нам бросятся в глаза однообразие, монотонность и бедность погребального инвентаря. Этого не наблюдается севернее и восточнее, в верховьях Днепра, по Десне и у Киева. Кроме того, племенные границы, довольно отчетливо проступающие при классификации, систематизации и анализе вещественных памятников северных, северо-восточных и восточных славянских племен, здесь, на западе и юго-западе Восточной Европы, почти незаметны. Все эти явления свидетельствуют о далеко зашедшем вперед процессе нивелировки племенных особенностей быта и культуры юго-западной ветви восточных славян и о том своеобразном обеднении и однообразии погребений и погребального инвентаря, которые сопутствуют переходу от высшей стадии варварства к раннему классовому обществу последних дней военной демократии и к соответствующим им примитивным политическим объединениям племен.

Той пестроты и многообразия, которые являются результатом существования отдельных племен со своими специфическими особенностями материальной и духовной культуры и наблюдаются среди славянского населения лесной полосы севера и востока Руси в VI—X вв. и даже позднее, здесь, на юго-западе, нет.

Это явление обусловлено ранним, не позднее VI—VII вв., стиранием племенных границ в быту и культуре, в общественной и политической жизни юго-западной ветви восточных славян, что было вызвано складыванием волынского племенного союза. Но племенной союз под руководством волынян был не просто механическим объединением племен. Он их сплачивал, а сплачивая, сливал. Частные их особенности все больше и больше исчезали, а общие все больше и больше укреплялись. В основе этого объединения лежали политические связи. Это нашло свое отражение в том, что племенное название обитателей Волыни — дулебы — рано исчезает из летописи и летописец застает лишь смутные предания о них. Их новое название — волыняне — уже чисто географического происхождения и берет свое начало от наименования политического центра земли — города Волыня. Такого же происхождения и термин «Бужане», выводимый от названия города Бужьск (Бужск, Бузск). Таково же толкование волынян как господствующего славянского племени у арабского писателя X в. Масуди. Волыняне у Масуди не просто племя, а господствующее племя, подчинившее себе ряд других племен. По Масуди, это было «в древности», т. е. задолго до X в. И нет ничего невероятного в предположении, что это могло относиться к началу VII в., когда западные анты — дулебы-волыняне — объединились с другими племенами для оказания отпора врагу. Этим врагом были авары — «обры». Таким образом, в то время и даже несколько ранее, когда западные славяне объединились в державу Само для борьбы с аварами и лангобардами, восточные славяне-анты, образовывавшие племенные объединения еще в борьбе с готами, создают свою державу — державу волынян. И наименование князя волынян у Масуди — «Маджак» — напоминает встречающееся у сла-

вян в VI в. имя Мужак, или Мужок, только искаженное веками и речью иноземных народов.

Вся совокупность сведений, добытых археологами и историками, говорит о том, что перед нами именно варварское государство, мало известное только потому, что оно не имело своего Фредегара, а сохранило воспоминание о себе в неясных преданиях, записанных нашим летописцем и арабскими писателями. Общественный строй антов — так, как он рисуется Иорданом, Маврикием, Прокопием, Менандром, Иоанном Эфесским и другими писателями, антские клады, предметы материальной культуры антов, вся эта картина этнически нивелированного варварского общества эпохи военной демократии, общества, стоящего у колыбели классов и государства, говорит за то, что здесь, на юго-западе Восточной Европы, у Карпат, на Волыни, у Буга, Днестра, Дуная, в те далекие времена, в VI—VII вв., анты стояли у порога цивилизации и создали свое первое, примитивное, варварское полугосударственное политическое образование, именуемое союзом волынян.

И если, быть может, иногда анты оказывали влияние на кочевников, пользовались их поддержкой или участвовали в их походах, то это было все же более редким явлением, нежели то обычное разорение и разгром, которым сопровождалось всякое вторжение кочевых орд в земли антов и славян. Гунны, болгары, авары, особенно последние, наносили удар за ударом антам, и это не могло не отразиться в отрицательном смысле на судьбах антов. Процесс складывания варварского государства антов был нарушен аварами.

Такова была внутренняя политическая жизнь антов.

Анты были независимы и выступали союзниками Византии. В качестве союзников Византии антская дружина в 300 человек воевала в Италии, в Лукании. В этих войнах анты зарекомендовали себя доблестными и бесстрашными воинами, умело сражающимися в гористых и трудных местах.[63]

От второй половины VI в. до нас дошло известие Михаила Сирина о том, что в 80-х годах аварский каган в союзе со славянами и лангобардами напал на Византию. Не будучи в состоянии с ними справиться, Византия обратилась за помощью к антам. Анты ворвались в славянские земли, пожгли поселения и с большой добычей вернулись обратно.[64]

По свидетельству Феофилакта Симокатта, подобная же ситуация повторилась в 602 г., когда Византия вела войну со славянами, союзниками авар. Чтобы отвлечь силы византийцев, аварский каган решил вторгнуться в землю антов, которые были союзниками византийцев. Аварский военачальник Апсих со своим войском выступил в поход на антов. Однако, очевидно, перспектива похода в землю антов мало улыбалась аварским воинам, так как войско кагана отказалось идти на антов и началось массовое дезертирство к византийцам, что и вынудило кагана отказаться от военных действий.[65]

Так говорят о вторжениях антов в Византию и о взаимоотношениях, установившихся между антами и Восточной Римской империей, писатели древности. Думаю, что далеко не все походы антов попали на страницы произведений авторов раннего средневековья. По-видимому, анты скрывались и под общим названием славян, и под всеобъемлющим наименованием «варваров», как это имеет место у Евагрия в его «Церковной истории».

И когда в начале VII в. славяне на своих моноксилах-однодеревках начинают бороздить воды Черного, Мраморного, Эгейского, Средиземного и Адриатического морей и силу их ударов познали Эпир и Ахайя, Малая Азия и Апулия, Крит и Солунь, Киклады и Иллирия, в их воинственных дружинах несомненно были и анты.

Днепр, Буг и Днестр были теми водными артериями, которые открывали путь на море, то море, которое бороздили однодеревки русских воинов Олега и Игоря в X в. подобно тому, как это делали их предки — мореходы-анты, то море, которое арабы называли «Русским». Быть может, прав Б. А. Рыбаков, ставя в связь оттеснение аварами антов от Византии, от морских побережий с морскими походами славян, в числе которых он усматривает и антов.[66]

Интересно отметить и то обстоятельство, что приток ценных вещей, характеризующих клады и погребения антской земли VI в., не прекращается и в следующем, VII в.[67]

Какой характер носили нападения антов на Византию? Были ли это просто набеги антских дружин, возвращавшихся после удачных походов к себе на родину, в Поднестровье и Среднее Приднепровье, или антские дружины были лишь передовой волной двигающихся на юго-запад, туда, в плодородные подунайские земли антских племен?

Мне кажется, что нельзя отрицать передвижения антов на юго-запад, к Дунаю, в пределы Византийской империи.

Конечно, «военная демократия» антов естественно порождала дружины, оторванные от своих родных земель, ставшие организациями воинов-профессионалов, возглавляемых такими вождями, как Хвалибуд, Доброгаст и др. Они стремились туда, куда манили их перспектива военной добычи, почет и слава, а это можно было приобрести и на службе Византии, и во Фракии, и в Италии, и на Черном море, в общем, везде, где звенели мечи, лилась кровь, грабились пышные и богатые многолюдные города. Анты — варвары, и война становится для них функцией народной жизни, средством для накопления богатств, наконец, самой жизнью. И в процессе войн с Византией, на службе у императоров Восточной Римской империи, в процессе вторжений в «страну ромеев», неизбежно заканчивающихся усилением влияния византийской цивилизации на «грубых варваров» — антов, все больше и больше распадается патриархальный быт антов, разлагаются патриархально-родовые связи, растет имущественная дифференциация, усиливается рабство, намечается деление на классы, крепнут и развиваются общественные отношения эпохи «военной демократии». Воинственные дружины антов отрываются от родных рек и озер, болот и лесов Поднепровья и стремятся на юг, в Византию, на Дунай, тот голубой Дунай, который воспел в своих былинах и сказаниях русский народ. И для таких как Доброгаст и Хвалибуд, для многих других антских князей приднепровские леса и поля стали чужими. Их землей стала земля, добытая с бою. Пройдет много лет и киевский князь Святослав Игоревич, подобно своим давно ушедшим в небытие предкам, заявит киевским «мужам»: «Не любо ми есть в Киеве жити, хочю жити в Переяславци в Дунаи, яко то есть среда земли моей, яко ту вься благая сходяться».[68]

Для него, такого же князя-воина, как и антские вожди, «его землей» была земля, завоеванная им мечом. И также понятно стремление Свято-

слава к югу, к голубому Дунаю, к «тропе Трояновой», воспетой в песнях дружинников земли Русской, к Византии. Он стремился к ней так же, как стремились антские князья в эпоху «бури и натиска» славянства на одряхлевшую цивилизацию Восточной Римской империи. Так перекликаются две эпохи в истории русского народа. Но не только в качестве воинов появлялись анты в придунайских землях. Нет, мы имеем дело с настоящим переселением антских племен.

Указывая на то, что в VI в. поступательное движение германцев приостановилось, Фр. Энгельс отмечает, что «...речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении. Это были подлинные переселения народов. Целые народности или по крайней мере значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом».[69]

Речь идет, конечно, не о переселении всех, без исключения, «бесчисленных племен антов», даже не о переселении отдельных племен целиком. Отделялась часть племени — дружинники, их семьи. За ними тянулись другие переселенцы. Шли на юго-запад, туда, на плодородные земли, шли в поисках добычи и удобных мест для поселений. Из этого не следует, что антские племена целиком освобождали занимаемые ими земли в Поднепровье. Да и в великое передвижение славянских племен на юг включились главным образом лишь южные антские племена. Север жил в те времена, не зная еще тех побудительных мотивов, которые бросили в водоворот мировых событий их южных собратьев, издавна связанных с цивилизацией Черноморья. Здесь, на севере, в глухих и болотистых лесах жизнь текла медленно и размеренно, сохраняя архаические черты еще долгое время. Все было грубее, примитивнее, архаичнее. Север отставал во всем от юга. Но если мы не признаем факта передвижения антов на юг, то чем объяснить появление их у Дуная, в местах, где ранее обитали геты и даки, бастарны и бессы? Здесь, на Дунае, несомненно имела место славянизация местных дакийских племен, издавна соприкасавшихся со славянами, в среду которых славянские элементы стали проникать очень давно.

Иначе чем же объяснить появление в гористых окрестностях Солуни (Салоник) и в горах Западного Родопа дреговичей, самое наименование которых ведет на север, в покрытые болотами («дрягвами», или «дрегвами») пущи Полесья, туда, к летописным «дреговичам» и Δρουγουβίτῶγ Константина Багрянородного?[70]

Чем объяснить существование северян в придунайских землях в VII в. у реки Ольты, или Альты, одноименной Ольте, Альте, или Льте, Приднепровья? «Хронограф» Феофана сообщает, что в Добрудже (Малой Скифии) в VII в. обитало, занимая земли вдоль течения реки Ольты, славянское племя северян (Εεβέρεις, seberenses), соседившее с другим славянским же племенем — кривичами (kribizi, krobyzy). Северяне были самым северным из фракийских славянских племен. В 676 г. они были покорены болгарской ордой Аспаруха и переселились на юг. Здесь в конце X и в начале XI в. возникает Северское, или Краевское, княжество. Захваченное венграми, в 1330 г. оно переходит к волохам (румынам) и становится зародышем Валашского государства. Память о северянах сохранилась еще в XVIII в., и существовал «бан Северский и Краевский». Современные гаджалы и гагаузы в районе Герлово в Болгарии являются потомками тюрки-

зированных яфетидов, болгар Аспаруха, отуречивших славянское племя северян.[71]

У нас нет данных о совместном жительстве северян приднепровских и подунайских. Но нам хорошо известны переселения славян на юг, за Дунай, в Византию и Малую Азию, походы славян и антов, кончавшиеся их поселением (оседанием) на завоеванной земле, и потому вполне допустимо предположить, что одна часть северян могла оторваться от Среднего Приднепровья еще в антские времена и уйти на Дунай.

Небезынтересно то обстоятельство, что, по Феофану, северяне на Дунае соседят с кривичами. И невольно вспоминаешь то место из «Повести временных лет», где говорится о кривичах и северянах: «Туде бо седять кривичи; таже Север от них».[72]

Возможно, что в глубокой древности далеко на севере, в лесах Восточной Европы, оба эти племени были близки между собой и соседили друг с другом.

Конечно, не всякая одноименность есть доказательство тождественности, родства или общих корней, и славянское княжество Нитра не имеет ничего общего с негритянским государством Нитра в Сенегале, так же точно как германское наименование общины «марка» совершенно случайно совпадает с названием общины «марка» у древних инков. Тут мы имеем дело со случайным совпадением.

Но приведенное нами выше совпадение названий иного порядка. У славян мы найдем много одноименных племен (дулебы восточнославянские и чешские, древляне западнославянские и древляне нашей летописи, поляне польские и русские, сербы южные и сербы западные и т. п.). Не каждое из этих общих наименований говорит о том, что это — разошедшиеся, разросшиеся и ставшие самостоятельными части единого в древности племени, но и подобное расхождение в результате отрыва и переселения из древнего племенного гнезда имело место в исторической действительности. А отсюда и сохранение оторванными в результате расселения частями племени своего древнего наименования. В отношении дреговичей, северян, кривичей на Балканах и по Дунаю я считаю такое предположение вполне основательным.

Это тем более понятно, что в VI—VIII вв. кочевая стихия еще не успела оторвать восточных славян от южных, венгерское королевство и валашское господарство не разрезали еще славянские народы и не вклинились в земли славянские. В те времена анты и славяне соседили друг с другом в приднестровских и подунайских землях, подобно тому как в эпоху Киевской Руси у Дуная незаметно сливались русские и болгарские поселения. И в формировании болгарского народа приняли участие не только славяне, но и анты, восточная ветвь славянства. Нельзя обойти молчанием одну особенность, которая обращает на себя внимание при рассмотрении славянских названий Днепровских порогов у Константина Багрянородного, — все эти славянские наименования («Островунипраг», «Вульнипраг», «Ессупи», «Веручи», «Напрези», «Неясыть») вряд ли являются словами, характерными для восточнославянских языков. В них нет ни древнего восточнославянского полногласия (вместо слова «порог», свойственного восточнославянским языкам, мы имеем слово «праг», характерное для южных славян, в частности — болгар), ни смыслового соответствия («неясыть» у восточных славян — не пеликан, а род совы).[73]

Нет никакого сомнения в том, что эти названия были даны днепровским порогам не восточными славянами киевских времен, а их далекими предками антской поры, не дружинниками Олега и Игоря, а воинами Божа, Идара, Межамира, Доброгаста, той поры, когда антские поселения достигали нижнего течения Днепра и здесь, на юге, у низовьев Дуная, они соседили с южными славянами, более того, эти последние сами были выходцами из лесов далекого севера, только ранее антов проникшими на юг, к Дунаю и за Дунай. Не случайно некоторые названия Днепровских порогов могут быть объяснены из языка южных славян — болгар. Мне кажется, что южная группа антских племен имела много общего в языке со своими соседями — южными славянами, в частности — с болгарами. Они вместе составили первую (и основную) волну славянских вторжений и переселений в пределы Восточной Римской империи. По-видимому, южная группа среднеднепровских антов (так же как и юго-западная) не знала еще полногласия, хотя оно и являлось очень древней особенностью русских языков. Поэтому-то они называли Днепровские пороги «прагами» так же, как это сделали бы сами болгары, если бы они часто ездили по Днепру. А это исключено. Следовательно, славянские названия Днепровских порогов не конкретно болгарские, а древнеславянские, тех времен, когда зародившееся на севере восточнославянское полногласие не было еще характерным и для южной группы днепровских славян.

В период установления родового строя, в эпоху формирования языкового единства славянских племен, в первые века нашей эры, несмотря на наличие остатков древней языковой раздробленности, восточнославянские и южнославянские племена, соседившие друг с другом, имели много общего в своих языках, отличающих их от языков западнославянских племен (выпадение «т» и «д» перед «л» — вместо западнославянских «ведл» — «вел» и т. д., переход «к» и «г» в «ц» и «з» — цвет, звезда).

Не было еще и характерного для восточных славян полногласия. Древнеславянские языки, складывающиеся на основе схождения различных протоиндоевропейских или протофинских языков, не знали полногласия. Это подтверждается наличием в финских языках слов, общих со славянскими, слов, унаследованных от той поры, когда складывались и древнеславянские, и древнефинские языки, причем основой этого процесса было слияние, схождение языков палеоевропейцев (под которыми мы подразумеваем и протофиннов, и протолитовцев, и протославян), реликты которых мы обнаруживаем и в русской речи, и в языках финских народов. Таковы, например, слова финского языка: varpu (воробей), taltta (долото), värtrino (веретено), которые мы считаем не заимствованными из славянского (неужели финны для обозначения воробья не могли создать собственное слово?), а реликтами речи палеоевропейцев, которые, как творческая сила формирования, участвовали в создании и славян, и финнов. Причем эта речь палеоевропейцев, по-видимому, не знала полногласия, оно, быть может, только зарождалось, что явствует из приведенных выше финских слов, общих со славянскими. Из этого следует, что доантские и антские славянские языки Восточной Европы не знали полногласия. Оно появилось в восточнославянских языках позже, выделив их из других славянских языков. Лишь к VI—VIII вв., и то уже не на юге, не в низовьях Днепра, а в Среднем Приднепровье и в верховьях Волги, Оки, Днепра и Западной Двины, окончательно оформляются особенности восточносла-

вянских языков, отличающие их от языков не только западнославянских, но и южнославянских (утрата носовых звуков, развитое полногласие, смягчение согласных перед гласными переднего ряда, изменение «tj», «dj» в «ч» и «ж» и др.).[74]

Древние связи южных и восточных славян, болгар и русских, восходящие к глубокой древности, не прерывались и позднее.

Переселение восточных славян на юг не закончились в эпоху антов. Нам известны поселения уличей и тиверцев русской летописи в Побужье и Поднестровье, вплоть до Дуная и Черного моря, равно как и передвижение уличей из междуречья Днепра и Буга в междуречье Буга и Днестра. Еще дальше на юг, до Дуная и Черного моря, обитали тиверцы. Здесь они же соседили с южными славянами, и это не были отдельные поселения. Нет: «бе множьство их». Речь идет о сплошном и многочисленном русском населении. Здесь пытался создать свою обширную славянскую державу со столицей в Переяславле русский князь-воин Святослав, здесь проходили морем, держась у берегов, русские мореходы, стояли подунайские города и лежали земли «Галицкой Украины», тянулись поселения берладников и развертывалась кипучая деятельность Ивана Ростиславовича Берладника. Здесь еще в XV—XVI вв. сохранялись следы русского населения.[75]

Так перекликаются с походами русских на Византию и передвижением на юг русских племен походы антов в «землю ромеев» и поселения антов в придунайских землях и на Балканах. «История антов раздваивается, часть их по-прежнему занимает Приднепровье, часть же завоевывает Балканский полуостров и остается там, теряя свое специфическое имя антов и растворяясь в общей массе славян».[76]

Но как и во времена походов киевских дружинников IX—X вв., было еще одно направление антских походов. Речь идет уже не о юго-западе, не о Византии, а о юго-востоке, о Кавказе и Закавказье.

Н. Я. Марр обратил внимание на один чрезвычайно интересный древнеармянский источник VII в. В описании хазарской трапезы упоминается о том, что хазары ели «сало» и пили из сосудов, которые назывались «шеломами», причем эти русские слова написаны армянскими буквами.[77] Наличие среди хазарских воинов в VII в. русских дает нам право с полным основанием говорить о продвижении антских дружин далеко на восток, на Кавказ и в Закавказье, где они включаются в поток варварских племен, вторгнувшийся на территорию Закавказья. Опять-таки параллель с походами русских на Каспийское море в IX—X вв.

После 602 г. никаких упоминаний об антах нет. Это объясняется отчасти тем, что внимание Византии в скором времени приковывают к себе события на юге, отчасти же и тем, что в это время славянские племена объединяются и вперемешку с греками расселяются по Балканскому полуострову. Западные варвары разрушили одряхлевшую Западную Римскую империю. Восточные варвары — славяне и анты — обновили Восточную Римскую империю — Византию. Славяне и анты, переживавшие эпоху «военной демократии» с ее имущественным неравенством, жаждой накопления богатств, грабительскими войнами, захватами и завоеваниями, рабством, с ее началом процесса классообразования и создания варварских государств, естественно и неизбежно должны были тянуться к пышной, великолепной, блестящей и богатой Византии и рано или поздно

столкнуться с ней. В результате этого столкновения и вторжения славян в земли империи произошло амальгамирование западной цивилизации восточным варварством, вернее — восточного варварства западной цивилизацией. И так как в Византии, правда медленно и мучительно, развивались феодальные отношения, то распад первобытно-общинного строя у славян и антов, занявших ее земли, пошел по пути развития не рабовладельческих, а феодальных отношений. Но своим вторжением на территорию Византии славяне ускорили процесс ликвидации рудиментов античного рабства и развития феодальных отношений. Славянская община послужила величайшим стимулом в развитии феодализма в Византии, и в этом заключалась историческая роль славян в судьбах Восточной Римской империи.[78]

В течение почти всего VII и VIII вв. никаких упоминаний об антах нет. Нет никаких упоминаний и о восточных славянах. Лишь в IX—X вв. византийские, арабские, западноевропейские, персидские и древнееврейские источники начинают говорить о восточных славянах, о руссах и росах, о Руси.

Термин «анты» исчезает. И лишь в названии славянского города «Вантит», или «Вабнит», у Ибн-Русте (Ибн-Даста), Гардизи и персидского географа X в. и в «вѧт»-ичах наших летописей, быть может, сохранились следы наименования антов.[79]

Значит ли это, что история антов обрывается на 602-м году? Отнюдь нет.

Материальная культура Киевской Руси IX—XI вв. имеет много общего с материальной культурой антов. Во многом заметна непосредственная преемственность. Подвески, бусы, пряжки, височные кольца, мечи, серпы, ножи, керамика и т. п. сближают антские погребения, клады и городища с погребениями, курганами и городищами Киевской Руси. Антское ремесло III—VI вв., антские клады византийских и восточных изделий подготавливают развитие русского ремесла, в частности ювелирного.

Как указывает Б. А. Рыбаков, даже родовые знаки Рюриковичей восходят к антским прототипам VII в.[80]

Вещественные памятники говорят о том, что культура антов первых веков нашей эры послужила основой для своеобразной, яркой и красочной культуры Киевской Руси, а антские политические образования эпохи «военной демократии» как бы намечают пути складывания «империи Рюриковичей».

«Многие явления киевской жизни X—XI вв. уходят корнями в антскую эпоху: земледелие, скотоводство, рабство, сожжение рабынь на могиле князя, накопление сокровищ и т. д. Киевские князья X в. говорили на том же языке, что и анты в VI в., верили в того же Перуна, плавали на тех же «моноксилах» и по тем же старым путям. Война Святослава с Цимисхием переносит нас далеко назад, когда вокруг того же Доростола шла борьба между антами и византийцами».[81]

История антов — первая глава в истории великого русского народа. И неясные предании об этой поре, быть может, дожили и до киевских времен.

Рассказ нашей летописи о Кие, который «княжаше в роде своемь, и приходившю ему ко царю, якоже сказають яко велику чьсть приял есть от царя, при котором приходив цари; идушю же ему вспять, приде к Дунае-

ви, и вьлюби место, и сруби градок мал, и хотяше сести с родом своим и не даши ему ту близь живущии, еже и доныне наричють Дунайци городище Кыевьць»,[82] не является ли эпическим отзвуком походов антов на Византию? Летописец путался и сбивался в рассказах о Кие, который то выступал в качестве перевозчика, то оказывался державным владетелем. Но по аналогии с походами Олега, Игоря и Святослава на Византию он принимал версию о Кие князе, так как она больше соответствовала его представлению о взаимоотношениях Киева с Византией. Летописец рассказывает не о походе на Византию, а о попытке Кия поселиться на Дунае, где он, как позднее Святослав в Переяславце, пытался осесть в Киевце. Не является ли это предание не только попыткой дружинников Киевской Руси осмыслить название Киевца на Дунае исходя из его среднеднепровского двойника и связать его основание с эпическим Кием, но и каким-то воспоминанием о стародавних временах, когда приднепровские племена вместе со своими вождями переселялись на Дунай, «срубали» городки, захватывали византийские земли, вели переговоры с «цесарями» Восточной Римской империи, воевали с соседями за обладание завоеванными землями, возвращались обратно в Приднепровье, на берега Днепра-Славутича, т. е. о временах антов?

О том, что в рассказах о Кие есть крупица истины, свидетельствуют раскопки М. К. Каргера.

Летопись рассказывает о том, как «Седяше Кый на горе, идеже ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, идеже ныне зоветься Щековица, а Хорив на третией горе, от негоже прозъвася Хривица».[83]

Как показали раскопки М. К. Каргера, на месте Киева существовали вплоть до конца X в. (когда они слились) три древнейшие поселения, возникшие еще до нашей эры.[84]

Для объяснения происхождения этих трех поселений в Киеве рассказывали легенду о Кие, Щеке и Хориве. Интересно отметить также то обстоятельство, что обнаруженный предшествующими раскопками и описанный М. К. Каргером огромный некрополь Киева IX—X вв. заключал в себе несколько очень богатых погребений с конем и сопроводительным захоронением рабынь. Над погребениями с бревенчатым срубом был насыпан курган, что, с одной стороны, делает данные погребения аналогичными погребениям до нашей эры, хотя они сочетаются одновременно с наличием норманских мечей, а с другой — сближает их с погребениями кочевников. Это свидетельствует о преемственности культуры и о автохтонности местного населения и еще раз подчеркивает, что анты как бы являются связующим звеном между древнейшим, почти неуловимым для исследователя населения Приднепровья, на которое большое влияние оказывало кочевое население степей, и его позднейшими обитателями — русскими племенами.

Говоря об образовании славянства и о начальной его истории, мы не можем обойти антов — непосредственных предшественников восточнославянских русских племен, сложившихся примерно в VIII и начале IX в. в результате дальнейшего развития «бесчисленных племен антов», не можем пройти мимо антской культуры, из которой в значительной мере выросла культура Киевской Руси. И прав был Эверс, который еще в 1816 г. начал свою «Историю русского народа» с первых известий об антах.

Но чем объяснить то обстоятельство, что сравнительно высокая культура антов как бы прекращает свое существование в VI—VII вв.? Чем объяснить, что в VI в. на Левобережье, а в следующем столетии и на правом берегу Днепра исчезают последние остатки «полей погребальных урн» и только кое-где продолжают населять древние городища скифской поры потомки антов, создателей высокой культуры? Чем объяснить, что открытые селища, бывшие основным типом поселения в эпоху могущества антов и характеризующие собой территориальную общину, уступают в VIII—X вв. свое место в Среднем Приднепровье городищам — родовым гнездам патриархальных, семейных общин? Чем объяснить, что вместо изящной, сделанной на гончарном круге керамики с черной лощеной поверхностью появляется грубая, вылепленная руками посуда, вместо совершенных орудий труда и художественных украшений — грубый, примитивный инвентарь курганов и городищ роменского типа? Какое объяснение мы можем дать тому, что культура Среднего Поднепровья в ряде районов в VIII—IX вв. более примитивна и не увязывается генетически с культурой «полей погребальных урн» времен антов, тому, что в VIII—X вв. потомки антов во всем как бы вновь переживают процесс вступления в эпоху «военной демократии»? Как ответить на вопрос о том, чем же были вызваны явная деградация и варваризация Среднего Поднепровья, которое в IX—X вв. переживает ту же ступень общественного развития, что и анты IV—VI вв.?

Мне кажется, что объяснить это можно следующими историческими условиями жизни и развития Среднего Поднепровья. Вторжение антов в Византию и передвижение антов на юго-запад, на Дунай и Балканы, не могли не привести к известному запустению Среднего Приднепровья. Ушел наиболее воинственный элемент — часть антских дружин с их «рексами» («риксами»). Передвинулись на юго-запад, в богатые края, на плодородные земли, части антских племен, вовлеченные в общее передвижение варварских племен на юго-запад. Они оторвались от остального племенного массива, оставшегося на севере, в Среднем Поднепровье, и двинулись на юг, за Днестр, на Дунай, к побережью Черного моря, на Балканы. Этот процесс, начавшийся еще, быть может, во времена готского и гуннского политических объединений [откуда славяне, по-видимому, унаследовали имена своих вождей Владимир (или Володимер), Межамир, Добромир и т. д., аналогичные готским Валамиру, Теодемиру, Видимиру и др., гуннскому Валамиру — имена несомненно славянского происхождения], особенно усилился в период вторжений славян и антов в пределы Византийской империи. Антов влекла на юг не только жажда добычи, которую обещали набеги на византийские города и земли, жажда, свойственная всем варварам, но и стремление к захвату плодородных земель, обусловленному ростом земледельческой техники, повышением роли земледелия в общественном производстве, что особенно было характерно для более северных групп «бесчисленных племен антов» лесостепной полосы. Анты все больше и больше включаются в процесс «великого переселения народов». Сперва он охватывает наиболее южные племена, соседей Византии. Их передвижение и их войны и набеги на Византию увлекают и соседей, выходящих из своих лесов и болот для того, чтобы принять участие в нападениях на Византию, а заодно и занять запустевшие после переселения своих обитателей на Дунай земли своих южных

соплеменников. С течением времени этот процесс охватывает все большую и большую территорию, пока, наконец, в него не включаются северные племена антов, обитавшие во времена Божа, Межамира и Хвалибуда в дремучих лесах Припяти, Задесенья и Верхнего Поднепровья. Сюда, на юг, они несут свой не тронутый разложением патриархальный быт, семейную общину, свои курганные погребения, городища, свою примитивную земледельческую и ремесленную технику, свой отсталый быт. Но здесь, в Среднем Поднепровье, они не встретили лишенную жизни пустыню. Древнее антское население продолжало обитать на старых, насиженных местах, населяло Киев и прилежащие области, ставшие такими же центрами восточного славянства IX—X вв., какими они были в период антов. Своим отсталым северным сородичам, на которых они начали оказывать большое влияние еще с середины I тысячелетия н. э., анты передали свои культурно-бытовые особенности, исторические традиции, свой социальный строй, свои связи с очагом цивилизации — Византией. Поэтому тот строй «военной демократии», который существовал у антов столетиями, был быстро пройден северными русскими племенами, передвинувшимися в Среднее Приднепровье и здесь смешавшимися со своими, стоящими на грани цивилизации южными соплеменниками. И Среднее Поднепровье в течение одного-двух столетий проходит этап «военной демократии» и вступает в период феодализма.

В ослаблении южных племен антов немаловажную роль сыграли опустошительные вторжения гуннов, болгар и авар. Как ни кратковременно было пребывание кочевых орд в пределах земель антов, но страшные удары, наносимые ими, вовлечение антских дружин в завоевательные походы кочевников, все это приводит к рассеиванию, распылению антов, к ослаблению их мощи. Кроме того, с того момента, как кочевая стихия начинает заливать черноморские степи, даже еще раньше, со времен установления готского владычества в степях, прерываются прямые связи антов Приднепровья с Римом, игравшие большую роль в общественном и культурном развитии обитателей территории «полей погребальных урн». Клады римских вещей и монет исчезают, и наиболее поздние монеты относятся ко временам Септимия Севера (начало III в.). Войны готов с Римом прервали эти связи, связи, втягивавшие варварский мир Среднего Приднепровья в орбиту влияния Рима и способствовавшие росту социального расслоения среди варваров и начаткам государственности. Вторжения гуннов, болгар и авар сплачивали варварский мир юга Восточной Европы, но в то же самое время ослабляли антов. И кто знает, не были ли они в известной мере причиной того, что анты на длительный период времени задержались на стадии «военной демократии» и могущественное славянское, русское, государство сложилось в Восточной Европе спустя долгое время, лишь в IX в.?

Поставив этот вопрос, мы вплотную подошли к проблеме восточнославянских племен VIII—X вв.

Так закончился антский период в русской истории.

Могучей поступью, с оружием в руках, под звон мечей и зловещее пение стрел, в огне пожаров вышел на арену мировой истории русский народ.

Неудержимой лавиной шли на юг отважные и сильные, воинственные и стойкие воины «бесчисленных племен антов». Их рослые фигуры, оде-

тые в грубые рубахи и шаровары, с мечами и щитами в руках видели и голубые воды Дуная, и равнины Фракии, и поля Италии, и снежные вершины кавказских гор, и бурные воды Черного моря.

С мечом в руках они завоевали византийские земли и отстояли свое право на независимость в борьбе с готами и аварами. Мечом завоевали они себе славу великих и доблестных воинов, храбрейших из всех, стойких и отважных, выносливых и искусных, страшных для врагов и гостеприимных для друзей. Сила и доблесть славян и антов, внушившая страх врагам, вселяла уверенность в себе в сыновьях великого народа славянского.

Зная силу славянского оружия, в ставке могучего и грозного аварского кагана посол «храбрейшего из всех» народа антов Межамир Идарич говорил в лицо всесильному хану надменные речи; зная грозную мощь своих дружин, славянский вождь Даврит и старейшины отвечали посланцам аварского кагана Баяна: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашей землей, а мы чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будет на свете война и мечи».[85]

Глава III

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА ПЕРЕД ОБРАЗОВАНИЕМ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Повествуя о расселении славян, летописец рассказывает о том, как «...Словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припетью и Двиной и нарекошася Дреговичи; инии седоша по Двине и нарекошася Полочане, речьки ради яже втечеть в Двину, имянем Полота, от сея прозвашася Полочане. Словене же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своим имянем, и сделаша град и нарекоша и Новъгород; а друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле и нарекошася Север».[1]

Постепенно в рассказе летописца появляются названия других восточнославянских племен, уточняется их местоположение: «...Кривичи иже седять на верх Волги, и на верх Двины и на верх Днепра, их же град есть Смоленьск, туде бо седять Кривичи, таже Север от них». Но не только «Север» или «Севера от них», т. е. от Кривичей. «От кривичей», видимо, и полочане, так как «перьвии насельници в Полотьсте Кривичи». Летописец говорит о жителях Побужья — дулебах. «Дулеби живяху по Бугу, где ныне Велыняне», и приводит еще одно название обитателей этого края — бужане, «зане седоша по Бугу, после же Велыняне». Выступают на сцену в рассказе летописца обитатели Посожья — радимичи и занимавшие течение Оки — вятичи, оба — «от ляхов», загадочные «Хорвате», и, наконец, «Улучи и Тиверьци седяху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их и до сего дне, да то ся звахуть от Грек Великая Скуфь».[2] «Се бо токмо Словеньск язык в Руси».[3]

Так повествует о расселении русских племен по обширной Восточно-Европейской равнине древний летописец. Летописец помнит о тех временах, когда славяне Восточной Европы делились на племена, когда племена русские «имяху бо обычаи свои и закон отець своих и преданья, кождо свой нрав» и жили «особе» «кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим».[4] В его времена в дремучих лесах верховьев Оки жили вятичи, упорно отстаивавшие свою племенную изолированность; жива была еще память о подчинении Владимиром радимичей; он помнил о длительной борьбе киевских князей с древлянами, но когда впервые на Руси в Киеве и Новгороде в княжение Ярослава Мудрого начали создаваться начальные русские летописные своды, родоплеменной быт уходил уже в область преданий.

Когда из начальных сводов составлялась «Повесть временных лет», служащая нам основным источником для изучения расселения восточнославянских племен, многих племен в действительности давно уже не существовало, и на смену старым племенным объединениям уже пришли новые территориальные, политические. Исчезают сами племенные названия. Последний раз в «Повести временных лет» поляне упоминаются под 944 г., и на смену старому племенному названию «поляне» приходит новое территориальное, политическое — «кияне». Древнее племенное название дулебов уступает свое место территориальному — бужане, которое вскоре вытесняется новым, политическим, произошедшим от наименования главного города земли — Волыня. С 992 г., исчезает со страниц летописи имя хорватов, с 984 г. — радимичей (если не считать изолированного упоминания о радимичах в Ипатьевской летописи под 1169 г.), со времен Владимира летописец перестает упоминать о древлянах и «Деревах», т. е. Древлянской земле, с 944 г. — о тиверцах и т. д. На смену им приходят другие названия, происходящие от «стольных градов» древнерусских княжеств и земель: кияне, черниговцы, смоляне, новгородцы, полочане, переяславцы, любчане, псковичи и т. д. Только упорно боровшиеся с Киевом и защищенные своими непроходимыми лесами вятичи оставались племенем, да и то вскоре за ними закрепилось название «рязанцы». И когда летописец тенденциозно расхваливал полян, противопоставляя им древлян «живяху звериньским образом», радимичей, вятичей и северян, которые «один обычай имяху, живяху в лесах якоже и всякий зверь», подчеркивая полянский «обычай» «кроток и тих», он сам уже был не полянином, а «киянином», который, естественно, хотел возвысить своих предков — полян.

Отсюда мы должны сделать вывод, что рассказом летописца о расселении русских племен удовлетворяться нельзя. В припоминаниях летописца могли быть и домыслы, и неточности, и явные искажения, и досадные пропуски. Но эпоха летописца — это уже не «киммерийский мрак» дописьменных времен. Свидетельства летописца могут быть проверены и дополнены современниками — иноземцами, восточными, византийскими и западноевропейскими писателями, памятниками материальной культуры, данными языка, этнографии и антропологии.

Я должен прежде всего подчеркнуть свое отношение к русской летописи. Ни один народ не обладает таким бесценным источником, каким являются русские летописи. Богатство русских летописей, обилие сообщаемых ими фактов, огромное количество летописных сводов и их разнообразие заставили первых нерусских ученых-историков, принявшихся за изучение русской истории, написать восторженнейшие отзывы об этих ценнейших материалах. Я имею в виду Миллера и Шлецера. Когда началось серьезное изучение русских летописей, и в частности древнего летописания киевской поры, первое время все сообщения летописцев принимались без всяких коррективов, на веру и считались совершенно неопровержимыми. Но этот младенческий период в русской исторической науке был вскоре пройден и настал иной этап, когда историки так называемой «скептической школы» фактически упразднили древнее русское летописание, объявив все фантазией позднейших составителей. Этот пагубный взгляд, правда в пережитой форме, к сожалению, еще долгое время вредил нашей науке. Даже в тонкой, поистине ажурной, ювелирной

работе А. А. Шахматова и его ученика М. Д. Приселкова чувствуется непомерное, нездоровое, граничащее со снобизмом стремление во что бы то ни стало построить свою гипотезу и даже в том случае, если указание летописи не вызывает никаких сомнений в его достоверности.[5] Создается гипотеза, подчас заманчивая, всегда умело и остроумно аргументированная; делается вывод, на основании которого, в свою очередь, строится новая гипотеза; опять вывод, снова гипотеза, и так бесконечно и с не совсем ясной целью вьется кружево исторического исследования, кропотливого, обстоятельного, свидетельствующего об огромной эрудиции и... неясных стремлениях автора.

К сожалению, в исторической литературе последних десятилетий, когда искусство критики источника достигло совершенства, появилось течение, всячески старающееся опровергнуть чуть ли не любое известие древних летописцев, все и вся ставящее под сомнение. Считая, что верить летописцу так же неприлично, как в культурном обществе серьезно говорить о ведьмах, леших и домовых, подвергая все сомнению, увлекаясь гиперкритикой источника и все больше и больше скатываясь на почву формальной трактовки источниковедческих проблем, критикуя только ради самой критики, — это направление в исторической науке уподобляет своих адептов людям, старательно подрубающим сук, на котором они сидят. Эта «разрушительная» работа историков заставляет призвать к защите источника от «источниковедов», радостно, захлебываясь, сообщающих о, по их мнению, недостоверности того или иного документа, того или иного сообщения. Наоборот, следует приветствовать попытки советских археологов и историков, внимательно изучив источник, найти материалы, подтверждающие его известия, проверить, сличить с другими материалами, найти в нем зерно истины, очистить его от плевел, восстановить историческую действительность, ибо такое отношение к «недостоверным» сообщениям, к мифам и былинам, к легендам и «легендарным» древнейшим частям летописей подарило человечеству Трою, Кнос и Фест, Микены и древнюю китайскую культуру.

Шлиманы полезнее для науки, чем Каченовские.

В какой же мере приведенные сообщения летописца соответствуют современным данным науки?

От Карпатских гор и Западной Двины до верховьев Оки и Волги, от Ильменя и Ладоги до Черного моря и Дуная жили русские племена накануне образования Киевского государства. Карпатские хорваты, придунайские уличи и тиверцы, побужские дулебы, или волыняне, обитатели болотистых лесов Припяти — дреговичи, ильменские словене, жители дремучих окских лесов — вятичи, многочисленные кривичи верховьев Днепра, Западной Двины и Волги, заднепровские северяне и другие восточнославянские племена составляли некое этническое единство, «словеneск язык в Руси». Это была восточная, русская, ветвь славянских племен. Этническая близость их способствовала образованию единого государства, а единое государство консолидировало, сплачивало в этнический массив славянские племена.

Но русские племена не свалились с неба в готовом виде со всеми присущими им особенностями языка, быта, культуры, а явились результатом сложного этно- и глоттогонического процесса. Рассказ летописца о расселении славянских племен на Руси — это последний акт сложного процес-

са складывания русских племен. В «Повести временных лет» нашли отражение лишь последние часы существования племенного быта. Новые производственные отношения, зарождение классов и государства ломали старые племенные границы, сплачивали народные массы внутри новых политических границ, объединяли их по новому, территориальному, признаку. Когда летописец повествовал о восточнославянских племенах, они уже переставали существовать, а многие из них, если даже не все, уже давно, по существу, были не племенами, а союзами племен.

Как же сложились те славянские племена, о которых успел рассказать еще по памяти, по преданиям и припоминаниям составитель начального летописного свода?

Прежде всего я остановлюсь на памятниках материальной культуры той территории, на которой разместила «Повесть временных лет» древнерусские племена. Я вынужден начать именно с памятников материальной культуры, так как письменные источники полностью отсутствуют. «Язык земли» и данные языка будут служить нам вторым источником.

В главе «О происхождении славян» я уже указывал на то обстоятельство, что в формировании славянства в процессе схождения приняли участие различные племена, создатели и носители различных, хотя и близких друг другу культур. То же самое имело место и по отношению к восточному славянству, причем компонентами восточного славянства выступили и протославянские племена Среднего Поднепровья, и собственно славянские племена раннего, антского, этапа формирования славянства, создатели культуры «полей погребальных урн», и потомки племен охотников и рыбаков лесной полосы Восточной Европы, создатели культуры «ямочно-гребенчатой керамики», чья принадлежность к протославянам более чем сомнительна и в которых мы, скорее, можем усматривать прафинские племена. В состав восточного славянства вошли не только протославянские племена Среднего Поднепровья и сопредельных речных систем, не только раннеславянские племена времен культуры «полей погребения», но и племена, происходящие от предков с культурой иного рода, с иным языком, значительно отличавшиеся в эпоху позднего неолита и бронзы от племен основного очага славянского этногенеза.

Эти племена несомненно были близки к своим восточным, северным и западным соседям и соплеменникам, из которых сложились финские и литовские племена. Как, когда и почему они выключились из основного очага литовского и финского этногенеза и оказались включенными в очаг славянского этногенеза, как, когда и почему они сменили свой язык на славянский и этим самым стали славянами, русскими, и уже как русские выступали в первых письменных источниках — этими вопросами нам и предстоит заняться.

Сложный состав восточного славянства явственно выступает и в особенностях русских диалектов, и в специфике обычаев, культуры и быта отдельных русских племен, во всем том, что составляет этнографические особенности отдельных частей великого народа русского. Так же точно как в X—XII вв. русские поглотили, ассимилировали и колоризовали мерю, весь, мурому, мещеру, голядь, превратив в славян эти финские и литовские племена, так и в дописьменную эпоху славяне Приднепровья и сопредельных с ним районов поглотили, ассимилировали и колоризовали другие финские и литовские племена, оставшиеся нам неизвестными.

В Верхнем Поволжье в начале I тысячелетия н. э. среди местных племен складывается некоторое единообразие культуры (городища «дьякова типа» с «сетчатой» керамикой), сближающее обитателей верхневолжских лесов с жителями Среднего Поволжья, Оки и Валдайской возвышенности и, наоборот, отличающее их от соседей с запада — населения верховьев Днепра и Западной Двины и от обитателей Прикамья. И если в населении верховьев Днепра и Западной Двины этой поры мы усматриваем славян, в прикамских, средневолжских, нижнеокских и отчасти валдайских жителях — финнов, то обитатели западной части Верхнего Поволжья выступят перед нами как протославяне, а их восточные соседи — как протофинны, причем первые имеют общие черты со вторыми, а вторые похожи на первых. Этим и объясняются финские элементы в материальной, а быть может и духовной, культуре, а следовательно — и в языке лесных славянских племен и, наоборот, славянские элементы — у финнов, что явствует, например, из изучения погребений мери, имеющих черты русских погребальных обычаев и вещи русского типа. Из таких протославян, имеющих общие черты со своими соседями финнами, и из протофиннов, близких славянам, из пестрой группы племен примитивной, ранней стадии этнических формирований в процессе смешений, схождений и влияний вырастают русские и не русские племена «Начальной летописи».[6]

Почему не финны и не литовцы ассимилировали славян, а, наоборот, эти последние передали им свой язык, обычай и культуру, превратив их в русских, — это второй вопрос, на который мы попытаемся дать ответ.

Советские археологи за последнее время обратили внимание на то обстоятельство, что славяне как-то внезапно появляются на обширных пространствах Восточной Европы и без всяких признаков массового переселения на данной территории новых народов с присущей им специфической культурой. Это дало им повод совершенно справедливо утверждать, что наряду с венедами, предками славян, были и другие племена, которые в первые века новой эры действительно существенно отличались от венедов и земледельческих племен Среднего Приднепровья скифской поры.

Особый интерес в этом отношении представляет область верховьев Днепра, Оки и Волги, где, по мнению археологов, наблюдаются непрерывное развитие культуры, отсутствие смены населения и даже, по-видимому, не имело места сколько-нибудь значительное проникновение новых культурно-этнических элементов. Отсюда делался вывод о невозможности объяснить появление здесь в летописные времена славян путем расселения на север венедов и об автохтонности славянства, которое является в этих землях исконным местным этническим образованием.

Одновременно обращали внимание и на то обстоятельство, что до середины I тысячелетия новой эры Среднее Поднепровье, которое совершенно справедливо считается основным и древнейшим очагом этногенеза восточных славян, резко отличается по уровню общественного развития своего населения и по его культуре от обитателей верховьев Днепра, Оки и Волги с их архаическим бытом и первобытными, примитивными общественными отношениями и культурой. И только с этого времени наблюдается культурное сближение этих двух областей.

В результате такой постановки проблемы естественно возникает вопрос: или славяне со всеми своими признаками обитали в Верхнем Приднепровье, Поволжье и на Оке еще во времена неолита, или население этих земель стало славянским сравнительно поздно, лишь с того момента, когда лесной север и днепровскую лесостепь сблизили тесные культурные связи? Окончательное решение этого вопроса археологи предоставили лингвистам.[7]

Перейдем к рассмотрению материалов. Бросается в глаза резкое различие Среднего Поднепровья и верховьев Днепра, Оки и Волги в первые века новой эры.

В то время как в эпоху позднего неолита и в период бронзы Среднее Поднепровье включается в обширную область распространения «трипольской культуры», созданной земледельческими племенами, Верхнее Приднепровье вместе с прилегающими областями характеризуется особой культурой племен рыболовов и охотников с их «ямочно-гребенчатой керамикой», весьма отличной от культуры их южных и западных соседей и имеющей ряд локальных вариантов. Это отличие еще резче сказывается в скифский период, когда Среднее Поднепровье намного и надолго обгоняет по уровню общественных отношений и культуре область верховьев Днепра, Оки и Волги. И так продолжалось до середины I тысячелетия н. э. За этот промежуток времени Среднее Приднепровье вступило в период варварства. Господствовала территориальная община. Открытые селища или большие городища служили местом обитания территориальных общин, состоявших из больших и малых семей. Ведущей формой хозяйства было пашенное земледелие. Возникают частная собственность, индивидуальное хозяйство, рабство уже в новых, не чисто патриархальных формах, наследственная власть вождей, опирающаяся на вооруженную силу и богатство. Растет торговля, укрепляются торговые и культурные связи с Причерноморьем и позднее — с Византией. Складываются крупные племенные союзы. Это — последний этап варварства, эпоха «военной демократии».

Среднеднепровский славянский мир стоит на грани цивилизации.

Иную картину рисуют нам памятники материальной культуры этой поры верховьев Днепра, Оки и Волги.

Патриархально-родовой строй нерушим. В укрепленных поселениях-городищах обитают большие семьи. Гнезда городищ составляют поселения рода. Городище-поселок семейной общины — замкнутый мирок, производящий сам все, что необходимо для жизни. Гнезда городищ тянутся по берегам рек. Огромные пространства незаселенных земель речных водоразделов, поросшие девственным лесом, отделяют области расселения древних племен лесной полосы Восточной Европы. Наряду с примитивным подсечным земледелием большую роль играют скотоводство, охота и рыбная ловля, причем эти последние зачастую имеют большее значение, чем земледелие.

Ни частной собственности, ни индивидуального хозяйства, ни имущественного, ни тем более социального расслоения нет и в помине.[8]

Такую картину в общих чертах рисуют нам вещественные памятники лесной полосы Восточной Европы.

К северу от территории распространения культуры «полей погребальных урн», в лесах верховьев Днепра, Западной Двины, Оки и Волги, в на-

чале новой эры обитает множество племен, связанных с бассейнами рек, лесными массивами и другими естественными границами. Их поселения-городища дьякова типа.[9]

Древнейшие из городищ дьякова типа восходят к середине I тысячелетия до н. э. и даже к несколько более ранней эпохе. К ним относятся Старшее Каширское, Кондраковское (у Мурома), Городищенское (у г. Калязина на Волге), Городок (на Верхней Волге) и некоторые другие. Типичным является поселение у села Городище. Небольшой поселок размером в 80 м длины и 35 м ширины расположен на высоком берегу реки. Окруженный с трех сторон отвесными склонами, а с четвертой — глубоким рвом и земляным валом с частоколом, он был действительно неприступной крепостью. Такими же отвесными склонами, валами, рвами и деревянными стенами окружено поселение у села Городок.[10] Небольшие укрепленные поселки были местом обитания большой семьи, насчитывающей 25—30, а в больших городищах — 50—60 человек.

Прошло несколько столетий. В первой половине I тысячелетия н. э. в верховьях Днепра, Оки и Волги, на высоких берегах рек или на островах среди озер и болот укрепленные валами, рвами и частоколами по-прежнему располагаются миниатюрные поселения в 200—300—500—700 кв. метров, мало чем отличающиеся от древних дьяковых городищ. Как и ранее, они являются местом обитания больших патриархальных семей. Типичным для этого периода является городище у деревни Березняки в устье реки Сонохты, впадающей в Волгу, датируемое III—V вв. н. э. Естественно укрепленное рекой, крутыми склонами и оврагами, оно было еще огорожено массивной бревенчатой стеной. Размеры городища — 80 метров в длину и 50 метров в ширину. В середине поселка был обнаружен низкий бревенчатый дом с очагом, покрытый двускатной крышей. Это было общественное здание, принадлежавшее всем жителям поселка. Вокруг него располагалось шесть жилых бревенчатых домов с земляными полами и очагом, представлявшие собой жилища отдельных семей. Правая сторона домов, в которой готовилась пища, стояли лепленные от руки сосуды, принадлежала женщинам, а левая — мужчинам; тут были найдены крючки, топоры, стрелы, уздечки и т. п. Рядом с общественным домом располагалась постройка для хранения зерна, где были найдены зернотерки и серп; несколько дальше — кузница с очагом из огромных камней, а против него — легкая постройка, в которой собирались женщины шить, прясть, ткать и т. д. Население поселка состояло из 40—50 человек. Все шесть семей патриархальной общины вели совместно коллективное хозяйство. На заливных лугах пасся скот, загоняемый на ночь в загон. Крупный рогатый скот давал молоко, овцы — шерсть, а лошади и свиньи шли в пищу. В реке ловили рыбу, в лесах ловили и били зверя и птицу. Большую роль играло примитивное подсечное земледелие. Железные изделия вырабатывались тут же, в общинной кузнице из криц мягкой болотной руды. Жители поселка сами выделывали кожи, шили одежды из шерсти и льна, изготовляли обувь, сами выделывали посуду. Только украшения покупали у соседей. Такая патриархальная община представляла собой самодовлеющий мирок.

«Домик мертвых» и обычай сжигания покойников говорят о культе огня и солнца, о космических религиозных представлениях, о культе предков, характерных для патриархально-родового строя. Поселки объе-

динялись по принципу родства, племенной общности. Сидели они гнездами, отделенными друг от друга огромными незаселенными пространствами. Общались люди друг с другом редко и мало. В каждом иноплеменнике и соседе видели врага. Взаимное влияние было слабым. Жизнь текла медленно, размеренно. Из года в год, из десятилетия в десятилетие, из века в век все шло по-старому, и очень медленно прорастали семена нового, очень медленно назревали условия для вступления общества в новую, высшую ступень развития общественных отношений и культуры. Чем же объяснить эту архаичность, косность, отсталость, замедленные темпы развития племен верховьев Днепра, Оки и Волги?

Причины длительного бытования на севере древних форм патриархального строя лежат прежде всего в характере земледелия. Нужно указать, во-первых, на то обстоятельство, что земледелие на севере, в лесах Восточной Европы, абсолютно преобладающей отраслью хозяйства стало лишь в VIII—IX вв., т. е. в те времена, когда в земледелии произошли крупные сдвиги, обеспечивавшие ему ведущую роль в хозяйстве лесных племен. До этого скотоводство, рыбная ловля и охота играли весьма большую, чаще всего решающую роль, давая более половины всех средств существования. Это можно заключить хотя бы из того, что главная рабочая тягловая сила северного земледелия — лошадь — употреблялась в пищу и не только тогда, в середине I тысячелетия н. э., но в верховьях Волги и гораздо позднее. Этот вывод можно сделать, анализируя не только материальные остатки земледельческой культуры, но и остатки пищи и остеологический материал. Во-вторых, отметим еще один чрезвычайно важный фактор — пашенное земледелие, давно известное в Среднем Поднепровье, на севере распространилось лишь в VIII—X вв. н. э. До этого господствующей формой земледелия было подсечное, или огневое, земледелие. Для подготовки участка земли под посев надо было подрубить деревья, выждать, пока они засохнут на корню, затем сжечь сухостой и тогда прямо в золу, оставшуюся от пожарища, без предварительной вспашки сеяли зерна. Орудием труда служила большая косуля, соха-суковатка, в которой роль сошника играл толстый, острый, обожженный для крепости сук. Такой участок выжженного леса первое время давал большой урожай, но по прошествии трех-четырех лет пережженная земля утрачивала плодородие и надо было браться за другой участок леса, снова подрубать, валить и жечь лесные исполины, снова браться за примитивный, долотообразный, узколезвийный топор, огниво, соху. Подсечное земледелие было очень трудоемким и требовало колоссальных затрат труда. А это было под силу только большим коллективам, целым патриархальным семейным общинам. И существование семейных общин диктовалось самой формой земледелия.

Миниатюрные размеры поселений также были обусловлены распространением на севере подсечного земледелия. Дело в том, что при частых сменах участков земли требовалась обширная площадь для ведения каждой общиной земледельческого хозяйства. Поэтому селиться огромными поселками, состоящими из нескольких патриархальных семей, как это было у антов в Среднем Приднепровье, в лесной полосе было невозможно. Кроме того, смена участков земли вызывала систематические передвижения населения; северные земледельцы вынуждены были часто переходить с места на место и менять места своего обитания.

Наконец, нужно также отметить, что в общем пользовании находились выпасы, выгоны, луга, «бортные ухожаи», рыболовные участки и охотничьи угодья.

Вот в чем лежат причины отсталости северных племен, если речь идет об их внутренней жизни. Конечно, немаловажное значение имело также и то обстоятельство, что, как я уже указывал, Среднее Приднепровье со времен античных греческих колоний было вовлечено в орбиту влияния древних цивилизаций. На лесную полосу Восточной Европы оно распространялось в меньшей степени. Север связался с цивилизованным югом гораздо позднее, лишь накануне образования русского государства.

Та же картина наблюдается и в западной части лесной полосы — в Смоленщине и Белоруссии. Из открытых селищ латенской поры, обнесенных тыном, вырастают городища, окруженные рвом и валом. Городища Белоруссии и Смоленщины, подобно «дьяковым», располагаются гнездами по берегам рек и озер или на болотах. Укрепленные рвами и валами, они представляют собой маленькие крепости размером 30×20, 40×30, 50×40, 70×50 метров. Находки зернотерок, серпов, зерен проса, пшеницы, овса, вики, гороха, конских бобов говорят о развитии земледелия (Банцеровское городище, датируемое VI—VIII вв.). Кости лошади, коровы, овцы и свиньи свидетельствуют о большой роли скотоводства. Охота и рыбная ловля также имели важное значение в хозяйстве древних обитателей городищ Белоруссии и Смоленщины. Наряду с железными изделиями встречается много каменных и костяных. Керамика грубая, лепленная от руки. В наиболее древних городищах всюду встречаются сыродутные печи для обработки железа. Жилища наземные, бревенчатые, с потолками. Землянок не встречается. Если обратиться к погребениям, то следует отметить, что древним городищам всюду сопутствуют могильники различных форм, в том числе типа «полей погребальных урн», с крайне бедным, скудным, однообразным инвентарем, обнаруживаемым в трупосожжениях. Эти могильники с трупосожжениями представляют собой родовые кладбища.

Итак, перед нами — типичная картина патриархально-родового строя, неразложившихся первобытно-общинных отношений, покоящихся на архаичном подсечном земледелии, скотоводстве, рыбной ловле и охоте. Техника примитивна. Орудия труда грубы и архаичны. Наряду с железом бытуют камень и кость. Разделение труда еще не началось. Ремесло связано со всеми видами производства. Безраздельно господствуют коллективный труд и общинная собственность. Имущественное, а тем более социальное, неравенство отсутствует. Патриархальная семья, род, племя — таковы формы общественной жизни племен лесной полосы Восточной Европы в середине I тысячелетия н. э.

Вот что говорят нам о жизни и быте лесных племен памятники материальной культуры, единственный наш источник для изучения древнейших судеб тех, кто принял участие в формировании восточного славянства.[11] Но ограничиться только этими выводами нельзя. Нас, вполне естественно, интересует вопрос, кто были эти племена, какова была их культура, на каком языке они говорили? Были ли они литовцами, финнами, славянами или же теми неуловимыми «яфетидами», в которых исследователи ищут панацею и видят средство спасения в тех случаях, когда

этническую принадлежность древних обитателей того или иного края становится затруднительно определить?

Попытаемся ответить и на этот вопрос.

Примерно к середине I тысячелетия н. э. сложились основные контуры этнической карты русской летописи. В это время древняя славянская культура начинает уже существенно отличаться от культуры финских (восточных, северных и западных) и литовских племен. Это — время культуры «полей погребальных урн». Но большинство племен лесной полосы Восточной Европы создало культуру, которая генетически не увязывается с культурой «полей погребальных урн», уже безусловно славянской. В отдельных местах Белоруссии и Смоленщины в это и несколько более позднее время, правда, наблюдается распространение могильников, очень близких к знаменитым среднеднепровским «полям погребальных урн». Таким северным «полем погребальных урн» является могильник у села Азаргац в Белоруссии. Северные «поля погребальных урн» тянутся по Южной Белоруссии, пересекают среднее течение Березины, идут на северо-восток к Смоленску, оттуда спускаются на юг и юго-запад к Десне и Чернигову.[12] Из этого следует, что население, создавшее культуру «полей погребальных урн», занимает не только область Среднего Приднепровья и смежные с нею земли, частично протянувшиеся к востоку, а главным образом к западу от Днепра, но и более северные края, вплоть до левобережной Припяти, среднего течения Березины и верховьев Днепра. Это население было несомненно славянским, и, естественно, с течением времени южные и северные «поля погребальных урн» перерастают в славянские кладбища — могильники IX—X вв. (например, Броварский могильник в Полтавской области), что может служить доказательством непрерывного существования и в лесостепной, и в части лесной полосы Восточной Европы населения, близкого к людям культуры «полей погребальных урн». И вполне понятно, так как последние были протославянами, антами, а первые — их прямыми потомками, древними русскими.[13]

Таким образом, мы можем утверждать, что как на юге, в Среднем Приднепровье, создателями культуры «полей погребальных урн» были славяне, так и на севере, в лесах левобережья Припяти, Березины и верховьев Днепра славяне обитали еще в очень отдаленные времена. Правда, обращает на себя внимание то обстоятельство, что территория северных «полей погребений» длинным языком протянулась из Поприпятья и Среднего Днепра на северо-восток, а это, если мы учтем «язык земли» и распространение древней культуры рыбаков и охотников севера, явится, быть может, указанием на какую-то очень древнюю колонизацию верховьев Днепра из областей Среднего Приднепровья. Но сюда, на Верхний Днепр и Десну, проникли не собственно восточные славяне, русские, а их отдаленные предки, протославяне.

В первые века новой эры лесную полосу Восточной Европы занимали различные по своей культуре многочисленные племенные группы, еще не распадавшиеся на отдельные, резко очерченные этнические массивы, как это имело место во второй половине I тысячелетия н. э., когда окончательно консолидировались восточнофинские, прибалтийские (летто-литовские) и славянские, русские, племена. Культура смежных племенных групп имела много общих черт. Но это сходство касается лишь основных черт, объединяющих в некое единство группу соседящих племен. Куль-

турной общности, которая могла бы говорить и об этническом единстве, еще не было. И если Среднее Приднепровье является одним из основных и древнейших очагов славянского этногенеза, протекавшего в тесной связи с западными славянскими землями, правда, со своими особенностями, обусловившими создание обособленной, восточной, русской, семьи славянских племен, то область верховьев Днепра, Оки и Волги объединилась в этнический массив со Средним Приднепровьем в гораздо более позднее время в результате и расселения славянских племен, и включения протославянских и не славянских племен в процесс славянизации.[14]

Анализ и систематизация вещественных памятников дают возможность нарисовать следующую этническую карту лесной полосы Восточной Европы. В Верхнем Приднепровье намечаются три локальные группы: Припятская, Деснинская и Верхнеднепровская. Культура этих групп близка к культуре среднеднепровских племен скифской поры, а также более поздним «полям погребальных урн». Городища Верхнего Поднепровья окружены своеобразными миниатюрными «полями погребальных урн» с трупосожжениями.[15] По Верхней Березине и по среднему течению Западной Двины лежит группа городищ с весьма примитивными памятниками материальной культуры, керамикой со штриховкой, рисующими весьма архаичный быт населения. В Верхнем Поволжье, где располагаются наиболее типичные «дьяковы» городища, можно наметить 4 группы: Верхнеокская, близкая Деснинской, Верхневолжская, Валдайская и Волго-Окская. Верхневолжская характеризуется городищами с высокой площадкой с подсыпкой и остатками наземных жилищ и керамикой с рядом архаических особенностей, типичных для местной посуды эпохи бронзы. На верхнеокских и волго-окских городищах жилища имели вид круглых или прямоугольных землянок. В посуде и других вещественных памятниках волго-окских городищ имеется много черт, сближающих их с памятниками материальной культуры Западного Поволжья. Наконец, ниже устья Оки, в Западном Поволжье, распространяется культура городищ городищенского типа или городищ с «рогожной» керамикой. Быт населения лесной полосы Восточной Европы свидетельствует о начале варварства.

В результате сложного этногонического процесса и консолидации соседних племен на этой этнической базе формируются славянские, финские и литовские, прибалтийские, племена. При этом основным очагом славянского этногенеза в лесной полосе Восточной Европы были Верхнее Поднепровье, Десна и Припять, и восточное славянство складывается в основном на базе Припятской, Деснинской и Верхнеднепровской групп племен, тогда как племена Западного Поволжья формируются главным образом на базе Западноволжской племенной группы. К последней примыкают Верхневолжская, Волго-Окская и Валдайская группы. При этом очень важно отметить то обстоятельство, что обитатели Верхнего Приднепровья, Десны, Припяти, верховьев Оки, Волги и Западной Двины являлись преимущественно земледельцами, тогда как племена Среднего Поволжья, Прикамья и сопредельных земель важнейшей отраслью хозяйства имели скотоводство.[16] Здесь, в северном очаге этногенеза восточных славян, на Волыни, в Полесье, на Среднем и Верхнем Днепре, среди дремучих лесов, сложился древний земледельческий языческий календарь славян. Только в полосе смешанных лесов, в условиях огневого подсечного

хозяйства могло возникнуть то изумительное соответствие наименований месяцев года циклу земледельческих работ и смене времен года, о котором речь была выше.

Примерно с середины I тысячелетия н. э. отмеченное нами выше резкое различие между среднеднепровскими славянами и их северными соплеменниками, обитавшими в глухих лесах верховьев, постепенно исчезает. Начинается нивелировка, сближающая между собой эти два столь различные по уровню общественных отношений, быту и культуре очага славянского этногенеза.

Уже с конца III и начала IV вв. Среднее Приднепровье начинает вовлекать в орбиту своего влияния племена лесной полосы, обитавшие в верховьях Днепра, Оки и Волги. Великое переселение народов оторвало племена Среднего Поднепровья от Причерноморья, о чем говорит прекращение притока римских монет и вещей, обычно находимых в погребениях и кладах предшествующего времени. Вместе с тем оно способствовало сближению среднеднепровских славян со своими северными соплеменниками и их соседями. На север переселялись с юга отдельные патриархальные семьи и роды, спасавшиеся от кочевников, вихрем проносившихся по пограничным со степью и степным поселениям славян, уводя в плен, грабя, убивая, сжигая, заставляя идти в далекие походы в неведомые страны. На север проникали, передаваясь из рук в руки путем торговли и обмена, вещи среднеднепровского происхождения, на север проникали и начатки ремесла и искусства. Влияние среднеднепровского культурного очага ощущалось все более и более и накладывало отпечаток на быт и культуру отсталых северных племен, на самих обитателей глухих лесов.

Черная лощеная керамика среднеднепровского типа, характерная для культуры «полей погребальных урн», бронзовые украшения геометрического стиля, инкрустированные красной и зеленой эмалью, и прочие изделия Среднего Приднепровья III—V вв. начинают распространяться в верховьях Оки, в так называемых городищах мощинского типа III—IV вв. н. э., в Верхнем Поднепровье и в Поволжье. Интересен тот факт, что в Западном Поволжье и в областях к северу от низовьев Оки, среди восточнофинских племен (меря, мордва, мурома) этих вещей обнаружено очень мало, а черная лощеная керамика не встречается вовсе.

С середины I тысячелетия н. э. на севере распространяется обряд трупосожжения, ранее бытовавший лишь в Среднем Приднепровье. III—V вв. датируется «домик мертвых» городища у деревни Березняки в Верхнем Поволжье, V—VI вв. — древнейшие курганы с трупосожжениями Верхнего Днепра и верхнеокские курганы городищ мощинского типа, VI в. — длинные курганы Верхнего Приднепровья и более северных областей и т. д.

Так началось культурное сближение Среднего Приднепровья и области верховьев, а следовательно, схождение и сближение племен.

Но весьма значительное культурное различие между среднеднепровскими и северными восточнославянскими племенами еще оставалось до VI—VIII вв., когда наконец к VIII—IX вв. почти полностью исчезло в результате включения восточных славян в процесс объединения, в передвижение племен на юг, в пределы Среднего Приднепровья. Это объединение севера и юга окончательно завершилось уже в период образования древнерусского государства.[17]

В великое передвижение народов включились не только южные, но и северные племена, потянувшиеся на юг, в плодородные земли Среднего Приднепровья и еще дальше, к берегам Черного моря, к Дунаю. Здесь, в частично запустевшем Среднем Приднепровье, они селились бок о бок с потомками создателей культуры «полей погребальных урн», с антами, продолжавшими заселять древние городища. Сюда, на юг, они принесли свою отсталую технику, свои примитивные орудия труда, свой архаичный быт, первобытные общественные отношения, свою отсталую культуру лесных племен. К VI и началу VII в. культура «полей погребальных урн» исчезает. Ее сменяют городища роменского типа и курганы с трупосожжением, рисующие отсталые общественные отношения, примитивный быт и архаичную культуру. Культура городищ роменского типа генетически увязывается не с культурой «полей погребальных урн», а с культурой деснинской группы. Отсюда, из-за Десны и Сейма, пришли на юг левобережья Днепра, на Сулу, Псёл и Ворсклу обитатели городищ роменского типа.

Подобное же напластование примитивной культуры северного происхождения на высокую культуру антской эпохи и смешение их имели место и в других областях, где северные лесные славянские племена передвигались на юг. На правобережье Днепра замечается передвижка населения с Припяти на Тетерев, а на востоке — с Оки на верховья Дона.

Только таким переселением отсталых северных племен можно объяснить появление на территории Среднего Приднепровья культуры городищ роменского типа VII—IX вв., напластовывающейся на более древнюю и более высокую культуру антов и имеющую ближайшую аналогию в культуре городищ и могильников первых веков нашей эры в районе Десны и Задесенья.

Смена высокой культуры архаичной не была результатом деградации. Объяснение этому явлению мы находим только в переселении отсталых племен с севера на юг, подобно тому как это имело место по отношению к южным соплеменникам, занимавшим подунайские земли Византии.[18]

Поступательное движение славян на юг продолжалось и позднее, в IX—X, а может быть, и в XI вв. Уличи с Днепра перешли на Буг, с Буга на Днестр и еще дальше, расселившись вместе с тиверцами вплоть до Дуная и Черного моря. Радимичи, как это показали находки радимичских вещей, длинной полоской продвинулись на юго-восток, пройдя от Сожа до южных окраин Курской области. Указание летописи о том, что «от кривичей» пошла «севера», т. е. северяне, говорит о передвижении далеко на юг (и, быть может, в весьма отдаленные времена) ближайших родственников кривичей — северян.

Этим и объясняется повторение в Среднем Приднепровье в VIII—X вв. процессов, пройденных восточными славянами еще во времена антов.

Шли на юг, стремясь к захвату своей доли добычи в походах варваров на ослабевшую Византийскую империю, шли и потому, что вместе с ростом земледельческой техники и с повышением роли земледелия в хозяйстве вообще благодатные, плодородные земли юга неудержимо манили к себе земледельца-славянина дремучих северных лесов. Шли на юго-запад, к Бугу, Днестру, Дунаю, на юго-восток, на Дон, Северный Донец, Тамань. Шли потому, что антское Поднепровье к тому времени под влиянием уда-

ров гуннов и аваров, потревоживших и сдвинувших антов с насиженных мест, и в результате продвижения антов к Дунаю и далее, на Балканский полуостров, в известной степени запустело и открыло доступ в свои плодородные равнины северным славянским племенам, что и привело к слиянию северных и южных славян Восточной Европы.

Таким образом, мы приходим к выводу, что славянские племена Восточной Европы сложились на основе взаимного сближения двух племенных групп — среднеднепровской, которую можно назвать наиболее древней славянской группой, и группы верховьев Оки, Днепра, Волги и Западной Двины, в составе которой были как примитивные славянские, так и литовские и восточнофинские племена.

Среднеднепровская (правобережная) группа — в данном случае этот термин употребляется в широком смысле слова и покрывает территорию от Днепра до Карпат, в которую несомненно входили древляне, волыняне (дулебы), уличи и тиверцы, объединилась в ряде особенностей своей культурной жизни еще во времена антов и даже ранее и продолжала традиции полей «погребальных урн». Она является безусловно автохтонной и корни ее лежат в древнейших культурах Среднего Приднепровья, Поднестровья и Прикарпатья. В частности, на Волыни и в Галиции, на земле летописных дулебов (волынян, бужан), хорватов, уличей и тиверцев, «липицкая культура», культура «полей погребений», непосредственно переходит в славянскую культуру IX—XI вв. Вторая группа — племена лесной полосы, северные восточнославянские племена, передвинувшиеся на юг, север и восток незадолго до начала образования древнерусского государства. К ним следует причислить прежде всего кривичей, словен, вятичей, северян и, быть может, полян. Менее активные передвижения характеризуют собой радимичей и дреговичей.

Вначале, в первые века и в середине I тысячелетия н. э., Среднее Приднепровье втянуло в орбиту своего влияния северные племена, сближая южные, антские племена с их лесными соплеменниками и способствуя славянизации протофинских и протолитовских племен области верховьев. Среди этих северных племен было немало этнических племенных групп с культурой, отличной от протославянской. Их ближайшие соплеменники, связанные с ними общностью языка и культуры, в дальнейшем в силу исторических условий попавшие в основной очаг этногенеза восточных финнов и литовцев, оформились как различные литовские и восточнофинские племена. Еще в эпоху неолита в лесной полосе, даже в отдельных ее районах, наблюдаются локальные различия материальной и духовной культуры. Единство культуры «ямочно-гребенчатой» керамики лишь кажущееся. Есть и керамика иного типа: например, керамика неолитических стоянок на реках Яхроме и Дубне имеет нарезной узор из прямых линий. Эти стоянки выделяются и своим обрядом захоронения покойника в вытянутом положении. Позднее это отличие наблюдается в культуре населения Верхней Волги до впадения в нее Мологи и населения областей озер Неро и Плещеева и костромского течения Волги. Здесь пред нами несомненно выступают различные племенные группы, причем во втором случае — славяне и меря. Мордва и мари — ближайшие родственники мери — оформились в финнов, меря же слилась со славянством, как и мурома, весь (финны) и голядь (литовцы). Весь растворилась среди славян ильменских, оставив лишь горстку своих необрусевших потом-

ков — вепсов, меря — среди кривичей и, быть может, частично вятичей, мурома была поглощена вятичами.

В силу того обстоятельства, что славянство Среднего Приднепровья было носителем более высоких общественных форм, быта и культуры, включая в орбиту своего влияния и непосредственно воздействуя на своих отсталых соплеменников лесной полосы, не прошедших через горнило римского влияния, сплачивая их в единый массив, оно в то же самое время способствовало славянизации их соседей, происходящих от предков с иной, не славянской культурой и речью. Поэтому не литовцы и финны поглотили и ассимилировали в себе славян лесной полосы, а, наоборот, эти последние поглотили и ассимилировали их в своей среде, подобно тому как это произошло в IX—X вв. с мерей, муромой, весью, голядью и другими не известными нам по именам обитателями лесов Оки, Волги, Днепра, Западной Двины и области великих озер. Относительная малочисленность финских и литовских племен лесной полосы, наличие обширных незаселенных пространств способствовали медленному и постепенному проникновению на северо-запад, север и северо-восток славянских поселенцев, сопровождавшемуся поглощением и славянизацией потомков древних племен охотников и рыбаков, создателей культуры «ямочно-гребенчатой керамики». Так постепенно славянство включало в свой состав инородные племенные группы, вносившие в общеславянское достояние свой быт, обычаи, нравы, в какой-то мере свой язык, свои особенности антропологического типа и, наконец, свои специфические памятники материальной культуры.

Распространяясь из основного, древнейшего среднеднепровского очага славянского этногенеза в Восточной Европе, процесс славянизации охватывает все бóльшую и бóльшую территорию. Круг славянских племен все время увеличивался, разрастаясь за счет вовлечения в славянский этногенез племен, которые могут быть названы протославянскими только лишь потому, что они в конце концов превратились в славян.[19]

Вот поэтому я посчитал необходимым, говоря о северной группе восточнославянских племен, включить в обозрение ряд памятников материальной культуры (городищ, селищ, могильников), созданных в конце I тысячелетия до н. э. и в начале нашей эры неславянским населением. Это население происходило от предков с иной культурой и иным строем языка, отличным от культуры и языка их южных соседей — протославян; его речь, литовская и главным образом финская, отложилась в «языке земли»; его соплеменники, не испытавшие на себе влияния среднеднепровских, припятских и деснинских славян и не включившиеся в силу исторических условий в очаг славянского этногенеза, известны нашим летописям под названием мери, веси, чуди, муромы, мордвы, голяди и т. д., из которых часть так и осталась финнами, а часть позднее все же была ассимилирована русскими. Обитатели городищ дьякова типа далеко не везде и не всегда были славянами. Они были доиндоевропейцами и, если угодно, главным образом протофиннами, правда, в силу особенности исторического развития сменившими позднее свою речь на славянскую, свою культуру — на русскую, хотя и наложив на них особый отпечаток.

Могильники без насыпей с трупоположениями, встречающиеся в районе распространения поздних городищ дьякова типа, заключают в себе

обильный погребальный инвентарь и остатки одежды, незаметно переходящие в бытовые особенности современного деревенского населения восточнофинских народов.[20]

Это еще раз подчеркивает принадлежность к финнам определенной, едва ли не большей части населения восточных дьяковых городищ. Однако специфические особенности городищ дьякова типа Верхней Оки, сближающие их со смоленскими и южнобелорусскими, с одной стороны, с другой — с калужско-курскими и воронежскими, свидетельствуют в то же самое время о славянском характере их населения.

Так было в течение первых столетий нашей эры.

Чем объяснить такие противоречия? Многое, конечно, нам неясно, многое гипотетично, но многое объясняется тем, что из аморфной массы племен в силу исторических условий вырастали различные этнические образования, сохранявшие следы специфических черт своих предков, давших начало не только им, но и иноплеменным соседям.

Позднее, по мере того как продвижение антов на юго-запад, к Дунаю, и их походы в пределы Византийской империи втянули в круговорот переселений и передвижений племена лесной полосы, по мере роста тяги северных земледельческих племен к плодородным землям юга наблюдается переселение, или, точнее, передвижение племен верховьев Днепра, Оки и Десны на юг, в Среднее Приднепровье, частично освобожденное его прежними обитателями — антами. В результате напластования примитивной культуры переселенцев с севера на относительно высокую культуру антов наблюдается известный культурный синкретизм. Обитатели антских городищ, унаследованных ими от протославян — скифских земледельческих племен Среднего Приднепровья (Пастерского, Матронинского, Великобудского и др.), занимают старые поселения, и жизнь на них не прекращается вплоть до времени Киевского государства и половецких набегов. Потомки обитателей этих городищ продолжают сжигать своих покойников и используют в IX—X вв. для погребений все те же «поля погребальных урн», которые были могильниками для их далеких предков.

Погребальные обычаи могильников броварского типа VIII—X вв., представляющие единую цепь трансформации погребения от «погребальных урн» до курганов, свидетельствуют о коренном автохтонном населении с древнейших времен до IX—X вв. Инвентарь курганов IX—XI вв. уже типично северянский. Находки вещей броварского типа говорят о распространении на левобережье Днепра населения броварских курганов.[21]

Пришлые и местные элементы сливаются. Этим и объясняется, с одной стороны, появление во второй половине I тысячелетия н. э. культурно-этнической общности на всем пространстве от Среднего Днепра до области верховьев Днепра, Оки, Волги и Западной Двины, что не исключало, конечно, местных, племенных особенностей, а с другой — временный характер упадка и варваризации Среднего Приднепровья в результате продвижения на юг отсталых племен лесной полосы, так как исторические условия, традиции, унаследованные от антов, нарастание темпов общественного развития дали возможность населению Руси не только быстро восстановить прежний уровень общественных отношений, но и шагнуть далеко вперед, в феодальное общество, и создать свое древнерусское государство.

Но если племена северной лесной полосы искони были протославянскими, чем же объяснить то обстоятельство, что «язык земли» говорит о финском (на востоке) и литовском (на западе) происхождении древнейшего населения этого края?

Нам кажется, что в разрешении этого вопроса мы не сможем обойти проблему расселения славянских племен из основного очага славянского этногенеза.

Область распространения культуры «полей погребальных урн», северных «полей погребений», Припятская, Деснинская и Верхнеднепровская (главным образом западная ее часть) области, была основными землями протославян. Наличие финских наименований на восточной стороне Верхнего Днепра и на Левобережье, в районе северной части Среднего Приднепровья, объясняется наличием здесь протофиннов во времена глубокой древности, соседивших с обитателями поселений трипольской культуры. Когда произошла их славянизация — неизвестно. Скорее всего, в очень отдаленные времена. Далее к северу и северо-востоку обитали финские и литовские племена. Сюда с давних пор проникали славяне, медленно, постепенно, из десятилетия в десятилетие, из века в век, распространяя свое влияние на отсталых и малочисленных соседей, ассимилируя их в своей среде. Они поселялись рядом с литовцами и финнами, передавали им свои приемы ремесла, свои земледельческие навыки, свои обычаи, нравы, быт, свой язык и, в свою очередь, воспринимали у соседей начатки их культуры, быта, языка. И постепенно нараставший напор славян на север, северо-восток и северо-запад, их организация, их более высокая культура и общественный строй, наконец то обстоятельство, что они выступали в роли носителей и распространителей пусть грубой, варваризованной, но все же высокой причерноморской культуры и цивилизации, предопределили судьбы соседей славян — они стали славянами.

Кроме того, по-видимому, имела место смена языка. Финский вклад в топонимику, в русский язык — реликт той эпохи, когда не было еще ни славян, ни финнов. Были племена, из которых выросли в дальнейшем и те и другие. Только некоторые из них объединились вокруг одного центра этногенеза — финского, восточного и северного, другие — вокруг славянского очага этногенеза, южного и западного. В результате роста влияния этого последнего происходит распространение славянского языка, становящегося все больше и больше родным языком для племен, ранее говоривших на иных языках. Происходит замена одного языка другим, но этот последний несет в себе черты древнего языка предков аборигенов края, давших названия рекам и озерам, не понятные их потомкам. Так, финская топонимика могла сохраниться там, где жили в летописные времена славяне, русские, являвшиеся отнюдь не пришельцами, а потомками аборигенов, лишь в силу исторических условий сменившими свой язык на славянский, хотя и с реликтами прафинской речи. Такие случаи известны и из истории других народов (саамы, евреи и т. д.).

Этот процесс продолжался и позднее, когда в летописные времена, в эпоху Киевского государства, славяне поглотили и растворили в своей среде мерю, весь, мурому, голядь и другие племена лесной полосы. Расселение славян и ассимиляция ими соседей не сопровождались истреблением и даже выселением племен. Нет, туземцы просто растворялись в славянской среде. Этим и объясняется заимствование славянами туземных,

неславянских названий рек и озер, болот и возвышенностей. Славянское расселение на север и славянизация автохтонов лесов разорвали полосу финских племен, отделив западнофинские племена от восточнофинских, чьи близкие связи и соседство в древности подтверждаются сходством эстонского и мордовского языков, расчленили литовские племена (и последний их островок — голядь, сидевшая на реке Протве, — исчезает среди русского населения в XII в.) и привели славян в VIII—IX вв. к Чудскому, Ильменскому и Ладожскому озерам, к Белоозеру, к среднему течению Дона и среднему течению Западной Двины.

Памятники материальной культуры рисуют нам картину расселения славянских племен на обширных пространствах Восточной Европы. В области Ильменя, Ловати, Волхова, Мсты выделяется племенная группа создателей так называемых «новгородских сопок». «Новгородские сопки» представляют собой высокие курганы с рядом трупосожжений. Древнейшие из них датируются VI—VII вв., позднейшие — IX—X вв. В это время они сменяются невысокими курганами с одним-двумя трупосожжениями. «Новгородские сопки» — памятники ильменских словен. Преемственность сопок, малых курганов и жальников говорит о том, что население, хоронившее своих покойников в сопках в VI—X вв., в курганах IX—XII вв., в жальниках XI—XIII вв., было русским.

Вторая племенная группа занимает верховья Днепра, Волги, Западной Двины и уходит далеко на север вдоль восточного берега Чудского озера к Луге. Это область коллективных трупосожжений в так называемых «длинных курганах». Древнейшие из них датируются V—VI вв., позднейшие — IX—X вв., когда на смену им приходят индивидуальные погребения в круглых курганах. «Длинные курганы» — памятники кривичей.

В верховьях Оки, спускаясь к верховьям Дона, расположены погребальные сооружения, датируемые VI—X вв., представляющие собой деревянные срубы с остатками трупосожжений. Они сопровождают городища и селища мощинского типа. Эти погребальные памятники принадлежат вятичам.

Так вырисовывается по памятникам материальной культуры область расселения в VI—X вв. северных русских племен — словен, кривичей и вятичей.

Вещественные памятники резко отличают их от соседей литовских, прибалтийских, и восточнофинских, поволжских. Наличие сохранившихся «домиков мертвых» разных форм (срубы и ящики) или их следов в сопках, «длинных курганах» или в древних вятичских курганах, равно как и деревянные или каменные кромлехи, следы солярного культа, говорят о тесной связи этих трех славянских племен и ведут, с одной стороны, к «домику мертвых» городища на реке Сонохте IV—V вв., с другой — к поздним славянским курганам IX—X вв. в Курской, Воронежской областях, в Приильменье, на Валдае, в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги, по течениям Ловати и Великой (Борщевское, село Воронец и др.). При этом, по А. А. Спицыну, эволюция погребений в «длинных курганах» такова: «домик мертвых», затем погребение «на столбах на путех» вятичского типа (до нас недошедшие, упоминаемые летописцем), когда погребали в маленьком домике на сваях, позднее же от деревянного домика переходят к подражанию ему на земле, так как «длинный курган» действительно напоминает дом.[22]

С течением времени «домики мертвых» уходят под землю, их зарывают и они превращаются в курганы. Причиной такого явления следует считать возникновение в это время (VIII—IX вв.) межплеменных войн. Таким образом спасали священные могилы предков от разорения, а их прах — от надругательства. Кстати, само слово «прах» в смысле останков покойника восходит к «прах» — «порох», т. е. пыль, пепел, что свидетельствует о трупосожжении.

В течение VII—X вв. наблюдается расселение славян на север и на восток. «Новгородские сопки» словен протянулись к Ладожскому озеру, к Белоозеру, к Шексне, Мологе. «Длинные курганы» кривичей появляются на Тверце, в верховьях Волги, в Суздальщине, а вятичские деревянные срубы обнаружены на Средней Оке и в верховьях Дона. Шли по рекам. Ловать привела к Ильменю, Великая — к Чудскому озеру, в землю чуди. По Волхову и восточному берегу Чудского озера славяне пришли к Ладоге, по Мсте — к Белоозеру, в земли веси, по Мологе и Волге — в землю Суздальскую, в землю мери, по Оке — в землю муромы, по Луге — в землю води.

На север шли кривичи и словене, на северо-запад — полочане, ветвь кривичей, на восток — кривичи, вятичи, радимичи и северяне.

Под влиянием продвижения на север славянских поселенцев (явления, совершенно отчетливо установленного археологами) происходят передвижки и в местном населении. Так, например, скорее во второй, чем в первой половине I тысячелетия н. э. в Приладожье появляются первые городища дьякова типа (Ловницкое, Пестовское), принадлежащие продвинувшимся с юга земледельцам и скотоводам. Они смешиваются с автохтонным населением Приладожья, охотниками и рыбаками, сохранившими еще культурные традиции неолита. В этом автохтонном населении мы усматриваем предков лопарей (саамов), обитавших ранее в Приладожье и в Обонежской пятине и оттесненных впоследствии к северу, сохранивших следы своего обитания в специфической материальной культуре и лапоноидном расовом типе аборигенов края.

Характерно отметить, что расселение славян на север, в Приозерной области, шло большими и малыми семьями, обитавшими в небольших открытых, чаще всего односемейных поселках.[23]

Южнее, в низовьях Припяти и Березины, бытуют южнобелорусские городища и северные «поля погребальных урн» — это памятники дреговичей и радимичей. На левом берегу Днепра, в бассейне Десны и Сейма, распространяются городища роменского типа, принадлежащие северянам. Еще южнее, в области Киева, по обе стороны Днепра до VI—VII вв. сохраняются «поля погребальных урн», сменяясь более поздними курганными могильниками конца I тысячелетия н. э. Это территория позднейшей северянской колонизации, земли полян и древлян. К сожалению, более западные области изучены плохо, и памятники V—IX вв. здесь почти неизвестны.[24]

Если район Ильменя, Мсты и верховьев Дона не дает права увязывать памятники VI—X вв. («сопки» и курганы с деревянными срубами) с более ранними и считать, таким образом, славянские племена этих областей прямыми потомками древнейших аборигенов края (это отнюдь, конечно, не означает того, что древнейшие обитатели Ильменя, Мсты и верховьев Дона не принимали участия в формировании славянства, ассимилируясь с

пришельцами из южных, по отношению ко Мсте и Ильменю, и западных, если речь идет о Доне, областей), то Днепровско-Деснинский бассейн с периферией дает право говорить о местном происхождении восточных славян.[25] Такова картина расселения восточнославянских племен по памятникам V—X вв.

Она неполна. Многое еще неизвестно, многое плохо изучено. Но даже и то, что нам стало известно благодаря раскопкам археологов, дает возможность набросать, хотя и весьма неполно, неточно, этнографическую карту русских племен накануне образования Киевского государства.

Проходит два-три столетия. Русь X—XIII вв. — это уже Русь киевских времен, Русь Олега и Игоря, Святослава и Владимира, Ярослава и Мономаха. Но внимательное изучение и систематизация вещественных памятников, летописей, диалектологической карты, топонимики, этнографии, наконец, привлечение свидетельств иностранцев о Руси дают возможность проследить племенные особенности, племенные границы, еще достаточно явственные, хотя и находящиеся в стадии отмирания, когда на смену древним племенам приходят новые политические территориальные границы и особенности. Поэтому когда мы исследуем вещественные памятники IX—XII вв., а именно они со времени А. А. Спицына кладутся в основу археологической карты расселения восточнославянских племен, то приходим к выводу, что локальные особенности, выражающиеся в специфике погребального обряда, вещах, украшениях и т. д., складываются уже в эпоху образования Киевского государства и даже позднее, в период начала феодальной раздробленности, и, следовательно, обусловлены не только племенной общностью, но и экономическими и политическими влияниями, распространяющимися из крупных городских центров, становящихся «стольными градами» древнерусских княжеств. И что́ в общих чертах погребальных обычаев, предметов обихода, утвари, украшений и т. п. является результатом племенного единства, а что́ следствием влияния крупных экономических и политических центров-городов, объединяющих вокруг себя земли с разноплеменным населением или разделяющих между собой земли, заселенные одним племенем, — сказать очень трудно. Этим и объясняется полемика между археологами П. Н. Третьяковым и А. В. Арциховским, и совершенно прав М. И. Артамонов, заявляя: «...для этой эпохи было бы правильнее искать в могилах отражение не только племенных, но и чисто территориальных связей», тем более что определяющие признаки — погребальные обычаи и некоторые характерные украшения — не всегда находятся в соответствии друг с другом.[26] Но тем более заманчивой является попытка под напластованиями, обусловленными политическими объединениями, найти материальные следы племенного единства, подобно тому как в диалектах эпохи феодальной раздробленности обнаружить остатки древних племенных диалектов. В центре Среднего Приднепровья, у Киева, «седоша по Днепру» поляне. Название «поляне» летописец старается объяснить топически — «занеже в поле седяху».[27] Но это объяснение вряд ли можно принять, так как летописец сам себе противоречит, говоря, что поляне жили «в лесе, на горах, над рекою Днепрьскою».[28] И действительно, окрестности «гор Киевских» в то время были сплошными лесами, и лишь у Роси начиналась безлесная равнина. Попытка увязать наименование полян с парлатами, или спарлатами, со «spori»,

«spali» или «spoli» Иордана, с Πάλος, сыном Εχύθης-а Диодора, и таким образом связать полян с их отдаленными предками скифских и готских времен очень заманчива, но до сих пор остается гипотезой. При современном уровне наших знаний объяснить происхождение названия полян вряд ли возможно.

«Поле», «Польская земля», т. е. земля полян, была очень невелика и включала в свой состав лишь окрестности Киева.

На востоке границей полян был Днепр и, быть может, прилегающие к Днепру районы Левобережья, на северо-западе и западе крайними аванпостами «Поля» были Вышгород на Днепре и Белгород на Ирпени и вообще к северу от Ирпени «Польская земля» не распространялась. К югу она протянулась до реки Роси, хотя кое-где и южнее, до Смелы у Черкасс, тянулись поселения полян.[29]

Вещественные памятники полян изучены слабо. Ими считают обычно небольшие курганы IX—X вв. с трупосожжением. Пережженные кости помещались в сосудах, причем иногда малые сосуды прикрывались большими, что является пережитком обычая, характерного для «полей погребальных урн». Однако это тоже только предположение. Из вещей попадаются золотые и серебряные серьги, бляшки и т. п.[30] Погребальные обычаи полян нам плохо известны, и мы не знаем, чем отличались они от погребальных обычаев северян. В частности, в силу указанного обстоятельства некоторые археологи усматривают в курганах с трупосожжением левого берега Днепра, у устья Десны, памятники полян, что, как будто, подтверждается включением этого района Левобережья в состав не Черниго-во-Северского, а Киевского княжества. Между тем возможно как раз обратное предположение. Сходство некоторых погребальных памятников Левобережья с правобережными легко объяснить включением территории первых в состав Киевского княжества. Вопрос о полянских вещественных памятниках не решен, и не решен потому, что это племя, так тщательно ускользающее от исследователя-археолога, очень рано исчезло как племя, превратившись в «киян», и поляне стушевываются перед «киянами», так же как и «Поле» стушевывается перед Киевом, перед Киевской землей, перед Русью. Не случайно летописец называет полян «Русью» — «яже ныне зовомая Русь». Высказывались и более решительные предположения, утверждавшие распространение древлян до Левобережья включительно, что, как будто, находит себе известное основание в знаменитой легенде о князе черниговском Черном и его дочери, княгине Чорне, погибших в борьбе с древлянами, наконец, в том поступательном движении на юго-запад и юг уличей и древлян, которые, будучи теснимы задеснинскими северянами, вынуждены были отступать под давлением лесных племен славянского севера, отдавая им свои земли.[31] Это медленное отступление древлян и уличей под давлением передвигавшихся с севера лесных славянских племен длилось долгое время и отразилось в непрерывной, ожесточенной и длительной борьбе древлян и уличей с киевскими князьями, зафиксированной нашей летописью, Константином Багрянородным и Львом Диаконом Калойским. Быть может, и сами поляне были одним из этих северных лесных славянских племен, которое откуда-то с низовьев Десны или из междуречья Десны и Днепра продвинулось на юг, к «горам Киевским». Об этом говорят и постоянная вражда полян и древлян, и неясные предания о приходе полян к «горам Киевским», и наличие

двух типов погребальных обычаев в раннем Киеве — одного древнего, древлянского, принадлежащего социальным низам, и другого, северного, Деснинского, Черниговского типа, с сожжением и курганом, который практиковался общественной верхушкой. Может быть, поляне были близки к древлянам, а быть может, и к своим восточным соседям — северянам и вместе с ними передвинулись на юг, потеснив древлян, погребения которых IX—X вв. тянутся у самого Киева. Учитывая ряд приведенных выше данных, последнее предположение можно считать близким к истине. Хочу только отметить, что здесь, в Киеве, слияние автохтонных славянских элементов, продолжающих традиции антской поры, традиции «полей погребения», с пришлыми славянскими элементами лесной полосы произошло очень быстро. Кроме того, в состав полян в IX—X вв. вошли различные «находници», варяги, тюрки, финны, литовцы, поляки и др., поселявшиеся в «Полях» в качестве «толковников» (союзников), рабов, дружинников и т. д.

Древлянская земля начиналась от Ирпени и Днепра на северо-востоке и тянулась вдоль болотистого побережья Припяти на запад и юго-запад до Горыни, Случи и Стыри.

В Древлянской земле господствуют трупоположения в ямах или на поверхности земли. Часто встречаются остатки гробов, сколоченных железными гвоздями. Редко попадаются простые сосуды из глины без орнамента, ведра и еще реже — оружие. Зато чаще встречаются ножи, огнива, серпы, молотки, пряслица, кольца, серьги, бусы из пасты, сердолика и стекла, остатки шерстяной одежды и обуви в виде мягких полусапожек с отворотами.[32] В западной части земли летописных древлян, на Волыни, характерным женским украшением являются перстнеобразные височные кольца.

Древлян под названием «Δερβιάνοι» (глава IX), или «Δερβλενίνοὶ» (глава XXXVII), знает и Константин Багрянородный.[33]

Дальше на запад тянулась земля волынян (дулебов, бужан). Древнейшее название обитателей этого края — «дулебы» — представляет собой старинное племенное имя, встречающееся и у других славянских народов. Термин «бужане» — топического происхождения, возник позднее, и еще более поздним было наименование обитателей Западного Буга (а быть может, и верховьев Южного Буга) волынянами, произошедшее от города, или острожка, Волыня (или Велыня), стоявшего, по Длугошу, у впадения реки Гучвы в Буг, упоминаемого в летописи под 1018 г., где и поныне стоит древнее городище.[34] В свое время было высказано предположение о том, что и название «бужане» произошло от наименования города Бужск в Галиции, подобно тому как Волынь дал название волынянам, а Суздаль — Суздальской земле и суздальцам.[35]

Здесь, как и на западе Древлянской земли, в древнейшие времена господствовало трупосожжение, сменившееся позднее трупоположением. Обложенные кругом валунов небольшие курганы заключали в себе погребения на остатках кострищ на поверхности земли или в ямах, окруженных камнями. Костяки лежат в сколоченных гробах, в колодцах или в срубах с деревянной двускатной крышей. Погребальный инвентарь близок к древлянскому: деревянные ведра, простые глиняные сосуды, кольца, серьги, бусы, остатки одежды и обуви, аналогичные древлянским. В отличие от древлянского инвентаря погребения в волынских курганах встре-

чаются тонкие височные женские кольца и серьги, напоминающие киевские.[36]

Как и древлянские, волынские курганы датируются IX—XII вв. и отражают, таким образом, не только эпоху существования племенных объединений, но и времена Киевской Руси.

Интересно отметить крайнюю бедность древлянских и волынских курганов. Не является ли это продолжением традиций «полей погребальных урн», подчеркивающим генетические связи русских племен Правобережья с их предками первых столетий нашей эры?

Имя волынян известно не только русской летописи. О нем («Валинана») как о «коренном» и могущественнейшем из всех славянских народов говорит в своих «Золотых лугах» («Промывальнях золота») Масуди и сообщает вслед за ним Ибрагим Ибн-Якуб.[37]

В «Золотых лугах», сочинении, относящемся к 943—947 гг., Масуди наряду с волынянами говорит о племени «Дулаба, царь же их называется Вандж — Слава» (Вячеслав?). Это племя соседит с волынянами («Валинана»), хорватами, сербами, богемцами (чехами), моравами, т. е. занимает земли на западе Восточной Европы. Упоминание одновременно дулебов и волынян у Масуди вполне понятно, если учесть, что оба названия встречаются и в нашей летописи: одно как древнее, племенное, сохранившееся, быть может, и позднее, хотя бы за частью населения Волыни, а другое — территориальное, политическое. Предположение некоторых исследователей, что Масуди имел в виду чешских дулебов, вряд ли обоснованно. Речь об этом была выше, и к этому вопросу мы еще вернемся.

О бужанах сообщает Географ Баварский: «Buzani (Busani) habent civitates CCXXXI». У него же мы встречаем и волынян, именуемых «Velunzani».[38]

Древнее племенное название «дулебы» в IX—X вв., а быть может и ранее, начинает уступать свое место топическим и политическим именам: бужане, волыняне. М. С. Грушевский считает возможным говорить о наличии еще и племени лучан, о лучанах, получивших свое имя от Луцка, ставшего центром части Волынской земли. При этом наименование лучан он берет у Константина Багрянородного, где встречаются загадочные «Λενζενίνοι» (Λενζανίνοι). В них-то он и видит лучан. Позднее о них говорит в «Historia Polonica» Длугош. Так же гипотетически Грушевский восстанавливает имя «червляне», происходящее от города Червеня, или Червня (ныне деревня Чермно к югу от Грубешова). А отсюда пошли названия «Червенские города» и «Червона Русь». Объединение Волынской земли происходило ранее всего вокруг Волыня, затем таким центром стал Червень и, наконец, Владимир.[39]

Я не собираюсь отвергать гипотез М. С. Грушевского и считаю, что они имеют некоторое основание.

Еще дальше на запад лежала земля хорватов, упоминаемых в числе восточнославянских племен нашей летописью и Константином Багрянородным, говорящим о Белой Хорватии, граничащей с Венгрией, Баварией и Германией.[40]

К сожалению, ни точное местоположение земли хорватов, ни памятники материальной культуры ее населения нам неизвестны, и это дало повод М. С. Грушевскому усомниться в самом существовании восточных славянских хорватов и считать это имя топическим.

Излишняя осторожность М. С. Грушевского не облегчает, а затрудняет разрешение вопроса о хорватах. Константин Багрянородный говорит о том, что на Белую Хорватию (известную и нашей летописи) нападают печенеги, что на пограничье Белой Сербии есть «место, называемое Бойки (Boïki)», в которых нетрудно усмотреть карпатских бойков, взявших на себя топическое имя, являющееся следом пребывания здесь древних кельтов — бойев. Упорно говорит о хорватах и наша летопись. Все это, по-моему, является достаточным доказательством наличия где-то у Карпат русских хорватов, причем я совсем не собираюсь отрицать топический характер их наименования.[41]

К югу от древлян и волынян обитали уличи (угличи, улучи, улутичи). Новгородская летопись, рассказывая о войне Игоря с уличами, сообщает: «И беша седяще Улице по Днепру вниз, и посем преидоша межи Бог и Днестр и седоша тамо».[42] Следовательно, в древности уличи жили на нижнем течении Днепра, занимая, очевидно, его правый берег. Ипатьевская летопись помещает уличей и тиверцев «по Бугу и по Днепру и приседяху к Дунаеви... оли до моря»,[43] а Лаврентьевская «по Богу и по Днестру, приседяху к Дунаеви... оли до моря».[44]

Все указания летописи говорят о передвижении уличей с нижнего течения Днепра на запад. Чем объяснить это переселение?

Мне кажется, что оно было последним этапом передвижения антов на юго-запад, к Дунаю, в пределы Византийской империи. При этом отход уличей на запад ускорялся и напором печенегов, уже прочно обосновавшихся на левом берегу Днепра, и длительной борьбой с киевскими князьями, «примучивавшими» уличей. Если вчитаться в скупые свидетельства летописей, невольно обратишь внимание на длительную и ожесточенную борьбу, которую вели древляне и уличи с киевскими князьями. Отголоски этой борьбы попали в старинные предания, вроде черниговского сказания о князе Черном и о княгине Чорне, погибших в войне с древлянами, отразились в русских летописях различных редакций, говорящих о борьбе древлян и уличей с Аскольдом, Диром, Олегом и Игорем, в сказаниях о Мале, об Ольге, Люте Свенельдиче, Олеге Древлянском и т. д. Летопись как-то особо выделяет древлян и уличей и подчеркивает их враждебность Киеву. Не является ли это подтверждением высказанного нами предположения о передвижении с севера славянских племен лесной полосы?

Здесь, на юге и юго-западе, северные переселенцы встретили ожесточенное сопротивление со стороны древних обитателей Среднего и Нижнего Поднепровья, продолжавших свое медленное поступательное продвижение на юго-запад. Теперь оно ускорилось вследствие «примучивания» князей, хотя это и не имело такого значения, как натиск печенегов, вынудивших уличей уходить со степных просторов нижнего течения Днепра.

Куда же передвигались уличи? Несомненно, часть их ушла на Дунай, в Поднестровье, в районы будущей «Галицкой Украины», на территорию современной Бессарабии и Молдавии, часть их отходила на север, в районы верховьев Южного Буга и Днестра.

Быть может, в уличах следует усматривать потомков славян эпохи «полей погребальных урн», поселения которых выходили частично на левый берег и спускались на нижнее течение Днепра.

Еще дальше на юго-запад от уличей жили тиверцы, «толковины», т. е. союзники Олега во время его похода на Византию, которые «звахуться от

Грек Великая Скуфь».[45] Их имя несомненно связывается с античным названием Днестра «Тирас», подобно тому как «речки ради... Полоты» северо-западная ветвь кривичей получила название «полочане». Они жили до Дуная и «до моря», заходя на северо-западе до предгорий Карпат и соседствуя с южными славянами на Дунае. Сведения о них крайне скудны.

Уличей знает не только наша летопись. О них упоминает Константин Багрянородный, именующий их «Οὐλτινοις»;[46] о них говорит Географ Баварский, называющий уличей «unlizi». Географ Баварский сообщает, что они — «многочисленный народ» («populus multus»), имеющий 318 городов («civitates»).[47] Это сообщение Географа Баварского полностью совпадает с указанием летописи. «Бе множьство их», — говорит летописец, — «и суть гради их и до сего дне».[48] Мы не можем принимать на веру цифру городов уличей, сообщаемую Географом Баварским, и не собираемся видеть в них большие города, но сообщение Константина Багрянородного о городах Белгороде, Тунгаты, Кракнакаты, Салмакаты, Санакаты и Гизукаты и известия нашей летописи о «градах» уличей заставляют нас со вниманием отнестись к сообщаемым Географом Баварским сведениям.

Еще одно известие о русском племени на берегах Черного моря мы находим у персидского географа X в., опубликованного Туманским. Рядом с внутренними болгарами и печенегами хазарскими упоминаются русы, причем из контекста можно заключить, что речь идет о причерноморских местах обитания этих русов.[49] Не уличи ли это?

К сожалению, вещественные памятники уличей нам неизвестны. Кое-где в Подолии были раскопаны курганы, обложенные камнями, в которых нашли сосуды с пережженными костями. Вещей в них было очень мало. Высказывалось предположение, что это и есть курганы уличей или тиверцев, но пока что это предположение ничем не подтверждается.[50]

Мы даже не знаем точно, где был главный город уличей Пересечен, который со времен Надеждина одни исследователи помещают у села Пересечина близ Оргеева в Бессарабии, а другие связывают с одноименным поселением южнее Киева.

На этом мы заканчиваем рассмотрение южных и юго-западных племен Древней Руси.

Восточнославянская колонизация в Прикарпатье, Закарпатье, Трансильвании и Нижнем Подунавье в те далекие времена заходила далеко на юг и запад. Покрытые лесами Карпатские горы, плодородные равнины Закарпатья и Трансильвании, левобережье голубого Дуная были заселены русскими племенами. Следы русского населения в этих давно переставших входить в пределы государственных границ Руси землях исчезали буквально на наших глазах, и там, где еще недавно, в XVII—XIX вв., слышалась русская — карпаторуссская, русинская, украинская речь, там на протяжении одного-двух веков в результате национального и религиозного угнетения исчезали последние остатки русского населения, и потомки древних русских становились венграми, поляками, словаками, румынами, болгарами. И лишь в топонимике, в старинных обычаях, в одежде, в языке, сохранившем остатки русской речи, в стародедовских праздниках, когда, например, мадьяры, носящие фамилии Карась, Глоба, пьют «шамородне» (самородное) вино, да иногда в ревностном исполнении обрядов «греческой веры» мы видим реликты древней русской жизни.

До верховьев Дунайца, до Попрада, Ропы, Вислоки и Сана, до водораздела Вислы и Западного Буга, Вепря и Нарева на западе и северо-западе тянется русская колонизация давних, очень давних времен. К югу от Карпат русские поселения тянулись узкой полосой по склонам Карпат к Попраду, к верховьям Торчи, Топли, Лаборца. Остатками древней русской колонизации является современное украинское население этих земель. Что это действительно так, что в данном случае речь идет о позднейшей колонизации времен Галицко-Волынского княжества или еще более поздних времен, об этом говорит отсутствие или, вернее, почти полное отсутствие каких бы то ни было документов, удостоверяющих колонизацию этих областей русскими, если речь идет о X—XIV вв., или украинцами, если говорить о XIV—XVII вв., когда уже сложилась украинская народность. А между тем документов этой эпохи, и польских и венгерских, больше чем достаточно. И венгры, и поляки, не говоря уже о молдаванах и румынах, застают здесь русских. Поэтому-то никаких свидетельств письменных источников о массовой колонизации русскими Прикарпатской области не обнаружено. Конечно, суровые условия жизни в Карпатских горах заставляли предков современных «верховинцев» — гуцулов (кстати, отметим носивших это название в очень отдаленные времена, так как, по свидетельству китайской летописи Юань-Чао-Пи-Си, татары перешли горы Гацали и разбили угорского короля, следовательно, Карпаты назывались уже в XIII в. гуцульскими горами)[51] спускаться вниз на равнину, как это имело место в XVIII в., когда появились русинские (украинские) колонии в Бачке, при устье реки Тиссы. Но карпато-русское (русинское, украинское) население в венгерских комитатах Спиш, Шарош, Земплин, Унгвар (Ужгород), Берег, Угоча, Мармарош, по рекам Тиссе, Вишевой, Быстрице, Молдаве, Бодроге, Солоной, Красной и Самоше, окруженное мадьярами, румынами, словаками и поляками, население Угорской, или Карпатской, Руси (Закарпатской Украины) не есть результат таких переселений, какие имели место во время полулегендарного похода Альма из-под Киева, приведшего вместе со своими венграми в долину Тиссы русских, при герцоге Токсе, при женитьбе Коломана на Предславе или при Федоре Коратовиче, хотя они, быть может, действительно привнесли какой-то русский элемент в Венгерскую равнину, а остатки древних аборигенов края, появление которых на этих местах уходит в седую древность, не оставившую источников.

Поляки еще в X в., я имею в виду завещание польской княгини Оды, считали Русь соседкой пруссов и говорили о «русских землях, тянущихся вплоть до Кракова», который, кстати сказать, был в X в. чешским городом. В Казимире на Висле, в Чмелеве за Вислой, в Люблине за Саном, в общем всюду до Вислы еще в XV—XVII вв. оставались следы древнего русского населения: русская, вернее, русинская, украинская речь, православные церкви, русские обычаи и т. д. И поляки вынуждены были даже во времена расцвета Речи Посполитой признавать исконность русского населения по Сану и Висле. По свидетельству древнейшего венгерского историка анонима нотария короля Белы (XII или XIII в.), когда венгры переходили Карпаты, проводниками им служили русские воины и жители сел, издавна заселявшие Карпаты. Они и провели мадьяр к реке Унгу. Рассказ венгерского историка свидетельствует о том, что в XII в. венгры считали русин исконными обитателями Карпат и предгорий. Лишь к кон-

цу XI в. мадьяры подошли к Карпатам с запада, и закарпатские русские земли были подчинены венгерскому королю. С тех пор на Руси Карпаты стали Угорскими горами, а в Венгрии — Русскими («Ruthenorum Alpes»). Это древнее русское население Угорской Руси пополнялось и позднее за счет спускавшихся с гор «верховинцев», «горцив», уходивших из долин Прикарпатья на запад, в горы и часто только затем, чтобы через одно-два поколения перевалить Карпаты, но основная его масса с давних пор занимала земли по ту сторону Карпат, где, быть может, она была отпрыском и ассимилятором еще более древней славянской колонизации, следы которой сохраняются в названиях рек и гор, урочищ и озер с носовыми гласными звуками. Если обратиться к топонимике Трансильвании, если внимательно изучить источники, как это сделали Васильевский, Кочубинский, Успенский, Филевич, следы русского населения обнаружатся и в Трансильвании, и на низовьях Дуная. Нас прежде всего поразит обилие наименований, связанных с самим именем «русский», «русское», в их онемеченной, или мадьяринизированной, форме: Reisdorf, Reissen, Rhuzmark, Ressberg, Ressholz, Orosz-fala, Orosz-mëzo, Orosz-falu и т. п. или русских: Potok, Chlumu, Bistra, Poliana и др.

В актах XII—XIII вв., относящихся к Трансильвании, часто встречаются русские имена: Судислав, Преслав, Нездило, Микула, Мирослав, Непокор, Иванко и др. В конце XVIII и начале XIX в. в четырех селах Семиградья, в ущельях Карпат, у истоков Ольты — Рейсдорфлейне, Бонграде, Большом и Малом Чергеде — жили остатки «русинов», о которых писали Бел, Бенке, Вольф и Эдер. Здесь они смешивались с болгарскими колонистами-богумилами и постепенно, как это показал Ягич, усвоили их речь. Довенгерское и дорумынское население Трансильвании было славянским, а в какой-то определенной части Трансильвании, на северо-востоке, — конкретно русским. Конечно, о сплошном массиве русских поселений в XII—XIII вв. говорить уже не приходилось, и поэтому русское население растворилось среди саксов, венгров и румын, оставив лишь в «языке земли», в наименованиях урочищ, сел, гор, в личных именах следы своего былого распространения. И то обстоятельство, что последние «русины» в Трансильвании исчезли, растворившись среди венгров и румын буквально на наших глазах, говорит за давность и прочность русской колонизации края. И еще раз русское население Молдавии, Бессарабии и Трансильвании выступает перед нами в связи с проблемой загадочных бродников. Об этом полуоседлом, полукочевом, полупромысловом русском населении, занимавшем, конечно, отнюдь не сплошным массивом огромные пространства от Тмутаракани до Трансильвании, об этом прототипе позднейшего казачества говорят Никита Акоминат, Георгий Акрополит, венгерские грамоты XIII в. (1222, 1223, 1227, 1231, 1254 гг.), грамоты чешского короля Оттокара 1260 г. и др. «Бродиния», области и «земли» бродников этих источников лежат где-то между Прутом и Серетом, тянутся к Грану, к «Себиньской земле» (на реке Саковце, притоке Бирлата), в глубь Трансильвании. В «Бродинии» средневековья мы усматриваем остатки древнего русского населения Молдавии и Трансильвании.

Много столетий прошло с тех пор, как исчезли со страниц источников летописные уличи и тиверцы, но русское население на Дунае продолжает свой исторический путь, и оторванное от своих соплеменников, от Руси,

от земли «великой Русьской», оно остается еще много веков верным своему языку, своим обычаям, своей культуре. Нашей летописи хорошо известно Черноморское побережье у Белгорода (Аккермана) — Белобережье, города уличей и тиверцев. Здесь, на низовьях Дуная, разворачивается красочная эпопея походов Святослава. Тут была «середа» его земли, тут «вся благая» сходились, стояли завоеванные им города, возвышались стены «Переяславца на Дунаеви», бились русские богатыри Икмор, Сфенкель и сам Святослав. Отсюда перенесли на Русь его дружинники песни о «Тропе Трояновой» (Tropaeum Traianj), использованные автором «Слова о полку Игореве». Здесь в его дружинах сражались подунайские русские жители, и в бой вместе с мужчинами шли русские женщины, тела которых с удивлением рассматривали на поле битвы греки. Это были предки тех русских дев, которые на берегах Дуная пели славу герою «Слова о полку Игореве», и голоса их летели по синему морю до Киева. По русским землям доходят до Дуная в 1043 г. Владимир Ярославич и Вышата, в русском Вичине княжил Всеслав, князь пришедшего из-за Дуная русского племени, в русской Дристре правил русский князь Татуш. Еще в XII в. на Дунае хозяйничали русские, и в 1116 г. Мономах посылает на Дунай Ивана Войтишича, который сажает в подунайских городах русских посадников. Все земли по Дунаю к востоку от Дристры были русскими, и только в Дристру в 1116 г. Вячеслав и Фома Ратиборович не могли назначать посадника — Дристра стала уже византийской. Даже во второй половине XII в. русские княжества еще удерживаются на Дунае. В 1162 г. Византия дает Василько и Мстиславу Ярославичам четыре города и волость на Дунае. В XII в. вся Подолия, Галиция, Буковина, Молдавия и Бессарабия до Дуная входят в состав Галицкого княжества, Червонной Руси. Это была область «городов Подунайских», Галицкая «Украина», «Понизье». Галицкий князь Ярослав Осмомысл в представлении автора «Слова о полку Игореве» «затворил ворота Дунаю», один «рядит» до самого Дуная. Здесь, в городах подунайских, разворачивается бурная деятельность Ивана Ростиславича Берладника. Тут лежат города Берладь (современный Бирлат), Малый Галич (современный Галац) и Текучий, упоминаемые в знаменитой грамоте Ивана Берладника, Видицов, Мдин, Трнов, Дрествин, Дичин, Килия, Новое Село, Аколятря, Карна, Каварна, Белгород, Черн, Аскый Торг, Романов Торг, Немечь, Корочюнов Камень, Сочава, Серет, Баня, Нечюн, Коломыя, Городок на Черемоше, Хотин списка «градом всем русским далним и ближним» Воскресенской летописи. О не болгарских, но славянских, т. е. несомненно русских, городах подунайских говорят «Акты константинопольского патриарха» XIV в., упоминающие Карну (Κρανέα), Каварну (Καρνάβα, Cavarna), Килию (Κελλία), Аколятрю (Γαλάγρα) и Дрествин (Δρίστρα). Среди этих городов мы узнаем не только современные Галац, Бирлат, Килию, Белгород (Аккерман), но и Яссы (Аскый Торг), Роман (Романов Торг), Коломыю, Хотин и др.

Страшный удар, нанесенный монголами, значительно превосходивший по последствиям печенежские и половецкие набеги, заставил русское население схлынуть на север, на запад, на юг за Дунай, где оно либо продолжало жить среди соплеменников, не теряя, естественно, своего языка и культуры, либо медленно и постепенно растворялось среди румын, молдаван и венгров.

Походы русско-литовских дружин Ольгерда и Витовта на юг и разгром татар в великой битве у Синих Вод в 1362 г. способствовали новому усилению русского населения в придунайских землях.

Папская булла 1446 г. говорит о многочисленном и великом русском племени в Венгрии и Трансильвании. О русских на Дунае говорят инструкция Людовику Ангвишиоле, направленному в Москву 27 января 1594 г., и письмо папы Климента VIII легату Комуловичу 1595 г., сообщающие о «многочисленной и отважной Руси на Дунае» (del Danubio). В «Книге большого чертежа» перечисляются русские города Бессарабии: Нарока, Устье, Орыга (Оргеев), Тегиньня (Бендеры) и Туборча. Карты Бессарабии XVI в. пестрят русскими названиями: Сороки (Сроки), Устье, Орыгов, Лапушна, Ласты, Белгород и др. Еще в XVII в. в Оргееве говорили на русском языке и жили русские, что заставило господаря молдавского Гаспара Грациана обратиться к оргеевцам на русском языке.

Из всего приведенного явствует, что в период Киевской Руси границы расселения восточнославянских племен — хорватов, дулебов, уличей и тиверцев — заходили далеко на запад, юго-запад и юг. Русское население венгерской равнины, современной Закарпатской Украины, Буковины, Бессарабии, Трансильвании, Подунавья, не было результатом позднейшей колонизации. На этих местах оно было древнее поляков, словаков, мадьяров, румын, молдаван, немцев, тюрок и монголов. Но оторванное в силу исторических судеб от древнерусских политических образований, от своих соплеменников, от очагов формирования великорусской, белорусской, украинской культуры и государственности, окруженное соседними иноязычными, инокультурными, иноверными народами, оно, несмотря на мужественную многовековую борьбу за свою национальность, на приток новых поселенцев, спускавшихся с суровых гор Карпатских, все же слабело, стушевывалось, растворялось, исчезало, ибо на стороне его противников были вооруженная сила, законы, государственная власть.[52]

Перейдем к рассмотрению северо-западных русских племен. По правому берегу Днепра и «межю Припетью и Двиною» обитают дреговичи.[53] О них говорит и Константин Багрянородный, знающий дреговичей под именем «Δρουγουβίτῶν».[54] Нет никакого сомнения в происхождении племенного названия дреговичей. Подобно тому как и теперь жители глухого и болотистого Полесья именуются «полешуками», а обитатели Карпатских гор называют себя «верховинцами» или «горскими», так и население болот Поприпятья и Подвинья называлось «дреговичами» от бесчисленных «дрягв», или «дрегв», т. е. болот, покрывавших их лесистый край. Дреговичские курганы с погребениями и трупосожжениями очень сходны с кривичскими. Филигранные бусы и височные кольца с заходящими друг на друга концами, напускными бусами с круглой и грубой медной зернью, наиболее часто встречаемые в курганах дреговичей, также сближают дреговичей с их северными соседями-кривичами. С другой стороны, с древлянами дреговичей сближает длительное время бытующий в глухих местах, отдаленных от рек, которые служили главным средством сообщения, древний обряд трупоположения.

Дреговичские курганы с сожжением, обнаруженные в районе Речицы, представляют собой насыпи, в основании которых лежат остатки покойников. Иногда же они собраны в кучу и помещены в насыпи в сосуде или кучкой. Дреговичские курганы с трупоположением очень близки к древ-

лянским и волынским. Труп клали на пепелище, часто в гроб или колоду. Встречаются костяки в сидячем положении. В отличие от древлянских и волынских дреговичские курганы богаче вещами. Древнейшие дреговичские курганы датируются временем не ранее X в.[55] Северо-западная граница дреговичских курганов доходит до Верхнего Немана и Верхней Вилии, где начинаются уже литовские курганы, резко отличающиеся от славянских обилием оружия. Вряд ли эта граница, надолго ставшая этнографическим рубежом между русскими и литовцами, подвергалась существенному изменению под влиянием колонизации дреговичами литовских земель, хотя, быть может, в древности и имело место проникновение дреговичей в глубь литовской территории. Слабость и сравнительная малочисленность дреговичей не дают возможности говорить о массовой колонизации ими литовских земель. Сами литовцы больше всего сталкивались с кривичами, что нашло свое отражение в наименовании литовцами всех русских именем своих исконных соседей «кревами» («kreews»). «Крев», «kreews», — русский, «Kreewu seme» — Русская земля, Россия, «Krewu tizziba» — русская вера — все это говорит о длительных связях литовцев и кривичей, об их давнем соседстве.

Откуда пошло имя кривичей, великого и многочисленного восточнославянского племени, мы не знаем. Объяснение названия «кривичи» от «коровичи» тем, что якобы они ведут ко временам тотемического мышления, мне кажется мало убедительным. Так же мало обоснованной является попытка связать имя «кривичей», «кревов», с «крев», «кровь» в значении «кровники» и «кровные родственники». Могущество и многочисленность этого русского племени, распростершего свои владения от реки Великой до Западной Двины, от Изборска и Пскова, от дремучих литовских пущ до верховьев Волги, Угры и Москвы-реки, до Ростова и Ярославля, земли летописной мери, земли Суздальской, от Наровы до Луги на севре до Средней Березины и верховьев Днепра на юге, отразились и в рассказах нашей летописи, и в легендах о «Великой Криви», и, наконец, в той исторической роли кривичей, которую они сыграли в продвижении славян на запад, север и восток, — в создании Киевского государства и русских княжеств удельной поры.

На обширных пространствах Кривичской земли распространены уже известные нам длинные курганы с трупосожжением, сменяющиеся в IX—X вв. индивидуальными круглыми курганами. У села Гнездова, в 10 километрах к западу от Смоленска, тянется огромный могильник IX—X вв., насчитывающий более 2000 курганов (больших и малых) с трупосожжениями. Обряд трупосожжения совершался на стороне или на самой курганной площадке. Из погребального инвентаря обращают на себя внимание оружие, мечи, браслеты, медные и железные шейные гривны, медные фибулы, подвески в виде лунниц, крестов, птиц и т. д. Позднее трупосожжение сменяется трупоположением. В погребениях конца X—XI вв. костяк лежит на поверхности земли или в нижней части насыпи. Попадаются остатки гробов, глиняные сосуды, деревянные ведерки, ножи, топоры. Наиболее характерными предметами погребального инвентаря кривичей этой поры являются большие браслетообразные серебряные височные кольца, иногда с плоскими ромбическими щитками, подвески, лунницы и ажурные бляшки, очень сходные с аналогичными вещами из курганов Гнездовского могильника. В то же самое время сле-

дует отметить, что на огромных просторах земли летописных кривичей существует несколько районов со специфическими вещами и нет предметов, которые бы составляли особенность только территории кривичей. Так, в частности, на западе, в области полоцких кривичей, где в основном тот же инвентарь, что и в смоленских курганах, и те же браслетообразные височные кольца, но меньших размеров, встречаются вещи литовско-латвийских курганов люцинского типа, а на востоке в курганах кривичей находят вещи восточнофинского, поволжского, типа. Быть может, это обстоятельство объясняется тем, что кривичи еще в эпоху глубокой древности развили бурную колонизационную деятельность, обусловленную в значительной степени их силой и многочисленностью. Еще в VI—VII вв. с верховьев Днепра, Западной Двины и Волги кривичи начинают веером расселяться на запад, север и восток. К этому времени относится появление славян на востоке латгальских земель, земель летописной летьголы. Несколько позднее кривичи появляются у Изборска, а еще позднее — в восточных областях, к востоку от Ржева и Зубцова, в Московской области, где обнаружены лишь относительно молодые, не старше X в., кривичские курганы. О кривичах говорит не только наша летопись; их знает под именем «Κριβτζῶν», «Κριβηταίνοί» Константин Багрянородный.[56]

К северу и северо-востоку от кривичей обитали ильменские словене, известные нам в археологии по своим сопкам. Большие курганы, достигающие 10 и более метров высоты, с бедным инвентарем, глиняными сосудами и пережженными костями — вот что представляют собой новгородские сопки. В IX—X вв. они сменяются небольшими курганами, а еще позднее — могилами в ямах, обложенными камнями, известными под названием «жальников» (XI—XIV вв.). Древнее трупосожжение сменяется трупоположением. В некоторых местах, в лесах озерного края, где словене ильменские появились позднее, господствуют малые курганы и жальники с трупоположением. В погребениях словен XI в. встречаются, как типичные, проволочные височные кольца, сменяющиеся в XII в. височными кольцами с ромбическими щитками и сомкнутыми концами, ажурные подвески и бубенчики. По течению Великой, в районе Чудского и Псковского озер и северо-западнее Ильменя памятники новгородских словен сочетаются с кривичскими длинными курганами. На север и на восток от Ильменя тянутся исключительно словенские курганы, доходящие до Ладоги, Белоозера и Шексны. На юго-востоке границей ильменских словен выступает Тверца, а на юг — междуречье Куньи и верхнего течения Западной Двины. На обширной территории расселения ильменских словен встречаются памятники и не славянские. Таковы, например, курганы Водской пятины, в которых обнаружены многочисленные нагрудные и поясные подвески в виде птиц и животных. В них едва ли не следует видеть погребения води, сохранившей, судя по курганам, свой этнографический облик вплоть до XIII—XIV вв. Такими же финскими являются древние курганы Приладожья и бескурганные Ижорские могильники.[57] Об этом по крайней мере говорят вещественные памятники, хотя надо отметить, что в некоторых местах, селясь среди инородческого населения, славяне воспринимали его материальную культуру. Так, например, раскопки русского города Герцике XII—XIII вв. в латышской земле дали исключительно местные вещи, хотя, по свидетельству хроники Генриха Латвийского, это был русский город. Правда, необходимо учесть специфическую особен-

ность новгородской колонизации даже более позднего времени и системы новгородского владычества, сохранявших известную независимость и этнический облик различных небольших финно-угорских народцев, подпавших под власть Новгорода. Поэтому нет ничего удивительного в сочетании на одной территории памятников материальной культуры ильменских словен и финских племен, ибо это сочетание является результатом их длительного мирного соседства, которое в конце концов привело и не могло не привести к ассимиляции финнов русскими, так как на стороне последних были военная сила, государственная власть, законы, т. е. преимущества, вытекающие из более высокой ступени общественных отношений и развития культуры, хотя процесс поглощения финнов и растянулся на несколько столетий.

Ильменские словене также были многочисленны и сильны. Этим объясняются их расселение на север и восток и создание мощного политического центра на русском северо-западе, известного и скандинавским сагам, и арабским и персидским писателям IX—X вв. под названием Holmgarda и «Славии».[58]

Дреговичи, кривичи с их полоцкой ветвью и ильменские словене составляли мощный массив северо-западных, северных и северо-восточных русских племен.

Далеко на запад протянулись русские земли. В результате русской колонизации, оформления в единый государственный организм — Киевскую Русь, а позднее княжества периода феодальной раздробленности, местного русского этнического элемента, войн и походов князей киевских, волынских, галицких, полоцких и других русская речь, русские обычаи, нравы, порядки, русская материальная и духовная культура на северо-западе своей границей имели нижнее течение Западной Двины, где стояли городки полоцких князей Герцике и Кукенойс, дебри лесов ятвяжских, где стояли русская Визна, Городно (Гродно), Слоним, Новогрудок, Волковыск, составлявшие Черную Русь. Южнее русская граница поворачивала на Берестье (Брест), Белую Вежу, где долгое время сохранялся островок первобытной лесной чащи, знаменитая Беловежская пуща, реликт той далекой поры, когда такой же пущей была покрыта почти вся Восточно-Европейская равнина, Бельск, Дрогичин и далее, на юго-запад к Сану.

Это все была древняя русская земля, Подвинье и Подляшье, где в чащах дремучих литовских лесов соприкасались восточнославянские и литовские племена.

Перейдем к восточной группе славянских племен: радимичам, вятичам и северянам.

Летописец, приводя легенду о происхождении вятичей и радимичей от двух братьев Радима и Вятко, указывает: «...и пришедъша седоста Радим на Съжю, и прозвавшаяся Радимичи, а Вятъко седе с родом своим на Оце, от него же прозвашася Вятичи», и далее, говоря о походе Святослава, отмечает: «И иде на Оку реку и на Волгу и налезе Вятичи».[59]

Территория радимичей охватывает междуречье Ипути и Сожи, части Гомельской, Могилевской и Черниговской областей. Это была основная область радимичей. Но радимичская колонизация проникает далеко в глубь северянской земли, на юго-восток. Через Новгород-Северск, Воронеж (Глуховского района), Студенок (б. Рыльского уезда) радимичские поселения суживающейся лентой дотянулись до верхнего течения реки

Псла, где между Суджей и Обоянью, у села Гочева, было найдено свыше сотни радимичских погребений. Радимичская колонизация на юго-восток несомненно является результатом стремления радимичей пробиться из своих лесов, окруженных поселениями северян, дреговичей, кривичей и вятичей, на юг, к степям, к чернозему, в плодородные земли, и естественно, что, будучи не в состоянии двинуться на юго-запад, они прошли на юго-восток, где сравнительно малочисленное население, обширные просторы и передвижки населения с севера на юг давали возможность пробиться к плодородным равнинам, ставшим столь заманчивыми для северных лесных славянских племен вместе с ростом земледелия. Радимичская земля в археологическом отношении детально изучена Б. А. Рыбаковым.

Обычай сожжения, характерный для радимичских курганов IX в., в IX—X вв. сочетается с имитацией сожжения и трупоположением на горизонте, сменяясь в XI в. трупоположением в ямах. Для вещественных памятников радимичей характерны семилучевые привески к височным кольцам, не известные в других местах. Встречаются спиральные височные кольца, головные венчики и небольшие проволочные кольца с сомкнутыми концами, находимые в погребениях северян. В погребениях радимичей находят специфические подвески в виде кружка с изображением головы быка, а также луны, креста, собачек, ложечек, бубенчиков и пластинчатые шейные гривны с розетками на концах. Попадаются серпы и оружие. Радимичи были небольшим, малочисленным, слабым племенем, и попытки распространить их поселения на обширную территорию не соответствуют действительности.[60]

Соседями радимичей с востока выступают вятичи. Рекой вятичей была Ока. Вятичи населяли территории Тульской, большую часть Орловской и Московской областей и часть Смоленской. Позднее вятичской стала и Рязань. Вятичскими были и славянские поселения по Среднему Дону. Курганы вятичей невелики, без камней в основании. Костяки лежат на уровне почвы на бересте, в гробу или реже в бревенчатом срубе — гробовище, головой в направлении захода солнца. Курганы вятичей датируются XI—XIV вв. и сменяют собой древние курганы VI—X вв. Зола и уголь от тризны, бросаемые в землю курганной насыпи, говорят о преемственности обрядов.

Трупосожжений более позднего периода времени встречается мало, что говорит о вытеснении трупосожжений трупоположениями еще в доисторические времена. Погребальный инвентарь характеризуется семилопастными височными привесками, плетеными и пластинчатыми шейными гривнами, витыми и пластинчатыми браслетами и ажурными перстнями, сделанными из меди или плохого серебра. В ногах костяков встречаются горшки с остатками пищи. Оружие попадается очень редко.

Более поздние вятичские курганы обнаружены на востоке, в пределах Рязанской области, что говорит о продвижении вятичей на восток, к Дону и Рязани.

Вятичи — одно из наиболее отсталых и консервативных русских племен, обособленное существование которых продолжалось до XII в., когда они были включены окончательно в политическую жизнь древнерусских княжеств. В своих дремучих лесах вятичи отстаивали независимость и сохраняли своих племенных князей еще в княжение Мономаха. Эта обособленность вятичей заставила некоторых исследователей сделать нелепый вывод об их неславянском происхождении.

Вятичи были известны и соседям Руси с востока. У Гардизи говорится о городе «Вантит» в «стране славян». «Город Ва-и» или «Вант» в «земле славянской» упоминает Ибн-Росте (Ибн-Даста). Об этом городе говорил, по-видимому, и источник их обоих, Аль-Джайгани. О городе «Вабнит» — «первом городе с востока славян» — упоминает анонимный персидский географ X в. В письме хазарского царя Иосифа ученому испанскому еврею Хасдаи-ибн-Шафруту в перечислении народов, подвластных хазарам, встречаются «вентит», т. е. вентичи, вятичи.

Таковы наши сведения о вятичах.[61]

Летопись приводит предание о происхождении вятичей и радимичей: «Радимичи бо и Вятичи от Ляхов. Бяста бо два брата в лясех, Радим, а другой Вятко, и пришедъша седоста Радим на Съжю, и прозвавшаяся Радимичи, а Вятько седе с родом своим на Оце, от него же прозвашася Вятичи».[62]

В другом месте летописец говорит: «Быша же Радимичи от рода ляхов».[63] Со времен летописца установилась традиция ляшского, т. е. польского, происхождения обоих племен. Целиком придерживаясь теории «ляшского» происхождения радимичей и вятичей или же придумывая всякого рода компромиссные суждения, старающиеся примирить рассказ летописца со взглядом на оба славянских племени как на русские племена, ученые историки, археологи и лингвисты все же были далеки от разрешения проблемы.[64] Наиболее смело подошел к разрешению вопроса А. А. Шахматов. Он прямо заговорил о польском происхождении радимичей, указывая на свистящее произношение «г» и «д» и другие «ляшские» особенности белорусского языка, языка потомков радимичей. Носовой звук в названии «вятичей» в летописи и в восточных источниках говорит тоже о «ляшских» особенностях вятичей, ополячившихся под влиянием радимичей.[65]

Были ли в самом деле радимичи и вятичи «от ляхов»? А. И. Соболевский предлагал фразу летописца «в Лясех» понимать так: «в лесех», «в лесах»; таким образом, считать радимичей и вятичей «полешуками», что маловероятно, так как летописец в таком случае употребил бы другую фразу, аналогичную той, в которой говорится о древлянах, получивших свое название «зане седоша в лесех». Русское «лес» под пером летописца не обратилось бы в польское «ляс», и написание «лясех» вместо «лесех» невозможно. Оригинальное решение вопроса о появлении легенды о ляшском происхождении вятичей и радимичей предлагает Б. А. Рыбаков. Он считает, что так осмыслил происхождение радимичей древний летописец, составлявший свод 1039 г. Он знал легенду о происхождении радимичей и вятичей от Радима и Вятко, аналогичную легенде о Ляхе, Чехе и Русе, Кие, Щеке и Хориве, Краке, Мазуре и т. п., знал и писал о том, что вятичи, радимичи и северяне «одни обычай имяху», и тесно связывал все эти три племени и больше всего — радимичей и вятичей. Перед походом на радимичей воеводы Владимира Волчий Хвост русские дружины ходили на запад, на ляхов, отнимать у них «Червен и ины грады». Здесь они проходили у Перемышля городок Радимин, здесь слышали они о Гнезненском епископе, брате святого Войтеха Радиме.

И когда спустя три года они пошли на радимичей, их, естественно, поразило сходство названий радимичей с известными им местами «Червенских городов». Этот поход на радимичей и был записан летописцем со

слов его участника. Его рассказ и попытки объяснить название радимичей тем, что они из «ляхов», где встречаются подобного рода названия и имена, дополненные летописцем, и создали летописную версию о радимичах и вятичах «от рода ляхов», Радим — брат Вятко, радимичи — «от рода ляхов», значит, и вятичи тоже были раньше «в лясех». Быть может, кое-что и в языке радимичей подтверждало эту версию.

И действительно, как быть с «ляхизмами» в белорусском языке, на что указывает А. А. Шахматов?

Но «полонизмы» в белорусском языке потомков радимичей объясняются скорее не «ляшским» их происхождением, а тем, что они — потомки летописных радимичей — длительное время соседили с «ляхами» и находились под властью ополяченной Литвы и Польши в течение ряда столетий. «Мазураканье», сочетание «дл» и «тл» вместо «л» и другие особенности речи западной ветки восточных славян, встречающиеся и в говоре потомков кривичей, которых уж никто не заподозрит в «ляшском» происхождении, объясняются именно этими факторами, а не принадлежностью их к польским племенам.

Обращает на себя внимание также сходство вещей из погребального инвентаря радимичских курганов с аналогичными изделиями антской поры, что говорит об автохтонности радимичей, много столетий занимавших одну и ту же территорию.[66]

Южнее радимичей и вятичей, на левобережье Днепра, «по Десне и по Семи и по Суле» жили северяне. На территории земли летописных северян в IX—X вв. выделяются три района, отличающиеся друг от друга специфическим характером погребений. Первый район, замкнутый в линии Любеч—Стародуб—Новгород—Северск—Ромны—Чернигов—Любеч, содержит небогатый инвентарь в захоронениях в глубоких, узких ямах. Второй характеризуется неглубокими, в 1/3 метра, могилами с мелкими зерновыми и сердоликовыми сферичными бусами, височными кольцами и т. п.; он замкнут в линии Переяславль—Ромны—Гадяч—Ахтырка—Переяславль. Третий, самый восточный, расположен внутри линии Ромны—Путивль—Воронеж—Рыльск—Суджа—Ахтырка—Гадяч— Ромны и характеризуется спиральными височными кольцами и погребениями на горизонте с богатым инвентарем. Спиральные височные кольца, витые гривны с пластинчатыми сгибнями на концах, пластинчатые головные венчики и подвески в виде лунниц, кружков и т. д. являются наиболее типичными вещами погребального инвентаря земли северян.

Но какой из районов является областью расселения собственно северян? Археология на этот вопрос еще не ответила.

Там, где Спицын помещал наиболее типичные северянские погребения, в Ромнах, в Судже, Переяславле, там Самоквасов усомнился в наличии северянского населения, а Нидерле связал с северянами погребения с височными кольцами — с завитками вне кольца, которые находили на севере от Гадяча, Ромен, Суджи. Да и вряд ли при современной изученности памятников материальной культуры Днепровского Левобережья можно ответить на этот вопрос. Важно лишь то обстоятельство, что височные кольца и прочие украшения с некоторыми присущими им у каждого племени особенностями, объясняемыми различным уровнем развития ремесла, ремесленной выучкой, навыками, связями и традициями, наряду с отличиями в погребальных обрядах позволяют сделать вывод о том, что в

различных районах Северской земли существовали особые обычаи, особый быт, особые типы одежды, украшений и т. п. Это обстоятельство говорит о существовании на северянской территории различных племен, быть может близких друг другу, но все же различных. Среди них были и остатки левобережных антов, быть может, и древляне, и переселившиеся с севера жители задесенских лесов. Эти племена в процессе своего развития теряли свои специфические черты и, судя по летописи, к X—XI вв. потеряли свои старые племенные названия. Летопись знает их под общим именем северян, за которыми, быть может, скрывается целый племенной союз. В процессе развития феодальных отношений и соответствующих им форм политической жизни они превращались в «курян», «черниговцев», «переяславцев», и новые политические границы дробили и объединяли, сплачивали и расчленяли племена, придавая материальной культуре отдельных групп населения специфические черты, общность которых объяснялась уже не племенным единством, а политическим объединением.[67]

О северянах говорит Географ Баварский, в списке племен Восточной Европы упоминающий о «zerivani», «zuireani» и «sebbirozi». У него это все различные племена, и под каким из этих названий скрываются «северяне», а под каким «свиряне» и «себирцы», как считал Шафарик, мы не знаем.[68] Северян под названием «Εέρβιων», или «Εευέριων», знает Константин Багрянородный.[69] О «саварах», или «северах», говорит в своем письме Хасдаи-ин-Шафруту хазарский царь Иосиф.[70] Летописец отмечает, что «и Радимовичи, и Вятичи, и Север один обычай имяху...». И действительно, некоторые общие черты, как это показал А. А. Спицын, сближают население Сейма, Десны, Сулы, Оки, Сожи и Ипути, хотя эта общность уже более позднего происхождения и может быть объяснена возникновением в XI в. обширного и могущественного Чернигово-Северского княжества. В заключение обзора археологических памятников Левобережья IX—XI вв. я бы хотел обратить внимание на погребальный обычай, бытовавший у северян, радимичей и вятичей, который не оставил и не мог оставить никаких следов:

«И аще кто умряше, творяху тризну над ним, и по семь творяху кладу велику, възложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху, и посем собравше кости вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять Вятичи и ныне».[71] Понятно, что остатки таких погребений, долгое еще время существовавших у вятичей, до нас не дошли.

На этом мы заканчиваем обзор восточнославянских племен, упоминаемых в нашей летописи.

Но русский летописец писал свои повествования о восточнославянских племенах уже в сравнительно более позднюю пору, когда многие племена уже давно исчезли. Естественно, что в его обзор могли не попасть некоторые племена, сама память о которых исчезла уже давно. Не говорил он о мелких племенах и в том случае, если они входили в какой-нибудь крупный племенной союз, выпускал из своего обзора и просто неизвестные ему племена.

В этом отношении для нас представляет большой интерес свидетельства европейских и восточных авторов IX—X вв. Они не были русскими и не жили на Руси, как составитель «Начальной летописи», но зато они были современниками русских племен, само название которых забылось

ко временам княжения Ярослава, когда начала слагаться наша летопись. Так, например, Географ Баварский к востоку от гаволян, морачан, сербов, чехов и болгар помещает кроме указанных выше следующие племена: «Clopeani», «Sittici», «Stadici», «Nerivani», «Attorozi», «Eptaradici», «Vuillerozi», «Zabrozi», «Znetalici», «Aturezani», «Chozirozi», «Lendizi», «Thafnezi», за которыми идут хазары, русы, угры и другие тюркские и финские племена.[72]

Пусть Географ Баварский, по мнению некоторых исследователей, — источник сомнительный, но человек, так внимательно изучавший славянский мир и его соседей, изучавший для того, чтобы дать кому-то материал, который мог бы стать чем-то вроде «Стратегикона», для борьбы немцев со славянами, а потому интересовавшийся числом городов у каждого славянского племени, не мог выдумывать, а писал, очевидно, на основе рассказов западнославянских и немецких купцов.

Поэтому я придаю большое значение сообщениям Географа Баварского, хотя и не считаю возможным локализовать каждое из этих племен и объявить «Zwireani» «свирянами» с реки Свири, а «Zabrozi» — «запорожцами».

Типичные патронимические окончания наименований славянских племен — «чи», совпадение некоторых названий с наименованиями русских племен у летописца — все это заставляет нас внимательно отнестись к такому источнику первостепенной важности, как Географ Баварский, ценному и малоизученному, и воздержаться от его гиперкритики.

Большой интерес вызвали загадочные «Λενζανίνοι» Константина Багрянородного — одно из восточнославянских племен. Со времен Шафарика их чаще всего, как было мной уже указано ранее, связывали с «лучанами», жителями Луцкой области, частью многочисленного племени дулебов-волынян. Но Г. Ильинский считал возможным иначе объяснить это имя. Он указывал на его происхождение от «ляд» или «lędъ», т. е. лядина, лендина — невозделанная земля. Отсюда «lędianinъ», в значении человека, живущего на лядине. Такое объяснение, быть может, подтверждается наличием среди племен Восточной Европы, по Географу Баварскому, племени «Lendizi», т. е. «лендичи», название, которое могло происходить от того же термина «lędъ», учитывая наличие носовых звуков в древнерусском языке. Мнение Ильинского нельзя не учитывать при выяснении вопроса о «Λενζανίνοι» Константина Багрянородного. Говоря об их землях, нельзя не отметить, что из текста сочинения византийского императора вытекает, что они жили где-то у Днепра, рядом с уличами и древлянами и соседили с печенегами.[73] Такой же загадкой остается русское племя «Лудана» (el-Lūdɛan-aθ) Масуди — «многочисленнейшее из них» (русских племен. — *В. М.*), купцы которого путешествуют со своими товарами в Андалузию, Рим, Константинополь и Хазарию.

В «Кембриджском документе», обнаруженном Шехтером, написанном на еврейском языке и датируемом XI—XII вв., говорится о войнах, которые ведут с хазарами Зибус (зихи), турки и Луз-ния. В Луз-нии едва ли не следует усматривать «el-Lūdɛan-aθ (al-Lūdāćija)», а быть может, «Λενζανίνοι».[74]

Френ, Савельев и Гаркави видели в этом племени ладожан, другие исследователи — лучан, киевлян, норманнов (Хвольсон), литовцев, ютландцев и абхазов (Марр).[75]

«Лудана», «Луз-ния» по-прежнему остаются загадкой, хотя несомненно ни ютландцами, ни абхазами, ни литовцами они, конечно, не были.

В письме царя хазарского Иосифа ученому испанскому еврею Хасдаи-ибн-Шафруту встречается еще одно славянское племя.

В этом письме перечисляются народы, живущие в Волжско-Донском бассейне и подвластные хазарскому кагану: «На этой реке (Итиль) живут многие народы — буртас, булгар, арису (эрзя), цармис (черемисы), вентит (вятичи), савар (север, северяне), славиун (славяне)...».[76] Интересно отметить, что царь Иосиф перечисляет эти народы, как бы двигаясь по карте с севера на юг и юго-восток. «Славиун», т. е. славян, он помещает к юго-востоку от северян, т. е. в районе Северного Донца и Дона.

Нам известны славянские городища и могильники в Харьковской области (Ницахское, Донецкое), славянские городища на Среднем Дону (Борщевское). Где-то здесь и обитали «славиун» письма царя Иосифа, и то обстоятельство, что они не носят племенного имени, а выступают под общим названием «славяне», вполне понятно.

На окраинах расселения славянских племен на западе, юге, севере и востоке славянские поселенцы сохраняли свое родовое имя. Стоит привести в качестве примеров словаков, словенцев, словинцев и словен.

Ошибка, точнее, описка летописца создала целую литературу о племени «суличей» — посульцев, обитавших в Переяславльской земле, ветви уличей. О «суличах» писали Шлецер, Завитневич, Андрияшев и Новицкий, но думаю, что об этом заблуждении не стоит подробно распространяться.[77]

На этом исчерпываются наши сведения о восточнославянских племенах.

Рассмотрев на основе памятников материальной культуры географическую карту расселения русских племен, мы должны остановиться на принципе археологической классификации.

А. А. Спицын в своем труде «Расселение русских племен по археологическим данным» основными признаками этнической, племенной принадлежности населения той или иной области считает характер погребений и тип погребального инвентаря, украшений, в частности форму височных колец.[78] Но эта классификация условна, так как тип погребений зависит, например, не только от того, какое именно племя определенным образом хоронило своих покойников, но и от эпохи. Так, например, одно и то же племя знает и трупоположение, и сожжение на костре, и заключение пепла в урнах, и обжигание трупа. Некоторое сомнение вызывает и причисление погребений к тому или иному племени в зависимости от типа височных колец, так как в различных районах жительства одного и того же племени могли господствовать различные формы височных колец. Так, например, на границах радимичских и северянских поселений в радимичских курганах встречаются северянские вещи. На рубежах племен вятичи могли носить спиральные северянские, а северяне — семилопастные вятичские кольца. В пограничных районах такое смешение наблюдается повсеместно. Могли встречаться кольца, принадлежащие соседям, и в самом центре данного племени, попадая туда в результате торговли, войн и т. д., да и просто выделанные местными ремесленниками без непосредственной связи с ремесленной деятельностью соседей. Наконец, наличие более или менее стандартного типа височных колец могло

быть обусловлено существованием определенных ремесленных центров с общими приемами, распространивших свою продукцию на определенной территории. Все эти обстоятельства заставили П. Н. Третьякова заявить, «что не старые племенные границы, а границы новых складывающихся феодальных образований определяли распространение форм украшений» в X—XIII вв. Отсюда — определение им погребального инвентаря по княжествам. Так называемые «курганы дреговичей» — это курганы населения Туровского княжества, «курганы северян» — это курганы жителей Новгород-Северского княжества. «Курганы кривичей» делятся на курганы полоцкие и смоленские, «словенские курганы» принадлежат населению, подвластному Новгороду, независимо от его этнической принадлежности, а «вятичские» и «радимичские» принадлежат жителям Черниговского княжества. Таким образом, типы женских украшений укладываются в границы не племенных земель, а феодальных княжеств.[79]

По существу, доводы П. Н. Третьякова весьма убедительны, и основная мысль его не вызывает сомнения, но почему-то он не придает значения им же сказанной фразе: «Этногонический процесс длился веками и несомненно, что в тех или иных формах дофеодальные племенные различия сказываются вплоть до настоящего времени». И археологам надлежит ответить на вопрос: в какой мере различие вещественных памятников отдельных русских земель, в той или иной степени совпадающих с крупными княжествами Древней Руси, отражают древние, отмирающие племенные деления? Я полагаю, что в значительной степени.

В ответной статье «В защиту летописей и курганов» А. В. Арциховский замечает: «Археологам хорошо известны две удивительным образом совпадающие географические карты. На одной из них изображаются ареалы курганных женских украшений, на другой — области летописных племен».[80] В XI и даже XII в. еще упоминаются кривичи, радимичи, северяне, вятичи, хотя в данном случае речь идет о сохранении за землей старых племенных названий, а известные нам памятники материальной культуры датируются главным образом этим временем. Даже в период феодальной раздробленности сохранялись еще следы древних племен и живо было представление о племенных землях. Пусть большинство племен X—XI вв. уже не племена, а союзы племен, вернее, пусть пережитки племенного быта этих времен являются пережитками не племен, а племенных союзов, но все же какие-то остатки племенной близости, и очень ощутительные, еще налицо. Там, где процесс распада племенных связей зашел далеко еще в IX—X вв., на юге, юго-западе и западе, там и труднее проследить по курганным материалам племенные отличия, и мы уже видели однообразие материальной культуры от Среднего Приднепровья до Карпат, отсутствие специфических полянских вещественных памятников и т. д. Там же, где племена были более устойчивой формой общественных связей, — в болотах, в лесах дреговичей, кривичей, радимичей, северян и вятичей, среди, как нам уже известно, более отсталых лесных восточнославянских племен, — там былые племенные особенности отразились в вещественных памятниках киевских времен.

Не надо забывать и того, что в быту населения удивительно долгое время сохраняются архаические черты. Обратимся к этнографии. Записанные этнографами и исчезающие буквально на наших глазах обычаи, песни, поверья, обряды и т. п. часто уводят нас ко временам седой древ-

ности. Также удивительно архаичными и консервативными являются многие памятники материальной культуры. На протяжении многих столетий в зодчестве, резьбе, ювелирном деле, гончарном ремесле, в женских рукоделиях бытуют одни и те же приемы, мотивы, рисунки, изменяясь, эволюционируя, меняясь в деталях, но сохраняя основные формы.

Типы вещественных памятников, в частности — формы женских украшений, типы погребений и т. п., являются очень устойчивыми и ведут зачастую к временам племенного быта. Только в гораздо более поздние времена границы между племенами стираются, уступая свое место политическим границам княжеств. Слишком непрочны, эфемерны и неустойчивы были границы княжеств удельной поры, для того чтобы быт, материальная и духовная культура русского их населения развивались исходя только из их наличия. В Киевский период, не только в княжение Владимира и Ярослава, но и гораздо позднее, в княжение Мономаха, и еще позже сохранялись пережитки старых племенных особенностей. Племенной быт был слишком живуч, для того чтобы в период образования древнерусского государства везде и повсеместно исчезнуть, как по мановению жезла чародея. Придет время — оно не за горами, — когда политические границы, воздвигнутые между отдельными крупными княжествами, ставшими и экономическими границами, расчленят, разъединят русское население разных земель, способствуя формированию особенностей языка, быта, обычаев, обрядов, материальной и духовной культуры исходя из фактора объединения этноса по политическому территориальному признаку, но и тогда еще будут явно ощущаться пережитки древних племенных черт. Одни княжества, особенно в начале своего существования, объединяют земли нескольких племен, другие делят между собой территорию одного племени, включая вместе с этим иногда и часть соседнего племени, и т. д. Племенные границы стираются, племенные отличия стушевываются, но не исчезают, и остатки их прослеживаются еще долгое, долгое время.

И «если бы древнерусские крестьянки захотели бы одеваться по указаниям П. Н. Третьякова, руководствуясь своей политической зависимостью, моды менялись бы быстро, как в XX веке».[81]

Полемика между П. Н. Третьяковым и А. В. Арциховским показала, что чрезмерное увлечение критикой летописных известий о расселении восточнославянских племен и спицынского метода приурочивания тех или иных археологических материалов к определенным славянским племенам Восточной Европы вряд ли целесообразно, и нет сомнения в том, что специфические особенности вещественных памятников русских земель XI—XII и даже XIII вв. сохраняют следы древних племенных особенностей в такой же мере, как ареалы распространения определенных типов украшений в известной степени отражают старые племенные границы.

Не так быстро стушевывались они, не так скоро исчезли на Руси остатки племенного быта. Но об этом подробнее дальше.

Вот почему я посчитал необходимым привлечь к описанию русских племен и восстановлению племенных границ вещественные памятники заведомо уже не племенной поры, а Киевской Руси и начального этапа периода феодальной раздробленности.

Идя от позднейшего, вскрывая в нем архаические черты, мы можем обнаружить следы древнего, ушедшего давно в прошлое, но наложившего свой отпечаток на грядущее.

И если летописные «племена» XI—XII вв., в которые летописец зачисляет как собственно племена (вятичи, радимичи, северяне, кривичи и др.), так и население отдельных земель и княжеств (полочане, тиверцы, бужане и др.), так как они прослеживаются по археологическим данным, являются результатом группировки населения по определенным землям вокруг определенных экономических и культурно-политических центров, создающей языковые, культурные и этнографические особенности населения на базе территориально-политической общности, то сами эти особенности продолжают сохранять в себе следы древних племенных отличий. Снимая позднейшие напластования, обусловленные смещениями и смешениями, перегруппировками в связи со сдвигами в развитии производительных сил, в общественной, политической и культурной жизни восточного славянства, мы можем обнаружить древние слои — реликты племенного быта, того времени, когда русские племена «имяху бо обычаи свои и закон отець своих и преданья, кождо свой нрав».[82]

Такой же метод применила лингвистика, пытаясь восстановить древнерусские племенные языки. Классические образцы восстановления путем тщательного анализа позднейших диалектов племенного языка являет работа Фр. Энгельса «Франкский диалект».[83]

В советской лингвистике была сделана попытка — на основе марксистско-ленинского учения о языке с учетом огромного наследства индоевропеистики, и в частности работ А. И. Соболевского и А. А. Шахматова, — восстановить хотя бы в общих чертах древнерусские племенные языки. Я имею в виду работы Ф. П. Филина.[84] Славянские, и в частности восточнославянские, языки возникли в результате развития древнейших языков, языков племен, населявших Европу еще в те времена, когда не было ни индоевропейцев, ни финнов в современном смысле этого слова. Источником и индоевропейских, и финских языков явились языки древнейших племен Европы. Племена эти представляли собой изолированные, слабо связанные друг с другом производственные и этнические человеческие коллективы, малолюдные группы, противополагавшие себя всем другим аналогичным группам, не понимавшие их языка, нередко отделенные от соседей обширными пространствами незаселенных земель и состоявшие из особей различных антропологических типов, хотя и с превалированием одного определенного.[85]

Постепенно в силу исторических условий в процессе схождений и расхождений, влияний и заимствований, развития и трансформации процессов, длившихся тысячелетиями, из этих человеческих коллективов стали оформляться более прочные этнические образования и современные языковые семьи, генетически часто связанные друг с другом, если речь идет, конечно, о действительных исторических связях, а не о фантастических построениях ученых. Из таких коллективов в процессе схождений и расхождений сложилось и славянство, в частности восточное славянство. Общие языковые слои, имеющиеся в русском, с одной стороны, и в финских, яфетических и тюркских языках — с другой, объясняются постоянными связями протоиндоевропейских, протофинских, прототюркских и протояфетических человеческих коллективов. Причем эти связи следует рассматривать как продолжающиеся уже и в историческую письменную эпоху, когда в результате заимствований и влияний в языках соседних народов появлялись общие черты, общие слова и т. д. Так, например, такие

слова в финском и карельском языках, как «грамота» (книга), «абракка» (оброк, налог) и др., являются следом исторических связей финнов и карел и русских, а «дуб», «город», «ярь» и др., которые не определяются ни как финские заимствования из русского языка, ни как, наоборот, русские из финского, являются реликтом эпохи доисторических связей праславян и прафиннов той эпохи, когда малочисленные и пестрые разноязычные этнические группы в период складывания племенных союзов, сталкиваясь между собой и как враги, и как союзники, вступая в брачные связи и торгуя друг с другом, из аморфной этнической массы формировали протославянские и протофинские племена.[86]

Нам могут указать на то, что все известное нам из этнографии говорит за то, что на стадии племен и родов с их недоверием и враждебным отношением к соседям, с их изолированным образом жизни, с их брачными ограничениями и т. п. невозможны массовые смешения и скрещения и взаимопроникновение языков и культур, но это становится возможным в период племенных объединений, племенных союзов. Следом этих доисторических общений и выкристаллизования протофиннов и протославян из общего палеоевропейского этносубстрата не только не тождественных, но, более того, весьма отличающихся друг от друга племен, связанных лишь однообразием своей примитивной культуры, с намечающимися очагами генезиса крупных этнических объединений, и являются общие черты в языках различных семей, подобно приведенным выше славяно-финским параллелям. Такого же порядка и некоторые общие черты в лексике (термины «касог», «вино», «лошадь», «человек», «конь», «тризна», «ящерица», «рыжий», «русый» и др., проанализированные Н. Я. Марром), в некоторых морфологических и фонетических явлениях между русскими и яфетическими языками, русским и чувашским, тюркским языком, установленные Н. Я. Марром и Н. П. Гринковой.[87] Здесь перед нами опять-таки выступают языковые связи, обусловленные, с одной стороны, какими-то сближениями первобытных коллективов Восточной Европы в очень отдаленную эпоху, с другой — сношениями уже сложившихся племен в исторические времена.

Более тесные связи определенных коллективов, расщепление и расхождение их, распространение их в результате расселений на огромной территории приводят к появлению определенных языковых семей. Примером подобного рода является распространение индоевропейских языков, языков тюркских, финских и др. Исторические связи и расселения приводят к тому, что на обширных пространствах от Индостана и Средней Азии до Атлантики на заре письменной истории говорили на индоевропейских языках, что, конечно, отнюдь не исключает наличия на этой территории целых этнических массивов населения с неиндоевропейской речью. Такая же волна, но более поздняя, тюркская, хлынувшая с востока, тоже доходит до берегов Адриатики и Средиземного моря и т. д. и т. п.

Вполне естественно, что внутри данной языковой семьи отдельные языки имеют больше общих черт и связываются друг с другом ближе, нежели с языками соседей с иной речью. Это — опять-таки результат древних сближений и несколько более поздних расхождений. Поэтому древний санскрит далекой Азии ближе к славянским языкам, чем язык их исконных соседей — финнов. Отсюда и русско-скифские, русско-иранские языковые связи, отмеченные А. И. Соболевским, Н. Я. Марром, —

результат пребывания протославян в системе скифских племенных объединений, в которых определенный, господствующий слой был слоем несомненно иранского происхождения, несмотря на яфетическую принадлежность части скифских племен. Этими же историческими связями объясняются некоторые общие черты в финских и иранских языках — результат столкновения финнов со скифо-сарматским миром где-то в Поволжье.[88]

Еще более понятны гото-славянские, славяно-литовские и менее изученные славяно-кельтские связи — пережитки соседства этих народов, взаимных влияний и смешений.

Тысячелетиями длился процесс становления из неустойчивых групп славянских племен. В состав славян включились иноязычные элементы, их языки обогащались новыми речевыми слоями. Славяне расселялись из перенаселенных мест, распадались на группы, в их состав вливались другие группы. В этом котле доисторического этно- и глоттогенеза формировалось славянство. В эпоху родового строя уже складывается языковое единство славян. Позднее, с развитием родового строя, славянские племена начинают дробиться, делиться и подразделяться. Расселяясь, славянские племена вступают в стадию языкового расхождения. Языковое скрещение уменьшается, но не исчезает, так как возникновение и распадение племенных союзов и столкновения с соседями привносят все новые и новые элементы в языки славян.

С распадом родового строя и зарождением феодализма и государства вновь начинается схождение славянских языков, отнюдь не исключающее продолжающегося расхождения, и, наконец, с ростом феодализма, распадением Киевского государства на отдельные княжества во главе с крупными городами — экономическими и политическими центрами, — на обломках племенных диалектов складываются территориальные диалекты — предтечи современных восточнославянских языков. Начало первого этапа уходит в глубь времен, второй — формирование славянских языков — относится к концу неолита и продолжается длительное время, третий — распадение и расщепление славянских языков — начинается со времен расселения славян в первые века новой эры и продолжается до IX—X вв., когда на большей части славянских земель начинается быстрое развитие феодальных отношений и образовываются первые славянские государства (не считая кратковременной и непрочной державы Само), знаменующие собой четвертый этап, и, наконец, пятый этап датируется, по отношению к Восточной Европе, XI—XIII вв.

Так постепенно из аморфного, пестрого и многоязычного массива древних этнических групп складывалось славянство, впитавшее в свой состав инокультурное и иноязычное население тех племенных союзов, в состав которых оно входило, что не могло не отразиться на славянской речи. Исходные формы, бывшие когда-то принадлежностью всех славянских языков и диалектов, усложненные различными языковыми элементами разных семей и систем, наследие разных эпох, свидетельствуют и о процессе расхождения (исходные формы, принимаемые за славянский «праязык», искони присущий славянам), и о процессе схождения (на определенном этапе — те же исходные формы, позднее включение иноязычных, не славянских элементов, из которых в древности сложились и сами исходные формы). Славянские языки — категория историческая.

Они возникли из древнейших дославянских языков лишь на определенном этапе развития «доисторических» племен Восточной и Центральной Европы. И уже в глубокой древности в процессе все того же схождения и расхождения сложилась восточная ветвь славянских языков. Когда это было? За много столетий до образования древнерусского государства. Уже тогда исчезли у восточных славян общие когда-то для всех славянских языков исходные формы: исчезли носовые гласные (ѧ, ǫ), сохранившиеся в древнецерковнославянском и в современном польском языках. Во многих случаях произошла замена общеславянского «е» — «о» («елень» — «олень», «езеро» — «озеро», есень» — «осень» и т. д.), «а» — «я» («аз» — «яз», «агне» — «ягне», «агода» — «ягода» и др.), «о» — «а» («локать» — «локоть», «розный» — «разный» и т. п.); появились полногласие («ворона» вместо общеславянского «врана» или «врона», «голова» вместо общеславянского «глава» или «глова» и т. д.), сочетание глухих гласных «ъ» и «ь» с плавными согласными, смягчение зубных «д» и «т» и т. п.[89]

А. А. Шахматов указал на наличие в русском языке древнейшей поры до 20 звуковых явлений, отличающих его от языков южных и западных славян.[90]

В то же время он счел необходимым отметить, что на определенном этапе исторического развития восточнославянские языки имели некоторые общие черты с южнославянскими, отсутствующие в речи западных славян. Например, восточно- и южнославянские «мыло», «звезда» вместо западнославянского «mudlo», польского «gwiazda», чешского «hwězda» Это отличие древнерусских диалектов от западнославянских и сближение с южнославянскими объясняется тем, что в VI—VII вв. и южные и восточные славяне — анты — начали эпоху вторжений в пределы Византийской империи, во время которой их союзы и войны между собой, равно как и соседство где-то на обширной территории к северу от Дуная, а затем и по Дунаю, привели к языковой близости, вернее сказать, к сохранению языковой близости. В это же время западные славяне двигались на запад и на юго-запад, все больше и больше отрываясь от своих южных и восточных соплеменников и в силу своей изоляции сохраняя утраченные другими черты или приобретая новые, не известные их сородичам.

Общность восточнославянских языков сложилась, надо полагать, еще во времена антов. На основе общности быта, культуры, связей и исторических традиций складывается языковая общность восточного славянства. Невероятно быстро расширившиеся границы расселения славян все более и более отрывают и все дальше и дальше отбрасывают окраинные славянские племена от основного очага славянского этногенеза. Связи между ними ослабевают и почти прекращаются. Культурные и языковые различия возрастают. В языке вятича с Оки и словенца с Адриатики, сорба с Лабы и болгарина из-под Солуни становится все меньше и меньше общих черт. Но зато в пределах определенных территорий на основе экономических, культурных и политических связей растет единство. Процесс схождения усиливается. Так было в Восточной Европе в VI—IX вв., когда анты Среднего Приднепровья сливаются в единый восточнославянский массив со славянскими племенами лесной полосы.

Уже в летописные времена древнерусские книжники знали «словен»: ляхов, чехов, моравов, хорватов, сербов, болгар, хорутан, поляков (полян

ляшских), лютичей, мазовшан, поморян, но особо выделяли русские, восточнославянские племена, отчетливо представляя себе их давно наметившееся единство, а это представление древних летописцев основывалось на народном самосознании.

Но общность древних восточнославянских языков не была их тождеством. Диалекты восточных славян отличались друг от друга, и это отличие было не только результатом сохранения каких-то черт древних языков доисторической поры, из которых в эпоху глубокой древности сложились протославянские языки, тесно связанные между собой общими исходными формами, но главным образом следствием дробления славянской речи на диалекты, что имело место в течение длительного периода времени в эпоху родового строя. Это дробление сопровождалось скрещениями диалектов между собой и с соседними индоевропейскими и не индоевропейскими языками. Подводя итоги обзору диалектных расхождений древнерусской эпохи, Ф. П. Филин приходит к следующим выводам. Диалекты восточнославянских племен, сложившиеся задолго до образования Киевского государства, имели много общего, но эта общность не была тождеством. Следы древних племенных диалектов прослеживаются в письменных памятниках Киевской Руси, отражающих уже в основном диалекты территориальные, и, наконец, в современных восточнославянских языках и их диалектах, конечно, уже в значительно измененном виде.

Снимая поздние слои эпохи феодальной раздробленности, времен складывания и развития великих княжеств Литовского и Московского, бросая луч света в глубь веков, можно установить особенности диалектов Древней Руси — племенных языков восточных славян.

Для словен было характерно сильное оканье, произношение «ѣ» как «и», наличие в речи звука, среднего между «ц» и «ч», сочетание «жг» вместо «жд», твердое окончание в глаголах 3-го лица, особенности в лексике («орать» — пахать, «вятчий» — богатый, знатный, именитый, «тировати» — проживать, «звук» — осколки, щебень и т. п.). Некоторые черты диалекта, лексики и фонетики словен связывают их с южнорусскими племенами Среднего Приднепровья и свидетельствуют об их давних связях, связях Киева и Новгорода, обусловленных сношениями по великому водному пути «из варяг в греки».

Кривичи говорили на окающем диалекте, но близкое их соседство с дреговичами и радимичами обусловило раннее проникновение в язык кривичей аканья.

В диалекте кривичей имели место звуки, средние между «ц» и «ч», «с» и «ш», «з» и «ж», т. е. смешение шипящих и свистящих, сочетание «гл» и «кл», мягкое окончание глаголов 3-го лица настоящего времени, фрикативное «г» и билабиальное «в». В диалекте кривичей также имели место южные черты. Сближение между словенами и кривичами началось рано в связи с объединением их в борьбе с варягами в один племенной союз. Кривичи и их потомки колонизировали Заонежье до Поморья, дошли до Вологды и Вятки, до междуречья Оки и Волги, северной части Рязанской земли.

Особняком стоят владимиро-суздальские говоры, отличающиеся умеренным оканьем, произношением «ѣ» как «е» и другими чертами, отличающими их от северославянских говоров потомков кривичей и от диалектов словен, что дало возможность Ф. П. Филину признать их

остатками диалекта особого восточнославянского племени, название которого нам источники не сохранили.

Таковы были диалекты северорусской группы племен. Южнее длинной полосы тянутся среднерусские говоры. Здесь обитали летописные дреговичи, радимичи и вятичи, говорившие на особых племенных диалектах. У дреговичей произошло отвердение «р» и имела место мена «в» и «у». Такая же мена «в» и «у» отмечается в диалекте радимовичей, но отсутствует у вятичей. Сближение дреговичей, радимичей и вятичей началось очень давно. Оно привело к появлению яканья, особенно сильного на крайнем западе и крайнем востоке расселения среднерусов. В середине между этими диалектами сильного яканья расположены диссимилятивное и умеренное яканье и проникшее с юга диссимилятивное аканье и западное ыканье. Эти явления в речи среднерусских племен свидетельствуют о перерыве в начавшемся процессе сближения дреговичей, радимичей и вятичей, объясняемом, по-видимому, влиянием говора северян, разъединившим эти племенные диалекты. В языке вятичей имеется ряд черт, сближающих его с языками финских и яфетических народов Поволжья и Северного Кавказа. Аканье вятичей характерно для мордовского, марийского, чувашского и яфетических кавказских языков, сближает их и лексика («сорока» — головной убор и в том же значении «сурка» марийск., «суркан» чувашск., «сорка» мордовск.; «шабур» — верхняя суконная одежда и в том же значении «шобар» чувашск., «шобр» марийск. и др.; «кут» — угол дома и мордовск. «кудо» — дом, марийск. «кудо» — старый тип жилища, удмуртск. «куда» — вместилище и др.).

Что касается диалекта северян, то он был окающим, как и другие южные диалекты. Издавна тяготевшие не только к южнорусской, но и к среднерусской группе племен северяне на северо-востоке втянулись в среду среднерусов. Северское оканье было сменено аканьем, но с заменой ударяемого «а» звуком «ъ», а затем «ы». От потомков северян диссимилятивное аканье перешло в соседние среднерусские говоры. Язык потомков северян — «сиворян», «сіверян», «полисцев», диалекты «полешуков» Задесенья, «горюнов» и «северско-белоруссая говорка» характеризуются аканьем, отвердением «р» перед гласными, рядом архаических черт и несомненно представляют собой наречия переходного типа. Слово «изба», которое, по мнению А. А. Шахматова, имело место в лексике северянского племенного диалекта, о чем свидетельствует слово «yxba» в куманском (половецком) словаре, которое могло быть заимствовано половцами только у славянских племен лесостепной полосы Левобережья, т. е. у северян, так как на правом берегу, у полян, оно не встречается, ведет северянский диалект на север, где употребляется в лексике слово «изба», не известное древнерусскому югу.[91] А. А. Шахматов указывает и на то, что, вероятно, у северян Мономах взял слово «лошадь», также не известное на юге, где его заменяет слово «конь». Этот термин сближает северянский диалект с северорусскими наречиями и с яфетическим востоком.[92]

Позднее сближение диалектов вятичей, радимичей, дреговичей и северо-восточной части северян в период образования Великого княжества Литовского прерывается, и начинается формирование на основе дреговичских и отчасти кривичских, радимичских и северских говоров белорусского языка. Вместе с объединением русских земель под властью Москвы из части кривичских, словенских, владимирско-суздальских, вя-

тичских, части радимичских, северянских, полянских и древлянских диалектов, языковые элементы, которые проникают далеко на северо-восток, складывается великорусский язык.

Диалекты южных племен Древней Руси изучены слабее. Говоры полян и древлян сближаются, и результатом их дальнейшей эволюции является североукраинское наречие, сближающееся с русскими и белорусскими говорами и представляющее собой языковое явление переходного типа. Этот киевский говор в эпоху «империи Рюриковичей» превращается в общерусский язык, но Батыево нашествие прервало этот процесс, и после нового заселения Среднего Приднепровья людьми, пришедшими с запада, и возвратившимися назад обитателями опустевшего края киевский диалект превратился в окраинный, сохранив свои черты языка переходного типа. Никаких следов языка уличей и тиверцев до нас не дошло. Что касается червоннорусских диалектов, то они уже с XII—XIII вв. имеют украинизмы в фонетике и лексике, ярко проявляющиеся в Ипатьевской летописи.

Таким образом, хоть и с рядом локальных вариантов намечаются три древнейшие группы восточнославянских диалектов — северорусская, среднерусская и южнорусская.

Нам кажется, что это деление восточнославянских племен по языковому признаку на три группы не случайно и имеет глубокие корни.

Южнорусская группа и отчасти среднерусская в западной своей части (дреговичи) соответствуют племенам Среднего Приднепровья, Поднестровья и Прикарпатья. Здесь, как мы уже видели, схождение племен, отразившееся в памятниках материальной культуры в виде определенного их однообразия, началось ранее, чем на севере, а именно — еще в эпоху «полей погребальных урн», и привело к появлению в первые века новой эры южной ветви восточного славянства ранней, антской, ступени его формирования.

Среднерусская группа и отчасти севернорусы (часть кривичей) представляют собой те лесные отсталые восточнославянские племена, которые лишь в середине I тысячелетия н. э., испытав на себе влияние своих передовых соплеменников Среднего Приднепровья и продвинувшись на юг, слились с ними в единый восточнославянский, русский, этнический массив. И наконец, третья северорусская группа диалектов принадлежит племенам, развернувшим широкую колонизационную деятельность в слабо заселенных финскими этническими образованиями дремучих лесах северной полосы Восточной Европы.

В эпоху Киевского государства, а быть может и несколько ранее, начинается отмечаемое и археологами по вещественным памятникам, и лингвистами по данным языка схождение культуры, быта и одновременно диалектов.

И этот процесс привел и не мог не привести к созданию единого языка, хотя становление его и не закончилось. О причинах этого явления речь будет идти дальше.

Так вырисовывается в свете изысканий наших лингвистов картина развития древнерусских диалектов начальной стадии в истории древнерусского языка — «одного из самых сильных и самых богатых живых языков» (Фр. Энгельс).[93]

Как видно из всего изложенного, данные языка подтверждают в основных чертах предположения, высказанные в связи с анализом памятников материальной культуры.

И в заключение вопроса о древнерусских племенах несколько замечаний по поводу антропологического типа древних славян. Славянство сложилось на территории распространения различных расовых типов, и если обратиться к погребениям восточных славян IX—XI вв., то, естественно, пред нами выступят различные физические особенности населения одной и той же области. В славянских погребениях той поры находят черепа и брахикефалов, и долихокефалов, высоких и низкорослых людей и т. д. и т. п. Ни о какой единой расе восточных славян, конечно, не может быть и речи.

Уже в эпоху неолита и позднее на территории Европы наблюдается складывание северной, средиземноморской, альпийской и прочих современных рас, причем, что чрезвычайно характерно, наблюдается процесс брахикефализации. В Восточной Европе в III—II тысячелетиях до н. э. распространен длинноголовый европеоидный тип (кстати сказать, господствовавший в те времена далеко на востоке, в Сибири, вплоть до Западного Прибайкалья, и в Средней Азии). В это время и несколько позднее в лесах севера Восточной Европы наряду с длинноголовыми европеоидами появляются лапоноиды, расовые признаки которых выдают их смешанное европеоидно-монголоидное происхождение. Нет сомнения в том, что монголоиды в Восточной Европе проникают прежде всего на север, где и смешиваются с долихокефальным европеоидным населением. Это появление монголоидов в Восточной Европе началось давно, но так как оно было не следствием переселения мощных этнических массивов, а постепенным передвижением маленьких коллективов монголоидов на северо-запад и запад, двигавшихся по необозримым пространствам суровой северной тайги, вдоль берегов рек, в процессе которого они смешивались со столь же малочисленными этническими группами автохтонов европеоидов, то и растянулось оно на долгое время и проходило очень медленно. Позднее в расообразовании в Восточной Европе наблюдаются два характерных явления: 1) образование смешанных типов в области соприкосновения европеоидной и монголоидной рас и 2) длительное сохранение признаков долихокефалии. Славянское население Волыни, Древлянской земли, Северянского Левобережья, московских курганов, новгородских сопок и т. д. в основном сохраняет долихокефалию, и длинноголовый тип превалирует. Причем, как и следовало ожидать, и в славянских курганах брахикефализация на севере начинается ранее, но идет менее интенсивно и затягивается на более длительный срок, чем на юге. Это объясняется тем, что в лесных чащах севера монголоидный тип появился раньше, но внедрение его и перенесение его признаков на местное население шли гораздо медленнее, так как носители монголоидных черт привносились сюда в незначительном количестве.

На юге этот процесс начался позднее, но зато пошел более быстрыми темпами, так как здесь, на границе степи, монголоидные элементы массами непрерывно вторгались в гущу долихокефальных европеоидов, и скрещивание и смешение расовых признаков здесь шли быстро и интенсивно. Стоит вспомнить гуннов, болгар, авар, венгров и особенно печенегов, торков, половцев и их значение в жизни восточных славян. Вместе с брахикефализацией, по-видимому, шло распространение темноволосого и темноглазого типа. Казалось бы, подобному утверждению противоречит наличие среди населения Европы еще в эпоху верхнего палеолита брахи-

кефального типа и, наоборот, наличие в Малой Азии — долихокефального. На основании таких наблюдений антропологи высказали предположение о том, что брахикефализация происходила среди разных расовых типов и в различные эпохи, но причины этого явления остаются невыясненными. Таким образом, мне кажется необходимым признать, что брахикефализация в Восточной Европе уже в историческую эпоху объяснялась внедрением монголоидных элементов. Это отнюдь не исключает возможности брахикефализации и в силу имманентных причин, так же как и наличие брахикефального типа, хотя отнюдь не определяющего и не господствующего, формирующегося наряду с основным преобладающим долихокефальным европеоидным типом из общего протоевропейского типа, каким был кроманьонец, быть может, в его более древней, брюннпшедмостской стадии. Среди курганного славянского населения Восточной Европы встречаются представители различных рас. Долихокранные кривичи близки к северным долихокефалам, представителям северной расы, северяне и вятичи близки к средиземноморской расе. На западе нередки находки черепов с явными признаками балтийской расы, на юго-западе, к Карпатам, — альпийской расы.

Таким образом, тип первобытных славян не представлял антропологической цельности, и не только отдельные племена значительно отличались друг от друга, но даже каждое племя в отдельности состояло из помеси разнородных расовых типов.[94] Арабы и византийцы, сталкивавшиеся с восточными славянами, оставили нам свои описания внешнего вида «руссов». Они рыжеватые, румяные, с русыми волосами (абу-Мансур, Ибн-Фадлан), «крепкие телом» (Казвини), «ростом высоки, красивы собой» (Ибн-Даста, или Ибн-Росте), крепко сложенные, с голубыми глазами (описание Святослава у Льва Диакона), «рыжи», с «совершенными членами», уподобляющими их «пальмовым деревьям» (Ибн-Фадлан). В представлении арабов «сакалиба», т. е. славяне, это — вообще светловолосые люди, и даже светловолосых представителей неславянских племен они называют «сакалибами». Арабский термин «сакалиб» означает светловолосого, русого человека вообще и славянина — в частности. Таким образом, русоволосость в представлении арабов была типичным признаком славян.

Русы бреют бороды (Лев Диакон, Ибн-Хаукаль), красят их желтой или черной краской (Аль-Джайгани, Ибн-Хаукаль) или свивают (Ибн-Хаукаль), татуируются (Ибн-Фадлан), стригут или бреют голову, оставляя на одной стороне чуб (Лев Диакон, Аль-Джайгани). Так описывают арабы и византийцы тех русов, которых им пришлось видеть далеко за пределами их родины. В данном случае речь идет, очевидно, о господствующей дружинной и купеческой прослойке «русов», среди которой несомненно были норманские, варяжские элементы, а не о сельском населении Древней Руси. Обычай красить или брить бороды, брить головы, отпускать чуб, татуироваться был распространен среди господствующих слоев Руси, а не среди основной массы населения.[95]

К сожалению, обычаи, господствовавшие среди сельского люда, «людья», «простой чади» Киевской Руси, придававшие их внешнему виду определенные черты, нам неизвестны.

В русских миниатюрах и фресках тоже господствует русоволосый, сероглазый тип, описанный в летописи.

Говоря о распространении темноволосых и темноглазых, светловолосых и светлоглазых элементов среди древнерусского населения и учитывая исторические условия и современное распространение обоих типов, следует отметить локализацию первого типа на юге и юго-западе, а второго — на северо-западе, севере и северо-востоке и постепенное усиление и распространение первого.

Антропологические данные по восточным славянам еще очень слабо изучены и в вопросах формирования восточнославянских племен не могут учитываться как определяющие. Из одного и того же долихокефального европеоидного расового типа в Восточной Европе сложились и славянские, и финские племена. Но обходить молчанием чрезвычайно интересные материалы антропологии нельзя, так как история народов есть не только вопрос развития быта, культуры и языка, но и вопрос истории формирования и эволюции физического типа. Мне кажется, что и проблема расообразования, возникновения и развития расовых типов, должна подвергнуться такому же коренному пересмотру, как и проблема глоттогонии. Не совпадая во времени, в пространстве, в отношении к определенным человеческим коллективам, но подчиняясь одним законам, развитие расовых типов, как и развитие языков, идет от дробности к единству. Хотя в глубокой древности расовых типов было, быть может, меньше, но расовые признаки при сравнительно редких столкновениях малочисленных коллективов первобытных людей, а следовательно — при редких смешениях, были более устойчивыми. С ростом населения и расселением человечества дробность расовых признаков усиливается. По мере дальнейшего развития человечества и роста населения, по мере развития производственных отношений связи отдельных групп человечества усиливаются. Усиливаются смешения и скрещения. Появляются новые средние расовые типы. Конвергентным путем возникают новые признаки. Границы между расовыми типами стираются. Происходит диффузия физического типа.

Не напоминает ли этот процесс глоттогонии, хотя совпадение расы и языка в действительности не наблюдается?

По существу, это процессы одного порядка, хотя один обусловлен биологическими (хотя не только ими одними), а другой — социальными факторами.

На этом мы заканчиваем рассмотрение восточнославянских племен дописьменной поры и времен Киевского государства.

Конечно, все это еще недостаточно аргументировано, все еще шатко, все нуждается в доработке и является лишь более или менее обоснованной, продуманной гипотезой, как это заявляют сами наши археологи и лингвисты, но даже и в таком еще рабочем состоянии изложенные нами взгляды могут помочь каждому нашему слушателю, каждому читателю, интересующемуся далеким прошлым своей страны, своего народа, разобраться в древнейших судьбах Русской земли, в древнейшей истории великого народа русского.

Глава IV

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

До IX—X вв. на огромной территории Восточной Европы еще сохраняются первобытно-общинные отношения, патриархально-родовой строй. Лишь в Среднем Приднепровье еще в период антов началось разложение первобытно-общинных отношений и славянские племена вступают в высшую стадию варварства — эпоху «военной демократии». Но и здесь передвижения антов на юго-запад, в пределы Византийской империи, вторжения кочевников, переселения с севера отсталых лесных славянских племен, опустошившие, обезлюдившие Среднее Приднепровье и отбросившие его назад, привели к тому, что этот древний славянский край в IX—X вв. снова переживает эпоху «военной демократии», эффектную и яркую, и дает начало Русскому, Киевскому государству, варварскому государству в период генезиса феодализма, государству полупатриархальной-полуфеодальной Руси героического периода, Руси былинных богатырей, Днепра-Славутича, Руси Владимира «Красное Солнышко», «готической» Руси эпохи «славного варварства» (К. Маркс).

Как же на обломках первобытно-общинного строя выросла феодальная Русь?

В своей работе «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталин указывает, что «история развития общества есть прежде всего история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей».

«Значит, историческая наука, если она хочет быть действительно наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям „завоевателей“ и „покорителей“ государств, а должна прежде всего заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов. Значит, ключ к изучению законов истории общества нужно искать не в головах людей, не во взглядах и идеях общества, а в способе производства, практикуемом обществом в каждый данный исторический период, — в экономике общества.

Значит, первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества».

И далее И. В. Сталин подчеркивает: «Вторая особенность производства состоит в том, что его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства».[1]

Поставим своей задачей показать, как в результате развития производительных сил разлагается патриархально-родовой строй и первобытно-общинный способ производства уступает свое место феодальному способу производства.

Так как основой экономики древнерусских племен было земледелие, то и смену общественных, производственных отношений мы должны искать прежде всего в развитии производительных сил, точнее, в развитии земледелия, что прежде всего должно отразиться в росте и развитии земледельческой техники, в развитии новых, более совершенных форм земледелия, в прогрессе и развитии сельскохозяйственных орудий.

В истории Древней Руси VIII—X вв. характеризуются тем, что медленно нараставший ранее процесс разложения первобытно-общинного способа производства, с патриархальным строем, большими семьями — семейными общинами, с коллективной обработкой земли, со слабо проявляющимся общественным разделением труда, отсутствием сколько-нибудь существенного имущественного расслоения, идет все быстрее и интенсивней, пока, наконец, в IX—XI вв. в основных, ведущих, наиболее передовых центрах и областях Руси не складывается феодальный способ производства. Процесс генезиса феодализма растягивается на несколько столетий и идет далеко не равномерно, и, когда феодальный Киев насчитывал уже много столетий, в это время в землях вятичей, в Пинском Полесье, в земле дреговичей еще сохранялись устои родового строя.

Как и всякий переходный период в истории общественного развития, VIII—X вв. в истории Древней Руси были тем отрезком времени, в течение которого, с одной стороны, еще сохранялись общественные формы, свойственные родовому строю с присущими ему производственными отношениями, бытом, культурой, идеологией, с другой — росли и бурно развивались общественные формы, свойственные нарождающемуся феодализму, причем вторые повелительно вытесняли и устраняли первые, сохранявшиеся с течением времени лишь в пережиточной форме в быту, обрядности, поверьях, как реликты давно прошедшей поры, да и то все чаще и чаще лишь в областях, удаленных от ведущих, передовых центров Руси, отстоящих вдали от столбовых дорог исторического развития. Естественно поэтому, что мы, с одной стороны, привлекаем памятники материальной и духовной культуры Древней Руси VIII—X вв. для характеристики первобытно-общинного строя, родового быта, хотя и в стадии своего разложения, а с другой — оперируем материалами археологическими и отчасти немногочисленными письменными источниками и данными языка той же эпохи для раскрытия путей зарождения феодализма.

Генезис феодализма — не одноактное действие, а длительный процесс, сложный и многообразный. Здесь нет места статике, все в динамике, все в развитии. Здесь на обломках старого возникает новое, опутанное нитями старого, отживающего, цепкими еще, но обреченными.

Чем же характерна эпоха разложения первобытно-общинного строя?

На начальной ее стадии по-прежнему еще сохраняются старые большесемейные городища, о которых речь была выше.

Типичным для этой эпохи является городище «Монастырище», расположенное на правом берегу реки Ромны у впадения ее в Сулу. Отсюда и произошло название подобных городищ — городища роменского типа. Городище «Монастырище» расположено на косе, омываемой с двух сторон рекой. Со стороны суши оно ограждено рвом и валом, а дальше тянется представляющее собой естественную защиту непроходимое болото. В древности это болото, быть может, было единственной защитой от нападения с суши, так как вал более позднего происхождения. Размер городища 75×44 метра. Площадь городища испещрена землянками неправильной прямоугольной формы размерами 4,25×3,70, 5,1× 4,15, 5×4,5 метра и т. п., причем сами землянки расположены очень скученно, на расстоянии от 1,3 до 3,2 метра друг от друга. Внутри землянок находятся глинобитные печи в форме купола с отверстием наверху для выхода дыма и входом сбоку. Перед печами — ямы, вырытые для удобства, так как в противном случае небольшая высота землянок не давала бы возможности выпрямиться работающему у печи человеку. Гнезда от столбов, расположенные лишь с одной стороны землянки, говорят о наличии односкатной крыши. Некоторые землянки не имеют пола и вообще ничего, кроме печи, другие же имеют подмостки перед печью и нечто вроде платформы, третьи — платформу для печи, пол и прилавки по стенам. Своеобразные платформы для сиденья и лежанья расположены иногда по стенам, иногда у печи. Землянка «В» размером 5×4,15 метра представляет большой интерес. Пол ее — казалось бы, сплошной хаос ям, но в этих ямах были обнаружены конусы из необожженной глины, масса глиняной посуды, куски глины, приготовленной для каких-то поделок, что дало возможность раскопавшему городище «Монастырище» Н. Макаренко определить ее как землянку гончара. Керамика «Монастырища» грубая, из плохой глины, смешанной с просом, представлена главным образом горшками и специфическими сковородками, сделанными руками, без гончарного круга. Узор — узлами, полуваликами, ровчиками, ямками, гребнем. Ямочно-гребенчатая орнаментика посуды городищ роменского типа свидетельствует о глубокой ее архаичности и ведет на север, в лесную полосу. Культура городища «Монастырище» и других городищ роменского типа вообще очень архаична и характеризуется костяными изделиями (шила, ложки и др.) и сравнительно небольшим количеством грубых железных изделий (ножики, долотца и др.). Меди и бронзы не обнаружено. На площади городища «Монастырище» располагалось 20—25 землянок, представлявших собой жилища отдельных брачных пар, состоявших из отца, матери и детей. Численность населения всего поселка определяется в 70—80 человек всех полов и возрастов. Исходя из этого мы можем определить городище «Монастырище» и ему подобные как поселение семейной общины такого же типа, как и славянские поселения середины I тысячелетия н. э.

У землянок располагались ямы для хранения пищевых продуктов: проса, являвшегося, очевидно, основным культивируемым злаком, мяса (в одной яме найдена масса костей козы), рыбы. Большое значение имело скотоводство. Об этом говорит громадное количество костей домашних животных: лошадей (сравнительно немного) и главным образом рогатого скота, свиней и собак. Большую роль играла охота и рыбная ловля, представленные костными остатками диких животных, птиц и рыб.

Остеологический материал городищ роменского типа свидетельствует о том, что скот применялся в VIII—IX вв. как рабочая сила в значительно меньших размерах, нежели в IX—XI вв. Костей животных много, но это остатки животных, служивших для пищи, а не для использования их как рабочей силы. Это главным образом кости быков, коров, овец, коз, свиней; лошадиных костей немного.

Ибн-Росте (Ибн-Даста) пишет о славянах Восточной Европы: «...рабочего скота у них мало, а верховых лошадей имеет только один упомянутый человек» (речь идет о князе. — *В. М.*). «Разведением свиней занимаются они, равно как другие овцеводством». Гардизи сообщает также, что «лошадей у них мало». О покупке русскими лошадей у печенегов говорит Константин Багрянородный. Все это свидетельствует о том, что в жизни славянских племен лесостепной полосы лошадь еще не заняла того места, которое она займет позднее.

Лошадь в тот период времени, да и отчасти позднее, была не столько рабочим скотом и не столько принадлежностью дружинника, сколько животным, дающим мясо, молоко и шкуру. Принадлежностью дружинника она была уже и в то время, но эта роль закрепилась за ней окончательно лишь позднее, в IX—XI вв., в эпоху генезиса феодального общества. Даже в остеологических остатках IX—X вв. находили кости съеденных лошадей. Об этом же говорят и письменные источники: стоит только привести характеристику летописцем Святослава и описание его зимовки в Белобережье.

Тот же Ибн-Росте, писавший о славянах в начале X в., говорит: «Хлеб, наиболее ими возделываемый, — просо. В пору жатвы кладут они просяные зерна в ковш, поднимают его к небу и говорят: „Господи, ты, который даешь нам пищу, снабди теперь ею нас в полной мере“. Персидский географ X в. также сообщает, что славяне «живут среди лесов и не имеют пашен, кроме проса».

Мусульманские писатели несомненно преувеличивали значение проса, являвшегося, по их свидетельству, чуть ли не единственным возделываемым славянами злаком, но мы уже видели, что археологическими раскопками установлена большая роль проса в земледелии славянского населения городищ роменского типа.[2]

Земледелие хотя и играло большую роль в экономике населения городищ роменского типа, но не успело стать решающей отраслью хозяйственной жизни. Примитивность земледелия приводила к тому, что скотоводство, охота, рыбная ловля и лесной промысел — бортничество, собирание ягод и грибов имели весьма существенное значение и были серьезным подспорьем в жизни славян. В некоторых районах Древней Руси эти второстепенные отрасли хозяйственной деятельности, как это мы увидим далее, играли еще большую, быть может даже решающую, роль. Еще в X в. в «Книге драгоценных драгоценностей» Ибн-Росте отмечает большую роль бортничества у славян, которые занимаются сбором меда пчел из деревянных «улилщ».[3] В VIII—IX вв. земледелие не было столь совершенным, как позднее, и общий уровень материальной жизни восточных славян был не очень высок, что дало возможность Гардизи заявить, что «их средства к жизни не очень обильны».

В славянских языках наряду с древнейшей земледельческой терминологией имеется ряд общих терминов, относящихся к скотоводству и сви-

детельствующих о большем значении последнего в отдаленные времена. Такие названия домашних животных, как бык, вол, свинья, баран, овца, ягненок, теленок, очень древнего происхождения и общи всем славянским языкам. Сюда же относятся термины бортничества, как то: «пчела», «трутень», «улей» и др., а также ряд названий диких животных: «тур», «бобр», «вепрь», «олень» и т. д. и терминов, относящихся к охоте и рыбной ловле («ловити», «сеть», «невод» и др.), еще более древних, чем земледельческие.[4]

Городища роменского типа расположены и за пределами Полтавщины. Они обнаружены у Калядина близ Сосницы на Черниговщине, у Лопасни на реке Ипути, между Мглином и Сурожем. Эти городища, раскопанные Гатцуком, связаны им, с нашей точки зрения совершенно правильно, с городищами дьякова типа. У Сосницы же расположены городища «Замок», Буромка и Будлязское. Такого же типа городища «Крейслице» у Сум, Медвежское, Вашкевичи, Глинское на Суле и ряд других, мало или вовсе не исследованных, разбросанных на территории Днепровского Левобережья.[5]

Поселения, примыкающие к роменским городищам, отражающие быт славян эпохи первобытно-общинного строя, распространены и далее к северу. Я имею в виду Волокитинское городище Глуховского района Сумской области, Белогорское городище у Суджи Курской области, Ратское (или Ратманское) городище у Курска, характеризуемые в нижних слоях вещами дьякова типа и соответствующим бытом населения. Городища у села Гнездилова и деревни Липиной близ Курска в нижних слоях также датируются VIII—IX вв. Население их жило в хижинах-мазанках из хвороста и землянках. Найденные жернова указывают на земледелие, кости домашних и диких животных и рыб — на скотоводство, охоту и рыбную ловлю. Особенный интерес представляет Липинское городище, стоящее в 20 километрах от Курска. Древнейшие слои его характеризуются материальной культурой городищ дьякова типа, в то время как более поздние слои дают улучшенную раннеславянскую керамику, и, наконец, оно превращается в типичное городище так называемой «великокняжеской поры». Следует отметить также и то обстоятельство, что городища дьякова типа и раннеславянские городища, характеризуемые в нижних слоях вещами типа дьяковских городищ, приближаются к Северной Черниговщине, идя по лесной полосе к Брянску, вытягиваясь узкой полосой по направлению на юго-запад от основного своего центра. Большой интерес вызывают раскопки последних лет, проведенные Б. А. Рыбаковым на Гоческом городище Беловского района Курской области. На городище, приписываемом радимичам и датируемом X—XII вв., ему удалось обнаружить древнеславянские слои VII—X вв., характеризуемые наличием землянок, остатками грубой, лепленной от руки керамики, редкими железными изделиями и орудиями из кости.[6]

В это время продолжают существовать так называемые «болотные городища». Остатки свайных построек и находки отдельных вещей раннеславянского типа, обнаруживаемые на болотах как ныне высохших, так и по сию пору опасных для ходьбы, свидетельствуют о том, что обычай селиться на болотах, отмеченный еще Маврикием и Иорданом, продолжает существовать. О проживании славян у болот сообщает и Аль-Бекри.[7]

Такого же рода городища расположены на территории Смоленской области и в Белоруссии. Типичным для Смоленщины является Ковшаровское городище Смоленского района, нижние слои которого, датируемые VI—VIII вв., содержат в себе лепную керамику, костяные орудия и т. д., для Белоруссии — Банцеровское городище, где в культурных слоях VI—VIII вв. с лепной керамикой и костяными орудиями обнаружены зерна проса, пшеницы, гороха, вики, конских бобов. Такого же характера древнее городище на правом берегу Полоты, у впадения ее в Западную Двину, датируемое VIII—IX вв., с тем же характерным ивентарем.[8]

К городищам Смоленщины, Белоруссии и Днепровского Левобережья примыкает и Староладожское городище, нижний слой которого, относящийся к VIII—IX вв., содержит лепленную от руки керамику раннеславянского типа.[9]

К концу рассматриваемого нами периода, периода распада первобытно-общинных отношений, относятся городища типа Борщевского, расположенного на среднем течении Дона у Воронежа. В отличие от городищ роменского типа («Монастырище» и др.) и близких к ним, от древних славянских поселений, небольших и хорошо укрепленных, напоминающих еще более древние дьяковы городища, Борщевское городище характеризуется прежде всего своими размерами. Оно стоит на правом берегу Дона. Размеры его до 180 метров в длину и 35 в ширину. Его окружает обширное селище. Вся площадь городища покрыта землянками размерами в 12—18 кв. метров. Стены землянок обложены тонкими бревнами или досками. По углам следы от столбов, на которых держалась двускатная крыша. На такую форму крыши указывает ряд средних столбов, на которых, по-видимому, укреплялась матица двускатной крыши. В наиболее крупной землянке размером $4 \times 4{,}5$ метра, помещающейся в центре городища, на самом возвышенном месте, найдена обложенная камнями небольшая глинобитная печь. В остальных помещениях — в более крупных обнаружены небольшие печи-каменки, в маленьких — лишь следы очага в виде круглого углубления в полу.

Часть землянок соединена в группы посредством крытых переходов и представляет собой единый жилой и хозяйственный комплекс — поселение большой семьи, семейной общины. Такого же рода жилые комплексы с ходами известны из описания Маврикием жилищ славян и антов.

Около каждой группы землянок расположены хозяйственные постройки: навесы для скота, навесы над кладовыми, ямы-погреба для хранения пищи: зерна, рыбы и т. п.

Находки ручных жерновов, зерновых ям и обгорелых зерен проса говорят о земледелии, кости коровы, свиньи, лошади, верблюда — о скотоводстве, кости диких животных — об охоте, но огромное количество костей рыб в ямах-погребах для хранения пищевых запасов заставило раскопавшего Борщевское городище П. П. Ефименко сделать вывод о решающей роли рыболовства и охоты в хозяйственной деятельности обитателей Борщевского городища.

Быт их очень примитивен. Металлических изделий очень мало, зато много орудий и украшений из кости. Керамика — лепленная от руки. Все это сближает Борщевское городище с городищами дьякова типа.

Борщевское городище датируется IX—X вв. П. П. Ефименко указывает: «Открытые нами жилища имеют вид не отдельных жилых помещений,

а целого улья помещений, лежащих одно возле другого. Эти обширные сооружения, дававшие приют не одной сотне человек, запечатлевают картину настоящего общинно-родового хозяйственного гнезда». Рядом с Борщевским городищем расположен обширный курганный могильник. В курганах были обнаружены погребальные камеры в виде ящиков или срубов, имитирующих древний «домик мертвых» В ящиках или срубах находились сосуды с остатками сожжений. Таким образом, перед нами — коллективные захоронения в семейных склепах, что также говорит о патриархальных отношениях первобытной общины. Курганы окружены кольцевой оградой из вертикально поставленных дубовых плах — кромлехами. Кромлехи, как было указано уже ранее, широко распространены у славян и встречаются на Оке и на левом берегу Днепра. Они связаны с культом солнца.

Славянские городища типа Борщевского обнаружены и в других местах по среднему течению Дона у Воронежа (у Шилова, в черте самого Воронежа у Чижовки, у Кузнецовой дачи, Михайловского кордона, на Белой Горе, у села Чертовицкого, и далее по Дону, у Голышевки и Костенок). По мнению П. П. Ефименко, «это было население многолюдное, судя по большому количеству укрепленных пунктов и селищ, державшееся глухих лесных и болотистых просторов более северной части бывш. Воронежской губ.».

Борщевское городище — не поселение одной большой семейной общины в 30—40—50—70 человек, какими были рассмотренные нами выше славянские городища VII—IX вв. Оно представляет собой место поселения группы семейных общин, причем жилищем такой патриархальной семье служил комплекс связанных крытыми ходами землянок. Само же городище было местом обитания территориальной общины, состоявшей из многих патриархальных семей. Разраставшееся у городища открытое селище также свидетельствует о территориальной общине.[10]

Необходимо заметить, что Борщевское городище было расположено на окраине Русской земли, в глухом месте, где процесс распада первобытно-общинных отношений шел замедленным темпом. В Среднем Приднепровье он протекал гораздо быстрее.

Жилищем южной и юго-восточной группы русских племен служила землянка. Землянки встречаются на всем огромном пространстве левобережья Днепра, по Оке и Дону. В своем сочинении «Книга драгоценных драгоценностей» Ибн-Росте пишет:

«В земле славян холод бывает до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, который покрывает деревянною остроконечною крышею, каким видим у христианских церквей; и на крышу эту накладывает земли. В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв несколько дров и камней, раскаляют последние на огне докрасна, когда же раскалятся камни до высшей степени, поливают их водой, отчего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что снимают уже одежду. В таком жилье остаются до самой весны».[11]

До сих пор считалось, что Ибн-Росте смешал баню с жильем, но П. Н. Третьяков пришел к выводу, что Ибн-Росте отнюдь не путал дом с баней. В известном нам уже городище IV—V вв. по реке Сонохте очаг в домах имел вид кучи дикого камня. Зимой, чтобы нагреть помещения, на камнях разводился костер, а затем камни обдавали водой, согревая жили-

ще паром. При частом обливании водой камни трескались и их выбрасывали в кучу у дома, у изгороди. Поэтому здесь накопились большие кучи расколотого камня, дресвы, золы и угля.[12]

Жилищем северной и западной частей русских племен служил деревянный наземный дом, известный по раскопкам в Белоруссии, в верховьях Волги и Днепра, на Волхове, у Новгорода и в других местах лесной полосы Восточной Европы. В этот период времени ремесло, слабо развитое и дошедшее до нас в виде примитивных и однообразных орудий труда и изделий, среди которых немало встречается еще поделок из кости, не отделилось от сельского хозяйства и носило домашний характер. Каждое городище представляет собой самодовлеющий замкнутый хозяйственный мирок. Население его занимается всеми необходимыми видами производства. Почти в каждом городище производится лепленная от руки посуда, выделываются костяные орудия и украшения, производятся деревянные предметы обихода, одежда, обувь и т. д. Во многих городищах найдены сыродутные печи для выделки железа, льячки и тигли для выплавки меди и бронзы и т. п.

Обмен развит слабо. Торговля скользит по поверхности, не задевая основ первобытно-общинного строя. Бедность, однообразие и отсутствие дифференциации в инвентаре городищ и погребений свидетельствуют, в свою очередь, о слабой имущественной дифференциации и относительном равенстве всех членов патриархальной семьи, рода, племени. Брачные пары еще не превратились в различные по экономической мощности семьи — грозный признак распада родового строя. Имущественное неравенство, развивающееся вслед за разделением труда, еще не потрясло основ первобытно-общинного строя. К. Маркс указывает на роль разделения труда в первобытной общине: «Первая форма собственности, это племенная собственность. Она соответствует неразвитой стадии производства, на которой народ живет охотой и рыболовством, скотоводством или, в лучшем случае, земледелием. В последнем случае она предполагает огромную массу еще не освоенной земли. На этой стадии разделение труда развито еще очень слабо и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье естественно возникшего разделения труда».[13]

Так рисуются нам последние годы патриархально-родового строя, последний этап первобытно-общинных отношений по археологическим данным.

Переходя к письменным источникам, мы естественно должны учесть то обстоятельство, что само появление последних относится ко времени возникновения феодализма и государства.

Летопись вспоминает о том времени, когда славянские племена Восточной Европы «жили ... особе и володеющим роды своими», «...живяху кождо с своим родом, и на своих местах», «...владеюще кождо родом своим», «...княжеше в роде своем».[14] Здесь «род» несомненно выступает как форма общественной жизни древних славян. Но летописец плохо представляет себе, когда это было и как выглядела жизнь русских племен «особе», «кождо с своим родом». Группы городищ, каждое из которых представляет собой поселение семейной патриархальной общины, являющиеся местом обитания рода, датируемые археологами временем не позднее VII—VIII вв., а то и более ранними, — следы эпохи реального существования родов.

Но ко времени летописца род в громадном большинстве восточнославянских земель исчезает. Судя по контексту летописных известий о роде, по «Русской Правде» и свидетельствам позднейших «житий», род — нечто туманное, неопределенное, и сам термин «род» употребляется в самом различном смысле. «Род» — княжеская династия («вы неста князья, ни рода княжа...», — говорит Олег Аскольду и Диру), народ («мы от рода Рускаго...», — так начинается текст договора Олега с Византией), родственники (Святослав берет дань на убитых, говоря: «яко род его возметь»), родственник («избрашася три братья с роды своими...», где род — родственник), соотечественники («да придете к нам, к родам своим», — говорит Олег Аскольду и Диру) и т. п. Такая расплывчатость термина свидетельствует о том, что былое его значение забылось, растворилось, стало аморфным, а сам термин «род» стал покрывать различные общие и частные понятия.

Но пережитки патриархально-родового строя еще очень сильны. Об этом свидетельствует первая статья «Русской Правды», говорящая о кровной мести, и постепенное ее исчезновение, прослеживаемое по «Русской Правде», свидетельствует о падении пережитков родовых отношений. Сравнительно узкий круг родственников, имеющих право кровной мести (отец за сына; сын за отца; брат за брата, за дядю, брата отца, и за дядю, брата матери; мстят племянники и наоборот), тоже говорит о распаде древних родовых отношений. Между тем термины родства, сохранившиеся в восточнославянских языках и говорящие о патриархальном строе семьи, очень многочисленны (отец, тата, тятя, матерь, мати, сын, дочь, брат, сестра, стрый, свекр, свекровь, деверь, золовка, ятровь, невестка, сноха, жена). Интересно отметить, что терминов, обозначающих родственников по женской линии, мало («уй» — брат матери, «нетий» — сын сестры), так же как и общих для той и другой линии родства (племянник — от «племя»).[15]

В старинных обычаях, связанных с семейным бытом, в похоронных и свадебных обрядах, в песнях и сказках, в фольклоре, в обычном семейном праве, сохранившихся как реликт седой древности в глухих уголках России, Украины и Белоруссии и записанных в XIX и XX вв., можно проследить остатки матриархальных родовых отношений. Гражданский развод по инициативе жены («прочкы» и «разлучины»), свадебные обычаи, в которых главную роль играют женщины, былины о богатыршах-«полянищах» и др. говорят о пережитках давно исчезнувшего еще до времен летописи материнского рода. Но следы этой древнейшей родовой организации еще долгое время продолжают сохраняться.

Патриархальный строй продолжает господствовать. Убийство и самоубийство жен на могиле мужа, о которых говорил еще Маврикий, засвидетельствованное Аль-Джайгани, Ибн-Фадланом, Ибн-Росте, Масуди и другими восточными авторами и данными многочисленных археологических раскопок (в данном случае речь идет о женах богатых и знатных «русов», женах-наложницах, а не о «водимых»), многоженство (северяне, радимичи и вятичи, по летописи, имеют по две и по три жены; по нескольку «водимых» жен имели Ярополк, Владимир, об этом же обычае говорят Ибрагим Ибн-Якуб и мних Иоанн, последний сообщает, что даже в конце XI в. многие «без стыда и без срама две жене имеют»), подчиненное положение жены в семье, верность жены мужу и т. п. — все это гово-

рит о патриархальном строе семьи. Нужно отметить, что и многоженство, и обычай умерщвления жен на могиле мужа — все это свидетельствует о сохранении еще домоногамных отношений, характеризует обычаи, господствовавшие не у рядовых общинников, а у выделившейся родоплеменной, дружинной и торговой правящей знати.

В рядовых могилах этого времени мы не встречаем сопроводительных погребений.

Позднее положение женщины в семье меняется. В эпоху зарождения русского государства за ней признается право на имущество, за ее убийство полагается «вира», как и за убийство мужчины, после мужа — она глава семьи, и ее участие в семейных делах и ее влияние очень велики.

Что касается поверий, религиозных представлений, обрядов, фольклора и т. п., то в них пережитки патриархального родового строя сохраняются еще очень длительное время.

Если родовая организация как форма общественной жизни к концу рассматриваемого нами периода исчезает, то гораздо прочнее и живучее оказывается большесемейная организация. Семейные, патриархальные общины сохраняются еще очень долгое время. Эти последние, выросши в рамках родового строя, распадаются на малые семьи, превращающиеся в экономически самостоятельные единицы, разлагаются и исчезают или приобретают новую форму, объединяясь в территориальных, сельских общинах и существуя длительное время в составе поземельных общин наряду с моногамными, малыми семьями, и в таком виде, приспособившись к феодальным формам господства и подчинения, при некоторых благоприятных условиях доживают в России до пореформенных времен; и эти последние остатки древней общественной жизни приходится ликвидировать не феодализму, а капитализму. Об этом говорят исследования М. Ковалевского, Д. Самоквасова и А. Ефименко.[16]

Работы Ф. Леонтовича и М. Ковалевского указали на наличие семейной общины в Древней Руси.

Фр. Энгельс по этому поводу замечает: «С патриархальной семьей мы вступаем в область писаной истории, т. е. в ту область, где сравнительное правоведение может оказать нам существенную помощь. И действительно, оно привело здесь к значительному шагу вперед. Мы обязаны Максиму Ковалевскому («Tableau etc. de la famille et de la proprieté». *Stockholm, 1890. С. 60—100) доказательством того, что патриархальная домашняя община в том виде, в каком мы встречаем ее еще и поныне в Сербии и Болгарии под названием „задруга“ (можно перевести словом «содружество») или „братство“ и в видоизмененной форме у восточных народов, явилась переходной ступенью от возникшей из группового брака и основанной на материнском праве семьи к индивидуальной семье современного мира...

Югославянская задруга представляет собой наилучший живой образец такой семейной общины. Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина (домачина), который представляет ее вовне, имеет право отчуждать более мелкие предметы, ведет кассу и несет ответственность как за нее, так и за правильный ход всего хозяйства. Он из-

бирается и не обязательно должен быть старейшим из членов общины. Женщины и их работы подчинены руководству домохозяйки (домачица), которой обыкновенно бывает жена домачина. Она также играет важную, часто решающую роль при выборе мужей для девушек общины. Но высшая власть в общине сосредоточена в семейном совете, в собрании всех взрослых членов, как женщин, так и мужчин. Перед этим собранием отчитывается домохозяин; оно принимает окончательные решения, чинит суд над членами, выносит постановления о более значительных покупках и продажах, а именно — земли и т. п.

Только около десяти лет тому назад доказано существование таких больших семейных общин и в России; они теперь признаются всеми столь же глубоко коренящимися в русских народных обычаях, как и сельская община. Они упоминаются в древнейшем русском своде законов, в „Правде“ Ярослава под тем же названием (вервь), как и в далматских законах; их можно также найти в польских и чешских исторических источниках».[17]

Мы уже видели на материалах городищ и могильников древнерусскую семейную общину. В те далекие времена она была основой общественной жизни, начальной клеточкой социального организма.

Маленькое городище с несколькими землянками или наземными домами, служившими жилищами для нескольких десятков человек близких родственников, коллективное хозяйство, основанное на общности владений и коллективном труде при помощи примитивных орудий труда, отсутствие имущественного расслоения, однообразие, бедность — так характеризуют семейные общины археологические материалы.

Семейная община не исчезает на Руси после появления письменности. Она известна «Русской Правде» под названием «вервь», ее знает в XV—XVII вв. русский север под именем «печищ», а украинский и белорусский запад под названием «дворищ». В горных селениях Червонной и Угорской Руси и сейчас еще среди карпато-русин часто встречаются семейные общины в 20—25 человек, управляющиеся «газдой», или «завидцем», и именуемые «газдивствами». Еще больше они были распространены в XIX—XVIII вв. и ранее, во времена славных опришков Олексы Довбуша и Яносика Литмановского, во времена Богдана Хмельницкого и Мухи. Семейная община встречается в актах Левобережной Украины XVII в. и в знаменитой Румянцевской описи. Последние следы ее зарегистрированы наблюдателями в отдельных местах России даже в начале второй половины XIX в.

Семейная община состоит не только из ближайших родственников. В нее входят и принятые со стороны свободные люди, что имело место, как выше указывалось, еще во времена антов. В нее входит «челядь» — рабы и слуги, если речь идет о больших богатых семьях, положение которых в патриархальной семье типа римской «familia», по сути дела, мало чем отличается от положения младших ее членов, и не случайно «Златоструй» (XII в.), «Житие Нифонта» (XIII в.) и «Пролог» (XV в.) употребляют термины «семья» и «челядь» как синонимы. Еще в XV в. «челядо» обозначает «сын». В древнейшие времена «вервь» несомненно обозначала союз, основанный на кровно-родственных связях. А. Е. Пресняков указывает: «Этимологически слово „вервь“ указывает на кровную, родственную связь. Оно означает эту связь подобно тому, как термин „linea“ —

вервь на Западе (французское lignage — родство). Такой смысл имеет слово „вервь“ в южно- и западнославянских языках, рядом с „ужа“ («ужики», «ближники» — родственники). „Врвные братья“ у хорватов («Полицкий Статут») — члены кровно-родственной группы, которая связана и экономически, делят земельные угодья по врви — линиям родства по отцу».[18]

А. Е. Пресняков, правда, считает, что «„вервь“ „Русской Правды“ уже территориальный, соседский, а не кровный союз», тогда как семейные общины в Древней Руси не имели специального названия, а именовались «род», «племя».[19]

С. В. Юшков, разбирая данные о верви, приходит к выводу, что под этим термином скрывается существовавшая на Руси семейная община.

Обычные аргументы, приводимые в доказательство того, что вервь является сельской общиной, сводятся к отрицанию возможности сочетания индивидуальных вкладов и индивидуальной ответственности членов верви в случае, если они не вложатся в дикую виру с коллективным хозяйством и имуществом семейной общины.[20]

Но вервь «Русской Правды» — это семейная община в стадии разложения, разрушения, семейная община, распадающаяся на отдельные малые семьи и патриархальные семьи типа «дворищ» и «печищ», вырастающие из разросшихся малых семей. В составе таких распадающихся больших семей обособляются отдельные семьи с индивидуальным хозяйством, несущие начало конца древним кровно-родственным и экономическим связям. Наиболее богатые семьи, обособлявшиеся от семейной общины, не вкладываются в дикую виру, так как коллективизм имущества, собственности, как и коллективная ответственность, связывают их хозяйственную инициативу, снова сковывают их теми узами первобытно-общинных порядков большой семьи, от которых они стремятся освободиться.

В то же время происходит процесс формирования сельской общины. В состав последней входят и патриархальные, большие семьи, сохранявшие старый общинный быт, и малые семьи с их индивидуальным имуществом и парцеллярным хозяйством. Существование сельских общин также недолговечно. Они, в свою очередь, начинают распадаться и разлагаться в результате имущественного неравенства их членов.

Вполне естественна поэтому та загадочность, которой окружена вервь «Русской Правды». Она несет в себе еще много реликтов древних кровно-родственных связей и в то же самое время вступает в новую стадию общественного развития.

С термином «вервь» произошло то же, что и с целым рядом других терминов древнерусского языка, обозначающих различные формы общественной жизни или различные социальные категории, как, например, «челядь», «чадь», «молодшая дружина» («юные», «детские», «отроки»), «изгой» и т. д. Термин появляется на заре письменной истории в обозначении определенной общественной группы или определенного общественного явления. Но эти последние в ходе исторического развития, эволюционируя, претерпели большие изменения. Их сущность меняется. Между тем термин продолжает жить, обозначая уже различные, часто мало сходные явления общественной жизни, связанные лишь общим источником, общим происхождением или некоторыми чисто формальными чертами сходства, и лишь тщательный анализ слова дает возможность ус-

тановить первоначальный его смысл. В силу такой эволюции один термин покрывает различные понятия, одно слово существует для обозначения разных социальных групп населения, так как в древности они были близки друг другу и имеют общий корень (например, «челядь» обозначает в XI—XII вв. закабаленных людей, слуг, рабов, зависимых людей вообще, с другой стороны — домочадцев, членов семьи и т. п., так как в глубокой древности этот термин действительно покрывал всю массу младших, низших членов патриархальной семейной общины) или же, наоборот, различные термины покрывают однородную массу населения, одну и ту же социальную категорию, хотя отдельные ее члены и различаются между собой путями, которые их привели в состав данной общественной группы (например, термины «рядович», «закуп», «вдач» и т. п. означают одно и то же — закабаленных людей).

То же самое явление имеет место и по отношению к термину «вервь». Нет основания опровергать наличие семейных общин в Древней Руси, равным образом как и того, что сам термин «вервь» ведет ко кровно-родственным связям членов общин. Огромное количество русских поселений с патронимическими окончаниями на «ичи», «вичи», «вци», «вцы» говорит о длительном бытовании патриархальных семейных общин. Исчезновение термина «вервь» из памятников XIII в. и сохранение его на отсталом Русском Севере, как это показали исследования А. Я. Ефименко, свидетельствуют о том, что вместе с разрушением старых семейно-общинных форм вначале в основных, ведущих районах Руси, а позднее — почти повсеместно постепенно забывается и термин «вервь», перестающий встречаться в памятниках.

По-видимому, некоторое время термин «вервь» продолжает еще существовать, но уже обозначая сельскую общину пространной «Русской Правды», тогда как старая семейная община, расколовшаяся на более мелкие патриархальные семейные общины, получает название «дворищ» и «печищ». Так как новые поземельные отношения в общине, основанные на территориальных связях, ликвидируют старые, базирующиеся на кровном родстве, то и сам термин «вервь», уходящий ко временам родственных отношений членов общины, отмирает, уступая свое место «копам» Украины и Белоруссии, «погостам» и «мирам» Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.[21]

Такова Древняя Русь времен разложения первобытно-общинных отношений.

В IX—X вв. в результате развития производительных сил патриархально-родовой строй с первобытно-общинным способом производства уступает свое место зарождающемуся феодализму.

Изменение в способе производства началось с изменения и развития производительных сил и прежде всего — с изменения и развития орудий производства.

Решающую роль в процессе разложения первобытно-общинного строя сыграли изменение в характере земледелия и превращение его из одного из видов добывания средств к жизни, хотя и очень важного, в господствующую отрасль хозяйства. В лесной полосе Восточной Европы вместо древнего подсечного земледелия повсюду распространяется пашенное земледелие, принесшее с собой парцеллирование производства и резкое обособление малой семьи. Причины длительного переживания среди се-

верных славянских племен подсечного хозяйства заключаются в том, что здесь, на севере, в лесах, длительное время земледелие не играло решающей роли. В Верхнем Поволжье, как и, по-видимому, в верховьях сопредельных больших рек, до VIII—IX вв. население вело сложное, многообразное хозяйство и занималось скотоводством, охотой, рыбной ловлей, лесными промыслами (бортничеством), собирательством (грибы, ягоды, коренья) и земледелием, причем доля последнего в экономике древних обитателей лесов составляла не более, а скорее менее половины.[22] На верховьях Днепра, например в городищах начала нашей эры, костей лошадей не обнаружено, а ведь лошадь являлась главной рабочей силой земледельца.

Естественное стремление освободиться от случайностей охоты и рыбной ловли, которые в некоторых местах (например, в Борщевском городище) продолжают играть еще большую роль даже в IX—X вв., приводит к расширению скотоводства и земледелия.

Земледелие не было в такой степени связано со случайностями, как промыслы, потому что оно обеспечивало из года в год, и только в случае неурожая кормить должны были лес, река, скот.

Тенденция к повышению удельного веса земледелия в хозяйстве северных славянских племен, проявляющаяся на протяжении VII—IX вв. все отчетливее и отчетливее, приводит к эволюции сельскохозяйственных орудий, к появлению новых орудий труда, к росту земледельческой техники.

Вместо старого втульчатого топора, имевшего форму долотца с лезвием в 5—6 сантиметров, появляется проушный топор современной формы, серп с большим изгибом сменяет старый примитивный слабо изогнутый серп, напоминающий искривленный нож, широко распространяются многозубные сохи, выросшие из сохи — «суковатки», представляющие собой стволы ели с очищенными от мелких ветвей сучьями, обрубленными наполовину их длины. «Суковатка» — древнейшее пашенное орудие лесного Севера, в которое впервые впрягли лошадь. Появляются рало и плуг на юге и соха на севере. Десятым веком датируются первые находники железных сошников на Русском Севере. Им предшествовали земледельческие орудия, целиком сделанные из дерева.

Вместе с ростом пашенного земледелия лошадь становится рабочим скотом. Ее перестают употреблять в пищу, и среди кухонных остатков X—XI вв. костей лошадей уже не встречается. Табуны лошадей в IX в., и даже несколько ранее, — это уже не столько запасы мяса, сколько рабочая, тягловая сила растущего пашенного земледелия.

Земледелие усложняется. Появляются новые злаки. В городищах IX—X вв. — Борщевском, Ковшаровском (в верховьях Днепра) и других — найдены зерна проса, ячменя, пшеницы, овса, гороха. Была известна и рожь. Из корнеплодов надо указать на репу, лук, чеснок. Возделывались лен и конопля.

О появлении пашенного земледелия говорит и рост размеров поселений. При господстве подсечного земледелия, когда через 2—3 года участки пашни надо было бросать и возвращаться к их обработке вновь можно было лишь спустя 40—50 лет, каждой земледельческой общине нужна была огромная площадь для ведения примитивного земледелия, и поселения были очень малы. В VIII—IX вв. размер поселений значительно уве-

личивается. Появляются большие городища, обрастающие селищами типа Борщевского городища, представляющие собой поселения нескольких сотен людей.[23] Это отнюдь не города, а разросшиеся сельские поселения.

Появление новых орудий труда и рост земледельческой техники способствуют возникновению индивидуальных форм земледелия. Возникновение и распространение новой земледельческой техники приводят к тому, что ведение самостоятельного хозяйства становится доступным не только всей семейной общине в целом, но и каждой малой семье в отдельности. «Все это приводит к распаду сохраняющихся в большой семье остатков первобытного коллективизма и дифференциации в ее недрах индивидуальных семей, становящихся самостоятельной экономической единицей и воплощающих начало частной собственности».[24]

Старая патриархальная большая семья («задруга», «вервь») распадается. Из ее среды выделяется ряд малых семей, отдельных брачных пар, уже ставших хозяйственно самостоятельными единицами. Первобытный коллективизм, являющийся «результатом слабости отдельной личности»,[25] сломан внедрением новых орудий труда и становится ненужным, сковывающим хозяйственную инициативу. Вооруженные новой земледельческой техникой, отдельные малые семьи расходятся из старого общинного центра во все стороны, выжигая и выкорчевывая леса под пашню, заселяя и осваивая ранее пустынные пространства, обзаводясь новыми лесными, охотничьими, рыболовными и промысловыми угодьями. Здесь, на новых местах, они часто дают начало новым большим патриархальным семья («дворищам», «печищам»), а когда дальнейшее развитие хозяйства в рамках семейно-общинной организации становится уже невозможным, от них отпочковываются отдельные семьи, осваивающие на правах трудовой заимки новые участки леса, пашни, новые угодья и т. д.

Здесь, на новых местах, они владели всем, «куда топор, коса, соха ходили», всем, «что к тому селу изстарь потягло», ставя свои «знамения» на дубах и соснах, на бортных деревьях, ревниво оберегая свои пашни, луга и угодья от «чужаков», сходясь с ними лишь на «игрища межи села», умыкая невест и собираясь на религиозные праздники.

Так расползалась по лесной полосе славянская колонизация, так заселялись и осваивались дремучие дебри лесов и пущ Восточной Европы.

В процессе своего расселения, сохраняя связи с сородичами, эти малые и большие (патриархальные) семьи, покинувшие свое старое родовое гнездо, сталкиваются на новых местах со встречными потоками, идущими из других распадающихся семейных общин. Поскольку в общем владении этих случайно встретившихся людей по-прежнему находились леса, сенокосы, воды и угодья, они объединялись в общину — общину, покоящуюся уже не на старых кровно-родственных, а на новых, территориальных, связях. Так возникает поземельная сельская, или территориальная, община. В ней на первых порах еще много пережитков старой семейной общины. Территориальные связи еще сочетаются с кровно-родственными. В быту продолжают сохраняться старые патриархально-родовые обычаи и традиции. В свадебных обрядах, в песнях и поговорках уже гораздо более поздних времен соседи-односельчане именуются по-прежнему «родичами», «родными», а все село — «родом». Родовые связи все еще тянут членов уже территориальной общины к старому родовому, семейно-об-

щинному гнезду (родовое кладбище, «братчины», поездки по родственникам и т. д.), да и сама сельская поземельная община представляет собой пестрый конгломерат малых и больших семей («печищ», «дворищ»). Семейная община во времени отнюдь не исключает территориальную, а наоборот, длительное время существует наряду с этой последней и даже внутри ее, так как сельская община, сложившись на развалинах семейной, в то же самое время впитывает в себя соседние, еще не успевшие разложиться семейные общины.

М. О. Косвен указывает: «С распадением родовых связей члены одного рода, т. е. отдельные большие семьи, принадлежащие к одному и тому же роду, разрозниваются, теряют свою локальную связь, отселяются и присоединяются к таким же семьям других родов. Так возникает соседская община. Большие семьи одного рода оказываются принадлежащими к различным соседским общинам, и эти последние, в свою очередь, оказываются состоящими из больших семей, принадлежащих к различным родам. Соседская община объединяется, таким образом, уже не родственной, а сменяющей ее территориальной связью. Одновременно, но независимо от этого идет в силу иных причин... процесс распада больших патриархальных семей на малые, индивидуальные. В результате соседская община впоследствии оказывается состоящей как из больших, еще не разделившихся семей, так и из малых». «Несомненно, однако, что имела место и иная форма образования соседской общины, в особенности при заселении новых мест, состоявшая в том, что соседская община заново образовывалась из ряда малых семей».[26]

Рост населения и разбухание семейных общин также способствуют созданию сельской общины.

Фр. Энгельс указывает, что «когда число членов семейной общины так возросло, что при тогдашних условиях производства становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, эти семейные общины распались, находившиеся до того в общем владении поля и луга стали подвергаться разделу известным уже образом между образовавшимися отдельными домохозяйствами, сначала на время, позднее — раз и навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались у общины.

Для России такой ход развития представляется вполне доказанным».[27]

Процесс превращения земледелия из подсечного VII—VIII вв. в пашенное, произошедший в лесной полосе в IX—X вв., усиливает индивидуализацию производства, укрепляет частную, семейную собственность и способствует распадению семейных общин, свойственных родоплеменной организации, на малые семьи и менее крупные, нежели древние, патриархальные семьи, объединяющиеся в поземельную общину.

Коллективизму патриархальной общины способствовали не только общинное землевладение и общественный характер древнего подсечного земледелия, обусловленного низким развитием земледельческой техники и примитивностью орудий труда. Существовали и другие формы хозяйственной деятельности, требовавшие также коллективной организации труда. Рыболовство было связано с перегораживанием рек, устройством заколов и запруд, ловлей неводом и т. д. Охота и лесные промыслы также носили коллективный характер. Об этом говорят сохранившиеся по сию пору формы охоты артелями, выход в лес по грибы и ягоды целыми деревнями и т. д. Вместе с индивидуализацией земледелия идет индивидуа-

лизация и других отраслей хозяйства. Появляются немногочисленные индивидуальные, принадлежащие каждой семье в отдельности стада скота. Такая же индивидуализация имеет место и в рыбной ловле, и в охоте, и в лесных промыслах. И этот процесс вполне естествен, так как переворот, произошедший в земледелии, ставшем основной формой добывания средств существования, неизбежно должен вызывать известный отход от коллективного труда и в других отраслях производства.[28]

Так подрывались устои первобытно-общинного строя, основанного на коллективном труде и собственности. Развитие орудий труда, обусловленное общим развитием производительных сил, приводит к усилению парцеллы и постепенному ее укреплению, а следовательно, к созданию сельской общины.

Вместе с появлением соседской общины изменяется и сама форма поселений. Появляются большие городища, часто окруженные отдельными жилищами, и открытые поселения, постепенно совершенно вытесняющие городища. Древние укрепленные городища, поселения одной семейной общины или группы патриархальных малых семей уступают свое место открытым поселениям — деревням, остатки которых — «селища» — лишь очень недавно стали объектом изучения археологов. Количество исследованных селищ еще крайне невелико, но и то, чем мы располагаем, дает возможность судить, какую ценность представляет собой этот вещественный материал.

Большесемейные городища разрастаются, расширяются, окружаются отдельными домами или землянками и постепенно перерастают в открытые поселения. Они или увеличиваются в размерах и превращаются в города (например, Полоцк), или деградируют во временные убежища.

Так перерастает в селище Ковшаровское городище Смоленского района, раскинувшееся за пределами древнего вала на площади в 4—5 гектаров. Такую же картину рисует нам Борщевское городище, городище у села Преображенского, у деревни Ладыниц и др.[29] Таково селище у Чернигова, носящее название «Ольгова Поля», селище «Васьково Поле» у Любеча, селища «Ильменово», «Буримка», «Баба» и другие на Левобережье.[30]

Еще ранее, в V—VI вв., возникают открытые неукрепленные поселения в Верхнем Поволжье.[31]

Открытые поселения появляются не только в связи с распадом семейно-общинной организации, но и в силу других причин, к числу которых следует причислить прежде всего установление некоторой безопасности в период складывания племенных союзов, но эти явления связаны друг с другом, так как формирование межплеменных объединений относится к эпохе возникновения сельских общин. Надо полагать, что указанный нами процесс охватил в те времена не всю территорию Древней Руси. Кое-где на севере, а быть может, и на востоке, в землях вятичей, он затянулся на долгое время. На юге же, в земле летописных полян, на юго-западе и западе сельские общины возникли, по-видимому, в очень отдаленные времена, времена антов, но и здесь почему-то, в силу еще не ясных для нас причин, древние славяне длительное время остались на этой стадии общественного развития.

Что же касается основной территории лесной полосы Восточной Европы, то можно считать доказанным распадение древних семейно-общин-

ных, родовых гнезд лишь к VIII—X вв. Нельзя думать, что все это произошло как-то вдруг, везде и повсеместно в одно время и в одной форме. Процесс становления сельской общины происходил не одновременно и не везде в одинаковой форме.

Следует упомянуть и об изменении самого типа жилища. Древние землянки постепенно исчезают, уступая свое место полуземлянкам и наземным бревенчатым избам. В Белоруссии и Смоленщине встречаются избы со слюдяными окнами, с печами, слепленными из глины, без трубы. Такие же деревянные избы господствуют на севере, в Верхнем Поволжье. На юге еще некоторое время сохраняются землянки и жилища, сплетенные из хвороста, обмазанные глиной, но и здесь они со временем исчезают.[32]

Население все еще жмется к речным долинам, но постепенно начинает отходить от рек и водных бассейнов и связанных с ними старых городищ. Эти последние запустевают, превращаясь во временные убежища, куда в случае опасности скрывается население окрестных поселений — деревень. Выделение из родового гнезда отдельных малых, или патриархальных, семей типа «дворищ», «печищ», «газдивств» приводит к появлению хуторов, заимок, выселков. Расширяясь, эти патриархальные семьи в силу условий производства выделяют из себя отдельные семьи, кладущие начало новым выселкам и т. д. Так осваиваются новые земли и колонизируются обширные пространства Восточно-Европейской равнины. Об этом характере славянских поселений говорит Прокопий, сообщая, что «живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они по большей части меняют места жительства».[33]

Расселяющиеся таким образом семьи объединяются с соседями в сельскую общину. Археологам с трудом удается найти следы таких маленьких поселков. Отдельные случайные находки, небольшие группы захоронений, маленькие селища и т. п. — вот часто единственные следы подобного рода формы общественного быта.

Таковы были изменения в общественной жизни древних славян, вызванные внедрением новой земледельческой техники и развитием пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы.

Конечно, подсечное земледелие исчезло не сразу. Оно продолжало существовать и на севере, и даже на юге еще много столетий. Но не оно теперь определяло облик хозяйства древнего славянина-земледельца.

Так среди лесных славянских племен возникла сельская община.

Различный состав отдельных семей, различный уровень их благосостояния и накопленных богатств, и прежде всего скота (недаром в древнерусском языке «скот» — синоним денег, а «скотница» — казны), неравенство наделов, земель и угодий, освоенных на праве трудовой заимки, захват многолюдными, богатыми и сильными семьями земель и угодий в прилежащих землях и т. п. — все это создает условия для разложения сельской общины. Подобные явления могли появиться лишь в результате возникновения парцеллы, обусловленного развитием производительных сил и орудий труда. Там, где процесс выделения малых семей идет интенсивно, там сильнее и имущественная дифференциация — предпосылка возникновения феодальных отношений. Средние же элементы пытаются сохранить большую семью, так как ее организация до известной степени страховала от превращения, во всяком случае от быстрого превращения, ее членов в феодально-зависимых.

Наряду с развитием производительных сил в области сельского хозяйства и усовершенствованием земледельческой техники огромную роль в разложении первобытно-общинных отношений на высшей стадии варварства играло общественное разделение труда, отделение ремесленной деятельности от сельского хозяйства.

«С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская. Имущественные различия между отдельными главами семей разрушают старую коммунистическую общину большой семьи везде, где она еще сохранилась. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества».[34]

«Когда же в общину проникало разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке, тогда выражением этой материальной обособленности товаропроизводителей явился институт частной собственности», — указывает В. И. Ленин.[35]

Внедрение ремесла в результате постепенного улучшения техники производства и появления новых орудий ремесленного труда, отделение его от сельскохозяйственной деятельности, обособление ремесленника от земледельца — все это явилось величайшим стимулом распада первобытно-общинных отношений, распада семейных общин, а в дальнейшем своем развитии, сопровождаемое целым рядом попутных процессов, приводит к разложению общинных отношений, порождая дуализм сельской общины, несущий собой ликвидацию доклассового общества и возникновение феодализма. Отделение ремесленной деятельности от сельского хозяйства приводит в то же самое время к усилению имущественной дифференциации, столь слабо представленной в вещественных памятниках предшествовавшей эпохи VII—VIII вв., а следовательно, к выделению экономически могущественных семей. Эти же последние служат предвестником распада первобытно-общинных отношений и грозно встают против рода. Археологические раскопки поселений VII—VIII, а отчасти и IX вв. не обнаруживают следов выделения ремесла. Каждая семейная община представляет собой до известной степени самодовлеющее в экономическом отношении целое, и члены ее занимались и земледелием, и охотой, и рыбной ловлей, и скотоводством, и ремесленным производством одновременно. Простота, однообразие и примитивность изделий способствовали тому, что почти каждый мужчина, член большой семьи или группы больших семей, живущих на одном городище, мог быть не только земледельцем, охотником, рыболовом, скотоводом, но и кузнецом, гончаром, бондарем, плотником, кожевником и т. д. Железных вещей немного, они просты и однотипны. Много еще изделий из кости. Посуду лепили от руки из простой крупнозернистой глины. Подобного рода изделия не требовали ни особых навыков, ни выучки, ни специальных орудий труда. Развитие социальных отношений двигало вперед эволюцию орудий труда, а эта эволюция, в свою очередь, влияла на общественное развитие.

Необходимо отметить, что принятые в свое время в археологии и истории положения о наличии ремесла в Древней Руси удовлетворить нас не могут, хотя бы уже в силу того обстоятельства, что, трактуя о ремесле у

славян в IX—X вв., археологи и историки пытались только показать, что выделывалось и как выделывалось, и на основе этого сделать вывод о наличии той или иной ремесленной деятельности. Но не каждый вещественный след древнего ремесла является указанием на существование самостоятельного ремесленника, уже в какой-то мере переставшего быть земледельцем, скотоводом и т. п. Поэтому, вполне естественно, для доказательства наличия в Древней Руси в IX—X вв. отделившегося ремесла мы будем брать только те материалы, которые помогают установить существование самостоятельного ремесленника, а не аморфной ремесленной деятельности члена семейной или сельской общины вообще. К этому мы и перейдем.

Начиная с X в. значительно совершенствуются железные изделия. Появляются разнохарактерные, разнотипные, усовершенствованные железные изделия: орудия труда (топоры, долота, щипцы, клещи, скобки, заклепки, гвозди, лопаты, сошники, лемехи, серпы и т. д.); оружие (копья, ромбовидные стрелы, кинжалы, ножи типа скрамасаксов и простые, шлемы, вытянутые кверху, кольчуги и сабли, появившиеся на Руси в X в., реже — щиты круглой или миндалевидной формы), причем в отличие от более ранних эпох оружие все более и более отделяется от орудий охоты; домашняя утварь (сковороды), домашние предметы (огнива, замки, ключи и др.) и т. д.

Устанавливаются стандартные типы в разных районах, например топоры с прямым верхним краем и полукруглой выемкой в нижнем крае, железные лопаты с противоположным концом в виде сковородника, плоские сковороды и т. п.

Качество плавки и ковки железа повышается. Совершенно очевидно, что уже сложились определенные ремесленные традиции и навыки, требующие длительной выучки, опыта, специализации. Сложные орудия труда ремесленника, сложное стандартизованное производство приводят к появлению специалиста-ремесленника, мастера обработки железа.

То же самое явление имело место в обработке меди, бронзы, серебра и золота. Примером этому может служить распространение знаменитых височных колец различных типов — образец стандартности производства, говорящий о наличии различных ремесленных центров, с большим и малым радиусом распространения, обусловливающим разновидности колец внутри одного и того же племенного типа. Возникают ремесленные центры с очень широким радиусом распространения. Таким центром был район Овруча, снабжавший не только всю Русь, но и соседние земли розовыми шиферными пряслицами и другими изделиями из шифера, центры производства некоторых типов поясных пряжек, различных типов бус — золоченых, сердоликовых, стеклянных, чаще всего окрашенных в зеленый цвет, о которых, как о типичных украшениях русов, так часто сообщают арабские писатели X в., центр производства медной проволоки для изделий и т. п.[36]

Высокое развитие русского художественного ремесла бросается в глаза каждому, кому пришлось видеть сложнейшую технику выкладки узоров из скани и зерни на серебряных украшениях — лунницах, круглых подвесках (например, подвески и лунницы из Гнездовского клада X в. из-под Смоленска и Борщевского клада Киевской области), знаменитые турьи рога из «Черной могилы» в Чернигове, датируемые X в., превра-

щенные в кубки для питья и украшенные замечательной серебряной оправой с чернью и т. д.

Теофил, западноевропейский писатель X в., говоря о ремесленном искусстве разных стран, пишет: «Если ты его (трактат) подробно изучишь, то узнаешь... что́ нового изобрела Русь в искусстве изготовления эмалей и разнообразия черни».

Как особая отрасль ремесла в Киеве выделяется обработка кости, и искусные резчики по кости создавали настоящие художественные произведения.

Раскопки Киева обнаружили в земле, которой при Владимире был засыпан древний ров детинца, разбитые льячки со следами золота и серебра и обломки тигля с серебром, что указывает на наличие мастерской ювелира еще в начале X или IX в. Там же, в Киеве, найдены мастерские по обработке камня, по производству изразцов, покрытых эмалью, ювелирные мастерские, мастерские по обработке кости, множество горнов и печей специального устройства, формочек, тигельков, льячков, различных изделий, полуфабрикатов и т. д. Все эти находки датируются X или началом XI в. и некоторые из них снабжены родовым знаком Владимира.

Бытовавшая в VIII—IX вв. посуда, лепленная от руки из грубой глиняной массы при плохом обжиге, уступает свое место в IX—X вв. посуде, изготовленной на гончарном круге. Появление гончарного круга свидетельствует о выделении гончарного дела из домашнего производства и о превращении его в самостоятельную отрасль ремесла. Несмотря на то что еще некоторое время на Руси сохраняется лепная посуда, производимая для своих нужд, изготовленная на гончарном круге посуда хорошего качества быстро вытесняла грубую керамику домашнего производства. Гончарный круг рассчитан на производство не для собственных потребностей, а на продажу. Вместе с гончарным кругом вырабатывается умение составлять ровную мелкозернистую глиняную массу и обжигать сосуды в специальных печах, возникают стандартные типы посуды, например горшки с отогнутой шейкой и вздутыми и округленными боками, с орнаментацией из волнистых или параллельных линий, легко наносимых во время вращения круга. Такого рода производство было доступно лишь искусным ремесленникам — гончарам, знатокам и мастерам своего дела, занимавшимся производством своих совершенных изделий исключительно на продажу.

На отделившееся гончарное ремесло указывает появление клейм как своеобразной примитивной «фабричной марки» на обломках посуды, извлекаемой из городищ, селищ и т. д. Появление клейм на новом типе посуды свидетельствуют о наличии специалиста ремесленника-гончара. Такие ремесленные клейма встречаются на керамике X—XI вв. повсеместно (Гочевское, Донецкое, Ницахское и другие городища на Левобережье, городища в Смоленщине и в Белоруссии и т. д.).[37] Характерно то обстоятельство, что ареал распространения гончарных клейм (крест в круге, круг, ключ, звезда, квадрат и др.) очень невелик, что свидетельствует об узости рынка сбыта продукции ремесленника-гончара, часто ограничивающегося данным поселением.[38]

Гораздо труднее, нежели в металлообрабатывающем и гончарном производствах, проследить отделение ремесла от сельского хозяйства в других отраслях промышленной деятельности, как, например, в ткачестве,

прядении, обработке дерева и т. п. На занятие этой деятельностью указывают находки пряслиц, каменных кружков от веретен, остатков льняных и шерстяных тканей, специальных ножниц для стрижки овец, шерстяной материи, кожухов, меховых шапок, кожаной обуви и различных изделий из кожи, деревянных поделок: дужек и обручей от ведер, гробов, остатков челнов и т. д. Некоторые отрасли поименованной промышленной деятельности еще длительное время органически входили в круг хозяйственных работ любой крестьянской семьи, и выделение специалистов-ремесленников в данных отраслях хозяйственной деятельности менее характерно, хотя и среди ткачей, кожевников, плотников и других к тому времени могли появляться не связанные с сельским хозяйством ремесленники, дающие продукцию высокого качества, о чем свидетельствует могильный инвентарь богатых захоронений и сожжений, заключающих в себе ценные украшения, сбрую, оружие, дорогую одежду, обувь и т. п. Летописный переяславец Ян Усмошвец является типичным примером подобного рода кожевника.

На развитие ремесла указывают и письменные источники, и в первую очередь — «Русская Правда», говорящая о «ремественнике» и «ремественнице» и устанавливающая за их убийство, как и за убийство княжего сельского или ратайного старосты, пеню в 12 гривен, в два с лишним раза бóльшую, чем за убийство смерда, хлопа или рядовича.

По свидетельству летописей и «Жития Феодосия Печерского», в городах живут, очевидно, целыми улицами кузнецы, как это имело место в Курске и Переяславле, где стояли Кузнечные ворота. В Новгороде были Гончарный и Плотницкий концы и на юге, в Киевской земле, за новгородцами закрепилось прозвище «плотники».[39]

Выделение ремесла способствует разложению соседской общины и имущественной поляризации ее членов. Развитие и обособление ремесла являются, таким образом, вторым фактором, способствующим разложению первобытно-общинных отношений. Рост ремесла естественно влечет за собой развитие обмена, развитие внутренней и внешней торговли.

Внутренняя торговля была развита еще очень слабо, но тем не менее общественное разделение труда неизбежно приводит к установлению обмена. Предметами внутренней торговли были железо и железные изделия, соль, добываемая в «Червенских городах» у Карпат, и скот.

Скот Русского Севера отличался мелким ростом. Слабосильные мохнатые северные лошади не удовлетворяли ни земледельцев, ни тем более воинов-дружинников. Скот шел с юга, а южные русские племена покупали его у кочевников-степняков. Константин Багрянородный указывает, что «руссы стараются жить в мире с печенегами: они покупают быков, коней и овец и от этого живут легче и привольнее...».[40]

В еще более древние времена, когда лишь начиналось накопление в родовых общинах древних славян, накопление богатств выражалось прежде всего в увеличении стад скота. Скот был главным богатством того времени. Он переходил из рук в руки в результате войн и обмена. Поэтому-то древний русский язык сохранил следы этой эпохи в названии денег «скотом», а казны «скотницей». В древнерусских религиозных верованиях бог Волос выступает и как покровитель скота, и как бог торговли. Мы не знаем, было ли время, когда скот был товароденьгами, но нет никаких

сомнений в том, что в торговле древних славян скот занимал немаловажное место, выступая в роли мерила стоимости.

Соляные копи Галиции снабжали чуть ли не всю Русь солью. На северо-западе, у Новгорода, сосредоточивалось железноделательное ремесло.

Некоторые ремесленные изделия, например поделки из шифера и в частности шиферные пряслица, распространялись по всей Руси, так же как и некоторые украшения: пряжки, лунницы, изделия с чернью и эмалью и т. д., и некоторые виды оружия.

По рекам и речкам, гораздо более полноводным в те времена, чем теперь, о чем свидетельствуют находки древнерусских челнов на таких ныне несудоходных реках, как Остер, Супой, Трубеж, Альта и др., по сухопутным дорогам тянулись купеческие караваны. Они шли из Киева на запад, «в ляхи», через Дорогобуж, в Чехию и Венгрию через «Червенские города» и Карпаты, на север, в Курск и дальше на Оку, в верховья Днепра и через волоки на Ловать и Волхов, по Западной Двине, на юг, в Переяславль, в Крым, куда вел «Соляной путь», в Византию, по «Греческому пути», на восток, по «Залозному пути», Оке и Волге. Не все эти торговые пути-дороги сложились сразу, одновременно, но постепенное их оживление и появление все новых и новых, о чем говорят и археологические памятники, и древние русские источники (летописи, «жития» и т. д.), свидетельствуют о растущей из столетия в столетие внутренней торговле, разлагающей натуральное хозяйство патриархальных общин русских племен.

В городах собирается на торг окрестный люд. Сюда везут для продажи, здесь покупают, тут центр общественной жизни окрестного населения. На торгу «закликают» о бежавших челядинах, заключают сделки, слушают решения суда и т. д. Но торги эти, обслуживающие местное население, эмбрионы районных рынков, слабо связаны друг с другом: «а из своего города в чюжю землю свода нетуть». Так рисует нам зарождающийся древнерусский торг «Русская Правда».[41]

Еще большего развития достигает внешняя торговля. Как показывают многочисленные клады восточных монет, древнерусские племена рано втянулись в торговлю с Востоком. Заметное влияние Востока начинает наблюдаться в вещественных памятниках славянских племен Восточной Европы еще с конца VII в. Восьмое и начало девятого столетия проходят под знаком воздействия на древних русских восточной культуры. В это же время они втягиваются в торговлю с Востоком, расцвет которой падает на VIII—IX вв., но которая продолжается и в течение всего X столетия. В кладах монет конца VII и начала VIII в., обнаруженных в Восточной Европе, встречаются восточные диргемы и византийские солиды, причем в VIII и в первой половине IX в. превалируют арабские монеты. Постепенно со второй половины IX и с начала X в. все чаще и чаще встречаются византийские монеты, хотя и в течение X в. клады восточных монет повсюду в большом количестве зарывались в землю.

Большинство исследователей, специально занимающихся вопросом о торговых связях Древней Руси, отмечает, что великий водный путь «из варяг в греки» — сравнительно поздний эпизод в истории Восточной Европы. Гораздо более древним путем был торговый путь, шедший из земли славян на Восток. Торговля русских с Востоком, и прежде всего с арабами, имела немаловажное значение в истории Древней Руси. Восточное

влияние, отразившееся прежде всего на русском ремесле, обусловленное установлением в Восточной Европе хазарского господства, не могло не привести к бурному развитию торговых связей Востока с Русью, а через нее — с европейскими Севером и Западом. Расцвет торговли с арабскими странами Востока падает на VIII—X вв., т. е. как раз на время владычества Хазарского каганата.

Важнейший и древнейший путь арабской торговли шел из Азии и побережья Каспийского моря по Волге на север, к ее верховьям. Отсюда уже системой волоков купеческие суда попадали либо на север, в Ладожское озеро, древнее озеро Нево, и Невой в Финский залив, либо по другому ответвлению, также через волоки, в Западную Двину и оттуда уже в Балтийское море к острову Готланду. По всему этому пути с его важнейшими ответвлениями встречаются многочисленные клады арабских монет — следы древней торговли с Востоком. Кроме Волжского пути арабской торговли существовали и другие, связывающие со странами арабского Востока те области Древней Руси, для которых верховья Волги были слишком далеким путем. Торговля с мусульманским Востоком осуществлялась по Волго-Донскому пути, соединяющему систему Волги с Доном, Северным Донцом, Осколом, Сеймом, Десной и Днепром и характеризуемому обилием кладов восточных монет, по Ворскле, Суле и Пслу, соединенным через Донец и Оскол с Волгой. На путях к Дону (или с Дона), на Десне, от впадения Сейма, и по Днепру здесь, на Левобережье, группируется основная масса кладов восточных монет VIII—IX вв.[42]

Сасанидские, саманидские, абассидские монеты, сохранившиеся целиком или изрубленные на части, попали в Восточную Европу и даже в Скандинавию, конечно, не только в процессе торговли, но и в результате грабежа, поборов, уплаты или сборов дани и т. д., но все же прежде всего они говорят о развитии торговых связей Руси и Запада с Востоком.

О торговле Руси с Востоком говорят многочисленные арабские, персидские и еврейские писатели.

В своей «Книге путей и государств» Ибн-Хордадбег (сороковые годы IX в.) говорит о том, что купцы-русы ездят со своими товарами: мехами бобров и черных лисиц и мечами по Танаису (Дону) и «реке Славян» (в данном случае Волге, так как она берет свое начало в землях славян. Иногда у арабов под «Славянской рекой» подразумевается Дон) в столицу хазар Камлидж (одно из названий; по-видимому, древнее Итиля), а оттуда уже попадают в «море Джурджан» (Каспийское), где и высаживаются в разных местах на берег для торговли. «Иногда они возят свои товары на верблюдах (из Джурджана) в Багдад».[43]

Аль-Балхи в своем сочинении, датируемом первой половиной X в., говорит о том, что «Русь ведет торговлю с Хазарией, Византией и Великим Булгаром».[44]

Торговлю с Булгаром вели главным образом северные славянские племена: словене, кривичи и вятичи, а также приволжские и северные финские племена: буртасы (по-видимому, одно из мордовских племен), меря, мордва, мари, «вису» (весь), юра («югра», т. е. остяки и вогулы, ханты и манси), биармийцы (пермяки) и норманны Швеции, в земле которых, как и на Готланде, найдено много кладов восточных монет. К Великим Булгарам вели Окский водный путь, берега которого также усеяны кладами восточных монет, Волга, Кама и реки северной системы. Сюда, в Великие

Булгары, арабские купцы приезжали сухопутьем, на верблюдах, из Средней Азии и по Волге — из хазарской столицы Итиля. Здесь они вступали в обмен с купцами — болгарами и русами, которые держали в своих руках торговлю с финскими народами Севера и пробирались для обмена, меновой немой торговли, а то и просто для грабежа в сказочно богатую страну скандинавских саг — Биармию, в землю «вису» и «юры», к «Морю Сумрака» (Ледовитому океану). Здесь, в Булгарах, в 922 г. видел русов Ибн-Фадлан, оставивший нам свои записки о русах и свое знаменитое описание похорон знатного руса.

В Булгарах они были постоянными гостями. Русы высаживались на берег, строили на берегу большие деревянные дома, где и поселялись.[45] Они привозили с собой меха соболей, горностаев, белок и др. Мукадесси, автор конца X в., указывает, что «из Хорезма вывозят соболей, белок, горностаев, фенек, куниц, лисиц, бобровые шкуры, пестрых зайцев, коз, воск, стрелы, березовую кору, шапки, рыбий клей, рыбьи зубы (мамонтовые и моржовые клыки. — *В. М.*), бобровый аромат, янтарь, выделанную кожу, мед, орехи, ястребов, мечи, панцыри, халендж (клен, тополь, березу? — *В. М.*), славянских невольников, овец и быков; все это из Болгара».[46]

Среди этих товаров, привозимых из Булгара в Хорезм, тесно связанный с Камской Болгарией постоянными торговыми сношениями, мы находим немало таких, которые составляют предмет обычного вывоза Древней Руси в другие страны, и в частности в Византию. Это — меха, шкуры, воск, мед, рабы и знаменитые франкские мечи, которыми славились купцы-русы.

О мехах, меде, воске и рабах как главных товарах русской торговли говорят Ибн-Фадлан и Истархи.[47]

Дорогие меха из земли буртасов и русов прославились еще в VIII в., когда халиф Махди в доказательство необыкновенной их пушистости и тепла окутывал ими сосуд с водой и выставлял на мороз. «Русы сакалиба» (славяне), заполнявшие невольничьи рынки Востока, воспеты еще дамасским поэтом VIII в. Аль-Ахталем.[48]

О славянских рабынях поет поэт Насир-и-Хосро-Енсари, говорит Ибн-Хаукаль, о «рыбьих зубах» сообщает Абу-Гамид-ель-Андалузи.[49] Тот же Ибн-Хаукаль говорит о вывозе из одного из центров Руси — Арты — свинца (или олова).

Вторым центром торговли русов была столица Хазарии — Итиль. Ибн-Хаукаль в «Книге путей и государств» (976—977 гг.) пишет: «Прилив же торговли Русов был в Хазране (одна из частей Итиля. — *В. М.*), это не переменилось — там находилась большая часть купцов-мусульман и товаров».[50]

О торговле русов в столице Хазарии сообщают Ибн-Хордадбег (начало IX в.), Аль-Джайгани (в «Книге путей для познания государств», датируемой концом IX или началом X в.), Ибн-Фадлан, Ибн-Росте (в «Книге драгоценных драгоценностей», написанной в начале X в.), Масуди (в своем сочинении «Промывальни золота», датируемом сороковыми годами X в.) и др.[51] Здесь, в Итиле, половину города занимали славяне и русы и была особая «Славянская часть» города. Для славян и русов был создан специальный суд. Хазарский каган собирал с них десятину. В Итиль купцы-русы привозили те же товары, что и в Булгар. Среди них были товары,

добываемые в самой Руси, были и предметы, покупаемые у своих западных соседей. К ним несомненно относятся знаменитые «франкские мечи», олово (или свинец), янтарь, добываемый в Прибалтике и отчасти на севере.

В Итиль русы прибывали по Волге или по Дону, причем из Дона в Волгу попадали волоком (у современного Сталинграда). В Дон попадали или из Десны, Сейма и Северного Донца, или кружным путем по Днепру в Черное море, а оттуда через Керченский пролив и Азовское море на Дон. Существовала, по-видимому, и сухопутная дорога через степи, известная позднее в Киевской Руси под названием «Залозного пути». По свидетельству Константина Багрянородного, русы приезжали для торговли в Черную Болгарию (Северный Кавказ) и Сирию (Серир — современный Дагестан).[52]

Арабские купцы, в свою очередь, по свидетельству Масуди, Истахри и Аль-Балхи, ездят в Киев для торговли.[53] Ибрагим Ибн-Якуб говорит о том, что купцы-мусульмане, евреи и турки ездят через Краков в Прагу и путь их несомненно лежал через Киев и Прикарпатье.[54] Путь иноземным купцам был закрыт, по свидетельству Истархи, Ибн-Хаукаля, Идризи и персидского анонима X в., только в один из центров русов — в Арту, или Артанию.[55] У восточных купцов русы покупали мечи, бусы (Ибн-Фадлан, Абу-Гамид-ель-Андалузи) и несомненно шелковые ткани, ювелирные изделия, пряности, фрукты. Но, по-видимому, арабы меньше ввозили на Русь товаров, чем вывозили из нее. Этим, может быть, и объясняется обилие кладов восточных монет, накопленных русами в результате подобного рода торговли и походов на Каспий.

Об обширных торговых связях Руси с Востоком кроме кладов восточных монет и непосредственных указаний мусульманских писателей говорят и некоторые другие археологические находки. Так, например, на Тамани были найдены выгруженные из судов камни-балласт той породы, которая встречается только под Киевом.

К концу X в. вместе с разгромом Хазарского каганата и упадком арабского халифата торговля с Востоком замирает.

Интересно отметить то обстоятельство, что, судя по кладам восточных монет, она шла главным образом по важнейшим водным артериям. На расстоянии 75—100 километров от них лежат уже почти совершенно лишенные кладов обширные пространства, где лишь изредка попадаются случайные находки и то главным образом поздние, не ранее X в. Из этого следует вывод, что торговали не сельские жители-общинники, а только какая-то определенная часть русов, какие-то общественные верхи, сосредоточивавшиеся в определенных центрах по важнейшим торговым путям.

В представлении арабов русы, торговавшие в Булгарах, Итиле, пробиравшиеся даже до далекого Багдада, — это воины и купцы. Мы не будем сейчас останавливаться на том, что представляли собой русы в оценке арабов; были ли они славянами или норманнами или теми и другими, этим вопросом мы займемся позднее. Для нас сейчас важно отметить, что восточные писатели считают русов воинами, добывающими все с бою, захватывающими в плен славян, для того чтобы продать их в Хазарию или Болгарию, не имеющими ни деревень, ни пашен, живущими в многочисленных городах. Свое богатство они добывают мечом. Русь «питается лишь тем, что добывает в земле славян», Русь «не имеет недвижимого

имущества, ни деревень, ни пашень; единственный промысел их — торговля» мехами и рабами, «которые и продают они желающим, плату же, получаемую деньгами, завязывают накрепко в пояса свои». «Когда у кого из Руси родится сын, отец берет обнаженный меч, кладет его перед дитятею и говорит: „Не оставлю тебе в наследство никакого имущества: будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом“». Они опрятны в одежде и очень богаты. Татуированные от кончиков пальцев и до шеи, со свитыми и окрашенными желтой или черной краской или бритыми бородами, в своих коротких курточках и кисах (форма плаща), обвивающих один бок и оставляющих непокрытой одну руку, с мечами франкской работы, ножами и секирами, высокие и стройные, сильные и гордые, богато одетые русы производили большое впечатление на арабов.

Их женщины носят ценные украшения: коробочки из меди, серебра или золота, в зависимости от богатства мужа, прикрепленные к груди, к которым привязан нож, зеленые бусы и массивные серебряные или золотые цепи, число которых также соответствует богатству мужа. Накопив 10 000 диргем, муж дарит жене такую цепь, и число цепей, часто довольно большое, соответствует богатству русского купца. Роскошно одеты и мужчины-русы. У них кафтаны с золотыми пуговицами, собольи шапки, золотые браслеты. Русы живут богато, в домах у них дорогая утварь, ковры, подушки. Они имеют много рабов, скота, обзаводятся на чужбине, в Болгарии или Хазарии, своими домами и живут по 10—15—20 человек, т. е. своеобразными военно-торговыми товариществами. Похороны знатного руса своей пышностью и великолепием поразили Ибн-Фадлана. Так говорят о русах Ибн-Фадлан, Ибн-Росте, Ибн-Хаукаль и др.

Перед нами воины-купцы, добывающие меха и шкуры, мед и воск, рабов и невольниц не в результате обмена и торговли, вернее не столько в итоге обмена и торговли, сколько в результате грабительских нападений, захвата и увода в плен побежденных, обложения данью и т. д. Это воины-купцы, богатая верхушка, мечом отстаивающая свои интересы и заставляющая подчиниться себе рядовых общинников разных славянских и неславянских племен Восточной Европы. Все доходы от торговли с Востоком остаются в ее руках и составляют привилегию, еще более усиливающую и обогащающую эту массу сильных и хорошо вооруженных, богатых и организованных, жадных и воинственных русов восточных писателей.

В руках таких же купцов-воинов русов была и вторая торговая артерия — великий водный путь «из варяг в греки». На всем своем протяжении от Скандинавии до Византии он сложился не ранее начала или даже середины IX в., но отрезок его от Причерноморья до Среднего Поднепровья очень древнего происхождения и восходит еще ко временам скифов и античных греческих колоний. Находки древнегреческих вещей и монет, клады римских и ранневизантийских монет встречаются по всему нижнему и среднему течениям Днепра. Это был старинный торговый путь, торговля по которому то расцветала, то замирала под влиянием бурных событий времен «великого переселения народов», то снова возрождалась. В первой половине IX в., в период первых походов русов на Византию, приходящих сюда, по выражению Константина Багрянородного, для войны или торговли, путь по Днепру становится важнейшим путем русской торговли. К этому времени относится соединение двух речных артерий:

днепровской и волховской. До этого времени, судя по находкам монет, от Среднего Днепра торговые пути расходились по Десне, Днестру, Припяти и исчезали среди местных речных и сухопутных дорог, ведущих к верховьям Оки, Днепра, Волги, к болотам и лесам Полесья, к Карпатам. Еще до IX в. Днепр соединился с Западной Двиной. На севере в это время обмен шел по Западной Двине, Неве, Ладожскому озеру, по Волге и Северной Двине. В начале IX в. обе области ранее слабо связанных друг с другом речных путей объединяются, создается великий водный путь «из варяг в греки» с двумя ответвлениями: один, главный, на Ловать, Ильмень, Волхов, Ладогу, Неву и второй — на Западную Двину.

Ибн-Хордадбег, писавший свою «Книгу путей и государств» в 40-х годах IX в., говорит: «Что же касается пути купцов Русов, а они принадлежат к славянам, то они вывозят меха бобров, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румскому (Черному. — *В. М.*) морю, и царь Рума (Византийский император. — *В. М.*) берет с них десятину».[56]

Походы русских на Византию в начале IX в., описанные в житиях Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, в послании патриарха Фотия, посольства русов в Византию, о которых говорят Бертинские анналы и договоры русских с греками 860, 866—867, 911, 944 и 971 гг., сохранены (последние три) нашей «Повестью временных лет», походы Аскольда и Дира, Олега, Игоря и Святослава закрепили за Черным морем название «Русское море», так как, по свидетельству Масуди, «никто, кроме них (русов), не плавает по нему и они живут на одном из его берегов». «Русским морем» зовет Черное море и «Повесть временных лет». «Днепр втечет в Понетьское море жерелом, еже море словеть Руское».[57] По старой традиции, западные источники Черное море еще в XI—XII вв. называют «mare Rusciae», «mare Recenum».[58]

Вначале, по-видимому, русы торговали с Византией через посредничество Херсонеса, древнего Корсуня русских источников, но в середине IX в. они установили непосредственные связи с Константинополем. Сюда прибывали русские купцы и, согласно так называемому договору 907 г., представляющему собой часть договора 911 г., по предъявлению своих печатей помещались в предместье Константинополя, в монастыре святого Мамонта, где и получали содержание. Торг вели беспошлинно, но на городские рынки этих воинов-купцов пропускали безоружными, партиями не более 50 человек и в сопровождении «царева мужа». На обратный путь они получали от императора провиант и снасти для своих судов. Впоследствии, в договоре Игоря 944 г., права русских купцов в Византии были несколько урезаны, о чем речь будет дальше, но все же в течение всего X в. русско-византийская торговля продолжала развиваться и расти.

Константин Багрянородный красочно описывает плавание русских однодеревок (моноксилов) по Днепру в Византию. С наступлением ноября месяца князь «со всеми Руссами» выходит из Киева и отправляется в полюдье в земли подвластных славянских племен, платящих ему дань. Всю зиму они проводят в полюдье, а в апреле, когда растает лед на Днепре, возвращаются в Киев. В глухих дремучих лесах данники-славяне в течение зимы рубят огромные деревья и, наспех их обстругав, опускают на воду. С наступлением весны такие примитивные лодки-однодеревки спускаются к Днепру. У Киева славяне пристают со своими челнами к берегу и продают их русам. Грубо обработанная колода обшивается бортами, ос-

нащается веслами, уключинами, мачтами, и вот она уже готова в далекий путь. В нее грузится все, что добыто в течение зимнего полюдья путем сбора дани, поборов, грабежа и торговли: ценные меха, шкуры, мед, воск и рабы. В июне русы двигаются вниз по течению Днепра, некоторое время поджидают у Витичева отставших, а через два-три дня пускаются всем караваном в далекое путешествие. Они проходят пороги, где часто поджидают русских купцов алчные и воинственные печенеги, и особенно опасными в этом отношении считаются Неясыть и Крарийская переправа. Приходится выходить на берег, оставляя вещи в однодеревках и, осторожно прощупывая ногами дно, толкать ладьи шестами. У Неясыти к тому же приходится часть людей выделять для охраны каравана от внезапного налета хищных кочевников-печенегов. Но вот тяжелый путь через пороги остается позади. Показался остров святого Георгия. Здесь русы делают остановку и у огромного многовекового дуба совершают жертвоприношения. Еще немного — и на горизонте, в Днепровских лиманах, появляется остров святого Эвферия (Березань). Тут русы отдыхают два-три дня и готовят свои ладьи для морского путешествия, оснащают их мачтами, реями и парусами, и снова в путь. Идут морем, держась берегов, делая остановки у Днестра, Белой и в других местах. До самой Селины их преследуют идущие по берегу печенеги, выжидающие добычу. Но вот русы проходят Дичин и «достигают области Месимврии: здесь оканчивается их многострадальное, страшное, трудное и тяжелое плавание».[59] Впереди плещут голубые воды «Суда» (Зунда, т. е. пролива, как по-скандинавски назывался Босфор) и сверкают белые здания Константинополя. Здесь уже начинался торг. Отсюда русские купцы привозили золотые и серебряные вещи, дорогие ткани («паволоки»), фрукты, вина, пряности, стеклянные изделия, «сосуды разноличные» и «всяко узорочье»: украшения, изделия из эмали и т. д. Здесь они продавали меха, воск, мед и рабов. Для торговли рабами в Константинополе имелся особый рынок, «идеже рустии купци приходяще челядь продают».[60] За широко развитую работорговлю Русь получила у евреев прозвище Ханаана.[61]

Русские купцы торговали и с Византийским Крымом. С устья Днепра русские суда поворачивали на Херсонес (Корсунь). Значение торговли с Корсунем столь велико, что термин «корсунский» на Руси стал синонимом всего заморского, дорогого, изящного, редкого. Здесь же, у устья Днепра, еще в X в. было какое-то поселение русских воинов-купцов, откуда они ходили в Константинополь и Корсунь, зимовали, занимались промыслами и сталкивались с корсунцами (херсонеситами). Из этого поселения выросло Олешье XI—XII вв., где останавливались купцы-«гречники».

Имела место и посредническая торговля между Русью и Византией, и в роли посредников выступали печенеги. Они продавали херсонеситам русский воск и меха, а скупали у последних шелковые ткани, муслин, перевязи, бархат, перец и другие товары, часть из которых предназначалась для торговли с русскими.[62]

Значение торговли с Византией трудно переоценить. Торговый путь из «моря Варяжского» в «море Русское» сыграл большую роль в объединении северной, Приильменской, и южной, Среднеднепровской, Руси, являясь будучи в значительной степени результатом расширения сферы деятельности русских дружин воинов-купцов. Влияние Византии на Русь

слишком хорошо известно, чтобы о нем подробно говорить. Оно сказывается и в материальной культуре от русского художественного ремесла и одежды до памятников древнерусского зодчества, и в экономике Руси, в ее городской и сельской жизни, в культуре, политической жизни и идеологии. И немаловажную роль в русско-византийских связях имели торговые сношения.

Говоря же о том, кто был носителем этих сношений, мы должны будем признать в русах, снова сознательно отбрасывая сейчас вопрос об этнической принадлежности, воинов-купцов, богатую знать, имевшую своих послов, свои золотые и серебряные печати с родовыми знаками, вооруженных мечами и копьями, топорами и луками со стрелами. Воинственные и храбрые, жадные и корыстные, они обирают своих данников — рядовых славян-общинников, обращают их в рабство и, нагрузив свои ладьи-однодеревки всякими товарами, добытыми не куплей, покупают они редко, а «примучиванием», данью и грабежом, едут в Византию и везут оттуда для своего потребления или для продажи «за морем», в Скандинавии и Западной Европе, различные дорогие вещи, украшения, ценные ткани, вина, фрукты и пряности. Те, кто дает им меха и мед, воск и рабов, рядовые общинники, чаще всего даже не видят эти «корсунские» и «греческие» товары, купленные русами в далеком Царьграде на деньги, вырученные от продажи братьев и сестер, жен и детей славян-общинников или от реализации куньих, собольих, лисьих, горностаевых и прочих мехов, воска и меда, добытого путем сбора дани в течение зимнего полюдья киевским князем и его «руссами» в землях древлян, кривичей, дреговичей, северян и других русских племен.

Конечно, немаловажное значение имела транзитная торговля, и мечи, которые русские купцы продавали в Византии, были франкскими, т. е. западноевропейскими мечами, так же точно как не все византийские товары потреблялись самими русами, но все же мы не можем не указать на грабительский характер торговли русских купцов-воинов. Из источников, относящихся к византийской торговле, он с той же очевидностью бросается в глаза, как и при изучении восточных писателей. Эта торговля, разоряя общинников, в то же самое время способствовала накоплению богатств у ведущей ее военно-купеческой верхушки. «Заморские» вещи, приобретенные за счет продуктов, отобранных у общинников, доставались не им (к общинникам-славянам они, как и византийские солиды и арабские дирхемы, почти не попадали), а все той же верхушке воинов-купцов.

Такого же древнего происхождения были и связи с Западной Европой. Со Скандинавией и Готландом Русь была связана уже во всяком случае с VIII в., а быть может, и ранее, когда в VI—VII вв. впервые шведские викинги, правда не надолго, проникли в Прибалтику. К этому же времени относятся первые следы восточных монет на острове Готланде и в Швеции. В таможенных правилах, изданных в Раффельштете в октябре 904 г., говорится о купцах, приходящих из Чехии и «Ругии», т. е. Руси, так как «Ругией» в Западной Европе называли Русь, о чем свидетельствует продолжатель Регинона, называющий Ольгу правительницей Ругов. «Русские» товары Раффельштетского таможенного устава — это воск, рабы и лошади.[63] Ибрагим Ибн-Якуб сообщает, что из Кракова приходят в Прагу русы и славяне и привозят туда рабов, олово и меха. Здесь они торгуют с арабскими, еврейскими и турецкими купцами, привозящими «византий-

ские червонцы» и разные товары.[64] Позднее одним из центров торговли с Западом становится Регенсбург и регенбсургские купцы появляются в Киеве.[65] С Запада на Русь приходили мечи и другое оружие («лядские сулицы» и «латинские шеломы» «Слова о полку Игореве»); некоторые изделия, в том числе итальянские, испано-арабские и африкано-арабские. Недаром Вениамин Тудельский сообщает о русских купцах в Александрии, а Масуди говорит об одном русском племени, которое торгует с Андалус (Андалузией).[66] У Мартина Галла мы находим, правда, позднейшее свидетельство о торговле Руси с Польшей, но он же говорит о «прежних» поездках купцов.[67]

Что касается торговли Руси с Севером, то в западной части своих путей, связанных с «морем Варяжским», она совпадает с указанными нами ранее путями Волжской, Двинской торговли и северной оконечностью пути «из варяг в греки» и ведет в Скандинавию и на Балтийское побережье, а в восточной уводит русских купцов в землю «вису» (веси), «юры» (югры), в Биармию, к «Морю Сумрака», где шел «немой» торг с северными лесными племенами, описанный нашей летописью.

В связи с растущим обменом растет число кладов монет, расширяется денежное обращение. Деньги выступали в Древней Руси и в качестве средства обращения, и в качестве средства накопления сокровищ. В этой своей функции деньги и выступают в кладах монет, и в этом же качестве они высоко ценились на Руси. По свидетельству Гардизи, русы и славяне «не продают товара, иначе как за чеканные диргемы».[68] Об этом говорят многочисленные клады всевозможного рода восточных (сасанидских, саманидских, абассидских, зийяридских, омейядских и прочих диргемов), западноевропейских, византийских и, наконец, русских монет, чеканенных первыми князьями. Накопленные в результате грабежа, поборов и торговли деньги закапывали в землю, пряча от врагов.

Первыми попали на Русь греческие и римские монеты. Затем во времена великого переселения народов приток монет ослабевает и даже по отношению к отдельным районам вовсе замирает. Позднее, с VIII в., снова начинают распространяться денежные клады, говорящие о развитии торговых связей, причем первое время ранневизантийские и восточные монеты встречаются примерно в равном количестве. С IX в. безраздельно господствуют монеты восточного чекана, хотя по-прежнему встречаются византийские солиды, а затем, с конца X в., приток восточных монет ослабевает, в то время как в последние два десятилетия X в. появляются западноевропейские денарии (датские, английские, немецкие, чешские и др.), сперва обращающиеся лишь в качестве придатка к восточным диргемам, постепенно, в течение примерно полувека, вытесняющие эти последние, пока, наконец, с середины XI в. восточные монеты окончательно уступают свое место западноевропейским. Два века на Руси господствовали в обращении диргемы и одно столетие — денарии. От этой эпохи, по-видимому, сохранился термин «скот» в обозначении денег. В Раффельштетском таможенном уставе, где говорится о торговле с «ругами» (русскими), упоминается «скоти», равный полудрахме. В древнефризском языке «sket» означает скот и деньги, в древнесаксонском «scat» — деньги, имущество, в англо-саксонском «sceatt» — деньги, имущество, в древнескандинавском «skattr» — деньги, богатство, налог, подать, что совпадает со смыслом русского слова «скот».

Все это говорит за то, что в древности «skat», «scot» означал и деньги, и богатство, и имущество вообще, и в частности, определенную часть имущества — скот, как это имело место с римскими «pecus» (скот) и «pecunia» (деньги). Позднее этот термин закрепляется за понятием «деньги» и в таком его содержании вместе с западноевропейскими монетами приходит на Русь.[69]

Со времен Владимира Святославича до нас дошли первые монеты русской чеканки. Это известные монеты с изображением князей и родовым знаком Владимира (Василия) Святославича, Ярослава (Георгия) Владимировича и Мстислава Владимировича. Но монет русской чеканки встречается мало.[70]

В XII—XIII вв., за пределами интересующего нас периода, чеканка монет на Руси прекращается по не известным нам причинам, а приток монет с Запада также сходит на нет. Их заменяют серебряные слитки-гривны. «Гривна» — шейное украшение («грива», «загривок») в виде обруча, постепенно приобретающее роль денег. Вначале они подчиняются определенной весовой единице, что произошло, быть может, еще в очень отдаленные времена, а затем стали отливать особые слитки (в Киеве — шестиугольные плитки, в Новгороде — продолговатые палочки, имелись и черниговские гривны).[71] Их отдаленным потомком является современный «гривенник».

Во времена «Русской Правды» денежное обращение широко распространяется на Руси. На Руси ходили гривны, куны, резаны, ногаты, веверицы и векши. Слово «куны», как и «скот», было обобщающим понятием для денег. Наивысшей единицей счета была гривна, равная 20 ногатам, 20 или 25 кунам или 50 резанам. Веверица и векша были мелкими денежными единицами, равными примерно 1/4 куны или 1/2 резаны. В кунной системе наименование денежных единиц имеет чрезвычайно пестрый характер. Гривна служила обозначением единицы веса и расплаты в серебре и золоте, ногата также была металлическим денежным знаком (от арабского «нагд» — деньги, точнее — полноценная, хорошая монета), тогда как куна, веверица и векша выступали ранее в роли меховой денежной единицы. Резана могла быть частью разрезанной и меховой, и металлической денежной единицы и в последней своей форме неоднократно встречается в кладах монет. Меховая денежная система во времена «Русской Правды» уже отходила в область преданий, и все эти куны, веверицы и векши были металлическими деньгами. Но было время, когда они действительно были мехами, и об этом времени говорит Ибн-Росте, сообщающий, что главное богатство камских болгар, соседей Руси, с которыми русские постоянно общались и торговали, «составляют куницы. Нет у них золотых и серебряных денег. Их диргемы — куницы», и пишет Насир-Эд-Дин Ахмед Тусский, указывающий, что «на Руси ходячая монета — белка, не деньги. Это кожи без волос с передними и задними лапками и с ногтями».[72] Кстати следует отметить, что изучение стоимости денег «кунной» системы приводит к интересным выводам. Ибн-Росте сообщает, что «одна куница равняется 2,5 диргем». Но столько она стоила в Болгарии, Хазарии или на Каспии. Мех же куницы на Руси стоил 1 диргему, а белка — $^1/_4$ диргемы. Это свидетельствует о больших прибылях купцов-русов, торговавших мехами с Востоком, даже если считать, что они покупали меха у славянских охотников.

Мы остановились лишь на древнейшей торговле Руси, и целый ряд вопросов, связанных с ней, но относящихся к более позднему периоду, новые торговые пути и формы обмена будут служить объектом рассмотрения далее.

В эту древнейшую эпоху сами продукты торговли добывались и в результате внеэкономической эксплуатации зависимого населения путем даней, когда основной ее формой была дань, собираемая с покоренного населения, уплачиваемая наиболее ценным предметом экспорта — мехами, и в результате захвата самого населения в рабство для последующей продажи на рынках Востока и Византии. Рост внешней торговли наряду с выделением ремесла вызывал развитие внутренней торговли между сельским населением и городами, причем, конечно, нельзя сказать, что торговля проникала во все уголки Руси, что она стала необходимой для всей массы общинников, для всего сельского люда. Деревня участвовала во внешней торговле главным образом пассивно, отдавая княжим дружинникам, воинам-купцам, основную массу своих ценностей. Часто и сам сельский житель, захваченный в плен, становился товаром. Накопление ценностей, поступающих в результате сбора дани, поборов и т. д., в руках князя и его дружинников, превращение дани в товар, наличие наряду с голым принуждением свободного обмена торговли усиливали имущественную дифференциацию, способствуя ускорению процесса распада общины и развитию классовых отношений вширь и вглубь.

Торговля, захватывая в орбиту своего влияния все большее и большее количество областей с общинными поселениями, разлагает общину, способствуя еще большему укреплению экономически могущественных семей и обнищанию маломощных. Создаются условия для возникновения феодала внутри самой общины, и он не замедляет появиться.

Этот процесс ускоряется и оформляется под влиянием вовлечения данных районов в орбиту феодальных отношений, сложившихся в передовых районах и городах Восточной Европы. Растет социальная дифференциация, подготавливающая распад первобытно-общинных отношений и выделение господствующей феодальной группировки. Сохранившаяся община становится уже социальной организацией угнетенного класса, объектом эксплуатации выделившейся феодальной верхушки.

Рост ремесла, а вместе с ним и торговли вызывает появление городов. Мы уже имели возможность указать на эволюцию больших городищ. Эти последние, представлявшие собой поселения нескольких семейных общин, обрастают открытым селищем. Подобного рода явление было прослежено нами на материалах Борщевского городища на Среднем Дону. К числу таких городищ, эволюционирующих в направлении трансформации в город, относится и Ковшаровское городище.

В позднейших слоях Ковшаровского городища X—XII вв. обнаружены остатки новых оборонительных сооружений, состоявших из деревянных укреплений на каменном фундаменте, сложенном из булыжника. Столбы этих укреплений были вкопаны в землю ниже каменной кладки и обнесены горизонтально положенными бревнами. Вокруг укрепленного городка на площади в 4—5 гектаров найдены следы открытого поселения — «селище». Эти последние становятся главным типом поселения основной массы населения.

Старые городища либо запустевают, превращаясь во временное убежище, либо перерастают в города. Иногда жители «селищ» воздвигали городище, но очень небольшое число находок вещей в них говорит за то, что они были только лишь временными убежищами, куда скрывалось во время нападений врагов окрестное население.[73]

Исследования показали, что в города превращались те древние городища, которые были расположены на важных торговых или военных путях. Они разрастались в размерах, их укрепления часто превращались в «Детинец», «Кремль», за пределами которых жила основная масса городского люда. Так образовались города Старая Рязань, Ростов, Смоленск, Витебск, Полоцк, Туров, Изборск, Орша, Белозерск, Старая Ладога и другие древнейшие центры Руси. Из городища, расположенного на правом берегу реки Полоты, типичного большесемейного городища VIII—IX вв. с лепленной керамикой, костяными орудиями и т. д., вырастает феодальный Полоцк. Старое городище превращается в «Детинец», но когда и он перестал удовлетворять потребности горожан, в XI в. выстраивается новый «Детинец», в пять раз больше первого, но уже в устье реки Полоты.

В 12 километрах от Смоленска, у деревни Гнездово стоит большесемейное городище. Это — древний Смоленск. В X в. здесь возникают два новых укрепленных валами городища — одно в устье реки Свинки, другое — в устье реки Ольшанки, окруженное обширными селищами и огромным курганным некрополем, насчитывающим несколько тысяч курганов.

В XI в., когда городища перестали удовлетворять потребности древних смолян, город был перенесен на настоящее его место. Такую же эволюцию претерпели Новгород, древнейшее городище которого «Рюриково» находится в 3 километрах к югу от Новгорода; Белозерск, расположенный в X в. в 10 километрах к востоку на берегу реки Шексны; Ростов, эмбрионом которого было древнее Сарское городище; Ярославль, выросший рядом с древним городищем «Медвежий угол», и т. д. Некоторые города вырастали непосредственно на месте древних поселений, как это произошло с Киевом — «мати градом Русьским», Ладогой, древним «Альдейгобургом» скандинавских саг, и др.[74]

Эти перенесения древнерусских городов обусловлены различными причинами. Во-первых, город переносился, если дальнейшее разрастание древнего «Детинца» становилось невозможным, а потребность в этом была; во-вторых, в том случае, если новое его местоположение больше соответствовало потребностям торговли и военных предприятий князей, и, в-третьих, тогда, когда в древних центрах — городищах времен племенного быта — сосредоточивается враждебная князю родоплеменная знать и разгром ее сопровождался ликвидацией старого поселения.

Города становились ремесленными и торговыми центрами и резиденциями князя и дружины.

В центре города, за стенами «Детинца», стояли княжеские хоромы и дворы, дома и дворы окружающей князя знати. У стен «Детинца» располагались поселения «черного люда» и торг. Позже и они обносились стеной и снова обрастали неукрепленным поселением — «окологрядьем». Строились церкви и монастыри. Вокруг города располагались княжеские, боярские и монастырские села, загородные княжеские «красные дворы», представленные «селищами», о которых говорят древние летописи. К го-

роду сходились пути — сухопутные и речные. Дороги получали название от городов и стран, к которым они вели, а городские ворота назывались по дорогам: «Черниговские», «Курские» (Новгород-Северск), «Лядские» (Киев) и т. д.

Город становится типичным феодальным торговым, ремесленным и административно-политическим центром, в котором сосредоточивается различное, довольно пестрое социально дифференцированное население — мелкий ремесленный и прочий «черный» люд, купцы, ведущие как внешнюю, так и достаточно к тому времени развитую внутреннюю торговлю, и феодализирующаяся верхушка — князь со своими дружинниками, слугами, администрацией, дружинное, княжое и «земское» боярство и т. д.

В это время, в IX—X вв., Русь была покрыта городами, и недаром в скандинавских сагах за ней закрепилось название «Гардарики», т. е. «страна городов». Об обилии городов у восточных славян сообщают Географ Баварский, Масуди и Аль-Истархи.[75] Конечно, среди этих «городов» было немало еще древних городищ, но вряд ли можно сомневаться в указаниях писателей древности, если развернуть карту древних городищ уже несомненно городского типа X—XI вв. Многие из них нам неизвестны по именам, многие летописные города не могут быть приурочены к известным городищам, но общая картина от этого не меняется.

Правда, города Древней Руси часто еще не были городами в собственном смысле этого слова.

«Градами» называет городища и селища древлян древняя русская летопись, сообщая о борьбе Ольги с древлянами. Что это были за «грады», можно судить по тому, что их жители занимаются не ремеслом и торговлей, а «делают нивы своя и земле своя».[76]

Таким же «градом», только, по-видимому, больших размеров, был и племенной центр древлян — Искоростень.

Эти города того периода времени, той переходной ступени развития, когда соответственный пункт являлся одновременно и «селом», и «деревней», и «городом», «село-градом», по терминологии Н. Я. Марра, синонимом нашего «места», «местечка», украинского «міста», термина, покрывающего такие понятия, как «город», «село», «поселение» и т. д.[77]

Но наряду с ними в X в. на Руси расцветали Киев, Новгород, Чернигов, Переяславль, Изборск, Ладога, Белоозеро, Витичев, Вышгород, Любечь, Муром, Ростов, Изяславль, Перемышль, Червень, Смоленск, Овруч, Пересечен, Полоцк, Белгород, Псков, Родня, Туров и многие другие, названия которых не сохранили нам наши летописи.

Наряду с городами, развивающимися из древних городищ, появляются городки-крепости, «нарубаемые» князьями с целью обороны границ Руси от «ворогов» или для «примучивания» окрестного подвластного, подданного населения. Так «ставил» города по Руси Олег, так «ставил» города по Десне, Остру, Суле, Стугне и Трубежу и «нарубал муже лучшие» Владимир, так «поча ставити городы по Роси» и Ярослав.[78] Это были военно-административные центры, центры княжеского управления и оборонительные пункты. Они должны были держать в повиновении окрестную землю и «боронить землю Русскую от ворога». Эти княжеские городки, напоминавшие позднейшие «острожки» времен Московской Руси, впоследствии обрастали «окологрядьем», если, конечно, это позволяли условия местности и к ним экономически тяготело население, заселялись вся-

кого рода торговым и ремесленным людом и таким образом превращались в настоящие города. Далеко на юге, где постоянные нападения кочевников делали жизнь окраинного населения тяжкой и опасной, на востоке в дремучих лесах, в глухих, медвежьих уголках, где не пролегали прямоезжие пути-дороги, на севере эти княжеские городки редко достигали расцвета и часто исчезали, не оставив после себя ощутительных следов.

У князей были свои собственные города: Вышгород («град Вользин»), Белгород («Воладимир заложи град Белъгород, и наруби в нь от инех городов, и много людей сведе в онь, бе бо любя град сь»), Изяславль («град» Рогнеды) и др. В этих городах, являвшихся центрами не только военно-административного, но и административно-хозяйственного управления, сосредоточивались разного рода «княжие мужи» и челядь: даньщики, вирники, ябетники, мечники, мостники, городники, тиуны, рядовичи, ремесленники, холопы и т. д. Одни из них были управителями, другие — слугами, третьи выступали в качестве рабочей силы в княжеском хозяйстве. В военное время из этих управителей и слуг формировалась княжеская «молодшая» дружина. Такой княжой город был заселен княжескими ремесленниками: оружейниками, ювелирами, «каменносечцами», гончарами и т. д., ставившими на своих изделиях родовой знак своего князя. Искусные ремесленники ценились князем. «Русская Правда» ограждает жизнь «ремественника» и «ремественницы» штрафом в 12 гривен, как за тиуна или кормильца.[79] Княжеские родовые клейма на изделиях ремесленников-холопов обнаружены как раз там, где княжеское хозяйство в IX—XI вв. было больше всего развито: Киев, Чернигов, Белгород, Вышгород, Изяславль, Остерский Городец, Канев (летописная Родня, современное городище «Княжая гора»). Это были княжеские города, центры княжеского хозяйства.[80] Здесь княжеский «красный двор», где иногда живет подолгу сам князь, но чаще всего его посадник, здесь князья заводят свое хозяйство, наблюдают за ним. Тут склады «узорочья», «тяжкого товара» и всякой «готовизны», меда в «медовушах», вина, воска, хлеба и т. п., которые доставляют «тянущие» к городу «волости» и «земли», выгоны и выпасы, «бобровые гоны», «ловища», «перевесища», «бортные ухожаи» и т. д., обслуживаемые трудом всякого рода челяди: холопов, смердов, рядовичей и т. д. Княжой город окружают села — княжеские сельские поселения, находящиеся под управлением и наблюдением сельских и ратайных старост и тиунов и всякого рода слуг из челяди — рядовичей. Здесь пасутся стада скота, косяки лошадей. Сюда, в город, стекались дань и военная добыча, поборы и штрафы, товары и рабы, тут была «вся жизнь» князей. Такой княжой город становился центром феодального освоения окрестной земли. Вокруг него возникали княжие села и слободы, и деревни сельских общинников постепенно втягивались в княжеское хозяйство. Всюду появлялась княжеская администрация, ставившая затесы на дубах и соснах, прокладывавшая межи, устанавливавшая повсюду всякого рода «знамения», строго преследовавшая за «перетес», каравшая всякого, кто «межоу переорать», пускавшая на некогда общинные выгоны стада скота с княжим «пятном». Всюду появлялись княжие села, «ловища и перевесища», «рольи» и «бортные ухожаи», трудились княжеские холопы и смерды, ремесленники и рядовичи, всюду хозяйничали огнищане и конюхи, тиуны и посельские. И специальные «княжие

мужи» — «городники» — «нарубали» все новые и новые города, становившиеся очагами феодализации и военно-административными центрами. Такой княжой город, где жили ремесленники и концентрировались всякого рода «товары» и «узорочья», где находились «склады» живого товара — рабов, естественно, привлекал к себе купцов и ремесленников, соблазненных перспективой «торга» и безопасного отправления своих функций под защитой городских валов и стен, под защитой княжеской дружины, и княжеский город обрастал «окологрaдьем» — посадом.[81]

Так, в результате общественного разделения труда и концентрирования ремесла и торговли на некоторых древних городищах, расположенных на удобных торговых и военных путях, и в результате градостроительной деятельности князей возникает древнерусский город, уже не «село-град» — «место», не город-городище времен первобытно-общинного строя, а город феодального типа, тот город, которому Русь обязана своим скандинавским названием «Гардарики».

Среди городов Древней Руси особенно выделяется Киев, «мати градом Русьским». Этот город, как и Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск, Ладога и некоторые другие города, не был княжеским городом в том смысле этого слова, в каком мы употребляли это понятие по отношению к Вышгороду, Белгороду, Изяславлю, Родне и др. В городах, возникших на основе древних поселений, князья могли возводить новые стены, «сыпать» земляные валы, строить «детинцы», расширять их, окружать «окологрaдье» новой линией земляных и деревянных укреплений, возводить церкви и монастыри, «хоромы» и «красные дворы», до неузнаваемости менявшие облик древнерусского поселения, но не они были их основателями. Время их возникновения к эпохе летописцев было уже основательно позабыто, но пытливый народный ум пытался восполнить пробел. И складывались предания и песни о легендарных основателях городов, «нарубавших» в седой древности города так же, как это делали современные им князья. Так возникли легенды о Кие, Щеке и Хориве, основателях Киева, о варяге Туре, заложившем Туров, записанные первыми русскими летописцами.

Древний Киев был хорошо известен Востоку, Западу и Византии. О «Куябе» («Куяве») говорят Аль-Джайгани, Ибн-Фадлан, Ибн-Хаукаль и другие восточные писатели. О Киеве сообщают договоры русских с греками и Константин Багрянородный. О Киеве говорят Титмар Мерзебургский, Брунон и скандинавские саги. Киев, как и Русь, был городом, «ведомым и слышимым во всех концах земли».

В древности Киев носил и другое название. Константин Багрянородный сообщает, что однодеревки русов «собираются к Киевской крепости, называемой Самвата...»[82] Киевская крепость — это, очевидно, древнейший укрепленный район Киева. Но почему он получил название «Εαμβατάς»? Это слово пытались объяснить и из славянских языков («совода», соединение вод Днепра и Десны, «се мать» городов русских), и из языков венгерского («szombat» в значении городов и местечек), скандинавского («se stapr aer sambatasi» — «место, где собираются лодки»), франкского, литовского, армянского («Sambat» — имя собственное), арабского, финского («sampatasa», что означает «пограничный камень» или «пограничная равнина») и хазарского языков.[83] Н. Я. Марр считал возможным связать это название Киева с культовым именем, означающим тотемные божества сарматов и одинаково отложившимся в топонимиче-

ских названиях Армении и Руси. Отсюда, из сарматского мира, откуда русский народ взял свои «дако-сарматские элементы в русском народном творчестве» (мотивы коней, стилизованные кони, изображения, связанные с сарматскими культами, и т. п.), пришла на Русь и в Армению легенда об основании Киева (Куара в Армении), в которой действуют в одинаковых условиях местности три брата и сестра их по имени Лебедь (Лыбедь), в исторические уже времена, в VII в., записанная армянским историком Зеноном Глаком, попав в армянский эпос едва ли не со слов тех самых русских воинов хазарских дружин, которые тогда же, в VII в., в далеком Закавказье столкнулись с армянами и чья речь была записана Моисеем Утийцем, русских воинов, рассказывавших свое предание о постройке «на горе» «града», вокруг которого был «лес и бор велик». Армянский Куар, двойник Киева, тоже был воздвигнут на возвышенности, где было «также обилие травы и деревьев». И все три брата армянской легенды — Куар, Мелтей и Ореан — действовали в «области Палуни», двойнике земли русских полян. Отсюда, из сарматского мира, быть может только в передаче хазар, эпигонов сарматского мира, пришло во времена хазарского владычества на Среднем Днепре и название древней киевской крепости «Самват».[84] Непосредственно хазарское происхождение наименования «Самват» тем более кажется понятным, что частичка «сам» часто употребляется хазарами для обозначения населенного пункта («Самкерц», «Семендер» и др.). Слово же «bat» в тюркском языке (а хазарский язык, язык болгарской группы, остатком которого справедливо считают современный чувашский язык, является древнетюркским) означает «крепкий».

Все остальные теории происхождения названия «Εαμβατάς» не могут быть приняты. Даже финская теория, которая как будто бы имеет некоторые основания претендовать на более или менее удачный подход к разрешению вопроса, учитывая финскую топонимику северной части Днепровского Левобережья, вряд ли может быть признана обоснованной. Когда у Среднего Днепра обитало население, в языке которого имелись элементы, близкие к позднейшей финской речи, ни о каких «крепостях» не могло быть и речи, а назвать «равниной» холмы и лесные чащи Киева можно только по недоразумению. Заслуживает внимания только недавно высказанное Б. А. Рыбаковым предположение об антском происхождении названия «Самват» или «Самбат».

Он указывает на найденную в 1902 г. в Константинополе надгробную надпись, гласящую:

«Здесь погребен Хилбудий, сын Санбата, умерший месяца ноября индикта 7. Супруга Хилбудия».

Судя по индикту, Хилбудий, сын Санбата, умер в 529 г. «Вполне вероятно, что погребенный здесь Хилбудий тождественен с антом Хилбудием, описанным Прокопием. В таком случае имя отца Хилбудия — Санбат — приобретает особый интерес в связи с названием Киева „Самбатас“. Сам Хилбудий несколько напоминает летописного Кия — и тот, и другой пытались вместе с антами («с родом своим») поселиться на Дунае (по Прокопию, в городе Туррисе), но оба были вынуждены оставить Дунай из-за конфликтов с местным южнославянским населением».[85] Сомнительно, конечно, чтобы эта надгробная надпись была связана с могилой известного анта Хилбудия, так как если датировка ее верна, то в могиле покоится прах неизвестного нам Хилбудия, а другого, ибо тот Хилбудий был убит

в 534 г. Но очевидно, что погребен в этой могиле был видный ант, сын Санбата. Следовательно, имя Санбат, близкое наименованию Киева Самбатом, было антским, русским, именем.

Память о наименовании Киева «Самвата» вряд ли сохранилась до летописных времен. Если даже считать, что «се мати» означает просто осмысление летописцем древнего названия города, так как трудно предположить, чтобы действительно город Киев был назван «матерью», то и в таком случае придется сделать вывод, что летописец не понимал этого названия, его смысл был утрачен, и он по-своему объяснил непонятное ему слово.

Раскопки древнего Киева обнаружили на территории города три древнейших поселения VIII—IX вв., не представлявших собой еще единого центра. Эти три поселения, расположенные на Щековице, на горе Киселевка и на Киевской горе, три городища дофеодального Киева, по преданиям, записанным летописцем, связывались с Кием, Щеком и Хоривом. Они не покрывались общим названием «Киев», и только к концу X в. одно из них, расположенное на Киевской (Андреевской) горе, втянуло в орбиту своего влияния все остальные, и только тогда складывается Киев как единый крупный городской центр.

Древнейшее Киевское городище, значительно меньших размеров, чем так называемый «город Владимира», было окружено валом и рвом, засыпанным Владимиром во время постройки в конце X в. (989 г.) Десятинной церкви (церкви Богородицы). На дне рва обнаружена лепная керамика, очень грубая и примитивная, что заставляет датировать древнее Киевское городище VIII—IX вв., а может быть, даже более ранним временем. Внутри городища VIII—IX вв. обнаружена землянка прямоугольной формы с крышей из досок, покоившейся на балке. Стены были сплетены из прутьев и обмазаны глиной. В землянке стояла прямоугольная глиняная печь со сводчатым верхом. На полу землянки найдены осколки битой лепной посуды и глиняные пряслица, датируемые VIII—IX вв. Таково было жилье обитателей древнего Киевского городища. На древнем Киевском городище были найдены остатки языческого капища, сложенного из серого песчаника в виде эллипса. Вокруг жертвенника сохранился глиняный пол.

Во времена Владимира ров был засыпан, в одном месте у рва была выстроена Десятинная церковь. «Город Владимира» был огражден земляным валом с каменными башнями. Развалины одной из таких воротных каменных башен «города Владимира» получили название «Батыевых ворот». На территории густо заселенного «города Владимира», основание которого следует датировать концом X в., стояли Десятинная церковь, церковь Василия, княжеские «хоромы» и позднее — Янчин монастырь (Янки, дочери Всеволода Ярославича). От «хором» Ольги и Владимира дошел до нас каменный фундамент здания, расположенного у Десятинной церкви. Нижний его этаж был возведен из скрепленного известью красного кварцита, доставленного с Волыни, верхний же этаж был сложен из тонкого кирпича с рядами мелкозернистого песчаника и прослойками цемента с толченым кирпичом. Кирпич был выкрашен светло-коричневой краской и имел скошенные боковые стенки. Среди остатков дворца найдены куски карнизов, плит, дверных наличников из красного шифера, мрамора и других пород камня. Красновато-коричневый дворец Киевско-

го князя был богато декорирован и выглядел роскошным зданием. Внутри «хоромы» были расписаны фресками и украшены мозаикой. Потолок и пол были деревянными. Наличники дверей были сделаны из красного шифера и скреплены железными стержнями, залитыми свинцом. Обнаружены оконные стекла круглой формы. Рядом, к западу, было расположено другое каменное здание, обмазанное штукатуркой с богатой фресковой живописью. Родовой знак Владимира на одной из плит датирует здания концом X и началом XI вв. Тут же стояла Златоверхая Десятинная церковь, от которой до нас дошли фундамент, капители колонн, мраморные и шиферные карнизы, мраморные парапеты, куски фресок и мозаик, остатки мозаичного пола и т. д., что говорит о роскошном оформлении первой русской каменной церкви. Невдалеке от Десятинной церкви и каменных княжеских «хором» располагались мастерские для обработки камня, где выделывались мраморные, шиферные и прочие карнизы, плиты, иногда украшенные орнаментом, для изготовления изразцов, политых эмалью, ювелирные, стекольные и литейные мастерские, мастерские для изготовления предметов из кости и рога и т. д. Продукцию этих мастерских мы находим в остатках церквей и «хором» древнего Киева, в погребениях, кладах и т. д. И наконец, во времена Ярослава создается огромный «Ярославов город» с «Золотыми» и «Лядскими» воротами, с Софией и т. д. В XI в. в Киеве уже немало пышных каменных дворцов, от которых до наших дней дошли нижние части стен, украшенные мозаикой, чаще же всего одни фундаменты. Строятся новые церкви и монастыри — Федора, Петра, Георгия, Ирины, Михайловский, Дмитриевский и Янчин монастыри, Софийский собор. Высится по-прежнему Десятинная Златоверхая церковь — усыпальница князей со своими саркофагами из мрамора, шифера и дерева, где были погребены Ольга, Ярополк, Олег и Владимир Святославичи и другие князья, с тайником и другие величественные здания древнего Киева. Новый город, «город» Владимира и Ярослава, разрастаясь, покрыл собой древний могильник IX—X вв., где найдено до 150 погребений «простой чади» в деревянных, сбитых гвоздями ящиках, которые сопровождаются бедным погребальным инвентарем (ножи, стрелы, кресала, кремни, перстни, височные кольца и т. п.), и несколько богатых курганов со срубами, представляющих собой могилы знати — дружинников с многообразным и богатым инвентарем (копья, топоры, стрелы, колчаны, седла, удила, стремена, куски богатой одежды и т. д.) и сопроводительными погребениями рабынь. Над древним кладбищем быстро растет новый город и бьет ключом бурная жизнь «мати градом Русьским».

Рядом с блестящими и пышными церквями и дворцами теснятся землянки «простой чади», где ютится всякого рода городская беднота: холопы, ремесленники, наймиты и т. п. Стены землянок уже не плетеные, как раньше, а сделаны из толстых бревен и изнутри выложены горизонтальными бревнами, брусьями или досками. Внутри такого дома стояла печь, основу которой составляли столбы или деревянные стенки, обмазанные глиной. Печь обычно была расписана в два-три цвета. Рядом с печью находилась яма для ссыпки отбросов и мусора или для помещения сухого белого песка для посыпки пола. Запасы зерна хранились в бочках или на полу в пристройке. В землянках XI—XII вв. найдены зерна ржи, ячменя, проса, пшеницы, кости животных и птиц, жернова, ножи, топоры, молотки, ножницы, серпы, лемехи, замки, ключи, посуда, изготовленная на гон-

чарном круге, зачастую поливная, и т. д. Некоторые из этих находок говорят за то, что в среду «простой чади» уже давно проникла частная собственность (замки) и что некоторые рядовые киевляне еще «делали нивы своя и земле своя» (серпы, лемехи). Город быстро рос и сказочно богател. «Соперник Константинополя» — Киев поражал многих иноземных купцов своим богатством, великолепием и многолюдностью.

Титмар Мерзебургский говорит о столице Руси: «В большом городе Киеве, столице того государства, находится более 40 церквей и 8 рынков». Одной из этих церквей была, по свидетельству Титмара, церковь Климента, в которой нетрудно усмотреть все ту же Десятинную церковь. В ней находились привезенные Владимиром мощи святого Климента, а может быть, даже особый придел. Пусть Титмар преувеличивает, но нет никакого сомнения в том, что Киев X в. был одним из крупнейших городов Европы, столицей молодого, могущественного государства и международным торжищем, где нетрудно было встретить грека и еврея, болгарина и ляха, немца и датчанина, англосакса и скотта, шведа и печенега, финна и венгра.

Вторым по величине городом Древней Руси был Новгород. Раскопки на Славне, Ярославовом дворище, Рюриковом городище и других местах Новгорода открыли нам богатый и многолюдный торговый город X—XI вв. с каменными церквами и зданиями, с многочисленным ремесленным людом. Улицы его были вымощены и получили водопровод и канализационные стоки еще в XI в., когда ни один из западноевропейских городов не имел ничего подобного. Так росли древнерусские города, центры хозяйственной, политической и культурной жизни Руси.[86]

Развитие разделения труда, рост ремесла вызывают рост внутриплеменного, межплеменного обмена и расширение внешней торговли, обусловивших возникновение и расцвет древнерусского города. Растет имущественная дифференциация. В больших курганах, представляющих собой погребения знати IX—X вв. типа знаменитых «Черной могилы» и «Гульбища» (обе могилы X в.) в Чернигове, Киевского погребения дружинника на Кирилловской улице (тоже X в.), Киевского некрополя, курганов у Гнездова (Смоленск), Ярославля, Шестовиц (Черниговщина), Старой Ладоги и т. д., обнаружены различные ценные вещи из золота, серебра и бронзы, чаще всего испорченные огнем, монеты, изящно отделанные дорогие украшения, как, например, турьи рога, украшенные сложно орнаментированной оправой из серебряных пластин, подвески, лунницы, пряжки, изделия со сканью, зернью и эмалью, обрывки дорогих тканей и остатки изящно отделанных изделий из кожи (сапог, ремней), золотые и серебряные перстни, пуговицы, застежки, диадемы, специальные туалетные принадлежности (пинцеты, лопатовидные палочки для чистки ушей) и т. п. В этих же огромных богатых курганах с кострищами найдено оружие, резко отличающееся от оружия предшествующих времен: мечи, в том числе западноевропейской работы, так называемые «франкские мечи», сабли, копья, стрелы (главным образом ромбовидные, хотя встречаются и ланцетовидные), кольчуги, шлемы, вытянутые кверху, бляхи от щитов, боевые ножи (скрамасаксы), топорики. Встречаются удила и стремена. В больших Гнездовских курганах, в погребении киевского дружинника X в. на Кирилловской улице, в «Черной могиле», в кургане у села Шестовицы и др. обнаружены сопроводительные погребения рабов и

рабынь-наложниц. За это говорят находки в боковом кургане остатков сожжений нескольких человек (в том числе и, прежде всего, женщин) и обнаруженные в погребении воина-дружинника женские украшения. Доказательством того, что покойника сопровождала не свободная жена, а рабыня-наложница, служит наличие сопроводительных погребений только в богатых курганах и примерно одинаковое число женских и мужских погребений в отдельных могилах, а это свидетельствует о том, что свободную женщину хоронили отдельно с соблюдением всех обрядов. Эти похороны рабынь вместе с господами описаны в знаменитом рассказе Ибн-Фадлана о похоронах знатного руса. Ибн-Фадлан рассказывает о похоронах богатого купца-руса и описывает с мельчайшими подробностями, будучи сам очевидцем похорон, весь обряд сожжения. Покойник вместе с оружием и различными ценными вещами был посажен в большую лодку, куда были брошены лошади, быки, петух и курица. Затем в ладью привели одну из рабынь («жен», т. е. наложниц), убили ее, а потом подожгли огромную поленницу дров под ладьей. «И подлинно, не прошло и часа, как судно, дрова, умерший мужчина и девушка совершенно превратились в пепел. Потом построили они (русы. — *В. М.*) на месте (стоянки) судна, когда его вытащили из реки, что-то подобное круглому холму, вставили в середину большое дерево халандж, написали на нем имя умершего человека и имя русского царя и удалились. Из обычаев русского царя есть то, что во дворце с ним находится 400 человек из храбрых его сподвижников и верных ему людей, они умирают при его смерти и подвергают себя смерти за него».[87]

Обычай погребения знатного руса, описанный Ибн-Фадланом, до мельчайших подробностей совпадает с тем, что дают археологические раскопки больших курганов Древней Руси. Попытка приписать их только норманнам не может считаться обоснованной. Большие русские курганы оставлены несомненно туземной, славянской знатью, богатыми воинами-дружинниками и купцами, владельцами разных угодий и ценностей, начиная от диргемов, золотых и серебряных украшений до мехов, воска, меда и всякой «готовизны», рабовладельцами и правителями разных «градов», «мест» и «земель». Их погребения генетически восходят к большим курганам скифо-сарматских племенных вождей, с которыми их роднит ряд специфических особенностей ритуала, порожденного общностью социального быта — высшей стадией варварства, эпохой «военной демократии». Не может быть спора по вопросу о том, кому принадлежат большие курганы Древней Руси, пришлому или автохтонному населению, так как обычай сожжения и трупоположения один и тот же в богатых и в бедных могилах. Богатые курганы и могилы Русской земли несомненно представляют собой погребения местной знати.

В ее составе, конечно, были и норманны, о чем говорят не только находки скандинавских вещей типа знаменитых норманских фибул, литых бронзовых браслетов, крупных подвесок с изображениями зверей и скандинавского оружия: мечей, стрел, топоров, щитов с характерными умбонами и т. д. Все эти вещи сами по себе еще не говорят о том, что те, в чьих погребениях были найдены эти вещи, были обязательно норманнами. Скандинавские изделия и оружие могли попасть к славянам и финнам Восточной Европы путем торговли, а знаменитые «франкские мечи» производились на Западе и были чаще всего в Скандинавии таким же им-

портным товаром, как и на Руси или в странах арабского Востока. Зато уже безусловно скандинавскими можно назвать те погребения в Гнездове и в некоторых других городах Руси, где наряду со скандинавскими вещами обнаружены такие свидетельства этнической принадлежности покойника к норманнам, как молотки Тора, подвешенные на шейный обруч. Кстати, следует отметить наличие в больших русских курганах захоронений рабынь, о чем говорит и Ибн-Фадлан, — обычая, не известного скандинавам.

Как это мы увидим далее, норманны в составе «русов», или «росов», нападали на Сурож, Амастриду, Константинополь и Корсунь, ездили в Византию, торговали с греками, совершали нападения на города Каспийского побережья, ездили с дипломатическими поручениями в качестве «гостей» и «слов» (послов) князя Русского, «Кагана Рус» («Рос»). Их видели вооруженных типичными норманскими боевыми топорами — секирами и мечами на Каме и Волге, в Берда и Абесгуне, в Константинополе и в Малой Азии, на берегах Дуная и в Ингельгейме, но не они правили Русью, не они были ее верхушкой, ее богатой правящей знатью. Ею были русы — славяне, впитавшие в себя и растворившие в себе без остатка жадную и воинственную, предприимчивую и храбрую норманскую вольницу эпохи викингов.[88]

Итак, мы приходим к выводу, что большие богатые курганы с сопроводительными погребениями принадлежат местной русской родоплеменной знати — рабовладельцам, воинам и купцам, — постепенно превращающейся в господствующий класс феодального общества.

Ее погребения резко отличаются от погребений основной массы «людья» Древней Руси. Погребения основной массы населения бедны и однообразны, беден и однообразен сопровождающий их инвентарь — обычные льняные или грубошерстные ткани, остатки овчинных кож, грубые и монотонные изделия из железа и кости (гребешки, черенки и т. д.), ножики, реже наконечники стрел или копья, бедные украшения — бусы, височные кольца и т. п. Если в богатых погребениях мы видели дорогое и совершенное оружие, которое иногда давало возможность русской дружине по технике вооружения обгонять Западную Европу, где кольчуга и сабля появились на несколько столетий позже, чем на Руси, куда они проникли, как и некоторые другие предметы вооружения (например, суживающийся кверху шлем), из Передней Азии или были заимствованы у кочевников, то в бедных погребениях его не встречают вовсе. В погребениях простых людей, «людья», «простой чади» встречаются лишь копья, ножи, стрелы и топоры, да и те в XI—XII вв. постепенно исчезают, уступая свое место одним ножам. Таким образом, сам собой напрашивается вывод о выделении и усилении общественной верхушки, воинов-дружинников, купцов и рабовладельцев, постепенно превращающихся в мощную силу, угнетавшую прочее население. Оружие все более и более становится монополией господствующей знати, а подвластное ей население ею же разоружается. Новое, современное оружие принадлежит лишь знати, тогда как беднота довольствуется старым. Оружием ее остаются нож, топор и прочие орудия, необходимые не только в боевой обстановке, но и в сельском хозяйстве, на охоте, промыслах и т. п. Некогда простое и однообразное оружие общинников исчезает, уступая место дифференцированному оружию дружинников и простому вооружению смердов — ножу и топору. В богатых погребениях-костри-

щах найдены ключи, замки, серпы. Эти находки указывают, во-первых, на развитый институт частной собственности, а во-вторых, на эксплуатацию челяди в хозяйстве знати, так как серпами пользовалась, конечно, не она, а те, кто вынужден был на нее работать.

Обычай накапливания сокровищ в виде кладов, уничтожение при сожжении или погребении ценных вещей, принадлежавших покойнику, — все это говорит о раннем этапе имущественной дифференциации и накопления богатств, когда накопленные ценности еще не пускались в оборот и тесные связи между имуществом и личностью препятствовали передаче ценностей по наследству. Все эти явления изживаются в XI в., но и в такой своей форме имущественная дифференциация, вторгаясь в общинную среду, способствует быстрому распаду первобытно-общинных отношений. Если обратиться к письменным источникам, то в них мы найдем полное подтверждение данным археологических раскопок.

Русские дружины совершают походы, ставившие своей целью взимание дани и захват военной добычи. Они нападают на византийские владения в начале и первой половине IX в. на Крымское побережье Черного моря («Житие Стефана Сурожского»), на Черноморское побережье Малой Азии («Житие Георгия Амастридского»), затем на Константинополь (в 860, 907, 941 гг.), Болгарию и византийские владения по Дунаю при Святославе, на Корсунь при Владимире. Они совершают опустошительные набеги на города и области Каспия, Абесгун (880, 909, 912—913 гг.), Сари (910 г.), Дайлем (910, 912—913 гг.), Гилян (910 г.), Нефтяную землю (Баку, 912—913 гг.), Азербайджан (912—913 гг.), Бердаа (943—944 гг.), Самкерц (при «Хальгу», «царе Руссии» в первой четверти X в.). Русские дружины ходят на «ляхов», в земли чуди, явтягов и литвы, покоряют, «примучивают» и облагают данью славянские племена северян, древлян, радимичей, уличей и т. д. Все эти военные предприятия князей и их дружин способствуют обогащению участников походов. Не всегда они были удачны, но часто русские дружины возвращались с походов, «неся злато и паволоки, и овощи, и вина и всякое узорочье» и «ополоняшася челядью». Войны и походы обогащали князей и дружинников, усиливали имущественную, а вслед за ней и социальную дифференциацию населения. Другим источником обогащения дружинной знати было взимание дани. Ее взимали с покоренных племен «от рала», «от плуга» или «от дыма» по «черне куне», «беле веверице» или «по щълягу». Собирали в качестве дани «скору», воск и мед, «ополонялись челядью». До середины X в. дань взималась в произвольных размерах, и мерилом размера дани были лишь жадность и сила князей. Иногда взимали «дань легъку», чтобы привлечь на свою сторону сильное племя, как это имело место по отношению к северянам, которых подчинил себе Олег, освободив их одновременно от подданства хазарскому кагану; иногда, наоборот, накладывали «дань тяжьку», «болши Олговы», особенно после того, как некоторые племена пробовали оказать сопротивление («затворишася», «заратишася»). Собирали иногда по нескольку раз, как это имело место во времена Игоря в Древлянской земле, когда древляне должны были один раз уплатить дань Свенельду и его «отрокам» и дважды Игорю что, наконец переполнило чашу их терпения и привело к его убийству. Мало того, что общинники кривичи, северяне, дреговичи, радимичи и другие должны были платить дань, они же должны были «повоз везти», т. е. доставлять

продукты — товары, собранные в качестве дани, — к определенным пунктам. Дань платили не только киевскому князю. Дань уплачивали своим племенным князьям, вроде древлянского Мала и вятичских Ходоты с сыном, местным «светлым и великим» князьям, «иже суть под рукою» киевского князя, из числа «находников» — варягов или племенных князей, признавших киевского князя своим верховным вождем. Одновременно со сбором дани «примучивались» всякого рода другие поборы, «виры» и «продажи», еще больше обогащавшие князя, дружину и всякого рода местную племенную знать и самостоятельных или полусамостоятельных правителей-варягов, вроде Рогволода, Туры, Свенельда.

Кроме сборов дани, «вир» и «продаж» существовало еще «полюдье». Константин Багрянородный указывает: «Зимний и суровый образ жизни этих самых Руссов таков. Когда наступит ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всеми Руссами из Киева и отправляются в полюдье, т. е. круговой объезд, и именно в славянские земли Вервианов, Другувитов, Кривичей, Севериев и остальных славян, платящих дань Руссам. Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле месяце, когда растает лед на реке Днепре, снова возвращаются в Киев. Затем забирают свои однодеревки, как сказано выше, снаряжаются и отправляются в Романию».[89]

«Дань» — не «полюдье». «Полюдье» не платит «Русь», Русь внутренняя, коренная: Киев, Чернигов, Переяславль. Оно распространяется лишь на земли подвластных Киеву славянских племен, «Русь внешнюю». Каждый отряд наемной дружины киевского князя, в составе которой было очень много норманнов, отправлялся ежегодно в отведенную ему «землю», где и «кормился» в течение всей зимы и собирал меха, мед, воск. «Лучшие мужи» земли, т. е. местная вооруженная знать, «старая», «нарочитая чадь», должны были собирать для дружинников «руссов», в том числе «находников» — норманнов, всякие «товары» и свозить все в определенные пункты («повоз везти»), как то: Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород. Отсюда уже, из Киева и Витичева, погрузив на однодеревки все добытое во время зимнего полюдья, «руссы»-воины, превратившиеся в купцов, отправлялись по Днепру к Черному морю в Константинополь для реализации своей натуральной платы за военную службу киевскому князю. Так было во всяком случае первое время, пока наконец при Святославе и Владимире были сделаны успешные попытки избавиться от своевольничавшей варяжской дружинной наемной вольницы, попытки настолько результативные, что даже кратковременное хозяйничанье варягов в Новгороде при Ярославе не могло закончиться успехом норманнов. В эти же времена происходит замена в «землях» «внешней Руси» местных властей «Рюриковичами» и их наместниками.[90]

Покорение племен, подавление их сопротивления и взимание дани, равно как и войны, сопровождались захватом в «полон» и порабощением. Ольга, взяв Искоростень, главный город упорно сопротивлявшихся древлян, «старейшины же града изънима, и прочая люди овых изби, а другия работе предасть мужем своим, а прок их остави платити дань».[91]

О захвате «Руссами» в плен славян говорит Ибн-Росте, сообщающий, что «они производят набеги на славян; подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хозеран и к болгарам и продают там».[92]

Дани, виры, продажи, полюдье и прочие поборы подрывали устои общины, разоряли экономически слабых общинников. Чтобы уплатить дань или для того чтобы как-то просуществовать после разорительного сбора дани, им приходилось задолжать, идти в кабалу к своим же богатым сообщинникам, к родоплеменной знати, разного рода «лучшим людям», «старой» или «нарочитой чади», «старцам», ко «всякому княжью», к тому же князю или его боярам-дружинникам. Так росла долговая кабала — один из источников формирования феодально-зависимого люда.[93]

Разложение общины ускоряло деление общества на классы. «Руссы» не только торговали рабами на невольничьих рынках Востока и Византии, в их хозяйстве применялся труд рабов.

Времена легкого рабства у славян и антов, о котором с удивлением писал в VI в. Маврикий, прошли безвозвратно.

Мы уже указывали на сопроводительные погребения рабынь в богатых курганах X в., свидетельствующие о развитии рабства. Древнейшие письменные источники говорят о рабстве на Руси. При этом мы имеем в виду не ту торговлю рабами, за которую, по свидетельству Вениамина Тудельского, Русь получила прозвище Ханаана. Нет никакого сомнения в том, что труд рабов широко использовался в хозяйстве князя киевского, «всякого княжья», «великих» и «светлых» князей и бояр, дружинников, «лучших мужей» и прочей княжой и не княжой, «земской» родоплеменной и феодализирующейся знати.

В древнейших дошедших до нас источниках, договорах Олега (911 г.) и Игоря (944 г.) с Византией, заключающих в себе нормы еще более древнего, не сохранившегося «Закона Русского», закона, основанного на обычном праве и отразившего жизнь и быт, порядки и обычаи, установившиеся среди «руссов» — воинов-купцов, дружинников-торговцев, мы находим упоминания о продаваемом «полонянике», «челядиннаа цена» («челядинной цене»), об украденных или беглых челядинах и т. п. Ольга «предает» разбитых древлян «работе», т. е. обращает их в рабов. О челядине и холопе говорит древнейшая «Русская Правда» Ярослава, о холопе и робе (рабыне) — «Правда Ярославичей».[94] О рабе ремесленнике-оружейнике говорит «Житие Святого Олафа».[95] О селах «огневитины», или «огневщины», т. е. челяди, говорит договор Владимира с камскими болгарами.[96] Сотни человек челяди жили в селах князей в XI—XII вв.[97] Рабы были в хозяйстве у матери Феодосия Печерского и с ними он работал.[98] Малуша, мать Владимира, дочь полулегендарного Малка Любчанина, родом из того города, от названия которого он получил свое прозвище, была рабыней — ключницей Ольги.[99] Раб — первая категория эксплуатируемого населения Руси. Налицо первое деление общества на классы, деление на рабов и рабовладельцев. Об этом делении говорит В. И. Ленин в «Лекции о государстве». Выделившаяся из родоплеменной, общинной организации верхушка — князья, бояре, «старая», «нарочитая чадь» и прочие «лучшие люди» — превращается в господствующий класс, базируясь, во-первых, на своем экономическом могуществе, во-вторых — на грубой силе, силе своей дружинной организации и, в-третьих — на эксплуатации рабочей силы раба в своем хозяйстве. Все это еще больше усиливало господствующую верхушку, ослабляло прочих общинников и приводило к тому, что путем или открытой эксплуатации, действуя силой оружия, или ссуд, кабалы, «ряда» и т. п. господствующая знать распространяла свое

влияние, а следовательно, свою власть и эксплуатацию на своих бывших соплеменников, сородичей, сообщинников. Патриархальное рабство перерастает в феодальные формы зависимости.

«Челядь» — первая категория зависимого населения во времена «Закона Русского», договоров русских с греками, «Русской Правды» и начальной летописи. Эта сложная, в то же самое время аморфная социальная категория вырастает из патриархального рабства.

В глубокой древности термин «челядь», «челядо» означал семью, детей, лиц, подчиненных власти отца, патриарха. Позднее в состав семьи входили пленные, причем сами пленные могли быть рабами, слугами, а иногда, по прошествии определенного срока, «свободными» членами семьи и «друзьями», как говорит о подобного рода явлении Маврикий Стратег. Еще позже, в IX—X вв. и во времена «Русской Правды», «челядь» обнимает собой разновидности феодальной дворни, вышедшей из патриархальной familia; термин живет и в процессе своей жизни заполняется новым содержанием, обнаруживая, однако, тенденцию к исчезновению. По своему содержанию он столь же сложен, сколь и важен для правильного понимания общественных отношений XI—XII вв.[100] «Челядь» — прежде всего рабы, приобретаемые главным образом в результате «полона», в процессе войн и «примучивания», таких сборов дани, которые иногда очень мало чем отличались от первых. В ряды «челяди» становится, по-видимому, и общинник. Но понятие «челядь» несколько шире, чем собственно раб — «холоп» или «роба». Эти последние выступают в более поздних источниках под названием «челядин полный». Итак, всякий холоп — челядин, но не всякий челядин — холоп. Челядью являются и слуги, работающие в хозяйстве господина, — рядовичи, закупы, ремесленники и т. д., и управляющие этим хозяйством — конюхи, тиуны, старосты, кормильцы и т. п. В военное время эти вооруженные слуги составляли личную дружину какого-нибудь «светлого» и «великого» князя или «великого боярина». Эти слуги, фактически отличаясь своим положением от раба, юридически являются теми же рабами. Самый факт, что все, в какой-то мере попавшие в зависимость от князя или боярина, становятся в положение раба, чрезвычайно характерен для того времени. Даже наем свободной рабочей силы в те времена часто приводил к потере «наймитом» своей независимости. «Челядью», или «чадью», назывался всякий, попавший в результате «полона», ссуды или «ряда» в рабскую или полурабскую зависимость от господина, играющий даже роль первого слуги, а не только раб. Небольшое по своим размерам хозяйство, включающее в себя запашку, сады, огороды, выпасы и выгоны для скота, самый скот, «бортные ухожаи», «бобровые гоны», «ловища» и «перевесища» и прочие промыслово-охотничьи и рыболовные угодья, держится на «челяди», точнее — на эксплуатации труда челядинов. Челядь обслуживает и собственное хозяйство князя, и хозяйства «великих» и «светлых» князьков и бояр (в большинстве случаев дружинников князя, составляющих его «переднюю», «отню», «старшую» дружину) и прочих «нарочитых», «лучших людей» и их двор в широком смысле слова — усадьбу, дом, семью, разных «воев», скоморохов, волхвов и прочих лиц, сливающихся с семьей князя и крупных бояр и наполняющих их «горницы» и «гридницы», их «хоромы» и «сени». Термин «челядь», или «чадь», уводит нас в седую даль времен, когда он означал членов семьи, «домочад-

цев», «чадь» — семьянинов, «челядь» — членов семьи, детей. Термин остается и живет столетиями, но смысл его меняется, и термин «челядь» переносится на те категории населения, которые генетически восходят к «чадам» и «челядинам» и положение которых в обществе напоминает положение младших «челядинов» в большой патриархальной семейной общине. Они такие же младшие, «молодшие», занимающие низшие ступени социальной лестницы, зависящие от господина, как «молодшими», «низшими», зависимыми от патриарха — «домачина» были младшие члены «верви» — семейной общины.[101]

Таковы были первые формы господства и подчинения, первые группы зависимого населения. Но в Древней Руси развитие общественных отношений шло «от патриархального рабства к крепостничеству».[102]

Прежде чем перейти к вопросу о возникновении феодального землевладения, а следовательно, феодальных форм эксплуатации, вырастающих из патриархального рабства, остановимся на том, кем же была и как сложилась вся эта господствующая на Руси знать, которая выступает в письменных источниках IX—X вв. под названием «князей», «бояр», «русов», «росов» и т. д.?

Складывающаяся в IX—X вв. общественная верхушка очень пестра и многообразна. С одной стороны, в ее среде мы находим перерождающихся в феодалов представителей старой родоплеменной знати. Нет никакого сомнения в том, что на определенном этапе общественного развития русских племен Восточной Европы в силу совершенно конкретных условий происходит процесс перерождения родоплеменной аристократии через накопление богатств, создание дружинной военной организации и патриархальное рабство в феодалов начальной стадии генезиса крепостнического общества. Родоплеменная знать превращается в феодалов, органы родового строя отрываются от своих корней в народе, в роде, в племени, «а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа. Но этого никогда бы не могло случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода и если бы распространившееся рабство не повело уже к тому, что добывание средств к существованию собственным трудом стало признаваться делом, достойным лишь раба, более унизительным, чем грабеж».[103] Племенные вожди окружают себя дружиной из родовой знати и всяких «воев». «Они — варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд».[104] Накапливая скот и ценности, захватывая земли и угодья, ополоняясь «челядью», совершая грабительские походы, захватывая военную добычу, накладывая дань, собирая полюдье и всякие «поборы», расширяя свое хозяйство, закабаляя своих соплеменников, сородичей и сообщинников, древнерусская родоплеменная знать отрывается от родовых устоев племенного быта и превращается в силу, стоящую над обществом, оружием и властью богатств подчиняющую себе ранее свободных общинников.

В господствующий класс, в политическую силу, подчиняющую себе древнерусское общество, превращается родовая аристократия тех племен, в землях которых создаются крупные экономические и военно-административные центры (Киев, Новгород, Смоленск, Чернигов, Переяславль и др.). С ростом и расширением «империи Рюриковичей» в ее состав входят подчиненные оружием области различных древнерусских племен. При этом либо их племенная знать, всякого рода «великие» и «светлые» князья и бояре, «лучшие люди» и т. д., входят в состав дружины киевского князя и растворяются в ее среде (как это было, по-видимому, с радимичской знатью), либо пытаются оказать сопротивление. В подобном случае перед нами разворачивается как бы борьба двух начал — одного древнего, родоплеменного, патриархального, и другого — нового, феодального. Такого рода столкновения киевского князя и его дружинников (таких же, но только, правда, в далеком прошлом, представителей родовой аристократии, как и их противники) с племенной знатью, пытавшейся отстоять свои права и независимость своего племени, имели место в X в. по отношению к древлянам, где действовал окруженный «лучшими мужами» племенной князь Мал, к вятичам в XI в., где противниками Мономаха выступали племенной князь Ходота и его сын. В конце концов даже в самых отдаленных и глухих уголках Руси старая родовая знать исчезает, трансформируясь в феодалов. Но все это происходит лишь позднее, в XI—XII вв. В X в. этот процесс протекает еще в очень яркой форме.

Итак, первый путь формирования феодализирующейся и феодальной верхушки — это трансформация в феодалов родоплеменной знати.

Второй путь — феодализация богатых семейных общин, как принадлежавших к родовой знати, но только менее сильных, богатых и знатных, менее могущественных и влиятельных, нежели племенные вожди и «всякое княжье» земли Русской, так и не входящих в состав родовой верхушки, а выделяющихся в результате разложения сельской общины.

Древняя сельская община выделяет в это время в процессе своего разложения господствующую прослойку. Последняя предстает перед нами в древнейших письменных источниках под наименованием «старой чади», «нарочитой чади», «старцев градских» и «лучших мужей». Такого же происхождения, по-видимому, и термин «огнищанин», во времена «Русской Правды» закрепившийся за княжеским управляющим домом и домашним хозяйством. «Огнище» означает и огонь — домашний очаг, и род, и родство, и, наконец, рабов, что указывает на чрезвычайную древность термина. «Старая», или «нарочитая, чадь» — туземная знать типа позднейших «земских бояр», выросшая из семейных общин, некогда управлявшая и распоряжавшаяся «простой чадью» — членами общины, родственниками, а затем захватившая в свои руки сперва хорошие, но незанятые угодья и земли, действуя на началах трудовой заимки и пользуясь своими преимуществами (большим количеством рабочих рук, наличием дополнительных запасов и продуктов, а также скота и орудий труда, что дает возможность использовать в хозяйстве «челядь» — рабов), а потом и общинные земли, выгоны, угодья и т. п. «Старая», или «нарочитая, чадь» — хозяева «челяди», рабовладельцы. Но «лучшие мужи» не удовлетворяются эксплуатацией труда челяди. Они захватывают общинные владения, запасы, закабаляют своих сообщинников, дают им «купы», превращая их в закупов, договариваются с ними, заключая «ряд» и превра-

щая ранее свободных общинников в рядовичей, пытаются закабалить и наемных работников «наймитов», обзаводятся «обельными» (полными) холопами. Здесь уже складываются отношения феодальные, и бывший общинник предстает перед нами в качестве закабаленного человека, положение которого мало чем отличается от положения раба. В конце концов и эта «земская» верхушка, часто на первых порах не входившая в состав «княжих мужей», сливается с княжеско-дружинной феодальной знатью.

Был несомненно и третий путь формирования феодализирующейся верхушки, игравшей весьма незначительную роль, — оседание в городах «находников»-варягов и превращение варяжских викингов, купцов-разбойников, воинов-авантюристов, наемников-грабителей, в результате слияния с местной славянкой знатью в господствующую прослойку. Так было с Рогволодом (если признать в нем «Рогвальда» — скандинава), каким-то конунгом в Пскове, чьей дочерью была Ольга (скандинавское — Хельга), Туры (если опять-таки верить летописному преданию, в котором легенда несомненно смешивается с действительным событием), наконец, с самими «Рюриковичами». В последнем случае формирование господствующей прослойки было не только, вернее, не столько результатом завоевания или захвата власти конунгами бродячих наемных дружин викингов, сколько оформление тех процессов, которые протекали в общественной жизни местного славянского населения, и стоял вопрос только о том, кто конкретно сумеет извлечь для себя пользу из тех социальных сдвигов, которые так резко меняли в IX—X вв. лицо Древней Руси. Чаще всего этого добивалась богатая, могущественная и влиятельная родоплеменная знать, большую роль в образовании феодализирующейся знати сыграли местные элементы «лучших мужей», вырастающие из богатых больших семей в процессе разложения сельской общины, иногда же удавалось возглавить этот процесс и отдельным дружинам норманских конунгов.

Но о действительном значении норманнов в общественной и политической жизни Древней Руси речь будет особо.

На чем же основано владычество «княжья» и «лучших мужей»? На владении землей и внеэкономической эксплуатации сельского населения. Но все это сложилось не сразу, вдруг, и не так скоро.

В IX и даже в X вв. феодальное землевладение еще не сложилось.

От IX в. вообще никаких свидетельств о феодальном землевладении до нас не дошло. Что касается X в., то от этого времени до нас дошли сообщения о «градах», принадлежавших князьям: Вышгороде, Изяславле, Белгороде и др., которые несомненно были центрами хозяйства князя. Здесь не только занимались ремесленной деятельностью. Как было мной уже указано выше, такие княжие города были окружены «нивами» и «ухожаями», «ловищами» и «перевесищами» и т. д. и т. п. В городе, населенном княжой «челядью», от огнищанина и конюха до обельного холопа, сосредоточивается управление окрестной княжеской землей. На ее территории стоят княжеские села. Некоторые из них известны нам по именам, так как о них попутно, случайно упомянул летописец. Это село Ольжичи, принадлежавшее Ольге, Берестово, село князя Владимира. Источники называют еще село Будутино, принадлежавшее Малуше, матери Владимира, село Ракома[105] под Новгородом, куда ездил Ярослав в свой «двор» в 1015 г. Вокруг сел лежали «нивы», «ловища», «перевесища», «места», об-

несенные «знаменьями» с княжеской тамгой. Князья либо захватывали свободные земли и угодья, либо экспроприировали земли у общин, превращая «сельских людей» («Церковный устав» Ярослава), «простую чадь» в рабочую силу своего хозяйства. Экспроприировались земли и у всякого рода кабальных и зависимых людей: рядовичей, закупов, наймитов, смердов.[106] В этих «городах» и селах князья сажали на землю пленников и холопов, превращая их таким образом в крепостных, как это сделал Ярослав, посадивший пленных ляхов по Роси.[107] Так зарождался, рос и расширялся княжеский домен. В княжеских селах стояли «хоромы», где живал сам князь, как это было во времена Владимира и Ярослава (Берестово и Ракома). Тут же жили княжеские тиуны, старосты, разного рода слуги, часто занимавшие высокие посты в дворцовой иерархии, работали холопы, рядовичи, смерды. На дворе стояли всякие хозяйственные постройки: клети, овины, гумна, хлебные ямы, хлевы. Тут же располагались скотный двор и птичник. На лугах паслись стада скота и косяки лошадей с княжеским «пятном» — клеймом, находившиеся под наблюдением конюхов и сельских тиунов или старост. На эти же выпасы гоняли свой скот княжеские смерды, холопы и прочая челядь, работавшая на князя. Все это сложилось постепенно, не сразу, но ко временам «Правды» Ярославичей княжеская вотчина, княжеский домен достигает уже большого развития, что дает нам возможность говорить о его зарождении в предшествующую эпоху, в X и даже, быть может, в IX в. За это говорят отрывочные и скудные свидетельства наших древних письменных источников, которые отнюдь не ставили своей задачей осветить возникновение и развитие княжеской земельной собственности, и лишь попутно, случайно, вскользь говорят о княжеских «градах» и селах, о «знамениях», «ловищах» и «перевесищах» и т. д.

Когда мы привлекаем для характеристики княжеского домена X и первой половины XI вв. «Правду» Ярославичей, относящуюся к началу второй половины XI в., то вряд ли этим совершаем ошибку. Для того чтобы достигнуть такого развития, какое имело место во второй половине XI в., княжеская вотчина должна была возникнуть гораздо раньше. Но как же быть тогда с древнейшей «Правдой», «Русской Правдой» Ярослава, в которой вотчина совершенно не нашла отражения? В древнейшей «Русской Правде» Ярослава речь идет лишь о «княжих мужах»: гридинах, ябетниках, мечниках, о купцах, изгоях, словенах, челяди и холопах, но нет ни слова о вотчине, вотчинном хозяйстве и т. п. Умолчание «Русской Правды» Ярослава о княжеском домене мне кажется вполне понятным. «Русская Правда» дана была Ярославом новгородцам в совершенно определенной обстановке. Она касалась взаимоотношений князя и его «мужей» с новгородцами в широком смысле этого слова: и изгоями, и словенами, в которых, как это мы увидим далее, нетрудно усмотреть представителей древнейшей новгородской военной организации — «Словенской тысячи». Это был городской законодательный памятник, оставлявший деревню в тени, памятник, в значительной степени построенный на основе того древнего «Закона Русского», который отражал быт, порядки и обычаи, ставшие законами в жизни древнерусских дружинников. В то же самое время он отражал и старый родоплеменной быт с его родственными связями, кровной местью и т. д. Когда читаешь «Русскую Правду» Ярослава, невольно кажется, что этот документ мог появиться только в городе, где

сидел князь с его «мужами, где господствовала своевольная и драчливая дружина, в дворах и домах («хоромах») которой жили и работали челядь и холопы, в городе, где торговали купцы, жили варяжские конунги со своими дружинами алчных и воинственных викингов, в городе, где недавно пронеслись большие политические бури, заставившие князя вносить всякие поправки к существующим законам и обычаям и все это оформить в едином законодательном памятнике. Город не интересовался деревней и княжеской вотчиной, и трудно было ожидать от него, чтобы он отразил ее в своих требованиях, предъявленных князю, результатом которых и было дарование Ярославом «Русской Правды». Как видим, из умолчания «Русской Правды» вопросов организации и развития княжеского домена отнюдь не следует, что он еще не существовал в природе и внезапно появился лишь после смерти Ярослава. Несомненно, пусть в зародышевой, первоначальной форме, княжеская вотчина существовала и во времена Ярослава, и когда появилась надобность в создании соответствующих законов, ее фактическое существование было оформлено и юридически; была она несомненно, хотя и в более примитивной форме, и во времена Владимира и Ольги. Правда, характер ее меняется. Вначале она невелика и носит полупромысловый-полуземледельческий характер, затем она вырастает, и все большую и большую роль начинают играть всякие «нивы» и «рольи», в то время как значение «ловищ» и «перевесищ» падает. Меняется и характер рабочей силы княжего домена: сперва рабы — холопы, всякого рода челядь, затем кабальный люд — закупы, рядовичи, наймиты, зависимое население — смерды и т. д. Если во времена Ольги в княжеском хозяйстве большую роль играли всякие «ловища» и «перевесища», а доходы князя составлялись не столько из «обилия», добываемого трудом челяди в домене, сколько из всяких «оброков» и «даней», «вир» и «продажь», для чего княгиня Ольга организовывала «места и погосты»... «по всей земле», если в середине X в. княжие села, вроде Ольжичей, были центрами не только земледельческого, но и промыслового хозяйства князя, то в XI в. картина резко меняется. Перед нами вотчина «Правды» Ярославичей с ее управляющим — огнищанином, подъездными, тиунами, старостами, кормильцами, ремесленниками, холопами и рабами, рядовичами и смердами, со всей этой свободной и несвободной челядью от привилегированного слуги — правой руки князя, до раба. «Правда» Ярославичей — памятник, необходимый для изучения не только времен Изъяслава, Святослава и Всеволода, составленный «по Ярославе», но и времен Ярослава.

Феодосий Печерский, живший в Курске, ходит в села своих родителей, где работает наравне с рабами. О селах как о частной собственности мы узнаем из его «Жития», где он рассказывает о том, как спокойно ожидал заточения, мотивируя свое спокойствие тем, что «еда ли детей отлучение или сел опечалует мя».[108]

Всем нам известно весьма скудное количество указаний о крупном землевладении в X в. По отношению к IX в. таких указаний вовсе нет, но то, что мы видели в XI и тем более в XII вв., т. е. развитая феодальная собственность, заставляет искать ее зарождение в предшествующие времена, в X в., а быть может, и в IX в., и это вполне естественно, так как внутри древнерусского общества уже действуют силы, подготавливающие феодальный способ производства.

IX—X вв. — это «дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены...»,[109] но внутри варварского общества Древней Руси бурно растут новые, феодальные, отношения, подготавливающие расцвет раннего этапа древнерусского феодализма XI—XII вв.

Вслед за княжеским развивалось и боярское землевладение. Пути складывания боярства различны. В боярство превращается местная родоплеменная знать — «старцы градские», «нарочитая», или «старая, чадь», «лучшие люди». Боярами становятся и оседающие на земли княжеские дружинники. Первое время, на заре русской государственности, в эпоху войн и походов, доходы княжеских дружинников состояли из военной добычи, части дани, которой делился с ними князь, из того, что собирали они во время полюдья, и, наконец, из части княжеских судебно-административных доходов, всякого рода «вир», «продажь» и «уроков», причем последние с течением времени, по мере того как «рати» в княжеских делах все более и более уступали свое место мероприятиям и «думам» «об уставе землянем» и «о строе земленем», играют все большую и большую роль в бюджете княжеских «воев», которым поручались те или иные административные и судебные дела, управление землями или отдельными отраслями княжеского управления. Наиболее крупным дружинникам (например, Свенельду) князья давали дани с покоренных земель и племен, и существовал «вассалитет без ленов или лены, состоящие исключительно из дани».[110] Земля сама по себе не представляла еще большой ценности. В XI в. картина резко изменяется. Времена непрерывных завоевательных войн и грабительских походов прошли. Варварство изжило себя. Появились новые источники накопления, новые формы эксплуатации. К тому же и упорным сопротивлением Византии при Цимисхии восточные варвары были отброшены от Византии.[111] Ослабел натиск и на Восток. Княжение Владимира уже говорит о падении завоевательных тенденций первых Рюриковичей. Объектом грабежа и эксплуатации княжеских дружинников становится своя, русская земля. С грустью вспоминает автор «Начального свода» те далекие времена, когда княжеские дружины часто и надолго покидали Русь, совершали славные героические походы и увенчанные лаврами победителей, с богатствами, добытыми мечом в других странах и землях, возвращались опять на Русь. «Вас молю, стадо христово, с любовию преклоните оушеса ваши разумно: како быша древнии князи и моужи их, и како отборахоу Русская земли и иныя страны приимая (придаху) под ся. Тии бо князи не збираху имения многа, ни творимых вир, ни продажь вскладаху на люди; нъ оже боудяще правая вира, а тоу възмя, даяше дружине на ороужья. А дружина его кормляхоуся въююще иныя страны, бьющеся, ркоуще: „братие, потягнем по своим князи и по Русской земли“. „Не жадаху, глаголяще: мало есть нам, княже, двухсот гривен“, они бо не складаху на своя жены златых обручей, но хожаху жены их в серебряных и расплодили были землю Русскую!»[112] Пусть летописец преувеличивает и идеализирует «древних князей» и их доблестную, бескорыстную дружину. Но в его словах много правды. Он правильно подметил и правильно расценил происходивший на его глазах в XI в. процесс резкого изменения в деятельности князя и его дружины. Если раньше, по свидетельству Константина Багрянородного, «руссы», т. е. дружинники князя, ходили в «полюдье» в земли покоренных племен, где собирались дани и «виры», и отправлялись в далекие походы, возвра-

щаясь на «Русь», т. е. в Приднепровье, с большой и богатой военной добычей, то со времен Ольги сбор дани начинает носить правильный и систематический характер. Устанавливаются характер и нормы дани — «уроки», создаются административно-финансовые единицы — «погосты», «места», местные организационные центры, где сосредоточивается княжеская администрация. Ускользнуть от обложения данью становится все труднее и труднее. Всюду рыщут княжеские тиуны, «аки огнь», и рядовичи, «аки искры», всюду княжие «мужи»: посадники, даньщики, вирники, мечники, ябетники, мостники, городники и т. д. Число их все увеличивается, а функции умножаются. Содержание их падает на плечи населения. «Кормы», «поборы», «виры», «продажи», «пошлины» («вено водское» и др.) всей своей тяжестью ложатся на плечи простого «людья». Дань перерастает в феодальную ренту, и особенно быстро этот процесс протекает на княжеских землях.[113] Объектом эксплуатации князя становится теперь «своя», «Русская земля», свой русский данник, свой русский люд. Начинается «окняжение» земли. В этом процессе окняжения земли, т. е. в развитии феодального княжеского хозяйства и «устроении» земли Русской с целью установления регулярных поборов (всех видов) с населения, князьям помогают их соратники по былым войнам и походам — дружинники. Они становятся правой рукой князя. Из их среды формируются княжеская администрация и вотчинные слуги. Она, эта дружинная среда, выделяет, с одной стороны, посадников, даньщиков, вирников, мечников, ябетников и прочих членов княжеской администрации, с другой — огнищан, тиунов, старост и других деятелей княжеского вотчинного управления. Их «кормит» сельский люд, данники князя, в их пользу поступают некоторые поборы, с ними делится своими доходами князь, многие из них живут с князем под одной крышей и сидят на княжеских пирах за одним столом с ним. Но постепенно все большее и большее значение приобретают земля и доходы с нее, полученные в результате эксплуатации сельского зависимого люда. Теперь не дани с земли, а сама земля с сидящим на ней людом представляет собой ценность в глазах дружинника. И вчерашний воин, мечтавший о военной добыче и грабеже, о «серебряных лжицах», выкованных из серебра, добытого князем в результате успешной войны, — княжеским пожалованием, и уже не дани с земли, а самой земли, превращается в землевладельца. Земля общинника становится собственностью боярина-дружинника, а сам общинник превращается в боярскую челядь. «Ряды» и «купы» превращают сельский люд окрестных деревень в зависимое от бояр кабальное население. Кроме того, в состав княжеской дружины, в состав «княжеских мужей» и бояр входят, особенно со времен Владимира, представители туземной, местной знати, «земского» боярства: «старцы градские», «нарочитая» и «старая чадь», «светлые бояре» и прочие «лучшие люди» земли. Пока княжеская дружина во времена Олега, Игоря и Святослава ходила в походы, «воюя» от Камы, Волги и Тмутаракани и до Карпат и ятвяжских лесов, от Чудской земли до Каспия и Малой Азии, они богатели, укрепляли свое положение, расширяли свое хозяйство, приобретали все большее и большее значение в экономической и политической жизни Древней Руси. И когда во времена Владимира произошло слияние дружинного, княжего и «земского» боярства, это последнее вошло в состав зарождающегося феодального класса уже в качестве крупных землевладельцев. Так появился многочисленный и могуществен-

ный класс боярства, класс феодалов, вся эта масса «великих» и «менших» бояр, «буйных» и «гордых», «славы хотящих», «имения ненасыщающихся». Идет «обояривание» земель. С конца X и начала XI в. появляется новый крупный и могущественный феодал — церковь. В XI в. все это существует еще лишь в зародыше, зачастую в потенции, но именно эта восходящая линия развития определяет собой социальную природу Древней Руси. Не отживающий патриархальный быт, а именно феодальный общественный порядок характеризует Киевскую Русь не только XI—XII, но и IX вв., эпохи «славного варварства», Русь дофеодального периода, Русь времен войн и походов, героический период в истории русского народа. Все в движении, нет ничего статичного, все в динамике, все развивается. Одни общественные явления и формы бытия и общественного сознания исчезают, и не сразу, вдруг, а постепенно, сохраняясь в виде отживающих реликтов еще долгое время; другие зарождаются, быстро растут, освобождаясь от шелухи предшествующих эпох. Они еще слабы, незначительны, но именно им предстоит будущее, и они определяют собой, все больше и больше распространяясь и приобретая новое качество, становясь определяющим фактором в жизни древнерусского общества, генеральный путь исторического развития русского народа.

Мы не будем специально останавливаться на положении и роли холопа, закупа, рядовича, изгоя и смерда, так как не сможем ничего прибавить к тому, что написал в своей работе Б. Д. Греков.[114] Я позволю себе сделать только несколько замечаний по вопросу о зависимом люде в Древней Руси.

Прежде всего о смердах. В советской исторической литературе вопрос о смердах впервые был поставлен С. В. Юшковым.[115] С тех пор как была опубликована его статья, прошло 20 лет, и проблема смердов имеет уже хоть и не очень многочисленную, но солидную литературу. Термин «смерд» появляется лишь в источниках XI в. Кем же были древнерусские смерды?

Нет сомнения в том, что термин «смерд» уходит в седую даль веков. Н. Я. Марр видит в термине «смерд» доисторическое племенное название, которое уводит в далекое прошлое, ко временам «шу-мер»-ов, «ки-мер»-ов и т. д., и лишь впоследствии приобретает иной смысл и превращается в социальный термин.[116] В доисторические времена люди разных племен называли себя чаще всего просто «люди». В различных языках это слово, конечно, звучало различно. В ряде языков оно звучало «маар», «мард», «мер», «морд», «мурд». Это явление характерно и для индоевропейских (иранское «mard» — муж, человек; французское «mari» — муж), и для финских языков. Если обратиться к топонимике, то в названии географических пунктов слово «смерд» отложилось в самых различных местах Восточной и Центральной Европы. В Восточной Европе намечается несколько областей распространения в топонимике термина «смерд». Это прежде всего Новгородско-Псковская область и примыкающие к ней области Северной Двины и Вятки. Вторая область распространения термина «смерд» — Правобережная и Западная Украина (Волынь, Подолия, Холмщина, Галиция). К ней примыкают литовская группа (Каунас и Вильнюс) и Западнобелорусская (Гродно). На остальной территории Древней Руси (в Верхнем Поволжье, Приднепровье, Левобережье, Приокском крае и сопредельных краях) слово «смерд» встречается

в топонимике редко. В Центральной Европе этот термин в топонимике распространен в Польше, Познани, Силезии, Восточной Пруссии, Померании и Мекленбурге, т. е. в землях поляков, кашубов, поморян и других западнославянских племен. Здесь, в западнославянских землях, в средневековых источниках термин «смерд» прослеживается до острова Рюгена и Рейна. Таким образом, мы можем признать термин «смерд» славянским словом. Но как тогда быть с явной связью термина «смерд» с названиями приволжских финских народов: мордвой, мерей, удмуртами, муромой, марийцами, где это слово ведет свое происхождение от слова «люди»?

Мне кажется вполне правомерной постановка вопроса Е. А. Рыдзевской: «Нельзя ли связать слово „смерд" с племенным названием „мордва"»? Это вполне естественно, если мы учтем доисторическое расселение протофинских племен гораздо далее на запад, нежели в эпоху письменных источников, о чем уже речь была выше. Не случайно наличие далеко на западе от мест расселения «Mordens» Иордана терминов, производных от «морд» в топонимике края. Из этого отнюдь, конечно, не следует делать вывод о расселении исторической мордвы Иордана, Константина Багрянородного и нашей летописи вплоть до Силезии и Поморья. Нет, эта связь терминов уходит в несравненно более далекую древность, ко временам первобытных протофинских, протолитовских и протославянских племен, в формировании которых древнейшее население неолитической Европы с его языковыми и культурными связями, обусловленными общностью переживаемого ими этапа общественного развития, приняло одинаковое участие. Только у одних потомков этого древнейшего, доисторического населения Европы термин «морд», «мерд», «мер», «мар», «мурд», «мур» сохранился в качестве племенного названия, у других же, славян и литовцев, превратился в социальный термин «смерд», «смурд», «сморд», «смордон» и т. п. В этом своем значении слово «смерд» входит в славянские языки и обозначает «страдника», подчиненного человека (ср. с другими индоевропейскими языками, например: древневерхненемецкое слово «smërzan» — болеть, страдать; английское «smart» — горький; латинское «mordere» и греческое «σμερθνός» — страшный, ужасный, отсюда «страдания», «страда»), сельского жителя — «страдника», зависимого, угнетенного земледельца. Одновременно, и еще в большей степени позднее, термин начинает носить пренебрежительный и даже бранный оттенок. Таково происхождение слова «смерд». Недаром Н. Я. Марр считал возможным говорить о том, что положение смердов — «в известной мере детище этногении».[117]

Что касается положения смердов в Древней Руси, то я склонен считать смердов особой категорией сельского населения. Смерды — данники князя, но не только данники. Просто данники носили название «людье», «простая чадь», «сельские люди». Смерды — это те общинники-данники, которые принадлежали князю, с которых собирали всякие «поборы» княжие дружинники, отправляясь в «полюдье». О них, об этих смердах, Ян Вышатич говорит: «яко смерда еста моя и моего князя». Позднее, с оседанием дружин на землю, бояре-дружинники превращали их из данников в своих крепостных, т. е. теперь они были заинтересованы не в дани со смердов, а в самих смердах, в их хозяйстве, в их лошадях и «рольи», становящихся объектом эксплуатации феодалов. Поэтому-то термин «смерд» отложился прежде всего в топонимике «внешней Руси», в землях

подвластных киевскому князю племен, куда ходила в «полюдье» его дружина во времена Константина Багрянородного. В собственно «Руси», в Среднем Приднепровье, термин «смерд» в топонимике почти не встречается. Смерд — зависимый от князя человек. Об этом говорит вознаграждение за убийство и за «муку» смерда, идущее в пользу князя, переход имущества умершего смерда князю, если у покойного не было сыновей, штраф за убийство смерда, равный пене, уплачиваемой князю за убийство его холопа, пастьба скота смерда вместе со скотом князя и т. д. Смерды «живут по селам», а селом называлось в Древней Руси сельское поселение, где находился княжеский или боярский двор. Смерд дарится вместе с землей. Он прикреплен к земле. Он крепостной. Изменить свое состояние он может, только выйдя из общины, бежав, т. е. перестав быть смердом. Смерд обязан платить оброк, т. е. дань, превратившуюся в феодальную ренту, и нести барщину. Но как тогда объяснить то, что слово «смерд» часто встречается в средневековых актах и в топонимике Литвы, Польши и в землях западных славян? Было ли здесь «полюдье»? Если считать, что «полюдье» имело место только на Руси и было формой расплаты киевского князя со своевольными дружинами наемных норманских викингов, тогда наше объяснение не сможет считаться удовлетворительным. Но то, что мы знаем из истории западных славян, заставляет нас сделать вывод, что подобного рода система обложения населения князем и его дружиной имела место и в западнославянских землях, где также князь был окружен дружиной, которая «кормилась» в землях покоренных племен.[118] Аналогичные социальные явления породили общий славянским языкам термин «смерд», перешедший в них из языков доисторического населения Европы, отложившийся в языке восточных, финских, потомков древних аборигенов, в племенных названиях, а в языке их западных соседей, славян, уже в исторические времена выступивший с иной, социальной, семантикой.

Как же понять тогда употребление в Древней Руси термина «смерд» в обозначении сельского населения вообще? Как указал Б. Д. Греков, термин «смерд» означает не только определенную категорию зависимых земледельцев, но употребляется в древнерусских источниках в широком смысле слова, покрывая сельский люд вообще. Почему для названия сельского населения употребляется именно термин «смерд»? В силу того обстоятельства, что он обозначает в узком смысле слова тех крестьян, которые всей общиной, без внутренних взрывов общины, без ее разрушения, как-то незаметно превращаются из свободных общинников-данников в крепостных. При этом такое коренное изменение в их положении происходило в то время, когда все вокруг не менялось: жили они по-прежнему в своих избах, пахали землю, которую возделывали отцы и деды, так же как и ранее на старых привычных угодьях собирали мед диких пчел в «бортях», ловили рыбу, били зверя, пасли скот. Все вокруг было по-старому, только они сами были уже не свободными общинниками-данниками, а зависимыми земледельцами. Такой общинник, теряя свою свободу, не превращался ни в изгоя, ни в закупа, ни в холопа, ни в рядовича, и изменение в его положении сочеталось с сохранением за ним старого наименования — «смерд». Потому-то термин «смерд» употребляется и в узком смысле этого слова, и тогда он означает древнерусских землевладельцев, изменивших свою социальную сущность, не порывая связи с общиной, ставших крепостными, и в широком смысле — и тогда термин

«смерд» обозначал сельский люд в целом, подобно тому как в XVIII в. «крестьянами» называли и государственных крестьян, не потерявших личной свободы, и крепостную дворню, весьма близкую к холопам Древней Руси, крестьян экономических и задавленных барщиной, забитых и замученных «барских» крестьян.[119]

Большой интерес представляют для нас и древнерусские «изгои». Мы не можем не связать термин «изгой» с глаголом «гоить», что означает «жить». И сейчас еще говорят: «рана загоилась», т. е. зажила. Отсюда естественно сделать вывод, что «изгой» — это человек, так сказать, «из-житый», выбитый из жизни, вырванный из своей обычной среды. Понятны и распространение изгойства в X—XII вв., и исчезновение этого термина позднее. В эти времена постоянного разрушения древних родовых и общинных связей, распада и разложения семейных и территориальных общин всякий «людин», порвавший в силу тех или иных обстоятельств связь со своей общиной, вышедший из нее, становился изгоем. Изгои выходили из сельских общин, изгоев порождала и городская жизнь, выходили изгои и из других групп населения. Старый термин «изгой», вначале означавший человека, «выжитого» из рода, переносится в эпоху разложения первобытно-общинных отношений на людей, потерявших связь с общиной, с городской сотней, быть может, даже с дружиной, людей, лишенных «жизни», т. е. имущества. Впоследствии, в XI и особенно в XII вв., термин становится все более и более расплывчатым, а вкладываемое в него содержание все более и более пестрым и многообразным. В конце концов изгоев разного рода — от выкупившихся рабов, или отпущенных бывших холопов, посаженных на землю, до «одолжавшего» купца или «осиротевшего» князя — объединяет лишь одно — это то, что все они были выбиты из обычной жизненной колеи и порвали связь со своей социальной средой, став княжескими, боярскими или церковными людьми, живущими и работающими на особом праве. И исчезновение условий, порождавших изгойство подобного рода, приводит к тому, что в XIII в. термин «изгой» исчезает со страниц наших источников.[120]

Наши исследователи, к сожалению, редко обращают внимание на эволюцию термина. Прежде чем заняться выяснением вопроса о социальной природе той или иной группировки древнерусского общества и определять ее права, возлагаемые на нее обязанности, форму и характер ее эксплуатации, необходимо дать слово лингвистике и постараться вскрыть историю термина, обозначающего данную группировку, вскрыть его корни, показать его эволюцию. В противном случае легко впасть в абстракцию и заполнить страницы своего труда бесплодными рассуждениями в стиле юридической школы.

Трудности в изучении различных общественных категорий Древней Руси проистекают главным образом от того, что в каждой из них исследователи хотят усмотреть нечто статическое, строго определенное, сложившееся раз и навсегда, так же внезапно исчезающее, как и появляющееся, подчиняющееся экономическим и политико-юридическим нормам (установленным, кстати сказать, фантазией самого исследователя), так же послушно, как это происходило с крестьянами крепостной России эпохи развернутого и сложного крепостнического законодательства XVII—XVIII вв. Но в Древней Руси все было не так, все было гораздо сложней и

в то же самое время проще. И многих исследователей вводит в заблуждение именно не сложность, а простота. Если бы древние смерды и закупы, рядовичи и наймиты узнали о том, какие будут изобретены для них «права» и «обязанности» в XIX—XX вв., они несомненно пришли бы в ужас от тех сложных вопросов их повседневного бытия, с которыми им пришлось бы сталкиваться на каждом шагу.

Противоречивые сообщения источников о той или иной общественной группировке часто вызываются не сложностью их положения, а эволюцией термина, его расчленением, перерождением. Содержание термина то суживается, то, наоборот, расширяется, расплывается, и термин исчезает вместе с эволюцией общественного строя Древней Руси. В силу этих обстоятельств — изменения, расширения или сужения смыслового значения термина и его эволюции — часто под одним названием скрываются, с нашей точки зрения, различные социальные категории (например, «изгой», «рядович», «челядин»), иногда же, наоборот, разные названия обозначают, по сути дела, одну и ту же общественную группировку (например, «смерд», «закуп», «изгой» в определенном значении и другие обозначают феодально-зависимых крестьян). В Древней Руси подобная пестрота и кажущаяся путаница понятны, если мы учтем различные пути происхождения, с нашей точки зрения, социально-равноценных элементов, различие в их положении, с другой стороны, общность некоторых особенностей, присущих различным группам, дающую возможность источникам киевской поры объединять одним названием неоднородные социальные прослойки или расчленять однородные.

Каким путем шло превращение общинников в феодально-зависимый люд? Древняя Русь знала два пути превращения сельского «людья» в феодально-зависимое население: 1) насилия, экспроприации, захвата общинных земель и 2) закабаления.

В IX—XI вв. на Руси существовали еще общины, даже не обложенные данью, хотя основная масса общинников является уже «подданными» в том смысле, что они состоят «под данью», платят дань. В XI в. число общинников, платящих только дань, все время быстро сокращается. Вначале, в IX—X вв., князья раздают своим дружинникам не столько земли, сколько дани с земель, а затем уже сама земля смерда захватывается князьями и дружинниками, дарится и раздается. Вместе с землей и угодьями, нивами и лугами, угодьями и «ухожаями» захватываются, дарятся и раздаются сидящие на земле общинники. Экспроприируется их собственность, а они сами, всей общиной, превращаются в собственность князя, боярина, церкви, передаются по наследству, продаются, дарятся, как дарится и передается любая вещь, в том числе и прежде всего столп частной собственности феодальной эпохи — земля. Общинник в таком случае платит уже, как это мы видели, не дань, а оброк, в какой бы примитивной форме он ни взимался. И если мы примем расширительное толкование термина «смерд» в обозначении основной массы сельского люда, то должны отметить, что такие смерды-общинники превращаются в феодально-зависимых, сохраняя свое старое название «смерды», тогда как выход их из общины естественно и неизбежно вызывал закрепление за ними другого термина. Разрыв с общиной превращал их в изгоев, заключение каждым из них в отдельности «ряда» — в рядовичей, получение «купы» — в закупов и т. д. и т. п.

Такие общинники, ставшие смердами того времени, когда «крепостное право раннего средневековья» имело в себе «много черт древнего рабства»,[121] являются уже, по сути дела, крепостными, стесненными рядом ограничений, всюду в источниках сближаемыми с холопами, лишенными права перехода.[122]

Но был и другой путь превращения общинников в зависимых — это путь их закабаления. В. И. Ленин указывает, что «землевладельцы кабалили смердов еще во времена „Русской Правды“».[123] В другом месте В. И. Ленин отмечает: «И „свободный“ русский крестьянин в XX в. все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — совершенно так же, как в XI в. шли в кабалу „смерды“ (так называет крестьян «Русская Правда») и „записывались“ за помещиками!»[124] Неурожай, голод, пожар, стихийные бедствия, нападения врагов, грабеж дружинников, чрезмерные поборы и т. д. разоряли общинников. Такой разоренный общинник прежде всего выходил из общины, если она сама не распадалась в силу ряда причин, и становился изгоем. Закабалившись, он становился закупом, рядовичем и т. д. и уже не именовался «сельским людином», «простой чадью» или «смердом». Изменение в его положении вызывало изменение в его наименовании. Такой закабаленный общинник, вырванный по тем или иным причинам из «верви», «мира», становился легкой добычей для феодала и входил в число зависимой «челяди», выступая под этим или более точно определяющим его положение названием.

Характерно то обстоятельство, что весь этот подневольный, подчиненный и закабаленный люд, происхождение, степень зависимости, положение и формы эксплуатации которого были различны, в источниках как-то близко примыкает к холопам и рабам. Обращает на себя внимание отразившееся в источниках стремление всевозможного рода феодалов рассматривать всякого хоть в какой-либо мере зависимого от них человека, даже наемного работника, «наймита», как своего холопа. От наймита и закупа в холопы путь был очень прост. И это вполне понятно, если учесть, что господствующая верхушка привыкла иметь дело с холопом, с челядью, которые были их полной собственностью. Естественно ее стремление всякого попадающего в зависимое от нее положение поставить в такие же условия, связать теми же привычными для нее узами рабства, как и холопов. Богатство, власть и сила обеспечивали возможность князьям, боярам-дружинникам и всем «нарочитым людям» держать в повиновении зависимый от них люд и низводить его на положение рабов. Такие взаимоотношения, характерные для первого деления общества на классы, деления на рабов и рабовладельцев, сложились в доме, в хозяйстве древнерусской знати еще на заре Киевского государства, и еще во времена «Русской Правды» эта знать рассматривала каждого человека, попавшего к ней в зависимость и кабалу, исходя из привычных представлений — как к холопу, к рабу. Вот поэтому-то «крепостное право раннего средневековья» Киевской Руси «имело еще много черт древнего рабства» (Фр. Энгельс). Со временем это явление ослабевает и намечается стремление освободиться от рабского труда, тенденция к чему особенно ярко и отчетливо проявляется на церковных землях. Но все это дело будущего, а для IX—XI вв. характерно стремление господствующей верхушки к приравниванию всякого рода зависимого люда к холопам.

В то же самое время Русь не знала рабовладельческого строя как общественно-экономической формации. Распад родовых организаций и разложение первобытно-общинного строя выделяют господствующую группировку. Эта выросшая из родовой аристократии группировка, не только потому, что она родовая знать, а в силу своего экономического могущества, создает первую форму угнетения человека человеком — рабство. Рабство усиливает процесс распадения общины, имущественной и социальной дифференциации и укрепляет положение господствующей верхушки, начинающей эксплуатировать окрестное население феодальным путем. В то же самое время отношения рабства не создали в Древней Руси рабовладельческой формации. Чем объяснить это явление? Трудно представить себе, что, находясь в окружении феодальных стран: Византии, западноевропейских и восточных государств, Киевская Русь начала бы с того общественного строя, который был уже пройденным этапом для ее цивилизованных соседей, с которыми она была тесно связана. Но существовали и внутренние условия, предопределившие исторический путь Древней Руси. Переход от доклассового общества к феодальному обусловлен прежде всего существованием в Киевской Руси сельской общины. В условиях созревания рабовладельческого общества в Средиземноморье община не успела сложиться к тому времени, когда родовые отношения под влиянием развития торговли и денежного хозяйства разлагались и на основе патриархального рабства возникало классовое общество, общество рабов и рабовладельцев. В Древней Руси торговля, ростовщичество и денежное хозяйство в период формирования классового общества, в IX—X вв., несмотря на свое абсолютное развитие, не играли столь существенной роли, как в Древней Греции, Риме в стадиально ту же эпоху. Фр. Энгельс указывает: «Для того же, чтобы рабский труд сделался господствующим способом производства в целом обществе, общество должно достигнуть гораздо высшего развития производства, торговли, и накопления богатств».[125] Род трансформируется в «локализированный микрокосм» — общину, вервь с ее устойчивостью и застойностью.

«Где патриархальный род успел переродиться в сельскую общину, там создаются особо благоприятные предпосылки для возникновения феодализма — как путем захвата общинной земли выделившимися из среды самой же общины, но оторвавшимися от нее богатыми, военизированными и потому сильными людьми, превращающимися в феодалов, так и путем подчинения общины и обложения ее данью, превращающейся в ренту-налог, в результате завоевания».[126]

В условиях существования общины ее структурная устойчивость препятствует развитию рабовладения, так как последнее потребовало бы коренной ее ломки, тогда как при феодализме она продолжает существовать, но превращается из организации свободных в организацию зависимых. «Для сельской общины путь к феодализму значительно естественен и проще, чем путь к рабовладельческой формации».[127]

Таким образом, внутренние, имманентные условия развития общественного строя порождают на территории Древней Руси из доклассового общества феодализм, а не рабовладельческую формацию. Конечно, в условиях феодального окружения Русь не могла начинать с античного рабства, но, несмотря на большое значение внешних факторов, вроде влияния Византии, Хазарии и т. п., на процесс складывания феодальных

отношений, обусловленный втягиванием определенных слоев древнерусского общества в орбиту их влияния путем торговли, походов, участия в дружинах, в войсках соседних полуфеодальных и феодальных государств и т. д., все же первенствующее значение следует придавать первым, т. е. внутренним, причинам.

С исчерпывающей полнотой этот вопрос был освещен Б. Д. Грековым, и остается только удивляться, как снова могла возникнуть дискуссия на тему: была ли Киевская Русь рабовладельческим обществом?[128] Для В. И. Ленина не было сомнений в том, каким периодом следует датировать зарождение и развитие феодально-крепостнического строя в России. Этой датой для Ленина были времена «Русской Правды».[129] Начало крепостничества Ленин относит к IX в., т. е. ко временам образования древнерусского государства, но характеристику феодальных отношений в Киевской Руси Ленин дает начиная с XI в., со времен «Русской Правды».

Нельзя думать, что в IX—XI вв. вся Древняя Русь в смысле зарождения и развития феодализма представляла собой нечто единое. Вокруг больших городов — передовых центров Русской земли, таких как Киев, Новгород, Чернигов, Переяславль, Смоленск, Полоцк, Червень, Ростов, Псков, Изборск, Белоозеро, Туров и др., создавался ранний феодальный мир. Это были типичные города — феодальные центры с боярами, дружинниками, «старцами градскими», купцами, ремесленникам, челядью, «простой чадью» и т. п. В определенном радиусе от них располагались крупные земельные владения и жил сельский зависимый люд. Крупное землевладение зиждилось на эксплуатации труда холопов и всякого рода слуг и кабальных людей, покрываемых единым названием «челядь». Господствовала отработочная рента — барщина.

В. И. Ленин указывает: «...отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена Русской Правды)...», а в другом месте отмечает: «отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен Русской Правды...».[130] Остальной сельский люд — общинники — платят князю дань, «кормят» его дружину, «повоз везут», отдают часть своих продуктов во время полюдья, платят всякие «виры» и «продажи», содержат «княжеских мужей» и слуг. Но процесс распада общины идет все быстрее и быстрее. Сельский люд, разоряясь, идет в кабалу к князю и прочим «нарочитым людям». Растет и множится число кабальных людей, эксплуатируемых путем барщины. Они пашут «ролью», косят сено, ухаживают за скотом, обслуживают двор господина, сеют, жнут, молотят, бьют зверя, ловят рыбу и дичь и т. д. Все большее и большее число холопов и изгоев садятся на землю во владениях князя, церквей и бояр и, по сути дела, превращаются в крепостных. Степень угнетения высока, последнее близко к рабству. Княжие даньщики и бояре со своими дружинами, получившие в лен дань со смердов, проникают в самые отдаленные уголки Древней Руси, и не спасают общинников ни леса дремучие, темные, густые, ни болота непроходимые, ни реки широкие, многоводные, ни мужественное сопротивление, ни «встань». Княжой даньщик облагает их данью, княжой вирник собирает «виры» и «продажи». Всюду снует княжеская администрация: мостники, ябетники, городники, мечники и т. д., всюду — его дружинники, сопровождающие «княжих мужей», направляющихся в разные места земли Русской за данью и поборами, за «скорой» и медом, за вос-

ком и челядью. Вскоре земля общинников то здесь, то там становится княжеской собственностью. Всюду появляются княжие «рольи» и «нивы», «ухожаи» и «места», огражденные межами и «знаменными дубами». За нарушение границ княжеских владений каждый, кто «межоу перореть» или стешет «знак» на дубе, подвергается штрафу. На лугах пасутся стада скота и косяки лошадей. Весь скот помечен княжеским «пятном». В княжеских доменах хозяйничают огнищане, тиуны, старосты, рядовичи — княжеская вотчинная администрация, «иже людей грабяху» и «отягая» «сельские люди» всякими работами и поборами. Растет княжеская собственность. На всем княжеские знаки. «Знаки княжеской собственности, первые сведения о которых дошли до нас от середины X в., дожили до середины XII в. За двести лет своего бытования в Киевской Руси княжеские знаки ставились на княжеских монетах, на печатях, скреплявших государственные документы, на перстнях, которыми запечатывали восковые печати. Княжеские знаки, отлитые из бронзы, носились на груди княжескими тиунами; княжеские знаки были на поясах дружинников, сопровождавших своего князя, на оружии, на боевых знаменах княжеских войск. Княжеские знаки ставились на слитках серебра, принадлежавших князю, на княжеских товарах, отправлявшихся за границу. Княжескими знаками метили свои орудия производства ремесленники-холопы, работавшие на княжеском дворе, — гончары, кирпичники, златокузнецы. Княжескими знаками был помечен весь живой и мертвый инвентарь княжеского хозяйства — кони, бортные ухожаи, земля».[131] Идет окняжение земли, а с ним вместе насильственное закрепощение сельского люда и экспроприация его земельных угодий. Но это стало возможным только потому, что богатство и вооруженная военная организация варварской феодализирующейся знати Древней Руси дали ей возможность прежде всего накопить силы и средства для дальнейшего захвата земель и вовлечения сельского населения в орбиту феодального хозяйства, а это накопление произошло в результате эксплуатации холопов и закабаленной челяди. Только таким путем она смогла превратить сельского общинника-данника в рабочую силу своего феодального хозяйства, а дань — в феодальную ренту. Те же формы эксплуатации, которые были характерны для холопов и кабальных людей, а именно отработки, определяют собой организацию эксплуатации закрепощенных общинников, смердов и прочего сельского люда, потерявшего свою свободу и собственность в результате насильственного захвата.[132] Древняя барщина значительно отличается от позднейшей. Обработка «рольи» и «нивы» играет не всегда решающую роль. Зависимый люд ранней вотчины эпохи генезиса феодализма не только пашет землю. Он должен обслуживать своим трудом двор господина и исполнять всякого рода работы по двору и дому. Кроме того, полупромысловый характер вотчины той поры приводит к тому, что обслуживание всякого рода угодий — охота, ловля рыбы, сбор меда пчел на «борных ухожаях», пастьба скота и т. д. — составляло немалую долю барщинных работ.

Число зависимого люда все время быстро растет. Даннические отношения охватывают почти весь сельский люд. Данники постепенно превращаются в феодально-зависимых, и число свободных общинников непрерывно уменьшается. Этот процесс обязан своим бурным развитием росту боярской земельной собственности, собственности, во-первых, осе-

давших на землю княжеским «пожалованием» (и уже не дани с земли, а самой земли) дружинников, вчерашних «воев» и «съветников» князя, а во-вторых, всяких «нарочитых» и «лучших людей», развертывающих свое хозяйство в результате закабаления, скупок, долговых обязательств, ссуд и т. п., а позднее, после включения «земского боярства» в состав княжеской дружинной прослойки, и княжеского «дарения».

Расширяется боярское хозяйство, и боярская вотчина как бы в миниатюре копирует княжескую. Там — те же огнищане, тиуны, старосты, рядовичи, что и в княжеском домене. Боярскую вотчину охраняет все та же «Русская Правда», устанавливающая штрафы за убийство ее представителей: «...тако же и за бояреск», как и за княжеских огнищан, сельских и ратайных тиунов, рядовичей и т. д. («Русская Правда» по Троицкому списку). «Знаки» и «пятна» отмечают боярскую вотчину, боярские земли и угодья, боярский скот и т. д. Имущество бояр передается по наследству, растет, накапливается. Так складывается боярская и церковная земельная собственность.

Вместе с развитием феодального землевладения море общин, окружавшее ранее, в IX—X вв., древнейшие центры Руси, постепенно исчезает. Эти центры, окруженные еще общинами, среди которых идет автохтонный процесс выделени феодалов, все более и более втягивают в орбиту своего влияния периферию. Процесс самозарождения феодалов ускоряется включением районов, население которых ранее было обложено только данью, в орбиту влияния крупных феодальных центров. Общинник превращается в зависимого смерда, земля его экспроприируется, а господствующая знать — «лучшие мужи», «нарочитые люди» и т. д. — при оказании покорности входит в состав дружинников князя, а при сопротивлении уничтожается. Феодализм растет вширь и вглубь, перерабатывая, трансформируя и уничтожая родовые, первобытно-общинные отношения.

Так возник феодализм в Древней Руси. От патриархальных семейных общин VIII—IX в. к земельной общине IX—X столетий через выделение родоплеменной знати и возникновение в результате разложения сельских общин «земского боярства» к классу феодалов, сложившемуся во всем своем многообразии в XI столетии, от полупатриархальных форм земельной собственности к княжескому домену и феодальной боярской и церковной вотчине, от эксплуатации раба и кабальной челяди, «от первобытных форм рабства к крепостничеству» (Ленин), от узурпации власти родоплеменной знатью к древнерусскому государству — таков был путь древнерусского общества в дофеодальный период IX—X вв. и начала XI в. Русь этого времени — Русь «полупатриархальная-полуфеодальная», пестрая и лоскутная, несущая в своей общественной и политической структуре и остатки первобытных, патриархальных отношений, и рабство, и непрерывно растущие вплоть до своей победы феодальные формы господства и подчинения.

Глава V

У ИСТОКОВ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

«Откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть» — так начинает свой рассказ о начале Руси «Повесть временных лет».

Не успели отшуметь раскаты грома славянской «бури и натиска», не успели закончиться войны и походы первых русских князей эпохи «славного варварства» (К. Маркс), еще только складывались контуры социальной, политической и культурной жизни «полупатриархальной-полуфеодальной» Руси и возникала «аляповатая и скороспелая, скроенная... из лоскутьев» (К. Маркс) древнерусская держава, как естественно пробудившийся интерес к истории своего народа, к его славному прошлому заставил первых русских летописцев времен Ярослава Мудрого приняться за составление начальных летописей.

Они пытались осмыслить исторический процесс развития русского народа, складывания его культуры и государственности, и первый вопрос, который задавал себе древний летописец, был вопрос о начале Руси, о возникновении Русского государства: «Откуда есть пошла Руская земля?»

Византийские хроники, юридические источники, народные предания и сказания, рассказы очевидцев, погодные записи, жития легли в основу первых летописей. Наивность и несовершенство методов исследования нисколько не умаляют значения этих первых исторических трудов. «Рукою летописца управляли политические страсти и мирские интересы», и интересы летописца были прежде всего интересами всей земли Русской.[1]

Древние летописные своды — это не просто источники, это уже исторические труды. Они свидетельствуют о патриотизме, о чувстве национальной гордости, об интересе к далекому прошлому Русской земли, о большой, кропотливой и вдохновенной работе по подбору источников и их осмыслению в рамках научных представлений той поры.

Все умножающееся число всевозможного рода исторических произведений — летописей, «слов», «похвал», «житий» и т. п. — говорило о непрерывно растущем интересе к истории своего народа среди образованных людей Древней Руси, а многочисленные былины и сказания, эта история народа, рассказанная им самим, лишь изредка попадавшие на страницы летописи, свидетельствовали о стремлении широких народных

масс сохранить предания родной старины и передать их своим далеким потомкам.

Чувством величайшей гордости за свое прошлое, за свой народ, за землю Русскую веет от этих исторических произведений.

«Откуда есть пошла Русская земля?» — поставил вопрос летописец и посильно попытался ответить на него, ответить всем своим трудом.

С тех пор прошло почти тысячелетие. Сколько ученых снова и снова ставили его, этот вопрос, в своих трудах и отвечали на него, но можно ли считать его решенным? Нет.

Работы советских историков (Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, М. Д. Приселкова, В. А. Пархоменко и др.) и археологов (В. И. Равдоникаса, М. И. Артамонова, П. П. Ефименко, Б. А. Рыбакова, Н. Макаренко, А. В. Арциховского, В. А. Городцова, П. Н. Третьякова и др.), посвященные отдельным сюжетам из истории восточнославянских племен IX—X вв. и образования древнерусского государства или проблеме Киевской Руси в целом, в значительной степени приблизили разрешение основного вопроса истории Древней Руси. В этом приближенном разрешении мы и попытаемся поставить вопрос об образовании русского государства, отнюдь не претендуя на исчерпывающее разрешение проблемы.

Далекими предшественниками Киевского государства были первые примитивные политические образования антских времен. Это были огромные межплеменные объединения, объединения не родовые, а политические. Рожденные тем общественным строем, который мы, следуя Фр. Энгельсу, называем «военной демократией», они как бы стоят на грани двух эпох, двух общественно-экономических формаций и отражают переход от межплеменных образований первобытных общин к «варварским государствам» времен разложения доклассового общества и возникновения феодализма. Такими политическими образованиями среди восточных славян, образованиями, которые смело можно назвать предтечами «варварских государств», а в отдельных случаях, по-видимому, даже больше того, самими «варварскими государствами», были и союз десятков племенных антских князьков, возглавляемый Бозом, как это имело место во времена борьбы антов с готами, и мощное объединение антов во времена их вооруженных столкновений с аварами, когда во главе антских племен стоял Идар (Идаризий) со своими сыновьями Межамиром и Келагастом. Это была уже настоящая семья династов, возглавлявшая целый союз «риксов» и правившая в своей земле, как правил в своей земле славянин Ардагаст или Мужокий. Они были не только предводителями войск, но и властелинами «земель», или «филархами» (племенными начальниками). И хотя Ардагаст и Мужокий были славянами, а не антами, но все писатели древности в один голос подчеркивали сходство общественной жизни славян и антов.

Такие же политические образования восточных варваров-антов складывались (и, естественно, рассыпались) в процессе вторжений их в пределы Византийской империи, складывались далеко за пределами Среднего Приднепровья, в придунайских землях.

И особняком стоит мощное политическое объединение прикарпатских дулебов VI—VII вв., создавшееся в борьбе с насильниками-аварами, память о которых была свежа на Руси во времена первых летописцев и через посредство восточных купцов дошла и до Масуди, повествующего о

могучем племени волынян, т. е. тех же дулебов, которому некогда были подчинены многие другие славянские племена. Племя «Валинана», по сообщению Масуди, «коему повиновались в древности все прочие славянские племена», «есть одно из коренных племен славянских». Масуди говорит и о распадении этого племенного объединения: «Впоследствии же пошли раздоры между их племенами, порядок их был нарушен, они разделились на отдельные колена и каждое племя избрало себе царя... по причинам, описание коих слишком длинно».[2]

В масудиевых «Валинана» (Масуди, следует отметить, знает и «Дулебов») мы видим межплеменное объединение, причем само название «Валинана» не племенное, этническое, а политическое, произведенное от названия города Волынь, или Велынь, — естественного политического центра юго-западных земель восточных славян, название, которое больше чем на тысячелетие закрепило за всей землей наименование Волыни.

Термин «волыняне» такого же происхождения, как и «суздальцы» («Суздальская земля») и «новгородцы», т. е. не этнический, не племенной, а политический, сменивший собой древнее племенное название славянского населения этого края — дулебы. Уже это одно говорит за то, что масудиевы «Валинаны» создали варварское политическое объединение, состоявшее из ряда племен и получившее свое наименование от главного города Волыня.

Аварское нашествие ликвидировало Волынско-Прикарпатский союз восточнославянских племен. Это произошло в начале VII в. Характерно то обстоятельство, что варварское политическое образование восточных славян-антов, дулебов-волынян предшествовало возникновению первой державы западных славян — государству Само.

В VII в. прекращается бурный натиск антов на Византию. Волна восточнославянских походов, вторжений и переселений ослабевает. Все, что было среди антов наиболее воинственное, подвижное, активное, все, что выступало в качестве бродила среди антских племен и вершило военно-политическими их делами, уже сыграло свою роль и либо погибло в бесконечных войнах и походах в пределы Восточно-Римской империи, в разные земли и края, либо переселилось на новые места, на юг, на Дунай и за Дунай, либо слилось с византийской знатью. Что же представлял собой этот непоседливый, энергичный элемент? Это были прежде всего военно-дружинные элементы «восточных варваров», увлекавшие за собой в своих передвижениях и рядовых общинников, переселявшихся, и при этом переселявшихся именно в процессе завоевательных войн, как вооруженный народ, точнее — часть его, вместе со своими семьями, родичами и т. д. Их уход на юг и способствовал известному запустению Среднего Приднепровья и, что самое главное, ослаблению политической жизни «бесчисленных племен антов» средней полосы. Они, эти «бесчисленные племена антов», отдав дань «великому переселению народов», эпохе славянской «бури и натиска» и в значительной степени лишившись своих «риксов», ушедших с дружинами в водоворот войн и походов, вторжений и передвижений, в массе своей, как физические величины, остались на старых, насиженных местах, у берегов родных рек. Правда, многие поселения запустели. Запустел весь «край антов», ибо ушли не только риксы, ушла и часть «бесчисленных племен антов».

Кроме того, как мы уже видели, в ослаблении южных племен антов большую роль сыграли опустошительные вторжения гуннов, болгар и особенно авар. Как ни кратковременно было пребывание орд кочевников в пределах «края антов», но страшные удары, наносимые ими, опустошения, насилия, грабежи, вовлечение антских дружин в завоевательные походы вождей кочевников — все это приводило к распылению, рассеиванию антов, превращало антские земли в запустевшие края, ослабляло мощь антов, разрушало их варварские политические объединения.

Вот почему анты исчезают со страниц письменных источников с начала VII в. Нам могут указать, что некому было писать о них, так как византийцы должны были сосредоточить все свое внимание на борьбе с арабами. Западный католический мир еще не успел войти в соприкосновение с восточнославянским, языческим, а великие завоеватели-арабы еще только вышли в поход на мир из своих каменистых пустынь и оазисов. Но это не совсем так.

Конечно, новый узел важнейших политических событий в VII— VIII вв. завязывается на юге, где родился ислам, но если бы анты по-прежнему продолжали бы грозной поступью идти на юг, никакая война с последователями Магомета не могла бы заставить византийцев перестать писать о двигающихся с северо-востока полчищах варваров. Греки перестали писать об антах потому, что волна передвижений славян и антов, разрушив плотину — линию укреплений, воздвигнутую в северных областях Восточно-Римской империи, хлынула на Балканы и залила всю страну, к X в. славянизовав ее полностью (как об этом пишет Константин Багрянородный) и привив одряхлевшей византийской цивилизации свою, присущую варварам общину. На это было потрачено много народных сил. И началась новая фаза в общественном развитии антов — формирование варварских политических объединений, своеобразных, примитивных «протогосударств» (да позволено будет употребить этот термин) эпохи «военной демократии». Таким и было протогосударство антов на Волыни, союз племен под верховной властью «Валинана» — дулебов, выросший и разрушенный в процессе ожесточенной борьбы с «обрами»-аварами. И в «царе» «Валинана» Маджаке (быть может, Мужоке, тезке славянского «рикса», упоминаемого у Феофилакта Симокатты) мы вправе усматривать «филарха» — вождя союза племен, военачальника и повелителя земли.

Но буря аварского завоевания и невероятные тяготы аварского ига подкосили эту восточнославянскую предшественницу державы Само.

Обессиленное и обескровленное восточное славянство Среднего Приднепровья на некоторое время сходит со сцены активной международной политической жизни. Оно накапливает силы. И эти силы приходят в лице передвигающихся на юг, в частично опустевшее Среднее Приднепровье, северных, лесных восточнославянских племен.

Внутренние процессы, идущие в варварском обществе приднепровских и приильменских славян, создадут в IX в. могучее Русское государство, но это будет лишь в IX в.

И остается «terra incognita» почти весь VII и почти весь VIII вв. Вот к этому темному периоду в истории русского народа мы и перейдем.

Он может быть смело назван «периодом хазарского каганата», ибо «огромно значение Хазарского царства в ранней истории восточных славян» (А. Е. Пресняков).

Исключительно важная роль Хазарского каганата в истории Древней Руси заключается в том, что хазарская «держава мира» на два века закрыла «ворота народов», прекратив или во всяком случае ослабив натиск кочевых орд на оседлое население лесостепной полосы, связала русские племена с Востоком, установив регулярные торговые сношения с мусульманским миром, способствовала распространению начал восточной культуры, включила их в орбиту влияния восточных культур и государств.

И в этом мы усматриваем положительный характер вовлечения восточных славян в сферу влияния Хазарии, а через нее — в сферу влияния восточных цивилизаций мусульманского мира.

Прав был известный востоковед академик Френ, считавший, что история хазар есть часть древней истории Руси в состоянии особого с ней сплетения. Пути, приведшие к связям восточного славянства с Востоком, были путями торговых и культурных сношений. Начало их скрыто от нас в глубине веков. Еще в домусульманские времена, в V—VI вв., сасанидские монеты проложили путь из Закавказья и Передней Азии на север.[3]

Эти связи восточнославянского мира привели в состав «хазарского объединения не библейских, а реальных россов, т. е. уже восточных славян».[4]

В «Истории албанов» Моисея Утийца есть описание хазарской трапезы. Рассказывается о том, как хазарский каган взял и разграбил Тифлис (Тбилиси) и двинул свои войска в Албанию. Тогда католикос Албании Вирой решил идти на поклон к хазарам и явился в их лагерь у Партава (Бердаа). И тут он присутствовал при трапезе хазар. Этот рассказ Моисея Утийца Н. Я. Марр датирует VII в.

Хазары пили из роговых и тыквообразных сосудов, если мясо и рты их были покрыты «грязью жира-сала». Обращает на себя внимание русское слово «сало» (salo — уθ), встречающееся в армянском источнике и тут же переведенное словом «жир», причем автор пишет русское слово армянскими буквами. Второй термин «шогом» (шором), примененный в отношении к сосуду, переведенный Патканoвым через русское слово «ковш», может вести и к русскому «шелом», который семантически может также восходить к сосуду («шеломами» черпали и пили воду — вспомним хотя бы «Слово о полку Игореве»), что, по мнению Н. Я. Марра, рискованно, и к тому же русскому «череп» — «черепок», также обозначающему сосуд, как и чанские, лазские «шереп» (scherep), что означает большую ложку, ковш и т. п.

Роговые кубки, столь распространенные в качестве сосудов у русских позднейших времен (IX—X вв.), русское слово «сало», которое обозначало у хазар «жир», возможно, русское или во всяком случае с русским связанное «шереп» — «череп» — все это говорит за то, что уже в VII в. среди хазар были русские, восточные славяне.[5]

Как могли очутиться так далеко на юге, в составе хазарских отрядов, русские воины?

Несомненно, благодаря тому что уже в те времена где-то на юго-востоке славянские племена или во всяком случае отдельные группы славянского населения (в частности и, скорее всего, по-видимому, дружинные) вошли в соприкосновение с хазарами и приняли участие в их опустошительных набегах на Закавказье. В этой же связи стоит знаменитый рассказ Аль-Баладури и Табари о походе Марвана. Это было при халифе Гишаме,

в середине VIII в. Аль-Баладури, писавший в 60-х годах IX в., сообщает об этом походе следующее: «Марван сделал набег на славян (сакалибов. — *В. М.*), живших в земле хазар, взял из них в плен 20 000 оседлых людей и поселил их в Хахите (Кахетии)».[6] Табари (начало X в.) сообщает о том, как Марван «расположился лагерем при Славянской реке (реке сакалибов. — *В. М.*), напал на жилища неверных, убил их всех и разрушил 20 000 домов».[7]

Обычно в «сакалибах» арабских писателей усматривают славян, но такое категорическое утверждение было бы неправильным. Попытаемся осветить этот вопрос.

Во-первых, какую реку арабские писатели называют рекой сакалибов? Дон? Волгу? Ибн-Хордадбег подразумевает под славянской рекой Волгу. Ему вторит Ибн-Хаукаль. Но у Масуди славянской рекой выступает Танаис (Дон), ибо берега его «обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами, углубленными в северных краях».[8] Нам кажется, что это противоречие было результатом того, что в представлении арабских писателей нередко Дон соединяется с Волгой или выступает в качестве одного из рукавов Волги.

До какой же «реки сакалибов» дошел Марван — до Дона или Волги? Скорее всего, поход Марвана ограничивался продвижением арабского войска в пределах Северного Кавказа, и, по-видимому, прав Доссон, который, опираясь на сообщение Шамседдина Дагаби, утверждающего, что Марван дошел до реки Альзам, в этой реке, а следовательно, в «Славянской реке» усматривает Алазан,[9] так как поход арабов на Дон кажется маловероятным. Второй вопрос, встающий перед нами, — это вопрос о том, кем были «сакалибы» восточных писателей? А. Я. Гаркави и Ф. Вестберг считали, что термин «сакалибы» носит географический характер и обозначает жителей Восточной Европы вообще, выступая синонимом «русых», «светловолосых», «голубоглазых», «румянолицых». И действительно, Ибн-Аддари и Маккари считают Оттона царем сакалибов, Масуди в число «сакалибов» включает «сассов», т. е. саксов, Ибн-Фадлан и Якут — камских болгар и т. д.

Но в данном случае имеет место либо неосведомленность, столь часто встречающаяся в аналогичных источниках не только той или более ранней поры, но и в памятниках позднейших, либо смешение одного племени с другим, причиной чего была общность названия (болгары дунайские и болгары камские).

«Сакалиба» восточных писателей является термином этническим. Со времени Аль-Ахталя (вторая половина VII в.) и Аль-Фазари (VIII в.) арабы через Византию узнали о славянах, и прежде всего, вначале и почти исключительно, о южных и западных. Быть может, именно отсюда, из Византии, арабы и заимствовали наименование для целой группы племен, переделав греческое Εχλαβένοι, Εχλάβοι в «сакалибов» или «саклабов», и, по-своему осмыслив это название, связав его с физиологическими, антропологическими признаками превалирующего славянского типа, превратив их по созвучию с родным, арабским, словом, в «светловолосых», «русых» и т. п., подобно тому как это произошло с русами, ставшими в ряде языков тоже синонимом «русых», «рыжих», «светловолосых».

Итак, склабинами, склавинами славян называли греки, а этому термину в арабском языке созвучно было слово «сакалибы», что означало «ру-

сых», «светловолосых», это же, в свою очередь, соответствовало внешнему облику славян. В силу указанного обстоятельства за славянами на Востоке и закрепился этот термин, приближающийся к их подлинному названию.

Из сказанного следует, что если, идя за Гаркави и Вестбергом и их единомышленниками, и считать, что «сакалибы» не только славяне, с чем нельзя не согласиться, в то же самое время нельзя не признать, что «сакалибы» не только не славяне, но и славяне. В силу всего изложенного мы считаем возможным выдвинуть в качестве гипотезы следующее суждение: во время своего похода Марван мог иметь дело с дружинами славян, которые служили в хазарском войске, что имело место уже в VII в., о чем говорит рассказ Моисея Утийца, сообщающего о хазарах, в речи которых обнаруживаются русские, славянские слова, и что подтверждается сообщением арабских писателей о более поздних временах.[10] Конечно, цифры 20 000 пленных или 20 000 домов сильно преувеличены.

Наличие славянских дружин, а быть может, даже отдельных русских поселений в Хазарии, не вызывает сомнений, и в этом отношении интересен рассказ Ибн-Аль-Факиха (начало X в.), который указывает: «на... горе Кабк (Кавказ. — *В. М.*) есть 72 языка, каждый язык понимается другими только посредством толмачей. Ее длина 500 фарсангов. Она соседит со страною греков до границ алан, она доходит до страны славян. На ней есть также род славян; остальные армяне». Как мы видим, Ибн-Аль-Факиху были известны и аланы, и он упоминает оба народа одновременно, не путая один с другим, что стоит в прямом противоречии с выводами Ф. Вестберга, считающего, что под сакалибами арабских писателей подразумевались прежде всего аланы. Свидетельство Ибн-Аль-Факиха о «роде славян» на Кавказе заслуживает внимания. Также ценно его указание на то, что горы Кавказские доходят до страны славян, в которой нетрудно усмотреть степи Северного Кавказа, междуречье Кубани и Дона, который вытекал из земель, обитаемых славянами.

Существовало ли здесь, на юге, сплошное русское, славянское население? Конечно, нет. Если Дон был славянской рекой, то несомненно не в нижнем течении, а в среднем и верхнем и то лишь с определенного времени, причем здесь славяне заняли очень слабо населенные места, что нашло свое отражение в славянской топонимике рек бассейна Среднего и Верхнего Дона. Что же касается южных, прикавказских, областей, земель собственно Хазарии, что речь могла идти лишь об отдельных славянских поселениях, а чаще всего о купцах и воинах-дружинниках, населявших хазарские города. Тем не менее, несмотря на свою малочисленность, это все же были «роды славянские», это были «сакалибы» — русские, славяне, со славянской речью и обликом. Сюда, на восток, их привлекала возможность в составе хазарских дружин принять участие в походах на богатые города и земли Закавказья, служба в войске богатого и могущественного хазарского кагана и широкие перспективы обогащения в результате участия в восточной торговле. Славянское, русское, население южной части Хазарии селилось в городах, где и выступало в роли воинов и купцов, купцов и воинов. Вряд ли можно было говорить о наличии на юго-востоке, в Хазарии, русского сельского поселения.

Это положение подтверждается тем, что уже в VIII в. все среднее течение Днепра было усеяно кладами восточных монет. Восточная торговля

отсюда перебросилась на Западную Двину, а Волгой дошла до земли мери, Ростова и Суздаля, Пскова и Ладоги, до Балтики и Скандинавии.

Нельзя думать, что эти обширные торговые операции совершались только арабами. Нет, хозяевами и организаторами этой торговли были славянские купцы, жившие по «градам» земли Русской, пробиравшиеся далеко на восток, вплоть до Багдада, селившиеся в городах Хазарии, быстро переходившие от торга к военному нападению. С ними вместе шли на службу кагану «вои» славянских племен. Они-то и прорубили окно на Восток, открыли путь в страны Закавказья, на Каспий, и придет время, когда русы уже не в качестве наемников, союзников или подданных хазарского кагана, а сильной дружиной могучего народа русского вступят в земли мусульманского Востока, ворвутся в Бердаа. И это будет уже в следующих IX и X вв.

Мы не знаем точно, когда и при каких условиях распространилась власть хазарского кагана на восточнославянские племена, но, по-видимому, это произошло задолго до IX в., не позднее VIII столетия. Наша летопись относит покорение части восточнославянских племен хазарами еще к легендарным временам.

Это были времена, когда каждое племя жило «особе» «и живяху кождо с своим родом и на своих местах, владеюще кождо родом своим»,[11] когда русские племена «свою волость имели»[12] и каждое племя имело «княженье» свое.

Летопись связывает начало установления хазарского владычества в Среднем Приднепровье со времен после смерти Кия, Щека и Хорива.

В народном предании о Кие отразились времена походов на Дунай и в земли Византии, и, как было уже указано ранее, речь идет не о воспоминаниях о походах Олега, Игоря и Святослава, память о которых не успела изгладиться еще в представлении киевлян летописных времен, а о походах гораздо более ранних, походах антской поры. И летописец прав, связывая установление хазарского владычества со смертью легендарных (а быть может, только полулегендарных) братьев — основателей Киева, ибо это событие действительно имело место после упадка варварских политических образований антов, т. е. после VII в. «По сих же летех, по смерти братья сея быша обидимы Древлями и инеми околними, и наидоша я Козаре, седящая на горах сих в лесех, и реша Козари: „платите нам дань“».[13]

Летопись сообщает, что до «призвания варагов» «Козари имаху на Полянех, и на Северех и на Вятичех, имаху по белей веверице от дыма».[14]

Из дальнейшего рассказа летописца мы узнаем, что и радимичи платили дань хазарам «по щьлягу».[15] «По щьлягу от рала» платили дань хазарам и вятичи, хотя ранее летопись указывает на уплату вятичами хазарам дани «по белой веверице от дыма».[16]

В данном случае, по-видимому, имела место замена более древней дани «веверицами» от каждого «дыма» данью «щьлягами», т. е. деньгами, «от рала» (плуга).

Таким образом, вся восточная группа славянских племен — поляне, северяне, вятичи и радимичи — оказалась под властью хазарского кагана. Сообщение летописи подтверждается письмом хазарского царя Иосифа ученому испанскому еврею Хасдаи-ибн-Шафруту, в котором перечисляются народы, живущие в Волжско-Окском бассейне, по Дону и на левом

берегу Днепра и, по-видимому, разновременно подвластные хазарам: «На этой реке (Итиль) живут многие народы: буртас, булгар, арису (ерзя), цармис (черемисы), вентит (вятичи), савар (север, северяне), славиун (славяне)...».[17] О подчинении хазарам славян и «соседствующих народов» говорит Ибн-Фадлан.[18]

В письме хазарского царя Иосифа среди хазарских данников упоминаются северяне и вятичи. Что же касается третьего племени восточных славян, подвластных кагану, а именно «славиун», то интересно отметить, что царь Иосиф перечисляет эти народы, как бы двигаясь по карте с севера на юг и на юго-восток. «Славиун» он помещает на юго-восток от северян, т. е. где-то на Северном Донце или на Дону. И это вполне понятно — под покровительством кагана, обезопасившего на долгое время от вторжений кочевников степи Восточной Европы, русское население начинает спускаться по Дону все дальше и дальше на юг. Следом этого продвижения славянского населения на юг, как об этом подробнее будет сказано ниже, являются славянские городища Среднего Дона, типа знаменитого Борщевского городища, где, между прочим, свидетельством связи довольно многочисленного славянского населения с Востоком являются находки арабских диргемов, попавших сюда в результате торговли с Хазарией, и кости верблюда, типичного домашнего животного Востока. Эти поселения, вероятно, были основаны вятичами. Но почему же население славянских городищ, расположенных, согласно письму царя Иосифа, к юго-востоку от северян, носит свое общеплеменное название «славиун», т. е. славяне? По-видимому, в данном случае мы имеем дело с обычным в славянских землях среди славянских народов явлением, когда окраинные племена, состоявшие часто из выходцев из разных мест, носят общевидовое наименование «славяне» (словенцы, словинцы, словаки, словене ильменские).

Покорение славянских племен хазарами произошло, как было уже отмечено выше, в VIII в., не позднее. Какой характер носило хазарское владычество? Нет оснований предполагать, что оно отличалось суровостью. Скорее мы можем предположить, что примитивная хазарская держава ограничивалась лишь сбором дани с покоренных славянских племен. Дань эта была невелика, о чем свидетельствуют прямые указания летописи. Правда, летопись же сообщает о том, что, освободив северян от уплаты дани хазарам, Олег «възложи на нь дань легъку», этим самым подчеркивая более высокую дань, уплачиваемую ранее северянами хазарам. Но это сообщение летописи еще не дает нам права утверждать, что славянские подданные хазарского кагана уплачивали ему «дань тяжку». Скорее всего, можно предположить, что сам аппарат власти и отдаленность хазарских политических центров от берегов Днепра, дремучих вятичских лесов, болот и пущ Посожья и Подесенья не давали возможности хазарским правителям накладывать на славян сколько-нибудь высокую дань и взимать ее более или менее систематически. Не надо забывать, что дебри вятичских лесов были «освоены» даже русскими князьями лишь в середине XII в., а Мономах ходил «по две зимы» «в Вятичи» на племенного князя «Ходоту и на сына его».[19]

И под властью хазарского кагана, «володеюще роды своими», правя в своей земле, своим племенем и мало считаясь с хазарским властелином, «живяху кождо с родом», племенем своим, жили и управляли племенные

князья, «светлые и великие князья», «всякое княжье» «Руския земля», дожившее до времен договоров Олега и Игоря.

Вовлечение в торговлю с Востоком, в походы и войны хазарских каганов привело славян в города Хазарии. И это было уже в VIII и в самом начале IX вв.

Уже у Ибн-Хордадбега (вернее, по-иранси, Ибн-Хордадбе, что означает по-иранси «прекрасный дар солнца», а Ибн-Хордадбе был персом) в той части его сочинения, которая, по Де-Гуе, составлена около 846 г., говорится о том, как купцы «Русов, а они принадлежат к Славянам» (по Гаркави, «они же суть племя из Славян»), «ездят Танаисом, рекою славян (по Гаркави, «ходят на кораблях по реке Славонии»), проходят через Камлидж (древнее название Итиля. — *В. М.*), столицу Хазар (по Гаркави, «проходят по заливу Хазарской столицы»), там их владетель берет с них десятину».[20]

Эта торговля русских в Итиле носит, судя по характеру сообщения Ибн-Хордадбега, постоянный характер и началась, очевидно, задолго до того, как начальник почт в Джибале приступил к составлению своей «Книги путей и государств».

С течением времени она расширялась. Ибн-Фадлан, видевший русов, приезжавших в Булгар, сообщает, что они строят на берегу большие деревянные дома, где и живут по 10, 20 человек и более. Из этих поселений, появившихся в Хазарии вместе с развитием торговли Руси с Востоком, начавшейся в VIII—IX вв., вырастали колонии русов. Из русов и славян, поселившихся в Хазарии, в Итиле, по свидетельству Масуди, формировалось войско хазарского царя, которое он держит на жаловании, и вербовалась и его прислуга.[21] По-видимому, это войско играло роль стражи кагана.

В результате массового проникновения в Хазарию славян и русов (причем в данном случае мы не ставим своей целью выяснить этническую принадлежность русов и руководствуемся лишь одним соображением, что они приходят из славянских земель Восточной Европы) в Итиле появляется многочисленная их колония.

«Они живут в одной из двух половин этого города» (Итиля. — *В. М.*), — сообщает Масуди, а Ибн-Хаукаль добавляет: «Часть города известна под названием „Славянской части“, она населеннее (более) чем вдвое описанных мною городов и превосходнее их. В ней находится морская гавань, в ней также есть водяные источники, текущие между ней и городом, так что вода образует как бы границу между ними. Еще часть города известна под названием „Части мечети Инб-Саклаба“, она также велика, но в ней нет текущей воды и жители ее пьют из колодезей... Славянская часть не окружена стеной».[22]

В восточной, торговой, части города, именуемой по Ибн-Хаукалю «Хазераном», жили славяне и русы.

Многочисленные в столице Хазарии славяне и русы имели своего судью. Среди семи судей Итиля был один «для Славян, Русов и других язычников, он судит по закону язычества, то есть по закону разума» (Масуди).[23] Проникновение русских (будем так именовать и славян и русов арабских писателей в совокупности) в Хазарию суть явление, порожденное не X в., о котором так много сообщают арабские писатели того же X столетия, а гораздо более ранним временем.

В представлении хазар русы X в. выступали уже не только как купцы, поселенцы, воины-наемники или прислуга кагана, но прежде всего как грозные и сильные воители, совершавшие свои походы на богатые закавказские города и земли, проходя через Хазарию. Эти походы русов на Восток (середины или начала второй половины IX в.; 909, 910, 912—913 или 914, 943—944 гг.) были сами результатом ознакомления русов с пышным, сказочно богатым Востоком. Только благодаря тому, что Хазария втянула Русь в общение с Востоком, этот последний стал «землей знаемой и слышимой» на Руси, объектом военных походов русских дружинников. А в дальнейшем, в 60-х годах X в., хазарский каганат пал именно под ударами русских дружин Святослава.

Для того чтобы понять, почему целые районы Итиля были заселены русами и славянами и носили название «Славянской части», для того чтобы представить себе, почему они заняли такое положение в жизни Хазарии, следует предположить, что появление их здесь относится к VIII, началу IX вв., т. е. ко времени распространения хазарского владычества на Приокские, Приднепровские и Подонские земли, к тому времени, когда «Славяне и все соседствующие народы находятся в его (кагана. — *В. М.*) власти» (Ибн-Фадлан).

Пребывание — и именно длительное пребывание — русов в Хазарии, их служба у кагана в его наемном войске, в составе его личной стражи, на охране дворца кагана, их торговля по Волге и Каспию вплоть до Багдада, их поселение в городах Хазарии — все это привело к тому, что, судя по Бертинским анналам, уже в 30-х годах IX в. русы (росы) именовали своего повелителя каганом, употребляя это старое, ставшее привычным наименованием.

На Русь X—XI вв. оказывал влияние и хазарский иудаизм. Этим объясняется перенос в русские источники эпического мотива об испытании вер Владимиром, заимствованного из аналогичного хазарского рассказа, который мы находим в письме хазарского царя Иосифа ученому испанскому еврею Хасдаи-ибн-Шафруту, из притч (о слепце и хромце), апокрифов (Соломон и Китоврас), легенд, заимствованных непосредственно из Талмуда, Мидрашей и другой иудейской литературы, и притом, по-видимому, не из книг, а из устного общения. Это был вклад хазар-иудеев и евреев, живших в Киеве и общавшихся с русскими, в русское творчество и «книжность», вклад, явившийся результатом длительных связей с иудейской Хазарией и крымскими караимами.

Пути на Восток, проложенные русскими в хазарские времена, когда восточная группа русских племен находилась под властью кагана, привели в дальнейшем к русским походам через Хазарию на Восток уже во времена образования и роста Киевского государства, а впоследствии и к разгрому каганата русскими дружинами. И быть может, имело место не только влияние хазар на славян, русских, но и обратное влияние этих последних на хазар и на их родичей — камских болгар. Случайно ли упорное наименование болгарского хана «царем славян», болгар — славянами, а Булгар — городом славян у Ибн-Фадлана, сообщение Шемс-эд-Дин-Димешки о болгарах-паломниках, шедших через Багдад в Мекку и на вопрос — кто они, отвечавших: «Мы — булгары, а булгары суть смесь турков со славянами». Не говорит ли это за то, что и в Хазарию, и в Болгарию проникали славяне, и не в широком смысле этого слова, когда

«сакалиба» означают «русых» людей, людей севера вообще, в том числе и финнов, но в смысле собственно славян, и нельзя ли согласиться с Бартольдом, считающим, что: «По-видимому, оттесненные на север потомки общих предков болгар и хазар более находились под славянским, нежели под турецким влиянием, и арабы иногда называли царя волжских болгар „царем славян“»?[24]

Конечно, ни о каком славянском происхождении болгар не может быть и речи. Не надо забывать и того, что между славянами и камскими болгарами лежала полоса земель, населенных финскими племенами. Но появление купцов и воинов из славянских племен в Булгарах — столь же обычное явление, как и пребывание их в Итиле. Славянское влияние на народы Востока подтверждается рядом других источников. Аль-Бекри пишет: «И главнейшие из племен севера говорят по-славянски потому, что смешались с ними, как, например, племена ал-Тршкûн и Анклий и Баджâнâкіа и Рÿсы и Хазары».

Это же подтверждает Константин Багрянородный, отмечающий славянские термины в языке мадьяр («Βοεβὸδον» — воевода) и печенегов («ζάκανα» — законы).

И совершено справедливо замечание Бури, что «славянский язык в эту эпоху был вообще своего рода lingua franca для неславянских народов по Дунаю и Днепру».[25]

На многочисленность славянского населения в Хазарии косвенно указывает и знаменитая хазарская миссия Константина Философа (Кирилла) и Мефодия в Хазарию для укрепления христианства. Почему надо было посылать в Хазарию именно этих двух солунских греков, хорошо знавших славянский язык? Правда, когда в 50-х годах IX в. Константин Философ и его брат Мефодий ездили в Хазарию, они еще не были «славянскими просветителями», и моравская миссия, как и кириллица, еще дело будущего. Но посылка двух знающих славянский язык греческих дипломатов в Хазарию не свидетельствует ли о стремлении Византии упрочить свой авторитет и внедрить христианство среди обитавших в Хазарии славян и русов, которые, по свидетельству Ибн-Хордадбега, говорили на славянском языке? Думаю, что на этот вопрос можно дать утвердительный ответ.

Вряд ли хазарское владычество могло в значительной степени повлиять на жизнь восточнославянских племен. Отдаленность хазарских центров и примитивность организации хазарской державы давали возможность славянам сохранять свой общественный строй, свой быт, ограничиваясь лишь уплатой дани. Хазары оставили и старую единицу обложения данью «рало» и «дым», бывшую, очевидно, единицей обложения данью у славянских племен. Да и размер дани (по «белей веверице» или «по щьлягу») был невелик.

Надо полагать, что дань эту собирали не систематически, и хазарские тудуны были редким явлением в славянских землях.

Обилие на Руси всяких географических пунктов, в корнях наименований которых встречается «хазар», «хозар», «казар», «козар» и т. п., отнюдь не означает наличия хазарских поселений на Руси, так как многие из этих названий позднейшего происхождения, а многие, по-видимому, могут быть произведены от наименований славянских выходцев из Хазарии хазарами. А это имело место и позднее, в XI и главным образом в

XII вв., когда кочевники, особенно половцы, вынуждали русское население степей уходить на север. Так, в начале XII в. переселились на Русь беловежцы, т. е. саркельцы, русские обитатели хазарской крепости Саркела.

И в связи с проблемой населения степной и лесостепной полосы следует остановиться на вопросе о салтовской или салтово-маяцкой культуре.

Туземное население Северской земли сохранило воспоминание о князе Черном. Об этом говорят и название главного города земли — Чернигов, упоминание летописи о наличии в Чернигове уже в XII в. «Черной могилы», наличие там же могилы «Княжны Чорны», где, кстати сказать, было обнаружено не женское, а мужское погребение, что отнюдь еще не лишает нас интереса к полной трагизма легенде о князе Черном и княжне Чорне. Не связаны ли весь этот топонимический материал и легендарные сказания с геродотовскими меланхленами, что значит буквально «черноодетые», которые, по Геродоту, обитали где-то на территории Днепровского Левобережья? Не являются ли савдараты (что также значит «черноодетые») одним из тех племен, которые иначе назывались саварами или савирами? Наличие в северских курганах памятников материальной культуры несомненно северокавказского происхождения, или во всяком случае копирующих северокавказские вещи, не является чем-то случайным, связанным хотя бы с наличием в XI в. касогов-черкесов (адыге) и ясов в дружине тмутараканско-черниговского князя Мстислава; мы полагаем, что находимые в северянских курганах вещи северокавказского происхождения свидетельствуют о глубокой и древней связи этих различных племен, явившейся результатом местных культурно-исторических традиций и укрепившейся уже в исторические времена в результате миграции.[26]

Само появление касогов, хазар, а с ними, по-видимому, и ясов и обезов в дружине Мстислава было обусловлено не только успешными захватами и завоеваниями последнего, но и вековечными социально-политическими, экономическими, культурными и этническими связями народов северокавказского яфетидо-тюрко-иранского мира с народами славянского Приднепровья и Подонья, связями, уходящими в древний скифо-сарматский мир. Естественны и попытки связать «савиров», исчезающих, по письменным источникам, с VII в., с черными болгарами. Н. Я. Марр указывает, что современные балкарцы, родственные, с одной стороны, кабардинцам, а с другой — древним кабарам (кстати сказать, по Константину Багрянородному, носившим в Венгрии название «савартиасфалов»), аварам-обрам, иберам и обезам (абхазам), носят название «savr», «sav».

Интересно отметить, что термин «sav» («sev») в ряде яфетических или близких к ним языков обозначает собственно «черный». Например, в армянских источниках «савиры», «савары» называются «savardic» или «savaric», что значит «черные сыны». Они же именуются «sevordic», «sevorjik». «Черные угры» носят название «sevugri». Как мы видели, термин «сев» («sev»), «сав» («sav») выступает все в том же значении «черный». По мнению Н. Я. Марра, «sev», «se» в смысле «черный» — языковое явление, присущее яфетическим языкам и ведущее еще к скифам. Н. Я. Марр отмечает также, что реликтовая речь болгар имеет и древние яфетические, и турецкие, и, наконец, индоевропейские элементы.[27]

Учитывая скрещения и исторические миграции, можно сказать, что «черные болгары», по-видимому, являются в прошлом «савирами», а в настоящем — балкарцами. Если так, то станет ясным вопрос о роли салтово-маяцкой культуры в истории древнейшего славянского населения лесостепной полосы.

С давних пор славянские купцы и дружинники проходили через степи на юго-восток, в Хазарию, с давних пор в степи выходили русские промысловики. С другой стороны, различные тюркские, иранские и яфетические кочевые племена проникали далеко на север и в зависимости от мощи этнического комплекса соседей, от конкретной исторической обстановки шла колоризация пестрых, многоязычных племен, остатков скифо-сарматского мира в тюрок, иранцев или славян в различных уголках Восточной Европы. Это не могло не отразиться на древнейших судьбах славянского населения лесостепной полосы Днепровского Левобережья.

Обширная литература о салтово-маяцкой культуре, датируемой VIII—X вв., позволяет сделать некоторые выводы.[28]

Создание городищ салтово-маяцкого типа явилось результатом оседания на землю части кочевников. Оседлые поселения сарматов, возникшие в низовьях Дона и Кубани в самом конце I тысячелетия до н. э. и в первые века н. э., были сметены гуннским вторжением в IV столетии. Но вскоре процесс оседания кочевников на землю возобновился, сперва на южной, кавказской окраине лесостепной полосы, а затем, около VIII в., и на северной ее границе.

Салтово-маяцкая культура с ее могильниками и городищами «как раз и является наиболее выразительным памятником этого процесса, характерного для времени и места образования Хазарского государства».[29]

Район распространения городищ и могильников салтово-маяцкого типа определяется территорией от Нижнего Дона до среднего и верхнего течения Донца. К числу таких памятников относится Правобережное Цимлянское городище, расположенное в низовьях Дона у станицы Цимлянской, Маяцкое городище, стоящее у впадения реки Тихой Сосны в Дон, Салтыковское городище на реке Донце, у села Верхнее Салтово, городище Ольшанское на Тихой Сосне, наиболее хорошо изученные, и кроме того — городища и могильники у слободы Покровской Купянского района, у хутора Зливки на Донце близ Изюма, у Подгоровки, Саловки, Ютановки, Н. Лубянки Валуйского района, в Валуйках и других местах. Эти районы можно назвать очагом салтово-маяцкой культуры хазарских времен.

Маяцкое, Салтовское, Ольшанское и сходные с ними городища представляют собой небольшие каменные крепости, окруженные довольно обширными неукрепленными поселениями. Так, например, Маяцкое городище сравнительно небольшого размера (по площади около 0,8 гектара) окружено глубоким рвом и обнесено каменными стенами, достигающими более чем 6-метровой толщины. Внутри городища находятся остатки каменного здания и следы каменных фундаментов жилых и хозяйственных построек. Все это (размещенное внутри городища), в свою очередь, окружено стенами. Между оградой этого жилого комплекса и оградой городища обнаружены остатки жилищ типа землянок. Вокруг городища расположено обширное неукрепленное поселение общей площадью в 15 гектаров, покрытое ямами — остатками жилых землянок, хозяйствен-

ных сооружений и хлебных ям. Салтовское городище отличается от Маяцкого только более крупными размерами и наличием остатков гончарной мастерской. Ольшанское городище и по типу и по размерам мало чем отличается от Маяцкого.

Обращает на себя внимание наличие внутри городищ лишь незначительного культурного слоя. М. И. Артамонов приходит к выводу, что городища салтово-маяцкого типа не были ни сплошными укрепленными поселениями, ни временными убежищами для окрестного населения, а представляли собой, скорее всего, дворы-замки владетельной знати полуфеодального типа оседающих на землю и переходящих к земледелию кочевников. В этих дворах-замках жили ее вассалы, слуги и рабы, и замки эти господствовали над окрестным населением, превращаясь постепенно, как это имело место в Салтове, в города.

Судя по сохранившимся остаткам, население городищ салтовского типа, и прежде всего и в большей мере самого Салтова как своеобразного центра, представляло собой уже раннее феодальное общество. Многочисленные клейма указывают на выделение ремесла, на превращение его в самостоятельную функцию хозяйственной жизни, что свидетельствует о развитии частной собственности и, следовательно, о распаде первобытно-общинных отношений.

Из ремесел процветали гончарное, создавшее специфические сосуды, чрезвычайно близкие к северокавказским, кузнечное, штамповка украшений, ткачество, обработка кож и т. д. Основное занятие жителей — земледелие, сочетающееся со скотоводством и носящее, быть может, такой характер, какой носило полуоседлое земледелие у хазар, при котором скотоводство играет еще большую роль и носит полукочевой характер. Имущественное различие в погребениях говорит о социальном расслоении среди населения городищ салтово-маяцкого типа. Богатые захоронения с дорогими саблями, сбруей и прочим инвентарем, сочетающиеся с погребением коней, тогда как наряду с ними современные им массовые погребения имеют более бедный инвентарь, свидетельствуют о наличии варварской феодализирующейся знати. Археологические раскопки выявили наличие многочисленного оружия, главным образом кривых сабель, боевых топоров и кинжалов, легких и сравнительно небольших по размерам. Многочисленное оружие указывает на развитие военной дружинной прослойки. Конечно, на основании этих данных еще нельзя сделать вывод, были или не были Салтово, Маяцкое и им подобные городища феодальными центрами, но, памятуя то, что они являлись своего рода аванпостами феодализирующейся хазарской державы в Подонье, возможно предположить, что в данном случае мы сталкиваемся не с родовой, а с феодализирующейся аристократией, аналогичной хазарской знати Поволжья и Кавказа.

Не менее характерным является и могильник у хутора Зливки Изюмского района Харьковской области. Зливкинский могильник тянется на 1/2 километра, и в нем встречаются вещи салтовского типа, но победнее, и вообще весь инвентарь Зливкинского могильника представляет как бы плохую копию салтовских вещей. Это упрочило в литературе, с легкой руки В. А. Городцова, копавшего в Зливках, наименование за Зливками сельского поселения, тогда как за Салтово — на грани превращения в город, а за жителями его — горожан.[30]

Нет никаких сомнений в том, что жители городищ салтово-маяцкого типа — вчерашние кочевники, еще не порвавшие связи с кочевым скотоводством, недавно лишь перешедшие к оседлому земледельческому хозяйству. Кем же были обитатели Салтова, Маяцкого и прочих аналогичных им городищ? Салтовскую культуру приписывали половцам, как это высказал вначале сам открывший салтовскую культуру Бабенко, признававший позднее ее создателями хазар.[31] Хазарам приписывали ее Багалей, Данилевич, Самоквасов.[32] Спицын, Готье, Макаренко, Березин видели в ее создателях алан.[33] Марр осторожно указывает, что памятники салтово-маяцкого типа принимаются за хазарские.[34] Ряд исследователей связывает салтово-маяцкую культуру с венграми.[35] Высказывали суждение о том, что создателями ее были... цыгане.

А. А. Спицын совершенно справедливо связал салтово-маяцкую культуру с сарматским миром. М. И. Артамонов склонен усматривать в населении городищ салтовского типа остатки сарматских племен савиров, скрещенных с позднейшими гуннскими и тюркскими элементами. Из этого скрещения и возникли близкие друг другу болгарские и хазарские племена. По языковым и всем прочим данным болгары и хазары находились в тесном этническом родстве. Остатком древнеболгарского языка, языка, имеющего совершенно явное древнетюркское оформление, является современный чувашский язык, на котором «Саркел» (так называлась знаменитая хазарская крепость) буквально означает «белая башня», что подтверждается и Константином Багрянородным, и русскими летописями, и археологическими раскопками.

О болгарском элементе в салтово-маяцкой культуре говорит наличие общих черт между ее вещественными памятниками и вещественными памятниками древней столицы дунайских болгар Абобы. Абоба, ранее называвшаяся Плисков (отсюда и ее название Абоба-Плиска), была болгарской столицей до того, как ею стала Великая Преслава, т. е. Абоба-Плиска существовала в VIII—IX вв. и позднее, но с X в. ее значение пало. Абоба-Плиска представляла собой в древности огромный лагерь кочевников, аспаруховых болгар, громадный «хринг». Внутри его обнаружены каменные здания, сложенные из кирпичей, аналогичных кирпичам городищ салтово-маяцкого типа, укрепления, остатки деревянных строений, церквей и т. д.[36] Памятники материальной культуры Абобы-Плиски имеют много общего с предметами из раскопок салтовских городищ. Особый интерес представляют знаки на кирпичах, характерные для салтово-маяцких городищ и для Абобы-Плиски и абсолютно аналогичные.[37] Болгарское происхождение знаков на кирпичах Абобы-Плиски, равным образом как и принадлежность к болгарам ее населения, не вызывают сомнений. В силу указанного, предположение о савиро-болгарском происхождении создателей салтово-маяцкой культуры несомненно является вполне обоснованным.

Мы не представляем себе полукочевых обитателей лесостепной полосы VIII—X вв. живущими изолированно от своих ближайших соседей — славян. Не случайно обилие находок вещей салтово-маяцкого типа далеко за пределами городищ. Находки отдельных вещей салтовского типа и даже целых их комплексов были сделаны на гораздо более обширной территории, чем территории городищ. В нее вошли Полтавская, Черниговская, Харьковская, Курская, Сумская и Воронежская области.[38] Последнее

обстоятельство свидетельствует о тесной связи между славянскими племенами Днепровского Левобережья, Донца и Дона и населением городищ салтово-маяцкого типа в VIII—IX вв., что особенно характерно для юго-восточных рубежей расселения русских племен и могло быть результатом торговых отношений, взаимных встреч и влияний.

Не случайно также исчезновение одновременно, в X в., салтово-маяцкой культуры с ее поселениями, городищами и могильниками и раннеславянских городищ IX—X вв. на среднем течении Дона, известных по замечательному Борщевскому городищу. Их постигла одна и та же участь. Запустение городищ салтово-маяцкого типа и славянских городищ Среднего Дона, относящееся к концу X в., было обусловлено вторжением новых масс кочевников, снявших с места полукочевое население лесостепной полосы, легко вернувшееся к кочевому образу жизни, и отбросивших его дальше, на юг и запад, а частично, быть может, и на север.

Еще задолго до черных клобуков в гущу славянского земледельческого оседлого населения Левобережья проникают савиры — «черные болгары». Могилы северянской знати X в., как это показали раскопки Д. Я. Самоквасова, заполнены вещами северокавказского происхождения или сделанными по типу известных вещей из могильников Кобанского, Чми, Балты. «Слово о полку Игореви», приводя имена знаменитых черниговских «былей», по сути дела, перечисляет тюркские имена. Все эти Шельбиры, Ольберы, Ревуги, Татраны являются несомненно тюрками, но столь давно уже русифицированными, что их все считали русскими. Считал и автор «Слова». Это — не черные клобуки, позднейшее тюркское население, оседающее в XI—XII вв. на территории Южной Руси. В Черниговщине их знали под иными именами: «торки», «свои поганые», «коуи». Последних и упоминает «Слово о полку Игореви», считая их подданными русских князей, но отделяя от русских. Черниговские «были» с тюркскими именами — старое, именитое черниговское боярство. По-видимому, это и были остатки славянизированной болгарской знати того же происхождения, что и знать Салтова, Маяцкого и других им подобных городищ. Сам термин «быль» уводит нас, с одной стороны, в Дунайскую Болгарию, где он был заимствован местным славянским населением у аспаруховых болгар, с другой — в Орхоно-Енисейский край, основной очаг этногенеза тюрок, где термин «быль» встречается еще в уйгуро-орхонских надписях в смысле «сановник», и, наконец, с третьей — в Венгрию, где, по-видимому, он обязан своим появлением одному из племен хазар — кабарам.[39]

Связи салтово-маяцкого населения с Дунайской Болгарией и Кавказом, установленные по археологическим данным, глубокие традиции их, уходящие в скифо-сарматский и древнетюркский мир, позволяют сблизить по восходящей линии савиров, болгар (конкретно — черных болгар) и ясов наших летописей, продолжающих населять так называемые «половецкие города» степей в XI—XII вв. (Шарукань, Балин, Сугров, Чешуев, да и сам Саркел, Белую Вежу), населять их вместе с русскими, и даже уступая им место, оставаясь христианским островком среди язычников-половцев, островком земледельческого оседлого населения среди степняков-скотоводов, кочевников. В то же самое время эти же материалы дают нам возможность констатировать большое влияние населения городищ салтово-маяцкой культуры на быт и культуру южных племен славян Днепровского Левобережья.

Еще А. И. Соболевский считал возможным говорить о связи термина «Шельбиры», как назывались «были» «Слова о полку Игореви», с наименованием «Савиры». Он указывает: «К нему (т. е. к имени «Шельбир». — *В. М.*) по звукам близко название „сабиры“ — у Приска Панийского и других византийских авторов. Стефан Византийский говорит о народе Понтийской области „сапирах“, ныне называемых „сабирами“».

Взаимопроникновение славянских и болгарских элементов и перевоплощение саваров в черных болгар кажется, таким образом, установленным.

Тем более становится понятным, если принять во внимание эти древние связи, идущие от глубин скифо-сарматского и гунно-болгарско-хазарского мира, более поздние влияния, скрещения и миграции уже в киевские времена.

В летописные времена славяне южных поселений по Донцу и Дону сталкивались с другими обитателями лесостепи — ясами. В них не следует обязательно усматривать только иранских алан-осетин («ирон»), ибо, например, сами себя осетины не называют ни ясами, ни аланами, а, наоборот, называют «ассами» («ассы») потомков древних черных болгар — балкарцев.

Принимая во внимание наличие болгарского элемента среди населения городищ салтово-маяцкой культуры и савиро-болгаро-аланский характер вещественных памятников Северного Кавказа, возможно предположить, что «ясы» наших летописей не только и не столько аланы, осетины, сколько болгары, и именно — черные болгары. Болгары издавна оседали на территории лесостепной полосы, на левом берегу Днепра. Обитатели городищ салтово-маяцкой культуры — болгары — проникали в среду славян очень давно, еще в IX в., в долетописные времена. Этим объясняется то обстоятельство, что летописец ничего не говорит о вторжениях кочевников в русские земли до появления угров (венгров) под Киевом. Русские начальные летописи начали создаваться тогда, когда уже исчезли всякие воспоминания о проникновении «ясов» — болгар в среду славян, равно как и обратное продвижение славян в лесостепи, в районы распространения салтово-маяцкой культуры. Летопись упоминает об уграх; она помнит, как они шли «мимо Киев горою»; знает Угринов и Торчинов среди русских дружинников и бояр, но не знает болгар, ибо их проникновение в среду славян произошло не только не на памяти летописца, но и даже не на памяти тех, чьи предания послужили ему канвой для повествования.

Это было еще в доугорские, довенгерские времена, до того, как славяне столкнулись с мадьярами, т. е. до 20—30-х годов IX в. Этим и объясняется умолчание о болгарах нашей летописи, довольно много говорящей о венграх.

Связи между славянским населением лесостепной полосы Левобережья и городами болгаро-хазарской знати в бассейнах Дона и Донца покоились на торговле, политическом влиянии и культурных сношениях.

Оседание в лесостепной полосе, на пограничье с южными поселениями славян, определенной части племен и определенных социальных групп болгаро-хазарского мира не сопровождалось опустошительными походами или военными вторжениями в русские земли. «Ясы» не были «обрами», и владычество хазарского кагана резко отличалось от тирании аварского хана. В противном случае народная память отметила бы новое иго, запомнила бы тех, кто наложил его на русские племена. Но этого не

произошло и не могло произойти. Если даже предположить, а это весьма возможно, что некоторые из владельцев дворов-замков выступали в качестве тудунов хазарского кагана, собиравших для кагана дань с соседних славянских племен по «щьлягу» или «по белей веверице», от «дыма» или «от рала», то, учитывая небольшой размер дани, мы можем считать, что такого рода даннические отношения при сохранении неприкосновенными быта славян и их племенных объединений, их хозяйства, их родоплеменной знати не могли создать хазарам на Руси ту славу, которой заслуженно пользовались авары.

Отсюда, из городков Донца и Дона, шли на север, к славянам, не только воины за данью, но и товары, предметы ремесленного производства и т. п. Отсюда распространялись на юге Руси навыки ремесленной выучки, начатки специфической хазарской восточной культуры. Через посредничество этих центров устанавливались связи с рядом районов Хазарии, через них прокладывались пути на юг и юго-восток, приведшие к походам Святослава на ясов и касогов, на Саркел, через них устанавливались торговые связи с Северным Кавказом. И не все ли это привело к тому, что уже Игорь распространил свое влияние на области, соседящие с землями черных болгар, «царь русов Хальгу» появился в Самкерце, и вскоре на обоих берегах Керченского пролива раскинулось русское Тмутараканское княжество, Саркел стал русским городом, а в устье Дона вырос город Ρώσια?

Не эти ли болгаро-хазары, жители донецких и донских городков-замков, назвали складывающийся и разрастающийся на их глазах Киев (вернее, Киевскую крепость) Самбатом (Самватом), что может быть объяснено не при помощи финской, венгерской, готской, скандинавской, франкской, литовской, арабской, армянской, славянской теорий, а из тех же древних тюркских языков, находящихся в близком родстве с болгаро-хазарскими, в которых «сам» является частицей, часто встречающейся в наименованиях хазарских городов (Самкерц, Семендер), а «бат» означает «крепкий», что вполне может быть применимо к крепости?[40] Это тем более понятно, если мы учтем, что поляне, жители Киевской земли, платили дань хазарам и, быть может, в «крепости» Киева стоял хазарский гарнизон, как это было в Саркеле. Вряд ли он вербовался из хазар Поволжья. Скорее всего, воинов, долженствующих укрепить могущество кагана в Приднепровье, набирали из вооруженного населения Салтова, Маяцкого и т. п., которые лучше знали страну, ее население, его язык, обычаи, нравы, законы.

Но такое относительно мирное сожительство славян и болгар-хазар, которое можно было бы без оговорок назвать мирным, если бы не дань, выплачиваемая русскими племенами кагану, результатом которого было установление торговых, культурных и политических связей, продолжалось недолго. На сцену вышли мадьяры. Вихрем по степям Восточной Европы пронеслись их орды. Одетые в звериные шкуры, малорослые, с тремя косичками на бритой голове, на своих маленьких, лохматых и выносливых лошадях венгры своим внешним видом, своей стремительностью в бою, жестокостью и воинственностью наводили страх на народы, встречавшиеся им на пути их продвижения на юг и на запад.

В конце 20-х или начале 30-х годов IX в. мадьяры появляются в Лебедии, стране, лежавшей где-то между Доном и Днепром в причерноморских степях. Они делились тогда на семь племен, управляемых воевода-

ми. Главного их воеводу звали Лебедий, и по его имени вся область кочевания угорских орд получила это название. Характерно именование мадьярских вождей Константином Багрянородным славянским термином «воеводы» (Βοεβόδοι), что свидетельствует о заимствовании у венгров из славянских языков терминов власти, подобно тому как это произошло с земледельческой терминологией. Встает вопрос только о том, где произошла встреча угров со славянами, приведшая к заимствованиям из славянских языков в венгерский, по пути ли в Лебедию, в Восточной Европе, или уже в Паннонии? По свидетельству Константина Багрянородного, в Лебедии угры подчинялись хазарам. Хазарский каган привлек Лебедия на свою сторону и женил на знатной хазарке. В Лебедии мадьяры пробыли недолго, всего три года, а затем под давлением печенегов перешли Днепр и заняли область Ателькузу, расположенную где-то в степях между Дунаем и Днепром.[41] В Ателькузе венгры сохраняли зависимость от хазарского кагана, но она была только номинальной. Кочуя в степях, частично покрытых лесами и болотами, лето мадьяры проводили на пастбищах, а зимой оседали у рек, занимаясь рыбной ловлей. В Ателькузе венгры обосновались на более продолжительное время и отсюда совершали свои грабительские походы в земли восточных славян, имевшие целью захват пленных-рабов и добычи. Ибн-Даста (Ибн-Росте) сообщает: «Мадьяры господствуют над всеми соседними славянами, налагают на них тяжелые оброки и обращаются с ними, как с военнопленными... Воюя славян и добывши от них пленников, отводят они этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской земли, которая зовется Карх (Керчь? Каркинит? — *В. М.*)... А как дойдут мадьяры с пленными своими до Карха, греки выходят к ним навстречу. Мадьяры заводят торг с ними...».[42]

Но набеги венгров на славян были далеки от «примучивания» аваров. Народная память не оставила нам воспоминаний о венгерском владычестве. Да и не могла оставить, ибо это был сравнительно незначительный эпизод в истории восточных славян, да и сами налеты за военной добычей и рабами, которые предпринимали венгры, еще не могут считаться регулярной и постоянной зависимостью славян от мадьяр.

Не случайно летопись сохранила только одно упоминание об уграх.

«Идоша Угри мимо Киев горою, ежа ся зоветь ныне Угорьское, и пришедше к Днепру сташа вежами, беша бо ходяще аки се Половци. Пришедше от въстока и устремишеся через горы великие, яже прозвашася горы Угорьскиа...».

«По сих же (обрах. — *В. М.*) придоша печенези; паки идоша Угри Черни мимо Киев, послеже при Олзе».[43]

Летопись датирует появление угров под Киевом 898 г., но хронология летописи чрезвычайно сбивчива: то сейчас же после обров приходят печенеги, затем уже черные угры, то угры опережают печенегов, ибо проходят у Киева еще при Олеге, тогда как печенеги появляются лишь при Игоре. Кроме того, если предположить, что угров привело к Киеву переселение из Лебедии в Ателькузу, то, во-первых, летописная дата явно не соответствует истинному времени передвижения мадьяр, а во-вторых, станет очевидным, что летописец в одном рассказе повествует и о переселении угров из Лебедии в Ателькузу, и о их выселении из Причерноморья вообще, и переходе через Карпаты в Паннонию, что действительно имело место в конце IX в.

Все это свидетельствует о том, что появление угров под Киевом уже изгладилось в народной памяти в летописные времена. Но в Киеве все же еще помнили, — правда, путая детали, воедино сливая различные события, — о передвижениях угров из Лебедии в Ателькузу, когда они действительно могли пройти «мимо горою», что имело место, по-видимому, в 30-х годах IX в., и из Ателькузы в Паннонию через Карпаты, что также не могло не отложиться в народных преданиях, так как и во время этого перехода угры шли тоже через славянские земли.

Правда, передвижения мадьяр в русском эпосе и летописной традиции оставили гораздо меньший след, нежели борьба Руси с печенегами. И это понятно. Печенеги длительное время враждовали с Русью, нападали на нее, опустошали, грабили. Угры же, грабя и «ополоняясь», лишь короткое время хозяйничали в черноморских степях, что не могло не отразиться в исторических представлениях русского народа. А когда угры шли «мимо Киев», они, очевидно, не напали на город, а, наоборот, быть может, часть их даже остановилась и осела здесь, дав название Угорскому под Киевом, ибо придумывать свой рассказ об уграх, для того чтобы объяснить происхождение названия «Угорского», как считают некоторые исследователи, летописец не мог, если не считать, что он ставил своей задачей развивать остроту ума у своих далеких потомков. Появление среди русских дружинников «Угринов» объясняется не появлением на Руси закарпатских мадьяр, а оседанием в Приднепровье каких-то колен, родов угров времен Лебедии и Ателькузы, не пошедших за своими собратьями через Карпаты, а оставшихся здесь, на Среднем Днепре, у хазарского Самвата, у русского Киева.

В 30-х годах в придонских степях, в Лебедии, появились печенеги.

Вторжение кочевников не могло не отразиться на связи Приднепровья и Хазарии. Власть хазарского кагана ослабевает.

Туманное воспоминание о прекращении даннических отношений полян к хазарскому кагану нашло свое отражение в рассказе летописца: «Съдумавше же Поляне и вдаша (хазарам. — *В. М.*) от дыма мечь, и несоша Козари ко князю своему и к старейшинам своим, и реша им: „се, налезохом дань нову“. Они же реша им: „откуду?“ Они же реша: „в лесе на горах над рекою Днепрьскою“. Они же реша: „что суть въдали“? Они же показаша мечь. И реша старци Козарьстии: „не добра дань, княже. Мы ся доискахом оружьем одиною стороною остромь, рекше саблями, а сих оружье обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на нас и на инах странах“. Се же сбыться все...».[44] Полагают, что мотивом этого рассказа летописца послужило противопоставление русского обоюдоострого меча хазарской сабле, и только. Но гораздо правдоподобнее предположить, что в нем нашло отражение высвобождение полян из-под власти кагана, освобождение, добытое мечом, и если не войной, то во всяком случае угрозой войны.

Произошло это событие в 30-х годах IX в., и естественно, память о нем облеклась в легендарную форму. Это уже время кагана народа «Рос» Бертинских анналов, о котором речь будет дальше.

Но связи с Хазарией продолжали развиваться и крепнуть. Мы уже говорили о торговых сношениях Руси с Хазарией и Камской Болгарией, о поселении славян и русов в Хазарии, в Итиле, о их службе в войске Хазарского кагана.

Этими связями объясняется хазарское влияние на Руси.

В Херсонесе Константин Философ «обрет же тоу еваггелие и псалътырь роушькыми письмены пьсано. И человека обреть глаголюшта тою беседою, и беседовать с ним, и силоу речи приемь, своей беседе прикладае различни писмень, гласнаа и съгласнаа, и к богоу молитвоу дрьже, и вьскоре начеть чисти и сказовати».[45]

Несомненно, евангелие и псалтырь, найденные Константином Философом, были «пьсано» славянскими «чертами и резами», о которых говорит Черноризец (мних) Храбр,[46] а не скандинавскими рунами, так как Константин Философ не только разобрал их, но и начал «чисти и сказовати» на русском языке, который, конечно, не был ни готским, ни скандинавским языками, о которых этот знаток славянского мира не имел никакого представления, а только славянским, доступным Константину Философу, солунскому греку, привыкшему к речи окружающих Солунь (Салоники) обитателей славянских поселений. Мы знаем, что у хазар была письменность, что подтверждается находками не расшифрованных надписей на камнях Маяцкого городища, буквенными начертаниями на кирпичах Саркела, надписью на баклажке из Новочеркасского музея, на камнях в балке Писаной на Миуссе, близ Славянска на Донце, на скале у станицы Усть-Быстрянской, у входа в пещеру на горе Синайке близ Рыльска и т. д.[47]

Эти загадочные знаки древней письменности похожи на знаменитые орхонские древнетюркские надписи VII—VIII вв.

Мы не ставим своей задачей разрешить сейчас вопрос о происхождении древнерусской письменности, но нельзя не связать древнерусское, дохристианское письмо, о котором говорят ряд источников и находки костей и посуды со знаками письменности, с хазарской письменностью.

Судя по знакам древнерусской письменности, изображения которых дошли до нас, это не были скандинавские руны. Они не были и древнетюркским орхоно-енисейским письмом. Это была своя, русская письменность, свои, славянские «черты и резы», возникшие в силу имманентных условий, но развившиеся и принявшие определенную форму несомненно под воздействием хазарского письма. Не случайно находки этих знаков локализуются районом влияния Хазарского каганата (земля вятичей и северян), хотя встречаются и на северо-западе, в земле кривичей (Тверь).[48] Правда, есть указание на то, что, наоборот, хазары заимствовали свою письменность у русских. Имеется в виду свидетельство историка XIII в. Фахр-ад-Дина-Мубарак-шаха, написавшего в 1206 г. в Лагоре (Индия) свою «Книгу генеалогии», который говорит, что «у хазар тоже есть письмо, которое происходит от русского... Они пишут слева направо, буквы не соединяются между собой. Букв всего 22... (вариант «не больше чем 21». — *В. М.*)». Несомненно одно, а именно — связь древнерусских «писмен», «черт и резов» с хазарской письменностью, приближающейся к орхонской, тюркской.

В этом мы усматриваем один из моментов древнейших русско-хазарских культурных отношений. Отсюда, из глубины хазарского мира, Русь заимствует название «хакан», «каган». «Каганом» называют своего правителя русские послы в Бертинских анналах, «каганом» («хаканом») именуют своего государя русы по Ибн-Даста (Ибн-Росте) и персидскому анониму X в. «Каганом» называют Владимира и Ярослава «Похвала» митрополита Иллариона, «Слово о полку Игореви», надписи на фресках

Софийского собора в Киеве. И вполне понятно. Для древних русских «каган» был олицетворением высшей государственной власти. Представление это сложилось еще во времена владычества, силы и могущества хазарского кагана, когда подвластным ему славянам каган казался, да это в действительности так и было, верховным властелином. Вот почему тогда, когда славяне Среднего Приднепровья освободились от хазарского владычества и стали независимы, они назвали своего государя так, как именовался их недавний повелитель и олицетворение высшей власти на земле — каган. В дружинах кагана, живя в его столице, торгуя, совершая походы через Хазарию, воюя совместно с хазарами и против них, платя дань кагану «от рала» и с «дыма», древние русские привыкли смотреть на кагана как на верховного повелителя. Теперь этим титулом они назвали своего правителя, государя.

Подобного же рода явление будет иметь место спустя много веков, когда в русском языке в понятии московского человека XVI в. термин «царь», ранее применявшийся лишь по отношению к Византийскому императору или Золотоордынскому хану, закрепится вместе с падением Византии и освобождением от татарского ига за великим князем Московским и он сделается «царем» в силу того, что, унаследовав власть тех, кого ранее именовали царями, стал как бы на их место.

То же самое произошло в Древней Руси с титулом «каган», с той только разницей, что хазарское владычество не могло идти ни в какое сравнение с татарским игом. Русский князь стал на место кагана и принял его традицией освещенный, традицией возвеличенный, народной памятью запечатленный титул, став как бы его преемником по силе, власти, могуществу, по обладанию землями и племенами, приняв наследство ослабевшей Хазарии.

Применение термина «каган» по отношению к русским князьям, что сохранилось как сильная традиция даже в самом конце XII в., говорит об огромной роли в истории русского народа того отрезка его исторического пути, который он прошел совместно с другими народами Поволжья, Прикамья, Подонья и Предкавказья в составе хазарской державы, под властью хазарского каганата. И чем, как не этими глубокими экономическими, политическими, культурными и языковыми связями, основание которым было положено еще хазарским каганатом, объясняются русско-кавказские отношения X—XIII вв., брачные узы и политические сношения русских и кавказских государей и широкие связи кавказского мира в области архитектуры, изобразительного искусства, музыки, эпоса с Древней Русью, связи языковые, так блестяще показанные в работах Н. Я. Марра, проникновение на Русь из Хазарии не только христианства, но и иудаизма, с которым боролись первые русские проповедники, следы хазарского влияния в топонимике Руси и т. д.[49] Хазарский каганат служил связующим звеном между Русью и Востоком, «окном на Восток» для Руси, способствовал ее сближению с Востоком и восприятию Русью некоторых элементов высокой культуры стран и народов Востока. И в этом его положительное значение в истории Древней Руси.

Но с течением времени по мере роста производительных сил Руси, по мере складывания новых, более совершенных форм политической жизни древнерусских племен, по мере роста и развития их культуры, их тяги к независимости Хазарский каганат, ослабевший и подорванный кочевника-

ми, становится препятствием для дальнейшего роста Руси, на обширных просторах которой складывается древнерусское государство. Хазарское владычество из стимула развития Руси становится ее оковами. Под властью татарского кагана вызревают новые силы, долженствующие привести к созданию независимой русской государственности, обеспечивающей самостоятельность русского народа и развитие его культуры. Хазарское владычество должно было пасть и пало под ударами русских мечей, что дало повод к созданию записанной летописцем народной легенды о русском мече и хазарской сабле. И на развалинах Хазарского каганата создается могучее русское государство — Киевская Русь, прямая наследница державы кагана, распростершая свои владения на земли Хазарии (на земли ясов и обезов, касогов и хазар) до Корчева (Керчи) и Тмутаракани и сохранившая на себе еще в течение длительного времени следы былой общности политической жизни русских племен и хазар.

С постановкой этого вопроса мы вступаем в область истории образования древнерусского государства.

Первая половина IX в. На необозримых пространствах Восточной Европы среди лесов и болот, в пущах и по берегам рек, у самой кромки лесов, на границе со степью и на далеком севре, у побережья Ильменя, в Карпатских горах и по Оке раскинулись поселения русских племен.

Обширные земли занял «словенеск язык в Руси».

И везде «свое княженье», везде свои «светлые и великие князья», везде свое «всякое княжье»: «в Полях» княженье «свое», «в Деревлях свое, а Дреговичи свое, а Словени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже Полочане».[50]

Племенных князей окружают «лучшие», «нарочитые мужи», «старая», или «нарочитая, чадь». Эти князя «держат» свою землю, свое племенное княжение, как «держал» еще в X в. «Деревьскую землю» племенной князь древлянский Мал, в XI в. — вятичские князья Ходота с сыном, в XIII в. — загадочные болоховские князья. Эти князья племенного происхождения, выделившиеся из варварской социальной верхушки племени и тесно с ней связанные. «Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю», — так говорили Ольге, по рассказу летописца, древлянские послы из «лучших мужей».[51]

Они опираются на родоплеменную знать, порождены ею, тесно связаны с советом племенных старейшин — «лучших мужей», с вечем-сходом племени, на котором, «сдумаша», решали все вопросы «земли».[52]

Итак, «владеюще каждо родом своим». Племенные княжества носили различный характер. Одни из них соответствовали племенным землям (древляне, радимичи, вятичи), другие представляли собой сложные межплеменные политические объединения (волыняне) или создавались на части территории данного племени (полочане).

Так «словене свою волость имели, а кривици свою» и новые земли-волости все более и более теряли характер племенной, а приобретали территориально-политический. Вместе с разложением первобытных племенных отношений шел распад племенных территорий и формировались межплеменные варварские политические образования.

Эпоха разложения племенного строя, эпоха варварства, характеризуется созданием на Руси, как и во многих других странах, особой военной организации, находящейся в руках варварской знати. Этой организацией

была так называемая «тысячная» организация. «Вои» древнерусских «земель» и «волостей» объединялись в десятки, сотни и тысячи, которые возглавлялись десятскими, сотскими и тысяцкими.

Свидетельством древнего происхождения тысячной военной организации, пережитком времен, когда войско Древней Руси, вернее, ее отдельных земель, было «вооруженным народом», что так характерно для варварства, является большое значение тысяцких в Киевской Руси XI—XII вв., когда значительные события и отдельные отрезки времени получали наименование не по именам князей, а по именам тысяцких, игравших исключительную роль в политической жизни Приднепровской Руси. Особенно развита была эта система в земле полян, в собственно Руси, на территории Среднего Приднепровья, где каждый город имел свою «тысячу» и сам организовывал свое войско.

«Тысячи» существовали в Киеве, Вышгороде, Белгороде, Сновске под Черниговом и т. д.

С течением времени по мере «окняжения» земель и власти тысячная организация принимает иной характер. Тысяцкие и сотские обрастают административными, финансовыми и судебными функциями, сами сотни превращаются в организации купечества, городского (Новгород) или зависимого сельского люда (Галич, Волынь), а тысячи эволюционируют в сторону расширения их военных функций. Так «окняжается» и трансформируется древняя тысячная военная организация.[53]

Но все это произошло позднее, в XI—XIII вв., а в IX в., в рассматриваемое нами время, тысячная военная организация была еще сильна, и входившие в ее состав воины представляли собой основную военную силу русских земель.

Основную, но не единственную, так как наряду с ней зарождалась новая военная организация — ab ovo княжая, дружинная.

Термин «дружина», в древности обозначающий всякое содружество, товарищество, союз, общность, приобретает теперь и другое значение, и более специфический оттенок и начинает означать княжеских воинов и сотрудников, княжих «мужей».

Дружинники окружают древнерусских «великих и светлых» князей, живут с ними под одной крышей, наполняют их горницы, разделяют все их интересы. Князь советуется с ними по вопросам войны и мира, организации походов, сбора дани, суда, административного управления. С ними вместе он принимает законы, постановления, решения. Они помогают князю управлять его домом, двором, хозяйством, разъезжают по его поручениям по земле, творя суд и расправу, собирая дани, «уставляя» землю, «нарубая» города, созывая воинов, следя за княжеским хозяйством, за «нивами» и «уходами», «ловищами» и «перевесищами», за селами и челядью. Они же отправляются «слами» (послами) князя в другие страны, к другим правителям, «гостят» там и торгуют княжими товарами, которые собрал он во время полюдья или в результате удачного похода в «чужую землю», заключают от его имени договоры и, снабженные княжими полномочиями (позднее оформляемыми в грамоты), ведут дипломатические переговоры.

Дружина уже делится на три группы. На первом месте стоит «старшая» дружина, «бояре светлые», выросшие из «лучших мужей», «старой», или «нарочитой, чади». Они имеют свое хозяйство, свой двор, че-

лядь, своих дружинников — «отроков». Они — старшие, и им поручаются важнейшие функции княжеского управления. Младшая дружина (детские, пасынки, отроки, юные) живет при дворе князя, обслуживает его дом, двор, хозяйство, выступая в роли слуг. С ней делится князь частью своих доходов от сборов дани, судебных штрафов, частью военной добычи. Князь снабжает ее «оружием и порты», «лжицами» и пищей, жилищем и «узорочьем», короче — всем. Из ее среды выходят слуги князя, его телохранители, младшие должностные лица, младшие агенты княжого управления. Эта часть княжой дружины сливается с княжим «огнищем» — двором, с «чады» и «домочадцы», с несвободными слугами — челядью.

И наконец, третья группа состоит из «воев», «мужей храборьствующих». Это были воины в самом широком смысле слова, набранные из народа, реликт древней поры, когда на войну шел вооруженный народ и отстаивал свою землю или воевал чужую. Эти «мужи» «древних князи» собирали «многое имение», «воююще ины страны». Чем дальше в глубь времен, тем большее значение имели «мужи храборьствующие», составлявшие основной боевой контингент личных военных сил князя. Они выходили из народа и были тесно с ним связаны. Отражая собой эпоху «военной демократии», когда на арене истории выступал вооруженный народ, они с течением времени, в XI—XII вв., потеряют свое значение и уступят свое место четко оформленным социальным, политическим группировкам — «старшей», «передней» и «молодшей» дружинам. «Мужи»-воины либо войдут в состав «передней» дружины, либо будут поглощены «молодшей», либо попадут в подчиненное положение и к тем и к другим, снова сольются с народом, с городским населением, выступая в качестве «воев» городских ополчений — «полков», и между ними и князем вырастет зияющая пропасть.[54] Но в те времена, на заре русского государства, они играли большую роль и составляли едва ли не основную силу княжеских дружин. В состав княжеских дружин они попали давно, с конца VIII—начала IX вв., вместе с ростом княжеской власти и усилением влияния князей, и путь их в княжескую дружину пролегал едва ли не через тысячную организацию. И если известная, большая часть воинов города составляла городской «полк» во главе с тысяцким, то «волость»-земля да и сам город часть своих боевых сил должны были уступить князю, богатство, влияние и власть которого все время росли, вызывая естественную тягу среди рядовых «воев», вооруженной «простой чади» городов и «сельского людья», еще не зависимых, располагавших личной свободой, к князю, их стремление влиться в ряды княжих дружинников, что обещало и «оружие», и «порты», и серебряные «лжицы», богатство, почет и славу.

Они — варвары. Война становится функцией народной жизни, единственным достойным мужчин занятием. Грабеж соседей и война становятся не только средством наживы, но и источником их существования.

Так наряду со старой, тысячной, появляется новая, дружинная, княжая военная организация.

Развитие военных сил Руси к концу VIII и началу IX вв. было, с одной стороны, выражением высшего расцвета варварства: Русь стояла на грани цивилизации, у порога феодального общества, у истоков государства, и новые силы, проявившиеся в историческом развитии славянства Среднего Приднепровья и других областей Руси, создавая явления, напоминающие

основные характерные особенности Среднего Приднепровья антских времен (варварская знать, завоевательные походы, межплеменные политические объединения), действуют в новом, более совершенном, стадиально более высоком качестве более интенсивно и быстро и на несравненно более обширной территории.

Варварство антских племен отличалось от варварства собственно уже русских племен прежде всего тем, что последнее было более совершенным, в нем элементы классов были более развиты, что объяснялось, во-первых, в известной мере и подготовкой всех этих явлений в предшествующую антскую эпоху, и столетиями последующей исторической эволюции древнерусского общества, а во-вторых — несравненно более обширной территорией, на которой шел процесс создания варварского, а впоследствии непродолжительное время — феодального общества и государства. Варварское общество антских племен было создано на территории Среднего Приднепровья и в областях, прилегающих к нему с запада и главным образом с юго-запада; варварское общество русских племен, предтеча феодальной Киевской Руси Ярославичей и Владимира Мономаха, сложилось на огромной территории от Ладоги до Роси, от Оки до Карпат и имело не один, а целый ряд политических центров.

С другой стороны, это развитие военных сил Руси на рубеже VIII и IX столетий не могло не вылиться в целый шквал русских походов и завоеваний, так же точно как и зарождение классов, свойственное варварскому миру, не могло не вызвать возникновения политических образований типа варварских государств.

И они не замедлили возникнуть. Первым выступлением воинственной варварской Руси на арене мировой истории было нападение русов на Сурож. «Прииде рать велика роускаа из Новаграда князь Бравлин силен зело. Плени от Корсоуня и до Корча. С многою силою приида к Соурожу. За 10 дьний вниде Бравлин, силою изломив железнаа врата и вниде в град...».[55]

Так сообщает о военном набеге русских дружин на Крымское побережье от Херсонеса до Керчи «Житие Стефана Сурожского», памятник, датируемый самым началом IX в., а быть может, даже концом VIII в.

Следовательно, и поход русов на Крым следует отнести к этому же времени.[56]

Через некоторое время русы предпринимают новый поход на византийские владения.

На этот раз нападению подверглось малоазиатское побережье Черного моря, от Пропонтиды и до Синопа.

Здесь, на побережье Черного моря, у современного Синопа лежал город Амастрида (Амассер).

Он и подвергся нападению со стороны русов.

Во второй половине IX в., во всяком случае не позже 842 г., «было нашествие варваров, Руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого... Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они — этот губительный и на деле и по имени народ, — начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигли, наконец, и до отечества святого... (Амастриды. — *В. М.*)».[57]

Так говорит о новом походе русов на византийские владения «Житие Георгия Амастридского».

Впечатление, произведенное этими походами русских дружин на Византию, было огромное.

Русские выступили со всеми качествами, присущими варварам: они воинственны, храбры, жестоки. Их появление вызывает ужас, они проходят по землям империи, сея разрушение и смерть.

Они уже успели создать о себе славу страшных врагов, воинственных, кровожадных и грубых. Да и как иначе могли характеризовать их греки, ставшие объектом нападений и грабежа воинственных варваров далекого севера?

О Руси знают, о ней говорят, ее боятся. «Как все знают» — эта фраза в «Житие Георгия Амастридского» свидетельствует о том, что во время его составления, во второй четверти IX в., Русь была «ведома и слышима» в Византии, а это говорит о давнем знакомстве империи со своими северными врагами.

Вряд ли этими двумя походами на Крым и малоазиатское побережье Черного моря исчерпывались походы русских дружин на византийские владения. В «Прологе» сохранилось в «Житии преподобной Афанасии» упоминание о нападении Руси на остров Егину. Это «Житие» читал уже в X в. Метафраст. Значит, нападение Руси на остров Егину имело место до X в. Но можно дать и более точную дату похода русских дружинников, а именно 813 г., так как из «Жития» следует, что в год нападения Руси пришло «царево внезапное... повеление вдати веляющее юные вдовы за оружники своя», а закон о выдаче молодых вдов замуж за воинов был опубликован византийским императором Михаилом в 813 г.[58] Так ознаменовала свой выход на арену мировой истории Русская земля, так в Византии «начася прозывати Руская земля».[59]

В Византии узнали о Руси потому, что ее храбрые и воинственные дружины пришли в империю и с мечом в руках опустошили ее провинции. Русь в это же время хорошо знали и на Востоке. В 40-х годах IX в. Ибн-Хордадбег пишет как о чем-то обычном и давно установившемся о «пути купцов Русов, а они принадлежат к славянам», по Черному морю в Византию («Рум»), по Дону и Волге в Хазарию и далее, в Каспий.

В эти же годы Русь стала известна и странам Запада. И это произошло потому, что Русь не только «дикий и грубый» народ, как характеризуют его испуганные «ромеи», которые готовы были наградить воинственную Русь какими угодно чудовищными чертами, но и народ, создающий свое, пусть еще варварское, примитивное, но все же свое государство, а следовательно, прибегающий и к дипломатическим переговорам и соглашениям.

И в такой именно свя́зи и стоит первое упоминание о государстве русского народа.

Какие-то варварские межплеменные политические полугосударственные образования имели место и до этого. И быть может, таким образованием и была та область, из которой вышел в поход на Херсонес, Сурож и Керчь князь русский Бравлин «Жития Стефана Сурожского», первый известный нам по имени (я отбрасываю вариант «бранлив» в смысле «воинственный») политический деятель Древней Руси. Этой областью был Новгород, и не «Neapolis» — Сатарха, древний скифский город в Крыму,

а самый настоящий русский Новгород, центр «Славии» арабских источников IX—X вв., Новгород на Волхове, второй центр Древней Руси мусульманских писателей. И обычные возражения против данного предположения, строящиеся на том, что новгородскому князю до Сурожа далеко, да и как он мог попасть в Крым, когда еще не проторена была дорога даже в Киев, что делают лишь Аскольд и Дир, отпадает, так как великий водный путь из «варяг в греки» уже начал складываться, уже установились киевско-новгородские связи, прослеживаемые по вещественным памятникам и кладам монет, а это не могло не привести к естественной тяге «восточных варваров к восточному Риму» (К. Маркс), а следовательно, к походам русских дружин на византийские владения.

И если переход Аскольда и Дира из Новгорода в Киев не вызывает у скептиков сомнений, не вызывает даже сомнений поход аскольдовых дружин на Византию, то почему надо отказать в этой возможности Бравлину?

«Житие Стефана Сурожского» в этой своей части, как показали труды В. Г. Василевского, — памятник не менее правдивый и ценный, нежели наши древнейшие летописные своды.

Высказанное выше — лишь предположение, хотя и строящееся на основании такого ценного источника, как «Житие Стефана Сурожского».

Но в 30-х годах IX в. появляется уже весьма обстоятельное известие о древнерусском государстве.

В Бертинских анналах под 839 г. мы читаем рассказ о том, как император Людовик I Благочестивый принимал послов византийского императора Феофила, халкидонского епископа-митрополита Феодосия и спафария Феофания. Это было 18 мая 839 г. в городе Ингельгейме.

«Послал он (Феофил. — *В. М.*) с ними (послами. — *В. М.*) также неких (людей), которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос (Rhos) и которых, как они говорили, царь их по имени Хакан (Chacanus) отправил к нему (Феофилу) ради дружбы. В помянутом письме (Феофил) просил, чтобы император милостиво дал им возможность воротиться (в свою страну) и охрану по всей империи, так как пути, какими они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, и он не желал бы, чтобы они, возвращаясь по ним, подвергались опасности. Тщательно расследовав причину их прибытия, император узнал, что они принадлежат к народности шведской (eos gentis esse sueonum); считая их скорее разведчиками, по тому царству (Византии) и нашему, чем искателями дружбы, (Людовик) решил задержать их у себя, чтобы можно было достоверно выяснить, с добрыми ли намерениями они пришли туда или нет; и он поспешил сообщить Феофилу через помянутых послов и письмом также и о том, что он их из любви к нему охотно принял, и если они (русы) окажутся людьми вполне благожелательными, а также представится возможность им безопасно вернуться на родину, то они будут отправлены (туда) с охраною; в противном же случае они с (особыми) посланными будут направлены к его особе (Феофилу), с тем чтобы он сам решил, что с таковыми надлежит сделать».[60] Это бесценное сообщение Бертинских анналов Пруденция породило обширную и противоречивую литературу. Нам нет необходимости останавливаться на ней.

Попытаемся восстановить историческую обстановку, в которой возникла эта запись Бертинских анналов. В 30-х годах, в 834-м (Кедрин) или

в 837-м (продолжатель Феофана), к императору Феофилу явились послы от хазарского кагана и бега с просьбой построить им крепость. Феофил отправил в Хазарию спафарокандидата Петрону, который и построил для хазар Саркел.

Постройка Саркела была связана с появлением в степях воинственных кочевников. И это были не полувассальные хазарскому кагану мадьяры, а печенеги, незадолго до этого прорвавшиеся в черноморские степи. От них-то и пыталась защититься Хазария возведением крепостных стен Саркела. Появление в степях печенегов, народа «весьма бесчеловечного и дикого», более опасного и грозного, чем венгры, вызвало беспокойство и среди русских. Этим и объясняется появление одновременно в Византии, у Феофила, посланцев двух каганов — хазарского и русского. Русь, как и Хазария, искала поддержки у Византии в своей борьбе с надвигающейся с Востока новой грозной опасностью. Ею были печенежские орды.

Мы не знаем, чего добились русские послы у Феофила, но несомненно их там приняли приветливо, ибо в противном случае император Феофил не стал бы ходатайствовать о них перед Людовиком Благочестивым.

Что обещала Византия Руси, также неизвестно, но она, по-видимому, учла опасность, которую представляли печенеги и для нее, и понимала, что Русь, в случае если кочевники занесут свою кривую саблю над «ромеями», может нанести им удар в спину и отвлечь их силы на себя. Кроме того, хозяйничанье печенегов в степях не могло не отразиться на растущих торговых сношениях Византии с «северными варварами», в которых была так заинтересована Восточно-Римская империя.

Для этого были забыты и походы русских на Сурож, а быть может, и, на Амастриду, их «грубость и дикость», их «кровожадность» и жестокость.

Теперь они сами просили помощи у Византии и становились ее союзниками.

Русские послы у Феофила были дипломатическими представителями своего государя, который по старому обычаю носил хазарское название «кагана». Он правил на Руси, был царем народа «Рос», т. е. русского.

Все это свидетельствует о наличии где-то в Восточной Европе в 30-х годах IX в. своеобразного русского каганата, а следовательно, русского государства, в какой бы примитивной форме оно ни существовало.

Русский каганат Бертинских анналов, безусловно, уже не зависит от Хазарии. Он несет на себе явные следы хазарского влияния, но государство кагана народа «Рос» уже независимо от кагана хазарского ведет самостоятельные дипломатические переговоры, посылает своих послов, заключает союзы, организует оборону своих рубежей.

Русский каганат, освободившийся от хазарского владычества, был первым крупным государственным образованием Древней Руси.

Где был расположен русский каганат?

Несомненно, не на юге, не на побережье Азовского или Черного моря, так как туда русские послы вернулись бы из Византии морем, не прибегая к путешествию через Германию. Он не был и на севере, так как вряд ли бы Новгород, Псков, Полоцк или Ростов были обеспокоены появлением в степях новых орд кочевников.

Я считаю, что земли русского каганата лежали в области Среднего Приднепровья, у «гор киевских», так как, только допустив это, мы можем

понять, почему появление печенегов, доходивших несомненно до Днепра, а быть может, проникающих даже и дальше на запад, перерезало пути, по которым шло общение русского каганата и Византии.

Посланцы кагана русского еще успели проехать по Днепру в Византию, но обратно вернуться тем же путем в Киев они уже не могли, так как на берегу Днепра уже мелькали печенежские всадники.

Поэтому-то Феофил и просил Людовика Благочестивого помочь им вернуться в свою страну кружным путем, через Германию и Польшу или Чехию.

Путь по Днепру был перерезан. И пока он будет вновь восстановлен, пройдет много времени. Вот почему 18 мая 839 г. в далеком Ингельгейме император Людовик Благочестивый слушал речи послов кагана русского. Он принял их недоверчиво.

О Руси на Западе уже, очевидно, кое-что слышали. Мы не знаем, когда Запад узнал о Руси, о русах, но вряд ли случайными являются упоминания о русах, союзниках арабов в их борьбе с Карлом Великим в Испании, в тех замечательных строках «Песни о Роланде», которые и до наших дней остаются еще загадкой.

Русы могли быть не только врагами арабов, будучи воинами хазарского кагана, но и поступать на службу к арабам и, проникая далеко в глубь земель халифата (стоит вспомнить о путешествиях русов-купцов до Багдада по Инб-Хардадбегу, и сообщение Абдул-Касима о вторжении русов в Аравию для овладения Багдадом), выступать в роли союзников арабов.

И упоминание о русах в «Песне о Роланде» отнюдь не является историческим анахронизмом.

Мы не знаем, когда сложились и те сказания, которые послужили основой повествования о «витязях из руссов» (Riuzen), «витязях из Киевской земли» (von dev Lande ze Kiewen), в «Песне о Нибелунгах», но вряд ли ошибемся, если отнесем их к ранней, гораздо более ранней, чем XII в., эпохе.

Уже в самом начале X в. Русь усиленно торгует с Раффельштедтом, а это предполагает завязывание торговых сношений Руси и Запада гораздо ранее.

Все сказанное — только предположение, но чем же тогда объяснить, что Людовик Благочестивый так недоверчиво отнесся к словам послов кагана русского?

Чем они вызвали такую подозрительность? Не тем ли, что, назвав себя «русскими», они вызвали у Людовика иные ассоциации, а употребление в разговоре друг с другом своего родного языка, языка, звучавщего как-то странно знакомо, но не по-«русски», заставило его сравнить то, что он знал о «русах», с тем, что представляли собой по своей внешности, языку, по манере держаться эти послы кагана народа «Рос»?

И обман был обнаружен. Послы русского кагана оказались шведами, т. е. теми самыми норманнами, которые с конца VIII в., а особенно с начала IX в., становятся грозой Западной Европы. Очевидно, Людовик и его окружение знали кое-что о Руси и русах, о народе «Рос», как вскоре, в 80—90-х годах IX в., узнал со слов датчанина Оттера о далеком, где-то у верховьев Дона, государстве и народе «Рошуаско» (Roschouasko) король Альфред Великий.[61]

Это-то и заставило императора настороженно отнестись к тем, кто выдавал себя за послов «Росси». Послы кагана русского больше напоминали

другой народ, ставший грозой для всей Европы, — норманнов. И они действительно оказались норманнами — шведами. Подозрения Людовика оказались не беспочвенными. Император был прав, опасаясь того, не являются ли эти посланцы обманщиками, разведчиками, шпионами, высматривающими слабые места обоих императоров, для того чтобы дать возможность норманской вольнице нанести им серьезный удар.

Задержав послов «Рос», оказавшихся шведами, Людовик принялся за расследование, о чем в вежливой, дипломатической форме поставил в известность послов Феофила.

Так развертывались события в пяти местах: на Среднем Днепре, в Хазарии, степях, Византии и в Ингельгейме.

То, что посланцы кагана народа «Рос» оказались шведами, не должно никого удивлять, так как норманны — морские разбойники, купцы, грабители и воины-наемники одновременно — в те времена уже появились в этих своих ролях и на западе и на востоке Европы.

Могли они оказаться и на службе у кагана русского, который их-то, наиболее подвижный и бывалый элемент, и отправил в качестве своих послов к Феофилу.

За границей государства народа «Рос» они, представители русского кагана, естественно именовали себя русами, «рос»-ами, подобно тому как это делали не только послы «от рода Рускаго» времен Олега и Игоря, все эти Фарлафы, Карлы, Инегельды, Руальды и т. д., явно скандинавского происхождения, но и русские дипломаты иноземного происхождения XVII и XVIII вв.

Но когда их принадлежность к народу «Рос» была поставлена под сомнение и начался допрос, то, уточняя свою национальность, они вынуждены были сказать, что они — шведы (eos gentis esse sueonum), а это было им очень нежелательно, так как их родичи — норманны — успели уже снискать себе ненависть в Западной Европе.

Мы не знаем, чем закончились миссия послов кагана к Феофилу и их путешествие в Ингельгейм, но благодаря им перед нами из глубин былого очерченный скупыми и отрывочными фразами выступил Русский каганат, государство кагана народа «Рос», не только предтеча и предшественник Киевской державы, но сама эта последняя в ее первоначальном, эмбриональном состоянии, тот самый русский каганат, выросший в составе и в борьбе с хазарским каганатом, высвободившийся от власти хазарского кагана, но сохранивший на себе печать хазарского влияния, воинственные дружины которого огнем и мечом прошли по владениям Византии.

В этот период времени существуют три центра Древней Руси.

Об этих трех центрах Руси много говорят восточные писатели.

В своей «Книге путей для познания государств» Аль-Джайгани (конец IX—начало X вв.) говорит: «Русы состоят из трех родов: 1) из Русов, живущих в ближайшем соседстве с Булгаром; их владетель живет в городе, называемом Куиаб, который больше Булгар; 2) из Славян (Славия); 3) Тания. Жители ездят по торговым делам в Киев».[62]

Это сообщение Аль-Джайгани подтверждают пользовавшиеся его сочинением более поздние писатели: Аль-Истархи (около середины X в.), Аль-Балхи, Ибн-Хаукаль (70-е годы X в.), персидский аноним X в., Идризи (XII в.), с той только разницей, что Тания — третий центр Руси — носит у них название Арта, Артания, Уртоб, Арса (Арсания, Артсания) и го-

ворится, что туда никто из чужеземцев не попадает, «ибо они (жители Арты, Артсании. — *В. М.*) убивают всякого чужестранца, путешествующего по их земле; только что спускаются они по воде и торгуют, но никому не рассказывают о своих делах и не допускают никого провожать их».[63]

Можно считать установленным, что Славия — это область ильменских словен, а Куява, или Куиаб, — Среднее Приднепровье, Киевская земля.

Она «ближе к Булгару», т. е. дунайским болгарам. «Дальше первого», т. е. Куявы, дальше, конечно, от стран мусульманского Востока лежит «Славия».

Эти области хорошо известны Востоку. Они ведут торговлю, допускают в свои земли чужеземных купцов.

Ближе всего к Хазару Арта, или Артсания. Но где она? Сведения о ней скудны и противоречивы. В обширной литературе об этом «третьем центре Руси» можно найти всевозможного рода суждения. Чаще всего Артанию связывают с Таманью и считают, что этот третий центр Руси восточных писателей дал начало Тмутараканскому княжеству.[64] Связывают «Артсанию» с землей мордвы, ерзи, Ердзанью, с Поволжьем и остатками этой Руси считают «Пургасову Русь» XIII в.[65]

И наконец, Артанию связывают с «островом русов» арабских писателей. А «остров русов» помещают и на севере (Шахматов, Платонов), и на Тамани, и в устье Дона, и на низовьях Волги, и в Крыму.

Об «острове русов» подробно говорит Ибн-Росте (Ибн-Даста):

«Что касается до Руси, то находится она на острове, окруженном озером. Окружность этого острова, на котором живут они (русы), равняется трем дням пути; покрыт он лесами и болотами; нездоров и сыр до того, что сто́ит наступить ногою на землю и она уже трясется по причине (рыхлости) обилия в ней воды. Русь имеет царя, который зовется Хакан-Русь».

Далее рассказывается о том, что эта островная Русь не имеет ни пашен, ни недвижимого имущества, живет тем, что добывает мечом и торговлей. Русы воинственны, мужественны и храбры, постоянно готовы к столкновениям и сражениям. Они совершают набеги на славян, захватывают их в плен, собирают в земле славян дани. Они имеют рабов, богаты, торгуют мехами. Свои набеги русы совершают не на конях, а на кораблях.[66]

Гардизи прибавляет, что многие славяне приходят к русам служить, чтобы службой приобрести себе безопасность.[67]

Но «остров Русов» — не Артания, так как «русы» на своем острове «гостям оказывают почет и обращаются хорошо с чужестранцами, которые ищут у них покровительства, да и со всеми, кто часто бывает у них, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. В случае же, если кто из них обидит или притеснит чужеземца, помогают последнему и защищают его» (Ибн-Росте),[68] а русы из Артсании «убивают всякого чужестранца, путешествующего по их земле» (Ибн-Хаукаль, Аль-Балхи и др.).[69] У них-то, по свидетельству «Жития Георгия Амастридского», «древнее таврическое избиение иностранцев (ксеноктония. — *В. М.*), сохраняющее свою силу», продолжает еще существовать.[70] Обычай ксеноктонии, роднящий русов с таврами, свидетельства Скилицы, Кедрина, Зонары о народе «Рос», который «жил у северного Тавра», наличие позднее русских в Крыму — все это заставило А. Н. Насонова сде-

лать вывод о том, что «остров русов» лежал где-то в северной части Крыма, и отождествить Артанию и «остров русов».[71]

Это неверно. Скорее русы Артании, чем «острова русов», сохранившие обычай ксеноктонии, могут быть связаны с Тавром. Но для объяснения наименования русов тавро-скифами, для объяснения свидетельств Скилицы—Кедрина и Зонары о «Роси», жившей «у северного Тавра», для объяснения свидетельства персидского анонимного географа X в. о русах, живущих на берегу Черного моря, отнюдь еще не обязательно приурочивание «острова русов» к Крыму, так как все это может относиться и к Приднепровской Руси, и к уличам, и тиверцам, жившим «до моря». Но предложение А. Н. Насонова о раннем появлении русов где-то на юге, у берегов Черного моря, в IX в. и, быть может, даже в первой его половине, получает подкрепление в других источниках, а именно в «Записке готского топарха», в договоре Игоря с Византией, в древнееврейском документе о царе русов Хальгу, ибо все они будут говорить о связях Руси с населением Приазовья и Причерноморья и о распространении влияния киевского князя на области, прилегающие к хазарским и византийским владениям в Крыму и на Северном Кавказе и к землям черных болгар, что не может не предполагать наличия где-то в Таврии, на берегу Черного или Азовского моря, поселений русской дружинной вольницы, быт которой мог весьма походить на то, что пишут об «острове русов» мусульманские писатели. Это было гнедо дружинной русской вольницы, работорговцы и купцы, известные хорошо на Востоке своим мужеством и храбростью, для которых меч был средством для захвата добычи, для установления своей власти и влияния, и брались они за него, видимо, очень часто, и «мечи у них (были) Соломоновы».

Итак, мы не исключаем предположения А. Н. Насонова о том, что «остров русов» был где-то на юге, быть может даже в Крыму. Но только обычай ксеноктонии сохранялся среди населения не «острова русов», а где-то в другом месте, в Артании, и обычай приношения в жертву иноземцев характеризует не только южных, причерноморских русов, но и другие племена русов, да и не их одних. А в описании убийств русов в Пафлагонии по «Житию Георгия Амастридского» обычные убийства жителей захваченных русами городов, очевидно, смешиваются с ксеноктонией. Но если мы не знаем точно, где именно на юге находился остров русов, то из этого вовсе не следует, что мы должны принять точку зрения Вестберга, Томсена, Шахматова, Бартольда и других о северном местонахождении этого острова и приурочивать его к Старой Руссе.[72]

Вряд ли бы своего правителя северные «островные русы» именовали по-хазарски хаканом. Это наименование ведет куда-то на юго-восток, в сферу хазарского влияния. Они, эти русы, по Аль-Балхи (середина X в.), «многочисленны и так сильны, что налагают дань на пограничные области из Рума», а соседят они «с Румом на севере».

Это опять-таки говорит скорее о южном, чем о северном местонахождении этих русов.

Мы не можем точно определить местонахождение Артании.

Известно лишь одно, что она была где-то на юге или на юго-востоке, а следовательно, ближе всего к Хазарии.

Отсутствие упоминаний о ней в летописи, — указывает Б. Д. Греков, — «можно объяснить тем, что Артания к этому времени вошла на-

столько прочно в состав Хазарского каганата, что о ней современники уже не говорили как об одной из самостоятельных частей Руси».[73]

Артания, этот третий центр Древней Руси, до сих пор остается загадкой.

Все эти три политических объединения Руси, сложившиеся в IX в., существовали до образования древнерусского государства. Сведения, которые почерпнул Аль-Джайгани, визирь Хорасана, писавший в конце IX в., восходят к каким-то источникам, письменным и устным, не моложе середины IX в. Правда, такое деление Руси встречается и у более поздних арабских и персидских писателей, но многие из них пользовались сочинениями Аль-Джайгани, и вряд ли это деление продолжало существовать в действительности в X в., если не говорить о традициях и пережитках. Следовательно, перед нами предлетописная Русь, Русь восточных писателей, выступает как страна с тремя политическими объединениями: северо-западной Славией, южной, Приднепровской, Куявой и южной или юго-восточной Артанией. Каждое из этих предгосударственных политических образований, согласно сведениям, сообщаемым арабскими и персидскими источниками, имеет своего «царя» и ведет самостоятельную политику.

Летопись также сохранила упоминание о делении восточного славянства по его политическим судьбам на две группы: северо-западную и юго-восточную.

«Повесть временных лет» сообщает: «Имаху дань Варязи из заморья на Чюди и на Словенах, на Мери на Всех, и на Кривичех; о Козари имаху на Полянех, и на Северех и на Вятичех...».

Эти две группы племен соответствуют Славии и Куяве арабов.

Словене, кривичи, чудь, меря и весь составляют одно политическое объединение, северо-западное. В нем первенствующее значение имеют словене ильменские. Отсюда и название страны у арабов — «Славия». Эта группа славянских и финских племен попала под власть «находников» — варягов и платила им дань. Это, так сказать, «варяжская группа», варяжская не по культуртрегерской роли варягов, а по своим связям с Варяжским морем, Бахр-Варанг арабов, с варяжским западом, по борьбе с варягами, которая объединила, как это мы увидим дальше, все эти славянские и финские племена в политический союз — первое примитивное полугосударственное образование на берегах Волхова и Ильменя, у Ладожского озера и на побережье Финского залива.

Второе политическое образование составляют поляне, вместе с северянами, радимичами и вятичами входившие в «хазарскую группу» славян.

Это — юго-восточное объединение славянских племен. Некогда их связывала общность подчинения хазарскому кагану, позднее — борьба с хазарами и высвобождение из-под власти кагана. На северо-западе «насилье деяху» варяги, на юго-востоке — хазары. Но когда накопили силы и Русь Ильменская и Русь Днепровская, они сбросили с себя владычество «находников» с низовьев Волги и из сумрачной Скандинавии. Так «Повесть временных лет» отразила существование «Славян» и «Куявии», так возникли «сначала два государства: Киев и Новгород» (К. Маркс),[74] и лишь позднее их история тесно переплелась, лишь позднее они слились в Киевское государство. Русь Приднепровская рано освободилась от хазарского владычества. Русский каганат, государство народа «Рос», кагана

русского, возник еще в 30-х годах IX в., а быть может, даже несколько ранее. Уже тогда на арене мировой истории Русь выступила как самостоятельная политическая сила. Ее дипломаты — послы, ее храбрые воины-дружинники заставили Византию, Запад и Восток заговорить о русах, о Роси, и Черное море вскоре стало «Русским морем». На северо-западе «во времена же Кыева и Щека и Хорива Новгородстии людие, рекомии Словени и Кривици и Меря. Словене свою волость имели, а Кривицы свою, а Мере — свою; кождо своим родом владяше; а Чюдь своим родом; и дань даяху Варягом от мужа по беле и веверици; а иже бяху у них, то ти насилье деяху Словеном, Кривичем и Мерям и Чюди».[75]

Когда установились даннические отношения славянских и финских племен Приильменья и Приладожья по отношению к варягам?

В Восточной Европе норманны появились рано. В Прибалтике их поселения датируются VI в. Правда, эти поселения просуществовали непродолжительное время, и только в IX в. норманны сделали новую попытку утвердиться в Прибалтике.

К концу первой половины IX в. относится первая волна интенсивных норманских вторжений, охвативших Западную и Восточную Европу.

В 844 г. норманны нападают на Севилью и тогда же, в первой половине IX в., норманны появляются в Приладожье и Ладога (ныне Старая Ладога) превращается в Альдейгобург скандинавских саг. Здесь среди местного населения — карел, води, словен, вепсов («людий») — появились первые «находники» — варяги. Это были воины и грабители, купцы-разбойники, охотники за пушниной и живым товаром, арабскими диргемами, восточными драгоценностями, за богатствами легендарной Биармии. Они прорывались далеко на Юг и Восток до Булгар, сказочно богатого «Серкланда» (Итиля) и Каспия. На севере они прошли до Биармии (Перми), и их ладьи бороздили Белое море. На Западе центром их торговли был знаменитый город Бирка.

Грабя, убивая, порабощая, торгуя, облагая данью, они бурей проносились по землям славянских и финских племен.

Это были скорее разбойники, чем купцы, скорее враги, нежели правители. И отсутствие скандинавских вещей того времени в находках на территории Восточной Европы, датируемых IX в., говорит о том, что скандинавские викинги приходили сюда не для торговли, а для грабежа. Недаром в Скандинавии, особенно в Швеции, найдено огромное количество восточных монет и вещей VIII—IX вв.

«Совершенно ясно, что норманны в это время приезжали в Восточную Европу без всяких товаров, грабили славянские и финские племена, торговали награбленным добром и рабами на Волге — в Булгаре, по-видимому, и прямо у хазар — и возвращались с добычей к себе обратно в Скандинавию. В этой ситуации вполне возможно и даже (для скандинавов) необходимо было завоевание норманнами и обложение данью отдельных славянских и финских племен».[76]

Хищнические набеги варягов, грабивших и собиравших дани со славян, чуди, кривичей, мери, нашли отражение в рассказе Новгородской I летописи (Новгородской летописи по Синодальному харатейному списку) о том, как варяги «насилье деяху» населению северо-западных земель Восточной Европы и «дань даяху варягам». Это было время походов викингов на Апуле, в землю корси и летьголы (853 г.), на Восток по зна-

менитой «восточной дороге» (Austrvegr) или «варяжской дороге» (vaeringjavegr), первые набеги по которым древние рунические надписи в Швеции датируют самым началом IX в.[77]

Норманны сперва Западной Двиной, Невой и Ладогой, через систему рек севера Восточной Европы, проникли на Волгу. Оба пути, двинский и невско-ладожский, были использованы ими одновременно в первой половине IX в. Это были главным образом шведы из Готланда («гъте»), Упланда и Сёдерманланда, в частности шведы из прибрежной полосы Упланда Рослагена, насекшие на мраморной лапе Пирейского льва название своей родины: «Они жили в Рослагене». Но были среди варягов и норвежцы («урмане»), и датчане, и позднее — исландцы.[78] Суровая природа их родины — Скандинавии, быстрый рост населения при ограниченных ресурсах страны, рост централизации и укрепление королевской власти понуждали недовольных конунгов собирать отряды викингов и устремляться в свои сказочные путешествия и походы за богатством, добычей, землей и властью от Севильи, Италии, Сицилии до Исландии, Гренландии, Геллуланда (Лабрадора), Маркланда (Нью-Фаундленда) и Винланда (американский материк у Нью-Йорка), от Шпицбергена до Каспия и Закавказья.

В этих своих походах они открыли и «Гардарики» — Древнюю Русь. И первой областью, которую они попытались превратить в заповедное поле для охоты за живым товаром и пушниной, население которой они пытались сделать своими данниками и рабами, была область «Славии» восточных писателей. Здесь они пытались создать свои опорные пункты, и, быть может, таким пунктом была Ладога — Альдейгобург скандинавских саг. Но славянское и финское население Гардарики не собиралось переносить «насилия» варягов и их разбойничанья в родной земле.

Надо полагать, что к концу первой и к началу второй половины IX в. союз племен северо-запада, возглавляемый словенами, в земле которых стояли уже Ладога, Новгород и Старая Русса, так же как и в земле их соседей — кривичей, уже высились стены Пскова (Плескова) и Изборска, вырос в серьезную политическую силу. Многие финские племена в совместной борьбе с грабителями-варягами признали руководящую роль многочисленных и сильных словен (чудь, меря, весь), другие уже просто начали сливаться с ними (водь), теряя и свои племенные наименования, и все чаще и чаще выступая под общим наименованием для всех финнов — «чудь». Это имело место прежде всего в районах древней словенской колонизации, близ самого Новгорода. Подпали под влияние словен и соседние кривичи, псковско-изборская ветвь многочисленного кривичского племени.

Время существования отдельных племенных «волостей» отходило в область преданий. Складывался могучий племенной союз. Входившие в его состав племена взялись за оружие «и въсташа Словене и Кривици и Меря и Чудь на Варягы, и изгнаша я за море, и начаша владети сами собе и городы ставити...».[79]

Варяги были изгнаны, и нет оснований не верить беспристрастному рассказу летописца, так как он находит подтверждение в археологических материалах.

Анализ скандинавских вещественных памятников, обнаруженных в Восточной Европе и датируемых концом IX и X вв., приводит нас к выводу о том, что характер взаимоотношений норманнов со славянским и

финским населением Восточной Европы того времени резко меняется по сравнению с началом и серединой IX в.

И дело не только в том, что складывается другой великий торговый путь Восточной Европы, связывающий Север и Юг, Запад и Восток, путь «из варяг в греки», более поздний в сношениях Западной Европы со странами Востока, нежели Волжский, датируемый серединой или началом второй половины IX в.

Меняется сама роль норманнов на Руси. Это уже не разбойники, ищущие славы и добычи, воины-насильники, купцы-грабители. Норманны на Руси конца IX—X вв. выступают в роли купцов, о чем говорит обилие привозных скандинавских вещей, так как теперь в Гардарики ездили не грабить (о повторении того, что было до сих пор, о «насилиях» и дани, уже не могло быть и речи), а торговать. Торговать фибулами и мечами, в последнем случае — в прямом и переносном смысле, когда варяг предлагал в качестве товара свой боевой «франкский» меч, а в придачу к нему — свою воинскую доблесть, свой опыт мирового воина-бродяги, свою ярость берсеркера, свою преданность тому, кто больше платит.

В конце IX—X вв. норманны на Руси выступают в качестве «варягов»-купцов, торгующих с Востоком, Западом и Константинополем (Миклагард) и снабжающих товарами иноземного происхождения все страны Востока, Юга и Запада и прежде всего — самую Гардарики. Они выступают в роли воинов-наемников — «варягов», и в этом своем качестве и под этим названием, как наемники, служащие по договору на Руси, в Гардарики, или в Византии, они выступают и в русских, и в византийских (Βαράγγος), и в скандинавских (vaeringjar) источниках. Отдельные скандинавские ярлы оказываются более удачливыми и ухитряются захватить в свои руки власть в некоторых городах Руси, как это произошло с варягом Рогволодом (Rögnvaldr, Raknvalt, Rangualdus), осевшем в Полоцке (Palleteskja — Полтеск), а быть может, и в Турове (варяг Туры по преданию), и в Пскове (где сидели, видимо, варяги, так как Ольга, родом псковитянка, носит скандинавское имя Helga), и в других местах.

Большая же часть норманских викингов выступала в роли наемных воинов-дружинников русских племенных князьков или русского кагана вместе с другими княжескими дружинниками или вместе же с другими княжескими «мужами», выполняя различные поручения в качестве «гостей»-купцов и «слов» (послов) князя, как это отметили Бертинские анналы.

От былого грабительства варягов на Руси не осталось и следа, хотя они и не раз пытались захватить власть и, пользуясь силой, утвердить на Руси свою династию, вернее, сделать своих конунгов правителями на Руси.

Но в данном случае речь шла уже не о «насилиях» находников-варягов «из за моря», совершающих грабительские налеты и по реализации товара на Востоке возвращающихся к себе на Готланд, в Упсалу, в Рослаген и т. п., а о попытках их использовать в своих целях нарождающуюся русскую государственность, одним из винтиков которой были они сами, норманские наемные дружины. Речь шла уже об удачных или неудачных авантюрах инкорпорированных русской государственностью дружинных организаций варягов, находящихся на службе у русских князей и каганов, а не об установлении власти «заморских» варягов, пытающихся стать по-

велителями славянских и финских земель и превратить их в объект грабежа и эксплуатации.

Варяги еще играли некую, и подчас очень большую, иногда решающую, роль, но уже в качестве одного из элементов древнерусского общества. Они были составным и далеко не главным элементом тех классово-господствующих сил древнерусского общества, которые складывали и создавали русское государство. Они были, так сказать, «одними из», а не единственными. Власть и богатство были у местной знати, и прежде всего славянской знати, хотя и разбавленной на севере и северо-западе верхушкой финских племен. Она-то и приглашала варяжские наемные дружины для защиты своих городов и земель, для защиты торговых путей, защиты зачастую от таких же наемников-варягов соседнего «княжения», или «волости», или разбойничьей норманской вольницы. В этой привычной им социально родственной среде норманны охотно и быстро растворялись. Женясь на русских, эти скандинавские воины бесповоротно садились на русскую почву и русифицировались часто уже во втором поколении.

Но пока древнерусская государственность была слаба, пока существовало, собственно, несколько крупных государственных политических образований, множество слабых племенных княжений и море родов и общин во главе со «старейшинами», пока не было единой русской державы, до тех пор норманские искатели славы и наживы на отдельных этапах становились силой, способной навязать древнерусскому обществу свою власть.

Здесь, на Руси, они застают те же формы хозяйственной деятельности и общественной жизни, то же варварство, которое им было так хорошо знакомо на их изрезанной фиордами, покрытой лесами, озерами и горами холодной родине, порождением которого были все эти ярлы и конунги, вся эта масса викингов, устремившихся в поисках добычи на юг, запад и восток.

В Гардарики они попали в родственную им дружинную среду, в среду всех этих «вячших», «лучших мужей», «старой» и «нарочитой чади», «великих» и «светлых» князей и «всякого княжья» и, быстро освоившись, растворились в ней, сохранив следы своего пребывания на Руси в топонимике, в именах собственных, некоторых заимствованиях в русском языке из скандинавских и т. п.

Но об этом подробнее дальше.

«Славия» оказалась достаточно сильной, для того чтобы заставить варягов отказаться от своих грабительских налетов на области словен, кривичей, мери, веси, чуди и выступить в другой роли, роли купцов и воинов-наемников.

Но она не была еще достаточно сплоченной и сильной, чтобы помешать им осуществить свой авантюристический план захвата власти в «Славии».

О борьбе между племенами и городами северо-западного объединения славянских и финских племен сообщает летописец.

Положив конец грабительским вторжениям варягов, «почаша сами в собе володети», князья и «старейшины» словен и кривичей, чуди и мери начали междоусобную борьбу «и въста род на род», «въсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа град на град, и не беше в них правды».[80]

При такой ситуации — а сомневаться в том, что такая «усобица» могла иметь место в действительности, нет никакой необходимости, — вполне понятно приглашение варяжской наемной дружины словенами, а с ними вместе и частью чуди, кривичей и других племен. Это приглашение дружины норманского конунга и нашло отражение в знаменитом летописном рассказе о призвании варягов.

«И идоша за море к Варягам, к Руси: сице бы ся звахуть и Варязи Русь, яко се друзии зъвутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте, тако и си. Реша Руси Чюдь и Словении, и Кривичи и Вси: „земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет; да поидете княжит и володети нами". И изъбрашася 3 братья с роды своими, и пояша по собе всю Русь, и придоша старейший, Рюрик, седе Новегороде, а другой, Синеус, на Белеозере, и третий Изборьсте Трувор. И от тех Варяг прозвася Руская земля, Новугородьци, ти суть людье Нугородьчи от рода Варяжьска, прежде бо беша Словении».[81]

«И от тех Варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля; и суть Новородстии людие до днешнего дни от рода Варяжьска», — добавляет Новгородская I летопись.[82] Эти строки, варьирующие в различных летописных сводах, послужили поводом к созданию бесчисленных норманских и антинорманских теорий о варягах, их приглашении или завоевании ими, о происхождении термина «Русь» и т. д. и т. п., т. е. всех тех проблем, которые волновали исследователей начиная с XVIII в. и до наших дней. Мы не собираемся давать историю вопроса, ибо это дело историографического труда, а не конкретного исследования, подобного нашему.[83] Нам кажется, что летописный рассказ о призвании варягов в искаженном и отредактированном бесчисленными летописцами виде, часто выполнявшими определенный политический заказ, отразил вот какого рода конкретные исторические события, имевшие место где-то на северо-западе Руси около начала второй половины IX в.

Туманные предания, сохранившиеся в Новгороде и попавшие в летопись, говорят о «старейшине» новгородском Гостомысле. Пусть Гостомысл — легендарная личность, но воспоминания о доваряжской самостоятельности Новгорода, об управлении в нем «старейшин» несомненно отражают время «волостей» и «земель», управляемых местными владыками.[84] Один из таких владык пригласил на помощь в борьбе с другими «старейшинами» какого-то варяжского конунга, которого летописное предание назвало Рюриком. «И придоша к Словеном первее и срубиша город Ладогу, и седе старейшей в Ладозе Рюрик».[85]

Но варяжскому викингу показалась заманчивой перспектива овладеть самим Holmgard — Новгородом, и он, с дружиной явившись туда, совершает переворот, устраняет или убивает новгородских «старейшин», что нашло отражение в летописном рассказе о смерти Гостомысла «без наследия», и захватывает власть в свои руки. Никоновская летопись, несомненно использовавшая какие-то древние источники, отмечает, что узурпатор встретился с длительным и сильным сопротивлением со стороны новгородских «мужей» и, как об этом свидетельствуют позднейшие события, связанные тоже с «насильем» варягов, этими «мужами» были новгородские «лучшие мужи» из «Словенской тысячи», древней новгородской городской военной организации — тысячи, сложившейся у древнейшей части Новгорода — Славны, Славенского холма.

Вскоре после переворота (Никоновская летопись дает и дату — 864 г.) «уби Рюрик Вадима Храброго, и иных многих изби новгородцев, съветников его». Борьба с варяжским узурпатором длилась долго. Прошло три года и «...избежаша от Рюрика из Новгорода в Киев много Новгородцкых мужей».[86]

Известия Никоновской летописи о борьбе Вадима Храброго и «съветников его» с варягами Рюрика станут нам тем более понятными, если мы учтем, что вокняжение Рюрика в Новгороде произошло в результате переворота, помимо воли и желания новгородских «мужей» и даже вопреки им, а это, естественно, породило борьбу между узурпаторами-варягами и новгородцами, стремившимися сбросить навязанную им оружием власть варяжского викинга. В летописном повествовании различных сводов нашли отражение и приглашение варяжской дружины (что и послужило мотивом для летописного рассказа о призвании варягов), и захват власти варягами, и борьба с ними, что вылилось в сообщение о Вадиме Храбром и «съветниках его», выступивших против Рюрика.

«Если быть очень осторожным и не доверять деталям, сообщаемым летописью, то все же можно сделать из известных нам фактов вывод о том, что варяжские викинги — допустим, даже и призванные на помощь одной из борющихся сторон, — из приглашенных превратились в хозяев и частью истребили местных князей и местную знать, частью слились с местной знатью в один господствующий класс».[87]

Варяги еще не раз пытались совершать нечто подобное тому, что произошло в Новгороде.

Так было при Владимире, когда они, захватив Киев, заявили Владимиру: «се град наш, мы прияхом и», и только умелая и осторожная политика спасла Киев и Владимира от повторения новгородских событий предшествующего столетия.

Почти аналогичное явление имело место в Новгороде при Ярославе, когда варяжские дружинники грабили и насильничали над новгородцами, чем и вызвали выступление последних против себя и резню варягов.

Так произошел захват власти варяжским конунгом.

Рассказ летописца о призвании варягов возник в определенное время, в определенной среде, под влиянием политических факторов определенного порядка.

Наличие в Киеве XI—XII вв. англосаксонской параллели призвания князей «из за моря» не может вызывать сомнений ни у кого.

Это время Эдвина и Эдуарда, сыновей английского короля Эдмунда Железный Бок, изгнанных из Англии датским конунгом Канутом, Гиты Гаральдовны и тех англосаксов, которые в качестве свиты и наемников-дружинников появились в это время в Киеве, время ирландцев-скоттов, время, когда изгнанные норманнами англосаксы появились на Руси и в Византии.

С ними вместе на Русь пришли эпические мотивы о борьбе племен и призвании из-за моря братьев править и княжить, чрезвычайно близкие летописному рассказу о призвании трех братьев-варягов; равным образом как и те сказания и материалы, которые послужили англосаксонской параллелью к «Поучению детям» мужа англичанки Гиты Гаральдовны Владимира Мономаха. И ирландское предание о призвании трех братьев, равно как и рассказ Видукинда в его истории саксов о призвании бриттами в

свою «великую и обильную землю» князей из саксов Генгиста и Горсы, несомненно послужили прототипом рассказа летописца, создававшего свое сказание под влиянием рассказов и песен англосаксов Киевского двора.

Варяжское происхождение династии Рюриковичей, их скандинавские связи, та роль, которую играли варяги при дворе киевских князей, неясные припоминания о временах викингов на Руси, реальные норманны времен Ярославичей и Мономаха — все это послужило почвой, на которой летописец создал свой рассказ о призвании варягов, связав единодержавные политические тенденции Мономаха, по инициативе которого в угоду концепции «приглашенного князя» и единства княжеской линии в Михайловском Выдубицком монастыре редактировалась в начале XII в. «Повесть временных лет», с теорией «призвания варягов», с вопросом о роли варягов на Руси и, наконец, с происхождением самого термина «Русь».

Мы не знаем, существовали ли реальные Рюрик, Синеус и Трувор, но нет никаких оснований обязательно считать их легендарными.

Имя «Рюрик» несомненно скандинавское Hródrekr, Rorik, Rörik. Мы знаем попавшего во французские летописи Рёрика Датского, известного своими набегами на страны Западной Европы, укрепившегося в городе Бирке, где начиналась знаменитая «дорога на восток», в Гардарики, «austrvegr» скандинавских саг и рун. Такой же конунг Рёрик мог появиться и в самой Гардарики, сперва в Ладоге, а затем в Новгороде. О неясных и туманных местных белозерских преданиях о Синеусе сообщает А. А. Шахматов в своих «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах». Вопрос о Рюрике заново пересмотрен Г. Вернадским в его книге «Ancient Russia» (1944 г.).

Мы можем сомневаться только в том, был ли он братом Рюрика и был ли Синеус норманном вообще. Судя по имени, скорее всего, что нет, и в нем едва ли не следует видеть славянского князька Белоозерской «волости», полурусской, полуфинской земли, населенной колонистами — словенами и аборигенами весью.

Правдоподобен рассказ летописца о том, как «прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро». Такая раздача земель и городов своим ярлам-дружинникам вполне понятна. И по этим городам варяжские ярлы сидели еще долгое время.

Мы не знаем, как попал Рогволод в Полоцк. Можно предположить, что появление особой самостоятельной варяжской династии в Полоцке, одним из представителей которой, и именно последним, был Рогволод, относится к IX в., но был ли Рогволод потомком того варяга, который во время варяжского переворота в Новгороде получил «Полотеск», или появление варягов в Полоцке связано с более ранним временем, хотя бы с варяжской экспедицией в землю корси и летьголы в 853 г., когда норманны по западнодвинскому ответвлению своей «дороги на восток» проникли до Pallteskia — Полтеска — Полоцка, где и обосновались надолго (напомним о походе норманнов на Курляндию из «Жития Ансгара», когда норманны взяли «славянский город»), на этот вопрос ответить пока что не удается.

Приднепровский юг, Киев, жил в это время еще своей особой жизнью. Древнейший центр славянства Восточной Европы, самый прогрессивный

район передового славянского населения, сохранявший в известной степени традиции скифской и антской культуры, район возникновения древнерусской государственности, русского каганата, политического образования типа варварского государства, Куява арабских писателей, был еще слабо связан с Новгородом.

Его политическая жизнь протекала в бурных формах.

Стремление к добыче и славе снова привело «восточных варваров» к стенам «Восточного Рима» (К. Маркс). На этот раз нападению подвергся сам Константинополь.

18 июня 860 г. 200 русских кораблей (по Венецианской хронике Иоанна Диакона — 360 кораблей) неожиданно напали на Константинополь, воспользовавшись тем, что император Михаил стянул войско на юг для обороны границ империи в Малой Азии, подвергшихся нападению арабов.

В двух беседах патриарха Фотия, датируемых 860 г., нападение русов нашло яркое отражение:

«Народ (Рῶς, Рос. — *В. М.*) неименитый, народ, не считаемый ни за что, но получивший имя со времени похода против нас, незначительный, но получивший значение, народ уничиженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства, народ где-то далеко от нас живущий, варварский, кочующий, гордящийся оружием, неожиданный, не замеченный, без военного искусства, так грозно и так быстро нахлынул на наши пределы, как морская волна, и истребил живущих на этой земле, как полевой зверь траву или тростник или жатву... О, как все тогда расстроились, и город едва, так сказать, не был поднят на копье!.. Помните ли тот час невыносимо горестный, когда приплыли к нам варварские корабли... когда они проходили перед городом, неся и выставляя пловцов, поднявших мечи и как бы угрожая городу смертью от меча...».[88]

В Венецианской Хронике Иоанна Диакона без точной даты, но по отношению к событиям начала 60-х годов IX в. говорится, что «в это время норманны [«Nordmanorum gentes», причем под норманнами в данном случае следует подразумевать не обязательно скандинавов, а «жителей севера», по выражению Фотия, «где-то далеко (на север) от нас живущих»] осмелились напасть на Константинополь на 360 кораблях, но не будучи в состоянии нанести вред самому непобедимому городу, они храбро повоевали его предместья, перебили народа, сколько могли, и затем с торжеством вернулись домой».[89]

Положение осажденного Константинополя было очень серьезным. Теперь уже не крымские и малоазиатские владения подверглись нападению русских — горели предместья столицы империи, где грабили и убивали страшные «росы».

Императору Михаилу пришлось вернуться с похода и начать мирные переговоры с русскими. Наконец, был заключен договор «мира и любви».

Появление русских в 860 г. отмечено не только у Константинополя.

В «Житии патриарха Игнатия», составленном Никитой Пафлагонянином, говорится о том, как «злоубийственный скифский народ, называемый ρῶς, через Эвксинское море прорвался в залив, напал на остров Теревинт (у Синопа), опустошил всю местность и все монастыри, разграбил всю утварь и деньги, умертвил всех захваченных ими людей».[90]

Недельная осада Константинополя, продолжавшаяся с 18 по 25 июня, к величайшей радости жителей Константинополя была наконец снята. Русские удалились победителями, увозя с собой договор «мира и любви» — свидетельство их победы и триумфа и поражения могущественной империи. И Византия могла быть довольна тем, что дело ограничилось только опустошением, разорением и грабежом окрестностей Константинополя. Русь вынудила Византию считаться с собой и вписать свое имя в список могущественных и грозных народов.

Чем был вызван поход русских на Константинополь? Был ли он просто грабительским налетом?

На этот вопрос отвечает сам Фотий, сообщающий, что росы совершили свой поход на Византию в отместку за то, что «ромеи» истребили их соотечественников. За их смерть русские отплатили сторицей, предав огню и мечу окрестности Константинополя.

Нет никакого сомнения в том, что «ромеи» и русские со времени посольства кагана «народа Рос» к императору Феофилу, а быть может и ранее, находились в постоянном общении друг с другом. Русские ездили «слами» и «гостями» в Константинополь, как это имело место и позднее, во времена договоров Олега и Игоря с Византией, торговали и жили в Византии, сталкивались с греками на северном побережье Черного моря, у Днепровских и Бугских лиманов и в Крыму. Взаимоотношения между русскими и греками определялись соглашениями, договорами. Но, очевидно, незадолго до 860 г. греки нарушили соглашение «межю Русью и Грекы» и перебили русских «слов» и «гостей» в Константинополе или русских рыбаков и промысловиков где-нибудь у Белобережья или на Березани. Ответом на нарушение Византией договора о дружеских взаимоотношениях с Русью и был поход русских 860 г. — поход, ставящий задачей отмщение за нарушение греками международных соглашений, возобновление старых договорных отношений. Это война, а не налет, война, преследующая своей целью восстановление попранных интересов Руси, а не грабительский поход варваров, война как продолжение дипломатии, на которую было способно только государство.

К 866—867 гг. относится новый договор Руси с Византией о дружбе и союзе, не дошедший до нас, так же как и договор 860 г. На этот раз он был закреплен со стороны Руси принятием христианства от Византии и «епископа-пастыря» из Константинополя. Об этом говорят «Окружное послание» патриарха Фотия и биография императора Василия Македонянина, который, по выражению его биографа, склонил к дружбе «народ русский, воинственный и языческий, раздавая ему одежды золотые, серебряные и шелковые, а установив с ним дружбу и соглашение, уговорил принять крещение».[91]

Фотий в своем «Окружном послании» (866—867 гг.) говорит, что «Рос», народ, хорошо известный своей нелюдимостью и воинственностью, заменил свою языческую веру христианской, принял епископа и из врага стал союзником и обещал Византии военную помощь.[92] Фотий рассматривал крещенных русских как поданных императора, и в этом нет ничего удивительного, так как принятие христианства каким-нибудь народом из Византии этой последней рассматривалось как установление некоей политической вассальной зависимости его от империи. Сообщение Фотия о крещении какой-то части Руси в 60-х годах IX в. подтвер-

ждается Уставом, приписываемым Льву Философу (886—911 гг.), где упоминается русская епархия, помещаемая в его списке 61-й, рядом с 62-й, аланской, и «Церковным Уставом» Владимира, где говорится о крещении Руси Фотием.

Вряд ли можно считать обоснованным мнение, что каталог, приписываемый Льву Философу (Льву Мудрому), на самом деле составлен при Алексее Комнене, так же как и стремление объявить «Церковный Устав» Владимира Святославича подложным на основании греческих порядков и норм, встречающихся в нем, что якобы не соответствовало древнерусской действительности, и на основании упоминания в «Церковном Уставе» о крещении Руси Фотием, так как, как это мы увидим далее, «Устав» был переводом на русский язык греческих церковных порядков и юридических норм, причем его составители больше копировали греческое церковное правило, чем заботились о приспособлении его к порядкам на Руси, а упоминание о Фотии, учитывая изложенное выше, не должно уже само по себе вызывать сомнения в подлинности «Церковного Устава».[93]

Появление русских у стен Константинополя вызвало большое смятение в Византии. «Росью» заинтересовались, о ней говорили и писали, пытались объяснить ее происхождение, проникнуть в ее историю.

Пока речь шла о нападении русских на окраины империи, они все же еще не были тем грозным и сильным врагом, которого надо было опасаться, который несет собой разорение и смерть, но когда они напали на столицу, о «Рῶς» напуганные греки усиленно заговорили. И на сцену выступил библейский народ «Рос» («Рош» — др.-евр. «глава») пророка Иезекииля, который, по «Апокалипсису», явится перед концом света к «священному граду». В чрезвычайно популярных среди греческого духовенства книгах пророков и «Апокалипсисе» нашлось, таким образом, и объяснение названия народа «Рῶς». Созвучность «руси» и «рос», огромное впечатление, произведенное на византийцев военными походами варварской, воинственной Руси — все это заставило византийское духовенство объявить «Рῶς» народом «губительным и на деле и по имени», по «имени» именно потому, что он и есть тот самый библейский народ «Рῶς», который своим появлением возвещает «конец света» и гибель «священного града» — Византии.

Недаром Фотий пересыпает свои «беседы» о росах ссылками на Иезекииля, Иеремию и «Апокалипсис», а Лев Диакон прямо называет «тавроскифов» — русских — народом «князя Рос» Иезекииля.[94]

«Рос»-ами отрекомендовали Людовику Благочестивому послов кагана Руси и посланцы императора Феофила, а сами послы кагана, родом шведы, считая, что византийское наименование народа, кагану которого они служили, более знакомо дипломатическим кругам, и в Ингельгейме по-византийски именовали себя народом «Rhos».

Появление русских у стен Константинополя заставило Византию включить в свою дипломатическую деятельность и далекую Русь, Русь Киевскую, Русь Днепровскую.

Хотя, по выражению Фотия, Русь отделена от Константинополя многими землями и державами, судоходными реками и морями, а в «Тактике» императора Льва Философа говорится о том, что «северные скифы» не имеют больших кораблей, так как выезжают в море с рек, где нельзя

пользоваться большими судами, а приходится пользоваться легкими лодками, что говорит именно о днепровском, а не азово-черноморском происхождении этих русских, тем не менее с Русью приходится считаться, ее надо опасаться, с ней необходимо заключать договоры «мира и любви».[95]

Может быть, в связи с нападением Руси на Константинополь в 860 г. стоит и хазарская миссия Константина (Кирилла) Философа, который встречал «русинов», интересовался ими, крестил в Хазарии, где немало было русских, «до двухсот чадий», и, быть может, вел переговоры, результатом которых должно было быть предотвращение походов русских, подобных тому, который в 60-х годах вызвал такое волнение и страх по всей империи.[96]

Итак, мы приходим к выводу, что поход на Константинополь 860 г. был предпринят из Руси Киевской, что договоры «мира и любви» заключались с Днепровской Русью, Русью Аскольда.

«Повесть временных лет» под 866 г. (дата неточная) помещает рассказ о том, как «иде Аскольд и Дир на Греки и приидоша в 14 (лето) Михаила цесаря. Цесарю же отшедшю на Огаряны, и дошедшю ему Черные река, весть епарх послал к нему, яко Русь на Царьгород идет, и вратится царь. Си же внутрь Суду (скандинавск. «Sund» — пролив) вшедше, много убийство крестьяном створиша, и в двою сту корабль Царьград оступиша».[97] Далее повествуется о молении Михаила и Фотия, о чуде, буре, разметавшей суда русов.

Новгородская I летопись помещает этот рассказ под 854 г.

Летописный рассказ упорно связывает Аскольда и Дира. Почти во всех летописных сводах они появляются только вместе, и всегда первым Аскольд, вторым — Дир. «Повесть временных лет» рассказывает о том, что было у Рюрика «2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своим». По дороге им попадается Киев, где они беспрепятственно вокняжаются среди полян, плативших дань хазарам, «и начаста владети Польскою землею».[98]

Уже давно в литературе было обращено внимание на неправдоподобность версии о том, что Аскольд и Дир — «бояре» Рюрика, захватившие «ничей» фактически Киев и убитые как узурпаторы (!?) Олегом за то, что они овладели тем, что не принадлежало ни Олегу, ни Игорю.

Мы не знаем, был ли Аскольд Höskuldr-ом, а Дир — Dýri (Diuri), т. е. скандинавами. Возможно, что это были действительно конунги варяжских дружин, обосновавшиеся на Днепре. В поздних летописях, несомненно использовавших какие-то не дошедшие до нас источники, мы встречаем упоминания о борьбе Аскольда с болгарами (дунайскими?), полочанами, печенегами, уличами, древлянами.[99]

В этих сообщениях летописей нет ничего такого, что бы заставило нас предположить, что все они надуманы и приведены по аналогии со временами Олега, Игоря, Святослава, Владимира. Борьба с уличами, жившими тогда неподалеку от Киева, с соседями полян — древлянами, с дунайскими болгарами для тех, кто сидел и правил в Киеве, едва ли не была обязательной. В степях уже кочевали печенеги, и столкновение с ними тоже было возможно. А юго-западное направление наступательной политики Киева времен Аскольда и Дира как нельзя более понятно, учитывая их византийские интересы.

Странными кажутся обстоятельства гибели Аскольда и Дира.

В рассказе летописца об убийстве явившихся под Киев вместе с Игорем, Олегом Аскольда и Дира, обвиненных в узурпации, речь идет и о их погребении: «И несоша на гору, и погребоша и на горе, еже ся ныне зовет Угорьское, кде ныне Олъмин двор; на той могиле поставил церковь святаго Николу; а Дирова могила за Святою Ориною».[100]

Странным было бы предположить, что Аскольд и Дир, убитые дружинниками Олега, выдававшими себя за «гостей Подугорских», убитые одновременно и в одном месте, вдруг оказались похороненными в двух разных местах: один, Аскольд, у Угорского, где во времена летописца стоял Олъмин двор и высилась церковь святого Николая, а другой чуть ли не за километр от могилы Аскольда, у церкви святой Ирины, близ Софийского собора. Память о княжении в Киеве Аскольда, о его могиле была жива в Киеве еще во времена летописца. Где-то здесь, у Угорского, стоял и его княжой двор. Тут же он и был убит.[101] Упоминание о церкви святого Николая, воздвигнутой на могиле Аскольда в связи с его походом на Византию и с сообщениями Фотия и биографа Василия Македонянина о крещении росов после похода 860 г., говорит о том, что поход, предпринятый в 860 г. и датируемый нашей летописью 866 г., был предпринят из Киева Аскольдом. Крещение Руси при Фотии было крещением Руси Аскольдовой. Принял христианство и сам Аскольд, и, быть может, церковь святого Николая, воздвигнутая на его могиле, носила имя его христианского патрона.

Княжение Аскольда датируется временем от 860 г. (быть может, ранее) до конца 60-х или начала 70-х годов IX в.

Во всяком случае надо полагать, что Аскольд и Дир правили не одновременно, и лишь летописная традиция связала их вместе. Иначе чем же объяснить, что убитые одновременно князья оказались похороненными в разных местах? Хотя в Древней Руси «могила» была не только местом погребения, но и памятником в виде насыпи, холма.

Дира знает не только наша летопись.

В своих «Золотых лугах» («Промывальнях золота») Масуди (943—947 гг.) пишет:

«Первый из славянских царей есть царь Дира, он имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами».[102]

Нельзя думать, что Дир — современник Масуди, но он несомненно правил во времена, не столь отдаленные. И Масуди, со слов мусульманских купцов, хорошо знавших Киев и часто ездивших туда со своими товарами, о чем повествуют и другие восточные писатели, заключил о его силе и богатстве. И это также не вызывает сомнений, так как Киев второй половины IX в. — крупнейший центр Руси. Масуди не знал своего современника — Игоря и пользовался (и это вполне понятно) несколько устаревшими сведениями, сообщенными ему мусульманскими купцами, ездившими в страну и город Дира и хорошо знавшими о его могуществе. Царство Дира у Масуди — восточный сосед Чехии Вячеслава, в состав которой тогда входил и Краков. Сообщение Масуди о «многих обитаемых странах», подвластных Диру, и свидетельство Фотия о том, что Русь еще перед походом 860 г. «подчинила своих соседей», подтверждают известия поздних русских летописей о войнах Аскольда и Дира с соседними народами и племенами, а следовательно, и о

попытках наложить на них дань и распространить на их земли свою власть.

Ко временам Дира относится первый поход русов на Закавказье.

По свидетельству Мухамеда Эль-Хасана, написавшего «Историю Табаристана», в правление Хасана, сына Зейды (864—884 гг.), русы напали на Абесгун, но в борьбе с Хасаном они были разбиты.[103]

Этот поход следует связать с именами Аскольда и Дира, вернее — последнего, связи которого с мусульманским миром заключались не только в приеме восточных купцов и в торговле с ними, но и в стремлении проникнуть по их стопам на Восток — источник всяких богатств, в страну роскоши и драгоценностей, известную с давних пор, но только теперь превращенную в объект походов и нападений. Быть может, этот поход на Восток, на Абесгун, привел к столкновению дружин Дира с печенегами, которое М. С. Грушевский датирует 80-ми годами IX в.[104]

Таким образом, княжение далеко не легендарного Дира необходимо будет приурочить к 70—80-м годам IX в.

Но все это еще не дает нам права считать достоверным рассказ о его убийстве Олегом, пришедшим откуда-то с севера.

О Дире помнили в Киеве летописных времен, как и об Аскольде, показывали его могилу, но обстоятельства его смерти еще нуждаются в уточнении. Об этом далее.

Русь Аскольда и Дира уже втягивалась в мировую политику. Мы не знаем, сколь велика была территория этой Руси, в какой мере она подчинила себе земли соседних племен: учитывая же сохранение племенных княжений и независимых племенных земель уличей и древлян еще в X в., мы можем определенно говорить, что кроме Среднеднепровского, Киевского, центра, земли летописных полян, она состояла из конгломерата слабо связанных с центром областей — земель союзных племен — «толковинов».

Тем не менее она уже выступает на арене мировой политики, заставляет могущественную Византийскую империю считаться с собой, заключать договоры, искать союзников для борьбы со страшным, воинственным и сильным народом «Рῶς». Более того, видя всю бесцельность своих попыток найти союзника в борьбе с Русью в лице хазарского кагана, которого, в свою очередь, арабы склоняли к союзу с халифатом, а печенеги отвлекали своими беспрестанными нападениями, Византия пыталась насадить на Руси христианство исходя из своего представления об империи как о вселенском христианском царстве и стремясь таким образом втянуть Русь в орбиту своего влияния, ибо мечом отбиться и от русов, и от «сарацин» она была не в состоянии.

На этом пути Византия должна была столкнуться с католическим Западом, и хотя окончательное отделение церквей еще дело будущего, но проникновение папского влияния на восток Европы не могло не обеспокоить патриарха и императора.

А из учредителей грамоты гамбургско-бременской епархии 864 г. следует, что папа Николай I имел поползновение распространить христианство по западному обряду на всю территорию Восточной Европы, включая и Русь.[105]

Этот путь западного влияния отмечен нашим летописцем: «от Рима» «в варяги» и «от варяг» по Двине на Русь. Запад, узнавший о Руси и через

купцов-«ругиев», и через Краков, Прагу и Раффельштедт, через варягов, вроде знаменитого информатора короля Альфреда Великого Оттера, и через послов кагана народа «Рос», возвестивших о выходе Руси на арену мировой истории своим появлением в Ингельгейме, и через бесчисленное число всяких «периплов», этот Запад, естественно, стремился — и примеров этому мы скоро найдем немало — к вовлечению Руси в орбиту своего влияния.

Но Византия имела чересчур много преимуществ в борьбе за влияние на Русь. И прежде всего потому, что русский меч был занесен именно над нею, а не над Западной Римской империей. Именно поэтому, стремясь предотвратить его удар (а средств к этому она имела много, и христианизация в их числе занимала далеко не последнее место), империя «ромеев» развернула энергичную дипломатию, намереваясь избавиться от угрозы со стороны Руси.

Восток в лице Хазарского каганата и мусульманских государств и земель Закавказья в это время сам превращается в объект нападений со стороны русов. Так выходит на международную арену Русь IX в., крупнейший фактор мировой истории раннего средневековья.

Эта Русь еще разделена на две, даже на три части: Русь Южная (Среднеднепровская, Киевская, «Куява»), Русь Северо-Западная, Северная (Славия) и, наконец, Юго-Восточная Русь, расположенная где-то на юго-востоке или востоке (Артания).

Мы — у порога Киевского государства, у колыбели «державы Рюриковичей». Но оно еще не сложилось. Его возникновение — результат слияния обоих русских центров на великом водном пути «из варяг в греки» — Киева и Новгорода.

А это величайшей важности событие летописная традиция связывает с именем Олега.

Глава VI

ОБРАЗОВАНИЕ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Образованием древнерусского Киевского государства следует считать момент полного слияния двух центров Древней Руси — Новгорода и Киева, двух областей — «Славии» и «Куявы», а это слияние наша летопись связывает с именем и деятельностью Олега.

Олег — не Рюрик, и если в существовании второго можно еще сомневаться, то реальность Олега неоспоримо доказывается источниками русского, византийского и еврейско-хазарского происхождения.

Тем не менее обстоятельства жизни летописного Олега остаются невыясненными, сообщаемые о нем сведения неточны и сбивчивы. Хронология этой части летописи не является достоверной. Нам известна только одна достоверная дата, связанная с именем Олега, — 911 г., год заключения договора Олега с Византией.

Найденный Шехтером в Кембриджской библиотеке документ на древнееврейском языке переносит деятельность Олега — Хальгу (Хельгу) во времена царствования византийского императора Романа Лекапина, на годы, последовавшие за смертью летописного Олега. Датировка смерти Олега в разных летописях различна, могилу Олега летописи указывают в трех разных местах и т. д. Все эти противоречия заставляют нас особенно осторожно подойти к рассмотрению вопросов, связанных с деятельностью Олега, и, отбрасывая бесчисленные точки зрения, высказанные в литературе по поводу Олега, непосредственно перейти к рассмотрению источников.

«Повесть временных лет» сообщает о том, что Рюрик в 879 г. «предасть княженье свое Олгови, от рода ему суща».[1] Но древняя короткая редакция летописного рассказа, помещенного в Новгородской I летописи, называет Олега воеводой Игоря.[2] И это, пожалуй, ближе к действительности, так как регентство Олега, правившего за малолетнего Игоря, регентство, длившееся больше 30 лет, вызывает сомнения. Возможно, что Олег был вполне самостоятельным князем, когда-то действительно выступавшим воеводой Рюрика или даже Игоря, но впоследствии «приявшим» власть в свои руки и в угоду династической концепции единства «Рюрикова дома», проводимой летописцем, превращенным в родственника Рюрика, опекуна или воеводу малолетнего Игоря.[3]

Под 882 г. в «Повести» помещен рассказ о походе Олега на юг.

«Поиде Олег, поим воя многи, Варяги, Чюдь, Словении, Мерю, Весь, Кривичи, и приде к Смоленьску с Кривичи, и прия град, и посади мужь

свои; оттуда поиде вниз, и взя Любець, и посади мужь свои. И придоша к горам х Киевьским... И приплу под Угорьское...»[4]

Далее следует рассказ о том, как Олег, спрятав своих воинов, направил гонцов к Аскольду и Диру, заявив им, что он — гость и идет «в Греки», прося их явиться на берег. Когда Аскольд и Дир пришли к Олегу, он обвинил их в узурпаторстве, заявив: «аз есмь роду княжа», указал им на сына Рюрика Игоря, и по приказу Олега оба киевские князя были убиты.

Рассказ об убийстве Аскольда и Дира Олегом, как мы уже видели, заключает в себе ряд неточностей и не может считаться достоверным.

Не говоря уже о дате, которая вряд ли может быть принята на веру, так как датировка большинства событий из рассказа «Повести временных лет» до середины X в. не может считаться достоверной, рассказ летописца содержит в себе много противоречий, а именно: убийство Аскольда и Дира происходит по приказу Олега («Повесть»), а по другим летописям инициатором расправы с киевскими князьями был сам Игорь (Новгородская I летопись); Аскольд и Дир убиты одновременно, что, как уже было указано выше, вызывает сомнение; Олег проплывает мимо Киева под Угорское, хотя, казалось бы, плывя вниз по течению Днепра, с севера, он должен был бы остановиться у Киева, и т. д.

Все эти неточности и противоречия в рассказе летописца привели к тому, что некоторые исследователи поставили под сомнение самый поход Олега с севера на юг (М. С. Грушевский), другие же выводили Олега с юга, делая его князем Черноморско-Азовской Руси, поднявшимся к Киеву вверх по течению Днепра (В. А. Пархоменко).

В связи с этим необходимо остановиться на оценке «Повести временных лет» и Новгородской I летописи как источников для изучения истории Древней Руси конца IX и начала X в. В нашей литературе за последнее время были высказаны две диаметрально противоположные точки зрения: В. А. Пархоменко и Б. Д. Грекова.

В своей статье «Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство» В. А. Пархоменко замечает, что только «...с эпохи Ярослава, так называемого Мудрого, начинаются действительные „припоминания летописцев“», а что касается событий X в., не говоря уже о IX в., то на них «наш древнерусский книжник второй половины XI и начала XII в. смотрит сквозь призму легенд, песен, сказаний, туманных и отрывочных данных», и ряд исторических деятелей, упоминаемых в древнейшей части летописания, являются эпическими личностями.[5]

Совершенно иной взгляд был высказан Б. Д. Грековым.

Развертывая на основе летописных сообщений свою концепцию начала Русского государства, Б. Д. Греков заявляет:

«Меня могут упрекнуть тут в предвзятости или в слишком большом доверии к показаниям „Повести“. Упреки эти совсем нестрашны. Факты сами говорят за себя. А доброкачественность фактов, сообщаемых „Повестью“, тоже несомненна. Она подтверждается всем общим ходом истории Киевского государства, которое ни в коем случае не могло бы достигнуть тех блестящих результатов, если бы факты „Повести“ были порочными».

Нет никаких сомнений в том, что та редакция «Повести», которой мы пользуемся, есть продукт литературного творчества и редакционной работы конца XI и начала XII в., но так же несомненно, что это творчество, эта работа были основаны не на фантазии, не на патриотических увлече-

ниях, хотя были элементы и того и другого, «не на невероятных каких-то „припоминаниях“» о давно прошедших делах, «а на совершенно точных документах (международные соглашения, записи при дворах князей и духовенства, законодательные акты, иностранные известия)».

Конечно, такого рода источники сочетались с народным эпосом и преданиями, и дело историка отделить пшеницу от плевел. «Известия „Повести“ о поступательных шагах в развитии Киевского государства, независимо от абсолютной точности в хронологии и отдельных деталях, несомненно есть чистая „пшеница“».

Тем более что целый ряд событий внутренней и главным образом внешней истории Киевской Руси засвидетельствованы иностранными источниками.

Нет оснований особенно смущаться и датировкой событий IX—X вв., так как «у авторов русских летописей всюду расставлены незыблемые вехи»: даты крупнейших фактов русской и всемирной истории, подтверждаемые актами и греческими хрониками. Уже в X в. Русь применяла письменность в сношениях с другими державами, и на Руси велись записи крупных событий в ее жизни. Даже острожный Шахматов распространял свой скепсис на датировку в летописи лишь до 945 г., и то с оговорками.

Уже в X и самом начале XI в. существовали «летописные заметки», более древние, чем «Начальный Свод» или тем более «Повесть», использованные в «Похвале Владимиру» Иакова Мниха. «Догадки» авторов русских летописей заслуживают внимания, так как они исходили из реального и строились от известного к неизвестному.

«Иными словами, „Повесть“ заслуживает большего доверия, чем ей часто оказывают многочисленные скептики, ибо они рассматривали „Повесть временных лет“ приблизительно так, как анатом рассматривает труп человека, но на „Повесть временных лет“ можно смотреть и с другой точки зрения: как на живое произведение, не анатомируя его, а воспринимая его как нечто цельное».[6]

Так резюмирует Б. Д. Греков высказанные им по поводу «Повести» взгляды, заслуживающие всяческого внимания, и я подробно остановился на них, так как целиком присоединяюсь к его точке зрения.

Не вызывает никаких сомнений рассказ летописца о продвижении дружин Олега с севера на юг.

К. Маркс указывает, что подобно тому, как чары Западного Рима манили к себе западных варваров, так чары Восточного Рима привлекали к себе восточных варваров.[7] Они — варвары. Война становится источником их существования, функцией народной жизни.

Мы уже видели русские дружины на берегах Черного моря, у стен Сурожа, Амстриды, Константинополя. Это были походы как Южной, Киевской, Руси, так и, по-видимому, Руси Новгородской, не только «Куябы», но и «Славии». Не случайно «Житие Стефана Сурожского» сохранило имя новгородского князя Бравлина. И не случайно варяг Олег делает Киев своей резиденцией, не случайно Киев становится «мати градом Русским». К. Маркс отмечает, что стремление восточных варваров к Византии выразилось в «перенесении столицы, которую Рюрик основал в Новгороде, Олег перенес в Киев, а Святослав в Переяславец на Дунае».[8] Он руководствовался теми же соображениями, которые привели антских риксов

на берега Дуная и заставили Святослава считать дунайский Переяславец «середой» своей земли.

Это было создание трамплина для наступления на Византию, и всей своей деятельностью Олег как нельзя более ярко подчеркнул смысл похода на юг и перенесения на столетия центра политической жизни в Киев, на берега Днепра-Славутича, туда, где зарождалось древнерусское государство, где вековые традиции восточного славянства подготовили создание Киевской державы. Здесь, в Киеве, самим ходом исторического развития была подготовлена база для создания древнерусского государства, здесь складывалась держава русских каганов начала IX в., здесь был древнейший очаг этногенеза восточных славян, центр их культуры, издавна связанной с культурой античного и византийского Причерноморья. Отсюда легче было пуститься на завоевание «империи на юге» (К. Маркс), империи, воздвигнутой на обломках Византии, о чем мечтали восточные варвары, и которую в виде огромного славянского русско-болгарского государства со столицей в Переяславце на Дунае едва не создал спустя столетие русский князь-воин Святослав.

Этим и объясняется то обстоятельство, что если «...возникли сначала два государства: Киев и Новгород», то «Олег подчинил также второе русское государство Киев, переносит туда (892 г.) местопребывание правительства...».[9]

Путь же на юг был к тому времени уже проложен. Уже в начале или в середине IX в. сложился великий водный путь «из варяг в греки» на всем протяжении от Скандинавии до Константинополя («Miklagardr»). Произошло слияние двух узлов торговых водных артерий: северного (Западная Двина, Нева, Ладожское озеро, Волхов, Северная Двина и другие реки севера) и южного (Средний Днепр, Десна, Припять и связанные с ними водные и сухопутные дороги, ведшие к верховьям Днепра, Оки, Волги, в Полесье, к Карпатам и к Черному морю). Создается великий водный путь «из варяг в греки». Он шел от Бёрке (Björkö), на северном берегу Финского залива, к Котлину, от него к Неве (Nyja), Ладоге (Aldeigjuborg, по-видимому, от вепского alodejogi — «самая низшая», т. е. последняя река до впадения Волхова в озеро) и играл большую роль в нормано-русско-финских отношениях. Отсюда, из Ладоги, плыли к Новгороду (Nolmgardr), которого достигали, отплывая из Дании, в конце 4-й недели, от устья Одера — на 43-й день. Путь от Висби до Новгорода проходили в течение двух недель. Дальше лежало озеро Ильмень, за ним Старая Русса (по Платонову, в древности называемая Руса), Ловать, потом шли волоки на Западную Двину и с Двины в Днепр (Nepr). Оттуда же, с волоков, можно было попасть и на Волгу.

Здесь уже начинался днепровский отрезок пути. Соединение этих двух отрезков произошло до летописного похода Олега из Новгорода в Киев. Недаром Олег выдавал себя за прибывшего с «верха», т. е. с севера, гостя (купца). Значит, к этому времени фигура «варяжского гостя» с севера не могла вызвать подозрений у жителей Киева. Она стала привычной. Но произошло это слияние незадолго до объединения в единое целое «Славии» и «Куябы» (Куявии). И объединению двух центров Руси — Новгорода и Киева — предшествовало незадолго до этого произошедшее соединение двух узлов речных торговых артерий, путей походов, завоева-

ний и торговли: один узел соответствовал торговым дорогам «Славии», а другой — «Куябы».

За волоками с Двины начинался уже Днепровский путь, красочно описанный Константином Багрянородным. Вехами на его пути стояли Смоленск (Μιλινίσχα), Любеч (Τελιούτζα), на его ответвлении — Десне — Чернигов (Τζερνιγωγα), Вышгород (Βουσεγράδε), Киев (Kiaenugardar, Koenugardr). В этом последнем названии Киева, кстати будет отметить, в скандинавской форме отразилось древнее название Киева «Киянгородом», т. е. городом киевлян, «киян», которое было в ходу у жителей Киева и от них через варягов попало в скандинавские саги и руны.

За Киевом, спустя несколько дней пути, начинаются знаменитые пороги, описанные Константином Багрянородным, о чем речь была выше, за Крарийской переправой — остров Святого Григория, остров Хортица, где стоял огромный священный дуб. Интересно отметить, что остров Хортица носил название «Варяжский остров». Далее — последняя остановка перед выходом в море, остров Святого Евферия (греч.), называемый русскими Березанью, а варягами, по-видимому, Björkö (Березовый остров). Материализированным следом пребывания здесь варягов является знаменитая руническая надпись конца XI или начала XII в.: «Грани соорудил холм этот по Карле, товарище своем».[10]

За Березанью путь лежал вдоль берега Черного моря. Тут лежали Белобережье наших летописей и пресловутый Ахиллов бег. Здесь в первой половине X в. была какая-то стоянка русских — дромитов (Δρομῖται), упоминаемых в связи с событиями 941 г. у Феофана, Георгия Амартола и Симеона Логофета. Это была стоянка предприимчивых и подвижных воинов-купцов, совершавших свои стремительные налеты и походы, своего рода форпост Руси для нападений на Византию. Недаром Белобережье и Березань играют такую большую роль в русско-византийских отношениях X в.; недаром где-то здесь, неподалеку, вырастает русское Олешье; недаром позднее действует здесь берладская вольница.[11]

Так складывался в IX в. великий путь «из варяг в греки», главная торговая артерия Руси и в X, и в XI вв. И, идя по пути варяжских и русских купцов, проложивших путь с севера на юг и с юга на север, Олег совершает то, что оказалось не под силу ни норманским викингам, ни русским гостям и дружинникам, и объединяет в единый политический организм пусть аляповатое, скороспелое, скроенное из лоскутьев, но все же единое государство, города и земли, лежавшие по пути «из варяг в греки», пути не только торговых караванов, но и походов и завоеваний «готической России» (К. Марк), пути создания примитивной, но могущественной государственности эпохи «славного варварства» (К. Маркс), пути продвижения «восточных варваров к Восточному Риму» (К. Маркс).

Кто же были они, эти «восточные варвары»?

Нет никаких оснований отрицать большую роль варягов в этом процессе, равным образом как и того, что сам Олег был норманном (Helgi). И в древнееврейском документе, обнаруженном Шехтером, он так и выступает в своем норманском облике, как Хальгу или Хельгу. И дело заключается не в том, чтобы в борьбе с ложными концепциями норманнистов отрицать наличие варягов и их значение на начальных этапах истории Киевского государства, а в том, чтобы выявить их истинную

роль в создании древнерусского государства и, отбросив «плевела», найти ту самую «чистую пшеницу», о которой говорит Б. Д. Греков.

Нам отнюдь не кажутся фантастичными поход Олега из Новгорода в Киев и объединение им русских городов и земель, лежавших по пути «из варяг в греки» и некоторым его ответвлениям, в единую «готическую» (К. Маркс), т. е. варварскую, державу, Киевскую Русь, протянувшуюся сравнительно узкой полосой с севера на юг вдоль главнейшей артерии торговых связей, международных сношений, завоевательных походов и походов за данью. В этом походе несомненно приняли участие «вои» словен, изборских и псковских кривичей, чуди и веси, а быть может, и мери.

Хотя варяжский элемент в дружине Олега был очень силен и играл большую роль, но, учитывая то, что в составе послов Игоря, заключавших договор с греками 944 г., встречаются «слы», носящие имена, звучащие явно по-эстонски, т. е. по-чудски, — Каницар (Kanizar), Искусеви (Jskusewi), Апубьксарь (Pubjinksar), мы можем предположить, что чудские «вои» были у Олега, и этим самым подтвердить летописный рассказ. Попытку объяснить эти имена из древнескандинавских («skó-sveinn» — слуги, «*habukar» — сокол и «*kannapar» — испытанный) вряд ли можно считать убедительной, так как такого рода словоупотребление в официальном документе немыслимо.[12] Со времен Олега устанавливается связь северной чуди с Южной, Киевской, Русью, приведшая к появлению на арене политической истории Южной Руси многочисленных «Чудинов», в самом своем имени носящих указание на свою этническую принадлежность.

В составе дружин Олега, двинувшихся на юг, были несомненно словене и кривичи, и едва ли не они составляли главную силу «вещего» князя.

Так произошло слияние «Славии» и «Куябы» в единое государство. На своем пути, закрепляя за собой города и земли, Олег действует так, как, по летописному рассказу, действовал Рюрик на севере.

Он берет Смоленск и «посади мужь свои», «взя Любець, и посади мужь свои», а в Киеве, древнем центре складывающейся русской государственности и развивающейся русской культуры, поближе и к Византии, и к Дунаю, и к Хазарии, поближе к Черному морю и Востоку, такому же заманчивому для воинственных и жадных «восточных варваров», как и Византия, в «мати градом Руським», обосновался сам.

Став киевским князем, он «нача городы ставити», укрепляя этим свою власть и создавая себе опорные пункты, чтобы «княжить и володети», собирать дань, судить, управлять, «поимать» воинов для своих дружин и «боронить» рубежи Руси от «ворогов». Что же касается «Славии», Новгорода, переставших быть землей и резиденцией Олега, то он «устави дани Словеном, Кривичем и Мери и устави варягом дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето, мира деля...».[13]

Б. Д. Греков совершенно справедливо обратил внимание на терминологию летописного рассказа. На словен, кривичей, мерю Олег дань «устави», а не «вьзложи», а это различие весьма существенно, так как в летописи термин «устави» употребляется в смысле узаконения, установления определенного порядка, закона, тогда как слово «вьзложи» употребляется в смысле наложения дани на покоренные народы, что имеет место и по отношению к деятельности Олега, как это мы увидим ниже.

Это свидетельствует о том, что на северо-западе и на северо-востоке Олег действует не как завоеватель, а как государственный деятель, определяющий повинности и обязанности своих подданных. При этом сам термин «на лето, мира деля» означает вознаграждение княжеской наемной дружине («tributum, quod mir vocatur»), явление, характерное и для норманнов, и для западных славян. Так, в Чехии уплата «мира деля» означает дань населения, уплачиваемую князю за охрану и защиту.[14] Зато на юге Олег принялся за завоевание и подчинение себе русских племен. Летопись сообщает о войне Олега с древлянами, и его поход в землю древлян был продолжением традиционной борьбы полян, Киева, с древлянами. Еще в глубокой древности, как мы уже видели, поляне «быша обидимы древлянами». Воевали с древлянами Аскольд и Дир. Олег, «примучив» древлян, «и имаше на них дань по черне куне», но покорение древлянской земли падает лишь на X в., на времена Ольги, и поэтому «примучиванье» Олега следует рассматривать лишь как наложение дани, и то вряд ли она собиралась систематически.

Попытки наложить дань на уличей и тиверцев, «Великую Скуфь», не увенчались успехом, и с ними Олег «имяше рать».

Успешней шла борьба за освобождение русских племен от хазарской дани. Вступив в землю северян, Олег предупреждает их, что ведет борьбу не с ними, а с хазарами: «аз им противен, а вам нечему» и «не даст Козарам дани платити» «и вьзложи на нь дань легьку».

Олег освобождает от хазарской дани и радимичей «и вьдаша Ольгові по щьлягу, якоже и Козаром даяху».

Все эти события, связанные с объединением под властью Киева русских племен, датируются летописью 883, 884 и 885 гг., но эта датировка более чем условна.[15]

Нет сомнений и в том, что само покорение и древлян, и северян, и радимичей тоже было в значительной степени условным. Мы знаем, что древляне еще при Игоре и Ольге имели своего князя Мала, что радимичей подчинил себе только Владимир, и хотя о северянских князьях мы ничего не знаем, если не считать легендарного князя Черного, но наличие здесь еще в X в. огромных богатых захоронений свидетельствует о сохранении столь влиятельной местной власти, что ее вполне допустимо считать самостоятельными князьями, хотя и выступающими в роли местных правителей, «великих» и «светлых» князей, находящихся «под рукой» киевского князя.

По-видимому, взаимоотношения между Олегом и покоренными племенами заключались лишь в несистематическом сборе дани и в участии их воинов в войнах и походах киевского князя. Зачастую это были скорее «толковины», т. е. союзники, — о чем и повествует летопись, говоря о походе Олега на Византию, — нежели подданные в обычном смысле этого слова.

Так начала складываться «несообразная, нескладная, скороспелая, составленная Рюриковичами из лоскутьев» Киевская держава, «готическая» Русь (К. Маркс). Но, несмотря на все эти ее качества, примитивный характер объединения русских земель и племен, Киевская держава в лице ее политических деятелей делала великое дело: объединяла восточное славянство в единый государственный организм, сплачивая и тем самым усиливая его, создавая условия для дальнейшего укрепления общности

языка, быта, культуры, и охраняла, обороняла рубежи земель русского народа, рубежи Руси. Рост и усиление Руси происходили потому, что восточное славянство освободилось на востоке от власти хазарского кагана, на западе — от владычества Польши, на северо-западе — норманнов, и его историческое развитие на ранней ступени формирования русской народности, положившей начало и великороссам, и украинцам, и белорусам, прошло под знаком независимости, могущества и славы.

И центром Русской державы стал Киев. Именно Киев, «мати градом Русьским», а не Новгород, так как он был древнейшим центром этногенеза славян и центром восточнославянской культуры, с глубокими историческими традициями, уходящими в даль времен. Расположенный на пограничье лесных массивов Восточной Европы и степей, незаметно переходящих в необъятные азиатские степи, с мягким, ровным климатом, щедро одаренный всеми благами природы, с черноземной почвой, неиссякаемое плодородие которой породило древнее земледелие, запасами руды, прекрасными пастбищами, дремучими лесами, многоводными реками, прекрасным средством сообщения тех времен, Киев был одинаково близок и к Византии, и к Востоку, чьи магические чары, роскошь и богатство манили к себе «восточных варваров» и способствовали развитию торговых, политических и культурных связей Руси с цивилизованными государствами.

В отношении Византии и Востока Олег следовал традиции и шел по пути, задолго до него проложенному.

В начале X в. Олег предпринимает поход на Византию, и исключительный успех, которого он добился, что нашло отражение в договоре Олега с Византией 911 г., объясняется тем, что Олегу удалось сплотить силы Руси и укрепить складывающуюся русскую государственность. Летопись с рядом красочных и фантастических подробностей, используя «Житие Василия Нового» и продолжателя Амартола, рассказывает под 907 г. о том, как «иде Олег на Грекы», «поя множество Варяг, и Словен, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревляни, и Радимичи, и Поляны, и Северо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверци, яже суть толковины», и «на конех и на кораблех», «приде к Царюграду».

Византийцы вынуждены были заключить мир. «И заповеда Олег дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривен на человека, а в корабли по 40 мужь».

Далее указывается, что 12 гривен греки должны были платить «на ключь» и «потом даяти уклады на Рускыа грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтеск, на Ростов, на Любечь и на прочаа городы, по тем бо городом седяху велиции князи, под Олгом сущее».

Затем летописец приводит отрывок текста договора и указывает, как Олег возвращается в Киев, «неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье» и приказав «исшить» «парусы паволочиты Руси, а Словенам кропиньныя», повесив свой щит на вратах Царьграда, отправляется в обратный путь.

В летописном рассказе много неточного, много фантастического, вроде того места, где говорится о том, что Олег поставил корабли на колеса. Вызывает сомнение уплата греками 12 гривен на человека, хотя «на ключь» 12 гривен дани Византия уплатить могла, если в этом «ключе» видеть «ключ» — уключину, т. е. символ русской ладьи.

Можно, казалось бы, сомневаться в том, что воины стольких племен, еще не вошедших прочно в состав державы Олега, приняли участие в по-

ходе, но если мы учтем, что они были «толковинами», т. е. союзниками Олега в этом заманчивом, сулившем большую военную добычу и славу походе, то нет ничего удивительного в том, что на предложение Олега идти походом «на Грекы» отозвались и вятичи, вышедшие из своих дремучих лесов, и прикарпатские хорваты, и другие племена Восточной Европы. Дата похода (907 г.) неточна. Византийские источники ничего о нем не говорят. Но сам по себе поход Олега не вызывает никаких сомнений, и следом его, вехой, оставшейся в веках, является договор Олега с Византией 911 г.

Наша летопись знает два договора Олега с греками, 907 и 912 гг., причем первый, неполный, сохранился в отрывках. Совершенно прав М. Д. Приселков, объясняющий происхождение договора 907 г. таким образом. Когда Святополк Изяславич предоставил Нестору возможность для составления «Повести временных лет» пользоваться княжеской казной, где хранились договоры русских с греками, эти последние находились не в должном состоянии. Части их уже не было, часть договора 911 г. была оторвана от остального текста, что и дало Нестору повод считать оторванный кусок за остаток текста более раннего договора с Византией.[16] Был и другой экземпляр, полный, который Нестор привел через несколько строк целиком. Этот договор, датируемый точно 2 сентября 911 г., не вызывает в целом никаких сомнений ни по содержанию, ни по форме, ни по языку. Его текст есть несомненный и буквальный перевод с греческого, так что отдельные встречающиеся в нем выражения могут быть поняты только при условии буквального же перевода на греческий язык. Договор был переведен болгарином на болгарский язык и выправлен русским книжником.[17] Договор заключали «мужи» Олега, его «слы», 15 варягов, сплошь носящие скандинавские имена: Карл, Инегелд, Фарлаф, Руалд и другие. Они выступали от имени Олега «и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр».

Это были наемники — варяги, ярлы Олега, те самые «си» договора 911 г., которые служили русскому князю, но от которых он старался избавиться и разрешал императору Византии оставлять их на службе у себя, если только сами «си» (варяги) пожелают. Это было время, когда киевский князь уже охотно отправлял толпы жадных и буйных варягов в Византию «с единственной целью избавиться от них» (К. Маркс). А скопление в Киеве скандинавов диктовалось не столько потребностями самого князя, сколько стремлением его избавить Русь от их грабежа. Варяжские конунги скандинавских наемных дружин сидят в Киеве вместе с князем, только зимой отправляясь в полюдье в отведенные им для этого земли. И договор 911 г. с императором Львом и Александром заключался и от имени Олега, и от имени его «светлых и великих князь, и его великих бояр», потому что этим самым на «всякое княжье» Руси, среди которого было немало варяжских ярлов накладывались определенные обязательства, предусмотренные договором. Варяжская вольница этим самым обуздывалась, и ярлы отвечали за всякие «пакости», творимые ими в Византии.[18] Договор 911 г. предусматривал право посещения Константинополя и пребывания там послами Руси, гостями и простыми воинами, причем гости при этом предъявляли серебряные печати, послы — золотые печати русского князя. Рядовые «ρῶσ» — русские воины, и прежде всего варяги, направлялись в Цареград, чтобы поступить на службу к императору, чему

Олег не препятствовал, стараясь избавиться от беспокойных и своевольных викингов. Всем им русский князь был обязан запретить «творить пакости в селах и стране нашей», т. е. в Византии.

Послы получают от императора содержание, ими самими избираемое. Гости, приезжающие не только для продажи, но и для купли, получают «месячину», состоящую их хлеба, мяса, фруктов и вина; гости же, приезжающие только для продажи, «месячины» не получают. Послам и гостям Руси отводился для проживания монастырь святого Мамонта в предместье Константинополя, где специальные лица вели учет выдачи посольского содержания и «месячины». Первое место отводится киевлянам, затем черниговцам и переяславцам, а потом уже жителям других городов. Русские добились беспошлинной торговли. Но буйная русская вольница должна была проходить на рынки Константинополя в определенные ворота, не более 50 человек сразу, без оружия и в сопровождении византийских чиновников. Отправляясь обратно на Русь, послы и гости получали на дорогу провизию и корабельные снасти. Всякий русский воин, если пожелает, мог оставаться в Византии и служить в императорском войске. В случае каких-либо столкновений между греками и Русью все вопросы личного и имущественного характера разрешались исходя из норм «закона русского». Указывались также взаимные обязательства Руси и Византии по отношению к потерпевшим кораблекрушение русским и грекам и по отношению к бежавшей челяди.[19]

Договор Руси и Византии 911 г. заключает в себе упоминание о том, что он — не первый, ибо он называет себя «удержанием» и «извещением» — «от многих лет межи христианы и Русью бывьшюю любовь», намекая на договоры Руси с греками IX в.

Такой договор, как договор 911 г., мог быть заключен только победоносной Русью, так как всем своим содержанием он говорит о том, что Олег продиктовал «позорные для достоинства Восточной Римской империи условия мира» (К. Маркс).

Мы только не можем определить точную дату похода Олега, но, судя по тому, что в 909—910 гг. в Византии в императорском войске служат русские дружинники, что свидетельствует о применении пунктов договора 911 г. в действительной жизни, можно предположить, что поход имел место незадолго до 909 г., быть может, действительно в 907 г., после чего, согласно предварительному соглашению, часть русских воинов поступила на службу к императору.

Договор Олега с Византией свидетельствует о том, что это не простое соглашение цивилизованного государства с шайкой грабителей, а юридическое оформление длительных связей цивилизованного, еще могущественного, но уже дряхлеющего государства с юной, сильной, воинственной, стремящейся к непрерывному расширению державой, мечом прокладывающей себе путь в ряды сильнейших и влиятельнейших государств мира. И при этом, надо отметить, связей старинных, сложных и живых.

Русь — уже держава, варварская, «готическая» держава, во главе которой — Олег, а по городам и землям сидят «под рукой его» князья и бояре, его «подданные» и «толковины»: русские, чудь, меря, весь, варяги. Связь между отдельными землями и Киевом непрочна и покоится на силе меча. Знаменательно и то, что в договоре 911 г. уже проступают контуры Руси в собственном смысле этого слова. «Русь» — это прежде всего

Киев, Чернигов, Переяславль, так как эти города помещены первыми в списке «городов», на которые Олег берет с Византии «уклады», а многие считают, что в первоначальном тексте читались только эти три города. «Русь», таким образом, совпадает со Средним Приднепровьем.

Интересно отметить также упоминание о том, что «русь» возвращается, поставив на мачты своих однодеревок паруса из «паволоки» (парчи), а «словене» — «кропиньныя» (полотняные). Не есть ли это указание на социальное различие «руси» и «словен», в которых не обязательно следует усматривать только новгородских словен? И не случайно на Новгород Олег «уклада» не берет. К этому вопросу мы еще вернемся.

События, предшествующие договору 911 г. и последующие за ним, связаны с усилением русско-византийских связей.

Из сочинения Константина Багрянородного «De cerimoniis aulae byzantinae» мы узнаем, что русский отряд в 700 человек принимал участие в походе на Крит, предпринятом морем в 902 г., и сражался с арабами, за что получил 100 литров серебра.

Около 917 г. в период тяжелой борьбы с болгарским царем Симеоном, судя по письму патриарха Николая Мистика, Византия заручилась поддержкой Руси, и «русские, печенеги, аланы и венгры все уже договорились с империей» и подготовились к борьбе с болгарами.[20]

Некоторые исследователи этот русско-византийский союз датируют 920 г., другие — 922 г.[21]

Нам известно о других морских походах русских в составе византийского флота уже в более позднее время. Речь идет о походе в Италию против лангобардов в 936 г. при Романе Лакапине, в котором принимало участие 415 русских воинов; о походе на Крит в 949 г., когда в составе греческой флотилии было 9 русских судов с 629 воинами.[22] Все эти события, падающие на времена Олега и Игоря, говорят о растущем общении Руси с Византией.

Но не одна Византия испытала на себе всю тяжесть ударов сильных и храбрых русских дружин. В другой части цивилизованного мира, на юго-востоке от Руси, у берегов Каспия, лежали богатые, многолюдные торговые города мусульманского Востока. Походы русских на Византию через Черное море были основным направлением военной политики Древней Руси — это несомненно, но так же несомненно, что походы русских дружинников в Закавказье, на Каспий, Дагестан, Азербайджан, Ширван были вторым путем русской экспансии. Походы русских на Каспий мало чем отличались от нападений на Византию. Стремление русских воинов, осаждавших стены Восточного Рима или сражавшихся с греческим флотом, ничем не отличались от стремлений русских дружинников, нападавших на Абесгун, Бердаа, Ширван. В перспективе и в том и в другом случаях были богатая военная добыча, дань, пленные и слава.

В первый период времени, до середины X в., походы русских на Закавказье и Каспий носили характер налетов с целью захвата военной добычи; с середины X в., как это будет показано ниже, наблюдаются изменения в организации походов, меняются и их цели.

В «Истории Табаристана» Мухамеда Эль-Хасана упоминается о том, как в 909 г. русы на 16 судах прибыли в Абесгун, взяли город, затем заняли Макале (Миан-Кале в Астрабадском заливе). В следующем 910 г. русы

напали на Сари, Дайлем, Гилян. Отбитые правителем ширваншахом они повернули обратно.[23]

Следующим большим морским походом русов на Каспийское побережье Кавказа и Закавказья был поход около 912—913 гг. — 300-го года гиджры по мусульманскому летоисчислению.[24]

Масуди в своих «Промывальнях золота» («Золотых лугах») довольно подробно описывает этот поход. Он сообщает, что после 300-го года гиджры 500 кораблей русов, на каждом из которых было по 100 человек, вошли в рукав Нейтас, соединяющийся с Хазарской рекой.

Необходимо прежде всего расшифровать географические термины Масуди, иначе останется неясным дальнейший путь русов. Нейтас — Черное море (Понтус, Понт), а под Хазарской рекой Масуди следует разуметь Волгу, по его словам, впадающую в «Хазарское море, которое есть также море Джурджана, Табаристана и других персидских стран».[25]

Хазарское море — Каспийское море. В представлении не только Масуди, но и многих других восточных писателей Каспийское море соединялось с Черным через Волгу и «рукав Нейтаса» «Рукав Нейтаса» — не что иное, как Дон, действительно сближающийся с Волгой. По Дону русы добрались до хазарской заставы, поставленной «у устья рукава».

Местонахождение хазарской заставы различными исследователями приурочивается к разным местам. Григорьев считает, что русы встретили хазарские гарнизоны на Тамани, в Тмутаракани, тогда как Ламбин и Голубовский предполагают, что эта встреча произошла у Саркела, расположенного, как известно, на Дону у Цымлянской, в том месте, где Дон сближается с Волгой. За первое предположение говорит то, что попасть на Дон, минуя хазарский Самкерц (Тмутаракань), если предположить, что русы спустились по Днестру и достигли Керченского пролива, плывя вдоль берегов Крыма, невозможно, и здесь-то, очевидно, состоялась встреча русов с хазарской заставой. Но и второе предположение, казалось бы, заслуживает внимания, ибо Масуди сообщает, что русы сперва вошли в рукав Нейтас, т. е. Дон, а затем уже имели дело с хазарской заставой, расположенной в Саркеле, что, конечно, отнюдь не исключает наличия хазарской заставы и на Тамани.[26]

Тем не менее следует остановиться на первом предположении, так как Масуди сообщает, что после переговоров с хазарами русы «вступили в рукав, достигли устья реки и стали подыматься по этой водяной полосе, пока не достигли реки Хазарской, вошли по ней в город Итиль...».

Следовательно, путешествию вверх по Дону и переходу на Волгу предшествовали переговоры с хазарами, а это говорит за то, что хазарская застава была на Тамани.

Прибыв «к хазарским людям, поставленным при устье рукава», русы вступили с ними в переговоры и отправили к хазарскому царю послов с просьбой разрешить им перетащить свои суда в Волгу, т. е. «перейти в его страну», и пройти в Каспийское море. За это они обещали царю половину своей военной добычи. Царь согласился. Русы, очевидно, волоком перетащили свои однодеревки на Волгу и пустились вниз по течению. Пройдя столицу хазар Итиль, они вступили в море.

Войдя в Каспий, «русские суда распространились по этому морю» и начали нападать на прибрежные города. Ими были взяты Джиль, Дайлем, Абаскун (Абесгун), Нефтяная Земля (Баку) и другие города Табаристана

и Азербайджана. Русы применяли десанты, высаживая пеших и конных воинов, нападавших на мусульманские войска. Они обосновались на островах около Баку, откуда совершали набеги на прибрежные города. Флот мусульман был разбит русами.

Через несколько месяцев с большой добычей, ценностями и рабами русы повернули обратно. Дойдя до Итиля, русы понесли хазарскому царю «деньги и добычу по уговору». Но гвардия кагана, состоявшая главным образом из мусульман-хорезмийцев, и многочисленные в Итиле богатые и влиятельные мусульманские купцы, узнав о разгроме русами прикаспийских земель их соотечественников и единоверцев, что к тому же нарушало нормальную торговлю по Каспию, обратились к царю с требованием дать им возможность отомстить русам.

Мусульманские купцы и воины-наемники (арсийцы) были в Хазарии серьезной политической силой, и царь, по свидетельству Масуди, «не мог им препятствовать». Он успел только сообщить русам о готовящемся на них нападении.

Русы, узнав о предстоящей схватке, вышли из судов и дали бой на суше. Масуди, несомненно сгущая краски и преувеличивая цифры (он приводит, например, следующие: мусульман и присоединившихся к ним христиан Хазарии было 15 000 человек, а русов — 35 000, из которых около 30 000 было убито), рассказывает о разгроме в трехдневном бою мусульманами и христианами русов, об отступлении оставшейся части русов (опять-таки несомненно преувеличенная цифра в 5000 человек) в своих ладьях на север, в землю буртасов (мордвы) и болгар (камских), где и последние остатки русов были перебиты. Так закончился, по свидетельству Масуди, этот поход русов на Каспий.[27]

Необходимо отметить, что рассказ Масуди, несмотря на его несомненную достоверность, нуждается все же в известной критике.

Во-первых, о самой дате похода. Мир-Зегир-эд-Дин-Мераши утверждает, что русы опустошили Табаристан в 914 г., а это подтверждается и Масуди, датирующим поход русов временем «после» 300-го гиджры, т. е. после 912—913 гг.[28]

Вызывают сомнение число судов и количество русских воинов, принимавших участие в походе.

Вряд ли действительно 500 судов русских прошло в Каспий. Если даже учесть вероятное участие в этом походе тех же русских воинов-мореходов, которые незадолго до этого под руководством Олега разгромили Византию и заставили ее подписать выгодный для Руси договор, то все же эта цифра покажется преувеличенной.

Сомнительно и то, что каждое русское судно, по уверению Масуди, вмещало 100 воинов. Летопись сообщает, что суда-однодеревки Олега вмещали по 40 человек. И вряд ли моноксилы «ρῶξ» могли вместить больше. Даже казацкие чайки XVII в. вмещали не более 70 человек. По-видимому, для исчисления русского войска придется все же остановиться на более скромных цифрах.

Вызывает сомнение и версия Масуди о полном истреблении русов. Мы располагаем данными, которые противоречат этому.

Аль-Ауфий (XIII в.) сообщает, что какие-то русы в 300-м году гиджры приняли христианство, а затем, когда увидели, что это обстоятельство стеснило их, решили перейти в мусульманскую веру и обратились за по-

мощью к хорезм-шаху. Последний с радостью отправил к ним имама, и русы стали мусульманами. Это сразу же дало им возможность начать «войну за веру», т. е. те самые войны, которые были источником обогащения русов.[29]

Шабангарий (XIV в.) сообщает то же, прибавляя, что русы-мусульмане господствуют на море.[30] К нему присоединяется Шукраллаг (XV в.), добавляя, что целью русов при принятии мусульманства было узаконение военной добычи, добываемой в войнах с «неверными».[31]

О каких русах-мусульманах говорят Аль-Ауфий, Шабангарий и Шукраллаг? Конечно, о тех, которые «после» 300-го года гиджры, быть может в 914 г., напали на Каспий.

Столкновение, имевшее место у русов с мусульманами и христианами Хазарии невдалеке от Итиля, закончилось, по-видимому, отнюдь не полным истреблением русов. Какая-то часть их, побежденная, принимает христианство, имевшее широкое распространение в Хазарии, быть может, и среди русов-славян, живших в Итиле, а затем, видя, что выгоднее стать последователями Магомета, обращается в мусульманскую веру, так как это давало возможность прикрыть стремление к военной добыче и наживе, и переходит на службу к хазарскому царю, пополняя собой гвардию кагана.

Служба русских воинов в тех землях, которые были объектом их нападений, у тех правителей, с которыми они воевали, стала обычным явлением и привела к появлению «ρῶξ» в войске византийского императора, к пополнению рядов русской стражи хазарского кагана.

Таким образом, рассказом Масуди устанавливается связь между Русью времен Олега и Востоком, между походами Руси на Византию и Закавказье.

Установив договорные отношения с империей, Русь обратила свой меч на Восток. И в этой связи следует остановиться на знаменитом документе из еврейско-хазарской переписки, найденном и опубликованном Шехтером. Хранившийся среди рукописей знаменитой Каирской генизы и оттуда попавший в библиотеку Кембриджского университета, этот документ, к сожалению страдающий рядом дефектов, говорит о царе русов Хельгу.

Византийский император Роман Лакапин послал большие дары «Хельгу, царю Русии» и подстрекнул его напасть на хазар. Хельгу напал на город «S-m-b-r-jj» (искаженное «S-m-k-r-c», т. е. Тмутаракань), взял его, воспользовавшись отсутствием там «начальника, раб-Хашмоная». Тогда булшици (βαλγίτξι — по Феофану, причем это слово означало, по-видимому, звание, титул) Песах напал на «города Романа», а затем «пошел войной на Хельгу и воевал...» (далее следует пропуск), «...и бог смирил его перед Песахом». Хельгу вынужден был отдать все, что добыл он мечом в «S-m-b-r-jj», и признался, что напал на хазар по наущению Романа. Тогда Песах заставил его выступить против Романа. «И пошел тот против воли и воевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили (его) огнем. И бежал он и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию (Paras, что, может быть, искажено из Tīrās, как называлась иногда Фракия. — *В. М.*) и пал там он и весь стан его. Тогда стали русские подчинены власти хазар».[32]

Крупнейший гебраист академик П. Коковцов доказал, что этот документ может быть датирован XII в. и источником его является «Книга Иосиппон» и главным образом какой-то византийский литературный памятник, может быть то письмо, о котором упоминает Иехуда-бен-Барзиллай (XI в.), по своему содержанию, по-видимому, совпадающее с «Кембриджским документом». В нем фантастика народных рассказов сочетается с конкретными историческими событиями, а именно — с походом русов из Черного моря в Персию, походом Олега на Константинополь, сожжением флота Игоря греческим огнем, подстрекательством Романа к захвату Самкерца-Тмутаракани и захвату русскими города и, наконец, борьбой хазар с Византией за Северное Причерноморье. Но все эти исторические события, разновременные и разнохарактерные, приписываются одному лицу — Хельгу, т. е. Олегу, в этом еврейском документе именуемом чисто по-скандинавски — Helg-ом.

Хельгу «Кембриджского документа» живет и действует во времена византийского императора Романа Лакапина, царствовавшего с 919 по 944 г.

Нам кажется, что следует связать «Кембриджский документ» с описанием похода русов на Бердаа в 943—944 гг., о чем говорят Ибн-Мискавейх, Ибн-аль-Асир, Григорий Бар-Эбрей, Моисей Каганкатваци, Низами, Якут, Абуль-Феда.[33] Ибн-Мискавейх как бы начинает свой рассказ с того, на чем кончает свое повествование «Кембриджский документ». Об этом походе ниже.

Поход Хельгу не вызывает сомнений. Это — исторический факт, и результатом его было появление русских на восточном побережье Керченского пролива, в Самкерце-Тмутаракани. Рассказ «Кембриджского документа» о победе Песаха над Хельгу и о подчинении русских хазарам вряд ли можно считать правдоподобным, так как в 943 (944) г. русские предпринимают свой поход на Бердаа, на Каспий, пересекая Кавказ сушей с запада на восток, от Керченского пролива и до Дагестана, причем вместе с русскими идут аланы и лезги. А для того чтобы вместе с жителями степей и предгорий Кавказа, аланами и лезгами, пройти через степи к Дагестану, нужно было укрепиться на Тамани, и Хельгу, очевидно, превратил Тамань в базу готовящегося похода на Каспий. Ни о каком покорении хазарами русов не могло быть и речи.[34]

Можем ли мы считать, что этот поход был произведен тем самым летописным Олегом, деятельность которого, по летописи, падает на конец IX и начало X в.?

На этот вопрос ответить трудно.

Если принять высказанное в литературе предположение о том, что былинный Вольга Святославич имеет своим прообразом исторического Олега, о котором в Киеве времен летописца ходили легенды как о «вещем» князе, то, быть может, следует связать сказание о походе Вольги на Индийское царство с походом Руси Хельгу «Кембриджского документа» на Закавказье, в Персию. Олега и Вольгу роднит и еще одно: и тот и другой — кудесники, «вещие» люди, и это представление об Олеге как о «вещем» князе, обстоятельства смерти которого народная память облекла в красивую, бессмертную легенду, обусловлено было не тем, что русские люди того времени были «погани и невеголоси», а той ролью, которую сыграл «вещий» князь земли Русской Олег в скла-

дывании древнерусского государства, ибо с его деятельностью связана одна из наиболее ярких страниц «героического периода» в истории русского народа — складывание русской государственности от Ладоги, Невы и побережья Финского залива до «гор Киевских», время победоносных походов на юг и восток, дипломатических актов, свидетельствующих о славе, сопутствующей русскому оружию. Быть может, прозвище «Вещего» за Олегом — Helgi — закрепилось и потому, что в древнескандинавских языках helgi означало «святой», «вещий», «мудрый».

Но во времена летописца память об Олеге обросла уже дымкой сказаний, многое стало легендой, обо многом забыли...

Даже могилу Олега показывали в разных местах. «Погребоша и на горе, иже глаголеть ся Щековица», — сообщает «Повесть временных лет». «Есть могила его в Ладозе...», — читаем мы в Новгородской I летописи. Больше того, в самом Киеве были две могилы Олега: на Щековице и у Жидовских ворот. Этот разнобой объясняется, возможно, тем, что «могила» означала «памятник» и представляла собой холм («могила» в смысле «гора», «холм», «насыпь»), насыпаемый во время тризны в честь умершего. А таких могил-памятников в память умершего «за морем» Олега на Руси могло быть много.

Все это заставило Антоновича и Грушевского поставить вопрос: не было ли в Киеве двух князей по имени Олег? Быть может, скажем мы. Но и на этот вопрос при современном состоянии источников точно ответить невозможно.[35]

Время деятельности, обстоятельства жизни и смерти Олега (Олегов?) остаются все же неясными.

Мы даже не знаем точно, когда начал княжить Игорь. «Повесть временных лет» указывает, что «по Олзе» «поча княжити Игорь», и датирует начало его княжения 913 г. Перед Игорем, как и перед Олегом, стояла задача объединения земель восточных славян. Временное подчинение некоторых славянских племен при Олеге было непрочным. «И деревляне затворишася от Игоря при Ольгове смерти». «Иде Игорь на Деревляны, и победив а, и возложив на ня дань больши Олгови».[36]

Далее летопись сообщает о войне Игоря с уличами. Игорь «примучи Угличи, и вьзложи на ня дань...» «И не дадеся ему един град, именем Пересечен». Три года продолжалась осада Пересечена «и едва взят его».[37]

Чрезвычайно интересным для характеристики Киевского государства тех времен является рассказ летописи о том, что дань с покоренных уличей Игорь дал своему воеводе Свенельду. Впоследствии тому же Свенельду Игорь «даде дань Деревскую... и имаше по черне куне с дыма».[38]

Примитивный характер складывающегося древнерусского государства обнаруживается в той своеобразной системе, которую К. Маркс назвал «вассалитетом без ленов, или ленами, состоящими только из дани».[39]

Сама по себе земля еще ничего не стоила, ибо это был еще «дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены»,[40] а следовательно, феодальные отношения, определяющие высокую ценность земли вместе с сидящим на ней подвластным и эксплуатируемым населением, еще только складывались. Ценность представляла собой не земля, а дань, которую можно было с нее получить, вернее, с населявших ее общинников.

Поэтому своему влиятельнейшему воеводе — Свенельду — Игорь дает дань с земель покоренных уличей и древлян, вызвав этим недовольство своих дружинников: «се дал еси единому мужеви много». И действительно, окруженный своей дружиной — «отроками», богатыми воинами, которые вскоре же «изоделися суть оружьем и порты», собиравший дань со всей земли уличей и древлян, игравший большую роль в политической жизни Киевской Руси времен Игоря, его сына Святослава и внука Ярополка, влиятельный, знатный, богатый и могущественный Свенельд, один из тех «светлых» и «великих князей» и «великих бояр», которые окружали князя киевского, был вторым после самого «великого князя» Игоря во всей Русской земле.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Свенельд не назван в договоре Игоря с Византией, но упоминается в договоре Святослава. В литературе (А. А. Шахматов и В. А. Пархоменко) было высказано предположение, что это объясняется враждебностью Свенельда и Игоря. В. А. Пархоменко считает, что Свенельд был князем новгородским (!) и древлянским, сын которого был убийцей Игоря.

У нас нет оснований присоединяться к мнению обоих исследователей: на это не дают права наши источники. И отсутствие упоминания о Свенельде в договоре 944 г. объясняется тем, что Свенельд не участвовал в походе и устраивал свои дела в «Деревах» и в земле уличей, в результате чего его дружина «изоделась» «суть оружьем и порты», не принимая участия в нападении на Византию.

А это он мог сделать потому, что могущественный «светлый князь» был в достаточной степени независим от Игоря и «вассалитет без ленов, или лены, состоящие только из дани» (К. Маркс), не накладывали и не могли наложить на него больших обязательств по отношению к киевскому князю.

Лишь постепенно, после укрепления княжеской власти при Ольге, Свенельд становится воеводой киевского князя уже в полной мере и перестает быть полунезависимым правителем в земле древлян и уличей. Но об этом ниже.

Где же происходила борьба Игоря с уличами? Очевидно, где-то в южной части Среднего Приднепровья и на нижнем течении Днепра. Здесь, а не в Бессарабии, стоял и летописный город уличей Пересечин, и бессарабский Пересечин является лишь позднейшим двойником древнего города уличей, с низовьев Днепра продвигавшихся на юго-запад. Это был последний этап того многовекового передвижения на юго-запад из Среднего Приднепровья, которое за последнее время усилилось в связи с появлением печенегов и «примучиванием» со стороны киевского князя. Это был и последний этап продвижения на юг славянских племен лесной полосы. Что это так, что в данном случае речь идет не о простом «примучивании», за это говорит то, что ни одно племя — ни северяне, ни радимичи, ни вятичи после обложения их данью со стороны киевского князя никуда не выселялись, и переселение уличей следует рассматривать как вытеснение и частично ассимиляцию местного славянского населения пришлым славянским же населением, в землях которого сложилась государственная власть, олицетворяемая киевским князем.

«По сем», т. е. после взятия Игорем Пересечина, расположенного где-то у Днепра, уличи переселяются «межи Буг и Днестр», и тут-то ими,

по-видимому, и был основан двойник приднепровского Пересечина — бессарабский Пересечин.

Летопись сообщает о борьбе Игоря с печенегами (920 г.), а из других источников мы узнаем о русско-византийских связях первой и второй четверти X в., о чем речь была выше.

В 941 г. Игорь предпринимает поход на Византию. Кроме нашей летописи о походе Игоря сообщают Симеон Логофет, «Житие Василия Нового», Лиутпранд, Масуди, Лев Диакон.[41]

Сопоставляя и сверяя сведения, сообщаемые об этом походе Игоря различными источниками, мы можем нарисовать такую картину этого похода Руси, когда Игорь, «презревши клятву, с великим ополчением» подошел к Царьграду (Лев Диакон). Поход был предпринят морем, в ладьях, причем летопись и византийские источники называют колоссальную цифру в 10 000 «скедий» (σχεδία), т. е. ладей, а Лев Диакон и Лиутпранд, последний со слов своего отчима, присутствовавшего в Константинополе при казни русских пленников, снижает ее до 1000.

Время для похода было выбрано очень удачно — византийский флот был занят борьбой с арабами. Византийский император был осведомлен о походе, получив весть о выходе русских в море, по летописи, от болгар, а согласно «Житию Василия Нового» — от херсонесского стратига, но остановить русских в море не смог. Русские дошли до Босфора и начали жечь и грабить окрестности столицы империи. Здесь, у Босфора, русские потерпели поражение, и множество их «моноксилов» было истреблено греческим огнем. Остатки русской флотилии устремились к берегам Малой Азии, к Вифинии и Пафлагонии. Но сюда император бросил македонскую кавалерию. Здесь, в Вифинии, русские отряды, посланные в глубь страны за припасами, были разбиты, а стоявший в гаванях флот окружен византийской флотилией Феофана. В сентябре 941 г. русские прорвались через строй греческих судов, но при этом понесли большие потери. Русские суда устремились к берегам Фракии, но отставшие русские челны были настигнуты греками и полностью истреблены греческим огнем. Много русских, пытаясь спастись с горящих ладей, бросались в воду и тонули. Часть их греки захватили в плен. Только успевшей вырваться вперед части русских судов удалось уйти к Керченскому проливу, избегая засады печенегов на Днепре.[42] Чем был вызван поход, когда Русь, по выражению Льва Диакона, «пренебрегши клятвенным договором», подплыла вновь к стенам Царьграда? Возможно, что Византия пыталась ликвидировать условия мира 911 г., и нарушение их и вызвало поход Игоря в 941 г.[43]

Но неудача 941 г. не смутила Игоря. В 944 г он «совкупив вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словени, и Кривичи, и Теверьце, и Печенеги наа, и тали у них поя, поиде на Греки в ладьях и на коних, хотя мстити себе».[44] Это были тяжелые времена и для империи, и для императора Романа. Борьба с арабами и болгарами обессилила Византию. Во дворце императора и в самой его семье плелись нити заговора, которые приведут самого Романа, а затем и свергавших своего отца его сыновей Константина и Стефана на Принцевы острова.

И снова момент для нападения на Византию был выбран Игорем очень удачно. Вот почему, когда силы Руси двинулись на Византию, угрожая ей с суши и с моря, то на Дунае русские войска были встречены послами Ро-

мана, которые предложили Игорю по-прежнему брать с Византии дань, «юже имал Олег», и заключить договор. Договор был заключен, и, взяв у греков «злато и паволоки... на вся вои», Игорь повернул обратно. Русско-византийские отношения договором 944 г., окончательно оформленным послами императора уже в Киеве, были восстановлены. В летописи мы находим красочный рассказ о том, как русские в Киеве скрепляли клятвой договор с Византией.

Это происходило в конце 944 г. Послы императора прибыли в Киев в самом конце 944 г. (не позднее, так как 16 декабря 944 г. Роман был свергнут, а договор заключен от его имени). При первой же встрече с Игорем послы императора объявили русскому князю, что император уже присягнул, и потребовали, в свою очередь, присяги от Игоря. На утро стали сходиться русские «мужи». Явился и Игорь с послами императора и занял свое место на холме, где стоял идол Перуна. Язычники-русские, подходя к холму, снимали с себя и клали на землю оружие: обнаженные мечи, щиты и другое, сбрасывали с себя обручи и украшения и клялись Перуном свято блюсти договор с греками. Многочисленные христиане-русские шли присягать в соборную церковь святого Ильи, стоявшую над ручьем, в конце Пасынчей беседы и Хозар. Когда церемония была окончена, Игорь одарил послов мехами, воском и челядью и отпустил их в Византию. Так возобновились связи между Киевом и Константинополем.

Русь не была принижена неудачей 941 г. и добилась договора 944 г. без борьбы, но поражение Игоря не могло не сказаться на тексте византийско-русского соглашения. Договор 944 г. был объявлен как обновление договора 911 г., но он содержит в себе ряд статей, менее выгодных для Руси, чем аналогичные статьи договора 911 г. Послы и гости должны были теперь представлять не свои печати, а письменные документы от русского князя, в которых должно было указываться число отправленных из Руси ладей, и русские, прибывшие в Константинополь и не имевшие подобного документа, арестовывались, о чем сообщалось князю. Все торговые операции русских гостей облагались пошлиной. Закупка паволок была ограничена 50 золотниками на купца. Зимовка русских судов в пределах Византии запрещалась. Права русских купцов в Византии урезывались, всякая тяжба по поводу преступлений против личности и имущества подданных Руси и Византии регулировалась теперь не только в пользу одних русских, по «закону русскому». Особенно следует подчеркнуть вопрос о «стране Корсуньстей». Указывалось, что если русский князь не будет «воевать» города в византийских владениях в Крыму, то и Византия окажет ему помощь в его войнах «на тех странах».

Русский князь берет на себя обязательство не пропускать черных болгар «пакостити» Корсунской стране. Русские не должны препятствовать корсунянам ловить рыбу в устье Днепра, а осенью обязаны уходить с устья Днепра, Белобережья и острова святого Евферия. Византия имела право вызывать себе на помощь русских «воев», указывая письменно их количество, в свою очередь давая русскому князю войска «елико требе», очевидно, для защиты византийских и русских владений у Корсунской страны.

Как и в договоре 911 г., но в гораздо большей степени Византия прежде всего добивается от Руси военного союза, прекрасно учитывая ее все

время возрастающую мощь и, наконец, то, что политические интересы Руси и Византии сталкивались на всем огромном протяжении от Дуная до Керченского пролива. Русь могла стать либо могущественной союзницей империи, либо ее опасным врагом, сильным, энергичным и влиятельным.

И из обязательств о помощи Руси и Византии в отношении обороны «страны Корсуньстей», из статьи, трактующей об обязанности русского князя Игоря не пускать черных болгар в Корсунскую страну, следует, что в то время Игорь имел какие-то земли, находившиеся неподалеку от Херсонеса. Когда же власть русского князя распространилась на них? Очевидно тогда, когда в 941 г. Игорь появился у Керченского пролива и когда (и вот тут-то опять на сцену выступает Хельгу и Игорь, и мы, собственно, не знаем, с чьим именем связать это важное событие) на восточном берегу Керченского пролива была создана база для русского похода на Каспий, зародыш будущего русского Тмутараканского княжества. Русские уже не первый раз появляются в Крыму; достаточно вспомнить «Житие Стефана Сурожского», и появление их здесь в X в. вполне понятно. Но этого мало. Для того чтобы не пускать черных болгар, идущих с севера, со стороны степей, в земли херсонеситов, нужно было обладать западным побережьем Азовского моря вплоть до северной части Таврии, до перешейка. Только обладая этими сопредельными с Корсунской страной землями, Игорь мог реально не допускать черных болгар «пакостити» византийским владениям в Крыму.

Итак, мы приходим к выводу, что в результате походов 941 и 944 гг. Игорь стал обладателем земель в Крыму и на Тамани, где через очень непродолжительное время появилось много русских, да и среди местного населения обнаружилась явная тяга к русскому князю.

Создалась своего рода «русская партия», из среды которой вышли и корсунянин Анастас, помогший Владимиру овладеть Херсонесом, и те корсуняне, которые убили отравителя тмутараканского князя Ростислава херсонесского котопана. А остатки русского населения в Крыму и на Тамани прослеживаются вплоть до XIII и даже XIV вв.[45]

Но так как в новых своих владениях, еще недавно византийских, Игорь должен был утверждать свою власть и укреплять внимание, вполне понятны его требования присылки императорских инсигний (царское одеяние, убор, венец), о чем говорит в XIII главе своего сочинения «De Administrando Imperii» Константин Багрянородный и на что обратил внимание М. Д. Приселков.

Византия была обеспокоена утверждением власти Руси на северном побережье Черного моря и в Крыму. Азовское море уже стало русским озером. Поэтому-то в договоре 944 г. так старательно подчеркивается запрещение русским зимовки в устье Днепра, на Белобережье и на острове Евферия. Византия боялась, что вместо русской военно-промысловой вольницы, вместо русских «дромитов» здесь могут появиться оседлые, постоянные русские поселения типа позднейшего Олешья, что русские закрепятся на берегах Черного моря. Отсюда и стремление Византии повернуть Русь лицом на Восток, направить русские дружины на Кавказ, Каспий и Закавказье, о чем упоминает «Кембриджский документ». Таким образом, Византия добивалась и ослабления Хазарии. Заинтересованная в восстановлении своего влияния на Черноморье и в падении хазарского господства, Византия не прочь была отбросить хазар от моря руками рус-

ских, но укрепление русского владычества в Крыму и даже на Тамани ослабляло позиции империи в Причерноморье и заставляло ее всячески оговаривать свои права и обязанности русского князя в Корсунской стране. Но бороться с усилением Руси на берегах Азовского моря Византия не могла.

Тем более понятно стремление императора направить энергию русских дружин на Хазарию и Закавказье.[46] И в свя́зи с событиями 944 г. стоит поход русских на Бердаа.

Византии удалось отвести удар от себя и вновь обратить внимание русских на Восток. Быть может, в результате того самого «подстрекательства» Романа Лакапина, о котором сообщает «Кембриджский документ», русские устремились в Закавказье.

Возможно, что этот поход возглавил действительно Хельгу-Олег. И не в этой ли свя́зи стоит рассказ Новгородской I летописи о том, как Игорь «посла» своих дружинников «на грекы»? Не послал ли он участника похода — Олега-Хельгу «Кембриджского документа» и на Византию? Такое предположение высказал А. Е. Пресняков.[47]

Во всяком случае Игорь в этом походе не участвовал. Его, скорее всего, предприняли после похода 944 г. русско-варяжские воины, решившие, воспользовавшись тем, что война с Византией не состоялась, всей массой своего воинства обратиться на Восток. И Игорь их охотно отпустил, отправив другую часть своего войска, наемников-печенегов, сражаться в Дунайской Болгарии. Этот поход в Бердаа, датируемый 944 г. (332-м годом гиджры, а это может быть и 943, и 944 гг., но скорее всего — 944 г.), описан Ибн-Мискавейхом («Книга испытаний народов»), Якутом («Географический словарь»), Григорием Бар-Эбреем («Сирийская хроника»), Абуль-Федой («Мусульманские летописи»), Ибн-аль-Асиром («Полная летопись»), Моисеем Каганкатваци («История Агван») и Низами («Эскендэр Намэ»).

Низами сообщает, что «русские, жаждущие войны, пришли ночью из страны алан и греков (георгов), чтобы на нас напасть, как град. Так как они не смогли пробиться через Дербент и его окрестности (очевидно, на юг. — *В. М.*), они отправились в море на судах и совершили нападение».[48]

Григорий Бар-Эбрей указывает: «Вышли разные народы: аланы, славяне и лезги, проникли до Азербайджана, взяли город Бердаа».[49]

Оба источника говорят о том, что русские двинулись в поход на Бердаа с северо-востока, с берегов Азовского моря, от Тамани и через степи, присоединив к себе алан (осетин) и лезгов (лезгин), вышли к Дербенту, в Дагестан. Здесь где-то они пересели на ладьи и вышли в море. Этих «русов» Бар-Эбрей прямо называет славянами.

Так появилось на Каспии русско-варяжско-лезго-аланское войско, пришедшее из Тамани. Власть хазар на берегах Азовского моря и на Тамани была более чем номинальной, и русские беспрепятственно двинулись на восток. «Владетель Алании», очевидно не без давления со стороны Византии, стремившейся руками русских ослабить Хазарию и одновременно избавиться от постоянной угрозы со стороны Руси ее причерноморским владениям, пропустил русских и даже более того — не препятствовал присоединению к ним его подданных, алан. Самые краткие известия о походе русов на Бердаа принадлежат перу Якута и Абуль-Феда, которые со-

общают только о появлении русов в Каспийском море и о захвате ими города Бердаа.[50] Столь же лаконично и сообщение Бар-Эбрея, но оно, как мы уже видели, имеет для нас огромную ценность в том отношении, что указывает на этническую принадлежность участников похода.

Гораздо подробнее описывают поход 944 г. Ибн-аль-Асир и Ибн-Мискавейх.

Красочное, но фантастическое, хотя и не лишенное интереса для исследователя, описание похода дает в своей поэме «Эскендэр Намэ» Низами. Низами, правда, заставляет русских воевать с... Александром Македонским (!), но это обусловлено его искренним стремлением подчеркнуть воинственность, храбрость и силу русских, для объяснения поражения которых ему пришлось прибегнуть к воскрешению знаменитого «Искандера» («Эскендэра») — Александра, память о котором была еще жива на Востоке.

И даже легендарному, непобедимому Александру пришлось выдержать семь битв, прежде чем он одолел русских.

Несмотря на поэтическую фантазию, в произведении Низами есть много ценного и правдоподобного.

В августе 944 г. русы были уже на Каспии и вскоре дошли до реки Куры. Здесь, у Мубареки, остановился русский флот. Затем русы поднимаются вверх по течению Куры, заходят в приток и внезапно появляются перед крупнейшим и богатейшим городом Азербайджана Бердаа. Навстречу им вышел отряд помощника правителя Азербайджана, которым в те времена был Марзбан (Мохаммед-Ибн-Мусаффир). Этот отряд состоял из 300 дайлемитов, 300 курдов и 5000 добровольцев. Мусульмане не рассчитали своих сил. После часовой схватки войска их были разбиты и бежали. Преследуя бегущих по пятам, русы ворвались в Бердаа и завладели им.

Вступив в город, русы немедленно объявили горожанам, что жизнь их будет пощажена. Русы заявили населению, чтобы все спокойно оставались в своих домах и занимались своим делом, что у них нет разногласий в вере и единственно, чего они желают — это власти. Обязанность жителей Бердаа — подчиняться им, а обязанности их, русов, — хорошо относиться к покоренным гражданам. Ибн-аль-Асир сообщает: «Они сдержали свое слово и, должно отдать им справедливость, они вели себя выдержанно».[51] По свидетельству того же Ибн-аль-Асира и Ибн-Мискавейха, простые люди, главным образом пастухи, пытались дать отпор, но неудачно, а знать смирилась и подчинилась русским.[52]

Правитель Марзбан с 30-тысячным войском попытался выбить русов из Бердаа, но был разгромлен и отступил. Русы укрепились в Бердаа. Это — уже не поход, ставивший своей целью лишь захват военной добычи. Русы завоевывали территорию, устанавливали свою власть, оставляли жителям не только жизнь, но и имущество, стремились к восстановлению порядка и нормальной жизни. Они собирались завладеть завоеванной землей, остаться править и осваивать край. То, что русы успели сделать уже на Тамани и где-то в Крыму, они пытались установить и в далеком Закавказье, на реке Куре.

Описание похода русов 944 г. свидетельствует о том, что он был предпринят не норманской вольницей, сжигавшей и истреблявшей, грабившей все, что удавалось захватить, а хорошо организованными и дисциплини-

рованными отрядами воинов, посланных на завоевание владений на далеком, сказочно богатом, пышном Востоке могущественным правителем государства русского народа. Это были воины Киевской Руси времен Игоря.

Поход 944 г., равно как и другие походы, ему подобные, отражал стремительный рост Русской державы, тянувшейся к Византии и Востоку и высылавшей один за другим свои отряды для завоевания «империи на юге» (К. Маркс) и на востоке.

Русы распространились по Закавказью. Всюду бродили их отряды, покоряя окрестное население. Власть их укреплялась. Но скоро их постигло несчастье. «Излишнее употребление плодов произвело между ними заразительную болезнь», — сообщает Ибн-аль-Асир.

Под натиском противника русы были вынуждены отступить в цитадель Бердаа, в Шахристан, где эпидемия стала свирепствовать еще больше. Увидев, что держаться дальше невозможно, русы покинули Шахристан, вышли к Куре, где стояли наготове их суда, и ушли на них в море.

Все источники единодушно отмечают храбрость русов. Русы не сдавались и предпочитали смерть плену. Они не отступали даже тогда, когда враг явно превосходил их числом. Ибн-Мискавейх сообщает, что однажды целая толпа мусульманских воинов напала на пять русов, проникших в один из садов Бердаа. Ни один из русов не хотел сдаваться, и все они погибли в неравной схватке. Последний оставшийся в живых, молодой рус, сын одного из начальников, не желая попасть в руки врага и видя, что сопротивление невозможно, заколол себя кинжалом.

Отступление русов из Бердаа произошло уже в конце лета 945 г.[53] Никто не решался ни задерживать, ни догонять русских, и они с большой добычей ушли на Каспий. Дальнейший их путь и судьба неизвестны.

На этом кончаются походы Руси времен Игоря. Договор Игоря с греками проливает свет на некоторые черты внутреннего строя Руси. Игорь выступает в качестве «великого князя Руского», которому подчинено «всякое княжье». Эти «светлые и великие» князья из рода Игоря, наместники-правители великого князя из варягов, русских, чуди и т. д., и племенные князьки, признававшие верховную власть «великого князя Руского», правили в отдельных землях, из которых состояла «держава Рюриковичей». В договоре 944 г. Игорь, которого современник Ярослава Мудрого митрополит Илларион именует «Старым», выступает главой большой княжеской семьи. Перечисляются и лица, принадлежащие к княжеской семье. Игорь оказывается одним из трех братьев. От семьи старшего брата Игоря к 944 г. оставался племянник Игоря, тоже Игорь, имевший уже двоих детей — Володислава и Предславу (Передславу). Затем упоминаются вдова другого племянника Игоря — Улеба (Глеба) Сфандра с тремя детьми (Турьд, Арфаст, Сфирька) и сын младшего брата Игоря, его племянник Акун.

Из имен членов семьи Игоря видно, что династия киевских князей несомненно норманского происхождения, но уже в значительной степени славянизированная. Мать Игоря была, очевидно, славянка, так как сын Игоря носит славянское имя Святослав, и в описании его наружности, данном Львом Диаконом, мы не видим ни одной норманской черты. На славянке был женат и старший племянник Игоря, дети которого носят славянские имена. Славянское имя Улеб (Глеб) носил и племянник Игоря.

В договоре упоминается «Синько Боричь», причем, возможно, следует читать не «Боричь», а «биричь», — а это не имя, а новгородское название чиновника князя, княжего мужа, что согласуется с уничижительным написанием этого чисто славянского имени. Договор с греками 944 г. был переведен на русский, славянский, язык славянином («биричем»?) Игоря, а это свидетельствует о том, что Игорь говорил по-славянски и славянский язык был государственным языком Руси.

Династия Игоря была несомненно новгородского происхождения. Об этом говорит то обстоятельство, что в Новгороде сидел его сын Святослав, о чем сообщает Константин Багрянородный, а также и то, что жена Игоря — Ольга была родом из Пскова («от Плескова»), который, таким образом, вошел в состав Киевского государства.

Внешний облик и характер ее сына Святослава заставляют предположить, что Ольга была еще более славянизированным потомком «находников»-варягов, чем ее муж, что подтверждается и деятельностью ее самой, тесно связанной с интересами не норманской вольницы на Руси, а местной, славянской знати.

В договоре 944 г. упоминаются 26 послов и 24 купца. Из них 14 послов отправлено в Византию представителями «всякого княжья», всех этих Турдов (pórdr), Гунарей (Gunnarr), Бернов (Björn) и других, носящих скандинавские имена.

Но среди «всякого княжья» и «бояр», «слы» которых заключали договор 944 г., в отличие от их предшественников времен договора 911 г. встречаются и не норманские имена. О славянских именах членов семьи Игоря мы уже говорили. Важно отметить, что многие из «княжья» и бояр, из «слов» и купцов носят не скандинавские имена. Среди них несомненные чудины (Каницар, Искусеви, Апубьскарь) и литовцы (Явтяг, Ятвяг), люди, имена которых, вопреки Томсену, можно объяснить и из тюркских (Алдан, Адулб), и из славянских (Воист, Войк, Вузлеб, Олеб), и западнофинских языков (Либи, Либь).[54]

Это говорит за то, что норманский элемент ослабевает, растворяется среди туземного населения, славянизируется.

Под своей властью Игорь объединяет это пестрое и многоязычное «княжье». Члены его семьи, быть может, сидели по городам и землям, правя от имени «великого князя Рускаго», а может быть, как предполагал А. Е. Пресняков, сидели гнездом в Киеве «на одном хлебе», имея свои «уделы».[55] Так, уделом Ольги был Вышгород. «Бе бо Вышегород град Вользин». Часть варяжских конунгов сидела на вполне самостоятельных престолах, быть может, лишь эпизодически выступая в роли союзников великого князя. Такими «светлыми» и «великими князьями» из варяжских викингов были Рогволод в Полоцке и, по-видимому, полулегендарный Туры в Турове. Другие варяги выступали в роли наместников великого князя в разных землях, о чем говорит Эймундова сага, имея в виду, правда, более поздние времена.[56]

Но не они определяли собой внутреннюю государственную жизнь Руси. К этому времени сложилось уже местное управление, находившееся в руках русских, славянских элементов. Во многих местах еще оставались племенные княжения и племенные князьки, но на территории, вошедшей прочно в состав «империи Рюриковичей» (К. Маркс), уже существовало крепкое управление, созданное ославянившейся династией, тесно с ней

связанное и распространившееся полосой по Днепру, Ловати, Ильменю, Волхову и Десне, по землям, составлявшим в подлинном смысле слова Киевское государство времен Игоря. Киевское государство середины X в. состояло из основного ядра, земель Киевской, Черниговской, Переяславской, древнейшего центра русской культуры и государственности, «Руси» в собственном смысле слова, «Руси» внутренней и, по терминологии Константина Багрянородного, «Руси внешней», земель древлян, дреговичей, кривичей, северян и других славянских племен, «крайцехь», которые платили Киеву дань, куда ходили собирать «полюдье».

Константин Багрянородный в IX главе своего сочинения «De Administrando Imperii», написанного в 952 г., вскоре после смерти Игоря, — так что Константин еще помнил, как Святослав, уже киевский князь, сидел еще в Новгороде, — рассказывает о сборе полюдья. С наступлением ноября князья «выходят со всеми Руссами из Киева и отправляются в полюдье («Πολύδια»), т. е. круговой объезд, и именно в славянские земли Вервианов, Другувитов, Кривичей, Северян и остальных славян, платящих дань Руссам. Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле месяце, когда растает лед на реке Днепре, снова возвращаются в Киев. Затем забирают свои однодеревки, как сказано выше (речь идет об описании пути русов по Днепру в Византию. — *В. М.*), снаряжаются и отправляются в Романию».[57]

Полюдья как формы «примучивания» население собственно Руси, земель Киевской, Черниговской и Переяславской, не знало. Поэтому в языке киевской летописи оно отсутствует, сохраняясь лишь в диалектах населения «крайцев», отразившихся в летописях. Полюдье было повинностью населения, ложившейся на него помимо обычной дани.

Дань и полюдье в источниках разграничиваются. М. Д. Приселков высказал вполне убедительное предположение, что полюдье было формой расплаты «великого князя Руского» со своей наемной дружиной, состоявшей из варягов. Эти наемные дружины, «все Руссы», отправлялись с наступлением зимы в отведенные им земли. Здесь они «кормились» всю зиму, собирали известное количество товаров для предстоящего торга в Константинополе, причем население земли, отведенной данной дружине для полюдья, должно было еще и «повоз везти», т. е. доставлять все с него же собранное к пристаням на реках, где вся добыча «руссов» грузилась на однодеревки, которые потом, по весне, направлялись к Киеву. Сбор товаров (мехов, меда, воска и т. д.) и организация повоза возлагались «руссами» на местную знать, выступающую в следующем, XI в., под названием «старой», или «нарочитой, чади».

Договоры русских с греками 911 и 944 гг. говорят о сбыте полюдья в Константинополе дружинниками русского князя и самим князем. Каждый вожак отряда варяжских наемников выделял из состава своих воинов послов и купцов, которые торговали в Константинополе и часто подолгу проживали там, пользуясь известными льготами и привилегиями, предусмотренными договорами.

Поэтому-то, как было уже указано выше, византийские императоры стремились к тому, чтобы договоры, предусматривающие определенные обязательства со стороны торговавших и живших в Византии русских, были скреплены не только князем, но и «всяким княжьем», и прежде всего — скандинавскими ярлами русской службы, чьи алчность, воинствен-

ность, драчливость, склонность к грабежам и прочим «пакостям» были хорошо известны в Византии.[58] Итак, полюдье было формой расплаты киевского князя с его наемными варяжскими отрядами. Помимо полюдья существовала дань, которую собирал князь в свою пользу. Эта дань также реализовывалась княжескими послами и купцами в Константинополе.

Для сбора дани и управления землями и городами, для выполнения судебных функций и «нарубания» (собирания) воев, т. е., короче говоря, для управления Русью, у князя существовали и несли ему верную службу всякого рода «мужи», набираемые из княжой дружины и местных «лучших мужей». В эту группу, быстро славянизируясь, вливались и «находници»-варяги, оставлявшие свое ремесло наемного воина и купца и становившиеся уже русскими и по языку, и по культуре, и по направленности своей деятельности, боярами и гридинами, «мужами» великого князя, такого же русского, как и окружающие его бояре, и только в своем имени и в своих родственных связях носящего еще память о скандинавском происхождении своих предков.

Варяги-наемники — лишь наносной слой. Они не пустили и не могли пустить глубокие корни в почву Древней Руси. Выражавшая интересы Руси и славянизирующаяся династия, окруженная славянской знатью, опирающаяся на дружину и «мужей» в первую очередь славянского, отчасти финского, литовского и тюркского происхождения, династия, которая всей своей деятельностью подчеркивала русскую, а не скандинавскую свою природу, хотя и была норманской по происхождению, искала и находила опору в местных, а не варяжских правящих элементах и, укрепляя свою власть, способствовала укреплению русского начала и ослаблению норманнов, усиливала местную верхушку и создавала свое княжое управление, которое не только не давало возможности скандинавам, устремлявшимся в Гардарики, завоевать землю Русскую, как это имело место с государствами и землями в Западной Европе, но даже участвовать в управлении страной.

Династия «Рюриковичей» потому удержалась на Руси и стала правящей во всей земле Русской, что быстро слилась с русской, славянской правящей верхушкой, восприняла ее язык, культуру, нравы, обычаи, религию, стала русской в полном смысле этого слова, отражала интересы «всякого княжья», бояр и «людей всех Русьстих», «боронила» рубежи Руси, устанавливала «законы русские», вела войны в интересах Руси, создавала государственность восточного славянства, в среде верхушки которого она растворилась, утеряв свои скандинавские черты. «Сами вожди, — говорит К. Маркс, — весьма быстро смешались со славянами, что видно из их браков и их имен».

Вот что послужило причиной прочности власти «Рюриковичей» на Руси, ослабило норманские элементы и дало возможность преемникам Игоря освободиться от первой и второй волны «находников»-варягов.

Обрусение и безоговорочное присоединение во всем к славянской верхушке, строящей свою государственность на берегах Волхова и Днепра, обеспечило княжеской династии на Руси, несмотря на чужеродное происхождение, ее первенствующее место и спасло от столкновений с «лучшими мужами» земли Русской, которое могло бы оказаться гибельным для варяжских викингов. Можно было справиться с Вадимом Храбрым, но покорить и подчинить норманским законам и государственности, привив

скандинавские язык, культуру, обычаи и религию всему бесчисленному «людью» Руси, всем «лучшим мужам», «светлым» и «великим князьям» и боярам, было невозможно. И если в первой половине X в. князья еще мирятся с необходимостью содержать многочисленные норманские дружины, откупаясь от них полюдьем и не давая им возможности укрепиться на Руси, если еще сидят по городам Руси варяжские конунги, ставшие летописными князьями, если в самом Киеве князь окружен скандинавами, хотя и отходящими все более и более на второй план, если, наконец, еще есть могущественные воеводы, вроде Свенельда (Sveinaldr), получившие дань (быть может, полюдье?) с населения огромных территорий, то во второй половине X в., как это мы увидим далее, благодаря тесной связи князей с их русским и русифицированным окружением, благодаря поддержке всех «лучших мужей» Руси им удается ликвидировать варяжские и племенные княжения, поставить всюду своих «мужей» и, оставив обрусевших варягов в составе своих дружин, новые потоки скандинавской вольницы направлять на службу в Византию, а затем и вовсе положить конец норманским волнам.

Усиление государственности на Руси, естественно, вызывало установление определенных правовых норм. В своем управлении, в сношениях с Византией русские князья придерживаются «закона Русского», т. е. обычного права, создававшегося столетиями на Руси. В договорах Олега и Игоря с греками «закон» и «устав русский» приводятся в той их части, которая могла относиться в первую очередь к буйной и драчливой массе воинов-купцов, сталкивающихся с греками и живших в Византии (нанесение побоев и увечий, драка, кража).[59] Это свидетельствует о том, что до появления «Русской Правды» Ярослава на Руси существовали свои законы и уставы, которыми и руководствовались разного рода «мужи», разбирая споры, тяжбы и жалобы, законы, с которыми в сношениях с Русью должна была считаться могущественная Византия.

Не без влияния со стороны Византии на Руси распространялось христианство. Дружинники Игоря шли «на роту» и клялись Перуном, но среди них были и те, что «хрестилися есмы» и «кляхомъся церковью святого Илье в сборней церкви».[60]

Говоря о скреплении договора 944 г., летописец сообщает: «Заутра призва Игорь слы, и приде на холм, кде стояще Перун, и покладаша оружье свое, и щиты и золото (в другом месте летописи: «...и мече свои нам, обруча свое и прочаа оружья». — *В. М.*), и ходи Игорь роте и люди его, елико поганых Руси; а хрестеяную Русь водиша роте в церкви святого Ильи, яже есть над ручаем, конецъ Пасынче беседы и Козаре, се бо бе сборная церкви, мнози бо беша Варязи хрестеяни».[61]

И среди русских, и среди варягов, и среди хазар, живших в Киеве (хазар и русских из Хазарии), вместе с укреплением и расширением связей с Византией росло христианство, религия, освящающая устои нового феодального порядка, религия, свидетельствующая самим своим появлением на Руси о вступлении этой последней в новую фазу своего социального, политического и культурного развития. Хазары и русские из Хазарии, жившие в Киеве (отсюда и название района Киева «Козаре»), в самой Хазарии принимали христианство.

Возвратимся к деятельности Игоря, к последнему акту его жизни. «И приспе осень, и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити боль-

шую дань». Это стремление Игоря в землю древлян по дань объясняется неудачей похода на Византию. Дружина роптала. «В се же лето рекоша дружина Игореви: „отроци Свеньлжи изоделися суть оружьем и порты, а мы нази; поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы“».[62]

И Игорь отправился в «Дерева» по дань. Мы знаем, что дань с древлян Игорь отдал Свенельду, и как тот использовал данное ему право, можно судить по тому, что дружинники Свенельда, «отроци», «изоделися суть оружьем и порты» так, что даже вызвали зависть дружинников великого князя.

Кроме того, в древлянской земле были свои «князи», которые, хоть и «добри суть, иже распасли суть Деревьску землю», но все же собирали какие-то поборы со своих «людий». Таким князем древлянским был упоминаемый летописью Мал. Игорь с дружиной, «возьемав дань», решил, что этого мало и, отпустив дружину, с небольшой частью ее «возвратися, желая больша именья».

Как видим, ни размер дани, ни число поборов не были установлены и зависели от произвола князей. Тем более это понятно в отношении враждебного, еще не покоренного, сохранившего своих князей и близко от Киева обитавшего племени древлян. С ним Игорь не собирался считаться и данью с «Дерев» хотел обогатить свою казну и удовлетворить требования дружины. Тогда древляне, «сдумавше со князем своим Малом», решили убить Игоря. Они вначале послали к нему гонцов. «Почто идеши опять? Поимал еси всю дань», — говорили ему древляне. Но Игорь не послушал их. Он вышел из Искоростеня, главного города «Дерев», и отправился по дань. Древляне напали на него и «убиша Игоря и дружину его; бе бо их мало».

Лев Диакон рассказывает подробности об убийстве Игоря: «он привязан был к двум деревам и разорван на две части».[63]

«И есть могила его у Искоръстеня града в Деревах и до сего дне», — повествует летописец, датируя смерть Игоря 945 г.

Быть может, на самом деле Игорь погиб позднее, так как осенью 944 г. (или в конце зимы) был заключен договор с греками, и только по прошествии зимы, через год, под осень, Игорь ушел по дань в землю древлян. Уложить в один год все события конца княжения Игоря очень трудно, даже если отбросить поход на Бердаа, в котором Игорь не участвовал.

Длугош сообщает, что князем древлянским, вождем восстания против Игоря, был Нискина. Это дало возможность А. А. Шахматову построить свою гипотезу о том, что убийцей Игоря был сын Свенельда Нискина, он же Мистиша (в «Повести временных лет» упоминается «воевода бе Свенельд, тоже отець Мистишин»), он же Мстислав Лютый, он же Лют Свенельдич. Гипотеза Шахматова идет и дальше. Он считает, что отец Малуши (Малфреди), матери Владимира, «милостницы» (вариант — «ключницы») Ольги, и ее брата Добрыни, Малко (Малк) Любечанин и есть Мистиша Свенельдич, он же Мискина, он же Нискина, откуда и пошло прозвище Добрыни — Никитич (Мистишич, Мискинич, Нискинич). Он же устанавливает связь между Малом и Малком Любечаниным, считая, что это — одно и то же лицо. Концепция А. А. Шахматова очень интересна, но непрерывное «он же» и фантастичность построения, делая ее весьма занимательной, не способствует ее достоверности и убедительности. Об этом подробнее далее. Правда, М. С. Грушевский обращает внимание

на то, что древний волынский род Киселей выводит себя от Святольда (быть может, русско-литовская переделка Свенельда) и имеет своим родовым имением село Нискиничи на Волыни, у Владимира, что связывает, казалось бы, Нискину и Святольда.[64]

Но все это — лишь гипотезы, пока что не подкрепляемые источниками.

В древнейшей редакции летописной повести мы встречаем такую короткую, но выразительную характеристику Игоря: «...и возрастшю же ему Игорю, и бысть храбор и мудр».[65]

Преемником Игоря стал его единственный сын Святослав, родившийся в 942 г. Первые годы своей жизни Святослав провел в Новгороде, но после смерти отца он садится в Киеве. Об этом хорошо еще помнил Константин Багрянородный, сообщая, как однодеревки русов «идут из Невогарды, в которой сидел Святослав, сын (в подлиннике — брат) русского князя Игоря...».[66]

Но так как Святослав «бе бо детеск», Русью правила вдова Игоря Ольга. Ольга, как и Олег, вошла в народные сказания киевских времен как «вещая», «мудрая» («и бе мудра и смыслена», что отражает и ее деятельность и является осмыслением и переводом скандинавского «helgi» — мудрая) княгиня, чья деятельность оставила глубокий след в жизни Древней Руси и способствовала укреплению ее положения среди других государств.

Позднейшая легенда (XVI в.) передает сказание о том, как однажды Игорь охотился в лесах у Пскова. Догоняя какого-то зверя, он встретил на своем пути реку и, увидев стоящий у берега челн, попросил перевезти его. Перевозчиком, сидевшим в челне, оказалась Ольга, крестьянская девушка. Ольга произвела большое впечатление на Игоря, и он «некие глаголы глумлением претворяше к ней», но, получив отпор на свои «студная словеса», пораженный ее умом, решил посвататься к ней. Бесхитростное народное повествование, делая Ольгу крестьянской девушкой, верно отразило представление о ней, сохранившееся в народе; Ольга умна, умеет постоять за себя, умеет ответить на любые «студные словеса».

Летописная традиция называет Ольгу псковитянкой, «от Пскова», по-видимому, дочерью псковского князя, обрусевшей скандинавкой, о чем говорит ее имя «Helga».

«Повесть временных лет» указывает, что Олег «приведоша ему (Игорю. — *В. М.*) жену от Пьскова, именем Олгу», но в древнейшей версии женитьба Игоря на Ольге описывается так: «приведе себе жену от Плескова именем Ольгу». Об Олеге как инициаторе брака Игоря и Ольги в ней нет ни слова, и это, пожалуй, более соответствует исторической действительности.

В Киеве во времена Ольги о ней складывались сказания, пелись песни, отразившиеся в «Повести временных лет», о ее деятельности хорошо помнили еще во времена летописца, показывали вещи, ей принадлежавшие, помнили и о том, каким был Киев времен Ольги.

В этих песнях, послуживших летописцу материалом для его повествования, отразилась горечь обиды, которую причинил ей Константин Багрянородный во время поездки в Константинополь, заставив ее, княгиню Руси, «игемона и архонтиссу руссов», ожидать приема в «Суде» (Босфоре).

Кружево народных сказаний о «вещей» княгине Ольге, первой княгине-христианке, продолжало ткаться и позднее, и в народе, и среди «книж-

ных» людей Киевской Руси, все более и более переплетаясь с народными и книжными припоминаниями о «вещем Олеге».

И не случайно в памяти народной так прочно сохранился образ «мудрой» Ольги, княгини-правительницы, деятельной, гордой и «вещей».

«Порой историк вводит в заблужденье,
Но песнь народная звучит в сердцах людей».
(Байрон)

«Повесть временных лет» вспоминает о Киеве времен Ольги:

«Бе бо тогда вода текущи въздоле горы Киевския, и на Подольи не седяху людие, но на горе: град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжь бяше в городе, гдеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище бе вне града, и бе вне града двор другый, идеже есть двор Демьстиков за святою Богородицею; над горою двор теремный, бе бо ту терем камен».[67]

Летописец хорошо помнил Киев тех далеких времен, и если для нас теперь такие ориентиры, как «двор Гордятин и Никифоров», остаются пустым звуком, то для него это было все хорошо известным, и нет сомнения в правдивости его историко-топографических сообщений. Летописец настолько хорошо представлял себе Киев времен «вещей» княгини, что мог точно наметить его границы, районы, важнейшие здания («терем камен»). В этом «древлем» Киеве жила, правила за своего малолетнего сына Святослава Ольга, княгиня русская. Ее помощниками выступают «кормилец» Святослава Асмуд и воевода Свенельд.

Начала Ольга свою деятельность с мести древлянам за смерть своего мужа и с покорения Древлянской земли. Длительная борьба Киева с древлянами, вылившаяся в конце концов в убийство киевского князя, не могла не заставить киевскую дружинную верхушку взяться за окончательное подчинение упорно сопротивляющихся древлян.

В летописном рассказе о мести Ольги, рассказе, полном легендарных мотивов, эпических сюжетов и фантастических подробностей, мы встречаем указание о том, что расправа с «малой» дружиной киевского князя и с ним самим дала возможность древлянским «лучшим мужам», «иже дерьжаху Деревьску землю», перейти в наступление на Киев. В этой связи и стоят, обычно признаваемые легендарными, сватовство древлянского князя Мала к Ольге, прибытие Днепром в ладьях посольства древлянских «лучших мужей» в Киев, где они остановились у Боричева, что дало повод летописцу рассказать о Киеве времен Ольги, переговоры Ольги с ними, умерщвление послов, закопанных в ладьях живыми в землю, и т. д. Далее повествуется о том, как Ольга сожгла заживо вторую группу послов древлянских «лучших мужей», а затем отправилась «створить трызну мужю своему» в Древлянскую землю, и там ее «отроки» напали на ничего не подозревавших перепившихся древлян, убежденных в том, что Ольга явилась к ним только для того, чтобы справить тризну по Игорю, и перебили их множество.

Пусть этот рассказ летописца остается легендой, но в нем есть несомненные черты исторической действительности. В истории постоянной борьбы Киева с древлянами не раз были случаи, когда древляне, «затворишася» от киевского князя, пытались восстановить свою самостоятельность. Но такой благоприятной для них конъюнктуры еще ни разу не

было: киевский князь убит, на престоле сидит малолетний князь, правит вдова, которая вряд ли успела заручиться поддержкой киевской знати, — почему бы не воспользоваться всем этим, для того чтобы попытаться избавиться от «примучивания» киевского князя? Имел ли место такой дипломатический ход, как уния Киева и «Дерев» под властью Мала, сказать трудно. Но как летописец мог привести слова древлянских послов, сказанные ими Ольге: «мужь твой аки волк восхищая и грабя, а наши князи добры суть, иже распасли суть, Деревьску землю», если мы станем отрицать наличие каких-то определенных претензий древлян к Киеву, высказанных ими в свое время, память о которых дожила до времен летописца? Почему в летописи сохранилось воспоминание о том, как приставали древлянские ладьи к Боричеву? Поэтому-то я считаю сообщения летописца о посольствах древлян в Киев не чистым измышлением, а обросшей легендарными мотивами действительностью. Мне могут возразить — на что же рассчитывали древляне, отправляясь в Киев, когда они прекрасно знали, что после убийства Игоря вряд ли им удастся встретить в Киеве какое-либо другое отношение к себе, кроме враждебного?

Но на это можно ответить уже приведенным выше соображением о попытках «Деревьских» «лучших мужей» использовать растерянность, царившую несомненно в Киеве после гибели Игоря.

Таким же историческим фактом, но только расцвеченным эпической фантазией, был и поход Ольги в «Дерева» с целью подавить сопротивление древлян и подчинить их Киеву.

Это историческое событие во времена летописца обросло легендарными подробностями.

946 г. «Ольга с сыном своим Святославом собра вои многи и храбры, и иде на Дерьвску землю».

Вскоре противники сошлись. Маленький Святослав метнул копье, но оно, пролетев у коня между ушами, тут же, у копыт, зарылось в землю.

«И рече Свенельд и Асмуд: „Князь уже почал, потягнете, дружина, по князе“».

Древляне были разбиты и бежали, «затворишася в градах своих». Далее рассказывается об осаде Ольгой Искоростеня, о сожжении города, о том, как Ольга, взяв горящий Искоростень, «старейшины же града изънима, и прочая люди овых изби, а другия работе предасть мужем своим, а прок их остави платити дань».

Рассказ о сожжении Искоростеня Ольгой, пустившей на город тучу воробьев и голубей с горящей смолой, эпичен, и этот же мотив встречается в рассказах армянского историка Асохика о Ибн-Хосрове, в сказаниях о Самсоне, Александре Македонском, Гаральде и т. д.

Но несомненным результатом похода Ольги на древлян являются окончательная ликвидация независимости «Дерев», истребление их князей и многих «лучших мужей» и «старейшин», «иже дерьжаху Деревьску землю», уничтожение племенного княжения в Древлянской земле и освоение киевским князем «Дерев».

«И в зложи на ня дань тяжку; 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользе; бе бо Вышегород град Вользин».

Старые, «добры» племенные князья, «иже распасли суть Деревьску землю» исчезли. Под их властью, облекавшей повинности населения в старые, привычные формы, древлянам жилось легче, чем под властью ки-

евского князя, который «аки волк восхищая и грабя». Они отражали в своей деятельности тот период в истории Древней Руси, когда племенная знать довольствовалась «малым», и поэтому, естественно, сравнение своих «добрых» князей с князем киевским было не в пользу последнего.

К тому же древляне находились в особом положении. Они платили своим племенным князьям и, следовательно, и их «лучшим мужам», платили Свенельду и, наконец, платили, и неоднократно, Игорю. Само положение «Дерев», лежащих у Киева, создавало условия для естественного стремления киевского князя компенсировать себя и своих дружинников за счет живущих тут же неподалеку, древлян.

Чрезмерные, ничем, кроме аппетита князя и дружины, не регулируемые и очень частые поборы приводили к разорению общинников, что, естественно, отражалось в конце концов на казне самого князя, и к выступлениям «примучиваемых» племен, подобным тому восстанию «Дерев», жертвой которого стал Игорь.

С целью упорядочения сбора дани, которое дало бы возможность, не уменьшая княжеских доходов, предупредить и разорение «людей», платящих дань, и их борьбу с князем, Ольга и проводит свою административно-финансовую реформу. Прежде всего она коснулась Деревской земли: «И иде Вольга по Деревьстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляюши уставы и уроки; и суть становища ее и ловища».

Вполне понятно, почему Ольга начинает свою кипучую деятельность, направленную к упорядочению сбора дани и к укреплению княжеской власти с земли древлян, но какой характер носила эта деятельность?

Вместо дани, взимаемой неопределенное количество раз и в неопределенных размерах, Ольга устанавливает определенный размер дани, «уроки», и именно «уставляет», т. е. вводит определенный порядок сбора дани, зафиксированный и твердо проводимый княжеской властью, вернее, княжими «мужами», специально на то уполномоченными, которые в следующем, XI в., выступают в источниках под названием даньщиков. Теперь князья — не «восхищая и грабяху», а «имают» дань, причем население знает — когда, сколько и чего потребуют от него княжие «мужи». И от этого княжая «скотница», надо полагать, не только не оскудевает, но, наоборот, обогащается, да и сами «сельские людьи» — данники — выигрывают, ибо князь, «уставив» дани и «уроки», дает им возможность как-то ориентироваться в требованиях с его стороны, что при системе, которой придерживался Игорь в «Деревах», вернее, при бессистемности, сделать было невозможно.

Реформа Ольги коснулась не только Древлянской земли, но была проведена по всей территории Древней Руси.

Вернувшись в Киев из своего похода с военными и административно-финансовыми целями в «Дерева», Ольга остается там недолго и, «пребывши лето едино», отправляется, с целью распространения своей княжеской администрации и новых форм организации взимания поборов с населения, на север и северо-запад.

В 947 г. «идее Вольга Новугороду, и устави по Мьсте погосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и погосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивши, възратися к сыну своему Киеву...».[68] Древнее «Проложное Житие» Ольги

указывает, что она «обиходяще всю Руськую землю, дани и уроки льгъкы уставляющи». Таким образом, реформа Ольги распространилась на всю территорию Киевского государства, охватив Приднепровье, Подесенье и Новгородскую область. Она сопровождалась в некоторых местах Руси, и во всяком случае в земле древлян, ликвидацией племенных княжений и введением княжеской администрации. Конечно, речь идет о землях, входивших к тому времени в состав Киевского государства, а не о таких областях, как, например, земля вятичей, куда власть киевского князя еще не проникла. Быть может, в некоторых местах племенная знать превратилась в княжих мужей, и этим в известной степени объясняется то обстоятельство, что договор Святослава с Иоанном Цимисхием был скреплен только Святославом и Свенельдом, а не «слами» многочисленных «светлых и великих князей», как договоры Олега и Игоря, хотя к этому были и другие причины, как это мы увидим далее.

«Уставляя» землю, Ольга вводила погосты. Погосты из селищ и мест для торговли, «гостьбы», превращаются в административные центры княжеского финансового управления. Понятно, почему именно погосты Ольга делает ячейками своего княжеского управления. Это были места, объединяющие население целого района, где оно торговало и общалось друг с другом. Здесь и следовало основывать княжеские опорные пункты, дабы использовать исторически сложившиеся условия, в результате которых погост являлся объединяющим центром всех тянувшихся к нему поселений данников, где сходились нити экономических связей, соединяющих отдельные пункты данного района.

В погостах постоянно проживали княжеские «мужи», систематически собиравшие дань, «творившие» именем князя на основе обычного права, «закона русского», суд и расправу и взимавшие судебные пошлины. При такой системе существование самостоятельных племенных князей было немыслимым, как невозможной должна была стать со временем и система расплаты с отрядами варяжских ярлов, описанная Константином Багрянородным. Древнее полюдье с течением времени станет источником дохода княжеской дружины и князя, а не норманских наемников. Одновременно в деятельности Ольги обращает на себя внимание одна характерная черта — укрепляя княжую администрацию и упорядочивая сбор дани, Ольга расширяет и укрепляет свою княжескую земельную собственность.

Всюду, по Деревской земле, по Днепру и Десне, по Мсте и Луге, — ее «ловища» и «перевесища», всюду — ее «знаменья», которыми она отмечала свою собственность на земли и угодья, всюду княжеские «становища» и «места», где сосредоточивается ее княжеская администрация, слуги и челядь, куда свозят все, добываемое на нивах и в уходах. Эти «места» и «становища», являясь центрами возникающего княжеского домена, в то же самое время являются и административными центрами.[69] Пока в «местах» и «становищах» живут княжие люди, они выступают одновременно и как княжеская государственная, и как княжеская вотчинная администрация. Появляются и княжие села, как Ольжичи. И их было, по-видимому, не так уж мало.

Зарождающийся княжеский домен, как было уже ранее указано, обслуживаемый челядью, носит промысловый характер, и «знаменьями» были отмечены, конечно, не «нивы», а разные «ловища» и «перевесища».

В тех местах, где княгиня освоила землю, как вообще осваивали в те времена, т. е. там, где она развернула свое хозяйство, там дань перерастает в ренту, и это явление, все расширяясь, становится впоследствии обычным и вместе с развитием феодализма вширь и вглубь распространяется на все новые и новые районы Руси.

Упоминания о Вышгороде, «граде Вользином», об Ольжичах, ее селе, о «слах» Ольги, Предславы, Сфандры, жены Улеба, в договоре 944 г., равно как и позднейшие свидетельства о «граде» Рогнеды Изяславле, о селе Ольги Будутине и т. п., свидетельствуют о том, что русские княгини имели свои «грады», села, своих «мужей», «слов», свою дружину.

Это подтверждается сагой об Олафе Тригвассоне, в которой говорится, что «у сильнейших конунгов (русских князей. — *В. М.*) того времени был обычай, что супруга конунга имела половину гридней, содержала их на своем иждивении и получала на то казну и все, что было нужно».[70]

Деятельность Ольги укрепила финансовую базу княжеской власти, усилила княжескую администрацию, расширила и укрепила непосредственно княжеский домен, а все это в совокупности не могло не способствовать развитию и росту государственности Древней Руси.

Проведенное Ольгой упорядочение сбора дани, улучшение и укрепление княжеской администрации, ликвидация самостоятельности племенной знати способствовали большему сплочению отдельных земель Руси, «лоскутьев империи Рюриковичей», по выражению Маркса, и росту могущества и влияния киевского князя.

Мероприятия, проведенные Ольгой, способствовали, с одной стороны, дальнейшему объединению восточнославянских земель под властью киевского князя, с другой — новым успехам русского оружия в войне с противниками и повышению удельного веса Руси в международных отношениях.

Без интенсивной и упорной деятельности Ольги внутри Руси вряд ли были бы возможны успехи Святослава вне Руси, да и мог ли бы зародиться грандиозный план Святослава, если бы почва для его осуществления не была подготовлена «вещей» княгиней? Думаю, что на этот вопрос придется ответить отрицательно. Какое значение придавали деятельности Ольги на Руси и как запечатлелась она в памяти народной, можно судить по рассказу летописи. В XI—XII вв. на Руси еще хорошо помнили о мероприятиях, проведенных «мудрой и смысленой» Ольгой. Ольга, пожалуй, первой поняла, что обусловленная прогрессом Руси, созданная ею новая система управления и новые методы обогащения княжеской казны, идущие по линии развития княжего вотчинного хозяйства, нуждаются в иной форме идеологии, и так как господствующей формой идеологии в те времена была религия, то нам становится понятным и другой важный момент в ее жизни — принятие христианства. Не мечом, а «мудростью» старалась «блаженная» Ольга проложить Руси путь в ряды христианских государств Европы.

Поездка Ольги в Константинополь, датируемая летописцем 955 г. и связанная им с принятием русской княгиней христианства, так же как и многое в жизни Ольги, обросли легендой.

Но о крещении Ольги и путешествии ее в Константинополь говорят византийские источники — Скилица (в компиляции Кедрина), Зонара, Константин Багрянородный, немецкие хроники («Продолжатель Регино-

на», Гильденсгаймская, Отенбургская, Кведлинбургская, Ламберт, Титмар Мерзебургский, Annaiista Saxo) и, наконец, русские «похвалы» (Иаков Мних) и «жития» («Обычное Житие», «Проложное Житие» Владимира, «Проложное Житие» Ольги).

Данные всех этих источников противоречивы и сбивчивы и породили обильную литературу. Сличая и сверяя их показания, мы приходим к следующему выводу. «Память и Похвала» Владимиру Иакова Мниха, в основе хронологической канвы которой положены очень древние и вполне достоверные источники, говорит, что Ольга умерла в 969 г., прожив христианкой 15 лет, а следовательно, ее крещение падает на 954—955 сентябрьский год, что совпадает с сообщением летописи. Но это крещение Ольги было, так сказать, неофициальным, во всяком случае в принятии русской княгиней христианства византийская церковь была совершенно неповинна. Ольга приняла христианство в Киеве, и это было ее личным делом, причем ее крестителем мог выступить и какой-либо «русин», вроде того первого русского книжника, псалтырь и евангелие которого, писанные русскими письменами, читал Константин Философ во время своей хазарской миссии, и варяг-христианин, принявший крещение в Византии («мнози бо беша Варязи хрестеяни»), и, наконец, христианин из Хазарии, славянин, алан или какой-либо представитель христианского населения государства кагана, а быть может, даже варяг-христианин, крещенный у себя в Скандинавии по западному обряду, установившемуся в землях норманнов со времен святого Ансгара, с IX в. Христианство Ольги не было во всяком случае результатом деятельности греческих проповедников, и Византия не видела для себя никакой пользы в крещении «архонтессы» Руси. Более того, Константин Багрянородный, принимая у себя крещеную Ольгу, не считал ее христианкой, так как, во-первых, в описании ее приема императором нигде не говорится о том, что Ольга — христианка, что император имеет дело с единоверной правительницей. Тут нет обычного в византийских формулах обращения к христианским государям — «Εν ὀνόματι Πα Πατρός». Константин Багрянородный обращался к Ольге как к правительнице языческого народа.

Не знает Константин Багрянородный и христианского имени Ольги — Елена, всюду именуя ее языческим именем Helga. То, что даже крещеная Ольга не была для Константина Багрянородного христианкой, не объясняется ли тем обстоятельством, что крещение Ольги было связано с деятельностью варягов-христиан, принесших свое христианство из Скандинавии, от неофитов Ансгара? То, что для Руси было несущественно, для императора было очень важным.

В свите Ольги, посетившей Константинополь, был, правда, священник Григорий, но в посольстве Ольги он никакой роли не играл. Это не был официальный духовник русской княгини, во всяком случае в Византии его таковым не считали, в противном случае при раздаче подарков его бы не обделили так беззастенчиво, как это сделал Константин Багрянородный, дав ему дар меньше того, который получили переводчики. Меньше Григория получили только рабы и слуги. Христианство было частным делом Ольги. Священник Григорий мог быть при дворе Ольги, но никакой самостоятельной роли он не играл. Тем менее можно видеть в нем какое-либо влиятельное лицо, которое император мог бы использовать в своих целях. Отсюда и то пренебрежение, которое встретил Григорий в

Константинополе, обусловленное обычным стремлением Византии усматривать в христианстве орудие своей политики.

По-видимому, священник Григорий выступал в роли переводчика и консультанта, который должен был новообращенной Ольге помогать своим советом. Но само по себе появление священника в семье Ольги, а следовательно, и при ее дворе в Киеве, несомненно является подтверждением крещения Ольги в Киеве, хотя это последнее и не носило официального характера. В свите Святослава вряд ли бы нашлось место священнику. Этот закоренелый язычник, признававший один язык — язык мечей, не нуждался в переговорах с Иоанном Цимисхием, в посредничестве служителей чуждой ему христианской церкви.

Ольга прибыла в Царьград летом или в начале осени 957 г. Целью ее поездки едва ли было только официальное принятие христианства, как об этом сообщает наша летопись. По-видимому, речь шла об изменении в пользу Руси условий торговли с Византией, предусмотренных договором Игоря 944 г., неблагоприятным для русских купцов. Не случайно в составе посольства Ольги упоминаются 42 купца, что, быть может, является указанием также и на то, что для своей поездки в столицу империи русская княгиня использовала обычный торговый караван, направлявшийся из Киева в Византию.

Помимо этой цели посольство Ольги преследовало и другие задачи, а именно — заключение и какого-то соглашения с Византией, причем, по-видимому, Русь обязывалась давать «вои в помощь», а Византия должна была учредить христианскую церковь на Руси и тем самым ввести ее в круг государств, составляющих тогдашний европейский христианский мир. Таким образом, поездка Ольги носила дипломатический характер. Судя по тому как Ольга расценила прием Константином Багрянородным, она ожидала в Константинополе иной, более радушной встречи и иных, более эффективных для Руси и для себя результатов поездки в Царьград.

Об этом говорит летописное сказание о поездке в Царьград, в котором все время выступает один и тот же мотив — император домогается, а «вещая» Ольга дает отпор императору. Ищущей стороной в рассказе летописца, в основу которого была положена народная легенда, верно отразившая настроение вернувшейся из поездки в Царьград Ольги и ее свиты, все время выступает император, а хитрая Ольга, сохраняя собственное достоинство, добивается своего, ведя неуклонно свою линию. Причем все время сохраняется тон, свойственный человеку, стремящемуся доказать, что вовсе не он потерпел фиаско, а другой, что не он просил, а его умоляли, что он вышел победителем из спора, а не его противник. Чувствуется, что, несмотря на сообщение летописца о том, что Ольга «переклюкала» императора, на самом деле было не так, а для поддержания престижа «вещей» княгини впоследствии и была сложена легенда, записанная летописцем, где все выглядит как раз наоборот. И только в одном месте летописец срывается, и в его рассказе отражается действительное настроение Ольги, охватившее ее тогда, когда она, не добившись желаемого, вернулась к себе на берега Днепра. Когда якобы император направил к Ольге послов и объявил ей, что сам собирается в Русь и просит «вои в помощь», она отвечала: «Аще ты, рьци, такоже постоиши у мене в Почайне, яко же аз в Суду, то тогда ти дам». В этих словах сквозят обида и озлобление оскорбленной Ольги. «Подожди, настоишься и ты у меня на Почайне, как

стояла я в Суде», — говорит она, и эта фраза отражает состояние Ольги после поездки к императору, во всяком случае в той форме, в которой оно отразилось в народном эпосе и попало на страницы «Повести временных лет».

Такую фразу не придумаешь. За ней скрывается историческая действительность, несомненный факт, который нужно объяснить, но не отрицать, ссылаясь на недостоверность летописной легенды. По-видимому, Ольга прибыла в Константинополь летом, так как купеческий караван ушел из Киева как всегда в конце весны или в начале лета. Прибыв к Царьграду, Ольга долго не могла добиться аудиенции и ожидала у стен Царьграда, в Суде (Босфоре). И только в среду 9 сентября 957 г. состоялся первый прием «игемона и архонтиссы руссов», описанный Константином Багрянородным. Ольгу сопровождала большая свита: ее племянник, не названный, к сожалению, по имени, 8 «приближенных людей», 22 посла русских князей (αποχρισιάριοι), 16 «приближенных женщин», «люди» Святослава, 18 прислужниц, слуги из свиты послов (апокрисиариев), 2 переводчика, особый переводчик княгини и много различных слуг. Апокрисиарии, т. е. послы русских князей, в свите Ольги, кстати, сами имевшие свою свиту, — это несомненно те самые «слы» «светлых» и «великих князей», «всякого княжья» Руси, о которых упоминают договоры русских с греками Олега и Игоря. И в «Русских князьях», чьих послов принимал и одаривал Константин Багрянородный, мы видим племенную знать и русифицированных варягов, уже прочно связанных с князем, подчиненных князю и все более и более превращающихся в его бояр, в «переднюю», «старшую» дружину.

Константин Багрянородный принял Ольгу во дворце. Ольга вошла «со своими родственницами княгинями и избраннейшими прислужницами». Она шла впереди, а за ней в определенном порядке следовали одна за другой ее спутницы. За ними шли апокрисиарии русских князей и купцы. Ольга остановилась на том месте, где логофет, своего рода министр иностранных дел, обычно предлагал свои вопросы. Затем Ольга была введена в зал Юстиниана, где стоял великолепный большой трон царя, а рядом царское золотое кресло. Здесь играли два серебряных органа и много духовых инструментов. Княгиня прошла через апсиду, ипподром и внутренние переходы и, вошедши, села в Скилах. Церемония длилась долго и только «когда царь воссел с Августою и своими багрянородными детьми, княгиня была приглашена из триклина Кенургия и, сев по приглашению царя, высказала ему то, что желала».

«В тот же день состоялся званый обед в том же триклине Юстиниана». Здесь, за отдельным столом, с зостами (особами первого ранга) обедала Ольга. «В Золотой палате состоялся другой званый обед; там кушали все апокрисиарии русских князей, люди и родственники княгини и торговые люди». За обедом пели певчие из крупнейших византийских церквей (святых Апостолов и святой Софии) и было дано театральное представление.

После обеда Ольга была приглашена к десерту. В столовой за малым золотым столом собрались Константин, его соправитель Роман, невестка, дети и Ольга. В тот же день русскому посольству были вручены дары. Ольге на золотом блюде, украшенном драгоценными камнями, было вручено 500 милиарисиев, племянник ее получил 30, 8 приближенных людей — по 20, 20 апокрисиариев — по 12, 43 торговых человека — по 12,

священник Григорий — 8, люди Святослава — по 5, 6 людей из свиты апокрисиариев — по 3, переводчик княгини — 15, 6 приближенных женщин княгини — по 20 и 18 прислужниц — по 8 милиарисиев. Это были именно дары, а не «слебное», предусмотренное договорами Олега и Игоря, так как странным кажется, чтобы «слебное» специально записывалось в церемониал и чтобы его подносили Ольге на золотом, украшенном дорогими камнями, блюде.

На этом первая аудиенция кончилась. Второй прием Ольги Константином Багрянородным состоялся только 18 октября, в воскресенье. Обед был дан в Золотой палате, «и сел царь с Руссами, и опять был дан другой обед в пентакувуклии св. Павла и села государыня с багрянородными детьми ее, невесткою и княгинею...». После обеда Ольге и всей ее свите опять были вручены денежные дары, на этот раз несколько меньшие, нежели при первом приеме.[71]

Когда уехала Ольга и с какими результатами, о чем беседовала она с императором, мы не знаем. Но, очевидно, ее поездка не привела к ожидаемым результатам.

Обращает на себя внимание сам прием Ольги. Хотя Скилица—Кедрин сообщает, что Ольгу принимали с большим почетом, тем не менее она ожидала иного, и горечь ее разочарования отразилась в летописном рассказе. Ольгу и ее свиту принимали и одаривали как послов, очень важных, но все же только послов. В частности, незадолго до приезда Ольги в Константинополь было принято посольство сирийских правителей — Гамданидов. Прием его ничем, по сути дела, не отличался от приема Ольги, за исключением того, что Ольга как «игемона и архонтисса» была избавлена от поклонов и челобития императору, которое требовалось от других послов.

Это не могло не стать известным Ольге и глубоко ее задело. Обидным было и длительное и томительное ожидание первой, а затем и второй аудиенции. Посольство Ольги, по-видимому, не привело ни к каким результатам и в отношении реализации тех планов в области расширения торговли Руси с Византией, и в улучшении положения русских купцов в Византии, в деле укрепления русско-византийского союза и учреждения христианской церкви на Руси, реализация которых была целью путешествия Ольги в Византию. Быть может, Ольга обращалась к императору и с просьбой дать какие-либо атрибуты царской власти: одежды, короны, украшения, с просьбой, которая вполне понятна, если учесть то, что мы говорили в отношении Игоря, утвердившего свою власть там, где недавно еще правили наместники императора. Для того чтобы укрепить свое влияние в землях, где еще недавно высшей властью была власть императора Византии, киевский князь стремился подчеркнуть, что он — прямой преемник императора, и доказать это наличием у него императорских инсигний. Но эти просьбы Константин Багрянородный называл неприличными, неуместными и дерзкими.

Итак, миссия Ольги кончилась ничем. И единственным следом ее явилось «блюдо велико злато служебное Ольги руской, когда взяла дань (подарки? — *В. М.*), ходивши ко Царюграду... во блюде же камень драгий, на том же камени написан Христос... у того же блюда все по верхови жемчюгом учинено...[72] Это блюдо видел Антоний на рубеже XII и XIII вв. при своем посещении Константинополя.

Как мы видим, Константин Багрянородный, вопреки рассказу летописца, ничего не говорил о крещении Ольги в Константинополе, хотя такое событие вряд ли ускользнуло бы от его взгляда ученого и государственного деятеля. Но не надо забывать того, что сочинение Константина Багрянородного «De cerimoniis aulae Byzantinae» носит специфический характер и посвящено изложению царского чина. Дать историю дипломатических отношений оно не ставило своей целью, и поэтому в той части своих сочинений, где Константин Багрянородный говорит о приемах и церемониях, он мог и не написать ничего о крещении Ольги.

Быть может, мы могли бы пройти мимо рассказа летописца о крещении Ольги в Константинополе, если бы прямое указание на это событие не имело места в других источниках. Современник императора Оттона I и его хронист, так называемый «Продолжатель Регинона», сообщает, как в 959 г. «пришли к королю (Оттону I. — *В. М.*), как после оказалось лживым образом, — послы Елены, королевы Ругов, которая при Константинопольском императоре Романе крещена в Константинополе, и просили посвятить для сего народа епископа и священников».

Что Елена («Helenae reginae Rugorum») — Ольга, а руги — русские, — это несомненно. Еленой именуют Ольгу по крещении русские «Жития» и «Похвалы». В других западных хрониках говорится о послах русского народа («legati Ressiae gentis»), о путешествии епископа Адальберта на Русь («presul Rusciae»).

В 960 г. на Русь уже готовился ехать епископ Либуций, но незадолго до намеченного срока он неожиданно умер. Тогда уже в 961 г. на Русь был отправлен другой епископ, Адальберт. Но и его миссия ни к чему не привела. «Возвратился назад Адальберт, поставленный в епископы Ругам, ибо не успел ни в чем том, за чем был послан, и видел, что все его старания тщетны».[73]

Если наша летопись связывает крещение Ольги с Константином, в царствование которого имела место миссия Ольги в Константинополь, то западноевропейские хроники указывают на царствование императора Романа II, сына Константина, как на время крещения Ольги в Константинополе. Но подмена одного имени другим не должна нас смущать, так как Константин Багрянородный умер в ноябре 959 г., и сейчас же вступил на престол Роман; одно имя в такой обстановке легко могло быть заменено другим. Важно отметить то, что западные хроники упорно называют местом крещения Ольги Константинополь, что подтверждает летописное сообщение. Заимствования тут быть не могло. Русские послы не могли выдумать такую версию и назвать свою княгиню Еленой, если этого не было в действительности. В. А. Пархоменко для объяснения показаний западных хроник выдвигает предположение о второй поездке Ольги в Константинополь, уже при Романе, которая закончилась крещением русской княгини.

Его точка зрения подверглась критике со стороны А. Е. Преснякова, считающего, что для такой концепции нет достаточных оснований и вторая поездка Ольги в Царьград является фантазией. Таким образом, вопрос остается нерешенным, и можно построить еще одну гипотезу, которая, перефразируя Преснякова, может быть не лучше, но и не хуже других. По-видимому, холодный прием, оказанный Ольге в Константинополе, объясняется тем, что принятие Ольгой христианства не привело к подчинению

русских христиан Византийской церковью, а быть может, она не получила «полного крещения», т. е. епископского миропомазания. Обе стороны были взаимно недовольны друг другом. Поездка Ольги затянулась. Впоследствии, при Романе, она добилась «полного крещения», и ее поездка в Константинополь, принятие ею епископского миропомазания в западных хрониках смешались и слились воедино, и поэтому поездка Ольги в Константинополь и крещение ее оказались связаны с именем Романа.

Высказанное мной — только предположение, так как надежный вывод из разноречивых источников невозможен. Чем же вызвано посольство Ольги к Оттону? Нет никакого сомнения, что «вещая» Ольга, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой, понимала, что перед Русью встал вопрос о том, как и с кем в союзе войти в круг могущественных христианских держав Европы. Это можно было сделать, только вступив в союз с кем-либо из императоров: или с императором «Священной Римской империи», или с императором Восточно-Римской империи. Перед Русью уже тогда встала альтернатива: с кем идти — с Западом или с Востоком. Весь христианский мир был объединен в две империи: Западную и Восточную. Приобщиться к цивилизации, войти в круг европейских государств означало прежде всего приобщиться к христианской церкви, которая еще не успела окончательно разделиться на западную — католическую и восточную — греческую, православную. И, не получив от Византии того, что она ожидала, ни по линии политического союза и дипломатических связей, ни по линии создания на Руси сколько-нибудь самостоятельной церковной организации, митрополии или хотя бы архиепископии, усмотрев в приеме, оказанном Константином Багрянородным, явное третирование и пренебрежительное к себе отношение, увидев, что Византия не собирается помочь Руси в деле укрепления путем христианизации ее международного положения, Ольга обращается к Оттону.

Посольство русской княгини к императору Оттону I, в те времена еще могущественному королю, преследовало также определенные политические цели. Но Оттон, рьяно насаждавший христианство, решил воспользоваться посольством «Елены, королевы Руси» для того, чтобы таким путем, использовав церковь как орудие своей политики, вовлечь Русь в орбиту влияния Запада. Быть может, этому способствовали и неосторожные речи послов Ольги. Во всяком случае, когда Адальберт прибыл на Русь, выяснилось, что его, собственно, никто не просил, так как, во-первых, к 961 г. натянутые отношения между Русью и Византией уступили свое место нормальным связям, и Роман II просил у Ольги помощи для организации похода на Крит. Эта помощь была ему оказана, и русский отряд выступил вместе с византийским войском. Во-вторых, епископия Ольгу не устраивала, и, наконец, в-третьих, вряд ли языческая Русь, еще очень слабо связанная в те времена с Западом, позволила бы таким путем посягнуть на ее независимость хотя бы в самой завуалированной форме. И Адальберт вернулся ни с чем. Иначе и быть не могло, так как Ольга ставила своей целью не только насаждение христианства на Руси Западной или Восточной империей, но прежде всего — установление определенных политических взаимоотношений между ними и Русью. Одно без другого не мыслилось. Но вот этих-то связей, обусловливающих укрепление международного положения на Руси, ей не удалось установить ни с Византией, ни с германским императором.

Умелая политика Ольги, «мудрость» ее дали ей возможность быстро распознать намерения обоих императоров и отказаться от неосторожного шага, который мог губительно отразиться на неокрепшей еще Руси и способствовать потере ею своей самостоятельности. Она отказалась от навязываемых ими условий. Вот почему вопрос о христианстве и союзе с Западом или Востоком при Ольге не был разрешен, и христианство осталось частным делом русской княгини, к которому она не могла приобщить даже своего сына Святослава. Сказалось и то, что сама Русь была еще в недостаточной степени подготовлена к тому перевороту в идеологии, который был связан с принятием новой религии.[74] Вот почему христианка Ольга даже в своей семье была одинокой. Ольга часто обращалась к сыну Святославу, говоря: «Аз, сыну мой, бога познах и радуюся, аще ты познаеши и радоватися почнешь», на что получала в ответ: «Како аз хочю ин закон прияти един? а дружина моа сему смеятися начнуть». В этом рассказе летописца немало правды. И всей своей деятельностью, такой отличной от деятельности матери, Святослав покажет, что язычество еще очень сильно и Русь должна еще пройти немалый путь, пока внук Ольги не сделает христианство, хотя и основательно оязыченное, господствующей на Руси религией.

Двор Ольги, ее окружение, даже семья оставались языческими, за исключением, быть может, очень немногих. Вот почему сообщение весьма ценной и достоверной «Памяти и Похвалы» Владимиру Иакова Мниха о том, что Ольга, вернувшись из Царьграда, «требища бесовськая съкруши», может быть понято как уничтожение Ольгой каких-то дворцовых, частных, ей лично принадлежащих требищ. И в этой же связи стоит сообщение о том, что она «бе бо имущи презвутера втайне».[75] Христианская религия, очевидно, была еще лишь терпимой, полудозволенной, и хотя Ольге, конечно, скрывать свое христианство было не к чему, да и невозможно, но и выставлять его напоказ она не хотела, и взгляды растущего Святослава на христианскую религию не способствовали укреплению авторитета «презвутера» Ольги в княжеской семье. Вот почему во времена княгини-христианки в Киеве «аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому», вот почему «заповедала Ольга не творити тризны над собою, бе бо имущи презвутер, сей похорони блаженную Ольгу».[76]

Долгое время, до 964 г., Ольга была регентом. Сын ее Святослав «бе бо детеск». И Ольга «кормящи сына своего до мужьства его и до възраста его».

История княжения Святослава — это «последний взмах меча, создавшего основу Киевского государства. Потому „последний“, что в то время уже работали другие исторические силы над созданием новых условий для концентрации восточного славянства как основы новой исторической народности» (А. Е. Пресняков). Кочевники-печенеги и упорное сопротивление Византии при Иоанне Цимисхии, энергичном и воинственном армянине на византийском престоле, заставили русскую государственность замкнуться на определенной территории, отказавшись от притязаний на земли империи, и отгородиться от степи цепью городов-укреплений, а развитие производительных сил, рост материальной и духовной культуры, укрепление новых форм гражданственности, новых форм общественного и политического быта, свойственных развивающемуся феодализму,

создали иную организацию внутреннего строя Руси и видоизменили ее внешнюю политику.

Недолгое, продолжавшееся менее десяти лет княжение Святослава наполнено шумом битв. Русские дружины прошли от Оки до Кавказа и от Волги до Адрианополя, вписав славную страницу в великую книгу истории русского народа.

Венчанное победой и славой овеянное русское оружие проложило Руси дорогу на Восток и на Юг и в бесчисленных битвах вселило в «ворогов» Руси убеждение в ее могуществе и монолитности.

Немногими, но выразительными словами, яркими красками рисует летопись времена Святослава и самого русского князя, запечатлевшего в веках свой образ мужественного русского воина.

Святослав — не правитель. Он — воин, вождь многочисленного и храброго воинства, дружинный князь, сын своего века и своего народа, олицетворение «славного варварства», героического, дружинного периода в истории русского народа. Он — князь времен «военной демократии», превыше всего ставящий свою дружину, сам первый дружинник и воин земли Русской, ничем ни в быту, ни в привычках, ни в одежде не отличающийся от своей «братьи» — дружинников.

Недаром летописец создает свой незабываемый образ Святослава; недаром чувством любви и восхищения к этому князю, воплощающему в себе все лучшие черты русских «воев» далекой поры «старых» князей, проникнуты строки летописного повествования; недаром песни дружинников Святослава о «тропе Трояновой», у подножья которой сверкал русский меч, распевались еще Бояном, «соловьем старого времени», и навеки были сохранены для далеких потомков русских воинов князя-дружинника автором «Слова о полку Игореве» в его чудесном произведении. И даже язычество Святослава не помешало русским «книжным» людям времен раннего христианства и гонений на язычество не пожалеть красок для яркого полотна княжения Святослава.

И недаром в народных поговорках, в словах и фразах нашего времени, характеризующих мужество и храбрость русских, до сих пор еще живет Святослав, до сих пор еще звучат его бессмертные слова: «Иду на вы», «Ляжем костьми, но не посрамим земли Русской».

Разве эти слова, сказанные когда-то Святославом и определяющие весь смысл его жизни и деятельности, не живут еще в наши дни и не будут жить вечно?

Деятельность Святослава развертывается с 964 г., когда он «възрастьшю и възмужавшю, нача вои совокупляти многи и храбры».

Взоры Святослава были обращены на Восток. Здесь лежали земли хазарского кагана, которому еще были подвластны вятичи. Вятичи и до Святослава были связаны с Киевом, и не раз из дремучих вятичских лесов к Киеву шли «вои», для того чтобы принять участие в походах русских князей. Но они, уже включенные в орбиту влияния Киева, еще оставались данниками хазарского кагана и не участвовали в создании древнерусской государственности.

Поход Святослава на Хазарию преследовал своей целью разгром восточного соседа Руси, враждебного ей и по-прежнему, что вытекает из письма царя Иосифа Хасдаи-ибн-Шафруту, претендовавшего на славянские земли, уже давно включенные в состав Киевского государства. Хаза-

рия становилась барьером, преграждающим Руси путь на Восток, враждебной силой, пытающейся приостановить процесс объединения под властью киевского князя русских племен, затормозить рост русской государственности и отрезать Русь от Волги, Дона и Кавказа.

Стремительное разрастание Руси, ее неуклонное продвижение на юго-восток, появление русских опорных пунктов в Крыму и на Тамани, походы русских на Закавказье, естественно, вызывали сильное беспокойство в Хазарии, где на русского князя смотрели как на узурпатора, захватившего по праву им, хазарам, принадлежавшую власть над племенами Приднепровья и сопредельных славянских земель, лежавших к востоку от Днепра, над племенами, которые еще недавно были данниками князя, о чем очень хорошо помнили в Хазарии времен Святослава. Хазария становилась все более и более враждебной, и столкновение ее с молодым, но могущественным русским государством, «собиравшим» под опекой Киева все «словенские языки» Восточной Европы, было неизбежным. В этой связи большой интерес представляют анонимные греческие отрывки, носящие в литературе название «Записка греческого (или готского. — *В. М.*) топарха». В них говорится о том, как жители города Климаты и их «сторонники», «не имея никакого понятия о царской милости или не зная греческих нравов и любя более всего независимость, будучи соседями сильного царя, обитавшего на север от Истра», решили спастись от нападений варваров, опустошавших их страну, присоединением к «царствующему на севере Истра». Они склонили к этому и самого автора «Записки», повелителя города и области Климаты, который и отправился к своему могучему северному соседу.

«Царствующий на севере Истра» охотно принял его под свое покровительство, отдал топарху Климаты, присоединив еще целую область, и определил значительные годовые доходы. В «Записке» описываются путешествие на север, переправа через Днепр в условиях холодной зимы, города и поселения низовьев Днепра и прибрежной полосы и их население, нигде, правда, не называемое, но в котором нетрудно усмотреть тех же местных жителей, которые населяли и Климаты.

Можно считать установленным, что время действия «Записки готского топарха», судя по астрономическим наблюдениям (при переезде топарха через Днепр Сатурн был в знаке Водолея, что имело место именно в указанное время), — 962—963 гг. Место действия «Записки» — Крым, Черноморское побережье, низовья Днепра. Климаты с прилегающей к ним областью находились в Крыму. «Царствующий на севере Истра», т. е. Дуная, был несомненно Святослав, так как для Византии, для грека метрополии, Русь была действительно на севере от Истра, а топарх, по-видимому, именовал своего могущественного соседа так, как называли его в Византии. В варварах, опустошавших независимые или почти независимые от Византии города и области, также нетрудно усмотреть хазар, пытавшихся вернуть себе влияние в Крыму.

Здесь, где-то в Крыму, на севере и востоке полуострова, лежали владения, подвластные киевскому князю.

Население Климатов и области имело нравы, одинаковые с обычаями, господствующими в землях «царствующего на севере Истра». Это еще одно указание на связи, культурные и бытовые, между варварским населением Тавра и Руси, которые не раз отмечают греческие источники. Ста-

ринные связи русских и обитателей Крыма, наличие русских земель и владений в Крыму — все это приводило к естественному тяготению жителей Тавра к Руси, что отмечают и византийские, и русские источники на всем протяжении IX и X вв. (Игорь, Святослав, Владимир, Ростислав).

Изучение «Записки» и связанной с ней литературы дает основание нарисовать такую картину событий в Крыму.

Жители города Климаты, разоряемые хазарами, заставляют своего топарха обратиться за помощью и покровительством к Святославу, владения которого находятся где-то тут же, неподалеку, в Крыму.

Святослав охотно принимает это предложение, так как его влияние в Крыму таким образом еще более усиливается. Этим и объясняются его радушие и щедрость по отношению к топарху.

Таким образом, готовясь к борьбе с Хазарией, усилившей свою активность в Крыму, в непосредственной близости к его таврическим владениям, Святослав прежде всего заручается поддержкой тяготеющего к Руси местного населения, которое он берет под свое покровительство. Так подготавливалась война с Хазарией.[77]

И когда в 964 г. Святослав «иде на Оку реку и на Волгу», то главной его задачей был удар по Хазарии, и только попутно, продолжая традиционную политику подчинения Киеву славянских племен, он «налезе Вятичи». И «рече Вятичем» Святослав: «Кому дань даете?» Они же реша: «Козарам по щьлягу от рала даем». Это был поход «сквозь вятичи», имеющий целью пробиться на Волгу и вступить на территорию собственно Хазарии, и только. По-видимому, Святослав не задерживался в Вятичской земле и не возвращался в Киев, отложив дело освоения Вятичской земли и обложения ее населения данью на более позднее время, когда закончится война с хазарами. Вот поэтому-то уже в следующем 965 г. Святослав «иде... на Козары». «Слышавше же Козари, изидоша противу с князем своим Каганом, и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав Козаром, и град их Белу Вежю взя. И ясы победи и Касогы».[78]

Так рассказывает о походе Святослава на хазар «Повесть временных лет», датируя разгром хазарского кагана 965 г. Летописный рассказ дает основание предполагать, что военные действия развернулись где-то в районе низовьев Дона и на Северном Кавказе. Здесь стоял Саркел и жили в степях и предгорьях Кавказа ясы и касоги (черкесы, которых их соседи, осетины, и теперь называют «käcär»). Ясы жили и в степях Подонья. О походе русских на Хазарию во времена Святослава говорит и арабский писатель X в. Ибн-Хаукаль. В своей «Книге путей и государств» (977—978 гг.), рассказывая о городе Булгар (Великие Булгары), он сообщает, что «... Русы ограбили его, Хазран (торговая часть Итиля. — *В. М.*), Итиль и Самандар (Семендер) в 358 (969) году и отправились тотчас в Рум и Андалус». Далее говорится о торговле русов «в Булгаре прежде чем они разрушили его в 358 году». И наконец, рассказ Ибн-Хаукаля заканчивается тем, что он повествует о дальнейших судьбах народов Поволжья, подвергшихся нападению русов. «Русы напали на все это, разрушили все, что было по реке Итиль, принадлежавшее Хазарам, Булгарам и Буртасам, и овладели им. Жители Итиля же убежали на остров Баб-аль-Абваба, а часть их живет на острове Сиа-Ку в страхе».[79]

Таким образом, если летопись датирует поход Святослава на Хазарию 965 г. и локализует действия его дружин Подоньем и Северным Кавка-

зом, то Ибн-Хаукаль говорит о походе русов во времена Святослава на болгар, буртасов и хазар и районом действия русских отрядов считает огромную территорию от Камы до Семендера.

Для решения вопроса о том, как согласовать сообщение летописи с рассказом Ибн-Хаукаля, были ли русские дружины Святослава теми же самыми русами, о которых говорит великий путешественник по землям мусульманского Востока Ибн-Хаукаль, важно узнать, был ли сам Ибн-Хаукаль на Волге, притом после 969 г., или вплоть до написания им своей «Книги путей и государств» (977—978 гг.) он знал о походе русов только по рассказам джурджанцев.

Можно полагать, что второе предположение более вероятно. Только одно место в рассказе Ибн-Хаукаля говорит, казалось бы, за то, что он сам побывал в бассейне Волги. Говоря о краткости летних ночей, он замечает: «Я был свидетелем того, что указывает на правдивость такой вещи, когда я был поблизости от их страны...». Но в сочинении Ибн-Хаукаля встречаются не раз места, где из источников выписываются рассказы от первого лица без указания того, что это говорит именно источник, а не автор. Кроме того, остается неизвестным, было ли это путешествие, если предположить, что оно действительно имело место, до или после 969 г. Таким образом, мы отнюдь не должны считать, что 358 год гиджры (ноябрь 968 г.—ноябрь 969 г.) был именно годом нашествия русов. Скорее всего, это был год, когда Ибн-Хаукаль, находившийся в Джурджане, узнал со слов местных жителей и беглецов из Хазарии о недавнем нападении русов.

Об этих беглецах из Поволжья сообщает Ибн-Хаукаль: «В это наше время не осталось ничего ни от болгар, ни от буртасов, ни от хазар. Дело в том, что на всех них произвели нашествие русы и отняли у них все эти области, которые и перешли во власть их (русов); кто спасся от их руки, те расселились по соседним областям, желая находиться вблизи своей страны и надеясь заключить с ними договор и вернуться под их владычество».[80]

Между нашествием русов и рассказом о нем джурджанцев, записанным Ибн-Хаукалем, прошло несколько лет. Беглецы из Итиля и Семендера, разрушенных русскими воинами, уже некоторое время жили на островах Баб-аль-Абваба (быть может, остров Чечен) и Сиа-Ку (возможно, остров Булалы), примирившись с мыслью, что бывшие владения кагана останутся под властью русских, и хотели заключить с русами договор и вернуться в родные края, чтобы остаться там жить уже под иноземной властью. Вот, наверное, они-то, вернее, их рассказы в переделке джурджанцев, и послужили основой для рассказа Ибн-Хаукаля.

Что же касается его сообщения о том, что русы тотчас же отправились в «Рум и Андалус», то это место в рассказе Ибн-Хаукаля, послужившее поводом к созданию теории о том, что поход руси на «Рум и Андалус» был предпринят какой-то не связанной со Святославом норманской вольницей, объясняется совершенно иначе. Дело в том, что норманны действительно напали в 970 г. на берега Испании и весной этого года ими был взят и разграблен город Сан-Яго-де-Компостелла. Летом 971 г. в столице арабской мусульманской Испании было получено известие о появлении поблизости норманнов, и флоту, стоявшему в Альмерии, было приказано отправиться в Севилью.[81]

Вот эти события, слух о которых до него дошел, ибо события в арабской Испании быстро становились известными всему мусульманскому миру, Ибн-Хаукаль связал вместе, признав в норманнах русов, подобно тому как Ахмед-аль-Якуб-ал-Катиб (ель-Кетиб) назвал «Русью» напавших на Севилью в 844 г. норманнов.

Это смешение «русов» и норманнов объяснялось тем, что, когда ал-Катиб писал свое сочинение (вскоре после 980 г.), еще живо было воспоминание о первом походе русов на Закавказье, имевшем место около 880 г.[82]

Как полагал еще даже такой рьяный норманист, как Томсен, Ахмед-аль-Якуб-ал-Катиб перенес имя «Руси», ставшее общеизвестным на Востоке после ее похода 880 г., на норманнов потому, что нападения первых на побережье Черного и Каспийского морей очень напоминали набеги норманнов на побережье Западной Европы.

Так же точно поступил и Масуди, который, сообщая о нападении язычников на Андалус, Испанию, писал: «Я же думаю... что этот народ — Русы... ибо никто, кроме них, не плавает по этому (Черному) морю, соединяющемуся с морем Укиянус (океаном)».[83]

Поводом к этому отождествлению русов и норманнов могло служить и наличие подлинных, не фантастических скандинавов в рядах русских дружинников, и, по-видимому, далеко не малочисленны были эти варяжские викинги, принимавшие участие в походах русских «воев» и нередко выступавшие организаторами грабительских походов, сделавших имя «Руси» страшным на Востоке.

Таким образом, русы, напавшие в 970 и 971 гг. на Андалус, Испанию, не были участниками борьбы с хазарами, болгарами и буртасами, а стали таковыми только в результате ученых рассуждений Ибн-Хаукаля.

Поход русов на болгар, буртасов и хазар, взятие ими Итиля, Хазерана и Семендера не были налетом норманской вольницы. Русы пытались обосноваться в завоеванных ими землях надолго, навсегда и считали покоренные края своей землей, подобно тому как позднее Святослав считал «своей» землей края, добытые им мечом, отвоеванные им в тяжелой борьбе «города по Дунаю».

Мы видели, что поход русов на Бердаа 944 г, поход на Волгу и на Кавказ в 60-х годах X в., войны Святослава на Дунае и Балканах — все это звенья одной и той же цепи, которые отражают «стремительное разрастание империи Рюриковичей» (К. Маркс). Русские стремились укрепиться на Востоке, захватить здесь земли, распространить на них свою государственность. Беглецы из Итиля и Семендера прекрасно понимали, что русских не прогонишь, что они прочно закрепились на завоеванной территории, и единственной своей целью ставили заключение соглашения с ними, для того чтобы вернуться в родные края и там уже жить под властью русских, которые, наверное, предоставляли им возможность нормально жить и заниматься своим делом, как это было в Бердаа в 944 г. Во всяком случае беглецы были исполнены надежд на то, что им это удастся, и оставались жить поблизости от своих разгромленных и захваченных городов. На это у них, по-видимому, были какие-то основания. И их надежды оправдались. Беглецы вернулись к себе домой, так как русы ушли, но отнюдь не под чьим-либо давлением. Они действительно «отправились тотчас в Рум», т. е. в Византию. Внимание Святослава привлекли другие дела. Перед ним встали другие, несравненно более грандиозные задачи.

Обстановка была благоприятная, и со всем присущим ему пылом и энергией он принялся за их реализацию.

Вот этот-то поход «в Рум» и отразил в своем рассказе Ибн-Хаукаль.[84]

Задача на Востоке была решена — Хазария уже никогда не смогла оправиться от нанесенного ей Русью удара, и последние ее остатки были добиты в 1016 г. объединенными русско-византийскими отрядами.

Начался новый этап во внешней политике Святослава. Расширение русской державы, обусловленное ее тягой к богатым странам древних цивилизаций, тягой, столь характерной для варварских политических образований, пошло не по пути распространения владений русского князя все далее и далее на Восток, в страны мусульманского мира, что могло бы несомненно привести к вовлечению Руси в орбиту влияния мусульманской культуры и ислама, а по пути попыток создания могучей славянской, русско-болгарской державы, основанной на обломках византийской империи и с центром в Византии, со славянином-императором во главе, с византийско-славянской христианской культурой в основе. Но этим попыткам не суждено было осуществиться.

Подводя итоги анализу источников, мы можем попытаться восстановить, конечно предположительно, историю похода Святослава на Восток.

В 965 г., идя Окой, Святослав выходит на Волгу и разбивает по дороге болгар и буртасов (мордву). Город Булгар подвергся разорению. Не задерживаясь здесь, русские спускаются вниз по Волге, берут Итиль, разрушают его дома и юрты, сделанные из плетеных прутьев и обмазанные глиной, а затем захватывают славившийся на Востоке своими садами и виноградниками Семендер.

Об этом городе «разведал... в Джурджане по свежести памяти о нем» Ибн-Хаукаль.

Где-то у Итиля Святослав разбил войско хазарского кагана. В составе русских дружин в качестве их союзников шли и какие-то тюркские отряды.

Об этом, по-видимому, говорят Ибн аль-Асир и Ибн-Мискавейх, сообщающие о нападении в 965 г. (354-й год гиджры) на хазар какого-то турецкого народа.

Тюркские отряды шли не Волгой, в ладьях, а степями, как это было во времена Владимира, сына Святослава, ходившего вместе с торками на болгар.

Использование печенегов в качестве вспомогательного войска имело место еще во времена Игоря, когда он ходил в союзе с ними на Византию, взяв у печенегов «талей» (заложников). Привлекал кочевников на службу и Святослав, что видно из его войн на Балканах и Дунае. Обратный путь Святослава на Запад (о причинах, побудивших его бросить завоеванные им земли на низовьях Волги и на Каспийском побережье Кавказа и устремиться в Киев, а оттуда выше по Дунаю, было уже сказано) лежал к Тамани, где еще раньше был создан форпост Руси. Этот поход был предпринят на конях, и его путь совпадал с путем похода русов в 944 г. По дороге к Тамани Святослав подчиняет касогов и ясов, оттуда идет степями Северного Кавказа к низовьям Дона, берет хазарскую крепость Саркел, отныне становящуюся русской Белей Вежей, и возвращается в Киев.

И последним этапом восточной политики Святослава было наложение дани на вятичей. В 966 г. «Вятичи победи Святослав, и дань на них възложил».[85]

Подчинение вятичей Святославом, правда, было непрочным, и в летописном рассказе, по-видимому, отразился лишь эпизодический поход его по дань в землю вятичей. Это вытекает из того, что еще Владимир дважды ходил на вятичей, ходил на них, на вятичского племенного князя Ходоту с сыном Мономах, и только в середине XII в. вятичская земля окончательно потеряла свою независимость и подпала под власть князей-рюриковичей. Но от власти хазар вятичи были освобождены уже тогда, так как хазарское государство фактически прекратило свое существование, распавшись под ударами Святослава.

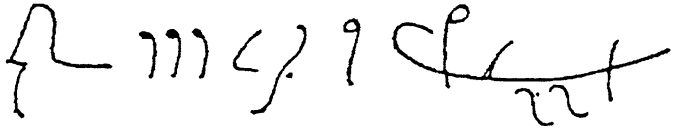
Но между освобождением вятичей от власти кагана и включением их прочно в состав древнерусской государственности, так же как и радимичей, прошло немало времени. Многих исследователей смущает вопрос: если действительно поход русов, описанный Ибн-Хаукалем, есть не что иное, как поход Святослава, то почему же летопись, говоря о взятии им Саркела, умалчивает о занятии таких гораздо более значительных городов, как Болгар, Итиль и Семендер?

Я не нахожу в этом противоречия, так как летописец, говоря о походе Святослава на хазар, перечисляет лишь те народы и города, которые стали данниками Руси и вошли в состав ее земель. Ясы и касоги стали русскими данниками задолго, во всяком случае до времен Олега Святославича и даже раньше, а Саркел конца X—XI вв. — чисто русский город с русским населением, покинутый им только в 1117 г., когда беловежцы, притесняемые половцами, вернулись на Русь.[86]

Ставшие русскими степи от низовьев Дона до предгорий Кавказа и упоминаются в летописи, как оставшиеся за русскими после грандиозной битвы Святослава с хазарами. О других областях и землях, временно завоеванных русскими и скоро («тотчас») ими оставленных, летописец не упоминает, подобно тому как не упоминает он и о русских походах на Восток, на Каспий и в Закавказье, хорошо известных мусульманским и еврейским источникам («Кембриджский документ», «Письмо царя Иосифа Хасдаи-ибн-Шафруту»). Каковы же были итоги похода Святослава на Восток? Хазария была разгромлена. Власть русского князя распространилась до Кавказских гор. Ибн-ель-Недим в «Книге росписи наукам» (987—988 гг.), сообщая о русских письменах, говорит об одном «из царей горы Кабк» (Кавказа), вступившим в переписку с «царем Русов» и отправившим к нему посла, которому тот и вручил некий дипломатический документ, составленный из письмен, вырезанных на куске белого дерева.

Ибн-ель-Недим старательно скопировал в своем сочинении эти знаки, до сих пор не прочитанные.

Выглядят они так:



Гедеонов пытался увидеть в этих знаках надпись «СТОСВЪ», т. е. «Святослав».[87] Но это предположение остается на совести его автора. Во всяком случае из указаний Ибн-ель-Недима с неизбежностью вытекает, что во времена Святослава с могущественным «царем Русов» вынуждены были считаться «цари» кавказских народов, устанавливать с ним связи,

добиваться союза и дружбы, признавать свою зависимость от него, отправлять к нему послов, заводить переписку. Русские прочно закрепились на Тамани, положив начало своему владычеству на обоих берегах Керченского пролива, превратив эти места, добытые еще во времена «Хальгу» и Игоря мечом и дипломатией, из опорных, но еще не освоенных, не крепко с Русью связанных пунктов в сильное русское Тмутараканское княжество, подчинившее своей власти ясов, касогов, остатки хазар, отчасти обезов (абхазцев), опасное для Византии уже хотя бы в силу тяготения известной и немалой части населения византийской «Корсунской страны» к русским.

Влияние русских в Крыму и на Кавказе, столь ярко проявляющееся в договоре 944 г., еще больше усиливается. Торговые пути-дороги потянулись из Руси в Тмутаракань. Один путь шел водой, Днепром и Черным морем вдоль берегов Крыма, к Тмутаракани, а другой пролегал в степях. Купеческие караваны и дружины шли степями к Белой Веже и дальше Доном в Азовское море или, перейдя Дон, степями же на низовья Волги и Северный Кавказ. Степь обрусела. И длинной лентой тянулись по черноморско-азовским степям туда, на восток и юго-восток, русские дороги и стояли заселенные русскими города. Появилось постоянное русское население на Нижнем Дону и Северном Кавказе. И даже печенежские орды не сумели разрезать эту ленту, нарушить связь русского Приднепровья с русскими низовьями Дона, Таманью и Корчевым (Керчью). Это удалось сделать только половцам, сумевшим превратить ко времени «Слова о полку Игореве» Посулье, Поморье и Тмутараканский пролив в «землю незнаему».

В то же самое время разгром Хазарии имел и очень тяжелые для Руси последствия. Пала стена, сдерживавшая напор кочевников и мешавшая им широкой волной залить черноморские степи. Ранее орды кочевых тюркских племен могли только просачиваться, теперь они стали хозяевами степей. И эту перемену скоро испытал на себе сам стольный Киев, став объектом нападения усилившихся печенегов. Таким представляется нам ход событий во времена похода Святослава на Восток, так следует расценивать его итоги. Начинается новый этап войн Святослава. Его внимание привлекают Дунай, Болгария, Византия. И на этот раз поход, готовящийся Святославом, преследовал своей целью не военную добычу — результат успешного налета, не заключение выгодного торгового соглашения, а создание «империи на юге» (К. Маркс), в которой воины-русы были бы не наемниками, а хозяевами.

Святослав стремился к созданию могучей славянской русско-болгарской державы у самых стен Византии с целью завоевания этой последней. Отсюда и особенности войн Святослава в Болгарии и Византии. Войны эти ставили своей задачей не сбор контрибуции, а завоевания, и вскоре представился случай использовать создавшуюся на Балканах обстановку.

Во времена болгарского царя Симеона (893—927 гг.) Болгария добилась в войнах с Византией исключительного успеха. Правда, Византия не была окончательно разгромлена, но с преемником Симеона, Петром, ей пришлось заключить позорный договор. Болгаро-византийский договор 927 г. признавал за Болгарией совершенную политическую независимость, за ее царем — царский титул, за ее духовным владыкою — сан патриарха. Этим самым Болгария добивалась полной государственной и церковной независимости и превращалась в грозного соперника Византии

на Балканском полуострове. Византийская царевна стала женой Петра, империя обязывалась платить ему ежегодную дань, болгарским послам в Константинополе оказывался особый почет и всюду предоставлялось первое место. И за империей в Европе оставались лишь окрестности Константинополя, узкое побережье Эгейского и Ионического морей и Полопоннес.[88]

Но при византийском императоре Никифоре Фоке (963—969 гг.) наблюдаются первые признаки ослабления Болгарии. Болгария разделилась на два царства: Западное, где правил Шишман, и Восточное во главе с Петром. Петр оказался плохим продолжателем дела Симеона. Воспользовавшись этим, Никифор Фока отказался платить дань болгарам, сославшись на то, что Болгария нарушает договор 927 г. и не обороняет Византию от нападений венгров. Он даже попытался взять у болгар несколько пограничных городов.

Занятый борьбой с арабами в Сирии, где была в то время большая и лучшая часть его войск, Никифор Фока решает расправиться с Болгарией руками Святослава. Не имея достаточных сил для разрешения стоящих перед нею задач, Византия уже не раз, как это мы видели, искала помощи у Руси и использовала союзные и наемные отряды русских воинов. Бессильная империя вынуждена была идти к Руси за помощью, искать в ней поддержки для осуществления своих планов, и это бессилие Византии давало русским право претендовать на земли и богатства Восточного Рима.

В частности, в борьбе с Болгарией Симеона Византия использовала помощь Руси или во всяком случае обращалась к ней за поддержкой. Стоит вспомнить приведенные выше сообщения патриарха Николая Мистика (по другим данным — Арефы) и свидетельство «Повести временных лет» о том, как Игорь в 944 г. «повеле Печенегом воевати Болгарьску землю». Вскоре Никифор Фока увидел, что война с Болгарией сулит много трудностей. Он возвратился в столицу и отправил к Святославу посла. Выбор его пал на патрикия Калокира, «человека смелого и хитрого», родом херсонесита. С 15 кентинариями (1500 фунтов) золота тот отправился к «тавроскифам», т. е. к русским. Никифор Фока поручил ему склонить русского князя к войне с Болгарией, даже к завоеванию ее. Выполнить эту миссию, как мы уже видели, судя по стремлениям Святослава, было не так уж трудно. Посольство Калокира только ускорило ход событий.

Поездку Калокира к Святославу Лев Диакон Калойский датирует 965—966 гг. (индикт 9), а Скилица—Кедрин — 966—967 гг. (индикт 10), что ближе к действительности, так как в 965 и 966 гг. Святослав был еще занят походами на Восток. Явившись к Святославу («начальнику Тавров», как называет его Лев Диакон), Калокир приступил к выполнению своей дипломатической миссии. Он преподнес русскому князю богатые дары и начал склонять его к войне с болгарами. При этом то ли по поручению Никифора Фоки, то ли по своей инициативе Калокир предлагал Святославу Болгарию за помощь, которую тот должен был оказать ему «в завоевании Римского государства и получении престола. Он обещал ему за то доставить великие, бесчисленные сокровища из казны государственной».[89]

Возможно, что действительно для вящей убедительности и для того, чтобы еще скорей склонить Святослава к походу на болгар, Никифор Фока поручил Калокиру разыгрывать в Киеве роль претендента на импе-

раторский престол. Но Калокир быстро вошел в свою роль и, мечтая отложиться от Никифора Фоки и основать свое независимое владение в Крыму, этот предприимчивый правитель «Корсунской страны» подумывал и об императорской короне. Указание Скилицы—Кедрина о враждебности Калокира к Никифору Фоке подтверждает указанное предположение.[90] Не думаю, что Калокиру пришлось долго уговаривать Святослава. Русский князь давно уже стремился к Дунаю, к Византии.

Поэтому-то Калокир «понравился начальнику тавров», который полюбил хитрого херсонесита «как родного брата» (Лев Диакон). Идя в Болгарию, «пылкий, отважный, сильный и деятельный» (Лев Диакон) Святослав приступал к осуществлению своего плана. Пока что он хотел завоевать Болгарию и этим самым создать мощное славянское русско-болгарское государство с центром в низовьях Дуная, где «середа земли», где «вся благая сходятся» и лежат торговые и военно-стратегические дороги на юг, запад, север и восток, дороги, по которым должны были двинуться на «завоевание империи на юге» многочисленные и сильные русские дружины. Святослав пытался, и дальнейшие события это покажут, пойти по стопам болгарского царя Симеона, мечтавшего об огромном и мощном славянском государстве на Балканах с центром в Константинополе, столице славянизированной Византии, с властью в руках славянского царя.

Размах завоеваний, а следовательно, и планы Святослава поражают своими масштабами. Если бы Святославу удалось осуществить свои намерения, в Восточной и Южной Европе возникло бы колоссальное русское государство от Ладоги до Эгейского моря и от Балканских гор до Оки и Тмутаракани.

Предпринимать этот поход, не обычный, кратковременный набег на Византию, как это имело место ранее, а серьезное военное предприятие, ставившее своей целью завоевание и подчинение целых государств и народов, нужно было иными силами. И речь шла не о морском набеге на Царьград, а о сухопутном походе многочисленного войска.

Если в походах Святослава на Восток, по-видимому, принимали участие дружины воинов-профессионалов, то на Болгарию двинулось многочисленное воинство, составленное из «воев», «нарубленных» в разных концах Руси и из различных прослоек населения.

Для походов нужны были сравнительно немногочисленные, но хорошо вооруженные и опытные отряды дружинников; для завоевания стран и покорения государств необходимы были воинство, народные ополчения, целые рати «воев», необходимо было иметь в своем распоряжении вооруженный народ, воинские силы всей земли Русской.

В рядах «воев» Святослава наряду со старыми дружинниками было много юных, неопытных воев. Недаром Лев Диакон говорит о том, что Святослав «возбудил все юношество тавров к сему походу».

В поход на Дунай, в Болгарию, а потом и дальше, на Византию, шли не только вооруженные «лучшие люди» Руси, все эти «светлые» и «великие князья» и бояре, со своей вооруженной челядью и «отроками», не только норманские наемники-варяги, и менее всего именно они, не только профессионалы-воины, дружинники, для которых война была единственным источником и наживы, и самого существования. Шли те, кто еще вчера пахал землю или занимался ремеслом по «градам земли Русьской»,

«всякое людье» Руси. Об этом хорошо знали в Византии, и такого рода русских воинов имели в виду греки, презрительно отзываясь о войске Святослава, чем и объясняется приводимый Львом Диаконом ответ Святослава на насмешки византийцев: «Мы... покажем ему (императору. — *В. М.*) на самом деле, что мы не бедные ремесленники, живущие одними трудами, но храбрые воины, побеждающие врага оружием».[91] И своими действиями русские воины Святослава на деле доказали грекам, что их руки, в совершенстве владеющие орудиями труда, так же успешно могут разить врага смертоносным оружием. Поход Святослава был походом не дружин, а войска, даже больше того — вооруженного народа. Среди русских были и женщины. Трупы русских женщин с изумлением рассматривали греки, обходя поле битвы. Знатных русских сопровождали наложницы. Женщин-рабынь приносили в жертву русские воины, осажденные в Доростоле (Дристре).

Основную массу войска Святослава составляли пешие воины. Если русские дружинники-профессионалы предпринимали свои походы на конях или в ладьях, то «вои» шли пешком, чем и вызываются неоднократные замечания Льва Диакона о том, что русские — «пехотные воины» и «у них не было обыкновения сражаться на конях», что только в войне с византийцами они научились искусству сражаться на коне.

Эти замечания Льва Диакона свидетельствуют о попытках Святослава (первое время, очевидно, не очень успешных) в трудную минуту посадить свое пешее воинство на коней и этим самым усилить русскую конницу, которой пришлось все время иметь дело с сильной и многочисленной греческой кавалерией. Этим посаженным на лошадей пешим воинством Святослав усилил свою конную дружину и смог противопоставить ее «бессмертным» византийского императора.

Вооружение русских воинов составляли мечи, копья, луки со стрелами, ножи, топоры, а от ударов вражеского оружия их защищали большие, во весь рост, «до самых ног», щиты и кольчуги.

Таково было русское воинство, с которым Святослав совершил свой обессмертивший его имя поход. «Собрав ополчение, состоящее из шестидесяти тысяч храбрых воинов, кроме обозных отрядов» (Лев Диакон), со своими воеводами Свенельдом, Сфенкелем, Икмором (последних двух упоминает Лев Диакон, а первого — наша летопись) и с Калокиром, которого он «полюбил, как родного брата» (Лев Диакон), Святослав отправился в Болгарию.

Поход в Болгарию летопись датирует 967 г., а Скилица—Кедрин — августом 968 г. Святослав с войском в 60 000 воинов двинулся на Болгарию, и на этот раз его тактика, как и само войско, носила иной характер.

Идя в поход на Восток, Святослав применял тактику, наиболее целесообразную для борьбы с подвижными полукочевниками — хазарами, ясами, касогами, болгарами. Его обращение к врагу («хочю на вы ити») преследовало своей целью устрашить врага и заставить его сконцентрировать войска в одном месте, для того чтобы избавить русские дружины от необходимости разыскивать и разбивать поодиночке отдельные конные отряды противника. Сил же для разгрома всего воинства врага у него было достаточно.

Прием Святослава был удачен, и собранное каганом где-то, по-видимому у Итиля, войско Хазарии было разбито русскими.

В борьбе с подвижной конницей своих противников на Востоке Святослав использовал конные отряды дружинников и отряды воинов на ладьях, которые должны были наносить удары вражеским городам по Волге, выйти в море и громить прибрежные города.

Такой характер русского войска, действовавшего на Востоке, определил и организацию похода. Войско Святослава, идя на Волгу и Кавказ, «воз по себе не возяше, ни котьла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли, или говядину на углех испек ядеше, ни шатра имяше, но подъклад постлав и седло в головах». Так воевал Святослав, так «и прочии вои его вси бяху».[92]

С кочевниками Святослав воевал, как кочевник, но поход на Запад, в Болгарию, где пришлось бы столкнуться с иным войском и иными методами ведения войны, заставил Святослава приняться, как мы уже видели, за организацию иного войска и прибегнуть к иным способам войны, к другой тактике.

Огромное, шестидесятитысячное русское ополчение, большинство которого состояло из пеших воинов, не было столь подвижным, как конные дружины и отряды «воев в ладьях», и нуждалось для своего обслуживания в обозах. Об этих «обозных отрядах», сопровождавших русское войско в походе на Болгарию, говорит Лев Диакон. Очевидно, обозных отрядов было немало, и обслуживались они большим количеством людей, вооруженных и безоружных. Направляясь к Дунаю, Святослав отказался и от своего обычного обращения к противнику: «хочю на вы ити». Здесь, на Дунае, приходилось вести войну с войском, очень отличавшимся от войск хазарского кагана, отрядов болгарского хана или ясских и касожских князей, и момент внезапности нападения мог сослужить большую службу русским.

Святослав сделал все от него зависящее, для того чтобы скрыть от болгар приготовления к походу и выступление в поход. Путь Святослава лежал через Буг и Днестр к Дунаю. Здесь лежали земли уличей и тиверцев, поселения которых на Дунае, у побережья Черного моря, непосредственно соседили с поселениями болгар. Воины обоих русских племен «Великой Скуфи», как называли юго-западные земли восточнославянских племен византийцы, уже принимали участие в походах русских князей на Византию в качестве «толковинов», и поэтому нет ничего удивительного в том, что и на этот раз в Поднестровье и Подунавье к Святославу присоединялись воины «Великой Скифии», где собирали дань «отроки» Свенельда. Идя на Дунай в Болгарию, по русским землям, Святослав имел возможность сохранить свой поход втайне и внезапно всей мощью своего шестидесятитысячного войска обрушиться на Болгарию.

Болгары не раз предупреждали Византию о походах русских, и с целью предохранения и своих, и византийских прибрежных городов от нападения русских держали приморскую стражу. Направляясь на Византию в ладьях, русские обычно держались берега и проходили мимо Селины, устья Дуная, Конопа, Варны, Дичина и других мест Болгарии. Так ходили русские в Византию и для торговли, и для войны. На этот раз русские впервые за много лет двинулись на Болгарию по суше, по пути, намеченному еще антами и с тех пор полузабытому. Отсюда болгары не ожидали удара и узнали о походе Святослава только тогда, когда он перешел Дунай и готовился к высадке на берег. Вместе с русскими войсками шли со-

юзники Святослава, отряды венгров и печенегов. Помогали ему и сами болгары, так как византийские источники в числе его союзников упоминают и «славян» — болгар. Внезапное появление русских на Дунае свидетельствовало о том, что Святослав располагал большими связями с подунайскими русскими, через посредство которых он добывал все сведения о противнике.

Узнав о том, что Святослав уже на Дунае, болгарский царь Петр бросил против русских свое тридцатитысячное войско. Святославу пришлось решать трудную задачу — высадить с судов воинов своего авангарда в тот момент, когда берег был занят болгарскими воинами, и дать им бой. Русские с честью вышли из затруднительного положения. Они быстро сошли с судов, построились, как обычно, «стеной» в несколько рядов и, укрываясь от вражеских стрел, мечей и ножей своими длинными, до самых ног, щитами, обнажив мечи, вступили в битву с болгарами «и начали поражать их без всякой пощады» (Лев Диакон). Стремительность удара храбрых русских воинов обеспечила за ними поле победы. Болгары не выдержали первого же удара русских и обратились в бегство. Отступившее болгарское войско заперлось в Доростоле (Дристре).

Узнав о поражении своего войска, болгарский царь Петр заболел и вскоре умер.

Битва на берегу Дуная при высадке с судов русских воинов была началом разгрома Болгарии. В короткий срок почти вся Восточная Болгария была завоевана русскими и подчинена Святославу. «Одоле Святослав Болгаром, и взя город 80 по Дунаеви, и седе княжа ту в Переяславци, емля дань на Грьцех», — сообщает летопись. Об этих 80 городах (цифра, быть может, неточная), завоеванных Святославом в Болгарии, столетия спустя еще помнили на Руси, и в списке русских городов, «дальних и ближних», помещенном в Воскресенской летописи, упоминаются многие из них (Видицов, Мдин, Тръновъ, Дрествин, Дичин, Килия, Новое Село, Аколятря, Карна, Каварна).[93] Знают о городах Карне, Каварне, Килии, Аколятре и Дрествине (Κρανέα, Καρνάβα, Κελλία, Γαλιάγρα, Δρίοτρα) и Акты Константинопольского патриарха XIV в., где они выступают и не болгарскими, и не византийскими, следовательно, русскими.[94] Сам Святослав обосновался в Переяславце (Малой Преславе), на южном рукаве Дуная, у впадения в море. Это была «середа земли» его, «яко ту вся благая сходятся: от грек злато, паволоки, вина и овощеве разноличные, из Чех же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челядь».[95]

Здесь он «имал дань» с Византии, т. е. получил, очевидно, обещанное Никифором Фокой вознаграждение. Святослав стремился остаться в Болгарии и создать обширную и могущественную Дунайско-Днепровскую славянскую державу.

Это было новое, второе перенесение столицы Руси, «которую Рюрик основал в Новгороде, Олег перенес в Киев, а Святослав в Переяславец на Дунае» (К. Маркс).

Перенесением столицы на берега Дуная, в Переяславец, Святослав подчеркивал не только укрепление власти русского князя на Дунае, в Болгарии, но и свои стремления к завоеванию Византии. «Завоевательные тенденции первых Рюриковичей» (К. Маркс) были не только еще очень сильны, но при Святославе достигли исключительно большого размаха, и традиционная политика русских князей, направленная к завоеванию «им-

перии на далеком юге» (К. Маркс), в его лице нашла своего наиболее яркого выразителя. Покорение Болгарии, перенесение княжеской резиденции в Переяславец и попытка Святослава закрепиться на Дунае, в непосредственной близости от границ Восточного Рима, венчали собой первый этап русского натиска на Юг. Вторым его этапом должно было быть завоевание самой Византии. Это очень скоро поняли в Византии. Призвав войска Святослава для борьбы с болгарами и для ослабления натиска русских на Восток, что было очень опасно для империи, так как могло отдать все северное и восточное побережье Черного моря в руки киевского князя, Никифор Фока совсем не собирался этим самым приобрести нового соседа и вместо слабой Болгарии оказаться бок о бок с огромной Русской державой, во главе которой стоял такой энергичный, деятельный, воинственный правитель, как Святослав.

Лев Диакон сообщает, что Никифор Фока принялся за подготовку к войне со Святославом. Усиленно вербовалось конное и пешее войско, строились метательные орудия, укреплялись города. Тяжелая железная цепь, долженствующая преградить русским ладьям доступ к Константинополю, была протянута через Босфор к башне Галатской крепости.

Но воевать со Святославом пришлось уже не ему, а Иоанну Цимисхию. Никифор Фока был убит, и на византийский престол был возведен Иоанн Цимисхий. Цимисхий прежде всего попытался установить дружеские отношения с преемниками болгарского царя Петра, Борисом и Романом, в руках которых находилась еще западная часть Восточного Болгарского царства. Кроме того, совершенно отчетливо вырисовывающееся стремление Святослава остаться в Болгарии и создать русско-болгарское государство под своей властью не входило в расчеты болгарской знати. Умелая политика Цимисхия по отношению к Болгарии сделала свое дело — в придунайских землях росла вражда к Святославу. Но козырем Цимисхия в борьбе с русским князем оказалась не столько Болгария, сколько печенежская степь. Следуя традиционной политике Византии — властвовать, разделяя народы и натравливая их друг на друга, еще Никифор Фока, готовясь к войне с русскими, вступает в переговоры с печенегами, и в 968 г. по летописи (по сообщению Скилицы—Кедрина — в начале 969 г.) «придоша Печенези на Руску землю первое». Киев был осажден. Ольга со своими внуками заперлась в городе. Город был осажден со всех сторон «и не бе льзе из града вылести, ни вести послати, изнемогаху же людье гладом и водою». Негде было даже напоить коня — на Лыбеди стояли печенеги. По ту сторону Днепра собралось множество людей в ладьях, пытаясь прийти на помощь осажденным киевлянам, но «не бе льзе войти в Киев ни единому их». Нужно было как-то связаться с «людье оноя страны Днепра». И, видя опасность, которая угрожала родному городу, зная, что в том случае, если помощь не придет немедленно, то Киев падет, один «отрок», знавший печенежский язык, вызвался переплыть Днепр и сообщить собравшимся на левом берегу: «Аще не подступите заутра, предатися имамы Печенегом». Он взял уздечку и вышел из города. Идя «сквозь печенеги», он у всех спрашивал на печенежском языке: не видали ли они его коня? Подойдя к Днепру, он быстро сбросил с себя одежды и бросился в воду. Печенежские всадники бросились к берегу и, осыпая стрелами отважного «отрока», пытались его убить. Увидев плывущего к ним из осажденного Киева «отрока», русские воины с лево-

го берега Днепра сели в ладью и поспешили к нему навстречу. Храбреца взяли в ладью, доставили на берег и привели к воеводе Претичу. «Отрок» повторил Претичу: «Аще не подступите заутра к городу, предатися хотят людье Печенегом». Претич решил поутру ворваться в город, освободить Ольгу и княжичей и «умчать» их «на сю страну». Мотив его решения, правда, был довольно странный — он опасался гнева Святослава: «Аще ли сего не створим, погубити нас имать Святослав». Очевидно, Претич не рассчитывал разбить и отогнать печенегов и ставил себе более скромную задачу: спасти от плена, а быть может, и от смерти мать и сыновей своего грозного князя.

Но обстоятельства сложились иначе, более благоприятно для русских, и именно потому, что Святослав был грозой не только для своих воевод, но и прежде всего для «ворогов». Когда Претич, на утро посадив своих людей в ладьи, начал переправляться через Днепр и его воины затрубили в трубы и подняли воинственный крик, печенеги подумали, что возвращается сам Святослав, и начали быстро отходить от Киева. Ольга с внуками вышла навстречу Претичу. Печенежский вождь вступил в переговоры с Претичем, спрашивая его: кто он, кто его люди, не князь ли он? На это Претич отвечал, что он только княжий «муж», посланный им «в сторожех», а следом за ним идет «полк со князем, бес числа множьство». Печенег обратился к Претичу с просьбой: «Буди ми друг». Тот согласился. Они обменялись оружием. Печенег дал Претичу коня, саблю и стрелы, а воевода одарил своего нежданно-негаданно приобретенного друга броней, мечом и щитом, типичным оружием русских воинов.

«И отступиша Печенези от града».

Так повествует летописец об осаде Киева печенегами.[96] Нам нет оснований заподозрить в чем-либо народное предание, записанное летописцем. Память о первой осаде Киева печенегами была еще очень свежа в памяти «киян» во время составления начальной летописи и в основу красочного рассказа летописца, хотя и расцвеченного позднее фантазией, легли исторические события. Киев был освобожден. Но угроза со стороны печенежской степи оставалась. Правда, немало потрудилась «вещая» Ольга над «устроением» Русской земли, и созданная ею административная и финансовая система и окрепшая государственность давали возможность Святославу в течение ряда лет воевать, заглядывая в Киев ненадолго. И без него Русь не распадалась, доходы продолжали поступать в княжескую казну, княжие «мужи» творили суд и расправу, взимали дани, «уставляли», «нарубались» многочисленные «вои» и т. д.

Все это свидетельствует о том, что связи между отдельными русскими землями становились все более и более постоянными, крепкими, а процесс создания государственного строя варварской, полупатриархальной-полуфеодальной Руси интенсивно развивался при воздействии княгини Ольги и окружающих ее «мужей». В различных областях Руси сидели княжеские воеводы, подобные Претичу, пользовавшиеся властью и имевшие большие полномочия, но беспрекословно подчинявшиеся князю и опасавшиеся его гнева. Это видно из действий Претича, который побоялся вступить в борьбу с печенегами, но, узнав о том, что на следующий день Киев может пасть, решился на отчаянный шаг — прорваться в осажденный Киев, для того чтобы спасти от опасности Ольгу и сыновей Святослава прежде всего потому, что опасался гнева своего князя.

Все это несомненно так, но появление печенегов у стен стольного города, ужасы осады и т. п. не могли не вызвать среди «киян» недовольства поведением своего князя Святослава, который все время отсутствует, все время воюет, «чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабив», а она, покинутая княжеской дружиной, ослабевшая уже хотя бы в силу того, что огромное войско «воев» Руси ушло с князем на Дунай, едва не стала добычей полудиких кочевников. С этим упреком «кияне» обратились к князю: «Аще не поидеши, ни обраниши нас, да паки нас возмуть, аще ти не жаль отчины своея, ни матере, стары суща, и детий своих». Святослав поспешно возвращается с дружиной в Киев и «прогнав Печенеги в поли».

И вот тут-то, в Киеве, Святослав и произносит свою знаменитую фразу: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся...». Эта фраза дала возможность С. В. Бахрушину назвать Святослава «вождем бродячей дружины».[97]

Да, действительно, Святослав ищет «чюжея земли», но «чюжея земли» искали и его предшественники, и его преемники. И в этом одна из особенностей государств антагонистических общественных формаций.

И. В. Сталин указывает:

«Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего господствующего класса за счет территории других государств или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме».[98]

И если Ольга занята была внутренними делами нарождающегося господствующего класса феодалов на Руси, то Святослав взял на себя внешнюю функцию образующегося и укрепляющегося древнерусского государства. Правда, размах его завоеваний, от Оки, Волги и Семендера до Дуная и Адрианополя, создает впечатление полного отрыва Святослава от Руси, от Киева, но, памятуя все приведенное выше, мы не можем назвать шестидесятитысячное его войско «бродячей дружиной», а в нем самом усматривать последнего представителя норманской вольницы или первого запорожца. Дело в другом: думал ли Святослав оставаться в Киеве? На этот вопрос придется дать отрицательный ответ. И именно потому Святослав заявлял, что он не хочет «в Киеве быти», что в его планы входило создание огромной и могущественной империи, все жизненные центры которой находились на Балканах, у Дуная, столицей которой должна была в будущем стать столица Византии — Константинополь. Поэтому-то и Переяславец следует рассматривать в планах Святослава как некий трамплин для овладения будущей четвертой столицей Руси, в состав которой должны были войти и обширные русские земли, и Болгария, и Византия. Понятно стремление Святослава к Болгарии, к Дунаю, к Византии. Именно здесь сходились те самые «вся благая», для овладения которыми русские предпринимали то удачные, то неудачные походы на Византию, отправлялись торговать в Константинополь, заключали договоры, посылали «вои в помощь», требовали подарков, «слебного» и т. д.

И вместо того чтобы добывать их мечом, идя в тяжелый и опасный поход на ладьях из далекого Киева или добиваясь дипломатическим путем, путем всяких сделок, соглашений, уступок и угроз, лучше всего было за-

владеть теми землями, которые производят «вся благая», укрепиться там, куда издавна стремились «восточные варвары», если к тому, конечно, представлялся удобный случай и хватало сил. И то и другое было у Святослава. И нет ничего более естественного, чем его стремление уйти из Киева, из далекого, северного Киева, откуда надо было домогаться «вся благая», на юг, на Дунай, в Византию, где «вся благая» были под рукой и производились бы руками новых данников князя. А перспектива стать царем Русско-Византийско-Болгарской державы не могла не привлечь «могущественного владыку северных варваров», у которого оказалось достаточно сил, чтобы попытаться осуществить заветную, но недостижимую мечту его предшественников. Ему, завоевавшему Болгарию, но не успевшему еще укрепиться в ней, ему, познавшему все прелести стран, где «вся благая сходятся», только приступившему к реализации своих поистине грандиозных планов, естественно, перспектива оставаться в Киеве не улыбалась, и не потому, что ему было все равно, где сидеть и «имать», а в силу того, что осуществить свои планы отсюда, из далекого Киева, он не мог. Болгария была трамплином для овладения Византией, и только трамплином, и в этой своей роли она могла выступать лишь тогда, когда на Дунае будет стоять русское войско во главе с самим князем. Понятно и недовольство киевских бояр поведением Святослава. «Бояре», к которым Святослав обратился со своей речью, были представителями той прослойки феодализирующейся знати, которая больше всего заботилась о «строе земленем» и об «уставе землянем», а не «о ратех». Это были в первую очередь «старцы градские», «старейшина, «нарочитая чадь», владельцы богатых, «гобинных домов», выросшие из родоплеменной знати, богатые «кияне» и прочая «старая чадь», «лучшие люди». Среди этих бояр были и те княжие «мужи», которые выполняли различные функции в княжеской администрации и в домене, выступали в роли воевод, данщиков, вирников, мечников и т. д. Эта часть княжих «мужей» срасталась с «землей», проникалась ее интересами. Она могла быть недовольна тем, что Святослав поручил ей опасное и трудное дело обороны Руси, не оставив в ее распоряжении одновременно достаточных сил. Может быть, она считала себя обойденной, так как всякий поход сулил военную добычу, а в походах она не участвовала. Во всяком случае Святослава порицали не столько за то, что он «чюжея земли» ищет, так как «старые князи», деятельность которых высоко оценивалась летописью, все время «воеваху иные страны», сколько за то, что он «своея ся охабив» и едва не поставил Киев перед необходимостью сдаться печенегам. Надо полагать, что и Ольга действовала в том же направлении, что и киевские «бояре». Но ничто не могло удержать Святослава от осуществления его планов на Юге.

Некоторое время, правда, он оставался в Киеве. Его задержала болезнь Ольги, вскоре («на трех днех») умершей. Она была похоронена «презвутером», и на могиле ее не творили тризны. Смерть Ольги летопись и «Память и Похвала» Владимиру Иакова Мниха датируют 969 г.

Похоронив мать, Святослав принялся за устройство своей державы. Для этого он сажает своих сыновей: Ярополка в Киеве, Олега в земле древлян, в Овруче, а Владимира — в Новгороде. Такое распределение диктовалось необходимостью создать крепкую власть в недавно покоренной Древлянской земле и иметь в своих руках оба крупнейших города на великом водном пути «из варяг в греки».

Интересно отметить, что в течение длительного времени Новгород не упоминается в летописях. Мы не знаем, как, «мира деля», управлялся этот второй по величине и значимости после Киева город Русской земли. Он не упоминается в договорах, на него не берут «уклады». Из сочинения Константина Багрянородного мы узнаем, что в Новгороде сидел одно время совсем еще юный Святослав. По-видимому, Новгород управлялся членами княжеской семьи, имена которых как правителей Новгорода летопись не сохранила.

Из договоров русских с греками и из сочинений Константина Багрянородного мы знаем, что княжеская семья была немалочисленной и, быть может, некоторые из неизвестных нам по имени князей правили в Новгороде.

Отсутствие упоминаний в летописи о Новгороде, так же, впрочем, как и о Изборске и Белоозере, является свидетельством того, что центр политической жизни Руси переместился на юг и деятельность князей, отразившаяся в источниках, послуживших материалом для летописи, развернулась не на берегах Волхова и Ильменя или в далеких белозерских лесах, а на Днепре, что не могло не отразиться на осведомленности летописцев о делах оставшегося временно в тени Новгорода.

Об этом свидетельствует красочный рассказ «Повести временных лет» о посажении в Новгороде Владимира.

К Святославу явились новгородские послы, прося его «князя собе» и заявляя, что если Святослав не даст им князя, то «налезем князя собе». Святослав сомневался в том, пойдет ли к ним кто-либо из его сыновей: «а бы пошел кто к вам». Как и ожидал Святослав, два его сына, Ярополк и Олег, отказались. И вот на сцену выступает Добрыня, дядя Владимира, брат его матери Малуши, ключницы (вариант «милостницы») Ольги.

В летописи говорится о том, что Добрыня и Малуша (вариант Малка) были детьми Малка Любечанина. В этой связи следует упомянуть выдвинутое А. А. Шахматовым предположение, что в летописном рассказе произошла замена ряда имен, и в Малуше и Добрыне следует усматривать потомков Мстиши Свенельдича (он же Мстислав Лютый, он же Лют Свенельдич, он же Мал), за что говорит превращение летописного Добрыни Мстишича (Мискинича, Нискинича) в былинного Добрыню Никитича. Построение Шахматова, как и целый ряд его гипотез, привлекает своим исключительным остроумием и огромной эрудицией, но, к сожалению, не всегда достаточно аргументировано и покоится на ряде предположений.[99]

Как ни заманчиво предположение о тождестве Добрыни Никитича с летописным Добрынею, что, по-видимому, соответствует действительности, но вряд ли Владимир был правнуком Свенельда (по генеалогии Шахматова: Свенельд — Мстиша Свенельдич — Добрыня и Малуша Мстишичи — Владимир).

Летопись рисует нам иную генеалогию Владимира. Малко Любечанин, по-видимому, занимал в иерархии княжих «мужей» более скромное место, нежели могущественный и влиятельный Свенельд. Малуша — Малка — была все же ключницей, милостницей Ольги, и наши летописи не дают нам права высказать какие-либо иные предположения.

В Никоновской летописи, которая, по мнению самого Шахматова, могла использовать какие-то древние записи, хранившиеся в Киевской Деся-

тинной церкви, мы читаем: «... бе рожение Володимиру в Будутине веси, тамо бо в гневе отслала еа Олга, село бо бяше еа тамо, и умираючи даде его святей Богородици».[100] Рождение Владимира от ключницы сказывалось не раз.

Когда Добрыня сказал новгородцам: «просите Володимера» и новгородские послы обратились с этой просьбой к Святославу, тот ответил: «во то вы есть». В этом ответе — отношение Святослава к своему сыну от ключницы Малуши.

Недаром, по летописному рассказу, когда Владимир сватался к Рогнеде, она отказывалась, заявляя, что не хочет «розути робичича», т. е. сына рабыни.

Владимир с Добрыней, «уем своим», ушел в Новгород. Началось княжение Владимира в Новгороде.

По всей видимости, Владимир находился под влиянием Добрыни. И в летописи, и в народных сказаниях Добрыня выступает как человек знатный, приближенный к князю, спокойный, выдержанный, хитрый, умеющий действовать не только мечом, но и словом.

Устроив свои дела на Руси, укрепив, как он думал, связь между отдельными ее областями путем посажения своих сыновей в Киеве, Новгороде и «Деревах», Святослав возвращается на Дунай.

Но обстановка сложилась здесь неблагоприятная. На византийском престоле сидел уже Иоанн Цимисхий, энергичный и воинственный, готовящийся к борьбе. Болгария восстала. Войска Святослава шли к Переяславцу. Наша летопись указывает, что русское войско было малочисленно, «10 тысящь только»; Лев Диакон оперирует цифрой в 60 000 человек.

Рассказ летописи о походе Святослава и о его войне с Иоанном Цимисхием поистине эпичен, краски ярки, выражения сильны и образны. Тон повествования Льва Диакона невыносимо хвастлив и тенденциозен. Сообщения всех источников не изобилуют ни точными цифрами, ни определенными датами, но тем не менее они дают возможность исследователю нарисовать картину величественной эпопеи войны Святослава с Византией.

Святослав шел к Переяславцу, где заперлись восставшие болгары. Когда русские подошли к городу, болгары вышли им навстречу: «и бысть сеча велика». Вначале противник имел перевес, «и одоляху Болгаре», но Святослав обратился к своим воинам и подбодрил их: «Уже нам сде пасти; потягнем мужьски, братья и дружино!». Напрягши силы, русские перешли в наступление, их натиск усилился, и «к вечеру одоле Святослав» и взял Переяславец «копьем».

Русские вновь овладели «середой земли» Святослава и двинулись дальше на юг, в глубь Болгарии. Над империей нависла грозная опасность. Но военные силы Византии в это время были заняты борьбой с арабами в Сирии. Поэтому Иоанн Цимисхий угрозами и предложением подарков пытался заставить Святослава отказаться от Болгарии: «...возми дань на нас, и на дружину свою, и повежьте нас, колько вас, да вдамы по числу на главы». С таким предложением, «льстяче», обратились, по летописи, греки к Святославу.[101] Святослав ответил грекам, что он «не оставит сей богатой области, если не дадут ему великой суммы денег, если не выкупят завоеванных городов и пленных». «Если римляне, — говорил он, — не захотят мне столько заплатить, то да переселятся они из Евро-

пы, им не принадлежащей, в Азию; да не мечтают, что тавроскифы без сего примирятся с ними».[102] На эти слова Иоанну Цимисхию пришлось отвечать угрозами, напоминаниями о мире между Русью и Византией, «дошедшем от предков», и ссылками на печальный исход похода отца Святослава, Игоря, который «едва только успел с десятью ладьями убежать в Боспор Киммерийский», на его несчастную смерть. «Не думаю, чтоб и ты мог возвратиться в свое отечество... и ни одно огненосное судно не придет в Скифию с известием о постигшей вас жестокой участи», — угрожал Святославу Цимисхий. Раздраженный Святослав отвечал императору: «Не вижу никакой необходимости, побуждающей римского государя к нам итти; по сему да не трудится путешествовать в нашу землю: мы сами скоро поставим шатры свои перед воротами Византии, обнесем город крепким валом и, если он решится выступить на подвиг, — мы храбро его встретим...».

Война стала неизбежной. Русское войско неудержимой лавиной шло на Юг, занимая города и покоряя земли. Русские вступили во Фракию. В качестве союзников Святослава к русским присоединились отряды венгров, печенегов и болгар. Навстречу русским выступили посланные Цимисхием для борьбы с «тавроскифами» войска Варды Склира. Перед ними стояла задача — занять пограничные районы Болгарии, с тем чтобы воспрепятствовать набегам русских и выведать об их намерениях, посылая в стан к Святославу своих лазутчиков, переодетых в русскую одежду и знающих русский язык. Узнав о походе Варды Склира, Святослав отделяет от своего войска одну рать и, присоединив к ней отряды венгров и болгар, высылает ее против греков. В происшедшей у Аркадиополя (близ Адрианополя) битве перевес оказался на стороне византийцев, и русские были вынуждены отступить. Так сообщает Лев Диакон. Но, очевидно, сами греки не придавали этой победе серьезного значения и усиленно готовились к войне. Наступила зима 970 г. Обе стороны готовились по весне возобновить военные действия. Греческие войска переправились через Геллеспонт и остались «зимовать на полях Фракийских и Македонских», готовясь к новым сражениям.

Святослав между тем закреплялся в Болгарии. Нельзя думать, что, отправляясь в Киев, Святослав покинул «свою землю» на произвол судьбы. В городах Болгарии оставались его гарнизоны, всюду стояли на постое его войска, а сам князь возвращался в Киев во время осады его печенегами «в мале дружине», взяв для этого непродолжительного похода только конные дружины испытанных воев, а отнюдь не пешее ополчение. Быть может, следом этих стремлений Святослава укрепиться в Болгарии являются монеты с надписью «Святослав цр Блгарм.[103] Но деятельность Святослава в Болгарии, его жестокость по отношению к непокорным, отразившаяся в рассказе Льва Диакона о казни Святославом во взятом им Филиппополе 20 000(!) болгар, его стремление навязать свою власть вызвали выступление части болгар, подстрекаемых Византией против русских, и, так как лучшая часть русского войска во главе с самим Святославом отсутствовала, ряд городов Болгарии поднял восстание и освободился от власти русского князя. Вернувшись из Киева, Святослав заставил их снова силой меча признать свою власть. Прежде чем начать завоевание Балканского полуострова и Константинополя, прежде чем осуществить план изгнания византийцев в Малую Азию, нужно было обеспечить за собой

Болгарию. Святослав привлек на свою сторону болгарского царя Бориса. Захватив в плен Бориса, он пощадил его жизнь, сохранил его семью, оставил с ним его свиту. Борис, по-видимому, сохранил даже свой престол и свой титул «царя болгар», став в вассальную зависимость от Святослава, как союзный, «подручный» владетель.

Эту своеобразную независимость Бориса Святослав подчеркнул еще и тем, что оставил его в Преславе, где остался и русский отряд Сфенкеля, а сам ушел в Доростол. Такая политика русского князя обеспечила ему, правда ненадолго, покорность Болгарии и участие болгар, особенно в первое время, в его войне с Цимисхием.

Правда, болгары оказались очень ненадежными союзниками.

Прошла зима, но скрестить свое оружие со Святославом Иоанну Цимисхию так и не удалось. В Малой Азии вспыхнуло восстание Варды Фоки, и император не только сам не смог пойти в поход на русских, но вынужден был перебросить войска и самого Варду Склира в Малую Азию. Этим воспользовался Святослав и предпринял вторжение в византийские земли. Македония была опустошена. Теперь уже русский князь не собирался ограничиваться Северной Болгарией, и его войска, перевалив Балканы, спустились на равнину и двигались к Константинополю.

Русские заняли Великую Преславу, Доростол, Филиппополь, Адрианополь. «Хочю на вы ити и взяти градъ вашь», — заявил Святослав грекам и, победоносно продвигаясь вперед, приближался к своей заветной цели — Царьграду.

План овладения всеми византийскими землями на Балканском полуострове и самой столицей империи был близок к выполнению. Страшные «тавроскифы» неудержимо рвались к Царьграду.

В Византии царили смятение и растерянность. Настроения, охватившие византийцев, нашли отражение в некоторых греческих источниках той поры. Так, например, в стихотворении Иоанна Геометра (X в.) мы находим такое место: «То, что делается на Западе, какое слово это выскажет? Толпа скифов как будто на своей родине рыщет и кружит здесь по всем направлениям. Они с корнем вырывают крепкую породу благородных мужей, и меч делит пополам младенцев. Прежде крепкие города — обратились в груду развалин; табуны лошадей — там, где жили люди. Так истребляются страны и села. А ты, царственный очаг, Византия, скажи мне, до какой участи дошел ты, город, столько же теперь превосходящий других бедствиями, сколько прежде счастием. Ты ежедневно потрясаешься, и рушатся самые твои основания. И твои обитатели, вместо светлых и красивых дворцов, осуждены жить на пустынных островах, притаив дыхание».[104] Невольно у греков возникало чувство озлобления против Цимисхия и напрашивалось сравнение с убитым им Никифором Фокою, при котором страшные русские были союзниками императора. Об этом говорит надпись, сделанная митрополитом мелитинским Иоанном на гробнице Никифора Фоки, связанная с войной с русскими 971—972 гг.: «Тот, кто прежде был крепче мужей и меча, сделался легкой добычей женщины и меча. Тот, кто своею силой держал в руках власть над всей землей, тот занимает теперь малый уголок земли... Но восстань ныне, царь! И устрой пеших и конных и копейщиков, твое воинство, фаланги и полки. На нас устремляется русское всеоружие; скифские народы в бешеном порыве наносят убийство, грабят всякое племя, твой город,

между тем прежде их страшил твой образ, начертанный перед воротами Царьграда. Не презри этого, сбрось камень, который прикрывает тебя... Если же нет, то вскрикни хоть раз из земли своим голосом, может быть и это одно рассеет их; если же и это тебе неугодно, то прими нас всех в свою гробницу».[105]

Грянула битва под Адрианополем. «И одоле Святослав, и бежаша Грьци, и поиде Святослав ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешнего дне пусты», — повествует летописец.

Византия в страхе дрожала перед русскими. Только в 971 г., разбив и пленив Варду Фоку, Цимисхий смог выступить против Святослава. Император готовился к войне. Шли смотры войск, производились учебные плавания судов, набирались все новые и новые отряды. Византийская флотилия в 300 судов вошла в Дунай, «чтобы скифам, обращенным в бегство, нельзя было уплыть в свое отечество, к Киммерийскому Боспору» (Лев Диакон).

Начался новый этап войны. Византия стояла на краю пропасти. Никогда еще русские не были так близко от стен Константинополя, и это был не набег морской вольницы, а поход, рассчитанный на завоевание всей европейской части империи. В самом начале весны Цимисхий выступил в поход. Его войско состояло из 15 тысяч пеших и 13 тысяч конных воинов. Ядром армии императора были знаменитые «бессмертные», своего рода царская гвардия. Следом за этим передовым отрядом шла и остальная армия во главе с Василием. Она была снабжена тяжелыми осадными машинами, необходимыми для разрушения городских укреплений. За нею двигались бесчисленные обозы. Наша летопись, правда преувеличивая, определяет число греческих воинов, выступивших против русских, в 100 000 человек.

Во время своего пребывания в Адрианополе Цимисхий через разведчиков узнал, «что неудобные и тесные дороги», ведущие в Болгарию через Балканы, называемые «клейсурами», по недосмотру, губительно отразившемуся на русском войске, оставлены Святославом без охраны. Цимисхий немедленно использовал эту роковую оплошность Святослава. «Прошедши, сверх всякого чаяния, гористые опасные места», Цимисхий подошел к занятой русскими Преславе. Преславу защищал лишь отряд Сфенкеля, состоявший из русских и болгар. Тут же находились со своими войсками болгарский царь Борис и Калокир, который, когда греки подошли к городу, «тайно, в самую глухую ночь, уехал из города к Святославу».

Русские были поражены внезапным появлением неприятеля у стен Преславы, но немедленно же, выйдя из города и построившись в несколько рядов, «в сильный боевой порядок», надев на рамена свои длинные щиты и обнажив мечи, с грозным боевым кличем обрушились на греков. Несмотря на явное превосходство греков и в числе, и в вооружении, «битва с обеих сторон была равная». Только удар по левому крылу русских, нанесенный конницей «бессмертных», заставил русское пешее войско отойти и укрыться за стенами города. Попытка пойти на штурм не увенчалась успехом для греческих воинов. Осыпанные дождем стрел, они вынуждены были отойти.

Настала ночь. Наутро к Цимисхию подошел Василий. Заработали осадные машины. Огромные камни, со свистом проносясь в воздухе, раз-

рушали стены Преславы, убивали и калечили русских воинов, стоявших на стенах. Жужжали и завывали камни, бросаемые греческими пращниками, роем носились стрелы и копья. Греки засыпали стены Преславы камнями и стрелами, пытаясь таким образом воспрепятствовать русским оборонять город и ослабить эффективность их стрельбы. Но русские, «побуждаемые... Сфенкелем, построились на стенах и безбоязненно всеми силами начали защищаться, бросая копья, стрелы и камни». Вскоре греки пошли на штурм. К стенам были приставлены лестницы, и воины Цимисхия, держа левой рукой над головой щит, а правой — обнаженный меч, начали подниматься со ступеньки на ступеньку все выше и выше. Видя, что сдержать напор многочисленных неприятелей, несмотря на отчаянное сопротивление, не удается, русские, отбиваясь от наседавших греков, сошли со стен и укрылись за оградой царского дворца, находившегося в центре города. Между тем греки сломали крюки и сбили запоры с ворот, ворвались в город и принялись истреблять тех русских воинов, которые не успели укрыться во дворце. Захваченный в плен вместе с семьей Борис был приведен к императору и торжественно объявлен им царем болгар, причем Цимисхий подчеркнул, что он ведет войну со Святославом за освобождение Болгарии.

Вступив в город, греки немедленно же попытались штурмом овладеть царским дворцом, где укрылось до 7000 русских воинов под командованием Сфенкеля. У открытых ворот во дворец опьяненных победой греков встретили русские, и здесь, на узком пространстве, закипела кровавая сеча. Оставив у ворот сто пятьдесят трупов своих воинов, греки отошли. Видя, что с русскими храбрецами ничего поделать невозможно, греки подожгли дворец. Огонь охватил все строения дворца.

И вот из горящего дворца вышло грозное русское войско; на утомленных боем русских немедленно же обрушились войска Варды Склира. Предстояла трудная задача — пробиться сквозь кольцо осаждающих. В неравной битве пало немало отважных русских воинов. «Они сильно сражались и не обращались в бегство», — говорит Лев Диакон. Остатки своего отряда храбрецов, разорвав вражеское кольцо, Сфенкель увел в Доростол к Святославу.

Так, после двухдневных тяжелых боев, потеряв много убитыми и ранеными, 14 апреля 971 г. Цимисхий овладел Преславой. Через несколько дней он выступил в поход. Гордясь своей первой победой, император отправил к Святославу послов, требуя, чтобы тот ушел из Болгарии. Святослав молчал. Заняв по дороге Плиску (Плисков), Динею и другие города, болгарское население которых перешло на сторону византийцев, 23 апреля Цимисхий подошел к Доростолу (Дристре).

Готовясь к решительной битве с греками, Святослав одновременно пытался удержать за собой болгар и с этой целью прибегнул к устрашению. Он «созвал знаменитых родом и богатством» болгар и до трехсот человек их казнил, а остальных в оковах бросил в темницы. Когда Цимисхий появился у города, навстречу грекам вышли русские дружинники. «Некоторые храбрые их воины, надменные чрезвычайной отважностью, вышли из строя, засели в скрытном месте и, сделав нечаянное нападение, убили несколько передовых наших ратников», — сообщает Лев Диакон. Старая тактика антов — биться в неприступных местах, как мы видим, с успехом применялась их потомками.

С отважными русскими воинами, пойманными конницей Цимисхия, поступили чисто по-византийски — их изрубили мечами.

Когда византийцы подошли к Доростолу, навстречу им, «сомкнув щиты и копья наподобие стены», вышли русские. Грянула страшная битва. К ночи под давлением греков русские вынуждены были уйти в город. Весь день 24 апреля греки возводили укрепленный лагерь на холме у Доростола. Русские молчали. Наутро сражение возобновилось. Стоя на башнях, русские осыпали греков стрелами и камнями из метательных орудий. Греки отвечали на выстрелы русских, выставив своих пращников и лучников.

К вечеру русские конные воины вышли из города и стали на открытом месте. Неумевшие сражаться на коне, русские воины не смогли сдержать натиска греков и после схватки удалились за стены Доростола. Большую роль сыграло и то обстоятельство, что у русских под седлами были необученные пугливые кони, набранные, очевидно, от плуга, с которыми трудно было справиться в бою. Греки поражали их копьями, что усиливало их замешательство. В то же время на Дунае появились «огненные» корабли. По приказу Святослава русские «немедленно собрали все свои ладьи» и поставили их на берегу Дуная, у городской стены Доростола.

Греки не отважились проникнуть вслед за ними и остались выжидать, блокировав Доростол со стороны реки и отрезав путь отступления русским.

26 апреля русская «стена» снова обрушилась на греков, и в восьмичасовом бою победа уже склонялась на сторону «тафроскифов», но смерть Сфенкеля, убитого копьем каким-то греком, внесла растерянность в ряды воинов, и они «начали мало-помалу отступать с поля битвы и подвигаться к городу» (Лев Диакон).

В городе начал ощущаться голод. Русские непрерывными вылазками стремились ослабить греков и прорвать кольцо блокады. Византийцы не знали ни минуты покоя. Когда положение с продуктами особенно обострилось, Святослав выслал двухтысячный отряд на ладьях. Русские вернулись с большими запасами, по дороге разбив многочисленный отряд греков и захватив его обоз с провиантом. Цимисхий жестоко наказал начальников этого отряда и велел перекопать рвами все дороги, ведущие из Доростола. В окопы была посажена спешенная конница Петра и Варды Склира. Костлявая рука голода готова была удушить русское войско. Святослав разослал гонцов к печенегам и венграм, прося помощи, но помощь не приходила. Византийцы засыпали ров, которым воины Святослава окружили город, чтобы помешать грекам устанавливать свои камнеметные машины, и град камней и бревен все время осыпал Доростол.

Тогда 19 июля в послеобеденное время, когда греки менее всего могли ожидать со стороны русских активных действий, они напали на греков, смяли их первые ряды и пробились к метательным машинам, пытаясь уничтожить их огнем. В этом сражении у греков был убит магистр Иоанн Куркуас, близкий родственник императора, начальник всех воинов, обслуживавших метательные орудия. Сжечь машины не удалось, и русские отошли в город. Но и грекам эта вылазка русских стоила очень дорого. На следующий день русские, снова построившись в несколько рядов, стеной, вышли на поле битвы. Густой фалангой выступили против них византийцы. Русские, сжав фалангу с боков, начали неуклонно усиливать

свое давление. Тысячи убитых с той и с другой стороны покрывали уже поле сражения.

И в тот момент, когда победа склонялась на сторону русских, грек Анемас сразил мечом русского богатыря Икмора, «первого мужа и вождя скифского войска после Святослава» (Лев Диакон). Увидев смерть своего военачальника, русские, закинув за спину свои огромные щиты, начали отходить к Доростолу.

Наступила ночь. Полная луна матовым светом заливала поле сражения, усеянное трупами павших русских и греков. Русские вышли на поле и начали собирать тела своих погибших воинов. Они сносили трупы к городским стенам, где у берега Дуная уже были сложены и пылали огромные костры. Тут же при голубом сиянии луны, озаренные багровыми отблесками костров русские совершали жертвоприношения, убивая пленных женщин. В волны голубого Дуная, выполняя древний обычай предков, они бросали младенцев и петухов. Лишь под утро погасли костры на Дунае. Трупы русских храбрецов, по обычаю, превратились в пепел.

Тяжелой ценой досталась грекам победа. Русские бились отчаянно, и не только одни мужчины. Когда, воспользовавшись лунной ночью, греческие воины начали обходить поле битвы, раздевая павших русских и снимая с них оружие и украшения, они с изумлением находили среди трупов мужчин убитых русских женщин, одетых, видимо, в мужское платье и вооруженных. Так сражались русские женщины войска Святослава в страшной битве под Доростолом.

Тяжелые потери и затянувшаяся осада заставили Цимисхия искать выход из создавшегося положения. Уйти от Доростола значило вновь предоставить Святославу свободу действий; взять Доростол штурмом, учитывая мужество, выносливость и стойкость русских, оказалось делом невозможным; продолжать осаду не хватало сил. Скилица сообщает, что Цимисхий обратился к Святославу с предложением окончить войну единоборством, на что получил ответ, что он, Святослав, лучше знает свои обязанности, чем византийский император, и уж если ему так хочется поскорее расстаться с жизнью, пусть ищет какого-либо другого способа из целой тысячи, находящейся в его распоряжении.

Но положение осажденных русских было очень затруднительным. Из двадцати двух тысяч, оставшихся в живых, лишь половина сохранила боеспособность. Другая половина вследствие голода, болезней и ранений вышла из строя и принимать участие в битвах не могла. Голод принимал угрожающие размеры. Помощи ждать было неоткуда. Греческие «огненосные» суда отрезали пути отхода по Дунаю. 21 июля Святослав созвал совет, «коментон» (Лев Диакон). Собравшимся на военный совет начальникам, «доброименитым» «кметам» (советникам, руководящей знати, вождям русских «воев») Святослав охарактеризовал положение и поставил перед ними вопрос: «что делать?». Одни советовали тихо, в глухую ночь сесть на суда, незаметно пробраться через цепь «огненных» судов греков и уйти на Русь, ибо дальнейшее сопротивление становится невозможным. Другие предлагали заключить с императором соглашение и таким образом спасти остатки войска, так как прорваться через греческую флотилию не удастся и русские суда будут сожжены «текучим огнем».

Тогда Святослав, вздохнув от глубины сердца, сказал: «Погибнет слава, сопутница русского оружия, без труда побеждавшего соседние народы и без пролития крови покорявшего целые страны, если мы теперь постыдно уступим римлянам. И так с храбростью предков наших и с тою мыслью что, русская сила была до сего времени непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спасаться в отечество, но или жить победителями, или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славой» (Лев Диакон). Эти события запомнили на Руси. Они и легли в основу летописного рассказа о том, как «Русь убояшаяся зело множьства вой» и как Святослав обратился к своим воеводам с речью: «Уже нам некамо ся дети, волею или неволею стати противу; да не посрамим земле Руские, но ляжем костьми ту, мертвыи бо срама не имам». «Аще ли побегнем, — продолжал Святослав, — срам имам, ни имам убежати, но станем крепко, аз же перед вами поиду: аще моя глава ляжет, то промыслите собою». «И реша вои: „идеже глава твоя, ту и свои главы сложим“». В этих словах — весь Святослав, мужественный воин, для которого превыше всего — честь, дороже всего — слава русского оружия.

В ответе «воев» ярко отразились мужество, стойкость и храбрость русских дружинников, их сплоченность и железная дисциплина, их верность делу чести, их преданность князю. Куда идет князь, туда «потягнет» и дружина, где князь сложит свою голову, там лягут и они.

И Святослав, не только воин, но и князь и предводитель войска, с насмешкой отказавшийся от задорного предложения Цимисхия о единоборстве, в нужную минуту с мечом в руках сам сел на коня и пошел в бой «перед» своими «воями». На заходе солнца 22 июля Святослав вывел из Доростола всех способных носить оружие. Их было не более 11 000 человек. Настал день решающей битвы. Русские воины дрались с беззаветной храбростью. В первых рядах «с бешенством и яростью» рубился Святослав, криком ободряя своих воинов. В разгаре боя на него устремился Анемас. Ему удалось врезаться в ряды русских и, нанеся Святославу рану в ключицу, сбросить его с коня. Крик радости одних и возгласы отчаяния других заглушили шум битвы. Но в ту же минуту Святослав снова уже был на коне, а Анемас, исколотый копьями, испустил дух. Ранение Святослава усилило ярость русских. Их натиск усилился. Греки сперва немного отошли назад, а затем под давлением русских их отход превратился в отступление.

Цимисхий поскакал к своим войскам. Греки изнемогали. Но в этот момент поднялась буря. Сильный ветер нес прямо в лицо русским тучи пыли и песка, ослепляя их и затрудняя дыхание.

Натиск русских ослабел. В этот же момент на них, окружая с флангов, напала греческая конница. Святослав начал отходить и вскоре ворота Доростола закрылись за последним русским воином. Кончилась решающая битва. Святослав не победил, но он не был и побежденным. Но что делать дальше? Ночью Святослав принял решение начать переговоры с Цимисхием. Он очищал Доростол, уходил из Болгарии, отсылал пленных греков императору и возвращался на Русь. Император же обязывался дать ему беспрепятственно выйти по Дунаю в море и возобновить старый договор. Цимисхий охотно согласился, утвердил условия мира и выдал русским по две меры (медимна) хлеба на каждого из 22 000 воинов. К Свято-

славу явились послы Цимисхия. Они принесли русскому князю дары: «злато и паволоки». Святослав приказал их ввести, а когда послы разложили перед ним дорогие дары, он, даже не взглянув на них, приказал своим «отрокам»: «Схороните». Вернувшиеся послы с изумлением рассказывали о том, как Святослав отнесся к драгоценным подаркам императора. И вторично явились послы, неся на этот раз «мечь и ино оружье». Святослав с радостью принял дары, «нача хвалити, и любити и целовати царя». Русский князь — воин, с презрением в трудную минуту отвергший дорогие подношения, с неподдельной радостью осматривал дорогое его сердцу оружие. В этом эпизоде, рассказанном летописцем, отразились воспоминания русских людей о своем воинственном князе. Результатом переговоров явился договор, датированный июлем 971 г., заключенный «в Дерестре» между Святославом и Свенельдом, с одной стороны, и Цимисхием — с другой. Это, собственно, не договор, а клятвенное обязательство Святослава впредь не воевать с Византией, не поднимать на нее другие народы, не воевать ни в Корсунской стране, ни в Болгарии, не претендовать на византийские земли, а в случае, если империя подвергнется нападению или будет нуждаться в помощи русских, Святослав должен оказать ей поддержку.

Договор был закреплен клятвой Перуну и Волосу, «Скотьему богу».[106] Возобновлен был, по-видимому, и старый договор 944 г., регулирующий торговые и дипломатические сношения обоих государств. Переговоры Святослава с Цимисхием сопровождались их личной встречей.

На берег Дуная прибыл Иоанн Цимисхий в пышных одеждах и позлащенном вооружении. Его сопровождала многочисленная свита, богато одетая, в блестящих доспехах. С того берега Дуная отчалила ладья. «Святослав переезжал реку... и, сидя за веслом, греб наравне с прочими без всякого различия. Видом он бы таков: среднего роста, не слишком высок, не слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритой бородой и с густыми длинными, висящими на верхней губе волосами. Голова у него была совсем голая, но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода; шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и диким. В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, с рубином, посреди них вставленным. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, от других не отличная».[107] Поговорив немного с Цимисхием о мире, причем этот разговор Святослав вел, сидя на скамье ладьи, он переправился на другой берег. «Таким образом кончилась война Римлян с Россами», — заключает Лев Диакон.

Описание наружности Святослава Львом Диаконом имеет исключительную ценность уже хотя бы потому, что оно — единственное. Нет ни одного источника, ни русского, ни иностранного, в котором так ярко был бы обрисован внешний облик какого-либо деятеля Руси.

В наружности Святослава нет ничего норманского. В нем скорее есть что-то от востока, от тюрок, нежели от скандинавов. И уж если говорить о внешности Святослава, то скорее она делает его первым запорожцем, чем последним норманном. Как видно из описания Льва Диакона, Святослав ничем по облику своему не отличался от любого своего «воя». Только некоторые признаки выделяли его и говорили о знатности. Одевался он, как простой воин, греб вместе с другими гребцами, и не потому, что

не хватало гребцов или он хотел поразить Цимисхия и показать ему свою оригинальность, нет, просто Святослав иначе не мог. Он, когда нужно было, воевал, как простой воин, переносил со своими «воями» все тяготы походной жизни. «Легко ходя, аки пардус, войны многи творяше. Ходя воз по собе не возяше, ни котьла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испек ядеше, ни шатра имяше, но поклад постлав и седло в головах; такоже и прочии вои его вси бяху». Как воин, он больше всего любил и ценил оружие; как воин, он шел впереди своей дружины. Как русский воин, он больше всего думал и заботился о чести Руси, о славе русского оружия. Мужественный и прямой, суровый и решительный, чуждый византийской «лести», он прямо говорил то, что хотел сказать. Его «иду на вы» на столетия стало на Руси, уже правда в книжной традиции, символом решительности и мужества. Он не знал страха, не знал и упрека. Сын своего века, он был одновременно жестоким к врагам и ласковым к своей «братье», жадным ко «всяким благая» и скромным в личном быту. С его именем связан блестящий период в военной истории русского народа, когда дружины Руси мечом врубили в скрижали истории свое славное имя — «русские».

Он не смог добиться осуществления своих планов, но сумел спасти свое войско от поражения, а само славное имя Руси — от позора.

Мы не знаем, куда бы спустя некоторое время пошли «вои» Святослава. Быть может, он стремился к реваншу и хотел возобновить войну с Цимисхием. Не об этом ли стремлении Святослава говорит летопись, сообщая, что Святослав говорил: «пойду в Русь и приведу боле дружины»? Во всяком случае Святослав был еще очень опасен, и в Византии знали это. Потому, когда он заключил мир с греками и вышел в море, «поиде в лодьях к порогом», Свенельд предупреждал его, указывая на то, что у порогов, как обычно, бродят печенеги, которые попытаются напасть на них и отобрать богатую добычу, которую везли с собой русские воины. А она была велика, так как Святослав «имал» дань и на живых, и на мертвых, заявляя «яко род его возьмет». Святослав не послушался совета воеводы и поднялся в ладьях по Днепру к порогам. Свенельд же, по-видимому с конной дружиной, пошел правобережными степями и благополучно вернулся в Киев, к Ярополку. Как и ожидал Свенельд, печенеги были уже предупреждены греками и болгарами из Переяславца, что идет Святослав. Дружина русских мала, а «именье много», — говорили их гонцы печенегам. Хищные кочевники вышли к порогам. Пробиться через печенежские орды Святослав не мог и вынужден был зазимовать на Белобережье. Здесь снова русским воинам пришлось страдать от голода. «И бе глад велик, яко по полугривне глава коняча».

По весне Святослав вновь «поиде в пороги». Здесь на маленькую русскую дружину, измученную голодной зимовкой, напали орды печенежского князя Кури. Святослав был убит, и, по преданию, Куря сделал из его черепа, «оковавше лоб его», чашу «и пьяху из нее».[108]

Так закончилось княжение Святослава. План создания огромной славяно-византийской державы не был осуществлен. Он оказался не по силам даже такому воителю, как Святослав. «Упорным сопротивлением Византии при Цимисхии восточные варвары были отброшены от Восточного Рима» (К. Маркс).

Кончался завоевательный период в истории Древней Руси. Начинался новый ее этап, характеризуемый упорным стремлением к укреплению государственности на самой Руси и развитием феодализма. Князья перестают «искать» и «воевать» «чюжея земли», а принимаются за освоение своей земли и эксплуатацию ее населения. «Строй земляной» и «устав земляной», а не рати все более и более приковывают к себе внимание русских князей. Изменяются формы общественной жизни и быта. Варварская Русь перерастала в Русь феодальную, Русь XI в. «Воя» Руси все более и более заслоняла фигура дружинника, княжего «мужа». Зарождались и быстро развивались новые формы идеологии, свойственные раннему феодальному обществу.

Все эти явления, шедшие имманентным путем, не могут не быть поставлены в связь с результатами походов Святослава, ибо от этих последних зависел и темп их развития, и характер, и, наконец, их конечный итог должен был определить территорию Руси и основные, ведущие, ее районы и столицу.

Феодализм развился на Руси не потому, что после неудачи Святослава Владимир уже не пускался на завоевания «империи на юге», но центром феодальной Руси остался Киев, а не Переяславец и не Константинополь именно вследствие того, что планы Святослава не были осуществлены. Феодализм консолидировался на Руси в XI в. не потому, что Святослав вынужден был отказаться от «своея земли», но Владимир занялся «строем» и «уставом» Руси (и на этот раз именно Киевской, так как если отец считал столицей «своей земли» Переяславец, то Владимир и не думал менять на какой-либо другой город «мати градом Руським») именно в результате неудачи грандиозных завоевательных планов отца. Характер княжения Владимира, сочетающего «рати» с «устроением» земли, определился двумя моментами: во-первых, развитием феодальных отношений, правда в самой своей первоначальной, полупатриархальной форме, а во-вторых, переориентацией князей в византийской политике, обусловленной опытом походов Святослава. Необходимость отказаться от попыток создания державы на Дунае и Балканах вынудила русских князей скорее и энергичнее взяться за освоение русских земель и, продолжая воевать и расширять свои владения, прежде всего обратить внимание на свое княжое управление и хозяйство. Этого требовало развитие общественных отношений на Руси; это диктовалось и международной обстановкой. Русь переставала быть варварской державой; она становилась феодальным государством. Эпоха «военной демократии» с ее бесконечными походами и войнами, нападениями и набегами отходила в прошлое. И боевой клич «воя»-дружинника все чаще и чаще покрывался выкриками княжеского тиуна и даньщика, наблюдающих за тем, как трудится на княжеской ниве, на дворе, по «ловищам» и «перевесищам» многочисленная челядь, и собирающих дань с «сельского людья» Русской земли.

Походы Святослава дали толчок развитию Руси в этом направлении, так как внимание его преемников привлекали не далекие Филиппополь, Адрианополь и Предслава, а Киев и Новгород, Чернигов и Переяславль. Их силы были направлены не столько к завоеванию чужих, сколько к освоению своих земель, и это, естественно, не могло не отразиться на характере и итогах их деятельности. Правда, Владимир ходил на Корсунь, а Ярослав посылал своего сына Владимира на Византию, но эти войны не

были самоцелью и не ставили своей задачей такое расширение Руси, которое могло бы привести к перенесению центра тяжести ее экономики и политической жизни в новые районы, как это имело место при Святославе. Они преследовали своей целью укрепление Руси на международной арене, Руси именно Днепровско-Ильменской, Руси Киевской, и ни Владимиру, ни Ярославу не приходило в голову переносить свой престол в Херсонес или на Дунай.

Присоединение ими новых земель лишь расширяло территорию Руси, раздвигало ее границы, но отнюдь не вызывало коренных изменений в организации древнерусского государства и, больше того, даже в самом понятии «Русь», которая чуть было, по мысли Святослава, не превратилась, вместе с завоеванием Болгарии и Константинополя, в нечто отличное, качественно новое по сравнению с Русью Ольги и Игоря.

Походы Святослава имели большое значение и в том отношении, что, расширив пределы Руси на востоке, еще раз продемонстрировали силу русского оружия на юго-западе.

Византия X в. трепетала перед Русью. Недаром надпись X в. на пьедестале одной колонны на Тавре уверенно гласит, что «Русь завоюет Константинополь»; недаром даже в загадках на слово «ρῶσ», появившихся в том же X в., «скифы» («рос») выступают как сильное, гордое и надменное племя.[109]

Память о походах Святослава, о нем самом, героическом князе-воине, долго хранилась на Руси. И не одна летопись говорит о Святославе, о его битвах, о великих делах русских «воев».

Память об этих временах, о делах Святослава едва ли не следует усматривать в многочисленных мотивах русского народного творчества, связанных с голубым Дунаем, наконец, в «тропе Трояновой» «Слова о полку Игореве».

Эту «тропу Трояню» — колонну Траяна (Tropaeum Traini), стоящую у села Адамклиси в Добрудже, не раз видели, проезжая по своим военным дорогам русские воины Святослава, они-то и принесли на Русь песни о ней, использованные автором «Слова о полку Игореве», а до него бесчисленными боянами земли Русской.

Глава VII

ВЛАДИМИР

Великий Владимир летописи, Константин Великий Руси, славный каган «старых времен» древнерусской литературы, святой и равноапостольный Владимир русской церкви, былинный Владимир «Красное Солнышко», герой народного эпоса являет собой эпоху в истории русского народа, его культуры и государственности.

С его именем связан «апогей готической России» (К. Маркс), окончательное объединение восточнославянских земель в единое государство, оформление «землянего строя» Древней Руси, принятие Русью христианства и укрепление ее международного положения.

Княжение Владимира — богатырский, героический период в истории русского народа, время успешного окончания создания древнерусского государства, время расцвета Киевской державы, период успехов русского оружия, русской дипломатии, складывания и развития яркой культуры восточного славянства, объединенного единством политического и общественного бытия.

Княжение Владимира — это времена богатырей земли Русской, их дел богатырских, стольного Киева, Днепра-Славутича, времена доблести, славы, могущества, времена расцвета древнерусской культуры и начала «книжности», эпоха войн и походов, славных сеч богатырских, удалых подвигов русских витязей, их пиров и забав.

На Руси правит «ласковый» князь Владимир «Красное Солнышко». Его окружают богатыри. Они полны чувства собственного достоинства, с оружием в руках зорко блюдут интересы Руси на «богатырской заставе», борются с ее «ворогами». На них держится Русь. С ними советуется в своих палатах князь киевский, сам Владимир «Красное Солнышко». Они выполняют его поручения, делают дела, которые не по плечу простому человеку. Среди них и «уй» Владимира, знатный Добрыня Никитич, и хитроватый Алеша Попович, и олицетворение «воев» земли Русской, сам «крестьянский сын», излюбленный народный богатырь, всемогущий, честный, прямой и добрый Илья Муромец.

Пирует князь Владимир в стольном граде Киеве на берегах Днепра-Славутича, а дела делают, «боронят» землю Русскую его славные богатыри. Их подвиги сказочны, как сказочен и прекрасен сам Киев, как сказочен и прекрасен в представлении народа киевский, героический период

его истории; их дела — гордость народа, они — бессмертны, как бессмертен породивший образы своих витязей сам народ. Все окутано дымкой оптимизма, того оптимизма, который был присущ раннему христианству Киевской Руси, Руси времен Владимира, той жизнерадостности, которая характерна для идеологии Руси конца X и начала XI в., Руси событий, послуживших сюжетом для красочного, необыкновенно богатого русского эпоса, Руси людей, ставших в памяти народной прообразом эпических героев.

Все окрашено яркими, жизнерадостными тонами. Все в движении, в динамике отражает бурную жизнь той далекой поры.

Нет еще темных пятен, порожденных резким социальным расслоением. Нет богатых и жадных бояр, нищих холопов, насилия, гнета, надругательств над самой душой народа. Но они уже начинают проступать, все эти качества, порожденные развивающимся феодализмом. Уже душно в хоромах княжеских, где сидят за столами бояре киевские, «сыну крестьянскому» Илье Муромцу. Уже не раз едет он, обиженный князем, развеять свое горюшко богатырской забавой с ворогом.

Так рисует время киевского князя Владимира наш русский былевой эпос.

А былины — это история народа, рассказанная им самим.

Это время — время славы Руси, ее исключительных успехов на международной арене и одновременно тот период в истории народа, когда он сам еще играет большую роль в истории своей страны, когда знать еще не успела отгородиться стеной от народа, когда те, кто делает в верхах политику страны, еще часто выходят из народа, когда массы еще только начинают превращаться в подневольный, подавленный тяжестью повинностей, эксплуатируемый люд.

Вот почему русский народ в своих былинах, легендах и преданиях с такой любовью вспоминает свою первую столицу — Киев, своих славных киевских богатырей и Владимира «Красное Солнышко», олицетворение «старых князей» безвозвратно ушедшей поры «славного варварства».

Владимир стоит на грани двух эпох: он — последний князь-воин дружинной, варварской Руси, венчающий ее вершину, и в то же самое время он — первый князь феодальной Руси, всей своей деятельностью подготовивший тот расцвет раннего феодализма, таящий в себе элементы грядущего распада «империи Рюриковичей», который падает на княжение его сына и внуков.

В своей статье «Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство» В. А. Пархоменко ставит под сомнение целый ряд событий, связанных с именем Владимира, сомневается в достоверности летописного рассказа о крестителе Руси, объявляя его в целом ряде мест позднейшим домыслом, в основе которого лежат сказочные былины, а многих современников Владимира считая легендарными личностями. Исключение он делает только для самого Владимира, заявляя, что «было бы совершенно неверным считать отсюда личность Владимира вполне легендарною и неисторическою».[1] Мы решительно выступаем против такого рассуждения. Обилие легенд и сказаний о Владимире «Красное Солнышко» и его современниках — богатырях, записанных летописью или сохранившихся до недавнего времени только в устном народном эпосе, является лишь показателем того, что с течением времени образ популярного в

народе князя постепенно обрастал былинами и сказаниями, и все то, что народ особенно выделял в своей истории, особенно любил и лелеял, о чем пели песни «бояны», «соловьи старого времени», все стало связываться именно с Владимиром.

Он был воспет восхищенным им народом, причем к его княжению приурочивались постепенно такие события, которые ранее связывались с другими историческими или легендарными лицами, с другими эпохами. Это отразилось и на составе наших летописных рассказов о Владимире, и летописец ряд широко известных легендарных мотивов связал с Владимиром, со временем его княжения. И личность Владимира, деятельность его с течением времени изукрасились эпическими мотивами народных сказаний, так же как это произошло со многими его современниками, ставшими эпическими героями.

Вряд ли кто будет сомневаться вслед за Пархоменко в историчности былинного Добрыни Никитича, летописного Добрыни, «уя» Владимира, брата Малуши, или Малки, матери Владимира. Скорее можно поставить вопрос о том, не был ли исторической личностью даже былинный Илья Муромец, уже в начале XIII в. под именем «Ilias von Riuzen», или «Ilias of Greka», попавший в германскую поэму Ортнит и в норвежскую Тидрексагу, подвиги которого не были столь значительными, для того чтобы попасть в летопись, но пользовались широкой известностью в народе. Популярность Ильи, которому со временем русский народ приписал многое, им не совершенное, многое из того, что ранее связывалось с другими и фигурировало в самостоятельных сказаниях, сделала его излюбленным героем киевского цикла былин и навеки сохранила его образ в памяти народной.

Какие-то конкретные подвиги исторического Ильи, подвиги на «богатырской заставе», вся его жизнь, являющаяся олицетворением жизни русского «воя» времен «славного варварства», героического периода в истории русского народа, сделали его, «сына крестьянского», воплощением русского народа и его излюбленным былинным героем.[2]

Превращения исторических деятелей, популярных в народе, в легендарных героев сказаний, действующих в нереальной, фантастической обстановке и совершающих фантастические подвиги, облекаемые в форму народных сказок и песен, нам хорошо известны, и никому не придет в голову исходя из того, что они попали в народные предания и превратились в сказочных героев, героев песен и «старинок», объявлять легендарными Ивана Грозного, Степана Разина или Емельяна Пугачева.

И благодарной задачей для историка и фольклориста является попытка в легендарном, мифическом, былинном найти зерно истины, вскрыть действительные исторические пласты, обнаружить подлинные события, осветить деятельность исторических личностей, как это сделал Шлиман, уверовавший в мифическую и открывший историческую Трою. Невольно хочется привести слова Де Кара, адресованные им представителям гиперкритического направления в исторической науке, основными качествами которого являются: «отсутствие оригинальности в существенном содержании и самая безграничная свобода в подстановке собственных мнений и собственных суждений на место и теперь еще уважаемого предания, за уважаемость которого стоят люди, по силе таланта и по обилию учености, конечно, не могущие завидовать кому бы то ни было».[3]

Иные горизонты раскрываются перед тем, кто пойдет по пути анализа и использования древнерусских источников, и в частности летописей, намеченному Б. Д. Грековым.[4]

* * *

Княжению Владимира в Киеве предшествовала семилетняя борьба трех братьев — Святославичей.

После смерти Святослава в Киеве «нача княжити Ярополк», в «Деревах» княжил Олег, а Владимир правил в Новгороде.

Вскоре же в Древлянской земле развернулись события, наложившие отпечаток на жизнь Южной Руси.

По летописному рассказу, в 975 г. Олег столкнулся с Лютом Свенельдичем, который «лов деющю» в земле, отданной для сбора дани его отцу, Свенельду, еще во времена Игоря. Лют Свенельдич «ишед бо ис Киева, гна по звери в лесе». Его увидел Олег, очевидно, тоже вышедший на ловы. Между ними произошло столкновение, окончившееся убийством Люта.[5]

В этом столкновении Олега Святославича Древлянского с Лютом Свенельдичем едва ли не следует усматривать попытку Олега рассматривать данную ему отцом Древлянскую землю как свою собственность, где он и развернул свое промысловое хозяйство, «ловища» и «перевесища», как это делала в «Деревах» еще его бабка Ольга. Но на эту же землю претендовал и Лют Свенельдич. Это был «лен, состоящий только из дани», который получил от Игоря еще его отец. В те времена, когда князь с дружиной «кормился», воюя «чужие страны», могло сохраняться старое положение, когда воеводы князя киевского из «светлых бояр» и варяжских ярлов мирно уживались с князем, собирая дань с земли, где появлялись иногда за тем же и другие княжеские «мужи».

Но, когда отраженные упорным сопротивлением Византии при Иоанне Цимисхии русские дружины и их вожди — «Рюриковичи окончательно утвердили свое господство в России» (К. Маркс), на одной земле два хозяина ужиться не могли, ибо не только дань с земли, с ее населения, но и сама земля с ее природными богатствами становилась источником дохода.

Если двум правителям с одной и той же территории можно было собирать дань и ходить в полюдье еще во времена Игоря и Ольги, и это могло вызвать разве что только восстание самих «подданных», так как сами «князи» и их могущественные воеводы, с которыми князья делились не только данью, но и завоеваниями, могли как-то не мешать друг другу уже в силу хотя бы неопределенности и примитивности самой системы поборов с населения, то во времена последующие, в период, когда не военная добыча и контрибуция, дань с чужих земель, а дань со своих подданных и организация полупромыслового-полуземледельческого хозяйства в своей земле должны были обогащать княжескую скотницу, это стало уже невозможным.

Везде стояли «ловища» и «перевесища», «места» и «знамения», всюду хозяйничали и управляли различные княжие «мужи», строго следившие за тем, чтобы кто-нибудь не сделал «перетес» на «знаменном дубу», не «переорал» межу, не поставил свой «знак» на бортном дереве, не бил в пущах и на болотах лосей и бобров, векш и куниц.

Частная собственность росла и укреплялась. На этой почве и произошло столкновение между Олегом Древлянским и Лютом Свенельдичем.

Вскоре погиб и Олег Святославич. «Повесть временных лет» называет виновником его смерти Свенельда, который, якобы желая отомстить за смерть сына, подбивает Ярополка на войну с Олегом, говоря: «поиди на брат свой и прими волость его».

Но новгородская летопись не упоминает о Свенельде и знает только одного воеводу Ярополка — Блуда, а Длугош считает, что война Ярополка с Олегом была просто борьбой за первенство.[6]

И по-видимому, так оно и было. Стремясь к «одиначеству», Ярополк, идя по стопам своих предшественников, пытается объединить под своей властью все русские земли. На пути его к единовластью стоят братья — Олег и Владимир.

Д и трудно было ужиться рядом двум князьям, правившим в соседних землях: Киеве и «Деревах».

В 977 г. «поиде Ярополк на Олга» и «победи»... В бою под Овручем («Вручий») рать Олега была разбита, а сам Олег погиб в давке в тот момент, когда разгромленные древляне бежали через мост к воротам города. Ярополк занял Овруч и «прия власть его» (Олега).

Захватив «волость» убитого брата, Ярополк, очевидно, готовился повторить то же самое по отношению к другому своему брату, Владимиру, и его «волости». Напуганный известием о событиях под Овручем, Владимир бежал из Новгорода «за море», к варягам, в Скандинавию, «а Ярополк посадника своя посади в Новгороде, и бе володея един в Руси».[7]

Но энергичный «робичич» не думал складывать оружие. Вскоре (летопись называет 980 г., но обилие событий, падающих на этот год, заставляет предположить, что они растянулись на более длительный срок и начало их восходит к более ранним временам) Владимир с отрядом наемников-варягов возвращается обратно в Новгород и изгоняет посадников Ярополка, заявив им, чтобы они предупредили брата о готовящейся войне. «И седе в Новегороде».

Прежде чем двинуться в поход на Ярополка, Владимир вновь объединяет под своей властью весь русский север: «варяги и словены, чюдь и кривичи».

В этой связи стоит и знаменитый рассказ о покорении Владимиром Полоцкого княжества, убийстве князя Рогволода и женитьбе «робичича» на дочери убитого Рогволода Рогнеде.

Дважды в летописи (Лаврентьевской) под 980 и 1128 гг. говорится о сватовстве Владимира к Рогнеде, о той роли, которую играл в этом «уй» Владимира Добрыня, так как сам Владимир был еще «детьску сущю», об убийстве Рогволода, присоединении Полоцка, о драматических эпизодах дальнейшей жизни Владимира, Рогнеды и их сына Изяслава.

Эпический характер летописного рассказа не вызывает сомнений, и мотивы его восходят далеко в глубь времен, в седую древность. При этом ближе к народному устному преданию является рассказ 1128 г., занесенный позднейшим летописцем с исключительной полнотой, тогда как составитель древнего свода в рассказе, помещенном им под 980 г., посчитал необходимым многое выбросить, как несоответствующее представлению о Владимире как крестителе Руси.

В основе летописного рассказа о Рогволоде, Рогнеде и свате «робичича» Владимира Добрыне лежит народное предание, песня или легенда, но

это нисколько не препятствует тому, чтобы признать во всех действующих лицах драматического эпического сказания реальных, исторических, а не мифических героев древнерусской истории.

Только их деятельность облеклась в формы, присущие народному эпосу (славянскому, германскому, скандинавскому), и вылилась в мотивы эпических сказаний, характерные для Нибелунгов и Старшей Эдды, Тидрексаги и Младшей Эдды.[8]

Нет никаких оснований сомневаться в том, что во времена, предшествующие походу Владимира на юг, произошло подчинение Полоцка Владимиру.

Я не буду приводить красочного летописного рассказа о сватовстве Владимира со всеми подробностями, но он все же заслуживает того, чтобы хоть немного остановиться на нем, ибо он принадлежит к числу древнейших русских эпических сказаний. В рассказе Лаврентьевской летописи под 1128 г. по поводу полоцких Всеславичей говорится о начале полоцких князей. Этот рассказ гораздо ближе к своему первоначальному народному устному источнику, чем рассказ 980 г., хотя элементы последнего были учтены поздним летописцем.

Рассказывается о том, как Добрыня, «воевода и храбр и наряден мужь», посватал для Владимира Рогнеду, дочь полоцкого князя Рогволода. Она ответила гордым отказом: «не хочю разути робичича, но Ярополка хочю». Разгневанный ответом Рогнеды Владимир идет с Добрыней на Рогволода, берет Полоцк, убивает Рогволода (по рассказу 980 г. Рогволод был убит вместе со своими двумя сыновьями), берет себе в жены Рогнеду, прозванную Гориславой (есть основания предположить, что ее христианское имя было Анастасия). Вскоре у них родился сын Изяслав. Владимир забыл о Рогнеде. Оскорбленная Горислава, не забывшая убийства Владимиром ее отца и братьев, однажды ночью пыталась покончить с ним ударом ножа, но Владимир схватил ее за руку. Рогнеда созналась ему в том, что она хотела отомстить за смерть отца, за его отношение к ней и Изяславу. Владимир приказал ей одеться в богатое княжеское платье, как на свадьбу, и ждать его, сидя на постели. Но когда Владимир с недобрыми намерениями вошел к ней, навстречу ему вышел маленький Изяслав с данным ему Рогнедой обнаженным мечом в руке и заступился за мать. Владимир опустил свой меч, вышел и по совету бояр отказался от убийства жены и дал ей и Изяславу вотчину.

В легенде о Рогнеде и Владимире отразилась борьба Владимира за объединение под своей властью северных земель Руси.

По-видимому, в те времена, как и позднее, между Полоцком и Новгородом происходили какие-то столкновения, и могущественный Новгород угрожал Полоцку. Этим и объясняется зафиксированное народным преданием тяготение Полоцка к Киеву, отразившееся в рассказе о том, как Рогнеда, отвергшая Владимира, готова была выйти замуж за Ярополка.

Именно это тяготение к Киеву для обеспечения от влияния Новгорода и заставило Владимира пойти походом на Полоцк.

Но вряд ли это произошло, как сообщает летопись, в 980 г. Известно, что Ярослав был третьим сыном Владимира от Рогнеды. Умер же он в 1054 г. 76 лет от роду. Следовательно, сватовство Владимира и женитьба его на Рогнеде должны быть отнесены по крайней мере к 975 г.[9]

Событиям 980 г., точнее — борьбе Владимира с Ярополком, предшествовало объединение южных земель Руси под властью Ярополка, а северных — под властью Владимира. Шла концентрация сил. С одной стороны выступали «Русь», Среднее Приднепровье, «Куяба», с другой — Север, Приильменье и Приладожье — «Словене, Чудь и Кривичи» вместе с наемниками-варягами, арабская «Славия».

«С вои многи» Владимир двинулся на Ярополка. Ярополк заперся в Киеве, а Владимир обложил город и стал «на Дорогожичи, межю Дорогожичем и Капичем», у рва. По рассказу летописца, решающая роль в этом столкновении двух братьев принадлежала воеводе Ярополка Блуду. Владимир вступил с ним в тайные переговоры, привлек его на свою сторону, а Блуд сумел убедить Ярополка в том, что киевляне сносятся с Владимиром, готовят измену, что в городе ему оставаться не безопасно, и принудил его бежать в город Родню в устье реки Роси.

Вскоре в осажденной Родне начался голод. Блуд убедил Ярополка пойти на соглашение с братом и покориться ему.

Но другой «муж» Ярополка, Варяжко, очевидно один из норманских воинов на службе киевского князя, отговаривал Ярополка от беседы с Владимиром, советуя: «не ходе, княже, убьют тя», и рекомендовал бежать к печенегам и, набрав там войска, продолжать борьбу с братом.

Ярополк не послушал его, явился к Владимиру и был убит двумя варягами. Блуд остался у Владимира, а Варяжко бежал к печенегам и долгое время воевал вместе с ними против Владимира.

«Память и Похвала» Владимиру Иакова Мниха датирует смерть Ярополка 11 июня.

Так Владимир утвердился в Киеве.

С именем Ярополка связана попытка установления дипломатических отношений с императором и папой.

Согласно сообщению западноевропейской хроники, в 973 г. в Кведлинбурге, резиденции германского императора Оттона, среди послов упоминается и русское посольство, прибывшее в Кведлинбург с дарами императору.[10]

Под 979 г. Никоновская летопись сообщает о приходе к Ярополку в Киев послов «из Рима от папы».[11]

Вряд ли этот эпизод можно связывать с рассказом классической подделки XVIII в., Иоакимовской летописи, о тяготении Ярополка к христианству, о том, что он «христианам даде волю велику», и сделать вывод о крещении Ярополка западными миссионерами по «латинскому» обряду.[12]

Скорее всего, посольство Ярополка к императору Оттону преследовало своей целью установить дружественные отношения с могучим государем «латинского» Запада, которые были так необходимы Ярополку, готовившемуся к борьбе с братьями за «одиначество» власти. Но на Западе, как и во времена Ольги, установление политических связей рассматривалось как установление связей религиозных, как повод к распространению влияния папской курии на новые земли.

Этим и было обусловлено появление в Киеве у Ярополка послов римского папы.

Мы не имеем оснований говорить о принятии Ярополком христианства по западному обряду, но накануне решающей схватки с Владимиром, окруженным язычниками-варягами, Ярополк искал поддержки за грани-

цей, и, быть может, на этот раз посланцы папы имели больший успех, чем во времена Адальберта.

Не этот ли успех «латинских» миссионеров отразился в рассказе Петра Дамиани, автора «Жития Святого Ромуальда» (1040 г.), а также компилятора хроники Адемара о первоначальном крещении Руси латинскими миссионерами, о том, как «rex Russiae» убил своего брата, о принятии им миссионера; «rex Russiae» имел и другого брата, который «жил отдельно от короля», и т. д.?[13]

Видимо, Ярополк, готовясь к борьбе с братьями, и особенно с Владимиром, не был уверен в своих силах и искал поддержки на Западе, в Византии и у печенегов.

Ярополк был связан с Византией и через свою красавицу-жену «грекиню», и непосредственно. В том же 979 г., когда Киев посетили послы папы, сюда прибыло посольство «греческого царя» «и взяша мир и любовь с ним, и яшая ему по дань, якоже и отцу его и деду его».[14]

Речь идет о подарках («ξενία»), которыми обычно Византия отдаривалась от воинственных и назойливых варваров, и этот порядок в русско-византийских отношениях сохранялся еще и в XI в., когда, по выражению летописи, греки платят дань «...и доселе князьям русским».[15]

Никоновская летопись рассказывает и о дружбе Ярополка с печенегами. «Прииде печенежский князь Илдея... Ярополк же прият его и даде ему грады и власти, и имяши его в чести велице».[16]

Быть может, поэтому Ярополк уходит в Родню, в Поросье, лежащее у самых границ печенежской степи. Степных друзей Ярополка имел в виду Варяжко, когда предлагал своему князю бежать к печенегам за помощью.

Так собирал силы Ярополк, но, очевидно, Владимир сумел добиться превосходства.

Его опорой, как мы уже видели, была северная часть Руси, а воинской силой — наемники-варяги, приведенные Владимиром из Скандинавии, которая таким образом выступает в роли источника, откуда предприимчивый «робичич» черпал свои средства для борьбы.

Варяжские викинги, составлявшие основную массу воинов Владимира, рассматривали взятый ими Киев как свою военную добычу. Владимир был «посажен на трон силой варяжского оружия» (К. Маркс) и наемники-варяги попытались укрепиться в Киеве.

Они заявили Владимиру: «Се град наш, мы прияхом и, да хочем имать окуп на них, по 2 гривне от человека». Владимир попросил ему дать месячный срок на сбор кун. Прошел месяц. Владимир, видимо, копил не куны, а собирал «воев», желая противопоставить свое, русское, войско своевольничавшим варягам. И когда это воинство было «нарублено» в южных землях Руси, варяги увидели, что удобный случай утерян. Они обвинили князя в том, что он им «сольстил», и потребовали отпустить их «в Греки». Владимир отобрал «от них мужи добры, смыслены и храбры» и, введя их в состав своей дружины, «роздая им грады», а остальная масса варяжской вольницы отправилась в Константинополь.

Но еще до их прибытия в Царьград к византийскому императору явились «слы» от киевского князя и, дав нелестную характеристику буйным варяжским «искателям славы и добычи», предупредили императора об их злых умыслах, «оли то створять ти зло, яко и сде», посоветовали ему «расточи я розно». Так не удалась попытка варягов совершить в Киеве в

980 г. нечто подобное тому, что за сто лет до этого произошло в Новгороде и нашло выражение в летописном рассказе о Рюрике, Вадиме и его «советниках».

Византийский император, хорошо знавший нравы скандинавской вольницы, поступил согласно совету послов Владимира, и явившиеся в Константинополь норманны были рассеяны по разным местам Византийской империи и разбросаны по различным отрядам византийского войска.

Владимир избавился от варяжской волны. Времена «находников»-варягов на этом кончились. Усиление норманского влияния и роли норманнов на Руси было очень непродолжительным и обусловливалось той сложной обстановкой, в которой приходилось жить и действовать в начале своего княжения Владимиру.

Создав в Новгороде для борьбы с Ярополком из наемников-варягов свою боевую силу, Владимир избавился от наплыва воинственных бродячих отрядов «находников»-варягов, пресек их попытку хозяйничать в Киеве и избавил Русь от повторения новгородских событий времен своих далеких предшественников, от норманских «пакостей» и «безчинств», изгнав скандинавских авантюристов за пределы своей страны, опираясь на городских «воев», на крепкое местное управление.[17]

Этим самым Владимир подчеркнул, кого он считает своей опорой, и начертал основные принципы своего «земляного» княжения, княжения, утвердившегося на Руси, «земского», а не ищущего «чюжея земли» князя. Бурное развитие социального и политического строя Руси, развитие ее культуры и идеологии, настоятельно выдвигавшие требования изменения и международного ее положения, поставили перед Владимиром серьезные задачи.

Он должен был окончательно объединить, хотя бы в самой примитивной форме, все восточнославянские земли, объединить под своей властью, под властью Киева, весь «словеneск язык на Руси», укрепить границы своего государства, создать формы управления, соответствующие этому объединению и складывающимся формам общественных отношений, произвести религиозную реформу, которая бы отразила изменения в идеологии, обусловленные возникающими и развивающимися феодальными формами господства и подчинения, и, наконец, укрепить международное положение «империи Рюриковичей» (К. Маркс), включив ее в семью христианских, цивилизованных государств Европы.

И успешное разрешение Владимиром всех этих задач принесло ему славу и авторитет, сделало его самым популярным князем героического периода в истории русского народа, «великим» Владимиром «Красное Солнышко» наших былин и летописей.

Этот подлинный основатель Киевского государства уже не стремится куда-то в «чюжея земли» и не рассматривает Киев как временную стоянку, как базу для бесконечных походов и завоеваний. Для него Киев — «мати градом Руським», где он собирается обосноваться надолго, навсегда. Его земля — это Русь, Русь Приднепровская, Приильменская, Русь Киева и Чернигова, Новгорода и Полоцка, Смоленска и Переяславля, Русь в широком смысле этого слова, где живет и трудится «словеneск язык», а не заманчивая, сказочно-богатая, но призрачная «империя на далеком юге» (К. Маркс), в поисках которой сложил свою голову его отец Святослав.

Для того чтобы расширить ее границы, укрепить ее положение среди других государств, Владимир готов отправиться в далекий поход, будет воевать и завоевывать, но не для того, чтобы эти новые завоевания сделать «землей своей» и перенести сюда столицу Руси, а для того, чтобы вернуться со славой и победой в свой родной Киев, на берега Днепра-Славутича, в свои княжеские покои и гридницы, к своим боярам и старцам градским, чтобы еще больше усилить Русь.

И если его отец и дед ставили превыше всего «рати», забывая, вернее, не очень интересуясь «строем землянем» и «уставом землянем», то Владимир первое подчиняет второму, и деятельность Владимира вне Руси определяется его планами внутреннего устройства и жизни Русской державы, а не наоборот, как это было при «передних» князьях, ставивших Русь на службу своим походам и завоеваниям.

Поэтому Владимир начинает с объединения земель восточного славянства, с собирания чуть было не рассыпавшегося после смерти Святослава здания древнерусской государственности. В 981 г. Владимир совершает поход «к Ляхом и зая грады их, Перемышль, Червен и ины грады».[18]

Так была присоединена к Руси западная окраина восточнославянских земель.

Сообщение летописи о том, что Владимир отбил у ляхов Червенские города, будущую Червонную Русь, надолго сохранившую в западноевропейских хрониках воспоминание о Владимире в своем названии «Лодомерия» (искажение «Володимерия»), возбуждало недоумение у многих историков потому, что в рассматриваемое нами время эта земля входила в состав Чехии, о чем говорят Козьма Пражский и Ибрагим-Ибн-Якуб.[19]

Возможно, что какая-то часть прикарпатских земель, населенных восточными славянами, действительно входила формально в состав Чехии, которой в те времена принадлежал Краков, но вряд ли вся Червонная Русь принадлежала чешскому королю, что, казалось бы, подтверждается грамотой, данной пражской епископии в 1086 г. императором Генрихом IV, в которой границей влияния епископии являются Буг и Стырь («Inde ad orientem hos fluvios habet terminos Bug scilicet et Ztir cum Cracovia civitate»). Но быть может, рассказ летописи о том, что Владимир отбил Червенские города от ляхов, является лишь перенесением летописцем на более раннее время борьбы с поляками за Прикарпатье во времена Ярослава, отражением похода Владимира в Польшу? В «Памяти и Похвале» Владимиру Иакова Мниха нет упоминаний о походе «к Ляхом».

Быть может, таким образом, Владимир своим походом на Червенские города укрепил здесь, в Прикарпатье, свое влияние, установил свою княжескую администрацию, как это совершил он по отношению к вятичам и радимичам. Тем более что влияние киевского князя на Прикарпатье распространилось давно, и уже во времена Олега и Игоря существовали какие-то связи между Киевом и русским населением Прикарпатья, Волыни, Поднестровья и Подунавья, связи, очевидно, весьма эфемерные и непрочные, скорее союзнические, чем подданнические, которые и попытался укрепить Владимир. В те времена, до походов Владимира, Червонная Русь не входила прочно ни в состав Чехии, которая рассматривала земли, лежавшие от Карпат и Кракова к востоку вплоть до Буга и Стыри, скорее как область церковного, нежели политического влияния, ни в состав Польши, которая во времена Мешко ограничивалась великопольскими

землями, ни, собственно говоря, Киевской Руси, хотя несомненно она больше была связана с Киевом, чем с Гнезно или Прагой, связана этническим и культурным единством, торговлей и совместными походами и войнами. Этим следует объяснить то обстоятельство, что в грамоте времен Мешко Краков помещается на границах Руси: «et fines Russiae usque in Cracoa».[20]

Но только Владимир распространил свою власть на Червенские грады и включил их прочно и надолго в состав древнерусского государства, связав их русское население с остальным русским населением Восточной Европы общностью политической, государственной жизни, а впоследствии и общностью религии, что имело огромное значение, так как на протяжении многих сотен лет под иноземным владычеством угров, ляхов и немчинов этот древнерусский край оставался русским именно в силу того, что «язык и вера была одна», одна с остальным населением Руси.

В представлении западных соседей Червонной Руси как неразрывной части всей земли Русской ее создателем и основателем был именно Владимир. Поэтому за ней в западноевропейских хрониках надолго закрепляется название «Lodomeria». Быть может, этот поход Владимира на Червенские города и окончательное присоединение к Киевскому государству сопровождались какими-то действиями и против претендовавших на Прикарпатье чехов и поляков, что нашло отражение в источниках и вылилось в поход Владимира в Польшу.

В 992 г., по летописи, Владимир предпринял поход «на Хорваты», еще дальше на запад. Но поход «на Хорваты», очевидно, не был самоцелью. Владимир воевал с Польшей. Об этом говорят Гильденсгеймские анналы, сообщающие, что в 992 г. польский король Болеслав Храбрый не мог прийти на помощь германскому императору Оттону потому, что был занят большой войной с Русью: «iminebat quippe illi grande contra Ruscianos bellum».[21]

Об этом вспоминает Ипатьевская летопись в связи с походом Даниила Романовича в глубь Польши вплоть до Калиша. «Иный бо князь не входил бе землю Лядьску толь глубоко, проче Володимера великого, иже бе землю крестил».[22]

Поход был удачен. Границы Руси на Западе были укреплены.

В этой связи стоит и поход Владимира на ятвягов, датируемый летописью 983 г. «Иде Володимер на ятвягы, и победи ятвягы, и взя землю их».[23]

Присоединение ятвяжской земли, на территории которой впоследствии сложилась Черная Русь, сделало Русь восточным соседом пруссов. В завещании вдовы Мешко польской королевы Оды (992—996 гг.) говорится о том, что Польша граничит с землей пруссов «до места, называемого Русь и по границе с Русью до Кракова»: «...a primo latere longum mare, fine Bruzze usque in locum que dicitur Russe et fines Russe extendente usque in Craccoa et ab ipsa Craccoa usque ad flummen Oddere».[24]

Титмар Мерзебургский говорит, что проповедник Брунон умер в 1009 г. на границах Пруссии и Руси. О схождении где-то на северо-востоке границ Польши («страны Мшка» — Мешко), Пруссии и Руси говорит Ибрагим-Ибн-Якуб.[25]

За Карпатами граница русского расселения шла по Дунаю к Грану, по низменности к Солоной и Тисе, а оттуда до Семиградских Альп к Татрам

и Кракову, гораздо западнее не только Сана, но и Вислоки. Она охватывала Спиш, Пряшев, Сандомир, Ржешов, Кросно, Роги, Ясло, Судец, Санок, Лежайск и многие другие города, где до сих пор еще говорят по-«руськи» (русински, угро-русски) и придерживаются «греческой веры», хотя ополячивание, ословачивание, мадьяризация, а с ними вместе и окатоличивание зашли очень далеко, оставив от сплошного массива русского населения древних времен лишь небольшие островки веками угнетенного, но стойко выдержавшего все испытания, сохранившего свой язык и культуру украинского населения.

Это русское, т. е. украинское, население прослеживается в источниках начиная с X в. до времен разделов Речи Посполитой, а позднее становится объектом изучения уже не историков, а этнографов.[26]

Так установились западные границы Руси, простиравшиеся от Карпат, где они шли восточнее Кракова, и до Пруссии.

К востоку от них жили как восточнославянские, русские племена Червонной Руси, далекие предки современного украинского населения Ярослава, Перемышля, Ясло, Кросно, современных лемков и русинов Пряшевской Руси, так и не русские ятвяги, с течением времени вместе с пришедшими с востока славянскими поселенцами послужившие материалом для формирования белорусского населения Западной Белоруссии, древней Черной Руси.

В эти же годы Владимир предпринимает походы на восток, на вятичей.

Под 981 г. летопись сообщает о том, что он «Вятичи победи, и възложи на ня дань от плуга, якоже и отець его имаше». Но вятичи, «заратишася», и «иде на ня Володимер, и победи я второе».[27]

Многократные походы киевских князей на вятичей, которые должны были платить дань от плуга (от рала), свидетельствуют лишь о непрочности их подчинения Киеву.

Очевидно, сбор дани в Вятичской земле больше смахивал на «примучивание» с мечом в руках, и как только княжая дружина во главе с данщиками покидала лесные трущобы вятичей, а нет никаких оснований утверждать то, что там были «княжие» места и постоянно действовали княжие «мужи», их обитатели немедленно же «заратишася», и для взимания дани князю каждый раз приходилось их покорять вновь, и только тогда можно было «имать дань от плуга». Так продолжалось до 40-х годов XII в., когда в процессе княжеских усобиц была «освоена» Вятичская земля и в ней вместо местных племенных князьков в роде Ходоты с сыном уселись «Рюриковичи», во всяком случае до времен Мономаха включительно.

Тем не менее после походов Владимира связь Вятичской земли с Киевом и подчинение ее князю усилились, и это, конечно, не могло не отразиться на ее дальнейших судьбах.

Не случайно в памяти народной эти события нашли отражение в известном повествовании о том, как Илья Муромец едет из Мурома через «леса Брынские» (названные так по имени речки Брыни у Калуги) на Брянск, Карачев, «реку Смородину» (Смородинная, близ Карачева) и дальше, в Чернигов, т. е. вдоль Оки и Угры на юг, через дебри вятичских лесов, так, как ехал «на Вятичи» в 1152 г. Юрий Долгорукий, пробираясь из своей суздальской «отчины» в Киев, как шел в Киев из Мурома через

Смоленск князь Глеб в год своей смерти.[28] Так в былине о подвигах Ильи Муромца, богатыря Владимира «Красное Солнышко», отразились реальные связи, установившиеся между «вятичи» и Киевом.

В 984 г. «иде Володимер на Радимичи». Впереди своих войск Владимир отправил воеводу по имени Волчий Хвост. Волчий Хвост встретил радимичских воинов на реке Пищане и разбил их. По этому поводу летописец приводит народную поговорку: «Пищаньци волчья хвоста бегають», которой «Русь корятся Радимичем».

Разгром на реке Пищане привел к полному подчинению Радимичской земли. Мы знаем, что радимичей, по летописи, покорил еще Олег, но, очевидно, Радимичская земля и «Русь» находились примерно в тех же отношениях, как вятичи и Киев.

Надо полагать, что они длительное время сохраняли какую-то самостоятельность.

Совершенно правильно Б. А. Рыбаков — исследователь истории одного из наименее изученных племен, радимичей, — считает пищанские события не каким-то восстанием ранее уже полностью покоренных радимичей, вызвавшим карательную экспедицию Владимира и воеводы Волчьего Хвоста, а одним из моментов столкновения княжеских дружинников — сборщиков дани с радимичами, столкновения, которое так легко могло вспыхнуть в силу своеобразной, примитивной организации державы киевских князей. Таких столкновений было, по-видимому, немало, но, конечно, далеко не все они попали на страницы летописи. Летописное покорение Олегом и Святославом северян, радимичей и вятичей следует рассматривать не как одноактный факт включения этих племен в стройную единую государственную систему Киева, а как включение их в орбиту влияния Киева, которое выражалось прежде всего в даннических отношениях примитивного подданства, буквально означавших «быть под данью».

Господство Киева над окрестными племенами и подчинение их его власти выражалось прежде всего в сборе дани, вначале только эпизодическом и только позднее превратившемся в регулярные поборы, и в налетах киевских дружинников для захвата «челяди». Более четкие организационные формы это господство принимает с того момента, когда киевский князь время от времени и по мере надобности начинает включать в состав своей рати представителей местных племенных дружинных прослоек и водить их за собой в походы уже не в качестве «толковинов», а подчиненных. Еще прочнее становится господство Киева с того времени, когда в городах подчиненных киевскому князю земель появляются его воеводы, вроде воеводы Святослава Претича, который правил на «оной стране» Днепра.

Вряд ли такие воеводы сидели в земле радимичей, не говоря уже о вятичах. Были ли в земле радимичей племенные князья вроде древлянского Мала и вятичского Ходоты? Сомнительно. Скорее всего, в их земле правило многочисленное «княжье» из радимичских «лучших мужей», «нарочитой чади», многочисленное, но несплоченное и несильное.

В землю радимичей киевские «мужи» ходили по дань, видимо, не часто, во всяком случае в начале второй половины X в. регулярное полюдье на Радимичскую землю не распространялось, иначе об этом не преминул бы сказать Константин Багрянородный. Между тем в его сочинении сре-

ди славянских племен, в земли которых отправляются по осени «русы» из Киева, мы не встречаем радимичей. Описание летописью столкновения с радимичами на реке Пищане свидетельствует о том, что времена их относительной самостоятельности отходят в область преданий. В этом описании указывается и на характер зависимости радимичей. Они не только платят дань, но и «повоз везут». И эти обязанности по отношению к Киеву сохранились у радимичей до времен летописца, «до сего дне». Радимичи должны были не только платить дань-полюдье, но и доставлять эту дань («повоз везти») к речным пристаням или к княжим «местам», откуда она уже переправлялась в Киев.

При этом Радимичская земля — это не Русь в узком смысле слова. «Русь» дразнит покоренных ею радимичей: «пищаньци вольчья хвоста бегають». Эта «Русь» — Киев, «Поле», «Польская земля». Для нее, вернее для ее дружинников, князья «поборяюще по Русьской земли, а ины земли приискаху», для того чтобы отдать им эти земли для полюдья, собираемого сверх обычной повинности в пользу самого князя.[29]

Сбором полюдья для княжих дружинников ведала первое время радимичская верхушка, «лучшие мужи», а затем, когда усложнилась система княжеского управления и изменились формы расплаты князя со своими дружинниками, дани и поборы взимались специально на то уполномоченными княжими «мужами», а «лучшие мужи» радимичей вошли в состав дружины киевского князя.

Б. А. Рыбаков указывает на погребение дружинника, расположенное близко от того места, к которому можно приурочить битву радимичей с Волчьим Хвостом. В нем он усматривает погребение не киевского дружинника, а радимича. В могиле найдены панцирь, нож и боевой топор. Находка свидетельствует о выделившейся среди радимичей дружинной прослойке.

Со времен битвы при реке Пищане радимичи окончательно теряют свою самостоятельность. Киевский князь полностью захватывает их территорию, устанавливает и регламентирует определенные повинности.

Мы не можем согласиться ни с мнением М. С. Грушевского, сообщающего, что все события о радимичах перенесены летописцем со времен Олега во времена Владимира, и объявляющего воеводу Волчий Хвост мифической личностью, ни с В. А. Пархоменко, утверждающего легендарный характер рассказа летописца, в основу которого была положена попытка разгадать народную поговорку.[30]

Покорением Радимичской земли, лежащей у самого великого водного пути «из варяг в греки», объединение русских земель вдоль этой важнейшей магистрали было окончено.

Закончено было и объединение всего восточного славянства в единое Киевское государство. Русские земли были объединены под одной властью, теперь оставалось их слить в единый массив, а для этого надо было от ратей перейти к заботам «о строе земленем... и о уставе земленем», к заботам о том, как бы покрепче сшить лоскутья, из которых была составлена «аляповатая и скороспелая» «империя Рюриковичей», сплотить их единством власти, управления, законов, порядков, культуры, идеологии, религии.

Ниже мы увидим, как удалось Владимиру разрешить и эти задачи.

Говоря о «ратех» Владимира этого времени, которые мы рассматривали лишь в связи с его борьбой на Западе, необходимо остановиться на походе Владимира с Добрыней на болгар. Под 984 г. в летописи помещен рассказ о том, как Владимир с «уем своим» Добрыней направляется на болгар, при этом русские идут в ладьях, а берегом на конях движутся на болгар союзники Владимира — торки.

Болгары были побеждены, но Добрыня якобы заявил, что они — в сапогах, а следовательно, дани давать не будут, «поидем искать лапотников». С болгарами был заключен мир, и Владимир вернулся в Киев.[31]

О каких болгарах идет речь в летописном рассказе? О камских или дунайских?

Ответ на этот вопрос затруднителен, и мнения, высказанные в литературе по этому поводу, самые противоречивые. Чаще всего считают, что поход Владимира имел целью подчинение или во всяком случае поражение камских болгар.

За это говорит то, что в «Памяти и Похвале» Иакова Мниха говорится о том, что противниками Владимира выступали «Сребреныя», т. е. камские, болгары. «Житие Владимира» также говорит о походе на «Сребреныя Болгары» и добавляет: «и на Козары».[32]

Считают также, что поход Владимира на дунайских болгар немыслим потому, что таким образом Владимир оказывается союзником Византии, тогда как Яхья указывает, что после смерти Святослава, во времена императора Василия Болгаробойцы, отношения между Русью и Византией были неприязненными, а Яхья является весьма солидным источником уже хотя бы потому, что он был современником всех этих событий.[33]

Обращают внимание и на то, что в эти годы торки были еще очень далеко от Дуная и им там, собственно говоря, нечего было делать. Но есть основания усомниться во всей приведенной аргументации и выдвинуть ряд серьезных возражений.

Во-первых, в некоторых редакциях «Памяти и Похвалы» Иакова Мниха говорится не о серебряных болгарах, а о «Сербянах и Болгарах», т. е. о сербах и болгарах, и единственными болгарами, соседями сербов, могли быть дунайские болгары.[34] Во-вторых, в греко-болгарскую войну 985—986 гг. вмешались, по свидетельству современника, византийского поэта Иоанна Геометра, какие-то «скифы», в которых не трудно усмотреть русских.[35] Об этих же «скифах» упоминает в описании событий 986 г. и Лев Диакон.[36]

Из этого, конечно, отнюдь не следует, что русские были союзниками византийцев; они были врагами болгар и пытались, воспользовавшись тем, что болгары были заняты борьбой с греками, повторить времена Святослава.

Что касается самого похода, вернее, его организации, то нам кажется, что гораздо легче представить себе, как русские воины, как обычно в ладьях, спускались вниз по Днепру, выходили в море и, держась берега, по которому степями на конях двигались на юго-запад их союзники — торки, плыли к Дунаю, чем вообразить путь дружин Владимира в ладьях по Оке и Волге на Каму и путешествие по поросшим дремучим лесом берегам этих рек конницы торков в далекую Камскую Болгарию.

А что торки были в те времена еще очень далеко от Дуная, то это не возражение, так как Русь была еще дальше от Абидоса, Хризополя и

Бари, под стенами которых сражались русские воины в X и XI вв. Речь идет о какой-то части торков, которые в качестве наемников или «толковинов» должны были и могли следовать за Владимиром куда угодно. И идти степями, вдоль берега моря к Дунаю было для них гораздо естественнее, чем пробираться на северо-восток по болотистым и лесистым берегам Оки.

Но рассказ Татищева о том, что в 1006 г. Владимир заключил торговый договор с болгарами, запретив им только торговать на Руси с тиунами, вирниками, «огневитиной (огневщиной) и смердиной», источником которого, по-видимому, является какой-то не дошедший до нас документ (вряд ли такой факт Татищев придумал), явно ведет на Каму, к Серебряным Болгарам, и подтверждается летописным рассказом о мирном соглашении Владимира с болгарами.[37] Вряд ли к тому же «Память и Похвала» Иакова Мниха придумала поход «и на Козары».

Не является ли летописный рассказ, равно как и краткие сообщения других источников, отражением двух русских походов времен Владимира, стремившегося в те времена, когда он сам еще больше думал о «ратех», чем о «строи земленем», вернуть себе отцовское наследство и на Волге, и на Дунае?

Все эти известия слились в один поход, но в описании его нашли отражение и дунайские, и волго-камские мотивы.

Подводя итоги «непрерывному возрастанию» Древней Руси «с IX по XI столетие» (К. Маркс), в той части этого отрезка времени, который связан с княжением Владимира, мы снова обращаемся к северо-западу и северу.

Из скандинавских саг (сага об Олафе Тригвассоне) мы узнаем, что во времена Владимира наемные варяжские викинги от имени русского князя собирают дани в землях эстов — чуди, в Прибалтике и общаются с местной знатью.

Сага рассказывает о том, как «приехал в Эстляндию Сигурд, сын Эрика, дядя Олафов по матери, будучи послан от Валдамара (Владимира. — *В. М.*), Холмгардского конунга (новгородского князя. — *В. М.*), для взыскания в той стране дани...» Здесь Сигурд выкупает из рабства за четыре с половиной фунта золота девятилетнего Олафа, который жил у богатого эста Реаса.[38]

В рунной грамоте о рубежах между владениями короля норвежского и Русью, опубликованной Бутковым, датируемой концом X или началом XI в., говорится о том, что далеко на севере Европы, у Ледовитого океана, соприкасаются Норвегия и Русь. «Государь Руссов собирает дань по морскому берегу даже до Люнкастуфута, от всех горных жителей между рекою и Лигкяром... Королю же Норвегии принадлежит дань от восточных жителей до Дриадимов, и по внутренности Сантвика даже до Вилляе...». В Лигкяре и Люнкастуфуте, входивших в состав русских земель, усматривают Люнгенфьорд, Логен и Лоппен, а в Сантвике — Сонгвик или Сандэ, в районе Трёмзе.

Эта рунная грамота послужила основой новгородско-норвежских отношений более поздних времен, базирующихся на припоминаниях («как старые люди предали и утверждают поднесь...»).[39]

Здесь, на северо-западе и севере, русские князья вряд ли встречали какое-либо организованное сопротивление, и установление владычества ки-

евского князя в землях, заселенных западнофинскими племенами, не сопровождалось борьбой. Сами формы русского владычества в Прибалтике, как об этом свидетельствуют позднейшие материалы XII—XIII вв., носили мягкий характер, и подчинение местного населения Руси, скорее, имело характер союза сильнейших со слабейшими.

Мы не знаем, каким образом русское владычество могло распространяться так далеко на север, как это видно из рунной грамоты.

Не было ли оно результатом каких-либо родственных связей скандинавских правителей с киевскими князьями, которые считали себя в силу этого, быть может, владельцами земель на далеком севере (оформляя все это в соответствующих договорах), куда они, по-видимому, никогда не заглядывали и где могли появляться лишь наемники-варяги да викинги из скандинавских родственников?

Иная обстановка складывалась на юге. Здесь Руси приходилось иметь дело с кочевой стихией черноморских степей. Усиливались печенеги — грозные «вороги» Русской земли.

Печенеги подходили к южным окраинам Русской земли.

Опасность со стороны хищных и воинственных кочевников заставила Владимира «ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне, и поча нарубати муже лучьшие от Словень, и от Кривичь, и от Чюди, и от Вятичь, и от сих насели грады; бе бо рать от Печенег, и бе воюяся с ними и одоляя им».[40]

Для борьбы с печенегами Владимир закладывает Белгород на реке Ирпени у Киева, укрепляет Переяславль, ходит в Новгород «по верховьние вое на Печенегы, бе бо рать велика бес перестани», возводит укрепления «на очень большом пространстве», состоящие из завалов (засек), валов и тынов с воротами. Укрепления, стоявшие у «последних пределов» древнерусского государства времен Владимира, располагались всего-навсего в двух днях пути от Киева. Здесь именно Владимир расстался со своим гостем, архиепископом Бруноном, отправлявшимся в печенежские степи для проповеди христианства. Это было в 1008 г.[41]

Борьба с печенегами, тяжелая и беспрестанная, породила сказания, нашедшие отражение в летописном рассказе о Яне Усмошвеце и его единоборстве с печенежским богатырем, об осаде Белгорода печенегами, помещенной в летописи под 997 г. Она отразилась и в былинах киевского цикла, в которых русские богатыри сражаются с кочевниками-степняками. Только в памяти народной, по вполне понятным обстоятельствам, «злой татарин» заслонил собой печенега, само имя которого в народном эпосе исчезло. Своей энергичной деятельностью по обороне южных рубежей Руси Владимир обезопасил поселения Киевской земли от нападений печенегов, но печенежская опасность не была устранена, и угроза со стороны печенежской степи продолжала висеть над Русской землей вплоть до времен Ярослава.

Объединение восточных славян под единой властью в составе единого государства закончилось. Наметились и укрепились границы Руси. На «богатырской заставе» на юге и на севере, на западе и на востоке стояли бесчисленные «вои» Владимира.

Теперь нужно было приниматься за «строй земляной» и «устав земляной».

Перед Владимиром стояла задача — завершить создание Киевского государства, собрать в своих руках все силы восточнославянского мира, «а

для этого требовалось сосредоточить в своих руках более непосредственную и действительную власть над ним».[42]

«Империя Рюриковичей» была «скроена из лоскутьев» (К. Маркс). Этими лоскутьями Киевской державы были отдельные ее земли и области, где сидели и правили всевозможного рода «светлые и великие князья» — племенные князьки, «находници»-варяги, скандинавские конунги, «воеводы» вроде Свенельда и прочие самостоятельные или почти самостоятельные правители.

Теперь этой самостоятельности отдельных земель, входивших в состав Киевского государства, приходил конец. Вместо «светлых и великих князей» по городам — центрам отдельных областей Руси — Владимир рассадил своих сыновей, связав таким образом различные земли Древней Руси со стольным Киевом династическими, семейными узами.

Летопись называет имена 12 сыновей Владимира, детей его многочисленных жен. От Рогнеды у него были сыновья Изяслав, Мстислав, Ярослав и Всеволод, от «Грекине» — Святополк (собственно, сын Ярополка, так как, когда, по закону левирата, Владимир взял в жены вдову убитого Ярополка, она уже «бе непраздна, от нея же родися Святополк»), «от Чехине» — Вышеслав, «от Болгарыни» — Борис и Глеб, «от другия» — Святослав, Станислав, Судислав и Позвизд.

В последнее время рассказ летописи о «посажении» Владимиром своих 12 сыновей по «градом» земли Русской вызвал критику со стороны В. А. Пархоменко, который, считая все сообщение летописца «комбинированным легендарно-эпическим сказанием», ссылается при этом на то, что Титмар Мерзебургский знает только трех сыновей Владимира, на противоречие между Несторовым «Житием Бориса и Глеба» и летописным и на противоречие в самой летописи.[43]

Но сомнения В. А. Пархоменко напрасны.

Свидетельство Титмара Мерзебургского само по себе еще ничего не означает, так как считать его более компетентным, нежели наш летописец, писавший во времена сына и внуков Владимира, нет никаких оснований.

Одного из сыновей Владимира Титмар Мерзебургский знает хорошо. Это — Святополк, зять польского короля Болеслава. Других он не называет по именам.

Кедрин тоже знает трех сыновей Владимира — Мстислава (Νοσισυλάβοσ), Станислава (Ζινισυλάβοσ) и Ярослава (Ιεροσυλάβοσ).[44]

В Эймундовой саге также упоминается о трех сыновьях «конунга Вальдамара (Владимира) на востоке, в Гардарикии»: Буриславе (Буриславе), который сидел в Киеве, Вратиславе (Вратиславе, Брячиславе), сидевшем в Полоцке, и Ярислейфе (Ярославе), который правил в Новгороде.[45] Каждый из приведенных источников знает трех сыновей Владимира, но все они в совокупности называют пять сыновей киевского князя: Святополка, Ярослава, Мстислава, Станислава и Брячислава, причем этот внук Владимира, сын Изяслава, ошибочно выступает в роли сына Владимира. Таким образом, Эймундова сага фактически знает и Изяслава. Судя по тексту Эймундовой саги, Буриславейф — не кто иной, как Святополк.

Кто же может поручиться за то, что свидетельства Титмара Мерзебургского, Георгия Кедрина и Эймундовой саги, которые, каждое в отдельности, знают только трех сыновей Владимира, а в совокупности назы-

вают их уже пять, являются более достоверным источником, нежели наша летопись? В. А. Пархоменко, по сути дела, только продолжает ту критику летописного рассказа о посажении сыновей Владимира, которую дал еще А. А. Шахматов, критику, как это показал А. Е. Пресняков, хорошо известный тщательностью своего исследования, скрупулезностью анализа и осторожностью выводов, весьма малоубедительную, так как она «...построена на весьма произвольных представлениях о „старшинстве столов" и о „мотивах", будто заставивших летописца рассадить по-своему Владимировичей. Перечень страдает скорее тем, что сводит в одно разновременные явления».[46]

Так же разумно и осторожно А. Е. Пресняков выходит и из противоречия между летописью и Несторовым «Житием Бориса и Глеба».

Как же в действительности произошло «посажение» Владимиром своих сыновей по землям и «градам» Киевской державы?

Прежде всего Владимир посадил по городам четырех своих старших сыновей.

Вышеслав сел в Новгороде, Изяслав — в Полоцке, Святополк — в Турове и Ярослав — в Ростове. Судислав сидел в Пскове. Об этом говорят поздние летописи: Софийская, Воскресенская, Тверская и Никоновская.[47] Но даже в «Повести временных лет» говорится о Судиславе как о князе псковском.

Под 1036 г. в ней мы находим такую запись: «В се же лето всади Ярослав Судислава в поруб, брата своего, Плескове, оклеветан бе к нему».[48]

Эта судьба Судислава отразилась и на летописном сказании. Только Ярославичи освободили из поруба» своего дядю, и только для того, чтобы заставить постричься в монахи.

После смерти Вышеслава в Новгород был посажен Ярослав, в Ростов — Борис, в Муром — Глеб, в Древлянскую землю — Святослав, во Владимир на Волыни — Всеволод, в Тмутаракань — Мстислав, в Смоленск — Станислав, на Волынь, по сообщению позднейшей «Густынской летописи» XVIII в., — Позвизд.

Сыновья Владимира не были прочно, на всю жизнь, связаны с определенным городом и землей. Это не было еще деление Руси на отчины-уделы. Они лишь правили Русью, вернее, ее отдельными частями от имени великого князя киевского, они были лишь соправителями — помощниками отца, участниками княжеского управления. Они не могли заявить, как позднее, «се мое», ибо были лишь совладельцами всего того, что принадлежало всему княжескому «роду», всей семье в целом. Поэтому было бы грубейшей ошибкой считать, что «посажение» Владимиром сыновей по городам и землям Киевской державы есть как бы начало феодального раздробления Древней Руси.

Они — «княжие мужи», воеводы, подобно тому как воеводами были Свенельд и Добрыня, но они — не просто «мужи» киевского великого князя, а его сыновья. «Посажением» в разных местах Руси в качестве князей-правителей своих сыновей Владимир укреплял связи между отдельными областями своей державы и ее центром, усиливал свое влияние, укреплял свою власть, уничтожал племенные княжения и ликвидировал почти полную независимость земель, где правили различного рода «светлые и великие князья» славянского, финского и скандинавского происхождения.

Сыновья Владимира не были полновластными хозяевами в тех землях, куда сажал их отец. Вернее сказать, пока они правили в своих «градах», к ним переходила вся полнота власти, хотя несомненно «мужи» киевские князя Владимира выступали у них в роли «воевод» и «съветников». Но отец в любую минуту по мере надобности мог их перебросить в другой конец Руси, и той органической связи князей с «землей», с местной феодальной знатью, купечеством, связи, обусловленной тем, что здесь, у «стольных градов» и в них самих, находилась «вся жизнь» князей, их села и нивы, ловища и перевесища, их дворы и дворцы, здесь же жили их чады и домочадцы, их семьи, слуги и воины, челядь и смерды, связи, которая в конце концов привела к распадению Киевского государства и к созданию определенной государственной системы, системы феодальной раздробленности, не было и быть еще не могло.

Сыновья Владимира еще не усвоили взглядов, характерных для князей эпохи феодальной раздробленности, взглядов, свойственных князьям удельной поры. Они не успели еще пустить корни глубоко в почву данной земли, так как для этого еще не было соответствующих предпосылок.

Они еще не успели выделиться из общей для всех «Рюриковичей» жизни княжеской семьи, и это вполне соответствовало тому уровню общественного развития, на котором стояла Русь. Она была еще «полупатриархальной-полуфеодальной», «готической Россией» со свойственной ей системой примитивного, но могущественного государства с единством политической власти.

Ни многочисленность княжеской семьи, ни наличие у Владимира 12 сыновей, ни «посажение» их по разным городам и землям Руси не могли еще сами по себе привести к феодальной раздробленности, так как ходом экономического и политического развития Древняя Русь еще не была подготовлена к победе того государственного строя, который определяет собой консолидацию феодальных отношений.

И сыновья Владимира в своей роли князей, сидевших по городам Русской земли вместо «светлых и великих князей» предшествующей поры, больше напоминают воевод великого князя киевского, воевод, правда, особенных, связанных с ним тесными узами родства, общностью интересов всего «рода» «Рюриковичей», всей династии, нежели удельных князей XI—XII вв. Поэтому Владимир так легко и безболезненно и для себя, и для государства, и, наконец, для самих своих сыновей перебрасывает их из конца в конец своей необъятной державы.

Исключение представляет собой лишь Полоцк, который достался Изяславу. «Восставляя» отчину Рогнеде и Изяславу, Владимир, по сути дела, выделил «Рогволожья внука», создал новое и почти независимое от Киева Полоцкое княжество в пределах несравненно больших, чем владения Рогволода, и при этом княжество с границами, почти неизменными на протяжении ряда последующих десятилетий. «Рогволожьи внуки» сидели и правили в своей Полоцкой отчине особо, на иных правах и основаниях, нежели остальные потомки Владимира. Это нашло отражение в постоянной вражде «Рогволожьих внуков» с другими Владимировичами. Так было при Изяславе, который умер еще при жизни Владимира в 1001 г., и при его сыне Брячиславе, и при внуке Всеславе, и позднее.

Все ли перемещения князей попали на страницы летописи, сказать трудно. Скорее всего, на этот вопрос придется ответить отрицательно.

Быть может, одно время, очевидно после Всеволода, согласно Несторова «Жития Бориса и Глеба», Борис действительно сидел во Владимире на Волыни. По «Житию» Глеб сидел не в Муроме, а оставался в Киеве при отце до самой смерти.

В летописи и в некоторых вариантах «Жития» деятельность Бориса связывается с борьбой с печенегами, со «встанью» на левом берегу Днепра, что уводит его далеко от Ростова.

В 994 г. Всеволод (Visivalda) бежал из Руси за море, в Скандинавию, где и погиб. Об этом наша летопись не знает, но зато с рядом романтических подробностей говорит сага об Олафе Тригвассоне. Все приведенное свидетельствует о том, что далеко не все события, связанные с деятельностью сыновей Владимира, посаженных им по городам Руси, нашли отражение в летописи.

Много противоречивого, неясного, спутанного. Но нет никаких сомнений в том, что этими действиями Владимир добился главного — Русская земля была объединена под властью великого князя киевского в такой мере, в какой этого было вполне достаточно для ее «устроения».

Особняком стояли лишь Новгород, где сидел Ярослав, откуда шла дань ежегодно в 2000 гривен «урокомь дающю Кыеву», «и тако даяху вси посадници Новгородьстии», а третья тысяча шла на содержание княжеской дружины в самом Новгороде («а тысячю Новегороде гридем раздаваху»), уже в конце княжения Владимира проявивший сепаратистские стремления, да Святополк, замышлявший что-то против отца, но в его выступлении чувствуется направляющая рука тестя — польского короля Болеслава.

Так закончился длительный процесс объединения в едином государстве земель восточных славян. Племенные княжения исчезли. Не случайно именно к этому времени исчезают большие курганы типа Черной могилы в Чернигове, бывшие, по-видимому, погребениями «светлых и великих князей».

Исключение представляет собой лишь земля вятичей.

Княжеская администрация укрепилась повсюду, и в этом отношении Владимир шел по стопам своей бабки — Ольги, но только результаты, достигнутые им, были более значительными.

Во всей общественной жизни Руси происходили громадные сдвиги. Русь дофеодальная, Русь полупатриархальная-полуфеодальная быстро шла по пути развития классового, феодального общества. Процесс феодализации шел вширь и вглубь, охватывая все новые и новые территории, создавая на месте предфеодальных форм господства и подчинения крепостнические отношения, повитые еще древним рабством, пережитками первобытно-общинного строя, но своим быстрым развитием свидетельствующие о том, что Русь варварская уходит в прошлое и ее место занимает Русь феодальная, и недалек тот час, он наступит уже при сыновьях и внуках Владимира, когда прафеодальная дружинная знать Киевской земли превратится в феодальную верхушку времен «Русской Правды», а свободное, ограничивающееся уплатой дани (это была обязанность) и поставкой «воев» (это было право) князю «сельское людье» положит начало зависимым смердам и холопам, закупам и рядовичам, изгоям и наймитам, всей этой челяди, на эксплуатации труда которой основывают свое хозяйство князья, бояре и монастыри.

Усложнялась не только социальная структура древнерусского общества, усложнялись и политическая его жизнь, его государственное устройство.

Все это должно было привести к значительным сдвигам в области идеологии, а так как господствующей формой идеологии того времени была религия, то, следовательно, эти сдвиги должны были прежде всего вылиться в религиозную реформу. Религиозная реформа диктовалась также окончательным объединением Владимиром в единое государство всего «словянеск язык на Руси», а с ним вместе и тех неславянских восточно- и западнофинских и литовских племен (чудь, меря, весь, мурома, голядь и др.), которые органически слились с русскими и почти полностью русифицировались. На месте племенных богов и культов, на месте религиозной пестроты, стадиальной и племенной, должен был установиться единый пантеон богов, единый культ, который бы соответствовал тому объединению земель и племен, которого добилась светская власть Руси. Этот пантеон богов, этот единый культ должны были освятить перемены, происшедшие в социальной и политической жизни Древней Руси, освятить нарождающиеся феодальные порядки, новый государственный строй, перенести на небеса те формы общественной жизни, которые сложились на земле, и с небес благословить те порядки, которые создались на Руси. Позднее на сцену выступает и еще одна причина религиозной реформы, на этот раз обусловленная не столько изменениями внутренней жизни Руси, сколько ее деятельностью на международной арене. Речь идет о том, с кем пойдет Русь — с католическим Западом, с византийским православным Югом или с мусульманским Востоком. Русь, выйдя на просторы мировой истории, не могла уже оставаться языческой державой; она должна была примкнуть к одной из трех цивилизаций, к одному из трех центров тогдашнего цивилизованного мира, с которым она общалась все чаще и чаще и устанавливала все более и более тесные связи.

Робкие и нерешительные шаги Ольги и Ярополка сменились уверенной поступью Владимира — он выбрал путь, приведший к распространению на Руси христианства по восточному, греческому обряду, и этим самым предопределил своеобразные формы русской культуры и цивилизации и наметил пути ее исторического развития на много столетий вперед.

Таким образом, религиозная реформа как результат изменения идеологии всего древнерусского общества, и прежде всего его господствующей классовой верхушки, диктовалась причинами внутреннего и внешнего порядка. И не случайно, идя по пути религиозных реформ, Владимир, разрешая эту первую задачу — приспособление религии к новым формам общественной жизни, ищет и находит материал для своей преобразовательной деятельности в самой языческой среде Древней Руси, а принимаясь за разрешение второй, связанной с укреплением международного положения Руси, со включением ее в тот или иной очаг цивилизации Востока и Запада, становится на путь религиозного заимствования; и принятие Русью христианства, православия, как это мы увидим ниже, окажется связанным с крупными политическими событиями на мировой арене.

Поэтому религиозная реформа Владимира проходит два этапа.

Первый этап ее был не чем иным, как попыткой модернизации самой языческой религии, точнее, пестрых языческих верований, которым Вла-

димир пытался придать стройность и ввести их в рамки, соответствующие укреплению и развитию классового общества, и только тогда, когда эта попытка показала всем «мужам» Владимира и самому князю в первую очередь свой паллиативный характер, когда появилась возможность (отнюдь не необходимость; последняя проявилась гораздо раньше) разрешить вторую задачу, наступил второй этап религиозной реформы Владимира — крещение Руси.

Почему же языческая религия не могла удовлетворить требованиям господствующей на Руси верхушки? Мы не можем даже попытаться исчерпать вопрос о язычестве Древней Руси. Восточнославянское язычество сложно и многообразно, и мы остановимся на нем лишь постольку, поскольку это требуется для нашей темы о религиозной реформе Владимира.

Даже беглый взгляд, брошенный на языческие верования восточных славян, заставляет нас сделать вывод, что в них отслоились религиозные представления, а следовательно, и идеология самых различных ступеней в развитии доклассового общества.

Сохранялись следы фетишизма. Восточные славяне почитали камни какой-либо необычайной формы («жруще... камнем»), как это имело место и позднее, вплоть до XVIII в., когда почитался камень Буил на Дону, которые, по их мнению, были наделены чудодейственной силой и могли помочь им в их делах.

Оставались и пережитки тотемизма, веры в чудодейственную силу животных, от которых якобы вели происхождение те или иные племенные или родовые группы людей и которые также помогали людям. Таким тотемическим божеством у славян (северо-восточной группы славян и их восточных соседей — финнов) был медведь, священное животное и далекий «предок», следы культа которого мы находим и в «Повести временных лет» под 1071 г., где речь идет о казни волхвов, и в «Вопрошании» Кирика. Такой же священной, «вещей», птицей были кукушка и, пожалуй, ворон. Поклонялись, как и анты, быку (Гардизи). По-видимому, в глубокой древности поклонялись и другому тотемическому божеству — змее, следом чего является известное упоминание о змеях, вернее, людях тотема змеи, изгнавших, по Геродоту, невров из их земли. Верили в оборотничество, в людей-оборотней. По преданию, таким человеком-оборотнем, превращающимся по ночам в волка, был полоцкий князь — чародей Всеслав. Переодевание в шкуры коз, овец, волков, медведей и священные пляски, приуроченные уже в христианские времена к колядкам, были несомненным пережитком древнего тотемизма.

Сохранились пережитки и древней магии. Все вокруг себя древний славянин населял духами. Эти духи могли помогать или вредить человеку. Их надо было умилостивить, приносить жертвы, совершать моления. Каждое явление природы, растение, животное одухотворялись.

«Жруть бесом и болотом и кладезем», молятся «...под овиномь, или в рощеньи, или у воды», «бяху же погани, жруще озером и кладязем и рощением...» «ови рощением вероваша и кладезем и рекам».[49]

С течением времени эти религиозные представления связываются с земледельческими работами и меняют свой характер.

Все эти верования — остатки далекой поры, пережитки седой древности, исчезающие медленно, чрезвычайно медленно. Они лишь трансфор-

мируются, перерождаются и часто почти в неузнаваемом виде продолжают существовать спустя много тысячелетий после того, как их породили определенные формы общественного быта и сознания.

В давно минувшие времена, в эпоху родового строя, зародился и культ предков. Его появление связано с зарождением культа мертвых, с появлением представления о том, что жизнь продолжается и после физической смерти, жизнь, которая, собственно говоря, ничем не отличается от земной. Поэтому покойник может и помогать живым, если речь идет о душах усопших предков, которые выступают в этой своей роли покровителей уже хотя бы потому, что такую же функцию они выполняли бы по отношению к своим потомкам-родственникам при жизни, и вредить им, если покойник принадлежит к чужому роду или племени. Такими покойниками, от которых чаще всего следует ожидать неприятностей, выступают «берегини», древнеславянские божества, трансформировавшиеся позднее в русалок, и уж во всяком случае враждебными являются «упыри». О них как о древнейших русских божествах говорит «Слово святого Григория, изобретено в толцех, о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали; то и ныне творять», где мы находим такое место: «и ти начаша требы класти роду и рожаницам преже Перуна бога их, а преже того клали требу оупирем и берегиням...».[50]

«Слово» намечает три этапа в развитии религиозных представлений восточных славян:

I этап — поклонение берегиням и упырям;

II этап — поклонение Роду и Рожаницам и

III этап — поклонение Перуну, Хорсу, Мокоши и Вилу (вариант — вилам).

Поклонение Роду и Рожаницам связано с развитием культа мертвых, культа умерших предков, которые в загробной жизни продолжают покровительствовать своим сородичам.

Род (позднее он получает наименование Щур или Чур, отсюда «Чур меня» — «Чур, заступись за меня») и Рожаницы, души предков — «навье», день поминания которых получил название «навий день», — все это божества развитого патриархального родового строя. Это — покровители рода, родовых гнезд, добрые духи, которых надо было умилостивить, но никто не ждал от них зла.

На более ранней стадии, когда «... бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»,[51] нужно было прежде всего озаботиться умилостивлением злых духов, духов чужих покойников. Поэтому и появилась вера в упырей. С разрастанием родов, с отдалением чужих земель и чужих родов, с укреплением родовой организации на первое место выступают культ предков, культ «навьев», Рода и Рожаниц. По мере распадения родовой организации, возникновения и развития моногамной семьи Род и Рожаницы, покровители всего рода в целом, постепенно забывались, теряли свое значение, и божества рода были заменены божествами — покровителями отдельных семей, домовыми.

Древнеславянские берегини трансформируются в русалок. Русалки — души усопших людей. Лишь определенное время они живут в воде, в реках и колодцах, до Троицына дня, а после Троицы они переходят на землю и живут в лесах, на деревьях.

С ними связаны и загадочные вилы, упоминаемые в «Слове святого Григория». Под этим названием у южных славян выступают те же русалки. Очевидно, среди определенной группы славянских племен «берегини» носили иное название — «вилы», что, как это мы увидим далее, является еще одним доказательством племенной пестроты языческих верований восточных славян. С течением времени, с распространением христианства русалками стали называть души утопленниц и некрещенных детей — «навок» (от «навье»).

Так устанавливается прямая преемственная связь «нимф» антов и славян через «берегинь» (а может быть, «нимфы» византийцев и были древними берегинями) с вилами и русалками.

По покойникам устраиваются пиршества — тризны, справляется «навий день». Собираются всем родом и совершают пиршество. На могилы льют воду, мед, кладут блины, яйца, выкрашенные кровью. Культ «навий» («навьев») связан с баней. Сюда приходят молиться предкам — «навьям», ожидая, что последние явятся мыться; сыпят пепел и по пеплу узнают, явились «навьи» или нет. Сюда же приносят вино, мясо, яйца, масло, сыр, «кроют хлеб» и съедают принесенное. Такие же моления и тризны устраивают Роду и Рожаницам. Тризны в честь предков и угощения «навий» в форме братчин долгое время еще существовали на Руси.

Молились в «рощении», в «дрова», священным рощам и деревьям, вроде того огромного дуба, который стоял на острове Григория на пути «из варяг в греки».

Молились у колодцев, родников, рек, озер, у священных камней и холмов, под овином огню-сварожичу. Приносили жертвы продуктами, курами, петухами, о чем свидетельствуют не только древнерусские, но и византийские и восточные источники (Лев Диакон, Константин Багрянородный и др.). Были и человеческие жертвы (летопись о принесении в жертву варягов-мучеников, Лев Диакон, Ибн-Фадлан и др.).

И все больше и больше на первый план выступают верования, связанные с земледельческим бытом восточных славян.

Священный огонь-сварожич, которому молились древние славяне («кто под овином молится или во ржи», «огневи сварожицю молится», «иже молится огневи под овином», «огневи молятся, зовуще его сварожичьемь», «кораваи молят вилам, и огневи под овином»), связан с огнем, который сушит хлеб на корню или в овине, и несомненно связан с земледельческим бытом. Не случайно сварожичу-огню молятся «под овином» или «во ржи». Это земледельческий культ, связывающий огнепоклонство с почитанием солнца, культ, покоящийся на труде славянина-земледельца, ибо огонь небесный — солнце и огонь земной одинаково служат на благо человека.

Культ воды, ярко выступающий в молениях у рек и источников, у озер и кладезей, когда славянин «реку богыню нарицаеть», воды, которой приносят жертвы (кур, людей), «в водах потопляеми соуть», свидетельствует об олицетворении животворящей силы воды. «Ов требоу сътворити на стоуденьци, дьжда искы от нею», — говорится в «Слове Григория Богослова», и это свидетельствует о земледельческом характере культа воды. Древний славянин, умилостивляя влагу земную, рассчитывал на то, что на его поля изольется влага небесная. Почитание воды и источников должно было спасти от засухи, вызвать дождь на его нивы. Поэтому-то

молились «стоуденьцем и реком» далекие предки тех, кто еще в XIX и XX вв. крестными ходами пытались вызвать дождь на свои сохнущие под палящим солнцем поля.

Культ деревьев также несомненно носил производственный характер и возник тогда, когда лес давал коренья, бывшие большим подспорьем в хозяйстве древнего славянства, во всяком случае бóльшим, чем позднее, во времена христианства. Недаром священники спрашивали свою полуязыческую паству уже во времена Московского царства: «В лесу по траву и по коренья не ходил ли еси?», «В великий четверток не ходил ли еси по что в лес?», так как «...в лесе или в поли венчеваються человеци и по оудесам тычються».

Итак, перед нами еще один элемент древнерусского язычества — земледельческий культ, культ, родившийся в незапамятные времена, стойкий и всеобъемлющий, все усиливающийся и продолжающий бытовать даже в начале христианской поры, культ, когда человек обращается непосредственно к природе, обожествляя ее, выпрашивая у нее всякие блага, вымаливая ее доброжелательное отношение к «дажьбожьим внукам».

С этой земледельческой религией связаны и языческие праздники Древней Руси.

Они отражают смену времен года и смену земледельческих работ.

За Корочуном, самым коротким днем года, наступают праздники, на которые перешло римское название «коляды» (calendae). Остатки колядовых обрядов (вечеря среди снопов, куч хлебов, ворожба и пожелания урожая, приглашение мороза на кутю) говорят о земледельческом характере праздника. Приход весны связан с масленицей, с весенними праздниками («веснянками») и весенними играми. Они переходят в «зеленый праздник» — Троицу, когда весна встречается с летом. Это одновременно праздник расцветания природы, «русалья неделя», «навий день» (который, кстати, отмечается и в другое время, что говорит о наличии нескольких праздников предков — то ли остаток нескольких видов этого культа, то ли рудимент различных племенных культов мертвых). Летний поворот солнца — время максимального расцвета природы — связан с днем Купалы. В этот день совершались обряды, долженствующие обеспечить плодородие и урожай, обряды, связанные с культом огня и солнца, с воскресением растительности. В древности на Купалу приносили в жертву девушку, которую топили в реке, затем ее заменяла кукла («Купала», «Кострома», «Ярило», «Коструб ник»).

Праздник Купалы олицетворял возрождение духа живой, растительной природы, возрождение самой природы, от которой зависело благополучие земледельцев-славян. С праздниками природы связывалась «гремяцкая неделя», день бога солнца и плодородия Ярило («всехсвятское заговенье» христианских времен), день Лады («Фомино воскресенье») и др.

Такова была религия древних славян, земледельцев-общинников, корни которой на протяжении столетий не могло выкорчевать христианство и вынуждено было пойти на уступки язычеству, освящая древних богов и древние праздники. Итак, перед нами ряд напластований в религиозных представлениях древних славян: магия, анимизм, и в частности антропоморфный анимизм, фетишизм, тотемизм, культ мертвых — «навий» — четырех стадий (I — упыри и берегини, II — Рожаницы, III — Род, IV — домовые), отражающий период матриархата (берегини, рожаницы), пат-

риархата (род) и сельской общины с отдельной семьей (домовой), и, наконец, земледельческий культ, связанный с силами природы, земными и небесными.

На различных этапах общественного развития протославян, венедов, антов, древних восточных славян возникали новые религиозные верования как выражение развития общественного бытия и мышления. Они сосуществовали с более древними религиозными представлениями, тесно сплетаясь с ними. Затем появились новые верования, причем древние религиозные обряды и боги все еще продолжали существовать, медленно, очень медленно исчезая и трансформируясь. И так продолжалось вплоть до принятия христианства и даже позднее. Поэтому пестра и многолика славянская языческая религия, многообразны обряды, многочисленны боги древних русских «людий».

Но наряду с именами божеств, характерными для славянского политеизма, источники сохранили нам имена главных богов.

Это прежде всего Сварог, бог неба, бог огня небесного. «Сын Сварогов еще есть Дажбог», т. е. солнце. Сварожичем был и огонь земной. Сварог — главный и, быть может, древний бог, функции которого с течением времени перешли к специализированным божествам. Источником всего благополучия выступает бог солнца Дажьбог, он же Хорс и, быть может, Ярило. Богом молнии и грома был Перун, о котором как о божестве древних антов и славян говорит еще Прокопий. Богом ветра выступает Стрибог, сами ветры назывались «Стрибожьими внуками». Волос, «скотий бог», одновременно покровитель торговли; Симаргл и Мокошь, два божества, сущность которых остается неясной; загадочные Переплут, Дый, Троян — таковы главные божества восточных славян.

Боги стихий, стоявшие как бы за явлениями природы, свидетельствуют об обоготворении древними русскими сил природы.

При этом следует подчеркнуть многоплеменной характер древнерусской языческой религии. Наличие нескольких наименований для бога солнца говорит о том, что отдельные группы племен каждая по-своему называла бога солнца и, быть может, по-своему поклонялась ему.

Многоплеменной состав населения Киевской державы находит отражение в многообразии божеств и культов. Многие из них явно не славянского происхождения. Хорсом называли бога солнца либо племена иранского происхождения, либо славяне, но тесно связанные с иранцами и заимствовавшие из их пантеона если не самого бога солнца, то во всяком случае его имя (Хорс — от иранского Хуршид — солнце). Таким же иранским выступает наименование другого бога — Симаргл, что также связано с иранским Симург.

К сожалению, не представляется возможным ответить на вопрос — были ли боги с иранскими названиями божествами вошедших в состав Руси как государственного организма иранских этнических элементов, вроде алан — ясов с их иранской речью (так как в ясах следует усматривать не только болгарские, тюркские элементы), соприкасавшихся со славянами в лесостепной полосе у Донца и Дона, или они восходят к седой древности, к скифо-сарматскому миру, компонентом которого были и далекие предки русских.

Таким же не русским божеством была и Мокошь. В Мокоши, скорее всего, следует усматривать бога приволжских восточных финнов и связы-

вать ее имя с наименованием мордовского племени мокша (марийское Мокш, Мокс). В поверьях Русского Севера, носящих отпечаток финских религиозных представлений, память о Мокоши сохранилась в вере в Мокушу, или Макушь, существо, которого боятся женщины и присутствие которого замечают по урчанью веретена и по стершейся шерсти овец. В памятниках XVI в. («Худых сельских номоканунцах») еще упоминается культ Мокоши («не ходила еси к Мокоши?» — вопрос, кстати отметить, который, судя по фразе, задавался только женщинам). С тех пор дошло слово «мокшить» в смысле вымаливать, выпрашивать, в той же функции этих понятий, в которых они выступают в смысле ворожить, заклинать, т. е. выпрашивать у бога. Поэтому «Слово от Святого Евангелия» помещает слово «Мокошь» среди гадальных терминов.

Племенная пестрота населения Киевского государства породила пестроту в пантеоне языческих богов.

С течением времени, по мере роста и укрепления новых общественных отношений, по мере развития классового расслоения древнерусского общества боги, олицетворяющие силы стихий, приобретают одновременно социальные функции.

Перун становится дружинным богом, богом «руси» (в смысле дружины), покровителем вооруженной полуварварской-полуфеодальной верхушки, а Волос, «скотий бог», превращается в бога — покровителя торговли и купцов.

Недаром «русь»-дружина клянется Перуном, а славяне-«вои» — Волосом, не случайно Перун стоял в тереме князя, а затем — на холме, у «двора теремного», а Волос на рынке, на Подоле, у реки Почайны. Вместе с классовой дифференциацией общества наряду с древними священными рощами, кладезями, деревьями появляются капища и идолы («кумиры»). Владимир «постави кумиры на холму вне двора теремного; Перуна древена, а главу его сребрену, а ус злат», — сообщает летопись.[52] Жречества как касты, языческих храмов, подобных тем, которые мы наблюдаем у балтийских славян, на Руси не было.

Издревле у славян существовали волхвы, носители народных религиозных представлений и таинственных знаний, заклинавшие и предсказывавшие, врачевавшие и исполнявшие различные религиозные обряды. Волхвы были двух степеней: младшей — кудесники и старшей — волхвы.

Кроме того, существовали ведуны, знахари, ведьмы и прочие обладатели таинственных чар и знаний, и с течением времени, по мере распространения христианства, энергично боровшегося с «ведовством» всех родов и оттенков, это последнее перестает быть официальным, прячется в глушь, в дебри семейных, домашних отношений, в тайники быта; и на сцену выступает исконная носительница тайных знаний и религиозной обрядности старины — женщина.

Древнерусские волхвы очень напоминали шаманов. Никон, хорошо знавший волхвов, сообщает о том, как волхв впадает в оцепенение, в транс («кудесник же лежащее оцепев, и шибе им бес»), как он «призывает бесы». Из других источников мы узнаем о «вертимом плясании», изобличаемом христианскими проповедниками, о том, как молятся Переплуту и, вертясь, поют «в розах». Перед нами типичная картина камлания шаманов. Есть основания предполагать, что волхование было распространено

больше на севере, северо-западе и северо-востоке Древней Руси, среди чуди, мери, веси и тесно с ними связанных славянских поселенцев, на быт и религиозные представления которых местное финское население оказало большое влияние. Не случайно именно здесь в XI в. вспыхивают восстания, руководимые волхвами, тогда как на юге, в Киеве, один раз только появился волхв, но и тот «пришед» откуда-то и вскоре пропал «без вести».

До нас дошла только обрядовая сторона древнего язычества, ибо против нее и выступало раннее христианство во всевозможного рода обличениях. Сущность же языческих представлений нам неизвестна уже хотя бы потому, что сущность языческой религии «книжники»-христиане боялись приводить в своих произведениях даже в том случае, если и знали ее, так как таким путем ее сохраняли и пропагандировали. Нужно было поскорее заставить всех, в том числе и само православное духовенство, хорошо знакомое с религиозными понятиями и обрядами язычества, забыть о них.

Вот поэтому до нас дошла только внешность, а не содержание язычества.

И только в одном месте Никон приводит рассказ волхва о создании человека: «Бог мывъся в мовници и вспотивъся, отерся вехтем, и верже с небесе на землю...»[53]

Все эти кудесники и волхвы не были, подобно жреческой касте, отгорожены от народа. Ими могли стать любые и из «простой чади», и из «лучших мужей». Они были тесно связаны с родом, с общиной и выделялись ими же из своего состава. Они не были объединены в организацию, не превращались в социальную и политическую категорию, стоящую над обществом.

Могла ли удовлетворять потребностям быстро развивающегося классового общества и государства такая религия, пестрая, многослойная, отражающая в своих представлениях и обрядах различные этапы общественного развития, разностадиальная и разноплеменная, религия, порожденная родовым обществом, первобытно-общинными отношениями, религия, исполнители обрядов которой не отрывались от рода, общины, семьи?

Конечно, нет.

Все это заставило Владимира приняться за религиозную реформу.

И на первом ее этапе Владимир ограничился перестройкой языческой религии. Прежде всего Владимир превращает культ Перуна, бога грома и молний, дружинного бога, в культ всей земли Русской. Он выносит его кумир из «двора теремного», где ему поклонялись дружинники, превратившие почитание его, бога древних антов, в свой дружинный культ, а самого Перуна, сделавши своим покровителем и заступником на небе, ставит «на холму вне двора теремного». Тут же воздвигнуты были кумиры «и Хърса, Дажьбога, Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь».

Так был создан пантеон богов Владимира в Киеве.

Культ Перуна, становящегося богом всей Руси, распространяется и на Новгород. «Владимир же посади Добрыну, уя своего, в Новегороде; и пришед Добрыня Ноугороду, постави кумира над рекою Волховом, и жряху ему людье Ноугородьстии...».[54] Новгородская I летопись уточняет: «...Перуна кумир».

По-видимому, то же самое происходило и в других городах Руси.

Свой княжеско-дружинный культ, культ Перуна, культ «Рюриковичей», Владимир превращал в религию всей земли Русской и этим самым облек в религиозную реформу превращение власти великого князя киевского из власти одного из «светлых великих князей», «иже суть под рукою его», в единственную на Руси подлинно государственную власть великого князя всей Русской земли, земли многоплеменной, обширной, могущественной.

Мы видим, таким образом, как в реформе языческой религии, проведенной Владимиром, отразились изменения, происшедшие в ее государственном строе. Одно дополняло другое, и оба эти процесса, один, шедший в действительной жизни Древней Руси, в ее политической, государственной эволюции, а другой — в сознании ее социальной верхушки, в ее идеологии (а это передавалось и народным массам, которые, естественно, не имели таких побудительных мотивов к изменению своих языческих верований, как дружинная феодализирующаяся, но все еще варварская знать, и поэтому древнее язычество в народе оказалось столь живучим и распространенным), шли параллельно, и изменения в общественном быте определяли собой изменения в общественном сознании.

Перун в Киеве — на холме «вне двора теремного», Перун в Новгороде — у Волхова, тоже на холме, на другой окраине великого водного пути «из варяг в греки», по которому со времен Олега сложилось русское государство, — не является ли это свидетельством укрепления княжеской власти, распространения ее в новых, более совершенных формах на важнейшие центры Руси?

Понятным становится отношение к Перуну в Новгороде: он был здесь чужим, этот бог киевской дружины, как чужой была и сама эта последняя, навязавшая большому торговому многолюдному городу, второму после Киева на Руси, свою власть и свои порядки, установившая ежегодную дань и т. п. Поэтому при крещении Новгорода жители города на Волхове с таким легким сердцем расстаются с кумиром Перуна, брошенным в Волхов, а какой-то новгородец добродушно, шутя (для гнева, собственно, не было причин: слишком уж невелико было значение культа Перуна и недолго его пребывание в Новгороде), оттолкнул его ногой от берега: «до сыти поел и попил».

Это говорит и за локальный характер культа Перуна. По-видимому, колыбелью этого культа было Среднее Приднепровье, юг, край антов, которые в VI в. уже чтили, по свидетельству Прокопия, бога-громовержца. Новгородцы, пришедшие на берега Волхова в то же примерно время, откуда-то из лесной полосы, по-видимому, были менее знакомы с этим культом и, по существу, не приняли его тогда, когда он стал олицетворять культ киевской княжеской дружины.

Итак, перед нами одна сторона языческой реформы Владимира — объявление Перуна общим богом, установление религиозного единства, основой которого является превращение бога дружины в бога всей Руси, что отразило перемены, происходящие в политической жизни Киевского государства, а именно — установление единой, прочной, могущественной княжеской власти.

Но была и другая сторона реформаторской деятельности Владимира.

Для того чтобы подчеркнуть объединение под властью киевского великого князя, князя Руси, всех восточнославянских и неславянских пле-

мен Руси, нужно было предоставить место в пантеоне богов и их племенным божествам. Так, в пантеон языческих богов Владимира вошли Дажьбог, Стрибог, Хорс, Мокошь и Симаргл, все эти боги, носящие славянские, иранские и финские наименования.

Так попал в пантеон Владимира Дажьбог, один из славянских племенных богов, «внуками» которого автор «Слова о полку Игореве» считает, быть может, черниговских северян, а быть может, людей русских вообще, всех «храбрых русичей», так попали и бог степняков и связанных с ними славян Хорс, и Симаргл, и Мокошь, и Стрибог.

Кроме этих главных, попавших в пантеон Владимира богов были и другие. Говорится о том, как при крещении «вси скрыша в пещерах кумиры свои», о деревянных и каменных идолах. Кому были воздвигнуты эти кумиры, каким не названным по имени богам, неизвестно.

Мы не знаем, как выглядели вещие Карна и Жля, Переплут, Судина и Среча и прочие божества славян. Но они не вошли в пантеон богов Владимира. Они были многочисленны, разнообразны по происхождению и функциям, играли в религиозной обрядности далеко не первую роль, и этого было вполне достаточно для того, чтобы они оказались обойденными религиозной реформой Владимира, ставящей своей задачей отобрать главные божества, отражающие верования социальной верхушки, объединить их, слить в единый пантеон, долженствующий положить конец былому многобожию.

Странным кажется то обстоятельство, что в пантеон Владимировых богов не вошел Волос (Велес), «скотий бог», покровитель торговли, бог купцов, покровитель «боянов», «Велесовых внуков», а следовательно, искусства и знаний.

Волос — бог широких слоев населения, и прежде всего купцов. Новые функции Волоса — покровительство торговли, тогда как ранее он выступал в роли «скотьего бога», — легко объясняются тем, что скот, древний всеобщий эквивалент и главное богатство, тесно и неразрывно связан с торговлей, обменом, деньгами.

Древняя функция Волоса («скотий бог») делает его популярным в широких массах. Позднее социальная функция Волоса сужается. Он покровительствует торговле. Его культ распространяется среди купечества.

В договорах Руси с греками дружина, «слы» клянутся Перуном, гости — Волосом. Молились идолу, прося его помочь в торговых операциях, русы Ибн-Фадлана. Не были ли «изображения» «на деревяшках», которым молились русы, по Ибн-Фадлану, прося помочь им торговать, идолами Волоса?

Почему купеческое божество не вошло в пантеон богов Владимира — сказать трудно.

Быть может, только потому, что этот пантеон отражал только дружинную идеологию, навязываемую силой всему населению.[55]

Казалось бы, Владимир достиг своей цели. На небесах восторжествовала система, установившаяся на земле и с небес благословившая дружинный культ, культ объединенной под властью великого князя киевского полуварварской-полуфеодальной знати единого Русского государства.

Но проходит немного времени, всего-навсего несколько лет, и на Руси утверждается христианская вера по византийскому обряду.

Чем объяснить такой крутой перелом?

Почему Владимир остался неудовлетворенным своей так недавно проведенной религиозной реформой? Почему понадобилось сделать христианство господствующей религией на Руси?

Есть одна особенность языческой реформы Владимира — она была национальной, русской; национальной, конечно, в том смысле этого слова, в котором понятие «национальная» может быть применимо по отношению к Древней Руси. Она не ставила Русь, хотя бы даже относительно, в какую-либо зависимость от другой страны. Для системы религиозных преобразований, отражающих изменения во внутренней жизни страны, казалось бы, достаточно было трансформировать старую языческую религию. Для укрепления международного положения Руси было необходимо более решительное преобразование и включение Руси в религиозную систему одного из центров тогдашнего цивилизованного мира.

Но в самом ли деле пантеон богов Владимира, его религиозная реформа могли удовлетворить требованиям зарождающегося и крепнущего классового общества? Нет. Реформа эта все же была паллиативом, полумерой, и только полумерой.

При сохранении языческой религии вообще, а с ней вместе языческого многобожия, трудно было добиться распространения культа того пантеона, который создал Владимир. Оставалось множество языческих богов и божков, т. е. та самая религиозная пестрота, ликвидировать которую стремился своей реформой Владимир. Нужны были решительные меры по искоренению язычества, всех языческих богов вообще, так как только таким путем можно было добиться религиозного единообразия. Следовательно, нужна была новая религия.

Старая языческая религия, отражающая, правда, различные стадии общественного развития, но порожденная все же доклассовым обществом, во всем абсолютно сохраняла пережитки первобытно-общинного равенства и не годилась для освящения классового общества. Всеми своими богами, всеми верованиями и религиозными обрядами она уходила в род, общину и уж поэтому одному не могла удовлетворить запросам оформляющегося из варварской знати господствующего класса феодалов.

Нужны были новые представления о мире, мироздании, о морали, этике, праве и т. д., соответствующие изменениям, господствующим в стране. Старая языческая религия не могла их дать, так как все ее представления о мире зиждились на идеологии доклассового общества.

Языческие кудесники и волхвы, не говоря уже о ведунах, знахарях, ведьмах, были тесно связаны все с тем же родом, общиной. Не случайно именно они выступают впоследствии руководителями восстаний смердов, так называемых «восстаний волхвов», так как языческая религия, за которую они боролись с христианством, была символом уходящего в прошлое общинного строя, родового быта, одинаково близкого и им, и смердам.

Служители культа должны были сплотиться в мощную организацию и стать верными помощниками феодализирующейся знати, слиться с нею, чего языческие волхвы сделать не могли, ибо в их распоряжении такой организации не было. И с принятием христианства они оказались за бортом истории, так как в распоряжении православной церкви была мощная организация духовенства. Все это, обусловленное внутренним развитием Руси, со всей очевидностью показало, что реформа языческой религии,

проведенная Владимиром, не достигла своей цели. Нужны были новое содержание и новые формы религии.

Успехи же Руси на международной арене и ее потребности и претензии, на которые она имела достаточно прав и все основания, с неменьшей силой толкали ее по этому же пути. Казалось бы, принятие религии извне, чужой и мало известной народу, могло привести не только к идеологическому, но и к политическому подчинению Руси той державой, религию которой заимствовала бы Русь. Да, такая угроза существовала. Но Русь, русский народ оказались, как это мы увидим ниже, настолько сильны, настолько мощной и многообразной была русская народная культура, что византийское православие на русской почве приобрело особый характер, было амальгамировано язычеством, окрасилось в русские тона, приобрело национальный характер.

Недостаточность проведенной реформы языческой религии, необходимость кардинального решения вопроса о религиозной оболочке новой идеологии, идеологии складывающегося феодального общества и государства, — все это Владимиром было осознано задолго до того, как состоялось официальное крещение Руси.

Перед ним стал вопрос: с кем идти, какую религию заимствовать, сделать господствующей на земле Русской? У кого и как заимствовать ту оболочку, в которую должна была облечься идеология нового общества?

Было несколько путей. Сколь ни легендарен знаменитый рассказ об испытании Владимиром различных вер и о миссионерских посольствах на Руси, но он отражает реальную действительность — Владимир выбирал веры. Пусть рассказ об испытании вер является эпическим произведением, легендой, уснащенной народным юмором и полемикой, пусть в основе его лежат и греческие легенды, вроде «Житий» Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, и «Паннонское Житие» Константина Философа (Кирилла), и еврейско-хазарская легенда о принятии хазарами иудаизма, и скандинавские саги, вроде саги об Олафе Тригвассоне, и даже, как предполагали Шахматов и Приселков, какая-то болгарская версия об обращении в христианство болгар.[56]

Мы готовы согласиться с мнением С. В. Бахрушина и Р. В. Жданова, что в основе рассказа об испытании вер была положена еврейско-хазарская версия, что вполне вероятно, если учесть указанные нами ранее тесные и древние связи Руси с Хазарией, где господствовал иудаизм.

Для нас важно отметить, что реальная жизнь, жизнь Руси, расположенной между мусульманским Востоком, католическим Западом и православной Византией, расхождение церквей которых, правда, еще только начиналось и оформилось лишь в 1054 г., заставила Владимира именно испытывать веры.

Идти с Хазарией, заимствовать иудейскую веру? Но Хазария была разгромлена отцом Владимира, жалкие ее остатки были добиты в эпоху Владимира, ее влияние пало, и в ответе: «...Бог расточи ны по странам», данном «жидове Козарьстии» Владимиру на вопрос последнего: «Где есть земля ваша?» — смело можно усматривать не только библейскую версию, но и отзвук судеб Хазарии.

Ни положение Руси, ни время, переживаемое ею, не давали возможности Владимиру принять иудейскую веру как некую нейтральную религию, как это сделали хазарские каганы Булан и Овадий, ни восточную

мусульманскую, ни западную христианскую. Нужно было не отгораживаться нейтралитетом, а делать выбор между различными воюющими сторонами. Кроме того, Русь — не Хазария, этот столбовой путь купцов всех языков и религий и международное торжище.

Мусульманский Восток был хорошо известен Руси. И не одни «Болъгары веры Бохъмиче», западные представители восточного мира, были связаны с Русью.

С русскими мусульманский Восток торговал, воевал, мусульмане ездили к ним, проезжали по их землям, а русские добирались до Бердаа и Багдада, нападали на мусульманские города, продавали, покупали у восточных купцов, и обе стороны хорошо знали друг друга. Недаром столь велика мусульманская литература о Руси и русах. Обращение какой-то части русских в мусульманскую веру уже имело место в истории. Марвази и Аль-Ауфи датируют 300-м годом гиджры посольство русского князя Буладмира (Владимира) в Хорезм с целью принятия Русью мусульманства и поездку на Русь имама для обращения русских в магометанство.[57]

Хотя Аль-Ауфи писал свой «Сборник анекдотов» в XIII в., а Марвази — в XII в., но вряд ли они построили этот рассказ, основываясь только на русском летописном предании об испытании вер Владимиром. Очевидно, несмотря на хронологическое противоречие (в 300-м году гиджры Владимира еще не было), до Марвази, источника Аль-Ауфи, дошли два сообщения: о принятии какими-то русами мусульманства и о посольстве Владимира в Хорезм с целью «испытания веры», которые он и слил воедино. Я не считаю возможным отрицать дипломатические связи Владимира с мусульманским Востоком, носящие характер «испытания веры», но очевидно одно — с Востоком Владимиру было не по пути. И не потому, что Восток смотрел на Русь как на враждебную силу. Дело заключалось в том, что Русь гораздо раньше обернулась лицом на юг и на юго-запад, с которыми ее связывали традиции, идущие еще от антично-скифского мира, традиции, вылившиеся уже во времена Киевской Руси в русско-византийские связи.

Гораздо теснее были связи Руси с западнохристианским миром.

По различным каналам текло и распространялось на Руси христианство.

Шло оно из Хазарии, где русские сталкивались с христианами, ездившими в Киев и поселявшимися на Руси. Шло из Болгарии, и это болгарское влияние в раннем христианстве на Руси имело большое значение. Шло оно, конечно, и из Византии, и это был главный, столбовой путь христианизации Руси. Но был еще и четвертый путь проникновения христианства на Русь. Я имею в виду путь западный.

Мы не знаем, кем и как была крещена Ольга и не является ли ее крещение делом рук христианина-варяга, принесшего свою христианскую веру на Русь из Скандинавии, обращенной в христианство еще в IX в. святым Ансгаром, и не поэтому ли умалчивает Константин Багрянородный о христианстве своей владетельной гостьи. Среди киевских варягов-христиан, а «мнози бо беша Варязи хрестьяни», были и крещенные в Византии по восточному, греческому обряду, подобно знаменитому герою поэзии скандинавских скальдов Олафу Тригвассону, и те, кто явился на Русь уже христианином, приняв крещение в Скандинавии. Отсутствие в то время резкого различия и острого антагонизма между обеими хри-

стианскими церквями, западной и восточной, способствовало тому, что на Руси и те и другие были христианами, христианами вообще, и русские христиане слабо разбирались в тонкостях религиозных различий и внутрицерковной борьбе, тем более что ее разгар — дело будущего и падает на XI столетие.

Лишь позднее «вера варяжская» станет синонимом «веры латинской», как все греческое получит наименование «корсунского» и в этом своем названии станет, в свою очередь, синонимом всего пышного, великолепного, изящного, дорого, искусного.

Этим и объясняются следы западного, католического, влияния на Руси, появление, правда позднее, в XI—XII вв., в русских молитвах имен святых Канута, Олафа, Албана, западнославянских Войтеха и Людмилы, появление мощей святого Климента в Киеве, полученных у папы, праздника перенесения мощей Николая Чудотворца в Бари (9 мая), не отмечаемого восточнохристианской церковью.

Все это является следом тех связей между христианами Руси и западнохристианской церковью, которые намечаются еще в X в. и которые, по свидетельству Козьмы Пражского, заставили папу Иоанна XIII дать грамоту чешскому королю Болеславу II и разрешить ему открыть епископию и учредить монастырь, относительно которого предписывалось: «verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis, vel Ruziae aut Slavonicae linguae sed magis sequens instituta et decreta apostolica».[58]

Этим же объясняются посольства к папе и императору и обратные посольства на Русь от папы и императора при Ольге, Ярополке и, наконец, при Владимире.

Западная и восточная, православная, церкви боролись между собой за влияние на Русь, и это была не просто борьба церковников. Нет, речь шла о борьбе за политическое влияние, и за спиной византийского императора стоял патриарх так же точно, как за спиной германского императора стоял римский папа. Борьба за политическое влияние вылилась в борьбу за церковное, религиозное влияние.

И нельзя думать, что западнохристианская церковь без боя сдалась восточной, православной, несомненно гораздо более тесно связанной с Русью, чем западная.

Поэтому я считаю возможным говорить о том, что в книжно-легендарном рассказе об испытании Владимиром веры, явно заимствованном, но обработанном и дополненном в народном творчестве, отразились обрывки воспоминаний о реальных исторических событиях, ярко проявляющих Русь на перепутье, ее искания, ее борьбу за самостоятельность и борьбу нескольких центров цивилизации и религии за влияние на Русь, и согласиться с А. Е. Пресняковым, утверждающим, что «при международных сношениях Руси как отдельные факты разноверного миссионерства, так и народные рассказы на эту тему могли лечь в основу той эпически обобщенной формулы, какую с литературной точки зрения представляют летописные рассказы о беседах Владимира с представителями разных религий и о его посольствах для „испытания веры“ в разные страны».[59] Проникновение христианства на Русь, обращение в христианство еще в IX в. части дружинников-русов, а может быть и купцов, появление христианской церкви в самом Киеве, частые встречи с христианами в Крыму и Хазарии, в Византии и Болгарии, поездки христианских проповедников

и христианских послов на Русь из Византии, Скандинавии, Германии, от римского папы и т. д., поселение христиан на Руси, проникновение христианства в среду господствующих, правящих на Руси группировок, дружинной и купеческой, крещение самого князя, короче говоря, все это христианство на Руси до Владимира подготавливало крещение Руси при Владимире.[60]

Так распространялось на Руси христианство, так перекрещивалось влияние Западной и Восточной христианских церквей, но все эти влияния не смогли бы привести к превращению христианства в господствующую религию, если бы сама Русь своим внутренним развитием не была подготовлена к принятию христианства и не нуждалась бы в этом.

Этим только и можно объяснить, что христианство, известное на Руси с IX в., не смогло ранее пустить корни глубоко в русскую почву и дело ограничивалось варягами-христианами, русскими христианами, крещением Ольги, церковью святого Ильи, присягой в церкви некоторой части киевских дружинников. Был и Святослав, боявшийся, что если он примет христианство, то его засмеет дружина, были и «кияне», принесшие в жертву варягов-мучеников, христиан, был и Владимир, верный язычеству в первые годы своего княжения и пытавшийся реформой спасти его от верной гибели. Было еще много такого, что мешало христианству утвердиться на Руси. Но оно утвердилось, и при этом в годы княжения того самого Владимира, который, как ревностный язычник, так недавно еще насаждал культ Перуна и вводил свой пантеон богов. Утвердилось и распространилось прежде всего не среди «простой», а среди «нарочитой чади», среди социальной верхушки древнерусского общества, разных княжих «мужей» и бояр, гостей и гриди, «старцев градских» и «лучших мужей», так как оно было призвано освятить их права, их господство, вводимые ими порядки, создаваемое ими государство. А народные массы долго еще, формально считаясь христианами, по существу оставались язычниками и, более того, заимствуя кое-что у христианской церкви, ее обрядности, продолжали еще целые столетия не только хранить свои языческие верования, но и развивать их, усложнять и модернизировать, и не случайно, как только, даже столетия спустя, русский крестьянин ускользал из-под опеки государства и церкви где-нибудь в глуши, на севере, в дремучих северных лесах, в краю непуганых птиц, он восстанавливал самое настоящее язычество, лишь облекающееся в оболочку христианства, язычество, в значительной степени эволюционировавшее по сравнению с языческими представлениями и верованиями славян владимировых времен.

Владимир решительно рвет с язычеством и принимает христианство, что отнюдь еще не делает его «добрым христианином» в церковно-византийском смысле этого слова, тогда, когда он почувствовал, что проведенная им реформа язычества не привела к должным результатам, что необходимы новые грандиозные реформы.

И сделал это Владимир не один. «Созва Володимер боляры своя и старци градьские», и с ними решался вопрос о принятии новой веры. Кто были эти «боляры» и «старци градьские»? Перед нами отчетливо выступают две группировки. Летопись пестрит упоминаниями о том, как Владимир «созва... боляры своя и старца», «и реша бояре и старци». Им, «бояром и старцем градским», «боляры своя и посадники, и старейшины

по всем градом», уже по принятию христианства он устраивает пиры; с ними, по былинам, пирует в стольном граде Киеве «ласковый князь» Владимир «Красное Солнышко». «По вся неделя устави на дворе в гридьнице» Владимир пиршества («пир творити») «и приходити боляром, и гридем, и съцскым, и десяцьскым, и нарочитым мужем, при князи и без князя».[61]

Мы вернемся еще к пирам Владимира-христианина и попытаемся усмотреть определенный политический смысл в его пиршествах, а пока что констатируем лишь то, что перед нами явление, начавшееся еще до принятия христианства и расцветшее уже после крещения Руси.

Что же имеется в виду?

Прежде всего мы не можем пройти мимо сопоставления в летописи деятельности Святослава и Владимира. Первый получил от киевлян заслуженный упрек: «чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабив», тогда как второй — «любя дружину, и с ними думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем».

О чем же советуется Владимир с дружиной? Не только о «ратех», которые, наверное, были едва ли не единственным вопросом, обсуждавшимся князем с дружиной во времена Святослава, а «о строи земленем... и о уставе земленем».

Кончились времена, когда военная добыча, дань и полюдье были источником существования и обогащения дружины, когда дружинники надолго отрывались от Руси и война становилась их стихией, средством добывания всего необходимого для жизни, самой жизнью.

Это диктовалось и превращением полупатриархальной-полуфеодальной, варварской Руси в феодальную, и неудачей Святослава в его войнах с Византией. На Русь возвращались бесчисленные «вои». Они заполняли княжеские горницы и гридницы, становясь фактически членами княжеского огнища, выступая в роли и слуг, и младшей княжеской администрации, и воинов, составлявших личную дружину князя. Это была гридь, гридьба, в своем названии сохранившая память о норманском элементе в составе дружин Древней Руси. Другие — имевшие собственные хоромы и дворы, свои хозяйства, поля и нивы, ловища и перевесища, места и знамения, свою челядь, — возвращались к своим домам, к своим «чадам». Это были «бояре». Третьи — простые вои из «сельского людья» и «простой чади», «нарубленные» по бесчисленным русским весям и градам, — чаще всего возвращались к своему старому очагу, к своему земледельческому и ремесленному труду, и если не сами, то их потомки превращались в смердов и холопов, рядовичей и закупов. Реже им удавалось остаться в числе гриди и еще реже попасть в ряды бояр. Эта исчезающая группа «воев», порождение эпохи военной демократии, нашла своих идеологов в лице некоторых авторов и редакторов летописей и сказителей былин, так ярко в былинах об Илье Муромце рисующих нарастающее противоречие между «воями», вышедшими из народа, и князем, вокруг которого группируется замыкающееся в касту боярство.

Все это были княжие «мужи» разных степеней подчинения, богатства, власти, влияния и т. д. Но наряду с ними во времена Владимира выступает, для того чтобы тогда же исчезнуть со страниц летописи, и отнюдь не случайно, другая группировка — «старцы градские», «старейшины», «нарочитые мужи». Это — не княжие мужи. Кто же они?

Это те, кто правит от имени князя Русью, когда тот воюет «чюжея земли», «отбарахоу чюжея страны». Они — тоже своего рода княжие «мужи», ибо «старцы градские» выступают лишь собирательным термином для посадников, сотских, десятских. Но «старцы градские», все эти «старейшины» и «нарочитые мужи», все же противопоставляются в летописном тексте боярам и гридинам, непосредственно и тесно связанным с князем. Они теснее связаны с землей, со своими весями и градами, где вся их «жизнь», и часто поэтому-то именно здесь они по поручению князя выполняют те или иные функции в княжеском управлении. Но они не сливаются с княжеским огнищем, как гридины, не выполняют тех функций, которые падают на долю верхушки княжеских «мужей» — бояр.

Яркими штрихами рисует белгородских «старейшин градских» знаменитый легендарный рассказ, помещенный летописью под 997 г., об осаде Белгорода печенегами. Они на вече обсуждают дела осажденного города, советуются, принимают решения, ведут переговоры с Владимиром, с печенегами. Эта местная старинная знать, «нарочитые мужи», «нарочитая чадь», выполняющая или впоследствии становящаяся, уже под конец княжения Владимира, исполнителем воли князя, — местная богатая верхушка.

В эпоху военной демократии, во времена войн и походов она больше оставалась на Руси, чем воевала, больше не видела князя, чем совещалась с ним, а князь не делился с ней завоеванными землями, военной добычей и данью. Она получала лишь часть княжеских доходов да богатела за счет своего хозяйства.

Теперь наступали новые времена. Обе прослойки складывающегося господствующего класса феодалов (назовем их условно «княжеско-дружинной» и «земской») должны были быть слиты воедино. Грани между ними стирались. Одни получали от князя и добывали сами землю, обзаводились огнищем, угодьями, челядью, другие входили в состав княжих «мужей» и все теснее и теснее связывались с князем. Первые все больше и больше заинтересовывались, обзаводясь «жизнью», «гобином», «обильем», землями и угодьями, в «строе земленем» и «уставе земленем», вторые, входя в состав княжеского боярства, вынуждены были вместе с ним думать о ратях.

Так сливалось «княжое» и «земское» боярство. И этот процесс, так быстро завершившийся (княжения Владимира было достаточно, подробнее об этом дальше), перед обеими группировками поставил одну и ту же задачу — укрепить свою власть на Руси и укрепить положение Руси на международной арене.

Вот почему Владимир совещается с представителями обеих группировок, бояр и старцев градских. Вот почему вся его деятельность, связанная с принятием христианства, отмечена участием тех и других.

Прежде чем перейти к рассмотрению огромного материала, связанного с крещением Руси, остается поставить вопрос: почему же Владимир во второй половине 80-х годов X столетия остановил свой выбор на греческой вере?

Вопрос о том, с кем Русь пойдет и чью религию она примет, определялся тем, чье культурное влияние было сильнее.

Культурные связи Руси и Византии восходят к антично-скифской традиции, уходят в седую даль времен. Затем наступают времена венедов и

римлян, обосновавшихся в Северном Причерноморье, антов и византийцев, Руси и Византии «Житий» Стефана Сурожского и Григория Амастридского, Фотия и Аскольда.

Великий водный путь «из варяг в греки» был не только путем торговли, он был и путем культурных связей. Все эти вопросы уже были предметом рассмотрения нами ранее и незачем возвращаться к этому еще.

Можем ли мы назвать хоть одну другую страну, с которой Русь была бы так тесно связана и от которой она могла столь много почерпнуть, как от Византии? Нет, такой страны мы не знаем.

Но принятие христианства Русью не произошло внезапно, вдруг.

Крещение Руси оказывается связанным с крупными международными событиями.

После походов Святослава Русь и Византия находились во враждебных отношениях.

Об этом мы узнаем из продолжения хроники александрийского патриарха Евтихия, писавшего по-арабски и под арабским именем Саида Ибн-Батрика свою «Нить драгоценных камней», принадлежащего перу христианина Иоанна, известного тоже под своим арабским именем Яхъи Ибн-Саида.

Уже в 986 г. Византия оказалась в тяжелом положении — император Василий II Болгаробойца попал в засаду к болгарам под Средцем, был разбит и едва спасся «горною дорогой». По свидетельству современника этих событий византийского поэта Иоанна Геометра, в эту борьбу вмешались скифы, в которых нетрудно усмотреть русских. Следом этих событий является летописное упоминание о походе Добрыни и Владимира на болгар.

Быть может, к этому времени относится начало возобновления связей между Русью и Византией. В 986 г. в Малой Азии вспыхнуло восстание военачальника византийской армии Варды Склира. Весной следующего 987 г. Василий вызвал находившегося в заточении в монастыре на острове Хиосе родственника убитого византийского императора Никифора Фоки — Варду Фоку и поручил ему подавление восстания. В сентябре 987 г. Варда Фока разбил и захватил в плен Варду Склира, но, в свою очередь, поднял восстание и провозгласил себя императором, а в конце 987 г. войско мятежного Фоки стояло у Хризополя, расположенного в Малой Азии против Константинополя.

Положение Василия II было критическим.

«И стало опасным дело его, был озабочен им царь Василий по причине силы его войск и победы его над собой. И истощились его богатства, и побудила его нужда послать к царю руссов (а они его враги), чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении; и согласился тот на это. И заключили они между собой договор о сватовстве и женитьбе царя руссов на сестре царя Василия, после того как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий. И не причисляли себя руссы тогда ни к какому закону и не признавали никакой веры. И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, а те окрестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране руссов. И когда было решено между ними дело о браке, прибыли войска руссов и соединились с войсками греков, какие были у царя Василия, и отправи-

лись все вместе на борьбу с Вардою Фокою морем и сушей к Хризополю. И победили они Фоку». Так говорит о событиях этого времени Яхъя. 13 апреля 989 г. Варда Фока вторично был разбит Василием при Абидосе. Сам Фока был убит.[62]

Итак, в конце 987-го или в самом начале 988 г. завязывающиеся между Русью и Византией отношения вылились в договор исключительной важности — Владимир организует и посылает на помощь Василию большое войско, а за это император выдает замуж за «северного варвара» свою «порфирородную» сестру и обязуется ввести на Руси христианство.

Нужно сказать, что подобного рода договор был большой дипломатической победой Владимира и обусловливался только тем катастрофическим положением, в котором оказался Василий.

В самом деле, Владимир обещал только набрать и послать в Византию отряд воинов, что вообще не было чем-либо новым, так как «си» (воины), по договорам Руси с Византией, все время отправлялись на службу императору.

Византия же в лице своего императора гораздо большим поступалась в пользу Руси. В самом деле, «мужественный правитель Севера», к которому все же Византия обратилась как к простому князю (ἄρχουια, Ῥωσίασ), тогда как при обращении к хазарскому кагану употреблялись эпитеты «наиблагороднейший и наиславнейший», становился мужем «порфирородной» — честь, в которой за год до этого отказали императору Оттону Великому, сватавшему за своего сына дочь Романа II, заявив: «Неслыханная вещь, чтобы порфирородная, то есть дочь рожденного в пурпуре, рожденная в пурпуре, вступала в брак с варваром».

Это было свидетельством критического положения Византии, могущества Руси и дипломатической победы Владимира одновременно.

Кроме того, Владимир становился родственником императора, получал определенный чин и определенное место в византийской придворной иерархии. И действительно, Владимир добился звания стольника византийского императора (τοῦ ἐπὶ τῆσ τραπέζνσ). Император обещал также ввести христианство по всей Руси. Это обстоятельство имело двоякий характер. С одной стороны, император таким путем, что вообще чрезвычайно характерно для Византии, пытался распространить вместе с религией церковное влияние на Русь, а следовательно, что не разделялось в византийской практике, влияние политическое. С другой же стороны, способствуя превращению Руси в христианскую державу, Византия тем самым объективно вводила ее в ряды цивилизованных христианских государств Европы и укрепляла ее международное положение.

Летом 988 г. шеститысячный русский отряд был уже в Византии и сражался в войсках Василия.

Отвлекаясь несколько в сторону, остановимся на его действиях в границах Византийской империи и за ее пределами.

Михаил Пселл, продолжающий хронику Льва Диакона, сообщает о том, как к Василию II и «незадолго перед тем... пришел от Тавроскифов значительный военный отряд». Кедрин рассказывает о том, как император, действуя против мятежного Варды Фоки у Хризополя (Скутари), «приготовил ночью корабли и посадил на них Русь, так как кстати он призвал к себе из них союзную силу и сделал затем князя их Владимира по своей сестре Анне; переправившись с ними, он неожиданно нападает

на врагов и легко захватывает их в свои руки». А Зонара, повествуя о разгроме войск Варды Фоки под Хризополем, добавляет: «Когда Дельфина расположился лагерем против Хризополя, император напал на них с русским народом, потому что он, устроив родственный союз с князем их Владимиром через сестру свою, Анну, получил оттуда вспомогательный военный отряд».[63]

Первая крупная битва с мятежными войсками Варды Фоки была выиграна только благодаря помощи русского отряда, посланного в Византию Владимиром.

Мы можем вслед за В. Г. Васильевским проследить дальнейший путь этого отряда, очевидно, непрерывно пополняемого вследствие убыли новыми русскими воинами. Шеститысячный отряд русских воинов стал как бы частью византийского войска. Людской состав его менялся, одни умирали, другие погибали в бою. Откуда черпались новые воины, мы не знаем, но можем предположить, что они приходили из Руси, вербуемые там греками, причем в их рядах были и русские — славяне, и русские скандинавского происхождения, но жившие на Руси, т. е. и те, кто с изначала именовались в Византии варягами, и норманские искатели славы и добычи, становившиеся варягами в Византии, вроде знаменитого первого варяга в Миклагарде Болле Болессона, его современников Колснегга и Грисса Сэмингсона и овеянного дымкой легенды, воспетого в сагах Гаральда Гардрада, зятя Ярослава Мудрого. Но эта варяжская, норманская струя появится лишь позднее, в первой четверти и в 30-х годах XI в. Воины русского отряда со своими типичными для них боевыми топорами — секирами (недаром их часто называют «секироносными варварами») и мечами, копьями и щитами выступали в роли дворцовой стражи императора, его телохранителей. Мы видим их в 999 г. в городе Химсе, в Северной Сирии, сжигающими собор Святого Константина, в 1000 г. в Таронском округе (между Диарбекиром и Эрзерумом) в составе византийского войска. И сообщающий об их встречах с грузинами Асохик (Степанос Таронский) говорит, что «народа Рузов» «было 6000 человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя Рузов в то время, когда он выдал сестру замуж за последнего. В это же самое время Рузы уверовали в Христа». «Западными воинами» называет этот русский отряд и продолжатель Асохика Аристакес Ластивертский, говорящий о схватке русских с грузинами в 1000 г., не войне, а именно схватке, драке воинов двух союзных войск, русских и грузин.

Там же, в Малой Азии, мы встречаем русский отряд в битве с грузинами 11 сентября 1022 г. при Шегфе у Эрзерума, в 1031 и 1033 гг., когда они берут крепость Пергри, в 1047 г. в Грузии в качестве союзников Багарада. Они сражаются в византийских войсках в Южной Италии при Каннах в 1019 г., отбивая яростные атаки французских норманнов. Их снова находим в Италии в 1025 и 1038—1042 гг., когда они сражаются в Апулии и Сицилии. В эти годы в отряде русских воинов сражается знаменитый викинг Гаральд Гардрад, будущий норвежский король и муж Елизаветы Ярославны, герой скандинавских саг.

В 1016 г. они дерутся с болгарами в Пелагонии, участвуют в дворцовом перевороте в Византии в 1042 г., по свидетельству Льва Остийского, правда нуждающемуся в серьезной критике; сражаются у города Бари, в Калабрии и Апулии в 1009 (или 1010) г., а в 1047 г. снова воюют в Юж-

ной Италии, тогда как другая часть русского отряда в это время пребывала в Грузии.[64]

Отсюда, из походов в Италию, быть может, занесен был на Русь праздник перенесения мощей Николая Чудотворца в город Бари (9 мая), под стенами которого сражались русские воины византийской службы, возвращавшиеся к себе, на Русь. Здесь в совместной службе, в сражениях плечом к плечу варяги-норманны сталкивались с варягами-русскими, славянами, и этим только можно объяснить наличие в поэзии скальдов, в скандинавских сагах слов, которые явно заимствованы у русских, служивших вместе с норманнами в Византии. Так, например, саги называют Георгия Маниака «Гирги-р», т. е. Гюрги, по-русски, а дворец императора именуют — «polotu-r» (палаты), т. е. тоже по-русски.

С середины XI в. значение русского отряда падает, но участие его в византийских делах В. Г. Васильевский прослеживает и позднее.

Вернемся к событиям, связанным с крещением Руси.

Прежде всего о крещении самого Владимира. Летописец как-то сознательно умалчивает о месте и времени крещения Владимира. Приводя «Корсунскую легенду» о крещении Владимира в Корсуне, «Повесть временных лет» в то же самое время говорит и о других версиях о крещении князя, но как-то скупо, неохотно, как бы боясь сохранить потомству то, что было известно ее составителям, как бы боясь войти в противоречие с официальной версией о принятии Владимиром христианства.

«Се же, не сведуще право, глаголють, яко крестился есть в Киеве, инии же реша: в Василеви; друзии же инако скажють».[65] Древнейшие памятники — «Слово о законе и благодати и похвала кагану нашему Владимиру» митрополита Иллариона, «Память и Похвала» Владимиру Иакова Мниха — ничего не знают о крещении Владимира в Херсонесе, а «Память и Похвала», состав и содержание которой, а равно и хронологическая канва, свидетельствуют о ее древнем происхождении, о том, что в ее основу были положены какие-то древнейшие, не дошедшие до нас записи, говорит только о том, что «на другое лето по крещении к порогам ходи, на третье лето Корсунь город взя».[66]

Так же точно сбивчивы и сообщения о месте крещения киевлян. Летопись называет Днепр, «Обычное Житие» Владимира — приток Днепра Почайну.

Совершенно очевидно, что там, где создавалась официальная версия о крещении Владимира и киевлян, а создавалась она во второй половине XI в. греческими корсунскими священниками Десятинной церкви в Киеве, версия, отразившаяся в знаменитой «Корсунской легенде», попавшей в «Повесть временных лет», стремились во что бы то ни стало задушить древнюю традицию, связывающую крещение Владимира с Киевом, и создать версию о крещении Владимира в Корсуне.

Версия эта должна была служить прославлению Византии на Руси, подчеркнуть ее значение в жизни и деятельности Владимира, в деле крещения Руси.

И особенно ярко проявляется она во времена Ярослава, когда центром церкви, культа и «книжности» становится киевская София, оплот греческого духовенства, когда резко меняются, как это мы увидим ниже, сам характер христианства и само представление «новых людей» — христиан о своей религии. В этой связи меняется, вернее сказать, создается опреде-

ленное представление и дается определенная, и как это мы увидим, тенденциозная оценка деятельности Владимира-христианина, когда одни ее особенности старательно замалчиваются, другие, наоборот, выпячиваются, обрастают домыслом и создаются легендарные версии, политическая направленность которых не вызывает никаких сомнений.

Отношение Владимира к греческому духовенству, которое Титмар Мерзебургский характеризует как далеко не доброжелательное, своеобразное понимание им христианской обрядности и догмы, противоречащее греческому аскетизму, религиозный синкретизм, своеобразная русификация христианства, которое на русской почве приобрело определенные национальные черты, сохранение Русью Владимировых времен, несмотря на принятие христианства, не только политической, но и идеологической независимости — все это не могло не привести к отрицательному отношению греческого духовенства к действиям Владимира. Отдавая должное крестителю Руси, они видели в нем самом проводника независимой политики в русской церкви, полуязычника, которым он оставался до конца дней своей жизни (недаром этот первый русский князь-христианин был похоронен с соблюдением языческой обрядности), и это, естественно, не могло не привести к сознательному искажению греческим духовенством на Руси старинных рассказов о крещении Владимира. Анализ и сличение различных источников [«Повесть временных лет», Новгородская I летопись, «Память и Похвала» русскому князю Владимиру Иакова Мниха, «Слово о законе и благодати и похвала кагану нашему Владимиру» митрополита Иллариона, «Чтение» о Борисе и Глебе Нестора, «Жития» Владимира, («Обычное», «Проложное», «Особого Состава»), «Слово о том, како крестился Владимир, возмия Корсунь» и другие русские источники, а также Яхъя, Кедрин, Зонара, Михаил Пселл, Асохик и др.] дают возможность сделать вывод о том, что Владимир крестился сразу же после заключения им соглашения с Василием II о помощи, женитьбе и крещении, т. е. в конце 987 г.

Это подтверждается и «Житием» Владимира, в котором речь идет о том, что «по святом крещении поживе блаженный князь Владимир лет 28», а так как Владимир умер 15 июля 1015 г., то, следовательно, год его крещения — 987. То же самое говорит «Память и Похвала» Иакова Мниха, по которой Владимир берет Корсунь «на третье лето» по крещении, а Херсонес был взят в 989 г., следовательно, год крещения — 987 (мартовский).[67]

Старинное предание, замалчиваемое летописью, но все же дошедшее до нас, связывало крещение Владимира с Киевом.

В действительности так оно и было, и на этой точке зрения стояли А. А. Шахматов и М. Д. Приселков. Быть может, прав А. Е. Пресняков, считающий, что Владимир крестился в Киеве, в церкви святого Ильи.[68]

Но несомненно он прав, утверждая, что вряд ли грек-миссионер крестил Владимира.

И тут мы сталкиваемся с тем же вопросом, который заставил нас задуматься, когда мы говорили о христианстве Ольги. Видимо, это первоначальное крещение Владимира греческое духовенство не очень-то склонно было считать официальным. Пока что это было частное дело Владимира и его ближайшего окружения, но этого мало. Греческое духовенство не считало Владимира безоговорочно христианином в первую очередь пото-

му, что крещение могущественного «северного варвара» прошло мимо рук византийской церкви и, по-видимому, без соблюдения всех обрядов, сопутствующих крещению вообще и крещению «архонта» в частности. Владимир той поры несомненно, с точки зрения византийского духовенства, не был полноценным христианином, и оно было вправе быть недовольным теми, кто обратил его в христианство.

Кто же были крестители Владимира?

На этот вопрос ответить трудно. Одно время, казалось бы, восторжествовала болгарская теория Шахматова. И действительно, русско-болгарские связи в X в., как мы уже видели ранее, были очень близкими и тесными. При этом, говоря о русско-болгарских связях, я имею в виду и болгаро-тюркские, о чем мы уже говорили, и болгаро-славянские. Не случайно дунайская, уже славянская Болгария была тесно связана с Хазарией, чем и объясняется удивительное распространение у дунайских болгар еврейских имен, характерных для хазар родственных болгаро-тюркским элементам на Дунае (Самуил, Давид, Аарон, Моисей). Эти связи осуществлялись через Русь. Болгария всегда была хорошо осведомлена о Руси, не раз предупреждала Византию о готовящемся нападении русских дружин, русские подолгу живали в Болгарии, соседили друг с другом на Дунае, заимствовали у болгар письменность и язык «книжности» и т. д. Все это свидетельствует о возможности появления на Руси болгарского духовенства.

Но решить вопрос о крещении Владимира в пользу болгарской версии на основании этого было бы преждевременным.[69]

Может быть, такими крестителями были священники, вышедшие из русской христианской среды, вроде того «русина», которого встретил в Крыму Константин (Кирилл) Философ, или хазарские христиане, жившие в Киеве, а быть может, и варяги-христиане, намек на что мы находим в саге об Олафе Тригвассоне, говорящей о крещении Владимира варягами.

Во всяком случае древнейшие летописи говорят о местных традициях христианства Владимира, о крещении его в Киеве кем-либо из представителей многоязычного, многоплеменного киевского христианства.

Крещение это могло быть совершено без соблюдения всех правил восточного христианства, по христианскому обряду вообще, без учета намечающихся между западно- и восточнохристианской церковью различий, и это, равно как и то, что Византия в деле крещения Владимира была обойденной, привело к сознательному искажению действительности греческими священниками в те времена, когда русская «книжность» оказалась в их руках.

Так родилась «Корсунская легенда».

Она была внесена в «Начальный свод», сделалась официальной версией о крещении Руси и, устранив древние свидетельства о нем, превратилась в орудие определенных церковно-политических тенденций. Автором ее был грек-корсунянин, один из создателей и строителей древнерусской церковной организации, человек, хорошо знающий топографию Херсонеса, вставляющий греческие слова в русскую речь («кубара», «лимен», «василика»), один из «корсунских попов» Десятинной церкви.[70]

Старинные рассказы и, по-видимому, источники, говорившие о крещении Владимира на Руси (Киеве, Василеве), о походах Владимира-христиа-

нина на Корсунь, сознательно игнорировались, замалчивались летописцами, и лишь отдельные отрывки этих местных, русских, достоверных сообщений, рисующих все события, связанные с крещением Владимира и Руси в ином свете и в соответствии с действительностью, искаженные и неполные, сохранились и дошли до нас в других источниках. Итак, мы с полным основанием можем считать, что поход на Корсунь был предпринят Владимиром уже после принятия им христианства. Но почему Владимир, только что заключивший соглашение с Василием «о сватовстве и женитьбе», вдруг внезапно нападает на крымские владения своего шурина? Нет никакого сомнения в том, что поход Владимира на Корсунь был вызван тем, что Русь, выполнив свои обязательства по договору с Василием, ожидала того же от Византии. Последняя же, получив шеститысячный русский отряд, не торопилась осуществить договор: выдавать замуж за «варвара» «порфирородную» Василий все же не хотел.

Мы не знаем, почему за год до Корсунского похода Владимир «к порогам ходи», но мы можем предположить, что здесь, очевидно, он ожидал Анну, выйдя ей навстречу и остановившись в том месте, где византийской миссии, в составе которой должна была прибыть и Анна, угрожала опасность от печенегов, постоянно подкарауливавших русских у порогов. Здесь и остановился Владимир со своей дружиной, поджидая греческих послов, отсюда он повернул, не дождавшись Анны, к себе в Киев, для того чтобы на следующий год выступить в поход на Корсунь и, таким образом, оружием вынудить Василия выполнить свои обещания.

Русские суда весной 989 г. спускаются вниз по Днепру, выходят в море и, пристав у Херсонеса (в так называемой Карантинной бухте), начинают осаду города. Продолжатель «Истории» Льва Диакона Калойского Михаил Пселл говорит, что «явление кометы и огненные страшные столбы, видимые ночью на северной части неба, предвещали... завоевание Херсона Тавроскифами и взятие Веррои Мисянами».[71] Яхъя Александрийский и Аль-Мекин датируют это небесное явление 7 и 11 апреля 989 г. Следовательно, взятие Владимиром Корсуня произошло после 7 апреля 989 г. Другое же явление, произошедшее 27 июня того же года, Михаил Пселл считает провозвестником октябрьского землетрясения. Следовательно, Корсунь был взят русскими между апрелем и октябрем, т. е. летом 989 г.

Осада была длительной и упорной. «И ста Володимер об он пол города, дали града стрелище едино, и боряхуся крепко из града, Володимер же объстоя град. Изнемогаху в граде людье, и рек Володимер к гражанам: „Аще ся не вдасте, имам стояти и за 3 лет“».[72]

Началась осада. Русские насыпали перед стенами города земляной вал («приспу»), для того чтобы по нему ворваться в город. Корсунцы же «крадуще сыплемую перьсть» и относили к себе в город, ссыпая землю «приспы» «посреде града». Осада затягивалась. Но недаром еще со времен Игоря, а быть может и ранее, русское влияние распространилось на Крым; недаром в следующем XI в. корсуняне убили своего котопана камнями за то, что он отравил русского тмутараканского князя Ростислава; недаром здесь еще в XIII в. остается какое-то русское население и действуют безымянные русские князья.[73]

В осажденном Херсонесе нашлись люди, которые оказали помощь Владимиру.

«Житие Владимира особого состава», Плигинский список «Жития» говорят о том, что варяг по имени Ждьберн в записке, прикрепленной к стреле, пущенной в лагерь Владимира, сообщил русскому князю, по какому пути в город доставляются припасы. Владимир велел перекопать дорогу, и Корсунь сдался.

Другой вариант рассказа о взятии Херсонеса сообщает, что стрела была пущена рукой корсунянина Настаса (Анастаса), который указал Владимиру, где находятся водопроводные трубы, снабжающие город водой. Владимир приказал их перекопать, и город сдался.

Следует отдать предпочтение второму варианту, так как перекапывать сухопутную дорогу бессмысленно, тем более что Владимир, очевидно, обложил город со всех сторон, и никакой подвоз был немыслим. Другое дело водопровод. Русские могли не знать, и действительно не знали, каким путем корсунцы получают воду, и прекращение ее подачи действительно могло заставить херсонеситов сдаться Владимиру.

Но в обеих версиях речь идет о разных людях, и гораздо проще представить себе стреляющим в русский лагерь варяга Ждьберна, чем «корсунянина» Анастаса, который выступает позднее на Руси в роли киевского епископа. Не проще ли предположить, что исполнителем был варяг Ждьберн (его имя, близкое к Шихьберну договора с греками, древнесканд. Sigbjörn, Skibiörn, говорит о большей древности этой версии), а инициатором — «корсунянин Настас», будущий киевский епископ, за услугу взятый Владимиром на Русь, обласканный им и игравший большую роль на Руси вплоть до времен Святополка Окаянного.

Корсунь был взят. Владимир посылает гонцов к «Василью и Константину, глаголя аще: „Се град ваю славный взях, слышю же се, яко сестру имата девою, да аще ее не вдаста за мя, створю граду вашему, яко же и сему створих“».[74]

Угроза была реальной. Увидеть под стенами Византии русское войско не входило в расчеты императора. Пришлось выполнять условия договора с Владимиром, сумевшим мечом добиться восстановления своих попранных прав.

В Корсунь прибыла Анна. Отдав Корсунь Василию «за вено... царицы деля», Владимир с Анной, Анастасом и «попы Корсуньски», взяв мощи святых Климента и Фифа, церковные сосуды, иконы, «ида (идолы. — *В. М.*), медяны две капищи, и 4 кони медяны», возвращаются в Киев.

Приходил конец языческим богам. Рассыпался пантеон богов Владимира. Свергнуты были кумиры Перуна в Киеве и Новгороде. Владимир повелел каменных идолов «исещи; а другия (деревянные. — *В. М.*) огневи предати». «Посемь же Владимир посла по всему граду, глаголя: „Аще не обрящеться кто заутра на реце, богат ли, убог, или нищь, ли работник, противен мне да будеть“».[75]

Новую веру, как мы видим, вводили силой: «Аще кто не обрящется на реце, будет повинен и противен и имения лишен будет, а сам казнь да примет».

Городской люд крестили, «заганивая в реку их, аки стада», так что «аще кто и не любовию, но и страхом повелевавшею крещахуся».[76]

О том, какой характер носило раннее русское христианство, скажем далее. Сейчас для нас важно отметить, как создавалась на Руси церковная организация, хотя бы для того «малого стада» неофитов, которое приоб-

щилось к христианству во времена Владимира, как распространялась она, а с ней вместе церковный устав и правила, «по градом, и по погостам, где христиане суть».[77] На Руси учреждаются три епископии: киевская, новгородская и белгородская.

На том месте, где стоял идол Перуна, Владимир строит церковь святого Василия, имя же Василия Владимир по крещении принял, по-видимому, в честь своего шурина, византийского императора, стольником которого он стал. Вслед за тем была воздвигнута каменная церковь Богородицы, так называемая Десятинная церковь. Владимир «поручи ю» Настасу Корсунянину, и попы корсуньскыя пристави служити в ней, вдав ту все, еже бе взял в Корсуни: иконы, и съсуды, и кресты».

Десятинной церкви он дал «от именья своего и от град своих десятую часть» (отсюда и ее название. — *В. М.*), «и вдасть десятину Настасу Корсуняну».[78]

Анастас и был первым киевским епископом, так же как Иоанн Корсунянин был первым епископом новгородским. Кто был белгородским епископом — неизвестно.

Титмар Мерзебургский величает киевского владыку — т. е. того же Анастаса, связанного со Святополком и польским королем Болеславом, — архиепископом. Не было ли это повышение Анастаса в ранге результатом уступки Киеву со стороны болгарского патриарха, имевшей место после женитьбы Владимира, уже позднее, на болгарке, последней жене Владимира?[79]

Вскоре была заложена церковь Преображения в Василеве, где, по одной из версий легенды, крестился Владимир. Так положено было начало церковной организации на Руси, ставшей верной помощницей княжеской администрации, так же точно как сама церковь стала правой рукой князя.

Владимир дает церкви и первый церковный устав. Нет никаких оснований сомневаться в том, что «Устав Владимира святого о церковных судах» имеет в себе какие-то составные элементы, восходящие ко времени Владимира, хотя сам и является памятником гораздо более поздней поры. Обычно выдвигаемый исследователями тезис о том, что «Устав» Владимира не может быть связан с Владимиром Святославичем, заключает в себе два доказательства его подложности, а именно: «Устав» упоминает о гостиницах, больницах и странноприимых домах, которых в те времена на Руси не было, и его нормы не соответствуют «Русской Правде», в которой споры о наследстве подсудны князю, а не епископу.

Но как справедливо указывают А. С. Павлов и А. Е. Пресняков, все эти несообразности в «Уставе» Владимира объясняются тем, что пришлое греческое духовенство стремилось расширить свою судебную компетенцию уже хотя бы в целях распространения своего влияния вообще, употребляло привычные понятия и термины, целиком списывая византийские церковные порядки, и говорило об институтах, привычных для них, но не существующих на Руси, которую они, очевидно, попросту как следует даже еще не знали. А противоречие с «Русской Правдой» мнимое, так как в последней речь идет о том, что если «братья ростяжются перед князем о задницю», то княжеский «детьский» может выступить в качестве третейского судьи, и только. Речь идет, очевидно, просто о стремлении церкви расширить свою компетенцию. И совершенно прав А. С. Павлов в том, что в основе «Устава», автором которого, правда, считать Владимира

нельзя, лежат правила, установленные еще при Владимире, касающиеся отдельных случаев, разновременно попавших в поле зрения первых русских епископов. Дела по преступлениям против православной религии и церкви и дела семейного характера были переданы церковному суду. Ряд категорий населения, так называемые «церковные люди» (и «Устав» Владимира перечисляет их: это — духовенство, служащие при церкви, проскурница, попович, лечец, прощенник, задушный человек и т. д., т. е. люди, связанные с церковью, живущие при церквах или на их земле), изымаются из ведения княжеского суда и княжеской администрации по всем вопросам «суда или обиды или которы или задницы".

«Устав» Владимира говорит и о том, как собирается в пользу церкви десятина и с каких доходов князя.[80] Так вслед за церковной организацией было создано церковное законодательство, появились «церковные люди», были установлены доходы церкви. Церковь сливалась с государством, верой и правдой служа князю.

Так христианство по восточному, греческому, обряду стало господствующей религией на Руси.

Какое же значение имело христианство?

Владимир, обращая землю Русскую в христианскую веру, ставил своей задачей укрепить на Руси идеологию, соответствующую прогрессивному развитию древнерусского общества, идущего по пути феодализма. Этого он добился. Добился того, чего не могла достичь любая реформа старой языческой религии. Крещение ускорило консолидацию феодальных порядков на Руси.

Церковь боролась с пережитками родового строя: домоногамной семьей, левиратом, патриархальным браком, многоженством, когда многие «без стыда и без сраму две жены имеють», наличием наряду с «водимыми», законными, женами, наложниц («аще две жены кто водит»), умыканьем («аще кто умчит девку»), с кровной местью. Сам Владимир повинен был и в левирате, и в многоженстве (у него было пять, а по другому варианту — двенадцать жен «водимых» и множество наложниц) и был сыном наложницы, «робичичем».

Церковь не без успеха стремилась к ликвидации рабства, понимая невыгодность рабского труда. Она осуждает тех, кто продает рабов в «поганыя», осуждает спекуляцию рабами, пытается облегчить рабу выкуп, борется с попытками поработить детей вольноотпущенников и с другими формами незаконного порабощения, пытается ввести принудительный выкуп рабынь и т. д., грозя и устрашая всех, кто не следует ее заповедям.

Греческое духовенство пыталось, правда во времена Владимира пока что еще с небольшим успехом, ввести новые законы, право, соответствующее феодальному строю. Ранее на Руси убийство рассматривалось как частное дело пострадавших, и эти последние удовлетворялись получением «виры», «поголовщины». Когда же на Руси времен Владимира «умножишася разбойницы», епископы предложили ввести смертную казнь. Это была попытка частное дело сделать общегосударственным и «виру» заменить казнью. Но Владимир предпочел жить и судить «по устроенью отню и дедню». Тогда епископы все же убедили князя превратить «виру» в государственный доход: «оже вира, то на оружьи и на коних буди». Владимир согласился: «тако буди».[81]

Летописный рассказ — «след попыток византийского по воззрениям и происхождению духовенства привить на Руси новые представления о роли государственной власти. Будущее, далекое историческое будущее, было за этими представлениями».[82]

Мы не будем говорить об огромном значении принятия христианства в деле распространения более высокой византийской культуры, о ее влиянии на русскую материальную и духовную культуру. Это в достаточной степени выяснено неоднократно используемой нами статьей С. В. Бахрушина.[83] Недаром К. Маркс говорит, что «религия и цивилизация России греческого происхождения».

Владимир понял значение христианской «книжности» и «послав нача поимати у нарочитые чади дети, и даяти нача на ученье книжное». Правда, «матере же чад сих плакахуся по них, еще бо не бяху ся утвердили верою, но акы по мертвых плакахуся», но придет время, оно уже не за горами, когда при Ярославе набор «учити книгам» трехсот детей священников и старост не вызовет уже протеста и плача, и «книжные» люди Киевской Руси перепишут для новгородского посадника Остромира «Евангелие», создадут такое блестящее патриотическое произведение, как «Слово о законе и благодати», и заявят: «великая бо бываеть полза от ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обретаем и въздержанье от словес книжных; се бо суть рекы, напаящи вселеную, ее суть исходяща мудрости, книгам бо есть неищетная глубина, ими бо в печали утешаеми есмы...».[84]

Придет время и появятся на Руси наши изумительные летописи, «Жития» и «Сказания», «Слова» и «Проповеди», хроники и погодные записи, «Русская Правда» и первые грамоты, «Уставы» и «Изборники», «Пчела», «Златоструй», «Шестоднев», «Вопрошание» Кирика, «Моление» Даниила Заточника, «Хождение» Даниила — вся эта бесчисленная русская и переводная литература и, наконец, жемчужина русского художественного творчества — «Слово о полку Игореве».

Нам кажется необходимым поставить другой вопрос: какой характер носило христианство на Руси времен Владимира?

Гимном радости, необычайной жизнерадостностью и оптимизмом звучат воспоминания о Владимире.

Прославляя «похвалами великая и дивная сотворившего нашего учителя и наставника, великого кагана нашея земли, Владимера», митрополит Илларион, современник Ярослава Мудрого, восклицает: «Кого бо тако бог любит, яко же ны возлюбил есть? Кого тако почел есть, яко же ны прославил есть и вознесл? Никого же!»

Ему, Владимиру, великому кагану, поют славу русские люди, ему, который «колико добра сотвори Руссьтей земли, крестив ю». «Сего бо память держат русьтии люди, поминающе святое крещение». Его, Владимира, чтут и к нему обращают свои взоры «новые людье» — христиане.

Идущие от времен Владимира представления о мире, о боге, о христианстве, о людях, о Руси, отразившиеся в древнейших источниках (летописи, «Житиях» Владимира, «Памяти и Похвале», «Слове о законе и благодати», «Толковой Палее»), чужды монашеского аскетизма и отрицания мира, сует «мирской» жизни, земных страстей.

Все это является полной противоположностью тому, что характеризовало собой византийскую церковь, проникнутую мрачным духом монаше-

ства, аскетизмом, унынием, запретами, строгими требованиями лишений и постов. На Руси же монашества еще не было. Оно возникло только при Ярославе. Монахи не играли никакой роли в крещении Руси. Не были монахами и русские епископы. Они все были представителями церкви, а не монастыря, белого, а не черного духовенства. Русские князья и бояре были чужды монашества, не принимали предсмертного пострига и были убеждены в том (и в этом их укрепляла древнерусская книжность), что стать святым нужно и возможно, не уходя от мира, а оставаясь в нем.

«Новые людье» русские были уверены в том, что, крестившись, они уже получили «спасение», и в этом одна из причин религиозного оптимизма Древней Руси. Религиозный оптимизм предполагал, что путь к «спасению» не в покаянии, не в постах и лишениях, а в самом крещении, причем главной «заповедью» является милостыня, которой приписывается «спасающая» сила, едва ли не бóльшая, чем всякого рода «таинствам». Поэтому древнерусское христианство проникнуто необычайной жизнерадостностью, а его практика сводилась к милостыне бедным и к участию в пирах, проникнутых чувством радости и любви, примиряющих «радость веры» «новых людей» — христиан, крещением добившихся «спасения», с «радостью жизни», характерной для варварского общества, где начинают зарождаться тяжелые формы господства и подчинения, а с ними вместе и эксплуатация и гнет, но где все же сохраняются следы первобытно-общинного равенства, патриархальных взаимоотношений между «лучшими мужами» и «простой чадью», «сельским людьем», где сохраняются еще пережитки былой независимости общинника, того варварского общества, которое овеяно славой бесчисленных войн и побед, сделавших Русь «ведомой и слышимой... всеми концы земля».[85]

В этой связи несколько слов о пирах и милостыне. Пиры — явление, уходящее в седую языческую древность. Они восходят к религиозным обрядам седой старины, когда устраивали пиры в честь мертвых (моления в банях «навьям» и трапезы Роду и Рожаницам). Постепенно, с выделением господствующей богатой знати, эта последняя устраивает пиры всем своим сородичам, потомкам одних и тех же свято почитавшихся предков, которые подчеркивают благотворительность богатых, их влияние и значение.

Эти пиры отнюдь не для избранных. Нет, они устраиваются для всех званых и незваных как символ щедрости и влияния. Пир одновременно и жертва, и моление, и милостыня.

В этой своей сущности древнерусские языческие пиры и были освящены христианской церковью. И любовь «ласкового» Владимира к пирам проистекала не от того, что «Руси есть веселие пити» или, вернее, не только от этого, что было пережитком старинных обычаев, а прежде всего была обусловлена политической жизнью новообращенной Руси. Пиры как политические собрания, ставящие целью слияние двух группировок нарождающегося господствующего класса феодалов, были уже нами рассмотрены. Теперь обратимся к другой их сущности.

Пиры Владимира были действительно местом встреч былинных богатырей, где они вспоминали о своих подвигах и откуда они направлялись их совершать, местом встреч летописных «старцев градских», «старейшин» с боярами и гридинами, где выковывалась основа их тесного влияния и взаимопоглощения. Но они же, эти пиры «ласкового» князя Владимира, преследуют и другую цель. В такой форме Владимир выполнял

главную заповедь своего оптимистического христианства, а именно — «творил» милостыню. Вот поэтому-то, «варя 300 повар меду» и собирая бояр, посадников и старейшин, он не забывает «люди многие, и раздая убогым 300 гривен». Вот почему он «повеле всякому нищему и убогому приходити на двор княжь, и взимати всяку потребу, питье и яденье, и от скотьниць кунами», пристроил около княжеского двора столы, на которых лежали хлеб, мясо, рыба, овощи, стояли в кадках мед и квас, велел развозить по городу для больных, немощных и нищих всякие продукты и раздавать их «на потребу». Всю неделю была открыта княжеская гридница, где пили и ели бояре и гридьба, сотские и десятские и всякие «нарочитые мужи».[86]

Так понимал свою обязанность по отношению к новой религии Владимир, и это продолжало традиции языческих пиров и способствовало росту его популярности, укреплению его авторитета. «Ласковый» князь Владимир русских летописей, «щедрый конунг Вальдамар» скандинавских саг, совершая милостыню, по-своему служил своему христианскому богу. И заменивший на княжеских пирах волхва и скомороха священник вынужден был санкционировать полуязыческий-полухристианский обряд, так как он не расходился с христианской догмой.

Даже нерасположенный к Владимиру Титмар Мерзебургский отмечает, что Владимир «очистил себя от пятна прошедшего раздачею щедрой милостыни», выкупал пленных и кормил их.[87]

Влияние Владимира росло. Он, «равноапостольный», насадивший на Руси христианство, просвещение, «книжность», был одновременно князем-«милостником», «ласковым» князем, широко раздававшим милостыню и пировавшим не только со своей дружиной, но и с «люди многы». И таким вошел он в русский народный эпос и в древнейшие произведения русской книжности. Что делает былинный князь Владимир? Пирует, гуляет в стольном граде своем Киеве. Рекой льется вино, звучат речи, поют застольные песни, рокочут струны под пальцами баяна, «соловья старого времени», «Велесова внука». Поют гусли о «делах давно минувших дней», и первые историки-гусляры слагают свой сказ о богатырских делах русских витязей, о «старых» князьях. Тут — гридьба и бояре, старцы градские и нарочитая чадь. Все они — «новии людье христианьстии». А с ними рядом сменивший волхва священник. И это не разгул, не пьянство, не разврат (христианская церковь борется с такими пирами), нет, это — милостыня и жертва, обряд и политическое собрание одновременно. Таковы пиры «великого кагана» земли Русской Владимира, «равноапостольного» и «ласкового» Владимира «Красное Солнышко». Чем же объяснить этот религиозный оптимизм, жизнерадостный, «мирской», реалистический характер древнерусского христианства времен Владимира? Чем объяснить, что, заимствовав у Византии религию, Русь не перенесла в свою идеологию ни аскетизм, ни монашество, ни все эти запреты, лишения, посты, мрачность и уход от мира? Причину этого явления искали в религиозном оптимизме, свойственном отдельным представителям болгарской церкви (Косьма Пресвитор), пытались найти жизнерадостность в нравоучениях Корсунской церкви, но все эти домыслы зиждутся на зыбком основании.[88]

На самом деле причина религиозного оптимизма, свойственного христианству Владимира, лежит в самой Руси. Русь с невероятной силой рвалась на просторы мировой истории, и ничто и никто не мог остановить ее по-

бедного марша. Сознание гордости за свою страну, за ее дела пронизывает древнерусскую литературу. Русь быстро шла вперед по пути прогресса. Она была богата и сильна. Ее общественная, культурная и государственная жизнь быстро развивалась. Русь шла от успеха к успеху, от победы к победе буквально во всем. Она была полна сил. И в то же самое время она еще сохраняла лучшие черты эпохи военной демократии. Тяжкий феодальный гнет ляжет на плечи народных масс только спустя некоторое время. Основная масса «людья» земли Русской еще свободна, еще не успела превратиться в закупов и холопов, рядовичей и изгоев, в разного рода челядь княжеского, монастырского и боярского хозяйства. Они — подданные, а не рабы, они — «вои», а не вооруженные холопы, они — совладельцы общинных земель и угодий, а не безземельные рабы, они — свободные, а не «челядь невольная», они — истцы и ответчики перед судом, а не бесправная масса крепостных. Поэтому в памяти народа образ Владимира приобретает черты скорее вождя дружины патриархальных времен, чем крепостника-князя. Русь сознает эту свою силу, эти свои качества и вливает в заимствованную извне религию свежую, бодрую, жизнерадостную струю, приспосабливает ее к своим русским условиям, русифицирует византийское христианство, наделяет его чисто русскими чертами.

Владимир «повеле рубити церкви и поставляти по местам, идеже стояху кумиры», и «куда же древле погании жряху бесом на горах, туда же ныне церкви стоят златоверхия». Все это так, но Перун превратился в святого Илью, а его «гремяцкая неделя» — в «святую неделю», Волос стал святым Власием, покровителем скота, Лада стала Параскевой Пятницей, и день ее праздника закрепился за пятницей. Праздник Ярилы стал «всехсвятским заговеньем». Освещены были Купала и Троица, масленица и «навий день», ставший «родительской неделей», святочные гаданья, свадебные и погребальные обряды и т. д. и т. п.

Даже не касаясь невероятно живучих остатков язычества, мы должны исходя из приведенных выше примеров сделать вывод о своеобразном «обрусении» на русской почве византийского христианства, происходившем в форме его объязычивания и установления религиозного синкретизма, что свидетельствует об огромной внутренней силе Руси, об ее неисчерпаемой способности к поглощению и приспосабливанию к своим условиям и особенностям всего иноземного, способности к ассимиляции, при которой свое, русское, правда трансформируясь, остается, а чужое поглощается своим, национальным.

Отчасти все указанное объясняется и тем, что византийская церковь была более терпимой, чем западная, католическая. Принятием именно византийского, а не западного христианства Русь выигрывала, так как греческая церковь оставила в качестве языка богослужений и письменности древнецерковнославянский язык, близкий русскому народному языку, а не ввела непонятный массам греческий, как это сделал католицизм, закрепив за мертвым латинским языком его значение языка церкви, науки и письменности. Поэтому на Руси не было такого разрыва между языком церкви и книги и языком народа, как в Западной Европе, в странах католического средневековья.

Она допустила объязычивание, т. е. обрусение христианства, сделав этим самым христианскую религию доступной, понятной и приемлемой населению Древней Руси.

Все это превратило русскую христианскую церковь в национальное учреждение. Она стала орудием русской национальной политики. Поэтому-то принятие христианства Русью не привело, несмотря на неоднократные попытки Византии, к политическому подчинению Руси. Наоборот, русская церковь вскоре добилась известной самостоятельности от византийского патриарха.

И во всем этом мы усматриваем особый характер христианства на Руси, его прогрессивное значение, его особенности, обусловленные древнерусской жизнью.

Вот почему христианин Владимир казался греческим монахам времен Ярославичей больше язычником, чем новообращенным, и они признавали его только как символ победившего христианства. Поэтому-то летопись, так много и подробно говорившая о деятельности Владимира языческих времен и о крещении Руси, начиная с конца X в. становится чрезвычайно скупою. С 998 по 1015 г., год смерти Владимира, в «Повести временных лет» идет 11 пустых лет, а другие годы заполнены лишь сухой и лаконичной записью: «преставися Малъфредь» (как обычно считают, мать Владимира, известная уже нам Малуша), «преставися и Рогънедь» (1000 г.), «преставися Изяслав, отец Брячислав, сын Володимерь» (1001 г.), «преставися Всеслав, сын Изяславль, внук Володимерь» (1003 г.), «преставися цариця Володимеряя Анна» (101 г.). И все.

Разве можно считать, что такие короткие церковные записи о смерти лиц княжеской династии были достаточны, чтобы передать потомкам представление о деятельности Владимира? Разве не обращает на себя внимание то, что в устном народном творчестве память о Владимире осталась более яркой (и потому, что народ русский хотел сохранить ее своим далеким потомкам), чем в произведениях древнерусских «книжных» людей греческого происхождения, взявших в свои руки дело создания русской письменной истории?

Владимир по-своему понял и принял христианство, русифицировав его и сделав церковь своим верным помощником, по-своему расценил значение греческого духовенства на Руси и уготовил ему роль, которую это последнее никак не рассчитывало играть на Руси.

Вот почему Титмар Мерзебургский, не особенно любивший Владимира за то, что «он взял себе жену из Греции, по имени Елену (?), которая была обещана прежде Оттону III и коварно отнята у него», сообщает: «Владимир принял христианскую веру, которую он, однако, не украсил добрыми делами, ибо был безмерно чувственен и кровожаден, и причинил в особенности изнеженным грекам много вреда».[89]

Какой вред причинял Владимир «изнеженным грекам», мы не знаем, но во всяком случае прибрать к рукам русского князя им не удалось, так как в первую очередь он был русским князем, а уж во вторую — христианином. И не князь собирался служить церкви, а эта последняя должна была служить ему. Это быстро поняли разочаровавшиеся в неофите греки, а его стремление заставить греков жить на Руси по-русски и считаться с русскими порядками, обычаями и нравами могло быть ими воспринято как попытка нанести им вред.

Все указанное привело к тому, что поведение и дела Владимира, так не вязавшиеся с представлениями греческих священников, с понятием о князе-христианине, крестителе целого народа, не попали на страницы ле-

тописи и если были зафиксированы в каких-либо погодных записях, то все же в летописных сводах были опущены или вымараны.

Зато народ правильно оценил дела своего «ласкового» князя и в былинах и сказаниях пронес его память через века.

Говоря о крещении Руси, нужно одновременно учитывать и вторую его сторону — укрепление феодальных отношений и княжеской власти. Церковь сама становилась крупным феодалом. Она обладала землями, на которых сидели и работали на пользу церкви всевозможного рода «церковные люди» (прощенники, задушные люди и др. «Церковного Устава» Владимира). В ее пользу Владимир дал «десятину по всей Русской земли в всех градах» с княжих доходов, с суда и торга. Церковь добивается иммунитета, и княжеские «мужи» не «вступаются» «ни в люди церковные, ни в люди их».

Феодальная церковь освящала феодальные порядки, так как «церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя».[90]

Церковь проповедовала извечность деления на господ и рабов и требовала подчинения последних первым. «Рабы да повинуются господину своему», — проповедовалось в церкви. Церковь требовала смирения, обещая за кротость блаженство рая, а за строптивость угрожая муками ада. Проповедью, что у бедного отнимется, а богатому придастся, она подчеркивала извечное деление на богатых и бедных, и эта проповедь, распространяемая с амвонов пышных, поражавших своим великолепием ум русской «простой чади» православных церквей, достигала определенных результатов. Она укрепляла авторитет древнерусских «господ» в глазах их «рабов», авторитет богатых в глазах бедных.

Церковь укрепляла власть князя и его авторитет. «Всякая душа властям предержащим пусть повинуется, — ибо нет власти аще не от Бога», — заявляла церковь.

Князь — помазанник божий, наместник Бога на земле. Его власть имеет божественный характер. На князе — «всемилостивое око благого Бога».

Обращаясь к памяти Владимира, митрополит Илларион говорил: «Сын твой Георгий... его же сотвори Господь наместника по тебе твоему владычеству».

Светская и духовная власть переплетается. Тот же митрополит Илларион заявляет о Владимире: «понеже бо благоверие его с властью сопряжено».

Компетенция князя необычайно расширялась Его дела благословляются самим Богом. «Ты поставлен еси, — говорят епископы Владимиру, — от Бога на казнь злым, а добрым на милование».[91] Естественно, что христианская религия на Руси распространяется прежде всего среди общественной верхушки. Ее колыбелью были княжеский двор и терем, княжеские хоромы и гридницы. И первыми христианами были не «сельские людьи» по весям и не «простая чадь» по градам, а прежде всего княжие «мужи» всех рангов и «старейшины градские, «нарочитая чадь».

Христианская мораль сливается с моралью феодализирующейся дружины.

Воинство «о Христе» сливается с воинством дружинно-феодальным, и из теремных дворов, из княжеских сеней христианство лишь с течением времени перейдет в народ и завоюет его для церкви.

А пока что христианство укрепляется не среди народа (народ долго оставался, даже уже формально крещенным, по сути дела язычником, что отнюдь не умаляет достоинств русского народа), а среди господствующей верхушки, все теснее и теснее сплачивающейся вокруг князя.

Так Владимир при помощи церкви укрепил свою власть и «сочетал теократический деспотизм порфирородных с военным счастьем северного завоевателя и стал одновременно государем своих подданных на земле и их покровителем и заступником на небе».[92] Христианство распространялось прежде всего среди господствующей верхушки. Народные массы и в градах, и еще в большей степени — в весях долго еще придерживались язычества.

На Руси установился религиозный синкретизм. Процесс христианизации растянулся на десятилетия, даже на столетия.

Народная масса долго еще предпочитала Дажьбога и Хорса христианским святым, а волхва священникам. Еще во времена митрополита Иллариона его христианская паства была лишь «малым стадом».

Многочисленные проповеди и обличения XI—XII вв. и даже более поздних времен пестрят упоминаниями о том, как новообращенные христиане молятся в священных рощах, во ржи, у священных деревьев, источников, рек и кладезей, поклоняются огню-сварожичу, чтут Рода и Рожаниц, вил и русалок, справляют «навий день», чтут Хорса и Дажьбога, Стрибога и Волоса, поют, пляшут и играют в дни своих древних языческих праздников, колядуют и гадают, приносят жертвы и умыкают невест на игрищах.

Во времена Владимира только Среднее Приднепровье было очагом христианства, да и то наши источники связывают укрепление христианства с именем Ярослава.

Новгород и северо-восток Руси оставались еще долгое время, до XI—XII вв., полуязыческими, а языческие обряды погребений сохранились в Новгороде до XIII в., в вятичской же земле — до XIV в. Христианство с большим трудом пробивает себе дорогу в массы «сельского людья» Руси, встречая, особенно на окраинах, упорное сопротивление. «Новии людье хрестьяньстии», «скрыша в пещерах кумиры своя, да их корьмници не жьгуть огнем». Такую пещеру, «юже бе ископали варязи», «обрете» Антоний. Она стала родоначальницей Киево-Печерского монастыря.[93]

Христианство было вынуждено идти на уступки, освящая и приспосабливая старые языческие обряды, обычаи, праздники, священные места и самих богов.

Даже в рядах феодалов, которым христианство служило орудием укрепления их владычества, долгое время продолжало жить язычество, и такой памятник, как «Слово о полку Игореве», несмотря на свое позднее происхождение, служит материалом для изучения не христианства, а язычества.

К. Маркс подчеркивает, говоря о «Слове о полку Игореве»: «Вся песнь носит христиански-героический характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно».[94]

Принятие христианства было связано с крупными событиями на арене международной борьбы. За влияние на Русь боролись, и нельзя думать, что Византия беспрепятственно установила свой примат в деле принятия Русью новой религии. Несомненно большое влияние на Русь православной болгарской церкви.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что свою письменность, свою «книжность» Русь получила из Болгарии, что языком древнерусской письменности стал, по сути дела, болгарский, древнецерковнославянский язык.

Быть может, как нами было указано ранее, Константин Философ положил в основу созданной им письменности «роушькый письмены», но в X в. они вернулись на Русь уже как «кириллица» и пришли из Болгарии, а с ними вместе пришла и «книжность».

За книгами и учителями Русь обратилась в Болгарию, и образованность Киевской Руси связана прежде всего, хотя и не только, с деятельностью этих болгар, миссионеров и просветителей.

И только тенденциозность греческого духовенства на Руси привела к тому, что русско-болгарские связи времен раннего христианства не нашли отражения в летописях и были забыты потомством.

Недаром последней женой Владимира, пережившей своего мужа (в событиях, связанных с борьбой Ярослава со Святополком и Болеславом, упоминается мачеха Ярослава), была болгарка, сыновьями которой были Борис и Глеб.

Не говорит ли это об усилении болгарского влияния при Владимире и не прав ли Титмар Мерзебургский, говоря о том, что греки при Владимире были не в большом почете?

И византийское духовенство, служившее на Руси, отомстило Владимиру и Болгарии тем, что вычеркнуло из русской истории и эти русско-болгарские связи, и имя болгарки, последней жены Владимира, и целый ряд деяний Владимира, которых не могла признать ортодоксальная греческая церковь.[95] В эти же годы, годы «испытания веры» и крещения Руси, активизируется римский папа, пытавшийся насадить на Руси христианство и включить ее в орбиту своего влияния.

Когда Владимир пребывал в Корсуне, «приходиша послы из Рима от папы, и мощи святых принесоша к Володимеру». Очевидно, это была попытка заставить Владимира признать авторитет папы. Посольство папы повторилось в 991 г. — «того же лета приидоша к Володимеру послы из Рима от папы, с любовью и честью». В 1000 г. «приидоша послы от папы Римского».

В свою очередь Владимир отправил посольство к папе. В 994 г. «послы Володимеровы приидоша в Киев, иже ходиша в Рим к папе». В 1001 г. «посла Володимер гостей своих, аки в послах в Рим».[96] Все эти упоминания встречаются в поздней Никоновской летописи. Откуда взялись они, мы не знаем. Но их форма и обилие, отсутствие мотивов, побуждающих летописца к выдумыванию, совпадение с древней летописью, о чем будет речь дальше, и, наконец, свидетельства западноевропейских хроник о русско-римских связях — все это дает нам право усматривать в них отражение исторической действительности.

За спиной послов римского папы стояли западноевропейские христианские государства, пытавшиеся подчинить Русь своему влиянию.

Недаром в 1000 г. пришли на Русь вместе с послами от римского папы послы «от королей Чежьских и Угорских».[97]

Они были заинтересованы в распространении на Руси христианства по западному обряду, так как это усиливало их влияние на Русь. Следует отметить и обратное явление и указать на то, что греческий обряд со сла-

вянским языком еще долго держался в Чехии, где восстанавливали православную веру Боривой, Людмила и Вячеслав. В православном Сазавском монастыре в Чехии был придел Бориса и Глеба, а Людмила и Вячеслав стали русскими святыми. Влияние Руси на Польшу XI в. также очень заметно — в польско-латинских рукописях XI в. встречается много русских слов.

Правда, христианин Владимир «живя с князи околними миромь, с Болеславом Лядьскимь, и с Стефаном Угрьскимь, и с Андрихом Чешьскымь, и бе мир межю ими и любы», но это нисколько не помешало тому же Болеславу «Лядьскому» вмешаться в дела Руси, направить туда колобрежского епископа Рейнберна, который был приставлен к зятю Болеслава Святополку и пытался вести католическую пропаганду, а Святополк, наущаемый тестем, женой и Рейнберном, готовил какое-то выступление против отца, Владимира.

Нужно сказать, что принятие Русью католичества привело бы к иным последствиям, нежели те, которые были результатом крещения Руси Византией.

Католицизм с его нетерпимостью не допустил бы такого обрусения христианства, как это было на Руси. Он ввел бы чужой и мертвый язык — латынь, которая бы стала языком богослужений и письменности. Русская церковь никогда не смогла бы в такой мере выступить орудием русской национальной политики, как это было в нашей истории.

Католицизм не дал бы возможности сохранить даже те незначительные остатки античной науки, которые удержались в православной церковной «книжности».

Тот религиозный оптимизм, который является характерной особенностью христианства на Руси времен Владимира, был бы невозможен. Тем не менее, несмотря на то что Русь примкнула к восточнохристианской церкви, связи с Западной Европой после принятия христианства окрепли и усилились. Крещение ввело Русь в систему европейских христианских государств. Международное положение Руси окрепло и усилилось. Русь становилась «ведома и слышима... всеми концы земли».

Дипломатические сношения установили связи Руси со Швецией и Норвегией, Польшей и Венгрией, Чехией и Византией, Римским папой и германским императором.

Интересно отметить то обстоятельство, что папа Сильвестр II, направивший в 1000 г. свое посольство на Русь, был учителем Оттона III, родного племянника Анны, жены Владимира (его мать была сестрой Анны). Сын Владимира Святополк был женат на дочери польского короля Болеслава. Сам Владимир через своих жен был связан с Чехией, Болгарией и Византией. Болеслав Польский сватался за дочь Владимира Предславу. Устанавливались брачные связи между киевской княжеской династией и правителями различных европейских государств, ставшие залогом дипломатических сношений, торговых и культурных связей и влияний. Время их расцвета — Ярослав, Ярославичи и их сыновья, но начало им кладет первый князь-христианин Владимир.

Они, эти связи, прочно включившие Русь в семью передовых и могущественных христианских государств Европы, сами были следствием принятия христианства.

Политические связи не могли быть скреплены брачными союзами, если бы киевские князья и княжны были бы язычниками.

Все сказанное становится тем более понятным, если мы учтем, что только в середине XI в. происходит окончательный разрыв между двумя церквями, восточной и западной. И недаром Брунон ведет себя в Киеве Владимира, как среди своих единоверцев.

Принятие Русью христианства сблизило Русь с Западом. «Латины» не казались современникам Владимира и Ярослава чужими, враждебными по духу, вере, идеологии, с которыми «не достоит ни пить, ни есть» истинному христианину. Все это придет, но придет гораздо позднее. А пока что и венгры, и русские считали, что «мы есмы по бози все христиане» и слава русского князя «ко странам дальним, рекуще к греком, и к угром, и ляхом, и чехом, дондеже и до Рима проиде».[98]

Этим мы заканчиваем вопрос о принятии христианства и о значении крещения Руси.

В общественной жизни Руси происходят большие сдвиги.

Владимир по-прежнему окружен дружиной. С ней он «думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем». Он любит и ценит дружину. Когда дружинники зароптали, жалуясь на то, что они едят деревянными, а не серебряными ложками, Владимир «повеле исковати лжице сребрены, ясти дружине, рек сице: „яко сребром и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, якоже дед мой и отец доискася дружиною злата и сребра“».[99]

Но дружина меняет свой характер. Она пополняется за счет «нарочитой чади», «старцев» и «старейшин градских» и все больше и больше смыкается с ними, оседая на землю в своих «огнищах», хоромах, в городах и весях.

Все большее и большее значение приобретает княжеская администрация. Выросшие из родового строя органы власти окняжаются и превращаются в орудие княжеского управления. Тысяцкие, сотские, десятские превращаются в княжих «мужей», тогда как раньше они возглавляли древнеславянскую городскую десятичную войсковую организацию. Теперь они становятся агентами княжеской администрации, и их активное участие в пирах Владимира, носивших, как мы уже видели, политический характер и преследовавших определенную цель, свидетельствует о новых целях, которые перед ними поставило историческое развитие Киевской державы. Они умиротворяют всякую «встань», помогают даньщикам и вирникам собирать дани и виры, следят за торгом, выполняют различные судебные и административные функции. Тысяцкие же все более и более закрепляют за собой военные функции.

Не их ли имел в виду Ибн-Фадлан, когда говорил о царе русов и сообщал, что «у него есть заместитель, который управляет войсками и нападает на врагов и замещает его у его подданных»? О «главе» славян (восточных), называвшемся «Ш.В.И.Т.» (Свят? — *В. М.*), и его наместнике — «Ш.Р.И.Х.», говорит и Марвази.[100]

Княжеская администрация постепенно отодвигается на второй план сколок племенных собраний — вечевые сходы. Один раз только, под 997 г., летопись сообщает о том, как в осажденном печенегами Белгороде «створиша вече в городе» «и тако совет створиша», и то этот полулегендарный рассказ записан был из устных преданий гораздо позднее.

Русская земля объединена единой властью. Естественно, происходит слияние социальных группировок господствующего класса. Сливаются воедино бояре и гридьба, княжеские слуги и княжие «мужи», власти десятичной организации, становящейся княжеской, и всевозможного рода «старейшины», духовенство и дружинники.

Растут города. Возникают по приказу Владимира все новые и новые городские центры, вначале острожки, а затем города в собственном смысле этого слова.

Вводятся новые порядки. Княжеские «мужи» судят по «Закону Русскому», борются с разбоями, умножившимися на Руси. Зарождаются нормы «Русской Правды». Это «умножение» разбоев в ряде случаев было не чем иным, правда, как отражением борьбы «простой чади» против укрепляющихся феодальных порядков, разрушавших привычные ей условия общинной жизни и быта, создававшие ей известное, ныне теряемое надолго, навсегда, благополучие. «Изгойство», то самое изгойство, которое несомненно связано с разрушением общины (izgois — латинское «вышедший», usgaisjan — готское «выходить», usgauja — «изгнанник»), заставило выбитых из обычной колеи простых «людий» бороться с укрепляющейся на развалинах общинной собственности частной собственностью «нарочитой чади», что в представлении княжих «мужей» и духовенства сливалось, по вполне понятным причинам, с обычным разбоем.

Русь объединена под властью одной династии, члены которой сидят, окруженные «отней» дружиной, по ее областям. Киевская держава сформировалась. Но сыновья Владимира стремятся выйти из подчинения отца, и не для того, чтобы сформировать свои уделы — княжества, а для того, чтобы «приять» всю власть над Русской землей. Их неповиновение — не результат тенденции к феодальному раздроблению земли, а к тому же «одиначеству», которое характеризовало собой стремления «прадеды и деды».

В этой связи и следует рассматривать столкновение Владимира со Святополком и Ярославом.

В первом случае, правда, дело осложняется стремлением польского короля Болеслава к интервенции. Святополк, пасынок Владимира, был женат на дочери польского короля Болеслава Храброго.

Это было время быстрого роста могущества Польши, стремившейся отбить присоединенные Владимиром русские «Червенские грады». И в планах Болеслава в этом отношении женитьба Святополка на его дочери играла немаловажную роль. Вместе с дочерью польского короля приехал на Русь колобрежский католический епископ Рейнберн, родом немец. Действуя через них, Болеславу удается втянуть в свои сети Святополка. Сидевший в Турове, вдали от Киева, Святополк, естественно, имел основания быть недовольным и ожидать лучшего.

Это лучшее в виде Киевского княжеского стола, очевидно, и обещал своему обиженному зятю Болеслав, требуя от него уступки «Червенских градов». Епископ Райнберн начал плести нити заговора. Кто знает, быть может, ставленник Болеслава в конце концов откажется от греческой веры и отдаст под покровительство папы русскую церковь?

Рейнберн умело использовал недовольство Святополка, очевидно, знавшего, что Владимир не случайно приближает к себе Бориса, готовя его в свои преемники, и умело натравливал пасынка на отчима.

Нам неизвестно, как Владимир узнал об инспирированном Болеславом заговоре Святополка, его жены и епископа Рейнберна, но, по свидетельству Титмара Мерзебургского, все трое были арестованы и заключены в темницу. Здесь, в темнице, Рейнберн пытался было продолжать свою миссионерскую деятельность, но вскоре умер, и на этом его «миссия» в России закончилась. Жена Святополка попала позднее в руки Ярослава Мудрого и, несмотря на просьбы Болеслава обменять ее на мачеху и сестер Ярослава, захваченных поляками в Киеве, она все же, по-видимому, была оставлена на Руси. Святополк же впоследствии был выпущен из темницы, но находился под наблюдением Владимира и его «мужей», живя в Киеве или Вышгороде.

Все эти события произошли незадолго до 1013 г.

Узнав о провале своих планов на Руси, Болеслав заключает договор с германским императором и в 1013 г., со вспомогательным войском из немцев и печенегов идет походом на Русь, пытаясь отомстить Владимиру за расправу над Святополком и своей дочерью и попутно захватить «Червенские грады», русские земли в Прикарпатье.

Поход был неудачен. Болеславу, правда, удалось вторгнуться в западнорусские земли, но вскоре печенеги отказались ему повиноваться. Болеслав приказал их перебить, но все же вынужден был вернуться обратно.[101]

Интервенция «ляхов» на этот раз сорвалась.

Иной характер носило выступление Ярослава. В богатом, многолюдном Новгороде, втором после Киева городе Руси, давно уже зрели тенденции, ведущие к установлению известной независимости от Киева.

Сидя в Новгороде, Ярослав собирал ежегодно 3000 гривен, из которых две тысячи шли в Киев, а тысяча поступала в распоряжение самого Ярослава для раздачи жившим в Новгороде княжим «мужам». «И тако даяху вси посадници Новгородьстии». Что побудило Ярослава отказаться от внесения дани, мы не знаем. Очевидно, к этому толкали его новгородские бояре и собственное властолюбие, подкрепляемое силой наемных варяжских дружин. Варяжские дружинники-наемники, gridhmenn-ы (отсюда русские «гридь», «гридьба»), чувствовали себя в Новгороде хозяевами положения. Их резиденция, Поромонь двор, была настоящей цитаделью наемной норманской вольницы. Сага об Олафе Тригвассоне говорит о том, как во времена Владимира служили норманны в Holmgard-е (Новгороде), получая 1/2 ör-ы на человека, полное содержание и одежду.

Отношение между новгородцами и варяжскими наемниками были более чем натянутыми. «Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху новгородцем и женам их».[102]

Нередко дело доходило до открытых столкновений. Из этой же саги об Олафе Тригвассоне мы узнаем, что, когда однажды Олаф убил Клеркона и скрылся в гостинице, Сигурд повел его к жене («супруге конунга», «drottningar») конунга Владимира по имени Адлогия (?), которая заступилась за него перед разбушевавшейся толпой новгородцев, желавших «лишить его жизни, как повелевал закон». Владимир заставил Олафа заплатить «денежную пеню за убийство» (виру), которую и внесла за Олафа Адлогия, «умнейшая из всех жен».[103]

Еще больше бесчинствовали варяги при Ярославе. На эту свою «заморскую», варяжскую, силу и рассчитывал Ярослав, отказываясь от уплаты ежегодной дани Киеву.

В 1014 г. Ярослав «сего не даяше к Кыеву отцю своему», и в ответ Владимир приказал прокладывать дороги и строить мосты, готовясь к походу на Новгород. Узнав о намерениях отца, Ярослав «послав за море, приведе Варягы». Но поход не состоялся. Владимир заболел.

Есть основания думать, что Владимир готовил своим преемником Бориса. Борис жил при нем в Киеве, вызванный туда из Ростова. Отец передал ему свою дружину, с которой тот и пошел на юг «боронить землю Русскую» от печенегов.

Это вполне понятно, так как Борис был сыном второй жены Владимира по крещению, родом болгарки, а на Руси семьей считали только отца, мать и детей от данного брака, а не «мачешиных», «а двор без дела отень всяк младшему сынови». Кроме того, старшие сыновья Владимира были строптивы, нелояльны по отношению к отцу, стремились к независимости.

Но обстоятельства сложились не так, как думал Владимир. Владимир уже лежал на смертном одре, а Борис в это время только возвращался из похода в степь, «не обретя печенег», и ехал к Киеву.[104]

15 июля 1015 г. Владимира не стало. Закатилось «Красное Солнышко» земли Русской. Первый русский князь-христианин был погребен по старому языческому обряду. Его вынесли через пролом в стене «межю двема клетми» хоромов его княжеского дворца в Берестовом «и възложьше на сани». Прах Владимира поставили в Десятинной церкви, «юже бе създал сам». Царило смятение. Смерть Владимира первое время «потаиша», «бе бо Святополк Киеве», но, когда прах князя был перевезен в Десятинную церковь, собралась огромная толпа киевлян.

«Людье, без числа снидошася и плакашася по нем, бояры аки заступника их земли, убозии акы заступника и кормителя».

И в «корсте мороморяной», в Десятинной церкви, был погребен «новый Константин», креститель Руси, князь Владимир.[105]

«Готическая» Русь стояла в зените своей славы и могущества.

Глава VIII

ЯРОСЛАВ

Время Ярослава Владимировича, Ярослава Мудрого, — это время «Русской Правды» и обеих Софий, время усиления русской государственности и укрепления христианства, конец патриархальной, варварской Руси и начало Руси феодальной. Ярослав завершает процесс образования древнерусского государства, заканчивает создание государственной, правовой и церковной организации Киевской державы, укрепляет ее международное положение, завязывая дипломатические сношения с христианскими государствами Европы и устраивая брачные союзы.

В его времена вызревают феодальные формы собственности, феодальные формы господства и подчинения, столь ярко представленные в «Русской Правде» Ярославичей. Они-то и были причиной того, что блестящее княжение Ярослава было одновременно, по образному выражению К. Маркса, началом заката «готической России».

Смерть отца застала Ярослава в Новгороде. Ярослав деятельно готовился к борьбе с Владимиром. В предстоящих битвах Ярослав рассчитывал опереться прежде всего на наемников-варягов. Но обстоятельства сложились иначе. Не вытерпев «насилья» варягов, новгородцы восстали и «избиша варяги во дворе Поромони». Опасаясь за собственную участь, Ярослав покинул Новгород и уехал в свой княжой загородный «двор» в Ракому, под Новгородом. Сюда-то, «обольстив», Ярослав вызвал новгородцев, «нарочитые мужи, иже бяху иссекли Варягы», обманув их недоверие своей фразой, сказанной по поводу убитых новгородцами норманнов: «Уже мне сих не кресити». Но когда новгородские «нарочитые мужи» явились в княжеский двор в Ракому, началась расправа. Ярослав их «исече».

Кто были эти новгородцы? «Повесть временных лет» указывает — «нарочитые мужи», а Новгородская I летопись кое-что добавляет и сообщает, что Ярослав вызвал к себе «вои славны тысящу и, обольстив их исече, иже бяху варягы ти исекле, а друзии бежаша из града».[1]

Нет никакого сомнения в том, что «вои славны тысящу» — это совсем не тысяча славных воинов, а «нарочитые мужи», входившие в состав особой новгородской военной организации — тысячи, причем так как древнейшим поселением Новгорода был Славенский холм, Славна, своим названием подчеркивающий этнический и социальный состав своего населения, отличного от жителей Чудина конца, Пруссов, Неревского,

Людина, то и название военной организации новгородской знати, «нарочитых мужей», новгородской «тысячи» было связано со Славною. Новгородская «тысяча» была Славенской «тысячей» и в «воях славны тысящу» следует усматривать воинов Славенской «тысящи». А ими были «нарочитые мужи» новгородские. Немудрено, что после расправы новгородцев с варягами Ярослав «разгневася». Столкнулись две военные организации — княжая наемная, иноземная дружина, состоявшая из прибывших из-за моря «варягов», искателей славы и добычи, чувствовавшая себя в Хольмгарде, как в завоеванном городе, и древняя тысячная, местная, состоявшая из новгородских «мужей». Эта последняя была слабо связана с князем. И по-видимому, причиной этого был скорее Ярослав (да и он ли один?), чем новгородские «нарочитые мужи». Давнишнее стремление новгородских «нарочитых мужей» к независимости от князя, и не столько потому, что он — князь, а потому, что он — киевский князь; стремление, имеющее под собой реальную основу, а именно — богатство, силу и влиятельность новгородских бояр, тяготившихся своей зависимостью от Киева, бывшего только первым городом Руси, тогда как Новгород был вторым, причем разница между первым и вторым была очень невелика, неизмеримо меньше, чем между вторым и третьим; стремление, выявлявшееся уже неоднократно (стоит вспомнить эпизоды со Святославом, Владимиром, Добрыней, крещением Руси), теперь, при Ярославе, вылилось в восстание потому, что бесчинства наемной варяжской княжеской дружины были той последней каплей, которая переполнила чашу терпения новгородцев.

Тенденции новгородских «нарочитых мужей» к самостоятельности, их богатство и сила вынуждали князей искать «воев» не среди Славенской «тысячи», которая была достаточно могущественна, для того чтобы безоговорочно подчиниться князю, а где-то вне Новгорода. На Русском Севере не было недостатка в такого рода воинах. Из Скандинавии в Гардарики устремлялись толпы норманских авантюристов, воинов-наемников, ожидавших получить на службе у конунгов Хольмгарда свое öре, золото, серебро или взамен их — дорогие меха, хорошее платье, дом и содержание и разбогатеть от военной добычи.

Эймундова сага подробно рассказывает о пяти исландцах Бьёрне, Гарда-Катилле, Аскелле, Торде Старшем и Торде Младшем, которые вместе с Эймундом и Рагнаром летом 1016 г. после смерти Владимира прибыли в Хольмгард (Новгород) к конунгу Ярислейфу (Ярославу) и вместе с сотнями других варягов служили у него и принимали участие в его битвах со Святополком (по саге — Бурислейфом), а потом перешли к полоцкому (Pallteskju) князю Брячиславу (Вартилафу).[2]

О службе варягов у Иерслафа (Ярослава) говорит и Гута-сага, сообщающая о том, как Олаф Святой жил у русского князя в Hulmgarth-е.[3]

Естественна неприязнь новгородских «нарочитых мужей», «воев Славны тысящу», к буйной норманской вольнице своего князя, вылившаяся в 1015 г. в истребление варягов «во дворе Поромони». Понятны и ответные репрессии Ярослава. Но в самом непродолжительном времени события сложились так, что Ярославу пришлось решительно отказаться от своей старой политики возвышения варяжской дружины и искать союза с новгородцами, просить помощи у той самой Славенской «тысячи», воинов которой он так недавно безжалостно перебил. Из далекого Киева от сест-

ры Предславы пришла весть. Она сообщала, что отец их умер, а Святополк, убив Бориса и готовя убийство Глеба, затевает что-то и по отношению к Ярославу, и рекомендовала последнему остерегаться брата.

Что же произошло в Киеве? Смерть Владимира была большой неожиданностью. Киевская дружина, «дружина отня», т. е. старшая, «передняя», дружина, состоявшая из богатых и влиятельных бояр, «вои», т. е. киевское ополчение, «пълк» и «отроки», была вместе с Борисом, которого Владимир явно прочил себе в преемники и, заболев, вызвал к себе в Киев из похода на печенегов. Они советовали Борису идти на Киев: «поиди, сяди Кыеве, на столе отни». Но Борис действовал нерешительно. Видимо, он не хотел отдавать «отень стол» Святополку, хотя «Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глеба» и «Сказание страстотерпцю святую мученику Бориса и Глеба» стараются подчеркнуть, что Борис не хотел выступить против старшего брата (который, кстати сказать, братом ему не был), против принципа старейшинства, который тоже в те времена не определял собой порядка замещения престола, о чем речь была уже выше. Поэтому-то, судя по «чтению» и «сказанию», Борис не пошел в Киев к Святополку, хотя тот добивался соглашения с ним и обещал: «к отню придам ти», конечно, «лестно, а не истину глаголаше», и остановился на реке Альте, у Переяслава, на расстоянии одного перехода от Киева. Но несмотря на то что «дружина отня» и «вои» считали Бориса законным преемником Владимира и торопили его идти на Киев и сесть на «отень стол», он не решался вступить в Киев, не решался начать борьбу со Святополком, который издавна, еще при жизни Владимира, стремясь к престолу, развернул энергичную деятельность, для того чтобы оставить за собой Киевский стол, и без борьбы, и самой ожесточенной, никому бы его не отдал.

Пока Борис медлил и стоял у Альты, Святополк действовал.

Еще до смерти Владимира Святополк заручился поддержкой тысяцкого вышгородского Путшы и «Вышегородьскые болярьце». Здесь, в Вышгороде, княжем городке-замке, он, очевидно, отбывал, как сообщает Титмар Мерзебургский, «in singulari custodia» (одиночное заключение), здесь же он жил уже на свободе, но под контролем Владимира. Что обещал он вышегородским «болярцам», как презрительно называет киевский летописец вышегородских бояр, каким путем он привлек их на свою сторону, мы не знаем, но для нас остается очевидным то, что в тревожные июльские дни 1015 г. Вышгород во главе с Путшей и «болярцами» был решительно на стороне Святополка.

Киев колебался. «Кияне» были смущены тем обстоятельством, что «братья их беша с Борисом» (под «братьей» следует подразумевать «дружину отню» и «вои») и только шла где-то на Левобережье, направляясь к Альте, а суждение этой «братьи» было решающим, Святополк же энергично склонял их на свою сторону «и нача даяти им именье», «овемь корьзна, а другим кунами, и роздая множьство».

Щедрой рукой раздавая «отча богатства», Святополк добился политического успеха. «Кияне», очевидно, перестали колебаться. Видя нерешительность Бориса, «вои розидашася от него». Оставшись с одними «отроками», Борис был уже бессилен бороться со Святополком.

24 июля посланные Святополком вышегородцы — Путша, Талец, Еловит и Ляшко — убили Бориса и его любимого слугу — «отрока» Георгия,

родом угрина.[4] Через некоторое время, опасаясь мести с его стороны, где-то под Смоленском Святополк убил брата Бориса Глеба, причем исполнителями выступили «муж» Святополка Горясер и повар Глеба Торчин, а затем та же участь постигла и князя «Дерев» Святослава, убитого где-то по дороге в Венгрию, у Карпат.[5] Так Святополк шел к власти («яко избью всю братью свою, и прииму власть Русскую един»), к «одиначеству».[6]

Может быть, Святополк и не собирался «избить всю братью», но во всяком случае вступил он на престол, перешагнув через трупы сыновей Владимира, считавшихся его братьями, и добился больших успехов, устранив почти всех своих соперников и конкурентов на востоке, юге и западе. В самом деле, в это время уже не было Вышеслава, Изяслава, Всеволода, Судислава, Бориса, Глеба, Святослава. Первые два умерли, третий ушел в Скандинавию, четвертый, по-видимому, сошел со сцены или не играл никакой роли еще до того, как был посажен в «поруб», три последних убиты. Неясны Станислав, сидевший, по поздним летописям, в Смоленске, и Позвизд, правивший, по «Густынской летописи», на Волыни, но во всяком случае вряд ли они в эти годы играли какую-либо самостоятельную роль в политической жизни Руси. Иначе о них не преминули бы упомянуть летописи или саги.

На арену политической борьбы выступили, собственно говоря, только трое — Ярослав, Святополк и внук Владимира Брячислав полоцкий, Вартилаф Эймундовой саги. Мстислав появится лишь позднее.

Не этим ли объясняется то, что современники борьбы Ярослава и Святополка говорят только о трех сыновьях Владимира? Действительно, серьезное значение в истории событий первой четверти XI в., даже точнее — 1015—1025 гг., имела деятельность только трех сыновей Владимира — Ярослава, Мстислава и Святополка, который, как уже известно, сыном Владимира, собственно говоря, не был.

Таковы были события, развернувшиеся на юге Руси и отдавшие Киев в руки Святополка. Было от чего призадуматься Ярославу, когда он получил от своей сестры Предславы сообщение о содеянном Святополком. Тем более понятна нам «печаль» Ярослава, если мы учтем серьезный конфликт, имевший место перед тем в Новгороде. Теперь было уже не до ссор с новгородскими «нарочитыми мужами» из Славенской «тысячи» и новгородскими «воями». Они должны были стать опорой Ярослава в предстоящей тяжелой борьбе со Святополком. Пришлось идти на мир с новгородцами. Ярослав выступил на вече с покаянной речью («о люба моя дружина, юже вчера избих, а ныне была надобе»), рассказал о событиях в Киеве и попросил помощи.

И новгородцы не отказали ему. Настал удобный момент. Оказав помощь Ярославу, новгородцы, и прежде всего «нарочитые мужи», получали право и возможность требовать от князя уступок, которые могли вылиться в предоставление Новгороду известных вольностей. Так оно и произошло. И «Русская Правда» Ярослава, и тот его «Устав», те его «грамоты», на которые ссылаются поздние летописи новгородские, его «Устав о мостах» — все эти источники являются свидетельством борьбы Новгорода с князем и победы новгородцев, вынудивших последнего пойти на уступки их стремлениям к независимости, признать и оформить приравнение новгородских «мужей» к княжим «мужам», санкционировав

новгородскую Славенскую «тысячу» и ее десять «сотен», а впоследствии и новгородское вече, и приглашение князей, и «ряды» с ними, и т. п., т. е. все то, что будет характеризовать со временем политический строй вечевого города, этой своеобразной русской феодальной республики.

В уступках Ярослава Новгороду следует искать корни новгородских вольностей XII—XIII вв.

Сорок тысяч воинов, по летописи, дал Новгород своему князю. Та исключительная активность, которая характеризует Новгород во всех перипетиях борьбы Ярослава со Святополком, объясняется прежде всего опасением Новгорода попасть снова в зависимость от Киева, да еще такого Киева, как Киев Святополка, за спиной которого стояли враждебные Руси «ляхи» Болеслава Храброго. Ярослав же еще при жизни отца избавил Новгород от уплаты ежегодной дани Киеву, этим самым положив начало известной независимости его от «мати градом Русьским», что не могло не привлечь Новгород. Инцидент в Ракоме был скоро забыт перед лицом опасности, угрожавшей и новгородским «мужам», и Ярославу; опасности, перед лицом которой князь со своими «мужами» и новгородцы выступили единой силой, в одном лагере. А по мере развертывания борьбы зависимость Ярослава от новгородцев возрастала, и последние все больше и больше могли рассчитывать на его уступчивость. И их надежды полностью оправдались.

Но не сошла со сцены и вторая сила, с помощью которой Ярослав рассчитывал добиться победы. Я имею в виду норманнов. Летом 1015 г. к шведскому королю Олафу явилось посольство «конунга Ярислейфа из Хольмгарда» и, несмотря на то что Ингигерд, дочь Олафа Скетконунга, по сговору должна была стать женой короля норвежского Олафа Толстого (Святого), отец обещал Ярославу выдать ее замуж за него. Второе посольство Ярослава, прибывшее в Швецию весной 1016 г., вернулось в Новгород уже с Ингигерд, причем она выговорила себе Ладогу (Aldeigiuborg) с округом и принятие на службу к Ярославу ярла Рагнвальда с прежним титулом. О посольстве Ярослава к варягам «за море» в 1015 г. говорит и наша летопись.

В 1018 г. от Ингигерд у Ярослава уже родился сын Илья, который и считался новгородским князем. За малолетнего князя Илью правил посадник Константин (Коснятин) Добрынич. Вскоре Илья умер.

Все это говорит за то, что сватовство Ярослава следует датировать 1015 г., а женитьбу на Ингигерд — 1016 г.[7] Тогда же, в 1016 г., в Новгород, узнав о надвигающейся войне, явился отряд Эймунда и был принят на службу Ярославом на определенных условиях. Отряд Эймунда насчитывал 600 человек. У Ярослава были и другие отряды варягов, по-видимому, того же ярла Рагнвальда, родственника Ингигерд. Так что летописное сообщение о 1000 варяжских воинов, находившихся в составе войск Ярослава, является несомненно вполне достоверным.[8]

Так готовился к бою Ярослав. Нападающей стороной, если не в военном отношении, то во всяком случае в дипломатическом, оказался не он, а Святополк.

Эймундова сага сообщает, что в Хольмгард «пришли письма от конунга Бурислейфа к конунгу Ярислейфу, в которых было сказано, что он требует от конунга нескольких деревень и торгов, примыкающих к его владениям, изъясняя, что они удобны ему для сбора доходов».[9]

По-видимому, речь шла о чем-то большем, нежели те требования, которые были, по саге, выдвинуты Святополком. Скорее всего, Святополк пытался возобновить взимание ежегодной дани с Новгорода.

Ярослав был вынужден готовиться к войне. По древнему обычаю северных народов (он встречается и у скандинавов, и у остяков, и у вогулов, ханты и манси, древней югры) Ярослав приказал «возить стрелу по всему своему владению» и готовиться к походу на юг. «И поиде на Святополъка».[10]

Интересно отметить, что в Эймундовой саге Святополк всюду именуется Бурислейфом. Нет никакого сомнения в том, что причиной этого недоразумения является то обстоятельство, что наиболее активным лицом в развертывающихся событиях, наиболее сильным и влиятельным был тесть Святополка Болеслав, и его имя (Бурислейф) совершенно вытеснило имя Святополка, трудное норманнам для произношения, тогда как с Болеславами, Бориславами и Буриславами они часто сталкивались на Славянском Поморье и привыкли к этому имени.[11] Первая битва между князьями произошла на Днепре, у Любеча. Это было в конце лета 1016 г.

Ярослав стоял со своими новгородцами и варягами на правом берегу Днепра, Святополк с киевлянами и печенегами — на левом. Оба войска не предпринимали решительных шагов и только «укорялись». «Кияне» дразнили новгородцев плотниками, а Ярослава обзывали хромцем. Стояли уже третий месяц. Начались заморозки. Воины Ярослава, набранные из смердов, начали убегать «домой, в деревни», на что ему указал Эймунд. Помощь была далеко. Путь на Новгород был долог и тяжел. Между тем Святополк легко и быстро мог сноситься с Киевом и требовать оттуда подкреплений. Варяги торопили Ярослава, и Ярослав решил действовать.

Всю ночь в лагере Святополка, разбитом между двумя озерами, шел пир. Князь «всю нощь пил бе с дружиною своею». Этим воспользовался Ярослав. Перед рассветом его воины переправились через Днепр и поутру, «отринув» ладьи от берега, выстроились в боевой порядок. Началась «сеча зла». Ярослав теснил своего противника. Отделенные от войск Святополка озером, печенеги не могли прийти ему на помощь. Варяги Эймунда ударили в тыл отрядам Святополка, и эти последние начали отступать. Вскоре их прижали к озеру. Слабый лед не выдерживал тяжести людей и обламывался. Воины Святополка тонули. «И одолати нача Ярослав... Святополк бе бежа в Ляхы, Ярослав же седе Кыеве на столе отъни и дедни».[12] Новгородская летопись сообщает, что Святополк вначале бежал в степи к своим союзникам печенегам.[13]

Ярослав щедро расплатился с новгородскими воинами: «И нача вое свое делити: старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а Новъгородьчем по 10 всем, и отпусти я домовь вся».[14]

Эймундова сага сообщает: «потом, все лето и зиму, было спокойствие и бездействие».

Это было в 1016—1017 гг. Летопись подтверждает сообщение саги. Ярослав правил в Киеве спокойно. Правда, город очень пострадал от пожара («погоре церкви») и вместо сгоревшей старой Софии Ярославу пришлось начать закладку новой Софии. Но летом 1017 г. (по летописям — в 1018 г.) Святополк уже стоял под стенами Киева со своими союзниками

печенегами. Дату летописей (1018 г.) мы не принимаем потому, что в этом году на сцену выступили уже ляхи Болеслава и Святополк шел к Киеву не с юга, а с запада, с Волыни.

Эймундова сага дает точную дату. Нападение Бурислейфа-Святополка с биармийцами-печенегами на город, где сидел Ярислейф-Ярослав и в котором нетрудно усмотреть Киев, произошло на второй год службы у Ярослава Эймунда, т. е. в 1017 г. Сага говорит о том, что Бурислейф пробыл у биармийцев зиму и тогда выступил против Ярослава, т. е. опять-таки в 1017 г.

Узнав о намерениях Святополка, скупой (по саге) Ярослав продлил договор о службе, заключенный им с Эймундом, и начал готовиться к обороне. Прежде всего он собрал, как указывает сага, «большую рать из вольных поселян». В саге говорится о них и употребляется термин «bonda», который в Скандинавии означал свободных земледельцев, владеющих землей, принимавших участие в собраниях и в войске. Перед нами, очевидно, снова выступают «вои» из числа свободных представителей «сельского людья», еще только данники князя и отнюдь не феодально-зависимые. Это еще раз подчеркивает народный характер ратей Ярослава, тогда как Святополк теряет свою социальную базу и вынужден опираться на печенегов или поляков. Город был хорошо укреплен, и для того чтобы вынудить биармийцев Бурислейфа броситься на штурм его стен, Ярислейф и Эймунд заставили женщин в богатых нарядах и драгоценных украшениях выйти на стены города и возбудить этим алчность биармийцев. Но появление на стенах богато наряженных женщин Бурислейф посчитал «за хороший знак, думая, что, вероятно, весть о его прибытии уже их достигла».

В каком же городе Святополк мог рассчитывать найти сторонников: в Новгороде, куда, казалось бы, ведет наименование «биармийцы», или в Киеве? Конечно, в последнем. Здесь у него со времен 1015 г. было немало сторонников.[15]

Летопись сообщает о том, что в 1018 г. (т. е., на наш взгляд, в 1017 г.) «придоша Печенези к Киеву и секошася у Киева, и едва к вечеру одоле Ярослав Печенеги...».[16] Это сражение описывает Эймундова сага, сообщающая о том, как биармийцы ворвались в город через одни ворота, как был ранен в ногу Ярослав, как сражались Эймунд и Рагнар, как бежали биармийцы.

Рассказы саги и летописей очень близки, а наименование в саге печенегов биармийцами не должно нас смущать, так как в сагах Биармия часто выступает как далекая, сказочная страна, лежащая где-то на Востоке.[17] На связь нападения печенегов на Киев со Святополком указывает и Титмар Мерзебургский.

После неудачи под Киевом Святополк отправился искать поддержки к Болеславу Храброму. Ярослав ответил на это заключением союза с врагом Болеслава германским императором и походом в начале осени 1017 г. на Болеслава. Титмар Мерзебургский говорит о том, что Ярослав взял какой-то город у Болеслава, а Новгородская I летопись сообщает, что «Ярослав иде к Берестию». Но эта война серьезных последствий не имела. В ответ на действия Ярослава Болеслав, в свою очередь, заключает союз с германским императором и летом 1018 г. со Святополком, с войском из «ляхов» и наемников немцев (300 человек) и венгров (500 человек) втор-

гается в Русь. Печенежская орда должна была напасть на Киев с юга, а Болеслав со Святополком — с запада.

Битва 22 июля 1018 г. под городом Волынем была неудачна для Ярослава. Его войско было разбито, а он сам едва спасся с четырьмя дружинниками. Правда, Ярослав не растерялся. Он немедленно принимается за сбор нового войска в русских городах и селах, соглашается на значительное повышение жалования наемникам-варягам. Они, по-видимому, не принимали участия в сражении на Буге и выступали теперь в роли «третьего радующегося». Во всяком случае Эймундова сага ничего не знает о сражении под Волынем. Повышение жалованья варягам в 12 раз, причем теперь они уже требовали не серебра, а золота, тяжело отразилось на новгородцах, ибо всю тяжесть борьбы пришлось снова взять на себя новгородским «мужам».

Когда встревоженный поражением на Буге Ярослав бежал в Новгород и собирался отправиться в Скандинавию, посадник Константин Добрынич, сын Добрыни, т. е. двоюродный брат Владимира, велел порубить ладьи, на которых Ярослав собирался бежать за море, и начал сбор средств для найма варяжских викингов. Положение действительно было очень серьезное. В Киеве остались родные (мачеха и сестры) Ярослава, его казна. Войска не было. Его надо было собирать вновь.

И только решительные действия новгородского посадника Константина Добрынича и новгородских «мужей», деятельно готовившихся к войне, заставили Ярослава, не отличавшегося большой смелостью, осторожного и нерешительного, снова взяться за оружие. Новгородцы начали собирать деньги, и не потому, что Ярослав, как его рисуют саги, был скуп, а потому, что казна его осталась в Киеве. И «начаша скот събирати от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен, и приведоша Варягы и вдаша им скот, и совокупи Ярослав вои многы».[18]

Но не одни варяги составили новое войско Ярослава. В его составе были все те же, часто решавшие исход сражений «вои» из числа «людья» городов и весей Руси. Все это дало возможность Ярославу вести борьбу со Святополком и даже занять какой-то принадлежащий последнему город. Пока на севере Ярослав сплачивал силы для новой схватки с врагом, Болеслав со Святополком стремительно шли к Киеву. Титмар Мерзебургский и Мартин Галл рядом красочных, легендарных подробностей рассказывали об этом походе. Они сообщают, что якобы поводом к походу Болеслава послужил отказ Ярослава выдать замуж за него свою сестру, что по дороге Святополка и «ляхов» Болеслава приветливо встречало население, а в Киеве их торжественно встретил сам архиепископ, что, вступая в Киев, Болеслав ударил мечом по Золотым Воротам, которых, кстати сказать, в те времена еще не было.

Все это относится к поэтическим вымыслам, сложившимся среди поляков и немцев, участников похода 1018 г., рассказы и песни которых послужили источником и для Титмара Мерзебургского, и для Мартина Галла.

Кое-что перенесено было Мартином Галлом из событий позднейших, из похода Болеслава Смелого на Киев во времена Ярославичей. Но кое-что соответствует действительности. Добиваясь популярности и власти подкупами, Святополк отчасти достиг своей цели, так как таким обра-

зом привлек на свою сторону не только вышегородских «болярцев», но и часть киевских бояр.

Титмар Мерзебургский сообщает, что «архиепископ этого города (т. е. Киева. — *В. М.*) со всем духовенством» с почетом встретил Святополка с Болеславом. Это несомненно был Анастас Корсунянин. Этого же архиепископа Болеслав потом отправлял к Ярославу для обмена пленницами, так как у Ярослава в плену была его дочь, жена Святополка, а мачеха, сестры, а по некоторым версиям — и жена Ярослава оказались в плену у Святополка и Болеслава.

В Киеве, таким образом, попали в руки Болеслава родня Ярослава и огромное количество всяких ценностей. Болеслав, его «ляхи» и наемники — немцы и венгры — торжествовали. Болеслав и Святополк уже направили из Киева посольство в Германию и Византию, к обоим императорам. Вспомогательные наемные войска, печенеги, немцы и венгры, вскоре были отправлены обратно. Собирался назад и Болеслав. Так сообщает Титмар Мерзебургский и вторит ему Мартин Галл. Но наша летопись говорит другое.

«И рече Болеслав: „Разведете дружину мою по городам на покоръмъ“, и бысть тако». И далее: «...Святополк рече: „елико же ляхов по городам, избивайте я“, и избиша Ляхи. Болеслав же побеже ис Кыева, възма именье и бояры Ярославле и сестре его, и Настаса пристави Десятиньного ко именью, бе бо ся ему вверил лестью, и людий множество веде с собой, и городы Червеньскыя зая собе, и приде в свою землю».[19]

В этом сообщении летописи обычно видели позднейшую вставку, вписанную летописцем по аналогии с позднейшими событиями того же XI в., когда при Изяславе Ярославиче «ляхов» избивали «отай». При этом считалось, что никакого восстания против «ляхов» не было, так как Болеслав пробыл в Киеве недолго и спокойно ушел, забрав с собой родню Ярослава, его бояр, «людий множьство» и огромное количество ценностей. Такой вывод можно сделать из сообщения Титмара Мерзебургского.

Но приведенное место из «Повести временных лет» заслуживает внимания и не меньшего доверия, чем тенденциозные сообщения Титмара Мерзенбургского и особенно Мартина Галла. Пленение бояр и «людий множьство» подтверждается тем, что Казимир польский возвращает позднее Ярославу 800 русских пленников, которые прожили в Польше 25 лет. Болеслав захватил у Руси Червенские города, и не только их, но и Берестье, отбитые затем Ярославом у Польши. Так что и это сообщение летописи подтверждается. Действительно, Болеслав пробыл в Киеве недолго, не больше месяца, но нет ничего невозможного в том, что распущенных «по городам», т. е. расквартированных «на покорм» «ляхов», венгров и немцев Болеслава, во время его пребывания в Киеве или уже после ухода, когда часть своего войска он оставил на Руси в подмогу зятю, киевляне перебили. Позднее это избиение «ляхов» летописное сказание связало с именем Святополка, стараясь обвинить его в коварстве даже по отношению к союзнику, и это уже несомненно ошибочно, так как вряд ли Святополк решился бы на такой поступок в отношении войск своего тестя, от которого он целиком зависел.

Быть может, открытое недовольство жителей Киевской земли и убийства ими «ляхов» и вынудили Болеслава убраться поскорее восвояси. «Червенские грады» и Берестье остались за ним. На Киевском столе си-

дел его ставленник. Но успехи союзников были призрачны. Уже тою же зимой, зимой 1018—1019 гг., Ярослав со своими северными «воями» подошел к Киеву, и неожиданное появление его у стен города заставило Святополка спасаться бегством к печенегам. Ярослав вступил в Киев. Весной 1019 г. Святополк возвращается с печенегами, и на берегах Альты грянула кровопролитная битва. В этой битве, начавшейся на заре, в «пяток», и продолжавшейся целый день, «одоле Ярослав, а Святополк бежа».

Далее летопись рассказывает, как больной и расслабленный, терзаемый манией преследования Святополк бежал, как «пробежа в Лядьскую землю, гоним божьим гневом, прибежа в пустыню межю Лях и Чехы, испроверже зле живот свой в том месте». «Есть же могила его в пустыни и до сего дня, исходить же от нея смрад зол».[20]

Иначе говорят о кончине Бурислейфа-Святополка Эймундова сага и сага об Ингваре-путешественнике. В первой речь идет об убийстве Бурислейфа Эймундом и его варягами, а во второй — о пленении и ослеплении его.

Сага подкупает правдивостью своего рассказа. Перед нами выступают типичные наемные убийцы, договаривающиеся с князем, который, не давая прямого согласия на убийство, в то же самое время развязывает руки убийцам. Летописный же рассказ полон назидательств, нравоучений и фантастических подробностей: душевные переживания Святополка, какая-то мифическая пустыня между Чехией и Польшей.

Мы не можем согласиться с тем, что в летописи о кончине Святополка приводятся только досужие измышления монаха, а сага говорит только правду, но нельзя думать, что летописным рассказом исчерпывается вопрос о смерти Святополка.

Святополк не был «первым западником», принесшим «лучь света» с Запада на русский Восток, но не был и злодеем из мелодрамы, обстоятельства кончины которого должны носить обязательно какой-то необычный характер.

В памяти народной Святополк, убийца братьев, «наводивший» на Русь «ворогов» — поляков, немцев, венгров, печенегов, получил прозвище «Окаянного», а его противник, Ярослав, заслужил прозвище «Мудрого».

Так оценила древняя русская книжная традиция деятельность этих двух политических руководителей Руси. Кончилась борьба. «Ярослав же седе Кыеве, утер пота с дружиною своею, показав победу и труд велик».

Бóльшая часть земель Руси находилась под его властью. Только в далекой Тмутаракани сидел Мстислав да в Полоцке правил «Рогволожий внук» (правнук) Брячислав.

В руках Ярослава оказались Киев, Чернигов, Переяславль, Ростов, Муром, Смоленск, Новгород.

События четырех лет, 1015—1019 гг., привели к значительному росту политического значения Новгорода.

Следом победы новгородских «нарочитых мужей» и «воев» является прежде всего «Русская Правда» Ярослава.

Состав, содержание и нормы «Русской Правды» Ярослава будут совершенно непонятны, если мы не учтем условия, в которых она была дана. Содержание «Русской Правды» обусловлено ее происхождением.

В самом деле, если мы обратимся к так называемой первой статье «Русской Правды» Ярослава, то наше внимание остановит на себе не

только появление наряду с кровной местью виры, т. е. денежного штрафа («аще не будет кто мьстя, то 40 гривен за голову»), что свидетельствует о росте государственности, о том, что борьба с преступлением является не частным делом пострадавших, но государственным делом, обязанностью княжеской власти, которая приобретает характер правительственной власти, но также и перечисление в ней ряда социальных категорий, приравниваемых друг к другу.

Первая часть первой статьи, где речь идет о кровной мести и о замене ее, по желанию, сорокагривенной вирой, по-видимому, очень раннего происхождения, и применение ее на Руси, конечно, восходит ко временам, гораздо более ранним, чем княжение Ярослава. Она, в свою очередь, может быть разделена на две части: одну более архаическую, в которой речь идет о кровной мести, а вторую — о вире, которая несомненно появилась до Ярослава и следы введения которой мы усматриваем в совете греческого духовенства Владимиру о борьбе с разбоями, о чем речь была раньше.

Далее идет вторая часть первой статьи, которая опять-таки делится на две части. В ней говорится о сорокагривенной вире за убийство русина, гридина, купчины, ябетника, мечника и изгоя и словенина.

Прежде всего, зачем понадобилось уточнять: «аще будет Роусин, любо гридин...» и т. д., «то 40 гривен положите за нь», когда перед этим говорилось о том, что за убийство вообще полагается сорокагривенная вира?

Очевидно, потому, что Ярослав хотел этим подчеркнуть равнозначимость, а следовательно, равное положение в обществе всех лиц, переименованных во второй части первой статьи его «Русской Правды».

В этой части первой статьи обращает на себя внимание наличие двух рядов, разделенных словом «аще».

Первый ряд — русин, гридин, купчина, ябетник, мечник и второй ряд, идущий после слова «аще», — изгой и словенин.

Кто же упоминается в первом ряду и кто во втором? В первом несомненно перед нами выступают княжие «мужи» (гридин, мечник, ябетник) и купцы. К таким же княжим мужам следует причислить несомненно русина, так как в данном контексте речь идет не о русине в смысле «русский», т. е. не об этническом элементе, не об этническом понятии, а о социальной категории. Русин «Русской Правды» Ярослава — это боярин, дружинник, воин из Киева, из Среднего Приднепровья, т. е. Руси в том узком смысле слова, в котором, как мы уже видели, выступает Среднее Приднепровье, земли Киевская, Черниговская и Переяславльская. Это — пришлый для Новгорода элемент, княжие «мужи» из далекого Приднепровья, люди, которые в Новгороде пользовались особыми преимуществами и оттирали на второй план «вои славны тысящу». Они были опорой князя в Новгороде и на Руси в целом играли главную роль. Теперь все они, все эти русины, мечники, ябетники, гридьба, окружающие князя, были приравнены по вире ко второй группе населения, вернее, она была приравнена к ним.

Вторая группа населения, упоминаемая во втором ряду, состоит из местного, новгородского люда.

И в словенине «Русской Правды» Ярослава мы усматриваем также не этническую группировку, а «нарочитых мужей» Славенской тысячи, «воев» новгородских сотен, т. е. всю ту местную военно-административ-

ную тысячную организацию Новгорода, которая и обеспечила победу Ярослава над врагами.

Словенин был приравнен к русину, т. е. новгородец получил те же права, что и киевлянин. При этом несомненно имелись в виду не широкие народные массы, не жители Приднепровья или Приильменья вообще, а верхушка, «нарочитые мужи».

Не случайно, как это мы увидим ниже, в других источниках, византийских и восточных, «русы» означают именно городскую военно-дружинную, купеческую правящую и господствующую городскую верхушку.

Народные массы выступают в той же первой статье «Русской Правды» под другим названием. Это — изгои.

Почему вдруг изгои оказались в одном ряду с княжими «мужами» и «нарочитыми мужами» из Славенской тысячи? Потому, что процесс распада общин породил огромное количество изгоев, ушедших из своих весей в Новгород на поиски средств существования. В бурные, богатые событиями первые годы княжения Ярослава последний нуждался в «воях» для борьбы со Святополком и Болеславом, и когда на деньги, собранные Константином Добрыничем, да и ранее и позднее, нанимались отряды варягов, одновременно шел набор воинов в самом Новгороде и его землях. Естественно, что в ряды ратей Ярослава вступало много изгоев, таким образом приобретавших возможность избегнуть кабалы и даже, быть может, обеспечить себе известное экономическое благополучие. Когда же в благодарность за помощь, а скорее всего, понуждаемый к этому могущественным Новгородом, Ярослав дал свою «Русскую Правду», которая в своем составе не могла не отразить политических событий дня своего рождения, в ее первой, ведущей статье нашла отражение победа новгородцев, выразившаяся в приравнивании новгородцев, «нарочитых мужей» Славенской тысячи и рядовых «воев», в числе которых было немало изгоев, к княжим «мужам». Так был положен конец буйству и насилиям княжих дружинников варяжского и русского (и в широком, и в узком, среднеднепровском, смысле слова) происхождения. Отныне княжеская власть брала на себя заботу о защите «новгородьстих людий» и становилась властью не только дружинной, но «земской», правительством в полном значении этого слова.

Таков был первый для Новгорода результат его энергичной поддержки Ярослава, его активного участия в грозных событиях 1015—1019 гг., результат, далеким следствием которого было установление вольностей Господина Великого Новгорода. Есть и другие сведения о предоставлении Ярославом Новгороду некоторых льгот. Так, летопись рассказывает о том, как, оделив новгородцев: старостам по 10 гривен, смердам по гривне, «а новгородцам по 10 гривен всем, и отпустив а вся домов», Ярослав, «дав правду им и оустав списав, глаголюще: „по сеи грамоте ходете, якоже списах вам, тако дрьжите“».[21] Эта грамота Ярослава до нас не дошла, и позднейшие летописцы, не желая подчеркивать древность новгородских «вольностей» и просто даже упоминать о них, заменили ее «Русской Правдой».[22]

Правда, вскоре Ярослав расправился со своим родственником и руководителем энергичной политики Новгорода Константином Добрыничем. В 1020 г. «разгневася на нь Ярослав и поточи и Ростовоу, на 3 лето повеле оубити и в Моуроме на Оце реце».[23] Но отказаться от своих уступок

Новгороду Ярослав не мог, а может быть, и не хотел. В 1036 г. «Ярослав посади сына своего в Новегороде Володимера, и епископа постави Жирятоу (Луку Жидяту. — *В. М.*); и людям написав грамотоу, рекъ: „по сеи грамоте даите дань“».[24]

Вот эти две грамоты и составляли основу основ новгородских вольностей, на которые впоследствии опирались новгородцы, заставляя князей целовать им крест «на всех грамотах Ярославлих». Одновременно Ярослав уменьшил обложение данью. В 1014 г. он вовсе отказался платить дань Киеву, затем в 1036 г. она, по-видимому, была восстановлена, но в уменьшенном размере.

Во времена Владимира Новгород платил князю 3000 гривен, а при Ярославе, после 1036 г., она составляла 300 гривен. «Повесть временных лет» сообщает, что Олег установил с Новгорода, «мира деля», ежегодную дань в 300 гривен, «еже до смерти Ярослава дающе...».[25]

К законодательной деятельности Ярослава мы еще вернемся, но сейчас для нас важно отметить, что начало ее было положено взаимоотношениями его с Новгородом, который добился, оказывая князю всяческую поддержку, больших уступок с его стороны.

Несмотря на победу над врагами, Ярослав не мог чувствовать себя в полной безопасности. На северо-западе княжил полоцкий князь Брячислав, в Тмутаракани сидел Мстислав, западно-русские земли были захвачены Болеславом.

Борьба Ярослава с полоцким князем началась, по-видимому, с присоединения Ярославом каких-то земель Брячислава. Неясное упоминание об этом сохранила Эймундова сага, герои которой, поссорившись со скупым и неблагодарным Яриславом, перешли на службу к Вартилафу-Брячиславу. Это было на четвертый год их пребывания в Гардарики и службы русскому конунгу, т. е. в 1020 г. Она сообщает о том, как к Вартилафу прибыли послы «от конунга Ярислейфа требовать весей и городов, лежащих поблизости его владения».[26]

По-видимому, некоторые «веси и города», принадлежавшие полоцкому князю, были уже заняты дружинами Ярослава. В ответ на это в 1021 г. Брячислав, подстрекаемый варягами, воспользовавшись отсутствием Ярослава, со своими полочанами и варягами, о чем говорят и сага, и Длугош, захватывает Новгород «и поим Новгородце и именье их». По Эймундовой саге, захвачена была в плен и жена Ярослава Ингигерд. С пленными и захваченным «именьем» Брячислав повернул обратно в Полоцк, но на седьмой день у реки Судомира (Судома) он был настигнут Ярославом и разбит. «И победи Ярослав Брячислава». При этом Воскресенская и Софийская летописи добавляют: «и полон от него отъя, елико бяша Новгородские волости».

Тем не менее победитель посчитал необходимым вступить в переговоры с побежденным. Ярослав «да емоу два града, Въсвячь и Видбеск» (быть может, как раз те, которые он захватил у полоцкого князя ранее, и недаром, по Эймундовой саге, во время переговоров Вартилаф так опасался уменьшения своих владений и успокоился только тогда, когда увидел, что этого не произойдет), заставив его заключить союз с собой: «боуди же с мною един». Не объясняется ли такая уступчивость Ярослава тем, что, как говорит сага, в плену у Брячислава была Ингигерд?

Во всяком случае договор с Ярославом выполнялся полоцким князем весьма строго и «воеваша Брячислав с Ярославом вся дни живота своего».[27]

Северо-запад Руси, таким образом, оказался в орбите влияния Ярослава. Оставался юго-восток — далекая Тмутаракань. Но там княжил и действовал Мстислав — несравненно более крупная фигура на арене политической борьбы, чем Брячислав.

Падение Хазарского каганата упрочило положение русских в Приазовье, Причерноморье и на Северном Кавказе. Русская дружина в Тмутаракани, впитывавшая в свой состав местные феодальные элементы и родоплеменную знать различных племен и народностей Северного Кавказа, становится господствующей силой.

Первым летописным русским князем Тмутаракани был Мстислав. Летопись говорит о нем как о сыне Владимира, получившем Тмутаракань во владение от отца в 988 г.

Как было уже сказано выше, мы не имеем достаточных оснований, идя вслед за А. А. Шахматовым, считать сомнительным принадлежность Мстислава к роду Владимира.[28] Но на юго-востоке в это время выступает одно лицо, которое неизвестно нашим летописям. Речь идет об упоминаемом Георгием Кедрином Сфенге. У Кедрина мы читаем рассказ о походе, предпринятом византийским императором Василием II. Последний «послал в Хазарию флот под начальством воеводы Монга, сына Андроника, который при помощи Сфенга, брата Владимира, того самого, супругой которого была сестра сего императора, покорил эту страну, пленив в первом сражении хазарского царя Георгия Цуло».[29] Это место из Кедрина вызвало самые разноречивые толкования и поставило в тупик исследователей. Действительно, и сейчас разрешить вопрос о том, кто такой был Сфенг, трудно, и не менее, нежели раньше, но некоторые возможные пути разрешения вопроса мы все же попытаемся наметить.

Прежде всего — откуда исходит нападение на Хазарию, уже в достаточной мере разгромленную походами Святослава? Речь идет, следовательно, не о разрушении сильного государства, а об окончательной ликвидации того, что еще оставалось от Хазарии. Таким образом, заинтересованными в походе могли оказаться, во-первых, Византия, которую торговые связи и стремление к укреплению своих причерноморских форпостов толкали к разрушению отдельных хазарских центров, могущих причинять неприятности «стране Корсунской», а во-вторых — Тмутаракань, для которой остатки хазарского могущества представляли едва ли не бóльшую опасность, чем для Византии.

Отсюда совместные военные действия какого-то русского воеводы Сфенга и византийского воеводы Монга.

Вряд ли в Сфенге можно усматривать начальника русской дружины, отправившейся из далекого Киева. Едва ли Киев послал войско в далекий поход добивать остатки Хазарии. Скорее всего, это был воевода Приазовско-Причерноморской Руси, так как на развалинах хазарского владычества вырастает русская Тмутаракань, и вполне понятно, почему именно русская Тмутараканская дружина стремится к разгрому остатков Хазарии. Она является наследником Хазарии на берегах Азовского и Черного морей, на Нижнем Дону и на Кубани, в степях Северного Кавказа и в предгорьях Кавказа, завоевавшим с оружием в руках это свое право. Поэтому

поход Сфенга следует рассматривать как поход Тмутараканской дружины. Мы заранее отбрасываем возможную попытку приписать этот поход шеститысячному отряду русских, посланных в Византию Владимиром, так как действовал он, как это мы уже видели, в других краях, и к тому же у Кедрина речь идет не о составной части византийского войска, а о самостоятельной союзной вооруженной силе, чего не могло бы быть, если отстаивать подобную точку зрения.

Кедрин до известной степени освещает самый темный период княжения Мстислава — с 988 по 1022 г. Поход Сфенга следует приурочить именно к Мстиславу.

Трудно сказать, выступает ли под именем Сфенга сам Мстислав (и византийский источник, исковеркав имя, называет его к тому же братом Владимира) или же это был какой-либо дружинник Мстислава, случайно попавший, услугами Кедрина, в состав княжеской семьи. Как-то невольно напрашивается аналогия между Сфенгом, русским воеводой, по Кедрину, и Сфенкелем, русским воеводой Святослава, по Льву Диакону. Очевидно, имена с корнем «сфен» (Сфенг, Сфенгель) или «свен» (Свенельд), как «Свят», или «Свет» (Святослав, Святополк и т. п.), были распространены среди славянских и норманских элементов русской дружины очень широко. Во всяком случае инициатором похода 1016 г. на Георгия Цуло был не Киев, а Тмутаракань, не Ярослав, занятый в те времена совсем другими делами, а Мстислав. В период борьбы за Киев Мстислав не принимает в ней никакого участия. Его окружение — тмутараканские русские, ясы, касоги, хазары, обезы.

Летопись как-то особенно колоритно рисует его фигуру, выделяя его среди других князей. Мстиславу уделено очень большое внимание в летописном своде Никона 1073 г. В основу характеристики Мстислава Никон положил песни о Мстиславе, с которыми он ознакомился в Тмутаракани.[30]

Летопись ничего не говорит о княжении Мстислава в Тмутаракани до 1022 г. Под этим годом «Повесть временных лет» упоминает о походе Мстислава на касогов и знаменитом единоборстве его с касожским князем Редедей, закончившемся победой Мстислава. Победитель берет «именье», жену и детей Редеди, покоряет касогов и накладывает на них дань, а в ознаменование своей победы закладывает в Тмутаракани церковь Богородицы.[31]

Этот рассказ подтверждается и другими источниками. В «Слове о полку Игореве» Баян поет песнь «храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред пълки касожьскими». Черкесские предания также сохранили воспоминание о борьбе с тмутараканским князем. В 1843 г. черкес (а летописные касоги и есть черкесы, адыге, которые и теперь называют себя «касох»-ами) Шора Бекмурзин Ногмов собрал эти предания. В них говорится о том, как «князь Идар, собрав кахов и хагеанов и воинов других адыхейских племен, пошел на Тамтаракай». Среди воинов Идара был великан Ридаде (Редядя). Далее летописный рассказ и предание почти полностью совпадают: князь тамтаракайский борется с Ридадей в продолжение нескольких часов и наконец поражает его ножом. Адыхейцы — касоги — отступают. Через несколько лет они мстят Тамтаракаю. Собрав рать и пригласив на помощь осов — ясов, они завоевывают Тамтаракайское княжество.

Есть ряд вариантов этого рассказа и песен с припевом: «О, Ридаде Махо!».[32]

Захват Тмутаракани касогами и ясами, очевидно, был обусловлен уходом Мстислава с его дружиной в Приднепровье, что падает на 1023 г. Возвращение Тмутаракани в состав русских земель следует связать с сообщением Никоновской летописи под 1029 г. о том, что «Ярослав ходи на ясы и взят их».[33] Этот поход был предпринят тогда, когда Ярослав и Мстислав уже находились в мире и союзе и предпринимали совместные походы. Таким совместным походом и была война с ясами (и касогами) за Тмутаракань. Только имя Мстислава выпало из Никоновской летописи, которая, кстати сказать, только одна сообщает о событиях 1029 г., тогда как все другие, да и она сама, говорят, что в этом году «мирно бысть». «Мирно бысть», по-видимому, потому, что никаких других событий, кроме похода дружины куда-то далеко, не периферию Руси, не было.

В 1023 г. Мстислав «с Козары и с Касогы» двинулся к Киеву. С большим опозданием Мстислав вступил в борьбу за «отень стол», за Киев.

В 1024 г. дружина Мстислава стояла уже под Киевом. Ярослав в это время «сущю Новегороде». Как шел Мстислав к Киеву? Летопись не сообщает ничего о пути тмутараканского князя.

Путей из Тмутаракани в Киев было три: один, по-видимому самый обычный, — морем, вдоль берегов Крыма, по Днепру; второй — менее бойкий, Доном, Сеймом и Десной; третий — сухопутный, степями, как ходил Святослав, а позднее купцы, направляющиеся на Восток по Залозному пути.

Не думаю, что дружина из хазар и касогов предпочла морской и речной пути. Это противоречило их воинским традициям и привычкам. Скорее всего, Мстислав шел степями, и это был обычный для степняков путь, протекавший в привычной для них обстановке.

Со своей кавказской дружиной Мстислав подошел сперва к Киеву, но «не прияша его Кыяне». Тогда он пошел на Чернигов и здесь «седе на столе».

Так положено было начало чернигово-тмутараканским политическим связям, обусловленным древними традициями Днепровского Левобережья, связанного с Подоньем и Кавказом, и торговыми сношениями, установившимися между ними с незапамятных времен.

Весть о появлении Мстислава дошла до Ярослава, но одно событие чрезвычайной важности заставило его отказаться от немедленного выступления на юг для борьбы с Мстиславом.

В Суздале вспыхнуло первое, известное нам в летописи восстание смердов, протекавшее под руководством волхвов. В 1024 г. «...въсташа волъсви в Суждали, избиваху старую чадь по дьяволю наущенью и бесованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бе мятежь велик и голод по всей той стране; идоша по Волзе вси людье в Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша. Слышав же Ярослав волхвы, приде Суздалю, изъимав волхвы, расточи, а другия показни».[34]

Новгородская IV летопись добавляет кое-что к рассказу «Повести временных лет». Она сообщает, что избивали «старую чадь бабы», которые «дрьжать гобино и жито, и голод поущають. И бе мятежь велик и глад по всей стране той, яко мужю своя жена даяти, да ю кормят себе, челяди-

ном».[35] Такие же восстания в Суздальской земле и на Белоозере имели место и позднее, в 1071 и 1088 (1091) гг.

Исходя из анализа всех сообщений летописи и привлекая этнографический материал, мы приходим к следующим выводам. «Старая чадь» была местной феодализирующейся верхушкой, устанавливающей свое господство на осколках распадающегося первобытно-общинного строя. Племенная ее принадлежность здесь, в Суздальской земле, не установлена, но, судя по археологическим материалам и этнографическим данным, большинство ее принадлежало к русифицирующимся остаткам древнего восточнофинского населения края. Остальная часть была кривичскими и вятичскими переселенцами. Среди потомков исконного населения этого края, мери, еще долгое время бытовали некоторые обычаи, отличные от русских и сближающие их с соседней и родственной мордвой. Эта «старая чадь» была опорой князя на далеком северо-востоке Руси, в полуфинской-полурусской земле. Она помогала княжим даньщикам собирать дань, вирникам — собирать виры, везла «повоз», доставляла собранное к специальным княжим «местам», хозяйничала по поручению князя в погостах, была опорой княжих «мужей» во всем. Потому-то в представлении рядовых общинников, «сельского людья», она была проводником всякого рода гнета, ложившегося на него, и исполнителем велений князя и его администрации.

В то же самое время «старая чадь», пользуясь своим богатством, опираясь на своих слуг, обогащаясь в результате эксплуатации челяди, закабаляла своих сообщинников и сородичей, устанавливая полупатриархальные-полуфеодальные формы зависимости и, держа в своих руках всякое «гобино», «обилье» и «жито», становилась вершителем судеб своих менее обеспеченных соседей. И всякий «глад» она использовала для того, чтобы ссудами и кабальными сделками подчинить себе окрестное население.

Вот почему ее обвиняли в том, что она «держит гобино и жито» и «глад поущаеть». Это и было причиной восстания и истребления «старой чади».

Новгородская летопись не случайно говорит, что избитой «старой чадью» были прежде всего «бабы». «Бабы» эти были не кто иные, как «большухи гобиньных домов», хозяйки богатых семей, домов, в руках которых и сосредоточивались запасы продуктов, находившиеся в их распоряжении. Память об этом сохранил древний обычай, бытовавший у мордвы еще в первой половине XIX в., когда перед деревенскими праздниками по домам ходили особые уполномоченные, а хозяйки, приготовив в мешке те продукты, которые они вносили в фонд деревенского пиршества, становились спиною к дверям и поджидали уполномоченных. Те входили в дом, разрезали мешок, вынимали приготовленные продукты и наносили в спину или плечи хозяйке легкие уколы ножом.

На этот раз, в 1024 г., дело шло, очевидно, уже не о ритуальных уколах, а об убийстве тех, в чьих руках были запасы, припрятанные во время голода и используемые с целью закабаления, об убийствах «большух гобиньных домов» «старой чади».

Так вспыхнуло первое на Руси восстание смердов, «старой чади», направленное против проводников и агентов княжеской власти на северо-востоке Руси, против феодального подчинения и закабаления. Итак, причиной восстания были распространение даннических отношений, уси-

ление зависимости от князя, рост повинностей населения в его пользу и закабаление со стороны «старой чади», поводом его послужил голод. Но чем же объяснить то, что эти восстания выступают перед нами как движение волхвов? Длительное господство язычества, упорно боровшегося, особенно здесь, на северо-востоке, с распространяемым силой меча христианством, распространение волхованья, столь характерного главным образом для финских племен Руси, и, наконец, особенности самой структуры общинной организации были причиной того, что эти первые восстания зависимого или полузависимого сельского люда против феодалов облекаются в оболочку восстаний волхвов. Волхв — представитель старой, привычной языческой религии, религии общинных времен. Он сам вышел из общины, он близок «сельскому людью». В представлении последнего волхв ассоциируется со свободным состоянием, с отсутствием княжеских даньщиков, вирников и прочих княжеских «мужей». Когда был волхв, не было ни даней, ни повоза, ни вир, земля была у общинников, их собственностью были угодья, поля, нивы, ухожаи и леса. Справляли старые праздники, придерживались стародедовских обычаев, молились старым языческим богам.

Теперь не только в княжеских горницах и гридницах, но и по всей Руси волхва вытеснял священник. Дани и поборы, виры и повоз, появление на общинных землях новых хозяев — бояр и церквей, экспроприация общинных угодий и земель, закабаление со стороны местной «старой чади», введение христианства вместо язычества и появление на месте капищ и священных рощ церквей, а вместо волхвов — священников — все это, по вполне понятным обстоятельствам, в представлении «людья» далеких северо-восточных «весей» сливалось воедино в нечто, несущее конец их привычному общинному быту. Замахнуться против «старой чади» означало выступить против князя, восстать во главе с волхвом означало начать борьбу с церковью, со священником, т. е. в конечном счете — с тем же князем. Поэтому во главе движений смердов становятся волхвы, служители старых языческих богов, строгие блюстители стародедовских обычаев, руководители языческих празднеств, справляемых из поколения в поколение, хранители чудесных таинств и сверхъестественных знаний, кудесники и ведуны, вещие люди, знающие путь к сердцу божеств, умеющие их умилостивить, испрошающие у них блага для «дажьбожьих внуков», люди авторитетные, известные, влиятельные, уважаемые.

Движения смердов, руководимые волхвами, очень сложны. Различны цели восстающих смердов и волхвов. «Сельские людьи» борются с феодализацией, неотвратимо надвигающейся на них. Для них восстание против «старой чади» и князя с его «мужами» есть не что иное, как борьба с укрепляющимся феодализмом. Для волхвов — это борьба за реставрацию старого быта, за сохранение язычества, а с ним вместе и того положения, которое они занимали в обществе, положения, безнадежно ими утраченного, борьба с конкурентом и соперником, занимающим их место, со священником. Волхв — осколок отживающего мира, сторонник отмирающих, старых порядков. Он зовет назад, его цели реакционны. Смерды еще прислушиваются к голосу волхва. Авторитет волхва еще высок. Как и позднее, религиозные мотивы играют большую роль в борьбе сельского люда с феодалами. Когда волхв призывает смерда выступить против христианства, борьба с христианской церковью перерастает в выступление

против князя, бояр, и наоборот. Тесный союз господствующего класса с церковью создает подобную специфику первых антифеодальных движений. Феодализация и христианизация совпадали по времени.

Феодалы обрушивались на общинника, разоряли его, превращали всю общину в целом в подвластную феодалу организацию зависимого сельского населения или, обирая смерда и громя разлагающуюся уже естественным путем общину, превращали его в кабального человека.

Одновременно христианство, проникающее вместе с княжими «мужами» повсеместно, разбивало старых общинных богов, уничтожало культовые места, места молений, сборов и сходов, громило общинный культ, кончало с зарождавшимся, и чем дальше на север, тем все более сильным и влиятельным, жречеством, разбивало идеологию первобытно-общинного строя. Борьба за нее, борьба с христианством, и стала формой восстания смердов. Не будучи в состоянии противостоять феодалу в открытой борьбе, смерд стремился оказать ему отпор, организуясь вокруг старых общинных начал, быта, обычаев, устоев, верований, богов.[36] И эта борьба «сельского людья» Руси носила совершенно иной характер, отличный от стремлений волхвов. Конечные цели волхвов и смердов разошлись. Волхвы были выброшены за борт истории, и жалкими их эпигонами впоследствии выступают ведуны, знахари, ведьмы. Они смотрели назад, в прошлое, и ушли в прошлое. Народ, «сельские людьи», не могли уйти в прошлое. Его восстания не могли привести к ликвидации зарождающегося и крепнущего феодализма, но эта борьба вынудила христианскую церковь на Руси пойти по пути религиозного синкретизма, русифицировать греческую веру, провести русификацию церкви, а это имело огромное значение в развитии русской культуры, так как церковь, религия и культура на Руси стали орудием укрепления русской народности. В то же время разгром волхвов подорвал и авторитет язычества, заставил «людье» Русской земли быстрее обратиться к христианству.

Учитывая все сказанное, мы не удивимся тому, что Ярослав прежде всего отправился в Суздаль, «изъимав», «расточи» и «показни» волхвов, подавил восстание, а затем принялся готовиться к борьбе с Мстиславом.

С этой целью он опять «посла за море по Варягы». На призыв Ярослава в Новгород явился отряд варяжских наемников во главе с Якуном (Гаконом). В том же 1024 г. Ярослав двинулся на Мстислава. Последний, в свою очередь, выступил ему навстречу. Грянула битва у Лиственя. Характер летописного рассказа о Лиственской битве таков, что заставляет предполагать, что он написан как пересказ песен о Мстиславе, составленных по свежим впечатлениям рассказов очевидцев. С вечера Мстислав поставил дружину северян в центре, против варягов Якуна, а своих дружинников-тмутараканцев — касогов и хазар — распределил по флангам. Ночью разыгралась сильная гроза. Воспользовавшись ею, Мстислав ударил по рати Ярослава, и первыми столкнулись северяне и варяги. Когда варяги Якуна начали уже изнемогать под ударами северян, по ним ударила тмутараканская дружина Мстислава. «И бысть сеча сильна, яко посветяше молонья, блещашаться оружье, и бе гроза велика и сеча сильна и страшна». Ярослав с Якуном бежали. В бегстве Якун даже потерял свою золотую «луду». Наутро, обходя поле битвы, Мстислав наталкивается на трупы убитых варягов и северян, вынесших всю тяжесть битвы. Летопись

вкладывает в его уста чрезвычайно интересное замечание, характеризующее его отношение к жителям той земли, князем которой он теперь стал: «Кто сему не рад? Се лежит северянин, а се варяг, а дружина своя цела».[37] В этих словах весь Мстислав, князь-воин, дружинник, тмутараканец, которому его русско-хазаро-касожская дружина дороже, чем рать его Северской земли.

Напуганный Лиственской битвой, Ярослав отсиживался в Новгороде, а в Киеве «беяху... мужи Ярославли».

В 1026 г. Ярослав «совокупи воя многы» и явился в Киев. У Городца оба князя сошлись «и разделиста по Днепрь Русьскую землю: Ярослав прия сю сторону, а Мьстислав ону; и начаста жити мирно и в братолюбьстве, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли».[38] Вместе с Ярославом Мстислав ходил походом в Польшу в 1031 г.

Остатком касогов Мстислава, по-видимому, является население Касожской волости (ныне село Коробкино) у г. Рыльска, где еще в XVII в. упоминается о «Словенской пустыне, в Касожской волости, на Словенском городище, на Семи да на Словенском озере».[39] Мстислав построил два храма: церковь Богородицы в Тмутаракани, которая стояла еще во времена летописца, и собор святого Спаса в Чернигове. При жизни Мстислава он был построен такой высоты, что всадник, встав на коня, мог достать рукой до вершины строящейся стены. Фундамент собора сделан из тех же кирпичей, что и сооружение, обнаруженное в «Черной Могиле» в Чернигове (X в.), что говорит о местных строителях, воздвигавших Черниговский собор.

В 1033 г. умер единственный сын Мстислава Евстафий, а в 1036 г. скончался, разболевшись во время «ловов» (охоты), и сам Мстислав. Летопись сохранила нам описание наружности Мстислава: «Бе же Мьстислав дебел теломь, чермен лицем, великыма очима, храбор на рати, милостив, любяще дружину по велику, именья не щадяще, ни питья, ни еденья браняше».

После смерти его Ярослав стал «самовластець Русьстей земли».[40]

Кедрин сообщает, что, когда в 6544 г. умерли Мстислав (Νοσισυλάβοσ) и Станислав (Ζινισυλάβοσ), выбран был на княжение их родственник — Ярослав (Ιεροσυλάβοσ).[41] В том же году «всади Ярослав Судислава, брата своего, Плескове, оклеветан бе к нему».[42]

Так снова объединилась русская земля под властью Ярослава. Оставался один Полоцк, но его можно было не принимать во внимание. Теперь нужно было приниматься за укрепление древнерусской государственности. Ярослав продолжает начатое Владимиром дело создания государственности Киевской державы. Он укрепляет свою власть в Новгороде, дав новгородцам «грамоты», но, изгнав в 1019 г. влиятельного и опасного для него Константина Добрынича, главу «нарочитых мужей» новгородских, которые несомненно стремись к еще большей независимости, лишить их такого энергичного вожака, как Константин Добрынич, было в интересах Ярослава. В Новгороде был посажен Владимир Ярославич (ранее там сидел некоторое время малолетний Илья), ставший наместником отца в 1036 г. Изяслав получил Турово-Пинскую землю, а когда умер его старший брат Владимир, он получил и «волость» брата. Святослав, четвертый сын Ярослава, правил на Волыни. Только пятый, Всеволод, оставался с отцом. Эти сведения сообщают нам Ипатьевская, Софий-

ская и Воскресенская летописи и запись дьякона Григория на «Остромировом Евангелии».

Таким образом, мы видим, что при Ярославе сохранялась старая система, установленная Святославом и Владимиром, при которой управление русскими городами и землями осуществлялось великим князем через своих наместников-сыновей.

Говоря о законодательной деятельности Ярослава, мы уже указывали на «Русскую Правду». Она несомненно является законодательным памятником, характеризующим жизнь и деятельность, быт и нравы дружинников — «русин», тех самых «росов» византийских и «русов» восточных писателей, которые выступают перед нами как городская дружинная, купеческая, рабовладельческая и работорговческая правящая верхушка. «Русская Правда» Ярослава оставляет деревню в тени. И вполне понятно — почему: она дана по определенному поводу, в связи с борьбой Ярослава со Святополком и Болеславом, и касается, по сути дела, взаимоотношений между княжими и новгородскими «мужами», между Приднепровской Русью, «русинами», и Новгородом, «словенами». В ней мы находим следы «закона русского» договоров Руси с Византией, дружинного права, уже устаревшего ко временам Ярослава, так как оно не отражало тех общественных сдвигов, происходивших на Руси, которые были обусловлены ростом феодальных отношений. Поэтому сейчас же после смерти отца Ярославичи собрались для утверждения новой «Русской Правды», которая учитывала новые условия, хотя бы из конкретных фактов и их личного опыта. Она уже не могла забыть деревню, где развивались феодальные отношения, и заговорила о смердах, рядовичах, холопах, о княжой и смердьей собственности, о борьбе с преступлениями против частной собственности на землю, о всем, с ней связанном. Быть может, часть статей «Русской Правды» Ярославичей была составлена еще при Ярославе, так как в Троицком списке говорится, что Ярославичи только «отложиша отбиение за голову, по кунам ся выкупати. А ино все якоже Ярослав судил, такоже и сынове его оуставиша». Ярославу принадлежит «Урок вирнику», «Урок мостнику». Деятельность его отразилась в «Уставе о мостех», в так называемом «Церковном Уставе» Ярослава, часть которого несомненно восходит ко временам Ярослава.

Законодательная деятельность Ярослава говорит о расширении и укреплении княжеской администрации. Княжие посадники, тысяцкие, даньщики, вирники, мечники, ябетники, мостники правили Русской землей, княжие огнищане, ключники, конюхи, старосты, тиуны управляли его домом, дворцом, «градами» и селами, его обширным хозяйством, в поход с князем шла его дружина «отня», «передняя», отроки, гридьба и всякого рода «вои».

Развитие торговли и денежных отношений привело к чеканке собственной русской золотой и серебряной монет. Золотую монету начал чеканить Владимир, серебряную — Ярослав.

Укреплялось христианство. Ярослава русские люди XI—XII вв. считали настоящим ревнителем христианства, при котором это последнее укрепилось в Русской земле. «Якоже бо се некто землю разореть, другый же насееть, ини же пожинають и ядять пищю бескудну, тако и сь (Ярослав. — *В. М.*); отец бо его Володимер землю взора и умягчи, рекше крещеньемь просветив, сь (Ярослав. — *В. М.*) же насея книжными словесы

сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлющее книжное».[43] При нем «нача вера хрестьяньска плодитися и расширяти», он «церкви ставляше по градом и по местом, поставляя попы и дая от именья своего урок... и умножишася прозвутери и людье хрестьяньстии».[44]

В 1037 г. на Руси учреждается митрополия, и первым русским митрополитом был грек Феопемпт.

Мы отбрасываем при этом мифических митрополитов Леона, Михаила, Иоанна, так как первые два явно забрели на Русь вместе с иноземными сказаниями, а третий был архиепископом Киевским после бегства Анастаса, который не мог уже оставаться в Киеве, где сел Ярослав, после своей дружбы со Святополком и Болеславом. Позднейшим книжником Иоанн был превращен в митрополита, главу русской церкви.[45]

Так лишь в третьем поколении, при Ярославичах, современником которых был Нестор, укрепляется христианство; только это поколение считало, что оно пожинает урожай с той земли, которую вспахал Владимир, а засеял Ярослав, так оформляется церковная организация.

Меняется и сам характер христианства на Руси. Русь была наводнена греческим духовенством, которое принесло с собой монашеско-аскетическую струю. Появилось монашество. Наряду с церквами возникали монастыри (Георгия и Ирины в честь христианских патронов Ярослава и Ингигерд, позднее Антониев Печерский монастырь), наряду с белым появлялось черное монашествующее духовенство. При Ярославе «черноризьци почаше множитеся, и монастыреве починаху быти». «И бе Ярослав любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризце».

Так возникло монашество и церковный «устав», а вместе с ними обрусевшее христианство Владимира, проникнутое религиозным оптимизмом, жизнерадостностью, «мирским» духом, уступало свое место аскетическому христианству греков, чуждому «мира», монашеству и черному духовенству.

Чем объясняется это явление?

Причиной усиления греческого влияния на русскую церковь, которое исказило в источниках отображение русского христианства от времен Владимира и до 1037 г. и результатом которого была, правда, неудачная попытка ввести греческий язык в качестве языка богослужений и книжности, являются обстоятельства внешнего порядка.

Тяжелая борьба со степняками-печенегами, вылившаяся в грозную битву под Киевом на Сетомле в 1036 г., когда Ярослав с трудом справился с врагом, заставила его искать помощи для борьбы с кочевниками у Византии и согласиться на устройство митрополии во главе с греком Феопемптом. А это означало, что Византия стремилась установить таким путем, путем переплетения церковной и политической зависимости, свое влияние на Руси и посадить в Киев своего представителя. Но «игемония» Византии была столь обременительной для Руси, что Ярослав, как это мы увидим ниже, вынужден был разорвать с нею и в 1043 г. даже совершить поход на Константинополь.

Не случайно описавший этот поход Владимира Ярославича Михаил Пселл считает его «восстанием» русских против византийской «игемонии». В Византии действительно создание в Киеве митрополии, находившейся в руках греков, рассматривали как подчинение Руси, а русских считали на этом основании подданными императора.

Так положен был конец византийским стремлениям установить «игемонию» над Русью путем наводнения последней греческим духовенством и установления митрополии во главе с греком.

В 1051 г. Ярослав, «собрав епископы», поставил в Киеве митрополитом русского человека, священника княжеского села Берестово Иллариона. При этом русский князь не посчитался с константинопольским патриархом. Еще до этого Ярослав посадил в Новгороде русского епископа Луку Жидяту. С этого момента Византия уже не могла мечтать о возобновлении «игемонии», и даже тогда, когда на русской митрополичьей кафедре потом оказывались греки, митрополия все же оставалась русским учреждением, действующим в интересах Русской земли. Недаром во времена Ярослава, подчеркивая независимость русской церкви и, следовательно, Руси, Ярослав добивается канонизации первых русских святых Бориса и Глеба и беатизации Владимира. Со временем и Владимир, и Ольга были причислены к лику святых.

Бориса и Глеба признали чешская, армянская и, наконец, византийская церкви. Этим, быть может, и объясняется характеристика, данная русской церкви краковским епископом Матвеем, писавшим в середине XII в. Бернарду Клервосскому, что «он (русский народ) не желает сообразовываться ни с латинской, ни с греческой церковью, но, отделяясь от той и другой, не пребывает ни с одной из них в общении таинств».[46] Тем не менее греческий монашеско-аскетический характер христианства сохранялся и усиливался. Гонение на язычество расширялось и усиливалось.

Времена Ярослава характеризуются распространением «книжности». Сам Ярослав «книгам прилежа, и почитая е часто в нощи и в дне». Ярослав «собра писце многы, и прекладаше от Грек на Словеньское писмо, и списаша книги многы». Дочь его Анна была грамотна и, будучи уже французской королевой, писала той кириллицей, которой выучилась в доме отца на берегах Днепра. Сын Всеволод знал пять языков. Внук Владимир Мономах был составителем «Устава» и своего знаменитого «Поучения детям».

В 1030 г. в Новгороде Ярослав устроил школу, куда было набрано 300 детей «старост и поповых», и начал их «учити книгам». При нем, как показал А. А. Шахматов, началось и наше бесценное русское летописание.[47] Ярослав заложил каменную Софию Киевскую (1037 г.), освященную в 1039 г., а сын его Владимир — каменную Софию Новгородскую, построенную в 1045—1051 гг. и занявшую место старой деревянной тринадцатиглавой Софии, сгоревшей в 1049 г.

Третья София стояла в Полоцке, а в Чернигове высился Спасский собор.

Ярослав выстроил в Киеве много новых зданий и церквей (церковь Благовещенья у Золотых Ворот, монастыри святых Георгия и Ирины). И «заложи Ярослав город великый Кыев, у него же града суть Златая врата».[48] Еще недавно место, где стояла София, было «поле вне града», а теперь она уже высилась в центре обнесенного укреплениями «града» Ярослава.

Князь создавал город, делался «земской» властью. То же самое было и в Новгороде, где княжеская резиденция из «Городища» была перенесена в Новгород, на Ярославово дворище.

Киев превращался в огромный город большой державы. Здесь можно было встретить «ляхов» и «угров», чехов и немцев, греков и хазар, евреев

и армян, англосаксов и шведов, норвежцев и «быстроногих данов». Недаром Титмар Мерзебургский называет его «большим городом», в котором «находится более нежели 400 церквей и 8 рынков», а Адам Бременский именует его «соперником константинопольского скипетра, одним из великолепнейших украшений Греции» (т. е. Руси. — *В. М.*).[49]

Рост могущества Руси имел своим непосредственным результатом укрепление ее международного положения. Прежде всего необходимо было вернуть захваченные Болеславом западнорусские земли.

В 1022 г. Ярослав «приде... к Берестию», но чем окончился поход, мы не знаем. Вряд ли он был удачен.

Но скоро обстановка в Польше изменилась. В 1025 г. умер Болеслав Храбрый и началась борьба между его сыновьями. Один из них, Оттон, одно время пребывал на Руси, ища помощи у русского князя «Misiko... fratrem suum Ottonem quoniam regis partibus favebat, in Ruzziam provinciam populit».[50] Мешко, правивший в Польше, всю жизнь вынужден был воевать с братьями, сторону которых, очевидно, держал Ярослав. Воспользовавшись этой усобицей, Ярослав продолжал наступление на Польшу и в 1030 г. «Белзы взял» и вернул этот русский город в состав земель Киевского государства.

В 1031 г., воспользовавшись грандиозным восстанием в Польше («люды избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в них мятежь»), Ярослав вместе с Мстиславом «собраста вой много», вторглись в «Лядьскую землю», отбили захваченные Болеславом «грады Червеньскыя», и «повоеваста Лядьскую землю». С огромным количеством пленных Ярослав и Мстислав вернулись обратно. Своих пленников Ярослав посадил в Поросье и «суть до сего дне».[51]

Это был уже не поход для возвращения захваченных русских земель, а сильнейший удар по самой Польше.

Ярослав продолжает укреплять западные рубежи Русской земли.

В 1038 г. он «иде на Ятвягы», в 1040 г. — на Литву.[52]

Летопись ничего не сообщает о результатах этих походов, но нет никакого сомнения в том, что они были успешны для Ярослава.

Вскоре при помощи немцев в Польшу вернулся король Казимир. Ему пришлось иметь дело с восстанием в Мазовии, где правил некий Моислав, сплотивший вокруг себя мазовшан, поморян, пруссов и литовцев. Казимир был вынужден прибегнуть к помощи Ярослава. Польский король устанавливает политический союз с русским князем и вступает в брачные связи с киевской княжеской династией. «В си же времена вдасть Ярослав сестру свою за Казимира». Так, сестра Ярослава, Доброгнева (Добронега), она же, по крещению, Мария, стала польской королевой. «И вдасть Казимир за вено людей 8 сот, я же бе полонил Болеслав, победив Ярослава».[53] Сестра же Казимира была выдана замуж за сына Ярослава Изяслава.[54]

Результатом этого союза, очевидно, были походы Ярослава на Мазовию. В 1041 г. он идет на «Мазовъшаны в ладьях», Бугом, а в 1047 г. «победи я (мазовшан. — *В. М.*) и князя их Моислава уби, и покори я Казимиру».[55] Софийская, Никоновская и Воскресенская летописи знают еще один поход — 1043 г. Этими походами Ярослав оказал большую услугу Казимиру и в то же самое время создал на западных рубежах Руси постоянную угрозу со стороны «ляхов».

Но во времена Ярослава Польша зависела от Руси, и западные границы Руси хорошо охранялись. Следом деятельности Ярослава в юго-западных землях Руси является город Ярослав на Сане, оплот «Червенских градов». Одновременно идут укрепление русских рубежей на северо-западе и освоение прибалтийских и северных земель. В 1030 г. Ярослав «иде... на Чюдь, и победи я, и постави град Юрьев», ставший надолго оплотом русского владычества в Прибалтике. В 1032 г. из «Новагорода на Железные врата», т. е. в землю чуди заволоцкой, на Северную Двину, ходил какой-то Улеб, но поход этот был неудачен. Чрез 10 лет, в 1042 г., Владимир Ярославич ходил «на Ямь», т. е. емь, тавастов, «и победи я».[56] В те времена емь-тавасты жили в Западном Приладожье, где их соседями с востока и юго-востока были карелы и русские. Только в конце XI и начале XII в. карелы при поддержке русских оттеснили из Западного Приладожья емь, заселив этот край и частично смешавшись с остатками тавастов.[57]

Таким образом, поход Владимира Ярославича был, очевидно, предпринят в Западное Приладожье.

Так продолжал Ярослав начатое Владимиром укрепление русских границ на юго-западе, западе и северо-западе и расширял влияние Руси на север Восточной Европы. Много сил было положено на укрепление рубежей Южной Руси, которой постоянно угрожали печенеги. В годы борьбы Ярослава со Святополком они выступали на стороне последнего и не раз, как мы уже видели, нападали на Киев.

Но удары, нанесенные Ярославом, а до этого непрестанная борьба Владимира и, наконец, нажим со стороны торков, за которыми шли, двигаясь на запад, многочисленные и могущественные половцы, в значительной степени ослабили печенегов. Только одна Никоновская летопись сообщает под 1020 г. о нападении печенегов. До 1036 г. кочевники не отваживались нападать на Русь. Этим воспользовался Ярослав для укрепления границ Южной Руси. Именно с этой целью в 1031 г. он сажает плененных им «ляхов» по «Ръси» и «поча ставити городы по Ръси». Укрепление Поросья, заселяемого Ярославом и превращаемого киевским князем в укрепленную линию, состоящую из городов — острожков, рвов, валов, засек и т. п., сыграло большую роль в обороне Руси.

В 1036 г. теснимые торками и половцами печенеги начинают свое продвижение на запад, которое привело их позднее на Дунай, за Дунай, в Венгрию, пока наконец битва в долине Марицы в 1092 г. не положила конец политическому существованию печенежских орд, разгромленных знаменитыми половецкими ханами Боняком и Тугорканом.[58] По дороге они всей ордой обложили Киев. Ярослав с варяжской дружиной и новгородским воинством, «Варягы и Словении», выходит из Новгорода и вскоре вступает в Киев.

Бой начался на «поле вне града», где позднее была воздвигнута София, на поле, позднее ставшем центром нового, Ярославова Киева, огромного города. «По среде» стояли варяги, на правом фланге «кыяне», на левом — «новгородци». «И бысть сеча зла, и одва одоле к вечеру Ярослав».[59]

Большое число печенегов утонуло в Сетомле и «в инех реках», а остатки спаслись бегством.

Так кончилась борьба Руси с печенегами. За ними шли слабые и малочисленные торки, а в год смерти Ярослава вместе с торками пришел пере-

довой отряд половцев во главе с Болушем, чтобы своим появлением у Киева как бы возвестить о новой грозной опасности, нависшей над Русской землей.

Переходя к русско-византийским отношениям, мы должны отметить, что, как было уже высказано выше, взаимоотношения Руси и Византии определялись формулой, согласно которой Византия считала себя «игемоном» Руси, а Русь упорно отстаивала свою независимость во внешних сношениях и в организации церкви. Русские воины по-прежнему шли на службу к императору и не прочь были повторить времена Олега и Игоря. Так, Кедрин сообщает, что в 1018 г., после смерти Владимира и Анны, какой-то сородич (свояк) Владимира, Хрюсохейр («Золоторукий», «Золотая Рука», имя, аналогичное Волчьему Хвосту, т. е. имя-прозвище), с 800 воинами прибыл на судах к Константинополю, «желая вступить в наемную службу». Когда император предложил ему сложить оружие и явиться к нему для переговоров невооруженным, Хрюсохейр «не захотел этого и ушел через Пропонтиду». Разбив стратига Пропонтиды под Абидосом, он ушел к Лемносу. Здесь русские были обмануты византийцами и перебиты.[60] Это был поход-налет, предпринятый, очевидно, Хрюсохейром на свой страх и риск, но вскоре стремления Византии к «игемонии» заставило самого Ярослава взяться за оружие.

В 1043 г. Владимир Ярославович с воеводами Вышатой Остромиричем и Иваном Творимиричем выступил в поход на Византию. Греки рассматривали этот поход как бунт своих подданных «росов», которые стали подданными императора уже по одному тому, что приняли греческую веру. Но для русских это была борьба с попытками императора и патриарха подчинить своему влиянию, своей власти независимую Русь.

Отношения между Русью и Византией уже некоторое время были напряженными. В Константинополе знали о готовящемся походе и во избежание осложнений в самой Византии выслали из Константинополя русских купцов, а русское вспомогательное войско, игравшее со времен Владимира большую роль в империи, было выведено из столицы и расквартировано в провинции («скифы, находящиеся в столице в виде союзников, были рассеяны в провинциях»).

В Константинополе знали и о том, что русские идут не одни, что с ними идут союзники, воины народов, «обитающих на северных островах океана», т. е. норманны, варяги. Но пока что обе стороны сносились безбоязненно и торговали друг с другом. Поводом к выступлению русских послужило убийство греками какого-то «важного скифа», т. е. русского. В ответ на этот инцидент Владимир Ярославович выступил в поход на Константинополь. Пылая «яростной и бешеной ненавистью к греческой игемонии», русские знали, что сражаются против сильного и опасного врага, простирающего свои руки к молодой Киевской державе.

Возобновив «старую вражду», они «нарубили вверху (в верховьях Днепра. — *В. М.*) леса, выстроили из него малые и большие ладьи» и вышли в море. Кедрин определяет войско русских цифрой в 100 000 человек, Аталиота называет другое число — 400 ладей, т. е. около 20 000 воинов, и это несомненно ближе к действительности. Им удалось проникнуть в Пропонтиду, и здесь они вступили в переговоры с императором Константином Мономахом, предлагая ему заключить мир, т. е. какой-то договор, очевидно долженствующий положить конец притязаниям Византии

на «игемонию» над Русью, и заплатить по 1000 статиров на каждую ладью (по другому варианту — по 3 литра золота на воина). Император отказался. В морском сражении грекам помогла страшная буря. «Сильный ветер двинулся с востока на запад; взмутив море вихрем, он устремил волны на варвара и потопил одни из его лодок тут же, так море поднялось в середину им, а другие, загнав далеко в море, разбросал по скалам и утесистым берегам». Так говорит об этом сражении Михаил Пселл.[61] «Повесть временных лет» сообщает: «и бысть буря велика, и разби корабли Руси».[62]

Воспользовавшись бурей, крупные греческие суда — трииры (триремы) — ворвались в расстроенную штормом русскую флотилию и пустили в дело греческий огонь. «И княжь корабль разби ветр и взя князя (Владимира Ярославовича. — *В. М.*) в корабль Иван Творимиричь, воевода Ярославль». Более шести тысяч воинов из разбитых ладей оказались на берегу. Они хотели пробиваться на Русь по сухопутным дорогам, но не имели военачальника. «И не идяше с ними никто же от дружины княжее». Тогда Вышата заявил, что он идет с ними. «Аще жив буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною». Но уйти на Русь не удалось. У Варны русские были схвачены, разбиты, масса воинов пала в сражении, около 800 человек были приведены в Константинополь и ослеплены.

Только через три года Вышата вернулся на Русь. Оставшиеся ладьи, на которых плыли Владимир Ярославович и Иван Творимирич, повернули на север. Вдогонку им император послал 14 судов, но русские, повернув обратно, дали им бой, «изби оляди Гречьскыя» и только после этого вернулись на Русь.[63]

Когда через три года после указанных событий Византия почувствовала на себе всю силу ударов печенегов и познакомилась с кривой печенежской саблей, это заставило ее искать помощи и союза на Руси, которая могла сковать кочевую стихию. Этим и объясняется возвращение Вышаты из византийского плена на Русь. Но дружеские отношения между Русью и Византией возобновились не скоро. Только в 1052 или 1053 г. Русь снова увидела на митрополичьей кафедре грека, и в дом русских князей была принята византийская царевна. Это была невестка Ярослава, жена его сына Всеволода, дочь византийского императора Константина Мономаха.[64]

Эпизодом русско-византийских отношений было посольство Святополка и Болеслава в Византию в 1018 г., о чем говорит Титмар Мерзебургский, сообщая, что Болеслав (вернее — Святополк) обещал императору много хорошего, если тот будет в союзе с ним, а в противном случае угрожал войной.

Не было ли это посольство вызвано стремлением Святополка и Болеслава заручиться союзом с Византией для борьбы с Ярославом?

Посольство Святополка и Болеслава никаких последствий не имело. Так складывались русско-византийские связи, так развертывался сложный узор русско-византийских отношений.

Все более и более тесные связи устанавливались и со странами Западной Европы. Трижды Ярослав выступал в союзе с Германией, а именно: во время своей борьбы с Болеславом, когда одно время он был в дружеских отношениях с Генрихом, затем во времена войны с Мешком и, наконец, вместе с Германией Ярослав поддерживал Казимира.

Саксонский анналист сообщает о посольстве русского князя к Генриху III 30 ноября 1040 г., а хроника Ламберта говорит о том, как в 1043 г. снова Генрих III принимает русских послов, предлагавших ему в качестве жены дочь русского князя. Но, так как Генрих был уже женат, посольство вернулось, не выполнив своей миссии, хотя и с богатыми подарками.[65] Тем не менее между германскими государями и киевским княжеским домом установились родственные связи.

Один сын Ярослава, Святослав, был женат на сестре епископа Трирского Бурхарда, другой, Изяслав, по-видимому, в первый раз был женат на какой-то владетельной особе из Германии Гертруде. Какой-то из русских князей был женат на дочери саксонского маркграфа Оттона. После смерти мужа она вернулась в Германию, вышла замуж за баварского герцога Оттона, а свою дочь от русского князя (rex Ruzorum) выдала за Гунтрама. Не известный нам по имени rex Ruziae был женат на Одде, дочери графа штадтского Леопольда. После смерти мужа она с сыном Warteslau (Вратиславом, Вартиславом) вернулась в Саксонию, но сын ее вскоре уехал на Русь.

Кто были эти безвестные русские князья, сыновья или внуки Ярослава, мы не знаем. Во всяком случае брачные связи киевской княжеской семьи с германскими государями не были случайностью, а свидетельствовали об укреплении дипломатических сношений и торговых связей, установившихся еще в отдаленные времена и отразившихся, как было уже сказано, в Раффельштедтском уставе, в памятниках, относящихся к Регенсбургу.

Установились сношения и с далекой Францией. Дочь Ярослава Анна в 1049 г. или 1050 г. была выдана замуж за французского короля Генриха I Капета. Из Франции в Киев явилось за ней многочисленное посольство во главе с епископом. Мы не знаем, что заставило Генриха искать себе жену так далеко на Востоке. Но нельзя ли предположить, что после неудачного посольства в Германию в 1043 г. к Генриху немецкому Русь обратилась за тем же, т. е. за дипломатическим союзом в форме брака, во Францию, к Генриху французскому, и на этот раз удачно? После смерти Генриха Анна осталась во Франции, жила некоторое время в монастыре, затем вышла замуж за графа де Крепи и после кончины второго своего мужа вернулась к сыну, королю Филиппу. Это была энергичная и умная особа, умевшая управлять государством. Недаром на многих документах наряду с подписями ее мужа и сына встречаются ее подписи — «Agnae Reginae» и «Анна ръина» (Анна регина). Так, в далекой Франции Анна писала кириллицей, которой научилась в доме отца своего в Киеве, «книгам прилежа». Последний документ за ее подписью датируется 1075 г. Очевидно, вскоре она умерла.[66]

Завязались сношения с Англией. Сыновья убитого Канутом Великим английского короля Эдмунда Железный Бок Эдвин и Эдуард бежали в Швецию, а оттуда на Русь, где жили некоторое время при дворе Ярослава. Это было после 1016 г. Сведения об Эдвине и Эдуарде нам сообщает Адам Бременский. Об Эдуарде говорят и «Законы Эдуарда Исповедника», сообщающие, что Эдуард бежал в «страну ругов, которую мы называем Русией», где его покровителем, по Флоренцу Уорчестерскому, был «rex Suavorum», по «имени Malesclodus». Нет ничего удивительного в том, что Ярослав носит такое странное имя. Монах из Сен-Дени называет его Bullesclot, а другие — Julius Claudius (Clodius), что, скорее всего, является

искаженным Юрий (Jurius, Georgius) Sclavus.[67] Придет время, когда при внуке Ярослава англо-русские связи еще больше усилятся и закрепятся женитьбой Владимира Мономаха на дочери английского короля Гаральда Гите. Так распространилось на Русь английское влияние, появились англосаксы, скотты, ирландцы, проникло сказание от трех братьях, призванных из-за моря, кельтский и англосаксонский эпос.

О русско-венгерских связях мы знаем из венгерских источников. Они сообщают, что Владислав Лысый, свояк святого Стефана, отец Андрея, был женат на русской. Сыновья его Андрей и Левента после 1038 г. два раза были на Руси («ad regeni Lodomeriae», т. е. в Прикарпатье или на Волыни, и «ad Rusciam»). Эти русские связи Андрея привели к тому, что жена его была дочерью «русского князя». Какого — не знаем.[68]

Обычно считают, что женой Андрея была дочь Ярослава Анастасия, хотя прямых указаний на это нет. В эти годы Венгрия вела наступление на русские земли, лежавшие за Карпатами, в Потиссье и Трансильвании. Закарпатье издавна было заселено русскими. И во времена Владимира тут, где-то за Карпатами, по Тиссе и Попраду, лежали границы Руси Владимира («Lodomeriae», «Rusciae») с землями «Стефана Угрьского» и «Андриха Чешьского». И едва ли не с этих пор здесь начала распространяться «греческая вера», которой так упорно придерживалось русское население Закарпатской Руси в течение последующих столетий. «Греческая», «русская» вера, «русский» язык и культура сохранили «русский», т. е. собственно уже украинский, характер славянского населения Пряшева, Бардиова, Шароша, Спиша, Мароша, Ужгорода, Берега, Землина, Хуста и других земель Словакии и Угорской Руси (Закарпатской Украины).

В середине XI в. венгерские короли распространяют свою власть на восток до Карпат. Уже Генрих — сын венгерского короля Стефана Святого — в 1031 г. именуется «dux Ruizorum», и речь идет, конечно, не о Галиции, а о закарпатских русских землях, где спустя столетие появляется «Русская марка».[69] С той поры, за исключением небольшого периода времени при Льве Даниловиче, закарпатские земли входят в состав Венгерского королевства и становятся «Угорской Русью».

Киевская Русь времен Ярослава продолжала быть очень тесно связанной со Скандинавией. Норманны продолжали служить на Руси, в Гардарики, в Хольмгарде и Кенугарде, проходили через Русь в далекий Миклагард, служили посредниками между нею и другими странами Европы, и в частности Англией, подвергавшейся в те времена нападениям и завоеваниям норманских конунгов.

Мы уже знаем о героях Эдмундовой саги, служивших на Руси у Ярослава и Брячислава; мы знаем о другом помощнике Ярослава Якуне, т. е. Гаконе, который после неудачной Лиственской битвы вернулся к себе на родину, но его племянник, варяг Шимон, пошел по стопам дяди, который, кстати, изгнал его, и пришел на Русь к Ярославу, и тот «его же прием, в чести имяше и дасть того сынови своему Всеволоду, да будет старей у него; приа же велику власть от Всеволода». Это был отец знаменитого Георгия Шимоновича, опекуна Юрия Долгорукого.[70] Служит у Ярослава Эйлиф, сын Рагнвальда.[71] Изгнанный Канутом в 1029 г. прибывает на Русь, к Ярославу, Олаф Святой (Толстый), норвежский, а с ним вместе его сводный брат Гаральд и Рагнвальд, сын ярла Бруси, и множество других викингов.[72] Возвращаясь на родину в 1030 г., Олаф Святой оставил на

попечение Ярослава и Ингигерд своего маленького сына Магнуса. Князь и княгиня окружили его заботой. Когда в 1032 г. норвежские вожди явились в Киев просить Магнуса стать их королем, Ярослав и Ингигерд отпустили его, но взяли с норвежцев клятву быть верным Магнусу. С их помощью Магнус стал норвежским королем. Мы уже знаем, что вторично Ярослав был женат (первой женой его была Анна) на дочери шведского короля Олафа — Ингигерд (Ирине). Быть может, в 1016 г. в составе ее свиты и прибыли на Русь Эдуард и Эдвин, некоторое время после бегства из Англии жившие в Швеции. В 1031 г. на Русь приехал брат Олафа норвежского Гаральд Гардрад (Смелый), сын Сигурда, знаменитый викинг. Саги рассказывают о том, как после гибели своего брата в битве при Стикклестаде (1030 г.) Гаральд Гардрад уехал на Русь, принимал участие в войнах Ярослава с ляхами (Laesum) в 1031 г., а затем отправился в Константинополь, Миклагард, где и вступил в русский отряд, сражавшийся в то время, как мы уже знаем, в Малой Азии. Гаральд сражался в Сарацинской земле, Серкланде, в Сицилии, бок о бок с русскими и своими соотечественниками — норвежцами — под руководством Георгия Маниака, которого саги по-русски именуют «Гиргир» или «Гирги», брал в 1034 г. вместе с другими воинами русско-норманского происхождения Эдессу и Перкри, ходил в «Блааландию», страну негров, на Нил, в Александрию, совершил паломничество в Иерусалим. В 1040 г. мы застаем его норманский отряд в битвах с болгарами, в Солуни. С его именем связаны знаменитые рунические надписи на Пирейском льве, где он выступает под именем Гаральда Высокого. Он принимал участие в ослеплении императора Михаила V Калафата в 1042 г. и вскоре после этого вернулся в Киев. Саги о Гаральде говорят, что все эти подвиги он совершил для того, чтобы «русская девушка с золотой гривной» — Елизавета (Ellisif) Ярославовна — перестала его презирать и согласилась стать его женой. Как истинный рыцарь, он пошел за море, чтобы мечом прославить свое имя и добыть «на вено» за Елизавету бесчисленные богатства. Во всяком случае из Миклагарда Гаральд снова попадает в Киев, женится на Елизавете Ярославовне и уезжает на север, где вскоре становится норвежским королем.[73]

Мы закончили свой обзор внешних сношений и международных связей Киевской Руси времен Ярослава Мудрого. Русь стремительно шла вперед. Смело и решительно выступила Русь на арену мировой дипломатии и международных сношений и повелительно заняла свое место в семье христианских государств Европы.

Русь не отгородила себя китайской стеной от Запада. Она вступила в сношения с Западом, торговала с ним и воевала, заключала дипломатические браки и политические союзы, совершала совместные походы и воспринимала культуру западных стран, принимала и направляла посольства.

Но огромная и могучая Киевская держава не шла на поводу у Европы. Она не была отсталой страной, и поэтому ей особенно нечего было заимствовать. Она во многом стояла выше Скандинавии, Польши, Венгрии и мало в чем уступала странам далекого Запада. Недаром Киев, по Адаму Бременскому, — «соперник Константинополя» и лучшее украшение «Греции»; недаром Титмар Мерзебургский говорит о нем как о крупнейшем городе, подлинном мировом центре; недаром норманны восхищались богатой, усеянной городами Гардарикой, а Теофил, говоря о расцвете реме-

сел и искусства, среди стран, особенно прославившихся ими, отмечает Византию и Русь.

Международное положение Руси укрепляется и удельный вес ее в системе государств Европы и Востока неизмеримо возрастает. Свидетельством этого является развитие зарубежных связей Руси. Пусть приведенные нами сведения, касающиеся дипломатических отношений и брачных союзов, отрывочны и скудны, но они являются свидетельством постоянно растущих и крепнущих международных связей Руси. И не является ли показательным то, что в знаменитой битве при Гастингсе из трех Гаральдов, участвовавших в ней, два были тесно связаны с русской княжеской семьей? Один был мужем Елизаветы Ярославовны, а другой — отцом жены Владимира Мономаха Гиты Гаральдовны.

И огромной силой и верой в Русь дышат слова первого из русских митрополита Иллариона, величайшего писателя, публициста и патриота своего времени, обращенные к старым русским князьям: «Похвалим же и мы по силей нашей малыми похвалами великая и дивная сотворившего, нашего учителя и наставника, великого кагана нашея земля Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, иже в свое лета владычествующа, мужьством же и храбрьствомь прослуша в странах многах и победами и крепостию поминаются ныне и словуть. Не в худе бо, и не в неведоме земли владычьствоваша, но в русьской, яже видима и слышима есть всеми коньци земля». «Кого бо тако бог любит, яко же нас возлюбил есть, — восклицает Илларион, — кого тако почел есть, якоже ны прославил есть и вознесл? Никого же!» И эти слова его в известной степени отражали представление русского человека о той роли, которую играла Киевская держава в политической жизни тогдашнего мира.

Несколько слов о самом Ярославе.

Работы Д. Г. Рохлина, В. В. Гинзбурга и М. М. Герасимова, связанные с изучением скелета Ярослава Мудрого, обнаруженного в Софийском соборе в Киеве, дают нам представление о внешнем облике Ярослава. Выше среднего роста, среднего телосложения, прихрамывающий с детства, что не мешало его ратным подвигам, впоследствии Ярослав получил тяжелую травму, на всю жизнь сделавшую его «хромцем», и это способствовало превращению его из князя-воителя в князя-строителя, «книжного» человека, законодателя, тем более что такого рода его деятельность была обусловлена историческим развитием древнерусской государственности. По расовому признаку Ярослав принадлежал к славянам типа словен и северян, причем в нем сочетаются признаки северного, славянского или нордического типа, с признаками короткоголового населения юга Руси, характерного еще для сарматских времен. Некоторые особенности его скелета заставляют сделать вывод о живости его характера, склонности к вспышкам, раздражительности, бурной реакции. Скандинавские саги рисуют его умным, властным, энергичным, скуповатым, осторожным, хитрым, умеющим сдерживать себя даже в минуты вспышек. Таким образом, казалось бы выводы, которые мы можем сделать из рентгенологического и анатомического анализа скелета Ярослава, не полностью сходятся с характеристикой Ярослава в сагах. Но в «Morkinskinna», исландском своде саг XIII в., Ярослав выступает с теми признаками, которые должны были бы определять его, судя по рентгенологическому и анатомическому анализу. Он — человек

импульсивный, экспансивный, эмоциональный, самолюбивый, крутой, суровый, раздражительный, но в то же самое время отходчивый, добрый, его легко уговорить. Это совпадение свидетельств «Morkinskinna» с данными научного изучения останков Ярослава свидетельствует о том, что в основе «Morkinskinna» лежал какой-то источник, отразивший достоверные древние воспоминания о Ярославе, тогда как Эймундова сага, более всего говорящая о нем, является тенденциозной, так как освещает Ярослава, его нрав, характер и поступки только с точки зрения норманских наемников.[74]

В нашей летописи, в произведениях Иллариона и Нестора Ярослав выступает «книжным» и «христолюбивым» князем, покровителем просвещения, образования и монашества («мужь правьден и тих, ходяй в заповедех божьих»), и книжная, а не народная традиция назвала его Мудрым. Он отличается от отца, героя русского народного эпоса, уже хотя бы тем, что не обладает теми качествами, которые его могут сделать таковым.

Он — законодатель, строитель, книжник, покровитель духовенства, монашества. При нем «нача вера хрестьянска плодитися и расширяти», укреплялась княжеская власть, крепла и расширялась княжеская администрация, воздвигались города, храмы, дворцы, прокладывались дороги, устанавливались зарубежные связи, создавался первый свод русских законов — «Русская Правда». «Строй» и «устав» «земляные» выходят на авансцену и, оттесняя «рати», повелительно занимают на ней первое место.

Таков был внешний и моральный облик Ярослава Мудрого.

Фрески Киевского собора, летописи, саги говорят о семье Ярослава. Первой женой Ярослава, умершей рано, в возрасте 30—35 лет, была Анна. Она была погребена в Софийском соборе в Новгороде и в 1439 г. канонизирована. С. М. Соловьев полагал, что сыном Ярослава от Анны и был его первенец Илья.[75] Мать и сын скоро умерли, и Ярослав женился вторично, на Ингигерд. Сыном Анны считает Илью, умершего в 1020 г., и М. С. Грушевский.[76] Выше нами было сказано, что Илья, по-видимому, был первым сыном Ингигерд, но считать этот вопрос решенным нельзя. Второй женой Ярослава была Ингигерд, дочь шведского короля Олафа Скетконунга, принявшая на Руси имя Ирины. Она была моложе мужа и умерла раньше него, в 1050 г., лет 55—56, и позже была погребена рядом с мужем в Киевском Софийском соборе.

Мать Ингигерд была, по Адаму Бременскому, вендкой, т. е. западной славянкой из племени ободритов. Правда, саги говорят о том, что она была шведкой. Судя по костяку Ингигерд-Ирина была высокая женщина, с северным типом черепа.[77]

Таким образом, исследование костяков Анны в Новгороде и Ингигерд (Ирины) в Киеве, а нет оснований сомневаться в том, что подвергнутые анализу скелеты принадлежат Ярославу, Ингигерд и Анне, опровергает предположение А. Е. Преснякова, что Ингигерд, Ирина и Анна — одно и то же лицо, так как Ингигерд на Руси стала Ириной, а перед смертью она приняла иночество с именем Анна.[78]

Наличие двух погребений говорит и о двух женах Ярослава. Но, быть может, рядом с Ярославом [а сомневаться в том, что костяк принадлежит Ярославу, не приходится, так как прихрамывание с детства («бе естеством таков от рождения») и новая травма, сделавшая его хромым («хромьцемь») говорят о том, что в мраморной гробнице Софийского собора ле-

жат действительно останки Ярослава] была похоронена одна из его дочерей? Эту возможность мы исключаем, так как ни Анна, ни Елизавета, ни полумифическая Анастасия на Русь не возвращались.

Семья Ярослава была довольно многочисленной. Два сына его (Илья и Владимир) и обе жены умерли еще при жизни Ярослава. К концу его жизни оставались в живых сыновья Изяслав, Святослав, Всеволод, Игорь, Вячеслав и дочери Анна, Елизавета и предполагаемая Анастасия, которые покинули Русь и проживали за рубежом. Ярослав умер 20 февраля 1054 г. Смерть не застала его врасплох, как Владимира. Его любимым сыном был Всеволод. «Бе бо любим отцемь паче всея братьи».[79] Понятно, почему отец выделял Всеволода. Широко образованный (он знал пять языков), умный, искусный дипломат византийской ориентации, он в то же время был смел и решителен. Недаром саги, знающе его и под именем Vissivaldr-a и Holti, именуют его Смелым (inn froekni).[80] Но, памятуя события начала своего княжения, Ярослав завещает киевский стол не ему, а старшему сыну Изяславу, который и должен быть «старейшим», «в мене место». Ему же принадлежали Турово-Пинская земля и Новгород. Святослав, сидевший перед тем на Волыни, получил Чернигов, земли радимичей и вятичей, т. е. всю Северскую землю, Ростов, Суздаль, Белоозеро, верховья Волги и Тмутаракань; Всеволод получил Переяславль, Игорь — Волынь, а Вячеслав — Смоленск.[81]

Внук Ярослава Ростислав Владимирович сидел в «Червенских градах», в Галицкой земле, а в Полоцке правил «Рогволожий внук» — Всеслав Брячеславович, Всеслав полоцкий, князь-волхв, князь-чародей.

Грозные призраки распада Киевского государства становились все яснее и отчетливее. Это видел и Ярослав. Недаром перед смертью обращается к сыновьям, говоря им: «Имейте в собе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери; да еще будете в любви межю собою, бог будеть в вас и покорить вы противныя под вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, в распрех и которающеся, то погыбнете сами, и погубите землю отець своих и дедов своих, юже налезоша трудомь своимь великым, но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в собе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыев, сего послушайте, яко же послушаете мене, да той вы будеть в мене место...».[82] Пусть эта речь в деталях есть плод морализирующего летописца, выступающего противником раздробления и ослабления Руси и княжеской «которы», но у нас нет оснований сомневаться в том, что ее смысл является содержанием своеобразного завещания Ярослава детям, далеким предшественником «Поучения детям» внука Ярослава Мудрого — Владимира Мономаха.

То же самое развитие производительных сил (рост ремесел и торговли, земледелия и промыслов, разделение труда и отделение города от деревни и т. п.), которое превратило патриархальную варварскую Русь в Русь феодальную, а бесчисленных князьков — старейшин племен, родов и общин, всех этих «лучших мужей» родоплеменного строя, в феодализирующуюся и феодальную господствующую знать, в класс феодалов, варварскую предгосударственную Русь в феодальное Киевское государство, сплотило племенные земли, области, города и веси в единую, хоть и примитивную, древнерусскую державу, к середине XI в. приводит к распаду Киевского государства.

Развитие феодального землевладения и феодальных отношений, так ярко представленное в «Русской Правде» Ярославичей, рост экономиче-

ского и политического могущества отдельных областей во главе с крупными городами — Новгородом, Черниговом, Переяславлем, Ростовом и т. д. — постепенно подтачивают единство «готической Руси» — Киевского государства.

Выросшее в отдельных областях Руси боярство стремится стать их полновластным хозяином и, сплотившись вокруг «своего» князя, обзаведшегося здесь, на месте своего посажения, в земле «отчич и дедич», всякой «жизнью», «гобином», землями и угодьями, дворами и челядью, проникшегося не общерусскими, а местными, «земскими», интересами, пытается отложиться от Киева, который отныне становится помехой для самостоятельного развития этих областей и земель, в скором времени превращающихся в княжества, маленькие «феодальные полугосударства» (Сталин), «национальные области» (Ленин). Бояре-дружинники перестают воевать «чужие» земли, ища в них славы и добычи, они предпочитают «промышлять» в своих землях, осваивать земли и угодья «сельского людья», экспроприируя их и получая в качестве дара от князей, а самих «людий» превращая в рабочую силу своего домена. Они закабаляют сельский люд — общинников и путем «ряда» и «купы» превращают их в своих слуг и челядь. Каждая область Киевской державы превращается в гнездо боярских вотчин. Судьба Киева перестает интересовать не только новгородское, ростовское, черниговское, галицкое и прочее боярство, но и самих новгородских, ростовских, черниговских и галицких князей — «Рюриковичей». Они стремятся отделиться от Киева, создать независимые княжества.

Отсутствие органической связи между отдельными русскими землями, отсутствие экономической общности — все это, делавшее объединение земель, достигнутое Киевским государством, непрочным и непродолжительным, было знамением грядущего распада.

И он наступил. Наступил в силу дальнейшего развития феодализма, в силу того, что, подобно тому как Руси варварской, Руси полупатриархальной-полуфеодальной соответствовала единая и могучая, но скороспелая и лоскутная Киевская держава первых «Рюриковичей», так и Руси феодальной, Руси «Русской Правды» Ярославичей и «Устава» Мономаха соответствовала система феодальной раздробленности, установившаяся в Восточной Европе при внуках и правнуках Ярослава.

Феодальная раздробленность была показателем развития производительных сил, показателем развития феодализма, но она же на определенном этапе стала тормозом для их дальнейшего развития, для роста ремесел, промыслов, торговли, городов, для новых форм феодального землевладения и организации феодального хозяйства и была ликвидирована самим историческим развитием России.

Она же способствовала упадку Руси, ослабила Русскую землю, умалила ее международное значение, сделала добычей соседних враждебных государств и орд кочевников. Русь «теряла целые области вследствие интервенции соседних народов» (К. Маркс), надолго, на столетия, подпадавшие под иго иноземцев.

Так действовали центробежные силы, разрывавшие на части Киевское государство.

Начался «закат готической России» (К. Маркс).

Глава IX

КИЕВСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В заключительной главе своей работы я хотел бы поставить четыре вопроса, а именно:

1. Роль варягов в образовании древнерусского государства.
2. Термины «Русь», «русы», «рос».
3. Проблема древнерусской народности.
4. Значение эпохи Киевского государства в истории великорусского, украинского и белорусского народов.

Казалось бы, в свете литературы, вышедшей из-под пера наших советских историков, да и после ряда суждений, высказанных в настоящей работе, автору ее во всяком случае нечего возвращаться к варяжской проблеме. Тем не менее все же некоторые вопросы нуждаются в уточнении.

Варяжская проблема очень сложна и переросла спор между норманистами и антинорманистами. Издавна русский народ пытался осмыслить свой исторический путь, процесс складывания своей государственности, процесс развития своей культуры, и в основу наших древних летописей киевской поры легли византийские хроники и юридические памятники, народные предания и сказания, погодные записи и рассказы очевидцев.

Шли века. Создавались многочисленные местные летописи, складывались общерусские своды. С гордостью говорили они о Руси, о народе русском, о славном пути, пройденном им. Появлялись исторические повести: «История о великом князе Московском» князя Андрея Курбского, «Степенная книга», «Хронограф», увязавшие историю Москвы со всемирной историей; складывались многочисленные «Повести», «Сказания» и «Временники». В XVII в. были написаны «История» дьяка Грибоедова и «Синопсис» Иннокентия Гизеля.

Наивность, несовершенство методов исследования нисколько не умаляют значения этих первых исторических трудов. Они свидетельствовали о патриотизме, о чувстве национальной гордости, об интересе к далекому прошлому земли Русской, о большой кропотливой работе по подбору источников и их осмыслению в рамках научных представлений той поры.

Все умножающееся число всевозможного рода исторических произведений говорило о непрерывно растущем интересе к истории своего народа среди образованных людей Древней Руси, а многочисленные былины и сказания, эта история народа, рассказываемая им самим, свидетельствова-

ли о стремлении широких народных масс сохранить предания родной старины и передать их своим далеким потомкам.

Чувством величайшей гордости за свое прошлое, за свой народ, за его героическое дело, за землю Русскую веет от этих первых исторических произведений.

Но когда для работы в организованной по инициативе Петра Великого Академии наук прибыли первые ученые немцы и взяли в свои руки дело изучения истории русского народа, эти самодовольные, смотревшие свысока на все русское немецкие «культуртрегеры» попытались немедленно по-своему осмыслить русский исторический процесс и место русского народа среди других народов Европы.

Кенигсбергский ученый Байер положил начало течению в исторической науке, получившему название норманизма. С его легкой руки Штрубе-де-Пирмонт, Миллер, Шлецер, Щербатов, а позднее Погодин, Куник, Браун и другие доказывали норманское, скандинавское происхождение Руси, создание скандинавами-варягами, «русью», государственности на Волхове и на Днепре, а крайние норманисты утверждали «дикость» восточнославянских племен до «призвания варягов», говорили об их неспособности организовать свое государство, о том, что своей культурой, своей цивилизацией, государственностью, т. е. буквально всем, восточнославянские, русские племена обязаны скандинавам-варягам.

Принеся методы научного исследования, используя легендарный рассказ летописца о призвании варягов, Байер, Шлецер и другие немецкие ученые, жившие и писавшие свои труды в России, привлекли на свою сторону многих русских ученых и создали определенное направление в исторической науке — норманизм. Особенностью этого направления было, по сути дела, признание превосходства иноземного, в частности германского, над русским.

Такого рода состояние исторической науки полностью соответствовало положению, занимаемому прибалтийскими и прочими немцами при дворе и вообще во всей политической жизни России XVIII—XIX вв.

Но уже тогда поднял свой голос в защиту национальной гордости русского народа «солнце науки русской» Михайло Ломоносов. Он указал на внутренние силы, свойственные русскому народу, которые дали ему возможность без посторонней помощи подняться из «небытия» и встать во весь свой исполинский рост, на ошибочность норманистических предпосылок Байера и Миллера, построенных «на зыблющихся основаниях», на их рассуждения, «темной ночи подобные» и оскорбительные для чести русского народа. В Ломоносове говорил не только историк, но прежде всего патриот. Он отмечал, что у Миллера «на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают...». «Сие так чудно, — добавляет он, — что если бы г. Миллер умел изобразить живым штилем, то он бы Россию сделал столь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен».

Не менее резко отзывался он и о Шлецере, говоря: «... из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная в них скотина».

Его «Древняя Российская история» была первым трудом антинорманиста, трудом борца за честь русского народа, за честь его культуры, языка, истории, трудом, направленным против теории немцев — историков Рос-

сии. Ломоносов пытался дать историю русского народа, именно народа, а не князей, показать его место среди других народов, великое международное значение Древней Руси. Он знал прошлое Руси, верил в силы русского народа, в его светлое будущее. Он знал, что

«...может собственных Платонов
и быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать».

Ломоносов положил начало антинорманистскому направлению в русской исторической науке, заставил многих позднейших исследователей по-иному подойти к русскому историческому процессу, вырвал историческую науку из «немецкого пленения».

«Честь российского народа требует, чтобы показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не только в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний», — писал Ломоносов и всей своей жизнью доказал глубокий смысл и правдивость этого изречения. Михайло Ломоносов — больше чем ученый, чей зоркий взгляд и гениальный ум предвосхитил «развитие и течение» наук на столетия вперед, он — великий человек русской земли, великий сын русского народа.

Закатилось «солнце науки русской», но лучи его осветили путь русским ученым на много десятилетий вперед. «Великое борение» Михайлы Ломоносова с немецкими псевдоучеными Академии наук открыло дорогу в науку другим представителям исторической науки, стремившимся показать истинную роль русского народа в русской истории. Венелин, Забелин, Гедеонов, Иловайский выступили с рядом тезисов, долженствующих опровергнуть ставшую официальной норманскую теорию. И если позитивная часть их работ часто вызывает сомнения и была построена зачастую на домыслах, граничащих с фантазией, и больше утверждала, чем доказывала, то критическая часть, направленная против норманизма, сыграла большую роль в развитии исторической науки.

За ними выступил М. С. Грушевский со своими капитальными трудами, поставивший спор с норманистами на должную высоту, свободный в своих исследованиях от фантастических построений, обусловливаемых часто велениями чувств, а не разума, что было ахиллесовой пятой антинорманистов XIX в. и давало возможность их противникам, бросая в бой тяжелую артиллерию своей научной аргументации, не только опровергать взгляды антинорманистов, но и открыто издеваться над их «варангомахией».

Современная советская историческая наука, обогащенная методом исторического материализма, учением Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, вооруженная всеми видами источников, со всей наглядностью показывает величественное и героическое прошлое русского народа, его борьбу за самостоятельность и независимость, международное значение России на всех этапах ее исторического развития и выявляет вклад национальной русской культуры в сокровищницу человеческой культуры.

В этой же плоскости советская историческая наука разрешает и варяжскую проблему. Но она не становится ни на тенденциозные позиции норманистов, строивших свои исследования на основе огромного фактического материала и в совершенстве владевших методами научного анализа,

ни на точку зрения антинорманистов, доходивших в своей «варангомахии» до геркулесовых столбов и, что характерно для родоначальников этого направления, зачастую подменявших источники размышлениями, научный спор — постулированием аксиом, руководившихся зачастую велениями сердца, а не достижениями науки. Советская историческая наука идет своим путем объективного исторического исследования, и в ее распоряжении находятся материалы и источники, не известные ученым времен борьбы антинорманистов с норманистами.

Мы не намерены заниматься варягоборством и, подобно антинорманистам, выплескивать из купели вместе с водой и ребенка, отрицая действительное значение норманнов в русской истории. Слишком зримо ощутимы следы норманнов в Древней Руси, для того чтобы отрицать их роль в образовании и развитии древнерусского государства или превращать варягов в литовцев, финнов, западных славян.

Находки вещей норманского происхождения (норманские мечи франкской работы, о которых говорят восточные писатели, норманские фибулы, украшения, оружие), скандинавские могилы, предметы религиозного культа, вроде знаменитых молотков Тора, подвешенных к шейному обручу, несомненные следы норманских колоний в русских городах и около них (Смоленск — Гнездово, Старая Ладога и др.), остатки скандинавских поселений временного характера у Ладожского озера, по Сяси, Паше, Ояти, у Ярославля, где следы норманнов уже не так ясны и отчетливы, как в городских центрах, наличие на Руси топонимики скандинавско-варяжского происхождения, заимствования в русском языке из скандинавских языков (ящик, гридь, кербь, кнут, лавка, ларь, луда, рюза, скиба, скот, стул, стяг, суд, тиун, шнека, ябетник, якорь), рунические надписи на Руси и о Руси, прямые указания русских, византийских, западноевропейских, восточных и скандинавских источников о норманнах в Восточной Европе — все это говорит о весьма существенном значении скандинавов в истории Руси.[1] Но ни о какой колонизации норманнами Восточной Европы не может быть и речи. Тем более нелепой следует считать теорию «Bauernkolonisation», ибо никаких следов сельской колонизации скандинавов нигде не обнаружено.

Нет никаких оснований говорить о завоевании Руси норманнами или о «широком процессе норманской колонизации на Востоке» (В. А. Мошин).

Изложенное нами выше свидетельствует о том, что русская культура и государственность являются результатом внутреннего развития славянских племен Восточной Европы и тех этнических группировок финно-угорского, литовского, тюркского и прочего происхождения, которые были ассимилированы славянами и выступали такими же строителями русской державы, как и славянские обитатели Среднего Приднепровья. В такой роли выступают, по-видимому, колбяги (kylfingar, kulfingar, Κουλπὶγγων), военно-дружинная верхушка води или какого-либо другого «чудского» племени, создававшего вместе со знатью славянских кривичей и словен русскую государственность на берегах Волхова.

Варяги-норманны не могли насадить на Руси свою культуру, законы, государственность прежде всего потому, что у себя в далекой Скандинавии они находились на том же, а во многом на более низком уровне общественного и культурного развития, чем Древняя Русь. На последнюю

имела большое влияние с давних пор древняя античная, греческая и римская, а затем, позднее, византийская и восточная цивилизации, что уже тогда включило славянское и неславянское население Восточной Европы в орбиту влияния Средиземноморского и Восточного очага человеческой цивилизации, тогда как далекая, суровая Скандинавия, порождая предприимчивых и храбрых конунгов, викингов-воинов и мореплавателей, жадных и воинственных искателей славы и добычи, прославившихся своей яростью берсеркеров, была далека от основных очагов культуры и прогресса, и военные качества ее сыновей отнюдь не могли заменить им начатки знаний, права, образованности и культуры.

В области развития материальной и духовной культуры, в области развития государственности Скандинавия стояла не выше, а ниже Руси, через которую она и познакомилась с богатствами и цивилизацией Византии — Миклагард и Востока, страны сарацин, произведших на сыновей суровой и холодной страны ошеломляющее впечатление. Недаром в скандинавских сагах, несомненно верно отразивших представление широких народных масс северных стран о Руси, эта последняя, Гардарики, выступает страной несметных богатств, дорогих товаров, искусно изготовленных вещей, бесчисленных городов, величественных зданий, служба конунгам которой сулит почет, славу и богатство. Общий тон поэзии скальдов несомненно правильно отражает взаимные связи Руси и Скандинавии. Руси нечего было заимствовать у скандинавов, а те заимствования, которые имели место в действительности в языке, праве, в материальной культуре, в эпосе, очень незначительны и свидетельствуют только о деятельности норманнов на Руси, а не об их культуртрегерской миссии. Поэтому варяги-норманны не могли быть создателями Русского государства, так как государство и государственная власть отнюдь не были прерогативой выходцев из Скандинавии, а сложились в Восточной Европе в результате общественного развития славянских племен. Варяги на Руси действительно создавали свои княжения, вроде Полоцкого княжества Рогволода, но они не были единственными ростками грядущей русской государственности, ибо ее истоки восходят к русскому каганату начала IX в., к прикарпатскому предгосударственному варварскому образованию дулебов-волынян, ко временам антов, а это является убедительным свидетельством того, что русская государственность была результатом внутренних процессов общественного развития славян, а не завоевания.

И невольно хочется привести известное место из речи Ф. Успенского, где он говорит: «Если все это сделали норманские князья со своей скандинавской дружиной, то они похожи на чародеев, о которых рассказывается в сказках».[2]

Но конунги и викинги не были чародеями. Они были простыми смертными. На Русь устремились волны скандинавских искателей славы и добычи. На первом этапе своего проникновения в землю восточных славян и финнов они выступали в роли грабителей, совершавших нападения на племена севера Восточной Европы.

Конец этому был положен созданием союза словен, кривичей, чуди, мери и веси, созданием варварского, догосударственного политического образования в Приильменье и Приладожье, известного на Востоке под названием «Славии».

Начинается второй этап проникновения норманнов в Восточную Европу. Они выступают в роли купцов и воинов-наемников. И в этой роли они и выступают в Новгороде в качестве узурпаторов власти и кладут начало русской правящей династии «Рюриковичей», скандинавское происхождение, окружение и связи которой не могут быть взяты под сомнение.

Как колонизаторы варяги были очень слабы. В их рядах не было женщин. Исключение быть может, составляют только варяжские княжеские семьи (Рогнеда — Ragnheidr, Ragneidr в Полоцке, Ольга — Helga в Пскове, Малфредь — Malmfridr, Malfridr).

Дети, рожденные в браках со славянками, носили уже славянские имена и становились русскими, славянами. Варяги-норманны быстро поглощались славянской средой и ассимилировались славянами. «Сами вожди весьма быстро смешались со славянами, что видно из их браков и их имен» (К. Маркс). Поэтому влияние норманнов на культуру, быт, верования, язык, обычаи русских так незначительны. Не признавая в варягах создателей русской государственности, мы не собираемся идти по пути «варангомахии» и отрицать значение норманнов в складывании конкретной державы на берегах Волхова и Днепра.

Узурпировав власть в Новгороде, варяги в постоянном стремлении к источникам богатств, дразнившим воображение скандинавских варваров, к Миклагарду, делают торной дорогу из Новгорода в Киев, а следовательно, и из «варяг в греки» и объединяют бесчисленных «светлых и великих» князьков русских и нерусских племен Восточной Европы, всю эту племенную, родовую и общинную знать, выступающую пред нами в источниках под названием «лучших мужей», бояр, «старой», или «нарочитой, чади».

Войдя в состав славянской верхушки и растворяясь в ее среде, они выступают в роли катализаторов и предстают под своими норманскими именами в источниках Киевской поры как «слы», «гости», дружинники.

В славянской среде, в среде верхушки финно-угорских, литовских и тюркских племен, принявших участие в образовании древнерусского государства, они растворяются почти бесследно, если не в первом, то во втором поколении во всяком случае, и сохраняют свое господствующее положение на Руси только в силу того, что они сливаются с русской варварской феодализирующейся верхушкой.

Славянизируется и сама княжеская семья, в числе членов которой уже во времена Игоря — подлинные русские по именам, языку и культуре. Таким русским, славянином, был Святослав.

Скандинавская династия удерживается на Руси и господствует опять-таки только потому, что она русифицируется, ославянивается и, обрусев, опирается на русскую знать, использует русские правовые институты, придерживается русских обычаев, нравов, религии, говорит на русском языке и враждебно относится к попыткам новых скандинавских авантюристов, купцов и воинов-наемников, пытающихся повторить при Владимире и Ярославе то, что удалось их предшественникам в начале второй половины IX в. в Новгороде, хотя и не отказывается от их услуг.

Русские князья, Владимир и Ярослав, посаженные на трон в значительной степени силой варяжского оружия, избавляются от наглых варяжских наемников: первый — при помощи «воев» Руси Приднепровской, а второй — опираясь на новгородцев.

Характерно то, что сами варяжские викинги, служившие в Хольмгарде и Кенугарде у русских князей, забыли об их скандинавском происхождении и, судя по сагам, знают их только как русских князей под их русскими именами, делая исключение лишь для Всеволода (Holti) и для Мстислава Владимировича, сына Мономаха, которого они знают только под скандинавским именем Гаральда.

Очевидно, у этих русских князей были только русские (Владимир, Ярослав) и христианские имена (Василий, Георгий). Скандинавских имен они не носили, так как считали себя, совершенно справедливо, русскими, славянами, а не норманнами. Если бы варяги-скандинавы были подлинными основателями Киевского государства, такой ассимиляции быть бы не могло. По-прежнему продолжались бы русско-скандинавские связи, при которых норманны играли бы не подчиненную, как это имело место в действительности, а решающую роль. Мы видели бы следы скандинавского права, влияние его на русские законы. Между тем все, что нам известно в этой области, все, что говорит о русско-скандинавских связях, объясняется лишь в очень незначительной степени заимствованием, а более всего — одностадиальностью. Всем этим мы не думаем исчерпать варяжский вопрос, но полагаем себя вправе заявить, что приведенного достаточно для того, чтобы не считать норманнов создателями древнерусского государства. Не они вызывали условия, породившие государство. Они, эти условия, были созданы ходом общественного развития русских племен Восточной Европы. Норманны только определили время и географический абрис древнерусского государства, связав, и то не самостоятельно, а в составе русской верхушки и знати финно-угорских и литовских племен, русифицирующейся и сливающейся со славянской, отдельные политические варварские предгосударственные образования, земли, области, города и бесчисленные верви, миры, веси и погосты в нечто единое, чему было имя — Русское государство.

Нам могут возразить: но почему же всюду в источниках норманские имена? Да по той простой причине, что источники эти совершенно определенного характера и их состав и происхождение таковы, что они отражают деятельность только самой подвижной части верхушки Руси — варягов, которые по самому характеру своей деятельности, по той роли, которую они играли в качестве наемников русских князей, в жизни русской земли выступали в качестве «слов», «гостей» и «воев», посылались гонцами, участвовали в посольствах, воевали, направлялись в дальние поездки, торговали, добывали мечом военную добычу, ходили в полюдье и т. д.

Такова была истинная роль варягов в истории Древней Руси. Не они были создателями русской культуры и государства. Но, быть может, они дали свое имя восточному славянству — «русские», «русы» и их государству — «Русь»?

Ведь такого же рода явления имели место в истории стран и народов. Германские франки дали начало названию романцев — французы и наименованию их страны — Франция, подобно тому как тюрки — аспаруховы болгары, растворившись почти без остатка среди славянского населения восточной части Балканского полуострова, передали свое название славянскому населению этого края и положили начало наименованию страны — Болгария.

И национальная честь французов нисколько не страдает от того, что их название происходит от наименования одного из племен «бошей», точно так же как болгарина нисколько не обижает происхождение его народного имени от названия древней тюркской, болгарской кочевой орды, давно исчезнувшей, ославянившейся, чья речь, близкая чувашской, звучала некогда на Дунае и Альте.

Дело, таким образом, не в том, наносит ли нам, русским, оскорбление происхождение названия «русские», «Русь» от каких-то скандинавских переселенцев в Восточную Европу или мы можем примириться с чужеземным происхождением своего народного названия.

Летопись заявляет, что варяги, которые пришли в Восточную Европу, были из племени «Русь»: «аще бо тии звахуся Варязи Русь». Но Русью не называл себя ни один скандинавский народ, ни одно норманское племя, ни одна хроника, ни одна грамота; ни одно «житие», ни одна географическая карта не знают в Скандинавии «Руси» и «русов» — «руссов»; ни в одном западноевропейском источнике мы не встречаем никаких следов скандинавской «Руси»; не знает ее и поэзия скальдов.

Правда, в Швеции есть область Rother, Rothin, Rothsland. Жители этой области носят название rothskarlar, rotsmen. Часть береговой полосы этой области называется Roslagen, а жители этой прибрежной полоски именуются rotsmen, причем термин ropsmaen в Швеции по аналогии с норвежским ror(s)sfolk, rorsmaen означал не гребцов, а береговых жителей.[3]

Вот это-то наименование береговых, прибрежных жителей, первыми проникшими на восточный берег Ботнического залива, и закрепило за шведами в финском языке название «ruotsi», что якобы и положило начало закреплению за шведами того же термина и среди восточнославянских племен.

Тот неоспоримый факт, что финны зовут русских их древним именем венедов (vënäjä), а шведов — ruotsi, свидетельства некоторых византийских и западных источников (Бертинские анналы, Иоанн Диакон, Лиутпранд, Симеон Логофет), считающих русов норманнами (или, как Симеон Логофет, франками, т. е. германцами), скандинавский характер имен «слов» и «гостей», выступавших от «рода рускаго», и скандинавский же характер «русских» названий Днепровских порогов у Константина Багрянородного, противопоставление в произведениях восточных писателей и в нашей летописи «руси» — «славянам», «словенам», «русов» — «сакалибам» — все это в совокупности, казалось бы, говорит за то, что действительно в Восточной Европе IX—X вв. русами называли норманнов, взяв для обозначения этих северных варваров то их имя, которое было дано им финнами, раньше познакомившимися со скандинавами, нежели славяне. Причем в основу термина «ruotsi» было положено шведское rotsmen, т. е. житель побережья, человек с берега.

Можем ли мы согласиться с подобного рода утверждением? Можем ли мы считать, что термин «Русь» превратился в Восточной Европе в название многочисленного народа и целой страны, будучи привнесен в язык этого народа, народа славянского, из речи финнов, куда он, в свою очередь, попал из шведского, в котором обозначал малочисленных обитателей прибрежной полоски одной области Скандинавии, не оставившей о себе никаких следов ни в источниках, ни в топонимике, ни в эпосе? Можно ли считать русов скандинавами, и только ими одними? Нет.

Действительно, если обратиться к источникам, на первый взгляд покажется, что в них мы найдем противопоставление русов славянам, и таким образом, казалось бы, должны прийти к выводу о том, что русские — не славяне.

В самом деле, чем характеризуются русы? Русы не имеют «ни недвижимого имущества, ни деревень, ни пашень» (Ибн-Росте); «пашень Русь не имеет и питается лишь тем, что́ добывает в земле Славян» (Ибн-Росте). Зато у них много городов, они воинственны, драчливы, храбры. Русы постоянно воюют и совершают нападения на славян, захватывают их в плен и порабощают, а также добывают в земле славян все необходимое для жизни, очевидно собирая дань. Все их имущество добыто мечом. Многие славяне, для того чтобы спастись от нападения русов, складывающихся в дружины по 100—200 человек, приходят к русам служить, «чтобы этой службой приобрести для себя безопасность» (Гардизи). Русы — воины и купцы. Они ездят в «Рум и Андалус», в Хазарию, Византию, Багдад. Их поездки сделали Черное море «Русским морем». Они живут в городах, окружают своих каганов. Русы хорошо одеты, богаты, «живут в довольстве» (Ибн-Росте). У них много рабов, драгоценностей, денег, украшений, дорогого оружия, тканей и т. п. Они выступают в роли купцов и послов, заключают соглашения от имени своих правителей, ведут заморскую торговлю. Зимой они собирают дань и выходят в полюдье в земли подвластных славянских племен (Константин Багрянородный).

Такова «Русь» — «русы», так, как они рисуются нам по источникам.

А кто же славяне?

Славяне платят дань. Они возделывают землю, у них пашни, нивы, скот. Они живут в деревнях, пашут, пасут скот, добывают меха, которые у них отбирают в качестве дани русы. Они бедны, плохо вооружены. Славяне подвергаются набегам русов, которые собирают с них дань, кормятся во время полюдья, захватывают в плен, порабощают, вынуждают идти к ним на службу. Они малоподвижны, редко ездят. Их почти не знают соседи. Русь подчеркивает свое господствующее положение даже в том случае, если и они, и славяне участвуют в совместном походе. Так, например, русы ставят на свои ладьи парчовые паруса, а славяне — полотняные. Таковы славяне.[4]

Разве подобное деление и противопоставление являются противопоставлением двух этнических понятий? А не социальных ли?

Перед нами две резко обособляющиеся группы: 1) русы — это городская, военная и купеческая, господствующая верхушка и 2) славяне — это земледельцы, основная масса бедного сельского населения, общинники, все более и более теряющие свою былую хозяйственную самостоятельность. Нами еще в 1938—1939 гг. была высказана мысль о том, что «русь», с которой имели дело Византия и Восток, представляла собой социальную верхушку, стоявшую во главе общества и руководившую военно-торговыми предприятиями.[5]

«Русь» — это социальная верхушка, варварская военно-торговая, военно-рабовладельческая, купеческая знать, живущая в городах, организованная в дружины, хорошо вооруженная, сделавшая войну средством дохода и профессией, правящая, творящая суд, администрирующая и управляющая, эксплуатирующая славянских общинников, воюющая у

стен Константинополя и Бердаа, на Волге и в Средиземном море, торгующая в Византии и Багдаде, заключающая договоры, посылающая «слов», устанавливающая дипломатические связи и т. д. и т. п. Но славянская ли она, эта «русь»? Не норманны ли это?

И вот тут-то перед нами опять встает во всю ширь норманская проблема. Дело в том, что мы не собираемся отрицать того, что в составе «русов» было большое число норманнов. Более того, я считаю возможным говорить, что «находници-варяги» в известных случаях среди «русов» играли первенствующую роль. Они были тем элементом, который если и не вызывал на Руси процесса образования государства, то во всяком случае влился в этот процесс и способствовал его ускорению. Свойственные скандинавам эпохи викингов вечное стремление к походам, вечная тяга к передвижениям, к смелым поездкам с целями войны и торговли, грабежа и найма на службу к иноземным правителям и т. п. — все это делало норманнов на службе у русских князей Гардарики наиболее непоседливым, подвижным элементом, а их прирожденные способности мореходов и опыт делали их наиболее удачными кандидатами в роли «слов», «гостей», наиболее приспособленными для всяких набегов, вторжений и т. п. Вот поэтому-то «слы» и «гости» носят норманские имена, а пославшие их — русские или обрусевшие норманские; вот почему посланцы русских каганов в далеком Ингельгейме именуют себя «росами», а на деле выясняется, что они — шведы; и, наконец, вот почему их так часто принимают за норманнов и награждают их чертами, характерными для скандинавов.

Когда они выступают от «рода Руского», они представляют «Русь», т. е. 1) «русов» — господствующую знать славянского, финно-угорского, тюркского и норманского происхождения, в которой несомненно первую роль играют славянские элементы, и 2) «Русь» — землю, Русь — государство; складывающуюся славянскую державу, представителями которой они являются. Они, норманны, являются как бы наиболее мобильным элементом туземной, славянской «Руси». Они — купцы, воины, послы. Их роль — внешнеполитическая. Им часто поручаются зарубежные дела; да и как-то естественно, что за рубежом узнают о Руси прежде всего по выплескиваемым ею по инициативе ее вождей, а часто и без таковой, волнам скандинавской вольницы. Они представляют славянскую Русь в посольствах, торговле, они воюют, нападают, нанимаются на службу, продают свой меч и свои товары далеко на юге и на востоке, и немудрено, что соседи часто составляют себе представление о Руси в целом по этим норманским искателям «славы и добычи».

Вот почему восточные писатели то противопоставляют русов славянам, то подчеркивают, что русы — племя из славян и славяне — рабы, живущие на Востоке, служат им переводчиками при их путешествиях в Багдад. Мы уже знаем, почему волны скандинавов не захлестнули Русь, а сами растворились в славянской стихии, став слугами, правда, энергичными, воинственными, часто довольно независимыми, но все же только слугами русских князей. Это произошло потому, что Русь встретила норманские волны уже организованной в варварские объединения и славянская знать оказалась сильней скандинавской вольницы. Этой последней предлагалось на выбор либо попытаться завоевать Восточную Европу, либо включиться в тот процесс, который шел в толще славянских и неславянских, но тесно с первыми связанных племен Восточной Европы. Первый

путь оказался неудачным. На завоевание народов Восточной Европы не хватало сил, и это показали события середины IX в., отразившиеся в неясном рассказе летописца о том, как «изъгнаша Варяги за море». Произошло последнее — норманны стали варягами и в качестве наемников-воинов выступили в русской истории. И в этом своем качестве они действительно сыграли большую роль в образовании древнерусского государства.

Наличие варварской предгосударственной военно-политической дружинной организации славянских и неславянских племен, принимавших участие в создании древнерусского государства, привело к тому, что «находники»-варяги не смогли установить своей системы владычества, ограничившись «вассалитетом без ленов или ленами, обложенными только данью» и дав Руси только династию скандинавского происхождения, обрусевшую уже во втором поколении. А новые волны варягов ославянившиеся «Рюриковичи» встречали уже враждебно. Этим уже не приходилось и думать о том, чтобы пустить корни в славянскую почву. Поэтому-то «варангомахия», собственно, не нужна, так как для доказательства истинной роли норманнов отнюдь не необходимо отрицать наличия их на Руси. Но, может быть, верхушка, которую мы называем «русью», получила свое название именно от этой своей части, от норманнов? Нет никаких оснований отрицать того, что какие-то слои населения или население каких-либо местностей в Скандинавии могли носить названия, из которых финны сделали своих «ruotsi» (*drotsmenn, rotsmen). Считать теорию Брима, к которой примкнул Б. Д. Греков, «мало удачной попыткой примирения типичного норманизма с противоположными ему данными», как это делает Л. С. Тивериадский, несколько неосмотрительно.

Могло существовать где-то на севере, в Скандинавии, некое наименование, из которого выросли финское «ruotsi» и славянское «русь»? Нет никаких оснований отрицать это. Термины «русь» и «рось» — очень древнего происхождения и встречаются в разных местах. Термин «гал» отложился в названиях Галлии, Галиции, Галисии и Галатии; термин «ибер» или «ивер» — в названиях Иверии, Иберии, Ибернии. Все это говорит за то, что одно и то же наименование этнического порядка может отложиться в названиях стран, очень отдаленных друг от друга. Мы не знаем, когда термин «русь» появился на севере. Но нам хорошо известно, что термин «рос» появился на юге очень давно. Если говорить о племенных наименованиях и отбросить библейские «ρῶσ», то на юге Восточной Европы народы, в имени которых встречается термин «рос», начинают упоминаться со времен сарматов. Я имею в виду роксаланов («светлых», т. е. белых, господствующих аланов?), аорсов, росиев (rosaye) Ефрема Сирина (IV в.), розомонов Иордана и саг о Германарихе, hros Псевдо-Захарии (VI в.).[6]

Кто были они, эти народы «росского» начала? Один и тот же ли народ носил это название? Думаю, что нет. Тут были и народы иранского происхождения (роксаланы), и племена, родственные связи которых установить не представляется возможным. Некоторых из них связывают с германцами (термин «розомоны» сближается с маркоманами, hros Псевдо-Захарии объявлялись герулами, как это, например, имеет место у Маркварта), других — с иранцами (аорсы, роксоланы), и т. д. От них пе-

ребрасывают мостик к ruzzi Географа Баварского, «ros»-ам Бертинских анналов и т. д. и т. п., т. е. к «доваряжской Руси», которая столь часто фигурировала в спорах антинорманистов с норманистами.

За последнее время принято считать rosaye, hros, розомонов не кем иным, как русскими — славянами, одним из бесчисленных племен антов.[7] Может быть. Пока что все это — лишь догадка.

Но что совершенно несомненно — это древность наименования «рос» на территории Восточной Европы. Племенные названия типа «рос» встречаются здесь с очень отдаленных времен. И они отнюдь не обязательно должны быть славянскими, хотя со временем закрепляются за славянским населением Восточной Европы. Ведь закрепилось же за другим многочисленным славянским народом тюркское имя болгары! «Из этого, однако, не следует вовсе, что термин „Русь“ есть неотъемлемая собственность именно одного русского народа. Наоборот, благодаря ему у русского народа вскрываются также нерасторжимые для соответственной ступени стадиального развития социальной формации, до нас дошедшей в позднейшем уже славянском обличии, связи не только с германцами (и этого отрицать нельзя, сняв, однако, с германцев несуразно навязывавшийся им в данном вопросе ореол превосходства) и соседящими финнами, но и с народами, ныне, казалось бы, не имеющими ничего общего с русской народностью, например с абхазами, грузинами, сванами, уже не говоря об армянах...» (Н. Я. Марр).

Мы не хотим останавливаться на славянской, финской, литовской, франкской, тюркской, арабской, мадьярской, еврейской, хазарской и прочих теориях происхождения термина «русь», ибо «если хотя бы это первое положение о племенных названиях было известно в свое время, когда шел спор о национальном названии русских, то был бы сэкономлен громадный труд, потраченный, можно сказать, совершенно зря одними на созидание доводов в процессе борьбы за то или иное происхождение термина „рус“ или „руса“, другими — на чтение, усвоение и распространение соответствующей литературы, предполагавшей разрешить палеонтологическую проблему письменно — сохраненными преданиями и соответственно привлекавшимися по случайной известности изолированными фактами из такого обширного, не знающего никаких национальных перегородок, живого и цельного текста, как топонимика, собственно этнотопонимика» (Н. Я. Марр).

Какие-то этнические образования могли носить сходное название «рось» или «русь» на севере. И здесь этот термин мог быть также дорусского, в славянском смысле слова, происхождения, как и на юге.

В названиях различных племен юга и севера мог отложиться термин «рось», «рос», «рус», причем эти племена отнюдь не обязательно должны быть единоязычными или хотя бы родственными. Только в очень далеком доиндоевропейском прошлом, на стадии протоевропейцев, это наименование могло быть следом этнической близости различных племен палеоевропейцев; как несомненно следом очень далекой, но все же в этой отдаленности реальной, этнической близости является сходство яфетических (в смысле доиндоевропейских) «иберов» Кавказа, Пиренеев и Ирландии и кельтов ранней индоевропейской поры — «галов» и «галлов» Карпат, Малой Азии, Испании, Франции. Термин «русь» и «рось» (рус, рос) мог существовать, и несомненно существовал, в составе племенных наименова-

ний и в других местах. Стоит вспомнить хотя бы подвергшихся тщательному изучению со стороны Н. Я. Марра этрусков. Термин мог исчезать, вновь возникать, рождаться заново из других понятий и в иной обстановке, перерождаться, носители его сходиться и расходиться. И в теории Брима, принятой во внимание Б. Д. Грековым и В. А. Мошиным, в теории, говорящей о слиянии северного «рус» с южным «рос», нет ничего странного, а тем более предосудительного.[8] Итак, на древнейшей стадии в истории населения Восточной Европы термин «рос», или «рус», выступает как понятие этническое.

Но затем «русь», «рус», «русы» стали понятием социальным, и этнический термин становится общественным, классовым.

«Этот племенной состав, — говорит Н. Я. Марр, — этрусский или расенский или, проще, если откинуть префикс et в первом случае и суффикс en во втором, — русский или росский и характеризует классовую организацию строителей древнейших городов на Руси».[9]

«Русь» в этом смысле слова мы уже рассматривали.

И наконец, третий этап в развитии термина «Русь» — он снова становится понятием этническим и начинает покрывать собой все население государства, господствующая прослойка которого носила название «русы». Аналогии такого рода явления известны из истории и Старого, и Нового света. Достаточно взять в качестве примера хотя бы Польшу и государство инков. Я не пытаюсь найти начало всех начал и установить, какие же этнические образования в Восточной Европе (да и в ней ли одной?) носили название «рос» или «рус». Мне хочется только еще раз подчеркнуть, что термины эти своим происхождением уходят еще в эпоху палеоевропейских образований и только на определенном и сравнительно позднем этапе закрепляются за славянским населением Восточной Европы, причем «русь»—«русы»—«русские» — это несомненно самоназвание, а «рос», «Росια» — книжное, византийское, появившееся по аналогии с легендарным библейским народом «рос» и по созвучию с «рус» приобретшее впоследствии такие же права гражданства, как и первое. В IX—X вв. «русы» — это господствующая верхушка, сложившаяся в первую очередь на юге, в Среднем Приднепровье. Это — Русь в узком смысле слова, «Русь внутренняя». В ее составе много норманнов, и поэтому ее легко спутать (и часто действительно путают) со скандинавской вольницей. Это трудно сделать на Руси, но очень легко — за ее пределами. В Византии, правда, разделяют русских, варягов и норманнов, «жителей островов на севере океана». Норманны в византийских источниках — это не русские, а русские — это не обязательно норманны, хотя среди них могут быть скандинавы.[10]

Интересно отметить, что отождествление варягов с русью в летописи не является первоначальным, а введено составителем «Повести временных лет» 1111 г.; в предшествующем своде 1093 г. говорилось о том, что варяжские дружины стали называться «русью» лишь в Киеве. Многочисленность норманнов при дворе князя могла натолкнуть летописца на мысль о том, что если «русь» — господствующая знать (это особенно хорошо замечали «словене»-новгородцы), а среди нее много норманнов, которых «чудь», «емь», «сумь» зовет «ruotsi», т. е. «русь», то не отсюда ли пошло и название земли — «Русь» и населения — «русские», «преже бо беша словени»? Тем более что «русь», приходящая из Киева, имела в сво-

ем составе много скандинавов. Новгород же, который был ближе к Скандинавии, «Русью» не назывался.

Вопрос о происхождении термина «русь» по-прежнему остается еще сфинксом древней русской истории.

Общественное развитие, результатом которого было создание древнерусского государства, вызвало большие изменения в этническом составе населения Восточной Европы. Как ни была примитивна «скроенная Рюриковичами» из лоскутьев, «нескладная», «скороспелая и аляповатая» древнерусская держава, тем не менее развитие и укрепление государственности на территории Восточной Европы, государственности, находящейся в руках русской варварской, феодализирующейся, а позднее уже и чисто феодальной верхушки, имели огромное значение в формировании древнерусской народности. Киевское государство политически объединило восточнославянские, русские, племена, связало их общностью политической жизни, культуры, религии, общей борьбой с «ворогами» и общими интересами на международной арене, историческими традициями, способствовало появлению и укреплению понятия единства Руси и русских.

Развивающиеся торговые связи между отдельными областями Руси, сношения между русским населением различных земель, установившиеся в результате «нарубания» воев, хозяйничания княжих «мужей», расширения и распространения княжеской государственной и домениальной администрации, освоение княжой дружиной, боярами, их «отроками» все новых и новых пространств, полюдье, сбор дани, суд, переселения по своей инициативе и волей князя, расселение и колонизация, совместные походы, поездки и т. п. — все это в совокупности постепенно разрушало культурную, языковую, племенную и территориальную разобщенность. В племенные и областные диалекты проникают элементы диалекта соседей, в быт населения отдельных областей — черты быта русского и нерусского «людья» других мест, и т. д. Обычаи, нравы, быт, порядки, религиозные представления, сохраняя много различия, в то же самое время приобретают общие черты, характерные для всей Русской земли. И так как «главное орудие человеческих торговых сношений есть язык», то эти изменения в сторону единства в этнокультурном облике русского населения Восточной Европы идут прежде всего по линии установления общности в языке, так как язык — основа народности.[11] Народность — понятие этническое, и, говоря о древнерусской народности, мы будем исследовать вопросы этнического порядка, а следовательно, в первую очередь — языкового. Нужно прежде всего подчеркнуть, что уже в племенных диалектах наблюдаются явления, свидетельствующие о развитии в сторону некоего единства. В этом отношении характерен говор полян, говор «Руси», полян, «яже ныне зовомая Русь». Еще в очень отдаленные времена говор населения киевского Приднепровья впитал в себя элементы языков пришельцев в эту местность, славянского и неславянского происхождения, особенно с того момента, когда Киев стал центром древнерусского государства. Киевский диалект формировался в результате сложных процессов схождений и выдвигался в качестве общерусского языка. Поэтому-то древнекиевские говоры носили своеобразный «серединный», переходный, как бы собирательный характер. И лишь с течением времени, после Батыева наше-

ствия они передвинулись на север, сохранившись здесь, в киевском Полесье, в виде окраинных, тоже переходных диалектов.

В Древней Руси, стране городов, «Гардарики» скандинавских саг, в X—XI вв. в результате роста городов, развития ремесел и торговли происходил процесс интенсивного выделения городского диалекта, носящего общерусский характер и отличающегося от пестрых племенных диалектов, трансформирующихся из древних племенных языков. Население городов по своим языковым, этническим особенностям начинает отличаться от сельского населения. В городах Киеве, Чернигове, Переяславле, Новгороде, Полоцке, Ростове, Суздале, Пскове, Владимире, Перемышле и других сосредоточивается дружинная и купеческая верхушка — «русь», в узком смысле слова, «русы» Константина Багрянородного и арабских источников. Они сходятся в города со всех сторон: в Киеве сидят купцы и воины-дружинники из «Червенских градов», из Новгорода и Ростова, из Смоленска и Чернигова, из земель волынян и словен, мери и кривичей, северян и радимичей; в Новгороде можно встретить «киян» и псковичей, ростовцев и полочан, черниговцев и переяславцев. Это — «русины», живущие в Новгороде. В «Червенские грады» приезжают и живут те же «кияне» и смоленцы, купцы из Ростова и Любеча, «вои»-дружинники из разных концов Руси. Здесь, в чужих краях, они воспринимают элементы местных диалектов, местных обычаев, но между собой они говорят на особом, им, этой городской верхушке, присущем диалекте, своеобразном койне, в котором разные племенные различия были сглажены и имели место иноземные заимствования (скандинавские, греческие, финно-угорские, тюркские). Пестрая, многоплеменная русская городская верхушка, «русы», впитавшая в себя иноплеменные элементы — норманнов, финнов, тюрок и т. д., вырабатывает свой особый, сложный и более богатый, нежели сельские, диалект, в основу которого был положен язык «Руси», т. е. Киева, земли полян, давно уже прекративших свое существование как племя. Слабая диалектическая окраска киевской письменности объясняется не только влиянием «книжного» языка, но и прежде всего тем, что в разговорной речи киевлян не было многих старых диалектизмов, чем и обусловлено, на первый взгляд, хаотическое смешение местных диалектизмов в письменности древнего Киева. Это койне «русов» распространяется и на периферию, но последняя несравненно более консервативна и устойчива, нежели подвижная городская «русь». В языке деревни Киевской Руси старые племенные отличия сохранялись в гораздо большей степени, нежели в языке «русов», хотя этот последний через жителей городов, купцов и княжеских «мужей», через законы и «книжность» проникал в деревню и оказывал на ее язык известное влияние, вызывая нивелировку, хотя и шедшую среди сельского населения несравненно медленнее, нежели в городе. В городах Древней Руси еще до появления письменности начал формироваться общий разговорный язык, с массой политических, юридических, хозяйственных терминов, с иноземными заимствованиями, отражавший сложную структуру общественного строя Руси X—XI вв. Это был язык господствующей верхушки «полупатриархальной-полуфеодальной» Руси, и представители ее в различных городах страны имели в своем языке несравненно больше общих черт, что отразилось в языке источников, даже правовых, нежели «сельское людье» различных областей древнерусского государства. Песни, былины и сказания, широ-

кое развитие которых в Древней Руси отразилось в наших источниках, необычайная распространенность народного эпоса, результатом которой были появление и перекочевка эпических мотивов в разные уголки страны, — все это в совокупности не могло не выдвинуть язык эпоса с его отвлеченными понятиями, стандартами и элементами чужеземного эпоса, не известными речи деревенского населения, на ступень своеобразного народного речевого койне. Другим руслом формирования общерусского языка был язык правовых документов и норм, язык деловой литературы, возникший еще до «Русской Правды», во времена «Закона русского», а быть может, и до него. Он вырос из разговорной речи, но специфика его, особое содержание и употребление главным образом все той же верхушкой, княжими «мужами», сделали его внедиалектным, или, точнее, наддиалектным.[12]

Так, еще в дописьменные времена в Древней Руси начал складываться в городах и в районах, к ним примыкающих, общерусский разговорный язык, в котором диалектные особенности были уже сглажены, язык сложный, с рядом новых понятий, с некоторыми заимствованиями. Быть может, древние и непосредственные связи с Болгарией привели к некоторому сближению (вторичному?) городского языка Руси с болгарским, что в совокупности с другими рассмотренными нами явлениями привело к тому, что древнецерковнославянский язык, возникнув в родственной, но не тождественной языковой среде, так быстро привился на Руси. В этом нельзя не видеть еще одного доказательства наличия общего древнерусского дописьменного языка, приближающегося по структуре к древнецерковнославянскому, чем и была подготовлена почва для распространения этого последнего. Когда он проник на Русь — сказать трудно. Во всяком случае в договорах русских с греками мы имеем дело с древнецерковнославянским языком, причем в договоре 944 г. отмечаются отчетливые русизмы — результат влияния древнерусской разговорной речи. Древнецерковнославянский язык, явившийся мощным рычагом развития славянской культуры, стал языком наддиалектным и в таком виде проник на Русь. Он быстро привился и распространился на Руси потому, что был близок и к диалектам восточных славян, и главным образом к древнерусскому разговорному языку. Тем не менее это был хотя и не чуждый, но чужой для Руси язык. Поэтому уже в XI в. оформляется древнерусский литературный язык, в основу которого легли древнецерковнославянская письменность и язык городских «русов», древнерусский разговорный язык. Питающей средой древнерусского литературного языка явились языки-диалекты восточных славян и древнецерковнославянский язык, впитавший в себя элементы языков народов Средиземноморья. Этим и объясняются исключительное богатство древнерусского литературного языка, высокий уровень его развития, языка с богатой стилистикой и семантикой, что явилось результатом наличия близких, но не тождественных, параллельных форм, и т. д. В большинстве письменных памятников Древней Руси преобладает древнецерковнославянское начало; однако уже в «Русской Правде» преобладает древнерусский язык правовых норм, хотя и не тождественный с разговорным общерусским языком дописьменной эпохи. С течением времени русская языковая среда все больше и больше оказывает влияние на древнецерковнославянскую письменность и вызывает русификацию ее, чем и объясняются постепенное превращение древ-

нецерковнославянского языка в книжный, «ученый», торжественный, вычурный язык и смешение церковнославянизмов с русизмами. Древнерусский литературный язык, отражая связи Руси с соседями и наличие в составе верхушки представителей других народностей, имеет в себе ряд заимствований из греческого, и притом не только книжного, но и разговорного (до 400 терминов и особенностей), скандинавских (артуг — монета, шнека — судно, тиун — слуга, суд — пролив и др.), тюркских (чага, кощей, женчуг, евшан — трава; учан — судно и др.), финских (ушкуй, от «wisko» — паром; калика, от kālik — брюква; соломя — «узкий пролив», от «salmi»), германских (князь — от «kuning», «king»; пенязь — от «pfenning», «pening» и др.) языков. Древнерусский литературный язык был литературным языком всех восточных славян, всех русских, от Перемышля до Суздаля и Ростова, от Ладоги до Переяславля, Олешья и Тмутаракани. Он в значительной степени оставался древнецерковнославянским языком, в котором местные диалекты оставались в употреблении «книжных» людей только данной местности. Поэтому, будучи единым языком для всей Руси, он в то же самое время не имел единых норм.[13] В этом сказывалась «лоскутность» «нескладной и аляповатой» «империи Рюриковичей» (К. Маркс). Таким образом, история русского языка в IX—XI вв. полностью отражает те общественные и политические формы, в которые вылилась жизнь древних русских. Мы видим, как в результате общности государственного и культурного бытия во всех проявлениях начала складываться древнерусская народность. Ее формирование отразилось прежде всего в складывании общерусского разговорного, а затем и литературного языка.

Киевское государство самим фактом своего появления и развития, способствуя установлению общности в материальной и духовной культуре восточного славянства, сплачивая его воедино общностью внутренней жизни и международного положения, подготовляло процесс образования единой русской народности. И «русские» IX—XI вв. начали объединяться в некий этнический массив не только в силу своего общевосточнославянского происхождения и бытия, но и в результате единства общественно-политических, государственных форм, культуры и религии, общих границ, задач и интересов.

Вот почему мы можем говорить о русских IX—XI вв. не как о пестром конгломерате племен, а как о единой, складывающейся, но, правда, так и не сложившейся до конца, народности, народности, которая не была ни великорусской, ни украинской, ни белорусской, а именно русской — точнее, древнерусской, давшей начало и той, и другой, и третьей, т. е. всем трем славянским народностям Восточной Европы.

Но Киевское государство не успело и не могло слить восточнославянские племена в единую народность.

Примитивная «империя Рюриковичей», полупатриархальная-полуфеодальная Русь, не могла этого сделать потому, что экономической общности древнерусских земель не было, а только она одна, в сочетании, правда, с другими внешнеполитическими факторами, может сплотить этнически пестрое население отдельных областей в народность. Экономическая же общность для Руси — дело далекого будущего. Объединение Руси IX—XI вв. зиждилось на очень примитивной основе. Связь между отдельными землями не была органической и ограничивалась часто лишь взима-

нием дани и выставлением «воев». Объединение земель, достигнутое Киевом, было непрочным и непродолжительным.

Вместе с развитием производительных сил росли децентрализационные стремления господствующего класса феодалов, что привело Русь к феодальной раздробленности.

Началось дробление Руси на феодальные полугосударства-княжества со своими феодальными диалектами, местными обычаями, нравами и т. д. Эти феодальные княжества разрезали на части складывающуюся древнерусскую народность и, воздвигнув массу политических и экономических границ, способствовали созданию новых этнических образований со своими диалектами и особенностями культуры, материальной и духовной, лишь отчасти отражающими древние племенные отличия, этнических образований эпохи феодальной раздробленности, времен «национальных областей» (Ленин).

Говоря о складывающемся в эпоху Киевской державы единстве древнерусской народности, нельзя обойти молчанием еще один чрезвычайно важный фактор, определяющий собой характер этнического объединения восточного славянства. Два основных фактора определяют собой народность как понятие этническое: язык и национальное самосознание, сознание себя как единой народности. Первый фактор только что был предметом нашего рассмотрения. Остановимся теперь на втором. Достаточно беглого взгляда, брошенного на наши древнерусские источники (а именно они отражают мысли передовых людей Древней Руси), для того чтобы убедиться в том, насколько развито было у далеких наших предков чувство патриотизма, любви к родине, само понятие Родины, земли Русской, насколько большое, всеобъемлющее понятие вкладывалось ими в слово «Русь», «Русская земля». Они были горды тем, что живут на Руси, тем, что они — русские. Общность языка, культуры, общность политической жизни, совместные походы и войны, общая борьба с «ворогами», единство религии, общность быта, обычаев, поверий, единство законов — все это в совокупности порождало чувство единства народности («мы — русские»), национальное самосознание.

«Повесть временных лет» посвящена истории земли Русской. Это — рассказ о том, «откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть». В ней все время речь идет о том, как русские князья, русские воины боронят землю Русскую; рассказывается, чем славна и сильна Русь, повествуется об удали ее сыновей, о славных походах, о великих битвах, о богатстве и роскоши многолюдных городов, о монастырях и церквах, книгах и школах, о князьях и «книжных» людях.

«Повесть временных лет» все время подчеркивает свое отношение к физическим и моральным качествам русских людей, подчеркивает любовь к Руси, к земле Русской, к русским людям. Она проникнута бесхитростной гордостью за свою страну и свой народ и, повествуя об их историческом пути, старается привить своему читателю любовь к тому, что дорого авторам наших летописных источников, к прошлому, настоящему и будущему своей Руси.

Эти мысли еще в большей степени характеризуют «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, знаменитого современника Ярослава Мудрого. Он с гордостью говорит о своей Русской земле, о своем наро-

де-избраннике, русском народе, о своих русских князьях. И что еще характерно для древнерусской литературы той поры — это идея единства всей земли Русской. Для авторов произведений древнерусской письменности существовала только единая Русь, Русская земля. Един народ, единая вера, единое государство, единый князь — так мыслили древнерусские книжники и иного строя жизни себе не представляли.

«Русская земля» была в те времена понятием с совершенно реальным содержанием, подобно тому как таким же реальным понятием был и «русский народ». Придет время, когда эти понятия почти исчезнут, уступив свое место таким представлениям, как Господин Великий Новгород, Великое княжество Тверское, Великое княжество Московское, Смоленское, Нижегородское и т. д., когда на сцену выступят в первую очередь псковичи и новгородцы, тверичи и нижегородцы, москвичи и смольняне, рязанцы и вятчане, а понятие «русские» как-то почти забудется, отойдет на второй план, но все это будет характерно для XIII—XV, а не для X—XI вв., даже и для конца XII столетия, когда идея единства Руси была еще очень сильна и живы были традиции Мономаха и Мстислава Владимировича Мономашича, пытавшихся приостановить начавшийся еще после смерти Ярослава Мудрого процесс распада единого Киевского государства, процесс расчленения начавшей складываться древнерусской народности, расщепления ее на этнические образования времен феодальной раздробленности, соответствующие отдельным крупным княжествам — «национальным областям» (Ленин) с их местными феодальными диалектами, особенностями быта, культуры. И лишь гораздо позднее, уже в XIV—XVI вв., начинаются «сплочение национальных областей (воссоздание языка, национальное пробуждение etc.) и создание национального государства».[14] В X—XII вв. идея единства русского народа и земли Русской была еще очень сильна и покоилась на существующей политической государственной системе, на культурной жизни, религиозных представлениях, т. е. на всей совокупности общерусской материальной и духовной культуры. Вот почему князья даже во второй половине XI в., даже в XII в. воюют за «землю русскую», «мстят Русьскую землю», «боронят Русь», думают на «снемах» о «земле Русьской», «уставляют землю Русскую» и т. д. Недаром игумен Даниил во время своего путешествия в «Святую землю» (1106—1108 гг.) ставит в Иерусалиме лампаду «за всю Русскую землю». Такой же идеей единства проникнуто «Слово о полку Игореве», что так убедительно подчеркнул К. Маркс в своем письме к Фр. Энгельсу, указывая, что смысл самого произведения заключается в призыве к князьям к объединению.[15]

Не случайно такой популярностью пользовался в народе умный и решительный сторонник «одиначества», пытавшийся приостановить княжеские «которы» и распад Киевской державы Владимир Всеволодович Мономах, «добрый страдалец за Русскую землю», который «много пота утер за землю Рускую».[16] Автор «Слова о полку Игореве» горюет о том, что его нельзя было сделать бессмертным и навеки пригвоздить к горам Киевским. Для автора «Слова о погибели Русской земли» Русская земля тянется от Карпат и Дуная до Ледовитого океана («дышючего моря»), от литовских лесов до мордовских твердей. Сознание единства русского народа явилось результатом единства материальной и духовной культуры,

единства языка, религии, идеологии, политической жизни, государственности, законов, быта, обычаев и т. п.

В развитии сознания единства Руси огромную роль сыграли совместная борьба русского народа различных земель с общими врагами, единство политических, государственных форм, единство, или, вернее, общность, языка, религии, идеологии. Все эти вопросы рассматривались нами выше, и вряд ли стоит к ним возвращаться. Но нельзя не обратить внимания на большое значение единства законов для всей Руси. Этим законом для всех русов был вначале «Закон русский», упоминаемый в договорах русских с греками. Затем на смену ему пришли «Русская Правда» Ярослава, «Правда» Ярославичей, «Устав» Мономаха, «Церковные Уставы», «Устав о мостех» и другие аналогичные законодательные акты. Они действовали в Галиче и Рязани, в Новгороде и Перемышле, в Берестье и Дрогичине, в Дорогобуже и Смоленске, в Киеве и Ростове. Они отразились в Литовском Статуте и в великокняжеском судебнике 1497 г., т. е. положили начало законодательству всех трех восточнославянских народов: великорусского, украинского и белорусского. Огромную роль в деле укрепления национального самосознания древнерусской народности играло сложившееся под влиянием этнической близости, общности религии и государственной организации единство культуры. Единство культуры всех областей Руси от Перемышля и Берлади, от Малого Галича и Бельза до Мурома и Рязани, Ростова и Владимира, от Ладоги и Пскова, от Изборска и Белоозера до Олешья, Тмутаракани, до Галицкой и Переяславской «Украины» проявляются буквально во всем — от архитектуры до эпоса, от украшений и резьбы по дереву до свадебных обрядов, поговорок, поверий, песен.

Культура Киевской Руси времен Владимира, Ярослава является более или менее однородной, более или менее единой по своему характеру.[17] Об этом говорит древнерусский архитектурный стиль, общие черты которого отнюдь не перекрываются местными вариантами и локальными особенностями. Сходство в архитектурных памятниках древней Галицко-Волынской и Владимиро-Суздальской Руси XII—XIII вв. перерастает в идущее от глубин народного творчества сходство деревянного зодчества Прикарпатской и северной Руси гораздо более позднего времени.

Когда внимательно всматриваешься в деревянные церкви XVII—XVIII вв. в Чорне, Грабе, Ходорове, Микуличине, Иезуполе, Малнове, Дрогобыче, Барыне, Маткове, Кривке в Галиции, в Беловеже у Бардиова в Угорской Руси и сравниваешь с деревянным зодчеством Русского Севера, с церквами в Мезени, Варзуге, Каргополе, Кеми, Заостровье, Тотьме, Шенкурске, невольно бросается в глаза разительное сходство тех и других памятников.[18] Это сходство может быть объяснено только глубокими и неистребимыми народными традициями, не прекратившимися даже тогда, когда обе области земли Русской — и Прикарпатье, и далекий Север — были оторваны друг от друга на целые столетия и пребывали в различных культурных очагах, в составе различных государственных образований. Именно они, эти традиции, идущие от глубин народной жизни, народного творчества, обусловили сходство народного зодчества двух различных и очень далеких друг от друга русских земель. Предоставленный собственной инициативе, не ощущая давления со стороны казенного искусства власть предержащих, которые в При- и Закарпатье были ино-

верными, иноязычными, инокультурными и инонациональными, а на Русском Севере почти отсутствовали, народ великорусской речи на берегах Сухоны, Онеги, Северной Двины создавал памятники деревянного зодчества, аналогичные тем, которые создавал народ украинской речи на обоих склонах Карпат, по берегам Сана, Тиссы, Попрада, Быстрицы, Днестра, Белого и Черного Черемошей. Эта аналогия объясняется тем, что и те и другие — далекие потомки древних русских, и те и другие продолжали в одинаковых условиях, предоставленные собственной инициативе, развивать старинное народное зодчество. Вот почему в двух районах Русской земли, где народ был в своем творчестве больше привержен родной старине, а именно — на юге, у Карпат, в силу того, что, создавая свое родное, стародедовское, русское, он этим самым подчеркивал свой упорный отказ денационализироваться, свое упорное стремление оставаться русским, бороться за свои, веками освященные язык и культуру, веру и обычаи; и на севере, в тайге, в глуши, среди скал и озер, в краю непуганых птиц, у берега Студеного моря, где русский человек чувствовал себя вольным, в обоих этих концах Русской земли народ жил и творил так, как умел, как научил его им приумноженный опыт отцов и дедов; складывалось народное искусство, столь близкое, почти тождественное, продолжающее, только в разных местах, традиции народного искусства Киевской Руси. В других местах развитие народного зодчества пошло по иным путям, и столь разительного сходства в искусстве разных областей мы не наблюдаем.

То же самое сходство русского, украинского и белорусского искусства XVI—XVIII вв., переходящее в этнографические параллели и бытовые связи, обусловленное общими историческими корнями, восходящими все к той же Киевской поре, если не к более ранним временам, мы наблюдаем в ряде других отраслей материального производства, отражающих в какой-то степени и духовный мир создателей: в резьбе и вышивке, украшениях и металлических изделиях, глиняных поделках и изразцах и т. п. Через целый ряд промежуточных форм народное искусство великорусских земель переходит в искусство земель белорусских, в искусство Украины, а каждая из этих частей земли восточного славянства — Великороссия, Украина и Белоруссия — имеет также целый ряд местных комплексов художественных явлений. Рязанское искусство отличается от псковского, московское — от новгородского, так же точно как черниговское — от полтавского, киевское — от гуцульского или гродненское — от минского, могилевское — от брестского. А между тем, будучи связаны друг с другом, все эти местные, локальные варианты народного искусства объединяются в три комплекса: великорусский, украинский и белорусский, а вместе с тем все три комплекса сливаются в силу присущих им общих черт, которые ярче и сильнее черт, обособляющих каждый данный комплекс, в нечто единое, чему имя — народное искусство восточного славянства.

Общие и местные различия в искусстве каждого народа не затмевают той общности, которая связывает искусство различных ветвей восточных славян в единый комплекс явлений народного творчества.

Народное искусство бережно хранит родную старину. Процесс создания народом приемов и образов был настолько длителен, что новое не могло вытеснить старого, и это старое сохранилось до наших дней, став

живой стариной, объектом изучения этнографов. Отбрасывая новое, снимая позднейшие пласты в народном искусстве, мы всегда можем найти древнюю первоначальную основу, и она будет одинаковой у предков белорусов, украинцев и великоруссов, ибо колыбелью этой живой старины окажется древнерусское народное творчество, ибо они сами в далеком прошлом — русские Киевской поры, черпающие мотивы для своего искусства в народной материальной и духовной культуре далеких времен, уходящих в эпоху образования древнерусского государства, в период антов, в скифо-сарматский мир античной старины.[19] В этом отношении чрезвычайно характерны мотивы великорусских, украинских и белорусских вышивок, обрядовое значение которых, равно как и самих полотенец («убрусцами» обвивались ветви и стволы священных деревьев, украшался «красный угол» избы) и терминов вышивания («узоры», «украсы», «вычуры» — семантически выходящие к понятиям «свет», «небо», «солнце»), не вызывает сомнений, как и изображений на вышивках («Мать-сыра Земля», круг — Солнце, вещие птицы, священные деревья и т. д.). «Восточнославянское искусство на ранней ступени своего развития было тесно связано с трудовой деятельностью коллектива, являющегося его творцом. В этом причина особой устойчивости народных художественных форм. На протяжении веков коллективом творились соответствующие его представлениям образы. Отбрасывалось все случайное, воспринимаемое лишь отдельными индивидуумами, и удерживалось наиболее типическое, впитавшее в себя многочисленные коррективы и достигшее предельного лаконизма». «Это, однако, не придает им до конца отвлеченно-схематического вида из-за выразительности типичных признаков реалистического порядка, т. е. тех начал, которые позволяют говорить о так называемом примитивном реализме этой древнейшей стадии развития народного искусства».[20] Отсюда, из этих глубин восточнославянского искусства IX—X вв., восходящих к еще более ранней поре, к искусству антов, сарматов, скифов, одинаково восприняли свое народное творчество и обитатели гуцульских газдивств, и семейные общины Поморского Севера, взаимно изолированные обитатели Прикарпатья и таежной архангелогородской глуши, расчлененные пространством и временем, но связанные друг с другом общностью своих этнических и культурных корней. Вышивка, глиняная игрушка, резьба по дереву, скульптура гуцула очень близки аналогичным произведениям художественного ремесла Русского Севера, а промежуточное положение занимает локальное искусство Полтавщины, Черниговской, Курской, Воронежской областей, Поволжья и Харьковщины, Гомельщины и Полесья.[21] Геометрический узор, стилизованные изображения, роспись писанок, живопись — все это настолько сближает великорусское, украинское и белорусское искусство, что нет никаких оснований сомневаться в том, что искусство все трех славянских народов Восточной Европы в своем развитии прошло этап большей общности, единства бóльшего, чем то, которое отмечают этнографы, и это общее, дожившее до XIX—XX вв., есть результат незыблемых связей, установившихся между населением различных уголков Руси еще на заре истории русского народа и его государства. И в этом — огромное значение киевского периода в истории славянских народов Восточной Европы.

На основе древних связей и традиций, на базе этнической общности восточного славянства, в условиях возникающего древнерусского госу-

дарства на основе общности языка, обычаев, быта, законов, религии, идеологии, на основе единства материальной и духовной культуры, единства на международной арене, совместной борьбы за «землю и веру русскую» начинает возникать национальное самосознание. Мы — люди русские, люди одной веры, одного языка, одних обычаев «отець своих», одних нравов, люди одного психического склада, одних качеств, сыновья и дочери своей страны — Руси. Мы — русские. И так думали и так говорили в чаще вятичских лесов, у Оки, в Тмутаракани, у Лукоморья, на берегах Днепра-Славутича, в Киеве, стольном граде Русской земли, в Полоцке и Пскове, во Владимире на Волыни, в Червене и Перемышле, т. е. везде, где слышалась русская речь и исповедовалась православная вера, смесь «греческого» христианства с истинно русским язычеством.

Сознание единства всей Руси, всех русских людей, сознание единства всего русского народа является величайшим вкладом Киевского периода в историю великорусского, украинского и белорусского народов, ибо Киевская Русь — это начальный этап в истории всех трех братских славянских народов Восточной Европы, имеющих одного предка — древнерусскую народность времен Владимира, Ярослава и Мономаха.

Древнерусская народность не была единообразной. В языке, быту, обычаях, верованиях, одежде, украшениях отдельных ветвей древнерусской народности сохранялось много различий, унаследованных еще от племенных особенностей. Да она сама еще носила на себе живые следы недавнего слияния в единое, в силу ряда экономических и политических обстоятельств, группы восточнославянских племен. Но историческое развитие славянского населения Восточной Европы в IX—XII вв. (во всяком случае до 30-х годов XII столетия) шло по пути окончательного слияния восточнославянских племен, инкорпорирующих и ассимилирующих финно-угорские и литовские племена, тюркские, норманские и прочие элементы в единый этнический массив — русских, древнерусскую народность. Условием для такого слияния, конечно лишь с течением времени, было единство государственной системы, политических форм жизни, идеологии и тесно с ней связанной религии, зачастую играющей в определении принадлежности к тому или иному цивилизованному миру решающую роль, административных порядков и законов, единство культуры, материальной и духовной, — и все это покоилось на таком серьезном фундаменте, как этническая близость, а частью и общность, традиционные связи, уходящие ко временам седой древности. Восточных славян сделал русскими киевский период в их жизни, ибо это был период зарождения и развития национального самосознания, глубоко коренящегося в традициях восточного славянства и обусловленного общими чертами жизни и быта далеких пращуров различных ветвей и компонентов славянского племени Восточной Европы.

Так начался процесс образования материальной и духовной культуры, хотя и сохраняющей яркие, живые следы этнической племенной пестроты в диалектах, но тем не менее идущей к обобщению, к нивелировке, а следовательно — к единой, древнерусской народности в границах Киевского государства.

Но этот процесс не завершился. Феодальная раздробленность, Батыево нашествие, татарское иго, «погибель Русской земли», захват земель Руси шведами, ливонскими немецкими рыцарями, литовцами, поляками, венг-

рами, молдаванами, татарами приостановили наметившийся процесс, разорвали на части Русскую землю.

В течение столетий русское население отдельных земель распавшейся Киевской державы вынуждено было терпеть национально-религиозное угнетение и культурный гнет, часто тесно переплетавшийся с классовым угнетением. Так было во всех западно- и южнорусских землях.

Русское население этих земель потеряло свою государственную независимость и стало подданным польского пана, литовского магната, венгерского феодала, молдавского боерина.

Но память о том, что во Львове, Галиче, Гродно, Холме, Берестье, Ярославе, Орыге, Пряшеве, Густе, Киеве, Минске, Полоцке живут те же «русские», что и во Владимире, Твери, Пскове, Новгороде, Смоленске, Суздале, Рязани, Нижнем Новгороде, связанные общим происхождением, близостью культуры и языка, общностью религии, историческими традициями киевских времен, никогда не исчезала из народного сознания. Еще в XIV в. Молдавия — «Россовлахия», еще в XVI в. на карте Молдавии — русские города, еще в XVII в. в Оргееве (Орыге) говорят по-русски. А рядом, на северо-запад, Червонная Русь, «Russia Rubra», «Russia». На всех европейских картах XV—XVII вв. (Николая Кузана, Мюнстера, Гастальди, Плейтнера, Боплана) земля древних «Червенских городов» — Червеня, Перемышля, Галича, Львова, Самбора, Ярослава, Бельза и других — именуется «Russia».

За Карпатами лежит Русская Поляна, земли Угорской Руси и Пряшевская Русь. Всюду — и во Львове, и в Ужгороде, и в Бресте, и в Саноке — знали, что они — «от многоплеменного рода российского». «От них же (от русских. — *В. М.*) и мы обретаемы во граде Львове».[22]

В начале XVII в. еще хорошо знали, что от Вислы до Волги «один народ и одна вера».[23] Недаром за «русский народ», «за землю Русскую», «за веру русскую, православную» боролся с панами Богдан Хмельницкий и освобождал «русские» земли — Киев и Зборов, Львов и Брацлав, степи Украины и леса Белоруссии, Задесенье и Киев, Северскую Украину и «Вишневеччину», Подолию и Полесье, Мозырщину и Волынь. Для него, для его казаков это была Русь, земля Русская, Русский край, как и они сами были русские, единоверные и единокровные братья своих восточных соседей — русских Московского царства.

Да, они были русскими, все эти славные запорожцы, пришедшие в Сечь из-под Канева и Переяславля, Белой Церкви и Мозыря, Витебска и Бреста, Львова и Пинска, все эти украинцы и белорусы, хорошо знавшие, что узы кровного родства ведут их на восток, к русским, к великороссам.

Величайшее значение киевского периода в истории всех восточнославянских народов заключалось в том, что именно в эти века сложилось то общее в языке, быту, культуре, религии, морально-нравственном, психологическом укладе, что определило собой кровные тесные связи, объединившие все три славянских народа Восточной Европы в единое, неразрывное целое. Благодаря этому беззаветно преданные своей русской культуре и религии, своим русским традициям и обычаям русские люди дальних земель уже в новом своем качестве, украинцы и белорусы, подпавшие под власть иноземных завоевателей, столетиями испытывая тяжкий национальный гнет, сумели сплотиться вокруг родной старины, став-

шей символом их независимости и счастья, свидетелем лучших времен и предметом, казалось бы, несбыточных мечтаний, отстоять свой язык и религию, свою культуру, свою национальную гордость и сохранить нетронутой свою национальную сущность.

Величественный процесс объединения восточнославянских и ассимилируемых ими племен в единую древнерусскую народность, процесс сплочения племенных культурных комплексов в некое единство древнерусской культуры, создание Русской державы, распространение единой религии и единых юридических государственных норм, возникновение общерусской военной системы и системы международных договоров, соглашений и постоянных дипломатических связей — все это в истории славянства Восточной Европы сыграло столь большую роль, что сравнительно короткого периода Киевской державы оказалось достаточно для того, чтобы создать этническое образование, выдержавшее все испытания и сохранившееся до последнего времени в виде того общего, что объединяет русский, украинский и белорусский народы.

Киевская Русь была колыбелью всех трех братских славянских народов, киевский период был их далеким детством.

Так началась история славянских народов Восточной Европы.

Примечания к главе I
О происхождении славян

1. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910.
2. Иордан. О готах // Вестн. древ. истории. 1941. Т. I. С. 232; Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91.
3. Забелин И. Е. История русской жизни. Т. I. С. 256.
4. См. работы Дебеца, Юзефовича, Шолпо и Грозного в «Кратких сообщениях о докладах и полевых исследованиях ИИМК», «Вестнике древней истории», «Вестнике знания» и др., а также «Вестник Академии наук». 1939. № 6.
5. Марр Н. Я. Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике // Избр. работы. Т. V. С. 10—11.
6. Там же. С. 314.
7. Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. 1937. С. 4.
8. Марр Н. Я. Ук. соч. С. 11.
9. Кричевский Е. Ю. Мезолит и неолит Европы // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Т. IV. С. 8—9.
10. Богаевский Б. Л. Орудия производства и домашние животные Триполья; Хвойко В. В. Каменный век Среднего Приднепровья // Тр. XI Археол. съезда; Его же. Раскопки 1901 г. в области Трипольской культуры; Его же. Раскопки В. В. Хвойко в 1899—1900 гг.; Державин Н. С. Об этногенезе древних народов Днепровско-Дунайского бассейна // Вестн. древ. истории. 1939. № 1. С. 283— 285; Пассек Т. С. Исследования Трипольской культуры в УССР за 20 лет // Вестн. древ. истории. 1938. № 1(2). С. 273—274; Сб. «Трипільска культура».
11. Сибилев Н. В. Древности Изюмщины. Т. I, ч. I—II; Его же. Отчет о зондажных раскопках в Изюмском округе в 1926 г. // Изюмьскіі Державніі музеіі; Его же. Старовиності Изюмщіни. Вып. IV // Труды экспедиции для изучения Изюмского края под руководством профессора А. С. Федоровского. Вып. I; Рудинский М. Я. Матеріяли до вивчення неолітічної доби сточіща р. Ворскла; Его же. Дюнні стадіі неолітічної доби з побережжя Ворсклы; Макаренко М. Н. Орнаментація керамічных виробів в культурі городищ рюменського типу.
12. Гольмстен В. В. Надземные погребения в Среднем Поволжье // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. Т. V. С. 56—58.
13. Артамонов М. И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Т. VI. С. 5.
14. Грушевский М. С. Киевская Русь. С. 300—306; Артамонов М. И. Ук. соч. С. 7.
15. Грушевский М. С. Історія Украіні-Руси. Т. I. С. 247—251.
16. Артамонов М. И. Там же.

17. Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей.
18. Спицын А. А. Ук. соч. С. 142.
19. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1933. С. 189; Лясковронский В. Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы; Его же. Змиевые валы в пределах Южной России, их отношение к курганам-майданам и приблизительная эпоха их возникновения; Его же. К вопросу о курганах, городищах, майданах; Его же. Городища, курганы, майданы и длинные (змиевые) валы в области Днепровского Левобережья // Тр. XIV Археол. съезда. Т. III; Его же. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы в бассейне р. Сулы // Тр. XI Археол. съезда. Т. I; Мавродин В. В. Очерк истории Левобережной Украины. С. 25—26.
20. См. ряд его статей в V томе избранных сочинений; Рыбаков Б. А. Ранняя культура восточных славян // Ист. журн. 1943. № 11—12; Удальцов А. Начальный период восточнославянского этногенеза // Там же.
21. Славин Л. М. Научные конференции археологов, изучающих историю Украины в скифо-сарматский период // Вестн. древ. истории. 1940. № 1. С. 206.
22. Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. С. 8—16; Третьяков П. Н. Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1939. Т. II. С. 3—5.
23. Державин Н. С. Об этногенезе древних народов Днепровско-Дунайского бассейна // Вестн. древ. истории. 1939. Т. I; Его же. Троян в «Слове о полку Игореве» // Там же; Городцов В. А. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве // Тр. Гос. ист. музея; Самоквасов Д. Я. О происхождении русских и польских славян; Чертков А. Д. О переселении фракийских племен за Дунай // Временник Моск. об-ва истории и древностей российских. 1851. Кн. 10.
24. Третьяков П. Н. Некоторые вопросы этногении восточного славянства // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Т. V. С. 10—12.
25. Симокатта Феофилакт. История // Вестн. древ. истории. 1941. Т. I. С. 165.
26. Дринов М. С. О заселении Балканского полуострова славянами // Чтения в Моск. об-ве истории и древностей российских. 1873. Кн. 33; Чертков А. Д. Ук. соч.
27. Самоквасов Д. Я. Ук. соч.
28. Брун Ф. Черноморье. Одесса, 1879. Ч. I и II.
29. Накко А. История Бессарабии. — I. Pic. Die Dacischen Slaven.
30. Городцов В. А. Ук. соч.
31. Тиханова М. А. Роль Западного Причерноморья в сложении культуры Поднестровья и Поднепровья первых веков нашей эры // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Вып. VIII. С. 70.
32. Тиханова М. А. Ук. соч. С. 71. См. также ее статью в сб. «Этногенез восточных славян». 1941. Т. I. С. 249 и сл.
33. О наличии славянских элементов в Дакии писал Н. С. Державин, хотя считать «заведомо славянскими» племенами буланов, или боранов, карпов, язигов и др. нельзя. См. его статью «Происхождение молдавского народа» (Сов. наука. 1940. № 12. С. 5).
34. Miller K. Wetkarte des Castorius gennant die Peutingersche Tafel. 1888; См. также: Артамонов М. И. Ук. соч. С. 5—6; Шафарик П. Славянские древности. Т. II, кн. III. Прил. VII. С. 29.
35. Плиний. Естественная история // Вестн. древ. истории. 1941. Т. I. С. 230.
36. Тацит. Германия // Там же. С. 230.
37. Птолемей. География // Там же. С. 231.
38. Иордан. О готах // Там же. С. 232.
39. Прокопий Кесарийский. Готская война // Там же. С. 237.

40. Monumenta Germaniae historica. Scr. IV. C. 32.
41. Шафарик П. Ук. соч. Прил. XVI. С. 59, 61.
42. Грушевский М. С. Киевская Русь. С. 81; Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени, и др.; Niederle L. Slovanské Starožitnosti. 1902. Dil. I, sv. 1. S. 187 и сл.
43. Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений.
44. Филевич И. История Древней Руси. С. 31.
45. Филевич И. Ук. соч. С. 125—135.
46. Готье Ю. В. Ук. соч. С. 129—131.
47. Кричевский Е. Ю. Ук. соч. Рис. 1 и 2.
48. Артамонов М. И. Ук. соч. С. 5.
49. Шахматов А. А. «Повесть временных лет». С. 5. В «Повести временных лет по Лаврентьевскому списку»: «Нарци (норци), еже суть Словене». «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку». СПб., 1910. С. 5.
50. Niederle L. Op. cit. Dil. I, čast II. S. 266; Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. С. 82; ПСРЛ. Т. 1. С. 3; Готье Ю. В. Ук. соч. С. 28—30.
51. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 154.
52. Артамонов М. И. Ук. соч. С. 6—7.

Примечания к главе II
Анты. Начальный этап в истории русского народа и русской государственности

1. Иордан. О готах // Вестн. древ. истории. Т. I. С. 232.
2. В других переводах Иордана анты названы «могущественнейшими из славян». См.: Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь // Вестн. древ. истории. 1939. Т. I. С. 320.
3. Прокопий Кесарийский. Готская война // Вестн. древ. истории. 1941. Т. V. С. 234.
4. Там же. С. 242.
5. Успенский Ф. И., один из крупнейших византиевистов, в своей «Истории Византийской империи» широко использовал «Стратегикон» и считал не вызывающей никаких сомнений принадлежность его императору Маврикию.
6. Маврикий. Стратегикон // Вестн. древ. истории. 1941. Т. I. С. 253, 256.
7. Подобное утверждение, хотя и в осторожной форме, имеет место в работе Б. А. Рыбакова «Анты и Киевская Русь» (см. выше). Особенно это явствует из приложенной к его статье карты. В своей работе «Очерки истории Левобережной Украины с древнейших времен до второй половины XIV в.», так же как и в статье «Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв.», опубликованной в «Ученых записках Педагогического института им. А. И. Герцена», т. XI, я также неосновательно придерживался этих взглядов, чем и была вызвана несколько резкая, но в известной степени справедливая критика моих суждений со стороны И. И. Ляпушкина (см. его рецензию на мою статью в «Вестнике древней истории». 1940. Т. I).
8. Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 319; Грушевский. Киевская Русь. С. 206.
9. На этих же позициях стояли Л. Нидерле («Slovanské Starožitnosti». 1924. Sv. IV. S. 79) и М. Грушевский (Киевская Русь. С. 204 и сл.).
10. Chronique de Michel le Syrien. II. P. 361; Шафарик П. Славянские древности. Т. II, кн. III. Прил. XII. С. 49.
11. Грушевский М. Киевская Русь. С. 206.
12. См.: Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений; Vestberg F. Zur Wanderungen der Langobarden.
13. Рыбаков Б. А. Ук. соч.

14. Иордан. Ук. соч. С. 232.
15. Прокопий Кесарийский. Ук. соч. С. 237.
16. Там же.
17. Маврикий. Стратегикон // Вестн. древ. истории. 1941. Т. I. С. 253.
18. Соболевский А. И. Русско-скифские этюды // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности АН. 1921. Т. XXVI. С. 8; Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. С. 5—13; См. также статью Гримма в «Яфетическом сборнике», т. V.
19. Спицын А. А. Древности антов // Сборник в честь А. И. Соболевского. С. 412 и др. Его же. Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову.
20. Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 322.
21. Маврикий. Ук. соч. С. 253.
22. Прокопий Кесарийский. Ук. соч. С. 237.
23. Маврикий. Ук. соч. С. 253.
24. Там же.
25. Прокопий. Ук. соч. С. 237; Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 323—325.
26. Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 326.
27. Городцов В. А. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве // Тр. Гос. ист. музея; Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь; Соболевский А. И. Русско-скифские этюды // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности АН. Т. XXVI и XXVII.
28. Прокопий. Ук. соч. С. 237; Маврикий. Ук. соч. С. 253, 254.
29. Маврикий. Ук. соч. С. 255; Симокатта Феофилакт. История // Вестн. древ. истории. 1941. Т. I. С. 264.
30. Менандр. История // Вестн. древ. истории. 1941. Т. I. С. 247.
31. Симокатта Феофилакт. Ук. соч. С. 263.
32. Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // Сов. археология. Т. IV. С. 235.
33. Маврикий. Ук. соч. С. 253.
34. Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 330; Бобринский А. А. Перещепинский клад // Материалы по археологии России. № 34.
35. Прокопий. Ук. соч. С. 236; Его же. Тайная история. С. 243; Его же. О постройках. С. 244.
36. Иордан. Ук. соч. С. 232.
37. Маврикий. Ук. соч. С. 253.
38. Прокопий. Готская война. С. 236.
39. Маврикий. Ук. соч. С. 253.
40. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1937. С. 157.
41. Прокопий. Ук. соч. С. 238; Эфесский Иоанн. Церковная история // Вестн. древ. истории. 1941. Т. I. С. 252.
42. Эфесский Иоанн. Ук. соч. С. 252.
43. Энгельс Ф. Ук. соч. С. 157.
44. Маврикий. Ук. соч. С. 256.
45. Там же.
46. Там же.
47. Прокопий. Ук. соч. С. 237.
48. Там же.
49. Прокопий. Ук. соч. С. 257; Маврикий. Ук. соч. С. 253.
50. Иордан. Ук. соч. С. 232.
51. Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. I. С. 147—150, 543—546; Удальцов А. Начальный период восточнославянского этногенеза // Ист. журн. 1943. № 11—12; Третьяков П. Н. Северные восточнославянские племена // Этногенез восточных славян. С. 10—11.
52. Иордан. Ук. соч. С. 233.
53. Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 267—268.

54. Прокопий. Ук. соч. С. 241.
55. Прокопий. Тайная история. С. 243.
56. Прокопий. Готская война. С. 236—238.
57. Менандр. Ук. соч. С. 247.
58. Там же.
59. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 11.
60. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 127—138.
61. Куник А. А. и Розен В. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах // Зап. АН. Т. XXXII. Прил. № 2.
62. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 11.
63. Прокопий. Ук. соч. С. 238.
64. Chronique de Michel le Syrien. T. II. P. 361.
65. Симокатта Феофилакт. Ук. соч. С. 268.
66. Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 334—335.
67. Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 335.
68. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 66.
69. Энгельс Ф. К истории древних германцев // Собр. соч. Т. XVI, ч. I. С. 344.
70. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 58; Тихомиров М. Исторические связи южных и восточных славян в древнейшее время // Ист. журн. 1941. № 10—11. С. 63.
71. Чертков А. Д. О переселении фракийских племен за Дунай // Временник Моск. об-ва истории и древностей российских. 1851. Т. X. С. 65—68, 88—89, 111—115; Дринов М. Заселение Балканского полуострова славянами // Чтения в Об-ве истории и древностей российских. 1872. Кн. IV. С. 152—153; Державин Н. С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов // Сов. этнография. 1937. № 1. С. 85; Шкорпил К. В. О земляных укреплениях и окопах. Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей // Изв. Рус. археол. ин-та в Константинополе. София, 1905. Т. X. С. 561; Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины.
72. Шахматов А. А. Ук. соч. С. 10; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 10.
73. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 9, 54, 56; Юшков С. В. К вопросу о происхождении Русского государства // Учен. зап. Моск. юрид. ин-та. 1940. Т. II. С. 47; Филин Ф. П. Очерк истории русского языка до XIV столетия // Учен. зап. Пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. XXVII; Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. I. С. 6, 19—621.
74. Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий; Его же. Введение в курс истории русского языка; Его же. Древнейшие судьбы русского племени; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. I. С. 18—21; Филин Ф. П. Ук. соч. С. 17—31; Державин Н. С. Племенные и культурные связи болгарского и русского народов.
75. Мавродин В. В. Русские на Дунае // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. Вып. 87. (Отд. гуманитар. наук).
76. Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 330.
77. Марр Н. Я. По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в. // Избр. соч. Т. V. С. 99 и др.
78. Мишулин А. В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестн. древ. истории. 1939. № 1.
79. Туманский А. Г. Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и русских // Зап. Вост. отд-ния Рус. археол. об-ва. 1897. Т. X. С. 134; Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. СПб., 1869. С. 28, 125; Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. // Зап. Император. АН. VIII. Т. I. С. 122.
80. Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 335.

81. Там же. С. 337.
82. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910. С. 9.
83. Шахматов А. А. Ук. соч. С. 9; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 8.
84. Каргер М. К. Дофеодальный период Киева по археологическим данным // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1939. Т. I. С. 9—10.
85. Менандр. Ук. соч. С. 248.

Примечания к главе III
Восточнославянские племена перед образованием Киевского государства

1. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 5—6.
2. Там же. С. 10—12, 18.
3. Там же. С. 10.
4. Там же. С. 8, 12.
5. Шахматов А. А. «Повесть временных лет»; Его же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XIV вв.
6. Артамонов М. И. Ук. соч. С. 7; Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии нашей эры. 1941. С. 41, 42, 45, 46, 74, 78, 79, 82, 83, 85—97.
7. Артамонов М. И. Ук. соч. С. 4—8.
8. Там же. С. 9.
9. Третьяков П. Н. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Т. V. С. 13.
10. Третьяков П. Н. Древнейшее население Верхнего Поволжья. С. 31—32; Его же. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // Изв. ГАИМК. Вып. 106; Его же. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии нашей эры. 1941. С. 101—107; Городцов В. А. Старшее Каширское городище // Изв. ГАИМК. Вып. 85; Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // Изв. ГАИМК. Вып. 103.
11. Третьяков П. Н. Ук. соч.; Равдоникас В. И. Ук. соч.; История СССР. Ч. III—IV. С. 220—223.
12. Равдоникас В. И. Ук. соч. С. 111; Третьяков П. Н. Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1939. Т. II. С. 4.
13. Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. С. 103.
14. Третьяков П. Н. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Т. V; История СССР. Ч. III—IV. С. 206—207.
15. Третьяков П. Н. Ук. соч. С. 13.
16. Там же. С. 12—15.
17. Артамонов М. И. Ук. соч. С. 728; Третьяков П. Н. С. 15—16.
18. Третьяков П. Н. Ук. соч. С. 16; Его же. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии нашей эры. 1941. С. 35, 64, 74 и сл.; И. Б. Этногенез народов СССР // Вестн. АН. 1939. № 6. С. 48—49.
19. Артамонов М. И. Ук. соч. С. 8.
20. Артамонов М. И. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9—10. С. 271.

21. Готье Ю. В. Ук. соч. С. 103, 129; Макаренко Н. Материалы по археологии Полтавской губернии // Тр. Полтав. учен. архив. комиссии. 1908. Вып. V. С. 202—207; Его же. Предметы случайной находки близ с. Ивахнино Лохвицкого уезда Полтавской губернии // Там же. С. 208—209.
22. Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии нашей эры. 1941. С. 85—88.
23. Равдоникас В. И. Ук. соч. С. 123—124.
24. Третьяков П. Н. Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1939. Т. II. С. 3—5.
25. Готье Ю. В. Ук. соч. С. 205 и сл. Этот вывод я сделал на основании любезного указания П. Н. Третьякова, которому и приношу свою благодарность.
26. Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журн. Министерства народ. просвещения. 1899. Т. VIII; Третьяков П. Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Сов. археология. 1937. Т. IV; Арциховский А. В. В защиту летописей и курганов // Там же; Его же. Курганы вятичей // Рос. ассоциация науч.-исслед. ин-тов обществ. наук. 1930; Рыбаков Б. А. Радзімічы. Отдельный оттиск. Минск, 1932; Артамонов М. И. Ук. соч. С. 273 и сл.
27. Ипатьевская летопись. С. 16.
28. Там же. С. 3, 4, 9.
29. Грушевский М. С. Киевская Русь. С. 164, 225.
30. Готье Ю. В. Ук. соч. С. 239—240.
31. Черниговские губернские ведомости. 1851. № 26 (статья Котлярова); Пархоменко В. А. Князь Черный // Сборник статей в честь Д. И. Багалея. С. 379—382; Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 37, 89 и сл.
32. Готье Ю. В. Ук. соч. С. 240—241.
33. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 10—16.
34. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 249; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 139.
35. Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. С. 86—100.
36. Готье Ю. В. Ук. соч. С. 241—242.
37. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 135—137; Куник А. А. и Розен В. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I. Статьи и разыскания А. Куника и В. Розена // Зап. АН. Т. XXXIII. С. 46.
38. Землеписец Баварский (между 876—890) // Изв. ГАИМК; Шафарик П. Славянские древности. Т. II, кн. III. Прил. XIX. С. 70.
39. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 247—252.
40. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 11, 19 и сл.; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 12, 29, 44, 119.
41. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 252—257.
42. Новгородская IV летопись. С. 27; см. также: ПСРЛ. Т. I. С. 5, 10; Т. VII. С. 269, 277; Т. IX. С. 26.
43. Ипатьевская летопись. С. 7.
44. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 12.
45. Там же. С. 29.
46. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 16.
47. Землеписец Баварский // Там же. С. 70.
48. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 12.
49. Туманский А. Г. Новооткрытый персидский географ X столетия и его известия о славянах и русских // Зап. Вост. отд-ния Император. рус. археол. об-ва. 1896. Т. X, вып. I—IV. С. 136.

50. Готье Ю. В. Ук. соч. С. 225.
51. Филевич И. История Древней Руси. С. 182.
52. Васильевский В. Г. Византия и печенеги // ЖМНП. 1872. № XII. С. 299—306 и сл.; Ламбин Н. Славяне на Северном Черноморье; Кулаковский Ю. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриарха // Византийский временник. 1879. Т. IV, вып. 3—4. С. 322 и сл.; Готье Ю. В. Русские на Балканском полуострове в XI—XIV вв. // Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. К. Либкнехта. 1939. Вып. III; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 150; Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 10; Летопись по Ипатскому списку. 1871. С. 204, 346, 348, 357; Дашкевич Н. П. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Сборник статей, посвященных Владимирскому-Буданову; Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 218—284; Его же. Русские на Дунае // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. № 87; Его же. О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве в XII—XIII вв. // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. № 48, вып. 5; Востоков А. Х. Описание Румянцевского музеума. С. 290 и сл.; Палаузов С. Ростислав Михайлович, князь Мачвы // Чтения в Моск. об-ве истории и древностей российских. 1851. Т. VIII; Палацкий Ф. О русском князе Ростиславе, отце чешской королевы Кунгуты и роде его // Чтения в Моск. об-ве истории и древностей российских. 1846. Т. III; Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. С. 67; ПСРЛ. Т. VII. С. 240; Успенский Ф. И. Образование второго болгарского царства. С. 34—37. Прим. С. 37—38, 78; Григорьев В. В. Что значит «Россовлахия» в греческих документах // Тр. II Археол. съезда. Т. II. С. 49—50; Батюшков. Бессарабия. С. 36, 39, 49—51 и сл.; Книга по большому чертежу. 1838. С. 103—104; Сергеевский М. Молдавские этюды. Л., 1936; Его же. Молдавские этюды // Тр. Моск. ин-та истории, философии и литературы. 1939. Т. V; Надеждин Н. И. // ЖМНП. 1842. VI; Голубовский П. В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. С. 199; Theiner. Vetera Monumenta historica Hungariae illustrantia. Romae, 1857. Т. I. С. 86, 230—231; Грушевский М. С. Киевская Русь. С. 257—272, 473—476; Державин Н. С. «Троян» в «Слове о полку Игореве» // Вестн. древ. истории. 1939. № 1.
53. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 5.
54. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 10.
55. Готье Ю. В. Ук. соч. С. 216—218, 239; Артамонов М. И. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9—10. С. 278—279; Завитневич В. З. Формы погребальных обрядов в курганах Минской губернии // Тр. IX Археол. съезда. Т. II; Его же. Погребение дреговичей как предмет исследования // Тр. Киев. духов. академии. 1886. Т. VIII; Его же. Раскопки в Минской губернии.
56. Готье Ю. В. Ук. соч. С. 209—211, 213—216, 218, 219, 222—223, 227, 234, 235, 239, 242, 243, 245, 247, 253, 256; Артамонов М. И. Ук. соч. С. 280; Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 8, 10; Мосберг Г. И. Проблемы этнического состава населения Восточной Прибалтики в освещении современной латышской археологической литературы // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Т. VI. С. 80.
57. Жиров Е. В. Древние Ижорские черепа // Сов. археология. Т. II. С. 151 и сл.
58. Готье Ю. В. Ук. соч. С. 109, 206—208, 222; Артамонов М. И. Ук. соч. С. 281; Спицын А. А. Сопки и жальники // Зап. Рус. археол. об-ва. 1894. Т. XI; Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских.

59. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 11—12, 63.
60. Рыбаков Б. А. Радзімічы. Отдельный оттиск из III тома «Працы Археолёгичнай Камісіі». (Белорус. АН); Готье Ю. В. Ук. соч. С. 214—216.
61. Арциховский А. В. Курганы вятичей // РАНИОН. М., 1930; Готье Ю. В. Ук. соч. С. 71, 74, 211—219, 223, 227, 229 и сл.; Артамонов М. И. Ук. соч. С. 280; Туманский А. Г. Ук. соч. С. 135; Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. // Зап. Академии наук по ист.-филол. отд-нию. VIII серия. Т. I, № 4. С. 103—126; Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 262—270; Хвольсон Д. Я. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. С. 22—23, 28—40; Гаркави А. Я. Древнейшее арабское известие о Киеве // Тр. III Археол. съезда. Т. I. С. 347.
62. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 11—12.
63. Там же. С. 82.
64. Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 128—136.
65. Шахматов А. А. Древние ляшские поселения в России; Его же. Древнейшие судьбы русского племени; Его же. Южные поселения вятичей; Его же. Введение в курс истории русского языка. Часть I. Исторический процесс образования русских племен и наречий.
66. Рыбаков Б. А. Анты; Его же. Радзімічы. С. 126—136; Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 38—39.
67. Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 54—60.
68. Шафарик П. Славянские древности. Т. II, кн. III. Прил. XIX. С. 68—74.
69. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 10, 58.
70. Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. Т. III. С. 19.
71. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 13.
72. Шафарик П. Ук. соч. С. 70.
73. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 10, 16, 54; Ильинский Г. И. Кто была Λένξανίοι Константина Багрянородного // Slavia. 1925. Seš. IV.
74. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. С. 122—123.
75. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 125—138.
76. Вестберг Ф. Ук. соч. С. 19.
77. Завитневич В. З. Существовало ли славянское племя суличи // Тр. VII Археол. съезда. Т. I; Андрияшев А. Нарис історії колонизації Переяславської землі до початку XVI віку // Записки історічно-філологічного відділу ВУАН. 1931. Кн. XXVI; Его же. Нарис історії колонизації Сіверскої землі до початку XVI віку // Там же. 1928. Кн. XX.
78. Новицкий В. Давне Лукомор'я // Там же. 1929. Кн. XXIV; Спицын А. А. Ук. соч. // ЖМНП. 1899. Т. VIII.
79. Третьяков П. Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Сов. археология. 1937. Т. IV.
80. Сов. археология. 1937. Т. IV.
81. Там же. С. 60.
82. Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. I. С. 29—35; Середонин С. М. Историческая география.
83. Энгельс Ф. Франкский диалект // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI, ч. I.
84. Филин Ф. П. Диалектический атлас русского языка // Фронт науки и техники. 1936. № 12; Его же. Очерки истории русского языка до XIV столетия // Учен. зап. Пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. XXVII.
85. Бунак В. В., Нестурх М. Ф. и Рогинский Я. Я. Антропология. С. 345; Филин Ф. П. Очерк истории русского языка до XIV столетия. С. 11.

86. Веске М. П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка; Филин Ф. П. Ук. соч. С. 11—14.
87. Марр Н. Я. Избранные работы. Т. V: Этно- и глоттогония Восточной Европы; Филин Ф. П. Ук. соч. С. 11—16; Его же. Н. Я. Марр и изучение русского языка // Язык и мышление. Т. VIII; Его же. Генетические взаимоотношения русского языка с языками других народностей СССР // Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н. Я. Марру.
88. Соболевский А. И. Русско-скифские этюды // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности АН. 1921, 1922; Марр Н. Я. Ук. соч.; Филин Ф. П. Очерки истории русского языка до XIV столетия. С. 10—16; Готье Ю. В. Ук. соч. С. 131—132.
89. Филин Ф. П. Ук. соч. С. 21—31.
90. Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. С. 22.
91. Его же. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. С. 24.
92. Филин Ф. П. Ук. соч. С. 31—89; Гринкова Н. П. Монографическое изучение диалектов как материал истории языка // Учен. зап. Пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. XX; Шахматов А. А. Ук. соч.; Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 61—67.
93. Маркс и Энгельс. Соч. Т. XV. С. 239.
94. Бунак В. В., Нестурх М. Ф., Рогинский Я. Я. Антропология. С. 329, 358—360; Антонович В. Б. Раскопки курганов в Западной Волыни // Тр. XII Археол. съезда. Т. I. С. 136—137; Его же. Раскопки в стране древлян. С. 11; Гамченко С. С. Раскопки в бассейне Случи // Тр. XII Археол. съезда. Т. I. С. 392; Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. С. 571—572 и сл.; Его же. Быт и культура древних славян. С. 119—126; Богданов А. П. Курганные жители Северянской земли по раскопкам в Черниговской губернии // Изв. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии // Антропологическая выставка. 1879. № 3. С. 360—361; Его же. Курганные черепа области древних северян. Суджанское длинноголовое население по р. Пслу // Там же. 1878. № 2. С. 182—190; Еллих Б. Черепа. Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей // Изв. Рус. археол. ин-та в Константинополе. Т. X. С. 347—348; Талько-Грынцевич. Опыт физической характеристики древних восточных славян // Статьи по славяноведению. Вып. III; Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. I. С. 306—310.
95. Гаркави А. Я. Древнейшее арабское известие о Киеве // Тр. III Археол. съезда. Т. I. С. 347; Его же. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 85—86, 92—97, 101, 218—222; Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. СПб., 1869. С. 22, 23, 28, 40; Попов Д. История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей; Грушевский М. С. Ук. соч. С. 306—307.

Примечания к главе IV
Разложение первобытно-общинного строя и возникновение феодальных отношений в Древней Руси

1. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. С. 551—552.
2. Ибн-Росте. «Книга драгоценных драгоценностей», изд. Д. А. Хвольсоном в его сочинении «Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста». СПб., 1869; Гардизи.

«Украшение известий», изд. В. В. Бартольдом в его сочинении «Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг.» // Зап. Академии наук по ист.-филолог. отд-нию. VIII сер. Т. I, № 4; Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 262—270; Туманский А. Г. Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах // Зап. Вост. отд-ния Император. рус. археол. об-ва. 1896. Т. X. С. 134.

3. Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. С. 23.
4. Лященко П. История народного хозяйства СССР. С. 57.
5. Макаренко Н. Городище «Монастырище» // Науковий збірнік за рік 1924. Т. XIX; Его же. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1908 г. // Изв. Археол. комиссии. Вып. 22; Магура С. До питання про стару слав'янску кераміку часів родоплеменного ладу // Наукові записки ітстітуту історіі матеріальної культури. Киев. Кн. I; Его же статью см. в «Хроніке археологіі та мистецтва». 1930. Т. I; Козловская В. Остатки славянского городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озере Буромке Черниговской губернии // Изв. Таврич. учен. архив. комиссии. Вып. 47.
6. Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. С. 94, 129; Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам; Канышин. Археологические памятники в области реки Б. Курицы, впадающей в Сейм // Изв. Археол. комиссии: Прибавление к 21-му выпуску. С. 11—13; Соловьев. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска // Изв. Курск. губерн. об-ва краеведения. 1927. № 4. С. 20—24; Булгаков Г. И. Схематический обзор Курского края в культурно-историческом отношении // Курский край. 1925. Вып. 1; Его же. Курск в прошлом // Изв. Курск. губерн. об-ва краеведения. 1927. № 1—2. С. 36—39; Эдинг Д. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. // Вестн. древ. истории. 1938. № 1(2). С. 145; Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь // Вестн. древ. истории. 1939. № 1.
7. Дмитров П. Торфовіща — болота та іх значіння для археологіі // Хроніка археологіі та мистецства. Ч. III. С. 3—11; Куник А. и Розен В. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах // Приложения к «Запискам Императорской Академии наук». Т. 32.
8. Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // Изв. ГАИМК. Вып. 103. С. 116—117; Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. С. 49; Артамонов М. И. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9—10. С. 271; Проблемы древней истории Белоруссии // Вестн. древ. истории. 1938. № 1(2). С. 170—171.
9. Равдоникас В. И. Ук. соч. С. 110, 123.
10. Равдоникас В. И. Ук. соч. С. 109—110; Ефименко П. П. Раннеславянские поселения на Среднем Дону // Сообщения ГАИМК. 1931. № 2; Мещанинов И. И. Кромлехи у славян // Сообщения ГАИМК. 1931. № 7; Спицын А. А. Обозрение губерний в археологическом отношении. Воронежская губерния // Зап. Рус. археол. об-ва. Тр. Отд-ния русской и славянской археологии. Ч. VIII, вып. I—II. С. 139—140.
11. Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. СПб., 1869. С. 32—33.
12. Третьяков П. Н. Ук. соч. С. 54.
13. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. IV. С. 12.
14. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910. С. 8.
15. Грушевский М. С. Киевская Русь. С. 428—429.
16. Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939; Самоквасов Д. А. Семейная община в Курском уезде //

Зап. Геогр. об-ва по Отд-нию этнографии. 1878. Ч. IV; Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. 1; Ее же. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере; Ее же. Южная Русь. Т. I и II; Ее же. Литовско-русские данники и их дани; Лучицкий. Сябры и сябринное землевладение в Малороссии // Северный вестник. 1889. Т. I и II.

17. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1933. С. 80—81.
18. Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. I. С. 55; См. также: Леонтович Ф. И. О значении верви по «Русской Правде» и «Полицкому Статуту» сравнительно с задругой юго-западных славян // ЖМНП. 1867; Его же. Задружно-общинный характер политического быта древней России // ЖМНП. 1874. Т. VII—VIII.
19. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 52, 55.
20. Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. С. 8—12.
21. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 55.
22. Третьяков П. Н. Ук. соч. С. 85.
23. Третьяков П. Н. Ук. соч. С. 84—85; Его же. Подсечное земледелие в Восточной Европе.
24. Примечание № 18 М. О. Косвена к книге М. М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности». 1939. С. 117.
25. Маркс К. Соч. Т. XXVII. С. 681.
26. Примечание № 21 к указанной книге М. Ковалевского. С. 158.
27. Энгельс Ф. Ук. соч. С. 169.
28. Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. С. 85; Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 84.
29. Равдоникас В. И. Ук. соч. С. 116—117.
30. Мавродин В. В. Ук. соч. С. 85.
31. Третьяков П. Н. Ук. соч. С. 84.
32. См. указанные работы П. Н. Третьякова, В. И. Равдоникаса, П. П. Ефименко, А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, а также: Мансуров А. А. Древнерусские жилища // Ист. записки. № 12. С. 61—95.
33. Прокопий. Готская война // Вестн. древ. истории. 1941. № 1. С. 237.
34. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. XVI, ч. 1. С. 139.
35. Ленин В. И. Соч. Т. 1. С. 72.
36. Арциховский А. В. Введение в археологию. С. 102.
37. Равдоникас В. И. Ук. соч. С. 120—121; Мавродин В. В. Ук. соч. С. 86—88; История СССР. Ч. III—IV. С. 463—466; Артамонов М. И. Ук. соч. С. 276—278.
38. Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // Сов. археология. Т. VI. С. 228—229.
39. Мавродин В. В. Ук. соч. С. 89; Аристов. Промышленность Древней Руси.
40. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 6.
41. «Русская Правда» по Троицкому списку.
42. Савельев П. С. Мухамеданская нумизматика; Марков. Топография кладов восточных монет; Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. С. 233—235, 257—259 и сл.; Антонович В. В. Черты быта русских славян по курганным раскопкам. С. 135; Григорьев В. В. Россия и Азия; Лясковронский В. Г. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 41, 205, 222—239; Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. С. 85—97; Любомиров П. Г. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. // Учен. зап. Саратов. ун-та. Т. I, вып. 3; Багалей Д. И. Нарис історії України на соціяльно-економічному грунту. Т. 1. С. 282; Его же. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 100—101, 103—105; Голубовский П. В.

История Северской земли до половины XIV столетия. С. 33—34; Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства. С. 73, 82—85, 94—99, 101—111; Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. I. С. 255—266, 372; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. С. 68 и сл.; Кулишер И. М. История русской торговли. С. 5 и др.; Его же. История русского народного хозяйства. Т. 1; Святловский В. В. Примитивно-торговое государство как форма быта.

43. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 48—49.
44. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 277.
45. Там же. С. 85—86, 92—97, 101.
46. Там же. С. 282.
47. Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. С. 162.
48. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 192.
49. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 218—222; Грушевский М. С. Киевская Русь. С. 367.
50. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 218—222.
51. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 48—49, 85—86, 92—97, 101, 125—138; Его же. Древнейшее арабское известие о Киеве // Тр. III Археол. съезда. Т. I. С. 347; Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. С. 22, 23, 28—40.
52. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 21.
53. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 137; Куник А. и Розен В. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I // Зап. АН. Т. XXXII; Frähn Ch. M. Die altesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foczlans Reiseberichten.
54. Куник А. и Розен В. Ук. соч. Прил. № 2. С. 46—52.
55. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 193, 220, 276; Туманский А. Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и русских // Зап. Вост. отд-ния Император. рус. археол. об-ва. Т. X.
56. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 48.
57. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 7.
58. Грушевский М. С. Киевская Русь. С. 349.
59. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 8—10.
60. Памятники древней письменности. 1881. С. 85.
61. Марголин. Три еврейских путешественника XI м XII столетий. 1881. С. 146.
62. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 7, 44.
63. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 359.
64. Куник А. и Розен В. Ук. соч. Прил. 2. С. 46—54.
65. Васильевский В. Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. 1898; Шайтан М. Э. Германия и Киев в XI в. // Летопись занятий постоянной Археологической комиссии. 1927. Т. XXXIV.
66. Марголин. Ук. соч. С. 138; Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 127—138.
67. Monumenta Poloniae historica. С. 394.
68. Гардизи. «Украшение известий», изд. В. В. Бартольдом в его сочинении «Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг.» // Зап. АН по ист.-филол. отд-нию. VIII сер. Т. I, № 4. С. 121.
69. Бауер Н. П. Денежный счет «Русской Правды» // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1937. С. 185—193.
70. Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси; Его же. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Изв. АН. Отд. гуманитар. наук. 1930. № 3; Толстой И. И. Древнейшие русские монеты

великого княжества Киевского; Ильин А. А. Топография кладов древнерусских монет X—XI вв.; Бауер Н. П. Автореферат работы «Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Iahrhunderts Zeitschrift für Numismatic» // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9—10.

71. Арциховский А. А. Введение в археологию. С. 103.
72. Хвольсон Д. А. Ук. соч. С. 24—25; Бауер Н. П. Денежный счет «Русской Правды» // Вспомогательные исторические дисциплины. 1937. С. 184—185.
73. Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. С. 21—22.
74. Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // Изв. ГАИМК. Вып. 103. С. 116—119 и др.; Третьяков П. Н. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. С. 59—68; Юшков С. В. Ук. соч. С. 22—24; История СССР. Ч. III—IV. С. 463—465.
75. Шафарик П. Славянские древности. Т. II, кн. 3. Прил. 19.
76. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 57.
77. Марр Н. Я. Этно- и глоттогония Восточной Европы // Избр. соч. Т. V; Его же. К вопросу об историческом процессе // Тр. 1-й Всесоюз. конф. историков-марксистов. Т. II. С. 287.
78. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 23, 119, 146.
79. Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // Сов. археология. Т. VI. С. 247—257; «Русская Правда» по Троицкому списку.
80. Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 250.
81. Юшков С. В. Ук. соч. С. 46—49, 131—140.
82. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С 8.
83. Там же. С. 52—54; Егоров В. А. Два финских имени // Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову.
84. Марр Н. Я. «Скифский язык», «По этапам развития яфетической теории», «К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем», «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси» и др. См. также: Державин Н. С. Из истории древнеславянского города // Вестн. древ. истории. 1940. № 3—4; Рыбаков Б. А. Ранняя культура восточных славян // Ист. журн. 1943. № 11—12. С. 78.
85. Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 79.
86. Каргер М. К. Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным // Краткие сообщения о докладах о полевых исследованиях ИИМК. 1939. Т. I. С. 9—10; Его же. Погребение киевского дружинника X века // Там же. 1940. Т. V. С. 79—82; Его же. Княжеское погребение XI века в Десятинной церкви // Там же. 1940. Т. IV. С. 12—21; Его же. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. // Там же. 1940. Т. VI. С. 61—66; Его же. К вопросу о саркофагах князя Владимира и Анны // Там же. 1940. Т. VII. С. 76—81; Его же. Раскопки древнего Киева // Наука и жизнь. 1940. № 2. С. 38—41; Артамонов М. И. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9—10. С. 276—278; Арциховский А. В. и Рыбаков Б. А. Раскопки на Славне в Новгороде Великом // Сов. археология. 1940. № 3; Стасюлевич М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. II. С. 705; Киселев С. В. 25 лет советской археологии // 25 лет исторической науки в СССР. С. 51—52; Арциховский А. В. Введение в археологию. С. 117—121; Фортинский Ф. Я. Титмар Мерзебургский и его хроника. С. 197—198; Обзор полевых археологических исследований ИИМК Академии наук в 1938 году // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1939. Т. I. С. 15.

87. Гаркави А. Я. Сказание мусульманских писателей о славянах и русских. С. 101; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Под ред. И. Ю. Крачковского; Эпоха возникновения феодализма в Восточной Европе // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9—10.
88. Равдоникас В. И. Ук. соч. С. 121—129; Арциховский А. В. Русская дружина по археологическим данным // Историк-марксист. 1939. № 1. С. 192—194; Смоличев П. Роскопи сіверянських могіл в с. Шестовиці на Черниговщіні у літку 1925 року // Україна. 1926. Кн. 1; Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории // Тр. III Археол. съезда. Т. I; Его же. Северянская земля и северяне по городищам и могилам; Его же. Могильные древности Северянской Черниговщины; Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. С. 109, 226—227, 248—262; Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 95—98; История СССР. Ч. III—IV. С. 466—469; Каргер М. К. Погребение киевского дружинника X в. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. Т. V.
89. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 10.
90. Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. Сер. ист. наук. Вып. 8. С. 226—240.
91. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 58.
92. Хвольсон Д. А. Ук. соч. С. 28—40.
93. Юшков С. В. Ук. соч. С. 20.
94. «Русская Правда» по Академическому списку.
95. Пьянков А. П. Одно забытое иностранное известие о рабстве в Киевской Руси // Историк-марксист. 1940. № 3. С. 136.
96. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен.
97. Ипатьевская летопись. 1843. С. 26—27.
98. Патерик Киевского Печерского монастыря. 1911. С. 17.
99. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 371—374; Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. Сер. ист. наук. Вып. 8. С. 206.
100. Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 107.
101. Греков Б. Д. Ук. соч. С. 94—107; Юшков С. В. Ук. соч. С. 24—25; Мавродин В. В. Ук. соч. С. 99—100.
102. Ленин В. И. Собр. соч. Т. XXIV. С. 367.
103. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. XVI, ч. 1. С. 140.
104. Там же.
105. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 58—59, 137; Греков Б. Д. Ук. соч. С. 81—82.
106. Греков Б. Д. Ук. соч. С. 73; Юшков С. В. Ук. соч. С. 45.
107. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 146.
108. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 49.
109. Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории. 1938. С. 22.
110. Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899. P. 76.
111. Ibid.
112. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, так называемая «Новгородская I летопись». 1888. С. 2; Новгородская IV летопись. 1915. С. 9.
113. Юшков С. В. Ук. соч. С. 87—88; Его же. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X—XI вв. // Историк-марксист. 1936. № 6.
114. Имеются в виду следующие работы Б. Д. Грекова: «Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной дерев-

не»; «Рабство и феодализм в Киевской Руси»; «Феодальные отношения в Киевском государстве»; «Киевская Русь»; «Главнейшие этапы в истории крепостного права в России».

Возражения, сделанные Б. Д. Грекову С. В. Бахрушиным (Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 3; К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 2; Держава Рюриковичей // Вестн. древ. истории. № 2/3; рецензия на книгу Б. Д. Грекова в журнале «Пролетарская революция». 1936. № 4); С. Н. Черновым (О смердах Руси XI—XII вв. // Академия наук Н. Я. Марру); Н. Л. Рубинштейном (рецензия на сборник «Памятники истории Киевского государства» в журнале «Историк-марксист». 1938. № 1; Предисловие к I тому «Лекций по русской истории» А. Е. Преснякова) и С. В. Юшковым (Очерки по истории феодализма в Киевской Руси), все же не поколебали убедительности основных взглядов Б. Д. Грекова по вопросу о положении и происхождении различных категорий зависимого населения. Новые работы о сельском люде Древней Руси, подвергшиеся анализу в статье И. И. Смирнова, также не вносят существенных изменений в стройную концепцию Б. Д. Грекова. См.: Смирнов И. И. Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе // 25 лет исторической науки в СССР. М., 1942.

115. Юшков С. В. К вопросу о смердах // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та. Т. I, вып. IV.
116. Марр Н. Я. По этапам развития яфетической теории. С. 187, 221—224; Его же. Чуваши-яфетиды на Волге. С. 56; Его же. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык. С. 57, 114—120.
117. Рыдзевская Е. А. Слово «смерд» в топонимике // Проблемы источниковедения. Т. II; Юшков С. В. К вопросу о смердах // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та. Т. I, вып. IV; Марр Н. Я. Об яфетической теории // Новый Восток. 1924. № 5. С. 325—326.
118. Любавский М. К. История западных славян; Мархлевский. Очерки истории Польши; Ястребов Н. В. История западных славян.
119. Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 125—142; Юшков С. В. Ук. соч.; Его же. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. С. 89—113.
120. Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. С. 119—124; Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 142—150.
121. Энгельс Ф. Марка. 1933. С. 15.
122. Юшков С. В. Ук. соч. С. 89—113; Греков Б. Д. Ук. соч. С. 125—142; Смирнов И. И. Ук. соч. С. 102; Мавродин В. В. Ук. соч. С. 101.
123. Ленин В. И. Собр. соч. Т. III. С. 150.
124. Там же. Т. XI. С. 98.
125. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. 1932. С. 114.
126. Равдоникас В. И. Маркс—Энгельс и основные проблемы доклассового общества // Изв. ГАИМК. Вып. 81. С. 189.
127. Равдоникас В. И. Ук. соч. С. 189—190.
128. Греков Б. Д. Рабство и феодализм в Киевской Руси; Его же. Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? // Историк-марксист. 1939. № 4. С. 134—143.
129. Ленин В. И. Собр. соч. Т. III. С. 150, 242; Т. XI. С. 98; Т. XVII. С. 514.
130. Там же. Т. III. С. 150, 242.
131. Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 257.
132. Юшков С. В. Ук. соч. С. 127—128.

Примечания к главе V
У истоков Киевского государства.
Первые государственные образования восточных славян

1. Шахматов А. А. «Повесть временных лет». Пг., 1916. С. XVI.
2. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 137—138.
3. Черепнин А. И. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. 1892. С. 7. (Изд. Рязан. учен. архив. комиссии).
4. Марр Н. Я. По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII века // Избр. соч. Т. V. С. 97.
5. Марр Н. Я. Ук. соч.
6. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 38.
7. Там же. С. 76.
8. Там же. С. 140.
9. Там же. С. 42.
10. Там же. С. 42—43.
11. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910. С. 8.
12. Новгородская летопись по синодальному харатейному списку, так называемая «Новгородская I летопись». С. 4.
13. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 16.
14. Там же. С. 18.
15. Там же. С. 23.
16. Там же. С. 63.
17. Цит. по: Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. Т. III. С. 19; Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка X в. 1932.
18. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 92—93.
19. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 239.
20. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 49; Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. С. 25.
21. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 130.
22. Там же. С. 129, 221—222.
23. Там же. С. 130.
24. Григорьев В. В. Россия и Азия. С. 99; Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Сов. востоковедение. Т. I. С. 18; Жданов Р. В. Крещение Руси и начальная летопись // Ист. записки. 1939. № 5. С. 15.
25. Куник А. и Розен В. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. С. 54; Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91.
26. Марр Н. Я. Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике; Его же. Чуваши-яфетиды на Волге; Его же. К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории.
27. Марр Н. Я. Балкаро-сванское скрещение // ДАН. 1929. С. 45—46; Его же. Термин «скиф».
28. Бабенко В. А. Расповсюждення стародавньої Салтівської та схожих на неі культур в межах Східної Европии. 1930; Его же. Дневник раскопок в В. Салтове, произведенных в 1905 г. // Тр. XIII Археол. съезда. Т. I; Его же. Что дали новые раскопки в В. Салтове; Его же. Дополнения к докладу «Что дали новые раскопки в В. Салтове» // Тр. XIII Археол. съезда; Его же. Продолжение систематических раскопок в В. Салтове // Тр. XIV Археол. съезда. Т. III; Его же. Древне-салтовские придонецкие окраины Южной России // Тр. XII Археол. съезда; Его же. Памятники хазарской культуры на юге России // Тр. XV Археол. съезда. Т. I; Макаренко Н. Археологические исследования 1905—1907 гг. // Изв. Археол. комиссии. Вып. 43; Милютин А.

Раскопки 1906 г. на Маяцком городище // Изв. Археол. комиссии. Вып. 29; Кулаковский Ю. В. Христианство у алан // Византийский временник. 1898. № 1; Его же. Аланы по сведениям классических и византийских писателей; Готье Ю. Железный век в Восточной Европе; Его же. Кто были обитатели Верхнего Салтова // Изв. ГАИМК. Т. V; Покровский А. М. Верхне-Салтовский могильник // Тр. XII Археол. съезда. Т. I; Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. // Тр. XII Археол. съезда. Т. I; Спицын А. А. Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову; Его же. Историко-археологические разыскания. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. 1909. Т. I; Замятнин С. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах // Воронежский историко-археологический вестник; Багалей Д. И. Русская история. Т. I, вып. 2; Данилевич В. Курс русских древностей; Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли; Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону; Его же. Рецензия на книгу Арендта, помещенная в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1935. № 9—10; Его же. Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии // Сов. археология. Т. IV, и др.

29. Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии // Сов. археология. Т. VI. С. 164.
30. Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. // Тр. XII Археол. съезда. Т. I. С. 211—213; Бабенко В. А. Дневник раскопок в В. Салтове, произведенных в 1905 г. // Тр. XIII Археол. съезда. Т. I. С. 388—389; Его же. Дополнения к докладу «Что дали новые раскопки в В. Салтове» // Там же. Т. III. С. 400—410; Его же. Продолжение систематических раскопок в В. Салтове // Тр. XIV Археол. съезда. Т. III. С. 238—239; Его же. Разповсюдження стародавньої Салтівської та схожих на неі культур в межах Східної Европи; Готье Ю. Железный век в Восточной Европе; Его же. Кто были обитатели Верхнего Салтова // Изв. ГАИМК. Т. V; Макаренко Н. Ук. соч.; Милютин А. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище // Изв. Археол. комиссии. Вып. 29. С. 153—163.
31. Бабенко В. А. Древне-салтовские придонецкие окраины Южной России // Тр. XII Археол. съезда. С. 437.
32. Багалей Д. И. Русская история. Т. I. С. 114; Данилевич В. Курс русских древностей. С. 155—156; Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. С. 233—234.
33. Спицын А. А. Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову; Его же. Историко-археологические изыскания. Исконные области Дона и Донца // ЖМНП. 1909. Т. I; Его же. Обозрение губерний в археологическом отношении. Воронежская губерния // Зап. Рус. археол. об-ва. Тр. Отд-ния рус. и славян. археологии. Т. XIII, вып. I—II. С. 135—136; Готье Ю. Железный век в Восточной Европе; Его же. Кто были обитатели Верхнего Салтова // Изв. ГАИМК. Т. V; Макаренко Н. Материалы по археологии Полтавской губернии // Тр. Полтав. учен. архив. комиссии. 1908. Вып. V. С. 202.
34. Марр Н. Я. Избранные работы. Т. V. С. 77.
35. О них см. рецензию М. И. Артамонова, помещенную в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1935. № 9—10.
36. Успенский Ф. И. Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей. Материалы для болгарских древностей Абоба-Плиска // Изв. Рус. археол. ин-та в Константинополе. София, 1905. С. 3—13.
37. Успенский Ф. И. Неизвестное письмо. Древнейшие знаки письма // Изв. Рус. археол. ин-та в Константинополе. София, 1905. С. 269—272; Шкоркил К. В. Знаки на строительном материале // Там же. С. 253 и др.; Его

же. Рисунки на камнях и кирпичах и скульптурные фрагменты; Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону.

38. Данилевич В. О раскопках в Курской губернии // Тр. XIV Археол. съезда. Т. III. С. 119; Соловьев. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска // Изв. Курск. губерн. об-ва краеведения. 1927. № 4. С. 14—24; Макаренко Н. Предметы случайной находки близ с. Ивахнино Лохвицкого уезда Полтавской губернии // Тр. Полтав. учен. архив. комиссии. 1908. Вып. V. С. 208—209; Его же. Материалы по археологии Полтавской губернии // Там же. С. 202—206; Абрамов. Літопісній Вороніж на Чернігівщіні // Сборник статей в честь Д. И. Багалея. С. 463; Спицын А. А. Обозрение губерний в археологическом отношении. Воронежская губерния // Зап. Рус. археол. об-ва. Тр. Отд-ния рус. и славян. археологии. Кн. I. Т. VIII, вып. I—II. С. 135—136; Рыков П. С. Юго-восточная граница радимичей // Учен. зап. Саратов. ун-та. Вып. III. С. 43.
39. Соболевский А. И. Русско-скифские этюды // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности АН. Т. XXVI. С. 11; Его же. Три слова древней тюрко-болгарской надписи // ДАН. 1929. № 5.
40. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 8, 52—54; Лященко А. И. Киев и Εαμβατας у Константина Багрянородного // ДАН. 1930. № 4. С. 66—72.
41. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 17 и далее.
42. Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. С. 27; Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию // Зап. АН. Т. VIII, ч. I.
43. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 11, 24.
44. Там же. С. 16.
45. Паннонское житие Константина Философа // Чтение в Обществе истории и древностей российских. 1836. Кн. II.
46. Шафарик П. Славянские древности. Кн. III. Т. II. С. 109; Бодянский О. О времени происхождения славянских письмен.
47. Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. С. 100—101; Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 101, 240.
48. Гедеонов С. А. Варяги и Русь. Т. II. С. CVIII—CX; Городцов В. А. Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды // Археологические известия и заметки. 1898. № 11—12. См. также «Археологические известия и заметки». 1897. № 12; Его же. Население Рязанской области // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности АН. Кн. IV. Т. XIII. С. 116; Самоквасов Д. Я. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда. С. 11; Арциховский А. В. Введение в археологию С. 112.
49. См. работы Кондакова, Толстого, П. А. Голубовского, Л. Нидерле, М. В. Довнар-Запольского, А. А. Спицына, Н. Макаренко, Ф. Шмита, А. С. Гущина, А. С. Башкирова, Н. Я. Марра, Н. Н. Воронина, Е. В. Аничкова, В. А. Пархоменко, Кириона, Авалиани, Шора Бекмурзин, Ногмова, Лопатинского, Е. Е. Голубинского, М. С. Грушевского, М. И. Артамонова, Филина, Н. П. Гринковой.
50. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 9, 32, 46.
51. Там же. С. 54; Мавродин В. В. Некоторые вопросы истории разложения родового строя на территории Древней Руси // Учен. зап. Пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. XIX.
52. Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. Сер. ист. наук. 1941. Вып. 8. С. 203.
53. Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. I. С. 390—392; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 1909. С. 75—78; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. С. 36—40.

54. Юшков С. В. Ук. соч. С. 31—33; Троцкий И. М. Элементы дружинной идеологии в «Повести временных лет» // Проблемы источниковедения. Т. II.
55. Труды В. Г. Васильевского. Т. III. С. 95.
56. См. ук. работу В. Г. Васильевского.
57. Труды В. Г. Васильевского. Т. III. С. 64.
58. Слабченко М. Проложное сообщение о предлетописной Руси // Ист. журн. 1942. № 7. С. 129.
59. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 17.
60. Monumenta Germaniae historica. Scr. I. P. 434.
61. Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 51—58.
62. Гаркави А. Я. Древнейшее арабское известие о Киеве // Тр. III Археол. съезда. Ч. I. С. 347.
63. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 193, 220, 276; Туманский А. Г. Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и русских // Зап. Вост. отд-ния Император. рус. археол. об-ва. 1896. Т. X. С. 136; Enzyklopaedie des Islam. Bd I.
64. См. литературу в моей статье «Славянско-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв.» // Учен. зап. Пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. XI.
65. Смирнов П. Волзькиї шлях і стародавні Руси. Киев, 1929.
66. Хвольсон Д. А. Ук. соч. С. 34—40.
67. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. С. 101, 124 и др.; Его же. Арабские известия о русах // Сов. востоковедение. Т. I. С. 22, 42—43.
68. Хвольсон Д. А. Ук. соч. С. 36—37.
69. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 220, 276.
70. Васильевский В. Т. Труды. Т. III. С. 64.
71. Насонов А. Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы // Ист. записки. Т. VI. С. 80—81.
72. Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. С. 55—56.
73. Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. С. 38.
74. Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. V. С. 42.
75. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, так называемая «Новгородская I летопись». С. 4.
76. Равдоникас В. И. Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // Изв. ГАИМК. Вып. 153. С. 126.
77. Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. С. 248—259; Брим В. А. Путь из варяг в греки // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. VII серия. 1931. № 2. С. 206 и др.; Томсен В. Начало русского государства; Тиандер К. Поездка скандинавов в Белое море; Его же. Город Бирка // ЖМНП. 1910. Т. VI.
78. Брим В. А. Ук. соч. С. 208—209.
79. Новгородская летопись по синодальному харатейному списку, так называемая «Новгородская I летопись». С. 4—5.
80. Новгородская летопись по синодальному харатейному списку, так называемая «Новгородская I летопись». С. 4; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 19.
81. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 20.
82. Новгородская летопись по синодальному харатейному списку, так называемая «Новгородская I летопись». С. 5.
83. См.: Полонская Н. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира // ЖМНП. 1917, сентябрь; Мошин В. А. Варяго-русский вопрос // Slavia. 1931. R. X, s. 1—3.
84. Новгородская летопись по синодальному харатейному списку, так называемая «Новгородская I летопись». С. 3.

85. Летопись по Ипатскому списку. 1871. С. 11.
86. ПСРЛ. Т. IX. «Никоновская летопись». С. 9.
87. Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 229.
88. Ловягин Е. Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь // Христианское чтение. 1882. Ч. II. С. 430—435; Лопарев Х. М. Старое свидетельство о положении ризы Богородицы применительно к нашествию русских на Византию в 860 г. // Византийский временник. 1895. Т. II, вып. I; Грушевский М. С. Ук. соч. С. 402—405, 565—567.
89. Monumenta Germaniae historica. Scr. VII. P. 18.
90. Цит. по: Пресняков А. Я: Лекции по русской истории. Т. I. С. 46; См. также «Брюссельскую Византийскую Хронику», «Житие Св. Климента» и др.; Полонская Н. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира // ЖМНП. 1917, сентябрь.
91. Corpus historica Byzant. Vol. XXVII. Cap. 97.
92. Photii epistolae. P. 178.
93. Приселков М. Д. Рецензия на книгу В. А. Пархоменко «Начало христианства на Руси. Очерк из истории Руси IX—Хвв.» // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности АН. 1914. Кн. I. Т. XIX. С. 361; Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права.
94. Васильевский В. Г. Труды. Т. III. С. 64; Сюзюмов М. К вопросу о происхождении слова «Ρως», «Ρασια», «Россия» // Вестн. древ. истории. 1940. Т. 2(11).
95. Приселков М. Д. Ук. рецензия. С. 361.
96. Ламанский В. И. Житие Св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение // ЖМНП. 1903, апрель—июль, декабрь; 1904, январь.
97. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 20—21.
98. Там же. С. 19—20.
99. ПСРЛ. Т. IX. «Никоновская летопись». С. 9; Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. С. 4.
100. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 22—23.
101. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 407—408.
102. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 137.
103. Дорн Б. А. Каспий. СПб., 1875. С. 3—6, 531.
104. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 409.
105. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 43.

Примечания к главе VI
Образование Киевского государства

1. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910. С. 22.
2. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, так называемая «Новгородская I летопись». С. 5.
3. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 318.
4. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 22.
5. Ученые записки Ленинградского государственного университета. Сер. ист. наук. Вып. 8. С. 204.
6. Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. 1942. С. 65—68; Его же. Первый труд по истории России // Ист. журн. 1943. № 11—12. С. 57.
7. Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century. Лондон, 1899.
8. Marx K. Op. cit.
9. Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. V. С. 42.

10. Браун Ф. А. Шведская руническая надпись, найденная на о. Березани // Изв. Император. археол. комиссии. 1907. Вып. 23.
11. Брим В. А. Путь из варяг в греки // Изв. АН. Отд-ние общест. наук. VII серия. 1931. № 2; Гедеонов С. Варяги и Русь. Ч. II. С. 471—477.
12. Зутис Я. Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв. // Историк-марксист. 1940. № 3. С. 40; Погодин А. Три заметки о начале Русского государства // Slavia. 1932. R. XI, s. I. S. 122—123.
13. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 23.
14. Греков Б. Д. Ук. соч. С. 64—65; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. I. С. 79.
15. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 23—24.
16. Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. Сер. ист. наук. Вып. 8. С. 229.
17. Обнорский С. П. Язык договоров русских с греками // Язык и мышление. Т. VI—VII. С. 102—103.
18. Приселков М. Д. Ук. соч. С. 239.
19. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 32—37.
20. Приселков М. Д. Ук. соч. С. 233.
21. Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. I. С. 433; М. Шангин считает, что автором «Слова» был византийский писатель Арефа, а не патриарх Николай Мистик. См. его статью «Византийский писатель Арефа — автор „Слова о мире с болгарами 927 года“» // Историк-марксист. 1939. № 3. С. 177.
22. Успенский Ф. И. Русь и Византия в X веке. С. 10.
23. Дорн Б. А. Каспий. СПб., 1875. С. 3—6, 464, 531.
24. Григорьев В. В. Россия и Азия. С. 13, 43.
25. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 125.
26. Григорьев В. В. Ук. соч. С. 13; Ламбин Н. О Тмутараканской Руси // ЖМНП. 1874. С. 76; Голубовский П. В. Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святом // Киевская старина. 1888. № 22. С. 66; Мавродин В. В. Первые морские походы русских на Каспийском море // Морской сборник. 1939. № 9. С. 99—100.
27. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 125—138.
28. Григорьев В. В. Ук. соч. С. 19.
29. Бартольд В. В. Новое мусульманское известие о русских // Зап. Вост. отд-ния Рус. археол. об-ва. Т. IX, вып. I—IV. С. 264—265.
30. Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908, февраль. С. 32.
31. Смирнов П. Волзький шлях і стародавні Руси. Киев, 1928. С. 220.
32. Коковцов П. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. // ЖМНП. 1913, ноябрь. С. 159—161; Его же. Еврейско-хазарская переписка в X в. 1932.
33. Якубовский А. Ю. Ибн-Мискавейх о походе руссов в Бердаа в 932—943—944 гг. // Византийский временник. Т. XXIV; Каганкатваци Моисей. История Агван / Пер. К. Патканова; Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Сов. востоковедение. Т. 1. С. 33; Мавродин В. В. Ук. соч. С. 102.
34. Насонов А. Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы // Ист. записки. 1940. № 6. С. 90—95.
35. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 409; Лященко А. И. Летописные сказания о смерти Олега Вещего // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности АН. 1924. Т. XXIX.
36. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 41.
37. ПСРЛ. Т. IX. С. 26.
38. ПСРЛ. Т. IX. С. 26—27.
39. Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century. Лондон, 1899.

40. Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории. 1938. С. 22.
41. Corpus scriptorum historiae Byzantiae. Т. XXXVIII; Веселовский А. Видение Василия Нового о походе русских на Византию // ЖМНП. 1889, январь. С. 80—92; Monumenta Germaniae historica. Scr. III; Гаркави А. Я. // ЖМНП. 1872, апрель; «История» Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. Ч. VI, гл. 10.
42. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 440—441; Приселков М. Д. Русско-византийские отношения в IX—XII вв. // Вестн. древ. истории. 1939. № 3. С. 101.
43. Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. С. 55.
44. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910. С. 44.
45. Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X века по византийским источникам // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. Сер. ист. наук. Вып. 8. С. 217—226; Насонов А. А. Ук. соч.; Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. // Учен. зап. Пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. XI.
46. Насонов А. Н. Ук. соч. С. 83—95.
47. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 71—72.
48. Дорн Б. А. Каспий. СПб., 1875. С. 498.
49. Дорн Б. А. Ук. соч. С. 515.
50. Григорьев В. В. Россия и Азия. С. 20—21.
51. Григорьев В. В. Ук. соч. С. 22.
52. Григорьев В. В. Ук. соч. С. 22; Якубовский А. Ю. Ук. соч. С. 92.
53. Бартольд В. В. Ук. соч. С. 34.
54. Зутис Я. Ук. соч.; Томсен В. Начало русского государства. С. 119—130.
55. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 74; Грушевский М. С. Ук. соч. С. 445.
56. Изд. О. И. Сеньковского в «Библиотеке для чтения». 1834. Т. 2, отд. 3.
57. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 10.
58. Приселков М. Д. Ук. соч. С. 226—240.
59. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 34, 49, 51.
60. Там же. С. 51.
61. Там же. С. 52—53.
62. Там же. С. 53.
63. «История» Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. 1820. Ч. VI, гл. 10.
64. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Гл. XIV; Грушевский М. С. Ук. соч. С. 438, 469; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 54, 68, 72, 73, 78, 82, 126.
65. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, так называемая «Новгородская I летопись». С. 5.
66. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 8.
67. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 54.
68. Весь рассказ об Ольге из «Повести временных лет по Лаврентьевскому списку». Ук. изд. С. 54—59.
69. Юшков С. В. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X—XI вв. // Историк-марксист. 1936. № 6; Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 183—186.
70. «Русская историческая библиотека». Вып. XXV. С. 16.
71. Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. 1888. Кн. 2. С. 7—68; Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91. С. 47—48.
72. Цит. по: Грушевский М. С. Ук. соч. С. 454; Айналов Д. В. Дар святой княгини Ольги в ризницу святой Софии в Царьграде // Тр. XII Археол. съезда. Т. II.

73. Monumenta Germaniae historica. Scr. I. P. 624.
74. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 450—456; Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 81—83; Пархоменко В. А. Начало христианства на Руси. С. 125—146; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. С. 9—14; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 59—63; Полонская Н. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира // ЖМНП. 1917, сентябрь.
75. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, так называемая «Новгородская I летопись». С. 20.
76. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 61, 66.
77. «История» Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. 1820. С. 193—197; Куник А. А. О записке готского топарха // Зап. АН. 1874; Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. Записки греческого топарха // ЖМНП. 1876. Ч. CXXXV; Насонов А. Н. Ук. соч. С. 92—93.
78. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 63—64.
79. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 218—229.
80. Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Сов. востоковедение. Т. I. С. 35.
81. Бартольд В. В. Ук. соч. С. 36.
82. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 63.
83. Там же. С. 129.
84. Бартольд В. В. Ук. соч. С. 36.
85. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 64.
86. Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону; Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани по археологическим данным // Этногенез восточных славян. Т. I; Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. // Учен. зап. Пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. XI.
87. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 240; Гедеонов С. А. Варяги и Русь. Ч. II. С. CIX.
88. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 466.
89. «История» Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. 1820. С. 47, 48.
90. Знойко. О посольстве Калокира // ЖМНП. 1907, апрель; Успенский Ф. И. Русь и Византия в X в. С. 25; Его же. Значение походов Святослава в Болгарию // Вестн. древ. истории. 1939. № 4. С. 92; Грушевский М. С. Ук. соч. С. 467; Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 85.
91. «История» Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. 1820. С. 66.
92. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 63.
93. ПСРЛ. Т. VII. С. 240.
94. Кулаковский Ю. В. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриарха // Византийский временник. 1897. Т. IV, вып. 3—4. С. 335; Мавродин В. В. Русские на Дунае // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. Сер. гуманитар. наук. Вып. 87.
95. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 66.
96. Там же. С. 64—65.
97. Бахрушин С. В. Держава Рюриковичей // Вестн. древ. истории. 1938. № 2(3). С. 95.
98. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. С. 604.
99. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 340—378.
100. ПСРЛ. Т. IX. С. 35; Шахматов А. А. Ук. соч. С. 377.
101. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 68.
102. «История» Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. 1820. С. 65.

103. Чернев. Заметки о древнейших русских монетах. С. 79.
104. Успенский Ф. И. Русь и Византия в X в. С. 27.
105. Успенский Ф. И. Значение походов Святослава в Болгарию // Вестн. древ. истории. 1939. № 4. С. 94—95.
106. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 71—72.
107. «История» Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. 1820. С. 97.
108. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 72.
109. Успенский Ф. И. Русь и Византия в X в. С. 11.

Примечания к главе VII
Владимир

1. Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. Сер. ист. наук. Вып. 8. С. 209.
2. Соболевский А. О типе Ильи Муромца // Живая старина. 1892. Вып. II. С. 118—122.
3. Slavia. 1931. R. IX, s. 1. S. 111.
4. См. его брошюру «Борьба Руси за создание своего государства» и статью в «Историческом журнале» 1943 г., № 11—12.
5. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910. С. 72—73; Хронологию этих событий пытался установить М. С. Грушевский. См. его «Історія України-Руси». Т. I. С. 571—572.
6. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 73; Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, так называемая «Новгородская I летопись». С. 27; Грушевский М. С. Ук. соч. С. 479.
7. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 74.
8. Соколов Б. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира // Учен. зап. Саратов. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 1923. Т. I, вып. 3. С. 69—122.
9. Шахматов Л. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. § 181; Жданов Р. В. Крещение Руси и начальная летопись // Ист. записки. 1939. № 5.
10. Lamberti Hersfeldensis Annales. 1843. P. 19.
11. ПСРЛ. Т. IX. С. 39.
12. Татищев В. Н. История Российская. Т. I. С. 38; Пархоменко В. А. Начало христианства Руси. С. 158—170.
13. Пархоменко В. А. Ук. соч. С. 162—163.
14. ПСРЛ. Т. IX. С. 39.
15. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. 1888. С. 7.
16. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 77.
17. Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе в XI—XII веках // ЖМНП. 1874. Ч. CLXXVI. С. 102—121 и др.; Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X века по византийским источникам // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. Сер. ист. наук. Вып. 8. С. 245—246.
18. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 80.
19. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 488—489; Куник А. А и Розен В. Р. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. Прил. к «Запискам Академии наук». Т. XXXII. С. 47—49 и др.
20. А. И. Д. О западных границах Подкарпатской Руси со времен святого Владимира // ЖМНП. 1880. Ч. CCVIII. С. 135.
21. Monumenta Germaniae historica. Scr. III. P. 69.
22. Летопись по Ипатскому списку. 1871. С. 605.
23. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 80.
24. Цит. по: Грушевский М. С. Ук. соч. С. 492.

25. Куник А. и Розен В. Ук. соч. С. 61.
26. А. И. Д. Ук. соч. С. 135—159.
27. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 80.
28. Соболевский А. Ук. соч. С. 120—121; Летопись по Ипатскому списку. 1871. С. 314; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 132.
29. Приселков М. Д. Ук. соч. С. 236—237.
30. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 486; Пархоменко В. А. Ук. соч. С. 208.
31. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 82.
32. Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Т. II, ч. 2. С. 16.
33. Розен В. Император Василий Болгаробойца. С. 177.
34. Голубинский Е. История русской церкви. Т. 1. С. 144; Успенский Ф. Рецензия на: В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского // ЖМНП. 1884, апрель. С. 296.
35. Васильевский В. Г. Труды. Т. II, ч. 1. С. 117.
36. «История» Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. 1820. С. 105—107.
37. Татищев В. Н. Т. II. С. 89.
38. Русская историческая библиотека. Вып. XXV. С. 10—12.
39. ЖМВД. 1837. № 1, ч. XXIII. С. 328—329; На этот источник недавно обратил внимание в своей статье «Древнейшие договоры русских князей с норвежскими и шведскими королями» (Воен.-ист. журн. 1940. № 3) Тельпуховский Б. Не отвергая значения рунной грамоты, опубликованной Бутковым, я все же считаю, что она требует серьезного анализа.
40. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 119.
41. Киевские университетские известия. 1873, август. Отд. II. С. 5—13.
42. Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. I. С. 93.
43. Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. Сер. ист. наук. Вып. 8. С. 208—209; Стасюлевич М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. II. С. 703.
44. Georgii Cedrini. P. 515.
45. Русская историческая библиотека. Вып. XXV. С. 35.
46. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 94.
47. ПСРЛ. Т. VII. С. 313; ПСРЛ. Т. IX. С. 57; Софийская летопись // ПСРЛ. Т. V. С. 120.
48. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 147.
49. Новгородская I летопись; Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Т. II. С. 66.
50. Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. 1914. С. 69 и др.
51. Ленин В. И. Собр. соч. Т. VIII. С. 419.
52. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 77.
53. Там же. С. 172.
54. Там же. С. 79.
55. Аничков Е. В. Ук. соч.; Грушевский М. С. Киевская Русь; Корш Ф. Е. Владимировы боги // Сб. Харьков. ист.-филол. об-ва. 1909. Т. XVIII; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. 1939. С. 79.
56. Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. С. 103 и др.; Жданов Р. В. Крещение Руси и начальная летопись // Ист. записки. 1939. № 5. С. 11—14 и др.; Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Руси // Историк-марксист. 1937. Кн. 2. С. 48—50; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах; Его же. Толковая Палея и русская летопись // Статьи по славяноведению. Т. I; Его же. Корсунская легенда о крещении Владимира // Сборник в честь В. И. Ламанского. Т. II; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.

57. Бартольд В. В. Новое мусульманское известие о русских // Зап. Вост. отд-ния рус. археол. об-ва. Т. IX, вып. I—IV. С. 264—265; Заходер Б. Н. Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX—X вв. // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1943. Вып. 6. С. 36.
58. Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. I. С. 79; Коробка Н. И. К вопросу об источнике русского христианства // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности АН. 1906. Кн. 2; Соболевский А. И. Два слова о древних церковно-славянских переводах с латинского // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности АН. 1906. Кн. 4; Пархоменко В. А. Начало христианства Руси; Его же. У истоков русского государства.
59. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 104.
60. Полонская Н. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира // ЖМНП. 1917, сентябрь; Бахрушин С. В. Ук. соч. С. 52—53 и др.
61. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 104, 105, 122, 123.
62. Розен В. Р. Император Василий II Болгаробойца. Прил. к «Запискам Императорской Академии наук». Т. 44; Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 98—99.
63. Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // ЖМНП. 1874. Ч. 176. С. 122—124.
64. Васильевский В. Г. Ук. соч. // ЖМНП. Ч. 176—178; Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Сов. востоковедение. Т. I. С. 39.
65. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. 1910. С. 109.
66. Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Т. II.
67. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 102—103, 106; Грушевский М. С. Ук. соч. С. 501; Жданов Р. В. Ук. соч. С. 18.
68. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 109.
69. Жданов Р. В. Ук. соч.
70. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 99—100, 104, 109, 110—111, 113, 114; Бахрушин С. В. Ук. соч. С. 50—51; Жданов Р. В. Ук. соч. С. 16—17, 19, 20, 23—24, 28.
71. «История» Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. 1820. С. 108.
72. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 106.
73. Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа // Учен. зап. Пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. XI; Его же. Очерки истории Левобережной Украины.
74. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 107.
75. Там же. С. 114.
76. Памятники древнерусской церковно-учительской литературы. С. 71.
77. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Т. I. С. 229.
78. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 119, 122.
79. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 111—112; Приселков М. Д. Ук. соч. С. 51—54; Жданов Р. В. Ук. соч. С. 20.
80. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Т. I. С. 228 и др.; ДАН. Т. VI; Павлов А. С. К вопросу о подлинности устава св. Владимира // Тр. VIII Археол. съезда. Т. IV. С. 72—73; Юшков С. В. Исследования по истории русского права. Вып. I.
81. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 124; Бахрушин С. В. Ук. соч. С. 67.
82. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 119.
83. Бахрушин С. В. Ук. соч. С. 68—74.
84. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 116, 148.
85. Никольский Н. К. О древнерусском христианстве // Русская мысль. 1913. Кн. 6; Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 113—114; Приселков М. Д. Русско-византийские отношения IX—XII веков // Вестн. древ. истории. 1939. № 3. С. 103.

86. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 122—123; Аничков Е. В. Ук. соч. С. 156—162.
87. Стасюлевич М. Ук. соч. С. 703—704; Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 114.
88. Никольский Н. К. Ук. соч.
89. Стасюлевич М. Ук. соч. С. 703.
90. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т. VIII. С. 128.
91. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 124.
92. Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899. P. 75.
93. Аничков Е. В. Ук. соч.; Бахрушин С. В. Ук. соч. С. 61—62; Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. I; Гальковский И. Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси.
94. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т. XXII. С. 122.
95. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 106, 109—112, 114; Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. Сер. ист. наук. Вып. 8. С. 210—211.
96. ПСРЛ. Т. IX. С. 57, 64, 68.
97. ПСРЛ. Т. IX. С. 68.
98. Бахрушин С. В. Ук. соч. С. 75—76.
99. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910. С. 123—124.
100. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. 1939. С. 84; Заходер Б. Н. Ук. соч. С. 26.
101. Monumenta Germaniae historica. Scr. III; Chroniei Ditmari Episcopi Merspurgensis. L. VIII. Cap. XVI; Стасюлевич М. Ук. соч. С. 563—564, 704—705; Фортинский Ф. Я. Титмар Мерзебургский и его хроника; Голубовский П. Хроника Дитмара как источник для русской истории // Киевские университетские известия. 1878; Линниченко И. А. Взаимоотношения Руси и Польши до половины XIV столетия. С. 45—48; Грушевский М. С. Ук. соч. С. 487, 491, 493—494.
102. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 137.
103. Русская историческая библиотека. Вып. XXV. С. 12—13.
104. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 127—128.
105. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 127—128.

Примечания к главе VIII
Ярослав

1. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 137; Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, так называемая «Новгородская I летопись». С. 82.
2. Лященко А. И. «Eymundar Saga» и русские летописи // Изв. АН СССР. 1926. Сер. IV. № 12; Русская историческая библиотека. Вып. XXV. С. 31—61; Сеньковский О. Эймундова сага.
3. Сыромятников С. Н. Балтийские Готы и Гута-сага // Живая старина. 1892. Вып. 1. С. 42—44.
4. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 129—131.
5. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 132—136; Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. II. С. 6—7.
6. Чтения в Московском обществе истории и древностей российских. 1859. Ч. I; 1870. Т. I; 1879. Т. II.
7. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, так называемая «Новгородская I летопись». С. 66; Лященко А. И. Ук. соч. С. 1067—1071.

8. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 138; Лященко А. И. Ук. соч. С. 1073.
9. Русская историческая библиотека. Вып. XXV. С. 38.
10. Русская историческая библиотека. Вып. XXV. С. 39; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. 1910. С. 138.
11. Лященко А. И. Ук. соч. С. 1072.
12. Лященко А. И. Ук. соч. С. 1074; Русская историческая библиотека. Вып. XXV. С. 39—40; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 138—139.
13. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. С. 84.
14. Там же.
15. Русская историческая библиотека. Вып. XXV. С. 41—44; Лященко А. И. Ук. соч. С. 1076—1078.
16. Софийская летопись (ПСРЛ. Т. V). С. 132; Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. VII). С. 325; Никоновская летопись (ПСРЛ. Т. IX). С. 75.
17. Лященко А. И. Ук. соч. С. 1077—1078.
18. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 140.
19. Там же.
20. Там же. С. 112—143.
21. ПСРЛ. Т. IV. Новгородская IV летопись. Вып. I. С. 110.
22. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 507 и далее.
23. ПСРЛ. Т. IV. Новгородская IV летопись. Вып. I. С. 110.
24. Там же. С. 114.
25. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 23.
26. Русская историческая библиотека. Вып. XXV. С. 56.
27. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 142—143; ПСРЛ. Т. V. Софийская летопись. С. 134; ПСРЛ. Т. VII. Воскресенская летопись. С. 328; ПСРЛ. Т. IV. Новгородская IV летопись. Вып. I. С. 110—111; Русская историческая библиотека. Вып. XXV. С. 56—61; Лященко А. М. Ук. соч. С. 1082—1086.
28. Шахматов А. А. Ук. соч. С. 415.
29. Cedrini Georgii. С. 586.
30. Шахматов А. А. Ук. соч.; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. С. 33.
31. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 143.
32. Лопатинский А. Г. Мстислав Тмутараканский и Редедя по сказаниям черкесов // Изв. Бакин. гос. ун-та. Баку, 1921. № 1, второй полутом.
33. ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 79; Козловский И. П. Тмутаракань и Таматарха—Матарха—Тамань // Изв. Таврич. об-ва истории, археологии и этнографии. 1928. Т. II. С. 65.
34. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 144.
35. ПСРЛ. Т. IV. Новгородская IV летопись. Вып. I. С. 111—112.
36. Мавродин В. В. К вопросу о восстаниях смердов // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 6.
37. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 144—145.
38. Там же. С. 145.
39. Сенаторский Н. Исторический очерк города Рыльска в политическом и церковно-административном отношениях. Курск, 1907. С. 36; Его же. К истории заселения юго-западного района Курского края // Изв. Курск. губерн. об-ва краеведения. 1927. № 4. С. 48—49.
40. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 146—147.
41. Cedrini Georgii. P. 515.
42. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 147.
43. Там же. С. 148.
44. Там же. С. 149.
45. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 107—108, 113.

46. Воронин Н. Н. Основные проблемы истории культуры Древней Руси X—XIII вв. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Т. VII. С. 8.
47. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 114; Приселков М. Д. Русско-византийские отношения IX—XII вв. // Вестн. древ. истории. 1939. № 3. С. 103—104; Его же. Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.; Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 62, 72; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах.
48. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 148; Каргер М. К. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Вып. VI. С. 62—66.
49. Стасюлевич М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. II. С. 705, 759.
50. Цит. по: Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. III. С. 21; См. также: Линниченко И. А. Взаимоотношения Руси и Польши до половины XIV столетия. С. 101—108.
51. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 146.
52. Там же. С. 150.
53. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 151; Грушевский М. С. Ук. соч. С. 23.
54. ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 83.
55. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 150—151.
56. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 146, 150; ПСРЛ. Т. V. Софийская летопись. С. 136—137; ПСРЛ. Т. VII. Воскресенская летопись. С. 330.
57. Равдоникас В. И. Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Т. VII. С. 18.
58. Васильевский В. Г. Византия и печенеги // ЖМНП. 1872, ноябрь—декабрь.
59. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 146—147.
60. Cedrini Georgii. P. 478—479.
61. Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // ЖМНП. 1875. Ч. 178. С. 89—92.
62. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 150.
63. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 150—151, 552—553; Васильевский В. Г. Ук. соч. С. 89—93.
64. Приселков М. Д. Ук. соч. С. 104.
65. Monumenta Germaniae historica. Scr. V. P. 153; Scr. VI. P. 684.
66. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 29—33; Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 147; Тимирязев В. А. Французская королева Анна Ярославна // Ист. вестник. 1894. Т. LV.
67. Алексеев М. П. Англо-саксонская параллель к «Поучению Владимира Мономаха» // Тр. Отд. древнерус. лит. / ИРЛИ АН СССР. Т. II. С. 39—49.
68. Грушевский М. С. Ук. соч. С. 34.
69. Monumenta Germaniae historica. Scr. III. P. 98; Scr. XI. P. 74; Грушевский М. С. Ук. соч. С. 34, 487—488.
70. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 138.
71. Лященко А. И. Ук. соч. С. 1086.
72. Щепкин Е. Н. Варяжская вира // Зап. Одес. об-ва истории и древностей. 1915. Т. XXXII. С. 311; Алексеев М. П. Ук. соч. С. 45.
73. Васильевский В. Г. Ук. соч. // ЖМНП. С. 177, 178; Рыдзевская Е. А. Ярослав Мудрый в древне-северной литературе // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Т. VII. С. 66—72.
74. Герасимов М. М. Опыт реконструкции физического облика Ярослава Мудрого; Рохлин Д. Г. Итоги анатомического и рентгенологического

изучения скелета Ярослава Мудрого; Гинзбург В. В. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд; Рыдзевская Е. А. Ярослав Мудрый в древне-северной литературе // Краткие сообщения о докладах о полевых исследованиях ИИМК. 1940. Т. VII.
75. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. I. С. 344.
76. Грушевский М. С. Ук. соч. Генеалогическая таблица I.
77. Гинзбург В. В. Ук. соч.
78. Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 126.
79. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 157.
80. Рыдзевская Е. А. Ук. соч. С. 67, 71.
81. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 157—158; Тверская летопись. С. 15.
82. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ук. изд. С. 157.

Примечания к главе IX
Киевский период в истории славянских народов Восточной Европы

1. Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. С. 248—262; Arne T. J. La Suede et l'Orient; Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // Изв. Археол. комиссии. Вып. 15; Его же. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // Зап. Рус. археол. об-ва. Т. IX; Равдоникас В. И. Die Normannen der Wikingerreit und das Ladogagebiet; Его же. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье // Изв. ГАИМК. Вып. 94; Его же. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // Изв. ГАИМК. Вып. 103. С. 126—129; Его же. Надписи и знаки на мечах из Днепростроя. Отдельный оттиск; Томсен В. Начало русского государства. С. 116—118 и др.; Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу // Изв. АН СССР. Отд-ние общест. наук. 1934. Сер. VII. № 7; Vasmer M. Wikingerspuren in Russland; Мошин В. А. Варяго-русский вопрос // Slavia. R. X, s. 1—3; Лященко А. И. Летописные сказания о смерти Олега Вещего // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности АН. 1924. Т. XXIX; Брим В. А. Колбяги // Изв. Отд-ния гуманитар. наук АН СССР. 1929. Сер. VII. № 4; Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу // Изв. Отд-ния общест. наук АН СССР. 1934. № 7; См. также статью в «ДАН». 1930 г.
2. Успенский Ф. Русь и Византия в X веке. С. 14.
3. Мошин В. А. Ук. соч.
4. Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. С. 34—40; Туманский А. Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах // Зап. Вост. отд-ния Император. рус. археол. об-ва. 1896. Т. X. С. 136; Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских; Куник А. и Розен В. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах; Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Изв. ГАИМК. Вып. 91; Бартольд В. В. Арабские известия о руссах // Сов. востоковедение. Т. I; Тивериадский Л. С. К вопросу о происхождении Руси // Ист. записки. Т. 13; Юшков С. В. К вопросу о происхождении русского государства // Учен. зап. Моск. юрид. ин-та. 1940. Вып. II.
5. Артамонов М. И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси: Докл. на Сессии Отд-ния истории и философии АН СССР 26 марта 1940 г. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Т. II. С. 13—14; Мавродин В. В. Возникновение древнерусского государства

(рукопись) // История СССР. Ч. III—IV, § 3 и 4. (Хранится в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР).

6. Пигулевская Н. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестн. древ. истории. 1939. № 1. С. 115; Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // Вестн. древ. истории. 1939. № 4.
7. Дьяконов А. П. Ук. соч.; Тивериадский Л. С. Ук. соч.; Юшков С. Ю. Ук. соч.
8. Брим В. Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. 1923; Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 226—228; Мошин В. А. Ук. соч. // Slavia. R. X, s. 3. S. 528.
9. Марр Н. Я. Избр. соч. Т. V. С. 317.
10. Васильевский В. Т. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе в X—XII вв. // ЖМНП. 1874. Ч. 176; 1875. Ч. 177; 1875. Ч. 178.
11. Ленин В. И. Национальный вопрос: (Тезисы по памяти) // Ленинский сборник. Т. XXX. С. 62.
12. Обнорский С. П. «Русская Правда» как памятник русского литературного языка // Изв. Отд. общ. наук АН СССР. 1939.
13. Все указанные положения я строю на основе выводов, к которым пришел в своей работе «Очерк истории русского языка до XIV столетия» Ф. П. Филин. См.: Ученые записки Педагогического института им. А. И. Герцена. Т. XXVII. С. 88—108.
14. Ленин В. И. Ук. соч. С. 62.
15. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. XXII. С. 122.
16. Летопись по Ипатскому списку. 1871. С. 208, 217.
17. Воронин Н. Н. Основные проблемы истории культуры Древней Руси X—XIII вв. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Т. VII.
18. См. статью М. К. Каргера «Зодчество Галицко-Волынской земли в XII—XIII вв.», а также: Воронин Н. Н. К вопросу о взаимоотношении Галицко-Волынской и Владимиро-Суздальской архитектуры XII—XIII вв. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1940. Т. III. С. 14—27; Грабарь И. История русского искусства. Вып. 3 и 7.
19. Городцов В. А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Тр. Гос. ист. музея. Т. I; Динцес Л. А. Русская глиняная игрушка; Воронов В. Крестьянское искусство; Стасов В. В. Русский народный орнамент.
20. Динцес Л. А. Историческая общность русского и украинского народного искусства // Сов. этнография. 1941. Т. V. С. 26.
21. Динцес Л. А. Ук. соч.
22. Акты Западной России. Т. IV. С. 48.
23. Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. IX, ч. I. С. 23—24; Петровский Н. Воссоединение украинского народа в едином украинском советском государстве // Большевик. 1944. № 2; Его же. Присоединение Украины к России в 1654 году // Ист. журн. 1944. № 1; Его же. Київська Русь — спільний початковий період історії російського, українського і білоруського народів // Праці січневої сесії Академії наук УРСР. 1942. Т. I.

Список сокращений

ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ДАН	— Доклады Академии наук
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

ОБРАЗОВАНИЕ ЕДИНОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А.А.ЖДАНОВА

В.В.МАВРОДИН

ОБРАЗОВАНИЕ ЕДИНОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ А.А.ЖДАНОВА
1951

ВВЕДЕНИЕ

Приветствуя столицу нашей великой Родины Москву в годовщину ее восьмисотлетия, И. В. Сталин писал:

«Ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц. Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости. Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси».[1]

Значение «объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством» (И. В. Сталин)[2] в истории нашей Родины очень велико.

Только создав могучее центролизованное государство, великий русский народ смог одержать славные победы над своими «ворогами» — разбойничьим немецким Ливонским орденом и «татарским чудищем» (К. Маркс) — золотоордынским ханом, овладеть Казанью и Астраханью и отбросить хищных крымских татар, отнять у литовских князей свои «отчины и дедины» и изгнать чванливых и алчных польских панов из белокаменной Москвы.

Только объединив все свои земли в единое государство, создав условия для роста хозяйства и культуры, великороссы смогли превратить дебри и болота в нивы и города, отправиться «притеребливать землицу» в далекие края, создать замечательное ремесленное искусство, возвести такие шедевры русского зодчества, как Кремль и храм Василия Блаженного, дойти до далекого Груманта,[3] проникнуть в Индию и Китай, обогнуть восточную оконечность Азии и высказать устами своих передовых людей мысли, изумляющие своей смелостью и дерзновением.

Процесс образования русского централизованного государства растянулся надолго. Только при Иване Грозном окончательно утверждается самодержавная власть со строго централизованным государственным аппаратом, и в годы опричнины суровыми мерами по отношению к феодаль-

[1] Правда. 1947, 7 сентября.
[2] Там же.
[3] Грумант — Шпицберген.

ной реакции подавляются последние попытки возродить старые порядки, порядки феодальной раздробленности. Но первые кирпичи величественного здания русского централизованного государства заложили еще отец и дед Ивана Грозного, великие князья московские и «государи всея Руси» Василий III и Иван III, а своими истоками объединение Руси уходит еще к более далеким временам, ко временам Дмитрия Донского и даже Ивана Даниловича Калиты, когда начала возвышаться Москва, впоследствии объединившая все русские земли. Десятилетиями, веками подготовлялся тот «новый период русской истории», который характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое.[1] Этот «новый период русской истории» — XVII в.

В данной книге мы ограничиваемся лишь началом образования русского централизованного государства, периодом объединения ранее раздробленной Руси в единое государство. Это было время, когда «покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном»,[2] когда начало складываться централизованное управление страной, возникали свойственные такому управлению первые государственные учреждения — приказы и избы, появилось постоянное войско, укреплялась самодержавная власть — когда Русь становилась государством с единым правительством, с единым руководством.

Процесс объединения русских земель одновременно являлся процессом складывания русской (великорусской) народности.

Оба эти важнейшие процесса в нашей Отечественной истории, взаимно обусловленные и сопутствовавшие друг другу, составляют содержание книги.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 1. С. 137.

[2] Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I. С. 450.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

(СЕРЕДИНА XIII—СЕРЕДИНА XV вв.)

Единое русское централизованное государство не было первым государственным образованием русского народа. Ему предшествовало древнерусское государство, возникшее на начальной стадии феодальных отношений и отличное от русского государства XV—XVI вв. Уже в глубокой древности восточные славяне заселяли европейскую часть нашей страны. Летопись вспоминает о тех временах, когда «словенеск язык на Руси» представлен был разными племенами: полянами и древлянами, кривичами и дреговичами, дулебами и северянами, словенами и вятичами и др.

В первые века новой эры среди антов, как называлась тогда юго-западная ветвь восточных славян, обитавшая от Днепра до Дуная, шел процесс разложения первобытно-общинных отношений и возникновения рабства. Началось имущественное, намечалось социальное расслоение. Анты вступили в эпоху «военной демократии» (Ф. Энгельс). На этой почве складывались племенные союзы — зародыши будущего государства. Наиболее мощным было объединение антов, достигнутое в 70-х годах IV столетия в борьбе с восточными германцами — готами и возглавленное Божем, которому подчинялось семьдесят антских вождей («риксов»). С течением времени племенные объединения антов становятся более длительными и прочными. В VI в. анты в борьбе с кочевниками — аварами — объединились под властью семьи антов: Идара и его сыновей — Межамира и Келагаста. Власть вождя в этой семье стала наследственной.

Тогда же, в VI в., в борьбе с аварами на Волыни, в Прикарпатье создается могущественное и обширное объединение антов под руководством дулебов-волынян. Это было не просто племенное, а политическое объединение. Древнее племенное название — дулебы уступает свое место территориальному — волыняне. Память о борьбе антов с аварами была еще свежа на Руси во времена летописца и дошла до нас в виде народного сказания о дулебах и обрах, записанного в «Повести временных лет».

Через посредство восточных купцов этот рассказ дошел и до арабских писателей X в. (Масуди и Ибрагим Ибн-Якуб), которые вспоминают о том, как в «древности» волынянам («валинана») «повиновались ... все прочие славянские племена». В масудиевых «валинана» мы видим межплеменное объединение, причем само название «валинана» (волыняне) не племенное, этническое, а политическое, произведенное от названия горо-

да Волыни, или Велыня, — географического и политического центра юго-западных земель восточных славян, название, которое больше чем на тысячелетие закрепило за всей землей наименование Волыни.

Отсутствие в Прикарпатье, на Волыни, в Подолии в IX—X вв. ощутимых племенных границ, нивелировка материальной культуры, однообразие погребального инвентаря говорят о том, что союз волынян не механически объединял племена, а, сплачивая, сливал их. Поэтому здесь рано, в VI—VII вв., стали исчезать племенные, частные особенности, а укреплялись общие черты — результат политического единства. По Масуди, это было «в древности», т. е. задолго до X в.

Только в конце 20-х годов VII в. (626 г. или около этого) «держава волынян» была разгромлена аварами, которые «ходиша на Ираклия царя и мало его не яша».

Вспоминает о распаде «державы волынян» и Масуди. Он говорит: «Впоследствии же пошли раздоры между их племенами, порядок их был нарушен, они разделились на отдельные колена и каждое племя избрало себе царя...».

Нет сомнения в том, что «держава волынян» VI—VII вв. — первое восточнославянское политическое объединение, первая «держава» восточных славян эпохи «военной демократии», — прямой предшественник Киевского государства. Вот эта-то «держава велынян» и может считаться началом русской государственности.

Рассмотренные нами явления общественной жизни восточных славян имели место лишь на определенной территории, на юго-западе Руси, где в IV—VI вв. начался распад первобытно-общинных отношений и складывались общественные отношения, свойственные «военной демократии». На севере, в лесной полосе общественное развитие шло более медленным темпом, и здесь, севернее Тетерева и Десны, обитали относительно отсталые лесные восточнославянские племена, занимавшие обширные пространства.

В VIII—IX вв. в Среднее Приднепровье, запустевшее в результате передвижений антов на юг, к Дунаю и за Дунай, и нападений кочевников, продвигаются отсталые лесные славянские племена.

Но здесь, в Среднем Приднепровье, эти лесные славянские племена не встретили лишенную жизни пустыню. Древнее антское население продолжало обитать на старых местах, населяло Киев и прилежащие области, ставшие такими же центрами восточного славянства IX—X вв., какими они были в период антов.

Своим отсталым северным сородичам, на которых они начинают оказывать большое влияние еще с середины I тысячелетия н. э., анты передали свои культурно-бытовые особенности, свой социальный строй, исторические традиции, свои связи. Поэтому тот строй «военной демократии», который существовал у антов, был быстро пройден северными русскими племенами, передвинувшимися в Среднее Приднепровье и здесь смешавшимися со своими, стоящими на грани цивилизации южными соплеменниками. Вот почему Среднее Приднепровье в течение одного-двух столетий проходит этап «военной демократии», дофеодальный период, и вступает в эпоху феодализма.

Путь, пройденный юго-западной ветвью восточных славян — антами, продолжили их соседи и потомки.

Если анты вступили в эпоху «военной демократии», судя по вещественным памятникам и сведениям письменных источников, в первые века новой эры и так и сошли с арены политической истории, исчезнув со страниц сочинений писателей раннего средневековья в начале VII в. все с тем же общественным строем, то их потомки и на Среднем Днепре, и на берегах Днестра и Волхова, Западной Двины и Оки в короткий срок прошли эпоху «военной демократии» и создали феодальный мир. То обстоятельство, что в юго-западной части Восточной Европы еще во времена антов развивалась «военная демократия», привело к тому, что уже собственно в русские, киевские времена феодализм развивается вширь и вглубь на гораздо более обширной территории, нежели земля антов.

В VIII—X вв. среди восточнославянских и неславянских племен Руси, в различных ее частях разными темпами, шел процесс разложения первобытно-общинных отношений и развития «военной демократии». Этот процесс, охватывающий обширную территорию от берегов Ладожского озера и до дунайских гирл, от Карпат до Оки, есть не что иное, как возникновение феодализма. Зарождение феодализма происходит в рамках первобытного общества, в мире общин, в период разлагающегося патриархально-родового быта.

Этот процесс растягивается на несколько столетий и идет далеко не равномерно: когда феодальный Киев насчитывал уже много столетий, в это же время в землях вятичей, в Пинском Полесье, в земле дреговичей еще долго сохранялись пережитки родового строя.

Уже в конце VIII и начале IX в. в результате общественного развития восточных славян на Среднем Днепре, у Киева, возникает одно русское государственное образование, так называемый «Русский Каганат», а в Приладожье и у Ильменя — другое, получившее у арабов название «Славии».

Так возникли «сначала *2 государства: Киев и Новгород*».[1]

Во второй половине IX в. происходит слияние Киева и Новгорода в единое Киевское государство, что летописная традиция связывает с именем Олега. Расцвет Киевской Руси падает на время княжения Владимира (973—1015 гг.). Время Владимира — это время славы Руси, победоносных войн и походов, исключительных успехов Руси на международной арене и одновременно тот период истории народа, когда он сам еще играет большую роль в истории своей страны, когда массы еще только начинают превращаться в подневольный, подавленный тяжестью повинностей, эксплуатируемый люд.

Вот почему русский народ в своих былинах, легендах и преданиях с такой любовью вспоминает свою первую столицу — Киев, своих славных киевских богатырей и Владимира Красное Солнышко, олицетворение «старых князей» безвозвратно ушедшей поры «славного варварства» (К. Маркс).

Владимир стоит на грани двух эпох. Он — последний князь-воин дружинной Руси эпохи «военной демократии», и в то же самое время он — первый князь, который всей своей деятельностью подготовил тот таящий в себе элементы грядущего распада Киевского государства расцвет ранне-

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. V. С. 42.

го феодализма, который падает на княжение его внуков. Времена Владимира и Ярослава — период расцвета Киевской Руси.

С течением времени, особенно во второй половине XI в., картина резко меняется. Времена походов в «иные страны» с целью захвата военной добычи и взимания дани кончаются. Источником обогащения феодализирующейся верхушки становится эксплуатация населения самой Руси.

Усиливается процесс захвата князем и его дружинниками общинных земель и угодий. Дань перерастает в ренту. Ценностью становится не дань с земли, а сама земля вместе с сидящим на ней сельским людом. Экспроприация и закабаление превращают свободных общинников в зависимый люд. Феодализм растет вглубь и вширь.

Развитие производительных сил, развитие феодального землевладения и феодальных отношений, так ярко представленное в «Правде Ярославичей», рост экономического и политического могущества отдельных областей во главе с крупными городами (Новгородом, Черниговом, Переяславлем, Ростовом и т. д.) постепенно подтачивают единство Киевского государства.

Выросшее в отдельных областях Руси боярство стремится стать их полновластным хозяином и, сплотившись вокруг «своего» князя, обзаведшегося здесь, на месте своего посажения, в земле «отчич и дедич», всякой «жизнью», «гобином», землями и угодьями, дворами и челядью, проникшегося не общерусскими, а местными «земскими» интересами, пытается отложиться от Киева, который отныне становится помехой для самостоятельного развития этих областей и земель, в скором времени превращающихся в княжества, маленькие феодальные самостоятельные полугосударства.

Каждая область Киевской державы становится гнездом боярских вотчин. Судьба Киева перестает интересовать не только новгородское, ростовское, черниговское, галицкое и прочее боярство, но и самих новгородских, ростовских, черниговских и галицких князей. Они стремятся отделиться от Киева, создать независимые княжества.

Отсутствие органической связи между отдельными русскими землями, отсутствие экономической общности — все это, делая объединение земель, достигнутое Киевским государством, непрочным и непродолжительным, было знамением грядущего распада. И этот распад наступил.

Феодальная раздробленность была показателем развития производительных сил, но она же на определенном этапе стала тормозом для их дальнейшего развития, для роста промыслов, торговли, городов, для новых форм феодального землевладения и организации феодального хозяйства.

Она же способствовала упадку могущества Руси, ослабила Русскую землю, умалила ее международное значение, сделала ее добычей соседних враждебных государств и орд кочевников. Русь «теряла целые области вследствие интервенции соседних народов»,[1] на целые столетия подпавшие под иго иноземцев.

Таков результат действия центробежных сил, разрывавших на части Киевское государство.

---

[1] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899. P. 77.

После смерти Ярослава Мудрого начался распад Киевского государства и превращение его в Русь феодальную, которой соответствует феодальная раздробленность как форма организации государственной власти господствующего класса феодалов.

Что представляет собой общественно-политический строй периода феодальной раздробленности?

Руси как единого государства не существует. Страна разделена на множество феодальных «самостоятельных полугосударств».

Число их все возрастает, размеры уменьшаются. Политическое существование их очень непрочно. Иногда они объединяются под властью удачливого князя, но такие объединения непродолжительны. Княжая «котора» разоряет Русскую землю. Усобицы не прекращаются даже тогда, когда внешний враг нападает на страну.

Итак, мы видим, что объединению русских земель в единое государство предшествовало феодальное раздробление Руси.

И. В. Сталин в ряде своих работ подчеркнул необходимость установления научной периодизации истории СССР. В «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» И. В. Сталин, С. М. Киров и А. А. Жданов указали, что «в конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены; самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств».[1]

Прежде чем перейти к анализу причин образования самодержавного строя в России и складывания централизованного государства на востоке Европы, необходимо охарактеризовать общественно-экономический и политический строй Северо-Восточной Руси в период феодальной раздробленности и вкратце остановиться на ее истории. Как указал товарищ Сталин, образование самодержавного строя в России и образование централизованных государств на востоке Европы — «две различные темы, хотя и нельзя считать их оторванными друг от друга».[2]

В истории Северо-Восточной Руси и Руси вообще уже вторая половина XI в. характеризовалась установлением феодальной раздробленности как социально-экономической и политической государственной системы, но с середины XIII в., со времен Батыева нашествия, феодальное раздробление земель быстро прогрессирует, и продолжается оно до второй половины XV столетия, когда в результате борьбы двух противоположных тенденций — раздробления и объединения — побеждает эта последняя.

К. Маркс подчеркивает, что последние остатки былого единства Руси «рассеиваются при грозном появлении Чингизхана», а когда установилось иго золотоордынских ханов, то «натравливать русских князей друг на друга, поддерживать несогласие между ними, уравновешивать их силы, никому из них не давать усиливаться — все это было традиционной политикой татар».[3]

Золотая Орда стремилась сохранить «самостоятельные полугосударства», на которые раздробилась русская земля; в свою очередь, эти «самостоятельные полугосударства» — княжества — «не только не были связа-

[1] К изучению истории. М., 1946. С. 21.

[2] И. В. Сталин. Соч. Т. 9. С. 176.

[3] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 78.

ны друг с другом национальными узами, но решительно отрицали необходимость таких уз».[1] Они враждовали друг с другом, воевали, взаимно опустошали города и села, ослабляя и разоряя в процессе бесконечных и бессмысленных княжеских усобиц Русскую землю.

Чрезвычайно характерен сам термин, примененный И. В. Сталиным для обозначения княжеств в период феодальной раздробленности, — «полугосударства». Такое определение говорит о том, что если феодальным княжествам — «самостоятельным полугосударствам» — была присуща первая и основная внутренняя функция государства — «держать эксплуатируемое большинство в узде»,[2] то крошечные их размеры, непостоянство границ, неустойчивость существования, постоянное деление и подразделение, исчезновение одних и возникновение других, исключительная слабость в борьбе с внешним врагом — не дают возможности назвать самостоятельные княжества периода феодальной раздробленности государствами в полном смысле этого слова.

Что же представляла собой Северо-Восточная Русь в рассматриваемый нами период времени?

Разгром, учиненный татаро-монголами, не мог не отразиться на хозяйстве Древней Руси. К. Маркс указывает: «Татаро-монголы установили режим систематического террора, причем разорения и массовые убийства стали его постоянными институтами. Будучи непропорционально малочисленными по отношению к размаху своих завоеваний, они хотели создать вокруг себя ореол величия и путем массовых кровопролитий обессилить ту часть населения, которая могла бы поднять восстание у них в тылу. Они проходили, оставляя за собой пустыни»... К. Маркс подчеркивает основной принцип татарских ханов, который заключался в том, чтобы «...обращать людей в покорные стада, а плодородные земли и населенные местности — в пастбища».[3]

В другой своей работе К. Маркс замечает: «Монголы при опустошении России действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием».[4] Далее Маркс указывает, что, когда «монголы проникают внутрь России... русские бегут в болота и леса. Города и деревни были сожжены дотла».[5]

Весь восток и юг Руси были разорены, опустошены и обескровлены. Разрушены и сожжены города и деревни, запустели целые края, население частью было перебито, частью уведено в плен, частью разбежалось. Кто не успел бежать — оставался на старом месте, укрываясь в шалашах и землянках, в чащах лесов и в болотах. Пашни вновь поросли лесом, на лесных полянах и по заливным лугам не пасся скот, не стояли копны сена, на месте деревень виднелись следы пожарищ. По старым торговым дорогам редко проходили «гости»-купцы и гораздо чаще проезжали со своими отрядами татарские баскаки. Волости Руси на юге и востоке, окружавшие разрушенные татарами города, «великим древесом поросташа и многим зверем обиталище была»; из соседних уцелевших городов и сел

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 11. С. 336.
[2] И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. С. 604.
[3] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 78.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII, ч. I. С. 188.
[5] Архив Маркса и Энгельса. Т. V. С. 224.

приходили сюда на «уходы» и «творяху людие хождение прибытка ради своего зверей и меда». Так как пахать землю было опасно, да и незачем, то во многих местах земледелие уступало свое место рыбной ловле, охоте, бортничеству. Города превращаются в «городища», падает торговля, исчезают десятки ремесел, которыми некогда славилась Русь. Грубеет и упрощается ремесленная техника, опрощаются изделия, утрачивается и забывается древнее мастерство, ремесленники уводятся в «полон» и расселяются по разным землям Золотой Орды, запустевают города. Так повлияло Батыево нашествие и установившееся вслед за ним татаро-монгольское иго на хозяйство Древней Руси.

Татаро-монгольское иго всей своей тяжестью обрушилось прежде всего на крестьянство и «черный люд» городов. «Ордынский выход» (дань), чрезвычайные дани и поборы, всевозможного рода подарки, которые князья должны были возить хану в Орду, налоги, тамга, мыт и т. п., повинности (военная, дорожная, ямская и др.) наряду с жестокостями, систематическим террором и «повторной резней» (К. Маркс), произволом и деспотизмом хана и его чиновников (баскаков, даруг) — все это, разорявшее и угнетавшее русский народ, и составляло собой «татарское иго».

«Ордынский выход» составлял огромные суммы в несколько тысяч рублей (в рублях того времени). Так, например, великое княжение Владимирское одно время платило семь тысяч рублей, Нижегородское княжество — полторы тысячи рублей. Огромные суммы выкачивались из населения и попадали в ханскую казну. Орда систематически и хищнически высасывала соки из русского народа.

Первое время, переписав русское население, ханы поручали собирать «ясак» («выход», дань) своим чиновникам — баскакам. Иногда сбор дани давался на откуп и тогда «окупахуть бо ти окаяньнии бесурмане дани и от того велику пагубу людем творяхуть, работяще резы и многы души крестьеньскыя раздно ведоша». Откупщиками выступали татары и главным образом — среднеазиатские купцы. Хозяйничанье баскаков («давителей») и откупщиков вызывало ненависть народных масс Руси к хану и баскакам. Баскаки знали, что их ненавидят, и боялись восстаний. Так, например, в 1259 г. они обращаются к Александру Невскому: «Дай нам сторожи — ать не избьют нас».

Кое-где на Руси и баскаки и другие знатные татары чувствовали себя прочно и в опустевшем краю захватывали земли и заводили свои «слободы». Так, например, поступил баскак Ахмат, хозяйничавший в Курской тьме, «насилие и обиду творяху многу» в Посемье.

В некоторых местах на юге и, быть может, на востоке татары заставили крестьян работать на себя: «да им орють пшеницю и проса».

Русь переживала тяжелые времена.

К. Маркс называет подчинение Руси ханам Золотой Орды «кровавым болотом монгольского рабства...», которое «...оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой».[1]

На тяжесть татарского ига указывает И. В. Сталин в своей статье «Украинский узел», подчеркивая, что то иго, которое «империалисты Авст-

[1] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 78.

рии и Германии несут на своих штыках... ничуть не лучше старого, татарского».[1]

Русь не смогла остановить орды Батыя, но необозримые равнины героически боровшейся с завоевателями Руси «поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы, — писал А. С. Пушкин, — варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...».[2]

Своим спасением от разгрома, разорения и упадка Западная Европа обязана Руси.

«Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, — писал Н. Г. Чернышевский, — а спасителями — спасителями от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергавшейся всем выстрелам, стеною, которую вполовину разбили враги...».[3]

Данте и Леонардо да Винчи, Марко Поло и Васко да Гама, Коперник и Колумб, Магеллан и Чосер, Гуттенберг и Ян Гус получили возможность создавать свои замечательные произведения, творить великие дела и свершать изумительные подвиги только потому, что Русь спасла всю остальную Европу от «кровавого болота монгольского рабства» (К. Маркс). Ни эпоха Возрождения, ни эпоха первоначального накопления и великих открытий и изобретений не могут быть поняты без учета того, что совершено было русскими людьми во времена Батыева нашествия.

Разгромленная и обескровленная, угнетенная и опозоренная Русь не сдавалась. Через много лет после Батева нашествия, по свидетельству путешественника Вильгельма де Рубрука, в степях, за Доном на татар нападали отряды русских.

Не чувствовали себя татары в безопасности и в центре разоренной Руси.

«Дани-выходы» и повинности, притеснения и произвол вызывают рост недовольства. Это недовольство русских людей вылилось в народные восстания против баскаков и откупщиков. Восстания вспыхнули в Новгороде в 1259 г., в 1262 г. — в Ростове, Владимире, Переяславле, где народ поднялся против «лютого томления бесурменьского» и изгнал откупщиков из своих городов.

Видя упорство русских, ханы вынуждены были изменить форму и способ сбора дани и с начала XIV в. возложить сбор ее на русских князей. Русская земля вздохнула немного легче.

XIV—XV вв. в истории Северо-Восточной Руси характеризуются ростом феодального землевладения.

Феодальный общественный строй характеризуется сочетанием крупной земельной собственности с мелким хозяйством. Феодальное землевладение складывается различными путями: пожалований, «куплей» (купли), захватов, заимок и т. д. Часто земли одного и того же владельца были

---

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 46.

[2] А. С. Пушкин. Соч. Л.: ГИХЛ, 1935. С. 732.

[3] Литературное наследие Н. Г. Чернышевского. 1928. Т. II. С. 44.

расположены в разных местах и каждое отдельное владение выделялось в замкнутую хозяйственную единицу.

Источником роста феодальной земельной собственности были «черные земли», где когда-то господствовали заимка и трудовое освоение земли крестьянскими общинами, владевшими всем, что они «расчистили» от леса, всем, «куда топор, коса, соха ходили».

Вскоре эти земли были «окняжены», на них наложены подати, но все же фактическим хозяином земли оставался крестьянин, который соглашался с тем, что «земля великого князя» и «царева», но добавлял, что «ржи и роспаши» или «росчисти наши», а то и вовсе отмечал, что «земля великого князя, а моего владения». И право собственности на «черные земли» долго сохранялись за крестьянами.

Следующим этапом освоения феодалами «черных земель» было их «обояривание». Бояре и монастыри захватывали земли силой, подчиняли себе население путем закабаления, получали земли в подарок от князей. Закабаление сельского люда объяснялось неустойчивостью хозяйства смерда, «си́роты», а обедневший сельский люд попадал в экономическую и личную зависимость от «сильных людей» — феодалов. Одной из причин закабаления крестьян феодалами было то обстоятельство, что если ранее, во времена больших семейных общин, в условиях господства подсечного земледелия, сельский люд — общинники — коллективным трудом возделывали землю, расчищая леса, то при господстве малой семьи этой последней расчистка земель была не под силу и она искала «мягкой земли», чаще всего уже являвшейся собственностью феодала.

Растет и крепнет феодальная вотчина. Крупнейшими вотчинниками были сами князья. Они владели землями и в своем и в соседних княжествах, где чаще всего земли приобретались куплей, как то делал, например, Иван Калита. Духовная Калиты 1328 г. упоминает о принадлежавших ему 54 селах, а Василий Темный владел уже 125 селами.

Митрополиту, церквам и монастырям также принадлежали обширные вотчины, считавшиеся неотчуждаемыми и закрепляемые за ними «на-вечно». Митрополичье землевладение особенно расширилось к XV в., но начало складываться оно во времена митрополита Петра, в начале XIV столетия.

Богатыми землевладельцами были монастыри. К концу XV в. Троице-Сергиевский, Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри стали владельцами обширных земель. Князья жаловали монастырям землю, где возникали скиты и пустыни, становившиеся впоследствии большими монастырями. Окрестное крестьянство со своими землями и угодьями становилось монастырским. Монастыри прикупали земли, часто получали земли и по «вкладам», как называли передачу мелкими феодалами своих земель монастырям.

Церковь превращается в крупного собственника. Троице-Сергиевский монастырь в начале XV в., например, владел в 13 местах несколькими сотнями сел.

Росло и боярское хозяйство. Так, например, влиятельный черниговский боярин Родион Нестерович, отъехав во времена Ивана Калиты к Москве, получил в пожалование половину Волоколамского уезда.

Крестьянство жило в селах, сельцах, деревнях и починках. Запустевшая деревня называлась «пустошью». Размеры сел и деревень были очень невелики. Сел с населением в 50—100 душ было очень немного. В селе

обычно стояли деревянная церквушка и боярская усадьба, где жили боярский управляющий и слуги.

Такое село с княжим или боярским двором обычно было центром феодального владения. К селу «тянули» различные угодья, поля, пожни, луга, ловища, «бортные ухожаи», бобровые гоны, «тетеревники», «гоголиные ловы», «перевесища», ягодники, рыболовные тони и т. п.

В конце XIII—XIV и первой половине XV в. село было прежде всего административным и хозяйственным центром. Одновременно село стало играть роль и церковного прихода. Термин «село» означал в те времена и поселение типа позднейшего села, и населенную территорию или участок земли вообще. Так, например, в одной купчей мы находим указание на «село Молитвенское», а из межевой грамоты мы узнаем, что это был участок земли, «земля Молитвенская», или в другой грамоте говорится про «села в Кинельском стану», а перечисляются деревни: «Беклемишева, Вяхирева деревня, Назарьевская деревня» и т. д. В глубокой древности термин «село», «деревня», «печище», покрывал понятия «населенное место», или «поселение», «жилье», «кровный союз», позднее же содержание термина раздваивается, и он начинает означать, с одной стороны, землю, с другой — селение.

В селе, как правило, жили и холопы, и разные слуги, и крестьяне. В более древние времена, в XIII—XIV вв., в селах соотношение между количеством дворов холопов и дворов тяглых людей (крестьян) было в пользу холопов; позднее в селах растет число тяглых людей, хотя немало остается и холопов. Так, например, в селе Степурино Переяславльского уезда (XV в.) было 3 двора холопских и 6 крестьянских; в селе Лыкове — 2 холопских и 6 крестьянских.

К селу как хозяйственному и административному центру тянули деревни, починки, выселки. Деревни были небольшие, состояли из 1—3 дворов, часто заселенных одной семьей. Большинство «хрестиан» (крестьян) жило в деревнях. Термин «деревня» сравнительно поздний, появился он лишь в XIV в. В некоторых документах поселение деревенского типа носит название «семья», что соответствует действительности. В грамоте Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю (около 1372 г.), рисующей условия XIII в., вместо термина «деревня» употребляется термин «семья». Это и понятно, так как в те времена действительно однодворная (да и не только однодворная) деревня была заселена чаще всего одной семьей. Деревня XIV—XV вв., обычно в 1—3 двора, состояла из «усадища» — «дворища», огородов и выгона. Деревня имела свои угодья: пашню, перелог, пожни, сенокос, охотничьи, рыболовные и бортные участки — «ухожаи» («уходы»), иногда и лес. Границы владений не были точно установлены и часто определялись тем, «куда топор, соха, коса ходили». По мере освоения земель наступало время, когда участки различных деревень сходились, и тогда появлялись межи, «знаменные дубы», «приметные» сосны да березы, камни и ямы.

В XIII—XIV—первой половине XV в. в Северо-Восточной Руси пахотные участки и покосы, принадлежавшие деревням, были разбросаны по лесным полянам и речным долинам, часто довольно далеко от деревень. Так, например, в XV в. на реке Вори, под Москвой, и по рекам Веле, Яхроме и Якоти, у Димитрова, были пожни, «тянувшие» к деревням, отстоявшим от них на 10—15 и более верст.

По мере роста населения такого рода угодья стали неудобны из-за потрав и споров, и крестьянство старается собрать свои угодья в одной меже, сгруппировать их в одном месте вблизи деревни. Это явление особенно характерно для более позднего времени, а именно для конца XV и начала XVI в. Русский крестьянин крепко срастался с возделанной им землей, с родными лугами и лесами, реками и озерами. Но все же деревни в те времена нередко меняли своих хозяев. Так, например, в конце XIV в., лет за десять до нашествия Едигея, на одном из селищ села Зеленщина («село» здесь употребляется в смысле участка земли) Переяславльского уезда, принадлежавшего Лыкову, поселился крестьянин Иван Лапоть. После разорения Едигеем (1408 г.) на запустевшем селище Лаптеве сел некто Феденя с сыновьями Перхуром и Юреней. По имени ее основателя деревня стала носить название Феденино. В 1435 г. Лыков дал землю Махрицскому монастырю и Феденино стало монастырской деревней. После Федени пять лет в этой деревне жил некто Есака с детьми, за ним — четыре года Максим Воробьев и т. д. За какие-нибудь 50 лет эта маленькая однодворная деревня сменила семь хозяев, не являвшихся родственниками. То же самое наблюдалось и в других местах.

Чем объяснить это явление? «От ратных людей и от разбоев» княжеские рати в своих вечных усобицах «пустошили землю Русскую»; от «злых людей», от грабежей и тягот, от поборов и долгов, от гнета и насилий «розно брели» во все стороны русские крестьяне, ища и не находя «мягкой» и вольной земли или хотя бы «добрых» князей и бояр, вымирали от неурожаев, голодовок, эпидемий, уводились «в полон» и соседним князем, и «злым татарином».

Часто феодалы, владевшие десятками сел, разбросанных в разных местах, не вели своего хозяйства, а довольствовались сбором оброка. Боярская запашка была невелика и размер ее определялся потребностью боярской семьи с челядью и слугами. Этому явлению способствовали натуральность вотчинного хозяйства, слабое развитие торговли и товарности сельского хозяйства: хлеб сравнительно редко появляется на внутреннем рынке как товар.

Говоря о барщинном, т. е. феодальном, крепостном хозяйстве, В. И. Ленин первым, определяющим признаком его считает «господство натурального хозяйства» и указывает, что «крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром».[1]

Натуральность хозяйства, его замкнутость и изолированность особенно характерны для феодальной вотчины конца XIII—XIV—начала XV в.

Основная масса продуктов, производимых в феодальной вотчине лично зависимым непосредственным производителем — холопом, смердом, сиротой, старожильцем, предназначалась для собственного потребления семьей феодала и его многочисленной дворней, слугами, челядинами, а не для продажи. Все то, что давали обширные угодья феодала, его земли и «ухожаи», обрабатываемые трудом зависимого люда, все то, что вносили в качестве натурального оброка смерды, сироты, серебреники, изорники и прочее подневольное население вотчины: хлеб, скот, мясо, рыба, дичь, ягоды, лен, полотна, кожи, мед и т. п., — все это лишь частично по-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 3. С. 158.

ступало на рынок в обмен на ремесленные изделия, предметы роскоши и «заморские вещи», необходимые феодалу; большинство же продуктов поглощалось внутри самой вотчины. Обилие всяких холопов, слуг, воинов-дружинников и прочей челяди обусловливало необходимость больших натуральных поборов, создания запасов и т. п.

Но нельзя думать, что торговля была совсем неизвестна феодалам и крестьянам. Если феодалу нужны были деньги, чтобы покупать дорогое оружие и ткани, украшения и пряности и т. д. и т. п., то крестьянину деньги были необходимы прежде всего для уплаты всевозможного рода сборов и податей. Крестьяне торговали продуктами сельского хозяйства, рыболовного и бортного промысла, охоты, своими деревенскими ремесленными изделиями.

Так, например, село Медна у Торжка, где в начале XV в. было боярское хозяйство, обслуживаемое холопами и закабаленными людьми («серебрениками»), находившееся на торговом пути Тверь—Торжок—Новгород, уже будучи собственностью Троице-Сергиевского монастыря в середине XV в. превращается в большое торговое село. Такую же эволюцию испытало село Клементьево, дарение князя Андрея Радонежского Троице-Сергиевскому монастырю. Оно было расположено в полуверсте от монастыря по дороге в Москву и уже в середине XV в. здесь жили ремесленники (иконники, резчики, токари и т. д.) и были торги. В 1504 г. в селе Клементьеве насчитывалось 134 двора.

Особыми жалованными грамотами население монастырских и боярских сел освобождалось от торговых сборов, тогда как посадские люди продолжали их платить, и это давало известные преимущества сельским жителям, занявшимся ремеслом и торговлей. Необходимо, правда, отметить, что это явление имеет место лишь в конце рассматриваемого нами периода времени, т. е. лишь в середине XV в. и позднее.

Организация и управление вотчиной были не очень сложными. Центром вотчины, как мы уже видели, являлось село, где стоял княжой или боярский двор. Огороженный тыном (частоколом) «боярский двор» состоял из жилых и хозяйственных построек. Жилые постройки князь или боярин со своими семьями занимали редко, если, конечно, данное село не было их постоянной резиденцией. В этих постройках обычно жили управители: тиуны, рядовичи, приказчики, конюхи и т. д.

К жилым помещениям примыкали хозяйственные постройки: одрина, где складывали разные хозяйственные орудия (плуги, сохи, косы, «рогалие»), хлев или «забой» для скота, житницы, погреба, где стояли корчаги «зелена вина», «меды стоялые», хранилась «всякая овощева», соленья, варенья и прочая «снедь». Тут же, неподалеку, воздвигали «поварню». На краю усадьбы обычно стояло гумно со скирдами хлеба, располагался птичник, или птичий двор, стояли сенники, конюшни. Подальше от построек располагалась мыльня (баня).

Княжеские вотчины управлялись «дворским», или дворецким.

Громадный княжеский двор обслуживали многочисленные слуги, носившие название «слуг под дворским», или дворцовых слуг. Это были дьяки, поьдячие, псари, конюхи, садовники, сокольники, бобровники, бортники и т. д. Угодья выделялись в особые «пути»: сокольничий, ловчий, конюший и другие, обслуживаемые особыми людьми из числа «слуг под дворским».

Часть «слуг под дворским» были холопами князя, а другая часть состояла из людей лично свободных. За свою службу «слуги под дворским» вначале получали часть княжих доходов, а затем, позднее, — землю, которой пользовались и извлекали все феодальные доходы. Земля эта носила название «поместья».

Княжие дворецкие ведали и всем «черным людом»: крестьянами, холопами и т. д. Они раскладывали «тягло», следили за регулярным исполнением барщинных работ, за внесением натурального и денежного оброка. В XIV в. денежный оброк еще невелик, зато обилен и пестр натуральный оброк. Крестьяне, или «сироты», как называли крестьян на северо-востоке Руси, должны были вносить оброк хлебом, крупой, скотом, мясом, птицей, молочными продуктами, ягодами, грибами, полотнами, льном и т. п.

Так же пестра и многообразна была барщина. Так как хлеб в XIV в. еще не часто выступал как товар, то, вполне естественно, запашка самого феодала (князя, боярина, монастыря) была невелика и среди отработочных повинностей работа крестьянина на пашне занимала далеко не первое место. Поэтому отработочная рента была очень пестра. Крестьянин должен был возводить на дворе феодала постройки, огораживать двор частоколом, ловить рыбу, бить зверя, косить сено, возить дрова и т. д. Двор боярина как бы копировал княжеский двор, но там было все помельче, попроще.

Повинности крестьян были одинаковы как в княжеском, так и в боярском и монастырском хозяйстве. Конечно, они могли несколько варьировать в зависимости и от владельца, и от местности, и от величины и характера самого хозяйства.

Наиболее полно рисует повинности крестьян так называемая Киприановская грамота, данная Константиновскому монастырю в 1391 г. Зажиточные крестьяне, «большие люди», должны были ремонтировать церкви, воздвигать «хоромы», огораживать монастырскую усадьбу частоколом, косить и свозить на двор сено, обрабатывать монастырскую пашню, ловить рыбу, работать в монастырском саду, бить бобров. Другие крестьяне, победней — «пешеходцы», должны были молоть рожь, печь хлеб, молотить, молоть солод, варить пиво, прясть лен и чинить неводы. Кроме того, крестьяне уплачивали оброк скотом и овсом, хотя норма оброка еще только устанавливалась. Таков был круг обязанностей монастырского крестьянства. Кстати сказать, в Киприановской грамоте впервые вместе со старым термином «сироты», обозначающим крестьян, встречается и собственно название «крестьяне». Приблизительно те же повинности несли крестьяне в землях дворцовых, боярских и дворянских.

В дальнейшем наблюдаются рост и регламентация крестьянских повинностей. В конце XV в. в новгородских землях крестьянский двор (деревня Шутово) платил ежегодно натуральный оброк: 2 коробьи ржи и 2 — овса, по четверти пшеницы и ячменя, полбарана, четверть полсти мяса, сыр, ковш масла, пол-овчины, две с половиной горсти льна и 5 денег.

Говоря о повинностях крестьян, надо учитывать, что они несли еще и «государево тягло»: деньгами, натурой и работой. Положение крестьян, как видно из изложенного, было очень тяжелым.

Количество несвободного населения все время росло. Все тоньше и тоньше становилась прослойка «черных людей», или «черносошных» кре-

стьян, обязанных лишь по отношению к князю уплатой государственных налогов и несением некоторых повинностей; все меньше и меньше остается «черных земель», на которых сохранялись еще общины — «волости» и «погосты». Увеличивается численность холопов, серебреников, половников, старожильцев. Крестьяне зачастую вынуждены были заключать кабальные сделки и обязывались за ссуду («серебро») отрабатывать или платить проценты («рост»). Такие крестьяне назывались «серебрениками».

«Серебро» делилось на «издельное» и «ростовое». Некоторые серебреники, беря взаймы «серебро», обязывались вместо уплаты процентов отрабатывать, нести «изделье». «Издельники» выполняли ряд работ, в том числе обрабатывали пашню. Такое «изделье» носило название «серебра в пашне».

«Ростовое серебро» предусматривало «рост», т. е. уплату процентов деньгами, причем если проценты уплачивались регулярно по годам, такое «серебро» носило название «летнее». Серебреники появляются в первой половине XIV в. Впервые о серебрениках говорит вкладная грамота вдовы князя Дмитрия Константиновича Суздальского Васильевскому монастырю 1353 г., но особого развития институт серебреников достигает в XV в., когда кабала приобретает характер одного из основных орудий закрепощения.

Подобный же характер носили обязательства половника по отношению к своему господину. Половник брал землю у феодала и исполу (а иногда из трети, откуда «третник») ее обрабатывал.

«Старожильцами» назывались крестьяне, которые исстари жили на земле господина и выполняли все феодальные повинности. Название «старожильцы» было связано с тем, что отношения между крестьянами и феодалами определялись «стариной», обычаем. По прошествии 5—10 льготных лет крестьяне-«новоприходцы» также становились старожильцами. Старожильцы все больше и больше привязывались и юридически, и экономически к земле своего господина и их положение все более и более приближалось к положению крепостных, хотя формально никто не имел права удерживать их на месте в пределах одного княжества.

В феодальном хозяйстве XIV—XV вв. эксплуатировался и труд холопов. Холопы несли самые разнообразные повинности в вотчине своего господина. Были привилегированные холопы, холопы-слуги: сельский тиун и ключник, приказчик, кормилец и т. п. К ним примыкали искусные ремесленники и ремесленницы: кузнецы, оружейники, кожевенники, ювелиры, пряхи, ткачихи и т. д., жившие при дворах князей, бояр и при монастырях.

Бóльшая же часть холопов выполняла различные работы и называлась «страдниками», или «страдными людьми». Они пахали пашню, причем сами жили либо на боярском дворе, либо в особых деревнях («люди полные в селах») и пользовались для своих нужд клочками боярской или княжеской «орамой» земли. Холопы мало чем отличались от старожильцев и подобных им закабаленных и закрепощенных крестьян. «Одерноватые» (полные) холопы обложению со стороны князя не подлежали.

Закрепощение росло, хотя большинство крестьян еще имело право перехода от одного хозяина к другому. Крестьянин мог, закончив круг работ и выполнив повинности, уйти к другому хозяину. Переход «тяглых»,

или «письменных», людей был затруднен лишь в случае, если они покидали одно княжество для другого. Дабы затруднить их переход, князья договаривались между собой не принимать «тяглых». Но право перехода крестьян стесняет феодалов и они стремятся ограничить его. Уже в 1450 г. было дано несколько грамот, разрешающих крестьянам уходить лишь за две недели до Юрьева дня осеннего (26 ноября) и через неделю после него, причем крестьянин предварительно должен был полностью рассчитаться с феодалом. Таким образом, покинуть своего хозяина крестьянину было не так-то легко. Обычно запрещение перехода крестьян являлось как бы особой милостью со стороны князя какому-либо феодалу. Так, например, Василий Васильевич вначале запретил крестьянам-старожильцам переход из земель Троице-Сергиевского монастыря, а затем разрешил монастырю возвращать ушедших крестьян. Встречаются грамоты, запрещающие выход крестьян вообще. Крестьяне пытались находить выход из положения путем перехода из одного княжества в другое, но во взаимных договорах начиная с XIV в., как мы уже видели, князья обязуются не принимать «письменных» и «тяглых людей».

Крепнут и расширяются феодальные формы господства и подчинения.

Феодальное землевладение в XIII—XV вв. делилось на две категории собственности: полная собственность и собственность условная. К землям, находящимся во владении на праве полной собственности, принадлежали вотчины (отчины). Вотчину можно было продать, подарить, завещать, передать по наследству.

Условной земельной собственностью было так называемое «жалование», т. е. земля, которую получал один феодал от другого, более богатого и могущественного, при условии несения службы, прежде всего военной. Эту землю нельзя было ни продать, ни передать по наследству, ни завещать. Ею пользовались только до тех пор, пока служили своему господину. Прекращение службы или «отъезд» в другое княжество на службу другому князю автоматически влекли за собой лишение «жалования».

На подобном праве пользования «жалованием» основана была несколько позднее поместная система, когда мелкие феодалы — «служилые люди» — получали от князя-государя землю в личное пользование.

Система «жалования» существовала в Северо-Восточной Руси уже во времена Ивана Калиты. Так, например, Иван Калита дал Борису Воркову село при условии службы, которую тот должен был нести московскому князю.

Крупные феодалы в своих вотчинах чувствовали себя полными хозяевами, и не только хозяевами, но и государями, государями-вотчинниками. С давних пор установился такой порядок, при котором знатные и богатые бояре рассматривали все население своих вотчин не только как холопов и слуг, но и как своих подданных, по отношению к которым они пользовались такими же правами, как и князь. Они творили суд и расправу, взяв на себя, таким образом, судебные и полицейские функции, собирали судебные штрафы и дани и этим самым становились подлинными государями.

Установившийся порядок, имевший место в Древней Руси и ранее, получил свое развитие в XIV в. и отразился в так называемых «жалованных грамотах». Первыми получили подобные жалованные грамоты монастыри (например, жалованная грамота Ивана Калиты архимандриту Юрьева мо-

настыря Есифу 1338—1340 гг., жалованная грамота тверского великого князя Василия Михайловича и тверских удельных князей Тверскому Отрочу монастырю 1361—1365 гг., жалованная грамота нижегородского князя Александра Ивановича Благовещенскому монастырю 1410—1417 гг. и др.). От несколько более позднего времени дошли до нас и первые жалованные грамоты крупным светским землевладельцам (например, жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича Ивану Кафтыреву конца XIV в.).

Жалованные грамоты князей обычно, во-первых, освобождали подвластное крупным феодалам население от уплаты ряда налогов. Так, в жалованных грамотах монастырям о сельском населении их вотчин перечисляются пошлины и говорится: «Ни надобе им никоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни осмничее, ни сторожевое, ни писчее, ни корм, ни медовое», «не надобе... ни костки, ни явка, ни иная которая пошлина, ни города не делают, ни двора моего на ставят, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, такаж ни к соцкому, ни к дворскому, ни десятскому, с тяглыми людьми не тянут ни в которые проторы...».

Не следует думать, что по этим жалованным грамотам население вотчин крупных феодалов освобождалось от всех налогов, как это имело место, например, в жалованной грамоте Ярославскому Спасскому монастырю, который за оброк в 2 рубля был освобожден от внесения податей с жителей своих земель. Чаще всего освобождение от налогов было временным, иногда освобождались на длительный срок, но лишь от определенных налогов и повинностей. Во всех указанных случаях феодал сам брал на себя сбор налогов. Так, например, в жалованной грамоте нижегородского князя Александра Ивановича Благовещенскому монастырю говорится: «Коли придет моа дань и игумен за них заплатит по силе». Так как дань и другие доходы для князя собирал сам вотчинник, то естественно, что «княжие мужи» — становщики, езовники, наместники, тиуны, волостели и прочая княжая администрация, именем князя и для князя творившая суд и расправу, собиравшая налоги и следившая за выполнением населением ряда повинностей, — уже не «въезжали» в вотчину и не вмешивались в деятельность государя-вотчинника. «А наместники и волостели не въезжают ни по что...», «ни становщики, ни езовники не ездят ни по что» — так формулировали это право феодалов жалованные грамоты. Второй особенностью иммунитета было предоставление (жалованной грамотой) феодалу судебных и полицейских прав. «...Ни наместници мои тем людям не всылают, ни судят их, ни доводщики к ним не въезжают ни по что, оприче душегубства и разбоя» — говорит указанная выше жалованная грамота Благовещенскому монастырю. Ведает и судит своих людей во всем сам вотчинник «или кому прикажет», и только душегубство, разбой и татьба с поличным были в ведении княжеского суда.

Для разбора дел, касающихся интересов разных феодалов, устанавливается «смесный (совместный) суд», в который входили все заинтересованные в нем феодалы или их слуги. «А случится суд смесной, и игумен судит с наместники, а прибыток ся делят пополам».

Судебные функции в руках феодала были дополнительным средством его обогащения, так как судебный процесс сопровождался взиманием пошлины, штрафов и т. п.

Жалованные грамоты превращали крупных феодалов, сосредоточивших в своих руках сбор налогов и судебно-полицейскую власть над своими подданными, в настоящих, почти независимых государей в своих вотчинах. Эти вотчины были как бы княжествами в миниатюре, а сам боярин или духовный владыка во всем подражал князю.

Действия княжеской администрации (наместников, волостелей, доводчиков и др.), собиравших налоги и судивших городской «черный люд» и сельское население, обычно сопровождались грабежом княжеских подданных уже хотя бы потому, что вся эта толпа княжеских слуг кормилась и жила за счет местного населения, куда она «въезжала». Поэтому естественно стремление «черных людей» (т. е. платящих государственные налоги) избавиться от них путем перехода на земли получивших жалованные грамоты феодалов, сманивающих к себе, на «обеленные» (т. е. освобожденные от податей князю) места, всякий простой люд еще и обещанием льгот. Такие люди получали название «закладней», или «закладчиков». Закладываясь за боярина, получившего жалованную грамоту, или за соседнего князя, крестьянин, освобождаясь от одного гнета, от одних обязанностей, приобретал другие. Закладень должен был нести ряд повинностей по отношению к своему новому хозяину или служить ему, причем в последнем случае положение закладчика приближалось к положению мелкого вассала. На Руси существовали различные формы вассалитета. «Били челом в службу» или «приказывались» великим князьям, т. е. становились к ним в вассальные отношения различные по своему богатству, силе и власти феодалы. Сам великий князь возглавлял феодальную иерархию, являясь главой «организации господствующего класса».[1]

Вслед за ним шли «служебные князья», т. е. князья ликвидированных или присоединенных уделов-княжеств или «отъехавшие» из Литвы и Орды («служилые татарские царевичи»). Многие из «служебных князей» владели своими же землями, но получив их уже на правах вотчин от великого князя; иногда же князь давал им другие земли и города, где они «кормились», т. е. получали часть доходов от населения.

За ними шли бояре, «слуги вольные» и «дети боярские». «Дети боярские» — потомки «охудавших» боярских фамилий; хотя не исключена возможность, что этот термин обозначал то же, что в древности именовалось «отроками», «детскими», т. е. «молодшую дружину». Нуждаясь в покровительстве со стороны сильнейшего, бояре и слуги вольные служили ему, причем наиболее крупные из них вместе со своими дружинами. В. И. Ленин указывает, что «местные бояре ходили на войну со своими полками».[2] Самые мелкие из этой феодальной «младшей братии» имели обычно 20—30 десятин земли, 2—3 холопов, а то и вовсе ни одного, и такой мелкий «владетель» сам шел за сохой. Многие из них занимались бортничеством, рыболовством, смолокурением, мелкой торговлей и т. п. Большинство таких мелких феодалов составляли «дети боярские». В Новгороде они назывались «своеземцами».

Опасаясь насилий со стороны князей и бояр, многие из «детей боярских» или отдавали свою землю монастырям и становились монастырски-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV. С. 15.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 1. С. 137.

ми слугами, или уходили к князю и превращались, будучи не в состоянии нести самостоятельно ратную службу, в «слуг под дворским».

Боярин и «слуга вольный» могли служить кому угодно, в любую минуту бросить службу, «отказаться» от своего князя и перейти к другому и т. д., причем это нисколько не отражалось на них как на землевладельцах, так как земли их никто не трогал даже и тогда, если они служили враждебному князю.

Только в том случае, если город, в волости которого находились земли боярина или «слуги вольного», подвергался нападению, они должны были участвовать в его обороне и «сесть» в осаду. Эта обязанность носила название «городной осады». Кроме того, бояре и «слуги вольные» должны были независимо от службы «судом и данью тянуть по земле и по воде». Во всем остальном они были вольны, и князья в своих договорах обычно указывали: «а боярам и слугам, кто будет не под дворским, вольным воля», «а боярам и слугам межи нас вольным воля».

Как видно, «слуги под дворским», о которых говорилось выше, не имели права вольного перехода, и князья договаривались между собой «слуг под дворским» «... в службу не принимати».

Князь являлся не только феодалом, но и правителем, государем. Правил он, опираясь на бояр и «слуг вольных», окружавших его. Они несут ратную службу, управляют от имени князя его «отчиной», княжеством, ведают отдельными отраслями большого и запутанного княжего дворцового хозяйства.

Бояре составляют думу, с которой советуется князь, решает свои дела и как государь и как хозяин-феодал, творит суд, обсуждает дипломатические и военные дела.

В мирное время дума собирается почти ежедневно. С утра ко княжему дворцу съезжаются бояре и «думают» с князем.

Верхушка бояр носила название бояр «больших», или «введенных». За ними шли бояре «путные», ведавшие «путями», т. е. отдельными отраслями княжеского хозяйства или доходами. Существовали ловчий (княжеская охота), сокольничий (соколиная охота), конюший, чашничий, стольничий и другие «пути». Возглавлявшие их «бояре путные» носили название ловчих, сокольничих, конюших, чашников, стольников и т. д. «Пути» состояли из земель, ухожаев (угодьев), сел и деревень с их населением. Главную роль во дворце играл «дворский», имевший в своем распоряжении слуг («слуги под дворским»), обслуживавших двор и «пути». Среди них из десятилетия в десятилетие все меньше и меньше холопов, все больше и больше свободных людей.

Бояре управляли и отдельными областями княжества, городами и «волостями». Князь посылал бояр в город и волости, чтобы они на месте собирали налоги, судили и управляли землей от его имени.

К концу XIII в. управление землями сосредоточивается в руках наместников, проживавших в городах, но периодически объезжавших свои земли, останавливаясь в «станах». Позднее объезды наместников прекращаются (остается только «проездной суд» наместника в Бежецком уезде и кое-где еще). С течением времени повсюду в станах появляются волостели, в распоряжении которых находились «пошлинные люди», помогавшие им в управлении. Волостели, по-видимому, в станах постоянно не жили. Для остановок они пользовались погостами. Так, например, в «Кор-

зеневе стану» Московского уезда стан волостеля был в Козьмодемьянском погосте. Бояре-«волостели» (в волостях) или «наместники» (в городах) за свою службу князю получали часть сборов с населения, так называемые «кормы». Отсюда название бояр-управителей «кормленщики». «Наместники» и «волостели» получали «въезжий корм», натуральные поборы, судебные штрафы и свадебные налоги («новоженый убрус» и «выводная куница»). Любимых и заслуженных бояр князь посылал в такую волость, которая приносила больше дохода, и за «кормление» бояре часто спорили между собой. «Наместники» и «волостели» имели помощников (доводчиков), слуг, вызывавших на суд («праветчиков»), судебных исполнителей («приставов») и других «пошлинных людей».

Часть бояр оставалась при князе, и им «приказывали» разные дела: «разрядные» (военные), «казенные» (казна и государственный архив), «посольские» (иностранных дел), «холопьи» и др. Они возглавляли «дело», «приказ», обслуживаемый грамотными опытными слугами: дьяками и поьдячими. В конце XV и начале XVI в. из этих «приказов»-поручений выросли «Приказы»-учреждения. Должности за боярами не были закреплены. После хлопотливой дворцовой службы боярин обычно ехал «покормиться», а его место занимал «кормленщик». Менялись обычно через год-два, а иногда и чаще.

Но некоторые должности закрепились за родовитой и знатной боярской фамилией, часто становясь наследственными. Так, например, должность московского тысяцкого закрепилась за родом бояр Вельяминовых.

Селами управляли «посельские», которые зачастую были из числа несвободных слуг князя. Князь располагал еще целым отрядом слуг, ведавших более мелкими делами княжего управления и хозяйства. Различные подати собирали особые лица: даньщики, боровщики (собиравшие подать — «черный бор»), бельщики (собиравшие особую подать — «белку»), ямщики (собиравшие «ямские деньги») и т. д.

Писцы и даньщики князя составляли списки селений и живущих в них и определяли размер тягла. Окладной единицей в конце XIII и в XIV в. была «соха» (2—3 человека) или деревня (тоже в 2—3 двора). Раскладка внутри «сохи» была делом самих крестьян. Писцы и даньщики за свой труд получали «писчую белку», «мордку», или «писчую деньгу». С середины XV в. появляется новая единица обложения — «выть» — тяглый жребий, весьма разнообразный по количеству и качеству земли.

Что касается организации войска, то она была типично феодальной.

Основную массу войска великих князей составляли дружины мелких князей и бояр, состоявшие из вооруженных конных и пеших слуг, челядинцев, холопов. Кроме того, были городовые ополчения, набиравшиеся из купцов и ремесленников. Немаловажную роль играло также пешее ополчение крестьян и «черных людей», собираемое «с сохи». Оно часто решало исход наиболее важных сражений. Все большее и большее значение начинает приобретать собственная многочисленная великокняжеская дружина, состоящая из слуг и детей боярских, подвластная только князю и слушавшаяся только его одного, тогда как в других дружинах воины повиновались прежде всего своему непосредственному хозяину и владыке — боярину или князю.

Отношения между князьями определялись духовными и договорными грамотами. Властью отца собственность семьи — княжество-отчина —

делилась между его сыновьями. По духовной грамоте устанавливался «ряд» (порядок), по которому каждый сын получал свою часть. Определенную долю получала и вдова с дочерьми. Устанавливалось «старейшинство» старшего сына, который к тому же получал известные дополнительные земли и доходы «на старейший путь». Главные города в раздел не шли, равно как и тяглый люд, и оставались в общем владении. Великий князь считался старшим князем и именовался независимо от степени родства «братом старейшим», «в отца место». Ниже его стоящие князья именовались «братьями», а за ними шли «братья молодшие», причем наименование «брат молодший» означало не подлинные родственные отношения, а степень подчинения и характер взаимоотношений. Если теперь уже устанавливалась и общерусская система взаимоотношений и подчинения князей, то у себя в княжестве каждый князь был самостоятельным правителем, и в своих договорных грамотах князья обязывались не иметь закладников в чужих землях, не посылать в них даньщиков, не покупать сел и т. д. В договорных грамотах между собой князья прежде всего обязывались «быти за одно» («за один»), главным образом в вопросе взаимоотношений с Ордой и Литвой. Заключались взаимные договоры против возможных врагов и на самой Руси.

Внутри великих княжеств — Тверского, Нижегородского, Рязанского — удельные князья все больше и больше подчинялись своему великому князю. К началу XV в. удельные князья перестали играть самостоятельную роль во внешней политике великих княжеств и в этой области сохранили за собой лишь право собирать дань для Орды, да и та вручалась великому князю. В своей внутренней деятельности удельные князья, правда, и тогда еще были по-прежнему самостоятельны, и эта самостоятельность закреплялась договорной грамотой с великим князем. Что представляли собой эти мелкие удельные княжества, можно судить хотя бы из описания владений удельного князя Дмитрия Васильевича Заозерского (XIV—начало XV в.). Его владения состояли из княжеского двора — «терема и палаты», церкви на берегу Кубенского озера, вблизи лежала «весь Чиркова», где жили все подданные князя и прихожане церкви, — вот и все княжество.

К середине XV в. значительно возрастает значение великого князя владимирского, и так как обычно ярлык на великое княжение Владимирское от хана получали московские князья, то договорные грамоты великого князя с Рязанью и Тверью ставят последних фактически в подчиненное от Москвы положение. И если в это время в Твери и Рязани шла борьба великих князей с удельными, заканчивавшаяся обычно победой первых, то растущая мощь великого князя владимирского, к которому в процессе объединения им русских земель тяготели различные социальные силы, подготавливала ликвидацию великих княжеств Тверского и Рязанского со всей их феодальной политической системой, так как московский князь был представителем «порядка в беспорядке», который господствовал на Руси в период феодальной раздробленности, представителем «образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства».[1]

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I. С. 445.

КНЯЖЕСТВА И ЗЕМЛИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

(СЕРЕДИНА XIII—СЕРЕДИНА XV вв.)

Впервые Северо-Восточная Русь — Суздальская земля — обособилась в княжение сына Ярослава Мудрого Всеволода. Одной из важнейших особенностей политического строя Суздальской земли явилась сильная княжеская власть.

Стремление опереться на городскую верхушку и свою княжескую дружину, состоявшую из вооруженных княжеских слуг, характерно еще для Всеволода Ярославича, переяславльского и суздальского князя, который под конец своего княжения, к 90-м годам XI столетия, отстранил «старую» — боярскую дружину. Сын его Владимир Мономах, хотя и был занят главным образом делами Южной Руси, тем не менее не забывает своей Суздальской «отчины», основывает город Владимир на Клязьме, заселенный главным образом ремесленниками. Владимир — княжой город, с ремесленным населением и купечеством, зависящим исключительно от князя, — отличался от «старых городов Ростова и Суздаля, где бояре, хотя и подвластные князю, своей самостоятельностью и родовитостью отличались от княжих «молодших» дружинников.

Ко времени княжения Юрия Долгорукова, сына Владимира Мономаха, относится, по-видимому, рост княжеских земельных владений. Различные слуги князя — тиуны, ключники, старосты — приобретают теперь огромное значение. Они — дружинники, правители и советники князя одновременно. Они теперь окружают князя, на них он опирается; и это вызывает недовольство ростовских и суздальских бояр. Юрий строит ряд новых городов — Юрьев, Дмитров и другие, заселяя их купцами, ремесленниками и своей «молодшей дружиной». Пожалования и ссуды ставят их в непосредственную зависимость от князя, и на них князь может рассчитывать в борьбе против боярства «старых» городов и «земских бояр», пытавшихся противиться усиливающейся княжеской власти. Юрий подчиняет их себе. При Юрии усиливаются поборы княжих тиунов — дружинников — с сельского населения, что и вызывает восстание «по селам» против «суздальцев» после его смерти, последовавшей в Киеве в 1157 г.

Торговое значение городов Владимиро-Суздальской земли растет; купечество этих городов торгует с Новгородом и через него связывается с Западной Европой, причем владимиро-суздальские князья держат в своих руках всю новгородскую торговлю с «низом», т. е. с землями по Волге и Оке. Развивается и крепнет торговля со Смоленском, Черниговом, Галичем и даже Кавказом. Высокая материальная культура — ремесленные изделия, архитектурные памятники и т. п. — свидетельствует о развитой

городской жизни, о наличии многочисленных ремесленников в городах Владимиро-Суздальской земли.

«Старое» ростовское боярство — родовитые и знатные представители «старой дружины», — оттираемое на второй план «молодшей дружиной», смотрит на нее и на городской люд с ненавистью и презрением. Ростовские бояре говорят о владимирцах: «Несть бо свое княжение град Владимир, но пригород есть наш, а наши смерды в нем живут и холопы, каменосечцы и древоделы и орачи».

При таком отношении ростовских бояр к горожанам — жителям новых городов — последние, естественно, искали поддержки у князя. Князья бросают старые города — Ростов, а затем и Суздаль — и преемник Юрия Андрей Боголюбский строит свой город-замок Боголюбов недалеко от Владимира. Андрей Боголюбский продолжал борьбу с боярством, в процессе которой усилил свою власть. Росло княжое землевладение, а вместе с ним росла и эксплуатация смердов. Удачны были и походы Андрея. Он победил камских болгар и умел держать в руках Новгород, нуждавшийся в суздальском хлебе и в рынке для своих товаров. Несмотря на неудачный поход на Новгород в 1169 г., Андрей имел большое влияние на новгородские дела и сажал в вечевой город «подручных» князей.

В 1169 г. дружины Андрея разграбили Киев, но Андрей не поехал в Киев, а остался у себя на севере. Этим он как бы подчеркнул падение значения Киева как политического центра.

Усиление княжеской власти при Андрее Боголюбском, ставшем «самовластцем», державшем в руках не только своих ростовских и суздальских бояр, в чем всячески ему помогали горожане, но и «подручных» князей, попытки Андрея установить «единодержавие» привели к организации заговора в придворной боярской среде. Инициаторами его были Кучковичи, потомки убитого Юрием Долгоруким «земского боярина» Кучки. В июне 1174 г. заговор был осуществлен и Андрей был убит. Когда в связи с убийством Андрея вспыхнуло восстание против княжеской администрации — тиунов, мечников, посадников, угнетавших и эксплуатировавших народные массы, в их защиту выступила поддерживавшая княжескую власть церковь. Духовенству удалось локализовать и приостановить движение народа.

После смерти Андрея ростовскому боярству удалось пригласить на Владимиро-Суздальский стол рязанских князей, которые должны были предоставить боярам возможность править «на своей воле», тогда как Мономаховичи заставляли их подчиняться себе. Брат Андрея Михалко успел уйти во Владимир. Владимирцы — княжие дружинники и горожане — энергично поддерживали своего князя, боясь расправы со стороны ростовского боярства, установления боярского самовластья и грабежа. Дружины рязанских князей и ростовских бояр с трудом выбили Михалку оттуда. Приглашенные ростовскими боярами рязанские князья Мстислав и Ярополк Ростиславичи действительно начали с открытого грабежа горожан. Ограбленными оказались и владимирские церкви, духовенство которых поддерживало Мономаховичей. Все ценности Ростиславичи свозили к себе в Рязань.

Владимирцы снова призвали к себе Михалку, и на этот раз он вышел победителем из борьбы. Михалка восстанавливает города и церкви. Видя

его успех, суздальские горожане отмежевались от своих бояр и призвали его к себе. С Ростовом и Суздалем Михалка заключил договор.

По смерти его в 1177 г. на престол владимирский по просьбе горожан вступил его брат Всеволод Большое Гнездо. Несмотря на попытки ростовских бояр, пригласив рязанских князей, снова выступить против своего князя, Всеволод, опираясь на владимирских горожан, не только решительными мерами расправился с ними и конфисковал их земельные владения, но и рязанских князей разбил. Всеволод правит, «не обинуяся лица сильных своих бояр», успешно продолжая укреплять свою княжескую власть. С ним вынуждены считаться Рязань, Чернигов и Киев, где хозяйничает его дружина. Новгород также оказался втянутым в круг его политики, но новгородские бояре больше сочувствовали ростовскому и суздальскому боярству, чем князю, и подчинить их своей власти Всеволоду не удалось.

Всеволод — сильнейший князь своего времени. Летописи называют его «Великим князем» и «Господином». Многочисленные сыновья Всеволода, его «подручные», сидят в разных концах Древней Руси. «Слово о полку Игореве» так отзывается о богатстве и силе Всеволода: «Великий княже Всеволод! Не мыслию ти прилетети из далеча отня злата стола поблюсти: ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти...».

Княжение Всеволода — время расцвета Владимиро-Суздальского княжества, не только игравшего решающую роль во всех межкняжеских усобицах, но и пытавшегося установить свою гегемонию в Древней Руси.

Войны с болгарами и мордвой расширили границы княжества на востоке.

Но расцвет Владимирской земли таил в себе элементы распада и разложения. Те же самые причины, т. е. прежде всего рост феодального землевладения, которые вызывали распадение русских княжеств на уделы, привели к дроблению и Владимиро-Суздальское княжение. После смерти Всеволода в 1212 г. земля оказалась разделенной между его сыновьями — Константином, Юрием и Ярославом. Появились отдельные княжества, начались и усобицы, вылившиеся в 1216 г. в грозную Липецкую битву. И после блестящего княжения Всеволода на северо-востоке снова началось распадение на уделы. Вся Русь в XIII в. переживала период феодальной раздробленности.

Дробление земель идет непрерывно. На территории Владимирского княжества создаются новые феодальные государственные образования. Они непрерывно делятся и подразделяются. Земля Переяславля Залесского, доставшаяся Ярославу Всеволодовичу, распадается на собственно Переяславльское, Московское и Тверское княжества, где княжили потомки Ярослава.

Ростовская земля, где сидел в начале XIII в. Константин Всеволодович, распалась после его смерти (1218 г.) и на ее месте образовались Ростовское, Ярославское, Угличское и Белозерское княжества.

В начале XIV в. от Ростова отпала Кострома, в районе которой владения ростовских князей шли чересполосно с владениями их соседей, князей ярославских и белозерских. Крайним северным пунктом владений ростовских князей был расположенный в устье реки Юга Устюг Великий. В результате дальнейшего феодального дробления Ростовской земли в

первой половине XIV в. она разделилась на большое количество мелких княжеств.

В Ярославском княжестве после Батыева нашествия сидели потомки Всеволода Константиновича Василий и Константин. Затем в 1249 г. в Ярославле с тянувшими к нему волостями вокняжается зять Василия Всеволодовича, смоленский князь Федор Ростиславич. Княжеский род к середине XIV в. необычайно разросся, и Ярославское княжество распалось на уделы, где сидели князья Курбские, Прозоровские, Сицкие, Моложские и др.

Младшему своему сыну Владимиру Константин Всеволодович отдал Углич с волостями, но самостоятельное существование Угличского княжества не было длительно и прекратилось после смерти сыновей Владимира (Андрей умер в 1261 г., а Роман — в 1285 г.). Углич с землями отошел к ростовским князьям.

Далеко на севере, в девственных чащах по течению Шексны и Мологи, у Белоозера и озера Кубенского, лежало Белозерское княжество, доставшееся Васильку Константиновичу, родоначальнику многочисленных белозерских князей: Ухтомских, Белосельских, Кемских и др.

Так раздробилось на мельчайшие уделы Ростовское княжество.

Выделился в самостоятельное княжество и Юрьев Польский, где княжили потомки Святослава Всеволодовича.

По реке Клязьме лежало небольшое Стародубское княжество, доставшееся в 1238 г. Ивану Всеволодовичу и его потомкам.

В XIV в. сложилось княжество Нижегородское, куда вошли Нижний Новгород, Суздаль и Городец.

Собственно Владимирское княжество состояло из земель, лежащих в междуречье Средней Волги, Оки и Клязьмы. В него входили густонаселенное, плодородное и безлесное «суздальское ополье», Костромская земля и т. д.

В начале установления татарского ига золотоордынские ханы поддерживали претендовавших на великое княжение Владимирское старших в роде потомков Всеволода Большое Гнездо, а затем великим князем становился тот, кто давал больший «вклад» за великокняжеский ярлык. К. Маркс отмечает «распространение уделов, происходившее на юге и в центре».[1]

На этом феодальное дробление земель не остановилось. Княжества замыкаются в себе, живут обособленно, усиливается их политическая и экономическая разобщенность. Растет вотчинное хозяйство князей и бояр, становящихся все богаче и сильнее. В доходах князя и боярина вотчинное хозяйство играет решающую роль и привязывает их к княжению, к «земле», направляет их на узкие, личные, эгоистические интересы. Не прекращаются раздоры и усобицы. Князья спорят за уделы в Орде, воюют между собой. Усобицы разоряют земли. Население нищает. Власть великого князя владимирского ослабевает. Само звание «великого князя» становится громким титулом с весьма бедным реальным содержанием, источником всякого рода столкновений между князьями.

Раздробление Русской земли протекало в условиях тяжкого татарского ига. Попытки народа путем восстаний сбросить татарское иго не увенча-

[1] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 78.

лись успехом. «Мятеж велик» в Новгороде в 1259 г. и восстания в 1262 г. по городам Северо-Восточной Руси были подавлены татарами. Эти первые попытки сбросить ненавистное иго золотоордынского хана и не могли быть успешными. Еще очень сильна была Золотая Орда, а Русь, разбитая, обескровленная и разграбленная, не успела создать политической организации, способной объединить русский народ для отпора угнетателям — татарским феодалам.

Такой организацией могло быть только сильное Русское государство. Между тем в XIII—XIV вв. Русь была «раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»,[1] постоянно враждовавших между собой, и наряду с объединительными тенденциями существовали центробежные силы, тормозившие ее объединение. Разоренная и опустошенная татаро-монголами Русь переживала время упадка, ослабления, раздробления.

Среди множества княжеств Руси той поры выделяются Новгород, Псков, Тверь, Рязань, Нижний Новгород и, конечно, Москва.

Великий Новгород избежал прямого разгрома татарскими войсками. В XIII—XIV вв. владения Новгородской боярской республики еще более расширились. Выросло крупное боярское землевладение. Боярские земли и угодья были разбросаны по всей земле Новгородской. «Житьи люди» и купцы владели также немалой долей земельных участков, хотя большинство земель принадлежало мелким собственникам — «своеземцам», или «земцам». Все меньше и меньше оставалось свободных смердов. Разоряемые и закабаляемые новгородские и псковские смерды становились половниками и изорниками, работавшими на господской земле за часть урожая. Постепенно распространялась и крепостническая зависимость.

Продолжалась усиленная колонизация обширных пятин и земель Новгородских. В XIII и XIV вв. колонизовалось бедное Обонежье, страна озер и скал, где было мало удобных для земледелия земель и доходных промыслов. Из последних существенную роль играла только добыча местной болотной железной руды. Обонежье не привлекало алчных бояр и осталось областью крестьянской колонизации. Взоры новгородского боярства, предприимчивого и жадного, были обращены на север, где в тайге водилось много ценного пушного зверя, а на море можно было заняться доходным зверобойным промыслом. «Неродимая землица» северных и восточных окраин новгородских владений вынуждала предприимчивых новгородцев стремиться к рекам, изобилующим рыбой, к лесам, где пушной зверь не редкость, а постоянный обитатель, к морям, богатым и рыбой, и морским зверем.

Всем этим были богаты далекие «земли» новгородские, заселенные малочисленными и слабыми северными племенами, «данниками» Новгорода: лопью (саамами), чудью заволоцкой (коми-зырянами), югрой (ханты и манси), самоядью (ненцами). На Север шли и простые люди, «меньшие», спасаясь от притеснений и эксплуатации бояр; стремилось и боярство, для того чтобы начать эксплуатацию русского и нерусского населения Поморья, Подвинья, Приуралья.

Так шли новгородцы в северную тайгу, в тундру, на побережье Студеного моря, шли за рыбой и мехами, морским зверем и солью. Новгород-

[1] К изучению истории. М., 1946. С. 21.

ские промысловые люди доходят до богатых рыбой и зверем Тре (Терский берег) и Мурмана. На устье Колы был заложен городок Кола. Позднее промысловые люди дошли до Печенги, Финмаркена и до самого Груманта (Шпицбергена).

На северо-востоке лежало еще более богатое Заволочье, или Двинская земля. Здесь давно уже появились поселенцы — крестьяне и промысловые люди из Новгородской и Суздальской земель, рано развилась торговля и возникло боярское землевладение. В XIV в. новгородское боярство пытается прочнее обосноваться в Заволочье. В 1342 г. боярин Лука Варфоломеевич с вооруженным отрядом захватывает Двинскую землю и ставит городок Орлец. Вслед за ним потянулись и другие новгородские бояре, и вскоре все Заволочье было освоено феодалами Великого Новгорода.

Огромная территория Новгородской земли в XIV в. делилась на три типа земель: 1) старинные, основные земли Новгорода, так называемые пятины (Водская, Шелонская, Деревская, Бежецкая и Обонежская), где росло феодальное землевладение и закрепощались смерды; 2) земли, где развивалась боярская колонизация: Заволочье, Тре и Поморье, и 3) земли, куда проникали новгородские даньщики, ушкуйники и купцы (Печора, Самоядь, Югра до Оби). Для торговли с Югрой была создана особая купеческая организация «Югорщина».

Новгород был «окном в Европу» для Руси и являлся почти монополистом в торговле между Русью и Западом. Главную роль играла Ганзейская торговля. Из ганзейских городов новгородские купцы теснее всего были связаны с Любеком и Висби. В Новгороде существовал «Немецкий двор», где помещалась контора ганзейских купцов, управлявшаяся по особому уставу, называвшемуся «скра». Между Новгородом и Ганзой был заключен разновременно ряд договоров. Ганзейские купцы были посредниками в торговле Новгорода с Западом, но новгородские купцы действовали и самостоятельно, ездили в далекие края и «за море», торгуя в Риге, Нарве, Ревеле, Юрьеве (Дерпте), Або, Выборге, Стокгольме, Любеке, на острове Готланде, в Висби и Дании.

Предметы новгородской торговли добывались главным образом путем взимания дани и отчасти — торговли с северными народами: самоядью, чудью заволочской, югрой и т. д. и представляли собой продукты охотничьего, зверобойного и других промыслов (меха, китовый ус, моржовые клыки, называемые «рыбий зуб», ворвань, мед, воск и т. п.). «Заморские» товары новгородские купцы сбывали в княжествах Северо-Восточной Руси.

Ремесла и особенно торговля Новгорода создавали ему определенное экономическое, а следовательно, и политическое преимущество по сравнению с другими княжествами Руси.

По политическому устройству Новгород был феодальной республикой, с господством боярской аристократии.

Новгород был вечевой республикой, причем на вече принимали участие все свободные люди — новгородцы и жители «пригородов», т. е. городов Новгородской земли. Вече мог созвать кто угодно: князь, посадник, любой новгородец. Обычно по звону вечевого колокола вече собиралось на «Ярославле дворе» (Торговая сторона).

На особом помосте — «степени» — сидели все правители Новгорода: посадник, тысяцкий и др. Существовали уличанские (по улицам) и кон-

чанские (по «концам» — районам) вече, где часто те или иные вопросы предварительно обсуждались, и жители улицы или конца приходили на вече уже с определенным мнением, которое и пытались провести на вече. На вече обсуждались все важные дела: выбирались и смещались должностные лица, решались вопросы войны и мира, приглашения того или иного князя и утверждался «ряд» (договор) с ним и т. п. Голосования не было — дела решались в зависимости от того, за какое предложение стоит большинство. Нередко вече раскалывалось, и дело доходило до кровавых столкновений, а когда вече собиралось одновременно и на Софийской, и на Торговой стороне, спор между ними часто решался схваткой на мосту через Волхов.

Вече буржуазные историки считали «народоправством», но на самом деле «худые мужики», «черные люди», на нем не играли существенной роли. За них решали и правили все дела бояре, часто использовавшие в своих целях отдельные группы простого новгородского люда. М. И. Калинин указывал: «Вспомните хотя бы древнюю русскую историю и Новгородское вече. С внешней стороны это была самая чистая демократия: весь народ решал на площади коренные вопросы, и его решения проводились в жизнь». И далее подчеркивал, что мы «великолепно знаем, что в Новгородском вече, в народном собрании Новгорода, по существу все важнейшие вопросы решали деньги. Богачи располагали физической силой, располагали „добрыми молодцами“, которые, приходя на вече, кричали громче всех, а подчас и кулаки в ход пускали. Историкам известно, что в этом „золотом веке“ вопросы очень часто решались кулаками. Новгородское вече, конечно, не было подлинным народовластием».[1]

И частая смена новгородских посадников и тысяцких отражала лишь борьбу внутри боярско-купеческой олигархии. Когда же доведенные до отчаяния «мизинные» люди предъявляли свои права и выдвигали свои требования, обычное вече не могло их удовлетворить, и начиналось восстание.

Вся власть находилась в руках боярской олигархии. Князь в Новгороде не играл особой роли, и уже с конца XII в. Новгород договаривался с князьями и ограничивал их власть. Обычно новгородским князем был великий князь владимирский. Князь был ограничен во всем. Он не имел права покупать земли, иметь вассалов и зависимых людей на территории Новгорода, не мог судить без посадника, был ограничен даже в охоте и рыбной ловле и т. п. Князь даже не жил в Новгороде, его резиденцией было пригородное Городище. Но, несмотря на эти ограничения, князья все же шли в Новгород, так как связь с ним была выгодна купцам их княжеств и, кроме того, с богатого Новгорода князья все же получали некоторые доходы. Новгороду же князь был нужен для защиты от врагов, для обеспечения торговли новгородцев с «Низом» и снабжения хлебом.

Подлинным правителем был посадник, ведавший всеми отраслями политической жизни Новгорода. Его помощником был тысяцкий, ведавший ополчением и торговым судом. Кроме того, существовали «вечевая изба», возглавлявшаяся вечевым дьяком, и мелкая администрация: подвойские, биричи, приставы и т. д. Большую роль, подчас решающую, играл Новгородский «владыка» (архиепископ). Концами ведали особые кончанские

[1] М. И. Калинин. О задачах советской интеллигенции. М., 1939. С. 24.

старосты, улицами — уличанские; во главе сотен, куда входили купцы, стояли сотские. Вся новгородская администрация, таким образом, была выборной, но она вся выбиралась из числа богатых бояр. Несколько десятков боярских фамилий держали в своих руках всю власть. Из их среды выходили посадники, тысяцкие и т. д. Из рода новгородского боярина Михаила Степановича вышло 12 посадников. Фактическим правительством являлся «Совет господ», в который входили архиепископ, княжеский наместник, посадник, тысяцкий («степенные», т. е. исполняющие эти обязанности в данный момент), кончанские старосты, «старые» посадники и тысяцкие и другие богатые и знатные бояре — «триста золотых поясов», как называют их немецкие источники. Таким образом, ничего демократического в политическом строе Новгорода не было. Бояре наживались и богатели за счет своих смердов, холопов, половников, за счет грабежа северных народов, в земли которых устремлялись отряды «ушкуйников», служивших боярам, за счет торговли и ростовщичества. Обогащались они и за счет доходов от занятия должностей («поралье посадничье» и тысяцкого), в результате незаконных поборов и т. п.

Окруженные многочисленной чельядью-слугами, «молодцами», «паробками», бояре держали в руках и новгородский «черный люд», и смердов. Поэтому в Новгороде все время шла острая классовая борьба. Она, по выражению К. Маркса, «бушевала в Новгороде» с исключительной силой.[1] Летописец пишет, что в середине XV в. «не бе в Новгороде правды и правого суда...». Непосильные поборы и ростовщичество бояр разоряли народ, и «бе кричь и рыдания и вопли и клятва всеми людьми на старейшина наша». Результатом были крупные восстания «черного люда», как, например, в 1418 г. Поводом к нему послужил следующий эпизод: новгородец Степанко схватил на улице боярина Данилу Ивановича и криком созвал новгородцев. Те сбросили боярина в Волхов. Когда спасшийся Данила Иванович, в свою очередь, схватил Степанко и начал мучить его, в городе вспыхнуло восстание, направленное против бояр.

Классовая борьба в Новгороде протекала и в более завуалированной форме, в форме так называемых ересей. Первой ересью была ересь стригольников, возникшая в 70-х годах XIV в. в Пскове и Новгороде; во главе стригольников были дьякон Никита, Карп и др. Стригольники выступали против господствующей церкви с ее поборами, продажей церковных должностей, с ее стремлением к «стяжательству» и т. п. О стригольниках «черный люд» говорил: «сии не грабять и имения не збирают».

Ересь пользовалась успехом среди многочисленных торговцев, ремесленников и городской бедноты и отражала нарастание классовых противоречий.

Вторым русским вечевым городом был Псков. Первой вехой на пути Пскова к независимости было приглашение в 1137 г. изгнанного из Новгорода Всеволода Мстиславича.

С конца XIII в. Псков отделяется от Новгорода и начинает приглашать князей, не считаясь с ним. Так, например, в Пскове княжил Довмонт (1266—1299), с успехом защищавший город от ливонских рыцарей и литовцев. В 1346 г. Псков окончательно отделяется от Новгорода, и по Бо-

[1] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 81.

лотовскому договору Новгород признал самостоятельность своего «молодшего брата».

По политическому строю вечевой Псков был близок к Новгороду. Власть была в руках бояр, которые правили Псковом, составляя особую организацию, называвшуюся «госпóда», только вместо посадника и тысяцкого в Пскове были два равноправные посадника. В Пскове бóльшую роль играли купцы и ремесленные люди, а боярство не достигло такого могущества и богатства, как в Новгороде.

Князь в Пскове играл еще меньшую роль, чем в Новгороде.

В «Псковской судной грамоте», принятой на вече в 1467 г., но состоящей из нескольких частей, древнейшие из которых относятся еще к началу XIV в., отразились и жизнь и быт феодальной псковской деревни с ее эксплуатируемыми и угнетенными изорниками, огородниками, кочетниками, взявшими «покруту» (ссуду), работавшими исполу и имевшими право переходить лишь на Филиппов день (14 ноября ст. ст.). Существовали и «старые изорники», прочно связанные со своим господином.

Псковские земли протянулись узкой полоской с севера на юг и составляли как бы границу Руси на Западе. Это пограничное положение Пскова привело к тому, что на протяжении столетий Псков принимал на себя удары со стороны Литвы и Ордена. Вследствие окраинного положения Новгорода и Пскова им приходилось часто воевать со шведами, ливонскими рыцарями и литовцами, пытавшимися напасть на Русь.

Таковы были северо-западные русские земли, где царил Господин Великий Новгород — «глава русских республик» (К. Маркс).

Одним из наиболее могущественных княжеств Руси было княжество Тверское.

Впервые в летописи Тверь упоминается в 1209 г., хотя основана она была гораздо раньше. В те времена Тверь входила в состав Суздальской земли и являлась ее опорным пунктом на западе, у рубежей Великого Новгорода. После смерти Всеволода Большое Гнездо Тверь досталась его сыну Ярославу и вошла в состав Переяславльского княжества.

К концу второй половины XIII в. Тверь стала самым сильным княжеством Северо-Восточной Руси. Условием, способствовавшим возвышению Твери, ставшей в 1247 г. самостоятельным княжением, были массовое переселение и бегство крестьян и горожан в Тверскую землю из восточной окраины Владимиро-Суздальской земли. После нашествия Батыя и в результате последующих набегов татар сельский и городской люд вынужден был покидать восточные княжества и переселяться на запад, в более безопасные места. Тверское княжество к концу XIII в., особенно после татарского набега 1293 г., опустошившего все княжества и города Владимирской земли, за исключением Твери, оказалось едва ли не самым густозаселенным. Это давало возможность тверскому князю собирать большие суммы в результате обложения налогами жителей своего княжества и набирать многочисленные рати. Сюда же съезжались бояре и «слуги вольные» из опустевших городов и сел восточной и южной окраины Владимирской земли.

Тверь — большой торговый город. Она была расположена на берегу Волги у впадения в нее реки Тверцы и являлась средоточием торговых путей, связывающих Новгород с «Низом», игравших огромную роль в экономической жизни всей Древней Руси. Новгородские купцы на своих

лодках везли «заморские» товары по Мсте, оттуда волоком добирались до Тверцы, плыли мимо Твери, попадали в верховья Волги и спускались дальше в «Низ». Вся торговля Новгорода с «Низом» могла контролироваться Тверью. Даже в начале XVI в. уже утратившая свою самостоятельность и подчинившаяся быстро растущей Москве Тверь производила на иностранцев, побывавших в ней, впечатление большого города. Так, Кампензе сообщает: «Город Тверь при значительной реке Волге, или Ра, весьма обширен и гораздо пространнее и великолепнее самой Москвы». Вот причины, приведшие к тому, что в то время как Москва была еще слабым и незначительным княжеством, великим княжеством Владимирским пытается овладеть Тверь.

Первым тверским князем был брат Александра Невского Ярослав Ярославич. После смерти другого брата, Андрея, последовавшей в 1264 г., Ярослав Ярославич получает от хана ярлык на Владимирское великое княжение. Ярослав Ярославич открывает новую страницу в политической жизни великих князей владимирских. Великий князь не поехал во Владимир. Разрушенный и опустевший Владимир его уже нисколько не привлекал. Ярослав остается в многолюдной и богатой Твери и оттуда управляет своим великим княжением.

Обладание ярлыком на великое княжение Владимирское давало ему возможность подчинить себе других князей и предоставляло в его распоряжение огромные земли. Ярослав Ярославич был приглашен новгородцами на княжий стол. Здесь, в Новгороде, Ярослав правил, опираясь на «менших людей». К этому времени усилились противоречия между «меншими» и «вячшими», которые при сборе баскаками золотоордынского хана дани с горожан и переписи населения, «числа», «творили себе добро, а меншим зло». «Меншие» при этом в договоре с князем требовали, чтобы он отступил от политики предшествовавших ему князей. Князь был очень ограничен в своих правах, но тем не менее он все же много досадил новгородцам, отбирая у них охотничье-промысловые угодья, собирая «серебро», конфискуя имущество некоторых новгородцев и т. д. Эти действия князя вызывали недовольство горожан. Они восставали, изгоняли княжеских наместников, но, не желая ссориться с сильным князем во время борьбы с ливонскими рыцарями, снова приглашали князя и заключали новый договор, «ряд». Ярослав получал с Новгорода некоторые доходы, и, кроме того, пребывание на новгородском столе давало ему возможность влиять на судьбы Новгорода и укрепляло его вотчину — Тверь. Поэтому Ярослав, хотя и был ограничен в Новгороде договорами 1265 и 1270 гг., тем не менее не хотел с ним расставаться. При Ярославе расширились пределы Тверского княжества, граничившего на севере с Новгородом, на западе — с Великим княжеством Литовским, на юге — со Смоленском.

После его смерти на обратном пути из Орды, последовавшей в 1272 г., ярлык на великое княжение Владимирское получает последовательно князь костромской, затем переяславльский и, наконец, городецкий. Андрей Городецкий стал великим князем в 1294 г. Он имел двух сильных союзников: ростовского князя Константина и ярославского — Федора, но этому союзу трех князей противостоял другой союз, состоявший из тверского князя Михаила Ярославича, Ивана Переяславльского и московского князя Даниила Александровича. Борьба развернулась, как всегда, за ярлыки, власть, земли. Пока ярлык на великое княжение был в руках Андрея,

временный союз Москвы и Твери был возможен, но только до того момента, когда Тверь попытается расширить свои владения за счет соседа и овладеть снова великим княжением. Вместе с Михаилом Тверским Даниил Александрович отстоял Переяславль от Андрея. Но стоило только Михаилу Тверскому после смерти Андрея в 1304 г. получить ярлык на великое княжение, столкновение Москвы с Тверью оказалось неизбежным. Москва энергично отстаивала свои права на собирание русских земель. Дальнейшая история Тверского княжества тесно переплетается с историей Москвы и представляет собой длительную и напряженную борьбу вначале за великое княжение Владимирское, а затем, со стороны тверских князей, за сохранение независимости Твери, а поэтому будет нами рассмотрена в связи с объединением Руси вокруг Москвы.

На юго-востоке Руси лежала богатая и плодородная Рязанская земля. Тучный чернозем создавал хорошие условия для развития хлебопашества. В лесах водилось множество зверья, в реках — рыбы. Всюду были расположены «ухожаи», поля и луга.

Из всех русских земель «Рязанская Украина» от Батыева нашествия пострадала едва ли не больше всех. Более или менее уцелела лишь северная часть княжества, покрытая дремучими лесами. Города были сожжены и разрушены, край был опустошен и разорен. Население схлынуло к северу, где в пограничной с Московским княжеством лесной полосе, ранее пустынной и слабо заселенной, растут новые города, возникают села и починки.

Политическая жизнь Рязанской земли при Ингваре и Олеге Ингваревичах (1237—1258 гг.) замерла. С течением времени центр княжества переместился в Переяславль Рязанский. На юге получил особое значение Пронск — оплот рязанцев в борьбе с татарами.

Рязанская земля, открытая с юга и востока, не знала отдыха от татарских набегов. Они следовали один за другим в 1278, 1288, 1308 гг., не говоря уже о многочисленных налетах и грабежах со стороны отдельных татарских чамбулов (отрядов) и «царевичей». Слабые рязанские князья не могли и думать о борьбе с Ордой, а их продвижение на Запад натолкнулось на сопротивление Литвы, захватившей Северскую землю.

Рязанцы вели напряженные войны. Часто на свой страх и риск и не ожидая помощи со стороны князей, они боролись во главе со своими тысяцкими и воеводами с татарами. Больше того, рязанцы проникали далеко на юг, и их отдельные поселения можно было встретить по Дону, Хопру, Тихой Сосне и Вороне. Вся часть степи к востоку от Воронежа, носившая в те времена название Червленного Яра, постепенно заселялась рязанцами. Пограничная жизнь, полная опасностей, сделала рязанцев опытными воинами, «буйными» и «дерзкими» в представлении московского летописца.

На западе Рязань граничила с Чернигово-Северскими землями, которые постепенно переходили под власть рязанских князей (например, Верея, Боровск, одно время Лопастна).

В Рязанском княжестве жили мордва и мещера, которые часто входили в состав рязанских дружин, смешивались с русскими, а их князьки становились рязанскими боярами. С другими мордовскими племенами Рязань почти непрерывно воевала. Рязань, или «Рязанская Украина», была боевым, военным форпостом Руси на юге и востоке. Естественно, что первое

время Рязань была слаба, и отчасти за ее счет возвышается Москва. Этому способствовало и усилившееся уже при Константине Ярославиче феодальное дробление Рязанской земли. Переяславль, Пронск, Муром выделяются в самостоятельные княжества. Начались и усобицы. При нем же Рязань столкнулась с Москвой, потеряла Коломну и уже в 20-х годах XIV в. рязанские князья зависели от московских. Но постепенно эта зависимость ослабевает, а в середине XIV в. Рязань — уже великое княжество, внутри которого существовало несколько уделов. В Рязани (так стал называться Переяславль Рязанский) сидели потомки Ивана Александровича, в Пронске — Ярослава Александровича, в Муроме — Василий и Юрий Ярославичи, генеалогия которых неясна.

В восточной части княжества, соседней с Мещерой, покрытой густыми лесами, в начале XIV в. возникает новое удельное княжество, начало которому кладут выходцы из Орды князья Ширинские, Бахметьевы, Беклемишевы и местные князья мещерского происхождения вроде Александра Уковича. Здесь же нашли себе убежище некоторые половецкие семьи. Половецкие ханы положили начало некоторым русским боярским родам (например, Кобяковым).

Слабые татарские, мещерские и половецкие князьки подпадали под влияние русской культуры, принимали христианство, обрусевали и подчинялись рязанским князьям.

К середине XIV в. Рязань усиливается — складываются «Великое княжество Рязанское» во главе с Олегом Ивановичем и «младшее княжение» — Пронское, где сидит его двоюродный брат Владимир Ярославич. Пользуясь малолетством обоих князей, рязанские бояре прибрали всю власть к своим рукам, заручились поддержкой со стороны некоторой части московского боярства и, воспользовавшись смертью Семена Гордого, захватили московскую волость Лопастну. С этого момента рязанский князь пытается «исправить» границы за счет Москвы.

Княжение Олега Ивановича (1350—1402 гг.) было временем, когда Рязанское княжество начинает постепенно оправляться от разрушений, причиненных татарским нашествием и усобицами. Напавший в 1365 г. на Переяславль Рязанский «князь» Тогай был разбит Олегом у Шишевского леса. Стремясь во что бы то ни стало сохранить свою «отчину» как независимое княжество, Олег Иванович, далекий от понимания задач, стоявших перед всей Русской землей, в один ряд ставит как врагов и татарского «князька», и московского князя. Победа над Тогаем окрылила Олега и он попытался, несмотря на усобицу с пронским князем, начать войну с Дмитрием Ивановичем Московским. Как это мы увидим далее, борьба Рязани с Москвой закончилась поражением и подчинением Рязани. Напуганный неудачей первого столкновения с Москвой и нападениями татар, Олег решил, перед угрозой подчинения Москве, перейти на сторону татар. Это и определило его позицию в годину нашествия Мамая, когда он вел ловкую дипломатическую игру, оставаясь все же «в стороне» Мамая и этим «спасая», конечно на время, свою «Рязанскую Украину» от разорения. В следующий поход на Москву, поход Тохтамыша, Олег снова выступил слугой хана. Недальновидность Олега Ивановича, мыслившего лишь масштабами своей Рязанской «отчины», дорого обошлась и ему, и Рязани и стала помехой на пути Руси к объединению.

Это поведение Олега привело к натянутым отношениям и к борьбе между Москвой и Рязанью. Борьба окончилась победой Москвы и миром 1386 г., по которому Олег признал себя «молодшим братом» Дмитрия Донского.

Развернувшаяся на Западе борьба с Литвой не дала при Олеге положительных результатов. Зато Олегу удается теснее сплотить под своей властью «подручных князей». Ими были князья Пронские, Муромский и одно время Козельский и Елецкий. Это единство Рязанской земли дало ему возможность по праву называться великим князем рязанским. На время прекратились усобицы.

При Олеге окрепло и усилилось рязанское боярство. Источники говорят нам о таких боярах Рязанской земли, как Епифан Кореев, который вел переговоры с Мамаем и Ягайло, Станислав, ехавший с митрополитом Пименом к Дону, Иван Мирославич (мурза Салахмир), Сафоний Алтыкулачевич, окольничий Юрий, стольники Александр Глебович и Глеб Васильевич Лонгвин, ключник Лукьян и др. Некоторые из них владели огромными землями, например Иван Мирославич владел Веневой, Верхдеревом, Растовцем, Веркошей и рядом других земель. Но несмотря на свое усиление при Олеге Ивановиче, Рязань все же не могла стать центром объединенной Руси, не имея на это ни сил, ни средств, и вся дальнейшая история Рязанского княжества после смерти Олега представляет собой не что иное, как историю постепенного его ослабления и перехода под власть Москвы.

На востоке опустошенной татарами Суздальской земли выросло и третье великое княжество — Нижегородское. Сложилось оно из Суздаля, Городца, Нижнего Новгорода и княжеских городов-крепостей во второй половине XIV в. при первом «князе великом суздальском, нижегородском и городецком» Константине Васильевиче. Константин Васильевич всюду «нарубает» городки, усиленно колонизирует край и среди лесов, в «твердях» мордовских, селит пришельцев крестьян и горожан. Снова начинает оживляться опустошенная набегами татар местность. Но окраинное, как и Рязань, Нижегородское княжество не могло существовать без помощи центральных русских областей. Отсюда стремление нижегородского великого князя стать великим князем всей Русской земли. Когда в 1353 г. Иван Иванович Московский поехал в Орду за ярлыком на великое княжение, оказалось, что претендентом на великокняжеский стол выступает и Константин Васильевич, заручившийся поддержкой Новгорода. Но на этот раз хан отдал ярлык московскому князю. Через некоторое время Иван Иванович примирился с нижегородским великим князем, а сын Константина Андрей признал себя «братом молодшим» Ивана Ивановича.

В состав Нижегородского княжества входила имевшая известную самостоятельность Вятка.

Что касается других русских земель, входивших некогда в состав Киевского государства: Полоцкой и Смоленской, Черниговской и Киевской, Пинско-Туровской и Волынской, Черной и Червонной Руси, не говоря уже о придунайских землях, Лукоморье и Тмутаракани, землях на северном побережье Финского залива и в Закарпатье, то они были захвачены воспользовавшимися слабостью Руси Швецией, Ливонским Орденом, Литвой, Польшей, Венгрией и Молдавией.

ПРИЧИНЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

В своей замечательной работе «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталин указывает: «**Вторая особенность** производства состоит в том, что его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства».[1] Эти процессы не могут не отразиться на классовой структуре общества, на соотношении сил борющихся классов, на государственном устройстве, культуре, идеологии. В основе процесса образования централизованного государства в России лежали факторы экономического порядка — развитие производительных сил, и, говоря об объединении русских земель в единое государство, прежде всего необходимо отметить значение экономического развития страны, дать характеристику развития ее производительных сил.

В. И. Ленин подчеркивал значение экономического фактора в образовании единого государства и в формировании национальности. Он указывает: «Сплоч[ение] нац[иональных] областей (воссозд[ание] яз[ыка], нац[иональное] проб[уждение] etc.) и созд[ание] *нац[ионального] г[о]с[у]д[арст]ва.* Эк[ономическая] необх[одимость] его... Полит[ическая] надстр[ойка] над эк[ономикой]».[2]

В своем «Письме тт. Цветкову и Алыпову» И. В. Сталин подчеркивает недопустимость противопоставления экономического и политического факторов в процессе образования централизованного государства и указывает, что оборона страны является лишь фактором, ускоряющим этот процесс. И. В. Сталин указал, что они превратно истолковали его доклад и тезисы к докладу «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» на X съезде РКП (б), и разъяснил тт. Цветкову и Алыпову ошибочность противопоставления с их стороны «экономического развития» необходимости борьбы с внешней опасностью. «У меня ни в докладе, ни в тезисах, — писал И. В. Сталин тт. Цветкову и Алыпову, — ничего не сказано об образовании централизованного государства в России „**не** в результате экономического развития, **а** в интересах борьбы с монголами и другими народами Востока“ (см. ваше письмо). За это противопоставле-

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. С. 552.

[2] В. И. Ленин. Национальный вопрос: (Тезисы по памяти) // Ленинский сборник. Т. XXX. С. 62.

ние должны отвечать вы, а не я. У меня говорится лишь о том, что процесс образования централизованных государств на востоке Европы ввиду необходимости обороны шел **быстрее** процесса складывания людей в нации, ввиду чего и образовались здесь многонациональные государства раньше ликвидации феодализма. Это, как видите, не то, что вы неправильно приписываете мне».[1]

Экономическое развитие русских земель, развитие производительных сил Руси как основа, база, и необходимость обороны от нашествия извне, со стороны турок, монголов и других народов Востока, как фактор, ускоряющий объединение Руси, обусловливают образование русского централизованного государства.

Перейдем к рассмотрению экономического развития Руси в XIV—XV вв.

К концу XIII—началу XIV в. Русь несколько оправилась от разорения, сопровождавшего татарское завоевание. Среди лесных чащ возникают пашни. Крестьяне общиной — «миром», отдельными семьями, дворами превращают лесные чащи в возделанные поля, «выдирают» землю из-под леса, подготавливают ее под пашню. Идет процесс заселения опустевших земель. Опустошенные татарами земли, поросшие лесом, снова осваиваются, расчищаются, превращаются в пашню. Крестьяне возвращаются на старые, насиженные места, где жили их деды и прадеды, осваивают новые пространства. Таким образом, земледелие растет вширь, распространяется в землях, либо вовсе не освоенных русским людом, либо покрытых только всевозможного рода «уходами».

Одновременно идет процесс распространения новых форм севооборота, развивается трехпольная система. Когда появилось трехполье — сказать трудно. По-видимому очень давно. Во всяком случае оно уже существовало в XII в. Нас сейчас интересует вопрос не о времени возникновения трехполья, а о том, когда трехпольная система севооборота стала господствующей на северо-востоке Руси. Нет никакого сомнения, что в XIV—XV вв. подсечное хозяйство было господствующей формой земледелия только на севере, тогда как на юге, у «береговой черты», по Оке превалировал перелог. Трехпольная паровая система становилась преобладающей в центре Северо-Восточной Руси. Наряду с правильной трехпольной системой с постоянной и регулярной сменой яри, озими и пара и тремя равными полями, по-видимому, существовало еще и так называемое «пестрополье» и наряду с ними — пашня «наездом», т. е. залежно-переложная и даже подсечная система. Но эта последняя быстро исчезла, сохраняясь лишь на севере, да в местах, где только начинали «сводить» лес, выжигая и выкорчевывая лесные дебри и превращая их в пашни.

В Карамзинском списке «Русской Правды» в статье «о резах»[2] описывается хозяйство одного из сел Ростовской области XIII—XIV вв. с правильно организованным трехпольным хозяйством, с ежегодными посевами озимых и яровых хлебов на примерно равных клинах, с паровым полем. В этом несомненно типичном для Суздальской земли хозяйстве пахали плугом и высевали «в селе сеяной ржи на два плуга 16 кадей ржи ростовской», собирали 40 копен немолоченой ржи, 15 копен немолоченой

---

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 9. С. 176.

[2] Резы — проценты.

полбы, 21 половник молоченого овса, 6 половников ячменя. Такой сбор в одном селе свидетельствует о наличии озимого и ярового полей и, конечно, парового поля.

Итак, мы приходим к выводу, что XIV в. в истории сельского хозяйства Древней Руси был периодом роста трехполья, которое становится ведущей, а впоследствии и господствующей формой земледелия, периодом быстрого освоения новых пространств, распространения земледельческого хозяйства на новые районы, «сведения» лесов, «расчистки» чащ под пашни.

Очень большую роль в создании и развитии русской государственности, в объединении русских земель сыграл город.

XIV—XV вв. в русской истории были периодом дальнейшего и сравнительно очень быстрого развития общественного разделения труда. Особенно ярко это бросается в глаза при сравнении с серединой и второй половиной XIII в. Пострадавшее от Батыева нашествия русское ремесло возрождается. Развитие ремесла делает большие успехи. Выделение и развитие ремесла объясняются усовершенствованием орудий труда, что требовало специальной ремесленной выучки; ростом рынка для ремесленных изделий, потребителем которых выступают и крестьянство, и городской люд, и правящая верхушка, все чаще и чаще недовольствовавшаяся своим вотчинным ремеслом и прибегавшая к покупке; ростом предложения хлеба и других сельскохозяйственных продуктов.

Возрождаются старые, появляются новые города. Растут посады, улицы и концы, заселенные «черным людом», ремесленниками и купцами. Город разрастается. Вокруг города, княжеской резиденции — крепости — «острога»-кремля возникает бойкий торгово-ремесленный посад. Появляется многочисленное посадское население, производящее различные предметы обихода, оружие, орудия труда, одежду и т. д., торгующее ими и благодаря торгу тесно связанное с окрестной землей. Купцы проникают в отдаленные области Древней Руси, в настоящие «медвежьи углы», торгуют в городах, ездят в «страны далекие, чужеземные».

Постепенно исчезает экономическая раздробленность отдельных княжеств, их типично вотчинная хозяйственная изолированность, являющаяся следствием политической обособленности (и одновременно обособленности языковой, культурной, бытовой). Прокладываются новые торговые пути-дороги, оживляются старые. Торговые пути-дороги повели к новым странам, к новым городам. Правда, многие древние торговые связи утеряли свое былое значение и им не суждено было восстановиться вновь, но в стене, окружавшей, казалось бы, неприступным барьером разоренную и подавленную татаро-монголами Русь, были пробиты первые бреши.

Развивалась и крепла торговля с Западной Европой. Носителем ее выступало главным образом богатое новгородское купечество. Новгородские купцы, установившие торговые связи с Готландом, Ганзой, Ригой, скупают у немецких купцов сукна, тонкое полотно, железные изделия, золотые и серебряные вещи, вина, фрукты, пряности. Все эти товары были предназначены не только для продажи в самом Новгороде, но главным образом для торговли «на Низу», т. е. в княжествах Северо-Восточной Руси. Кроме того, торговые сношения с Западной Европой поддерживались через Псков, Смоленск, Витебск и Полоцк. Торговля достигла такого развития, что потребовалось заключение ряда договоров. В Новгороде и

других городах существовали дворы немецких купцов, а русские купцы появлялись в Риге, добирались даже до Любека и «Дони» (Дании). Из Руси на Запад шли меха, кожи, воск, сало, щетина, пенька, продукты зверобойного и рыболовного промыслов: китовый ус, моржовые клыки, икра, клей. Вывозились даже некоторые изделия ремесла: юфть, рукавицы и т. д. В эту торговлю с Западом в XIV в. оказались втянуты Тверь и Москва. Новгородские купцы прекрасно понимали все значение торговли с «Низом» и уже в 1270 г. выхлопотали себе у хана ярлык на право свободной торговли в Северо-Восточной Руси: «А гостю нашему гостити по Суздальской земли без рубежа, по цареви грамоте». В Москве, в свою очередь, увеличивается число купцов, торговавших с Новгородом.

Огромное значение приобретает торговля с Востоком через Волгу. Купеческие караваны со всех концов Европы и Азии сходились на Нижнюю Волгу, в центр и столицу Золотой Орды, город Сарай. Его богатство и благоустроенность, основанные на использовании труда ремесленников, переселенных из завоеванных городов Средней Азии и Восточной Европы, поражали европейцев. В Сарае русские купцы сталкивались с венецианцами и генуэзцами, в руках которых были торговые города — колонии Черноморско-Азовского побережья: Кафа (Феодосия), Солдайя (Судак), Тана (Азов) и другие, с арабами, евреями, персами (иранцами), хорезмийцами, бухарцами и даже индусами и китайцами. Все это пестрое торговое население съезжалось в Сарай для обмена, торговли, выменивало свои товары, вывозило в свои страны причудливые «заморские» вещи. Русские купцы привозили сюда меха, воск, мед, икру и другие товары. Эти товары после заключения сделки часто совершали огромный путь либо на верблюдах через Ургенч и Кульджу вплоть до Камбалу (Пекин, Бейпин), либо на генуэзских судах попадали через Босфор и Дарданеллы в Италию, Францию, Испанию. В Сарае русские купцы скупали шелк, ткани, краски, благовония, пряности и т. д. Естественно, что русские тянулись к богатому Востоку, и, по свидетельству путешественников второй половины XIII и начала XIV в., русских можно было встретить в Ургенче — огромном торговом городе, расположенном у Аральского моря, и даже в ханской столице всего монгольского государства — Камбалу.

Большое значение в торговых связях Древней Руси конца XIII и начала XIV в. стал приобретать торговый путь по Дону, ведущий в Тану, расположенную в устьях Дона, Кафу и Солдайю (Судак), или, как его называли на Руси, Сурож. Сурож — одна из богатых генуэзских колоний — крупный торговый город. В Сурож прибывали русские купцы, торговавшие здесь с генуэзцами и восточными купцами. Кроме водного пути были и сухопутные «шляхи» — дороги, шедшие через степи.

Таковы были основные торговые пути Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Решающее значение в ликвидации экономической обособленности отдельных русских земель-княжеств, в зарождении и развитии торговых связей между ними имели дальнейшее развитие ремесла, отделение города от деревни и внутренняя торговля, прежде всего торговля между городом и деревней. А это, в свою очередь, было результатом развития ремесел и промыслов. Последние очень пострадали в годы Батыева нашествия. Города были разорены, ремесленники перебиты, уведены в полон, бежали. Ряд производств исчез. Другие (каменное зодчество, филигрань, поливная керамика и др.) возродились лишь через 100—250 лет.

Ремесла и промыслы задержались в своем развитии. Старинные торговые связи были прерваны. Лишь со второй половины XIV в. ремесла оправляются от разгрома и разорения. Техника основных ремесел деревни — кузнечного и гончарного — изменилась мало, но выросло доменное дело, тесно связанное с рынком и городскими кузнецами. Возникает ряд новых ремесел: жерновое дело, мельничное, портняжное, сапожное, солеварение и др. В то же время в деревню проникают изделия городских ремесленников — литейщиков и ювелиров, что приводит к угасанию соответствующих деревенских ремесел. Деревенские ремесленники все больше и больше отрываются от сельского хозяйства. В сельских местностях появляются промысловые районы (с середины XIV в. на севере — солеварение, в Устюжне Железопольской, в Вотской пятине Новгорода, у Тулы — железоделательные промыслы с высокой техникой и организацией производства «складом»), возникают «рядки» — поселки ремесленников и купцов. Наряду с общественным идет географическое разделение труда — выделяются специализированные промысловые районы, куда устремляются в поисках заработка оброчные крестьяне, зачастую выступающие в роли наемных работников.

Даже в вотчинном ремесле, в хозяйствах бояр и монастырей, где работали тысячи ремесленников-холопов, происходят сдвиги в сторону внедрения рыночно-денежных отношений. Многие ремесленники-холопы переводятся на оброк и пополняют ряды городского ремесленного люда.

Все эти процессы, свидетельствующие о развитии производительных сил, идут особенно интенсивно в деревне и в вотчине во второй половине XIV в. и вновь усиливаются во второй половине следующего, XV столетия.

Особенно быстро растет городское ремесло. Появляются водяной двигатель (первые промышленные предприятия по этому двигателю получили название «мельниц»), «огненный бой», вызвавший большие сдвиги в железоделательном ремесле, совершенствуется литейное дело, начинается производство бумаги, а с ним вместе возникают мастерские, где писцы размножают от руки и украшают рисунками книги, растет каменное зодчество, возрождаются чеканка монет, меднолитейное дело и целый ряд других отраслей производства. И городское ремесло отмечает в своем развитии также два этапа наиболее бурного расцвета — вторая половина XIV и вторая половина XV в. Ремесленники работали на рынок, и бесчисленные коробейники, начиная с XIV в., разносили их изделия по самым глухим и отдаленным уголкам Руси. Растет число ремесленных производств, ремесло усложняется, требуя специальной выучки, которую проходят многие годы бесчисленные ученики-подмастерья.

Ремесленный и торговый люд создает свои организации. Наряду с купеческими объединениями вроде суконников, гостей-сурожан, торговавших с Сурожем и Кафой в Крыму, где, как и в Константинополе, постоянно проживали русские и стояли русские церкви, существовали организации ремесленников — плотников и других «древоделов», кузнецов, строителей («городников»), каменщиков («каменосечцев») и прочих «делюев», объединенных в сотни («сто»). Сотни были связаны с определенными местами на торгу, присматривали за мерами веса, длины и т. д., за рынком, торговлей. В торговых рядах — котельных, кузнечных, сапожных и серебряных — ремесленники торговали своей продукцией. Во главе рядов стояли старосты.

С давних пор строители объединялись в «дружины» во главе со старостами («старейшими»). Ремесленной организацией в городе были «братчины», объединявшие ремесленников одной специальности вокруг какой-либо церкви. Так, например, кузнецы объединялись вокруг церкви Кузьмы и Демьяна. Братчины входили в состав сотен.

«Улицы» и «ряды», где жили и торговали, «сотни», в состав которых входили «братчины», — таковы были организации посадского люда на Руси XIV—XV вв. Эти организации придерживались особых правил, защищали своих членов, имели свою казну, выбирали своих старост.

В экономической и политической жизни Руси, раздробленной на множество княжеств и земель, город и горожане из десятилетия в десятилетие играли все большую и большую роль. Высокое развитие и сложная организация ремесла в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси являются показателем быстрого развития производительных сил русского города в XIV в., особенно во второй его половине. Естественным результатом этого процесса и были развитие внутренней торговли, обмена между городом и деревней, между городами и землями Руси, установление и рост экономических связей между ними.

Но феодальная раздробленность с ее бесконечными и бессмысленными княжескими усобицами, опустошением земель и разорением городов, уводом в «полон» ремесленного люда и нарушением завязывающихся экономических связей, с ее пошлинами и поборами, хаосом в денежной системе и мерах веса, сыпучих тел, длины и т. д., постоянной опасностью, угрожавшей купцам на дорогах, — становилась помехой для дальнейшего развития производительных сил.

Это последнее и в городе, и в деревне настойчиво диктовало необходимость установления экономической общности в виде нарождающегося рынка. Пусть в самых начальных, зародышевых формах, но и в этом виде тенденция к установлению экономических связей между отдельными русскими землями имела огромное значение в историческом развитии Северо-Восточной Руси. Растут рыночные отношения, связывающие отдельные, ранее самостоятельные экономические единицы и постепенно сплачивающие их в экономическое целое. В XIV в. все эти явления лишь начинают зарождаться, но и в этом начальном своем состоянии они влияют на политический строй страны.

Постепенное разрушение экономической разобщенности отдельных частей Руси подготавливает объединение страны в единый политический организм.

Система организации государственной власти господствующего класса, характерная для периода феодальной раздробленности, когда Русь была разбита на множество «самостоятельных полугосударств» (И. В. Сталин), изолированных в политическом, экономическом и культурном отношении, препятствовала установлению экономической общности всех русских земель, а следовательно, тормозила развитие производительных сил и в городе, и в деревне.

Экономические и политические перегородки, воздвигнутые между княжествами, «мыта» и «рубежи» задерживают развитие торговли, порожденной ростом ремесел и промыслов. Эти перегородки должны были пасть.

Ликвидация экономической изолированности отдельных русских земель и начало слияния их в единый хозяйственный организм диктовали

необходимость ликвидации феодальной раздробленности. Существующая система государственности вступала в противоречие с развитием производительных сил. Постепенная ликвидация экономической разобщенности отдельных частей Руси подготавливает объединение Руси. Так, самим развитием производительных сил подготавливалось объединение русских земель в единое государство.

Итак, в рассматриваемый нами период времени в народном хозяйстве Руси протекают процессы, которые должны были неизбежно привести к ликвидации феодальной раздробленности и к созданию единого государства, с единым правительством и единым руководством. Таковы причины объединения Руси, лежащие в самих производительных силах страны.

Но развитие производительных сил лишь в конечном счете является определяющим моментом в историческом процессе.

«Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали», — пишет Ф. Энгельс и далее указывает: «Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является *единственно* определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки... Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором, в конце концов, экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей».[1]

В своих замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР товарищи Сталин, Киров и Жданов указали, что «в конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены».[2]

Следовательно, этапы общественного развития могут быть устанавливаемы и в зависимости от состояния непосредственного производителя, способа его эксплуатации.

Невозможно понять историю образования русского государства, не осветив роли в этом процессе трудящихся масс.

«Марксизм вовсе не отрицает... того, что люди делают историю», — указывает И. В. Сталин и добавляет: «именно люди... делают историю».[3]

И. В. Сталин пишет: «Значит, историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям „завоевателей“ и „покорителей“ государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов».[4]

Трудящиеся массы Руси XIV—XV вв. — это крестьяне и ремесленный люд.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII. С. 245.

[2] К изучению истории. М., 1946. С. 21.

[3] И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Партиздат, 1937. С. 8—10.

[4] И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме // Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. С. 552.

Но что представляет собой история людей, история общества в период классовых, антагонистических обществ?

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии».[1]

«Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче — угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов».[2]

Характеризуя в своем классическом труде «О диалектическом и историческом материализме» феодальный строй, И. В. Сталин указывает, что «классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя».[3]

Таким образом, явления общественной жизни в эпоху феодализма не могут быть оторваны от классовой борьбы. Классовая борьба сопровождает возникновение феодального общества, установление феодальных форм эксплуатации, когда «эксплуатация почти такая же жестокая, как при рабстве, — она только несколько смягчена».[4] Классовая борьба проходит красной нитью через весь период феодальной раздробленности, отражая собой стихийное недовольство крестьянства развивающимися и укрепляющимися, распространяющимися вширь феодальными формами эксплуатации и зависимости, побуждая феодалов стремиться к созданию мощной самодержавной власти, которая в границах «всея Руси» обеспечила бы им их феодальное «право» на собственность и труд крестьянина, на него самого.

Так как главная функция всякого государства в классовом, антагонистическом обществе — держать в повиновении эксплуатируемые массы, то и форма организации государственной власти в значительной степени зависит от тех требований, которые предъявляет к государству господствующий класс, стремясь удержать в повиновении народные массы, и от степени напряженности борьбы этих масс против господствующей верхушки.

Классовая борьба крестьян принимает различные формы. Она может выражаться в стихийных восстаниях смердов, выступающих против устанавливающегося феодального порядка в форме движений волхвов. Она выливается в бегство, принимающее массовый характер, когда крестьяне буквально «уходят» от надвигающегося феодализма, принимает характер «огурства»,[5] стихийных восстаний на небольшой территории, наконец, крестьянских войн вроде движений Болотникова, Разина, Пугачева. Под-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат, 1950. С. 32. — В «Примечании» к английскому изданию 1888 г. Ф. Энгельс пишет: «То есть вся история, дошедшая до нас в *письменных* источниках. В 1847 г. предыстория общества, общественная организация, предшествовавшая всей писаной истории, почти совсем еще не была известна» (там же. С. 32).

[2] Там же. С. 32.

[3] И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме // Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. С. 556.

[4] Там же.

[5] Огуряться — уклоняться от работы.

нимает «въстань» против бояр и других «больших» людей и «черный люд» городов.

Для XIV—XV вв. как форма классовой борьбы крестьян характерно массовое бегство, «уход» крестьян от феодальных форм подчинения и эксплуатации. Без учета классовой борьбы трудящихся масс Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, без учета жизни и быта, чаяний и стремлений крестьян и «черного люда» городов нельзя составить правильного представления об образовании русского централизованного государства. Как же жило и боролось крестьянство на Руси в конце XIII, в XIV и в начале XV в.?

Многие земли в те времена еще не были захвачены феодалами и лишь формально считались княжескими, государственными, нося название «черных земель». Крестьяне жили селами и дворами — починками, носившими название «дворищ». Дворище населяла одна большая семья, состоявшая из ближних и дальних родственников и чужих людей, принимаемых в семью. Села были небольшие, в два-три двора. К селам «тянули» (т. е. принадлежали) лес, сенокосы (пожни), бортные угодья («ухожаи»), реки, озера, охотничье-промысловые участки (бобровые гоны), пашни — в общем все, «куда топор, коса, соха ходили», все, «что к тому селу изстарь потягло».

В XIII и в особенности в XIV вв. значительно расширяется феодальное землевладение. Огромные земельные владения стали принадлежать князю, боярам, монастырям. Князья раздают боярам, слугам и монастырям большие участки «черных» (государственных) земель. Так, например, рязанский князь Ингвар в конце XIII в. дал Ольгову монастырю сразу 5 погостов, где жило 1010 семей.

Постепенно, вначале медленно, а потом все быстрей и быстрей изменялось положение крестьян, живших на землях монастырей и бояр. Повинности росли. Увеличивалась барщина. По мере того как росла торговля сельскохозяйственными продуктами, развивались товарно-денежные отношения, по мере того как город становился потребителем хлеба и скота, овощей и птицы, росли натуральный оброк и барщина, возникал денежный оброк. Все это вело к разорению крестьян. Крестьяне шли в кабалу к феодалу. Росло число закабаленных крестьян — «половников», «закупней», «серебренников», «закладней», «бобылей», «монастырских детенышей» и др. Для того чтобы отделить эту массу подвижного, часто меняющего и хозяина и местожительство люда от постоянно обитавших на одном и том же месте полноценных тяглецов, этих последних стали называть «старожильцами». Росло число зависимого от феодалов и эксплуатируемого ими люда.

И. В. Сталин указывает: «Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме».[1]

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. С. 604.

Русское государство, фундамент здания которого заложил Калита, а возвели кровлю Иван III с сыном, являлось государством, главной задачей которого было «держать эксплуатируемое большинство в узде». Эксплуатируемым большинством на Руси было крестьянство.

Конец XIII и XIV в. были периодом быстрого развития феодального землевладения. Обширные земельные владения принадлежали князю, монастырям, боярам. В раздачу пошли общинные «черные» земли. Крестьяне теряют свои земли и сами превращаются в несвободных, эксплуатируемых. Если раньше крестьянин считал, что «земля царева и великого князя, а моего владения», что «земли княжие», а «роспаши и ржи наши», то теперь не только «роспаши и ржи» не были его владением, но и сам он переставал принадлежать себе, превращаясь в лично несвободного.

Потеря крестьянами своей свободы как в результате экспроприации их земель, имущества и личности, так и в результате закабаления происходила особенно быстро в центральной части Северо-Восточной Руси. Крестьянство, естественно, искало выхода из создавшегося положения и находило его в переходах, бегстве, в поисках новых земель и новых хозяев. Первых становилось все меньше и меньше, а вторых — все больше. Новый хозяин-феодал привлекал в первое время льготами, а затем старался наверстать с лихвой потерянное, усиливая нажим на крестьян. И снова уходили искать земли, снова пытались обрести потерянную свободу русские крестьяне. С этими переходами крестьян феодалы усиленно боролись.

Одним из моментов, обусловивших собирание земель под властью «великого» князя, было стремление многочисленных феодалов создать сильную власть, стоящую во главе всей феодальной иерархии, которая, сметая перегородки между княжествами, делавшие крестьян-беглецов неуловимыми для феодалов других княжеств, в масштабе «всея Руси», «без рубежа», смогла бы обеспечить, укрепить и охранять их право на землю и на крестьян.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» указывают: «Объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов. Поэтому повсюду во главе организации господствующего класса — дворянства стоял монарх».[1]

Вот почему как «отбояривание» земель, распространение феодализма вширь, а с ними вместе и феодальное раздробление земель в свое время были необходимым этапом по пути превращения полупатриархальной-полуфеодальной Руси в феодальное общество, как замена «общины» с данью — «боярщиной» с оброком и барщиной была неизбежным звеном развития феодализма, так и теперь, на новом этапе развития производительных сил в земледелии, на новом этапе развития феодализма, феодальная раздробленность уже не соответствовала интересам подавляющего большинства класса феодалов, особенно нарождающегося, быстро растущего дворянства, и должна была быть ликвидирована.

Эта ликвидация политической системы «удельной поры» была обусловлена основными классовыми интересами феодалов, и зарождающееся централизованное государство должно было выполнить свою функцию — помочь господствующему классу держать в уезде крестьянство. Именно в силу этого обстоятельства процесс образования централизованного госу-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV. С. 15.

дарства на Руси не мог не вызвать социального протеста народных масс, а классовая борьба трудового люда «градов, сел и весей» побуждала господствующий класс феодалов еще энергичнее создавать единую государственную систему эксплуатации и угнетения.

Переход от феодальной раздробленности к единому государству обусловливал серьезный подъем хозяйства Руси[1], явился серьезным успехом и был исторически прогрессивен.

Но «всякий прогресс в производстве означает одновременно регресс в положении угнетенного класса, т. е. огромного большинства».[2]

Естественно поэтому, что в период объединения Руси имели место многочисленные местные стихийные восстания крестьян. Хотя и очень скудны источники этого периода, говорящие о классовой борьбе крестьян, тем не менее нам известны волнения и восстания крестьян в вотчинах Стефанова Махрицского, Никольского, Павлова Обнорского, Кириллово-Челмогорского, Кириллово-Белозерского, Авраамиева Чухломского (XIV в.), Дмитриева Прилуцкого (1371 г.), Муромского (1352 г.), Спасского Нуромского, Соловецкого, Усть-Вымьского, Богословского Варлаама Своеземцева Троицкого Калязинского, Корнилиева Комельского (XV в.), Троицкого Болдина (1528 г.), Данилов Переяславского (1530 г.), Антониева Сийского (1520 г.), Кириллова Новозерского (1517 г.), Арсениева Комельского (1527 г.) монастырей.

Эти открытые проявления классовой борьбы еще больше побуждали феодалов стремиться к тому, чтобы в масштабах «всея Руси» сильная власть обеспечила бы им их владения и возможность эксплуатировать крестьян.

То же самое значение имела и классовая борьба «черного люда» городов. Закабаленные и закабаляемые, обираемые и эксплуатируемые, бесправные, угнетенные и униженные «черные люди» русских посадов вели ожесточенную борьбу с феодальной и ростовщической верхушкой городов и властями, ее поддерживающими. Восстания «черных людей» вспыхивали на Руси одно за другим. В 1304 г. вспыхнуло восстание в Костроме («бысть вечье на Костроме на бояр»), в 1305 г. в Нижнем Новгороде «черные люди» «побили бояр» и с большим трудом князь «изби вечников», в 1340 г. «крамольници» брянцы «сшедшеся... вечем» убили князя, в Москве вспыхивали восстания против «больших бояр» в 1357 г., в 1382 г., когда «сташа суймом народы мятежници, крамольници». Не приходится уже говорить о классовой борьбе, «... которая бушевала в Новгороде» и Пскове (в Новгороде — волнения 1342, 1359, 1418 гг., в Пскове — 1385, 1484 гг.).

Естественно, что, пользуясь поддержкой горожан в борьбе с удельным княжьем и боярской олигархией в деле объединения Руси, великие князья безоговорочно становились на сторону феодалов, купцов и ростовщиков, когда «худые мужики» — «вечники», «черные», «мизинные люди», используя привычное, ликвидированное князьями вече, заявляли о своих правах и боролись со своими классовыми врагами.

Таково было классовое, социальное содержание процесса образования русского централизованного государства.

---

[1] Приветствие И. В. Сталина // Правда. 1947, 7 сентября.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I. С. 152.

Ослабление экономической обособленности феодальных княжеств, «самостоятельных полугосударств» (И. В. Сталин), «национальных областей» (В. И. Ленин), обусловленное развитием ремесел, промыслов и земледелия, а следовательно, общественным разделением труда, усилением экономического общения между городом и деревней, между городами и областями Руси, во-первых, и, во-вторых, рост феодального землевладения, настоятельно диктовавшего создание сильной власти, способной держать в повиновении народные массы, — такова та внутренняя обстановка, которая создала условия для собирания русских земель.

Нужно одновременно отметить, что на Руси в XIV в. далеко еще не полностью созрели все экономические основы для объединения, но собирание земель великими князьями шло все же весьма энергично и успешно. Что же ускоряло процесс объединения Руси?

Русь со всех сторон была окружена враждебными и агрессивными государствами. Они пользовались слабостью Руси, раздробленной на множество враждовавших между собой феодальных полугосударств, и стремились к захвату русских земель и покорению русского народа.

Этими враждебными государствами, как уже указывалось, были Польша, Ливонский орден немецких рыцарей, Швеция, Литва и Золотая Орда.

Товарищ Сталин указывает, говоря о странах востока Европы — Венгрии, Австрии, России, что «в этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия».[1]

В ряде своих работ И. В. Сталин отмечает, что процесс образования централизованных государств на востоке Европы, в частности в России, проходил «раньше ликвидации феодализма», «в условиях слабо развитого капитализма», когда «капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось», и этим самым совершенно отчетливо рисует способ общественного производства, господствовавший на Руси в период образования централизованных государств, и то новое, что возникало в рамках феодальной формации.[2]

И. В. Сталин придает очень большое значение вопросу об обороне страны, о внешней опасности, ускорившей складывание централизованного государства в России.

В своем «Письме тт. Цветкову и Алыпову» И. В. Сталин указывал, «что процесс образования централизованных государств на востоке Европы ввиду необходимости обороны шел **быстрее** процесса складывания людей в нации», и подчеркивал борьбу с врагами как фактор, ускоряющий процесс образования централизованных государств.[3]

Не надо забывать и еще один фактор огромной важности — пробуждение национального сознания и самосознания. Чувство единства не умирало среди народа, и никакие бури «удельной поры», усобицы и бесконечные «разорения» не могли вытравить в сознании народа чувства единства всех русских людей: «Русская земля» и «Русь» — эти понятия были в представлении народа совершенно реальными. Искра национального самосознания

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 34.
[2] Там же. Т. 2. С. 304; т. 5. С. 15, 34.
[3] Там же. Т. 9. С. 176—178.

была только прикрыта пеплом княжеских усобиц и удельных порядков, а теперь она возгоралась. Общение русских людей разных земель, городов и сел друг с другом, их встречи на торгу, во время совместных походов и битв с «ворогами» земли Русской разрушали прежнюю языковую и культурно-бытовую разобщенность, усиливали общее, отметали частное, местное, обусловленное «безвременьем» «удельной поры», пробуждали чувство единства и патриотизма. Псковичи и новгородцы, москвичи и рязанцы, тверичи и нижегородцы в языке и быту, в обычаях и нравах все более и более походят друг на друга, сливаются в единую великорусскую народность.

В. И. Ленин отмечает это явление в истории как «сплоч[ение] нац[иональных] областей (воссозд[ание] яз[ыка], нац[иональное] проб[уждение] etc.) и созд[ание] *нац[ионального] г[о]с[у]д[арст]ва».*[1] Население отдельных «национальных областей» (земель Псковской, Новгородской, Тверской, Московской, Рязанской, Нижегородской) сливается, создается единый язык, пробуждается национальное сознание, национальные области сливаются в единое государство.

Так создавалась великорусская народность. Значение этого события в нашей жизни вряд ли возможно переоценить. Так подготавливалось экономически, политически и идеологически объединение Руси.

Кто же были те люди, которые участвовали в создании единого русского государства?

Во главе процесса объединения русских земель становятся великие князья. Все князья стремились захватить побольше земель, накопить побольше ценностей, этим самым усилиться и подчинить себе других князей, но все шансы на успех в этой борьбе были на стороне сильнейших великих князей.

Чем больше была территория, принадлежащая князю, тем больше было городов, тем многочисленнее было городское и сельское население, платившее князю всевозможного рода налоги и несущее ряд повинностей, тем больше было у князя слуг и воинов, тем богаче и могущественнее он был.

Князья боролись между собой за обладание землей и крестьянами, за доходы, и это толкало их к собиранию русских земель.

Это стремление великих князей к объединению русских земель под своей властью совпадало с общим ходом исторического развития страны, с общими задачами, стоявшими перед Русью.

Говоря об образовании национальных государств в Западной Европе, Ф. Энгельс писал: «Но и в городах и в деревне повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья. Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку в главе всего феодального порядка — в короле».[2]

---

[1] В. И. Ленин. Национальный вопрос: (Тезисы по памяти) // Ленинский сборник. Т. XXX. С. 62.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I. С. 443.

Таким образом, все прогрессивные элементы в феодальном обществе тяготели к королевской власти — представительнице порядка в беспорядке, представительнице образующейся нации.

Королевской власти стран Западной Европы соответствовала великокняжеская власть, к которой как к представительнице порядка в противоположность «нестроению» и «княжой которе» удельной поры, олицетворяемой княжьём бесчисленных мелких и мельчайших княжеств, представительнице складывающейся великорусской народности тяготеют все прогрессивные элементы Руси.

Великих князей — собирателей Руси — в их борьбе с удельными князьями за обладание русских земель поддерживали различные социальные группы населения. Конечно, при этом они руководствовались различными соображениями и преследовали разные цели. Господствующие группировки стремились закрепить за собой земли, богатство, власть; трудовой люд — обеспечить хозяйственный подъем и независимость своей страны.

Объединительные тенденции великих князей поддерживает и боярство. Боярство выступало противником дробления земель потому, что вотчины боярские, расположенные в различных местностях, зачастую оказывались на территории двух, а то и трех враждующих между собой княжеств. Между тем бояре были связаны определенными повинностями с тем удельным князем, в земле которого располагались их вотчины. Бояре должны были «судом и данью тянуть по земле и воде». Боярин как княжой слуга волен был служить князю или не служить, мог служить не тому князю, в чьем уделе была его вотчина, но как землевладелец он был обязан подчиняться княжескому суду и платить дань по месту расположения своих вотчин. В княжеских усобицах боярин мог выступить «по службе» против того князя, в уделе которого находились его земельные владения, но как землевладелец он подчинялся последнему. Кроме того, бояр связывала с князьями повинность, называвшаяся «городной осадой». Если город подвергался нападению врага, защищать его и «садиться в осаду» обязаны были все землевладельцы уезда, независимо от «службы». Но как было поступать в тех случаях, если город, в земле которого располагались владения боярина, подвергался нападению со стороны князя, которому он служил?

Чересполосица боярских владений, обусловившая необходимость нести ряд обязанностей «по земле» и одновременно служить зачастую враждующим между собой князьям, была первой причиной, заставившей боярство выступить на стороне великих князей-«собирателей». Централизация в единых руках земли и власти давала возможность боярам служить одному князю, в пределах владений которого находились все их вотчины.

Второй причиной, заставившей бояр объединиться вокруг великого князя, было естественное стремление служить более богатому и более сильному, от которого можно получить «жалованные вотчины», чины и т. п. Боярские роды один за другим «отъезжают» от удельных князей к великому князю.

К великим князьям по тем же причинам тяготел и низший слой феодального класса — дворянство. Это были «слуги вольные», несшие «ратную службу» и за это получавшие земли, «кормления и доводы», т. е. административно-служебные доходы, связанные с несением ими службы в

качестве княжеских чиновников, управителей и т. п. К ним примыкали и свободные «слуги под дворским» (псари, конюхи, садовники, сокольники и т. д.), обслуживавшие княжеское хозяйство и непосредственно подчиненные княжескому «дворскому», т. е. дворецкому. За службу свою они получали земли. Эта группа феодалов — зародыш будущего дворянства, помещиков, — усилилась в XIV в. и, естественно, стала играть известную политическую роль. Они имели право перехода от князя к князю и использовали это право для того, чтобы перейти на службу к более сильному и богатому, а таким был великий князь.

Феодалы — бояре и дворянство — тяготели к великому князю и в силу того обстоятельства, что они были заинтересованы в закрепощении крестьянства.

Укрепление и расширение феодальной земельной собственности диктовали для феодалов необходимость закрепощения крестьян, расширения их «прав» на крестьян и крестьянский труд. Обеспечить закрепощение крестьян в масштабах «всея Руси» могла только сильная великокняжеская власть.

На сторону великого князя стала и церковь. Церковь была не только крупнейшим феодалом на Руси, в руках которого сосредоточилась четверть всех земель, но и единственной организованной политической силой. Церковь имела свой центр и своего владыку-митрополита. Церковь также стремилась к установлению «одиначества», т. е. такого порядка, при котором во главе светского государства также был бы один владыка, на которого можно было бы оказывать определенное влияние, тогда как справиться с десятками князей и подчинить их своему влиянию церковь оказывалась не в силах. Кроме того, от богатого и сильного князя можно было добиться пожалований и привилегий, что не в силах были сделать отдельные удельные князья.

Большое значение имело и то обстоятельство, что церковь всегда поддерживала князей в борьбе с внешним врагом, боясь, что иноверцы могут искоренить «веру православную» и тогда православное духовенство отойдет на второй план. Нужно было заботиться о своем «православном князе», могущем защитить Русь и прекратить княжеские усобицы и споры.

Идея единства среди духовенства появляется очень рано, еще в начале XIV в., когда митрополита Максима именуют митрополитом «всея Руси». Церковь начинает интересоваться общерусскими делами и, естественно, поддерживает идею единства Руси, а следовательно, и великого князя. Интересно, что к этому времени относится составление первого общерусского летописного свода, доведенного до 1305 г.[1] Православная церковь на Руси, имея центром Владимир, а затем Москву, стала национальным учреждением и способствовала объединению Руси в единое государство.

Посадское население Древней Руси — купечество и ремесленники — было заинтересовано в том, чтобы прекратились межкняжеские усобицы, разорявшие города, препятствовавшие нормальному обмену и работе ремесленников. Оно стремится к ликвидации политических границ между

[1] До этого, в XII—XIII вв., летописи велись в разных княжествах и отражали историю главным образом данного княжества. Были летописи Киевская, Галицко-Волынская, Суздальская и др. Митрополит Петр на основе местных летописей решил составить общерусскую летопись, что свидетельствует об объединительных стремлениях церкви.

княжествами, тормозящих развитие торговли, ставящих ее в зависимость от княжеских споров и войн, удорожающих товары и приводящих к тому, что повышается риск каждого купца. Отсутствие единой денежной системы, единства в мерах веса и т. д. — следствие феодальной раздробленности — является еще одним фактором, препятствующим развитию торговли. Купца на дороге могли ограбить не только разбойники, но и дружинники князя, по земле которого проезжал караван; на каждом шагу купец платил «мыт» — таможенную пошлину, везде сталкивался с особыми местными законами и правилами. Ремесленники и купечество нуждались в «порядке», а единственной представительницей «порядка в беспорядке» была великокняжеская власть.

Наконец, на сторону великих князей становится русское крестьянство. И не только потому, что они «боронят землю Русьскую от ворога», в то время как удельное княжье «наводит» на Русь и татар, и литву, и немцев, которые огнем и мечом проходят по селам и нивам Русской земли. Это вполне понятно. И крестьянские ополчения в решающих сражениях играют исключительную роль, как это было на поле Куликовом.

Крестьянство становится на сторону великого князя по тем же причинам, что и его социальный собрат в городе, простой «черный люд». Для них великий князь олицетворял порядок, «тишину и упокоение», прекращение бесконечных «великих» и «малых» «разорений», которыми изобиловала история Руси периода феодальной раздробленности, нормальную хозяйственную жизнь, «одиначество» и мощь Руси.

Поскольку складывающееся единое государство было орудием угнетения в руках господствующего класса, крестьянство и «черный люд» городов выступали против него; поскольку же оно выполняло свою вторую функцию — защищало страну от нападений врагов, обеспечивало независимость русского народа, хозяйственный и культурный подъем, широкие массы трудового люда Руси поддерживали великих князей, собиравших русские земли, и способствовали созданию Русского государства.

Русь пробуждалась, силы ее крепли, зрело национальное самосознание. Вот почему все прогрессивные элементы древнерусского общества — боярство, дворянство, посадский люд (ремесленники и купцы) и крестьянство — тяготели к олицетворявшему единство Руси великому князю, с течением времени — конкретно к московскому князю.

Единственной силой, противопоставляющей себя великому князю, пытавшейся остановить процесс объединения Руси, выступают многочисленное богатое и влиятельное удельное княжьё и «иже с ними». В их руках были земли и города, власть и влияние, тысячи подданных, богатство и сила. Они обладали авторитетом и связями, многочисленными дружинами и укрепленными городами. Сломить их сопротивление было нелегко. Правда, число сторонников удельного княжья все уменьшается, от них отходит их же посадский люд, отъезжают к великому князю бояре и «слуги вольные», но все же для того чтобы сломить их сопротивление, потребовались княжение Ивана III, Василия III и опричнина Грозного.

Складывание централизованного государства и самодержавной власти шло вопреки желанию удельного княжья. В этом заинтересована была худородная меньшая братия феодальная, вчерашние «слуги под дворским»,

псари да конюхи, сокольники и езовники, княжая дворня, будущее дворянство, шедшее к власти и добивавшееся ее.

Оно требовало единой сильной власти в едином государстве, власти самодержавной, единых законов, государственного аппарата надзора, сыска и суда, а самодержавная власть, в свою очередь, опиралась на дворянство. Так на смену одной феодальной группировке шла другая, на смену одной форме феодального государственного строя приходила другая, более совершенная форма.

Таковы были причины объединения русских земель.

Но почему единое Русское государство создала Москва, а не Тверь, не Нижний Новгород? Почему Русское государство в XV—XVI вв. оказалось не Тверским, не Нижегородским, а именно Московским государством, не «Тверией», а «Московией»?

Ведь одно время, в конце XIII в., во времена тверского князя Ярослава Ярославича, значение Твери быстро возрастало, тверской князь был великим князем владимирским, «тверская ветвь княжеского дома обнаружила первые признаки тяги к национальной самостоятельности»,[1] и еще в XV в. Тверь соперничала с Москвой и в области идеологии самодержавия шла впереди Москвы.

Подчас грозными соперниками Москвы в борьбе за объединение выступали Нижний Новгород и Рязань.

И все же в этой борьбе победа остается за московскими князьями.

Чем объяснить успех московских князей, каким путем Москва объединила русские земли?

---

[1] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 79.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗВЫШЕНИЯ МОСКВЫ

Одним из вопросов, которые занимали и будут занимать не только профессионалов-историков, но и вообще всех интересующихся отечественной историей, является вопрос о том, как начала возвышаться Москва, что обусловило ее бурное развитие, ее расцвет, в чем были корни ее процветания, чем обусловлено ее могущество, что сделало Москву главным городом Северо-Восточной Руси, столицей Русского государства, почему Русская земля стала «Московией» — Московским царством?

Когда на окраине Владимиро-Суздальской земли возник этот маленький городок, еще никто не подозревал, каково будет его значение, и прав был В. О. Ключевский, когда писал, что «...во второй половине XIII века... вряд ли кто-нибудь... предчувствовал скоро обнаружившийся быстрый экономический рост Московского края; если бы они (т. е. потомки Всеволода. — *В. М.*) предчувствовали это, из тогдашних князей Москва досталась бы кому-нибудь постарше князя Даниила Александровича».

Нет никакого сомнения в том, что на территории Москвы славянское население обитало еще в очень давние времена. До славян здесь жило очень немногочисленное древнейшее население, по-видимому родственное мери. Память о его пребывании сохранилась в древних названиях рек, берега которых оно заселяло еще в те времена, когда его далекие предки, охотники и рыбаки, создали своеобразную неолитическую культуру ямочно-гребенчатой керамики.

Охотники и рыбаки, лучше даже сказать — рыбаки и охотники, они держались берегов рек, и эти места их расселения носят наименования, которые не могут быть объяснены из современных языков. Некоторые небольшие речки в русском языке сохранили следы своего древнего дорусского происхождения, таковы Пресня, Сара, Чечера, Ичка.

Славяне освоили район Москвы в очень давние времена и заселили берега мелких рек и озер.

Остатки древнего населения, малочисленного и отсталого, быстро ассимилировались со славянами, исчезли, растворились в их среде, передавая, правда, некоторые свои этнокультурные и языковые особенности славянам — основной массе населения этого края в IX—X вв.

Москва была городом славянского племени вятичей. Славянские поселения в районе Москвы принадлежали обитателям дремучих вятичских лесов. Москва-река служила как бы границей между северной и севе-

ро-восточной лесными зонами и между двумя славянскими племенами — вятичами и кривичами.

Вятичское происхождение древнейшего русского населения Москвы обусловило и своеобразие московского диалекта киевских времен и периода феодальной раздробленности. Московский акающий диалект сближается с южнорусскими диалектами, тогда как все окружение Москвы представляет собой различные варианты окающих диалектов, являющихся остатками и переоформлением древнейших славянских племенных языков не вятичского происхождения, хотя и родственных речи вятичей.

Основателем княжеской Москвы, той Москвы, которая начнет «собирать» русские земли, справедливо считают Юрия Долгорукого, так как в 1156 г. он «заложи град Москву, на устии же Неглинны, выше реки Аузы», перенеся «град» с того места, где за девять лет до этого, в 1147 г., он устраивал «обед силен» в честь своего союзника. Но раскопки и случайные находки на территории Москвы дают возможность говорить о наличии здесь уже в IX в. каких-то славянских поселений.

До нас дошли предания о первом владельце Москвы боярине Стефане Ивановиче Кучке. Древние легенды о происхождении города Москвы повествуют о том времени, когда на месте Москвы стояли села и слободы «красные» боярина Кучки, на их месте впоследствии и заложена была Юрием Долгоруким Москва. Кучковичи — сыновья Стефана Ивановича Кучки — не герои легенды, а исторические лица, принимавшие участие или, даже больше того, организовавшие убийство князя Андрея Боголюбского. Не случайно Москва в XII в. носила второе наименование — Кучково, не случайно в Москве в XV в. существовало урочище — «Кучково поле» и тогда же неподалеку от Москвы в Суздальской земле лежала волость «Кучка». Интересно отметить, что древнейшее наименование Москвы — Кучково — имеет окончание «о», характерное для русского языка в названиях именно сел, тогда как в летописях Москва впервые выступает под названием «Московь» или «Москов». Это свидетельствует о том, что Москва времен Юрия Долгорукого была уже не селом или группой сел, не усадьбой, не вотчиной, а именно городком. Вполне естественно будет предположить, что наименование Москвы в те времена было «Москов-городок».

В течение всего домонгольского периода Москва не играла сколько-нибудь значительной роли в жизни Северо-Восточной Руси. Таким скромным и маленьким городком Москва оставалась и во времена Батыева нашествия, стершего ее с лица земли, и позднее, в конце XIII в., когда, «отдохнув» от великого татарского разорения, она застроилась, начала накапливать силы и в течение половины столетия, пользуясь «тишиной» от татарских набегов, росла и крепла. Даже набег татарского царевича Дуденя в 1293 г. не смог надолго приостановить этот процесс медленного накапливания сил Москвою. И в княжение Даниила Александровича, который, судя по Супрасльской летописи, вокняжился в Москве в 1292 г. и умер в 1303 г., Москва была еще маленьким и слабым княжеством.

С Даниила Александровича начинается история Москвы как самостоятельного княжества, но история возвышения Москвы падает уже на время княжения его сыновей и внуков.

Что же лежало в основе возвышения Москвы в конце XIII и особенно в XIV в., когда Москва решительно выступила на политическую арену?

Московское княжество было одним из самых населенных. Вызываемые набегами татар «пополохи» — массовое бегство жителей, как это имело место, например, при нападении татар в 1252 г. на Переяславль, в 1281—1282 гг. — на Владимир, Юрьев, Муром, Ростов и другие города, приводили к переселению сельского и городского люда в безопасное и спокойное Московское княжество. Только один раз, в 1293 г., Москва подверглась нападению татар, но этот эпизод не отразился на росте населения всего княжества. В связи с притоком и ростом населения и дальнейшей колонизацией края, сопровождавшейся вырубанием и выжиганием лесов, распахиванием отвоеванных у леса земель, появляются новые волости и слободы, располагающиеся главным образом на окраинах Московского княжества.

О притоке населения в Московское княжество говорит «Житие Сергия Радонежского». Отец Сергия, богатый ростовский боярин Кирилл, «отъехал» в Московское княжество, в глухой городок Радонеж, спасаясь от набегов и поборов татар. Одновременно переселилось в Московское княжество из ростовских городов и сел много посадских людей и крестьян. Сам Сергий стал пустынником и с несколькими иноками удалился в лес, в «пустынь». В такой московской лесной глуши прожил он пятнадцать лет, как вдруг откуда-то понашло множество крестьян, которые начали рубить лес и распахивать землю, всюду ставить села, починки и дворы. «Пустынная» чаща превратилась в густонаселенный край.

Быстрый темп роста городского и сельского населения и освоения им земель, некогда покрытых лесами и недоступных для земледелия, превратил Московский край в богатое и людное княжение. Многочисленное крестьянство и горожане платили налоги князю московскому, выставляли сильные рати. Процветали сельское хозяйство, ремесло и торговля.

Вслед за народными массами сюда же в Москву, в этот спокойный и безопасный уголок Древней Руси, в центр междуречья Оки и Волги, съезжались бояре «служить» московскому князю. Родословные старинных московских боярских фамилий говорят о том, что их основатели «выехали на Москву» из Ростова, Мурома, Чернигова, Киева, Волыни в татарские времена. Вместе с боярином переезжала его семья, челядь, дворовые, слуги, дружинники и т. д. Так, например, еще в начале XIV в. приехал на службу к московскому князю знатный черниговский боярин Родион Нестерович, родоначальник бояр Квашниных, и привел с собою целый двор в 1700 человек. Так росло население Московского княжества — один из важнейших факторов его возвышения, росли города, крепло и усиливалось московское боярство, игравшее большую роль в возвышении Москвы.

Говоря о возвышении Москвы, нельзя забывать и того, что, выросши в XII—III вв. как пограничная крепость Владимиро-Суздальской земли, она в XIV в. теряет свое стратегическое военно-пограничное положение и превращается в географический и политический центр Северо-Восточной Руси, этнический центр великорусской народности. В течение всей первой половины XIV в. Москва ни разу не подвергается нападению врагов. Удары извне, падающие на Русскую землю, принимают на себя другие княжества. Татары разоряют Рязань, Муром, Ярославль, Владимир, Нижний Новгород; Новгород и Псков воюют с ливонскими рыцарями и шведами; Смоленск — с Литвой. Москва не знает ни войн с внешним врагом,

ни усобиц. Отсюда и стремление населения окрестных княжеств переселиться в Москву.

Географическое положение Москвы, стоящей в центре Северо-Восточной Руси (Южную и Западную в расчет принимать не приходится), защищенной со всех сторон окраинными русскими княжествами, относительно далеко расположенной от татарских, литовских, немецких и шведских рубежей, делало ее для населения наиболее привлекательным краем во всей Руси. «Тишина» и мир в Московском княжестве, возможность относительно безопасной жизни приводили к интенсивному росту населения в нем, численность которого исключительно быстро увеличивалась за счет пришлых крестьян и посадских и в результате естественного прироста. Укрепившись, московские князья начинают расширять свои владения и при этом наталкиваются на сопротивление со стороны соседних удельных княжеств. Покорив их, московский князь выступает уже в роли защитника от «ворогов» границ в с е й Русской земли, что обеспечивает ему поддержку со стороны народных масс, а следовательно, и политический успех.

Такова была вторая предпосылка возвышения Москвы.

На этой второй предпосылке возвышения Москвы следовало бы несколько задержаться.

Есть одна особенность в историческом развитии Москвы, которая мало привлекала к себе внимание наших исследователей. Дело в том, что, пока Москва была слаба, пока она была крошечным княжеством, где сидел Даниил Александрович, ее охраняли от литовцев, шведов, немцев, татар Смоленск, Тверь, Новгород, Псков, Рязань; когда же Москва накопила силы, то сама стала защитником Руси от «ворогов». Это обеспечивало ей популярность в народных массах, а следовательно, и политический успех. В представлении русских людей разных земель — и Ореховецкий договор со шведами, установивший на много столетий незыблемой границу между Русью и Швецией, и разгром шведского короля Магнуса, и прекращение натиска со стороны литовцев, прорывавшихся к реке Поротве, к стенам самой Москвы, и, наконец, разгром «татарского чудища» (К. Маркс) на поле Куликовом — все в той или иной степени было связано с именем и деятельностью московских князей, все в той или иной степени было результатом осуществления Москвой почетной обязанности стража всей Русской земли, которую она по мере своего усиления и укрепления взяла на себя.

В «Задонщине» нашли свое отражение истинные чувства русского народа, и эти чувства смело можно назвать тем национальным пробуждением, которое, по мнению Ленина, предшествует образованию национального государства. Это чувство национального пробуждения охватило даже области, господствующая верхушка которых была враждебна московским князьям и их централизационным стремлениям. Не случайно поэтому Куликовская битва нашла такое яркое отражение и в Новгородской летописи, куда вошло сказание о Куликовской битве, и в «Задонщине», написанной в Рязани, хотя и новгородская боярская верхушка, и рязанский князь Олег Иванович были враждебны герою Куликовской битвы, победителю Мамая — Дмитрию Ивановичу Донскому. Это свидетельствует о том, что широкие массы новгородцев обращали свои взоры к Москве, ценили и любили ее и подданные рязанского князя. Жители разных русских земель смотрели на Москву как на верховного вершителя судеб Руси. И слава о Москве, молва о битве Куликовской росли вместе с надеждой на освобо-

ждение от татарского ига, проникали в фольклор, в древнерусскую книжность, способствуя развитию и укреплению чувства национального самосознания, способствуя национальному пробуждению русского народа. Чувство национального самосознания никогда не исчезало, оно только было, как искра, засыпано пеплом пожарищ татарского нашествия и княжеской «которы». Куликовская битва раздула эту искру в пламя.

Не случайна поэтому удивительная связь между формой народного творчества, отразившего Куликовскую битву, и формой и манерой «Слова о полку Игореве», как и созвучие основных идей «Слова о полку Игореве» и «Задонщины».

Маркс подчеркивал, что основная идея «Слова о полку Игореве» — это призыв к единению.[1] Таким призывом к единству была и «Задонщина». Во главе единения Руси стояла Москва, объединял землю Русскую московский князь; и все, кто стремился к единой независимой Руси, Руси, не знающей иноземного ига, Руси, свободной от золотоордынского владычества, все обращали свои взоры к Москве, все считали ее избавительницей от тяжкой татарской неволи, все смотрели на Москву как на ведущую силу на Руси.

Таким образом, рост национального самосознания был фактором огромной значимости.

Следует подчеркнуть еще один фактор, который тоже мало привлекал к себе внимание наших исследователей, хотя значение его также очень велико, — мы имеем в виду начало складывания великорусской (русской) народности, или, что одно и то же, национальности. О существе этого процесса мы будем говорить подробнее, а сейчас остановимся лишь на роли Москвы в создании русской народности.

Великорусская народность складывалась на территории от Чудского озера до Устюга и Нижнего Новгорода и от побережья Студеного моря до Сейма. Но центром этого процесса, процесса этнического переоформления северо-восточной ветви русского народа в великорусскую, или русскую, народность было междуречье Волги и Оки, область, где было наиболее густое население, где, собственно говоря, жила основная масса русских людей Северо-Восточной Руси. Такие города, как Псков и Новгород, Переяславль Рязанский и Нижний Новгород, оказывались на окраине основной территории великорусского народа и, поскольку во главе складывающегося Русского государства стояла Москва, поскольку возвышение Москвы и объединение Руси с течением времени — с XIV в., особенно со времен Дмитрия Ивановича Донского, стали синонимами одного и того же процесса, постольку, вполне естественно, Москва оказалась и центром образующейся великорусской народности.

Не надо при этом упускать из виду и еще одно обстоятельство, а именно: Москва в буквальном смысле слова была географическим центром великорусской народности, и эта последняя стала формироваться вокруг Москвы как этнического центра.

Как показали труды советских лингвистов, к XIV в., точнее, ко второй его половине, относится начало оформления великорусского языка, еще пестрого, еще разделенного на весьма отличающиеся друг от друга диалекты, но тем не менее — единого великорусского языка.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII. С. 122.

Итак, налицо два фактора, определяющие собою складывающуюся народность: единство языка и национальное самосознание — национальное пробуждение. Со временем установится и единство территории и психического склада, т. е. все то, что определяет собой народность (национальность) как образование, предшествующее нации.

Поскольку объединение Руси и складывание русской народности были двумя сторонами одного и того же процесса — процесса собирания русских земель, который возглавила Москва, постольку, вполне естественно, возвышение Москвы и складывание русской народности не могут быть оторваны друг от друга. В междуречье Волги и Оки образовался основной массив будущей великорусской народности, а географическим центром этого междуречья была Москва. Это обстоятельство определило роль Москвы в развитии русского народа. С другой стороны, оно же послужило одной из важнейших предпосылок возвышения Москвы. Москва будила национальное самосознание, Москва дала толчок национальному пробуждению своей тенденцией к «одиначеству», к единству Руси, своей борьбой за независимость Русской земли.

Объединение населения Русской земли в великорусскую народность, шедшее вокруг Москвы, в свою очередь, было величайшим стимулом ее возвышения. Москва стала не только «собирательницей русских земель», но и «центром национальной жизни русского народа».[1]

Большое значение в возвышении Московского княжества имело и то обстоятельство, что Москва лежала на очень удобных и важных торговых путях. Москва была прежде всего центром междуречья Волги и Оки, узлом, связывающим самые отдаленные княжества и области друг с другом. Река Истра, приток Москвы, подходит к Ламе, притоку Шоши, впадающей в Волгу, и образует путь, соединяющий Верхнюю Волгу со Средней Окой через волок Ламский. Пути с запада на восток, проходящие через Москву, шли по Яузе и Клязьме. Через Кучково поле пролегала шедшая от Москвы «великая дорога володимирская». Из Лопасны на Москву шла дорога, соединявшая Черниговскую и Киевскую земли с Переяславлем, Ростовом, Владимиром. Эти старинные дороги были торговыми путями, по которым двигались купеческие караваны — где в ладьях, где волоком, где на колесах и полозьях. Купцы Южной Руси, черниговцы, киевляне, плыли по Десне до Брянска, оттуда волоком попадали на Оку и Окой добирались в ладьях до Москвы-реки. Здесь некоторые из них продолжали плыть дальше до Неглинной, откуда уже сухим путем попадали в Ростов, другие же плыли до Яузы, затем волоком шли до верховьев Клязьмы, а по ней уже — до Владимира.

Новгородское купечество торговало с «Низом» тоже через Москву.

Новгородцы везли немецкие товары по Волге, Шоше, затем волоком у Ламы попадали на Истру, по ней добирались до Москвы и, наконец, перебирались на Оку и Волгу. Из Москвы и «низовских» городов, в свою очередь, в Новгород шел хлеб и некоторые другие товары. Через Москву проходили торговые пути, связывающие Литву, Польшу и западные русские княжества — Смоленск и Полоцк — с Востоком. Товары из Литвы, Польши, Риги, Полоцка сухопутными дорогами, Западной Двиной и

---

[1] Из приветствия Москве Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) в связи с 800-летием столицы // Правда. 1947, 7 сентября.

Днепром шли к Смоленску и дальше на Можайск, крайний восточный удел Смоленского княжества, а оттуда по Москве-реке через Москву на Клязьму и далее на Оку и Рязань. По Оке добирались до Нижнего Новгорода, а из него Волгой до Сарая. В XIV в. большую роль стала играть «сурожская торговля», т. е. торговля с Сурожем (Судаком) — генуэзской колонией в Крыму. Купцы съезжались в Москву, плыли Москвой-рекой, Окой и Осетром до Верхнего Дона и по Дону спускались до Азовского моря. Были и сухопутные дороги, шедшие на юг и восток через степи.

Таковы были торговые пути, пролегавшие через Москву и превратившие ее в XIV в. в большой город с бойкой торговлей и многочисленным ремесленным и торговым людом.

Но не все эти пути сложились одновременно. Процесс их формирования очень длительный и охватывает весь XIV в. Только к началу второй четверти XIV в. относится развитие торговых путей, шедших через Москву и способствовавших росту московского посада, а вместе с этим и росту доходов московского князя, собиравшего налоги с торговли. В первое время существования Московского княжества экономические преимущества его в этом отношении вряд ли могут приниматься в расчет и, даже более того, они еще слабо сказывались, так как даже Новгород торговал с «Низом», используя не только московский путь, но и переяславский, шедший по реке Нерли.

Но в XIV в. торговое значение Москвы усиливается и она становится одним из наиболее крупных торговых городов с многочисленным торговым населением. Московские купцы торгуют повсеместно, устанавливая торговые сношения с рядом других княжеств. Торговые связи позднее оформляются в соответствующих договорах, устанавливающих право московских купцов «гостить без рубежа» и «мыта держать прежние». Такие договоры, оформлявшие уже давно налаженные торговые отношения, были заключены Москвой с Новгородом в 1327 и 1380 гг., с Рязанью в 1381 г., с Тверью в 1399 г. Увеличение торговых оборотов, с развитием которых росли разные сборы с торговли, обогащало княжескую казну, что стало особенно ощутительным со второй половины XIV в.; растущие города укрепляли княжество как политическую единицу; московское купечество приобретало все большее и большее значение в русской торговле, становилось все более и более богатым и влиятельным. Но торговые пути, шедшие через Москву, были транзитными путями, конечные пункты которых были в руках других князей, зачастую враждебных московскому. Огромной значимости транзитная торговля, имевшая своим центром своеобразный узел путей — Москву, находилась, таким образом, в зависимости от политической конъюнктуры, от княжеских взаимоотношений, усобиц. Естественно стремление московского купечества, непрерывно обогащавшегося и крепнувшего, захватить в свои руки все русские торговые пути на всем их протяжении. Отсюда и вытекает энергичная поддержка купечеством московских князей, стремившихся к объединению под своей властью всей Русской земли.

Рост и расширение московской торговли, увеличение ее удельного веса во всей русской торговле вообще, рост числа посадского населения — купцов и ремесленников, обогащавших княжескую казну, стремившихся к укреплению власти князя, собиравшего и объединявшего русские земли, — все это было третьей предпосылкой возвышения Московского княжества.

Мы учитываем географические факторы возвышения Московского княжества. Географические факторы, не являющиеся определяющими в деле объединения Руси, в возвышении Московского княжества, играют серьезную роль. «Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества — она ускоряет или замедляет ход развития общества», — говорит И. В. Сталин.[1]

Известное значение имело и то обстоятельство, что в Московском княжестве княжеская династия не разрасталась до тех размеров, какие мы наблюдаем в других княжествах. Чаще всего отцу наследовал сын, причем дядей, младших братьев отца, тогда уже не было в живых; таким образом, сами условия наследования княжеской власти, несмотря на тенденции к феодальному раздроблению земель, способствовали укреплению «единодержавия» княжеской власти в Москве, а это несомненно сыграло некоторую роль в ее возвышении, выгодно отличая Московское княжество от княжеств-соперников. Москва почти не знала «нестроения» и феодальных войн. Уделы в ней были малы и незначительны, существование их, чаще всего кратковременное, не обусловливало ее политического развития, редки были и усобицы. Это выгодно отличало ее от соперников — других великих княжеств.

Необходимо, наконец, подчеркнуть поддержку, оказываемую Москве церковью, сам факт пребывания в Москве митрополита «всея Руси», а следовательно, превращение Москвы в церковный центр Руси, а также удачливую и умелую внешнюю политику московских князей, сплотивших силы Русской земли в борьбе с ее врагами, умевших лавировать, выжидая удобный момент: когда нужно — отступать, а когда необходимо и возможно, то переходить в решительное наступление.

Особенно эффективной была политика московских князей по отношению к Золотой Орде.

Эти предпосылки обусловили превращение Москвы в «стольный град всея Руси», и только они, вместе взятые.

Факторы, способствовавшие возвышению Москвы, не вступили в действие в конкретном историческом развитии сразу и одновременно, их действие усиливалось, причем один фактор появлялся, в то время как другой переставал играть ту роль, которую играл ранее. И только тогда Москва стала центром складывающегося Русского государства, когда стала реальной и действенной вся совокупность предпосылок, обусловивших ее возвышение, вся совокупность предпосылок, сделавших Москву «стольным градом всея Руси».

«Заслуга Москвы состоит, прежде всего, в том, что она стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством.

Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси», — писал в своем приветствии Москве И. В. Сталин.[2]

---

[1] И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме // Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. С. 548.

[2] Правда. 1947, 7 сентября.

НАЧАЛО ОБЪЕДИНЕНИЯ РУСИ. ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ. КНЯЖЕНИЕ ИВАНА КАЛИТЫ

С мала ключика студена
Потекла река.
С невелика начиналась
Матушка-Москва.

В самом начале 1147 г., «в день пяток, на Похвалу святой Богородицы», т. е. 4 апреля, Юрий Долгорукий устраивал в Москве «обед силен» для своего союзника Черниговского князя Святослава Ольговича, отца героя «Слова о полку Игореве» Игоря Святославича.

Это первое упоминание о Москве в летописях, но, как уже указывалось, славянские поселения на месте Москвы датируются IX в. Во время Юрия Долгорукого Москва была уже городом. В XII столетии Москва была небольшим городом-крепостью, расположенным на самой границе Владимиро-Суздальского княжения. Здесь сходились границы четырех княжеств. Недалеко, в верховьях Москвы-реки, стоял принадлежавший смоленским князьям Можайск, с юга примыкала волость черниговских князей — Лопасна. Неподалеку был расположен рязанский форпост — Коломна. Пограничное положение Москвы рано сделало ее одним из важных политических и стратегических пунктов Владимиро-Суздальского княжества. Лежавшая на пути военных походов рязанских князей на Владимир Москва уже в 1156 г. укрепляется новыми деревянными стенами. Так создался Московский Кремль, расположенный ниже устья реки Неглинной. Боровицкие ворота — память о том боре, дремучем лесе, который некогда покрывал часть Кремлевской горы. Город к середине XII в. был очень невелик и занимал не больше половины современного Кремля.

Москвичам рано пришлось принять участие в межкняжеских усобицах. В 1176 г. они поддерживают братьев Андрея Боголюбского, Михалка и Всеволода, в их борьбе против захватнических действий Ярополка. Узнав, что на Москву двигается Ярополк, они повернули назад, «блюдуче домовь своих». За поддержку, оказанную Мономаховичам, Москва была сожжена в следующем году рязанским князем Глебом. «Глеб на ту осень приста на Московь и пожже город весь и села», — сообщает Лаврентьевская летопись.

В те времена Москва управлялась либо посадниками владимирских князей, либо младшими князьями. Так, первым сидел в Москве Владимир

Всеволодович, младший сын Всеволода Большое Гнездо, за ним Владимир Юрьевич, при котором татаро-монголы ворвались во Владимирскую землю.

«Взяша Москву татарове, и воеводу убиша Филиппа Нянка за правоверную хрестьянскую веру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди избиша от старьца и до сущаго младенца; а град и церкви святые огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша и много именья вземше».

Современник событий восточный писатель Джувейни сообщает о том, как орды Батыя взяли город «М. С. К.» (Москву), жители которого были очень многочисленны, «точно муравьи или саранча, а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что нельзя было проползти змее». Взяв Москву, татары «нашли там много добычи», разорили город так, что «оставили... только имя его».

Несмотря на это, Москва среди всех земель Владимиро-Суздальского княжества пользовалась заслуженной репутацией наиболее безопасного края, куда уже в те времена начинают понемногу сходиться беглецы из восточной окраины Владимирской земли, наиболее опустошенной и разоренной татаро-монголами. Последнее обстоятельство вместе с растущим дроблением земель приводит к появлению в Москве нового сильного князя. Им был Михаил Ярославич по прозвищу «Хоробрит», брат Александра Невского. Воспользовавшись отсутствием суздальского и переяславского князей, Михаил Хоробрит в 1248 г. изгоняет из Владимира своего дядю Святослава Всеволодовича и становится великим князем Владимирским. Это дает ему не только власть, но и богатую, населенную территорию, особенно Ополье (область Юрьева Польского), житницу всей Суздальской земли. Но долго править ему не пришлось: в том же году он пал в битве, отражая набег литовцев, прорвавшихся к реке Поротве. Князем московским становится его брат Александр Ярославич Невский, князь переяславский. В 1252 г. он получил великое княжение Владимирское и позднее завещал Москву своему сыну Даниилу, родившемуся в 1261 г.

Князем московским Даниил Александрович становится в 1282 (по Никоновской летописи) или в 1293 г. (по летописи Супрасльской). Даниил Александрович расширяет свои владения. В 1301 г. он захватывает у рязанского князя Константина важный торговый и стратегический пункт — Коломну, а в 1302 г. получает по наследству от бездетного князя Ивана Дмитриевича Переяславль-Залесский. Приобретение Переяславля-Залесского возвышает Москву, так как Переяславль считался «выше» и «старше» Москвы и был как бы своеобразным трамплином к получению великокняжеского стола во Владимире. Московским князьям, и Даниилу Александровичу, и сыну его Юрию, пришлось вести ожесточенную, но успешную борьбу за Переяславль-Залесский с князьями городецкими и тверскими. В 1303 г. Даниил Александрович умер. Преемником его стал старший сын Юрий. У Даниила было еще несколько сыновей, в том числе знаменитый впоследствии Иван Калита. Все они получили после смерти отца по небольшому уделу. Первые удачные шаги отца дали возможность Юрию Даниловичу в 1304 г. выступить в Орде в качестве соперника тверского князя Михаила Ярославича. Впервые московский князь решился претендовать на великокняжеский ярлык. Правда, через год Юрий Данилович вернулся в Москву с пустыми руками, так как Ми-

хаил Тверской дал хану большой «выход» и Юрию пришлось уступить. Но первая неудача не обескуражила энергичного московского князя. Он отбивает тверские рати, которые послал Михаил Ярославич, мстя московскому князю за поражение под Переяславлем-Залесским и дерзость в Орде, захватывает у смоленских князей Можайск — важный торговый и стратегический пункт, и, наконец, привлекает на свою сторону митрополита Петра, главу русской церкви.

Петр, родом из Угорской Руси[1], был назначен константинопольским патриархом на Русь вопреки воле тверского князя, союзником которого выступал недавно скончавшийся митрополит Максим. Естественно, что, когда в 1308 г. Петр приехал во Владимир, церковную столицу Руси, великий князь владимирский, «старший» среди русских князей, которым в то время был тверской князь Михаил Ярославич, встретил его враждебно и даже возбудил против него дело. На соборе, собранном в Переяславле-Залесском, Петр оправдался, а московские князья Юрий и Иван решительно выступили в его защиту. Естественно, что Петр искал и нашел союзника в лице московского князя. Так положено было начало союзу Москвы и церкви, сыгравшему столь большую роль в возвышении Москвы. И результаты этого союза сказались очень быстро. Когда в 1311 г. Михаил послал свою тверскую рать во главе с малолетним сыном Дмитрием «на Новгород Нижний на князя Юрия», то митрополит Петр «не благословил его», пригрозил проклятием, и все предприятие Михаила сразу же потерпело неудачу. В те времена митрополичье «благословение» играло большую роль: строптивый князь, ослушавшийся митрополита, рисковал подвергнуться отлучению от церкви (анафеме), что было для князя далеко не безразлично, ибо означало враждебность такой мощной экономической и политической силы, как церковь. С тех пор церковь была всегда на стороне Москвы, а со смертью Петра, погребенного Иваном Даниловичем в Москве в специально для того построенном Успенском соборе, митрополия была перенесена из Владимира в Москву.

Осложняются дела тверского князя и в Новгороде. Его стремление укрепиться в Новгороде не могло не вызвать протеста со стороны новгородцев. В 1312 г. Михаил Ярославич выводит из Новгорода своих наместников, захватывает новгородские города Торжок и Бежецк и прекращает подвоз «обилья» (припасов) с «Низа». Новгородцы на этот раз смирились, но уже в 1313 г., воспользовавшись отсутствием Михаила Ярославича, пребывавшего в то время в Орде у хана Узбека, они заключают союз с Юрием Даниловичем и выступают против тверской рати Дмитрия Михайловича. С тех пор союз Новгорода и Москвы против Твери становится на долгое время обычным явлением. В 1315 г. Юрий Данилович отправляется в Орду. В Орде, в те времена переживавшей период своего расцвета, Юрий вошел в милость к Узбеку, женился на его сестре Кончаке, по крещении получившей имя Агафии, получил в качестве приданого за Кончакой ярлык на великое княжение Владимирское. Татарские послы во главе с темником Кавгадыем должны были ввести Юрия во владение великим княжеством, и в помощь Кавгадыю Узбек выслал большой отряд татарской конницы. Михаил не встретил поддержки со стороны «младших» князей, в тылу у него действовали не смирившиеся новгородцы, и он вы-

[1] Закарпатская Русь.

нужден был уйти в Тверь. К Юрию примкнули князья суздальские, и он с Кавгадыем двинулся на Тверь.

В сорока километрах от Твери, у Бартенева, Юрий и Кавгадый были разбиты. В бою у Бартенева к Михаилу попали в плен Кончака (Агафия), Кавгадый, Борис Данилович, брат Юрия, и много московских бояр. Юрий бежал в Новгород. Новгородцы и псковичи его охотно поддержали, и рати этих вечевых городов уже было двинулись навстречу Михаилу, как князья договорились решить свой спор в Орде у Узбека. Но вдруг неожиданно в плену у Михаила умерла Кончака. Михаил отпустил Кавгадыя и пленных бояр, но было поздно. Юрий утверждал, что Кончака была отравлена по приказу Михаила, и поспешил в Орду с жалобой на Михаила. Михаил был вызван в Орду и там обвинен в том, что он противился ханскому послу Кавгадыю, сражался с татарами, присвоил ханские дани, хотел бежать в «немци» с казною и часть казны уже успел отправить римскому папе, умертвил жену Юрия. Не все обвинения подтверждались, но характерно, что уже в то время тверские князья, правившие в этом крайнем западном, пограничном с Литвой княжестве, в борьбе против Москвы пытались опереться на властителей враждебных Руси государств и для сохранения своей власти не останавливались перед изменой Руси. Тверские князья стремились к союзу с Литвой, с «латинянами» (католиками), и укрепление Восточной Руси их даже пугало. Московским же князьям одинаково близки были интересы Руси и на западе, и на востоке. Для Узбека, конечно, основным в обвинении Михаила Ярославича было то, что он противился его послам. Михаил был убит, и в 1320 г. «...корона великого князя, вырванная из рук тверских князей благодаря доносу и убийству, была подобрана из-под ног Узбека Хана Юрием...».[1] Юрий вернулся полным хозяином Руси. Тверь была в его руках.

Став великим князем, Юрий берет на себя инициативу по обороне границ Русской земли. Во главе новгородских ратей Юрий в 1322 г. отбивает нападение шведов на Карелу, проникает в глубь Финляндии и осаждает Выборг. В 1323 г., ожидая мести со стороны шведов, Юрий ставит у истоков Невы, на Ореховом острове, городок Орешек (Петрокрепость).

Шведы запросили мира, и Юрий согласился. Был заключен Ореховецкий мирный договор, установивший границу между Швецией и Русью. Получив хороший урок, шведы присмирели и долгое время не решались предпринимать военные действия против Руси.

В 1324 г. Юрий идет на Устюг и Северную Двину, покоряет чудь заволочскую (коми-зырян) и заключает договор с местными князьями.

Но если деятельность Юрия в Новгороде была успешна, то большие опасения вызывала разбитая, но не сломленная Тверь. Тяжба за великокняжеский ярлык дорого обходилась князьям и еще дороже — русскому народу. Князья обещали хану большой «выход» (дань) и, естественно, старались собрать побольше денег. Отсюда та «тягота велика в Русской земле», которая была вызвана борьбой Москвы и Твери за ярлык на великое княжение.

К. Маркс отмечает, что из Орды вместе с Юрием пришли «*ханские сборщики дани*, грабившие [народ]. Последствием была гнетущая дорого-

[1] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 78.

визна».[1] Юрий старался сам собирать со всех княжеств «выход» и стать таким образом единственным посредником между ханом и другими князьями, но и тверской князь Дмитрий Михайлович пытался установить непосредственные сношения с Ордой. Когда в одном из уделов Тверского княжества, Кашине, появился сборщик дани, представитель Орды, туда сейчас же поспешил с войсками Юрий. До вооруженного столкновения, правда, не дошло, и князья заключили между собой договор, по которому Дмитрий обязывался платить «выход» Юрию и, кроме того, не претендовать на великое княжение. Но, получив от Твери предназначенный хану «выход» в 2 тысячи рублей серебром, Юрий не спешит к ханскому послу, а идет в Новгород, куда он должен был явиться «по ратному делу». Этим воспользовался Дмитрий Михайлович и поспешил к Узбеку, жалуясь ему на действия Юрия и указывая на присвоение им тверской дани, предназначенной для хана. Ханский посол поддержал Дмитрия, и Узбек выдал Дмитрию ярлык на великое княжение. Юрий, наконец набравший денег для уплаты «выхода», понял, что́ ему грозит, и поспешил в Орду, прося у новгородцев помощи. По дороге на него напал брат Дмитрия Александр Михайлович и отобрал казну. Ограбленный им Юрий бежал в Псков, затем в Новгород, ходил на Неву и Устюг и уже оттуда, с севера, по Каме, по вызову Узбека отправился в Орду. Поспешил в Орду и Дмитрий Михайлович. В пути встретились оба соперника, и 21 ноября 1324 г. Дмитрий убил Юрия, надеясь на благожелательное отношение Узбека. Расчеты его не оправдались, и он сам был казнен по ханскому указу. Тем не менее Узбек после утайки «выхода» Юрием перестал доверять московским князьям, и ярлык на великое княжение получил Александр Михайлович Тверской.

После смерти Юрия московским князем стал единственный оставшийся в живых из пяти сыновей Даниила Александровича Иван Данилович Калита, внук Александра Невского.

С именем и деятельностью Ивана Даниловича Калиты связывают первый этап образования централизованного государства великорусской народности, начало «собирания» Русской земли Москвой. Калита еще раньше, при жизни брата, часто отъезжавшего в Новгород и Орду, княжил за него в Москве. В первый же год княжения Ивана Калиты умер митрополит Петр, вскоре объявленный святым и ставший патроном Москвы. При жизни Петра Калита поддерживал хорошие отношения с престарелым митрополитом и добился перенесения митрополичьей кафедры в Москву. Московский князь, по выражению Маркса, «...присоединил власть церкви к могуществу своего трона».[2] С этого момента еще больше укрепляется союз церкви и московских князей. Церковь, играющая большую роль в деле объединения русских земель в единое государство, отныне, за редчайшим исключением, выполняет эту свою функцию лишь в союзе с московскими князьями.

Несмотря на эту удачу, Калита все же вынужден был начинать сначала: он был просто князем московским, а ярлык на великое княжение был в руках его заклятого врага — Александра Михайловича Тверского. Правда, хан Узбек не особенно доверял Твери, и, для того чтобы террори-

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 148.

[2] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 78.

зировать «русский улус» и восстановить свою грозную власть, с которой переставали считаться, он в 1327 г. посылает в Тверь своего двоюродного брата, Чолхана Тудановича, прозванного на Руси «Щелканом Дудентьевичем» или просто «Щелканом», «Шевкалом». В помощь Чолхану Узбек двинул большое войско. Чолхан занял Тверь и выгнал князя Александра из его дворца.

Тверская летопись сообщает, что татары Чолхана грабили тверичей, надругались над ними.

К. Маркс, говоря о поставлении Узбеком Александра Михайловича Тверского великим князем на Руси, пишет: «Вскоре там (в Твери. — *В. М.*) появилась (разбойничья, как всегда) толпа татар, в качестве свиты *Узбекова посла*».[1] Терпение тверичей иссякло. Они обратились к своему князю, прося его начать борьбу с ненавистным Щелканом. Но Александр Михайлович советовал им терпеть. Насилия, надругательства и грабеж татар не прекращались, и последней каплей, переполнившей чашу терпения тверичан, был следующий случай. 15 августа на заре дьякон Дюдко вывел на водопой свою лошадь. Татарам она понравилась и они начали ее отнимать. Дюдко поднял крик. Сбежались тверичи и перебили татар. Погиб и Чолхан.

На этот факт указывает К. Маркс: «Тверитяне загнали всех татар в городе в одно место, вырезали их до последнего человека».[2] Народное предание сохранило воспоминание о «щелкановщине». В песне о Щелкане Дудентьевиче поется:

«Брал он млад Щелкан
Дани, не выходы, царевы не выплаты;
С князей брал по сту рублей;
с бояр по пятидесяти,
с крестьян по пяти рублев —
у которого денег нет,
у того дитя возьмет;
у которого дитя нет,
у того жену возьмет;
у которого жены то нет,
того самого головой возьмет.
Вывез млад Щелкан
дани выходы,
царевы невыплаты;
вывел млад Щелкан
коня во сто рублев,
седло в тысячу.
Узде цены ей нет...»
«И в те поры млад Щелкан
он судьею насел
в Тверь ту старую,
в Тверь ту богатую,
а немного он судьею сидел:
надо всеми надругатися,
над домами насмехатися.

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 148.

[2] Там же.

Мужики-то старые,
мужики-то богатые,
мужики посадские,
они жалобы приносили
двум братцам родимым,
двум удалым Борисовичам.
От народа они с поклоном
пошли, с челобитными подарками —
и отнесли они честные подарки
злата, серебра и скатного
жемчугу.
Изошли то в доме у себя
Щелкана Дудентьевича;
подарки принял от них,
чести не воздал им.
В те поры млад Щелкан
Зачванился он загординился,
и они с ним раздорили —
один ухватил за волосы,
а другой за ноги,
и тут ево разорвали...».

Народное предание верно отразило «тяготу посадских мужиков» от произвола Щелкана Дудентьевича и восстание против татар. Летописный рассказ подтверждает народное сказание.

Узнав о расправе тверичей с Чолханом, Узбек разгневался и начал готовить поход на Русскую землю. Вся Русь в страхе ожидала повторения Батыева погрома. Но тут в Орду поспешил Иван Калита. Он воспользовался восстанием в Твери, для того чтобы нанести удар своему противнику, тверскому князю Александру Михайловичу, направив гнев Узбека на мятежную Тверь. Выступая верным слугой хана в тревожные для Орды дни «щелкановщины», Калита стремился войти в доверие к хану и получить ярлык на великое княжение.

Выступая в такой роли, Калита вовсе не думал «смирением» завоевать доверие Узбека. Как это мы увидим дальше, «Иоанн Калита был хитер, а не смирен».[1]

Узбек поручает Калите и князю суздальскому Александру Васильевичу идти вместе с пятидесятитысячным татарским войском (Федорчуковой и Туралыковой ратями) на мятежную Тверь.

Тверь была опустошена и разрушена. Калита «створил» землю Тверскую «пусту». Масса пленников была уведена в Москву и поселена в слободах. Не пострадал на северо-западе лишь Новгород, откупившийся от татар деньгами и подарками и посадивший у себя наместников Калиты. Александр Михайлович вынужден был бежать в Псков. Тверское княжество получил от Узбека его брат Константин.

«Великий же Спас милостивый человеколюбец Господь своею милостию заступил благоверного князя великого Ивана Даниловича и его град Москву и всю его отчину от иноплеменных поганых татар», — читаем мы в Рогожском летописце. Ценой разгрома Твери Калита спас Москву, Русь.

---

[1] В. Г. Белинский. Изб. соч. ГИХЛ, 1949. С. 873.

Нужно отметить, что хотя ярлык на великое княжение в 1328 г. получил Иван Калита, но само великое княжение Владимирское в те времена из предосторожности и недоверия к русским князьям Узбек разделил: Новгород и Кострому он дал Калите, а Владимир и Поволжье — Александру Васильевичу Суздальскому. Разделение великого княжества было недолговременным и непрочным и почти не отразилось на положении Ивана Калиты как великого князя, а по смерти Александра в 1332 г. единство великого княжения Владимирского было восстановлено.

В 1328 г. Калита решил добить своего соперника Александра Михайловича, отказавшегося ехать в Орду. Сила не помогала, так как Псков защищал своего нового князя. Тогда Калита придумал новое средство воздействия и прибег к помощи своего союзника — митрополита. Митрополит Феогност проклял и отлучил от церкви Александра Михайловича и весь Псков. В те далекие времена, когда церковь и духовенство имели огромное влияние на умы и сознание людей, такая мера была решительной и действенной.

Александр вынужден был покинуть Псков и уехать в Литву, к помощи которой тверские князья не раз прибегали позднее. Псков признал власть Калиты, и церковное проклятие было снято. Так церковь выступила на стороне московского князя и ее поддержка имела большое значение.

На западе, как мы уже видели, росло и крепло великое княжество Литовское, успевшее к тому времени захватить ряд русских земель. Князь литовский Гедимин претендовал на русские земли, вмешивался в дела русских княжеств, стремился вовлечь в орбиту своего влияния Псков и Тверь. Русь, таким образом, оказывалась между молотом и наковальней: с востока угрожала Орда, с запада наступала Литва — сильный, энергичный и воинственный соперник.

Действительно, прошло полтора года и Александр Михайлович возвращается в Псков, будучи посажен туда «из литовские руки». Десять лет княжил в Пскове Александр, будучи более связан с Литвой, нежели с Русью. Литва попыталась посадить своего кандидата и в псковскую епископию, но неудачно. Усилилось влияние Литвы не только на Псков и Тверь, но даже на Новгород, где одно время в пригородах новгородских — Ладоге, Орешке, Кореле и Копорье — сидел литовский князек Наримонт, сын Гедимина. К этому времени относится появление среди новгородского боярства так называемой «литовской партии», тяготевшей к Литве и при ее посредстве пытавшейся бороться со стремлениями Москвы к централизации. Среди «литовской партии» мы находим представителей наиболее богатого, именитого боярства новгородского, пытавшегося сохранить свое положение правящей феодальной олигархии и самостоятельность Новгорода, т. е. приостановить централизационный процесс и рост княжеской власти.

В 1336 г. Александру Михайловичу удалось вернуть себе ярлык на Тверь. Стремясь избавиться от московского «насилия», под которым следует подразумевать усилившуюся великокняжескую власть Калиты, к Твери «потянули» некоторые удельные князьки. Литва через своего ставленника Александра Михайловича Тверского протягивала руки к Северо-Восточной Руси. Калита решил разделаться с ним руками татар. В 1339 г. Александра вызвали обманным путем в Орду, где он и был

убит. Последовавший через некоторое время объединенный поход русских князей и татар на Литву подтверждает литовские связи Александра. В борьбе с одним внешним врагом — Литвой Калита умело использовал другого — Орду.

В 1339 г. ездил в Орду и Иван Калита. Здесь, в Орде, он свел счеты со своим противником — Александром Михайловичем Тверским. Тогда же в Орде Калита получил санкцию на свою духовную грамоту, где перечислялись приобретенные им земли, которые становились его собственностью, как вотчины, или как земли, на которые распространялось его влияние.

Став новгородским князем в 1329 г., Калита пытался расширить свою власть в Новгороде и сократить новгородские «вольности». Кроме того, полученное им от хана право собирать его именем дань Калита использовал для дополнительного обложения Новгорода. В 1332 г., когда выросли его денежные обязательства по отношению к хану, с помощью которого он возвысился и овладел великокняжеским престолом, Калита запросил у Новгорода закамского серебра и печорской дани,[1] а отказ новгородцев вызвал нападение Калиты в союзе с рязанскими и низовскими князьями на новгородские волости. Калита захватывает Торжок, Бежецкий Верх и отказывает новгородцам в мире. Те, в свою очередь, приглашают в пригороды литовского князя Наримонта и заключают союз с Александром Михайловичем, сидевшим в Пскове. Правда, «розмирье» Калиты с Новгородом было недолговременным, так как новгородцам дорого обходилась помощь Наримонта, обиравшего население. Кроме того, страшна была Орда, стоявшая за спиной Москвы. И в феврале 1335 г. Калита снова вернулся в Новгород. Несмотря на свой успех, он тем не менее вынужден был присягнуть Новгороду и заключить с ним «ряд» (договор) по старым грамотам, ограждающим права новгородцев. Калита не мог смириться со своим положением ограниченного в правах князя и все время стремился к расширению своих великокняжеских прав. Так, например, несмотря на «крестное целование» (присягу), Калита в 1337 г. посылает рать «за Волок», на Северную Двину, в землю «заволочской чуди», богатую ценным пушным зверем.

Калита расширил свое влияние на севере. На далекую Печору пробирались его «мужи» и «сокольники», собирая дань и вывозя оттуда ловчих птиц для княжой охоты и для продажи заморским купцам. Попытки Калиты укрепиться на Двине, в Заволочье, не увенчались успехом, но они свидетельствуют, во-первых, о том, что он отнюдь не собирался ограничивать свою власть в Новгороде и склонен был рассматривать и Новгород как свою «вотчину», а во-вторых, о стремлении московского князя овладеть севером, славившимся своими мехами.

В 1339 г. Калита еще раз покушался на новгородские «вольности» и «старые пошлины» и потребовал «царев запрос». Когда новгородцы ему отказали, напомнив о присяге и «ряде», Калита вывел из Новгорода своих наместников.

Для новгородской политики Калиты чрезвычайно характерно усиление власти великого князя, которое отпугивало феодальную олигархию, склонную к союзу с Литвой, где власть великого князя была слабее. Бояр-

[1] Закамское серебро и печорская дань — дани, уплачиваемые населением Закамья и Печоры.

ство не останавливалось перед изменой Руси, лишь бы не подчиняться великому князю, лишь бы не потерять своей исключительной власти, прикрывающейся вечевым политическим строем Новгорода. Кроме того, для политики Калиты показательно использование данного ему ханом права сбора дани.

Окончательный переход сбора дани в руки московского князя имел политическое значение для Руси, так как собиравшие дань откупщики и баскаки, грабившие народ, вызывали своими действиями народные восстания, стихийные и неорганизованные, подавляемые татарами с большой жестокостью. Эта же мера способствовала и укреплению великокняжеской власти.

Говоря о «щелкановщине», К. Маркс отмечает: «С этого времени ни Узбек, ни его преемники не посылали больше полководцев в княжества [напуганные тверской резней], но ограничивались данью, которую должны были им привозить русские князья».[1]

Право (и обязанность) сбора дани со всей Руси, возложенное ханом на Ивана Калиту, в известной мере способствовало его обогащению, так как «...богатство, собранное ханским именем, заставлявшим всех трепетать, он употреблял затем на подкуп тех же татар».[2]

В этой связи стоит вопрос о взаимоотношениях Ивана Калиты и золотоордынского хана Узбека. Времена Узбека — расцвет Золотой Орды. Могущественный Узбек подчинил себе огромную территорию и правил властной рукой. Союзник Узбека, пока он находился в пределах Золотой Орды, мог быть спокоен за свою участь. Какую же позицию занял Иван Калита?

Нельзя забывать того, что Калита был обязан Узбеку получением ярлыка на великое княжение. Это возлагало на него большие обязательства по отношению к хану. Правда, своим доносом на Тверь Калита предотвратил разгром всей Руси, и в частности своего княжения, но тем не менее именно этот донос сделал его великим князем и правой рукой Узбека на Руси. Но прежде чем охарактеризовать политику Калиты в Орде, нужно остановиться на методах управления хана. Маркс по этому поводу, как мы уже видели, говорит следующее: «Татаро-монголы установили режим систематического террора, причем разорения и массовые убийства стали его постоянными институтами. Будучи непропорционально малочисленными по отношению к размаху своих завоеваний, они хотели создать вокруг себя ореол величия и путем массовых кровопролитий обессилить ту часть населения, которая могла бы поднять восстание у них в тылу».[3]

В такой обстановке Калита должен был собирать земли русские. Нужно было обмануть хана, подозрительно следившего за русскими князьями и старавшегося сохранить раздробленность, всячески поддерживавшего межкняжеские усобицы, ослаблявшие Русь и утверждавшие власть завоевателей. Естественно, Калита должен был «играть роль послушного орудия в руках хана» (Маркс), использовать его власть для покорения себе удельных князей. У Москвы в те времена еще не хватало сил на открытую борьбу с захватчиками-татарами, а отдельные выступления про-

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 148—149.

[2] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 79.

[3] Op. cit. P. 78.

тив ханской власти, разобщенные, стихийные и недостаточно подготовленные, свидетельствовали только о том, что русский народ ненавидел татаро-монгольское иго, «иссушавшее и оскорблявшее самую душу народа» (Маркс), и находил в себе силы для выступления против ханской власти.

Победить же эти восстания не могли, так как Русь была еще раздроблена, и основной задачей было объединение Руси в единое, сплоченное, централизованное государство. Только при таких условиях борьба русского народа против завоевателей и угнетателей могла увенчаться успехом.

Подчиняясь хану, наушничая на своих соперников, подкупая и обманывая, Калита не забывает своей основной задачи — укрепления Московского княжества и собирания русских земель. Играя роль союзника и слуги хана, он в то же время постепенно «...превращает хана в послушное орудие в своих руках...» и «...незаметным образом поворачивает власть татар-завоевателей на служение исключительно его собственным интересам».[1] Прекрасно понимая, что Русь еще слаба для борьбы с узурпаторами-ханами и что отдельные стихийные восстания пока могут привести лишь к разорению земли Русской и повторению времен Батыя, Калита ставит своей целью предотвратить набеги и разгромы татарами русских земель, городов и сел, обеспечить покой и «тишину велику», что ему и удается. Почти за все время его княжения на Русскую землю не было ни одного татарского набега.

Древние источники хвалят Калиту за установление «тишины»: «Преста ша поганыи воевати Русскую землю и закалати христиан, и отдохнуша и упочиноша христиане от великиа истомы и многиа тягости и насилиа татарского, и бысть оттоле тишина велика на всей земли». Калита собирал силы для грядущего боя с татарами, который выпал на долю его внука.

А пока росло население Московского княжества, росли и богатели города, распахивались новые земли, «целины», расширялись волости московские, развивались ремесла и промыслы. Русь оправлялась от татарских нашествий и крепла.

Хан не обращал внимания на усиление московского князя, считая его своим союзником. Хану и в голову не могла придти тогда мысль, что внук его «слуги» Ивана Даниловича Московского, князь Дмитрий Иванович, нанесет первое и решительное поражение ордам завоевателей и угнетателей — татарским феодалам. А пока дед будущего победителя Мамая, Иван Калита, ездил в Орду, привозил подарки хану, его женам, золотоордынским вельможам, старался добиться мирных отношений с ханом и, казалось, даже не думал о борьбе с захватчиками.

«Тишина велика» объяснялась и тем, что при Калите не было межкняжеских усобиц в пределах великого княжения. Калита держал в твердых руках князей суздальских, рязанских, тверских, ростовских. В этих княжествах идет дальнейший процесс дробления. В Твери одно за другим появляются княжества Дорогобужское, Кашинское, Холмское, Старицкое, Телятевское, Микулинское и др. Распадается на уделы Ростовское княжество, выделяя из своего состава княжества Ростовское, Ярославское, Уг-

[1] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 79.

личское, Белозерское и другие, в которых хозяйничают московские бояре, наместники Калиты. Князья галицкие, стародубские, юрьевские, белозерские, дмитровские со своими все более и более дробящимися уделами подпадают под власть Калиты и превращаются в «подручных» великого князя московского. В их землях московский князь скупает волости и села, передаваемые по наследству, собирает налоги, вербует рати.

К. Маркс отмечает: «*Иван* московский смог захватить много княжеств и получить верховную власть над остальными».[1] При этом необходимо учесть, что речь идет не о прямом захвате отдельных княжеств, а об их включении в политическую систему Московского княжества.

К. Маркс в другой работе уточняет свою мысль о взаимоотношении московского князя Ивана Даниловича с другими князьями и о росте его влияния. Он пишет про Калиту: «Он не захватывает уделов, но незаметным образом поворачивает власть татар-завоевателей на служение исключительно его собственным интересам».[2]

Калита подкупает бояр своими обещаниями земель и доходов, и они, привлеченные силой и богатством московского князя, съезжаются в Москву отовсюду: из Смоленска, Чернигова, Киева, Волыни, Твери, Ростова, Суздаля и т. д. С ними вместе приходят их многочисленные слуги и дружинники. Прослышав о богатой Москве, «выезжают» служить московскому князю феодалы из-за «рубежа» — из Литвы, Орды, «Фрязей» (Италии).

Калита скупал земли у князей, вносил за них дань хану и этим превращал их в «служебных» князей, зависимых от московского князя.

Таким путем он распространил свою власть на Углич, Галич и Белоозеро, названные им «куплями» (т. е. «присовокуплениями»); их князья оставались на своих местах, но подпадали под власть Москвы. Калита не только «присовокуплял», но и скупал села и «волости» во Владимирском, Юрьевском, Костромском, Ростовском княжествах. Калита скупал земли повсеместно, а не только в пределах своего Московского княжения, будучи уверен в том, что великое княжение достанется его сыновьям. Земли московского князя были расположены чересполосно, между ними лежали пока еще «чужие» земли. Приобретения Москвы тянулись цепочкой к северу, как бы обозначая стремление захватить богатый ценной пушниной север. Сюда же, на север, шла колонизация из Московского княжества.

Привлекаемые «тишиной», в Московское княжество переселялись крестьяне и горожане из других мест. Калита привлекает новопоселенцев льготами и освобождением от уплаты податей.

Калита выкупает в Орде русских пленных и селит их в своих землях. Эти крестьяне носили название «ордынцев». Растут княжеское дворцовое хозяйство, княжеская вотчина, состоявшая из многих волостей и слобод, населенных закабаленными людьми и холопами, которые работали в княжем дворцовом хозяйстве. Крестьяне платили различные дани, несли ряд повинностей — повозную, кормовую, мостовую, дорожную и т. д. Растет монастырское землевладение и хозяйство, особыми жалованными грамотами освобождаемое Калитой от уплаты налогов. Так,

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 149.

[2] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 79.

например, в 1338 г. по его жалованной грамоте получил ряд льгот и освободился от уплаты налогов с земли и промыслов Юрьев монастырь. Растет боярское землевладение. Когда приехал на службу в Москву со своей челядью, насчитывающей 1700 человек, знатный черниговский боярин Родион Нестерович, ему пришлось дать половину Волоколамского уезда. Увеличиваются тяготы, падающие на крестьян, усиливается эксплуатация кабальных людей, холопов, «сирот» в монастырском и боярском хозяйстве. Все это способствует обогащению феодальной верхушки и князя. Калита борется с «разбоями» — выступлениями крестьян против феодальной собственности.

Много еще остается и свободного крестьянства, сидящего на государственной, «княжой», земле, много еще не захваченных и не освоенных феодалами земель, которые считаются княжими землями. Эти земли в качестве пожалования за службу служат князю для раздачи их боярам, «слугам вольным», и «слугам дворским» — дворянам. Так, по-видимому, некоему Борису Воркову пожаловано было Калитой во владение село под Ростовом.

Расширяется московский посад, увеличивается число купцов, ремесленников, крепнут торговые связи Москвы. Калита следит за безопасностью купцов на больших торговых дорогах, способствуя этим развитию торговых сношений. Меняется облик Москвы. В 1326 г. закладывается первая каменная церковь в Москве — Успенский собор, где был погребен митрополит Петр. В 1339 г. Москва обносится новыми дубовыми стенами, «боронившими» город вплоть до возведения Дмитрием Донским каменного Кремля. Новый «град» — Кремник (Кремль) — был значительно больше старого, сгоревшего в 1337 г. Одна за другой строятся новые каменные церкви. Растет посад. Увеличивается численность посадского люда — купцов и ремесленников.

Поборы с населения, с торговых операций, присваивание татарской дани сделали московского князя самым богатым из всех русских князей. «Сумой, а не мечом он прокладывал себе дорогу», — говорит о Калите К. Маркс. Калита не воюет. Один раз только серьезно воевал московский князь — это было во время «щелкановщины». Позже он предпочитает действовать более осторожно, прибегая к подкупам и «куплям». Власть его над другими князьями была очень велика и «насилие» его над ними вынуждало княжьё отказаться от «свады и ко́торы». В подвластных ему как великому князю землях, в землях Новгорода, Ростова и других, Калита собирал большую дань: «выход» и «царев запрос», «закамскую дань» и прочие поборы. И «наста насилование многое». Но это «насилование» он обращал в орудие укрепления финансовой базы московского князя — собирателя Руси.

Политика, намеченная Калитой, стала политикой его ближайших потомков. «Они следовали ей, — указывал К. Маркс, — старательно, последовательно и неизменно».[1]

«При нем, — подчеркивает К. Маркс, — была заложена основа *могущества Москвы*».[2]

---

[1] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 81.

[2] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 149.

Калита справедливо считается «первособирателем» земли Русской, заложившим основу могущества Москвы, с течением времени сплотившей все русские земли в единое государство.

Власть и авторитет Калиты были настолько сильны, что, когда он умер (31 марта 1341 г.), никто не оспаривал претензий на великокняжеский престол его старшего сына Семена. Князья съехались в Орду, и здесь, на съезде князей, хан признал права Семена Ивановича на великое княжение и выдал ему ярлык. 1 октября 1341 г. начал княжить Семен Иванович, прозванный «Гордым».

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО В СЕРЕДИНЕ XIV В.

В своих духовных грамотах (их было две) Калита завещает сыновьям Андрею и Ивану слушаться старшего сына Семена. Каждому сыну Калита выделяет особые «уезды» (уделы) и «волости». Семену он дал Можайск и Коломну, пограничные и торговые пункты, и ряд волостей, Ивану — Звенигород и некоторые волости, Андрею — Перемышль и Серпухов с волостями. Но «численный» (тяглый) люд Москвы в раздел не пошел. Князья могли делиться между собой доходами с городов и волостей, доходами с Москвы, но податными, тяглыми людьми они ведали сообща, имея определенную долю в доходах, получаемых с тяглых людей. Княжеская власть передавалась Семену, который должен был продолжать дело Калиты. После смерти Калиты братья, кроме того, поклялись «у отня гроба» «нелюбья не держати», не ссориться и не воевать друг с другом, «жить за один», слушаться «старшего» Семена, который, в свою очередь, обязывался советоваться с братьями. Хотя в договоре братьев подчеркивается право бояр отъезжать от одного князя к другому, тем не менее в руках Семена остается руководство войском, финансами, управлением «численными людьми», которых князья не имеют права сманивать на службу. В руках Семена сосредоточивается, кроме того, половина дворцового хозяйства, дворцовых доходов и управления, так называемых «путей», как например пути сокольничий, ловчий, конюший, садовый и т. п. Своим братьям Семен обещает, что он не тронет их уделов, которые они рассматривают как свою собственность, и не будет вмешиваться в их княжое управление своим уделом.

Завещание Калиты было утверждено ханом и скреплено его печатью.

Такое сочетание укрепляющейся власти старшего брата с появлением уделов, принадлежащих другим братьям, свидетельствует о сохранении в Московском княжестве порядков, присущих периоду феодальной раздробленности. Москва собирает русские земли, но она сама — еще типичное феодальное княжество со свойственным ему стремлением к раздроблению земель. Это противоречие объясняется тем, что хотя во времена княжения Семена и Ивана еще господствовали принципы феодальной раздробленности и продолжали еще существовать уделы, но внутри удельной системы уже зарождалась, росла и крепла сильная великокняжеская власть. Процесс ее образования и укрепления не равномер-

ный и прямолинейный, а сложный, с периодами быстрого развития и наряду с ними с периодами замедления и даже отступления. Но общая тенденция духовной Калиты, несмотря на то что она делает его сыновей совладельцами Москвы, «князьями-третниками», заключается в том, чтобы подчеркнуть их единство, «одиначество» власти. Недаром в Орду едут все три сына Калиты.

Семен пользовался исключительной властью над другими князьями. Летопись сообщает, что «вси князи русскии даны ему в руце». Он именуется «князем великим всея Руси», тогда как раньше только духовный владыка именовался митрополитом «всея Руси». Со своими подчиненными князьями — вассалами — он обращался надменно и гордо, держал их в руках, требовал особых почестей даже от вольного «господина Великого Новгорода».

«Симеон был суров к остальным князьям», — подчеркивает К. Маркс.[1] За эти свои качества он получил название Гордого.

При Семене выросший и окрепший московский посад начинает приобретать уже известное политическое значение. Московский тысяцкий, княжой боярин, ведавший городскими делами и горожанами, пытается, опираясь на них, играть политическую роль. В княжение Семена Гордого московский тысяцкий, боярин Алексей Петрович Хвост, поднимает какую-то «крамолу» против князя. В чем она заключалась, неизвестно, но, судя по дальнейшим событиям, можно предположить, что популярный среди горожан, купцов и ремесленников тысяцкий попытался вмешаться в какие-то княжеские дела, рассчитывая на поддержку посада. Судя по тому что все три брата — Семен, Иван и Андрей — поклялись, что «не быть Хвосту в Москве», «крамола» была для князей опасной. Хвост был изгнан из Москвы и лишен имущества. Тем не менее в год вокняжения Ивана, преемника Семена, Хвост снова очутился тысяцким в Москве.

Объясняется эта странная незлопамятность Ивана, по-видимому, тем, что ко времени его вокняжения относятся нападение на Московское княжество враждебных соседей — князей рязанских, а вместе с этим рост недовольства некоторых мелких князей, подчиненных московскому князю, не довольных его своевластием и рассчитывающих на помощь со стороны Рязани. В такое время невыгодно было ссориться с посадом, и Хвост снова очутился в Москве.

То, что Хвост был враждебен княжатам и боярам, тяготившимся усилением власти князя и централизацией управления, и в этом отношении отчасти отражал интересы горожан, можно заключить из обстоятельств его смерти. 3 февраля 1357 г. он был убит. По Москве среди горожан распространился слух, основанный на реальных предположениях, что против Хвоста был заговор в боярской среде, жертвой которого и пал этот московский тысяцкий. Летопись не случайно сравнивает убийство боярина Хвоста с убийством Кучковичами Андрея Боголюбского, как бы подчеркивая этим сравнением реакционный характер заговора.

Ответом на убийство тысяцкого было большое народное восстание в Москве в феврале 1357 г., и «большие бояре», участники заговора, вынуждены были бежать в Рязань. Правда, вскоре часть бояр по приглашению

---

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 149.

Ивана снова вернулась в Москву. Князья, с одной стороны, рассчитывали на помощь посада, но с другой — боялись его политической роли, и чтобы впредь не повторялись события, подобные описанному, вскоре должность московского тысяцкого была ликвидирована.

События 1357 г. свидетельствовали о том, что в борьбе против удельного княжья, в борьбе за «одиначество» власти, за единую Русь с едиными порядками великий князь мог рассчитывать на поддержку горожан.

Ф. Энгельс указывает: «Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним» и далее подчеркивает, что «союз королевской власти и буржуазии» — явления, характерные не только для западноевропейского, но и для русского средневековья.[1]

Роль удельных князей в Новгороде играла боярская олигархия, противившаяся усилению великокняжеской власти. Давно прошли уже те времена, когда в борьбе с могущественным тверским князем новгородская боярская знать искала поддержки у Москвы. Теперь московский князь становился носителем централизационных тенденций, столь чуждых новгородскому боярству.

Семен княжил в Новгороде, но ему пришлось долго бороться с непокорным и своевольным новгородским боярством. И в этой борьбе Семен пользовался поддержкой простых горожан — новгородцев, «худых мужиков», «вечников». Еще в год его вокняжения, когда Семен был в Орде, новгородские ушкуйники, набиравшиеся обычно боярами из «охочих молодцов», захватили московскую волость Белозерье, появились и в Торжке. Но действия новгородских бояр, преследовавших лишь личные корыстные цели и навлекавших на Новгород гнев сильного московского князя, вызвали восстания «черных людей» в Новгороде. Новгородские «черные люди» отказались идти в поход. Восстание вспыхнуло и в Торжке, где «черные люди» вооружились, надели брони, освободили московских дружинников и сборщиков дани, разгромили боярские дворы, разнесли их дома и разделили между собой боярское имущество. После этого Семен пошел войной на новгородских бояр, заставил их принять своего наместника, унизил бояр, потребовав от них, чтобы они явились к нему босыми, и принудил Новгород заплатить дань — «черный бор». Таким образом, везде и повсеместно «собиравшие» Русь московские князья в своей борьбе за единое управление, в борьбе с носителями феодальной раздробленности — удельным княжьём и боярской олигархией — опирались на городской люд.

Семен Гордый поддерживал хорошие отношения с ханом Джанибеком и пять раз ездил в Орду с подарками, возвращаясь оттуда каждый раз, как сообщает летопись, «с великой честью и пожалованием».

В княжение Семена Москва столкнулась с сильной Литвой, к тому времени успевшей захватить множество русских княжеств на западе. Великий князь литовский подчиняет своему влиянию Тверь и пытается овладеть всей Северо-Восточной Русью. Еще в княжение Калиты, как указывает Маркс, Москва «...была свидетельницей внезапного роста могущества Литвы...»,[2] а в 1341 г. литовский князь Ольгерд явился с вой-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I. С. 445.

[2] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 79.

ском под стены Можайска, опустошил окрестности, пожег посад, но город взять не смог. Ольгерд пытался воздействовать на хана, но его попытка опереться на Орду успеха не имела: Семен сумел привлечь хана Джанибека на свою сторону. Ольгерд только отвлекал внимание Семена от новгородского рубежа со Швецией. В 1348 г. шведский король Магнус пошел крестовым походом на Новгород, но новгородцы сами поднялись «всей землей», отбили шведов, прогнали их «за море» и повоевали землю до Выборга.

В войнах на северо-западных рубежах русские рати помогали местному населению против угнетателей; так, они помогли финскому народу еми против его угнетателей шведов, стремившихся искоренить в земле еми давнее и благотворное русское влияние. Во время великого восстания эстонцев против немецких ливонских рыцарей в 1343 г., когда плохо вооруженные повстанческие отряды эстонских крестьян отступали к границам Руси, им навстречу двигались псковские рати, вступившие в область Юрьева для поддержки восставших. Но русские отряды не успели помочь эстам. Восставшие были уже разбиты к тому моменту, когда псковичи подошли под Юрьев. Остатки разбитых эстонских отрядов перешли русский рубеж у Острова и расселились по Псковской земле.

В это же время Руси пришлось пережить большое бедствие. Разразилась «черная смерть» — эпидемия чумы, охватившая вслед за Западной Европой и Русь. Чума, начавшаяся в 1352 г., свирепствовала несколько лет. В «моровое поветрие» вымерли целые города и волости, опустели некогда густонаселенные края. Вымерло немало княжеских родов. Умер в 1353 г. и сам князь Семен Иванович Гордый. Умерли также два его сына и брат Андрей.

Духовная грамота Семена Ивановича подчеркивает его верность политике Калиты. Семен требует от братьев (тогда еще жив был Андрей), чтобы они «жили заодно», не слушали «лихих людей», которые попытаются их рассорить, слушались бы «старых бояр» и митрополита Алексея. В духовной Семена подчеркнута не только старая мысль — не разделяться, жить мирно, но и указаны те силы, на которые должен опираться князь, — боярство и церковь.

Князем после смерти Семена стал его брат Иван Иванович, прозванный «Красным». В его руках сосредоточилась не только власть великого князя, но он стал хозяином и в уделах братьев. Только его племянник Владимир Андреевич получил на правах младшего князя-родственника Серпуховский удел.

Внешняя обстановка, в которой вокняжился Иван Иванович, была для него далеко не благоприятной. К тому времени относится складывание своеобразных феодальных союзов — великих княжеств Тверского, Рязанского и Нижегородского.

Каждое из них имеет свой великокняжеский стол и подчиненные ему уделы и претендует на роль собирателя русских земель.

В начале второй половины XIV столетия Тверское княжество оправляется от погрома, учиненного Иваном Калитой. Несмотря на дробление Тверской земли и формирование все новых и новых уделов, в Твери устанавливается все же довольно сильная власть великих князей тверских. Тверские князья в пределах своего княжества сохраняют прерогативу великих князей и устанавливают вассальные отношения со своими родственни-

ками — «подручниками»: князьями Холмскими, Микулинскими, Ржевскими и т. д. Установление подобных отношений сопровождалось ссорами и раздорами, результатом чего была «людем тверским тягость», причем «мнози люди тверские того ради нестроения разыдошася».

При князе Михаиле Александровиче (1366—1399 гг.) были присоединены Кашинский и Холмский уделы, и объединение тверских земель великим князем тверским было закончено.

Михаил Александрович укрепил «грады Тверские», обезопасил торговые пути, «и грабление нигдеже обряташеся».

Понятно, почему Михаил Александрович выступает противником Москвы. Тверские князья сами претендуют на первенство в «собирании Руси». Но бороться с Москвой один на один Твери было не под силу. Да и любое феодальное объединение той поры могло выступать против Москвы, только опираясь на враждебные Руси государства, и в первую очередь — на Литву или Орду. В те времена уже становилось ясным, что выступать против Москвы означало выступать против Руси, и всякий поднимавший меч на Русь имел дело с Москвой.

Вот почему, породнившись с Ольгердом, холмские и микулинские князья сближаются с Литвой и становятся проводниками ее влияния, а отношения с Москвой становятся все более и более враждебными.

В середине XIV в. усиливается и Рязанское княжество. Страшно опустошенное в годину Батыева нашествия и в последующие «пополохи» 1278, 1288, 1308 гг., непрерывно разоряемое во время бесчисленных налетов чамбулов разных татарских «царевичей» и мурз, благодаря смелости и боевому опыту рязанцев — «буйных» и «дерзких» воинов, настойчивости рязанских крестьян, упорно отвоевывавших у степняков-татар «орамую» землю и заселявших в качестве казаков, а затем землеробов Дон и Хопер, Тихую Сосну и Воронеж, — к середине XIV в. Рязанское княжество возрождается. Боевой форпост Руси на юго-востоке, на западе Рязань сдерживала натиск Литвы, упорно пробивавшейся к Оке и захватывающей русские земли. В княжение Олега Ивановича (1350—1402 гг.) происходит подчинение удельных князей пронских, козельских, елецких, муромских великому князю рязанскому, идет строительство городов, и прежде всего стольного города земли — Переяславля Рязанского. Пограничные столкновения по Оке и Упе, у Лопасны между Москвой и Рязанью не могли не способствовать усилению враждебности между двумя соседними княжествами.

Как мы уже видели, ко временам княжения Ивана Ивановича Московского относится усиление наряду с Тверским и Рязанским третьего великого княжества — Нижегородского. Нижегородский князь Константин Васильевич оказывается соперником московского Ивана и претендентом на ярлык великого князя Владимирского. Но «тягаться» с московским князем было трудно, ярлык на великое княжение Владимирское оказался в руках Ивана Ивановича, а Андрей Константинович Нижегородский признал себя «братом молодшим» московского князя Ивана.

Так росли сепаратистские стремления новых великих князей, претендовавших на главенство в собирании русских земель. В борьбе против уже существовавшей великокняжеской власти князей московских они не останавливались перед переходом на сторону врагов русского народа — Литвы и Орды. Хан разжигал их споры, так как всякое «нестроение» на Руси ему было выгодно.

Само формирование новых великих княжеств было показателем процесса роста стремлений к централизации, результатом чего и явилось сложение отдельных мелких княжеств в великие княжения, но деление их на уделы свидетельствовало о живучести старой системы феодальной раздробленности. Кроме того, надо учесть, что на Руси уже существовала сила, способная, опираясь на посад, бояр и церковь, сплотить воедино русские земли и создать единое сильное государство. Этой силой были московские князья. И именно поэтому формирование феодальных союзов — великих княжеств Рязанского и Нижегородского, стремившихся к независимости, враждебных русскому центру — Москве, боровшихся с ним и ищущих поддержку и Литвы, и Орды, следует рассматривать как фактор, тормозящий создание единого Русского государства. Князья тверские, рязанские, нижегородские ставили своей целью ликвидировать уделы внутри своих княжеств и сохранить свою независимость, князья московские стремились не только к объединению внутри Московского княжества, но и к объединению всех русских земель. На пути их к цели — созданию единого Русского государства — стояли другие великие князья.

Такова была обстановка, в которой княжил Иван Иванович. Он был безвольным, слабым, вялым правителем, ничем не замечательным. Гораздо бóльшую роль играл митрополит Алексей, вышедший из старинного московского боярского рода, отстаивавший идею единой русской православной церкви и единого государства и энергично боровшийся с попытками Литвы укрепить свое влияние на Руси через посредство западнорусского духовенства. После смерти Ивана Красного (1359 г.) Московское княжество было поделено между двумя его малолетними сыновьями — Дмитрием и Иваном (вскоре умершим) — и племянником Владимиром Андреевичем, которому достался Серпуховский удел.

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ И КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Дмитрий Иванович родился в 1349 г. Вступая на престол, он едва насчитывал десять лет от роду. Малолетством великого князя решили воспользоваться усилившиеся великие князья: тверской — Михаил Александрович и нижегородский — Дмитрий Константинович. Последнему удается в 1359 г. получить ярлык на великое княжение Владимирское. Но тут на помощь десятилетнему Дмитрию Ивановичу выступили московские бояре. Привыкшие к тому, что они служат сильнейшему на Руси московскому князю, московские бояре не хотели поступиться своим первенством. Это тем более понятно, что в Москву съезжались сильные и богатые бояре с многочисленной челядью, слугами, воинами. Московское боярство было самым многочисленным и богатым, привыкшим управлять не только в качестве слуг, но и советников своего князя. Московские бояре привыкли свысока смотреть на других бояр.

И вот теперь им предстояло играть второстепенную роль. Сильное московское боярство снести этого не могло. Все как один поднимаются бояре на защиту своего малолетнего князя и начинают «добывать» ему ярлык на великое княжение. Дмитрий с боярами поехал в Орду.

Золотая Орда этой поры была уже не той, что во времена хана Узбека. Ханская власть была ослаблена. В процессе дворцовых переворотов один хан сменял другого.

За 20 лет, с 1360 по 1380 г., в Орде сменилось 14 ханов. От Золотой Орды отделялись целые области. Образовалось особое татарское государство темника Ногая. Русь объединялась, и московские князья решительно и энергично «собирали» русские земли; Золотая Орда делилась и подразделялась, разрывалась на части, слабела в усобицах. Русь шла по пути ликвидации феодальной раздробленности; Золотая Орда только вступала в период феодального раздробления.

В начале 60-х годов Орда разделилась между двумя ханами — Абдулом, за которого правил темник Мамай, и Мюридом. Московским боярам удалось задарить Мюрида и в 1362 г. получить от него ярлык на великое княжение для Дмитрия Ивановича. Но этого было мало. Надо было изгнать нижегородского князя Дмитрия Константиновича, засевшего во Владимире. Энергичные московские бояре собирают рать и изгоняют Дмитрия Константиновича из Владимира. Через год, в 1363 г., во Владимир к Дмитрию Ивановичу приезжает гонец уже от Абдула и привозит

ярлык. Гонец был принят с честью, одарен и вернулся обратно. Тогда обиженный Мюрид через князя Ивана Белозерского присылает ярлык на великое княжение противнику московского князя, и нижегородский Дмитрий выбивает московского Дмитрия из Владимира. Торжество его было кратковременным. Он продержался в городе лишь двенадцать дней, был разбит московской ратью и вынужден был признать «волю» Дмитрия Ивановича.

Поднявшие было голову, пользуясь междоусобицей, князья ростовские, стародубские и галицкие были подчинены Дмитрию Ивановичу и «сведены» в Москву. Потерпев поражение, Дмитрий Константинович признал себя подчиненным, просил у Дмитрия Ивановича помощи против брата Бориса и выдал замуж за Дмитрия свою дочь. Дмитрий Иванович не замедлил вмешаться в дела Нижегородского княжества, где разгорелась борьба между братьями. И тут на помощь московскому князю выступила церковь. Митрополит «всея Руси» Алексей посылает Сергия Радонежского в Нижний Новгород к Борису Константиновичу, призывая последнего в Москву. Когда тот отказался, Сергий, действуя от имени митрополита, закрыл все церкви в Нижнем Новгороде. Вдобавок к этому растерявшийся Борис через некоторое время столкнулся с быстро подошедшей к Нижнему московской ратью. Пришлось смириться и ехать на поклон к Дмитрию Ивановичу.

Чувствуя свою силу, Дмитрий Иванович подчиняет себе князей, «привожаше их под свою волю», пытается также, воспользовавшись борьбой между тверскими князьями, подчинить себе и сильнейшего тверского князя (из рода Микулинских князей) — Михаила Александровича. Тот поспешил за помощью к своему зятю, литовскому князю Ольгерду.

В княжение Ольгерда Литва стремительно расширяла свои границы на востоке. При Ольгерде «повоевали литовци» Киев, Чернигов, Брянск, Новгород-Северск, Смоленские земли, и литовские рати подошли к московским рубежам. Началась «литовщина».

Опасаясь угрозы нашествия, Дмитрий Иванович приказывает строить «без престани» «град Москву камен». В короткий срок город был обнесен мощными высокими каменными стенами с башнями и бойницами, с железными воротами. Москва 60-х годов XIV в. — уже большой город с многотысячным ремесленным и торговым населением, многочисленным боярством, духовенством и всякого рода челядью и слугами. В городе высились уже первые каменные здания. Шумел «торг». Съезжались, сходились разные люди — по торговым, дипломатическим, воинским делам, по делам «службы» князю. Москва насчитывала не один десяток тысяч населения.

Москвичам было что защищать. С постройкой в 1367 г. каменного Кремля им стало и чем защищать.

Приготовления Дмитрия Ивановича были очень своевременны. В 1368 г. Ольгерд внезапно нападает на Москву. Огромная литовская рать во главе с Ольгердом, его братом Кейстутом, молодым Витовтом Кейстутовичем и тверским князем Михаилом Александровичем вступает в московские владения. Дмитрий Иванович не успел собрать войска и выслал только сторожевой полк под командованием воевод Дмитрия Минина и Акинфа Шубы. 21 ноября 1368 г. на реке Тросне многочисленные отряды литовских князей разбили маленький московский сторожевой

полк. Дмитрий с Владимиром Андреевичем Серпуховским и боярами укрылся за стенами нового каменного Кремля. Каменные стены оказались надежными. Ольгерд сжег и опустошил окрестности, увел массу жителей в плен, но взять город не смог.

Тем не менее Дмитрию пришлось пойти на уступки Михаилу Александровичу Тверскому. Но на этом борьба с Тверью не кончается. Тверской князь, ставший проводником литовского влияния и постоянно прибегавший к помощи Ольгерда, в представлении московского князя, естественно, стал врагом Руси вообще.

Новгород, среди боярской верхушки которого уже тоже сложилась «литовская партия», в данный момент не был опасен. Благодаря стараниям московского боярства и митрополита Алексея Новгород признал власть Дмитрия Ивановича и заключил с ним союз против немцев, Литвы и Твери. Таким образом, только Тверь как союзник Литвы на данном этапе представляла собой опасность.

Оправившийся от войны с Ольгердом Дмитрий идет на Смоленск и Брянск, отомстив смоленским и брянским князьям за помощь, оказанную ими Ольгерду.

В августе 1370 г. Дмитрий объявляет войну Твери. Михаил Александрович бежал в Литву, а московские войска опустошили Тверскую землю, разгромили Микулинское княжество, вотчину Михаила. Занятый борьбой с немецкими рыцарями, Ольгерд не мог ему помочь. Тогда у Михаила появляется мысль использовать для борьбы с Москвой Орду. Он готовится к поездке в Орду, но Дмитрий сумел его предупредить. Михаилу стало известно, что повсюду на пути из Твери в Орду расставлены люди Дмитрия, готовые его схватить. Пришлось неудачливому тверскому князю снова обратиться к помощи Ольгерда.

На этот раз Ольгерд вышел в поход вместе с Кейстутом, Михаилом и Святославом Смоленским. Литовско-русские войска осадили Волоколамск, но неудачно, а 6 декабря 1370 г. литовцы подошли к Москве, за стенами которой снова укрылся Дмитрий. Но на этот раз московские князья действовали энергичнее. Владимир Андреевич Серпуховский стоял с большой ратью в Перемышле, готовясь в поход на литовцев. К нему пришли союзные войска князя Пронского и Олега Ивановича Рязанского. Ольгерд, видя, как неблагоприятно для него складываются обстоятельства, запросил мира, но несговорчивым на этот раз оказался Дмитрий. Он соглашается лишь на перемирие до Петрова дня (29 июня по старому стилю). Ольгерд повернул назад, осторожно двигаясь среди враждебного ему русского населения и ожидая погони. Примирился с Дмитрием и Михаил, но ненадолго. Уже в 1371 г. он осуществляет свой план — едет в Орду и получает наконец от хана Мамая ярлык на великое княжение. С ним приехал и ханский посол Сырохожа. Но владимирцы не пустили в свою землю Михаила. Тогда Михаил начал «воевать» московские земли. Дмитрий, воспользовавшись этим обстоятельством, пригласил к себе ханского посла Сырохожу, одарил его и привлек на свою сторону. Обнадеженный Сырохожею Дмитрий поехал в Орду, задобрил богатыми подарками Мамая и его жен, а также татарских темников и получил ярлык на великое княжение. В Орде в то время был молодой тверской князь Иван Михайлович, задолжавший хану 10 тысяч рублей, которые был не в состоянии уплатить. Дмитрий выплачивает хану за него эти деньги, а Ивана захва-

тывает с собой в качестве заложника. Уже один этот факт говорит о том, что борьба Михаила с Дмитрием была неравной. Дмитрий легко уплатил ту сумму, которую никак не мог внести тверской князь. Дмитрий был богаче тверского князя, и если бы не Ольгерд, последний давно вынужден был бы смириться. Казалось, наступил момент, когда Дмитрий сможет разделаться со своим врагом, но в это время вспыхивает война с Олегом Ивановичем Рязанским.

Мы не знаем, какие обстоятельства привели к ссоре недавних союзников — Олега Рязанского и Дмитрия, но уже в декабре 1371 г. московские войска под командованием Дмитрия Михайловича Волынца идут на Рязань. Рязанцы, опытные воины, с детства привыкшие к стычкам с татарами, похвалялись, что они без оружия победят москвичей и веревками перевяжут их. У Скорнищева встретились рязанские и московские войска. Рязанцы были разбиты. Князь Олег Иванович спасся бегством с небольшой дружиной. Этим воспользовался другой рязанский князь, Владимир Пронский, союзник Дмитрия Ивановича, и на некоторое время захватил Рязань.

Война с Рязанью ненадолго отвлекла Дмитрия от основной его задачи — борьбы с Михаилом Тверским. Последний снова «наводит» литовцев на русскую землю. Снова войска Кейстута, Витовта и Андрея Ольгердовича воюют в русской земле, опустошают волости, сжигают города Кистму, Дмитров, Переяславль, Кашин, князь которого, Василий, попытался перейти на сторону Дмитрия Ивановича.

Новгородцы не признали Михаила, потерявшего ярлык на великое княжение, своим князем, изгнали из Торжка его наместников, но за это он взял Торжок и разгромил новгородскую рать. Весной 1372 г. на помощь своему родственнику Михаилу снова приходит Ольгерд «со многою силою». На этот раз Дмитрий подготовился и в июле 1372 г. у Любутска разбил сторожевой полк литовцев. Ольгерд вынужден был просить мира. Дмитрий согласился лишь на короткое перемирие, до 26 октября, причем литовский князь обещал отныне не вмешиваться в дела Твери и не защищать тверского князя.

Оставленный своим союзником, Михаил теперь был беспомощен. Правда, он не сдавался. В Москве нашлись два человека, которые из личных целей попытались помочь Михаилу. Это был Иван Васильевич Вельяминов, который рассчитывал унаследовать отцовскую должность московского тысяцкого (ее упразднил Дмитрий), и крупный купец, торговавший с генуэзской колонией в Крыму — Судаком, или Сурожем, Некомат Сурожанин.

Они сговорились с Михаилом. Некомат поехал в Орду и привез Михаилу ярлык на великое княжение Владимирское. Тверской князь попрежнему рассчитывал на поддержку Ольгерда и Орды и поэтому решился снова на войну с Дмитрием. Но на этот раз последнему помогли не только подручные князья, но и другие князья (Смоленский, Брянский, Новосильский и Оболенский), недовольные тем, что Михаил «наводил Литву» на их земли. Тверская рать была разбита, и в 1375 г. Михаил вынужден был смириться и признать себя «братом молодшим» московского великого князя, став к нему в такие же отношения, как Владимир Андреевич Серпуховский. Он обязался «не искать» ни Москвы, ни Новгорода, ни великого княжества Владимирского, воевать вместе с московским кня-

зем против татар и других «ворогов» Руси, отказался от власти над кашинским князем, от союза с Литвой и т. д.

Так закончилась длительная борьба Москвы с Тверью. Тверское княжество не было ликвидировано, но признало себя вассалом Москвы. Присмирел и рязанский князь Олег Иванович, который еще в 1371 г. признал главенство Дмитрия Ивановича. Обстановка на западе стала более благоприятной для московского князя. Кроме того, усобицы в самой Литве скоро привели к тому, что двое литовских князей — Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, один князь Полоцкий, другой — Брянский, — «отъехали» в Москву и стали служить Дмитрию. У Москвы хватило сил не только отбить нападение Литвы, но и обезвредить ее главного сторонника на Руси — тверского князя, подчинить его себе и даже превратить двух Ольгердовичей в подручных князей. Но зато сгущались тучи на востоке.

В противоположность Калите Дмитрий с детства привык к войнам. Многочисленные рати подручных князей, поддержка со стороны бояр, посада и церкви давали ему возможность действовать решительно, не только сумой, к которой все же прибегал и он, но и мечом. Выросшее и окрепшее Московское княжество решилось на открытое неповиновение хану — Дмитрий, как мы видели, не раз выступал против ханских ставленников на великое княжение. Отношения с Ордой все больше и больше осложнялись. К тому же в Орде непрерывно шли смуты. Один хан свергал другого и, сев на престол, требовал подарков и дани. Отдельные татарские ханы, «царевичи», темники и мурзы усиливались, не признавали власти хана Золотой Орды и организовывали самостоятельные налеты на русскую землю.

Татаро-монгольское иго становилось невыносимым, анархия в Орде усугубляла его тяжесть. Кроме того, Москва была уже настолько сильна, что могла попробовать силу своего оружия и потягаться со считавшимися непобедимыми татарами.

В 1376 г., по окончании борьбы с Литвой и Тверью, Дмитрий посылает воеводу Дмитрия Михайловича Волынца вместе с двумя молодыми нижегородскими князьями Василием и Иваном войной на камских болгар. Русские войска осадили Казань.[1] Казанцы отстреливались, применяя при этом наряду с луком и самострелами огнестрельное оружие, впервые появившееся в то время в Восточной Европе. У русских оно тоже вскоре появилось. Тогда еще не было ручного огнестрельного оружия, и «огненный бой» применялся главным образом осажденными. Казань была взята, причем казанские князья Асан и Магомет-Солтан вынуждены были заплатить дань и принять в город княжеских даньщиков и таможенников.

В 1377 г. на реке Суре появился новый хан Арапша, пришедший из-за Яика (реки Урала). Большое русское войско во главе с московской ратью вышло ему навстречу. Но, получив ложную весть о том, что Арапша на Донце, князья и воеводы не приняли никаких мер предосторожности. Стояла сильная июльская жара. Князья, воеводы и простые ратники сбросили с себя доспехи, положили их вместе с оружием на телеги, шли и ехали в одних рубашках, часто пьянствовали в пути. Между тем тайно, пользуясь проводниками-мордвинами, подошел Арапша и 2 августа 1377 г. на реке Пьяне разбил наголову беспечное русское войско. Остатки

[1] Казань основана в конце XIII в. Вначале она находилась в 50 км от современного ее местоположения, но в конце XIV в. город был перенесен к устью реки Казанки.

русских ратей спаслись бегством. Татары и мордва опустошили Нижегородскую и Рязанскую земли. В ответ на это зимой, в страшные морозы московские войска под начальством воеводы Свибла, в союзе с нижегородцами ворвались в Мордовскую землю и «сотворили ее пусту».

Летом следующего года на ставших непокорными русских двинулся посланный Мамаем мурза Бегич. 11 августа 1378 г. на берегу реки Вожи сошлись русские рати и татарская конница. Татары переправились через реку и с криком помчались на русских. В свою очередь русские ударили по татарам: с одной стороны двинулись войска Даниила Пронского, с другой — московского окольничего Тимофея, а «в челе» шел великий князь Дмитрий Иванович. Татары не выдержали натиска русских, дрогнули и побежали. Туман не дал возможности русским преследовать татар, но к утру им все же удалось овладеть обозом неприятеля. Рассвирепевший Мамай ответил на поражение при Воже нападением на земли не ожидавшего активных действий со стороны татар Олега Ивановича Рязанского.

Битва на Воже была переломным моментом в истории взаимоотношений Орды и Руси. Русские воспрянули духом, убедились в своей силе, в способности Руси один на один биться со «злым татарином». К. Маркс отмечает, говоря о битве на реке Воже: «*Дмитрий Донской* совершенно *разбил монголов* на реке *Воже (в Рязанской области). Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими*».[1]

После сражения при Воже нечего было и думать о мире с татарами. Надо было готовиться к новой войне. Бой на реке Пьяне показал, что нельзя быть самонадеянными и преуменьшать силу татар; бой на реке Воже, в свою очередь, убедил русских в том, что татары отнюдь не непобедимы. Мамай, ранее правивший от имени хана, после смерти хана Магомета стал самостоятельным правителем Золотой Орды и решил восстановить былое подчинение «русского улуса» Орде. Для этого надо было повторить Батыево нашествие.

И всем казалось, что так и будет. Мамай рассвирепел. Он говорил татарским царевичам и мурзам: «Казните рабов строптивых! Да будут пеплом грады их, веси и церкви христианские! Обогатимся русским золотом!» Сказание о Мамаевом побоище так передает угрозы разъяренного Мамая: «Поидем на Руского князя и на всю силу Рускую, яко же при Батыи было; христианство потеряем, и церкви божиа попалим, и кровь их прольем, и законы их погубим».

Но Русь была не той, что во времена Батыя, — окрепло сильное Московское великое княжение, ядро складывавшегося Русского государства. Орда же слабела и рассыпалась. Недаром, когда Мамай готовил поход на Русь, его советники указывали на оскудение и ослабление Орды и предлагали ему нанять генуэзцев («фрязей»), греков и ясов. Мамай вынужден был послушаться совета. В его войске были «бесермены и армены и фрязи, черкасы и ясы и буртасы». Летом 1380 г. он переправился с огромным войском в 200 тысяч человек через Волгу и начал кочевать у устьев реки Воронеж. Узнав о выступлении Мамая, литовский князь Ягайло Ольгердович немедленно заключил с ним союз и обещал к 1 сентября соединиться с татарами и вместе идти на Москву.

---

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 151.

План союзников, Ягайло и Мамая, заключался в разгроме и разделе Руси, в ликвидации ее самостоятельности и порабощении русского народа. Заключение союза между двумя злейшими врагами Руси заставило Дмитрия энергично взяться за формирование войска. Дмитрий созывает рати подручных и союзных князей, ополчения с городов и волостей, которые поднялись на защиту своей родины. Пришли воины из далекого Устюга, из тверских земель — Кашина и Холма, из Пскова и Смоленска, Брянска и Торуссы. Правда, на призыв Дмитрия откликнулись не все области. Самостоятельность отдельных княжеств привела к тому, что боявшиеся татар и недовольные великокняжеской политикой Дмитрия Ивановича князья нижегородские и рязанские не захотели принять участия в обороне русской земли от татар.

Опасаясь за свою Рязанскую землю, пограничную с татарской степью и подвергавшуюся ударам со стороны татар в первую очередь, Олег Иванович Рязанский заключил союз с Мамаем и Ягайло, рассчитывая при их помощи получить часть Московского княжества. Олег Иванович решил действовать так, чтобы выиграть при любом исходе столкновения. Заключив союз с Мамаем, он одновременно шлет гонца к Дмитрию и в своем обращении к нему пишет: «Мамай со всем царством идет в землю рязанскую против меня и тебя. Ягайло также; но еще рука наша высока; бодрствуй и мужайся».

В случае победы Мамая рязанский князь рассчитывал приобрести часть московских земель, в случае же успеха Дмитрия Олег снова притязал бы на пожалования, так как первый предупредил и ободрил Дмитрия.

Олег обратился с письмом и к Мамаю. Хану рязанский князь писал: «Я услышал, господин, что ты хочешь идти и грозишься на твоего служебника Димитрия, князя Московского; теперь, всесветлый царь, приспело время злата и многих богатств. Князь Димитрий, как только услышит имя ярости твоей, убежит в далекие места, или в Великий Новгород или на Двину, а богатство московское будет в руке у тебя; а меня, Олега Рязанского, раба твоего, сподоби своей милости».

Но Олег Иванович ошибся. Дмитрий Иванович никуда не бежал. Наоборот, в Москву съезжались «подручные» князья, сходились дружины, проходили, направляясь к Коломне, рати простых людей.

Нелегко было московскому князю справиться с «нестроением» на Руси в годину грозной опасности. Тем не менее Дмитрию удалось собрать со своего княжества и с княжеств подручных удельных князей огромную по тем временам стотысячную рать. Дмитрий Иванович приказал всему войску сойтись в Коломну к 15 августа. К назначенному сроку сюда явились кроме московских войск муромское, владимирское, переяславское, костромское, ростовское, ярославское, белозерское и другие ополчения («полки»).

Поднялась Русь. Вековечная, жгучая ненависть к угнетателям и грабителям, татарским ханам и мурзам, к «татарскому чудищу» вылилась наружу. На смертный, страшный бой шли русские люди, шли биться за землю родную, кровью и потом политую, за свои луга широкие, леса дремучие, за дома и нивы, за свою свободу и честь. Шли из Каргополя и Белоозера, с Устюжны и Ростова, Ярославля и Ельца, шли со всех концов необъятного русского северо-востока.

Шли князья со своими дружинниками, испытанными в боях воинами. Грозно сверкали под лучами летнего солнца длинные русские мечи, широкие наконечники копий, кривые сабли, окованные серебром луки и колчаны, полные смертоносных стрел. На ремнях висели тяжелые булавы и шестоперы. У некоторых за плечами висели самострелы. Большинство русских дружинников ехало на конях.

Но не только княжеские дружины шли на зов Дмитрия к Коломне. Главную массу русских войск составляла «посоха» — народные ополчения, набиравшиеся из крестьян и «черных людей» городов. Эта народная рать должна была решить исход грядущей битвы. Ополченцы, набираемые с «сохи», были вооружены топорами, рогатинами, ослопами (дубинами), кистенями. Вместо кольчуг, шлемов, щитов и лат от вражеского оружия их защищали рубахи и тулупы со вшитыми в них кусками железа и меди, кольчуги из веревок и «дощатые брони».

Недостаток оружия восполнялся стойкостью и мужеством русских воинов, не раз обращавших в бегство отборные войска врага.

Подъем и воодушевление царили в русском войске.

Старинное сказание о Куликовской битве — «Задонщина» говорит: «Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земле Русской. Трубы трубят в Коломне, в бубны бьют в Серпухове, стоят стязи у Дону у великого на брези. Звонят колоколы вечные в великом Новгороде».

По городам и селам ездили бирючи-глашатаи и на площадях у церквей зычным голосом читали грамоты князя Дмитрия Ивановича о войне с Золотой Ордой.

И по дальним «весям» и «градам», среди лесов и болот собирались ратные силы. Шли простые люди, шли защищать землю Русскую от «ворога» так же героически, как героически «боронили» ее от врагов их деды и прадеды. Источники упоминают среди участников Куликовской битвы Юрку Сапожника, Васюка Сухоборца, Гридю Хрульца, Сеньку Быкова — все простых ремесленных людей.

Русь готовилась к бою.

Дмитрий Иванович прежде всего собрал сведения о врагах. С этой целью далеко в степь, на юг, к Тихой Сосне им были высланы «сторóжи» — разведка во главе с «крепкими дружинниками» Родионом Ржевским, Андреем Волосатым и Василием Тупиком. Когда долгое время от них не поступало вестей, он выслал «вторую сторóжу»: Климента Полянина, Григория Судака и Ивана Святослава. «Вторая сторóжа» встретила Василия Тупика, везшего пленного «языка».

Из показаний пленного татарина стало известно, что Мамай не спешит, поджидает осени, когда к нему присоединятся литовцы Ягайло, так как без них напасть на Москву он не решается.

Разведка сделала свое дело. Мамай не был осведомлен о планах Дмитрия, тогда как тот хорошо знал о том, что затевают его враги. Надо было принимать меры и готовить план военных действий.

В Москве на совещании князей и воевод было решено предупредить соединение войск литовского князя Ягайло с ордами Мамая, бить врага поодиночке, использовать момент внезапности, взять инициативу в свои руки и спасти землю Русскую от разорения, связанного с военными действиями. Для осуществления этого плана необходимо было, не мешкая, выступить навстречу татарам.

Готовясь к выступлению, Дмитрий Иванович устроил в Коломне смотр своему войску. Ратная сила земли Русской была велика и грозна. Стотысячное войско готовилось идти на врага.

Мамай, услышав о грозных приготовлениях русских, послал гонцов в Коломну с требованием уплатить огромную дань, как платили во времена ханов Узбека и Джанибека, предлагая мир в случае согласия Дмитрия на эти условия. Но Дмитрий отказался.

Последний совет в Коломне, на котором ратовали за скорые и решительные действия Тимофей и Николай Васильевичи Вельяминовы, Тимофей Валуевич, Иван Родионович и Андрей Сернизович, и вот 26 августа 1380 г. русские отряды вышли из Коломны и двинулись к Оке.

Выстроились в боевой порядок. Впереди шел сторожевой «полк», за ним остальные «полки» и обоз.

Впереди своих войск Дмитрий Иванович выслал конные разведывательные отряды, «крепкую сторóжу». В качестве проводников было взято десять купцов-сурожан, хорошо знавших пути через татарские земли и кочевья.

У впадения реки Лопасны в Оку войско остановилось на однодневный отдых. Сюда подошла на соединение с вышедшим ранее войском московская пешая рать воеводы Вельяминова. Через день конные дружины перешли Оку и двинулись дальше, послав вперед разведывательный отряд под командованием Семена Мелика. Пешая рать Вельяминова задержалась на некоторое время, охраняя переправу и поджидая отставших. Вскоре присоединились к Дмитрию Ивановичу отряды князей литовских Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, служивших московскому князю.

5 сентября у устья Непрядвы первые отряды русских конных ратей вышли к Дону.

Из сообщений разведчиков, «сторóжи», Петра Горского и Карпа Александровича Дмитрий узнал, что Мамай долго стоял у Кузьминой гати и не торопился, поджидая рати Олега и Ягайло. Надо было решать вопрос о том, где и когда дать бой Мамаю, который, прослышав о движении русских, поспешил к Дону.

7 сентября Дмитрий Иванович собрал совет.

Здесь, у Дона, Дмитрий и его воеводы стали решать вопрос — переправиться ли на тот берег и напасть на татар, оставив позади себя Дон и Непрядву, которые в случае неудачи русских отрежут им путь к отступлению, или же остаться на этой стороне реки, что казалось безопасней, так как путь к отступлению не был отрезан. Часть воевод считала, что нужно остановить выбор на втором плане, так как врагов множество — и татары, и литовцы, и рязанцы. «Если оставим за собой реку, трудно будет действовать, мы же должны удержать себе путь назад», — советовали они.

Но более опытные и решительные воеводы резко выступили против трусов и маловеров. Они говорили Дмитрию: «Если хочешь крепкого бою, вели сегодня же перевозиться, чтобы ни у кого не было мысли назад ворочаться; пусть всякий без хитрости бьется, пусть не думает о спасении, а с часу на час себе смерти ждет; а что, говорят, у них силы велики, то что на это смотреть...».

Дмитрий Иванович не колебался. Не затем он клич бросил по земле Русской, не затем повел сюда рати свои, чтобы, не вступая еще в бой, готовить путь к отступлению. Он хорошо знал, что, провожая с ним в дале-

кий поход своих отцов и сыновей, братьев и внуков, русские люди не плакали, не жаловались, так как знали, что речь идет о жизни или смерти, о жизни и смерти их самих, о существовании Руси.

Не плакали о воинах князя Дмитрия в их домах потому, что они «пошли с великим князем за всю землю Русьскую на острая копиа». «И како» мог он «терпети и видети побеждаемых» этих воинов, веривших в него, знавших на что и во имя чего они идут, их воевод, князей?

Вот почему на совете у Дона Дмитрий Иванович выступил с речью. Он говорил, что не затем пришел сюда, чтобы на Олега и Ягайло смотреть или охранять реку Дон, но чтобы Русскую землю от плена и разорения избавить или голову свою за Русь положить. Честная смерть лучше позорной жизни. Лучше было не выступать совсем против татар, чем, выступив и ничего не сделав, вернуться назад.

Он приказал немедленно перейти Дон, дать бой и там, за Доном, либо победить и весь русский народ от гибели сохранить, либо сложить свои головы за родину.

Славный русский полководец и патриот Дмитрий Иванович призывал к решительности, инициативе и смело смотрел правде в глаза. Действительно, битва предстояла не на жизнь, а на смерть. Но не об отступлении надо было думать, а о спасении родины ценою даже своих жизней.

Настаивая на решительных действиях, Дмитрий руководствовался не только велениями сердца.

По ту сторону неширокого Дона лежало обширное, холмистое, перерезанное оврагами и реками с крутыми и обрывистыми берегами (Непрядвой, впадающей в Дон, Смолкой, Курцей и Нижним Дубяком) Куликово поле. Посередине поля тянулось болото. Удобство выбранной Дмитрием позиции заключалось в том, что сравнительно небольшое Куликово поле не давало возможности татарам применить свою обычную тактику обхода с флангов массами конницы: этому препятствовали реки и лески. Татары должны были применить непривычную для них атаку с фронта, что ставило русских в выгодные условия. План Дмитрия был хорошо продуман, верен и последователен — не допускать соединения вражеских сил и напасть внезапно.

Князья, бояре, воеводы с вниманием слушали Дмитрия, и большинство согласилось с ним.

Был отдан приказ наводить мосты и искать броды, и в ночь с 7 на 8 сентября, пользуясь мглой и туманом, русские переправились через Дон. Лишь только началась переправа, прискакал Семен Мелик и сообщил, что «сторóжа» уже имела стычки с татарским авангардом и что Мамай, желая помешать переправе русских войск, быстро приближается к Дону.

Сведения были верны: в момент переправы русских через Дон Мамай остановился всего лишь в 7—8 верстах от Куликова поля. Туманной утренней зарей 8 сентября, когда сплошная серая мгла клубилась по оврагам, лесам и низинам Куликова поля, русское войско стало выстраиваться в боевой порядок. «Полк правой руки» под командованием воеводы Микулы Васильевича и князей Андрея Ольгердовича и Семена Ивановича занял правый фланг и подошел к овражистым, лесистым берегам Нижнего Дубяка. «Полк левой руки» князей белозерских занял боевые позиции у реки Смолки. Впереди был расположен «передовой полк» Дмитрия и

Владимира Всеволодовичей, в состав которого вошли московская пешая рать Вельяминова и «сторóжа» Семена Мелика. «Передовой полк» почти целиком состоял из пехоты.

За «передовым полком» стоял «большой полк» под командованием самого Дмитрия Ивановича и московского воеводы Тимофея Васильевича Вельяминова. Еще дальше в глубине фронта расположились резервы во главе с Дмитрием Ольгердовичем. В тылу, слева, спрятанный в Зеленой Дубраве расположился «западный полк» Владимира Андреевича Серпуховского и боярина Дмитрия Михайловича Боброка-Волынца. Весь фронт русских войск протянулся не более чем на 5 верст.

Такое расположение русского войска делало честь военному таланту Дмитрия Ивановича. Действительно, когда грянула битва, татары не только не смогли обхватить с флангов русское воинство, что было для них выгодно вследствие численного перевеса, но не могли ни продвигаться вперед, ни маневрировать, «ибо несть места, где им расступитися». Кроме того, «западный полк», служа общим резервом, вместе с тем прикрывал переправы через Дон.

Дмитрий прекрасно понимал, что всей тяжестью своего удара татары обрушатся на левый фланг, с тем чтобы отрезать русских от переправы и, перейдя Непрядву, прижать их к Дону в том месте, где не было переправ и где берега Дона были заболочены. Расположив свое войско в боевом порядке, Дмитрий объехал ряды воинов, подбодряя их и вселяя в их сердца мужество и уверенность.

Затем князь переоделся в доспехи своего любимого боярина Михаила Бренка, который взял его стяг, а сам Дмитрий надел простой плащ, сел на чужого коня и отправился в «передовой полк». Князь не щадил своей жизни — его пример вдохновлял воинов.

В двенадцатом часу дня показались передовые отряды татар и вскоре начали сходиться с русскими. В центре татарского войска шла наемная пехота, набранная из осетин, генуэзцев, черкесов. Она была одета в темные кафтаны, черные шлемы и вооружена длинными копьями. Копья свои они клали на плечо идущих впереди, поскольку у задних воинов копья были длиннее, чем у передних. По бокам сплошной лавиной спускалась с Красного Холма подвижная татарская конница, вооруженная кривыми саблями, луками и стрелами.

Татары были в темных одеждах, в шлемах и панцирях из кожи, с железными чешуйками. Лихие наездники и искусные стрелки из лука, умевшие метко стрелять на всем скаку, они были опасными противниками. В бою они строились в несколько отрядов — авангард, главные силы и фланги, но часто татарская лава полумесяцем охватывала врага.

Сплошной лес копий двигался на русских, тяжелая поступь воинов и топот копыт лошадей слились в один сплошной зловещий гул. Шла сила страшная, могучая, но ей противостояла неодолимая великая русская рать.

Подойдя на расстояние полета стрелы, татары остановились.

Дмитрий вернулся в «большой полк», чтобы возглавить основные ратные силы. Начались стычки. По обычаю, русский богатырь Пересвет вызвал на единоборство татарского богатыря Темир-Мурзу. Богатыри пустили коней вскачь навстречу друг другу. От страшного удара кони присели, оба богатыря были убиты.

Столкновение богатырей послужило сигналом к началу битвы. Раздались звуки труб, крики, конский топот, загремело, зазвенело оружие, засвистели стрелы, раздался боевой клич.

Мамаевы орды ударили на «передовой полк». Мужественно рубилась с татарами русская пешая рать, но татары подавляли численностью, и вскоре «передовой полк» был почти весь изрублен. Смертью храбрых пали славные русские воины. Вслед за тем татары обрушились на «большой полк», врезались в его середину и разбили московскую дружину. Началась страшная сеча. Теснота была такая, что многие задыхались, убитые не падали. Немало воинов погибло под копытами лошадей. Бились грудь с грудью. Звон и лязг оружия, крики и стоны раненых и умирающих, храп лошадей — все это смешалось в страшный гул.

«Звенят доспехи злаченные, стучат щиты червленые. Гремят мечи булатные, блистают сабли острые около голов молодецких. Льется кровь богатырская по седлам кованым и катятся шеломы позлащенные коням под копыта», — так описывает сражение «Сказание о Мамаевом побоище».

Прорвав центр, татары пробились к великокняжескому стягу и изрубили его. Боярин Бренк был убит. Но вскоре владимирские, суздальские и брянские дружины под командованием Тимофея Вельяминова и Глеба Брянского, вступив в бой, потеснили татар и восстановили положение. «Большой полк» выдержал натиск врага.

Тогда татары лавиной устремились на левый фланг. «Полк левой руки» был разбит и начал отход к Непрядве. Прорвав линию русских войск к трем часам пополудни, татары вышли в тыл «большого полка». Правый фланг помочь не мог; хотя здесь русские стояли крепко, но командовавший «полком правой руки» Андрей Ольгердович не решался двинуться вперед, опасаясь, что центр, «большой полк», будет смят и тогда он окажется в западне. Между тем татары продолжали теснить русских. Победный вой и свист раздался уже по полю.

Давно уже порывался вылететь из Зеленой Дубравы «западной полк», но опытный полководец Дмитрий Боброк-Волынец сдерживал горячих. «Не время еще», — говорил он.

Но вот подул встречный ветер; увлеченные кажущейся победой татары не видели ничего, ничего не ожидали. «Пора!» — скомандовал Дмитрий Боброк-Волынец. И свежий «западной полк» вылетел на поле брани. Неожиданный удар заставил татар дрогнуть и пуститься в бегство. Воспользовавшись этим, русские воины «большого полка» перешли в наступление. Татары не выдержали нового удара и побежали. Мамай, наблюдавший за ходом битвы с Красного Холма, бежал, оставив русским свой богатый шатер и драгоценности. Русские воины преследовали татар 30 верст, до реки Красивой Мечи. Только к вечеру начали возвращаться на Куликово поле разгоряченные погоней русские воины... Татары были наголову разбиты.

К. Маркс отмечает, что «*битва* на широком *Куликовом поле*» это — «полная победа Дмитрия».[1]

Кончилась Куликовская битва. На закате солнца Владимир Андреевич Серпуховский, став под стягом великого князя, приказал трубить сбор.

---

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 151.

Измученные, окровавленные, в измятых доспехах собирались у стяга уцелевшие в битве славные богатыри земли Русской. Клич победы раздавался на Куликовом поле. Под радостные возгласы победители провозгласили тут же, на поле боя, Владимира Андреевича Серпуховского «Хоробрым».

Владимир Андреевич приказал искать Дмитрия Ивановича. Стали опрашивать — видел ли кто князя Дмитрия? Одни воины отвечали, что видели его, сражающимся с четырьмя татарами. Другие сообщали, что видели его, «едва идуща», всего израненного. Но все знали, что он «преже всех стал на бой, на первом сступе, и в лице с татары много бился». Долгое время нигде не могли отыскать князя. Наконец Дмитрий был найден. Князь лежал без памяти под срубленным деревом в измятых и изрубленных доспехах. Храбро рубился князь Дмитрий, но одолела его «татарская сила», и лишь прекрасные доспехи спасли его от верной смерти. Как простой воин бился мужественный князь. Придя в себя, Дмитрий объехал поле сражения и приказал подсчитать потери.

Больше 60 тысяч русских воинов легло на поле битвы.

Татар полегло еще больше. Огромных потерь стоила Русской земле Куликовская битва: не стало, как говорит летопись, «ни воевод, ни ратных людей». Но тем не менее значение ее огромно; она была первым ударом, и ударом страшной силы, нанесенным ненавистной Орде, началом всенародной борьбы против татарского ига. Воспрянул духом русский народ, окрепли патриотические чувства, появилась надежда на скорое освобождение от ханского ига. Стало ясно, что упорство, мужество, самоотверженность воинов русских, объединение и централизация всех сил земли приведут к ликвидации татарского ига. Даже то объединение сил Русской земли, которого добился Дмитрий Донской, привело к победе.

Значение Куликовской битвы заключалось еще и в том, что отныне Москва считалась избавительницей Руси от нашествия Мамая; ее авторитет и популярность в народе еще более укрепились и выросли.

Эти симпатии народных масс к Москве вынудили новгородскую боярскую знать, враждебную Москве, пойти на уступки новгородским «меньшим людям», «худым мужикам вечникам», восхвалявшим Москву и ее князя за то, что «боронят» его ратные люди «всю землю Русьскую» от «ворогов». Даже в Рязани, князь которой Олег Иванович сыграл столь печальную роль в годину Куликовской битвы, было написано Сафонием знаменитое произведение древнерусской патриотической литературы «Задонщина», составленное в духе прославления Москвы, грудью вставшей на защиту всей земли Русской.

Куликовская битва дала толчок подъему самосознания русских людей и явилась величайшим фактором идеологической подготовки образования великорусской народности и единого Русского государства.

Значение Куликовской битвы трудно переоценить. Вопрос о том, кто станет во главе объединения Руси, был решен, и решен бесповоротно, в пользу московского князя. Москва начинает превращаться в экономический и политический центр Руси, центр национальной жизни русского народа.

Княжение Дмитрия Донского — важный этап формирования русского государства.

Куликовская битва явилась исторической вехой в борьбе русского народа за свою независимость. Хотя татарское иго было окончательно

свергнуто только спустя столетие, и всего-навсего через два года после битвы на поле Куликовом Москва была разорена Тохтамышем, тем не менее после разгрома Мамая Орда уже выступала по отношению к Руси далеко не в той роли, как ранее.

«Димитрий Донской мечом, а не смирением предсказал татарам конец их владычества над Русью», — писал Белинский.[1]

Дмитрий Донской распоряжался Владимирским великим княжением, ярлык на которое давал хан, как своей «отчиной», а в своем завещании он писал с уверенностью о скором окончательном освобождении от татарского ига: «А ци переменит бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду», предсказывая в недалеком будущем прекращение уплаты Золотой Орде дани («выхода»).

Куликовская битва представляет собой вершину русского военного искусства того времени.

Слава о Донском прошла по всей Руси. Это был талантливый и храбрый полководец, «стражу земли Русские мужеством своим держаше». Дмитрий Иванович проявил на поле Куликовом личную храбрость и полное отсутствие тщеславия, которое так характеризует королей и полководцев стран Западной Европы вроде французского короля Иоанна Доброго, польского короля, а в прошлом великого князя литовского Ягайло, шведского короля Карла XII и других. Он предпочел принять участие в битве в качестве простого воина, переодев в свои доспехи Михаила Бренка; этим самым он предотвратил обычную панику, овладевавшую войском, когда падал под ударами вражеских мечей княжеский стяг.

Полководческое искусство Дмитрия Донского характеризуется прежде всего инициативой. Учитывая, что лучшая форма обороны — наступление, Дмитрий Донской действует активно, быстро и решительно. Удачно выбрав момент удара, он разбивает главного врага и, решив частный вопрос, решает и всю стратегическую задачу, так как литовцы Ягайло, узнав о поражении Мамая, отошли.

Замечательно организовав разведку, Дмитрий Иванович был хорошо осведомлен о противнике, что и дало ему возможность все время удерживать инициативу.

Удачный выбор поля сражения сочетался с умелым и своевременным введением в бой резервов, решивших исход битвы, и настойчивым и успешным преследованием разбитого противника.

Чрезвычайно удачно использовал Дмитрий Донской «западной полк» (засаду), т. е. резервы.

Высоко оценил народ русский и Куликовскую битву, и самого Дмитрия Ивановича. Народные предания сравнивали новую победу с величайшими успехами древнерусских воинов, а самого Дмитрия, чья воля и мужество привели к победе, с такими популярными князьями, как Владимир Мономах и Александр Невский, «страдальцы (борцы) за землю Русскую». В память о Куликовской битве слагались песни и сказания — «Задонщина», «Повесть о Мамаевом побоище». За победу на Куликовом поле Дмитрий Иванович получил прозвище «Донского».

Навеянное ужасным Батыевым нашествием и систематическим террором татар представление об их непобедимости было развеяно, и магиче-

---

[1] В. Г. Белинский. Избр. соч. ОГИЗ, 1949. С. 873.

ское очарование «непобедимых» татар пало под ударами русских мечей на Куликовом поле.

Куликовская битва положила начало освобождению Руси от ханского ига, но Орда была еще сильна и новый хан Тохтамыш, ставленник грозного завоевателя Тимура (Тамерлана), в 1382 г. с огромным войском, соблюдая строжайшую тайну, двинулся к Москве. Князья нижегородские и Олег Иванович Рязанский вышли навстречу Тохтамышу, упросили не трогать их владения, а Олег Иванович даже указал татарам броды через Оку.

Тохтамыш быстро двинулся к Москве. Обескровленный Куликовской битвой Московский край не мог выставить большое войско, и Дмитрий, не получив поддержки даже от Владимира Андреевича, покинул Москву, переехал сперва в Переяславль, затем в Кострому, где и начал собирать полки. Татары тем временем овладели Серпуховом. Покинутые своим князем, ушедшим вместе с боярами из города, москвичи заволновались; поднялся «мятеж велик», и на сходке решили не сдавать врагу родного города. Трусов и изменников избивали, хотевших убежать из города не выпускали. Власть взяли в свои руки «черные люди». В Москве скопилось множество людей: «елико осталося граждан и елико бежан с волостей збежалося, и елико от инех збежалося».

Как видно из указания Рогожского летописца, в Москве нашли приют многочисленные беглецы из окрестных лесов и городов, множество крестьян и «черных людей».

Горожане деятельно готовились к обороне. Купцы-суконники, сурожане и другие, ремесленники и прочие «гражане», крестьяне-беглецы — все начали готовиться к отпору грозного врага. Москвичи кричали: «Не устрашимся нахожения татарьского, имеем бо град камен, тверд и врата железны». В город еще до его осады успел приехать князь Остей, внук Ольгерда, служивший московскому князю. Горожане поручают ему командование. По инициативе восставших горожан началась подготовка города к обороне и к «осадному сидению».

Горожане сожгли посады, заборы, тыны, вырубили вокруг города все деревья, чтобы неприятелю негде было укрыться и сделать «примет» к стенам. Приготовления покинутых своим князем москвичей к осаде показывают, с какой любовью относились московские посадские люди к своему городу, за который они готовы были сложить свои головы. Они свидетельствуют и о том, что среди москвичей немало было опытных и храбрых воинов: в трудную минуту горожане не только не растерялись, но вооружились и обдуманно и быстро подготовили город к обороне.

И когда 23 августа 1382 г. к стенам города подошли передовые татарские отряды Тохтамыша, высыпавшие на неприступные каменные стены Московского Кремля вооруженные горожане выражали готовность москвичей сражаться не на жизнь, а на смерть. Татары спросили, в городе ли князь Дмитрий, и получили отрицательный ответ. Объехав кругом города, они не нашли ни одного уязвимого пункта и вернулись к хану. На следующий день подошел Тохтамыш с основными силами. Началась осада. Татары посылали на городские стены целый дождь стрел, от которых пало немало храбрых защитников Москвы, по лестницам лезли на стены. Осажденные москвичи лили на татар кипяток, горячую смолу, метали камни, отвечали стрелой на стрелу.

Москвичи пустили в ход и огнестрельное оружие — тюфяки. Это — первое летописное упоминание об огнестрельном оружии, примененном русскими. Огнестрельное оружие впервые появилось в городах, и это было не ручное оружие, а пушки, стрелявшие пороховой мякотью и каменными ядрами. Первыми научились владеть ими не бояре и дворяне, а горожане, и в руках опытных московских посадских «огненный бой» был новым грозным оружием.

Первый приступ татар был отбит. Они отступили и стали в отдалении от несущих огонь и смерть стен Московского Кремля. Но и здесь их доставали стрелы и ядра искусных стрелков из луков, самострелов, тюфяков и пушек. Так, например, на зубцах стены у Фроловских ворот стоял суконщик Адам. Адам долго выбирал цель для своей стрелы и наконец направил ее в грудь одного знатного татарского царевича, любимца Тохтамыша. Летопись указывает, что смерть царевича заставила Тохтамыша и всех татар «тужить о том».

Три дня бились татары, три дня храбрые москвичи, простые горожане, отбивали татар. Тохтамыш потерял надежду взять город штурмом и решил прибегнуть к хитрости. Нижегородские князья, действуя от имени хана, пообещали москвичам, что Тохтамыш их «хочет жаловати»: против москвичей он ничего не имеет, а сражается только с Дмитрием Ивановичем.

Горожане поверили словам врага и изменников. 26 августа москвичи отворили ворота и вышли навстречу татарам с князем Остеем во главе. Татарам только этого и надо было. Остея заманили в ханскую ставку, где и был убит этот храбрый князь, а затем татары ворвались в город, начали избивать его защитников, грабить, жечь. Сожжено было немало и книг, которые горожане спрятали в Москве, ценя книжную ученость того времени. Перебито было больше 24 тысяч человек.

Но память о Куликовской битве еще была свежа и, разгромив несколько городов, Тохтамыш повернул назад. Вчерашнего «победителя» москвичей, обманом овладевшего городом, напугало сообщение разбитого Владимиром Андреевичем татарского отряда о том, что идет сам Дмитрий Донской. Татары поспешно покинули Русь.

Оборона Москвы показала, на что способен русский народ, когда дело идет о защите родной земли. Без князя, бояр, без княжеских воинов грудью стал на защиту города московский люд, и только вследствие измены князей смог Тохтамыш захватить Москву. Но дорого обошедшаяся русскому народу Куликовская битва обескровила Русскую землю, и это дало возможность татарам опустошить страну.

Осенью вернулся в разгромленную Москву Дмитрий Донской. Пришлось снова признать зависимость от хана, и Дмитрий вынужден был послать своего сына Василия в Орду, к Тохтамышу, с большими дарами и просить у него ярлык на княжение. В Орде Василий был задержан, и только позднее ему удалось бежать. В 1383 г. Тохтамыш наконец дал ярлык, но заставил уплатить огромную дань «с деревни по полтине».

Олег Иванович Рязанский, прекрасно понимая, что после неоднократных измен ему не приходится ожидать ничего хорошего от Дмитрия Донского, бежал в Литву. Вернувшись оттуда, он был вынужден в 1381 г. заключить мир с Дмитрием Ивановичем. По миру, Олег Иванович, так же как и тверской князь Михаил, признал себя «молодшим братом» Дмит-

рия, став к нему в такие же отношения, как и Владимир Андреевич Серпуховский. Олег обязался порвать связи с врагами Руси — Литвой и Ордой, не «искать ярлыка» и т. д. Кроме того, Олег уступил Дмитрию Донскому Мещеру и еще ряд рязанских городов и «татарских мест», татарские и мещерские князьки которых зависели не от Орды, а от русских князей.

В мире с Олегом большую роль опять-таки сыграла церковь. В Рязань поехал Сергий Радонежский, заставивший Олега смириться.

Таким образом, оба крупных княжества — Тверское и Рязанское, не потеряв своей самостоятельности, в то же самое время оказались на положении подчиненных Москве. Как и Владимир Андреевич Серпуховский, двоюродный брат Дмитрия Донского, тверской князь Михаил и рязанский — Олег должны были «служить без ослушания» московскому князю (за что последний обещал «кормить» их «по службе»), не «искать» ярлыков на великое княжение, а по отношению к Орде, Литве и другим князьям держаться той же политики, что и князь московский. Последний, кроме того, получил право вмешиваться в отношения князей с их боярами.

Что же касается удельных князьков, то Дмитрий Донской их всех подчинил своей власти и превратил в «подручников». Строго поступал Донской и с боярами удельных князей и московским боярством. Им была уничтожена должность тысяцкого и казнен на Кучковом поле в Москве последний тысяцкий московский Иван Вельяминов, «передавшийся» на сторону Твери.

Дмитрий Донской «сидел», т. е. княжил, и в Новгороде, причем им был заключен с новгородцами «ряд» (договор), по которому Новгород обещал помогать Дмитрию в войнах с Литвой и Тверью, а московский князь, в свою очередь, обязывался помогать Новгороду в борьбе с немцами, Литвой и Тверью. Два раза князь выполнял условия «ряда» и помогал Новгороду в войне с немцами (1364 г.) и Тверью (1373 г.). Но новгородские ушкуйники — «удалые молодцы», грабители — не раз нападали на московские земли и не всегда удавалось московским воеводам отбить их налеты. Ушкуйники громили и сжигали города, как например Кострому и Нижний Новгород, уводили в плен население, продавали его «басурманам» в Булгары и Орду, грабили купцов. Опустошительные налеты новгородских ушкуйников, грабивших русские города и села, заставили Дмитрия Донского в 1385 г. пойти на Новгород, принять меры для их обуздания и привести в покорность надменную новгородскую боярскую аристократию. Новгород смирился и заплатил дань. Прекратились на время и хищнические набеги ушкуйников.

Дмитрий Донской был сильнейшим князем Руси, которому фактически подчинялись все русские земли, кроме западных. Дмитрий Донской рассматривает великое княжение Владимирское как свою «отчину». Как мы уже видели, не только удельные, но даже нижегородские, тверские и рязанские великие князья подчинялись ему. При Дмитрии Донском к Москве было присоединено Белоозерское княжество.

В результате развития производительных сил, под давлением внешней опасности, в борьбе с Ордой и Литвой, росло стремление к единству сил, росла тяга к централизованному Русскому государству с единым правительством и руководством.

«...Чувство общей опасности и общего страдания связывало разъединенные русские княжества и способствовало развитию государственной централизации через преобладание Московского княжества над всеми другими. Единство более внешнее, чем внутреннее, но тем не менее все же оно спасло Россию».[1]

Общепризнанным центром объединяющейся Руси становится Москва. В борьбе с Литвой Москва объединяет воинские силы князей нижегородских и кашинских, ярославских и городецких, ростовских и белозерских, брянских и смоленских, стародубских и оболенских, тарусских и новосильских и других; причем этот боевой союз оформляется договором, по которому Москва будет и впредь «борониться с ними» и возглавлять их союз.

Мы говорим о Москве как об общепризнанном центре Руси (это, конечно, не исключает борьбы против нее со стороны отдельных князей и новгородской боярской олигархии) потому, что уже «докончальная» грамота 1375 г., заключенная между московским и тверским князьями, является документально оформленным со стороны самого опасного противника официальным признанием Москвы национальным центром Руси и руководителем общерусской политики. Так расценивали роль Москвы и «вороги» ее за рубежом — Орда и Литва, договорившиеся между собой о совместных действиях против Дмитрия Ивановича.

Поход на враждебную Москве Тверь рассматривался в Орде «как преступление против хана».

Фактическое превращение Москвы в руководителя общерусской политики дает возможность Дмитрию Донскому предъявить и формальные права на эту роль. Как мы уже видели, московский князь начинает рассматривать великое княжение Владимирское, а с ним вместе и Новгород как свою вотчину.

Могущество московского князя было столь велико, столь велико было значение Куликовской битвы, которое не умалило даже «нахождение» Тохтамыша, что Орда вынуждена была признать право Дмитрия Донского и на «купли» Калиты, и на все великое княжение Владимирское, которым он в своей духовной грамоте «благословил» старшего сына Василия Дмитриевича.

В объединении сил русского народа князь опирался на растущий и умножавшийся посадский люд и боярство.

Росли торговые связи Москвы. Торговые договоры (грамоты) Москвы с Новгородом (1380 г.), с Рязанью (1381 г.), Тверью (1369 и 1399 гг.) устанавливают право московских купцов всюду «торговать без рубежа» и «мыта держать прежние». Через Новгород и Тверь в Москву поступали товары из Западной Европы: сукна, вина, пряности, драгоценные изделия и т. д. С Востоком торговали через Нижний Новгород, Рязань и Орду. Упоминаются «шеломы черкасские», «байданы бесерманские», «блюда езднинские» (из города Иезда, или Езда, в Иране). Торговали и с Югом — генуэзской колонией Сурожем (Судаком). Крупных купцов, торговавших с Сурожем, называли гостями-сурожанами. Московские купцы — «сходници суть с земли на землю и знаеми всеми в Ордех и Фрязех».

---

[1] В. Г. Белинский. Избр. соч. ОГИЗ, 1948. С. 488.

Не забыт и путь в Византию, но теперь сносятся с нею через генуэзцев. Московские купцы-сурожане, суконники и другие — богатая и влиятельная группа. Требования выросшей торговли заставили Донского приступить к чеканке собственной монеты. Растет ремесло. Посад превращается в серьезную социальную и политическую силу.

Крепнет боярство. Складывается влиятельная группа богатых бояр, крупных землевладельцев, окружающих Донского. Они — воеводы, наместники, советники князя. В их рядах мы встречаем уже известного Дмитрия Михайловича Боброка, выехавшего при Донском из Волыни, женатого на сестре Дмитрия Анне, окольничего Тимофея Васильевича, Ивана Родионовича Квашню, Андрея Кобылу и сына его, Федора Андреевича Кошку, Федора Андреевича Свибла, Михаила Челядю, Александра Плещея и ряд других родоначальников знатных боярских фамилий. Многочисленное, богатое и энергичное московское боярство сыграло большую роль в княжение Донского. Недаром, судя по его «житию», Дмитрий Донской обращается перед смертью к своим сыновьям, указывая: «Бояр же своих любите и честь им достойную воздавайте и противу дело коегждо без их думы ничего не творите». Обращаясь к боярам, Дмитрий говорит: «Всех чествовах и любих и в чести велицей держах, радовахся и скорбел с вами; вы же нарекостеся у меня не бояре, но князи земли моей». Так подчеркивает значение боярства и свое отношение к нему Донской.

Княжение Дмитрия Донского можно охарактеризовать как кризис системы феодальной раздробленности и начало превращения Москвы в центр Руси.

Вопрос о том, кто станет во главе объединения Руси, решен в пользу московского великого князя Дмитрия Донского. «Великое княжение Владимирское» и Московское княжение сливаются в «отчину» потомков Калиты. Москва превращается в экономический, политический центр Руси, центр складывающейся великорусской народности.

Из летописи мы узнаем о характере и наружности Дмитрия Ивановича Донского. Он был настойчив в достижении цели, а главной целью его было «собирание» русских земель, укрепление и возвышение Москвы, борьба с «ворогами» и усиление княжеской власти.

Письменные источники и народные предания пронесли образ Дмитрия Донского через столетия. Это был рослый, плечистый, полный человек, черноволосый и чернобородый, острым взором, стойкий и мужественный, умный, хотя «книгами не научен добре», честный и скромный, не любивший пиров и забав и все время отдававший «ратным» подвигам да «думам» о государственных делах.

В своей исторической речи на параде Красной Армии в Москве на Красной площади 7 ноября 1941 г. наш великий вождь и учитель товарищ Сталин, обращаясь к доблестным воинам земли Советской, говорил: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»[1]

Так высоко оценил деятельность Дмитрия Донского Иосиф Виссарионович Сталин.

---

[1] И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. 1949. С. 40.

ФЕОДАЛЬНАЯ ВОЙНА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XV В. И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ

Многолетнее (1389—1425 гг.) княжение Василия Дмитриевича характеризуется усложнением внешней обстановки. Выросли противоречия Руси с ее враждебными соседями — Литвой, к тому времени уже заключившей унию с Польшей и подпавшей под влияние последней, и Ордой. Кроме того, с Востока надвигалась на Русь грозовая туча — несметные полчища нового завоевателя Тимура.

Василий Дмитриевич начинает свое княжение с присоединения Нижегородского княжества. В 1391 г. он отправился в Орду и купил ярлык на великое княжение Нижегородское, Городец, Муром, Мещерский городок (Касимов) и Тарусу. Нижегородские бояре во главе с Василием Румянцем, тяготевшие к сильному московскому князю и тайно с ним сносившиеся, перешли на сторону Василия. Нижегородский князь Борис Константинович был схвачен ими, выдан Василию, и в Нижний Новгород были введены наместники московского князя. Племянники Бориса, суздальские князья Василий и Семен, правда, пытались отбить Нижний и «воевали» нижегородские земли в союзе с татарским царевичем Ейтяком, но в 1401 г. Василий направил против них воевод Ивана Уду и Федора Глебовича, которые, в свою очередь, «повоевали» Болгарскую и Мордовскую земли и вынудили Семена отказаться от своих претензий. Смирился и Василий Румянец. Покорены были и сыновья Бориса, Иван и Даниил, которым помогали татаро-болгарские жукотинские князьки.[1]

Суздальское княжество также перешло к Василию Дмитриевичу и суздальские князья стали его «слугами».

В начале своего княжения Василий Дмитриевич поссорился из-за уделов с дядей, Владимиром Андреевичем Серпуховским, но вскоре они помирились, а когда Владимир умер (1410 г.), то завещал своим сыновьям во всем слушаться Василия.

При Василии Дмитриевиче новгородское боярство задумало было «отложиться» от Москвы. Новгородские бояре не хотели ездить в Москву на княжеский суд, а вслед за ними не пожелало судиться у митрополита и новгородское духовенство. Митрополит Киприан требовал у новгородцев

[1] Жукотин — один из городов древнего государства камских болгар, захваченного татаро-монголами.

признания его власти, «владычного суда»,[1] приносившего ему большой доход.

Василий понял, что если Новгород «отложится» от митрополита, то вслед за тем попытается освободиться и от его власти. Поэтому он бросает свои нижегородские дела и все внимание уделяет Новгороду. Он потребовал у Новгорода уплаты «черного бора», всех княжеских пошлин и признания митрополичьего суда. Когда новгородцы отказались, Василий начал военные действия. Новгородцам пришлось заключить мир «по старине». Несмотря на договор, новгородские бояре не думали выполнять условия мира, и когда в 1395 г. приехал к ним митрополит Киприан, они отказали ему «в суде». Более того, новгородские бояре, стремясь «отложиться» от Москвы, заключили договор с литовским князем Витовтом и с немецкими рыцарями. Василий потребовал объяснений. Новгородцы ответили весьма уклончиво. Тогда московский князь посылает свои полки на север, в богатейшую новгородскую область — Заволочье, или Двину, лежавшую по течению Северной Двины. Это был край, прославившийся своими пушными богатствами, зверобойными и рыболовными поморскими промыслами. Здесь же были расположены соляные варницы, смолокурни и «будные станы», где производился поташ.

Москва давно стремилась к захвату богатой Двины, и это можно проследить хотя бы по ее приобретениям на севере и северо-востоке. Все они тянутся цепочкой по направлению к заманчивым для московских бояр и купцов новгородским землям на севере. В 1397 г. Василий Дмитриевич посылает своих бояр на Двину и предлагает боярам двинским и всем двинянам «отступиться» от Новгорода и принять его великокняжескую власть. Двиняне согласились и присягнули на верность Василию. Василий Дмитриевич дал двинянам особую Уставную грамоту.

Новгородская боярская знать и духовенство во главе с владыкой Иоанном не могли примириться с потерей Двинской земли, своей богатейшей «колонии». Бояре и церковь имели здесь земли, собирали подати и торговали, здесь же разворачивали свою торговлю новгородские купцы — «гости», грабили ушкуйники, отсюда совершавшие свои разбойничьи набеги. Новгородское боярство пыталось доказать Василию Дмитриевичу его неправоту, но он не обращал внимания на их увещевания. Пришлось прибегнуть к оружию. Летом 1398 г. с благословения богатейшего новгородского феодала, владыки Иоанна, двинулись в поход новгородские рати. Им удалось не только отбить Двину, но и «повоевать» великокняжеские земли. Василию пришлось уступить и снова заключить мир «по старине». Правда, не раз еще московские воеводы «воевали» Двинскую землю, но это были просто набеги, и Двина оставалась за Новгородом вплоть до его падения в 1478 г.

Если Василию не удалось расширить свои владения за счет новгородских «колоний», то зато укрепилось его влияние в Пскове. «Младший брат» Новгорода не только не получал поддержки от своего «старшего брата», но новгородцы не раз ходили войной на Псков. Псков, предоставленный самому себе в тяжелой борьбе с Литвой и немецкими рыцарями,

---

[1] «Владычный суд» — суд по церковным и некоторым гражданским делам, находившийся в руках новгородского архиепископа.

вынужден был искать поддержки у Москвы и с 1399 г. начал принимать князей «из рук» великого князя московского.

Влияние Василия Дмитриевича выросло не только в вечевых городах Пскове и Новгороде (Новгород теперь «держал» свой договор «честно и грозно», боясь могущества московского князя), но и в других княжествах — Рязани и Твери, которые признавали его старшинство. Хотя Василий Дмитриевич еще был не в силах окончательно уничтожить сепаратизм отдельных областей, тем не менее он не только сохранил значение и силу великокняжеской власти, укрепившейся во времена Донского, но и сумел еще больше расширить круг ее влияния.

С конца XIV в. в состав земель московского князя фактически входит бассейн реки Вычегды, заселенный зырянами (коми) и носивший название «Малая Пермь». Зыряне жили небольшими родовыми общинами, занимаясь главным образом охотой. Здесь-то, в «Малой Перми», и развернулась деятельность проповедника Стефана Храпа, прозванного Стефаном Пермским. В устье реки Выми, притока Вычегды, он построил на месте языческого мольбища укрепленный городок, ставший опорой московского правительства в пермских краях и местопребыванием епископа пермского. Стефан Пермский сыграл большую роль в истории «Малой Перми». Он составил пермскую азбуку и перевел на зырянский язык несколько книг церковного содержания. Московское влияние начало ощущаться здесь с каждым годом все сильнее и сильнее, а епископия сыграла роль колонизационной базы и культурного очага в дремучих лесах Вычегды.

В конце XIV в. на востоке снова нависла грозовая туча — двигались на запад огромные полчища новых завоевателей во главе со стяжавшим себе славу непобедимого воина Тимуром (Тимур-Ленгом, Тамерланом). Тохтамыш, обязанный своим возвышением Тимуру, вздумал не подчиниться его требованиям и вышел с войском ему навстречу. В 1395 г. на берегах Терека Тохтамыш был наголову разбит Тимуром и бежал.

Огромные полчища Тимура двинулись на Москву. Руси угрожала страшная опасность. По русским землям двигались могущественные орды свирепого завоевателя, перед жестокостями которого бледнело все, совершенное Чингиз-Ханом. Сотни тысяч истребленных пленных, горы из отрубленных голов, башни с замурованными в них тысячами людей, разрушенные города, земли, превращенные в пустыни, — такую память оставил о себе Тимур. «Политика Тимура заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом *всюду* наводить *ужас*».[1] Василий Дмитриевич собрал войско, выступил навстречу Тимуру и дошел до берегов Оки. Здесь храбрые московские войска ожидали великого завоевателя.

Тимур между тем дошел до Ельца, взял его и разрушил.

Трудность передвижения по лесистой и болотистой местности, опасение, что поход на Москву дорого обойдется и вряд ли приведет к успеху, перспектива захватить и ограбить богатый Крым — все это побудило Тимура повернуть на юг.

Население Руси облегченно вздохнуло. Подорванное Куликовской битвой былое могущество Золотой Орды уходило в область преданий. Поход

[1] Архив Маркса и Энгельса. Т. VI. С. 185.

Тимура был еще одним ударом по Орде. Василий Дмитриевич перестал ездить в Орду, возить подарки и дани. На требование взносов дани он отвечал, что край русский оскудел и обезлюдел, платить некому и нечем. Но татарская дань все же аккуратно собиралась с населения (с двух сох по рублю), только поступала она в княжескую казну. Ордынские послы и купцы, приезжавшие на Русь, подвергались насмешкам, оскорблениям и унижениям. Этим русские стремились отплатить за вековую забитость и гнет.

В 1408 г. мурза Едигей, ставленник Тимура, правивший за хана Золотой Ордой, внезапно напал на Русь. Василий Дмитриевич бежал с семьей в Кострому, оставив своего дядю Владимира Андреевича защищать Москву. Едигей был осторожней Тохтамыша и, памятуя урок, который дали москвичи татарам в свое время, не стал штурмовать город, а обложил его, задавшись целью взять измором. Отдельные отряды татар между тем опустошали города. Через месяц Едигей, решивший зимовать у стен Москвы, получил известие от хана, что на него напал какой-то татарский царевич. Хан требовал Едигея к себе. Хитрый мурза запросил у москвичей дани, после чего обещал снять осаду. Москвичи с радостью заплатили 3 тысячи рублей. Едигей повернул обратно.

Поход Едигея дорого обошелся Руси. Нижний Новгород, Серпухов, Дмитров, Ростов, Рязань лежали в развалинах. В 1412 г. Василию Дмитриевичу пришлось опять ехать в Орду к хану Джалаледин-Султану и везти подарки.

Сгущались тучи и на западе. Все сильней и опасней для Руси становилась Литва.

Василий Дмитриевич был зятем литовского князя Витовта, но это нисколько не мешало Литве и Руси враждовать друг с другом. Когда в 1368 г. Василий Дмитриевич бежал из Орды от Тохтамыша, он вынужден был ехать кружным путем, через Молдавию, Валахию и Литву. И здесь, в Литве, он дал слово Витовту жениться на его дочери. Когда Василий стал великим князем, он вынужден был осуществить в 1390 г. этот дипломатический брак и женился на Софье Витовтовне.

Несмотря на родственные связи, Витовт оставался врагом складывающегося Русского государства. Витовт подчинил себе Смоленск, «повоевал» Рязанскую землю, претендовал и на Новгород, заключив для этого союз с немецким Ливонским рыцарским орденом, которому он обещал помощь в борьбе с Псковом. Договор Витовта с магистром Ливонского ордена сплачивал силы врагов Руси.

Союз враждебных сил не был прочен. Энергичные действия псковичей, оборонявших свои рубежи от грабителей-рыцарей, и противоречия внутри самой немецко-литовской коалиции привели к тому, что Витовт не смог реализовать свои захватнические планы.

Витовт пытался вмешаться в дела Орды, приютив у себя изгнанного Тимуром Тохтамыша, а затем предпринял поход против Орды во главе огромного войска. На берегах реки Ворсклы в 1399 г. Витовт был разбит татарами и бежал в Литву. Неудачливый завоеватель притих. Прежде всего ему пришлось заключить мир с Новгородом. Отпал на время от Литвы Смоленск, и только измена некоторых бояр снова сделала Смоленск литовским городом.

Витовт, окрыленный возвращением Смоленска, усиленно разворачивал военные действия против Пскова, и так как Псков вскоре уже не смог

один на один бороться с Литвой, то за него вступилась Москва. Василий Дмитриевич, некогда присягнувший своему тестю Витовту быть в мире с ним, снимает с себя присягу и идет походом на Литву. Московская рать осаждает Вязьму, Серпейск, Козельск, но хорошо укрепленные города обороняют многочисленные литовские гарнизоны, и Василий вынужден довольствоваться осадой.

Энергичные действия Василия Дмитриевича приводят к отъезду в Москву многих литовских и русских князей — вассалов Литвы, недовольных усилением власти Витовта. Так, в 1406 г. приехал служить московскому князю Александр Нелюб с многочисленными слугами: поляками и литовцами. Таких «отъезжавших» князей Василий встречал «честью и пожалованием».

В 1406 г. на реке Плаве встретились литовские войска Витовта и русские рати Василия, усиленные татарской конницей. Боя не было, так как князья заключили мир. Такая же стычка была и в следующем 1407 г., снова закончившаяся миром.

В 1408 г. «отъехали» на Москву брат короля Ягайло, северский князь Свидригайло, а с ним вместе владыка черниговский с духовенством, шесть князей и множество черниговских и северских бояр со своими слугами. Чем объяснить такой грандиозный «отъезд»? Дело в том, что со времен Кревской унии 1385 г., соединившей Польшу и Литву, в Литве усиливаются польское влияние и католицизм. Если ранее, при Миндовге, Гедимине и Ольгерде, захватывавшая русские земли малокультурная Литва подпадала под влияние русской культуры, то теперь усиливается польско-католическое влияние.

Ранее в Литве господствовала русская культура, русский язык, русские порядки, обычаи и нравы, русская православная религия. Многие литовские князья и феодалы обрусевали и принимали православие. Теперь же энергичные и жадные польские паны и католическое духовенство стремятся подчинить себе Литву, насадить в ней польскую культуру, язык, католицизм.

Ополячивается и окатоличивается прежде всего литовская княжеская и феодальная верхушка. Православный Витовт становится католиком. Все русское начинает преследоваться. Русских князей и бояр оттирают, отодвигают на второй план. Вместе с ними подвергаются преследованиям и обруселые литовские князья и бояре. Больше всего начинает ощущать новый национальный и религиозный гнет, переплетающийся с классовым угнетением, простой люд — крестьянство, горожане. Русские, белорусские и украинские крестьяне чувствуют всю тяжесть перемены, происходящей в Литовском княжестве в связи с укреплением польского влияния. Растет закрепощение крестьян, непосильными становятся налоги и повинности, падавшие на крестьян («хлопов») и простой («черный») городской люд.

В русских владениях Литвы было немало князей и бояр, русских и обрусевших литовцев, которые прекрасно понимали, что вместе с укреплением польского влияния падает и их значение, что место православных князей, бояр и «шляхты»[1] займут поляки и ополяченные литовцы — като-

[1] Так в Литве и Польше назывались мелкие служилые люди, соответствующие дворянам на Руси.

лики. Поэтому и феодалы, и народные массы русских земель Литвы были недовольны Кревской унией, открывшей путь к господству в великом княжестве Литовском польских панов и католической церкви. Боролся с Унией и Витовт, встречая поддержку со стороны зятя — Василия Дмитриевича: Витовту удалось свести унию почти на нет. В борьбе его с Польшей немалую роль сыграли города Белоруссии и Украины — Гродно, Брест, Полоцк, Киев. Но Витовт был далек от мысли пойти на уступки своим русским подданным. Опираясь на некоторые слои местных русских бояр, Витовт ликвидировал большинство владений обрусевших литовских князей-гедиминовичей. И хотя его успехи в деле централизации управления государством далеки от успехов московских князей, тем не менее и удельное княжьё, и частично бояре явно недоброжелательно относились к усиливающейся власти великого князя литовского Витовта, оставаясь, по сути дела, сторонниками сепаратизма и феодальной раздробленности. Хотя московский князь был враждебен сепаратизму и весь смысл своего княжения полагал в уничтожении его, в ликвидации раздробленности, в подчинении удельных князей, собирании земель и централизации власти, но тем не менее конфликт с ним на этой почве у «отъезжающих» из Литвы князей и бояр был еще в перспективе, а пока он был противником католика и «ляха» (поляка) Витовта, заклятого врага Свидригайло и всех князей и бояр Литовской Руси. Вот эти-то обстоятельства и побудили Свидригайло и его сторонников к отъезду в Москву.

Василий Дмитриевич был весьма рад приезду сильного союзника, очень популярного в русских землях, подвластных Литве, и дал ему на «кормление» Владимир, Переяславль, Юрьев, Ржев и другие города. В сентябре 1408 г. Василий и Свидригайло выступили со своими полками в поход против Витовта. Польско-литовско-немецкое войско Витовта встретило их на реке Угре, но боя опять не было, так как оба противника помирились. Свидригайло был недоволен таким исходом, так как рассчитывал с помощью Василия вернуть себе былую власть в Литве, и в 1409 г. опять «отъехал» в Литву.

После столкновения на Угре Витовт становится еще осторожнее и прекращает наступление на Москву. Под конец своего княжения Василий Дмитриевич восстанавливает дружественные отношения со своим тестем.

Заключение временного союза между Витовтом и Василием Дмитриевичем было вызвано агрессивными действиями рыцарей Тевтонского ордена.

Агрессивным действиям тевтонских рыцарей в начале XV в. был нанесен сокрушительный удар объединенными усилиями русских, литовцев и поляков. Сигналом к борьбе послужило восстание жмуди.[1] Восставшие жмудины рассылали грамоты с призывом к совместной борьбе против немецких захватчиков. Они указывали, что рыцари «не душ ищут для бога, а земель наших для себя».

Тевтоны угрожали не только Литве, но и Польше. Ягайло, в то время уже польский король, и Витовт выступили против немецких рыцарей.

В июле 1410 г. у местечка Грюнвальд, недалеко от Танненберга, сошлись войска Ягайло и Витовта с войсками Ордена. В этой битве, решающей судьбы Польши, Литвы и русских, украинских, белорусских земель, входивших в состав обоих государств, сражались плечом к плечу поляки

[1] Жмудь — область в Литве, некогда населенная литовским племенем жмудью.

из Кракова, Познани и Гнезно, литовцы из Трок и Жмудских лесов, русские из-под Смоленска, украинцы с Карпат и берегов Днепра, белорусы из Полесья и с берегов Полоты, чехи из Праги и Моравии. Из 51 польской хоругви семь было украинских: львовская, перемышльская, галицкая, холмская и три подольские. Люблинская хоругвь тоже наполовину состояла из украинцев. Из 40 литовских хоругвей 36 составляли хоругви, набранные в землях украинских, белорусских и русских. В них входили воины из Дрогичина и Гродно, Ровно и Кременца, Стародуба и Витебска, Полоцка и Смоленска и других земель Западной Руси.

В четвертой и сорок девятой хоругви Ягайло сражались чехи и моравы во главе с Яном Жижкой, будущим полководцем гуситских армий. Принимали участие и татары. Таким образом, мы видим, что немалая часть польско-литовского войска состояла из русских воинов. Кроме русских подданных Ягайло и Витовта — украинцев, белорусов и русских — в походе Витовта на Орден принимали участие псковичи и новгородцы. Есть косвенные сведения о наличии в войске Витовта отдельных воинов из тверских и московских земель. У рыцарей было более 35 тысяч войска, в том числе не менее 16 тысяч тяжело вооруженных всадников — рыцарей. Соединенное войско поляков, русских и литовцев, даже учитывая чехов и татарскую конницу, не превышало 50 тысяч человек.

Немецкое войско славилось своей тяжелой рыцарской конницей, своими пушками и метательными машинами, тогда как у поляков, литовцев и русских преобладали пешие воины — вооруженное народное ополчение. Литва, жмудь, русские ратники были вооружены ножами, топорами, палицами, дубинами, косами. Им нелегко было бороться с закованными в железо, прекрасно вооруженными немецкими рыцарями. Только княжеские дружинники — литовские и русские — да польские рыцари были вооружены лучше и ни в чем не уступали немецким рыцарям. Тевтонские рыцари превосходили союзников в вооружении, но эти последние обороняли свою землю, родные леса и луга, поля и нивы, боролись за свои семьи, за свою самобытную культуру, обычаи и порядки, нравы и законы, за свою свободу, за честь и жизнь своих матерей и отцов, жен и детей. Вышколенному, вооруженному до зубов, хорошо организованному рыцарскому орденскому войску противостояло народное ополчение, народная воля к победе, свободе и независимости.

Во главе союзного войска стояли осторожный до трусости, хотя и чрезвычайно хитрый польский король Ягайло, решительный и смелый великий князь литовский Витовт, краковский наместник Зиндрам Машковский, человек большого военного таланта и ума, и русский воевода, по отцу литовец, Юрий Лугвиниевич, князь Мстиславский. Рыцарями командовали сам гроссмейстер Ульрих фон Юнгинген, командор Ордена Куно фон Лихтенштейн и маршал Ордена Фридрих фон Вальроде.

5 июля союзное польско-русско-литовское войско покинуло свой лагерь у Червинска и двинулось в орденские земли. Ягайло по дороге вступил в переговоры с гроссмейстером, предлагая ему мир, но гроссмейстер был уверен в своих силах и стремился к войне.

13 июля союзники взяли захваченную немцами крепость Дубровну и двинулись на восток, к озеру Любень (Лаубен). К вечеру 14 июля тевтонское войско подошло к деревням Грюнвальд и Танненберг. В нескольких километрах от озера Любень стояло войско Ягайло и Витовта.

Готовились к битве. Накануне боя, в ночь с 14 на 15 июля, разразилась страшная гроза. Когда наутро проглянуло солнце, рыцари не стали ожидать момента, когда подсохнет земля и перешли в наступление. Ягайло передал командование Витовту и Зиндраму Машковскому, а сам отъехал в сторону. Поляки, русские и литовцы заняли опушку леса. Перед ними расстилалось огромное поле, а на западе стоял девственный лес. Польско-русско-литовское войско расположилось на большом протяжении, краями касаясь озер и болот, берега которых были покрыты дремучим лесом. Это затрудняло для рыцарей обход неприятеля с фланга.

Правый фланг занимали литовские полки, причем крайние отряды стояли около самого озера Любень. Поближе к центру были расположены русские, в частности смоленские полки, а на краю стояли литовцы и татарская конница. На левом фланге были расположены польские войска, которыми командовал Зиндрам Машковский. В составе польских войск поближе к центру были русские хоругви: галицкие, подольские и др. Союзное войско выстроилось тремя параллельными линиями, что давало возможность обороняться в случае прорыва.

Рыцари заняли более удобную позицию — на холме. Впереди рыцарского войска стояла артиллерия, позади — пехота. Правым крылом командовал Куно фон Лихтенштейн, левым — Фридрих фон Вальроде. Далеко позади, у Грюнвальда, стояли кругом обозные повозки и располагались резервы.

К полудню оба войска закончили боевое построение. Ягайло все еще никак не мог отдать приказ о начале битвы. Желая выманить противника из болотистого, заросшего лесом луга, где стояли войска Ягайло и Витовта, Ульрих фон Юнгинген послал к польскому королю гонцов, оскорбивших его достоинство и нагло призвавших его к битве. Терпение Витовта иссякло, он начал бой. Литовские и татарские всадники Витовта напали на войска рыцарей фон Вальроде. Ядра немецкой артиллерии не принесли им вреда, а грохот пушек не испугал их лошадей.

В то же время фон Лихтенштейн напал на левый фланг, которым командовал Зиндрам Машковский.

На правом фланге дела шли все хуже и хуже. Плохо вооруженные, самые слабые хоругви союзной армии не могли разгромить рыцарей фон Вальроде. Как ни старался Витовт подбодрить своих литовцев и татар, они, не выдержав натиска рыцарской конницы, начали отступать. Фон Вальроде был убежден в разгроме противника и бросил своих рыцарей в погоню за бежавшими литовцами и татарами.

Но левый край войска Витовта не дрогнул, не побежал. Здесь стояли три русских смоленских полка. Если бы они побежали, то это означало бы полное поражение союзников, так как поляки получили бы удар с незащищенного тыла и с правого крыла. Польский хронист Длугош пишет: «В этом сражении русские воины из Смоленской земли, ставши под тремя собственными знаменами, упорно сражались. Только они не были причастны к бегству и достойны похвалы, ибо хотя под одним знаменем наступление велось самым жестоким образом и знамя прямо до земли попиралось, однако в двух остальных как мужам и воинам подобает сильнейшим образом сражались и вышли победителями... И наконец, с польскими отрядами соединились».

Мужественное сопротивление трех смоленских полков под командованием смелого и умного Юрия Лугвиниевича остановило натиск немцев. Немало смоленцев было порублено, немало смоленских ратников сложило свои головы в бою с рыцарями, но рыцари не стали хозяевами поля битвы. Смоленцы не только задержали немцев, но и сумели бросить часть своих воинов на помощь Витовту, ударив по флангу рыцарей и приостановив бегство литовцев. Это дало возможность полкам перестроить свои ряды.

Взяв на себя инициативу командования, Витовт воспользовался мужественным сопротивлением смоленцев и бросил несколько отрядов третьей линии на правый фланг, на помощь смоленцам. Это подкрепление окончательно лишило рыцарей возможности разгромить смоленцев.

Вскоре Витовту удалось бросить польский отряд в обход к Грюнвальду. Поляки неожиданно вышли из леса и ударили во фланг рыцарей. Вернувшиеся на поле битвы литовцы и татары стремительно напали на немцев, а вслед за ними прорвались к Танненбергу и украинские хоругви великого князя литовского.

В пятом часу дня напор немцев стал заметно ослабевать, многие немецкие рыцари уже пали. Даже прибытие к фон Лихтенштейну резервов не могло спасти положения. К концу дня немцы начали отход к Танненбергу и Грюнвальду. Отступал один фон Лихтенштейн, так как войск фон Вальроде уже не было. В скором времени отступление превратилось в бегство.

Под вечер фон Юнгинген решил спасти Орден, бросив все силы в центр неприятеля. Колонна тяжеловооруженных рыцарей с силой тарана ударила в центр союзного войска. В ожесточенной схватке решалась судьба сражения.

В этой страшной резне погиб и сам великий магистр. Лиговская рогатина пронзила ему шею. Остатки рыцарей собрались в круг и защищались с энергией отчаяния. Отсюда, из этого клубка тел, доносился скрежет кос, звон мечей, стук рогатин; звенели топоры, мелькали длинные литовские мечи, кривые сабли татар, булавы русских воинов. Через некоторое время рыцарское войско было окончательно разгромлено. Группками и в одиночку рыцари со своими кнехтами спасались бегством в Мариенбург. Часть рыцарей пыталась спастись в обозе, но и обоз был разгромлен и рыцари перебиты.

Начало темнеть. На холме, где утром была ставка гроссмейстера, стояли Ягайло и Витовт. Цвет рыцарского войска был разгромлен.

Ценой страшных усилий и колоссальных жертв русские, поляки и литовцы добились разгрома Тевтонского ордена. Военная сила его была уничтожена. В этом сражении выучке и вооружению, организации и дисциплине орденских рыцарей поляки, русские и литовцы противопоставили свое народное ополчение, преисполненное волей к победе, к сохранению независимости своего народа, свое воинское искусство, свои стойкость и героизм. Грюнвальд решил судьбу боровшихся с тевтонскими рыцарями народов, а исход Грюнвальдской битвы был предопределен боевыми качествами и мужеством, стойкостью и дисциплинированностью русских смоленских полков. Немецкий «натиск на Восток» вторично был остановлен героическими русскими воинами, сражавшимися плечом к плечу с поляками, литовцами и чехами против общего врага. В борьбе Литвы с Тевтонским орденом принял участие и московский князь.

Издавна князь московский опирался на церковь и в лице митрополита всегда имел сильного и деятельного помощника. Но православная русская церковь в те времена была поделена между Литвой и Русью. Митрополитом на Руси был Киприан, родом болгарин, по политическим симпатиям «литвин», который в угоду церковному единству не прочь был продать интересы Русского государства. Он хотел оторвать церковную политику от великокняжеской и быть митрополитом «всея Руси» (т. е. и Литовской Руси), а не только московским. Он старался, опираясь на константинопольского патриарха, провести в жизнь мысль о том, что митрополия — не русское религиозное учреждение и тем более не орудие великокняжеской политики, а орган «вселенской» восточной церкви. Тогда, когда его интересы совпадали с интересами великого князя, как например в вопросе о «владычном суде» в Новгороде и т. д., он помогал Василию, но часто выступал и против него, опираясь на авторитет константинопольского патриарха. Зато в делах литовских митрополит Киприан, бывший и митрополитом Киевским, не только не помогал Василию, но даже мешал ему. Киприан не прочь был заключить унию православной церкви с католической. Интересно отметить, что смерть Киприана (1406 г.) совпала с разрывом между Василием и Витовтом. Его преемник Фотий в начале своей деятельности также не считался с национальными интересами Руси и стремился к единению западно- и восточнорусских церквей.

Таким образом, в княжение Василия Дмитриевича старый союз московского князя и церкви дал трещину.

Дробление земель на уделы-вотчины, принадлежавшие потомкам Калиты, братьям и другим родственникам великого князя, в корне противоречило складыванию единого государства и централизации власти. Это противоречие могло быть разрешено только в результате решительной ликвидации самого принципа деления на уделы-вотчины по духовным грамотам князей. Из-за этого порядка выделения уделов Василий Дмитриевич имел столкновения со своим дядей Владимиром Андреевичем Серпуховским, удел которого стал почти самостоятельным княжеством внутри самого Московского княжества, со своими братьями, Константином и Юрием Дмитриевичами.

В начале XV в. процесс объединения и ликвидации удельных княжеств в великих княжествах Рязанском и Тверском уже закончился; в Московском княжестве, по сути дела, лишь начиналось феодальное раздробление. До конца XIV в. единство Московского княжества было обусловлено высокой степенью развития экономических связей внутри княжества, отсутствием больших городов, которые могли бы стать столицами мелких княжеств и положить начало уделам, и стремлением сохранить «одиначество» власти в тяжелой борьбе за расширение и укрепление Московского княжества, за первенство в процессе «собирания Руси».

И если по духовным грамотам братья получали свои доли в доходах и землях, то «численный люд» в раздел не шел, старший брат считался «в отца место», «выморочные» владения, оставшиеся после умерших, возвращались в общую вотчину.

В конце XIV в. Москва поглотила много земель-уделов, достаточно независимых в экономическом отношении, слабо связанных с Москвой, возглавляемых довольно крупными городами, которые могли играть роль «стольных градов» возникающих уделов.

К старому Серпуховскому уделу прибавляются в начале XV столетия уделы-княжества Верейское и Можайское, где сидят потомки Владимира Андреевича Серпуховского. Правда, княжества эти были незначительны и их владельцы без посторонней помощи принести вред московскому князю не могли.

Иное дело Галицкое княжество (Галича Мерского или Костромского), доставшееся по духовной грамоте Дмитрия Донского второму его сыну Юрию Дмитриевичу. Густо заселенное, расположенное на плодородных землях, прославившееся своей добычей соли, оно представляло экономически могущественное феодальное «самостоятельное полугосударство» (И. В. Сталин), и естественно, что его князья стремились к политической независимости и к первенству в политической жизни Московского княжества.

Все это показывало, что назревал кризис и намечалось обострение борьбы между старым, отходящим в прошлое удельным строем с присущим ему порядком наследования по старшинству в семье (от старшего брата к следующему по возрасту), и новым, централизованным, самодержавным, с единством «земли», владений и власти, с переходом престола от отца к старшему сыну.

Не только среди князей — родичей Василия Дмитриевича, но и в боярской среде было немало сторонников старых, отживающих порядков. Но симпатии князя были не на их стороне. В боярской думе, с которой советовался Василий Дмитриевич, особую силу приобретают новые бояре, сторонники решительных действий против Литвы и Орды и укрепления великокняжеской власти, которые противопоставляются источниками «старшим боярам».

Это боярство сослужит свою службу преемнику Василия, когда снова временно попытаются перейти в наступление старые удельные феодальные элементы, возглавляемые братом Василия Дмитриевича — Юрием, еще при жизни Василия зарекомендовавшим себя противником новых порядков. Зная это, равно как и то, что по духовной Дмитрия Донского великим князем должен был стать по старым обычаям не сын его, а брат Юрий, Василий Дмитриевич в 1423 г. посылает Фотия согласовать свою духовную грамоту с Витовтом, который в грядущем столкновении его сына Василия со своим дядей, Юрием, должен будет придти на помощь своему внуку. Этим самым Василий Дмитриевич показал свое отношение к Орде, самостоятельно решив вопрос о великом княжении, не считаясь с ханом и даже не требуя его санкции. Но он знал, что сыну его Василию предстоит тяжелая и упорная борьба. Вот почему он писал в своей духовной грамоте: «А даст бог сыну моему великое княжение».

В 1425 г. во время «мора» (эпидемии какой-то неизвестной болезни) Василий Дмитриевич умер. Преемником Василия Дмитриевича стал его сын Василий Васильевич.

В княжение Василия Васильевича (1425—1462 гг.) Московское княжество стало ареной усобиц, длившихся с 1425 по 1453 г. Старый, отживающий удельно-вотчинный строй, строй феодальной раздробленности, возглавляемый удельными князьями, давал последний бой новому политическому началу — зарождающемуся централизованному государству с сильной великокняжеской а впоследствии и царской властью.

Только после усобиц 1425—1453 гг. окончательно восторжествовал новый политический порядок. До этого в Московском княжестве еще не

была изжита удельная система, хотя самым ходом событий установились такие порядки престолонаследования, которые отвергали старые удельные принципы. В удельных княжествах престол переходил не от отца к сыну, а по старшинству в правящей семье. Малочисленность потомков Даниила Александровича способствовала относительно незначительному дроблению Московского княжества на уделы, хотя последние все же существовали в течение XIV и даже усилились в начале XV в.

В Московском княжестве установился порядок перехода престола по духовной грамоте. По ней князь обыкновенно завещал великокняжеский престол, или «старший путь», старшему сыну, а остальных награждал уделами и определенной долей в общекняжеских доходах, причем младшие братья подчинялись старшему, обладавшему кроме великокняжеского престола еще и львиной долей во всех княжеских землях. До сих пор споров о наследстве не было вследствие малочисленности княжеского рода. Даниил Александрович завещал престол старшему сыну Юрию, а когда тот умер бездетным, естественно, князем стал его брат, следующий по старшинству — Иван Калита. Последний завещал престол старшему сыну Семену. Тот тоже умирает бездетным, и князем становится Иван, передающий, в свою очередь, княжеский престол старшему сыну Дмитрию. Поэтому трудно сказать, какой принцип господствовал при занятии престола. Обстоятельства складывались так, что замещение княжеского престола шло и от отца к сыну по духовной грамоте, а при отсутствии сыновей у князя — и от старшего брата к следующему по старшинству.

Ко времени смерти Василия Дмитриевича обстановка, как мы уже указывали, очень изменилась, и когда на престол после его смерти вступил десятилетний Василий Васильевич, опекуном которого оказались митрополит Фотий и московские бояре, то в эту же ночь его дядя, князь Галича Мерского Юрий Дмитриевич, обиженный тем, что его обошли (так по крайней мере казалось этому князю, тяготевшему к удельным порядкам и соответствующему им праву престолонаследия по старшинству в семье), уехал к себе в Галич и стал готовиться к войне с племянником. Так началась борьба двух начал — старого, удельного, отживающего и нового, ведущего к централизации, к самодержавию. Первое возглавлял Юрий Дмитриевич, второе — Василий Васильевич, Фотий и стоявшие плотной стеной вокруг них московские бояре. На стороне Василия Васильевича были и другие его дяди: Петр, Андрей и Константин. Фотий предлагал мир, но Юрий Дмитриевич, претендовавший на московский престол как старший в семье после Василия Дмитриевича, соглашался только на перемирие, да и того удалось добиться лишь под давлением Витовта, которому Василий Дмитриевич поручил своего сына. К этому времени вообще усилилось влияние Литвы, которая заставляет Новгород и Псков заключить с ней «мир по старине».

Вмешательство Литвы в русские дела и рост ее влияния были обусловлены разобщенностью Новгорода и Пскова, враждовавших между собой, а в отдельности недостаточно мощных для оказания отпора непрошенному гостю — Витовту, и, кроме того, расколом внутри московской правящей верхушки.

Благодаря вмешательству Витовта в 1428 г. Юрий вынужден был признать старшинство Василия, который отныне считался его «старшим бра-

том», обязывался не претендовать на «отчину» Василия Васильевича «в Москве», на его «великое княжение».

Кроме того, в целях предотвращения назревавшей усобицы Василий Васильевич системой договоров связал друг с другом удельных князей.

Но мир был непродолжительным. В 1430 г. умер митрополит Фотий — сторонник Василия Васильевича; умер в этом же году дед Василия Васильевича — великий князь литовский Витовт и на литовском престоле оказался свояк Юрия Дмитриевича Свидригайло.

Воспользовавшись этим, Юрий порывает с племянником. Спор должен был решить золотоордынский хан. Боярин Василия Иван Дмитриевич Всеволожский, умело действуя, подкупил мурз. Когда в 1432 г. Юрий в Орде на суде ссылался на старые грамоты и обычаи, устанавливавшие права наследования по старшинству в семье, Всеволожский противопоставил им новые порядки и законы. Боярин открыто насмехался над старыми порядками, подкрепляя свои доводы «ханским пожалованием» и благожелательным отношением мурз. Победителем из этого спора вышел Всеволожский, так как он имел достаточное количество сторонников и денег, для того чтобы повлиять на решение хана. Юрий уехал в Галич ни с чем. За свою «службу» Всеволожский рассчитывал получить «милость» от Василия: тот, отправляя в Орду своего боярина, обещал жениться на его дочери. Но когда Всеволожский привез известие об удачном исходе ханского суда, Василий не сдержал слова, приберегая такой важный дипломатический шаг, как брак, для более удобного случая. Оскорбленный отказом потомок смоленских князей Всеволожский «отъехал» к Юрию. Готовилась новая усобица. Поводом для нее явилось следующее обстоятельство. В Москве шел свадебный пир. Василий справлял свою свадьбу с Марией Ярославной Серпуховской. На пиру были сыновья Юрия — Василий и Дмитрий Шемяка. На Василии Юрьевиче был богатый золотой пояс, украшенный драгоценными камнями. Боярин Петр Константинович рассказал Софье Витовтовне, как этот пояс достался Василию Юрьевичу, тогда как он должен был по праву принадлежать Василию Васильевичу. Возмущенная Софья сорвала пояс с Василия и оскорбленные Юрьевичи немедленно покинули Москву. Этот эпизод был предлогом к войне.

В апреле 1433 г. Юрий разбил Василия Васильевича, несмотря на то что последний набрал ополчение из купцов, гостей-сурожан и прочих горожан. Победитель Юрий по совету своего боярина Семена Морозова отдал побежденному Василию Коломну. Василий Юрьевич и Дмитрий Шемяка прекрасно понимали, что не те уж теперь времена, чтобы беспрепятственно и безнаказанно «свести» с престола великого князя, крепко укоренившегося в московской почве, и поэтому всячески противились отцу, предлагая ему убить Василия, так как только таким путем они могли освободиться от него. Но Юрий их не послушал. Последствия переезда в Коломну быстро сказались.

Как указывает летописец, «пойдоша с Москвы на Коломну без престани» князья, бояре, воеводы, «слуги вольные». Не только из Москвы, но и из других городов потянулись они в Коломну к великому князю. За ними «потянули» к Коломне и их удельные княжества и вотчины. Летопись объясняет переезд бояр и разных «слуг вольных» в Коломну тем, что они, мол, не привыкли служить галицким князьям. Но дело не в этом. Московские бояре, «подручные» князья, «слуги вольные» и другие группировки

служилого люда привыкли играть ведущую роль в Москве, служить сильнейшему и богатейшему великому князю московскому. В Москве они обзавелись своими хоромами, дворами с многочисленной челядью, слугами, холопами. Вокруг Москвы были расположены их вотчины. Они привыкли «служить» своему князю, решать с ним все дела в боярской думе. Каждый новый князь, наследник и сын предшествующего, естественно, вынужден был опираться на «слуг отца своего»: «подручных» князей, бояр и дворян. Служили отцу Василия Василию Дмитриевичу бояре Федор Андреевич Кошка и его сыновья Иван, Федор и Михаил, Игнатий Семенович Жеребцов, Илья Иванович Квашнин, Федор Иванович Вельяминов, Михаил Андреевич Челядня, Константин Дмитриевич Шея, Даниил и Степан Феофановичи Плещеевы — все родоначальники видных и влиятельных московских боярских фамилий Романовых, Жеребцовых, Квашниных, Челядниных, Шеиных, Плещеевых. Теперь они же и их сыновья служили Василию Васильевичу. Как это мы увидим дальше, в годы феодальной войны в Московском княжестве огромную роль сыграли московские бояре Михаил Борисович Плещеев, Иван Юрьевич Патрикеев, Иван Васильевич Стрига-Оболенский, Михаил Федорович Сабуров, Григорий Васильевич Заболоцкий, Иван Васильевич Ощера, Михаил Яковлевич Русалка, Семен Морозов и другие. Естественно, что они, привыкшие властвовать и управлять, играть решающую роль в политической жизни Руси, не могли примириться со своим новым положением. Заключался он, этот порядок, в том, что при переходе престола от брата к брату по старшинству каждый новый, в прошлом удельный князь являлся в Москву со своим двором — боярами, дворянами, оттеснявшими на второй план московское боярство.

При таком положении вещей вполне понятно стремление московских бояр и дворян поддержать новый порядок престолонаследия от отца к сыну, при котором растет и упрочивается их положение и влияние при дворе великого князя и в боярской думе. Ответом на захват Москвы Юрием и было массовое переселение московских феодалов в Коломну — этим московское боярство, воеводы, дворяне, «слуги вольные» подчеркивали свою приверженность к новым политическим порядкам.

Василий Юрьевич и Дмитрий Шемяка, увидев, что опасения их были верны, убивают Семена Морозова, посоветовавшего Юрию отдать Василию Васильевичу Коломну, а сами, боясь гнева отца, бегут из Москвы. Оставленный боярами, воеводами и дворянами московскими, враждебно встреченный духовенством Юрий вынужден был примириться с племянником, «яко непрочно ему великое княжение». Он заключил договор с племянником, признав его «старшим братом», а сам в сопровождении только пяти слуг уехал к себе в Галич.

Одним из условий соглашения между Василием Васильевичем и Юрием Дмитриевичем было обязательство со стороны последнего «детей своих к себе не принимати и помочи им не давати». Старшие сыновья Юрия — Василий Юрьевич и Дмитрий Шемяка — остались одни. Против них и начал войну Василий Васильевич, но среди ратей двоюродных братьев оказались и полки дяди, не сдержавшего своего обещания. Тогда Василий Васильевич двинулся на Юрия. В Ростовской области вторично, в 1434 г., Василий был разбит и, так же как и в первый раз, при столкновении с Юрием он казался побежденным, а вышел победи-

телем. Несмотря на то что разбитый Василий вынужден был бежать сперва в Новгород Великий, а затем в Нижний Новгород и уже собрался в Орду за помощью, несмотря на переход его родичей — Ивана Андреевича Можайского и Михаила Андреевича Верейского, связанных им еще в 1433 г. договорными грамотами вместе с серпуховско-боровским князем Василием Ярославичем, — на сторону Юрия, с которым они заключают «докончальную грамоту», признав его великим князем, Василий опять выходит победителем из борьбы. Внезапно 5 июня 1434 г. умер Юрий, и московский престол захватывает старший его сын Василий Юрьевич. Братья его, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, не признали этого захвата и пригласили Василия Васильевича заключить с ними договоры, по которым они получали уделы. Василию удается легко выбить своего противника из Москвы, и в 1435 г. изгнанник снова на московском «столе».

Кажется странным то обстоятельство, что побежденный Василий Васильевич вдруг становился победителем и снова овладевал московским престолом. Объясняется это тем, что он сам был представителем новой политической системы, системы зарождавшегося централизованного государства во главе с самодержавной властью, представителем «порядка в беспорядке» (Энгельс). Его поддерживали бояре, дворяне, купечество, ремесленный и сельский люд, а противодействовали удельные князья и их ближайшие слуги. Побеждал не Василий Васильевич, побеждали бояре, дворянство, церковь, город, посадский люд, побеждали новые политические отношения. Победа облегчалась раздором среди противников, понимавших, что приходит конец старым удельным порядкам и поэтому прибегавших к самым жестоким и решительным формам борьбы, стараясь сохранить свое положение.

Василий Юрьевич бежал в Новгород, оттуда выступил против Василия Васильевича, но неудачно и в 1435 г. вынужден был заключить мир с великим князем. Он признал старшинство Василия Васильевича и получил не свой старый удел, а новый — Дмитров. Великий князь, жалуя своим побежденным соперникам новые уделы, преследовал цель не давать им возможности пускать глубокие корни в уделе, не давать усиливаться и приобретать авторитет среди населения. Так поступил Василий Васильевич и в данном случае. Но с таким порядком Василий Юрьевич согласиться не мог и уже в следующем году начинает войну за свою Галицкую «вотчину». Взяв Кострому, он идет на Галич, присоединяет «галицкий двор» — бояр и дворян. Присоединились к нему и вятчане. Оказавший сопротивление Устюг был им взят и разрушен. Выступление Василия Юрьевича навлекло подозрение и на Дмитрия Шемяку, который был заключен под стражу в Коломне. Вместе с Дмитрием Красным, Иваном Можайским и «вышедшим» на службу к Москве из Литвы друцким князем Иваном Бабою Василий Васильевич идет походом на своего противника. Василий Юрьевич был разбит и схвачен, а когда вятчане, его союзники, несмотря на выкуп, полученный за взятого ими в плен воеводу великого князя Александра Брюхатого, все же увели последнего с собой, Василий Васильевич в отместку приказал ослепить Василия Юрьевича. На этом кончилась бурная политическая карьера Василия Юрьевича, прозванного после ослепления «Косым». Прожил он, уже вне политической борьбы, до 1448 г.

Так закончился первый этап московской межкняжеской усобицы. Княжество Московское вышло из нее ослабевшим, великокняжеская власть — подорванной. С Москвой перестают считаться, авторитет великого князя падает. Усиливается обособленность Рязани и Твери, причем последняя уже явно «в стороне» великого князя литовского. Усиливается влияние Литвы: на знаменитом коронационном съезде в Троках при дворе Витовта в 1430 г. среди гостей были Василий Васильевич, митрополит Фотий, тверской и рязанский князья.

К этому времени относится и попытка включить Москву по церковной линии в орбиту влияния римского папы. Дело в том, что митрополиты на Руси часто назначались константинопольским патриархом из греков. Приехав в Москву, большинство их находило общий язык с великим князем. Но после смерти Фотия в Москву приехал Исидор, родом грек, который решил подчинить русскую православную церковь интересам греческой церкви и Византийской империи вообще.

В то время ослабевшая Византия стояла на краю гибели и с трудом отбивалась от турок, отвоевавших от империи почти все земли, расположенные в Малой Азии. Турки были уже у самых стен Константинополя, и Византия не имела сил их отразить. Критическое положение Византии заставило ее искать помощи в борьбе против турок у западноевропейских католических государей, и, чтобы ее получить, византийская православная церковь заручается поддержкой римского папы. В 1439 г. во Флоренции собрался Собор, постановивший присоединить православную церковь, или, как ее называли, восточную, к западной, католической, причем православная церковь подчинялась папе. Церковная уния была необходима Византии, так как этим путем она пыталась опереться в борьбе с турками на католические государства Западной Европы. Но когда Исидор поехал на Собор во Флоренцию и вернулся оттуда униатом и папским легатом (уполномоченным), русское боярство, духовенство и князь, естественно, посчитали его поступок изменой. Действительно, уния ставила Русь в подчиненное положение по отношению к западноевропейским государствам и униатская церковь в нарождающемся Русском государстве была бы наилучшим проводником их влияния. Между тем Москва ставила себе задачу создания Русского государства, не зависимого ни от «латинян» (католиков), ни от «бусурман» (мусульман). Самостоятельному Русскому государству должна была соответствовать самостоятельная церковь. Так как политика Исидора противоречила этим принципам, препятствовала укреплению независимости церкви и шла вразрез с традиционной политикой его предшественников, он был объявлен «латинянином», «еретиком», сведен с митрополичьего престола и заключен в Чудов монастырь. Миссия Исидора, вернувшегося на Русь с Флорентийского собора кардиналом в звании папского легата и с письмом к Василию Васильевичу, кончилась крахом. Попытка папской курии оплести Русь паутиной церковной унии провалилась. Собор русского духовенства, собранный по указу Василия Васильевича, поставил митрополитом рязанского епископа Иону, а затем после кончины Ионы Василий Васильевич уже без собора поставил митрополитом Феодосия. С этого момента русская церковь отделяется от константинопольской, униатской, и снова входит в состав политических сил страны.

Такова та сложная и неблагоприятная обстановка, в которой разворачивается новая цепь войн, начинается новый этап московской усобицы. На этот раз в нее вмешиваются татары, Тверь и Новгород. С Новгородом у Василия Васильевича установились мирные отношения. Вечевой город заключил с ним «ряд», но великий князь требовал дани, «черного бора», и часто дело заканчивалось военными столкновениями. Этим воспользовался Шемяка, отпущенный Василием из Коломны в свой удел. Он выступил на стороне новгородцев, но, разбитый, в 1440 г. вынужден был заключить мир с великим князем.

Между тем властители отдельных областей, выделявшихся из ослабевшей Орды, в поисках новых земель все ближе и ближе подходят к Москве. В 1438 г. хан Улу-Махмет захватывает Белев и предлагает московскому князю свои услуги. Василий в ответ двинул на Белев рати. Победителем оказался Улу-Махмет, захвативший в придачу к Белеву Казань и Нижний Новгород, где он продержался до 1445 г. Улу-Махмет, пользуясь ослаблением Руси, в 1439 г. дошел до Москвы, но взять ее не смог. В 1444 г. на Рязань нападает хан Мустафа. Выгнанный из погоревшей степи жестокими морозами, Мустафа думал перезимовать в Рязанской земле. Татары опустошали землю, уводили в плен русских людей, и их приходилось выкупать дорогой ценой. Против непрошенных гостей Василий посылает свои рати под командованием князя Оболенского и Андрея Голтяева, в помощь которым были приданы рязанское пешее ополчение, рязанские казаки (кстати сказать, это первое упоминание о русских казаках) и отряд мордовских лыжников. Татары были разгромлены, пал в битве и сам Мустафа. Ответом на поражение Мустафы был новый налет Улу-Махмета.

Переселение к окраинам Руси отдельных орд, не малочисленных и сильных, ищущих земель и склонных не только к налетам, но и к «службе» великому князю, имело своим результатом появление новой силы, на которую опирался великий князь. Это были «служилые татарские царевичи» и «ордынские князья» со своими мурзами, слугами и воинами. Так, уже в те времена на службе у Василия был царевич Бердыдад и др.

Новый поход против Улу-Махмета был неудачен. В бою с татарами 6 июля 1445 г. Василий был разбит и взят в плен. Узнав о поражении рати и пленении князя, Москва переполошилась. Ожидали налета татар. К тому же 14 июля в городе вспыхнул пожар огромной силы. От пламени и страшной жары потрескались и попадали кремлевские стены. Княжеская семья и бояре выехали из разрушенной и дымящейся Москвы, предоставив горожанам самим бороться с бедствием и надвигающейся угрозой татарского нашествия.

И опять, как и во времена Тохтамыша, патриотами своего родного города оказались простые «черные люди», горожане. Чтобы среди жителей Москвы в эту критическую минуту не распространялась паника, они останавливали малодушных беглецов, возвращали, избивали и заковывали в кандалы. Этими решительными мерами «черным людям», городской бедноте, которой некуда было, как боярам, уезжать, а надо было позаботиться об обороне города, удалось прекратить панику. «Черные люди» вместе с возвращенными беглецами начали укреплять город, рубить лес и возводить новые дома для погорельцев. Еще раз «черный люд» — горожане московские — проявили себя настоящими стойкими патриотами своей

земли, своего города, не поддающимися панике и готовыми к отпору врагу даже тогда, когда Москва, превращенная в дымящиеся развалины, была покинута боярством и князем.

Узнав о приготовлениях горожан, Улу-Махмет не решился идти к Москве, вернулся к Нижнему Новгороду, а оттуда повернул к Курмышу. Какую же позицию занимал Шемяка? Отказавшийся помочь Василию накануне злополучного боя с татарами Шемяка теперь рассчитывал стать великим князем. Но события повернулись иначе. За огромный выкуп (летопись называет цифру 200 тысяч рублей) Василий был освобожден и заключил с Улу-Махметом договор о дружбе. В результате поражения в феодальной усобице и в поисках сильного сюзерена вместе с Василием на Русь приехало много служилых татарских царевичей. Приход в Москву «татарских служилых людей», которых великий князь собирался использовать для борьбы с татарами же, усилил Василия Васильевича, но возбудил недовольство против него. Слишком свежо еще в памяти было воспоминание о набегах, налетах, жестокостях и данях татар, для того чтобы встретить татар благосклонно. Кроме того, «окуп» (откуп) за Василия всей тяжестью лег в первую очередь на плечи горожан и купцов. Среди бояр, купцов-гостей московских и духовенства Троице-Сергиевского монастыря растет недовольство, которым воспользовался Шемяка.

По Москве распространился слух, что Василий привел татар недаром, что он будто бы обещал отдать Улу-Махмету все княжество, и т. д. Бояре Иван Старков и Никита Константинович становятся во главе заговора, нити которого держит в руках Шемяка. В феврале 1446 г. Василий уехал в Троице-Сергиевский монастырь. Воспользовавшись этим, 12 февраля Шемяка вместе с перешедшим на его сторону Иваном Можайским захватывает Москву, а на следующий день, применив хитрость, врывается в Троице-Сергиевский монастырь. Василий был схвачен, привезен в Москву и ослеплен. С тех пор за ним закрепляется прозвище «Темный».

Василий с женой были сосланы в Углич, мать его Софья Витовтовна отправлена в Чухлому. Дети Василия — Иван и Юрий — укрылись было у князей Ряполовских, бежавших в Муром, но и тут Шемяка схитрил, выманил их из Мурома и отправил к отцу в Углич. Многие князья и бояре, сторонники Василия, видя его неудачу, бежали в Литву. «Отъехали» в Литву князья Василий Ярославич, Семен Оболенский, «слуга вольный» Федор Басенок. От великого князя литовского они получили ряд городов: Брянск, Гомель, Стародуб и др.

Между тем Ряполовские, видя, что Шемяка их обманул, собрали в Муроме боярскую думу. На ней присутствовали сторонники Василия: князь Стрига-Оболенский, бояре Иван Ощера, Бобр, Юшка Драница, Русалка, Руно и др. Дума решила идти на Углич и освободить плененного Василия. Все московские бояре и весь великокняжеский двор потянулись к Мурому, где энергично действовали в пользу Василия Ряполовские. Ряполовские даже выступили походом против Шемяки, но, разбив его отряд, побоялись дальнейшей борьбы и «отъехали» в Литву. Шемяка испугался. По настоянию митрополита Ионы он освободил Василия, дав ему в вотчину Вологду и взяв с него слово не «искать» великого княжения.

И на этот раз побежденный Василий оказался победителем. Стоило только ему обосноваться в Вологде, как сейчас же начали толпами переезжать в Вологду бояре и «слуги вольные», а Трифон, игумен Кирил-

ло-Белозерского монастыря, снимает с него клятву, данную Шемяке. Снова у Василия развязаны руки. Заручившись поддержкой Твери, Василий пошел к Москве. Сейчас же двинулись на помощь Василию из Литвы Василий Ярославич, князь Оболенский и Федор Басенок. По дороге, у Ельни, они встретились с многочисленным татарским отрядом сыновей Улу-Махмета, Касима и Якуба, которые также шли служить великому князю, и уже вместе отправились дальше.

Между тем Шемяка вышел навстречу Василию, оставив в Москве только несколько своих бояр. Этим воспользовался воевода Василия Плещеев. Рассчитывая на поддержку москвичей, он с небольшим отрядом подошел к городу. Ворота были открыты и Плещеев беспрепятственно вошел в Москву. Боярин Шемяки Шига был схвачен истопником княгини Растопчей, других переловили воины Плещеева. Так, без боя была занята Москва, а 17 февраля 1447 г. в стольный город въехал Василий. Он сразу же дает понять князьям, что времена Шемяки прошли.

Шемяка тяготел к удельным порядкам. Он зависел от своих князей-союзников и не имел поддержки в боярской среде. Лишь по стечению обстоятельств одно время он завязал сношения с московскими кругами. В ряде договоров с удельными князьями Шемяка расширил их права; по сути дела, снова были восстановлены удельные княжества. Борьба Василия Темного с Дмитрием Шемякой перерастала обычную, хотя бы и «великую прю» о престоле. Вопрос стоял о том, быть или не быть удельным княжествам, сохранятся ли в дальнейшем эти феодальные «самостоятельные полугосударства» или им предстоит сойти со сцены. Новый, зарождающийся порядок «одиначества» олицетворял Василий Васильевич, старый, удельный — Дмитрий Шемяка. На стороне последнего было все удельное княжьё. Их намерения отражены в договоре, заключенном Дмитрием Шемякой с князьями суздальскими Василием и Федором Юрьевичами в тот момент, когда на Московском великокняжеском столе сидел Шемяка. Договор предусматривал восстановление самостоятельных великих княжеств Суздальского, Нижегородского и Городецкого в границах времен Дмитрия Константиновича Нижегородского, т. е. времен расцвета Нижегородского княжества, предоставление полной независимости его князьям, вплоть до самостоятельных переговоров с Золотой Ордой, и т. д.

Так при Шемяке шла реставрация старых удельных порядков. Князья-союзники Шемяки чувствовали себя снова хозяевами положения и старались наверстать потерянное. Своим надменным поведением, грабежом и притеснениями московских бояр, купцов и горожан, вымогательствами они восстановили против себя посадский люд, который не мог найти на них управу в суде Шемяки. Василий отнимает права, данные Шемякой князьям Можайскому, Суздальскому и другим, и снова делает их своими слугами, подручными. Правда, с некоторыми из них он еще вынужден был заключать договоры.

Изгнанный Шемяка не успокоился. Он делает ряд судорожных, безнадежных, но энергичных попыток объединить против Василия все недовольные элементы и внешних врагов Руси. Но все старания его бессмысленны, действия неудачны — они как бы олицетворяют агонию старого, удельного порядка. Шемяка призывает к борьбе с великим князем Новгород, величая себя князем новгородским, подстрекает вятчан, сносится с

казанским ханом, посылает грамоты своему тиуну Ватазину, в которых требует склонять горожан на непослушание Василию, и т. д. Бояр и дворян он склонял на службу себе, демагогически толкуя приглашение Василием татарских служилых царевичей и мурз в Москву.

Видя неукротимую энергию Шемяки, Василий решил уронить его в общественном мнении, передав спор с ним на решение духовенства, будучи заранее уверен в благоприятном для себя решении церкви. Поддержке церквей и монастырей центра Руси Василий Темный в значительной мере был обязан своей победой. Этим и объясняются его жалованные грамоты 1450—1462 гг. монастырям Троице-Сергиевскому, Спасо-Евфимьеву и Чухломскому Покровскому, поддержавшим его и его жену в годы усобицы.

И на этот раз духовенство, как и следовало ожидать, выступило за Василия, за централизацию и усиление княжеской власти, за новый порядок престолонаследия и, осудив деятельность Юрия, Василия Косого и Шемяки, предложило последнему смириться. Шемяка и на этот раз не сдался.

Борьба длилась до 1453 г., пока наконец из Москвы не выехал в Новгород, где укрывался в то время Шемяка, дьяк Степан Бородатый, организовавший заговор. Шемяка был отравлен, а сын его Иван бежал в Литву.

На этом закончилась усобица в Московском княжестве. Удельные князья лежали у ног Василия Васильевича Темного. Удельный порядок был разбит. Укреплялся новый политический строй, зарождалась централизованная сильная власть. Решили исход борьбы бояре, церковь и горожане. Они и принесли победу Василию.

После прекращения усобицы Василий Темный решительно принимается за ликвидацию уделов. Изгнан был из своего Можайского удела и бежал в Литву князь Иван Андреевич. Лишен был своего удела даже верный Василию князь Серпуховский Василий Ярославич, умерший в заключении. Попытка серпуховских бояр и дворян освободить его привела только к жестокой расправе с ними, еще раз показавшей силу великокняжеской власти. Ликвидированы были уделы в Суздале. Беспрекословно подчинялась Василию ранее своевольная Вятка. Опираясь на единство Северо-Восточной Руси, Василий укрепляет свою власть и в Новгороде, который по Яжелбицкому договору 1456 г. признал власть Василия, его суд, наместников, право собирать дани, «черный бор», обязывался не принимать врагов великого князя, уничтожить вечевые грамоты и т. д. Яжелбицкий договор — начало борьбы за ликвидацию самостоятельности Новгорода.

За Новгородом пришла очередь и Пскова, который в 1461 г. вынужден был принять наместника Василия «не по Псковскому прошению, ни по старине». В сношениях и договорах Новгорода с немцами решающее слово теперь имеет великий князь.

Оставались еще два княжества — Тверь и Рязань. Но рязанский князь Иван Федорович перед смертью в 1465 г. завещал своего сына покровительству Василия, который взял княжича в Москву, послав в Рязань своих наместников.

В несколько ином положении была Тверь. Тверское княжество во времена Бориса Александровича (1425—1461 гг.) — современника Василия Васильевича — переживало период своего подъема. Борису Александро-

вичу не пришлось вести борьбу с удельными князьями внутри своего великого княжества Тверского, как это делал Василий Темный во времена московской усобицы, — последний удел в Тверском княжестве, Кашин, был ликвидирован еще во времена Ивана Михайловича Тверского (1399—1425 гг.).

Поэтому тверской князь ведет активную внешнюю политику. Борис Александрович заключил договор с Витовтом, помогал ему, присутствовал на знаменитом коронационном сейме. Тверские рати в 1433 г. помогают Свидригайло, державшемуся русской ориентации, в его войне с Сигизмундом, сторонником Польши, Кревской унии и католицизма. Единственным светским представителем Руси на Флорентийском соборе 1439 г. был тверской боярин Фома Матвеевич, не принявший унии и порвавший с Исидором. Флорентийскому собору Борис Александрович придавал очень большое значение. Он требовал, чтобы «святый вселенский собор по первому преданию святых правил», даже получив «писания» византийского императора, остался противником католицизма. Борис Александрович принимал посольство преемника Тимура Шахруха, прибывшего из далекого Афганистана, отбил Ржев у короля польского и великого князя литовского Казимира. Все это свидетельствует об усилении Твери, князя которой на Флорентийском соборе называли «русским императором».

Рост могущества Твери был обусловлен завершением процесса объединения тверских земель в руках великого князя тверского, опиравшегося в борьбе с феодальной аристократией на неродовитое боярство. Как говорится в написанном около 1453 г. «Смиренного инока Фомы слове похвальном о благоверном великом князе Борисе Александровиче», этот последний «гордые с власти сверже, а смиренныя на престоле с собою посади». Среди тверских бояр, верой и правдой служивших Борису Александровичу, участники совместного с московскими ратями похода на Новгород Александр Романович и Карп Федорович, сторонники Москвы Бокеевы, бояре Бибиковы, Нагие, Левашовы, Нащокины, Бороздины, Коробовы — родоначальники старинных русских знатных боярских фамилий. Все это дало повод иноку Фоме величать Бориса Александровича «самодержавным государем», который «царским венцом увяжеся». В московской усобице Борис Александрович сохранял нейтралитет, и Тверь давала убежище и врагам Василия Васильевича Ивану Дмитриевичу Всеволожскому, Ивану Можайскому и Василию Косому, и дважды — самому Василию Васильевичу. В конце концов Борис Александрович становится на сторону Василия Темного, заключает союз и оказывает ему помощь. Союз был скреплен обручением малолетних сына Василия Ивана с дочерью Бориса Марией и передачей тверскому князю Ржевы. В заключении союза Твери и Москвы большую роль сыграл митрополит Иона, настойчиво требовавший от Бориса Александровича помощи Василию Васильевичу. В 1454 г. Василий Васильевич и Борис Александрович заключили договор, по которому последний хотя и не признал старшинства Василия, но зато признал за ним великое княжение и Новгород как «отчины» и обязался ходить вместе с Москвой «на татар и на ляхи и на Литву и на немцы».

Кажется странным и то обстоятельство, что Борис Александрович не воспользовался феодальной войной в Московском княжестве для подрыва

власти Василия Васильевича, ослабления Москвы и возвышения Твери. Но осторожность Бориса Александровича и дружеское отношение к Василию Васильевичу были, очевидно, результатом вдумчивого отношения тверского князя к бурным событиям, развернувшимся на Руси в его княжение. Он учитывал действительное соотношение сил Москвы и Твери, силу общественного мнения и народных масс и феодальных верхов, и в первую очередь — влияние церкви, которая была на стороне московского князя, временный характер его неудач, огромные возможности и богатства, которыми он располагал, поддержку, которую он встречал во всех слоях феодального общества той поры (кроме удельных князей).

В княжение Василия Темного влияние Литвы было заметно ослаблено. Внутренние дела поглощали все внимание литовских князей. Только один раз, в 1445 г., московские войска выступили против Литвы, но в 1449 г. уже был заключен мир; во все же остальное княжение Темного столкновений с Литвой не было.

Присмирели ливонские рыцари, прекратившие свои грабительские налеты на Псковские земли. Псковичи, опираясь на великого князя московского, дали им отпор, и в 1460 г. немцы запросили мира.

Успешной была и борьба с татарами. Казанское царство, недавно возникшее, было еще слабо, и налеты казанских татар успешно отражали татары Касима, служившего великому князю. Только в 1451 г. татарский царевич Мазовша дошел до Москвы, но горожане снова дали такой отпор, что татары бежали, побросав у стен Москвы все ценности, награбленные ими в русских городах. Правда, татары Сеид-Ахметовой Орды (Синей и Ногайской) и войска золотоордынского хана Ахмата нападали на окские города, но и здесь при Василии Темном была создана крепкая «сторóжа» (укрепленная линия), и все нападения татар отбивались русскими.

Василий Темный умер в 1462 г., назначив своим наследником сына Ивана, который был «соправителем» Василия еще при его жизни.

ОБРАЗОВАНИЕ ЕДИНОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА. ЗАВЕРШЕНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РУСИ. ИВАН III

Объединение русских земель в единое государство и формирование централизованного управления на Руси падает на время княжения Ивана III, когда становится реальной и действенной вся совокупность причин, обусловивших складывание Русского централизованного государства.

К тому времени, как указывает К. Маркс, Московское княжество «выросло в могущественный массив».[1]

Перед Иваном III стояла задача создания могущественного единого государства на Руси с централизованным управлением и самодержавной властью во главе, государства, способного выполнять обе свои важнейшие функции — «держать эксплуатируемое большинство в узде» и «расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств».[2] Закрепостить крестьян в масштабах «всея Руси», создать государственный аппарат и законодательство, способствующее феодалам осуществлять свои «права» на землю, на крестьянский труд, на самих крестьян, объединить все русские земли, укрепить свою власть, сбросить татарское иго, иссушавшее и оскорблявшее «самую душу народа, ставшего его жертвой»,[3] вернуть «отчины и дедины», старинные русские земли, захваченные во времена княжой «которы» и слабости Руси врагами — Ливонским орденом, Литвой и Польшей, — таковы были задачи, стоящие перед Иваном III.

Маркс отмечает, что в то время «...Польско-Литовское государство стремилось к завоеванию Московии; наконец, ливонские рыцари еще не сложили оружия».[4]

Ко времени княжения Ивана III старая удельная система уже начала разрушаться. Ослабла раздираемая внутренними противоречиями и Золотая Орда. Маркс сравнивает Орду с умирающим человеком, у постели которого присутствует врач (Иван III), для того чтобы констатировать смерть, но в то же время отмечает, что Иван III все еще был татарским данником.[5]

---

[1] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 81.
[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. С. 604.
[3] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 78.
[4] Op. cit. P. 81
[5] Op. cit.

Иван III сравнительно скоро и успешно разрешил стоящие перед ним задачи. Немудрено, что позднее с именем Ивана связывалось представление о великих преобразованиях и огромных успехах Русского государства, за что он и был прозван «Великим».

Иван III сочетал в себе все качества, унаследованные от своих предшественников и ставшие фамильными в роде Калиты: хитрость и прозорливость, хладнокровие и расчетливость, медлительность и осторожность, упорство и стойкость. Настойчиво доводивший до конца все дела, Иван III отступал перед опасностью только для того, чтобы продумать обстановку, выждать момент и снова перейти в наступление.

Иван III продолжил и завершил кропотливую и длительную деятельность потомков Даниила Александровича Московского, которая подготовляла создание сильного централизованного государства великороссов.

Начал Иван III с покорения и присоединения Новгорода — «главы русских республик» (Маркс). Новгород клонился к упадку. В городе хозяйничала боярская аристократия. Кучка знати («триста золотых поясов», «господа») заправляла делами города. Усилился гнет народных низов, страдавших от самоуправства бояр, от налогов, поборов и ростовщичества.

Летописец пишет, что в середине XV в. «не бе в Новгороде правды и правого суда...». Классовые противоречия между «меншими» «мизинными» людьми и «большими» обострялись. Вечевые сходы перерастали в восстания. В Новгороде бушевала классовая борьба. Спасение от притеснений бояр и крупных купцов многочисленный новгородский ремесленный и мелкий торговый люд усматривал в великом князе, «государе всея Руси», который, как им казалось, был таким же «ворогом» новгородских бояр, как и они сами.

Иван III упорно считал Новгород своей «отчиной». Новгородские бояре, видя, что им не справиться с возмущением народных масс, опасаясь укрепления власти московского князя, что означало бы конец их олигархическому правлению, решают заключить союз с Польско-Литовским государством. Политический строй Польско-Литовского государства, где крупные феодалы сохраняли свою самостоятельность, был ближе политическим стремлениям новгородского боярства, нежели государственный строй централизованного Московского государства. К тому же ослабла военная мощь Новгорода, который теперь уже предпочитал не воевать, а откупаться; росла рознь и в самой боярской среде.

Во главе бояр «литовской партии» стояли сыновья и вдова посадника Исаака Борецкого Марфа — владельцы огромных земель на Северной Двине и в Поморье. Борецкие, опасаясь роста возмущения народных масс, в результате которого они могли бы лишиться своего положения и награбленных богатств, решают изменить своему народу и отдать Новгород Литве. С этой целью они в 1470 г. заключают союз с польско-литовским королем Казимиром IV, который не замедлил прислать в Новгород своего наместника, киевского князя Михаила Олельковича из обрусевших православных потомков литовского князя Гедимина. Михаил Олелькович был избран не случайно. Казимир понимал, что посадить сразу наместником «ляха» — католика — опасно. Бояре «литовской партии» уже строили планы относительно женитьбы Михаила на вдове Исаака Борецкого Марфе.

Отныне король польский и великий князь литовский Казимир, этот «непримиримый враг московитян»,[1] обязывался «сести на конь за Великий Новгород и со всею со своею радою литовскою против великого князя и боронити Великий Новгород». Больше того, из письма гроссмейстера Ливонского ордена гроссмейстеру Тевтонского ордена мы узнаем о том, что новгородская боярская знать заключила союз и с ливонскими рыцарями для борьбы против Москвы и Пскова. Измена новгородской боярской верхушки делу Руси вызвала негодование среди «менших» и среди духовенства, не желавших быть «за латиною». «Земстии же людие того не хотяху, но они, их слушающе, уладищася с королем», — сообщает Типографская летопись. Часть боярства тоже решительно возражала против превращения Новгорода в вассала Польско-Литовского государства.

Один за другим собирались бурные вечевые сходы.

Иван III давно уже враждовал с новгородским боярством за захваченные ими земли. Новгородские правители оказывали великому князю «грубое непокорство». Теперь уже шла речь об открытой измене новгородских «золотых поясов» делу Руси. Иван III попробовал было через митрополита Филиппа воздействовать на новгородских бояр, упрекая их в предательстве и увещевая отказаться от «латинской прелести» и «латинского государства». Но увещевания ни к чему не привели. Тогда Иван III созывает совещание. Собрались его братья, удельные князья, бояре, воеводы, мелкие служилые люди («вои»). И на этом собрании — предтече будущих Земских Соборов — решено было идти войной на «отпавший» Новгород. В июне 1471 г. выступили московские рати. С ними вместе пошли псковичи, вятчане, тверичи. На Руси были возмущены предательством новгородского боярства. На «отпавший» Новгород шла Русь. На новгородских бояр шли как «на иноязычников и на отступников». Не случайно современники сравнивают войско Ивана III с войском Дмитрия Донского. Новгородские же «меншие» люди не хотели воевать с Русью. Их силой заставляли покидать дома и идти в ополчение, наспех собираемое боярами. Сражались они нехотя или вовсе не сражались, как например полк новгородского владыки, отказавшийся обнажить меч против москвичей.

В первых числах июня передовой отряд князя Даниила Холмского и боярина Федора Давидовича вторгся в Новгородскую землю. Часть войска была брошена на завоевание богатой Двинской земли. Во главе всего войска стоял Иван III, в своих руках сосредоточивший верховное командование. Между тем к Новгороду никто не шел на помощь. Даже более того, наместник Казимира Михаил Олелькович еще ранее уехал из Новгорода, не забыв по дороге разграбить Старую Руссу и все остальные города, подвернувшиеся ему на пути к литовской границе.

Новгородские бояре «литовской партии» запросили помощи у ливонских немецких рыцарей. Магистр Ливонского ордена писал великому магистру, что Новгороду надо оказать помощь, так как если Москва его завоюет, то Ливонскому ордену придет конец. Представитель захватчиков-рыцарей был прав, так как Москва действительно скоро заставила Орден смириться.

---

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 158.

Московские рати уже в отдельных стычках били новгородские войска, но большое и решающее сражение произошло лишь 14 июля на берегах реки Шелони. Против 40 тысяч новгородцев шла четырехтысячная рать москвичей, но это было особое войско. Новгородцы воевали по-старому: каждый полк, собранный и вооруженный тем или иным феодалом, действовал сепаратно. Маленькая же московская рать подчинялась единому командованию, и в этом было ее огромное преимущество. Новгородцы были разбиты и, потеряв, по свидетельству летописи, 12 тысяч человек убитыми, бежали с поля сражения. В плен к москвичам попало 1700 человек, в том числе посадник Борецкий.

Шелонская битва была победой нового централизованного и подчиненного единому командованию войска над ратью, действовавшей согласно старым удельным принципам войны.

Исход Шелонской битвы не был случайностью. Другой четырехтысячный отряд московских войск, действовавший под командованием воеводы Образца на севере, разбил на берегах Северной Двины двенадцатитысячное новгородское войско воеводы князя Шуйского.

Новгород был побежден. Своему успеху Иван III был обязан не только тому, что пошла на Новгород «вся Русь», не только единому, централизованному руководству войсками, но и тому, что новгородских бояр «литовской партии», изменников и предателей, ненавистных народным массам из-за их ростовщического и налогового гнета, самоуправства и своеволия, собственно, некому было защищать, и от новгородских низов они могли ждать в лучшем случае лишь недружелюбного нейтралитета.

Новгород вынужден был заключить мир и новый договор с князем, причем заключали его уже сторонники Москвы, ниспровергнувшие «литовскую партию». Иван III действовал осторожно. Он ограничился тем, что возобновил Яжелбицкий договор, но расширил свои права и Новгородской Судной грамотой укрепил княжой суд и власть своих наместников. Политического строя Новгорода Иван III не затронул. Оставалось вече, посадники, т. е. все то, что было признаком «вольности» новгородской, дорогой новгородским массам и дававшей им возможность в какой-то мере бороться с боярской олигархией. Свои удары Иван III направил главным образом против боярской аристократии «литовской партии», которая им была окончательно деморализована и ослаблена.

Такая политика Ивана III объясняется, конечно, не его симпатиями к простым «мужикам-вечникам» и вечевому строю вообще, все традиции которого диаметрально противоположны самодержавной власти. Слишком рано и опасно было бы для Ивана приниматься за ликвидацию вечевых порядков новгородцев. Надо было играть на внутренней борьбе и противоречиях среди самих новгородцев, которые Иван мастерски разжигает.

К. Маркс указывает, говоря об Иване III: «В *Новгороде*... он поддерживал несогласия и партийные раздоры».[1]

Иван III, подчеркивает К. Маркс, «счел нужным разыграть внезапную умеренность»[2] и, взяв дань в 15 тысяч рублей, возвращается в Москву. Этим воспользовались бояре «литовской партии» и снова сгруппирова-

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 156.

[2] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 85.

лись вокруг посадника Василия Ананьина. Их грабеж и произвол снова вызвали волну недовольства среди «черных людей», «молодших» и даже «житьих» (богатых) горожан. Они просят Ивана заступиться за них, так как «насилье держат посадники и великие бояре» и «никому их судити не мочи». Иван «снисходит» к их просьбам и в октябре 1475 г. выезжает в Новгород «творити суд». Еще по пути, в деревнях и селах приходили к нему жалобщики, просившие унять распоясавшихся бояр. Приехав в Новгород, Иван начал судить по новгородским обычаям, в присутствии посадника, владыки и бояр. Обвиненные им в «крамоле» и «перевете» (измене) посадник Ананьин, Федор Борецкий и другие были схвачены и отосланы в кандалах в Москву. Желая привлечь на свою сторону «молодших», «черных людей», «житьих людей» и купцов, он раздает им богатые подарки, выслушивает каждого жалобщика и вообще пытается использовать свое пребывание в Новгороде для того, чтобы создать себе авторитет милостивого, щедрого и справедливого государя. Это ему удалось. К нему стали прибегать все обиженные, недовольные. Иван воспользовался этим, для того чтобы забрать весь суд в свои руки. Новгородский посадник жаловался на то, что он нарушает «старину», но Иван его не слушал. Но напрасно было бы думать, что Иван III в борьбе между новгородскими «меншими» и «лучшими» действительно чистосердечно становится на сторону первых. Если авторитет великого князя среди «менших» после Шелонской битвы значительно возрос и Иван III стал как бы олицетворением «справедливого» государя, если он был засыпан челобитными от «молодших», искавших у него управу на «лучших», которые «на них насилье держат», и искренне веривших в его хорошее к «меншим» отношение, то сам Иван III, совсем не собираясь развенчивать себя в их глазах, в то же самое время в силу узости своих классовых интересов, не отказываясь от демагогического использования симпатий к себе «молодших», опирается в Новгороде все же главным образом на определенные группы боярства. «Меншие» всегда были против новгородской боярской олигархии, против ее изменнической политики, против Польши, Литвы, Ордена, Швеции, против феодальной анархии, они всегда были за Русь, за Москву, за великого князя, за «одиначество» страны и власти, но они никогда не были сторонниками феодальных порядков, откуда бы они ни исходили, от Новгорода ли, от Москвы — безразлично, и поэтому они были за свой вечевой строй, который, оставаясь орудием в руках боярской олигархии, все же давал возможность «меншим» хоть как-то с ней бороться.

В скором времени Иван, последовательно проводя свою политику подчинения Новгорода, решил, что настало время покончить с остатками независимости Новгорода. Поводом послужило следующее обстоятельство. В марте 1477 г. в Москву приехали двое послов новгородских — вечевой дьяк Захар и подвойский Назар. В своей челобитной они назвали Ивана не «господином», как ранее, а «государем». Иван в апреле этого же года отправил послов к новгородцам с вопросом: «какого они хотят государства», хотят ли они, чтобы всюду был «един государев суд и его управление»? Представители новгородской правящей верхушки ответили, что они совсем этого не хотят, не посылали Захара и Назара и не собираются уничтожать «старину». Весть о посольстве Ивана III и его предложениях взволновала весь Новгород. Послы вернулись «с честью», но без всяких

результатов. Иван придрался к этому и заявил, что новгородцы уже назвали его своим государем, а теперь вздумали отказываться от своих слов. Начались приготовления к походу на «отступников».

9 октября 1477 г. войско московское выступило в Новгород. Последний уже не имел сил сопротивляться. Навстречу Ивану едут новгородские бояре, прося его принять их на службу, едут послы, предлагая ему мир, но Иван двигается к Новгороду, оставаясь глухим ко всем предложениям боярства, и в ноябре со всех сторон окружает город своими войсками. Начинаются переговоры. Конечным их результатом было полное подчинение Новгорода Ивану. Отныне Новгород должен был управляться княжескими наместниками, новгородские земли — «колонии» — переходили к Ивану, вечевой строй уничтожался. Даже вечевой колокол, по звону которого столетия собирался на вече новгородский люд, и тот «пострадал» — он был снят и отвезен в Москву.

Часть бояр Иван отправил в Москву. Вотчины их были конфискованы в пользу Ивана. Иван обещал не нарушать прав остального боярства на вотчины и оставить старые судебные законы. Бояре попробовали было заставить Ивана присягнуть хотя бы на том, что он обещал. Иван отказался. Просили, чтобы хоть его наместники «целовали крест Новугороду», т. е. приносили присягу. И в этом было отказано. 15 января 1478 г. бояре Ивана привели к присяге всех новгородцев по концам и улицам. Все новгородские бояре, «дети боярские» и «житьи люди» присягали «в службе» великому князю. Сейчас же приступили к организации в новгородских землях великокняжеского хозяйства и общего «посошного тягла». На Ярославском дворе в Новгороде поместились наместники Ивана, князья Оболенские — Иван и Ярослав.

Так покончено было с «главой русских республик» — Новгородом. Пал древний вечевой строй. Некогда он давал возможность народным массам бороться с боярской аристократией, но к XV в. вече превратилось в арену деятельности олигархов, власть которых становилась невыносимой. В силу этого новгородские низы поддерживали Ивана, несмотря на то что он уничтожил их вечевые порядки. Кроме того, сепаратизм бояр, их попытки отдать Новгород в компенсацию за сохранение собственного господства польско-литовскому королю и магистру ордена немецких рыцарей, их явная антинациональная и антинародная политика способствовали укреплению патриотического чувства новгородцев, стремившихся к слиянию с Москвой в единое Русское государство.

Отдельные вспышки борьбы бояр против Ивана продолжались и позднее. Так, например, в 1479 г. Иван узнал о том, что некоторые новгородские бояре снова ведут переговоры с королем Казимиром и Орденом, и осенью того же года он снова осаждает Новгород. В городе уже опять орудовали бояре, выбравшие посадника, тысяцкого и установившие все «по старине». В дело вмешался сам римский папа, которому Казимир обещал отдать новгородскую церковь. Римский папа приказал собирать деньги на организацию борьбы за Новгород. Но и на этот раз просчитались «ляхи» и глава католической церкви. Иван внезапно напал на Новгород и открыл по нему стрельбу из пушек. В городе началось смятение. Действия бояр вызвали недовольство «менших» — сторонников Москвы, и они перешли на сторону осаждающих. Бояре вынуждены были сдаться.

Иван въехал в город. Владыка новгородский и сто семейств детей боярских и купцов были сосланы, а их имущество конфисковано.

Казни и «выводы» бояр, детей боярских, «житьих людей» и купцов шли в течение ряда лет. Их имущество конфисковывалось, а сами они ссылались в московские города. Было конфисковано много земель владыки и монастырей. Всего до 1488 г. включительно было переселено больше 8 тысяч семейств. На конфискованных землях Иван «испомещал» (т. е. раздавал земли в поместья) московских дворян и детей боярских, которые не были связаны с местным населением, были далеки от новгородских вечевых традиций, тяготели к Москве, к великому князю и были его лучшей опорой в присоединенном крае. Боярские «послужильцы» были превращены в помещиков. В Новгороде появились и московские купцы.

С ликвидацией местной феодальной верхушки, с перенесением в новгородскую землю московских порядков, законов, обычаев, новгородская земля потеряла свои особенности, свою специфику и слилась с Москвой в единое Русское государство.

Конфискованные на севере огромные боярские и монастырские земли Иван оставил за собой и не раздавал их московским дворянам и детям боярским. Здесь господствовало государственное землевладение. Крестьяне зависели только от князя, платили ему налоги. Это крестьянство называлось «черносошным».

Так покончено было с олигархической боярской вечевой республикой — Господином Великим Новгородом. Успех Ивана III в борьбе с богатым и могущественным Новгородом объясняется тем, что и в дни Шелонской битвы, и во времена «стояний» Ивана III под Новгородом — «Городищенского», «Троицкого» и «Славенского», симпатии народных масс, хотя и тяготевших к родной вечевой старине, были на стороне великого князя, олицетворявшего единую Русь, на стороне Москвы. И как ни пышет злобой по отношению к сторонникам Москвы новгородский летописец, преисполненный желания сохранить старые порядки аристократической боярской республики, новгородец Упадыш заклепал пять пушек, для того чтобы они не открыли огонь по московскому войску, «владычнь стяг» (полк архиепископа новгородского) отказался поднять руку на рати великого князя, а простые новгородцы не хотели идти на войну, отговариваясь тем, что они «испротеряхся конем и доспехом».

Покончив с Новгородом, Иван принимается за уничтожение самостоятельности других княжеств. Еще в 1463 г. было ликвидировано Ярославское княжество, и князь ярославский Александр Федорович, князья Сицкие, Курбские и Прозоровские стали уже не «подручниками», а слугами. В 1474 г. настал черед князей ростовских, а через одиннадцать лет — князей тверских.

В Твери чувствовали, что приходит конец ее самостоятельности, и еще в 1476 г. много тверских бояр и детей боярских «отъехали» на службу в Москву. Тверской князь Михаил Борисович в 1483 г. заключил союз с Казимиром IV. Ответом было вступление в следующем году московской рати на территорию Тверского княжества. Михаил вынужден был присягнуть Ивану уже как «молодший брат» и обещал не вести переговоров с Литвой. Кроме того, он обязывался не вступать в переговоры с беглецами из Москвы, противниками Ивана III, укрывавшимися в Литве, — сыновьями Шемяки, князьями Можайскими, Боровскими и др.

Тверской князь слабеет, падает его авторитет. Сознавая силу Москвы и слабость своего князя и предчувствуя скорый конец Твери, тверские бояре переходят на сторону московского князя. Уже в 1485 г. «отъехали» на Москву удельные князья тверские Андрей Микулинский и Иосиф Дорогобужский и множество бояр. Внешне смирившись, Михаил не сдавался. В 1485 г. был перехвачен гонец Михаила, ехавший в Литву; выяснилось, что тверской князь снова пытается «отложиться» от Москвы. Иван вторично пошел на Тверь, и 10 ноября 1485 г. Тверь сдалась, причем многие удельные князьки, бояре и горожане открыто перешли на сторону Москвы. Михаил бежал в Литву, долго скитался по Литве и Польше, жил в Кракове и умер, не оставив после себя наследника. Так было присоединено Тверское княжество.

Из Твери было «выведено» много бояр и детей боярских, и, так же как и в Новгороде, в тверских землях были поселены московские дворяне и дети боярские. В начале XVI в. их там было уже очень много. Иван и здесь создавал себе этим прочную опору, ссылая в то же время тверских феодалов в разные области Московского княжества.

В этом же году был ликвидирован последний удел в Московском княжестве — Верейский.

Затем настала очередь и своевольной Вятки. В годы феодальной войны, в княжение Василия Васильевича, Вятка стояла на стороне его противников и ее «удалые молодцы» совершали нападения на земли великого князя. Правда, в 1459 г., расправившись с Шемякой и заключив Яжелбицкий договор с Новгородом, Василий Темный отправляет свои войска в Вятку — последний оплот его противников и сторонников старых порядков, союзников Шемяки. Войска князей Патрикеева и Ряполовского взяли Котельнич и Орлов, осадили Хлынов и вынудили вятчан просить мира «на всей воле великого князя».

Во времена Ивана III «меншие» люди Вятки все более и более тяготеют к Москве. Во главе группировки вятских бояр, тяготевших к Москве, и «менших» становится Константин Юрьев, организатор героического похода вятчан на Сарай в 1471 г. Влияние этих социальных сил и обусловило участие вятчан в походах Ивана III на Новгород, Пермь и Югру. Но среди вятских бояр были и противники Москвы, сторонники старых порядков. Это были Аникиев, Богодайщиков, Лазараев и др. Они совершали набеги на земли великого князя Устюг Великий, на Важскую землю (1466, 1486, 1488 гг.), поддерживали мансийского князька Асыку, сражавшегося против Ивана III, вынудили Константина Юрьева бежать в Москву. Пользуясь тем, что в 1485 г. Иван III вел войну с Казанью, они не только не поддержали его, ответив отказом на требование Ивана прислать свои войска «в помощь», но стали ориентироваться на врага Москвы — Али-Хана и «отступили от великого князя».

В ответ на это в 1498 г. войска Даниила Щени и Григория Морозова двинулись на Вятку. Осажденный Хлынов сдался. Вятка была присоединена к Москве, а противники великого князя Аникиев, Лазарев и Богодайщиков казнены. Бояр и купцов вятских Иван III «развел» по другим городам и землям, а в Вятке поселил устюжан. Везде и повсеместно по Вяткой земле была установлена московская организация управления. Вся Вятская земля с городами Хлынов, Орлов, Слободской, Котельнич стала «вотчиной» Московской.

Так завершалось объединение русских земель.

Оставались еще формально «самостоятельными полугосударствами» Псков и Рязань.

Псков еще в княжение Василия Темного, как мы уже видели, фактически подчиняется московскому великому князю, который начинает назначать в вечевой город своих наместников, не считаясь со «стариной». Правда, первого наместника, князя Владимира Андреевича, приехавшего в 1461 г. во Псков «не по псковской старине, псковичи не зван», столкнули с вечевого помоста — «степени» — и прогнали, а вступивший на престол вскоре же после этого события Иван III, «подивив», ограничился тем, что три дня не пускал к себе псковских послов и затем признал псковскую «старину». Тем не менее события развертывались в одном определенном направлении — к ликвидации Псковской вечевой республики. «*Псков* хитрой уступчивостью спас на некоторое время свои старинные учреждения», — указывает К. Маркс.[1]

Как и в Новгороде, пожалуй даже еще в большей степени, Иван III использует в своих целях классовую борьбу в Пскове.

В 1483—1485 гг. в Пскове имели место волнения смердов. Начались они с того, что в 1483 г. псковичи «посекли» дворы посадников и «иных много дворов посекоша». Но особой остроты противоречия между «большими» и «меньшими» достигли в следующем году. Причиной волнения были «великия тяготы», павшие на плечи смердов, а поводом послужило следующее обстоятельство. В «ларе» (архиве) Троицкого собора в Пскове лежала «смердья грамота», определявшая повинность смердов. Есть основания полагать, что в 1484 г. псковское боярство с ведома наместника великого князя, через Совет Господ провело решение об уменьшении повинностей смердов в пользу города, для того чтобы получить возможность увеличить повинность смердов в свою пользу, и вместо старой «смердьей грамоты» в «ларь» была положена другая. При этом, естественно, повинности в пользу города переносились на «черный люд» Пскова. «Черные люди» выступили на вече против этой попытки бояр отягчить их положение и главным образом против попытки бояр и наместника решить такой важный вопрос, минуя вече. Посадник Гаврила на вече «всем Псковом» был убит, на остальных посадников написали «мертвую грамоту». Приговоренные «черными людьми» к смерти посадники бежали в Москву. «Черные люди» посылали «силою» одно за другим посольство бояр к Ивану Васильевичу. Поднялись и смерды. Во главе восставших смердов стояли Стехно, Сырень и Лежень. Наместник Ивана III в Пскове, князь Ярослав Васильевич Оболенский, как только начались волнения, решительно стал на сторону смердов, настаивая на облегчении их повинностей перед городом и в то же самое время стараясь не затронуть и «черных людей», которые к тому же выступали не против великого князя, а отстаивали свои старые вечевые права. Во время переговоров «молодшие», «черные люди» писали Ивану: «Како нам, осподарь, укажешь, и мы всю волю твою створим о смердях и о посадниках».

Это «смердолюбие» Оболенского и диктовавшего его политику в Пскове Ивана Васильевича, «государя всея Руси» и главы «всего фео-

---

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 156.

дального порядка»,[1] было далеко от стремления действительно прийти на помощь страдавшим от «насилия» смердам. Расчленять, разъединять общественные силы врага, сеять рознь и противоречия было неизменной политикой Ивана. Эта политика отчетливо проявилась в попытке Ивана воспользоваться борьбой смердов и «черных людей» из-за «смердьей грамоты». «Черный люд» — «вечевики» — выступил против посадников потому, что была попрана «старина» и такой важный вопрос, как составление новой «смердьей грамоты», решился Советом Господ, без обычного в таких случаях вечевого схода. Вече было и против смердов, но в глазах «черных людей» смерды просто нарушали старые порядки, что грозило ухудшением их положения, и мятежных смердов достаточно было изолировать. К посадникам, нарушившим «старину» и больно ударившим по вечевым традициям псковичей, у «черных людей» вечевого города было иное отношение — их рассматривали как врагов и намеревались казнить.

Иван III решительно стал на сторону смердов и вернул посадников в Псков. «И тако уляже брань о смердах». Но лишь на время. «Некий поп» нашел еще более древнюю «смердью грамоту», текст которой не сулил смердам ничего хорошего. Один из псковских смердов вырвал грамоту из рук попа и «скрыл» ее, т. е. или спрятал, или уничтожил. И снова началось волнение смердов. Снова псковские послы обратились к Ивану III с челобитной, жалуясь на действия Оболенского, но великий князь, «ярым оком воззрев», прогнал их и велел прекратить преследования смердов. Псков притих.

Полным хозяином чувствовал себя Иван III и в Рязани. Рязанский князь воспитывался в Москве, а правившая в Рязани в его малолетство мать Аграфена получала указания от Ивана. Рязанские князья и бояре, «слуги вольные» и дворяне служили «государю всея Руси». В 1503 г. к Москве отошла половина Рязанского княжества. Самостоятельность Рязани уходила в область преданий.

Иван III решительно боролся с удельной системой в самом Московском княжестве. В договорных и духовных грамотах, заключенных в 80-х годах, все яснее и яснее выступает стремление Ивана Васильевича сократить число уделов в самой Московской «отчине» и установить большую зависимость удельных князей из числа родственников великого князя от этого последнего.

К концу княжения Ивана III остался только один удел князей московского дома, а именно крошечный удел Федора Борисовича Волоцкого, да сидели в Мещере, в Новом Городце на Оке касимовские татарские царевичи.

Так завершилось объединение Руси.

Ф. Энгельс отмечает: «...в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III».[2]

---

[1] Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I. С. 443.

[2] Ф. Энгельс. Ук. соч. С. 450.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Вторая половина XV и начало XVI в. характеризуется развитием производительных сил феодальной Руси. В недрах ее натурального хозяйства продолжается и ускоряется процесс общественного разделения труда. Растет ремесло. Изменяется характер деревенского ремесла. Если раньше, занимаясь каким-либо «промыслом», ремеслом, крестьянин добывал сырье сам в своем хозяйстве и продукт его труда предназначался для потребления внутри хозяйства крестьянина или феодала, если раньше, в XIII—XIV вв., «патриархальное (натуральное) земледелие соединяется с домашними промыслами (т. е. с обработкой сырья для своего потребления) и с барщинной работой на землевладельца»,[1] то во второй половине XV в. «патриархальное земледелие соединяется с промыслом в виде ремесла».[2] Крестьянин начинает покупать сырье, необходимое ему для ремесленной деятельности, и продавать свои изделия.

Деревенское ремесло все больше и больше отрывается от земледелия. Растет число «непахотных» ремесленников. Появляется ряд новых отраслей деревенского ремесла (плотничное, портняжное, сапожное), исчезают такие отрасли ремесла, которые не выдерживают конкуренции искусных городских ремесленников (литейное, ювелирное). Развиваются крестьянские промыслы (железоделательный, солеварение). Появляются промысловые районы. В сельских местностях возникают «рядки» — поселки ремесленников и купцов, становящиеся наравне с городами экономическими центрами небольших районов и звеньями в цепи устанавливающихся внутренних торговых связей.

В хозяйстве феодалов наряду с барщиной и натуральным оброком (изделиями) появляется денежный оброк. Ремесленники переводятся на денежный оброк; многие из них уходят в города, пополняя ряды посадского ремесленного люда, или нанимаются на работу в промысловых районах. Среди крестьян, занимающихся промыслами, появляются такие, как Строгановы, родоначальник которых Спиридон Строганов (умер в 1395 г.) заложил основу богатейшего хозяйства «гостей» Строгановых, некоронованных королей Русского Севера, Урала и Сибири. Но таких были единицы. Множество крестьян-кустарей, разоряясь,

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 3. С. 329.
[2] Там же.

«кормились» своей «работой», ходили «по миру», положив начало отходничеству.

В селах, стоящих близ торговых дорог, возникают торжки, куда в определенные дни съезжались крестьяне, ремесленники, купцы для покупки и продажи.

В таких селах жили кузнецы и гончары, сапожники и седельники, бондари и овчинники, портные и плотники, работавшие у себя на дому и торговавшие на скамьях («лавках»), на полках, с рук.

Еще более быстрыми темпами растет городское ремесло. В Москве в конце XV—начале XVI в. насчитывалось свыше двух тысяч ремесленников, в Туле, Коломне, Можайске — по нескольку сот. Расчленяются ремесла.

Наряду с общим понятием «кузнечного дела», «кузнецов», появляются игольники, гвоздичники, ножовники, замочники и пр.

Непрерывно растет число ремесленных специальностей, достигая в XVI в. двухсот. Бронники и секирники, лучники и стрельники производили оружие, сковородники и полудники, гончары и бондари — предметы домашнего обихода, кожевники и башмачники, сарафанники и шубники, шляпники и чулочники, кафтанники и душегреечники производили одежду и обувь, а кормили и поили многочисленный городской люд хлебники и пирожники, квасники и рыбники и прочие ремесленники, изготовлявшие «пития и ядения». Характерно отметить бурный рост в XVI в. числа ремесленников, производивших съестные припасы, что не может не свидетельствовать о росте, в свою очередь, числа горожан, не связанных с сельским хозяйством и вынужденных покупать продукты питания.

Появляются новые отрасли ремесленного производства, вводится ряд технических новшеств: производство кирпича и строительство из кирпича (вместо белых каменных плит), литье пушек из меди, прокат металла, ковка листового железа и т. д.

Связь между ремеслом и торговлей была очень прочной. Ремесленник зачастую сам продает свои изделия и даже вывозит их в дальние края. Так, например, в 1498 г. у Таванского перевоза на низовьях Днепра был ограблен караван русских купцов. Среди 120 русских купцов из Москвы, Новгорода и Твери было множество ремесленников, в именах сохранивших свои ремесленные прозвища (Обакум Еремеев, сын красильников, Зиновка сагайдачник, Ондрюшка бронник, Сафоник Левотиев, сын игольник, Борис укладник и др.). С течением времени многие из таких ремесленников превращались в купцов. Так, например, пскович-ремесленник Кирилл построил на помин души церковь, что свидетельствует о его богатстве. С другой стороны, большинство ремесленников жило бедно, тяжело, нищало. Ютились в жалких «курных избах», на окраинах города, в ужасных условиях, скученно, тесно, голодали. Заработки были очень низки. Подчас изделие стоило почти столько же, сколько материал, пошедший на его изготовление. «Хлад» и «глад», постоянные пожары, наводнения, неурожаи разоряли «в конец» ремесленный люд и вынуждали его идти в кабалу, брать взаймы. И тот ремесленник, который мог сказать про себя: «что кун, то все в калите, что порт, то все на себе», не выходил из долга и нищеты.

Особенного развития достигает ремесленное производство в Москве. Москва прославилась своими ювелирами, серебряных и золотых дел мас-

терами и оружейниками. Московские ремесленники лили свинцовые доски (листы) для кровли, чего не умели делать в других областях Руси, колокола, пушки, производили порох, размножали от руки изящно отделанные и переплетенные книги, сооружали часозвони с огромными часами и т. д. В Москве, Пскове и других больших городах Руси насчитывались десятки (60—70) ремесленных профессий. Ремесленный и торговый люд на Руси объединялся в «улицы», «сотни», «ряды», «обчины», «братчины». Росла роль ремесленного люда в жизни Русской земли.

Растет внутренняя торговля — результат общественного разделения труда и развития товарного производства мелкого производителя. Возникают ярмарки (например, «Холопий городок»). «Торги» и «торжишки», на которые съезжались крестьяне, ремесленники и купцы, «ярманки» и «рядки» составляли клеточки зарождающегося национального рынка. Крестьяне ездили на «торги», продавали свои продукты, покупая, в свою очередь, ремесленные изделия. Так, Юрий Дмитриевич в своей грамоте Савва-Сторожевскому монастырю (1404 г.) указывает: «Который хрестьянин монастырской купит или меняет и он пятнит в монастыре; а который хрестьянин монастырской продает с торгу или в селе, и они тамгу платят игумену Саве в монастыре». Так во второй половине XV и начале XVI в. зарождались те местные рынки, которые с течением времени, в «новый период русской истории», в XVIII в., сложатся в единый всероссийский рынок.[1] Уже давно, подчиняясь растущему обмену, князья договариваются между собой разрешать «гостю гостить без рубежа», предоставлять купцам «путь чист без рубежа», не увеличивать таможенные сборы («мыта держать прежние»). Развитие обмена вынудило приступить к созданию собственной монетной системы. Со времен Дмитрия Донского Москва приступает к чеканке собственной монеты и «рублевая» система сменяет старую «гривенную».

Характерно изображение на московской монете Георгия Победоносца, поражающего «змия», — отражение Куликовской битвы. Затем стали чеканить свою монету в Нижнем Новгороде, Серпухове и в других княжествах. Развитием денежного хозяйства на Руси подготавливается установление единой денежной системы.

Во второй половине XV в. потребности товарного производства настоятельно диктуют рост внутренней торговли.

В руках богатых московских купцов — гостей-сурожан и других гостей (Весяковых и Саларевых, Онтоновых и Шиховых, Ермолиных и Ховриных) — сосредоточивался торг с Сурожем (Судаком) и Константинополем, Кафой и Востоком, странами «бесерменскими», с Севером, Литвой, Ливонией, Польшей, Германией, с русскими городами Новгородом и Псковом, Тверью и Нижним Новгородом. Московские гости-сурожане и суконщики имели свои купеческие организации, объединявшие своих членов вокруг церквей. Такими церквями в Москве была церковь Иоанна Златоуста (1479 г.), собор Николы Гостунского (1506 г.).

Развитие внутренней торговли, множество торгующего люда, продающего свои изделия, продукты, добытые своим трудом, многочисленность купечества, бойкий торг в Москве поражали иностранцев, посещавших Москву в XV—XVI вв. — Амвросия Контарини, Сигизмунда Гербер-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. I. С. 137.

штейна, Иосафата Барбаро. Последний, правда, и не был в Москве, но хорошо ее знал.

Хотя первенство переходит к Москве, но торговое значение таких городов, как Тверь, Псков, Ярославль, Вологда, Нижний Новгород, Вятка, Рязань, не падает, а возрастает. Рост общественного разделения труда, отделение ремесла от сельского хозяйства и развитие товарно-денежных отношений к этому времени достигают такой ступени развития, когда необходимым условием для дальнейшего роста производительных сил страны являются окончательная ликвидация феодальной раздробленности и создание единого централизованного государства. В работе «Национальный вопрос» В. И. Ленин подчеркивает, что основой создания национальных государств является экономическая необходимость, обусловленная в свою очередь развитием рынка как центра торговых отношений.[1]

Растет значение городского населения — ремесленников и купцов — не только в экономической, но и в политической жизни Руси.

Материальная помощь великим князьям со стороны богатого купечества (например, гости Ховрины помогали деньгами Василию Темному), поддержка, оказываемая великим князьям со стороны городских ополчений и ратей сурожан и других гостей, дипломатические поручения, выполняемые купцами, рост числа ремесленников, снабжавших оружием их дружины, упорное стремление «черных людей» к единству Руси, которое только и могло обеспечить нормальную хозяйственную жизнь и дать возможность трудиться спокойно, не боясь «нахождения» татар или литовцев или княжих усобиц — все это свидетельствовало о растущей связи «государя всея Руси» и русского городского люда.

Феодальная раздробленность с сопровождавшими ее войнами и усобицами, с постоянной опасностью для купца и ремесленника быть ограбленным на дороге ли в городе враждебным князем и его войсками, с ее мытами, тамгами, таможнями, отсутствием единства в единицах измерения и денежной системы и т. д. — все это противоречит устанавливающемуся торговому общению городов и областей.

И если раньше, когда еще силы отдельных великих княжеств были более или менее равны, горожане часто поддерживали своих князей, то теперь, со времен Василия Темного, авторитет этих князей был подорван, власть их сведена почти к нулю и горожане начали понимать, что единственным «представителем порядка в беспорядке», нарушающим и препятствующим естественному росту экономических сил страны, является московский князь. Становится понятным, почему так легко «сводит со столов» удельных князей Василий Темный. Город не только не поддерживал теперь «своего» князя, пытающегося отстоять свою самостоятельность от притязаний великого князя московского, но открыто переходил на сторону этого последнего. И вряд ли возможно переоценить роль городского населения в процессе объединения Руси.

Развитие товарно-денежных отношений не могло не отразиться на феодальном хозяйстве. Во второй половине XV в. и позднее, в XVI в., кроме далекого севера, где преобладало подсечное хозяйство, и юга, пограничья с «Диким Полем», где господствовал перелог, всюду укрепля-

[1] В. И. Ленин. Национальный вопрос: (Тезисы по памяти) // Ленинский сборник. Т. XXX. С. 62.

лась трехпольная система земледелия со сменой пара, озими и яра в трех полях. При этом обычно измерялось одно поле, так как считалось, что все три клина равны («а в дву потому ж»). Распространению трехполья способствовало применение удобрения (навоза, «гноя», как говорили тогда на Руси). Многочисленные указания на пашню «наездом» свидетельствуют об интенсивном освоении новых земель, так как пашня «наездом» представляла собой лишь первый этап в установлении на новых землях трехпольной системы. Урожаи на юге Руси были относительно велики, хотя, как правило, они не превышали сам-3, сам-5.

Родившаяся в условиях русских северных лесов соха продолжает совершенствоваться. Распространяется двузубая соха, к сохе приделываются резец и отвал («полица»), имеющий различную форму в зависимости от условий почвы и потребностей. Соха усложняется, дифференцируется, появляются различные ее типы и виды. В областях, прилегавших к лесостепи, распространяется и совершенствуется плуг. Хотя и медленнее, чем техника ремесла, развивается и видоизменяется техника земледелия. Развитие земледелия, обусловленное хозяйственной инициативой крестьянства, имело своим результатом увеличение добычи хлеба, а эта последняя была продиктована не только и даже не столько возрастающими потребностями самого крестьянства, сколько возросшими государственными податями и оброками. Для внесения их нужны были деньги, а деньги можно было добыть на рынке, продавая плоды своих трудов. Вот почему русский крестьянин в конце XV в. повез хлеб на рынок.

Непрерывный рост общественного разделения труда приводит к тому, что в селах, как мы уже видели, появляются и растут ремесленные и торговые центры («рядки») — местные рынки. Так, например, «рядок» Млево в конце XV в. насчитывал 225 лавок, а спустя 40—50 лет — уже 332 лавки. Так же быстро росло в конце XV и начале XVI в. торговое и ремесленное село Медна. Непрерывно растущий ремесленный, работный, торговый люд городов и «рядков», торговых сел и промыслов нуждался в сельскохозяйственных продуктах. В город везли свои продукты крестьянин и монастырь, боярин-вотчинник и дворянин-помещик. В Белоозере торгуют хлебом приезжие из Москвы, Твери, Новгорода и Вологды. Торгуют хлебом Кирилловский монастырь на Белоозере, посылающий своих крестьян летом на лодьях, а зимой на санях в разные города, торгуют крестьяне Троицкого монастыря, торгует хлебом, наконец, сам «государь всея Руси» Иван Васильевич. В свою очередь, север посылал во все концы Руси соль, северо-запад — лен, Волга — рыбу. Крупные города поглощают массу сельскохозяйственных продуктов.

Иосафат Барбаро, описывающий Москву в конце XV в., пишет: «Изобилие в хлебе и мясе так здесь велико, что говядину продают не на вес, а по глазомеру. За один марк вы можете получить четыре фунта мяса; семьдесят куриц стоят червонец, а гусь не более трех марок... Зимой привозят в Москву такое множество быков, свиней и других животных, совсем уже ободранных и замороженных, что за один раз можно купить до двухсот штук». Рынок в Белоозере был завален рыбой, мясом, птицей, дичью, продуктами молочного хозяйства, грибами, ягодами, льном и т. п.

Обилие сельскохозяйственных продуктов и их относительная дешевизна не могли не привлекать в город тех крестьян, которые у себя в деревне вели полуголодное существование и многие из них уходили в города кормиться «работой черною» или заниматься, если могли и умели, ремеслом.

Рост торговли хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами не мог не оказать влияния на хозяйство феодалов. Хлеб становится товаром. Становится выгодным продавать хлеб, тем более что деньги нужны феодалу для того, чтобы купить «пороховое зелье» для «огненного боя», изделия искусных городских ремесленников, «заморские» изделия (всякие «блюда езднинские», «вина фряжские», «сукна венедицкие», «зерна гурмызские» и пр.), — свое вотчинное ремесло перестает удовлетворять. Деньги все больше и больше входят в обиход хозяйства феодала. Раньше во дворе князя, боярина было множество челяди, с хозяйственной точки зрения — бесполезных «тунеядцев». Теперь уже не было смысла кормить многочисленных холопов, наполняющих дворы и сени боярских хором. Выгоднее отпустить их на волю. Обувать и одевать челядь, кормить хлебом, который так бойко раскупают на рынке, — не в интересах феодалов. Они предпочитают труд крепостных крестьян и всякого рода «наймитов», сближающихся с кабальными людьми. И первыми стали избавляться от обузы-челяди с ее непроизводительным трудом монастыри. За ними пошли светские феодалы — князья, бояре. Появляются добровольные холопы — вольные работники, служащие «без крепости».

Поскольку торговля хлебом становится выгодной для феодала, растет собственная барская запашка. Так, где ее не было раньше и феодал довольствовался натуральным оброком, она возникает (Новгородский Софийский Дом в начале XVI в.).

Некоторые бояре, запершиеся в своих хоромах, изолировавшие свой дом и свое хозяйство от остального мира, жившие «по старине» и не желавшие ее «рушить», не умевшие перестроить свое хозяйство, не могли добыть деньги путем реорганизации своих вотчин, а так как деньги становились насущной потребностью, они попадали в неоплатную задолженность к ростовщикам — купцам и монастырям, «охудевали», разорялись, продавали «рухлядь» и «платьишки», стародедовские «доспехи», дорогую утварь. За счет их вотчин и богатств росли вотчины и богатства монастырей, таких, как, например, Троице-Сергиевский, Кирилло-Белозерский, священников, как протопоп Благовещенского собора Василий — кредитор десятка князей, и, наконец, купцов.

Другие бояре, и таких было немало, сумели перестроить свое хозяйство, как того требовали растущие товарно-денежные отношения, расширив барскую запашку, увеличив натуральный оброк, введя денежный.

Бурно растущий «служилый люд» — дворяне, испомещаемые на землю великим князем, настойчиво добивались расширения своих земель и укрепления своих прав на землю и на крестьян. Хотя в руках монастырей и бояр было 2/3 вспаханной земли, дворяне — помещики, новая, прогрессивная группировка господствующего класса феодалов, — требовали земель и земель. Дворянское поместное хозяйство было таким же крепостническим, как и вотчина, но феодальная вотчина — сколок удельной поры, своеобразный замкнутый мирок, олицетворяющий феодальную раздробленность, — противопоставляла себя централизованному управлению, тогда как поместье было связано с центральной властью, зависело от нее, олицетворяло новые порядки, тесную связь землевладельца — феодала — с «государем всея Руси».

Развитие товарно-денежных отношений побуждало феодалов к переводу крестьян на денежный оброк. Возникает денежная рента. Она не вы-

тесняет ни натурального оброка, ни барщины — В. И. Ленин подчеркивает, что «отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен „Русской Правды“»,[1] — но сам факт ее распространения свидетельствует о влиянии растущих товарно-денежных отношений на хозяйство феодалов.

Естественно, все эти изменения в феодальном хозяйстве не могли не отразиться на положении крестьянства.

Вовлечение феодального хозяйства в товарно-денежные отношения ухудшило положение сельского населения, усилило его эксплуатацию, его зависимость от землевладельца.

По-прежнему большинство зависимого сельского люда составляют крестьяне-старожильцы — основная масса сельских «тяглецов» в феодальном хозяйстве, рабочая сила и плательщики оброка. Старожильцы, как правило, — люди «искони вечные», «пошлые», которых «блюдут» и не отпускают и князья, и бояре, и монастыри. Среди старожильцев и «искони вечные» отцы, деды, прадеды которых сидели на одной и той же земле, и ставшие таковыми бывшие «новопорядчики», и порядившиеся в старожильцы. Все они в одинаковой степени зависимости и от землевладельца, и от князя и, как правило, еще пользуются правом перехода.

Но уже в середине XV в. вместе с развитием товарно-денежных отношений меняется положение старожильцев. Вместе с ликвидацией удельных княжеств исчезла возможность «перезываний» крестьян из княжества в княжество. Государственная власть сама приходит на помощь феодалам, помогая им закрепощать крестьян. Меняется положение и других категорий зависимого сельского люда.

С середины XV в. «серебро», т. е. деньги, взятые взаймы, начинает прикреплять серебреника к личности заимодавца. Такого рода зависимость становится все более и более прочной по мере роста спроса на рабочую силу, обусловленного развитием внутреннего рынка. В конце XV в. появляются кабальные холопы — разорившиеся свободные люди. Различного рода кабальные люди фактически все больше и больше сближаются с холопами, хотя формально «служилая кабала» устанавливает лишь «добровольное» подчинение закабаленного хозяину. Меняется положение и половников — зависимого сельского люда Псковской и Новгородской земель. Вторая половина XV в. характеризуется ростом половничества, что опять-таки было связано с развитием товарно-денежных отношений. Половниками становились или вольные люди, не имевшие ни земли, ни орудий труда, или обедневшие крестьяне. Половники обрабатывали своими лошадьми землю хозяев, платили половину урожая, как правило, не платили государственных податей, имели право по истечении срока уходить от хозяев. Но с середины XV в. наблюдается характерное явление — половники остаются у хозяев и по окончании срока договора, переписывая свои долги в новые порядные.

Растет число новопорядчиков — обедневших крестьян, которые не могли по-прежнему справляться с тяглом, не моги сами, без посторонней помощи восстановить свое разоренное хозяйство, но все же рассчитывали со временем стать на ноги.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 3. С. 272.

Как мы видим, увеличение всех феодальных повинностей — результат обусловленного ростом общественного разделения труда развития товарно-денежных отношений — ломает «старину», изменяет привычные, старые взаимоотношения между крестьянином и феодалом в пользу последнего. Усиление феодальной эксплуатации вело к бегству крестьян, а это последнее грозило феодалам «запустением» их земель. И вот тут-то на сцену выступает государство русских феодалов, призванное держать в узде эксплуатируемое большинство — крестьянство.

Подготовленный Владимиром Гусевым и принятый в 1497 г. Судебник Ивана Васильевича устанавливал правило, по которому «...христианам отказыватися из волости в волость, из села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделю после Юрьева дня осеннего». Уходящий крестьянин должен был при этом уплатить «пожилое» в размере одного рубля в безлесных местностях и полтины в лесной полосе в том случае, если он прожил у хозяина не менее четырех лет. Проживший один год платил «четверть двора», два года — «полдвора», три года — «три четверти двора».

Судебник определял положение холопов и источники холопства. Источники холопства сужались. Холоп, бежавший из плена, становился свободным, городской ключник не превращался в холопа и т. д. Судебник 1497 г. был важным этапом в оформлении крепостного права на Руси. Государственная власть выполняла свою основную функцию по отношению к крестьянству, удовлетворив этим самым интересы феодалов.

Крестьянству стало жить еще трудней, еще хуже. Огромное большинство крестьянских поселений составляли небольшие деревушки в 3—4 двора, а то и меньше. Стихийные бедствия, голод, мор, чрезмерная эксплуатация крестьян, войны приводили к тому, что много деревень превращалось в «пустоши». Крестьяне жили в маленьких «курных избах», у которых не всегда были хозяйственные пристройки. «Волоковые» окна, затянутые пузырем, пропускали мало света, в некоторых избах даже такие окна отсутствовали и их заменяли узкие отверстия, и только лишь «лутчие» крестьяне, наиболее зажиточные, вставляли в окна слюду. Землю обрабатывали сохой, которую тащила по пашне крестьянская лошадка. Немного было у крестьянина и «живности» — скота и птицы. Крестьянство жило тяжело, кое-как сводя концы с концами. Малейшее бедствие разоряло крестьянина, заставляло его идти в кабалу.

Как мы уже видели, крестьяне отвечали на ухудшение своего положения усилением классовой борьбы. Волнения охватывали монастырских крестьян, поднималась «въстань» из-за «смердьей грамоты». В «Житиях» русских святых мы находим многочисленные указания на борьбу крестьян против своих эксплуататоров — монастырей. Монастыри несомненно сыграли большую роль в истории России, в частности в истории Русского Севера, как колонизационные базы, но монастыри были и духовными феодалами и их деятельность следует рассматривать прежде всего с этой точки зрения. Осваивал дремучие леса, «выдирая» и «расчищая» лес под пашню, русский крестьянин, но стоило только крестьянам расчистить лес, как тотчас же монастырь предъявлял свои права на участки с таким трудом добытой «орамой земли». Вот почему крестьянский люд так подозрительно относился к разного рода «старцам», поселявшимся вблизи их «росчистей». Немудрено, что «люди неблагодарные» из села Скорботова

изгнали Антония Сийского, опасаясь, что «великий сей старец» завладеет их землями. Изгоняли крестьяне и основателя Юрьегорской пустыни Дамиана. Когда Дмитрий Прилуцкий ставил церковь на реке Леже, крестьяне села Авнега изгнали его, справедливо полагая, что «по мале же времени» «великий старец» «совладает нами и селы нашими». Изгнан был юрцовскими жителями и Стефан Махрицкий, который «мняху себе яко имать владети селом их и нивами». Крестьяне-рыбаки преследовали Кирилла Новозерского. Нередко захват крестьянских земель дорого обходился монастырским властям. Крестьяне села Кашина утопили основателя монастыря на реке Маркуше Агапита. Убиты были крестьянами Арсений Комельский и Симон Воломский. Крестьяне приходили «со оружием и дреколием» к стенам монастыря Данила Переяславльского, не давали монахам возделывать землю и заявляли монастырским властям: «почто на нашей земле построил еси монастырь? Или хощеши земьлями и селы нашими обладати?». В 1503 г. крестьяне Михалка Жук Насонов и Копос Федков Чернаков в ответ на притеснения со стороны монастыря сожгли монастырскую деревню Ильинскую «с житом и с животом».

Понятно, почему сохранилось так много известий о волнениях монастырских крестьян. Объясняется это не тем, что на боярских землях не было выступлений крестьян, а лучшим состоянием монастырских архивов.

Поднимался и «черный люд» городов. Классовая борьба «молодших» облекалась в различные формы. Нередко выливалась она в форму религиозных течений, «ересей». В 1331 г. в Новгороде избирается владыкой (архиепископом) ставленник новгородских ремесленников, объединявшихся в братчину у церкви Кузьмы и Демьяна, Василий Калика, выходец из «калик перехожих», близких к «черному люду». Его пребывание владыкой Новгородским ознаменовалось проникновением в церковную среду вкусов и чаяний, настроений и стремлений «молодших», «мизинных людей». В переписке Василия с Федором Тверским о рае Василий выступает защитником эмпирических знаний, непосредственного наблюдения, противопоставляя их богословским аргументам Федора. Рисунки на мотивы из народной жизни, изображающие рыбаков, скоморохов, гусляров, горожан в их быту, появившиеся во времена Василия Калики на страницах Евангелий и Псалтирей, носящие, по взглядам того времени, «еретический характер», покровительство Онцифору Лукичу, поддерживаемому «черными людьми» во время восстания 1342 г. в Новгороде, да и самим «черным людям», связь со своим преемником Алексеем, попустительствовавшим «еретикам», — все это делало Василия Калику проводником идеологии «черных людей» в церкви. Но вскоре «черные люди» выступят сами, и выступят активно и решительно. Речь идет о «ереси» стригольников. Так как церковь была «наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя», то и антифеодальные движения народных масс и всякие выступления против существующей феодальной системы вообще «должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси», тем более что «догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона».[1]

[1] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII. С. 128.

«Ересь» стригольников появилась в Новгороде в 70-х годах XIV столетия, а затем она распространилась и в Пскове.

Начало «ереси» положил «мирянин» Карп. Причем само название еретиков «стригольниками» произошло от ремесла Карпа и его ближайшего окружения. «В миру» Карп был «стригольником», т. е. цирюльником.[1] Карп, дьякон Никита и еще какой-то «мирянин» были отлучены от церкви, а затем сброшены в Волхов. Но справиться с ересью не удалось. Стригольники отрицали «весь вселенский собор», всю церковную иерархию и монашество, продажу церковных должностей («по мзде»), осуждали духовенство за недостойный образ жизни, за стяжательство («имения взимают у хрестиан»), отрицали священство, отвергали ряд церковных обрядов — причащение, исповедь и др. Они вели строгий образ жизни и «черные люди» справедливо ставили их в пример духовенству, заявляя, что «сии (стригольники. — *В. М.*) не грабят и имения не збирают».

Ф. Энгельс указывает: «Ересь городов, — а она является официальной ересью средневековья, — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она и нападала». Энгельс подчеркивает, что требования бюргерства сводились к «дешевой церкви». «Реакционная по форме, как и всякая ересь, которая в дальнейшем развитии церкви и догматов способна видеть только вырождение, бюргерская ересь требовала восстановления простого строя раннехристианской церкви и упразднения особого сословия священников».[2]

Стригольники выступали и против феодальной церкви, и против социального неравенства, богачей и ростовщиков, которые «имения ради свободных людей порабощают и продают», против закабаления простых людей, против кабальных сделок и кабальной зависимости.

«Еретики» сами ставили себе «учителей» из народа, но это не мешало им изучать «словеса книжные», быть образованными и тем самым еще более опасными для официальной церкви и правительства. Стригольники «прельщали народ» не один десяток лет. Все меры борьбы со «злой ересью» были тщетны, а труды константинопольского патриарха Нила и епископа Стефана были слабы и неубедительны — «окаянные словеса» стригольников были доступней и понятней массам, сильнее и ярче. Боролись с «еретиками» еще в 1429 г., да и позднее.

Не успели покончить со стригольниками, как началась новая «ересь» — жидовствующих. Жидовствующие были прямыми преемниками стригольников, и некоторые из обличителей «еретиков», как например Геннадий, прямо называют их стригольниками. Но жидовствующие отличались от стригольников и по классовому составу «еретиков», и по социальной направленности «ереси», и по идейной основе. Жидовствующие, по-видимому, не представляли собой единого течения, а делились на несколько толков. То же самое надо сказать и о их составе.

Идя вслед за своими предшественниками — стригольниками, жидовствующие отрицали церковь и церковную иерархию, поставление священников «по мзде», монашество и «храмы Божие», отвергали таинства, мощи, иконы. Жидовствующие шли дальше, объявляя Иисуса Христа человеком, а не «Сыном Божиим», верили в одного Бога-Отца, считали, что

[1] По другим данным, свое название стригольники получили от ремесленников, подстригавших сукна и бархат.

[2] Ф. Энгельс. Ук. соч. С. 129.

следует исполнять «закон Моисеев». Неудачное предсказание официальной церковью «конца мира» на 7000-й (1492-й) год усилило позиции жидовствующих.

Жидовствующие отличались большой ученостью. Их познания в области астрономии, математики, философии, логики, медицины, лекарственной ботаники, о чем речь будет дальше, были очень обширны и стояли на уровне тогдашней передовой науки. Борьба жидовствующих против феодальной церкви, их интерес к науке делали их популярными в народе. «Аще кто и не отступи в жидовство, то мнози научишася от них писаниа божественныя укоряти, и на торжищах и в домех о вере любопрение творяху и сомнения имяху», — писал ярый враг «еретиков» Иосиф Волоцкий.

Пока речь шла о «пре» (спорах) в домах, а дома были разные — «ересь» проникла и в самый великокняжеский дом, это было полбеды, с точки зрения официальной церкви, но «любопрение» о вере на «торжищах» свидетельствовало, что «еретики» завоевывают симпатии среди горожан, центром политической жизни которых был торг, среди купцов и ремесленников, которые «сомнения имяху» в справедливости и законности существующих порядков и в церкви, и в государстве. Особенно опасной для правящих верхов становилась связь жидовствующих с массами трудового люда после расправы с «еретиками» в 1490 г., когда многие из них разбежались из Новгорода, расселились по городам и деревням, продолжая проповедь своего еретического учения. «Ересь» охватила много городов Руси, распространилась и по селам, охватывая крестьян и сельских ремесленников, «толики душ погубиша, их же и счести немощно». В этой своей части движение жидовствующих было отражением социальных стремлений городского люда. Среди «мирян», пошедших за жидовствующими, были купец Семен Кленов, поьдячие Истома и Сверчок, ремесленник, изготовлявший книги («книги пишет»), Иван Черный.

Как мы уже говорили, «ересь» жидовствующих была сложнее «ереси» стригольников. Среди жидовствующих мы видим феодалов, влиятельных священнослужителей, руководителей государства и даже лиц, близких к Ивану Васильевичу, но с постановкой этого вопроса мы вплотную подходим к проблеме борьбы внутри лагеря феодалов, о чем речь будет дальше.

Таково было положение трудящихся масс города и деревни в период образования единого Русского государства, таковы были формы их борьбы против феодальной системы, против светских и духовных феодалов.

Изменялось положение и господствующих верхов феодального общества Руси.

Изменилось положение боярства, много перемен произошло и в его составе. Постепенно теряют свое значение старинные московские боярские фамилии: Кошкины, Сабуровы, Челяднины, Морозовы, Квашнины, Воронцовы, Бутурлины и др. К сорока старинным боярским фамилиям теперь прибавляется не менее полутораста новых. Это все было главным образом удельное княжьё из присоединенных и ликвидированных княжеств: Патрикеевы, Ряполовские, Оболенские, Холмские, Бельские, Курбские, Шуйские, Мстиславские, Воротынские и др. Эти титулованные княжеские роды из Рюриковичей или Гедеминовичей заполнили всю Москву и заняли все верховные должности. Они сидели в боярской думе, правили

на местах, судили от имени «государя всея Руси», водили войска и т. д. Старое московское боярство, на которое некогда опирались московские князья, стушевалось и отошло на второй план, оттесненное богатым и знатным княжьём, приехавшим в Москву вместе со своими боярами и челядью. Среди самого боярства теперь образовалось несколько прослоек; бояре «местничали», следили за тем, чтобы менее родовитые не «заехали», т. е. не обошли их; начались бесконечные ссоры, споры и тяжбы из-за «мест». В расчет при этом принималась только родовитость. «Местничество», ставившее в основу всего «породу», т. е. родовитость, аристократичность, было средством борьбы в руках консервативного княжья и против произвола свыше, и против дворян, детей боярских и разных слуг, которые могли их «заехать».

Удельные князья привезли с собой в Москву порядки времен феодальной раздробленности. В Москве они были слугами и «холопами» Ивана, называли себя уменьшительными именами — Алексеец, Федорец, Васюк — и боялись его окрика, но у себя в вотчине по-прежнему считали себя князьями и полновластными хозяевами. Нередко они даже оставались наместниками в своих землях, и это только укрепляло их положение. Свои права они считали наследственными, но отнюдь не «пожалованными» великим князем. Рассматривая себя как наследственных владетелей, удельное княжьё смотрело и на Москву как на своеобразный сборный пункт, откуда оно снова будет править землей, но не каждый в отдельности, как отцы и деды, а сообща, всей боярской думой.

Все эти стремления шли вразрез с политикой Ивана. Он не мог примириться с тем, что его власть ограничивают в области назначения воевод, наместников, судей, подсовывая ему вместо расторопных, хотя и не родовитых дворян, «слуг вольных», детей боярских, дьяков и т. д., весьма родовитых, но зачастую бестолковых и весьма щепетильных в вопросах «чести» и «породы» Рюриковичей. Назначать на должности по «родовитости» отнюдь не входило в интересы Ивана, так как всякая самодержавная власть, могущая «из грязи сделать князя», не нуждается в «породе» для возвеличения. Великий князь, пользовавшийся поддержкой многочисленного дворянства, посадских, церкви и старых московских боярских фамилий, не мог примириться с требованиями удельного княжья, становившегося все более и более наглым. И Иван решительно пресекает их притязания.

В 1500 г. «за высокоумничанье» князю Семену Ряполовскому отрубили голову, а князей Ивана Юрьевича и Василия Ивановича Патрикеевых насильственно постригли в монахи. Их ждала та же участь, что и Ряполовского, но духовенство вымолило им жизнь. Не терпел Иван и своевольничанья князей во время походов, когда каждый из них со своими войсками действовал на свой страх и риск. Во время похода на Смоленск князья со своими отрядами действовали разрозненно и больше грабили, нежели воевали. Дмитрий пожаловался отцу, и Иван приказал многих князей, участников похода, «за «своеволие» казнить.

В противовес попыткам княжья укрепиться наместниками в своих вотчинах и править ими, как ранее правили они княжествами, Иван вводит обязательную службу с вотчин, ограничивает право владельцев ими распоряжаться, постепенно подчиняет войска князей своим воеводам, часто назначаемым помимо правил «местничества». Растет за счет «родовых»

число «пожалованных» вотчин. Уничтожается право «отъезда», да и «отъезжать», собственно говоря, было уже некуда. Оставалась одна Литва, но там господствовала католическая вера и усилились гонения на русских православных. Бояре-«княжята» лишались своей былой власти, постепенно падало и их значение в боярской думе. Придет пора и сын Ивана Васильевича станет гнать их прочь от себя, как «смердов». Но они оставались все же хозяевами своих вотчин, владельцами большей части земель, пользовались привилегиями, данными им некогда по «жалованным грамотам», их влияние было велико, их богатства неисчислимы, их положение в политической жизни страны еще казалось прочным и устойчивым.

Княжьё притихло, но не сдалось. Сломить окончательно силу сопротивления этой реакционной группировки господствующего класса феодалов — сколка политической системы феодальной раздробленности, оказался в силах только внук Ивана III Иван Васильевич Грозный.

Политические претензии заносчивых бояр-княжат, выражавшиеся в попытке провести свою линию в боярской думе, привели к тому, что Иван стремится обойти думу и окружает себя дворянами и дьяками, которые зачастую становятся подлинными советниками князя. Дворянство складывается в серьезную экономическую и политическую силу, на которую опирается Иван.

Мы уже видели зарождение дворянства из «слуг вольных» и «слуг дворских», или «дворян». С середины XV в. положение дворянства изменяется. Дворяне, во-первых, теряют право отъезда. Служба князю становится теперь для них обязательной. Изменяется и характер их вознаграждения. Ранее они кроме земли получали часть княжеских доходов — «кормы» и «доводы». Теперь свою за службу они получают земли — «поместья». Поместье — не вотчина, помещик — не вотчинник, боярин. Вотчина — наследственная земельная собственность, поместье же — пожизненная земельная собственность, получаемая за службу князю. Вместе с землей, конечно, «жаловались» и крестьяне, эксплуатируемые помещиком путем барщины и оброка. «Слуги вольные» дворяне, ранее несшие лишь дворцовую службу, должны были теперь нести и обязательную «ратную службу». Военная служба стала теперь неотъемлемой частью службы князю вообще. «Слуги дворные», обслуживавшие некогда княжое хозяйство, также стали теперь нести военную службу, и обе эти группы получили общее название «государевых служилых людей». Великий «князь» и «государь всея Руси» нуждался в создании многочисленной постоянной армии. Ее-то и составили «государевы служилые люди»: дворяне и дети боярские. Росло число дворян. Уничтожение «дворов» удельных князей, конфискация земель у новгородских и псковских бояр, «выводы» бояр из других земель, присоединенных к Москве, высвобождали массу мелких слуг, «послужильцев», людей «под дворским», просто холопов. Все они вливались в ряды дворянства. Вливались в ряды дворянства и «дети боярские» — «охудавшие», малоземельные или вовсе потерявшие землю потомки бояр-вотчинников. За службу свою дворяне «испомещались» на землю. Так появились первые русские «помесчики», «поместники», впервые так названные в Судебнике 1497 г. Помещик — дворянин или «сын боярский» находился в несколько странном положении — верховным хозяином его поместья считался «государь всея Руси», а он, помещик, лишь пользовался этой землей постольку, поскольку служил государю. Но по-

степенно дворяне-помещики стали пользоваться в отношении суда и сбора податей такими же правами, как и вотчинники. Фактически, поскольку сын служил тому же «государю всея Руси», что и отец, поместье тоже закреплялось за семьей такого «служилого» человека. В поместную раздачу пошли дворцовые и «черные земли», земли, конфискованные у бояр. Но всего этого было мало, да и сам великий князь не собирался остаться без земель и подданных. Поэтому взоры дворян все чаще и чаще обращаются к земельным владениям церкви и бояр, а так как эти последние выступали политическими противниками государя, то в борьбе с боярством великий князь мог в той же мере рассчитывать на дворян, как эти последние на него. Новая прогрессивная сила внутри феодалов — дворянство, вся эта многочисленная и быстро растущая служилая мелкота, дворяне и «дети боярские» составляли не только вооруженные силы великого князя, но и его политическую опору. В переплетении классовых, групповых, а подчас и личных интересов дворянства и крепнущей самодержавной власти великого князя лежит основа того тесного единства дворянства и самодержавия, которое характеризует всю историю России. Дворянство как носитель более передовых форм экономической и политической общественной жизни в феодальной Руси, как прогрессивная прослойка господствующего класса шло к власти, обогащалось, численно росло, политически усиливалось.

Дворянство становилось и грозной военной силой и опорой самодержавия. Естественно, что в этой связи изменяется положение крестьян. Крестьянин должен был отныне содержать служилого человека, и если уж идти на войну, то лишь в качестве его холопа. Несколько позже, в XVI в., дворянин, владевший, например, 100 четвертями земли, должен был служить сам «на коне», а с каждых дополнительных 100 четвертей поместной земли выставлять еще одного конного воина. Переход к поместной системе и поместному войску ухудшил положение крестьян.

Огромное количество государственных земель вместе с сидящими на них крестьянами пошло «в верстку» служилым людям. Так, например, не успел Иван III присоединить древнюю новгородскую землю — Водскую пятину, как по переписной книге 1500 г. только в двух ее уездах, Ладожском и Ореховском, числилось уже 106 московских помещиков, владевших 3 тысячами крестьянских дворов с 4 тысячами живших в них крестьян и дворовых людей. Раздача огромных участков земель многочисленным служилым людям наблюдается в эти времена во всех областях Московского государства. «Земских» «служилых людей» испомещают в Боровске, Кременце, Новгороде, Твери, Москве. Но особенно много поместных «дач» имело место на окраинах — в Новгородской и Псковской землях, на пограничье с землями Смоленской и Северской, на окраине «Дикого Поля», по Оке и в других пограничных краях, где дворянское ополчение раньше всего сталкивалось с врагами: польско-литовскими, шведскими, немецкими и татарскими войсками.

Крестьянство этих земель шло в раздачу дворянам, ибо единственными постоянными и устойчивыми источниками дохода в те времена были земля и крестьянский труд; да и великому князю легче всего было расплачиваться с дворянством за его службу землей и все тем же крестьянским трудом. Поместная армия — дворянство — укрепляла власть князя. Часто безродное, выросшее из слуг дворянство за земли, крестьян, за «го-

сударево жалование» готово было идти в огонь и в воду. Замкнувшаяся в себе боярско-княжеская аристократия своим высокомерием и «местничеством», при котором «худородному» не на что было рассчитывать, была враждебна дворянству.

Дворянство понимало, что только свергнув бояр-княжат, толпящихся у трона, оно может возвыситься до правящего сословия и стать главенствующим в области политической власти, во владении землями и крестьянами. В этом отношении у дворянства с самодержавием был общий враг. Самодержавие опиралось на дворянство, а дворянство искало себе опору в царе.

Так назревала борьба двух прослоек внутри самого господствующего класса феодалов — дворянства и бояр-княжат, разразившаяся в начале второй половины XVI в. в форме так называемой «опричнины».

С объединением Руси в единое государство должно было измениться и управление страной.

Старая система управления страной, когда Русь была раздроблена и каждое княжество представляло собой самостоятельное полугосударство и сохраняло «живые следы прежней автономии, особенности в управлении»[1] даже тогда, когда на него распространилась власть московского великого князя, уже не могла удовлетворять потребности господствующего класса.

Объединенная Русь нуждалась в централизованном и крепком управлении.

Система централизованного государственного управления возникла не сразу, а постепенно, и не в результате планомерных преобразований в короткий срок, как во времена Ивана Грозного или Петра I, а нередко вырастая из старых форм управления в порядке накопления опыта и по мере необходимости, продиктованной жизнью, сочетаясь с ними и сосуществуя.

Пережитками удельной старины являлись тарханные («жалованные») грамоты, по которым крупные духовные и светские феодалы пользовались по отношению к населению своих вотчин правами не только господина, но и государя. Их вотчины сохраняли положение самостоятельных владений, и государевы люди не имели права появляться в них. Даже служилые люди — дворяне получали порой земли в поместное владение с правом суда над крестьянами, «опричь душегубства и разбоя».

Изменилась система управления государством в центре и на местах, порождая новую группировку чиновничьей бюрократии. Ранее, в удельное время, не было особых учреждений, если не считать различных «путей»: сокольничьего, конюшенного и т. д. Ведали делами не учреждения, а бояре, которым «приказывали» разные дела. Теперь, в конце XV и начале XVI в., приказы-поручения превращаются в приказы-учреждения. Так создается центральное управление.

Наряду с древней боярской думой появляются «избы», или «приказы». Появились Посольская изба, ведавшая иностранными делами; приказы Казенный, Конюшенный, Большого Дворца, Ямской, Житный, Холопий, Разрядный, ведавший дворянством и войском, позднее возник Поместный приказ. Всего в начале XVI в. на Руси действовало 10 приказов. Каждый

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. I. С. 137.

приказ ведал определенными делами на всей территории Руси или выполнял определенные функции в отношении зарубежных стран. Многие приказы вырастали из старого дворцового управления. Такими приказами были Казенный, ведавший личным имуществом великого князя, великокняжскими казной и архивом, Приказ Большого Дворца, ведавший дворцовыми землями и их населением, Конюшенный, ведавший табунами великого князя, и другие, возникшие в конце XV и начале XVI в. Другие приказы были созданы в результате расширения и реорганизации вооруженных сил Руси и укрепления ее международного положения. Такими приказами был Разряд (Разрядный приказ), ведавший организацией дворянского войска, назначениями и поместными «дачами». Возросшие связи Руси с Западом и Востоком привели к оформлению Посольской избы, а позднее — Посольского приказа, ведавшего внешними сношениями. Рост кабальной зависимости привел к появлению Холопьего приказа — в книги заносились все кабальные записи. Были приказы, ведавшие определенной территорией. По некоторым сведениям, Иван III разделил все государство на «трети»: Владимирскую, Новгородскую и Рязанскую. Во главе их стояли особые приказы, называвшиеся также «третями».

Начальником приказа был «судья», боярин или князь, но фактически делами приказа ведали дьяки, подьячие и повытчики, приказные чиновники, которые только и могли разбираться в сложном и запутанном делопроизводстве. Дьяк был подлинным хозяином приказа.

Вместе с ростом и усложнением приказов, вместе с повышением роли делопроизводства и учреждений большое значение приобретает приказная бюрократия, советоваться с которой вынуждены были бояре и сам царь. Последний предпочитает обходиться без бояр и даже без начальников приказов, предпочитает обращаться непосредственно к дьякам. Политическое значение дьяков, подьячих и прочих «приказных» значительно вырастает.

Изменилось и управление на местах. Ранее там управляли наместники, назначавшиеся из князей или бояр, и волостели. За службу они получали «кормы» и «пошлины». Отсюда и их название — «кормленщики». «Кормы» платили крестьяне и горожане «по сохам». Кормленщики брали и пошлины: судебные, таможенные, свадебные и т. д. Кормленщики, как видно, дорого обходились народу. По полноте данной им власти они напоминали «подручных» князей периода феодальной раздробленности и сама система управления на местах через кормленщиков была пережитком удельной поры и уступкой ей. Кормленщики чувствовали себя в управляемых ими областях чуть ли не удельными князьками.

При Иване III власть на местах начала изменяться в сторону усиления централизованного начала. Власть кормленщиков стала ограничиваться и контролироваться. Появились специальные уставные грамоты областям (Белозерская), ограничивающие произвол и самовластие кормленщиков.

Судебник Иван III, составленный в 1497 г. дьяком Владимиром Гусевым, не только регулирует деятельность приказов, но и управление на местах, регулирует права кормленщиков, ограничивает их произвол, увеличивает ответственность перед великим князем, определяет круг их обязанностей и прав. Уставные грамоты кормленщикам определяют размеры «кормов» и «пошлин», причем «кормы» собирают уже не они сами, а сотские в городах и старосты в деревнях. Сокращается срок пребывания

кормленщиков на данной должности. Местные выборные власти, в городах — сотские, в селах — старосты, привлекаются к управлению.

По Судебнику 1497 г. вводятся в состав суда наместников и волостелей «земские выборные». Выбирались они из «добрых» и «лутчих», т. е. зажиточных людей. Они же судили и за «лихие» дела, т. е. за воровство и разбой. Эти дела были изъяты из ведения кормленщиков, так как на них последние очень наживались и действовали по произволу. Особенно упрочилось управление «земскими выборными» на севере, в «черносошных» государственных землях. Эти меры имели весьма положительный характер, так как ослабили власть наместников и волостелей, облегчили положение народных масс, санкционировали и усилили выборное «земское» управление. Особое управление складывалось на черных государственных землях. Черносошные крестьяне управлялись выборными старостами и сотниками. Они распределяли общинные земли, производили «разруб» — раскладку и сбор государственных податей, устанавливали правила пользования общинными угодьями: выпасами, лесами, рыболовными участками и т. п., вели переговоры с «государевыми людьми». Выбирались старосты и сотники из «лучших людей», т. е. богатых крестьян.

Год от года уменьшался фонд черных земель, за счет которого росло монастырское, боярское и дворянское землевладение, уменьшалось и число черносошных крестьян, превращавшихся в кабальных, крепостных. Только суровый Русский Север, отпугивавший феодалов, оставался еще краем черных земель и свободного, предприимчивого, мужественного черносошного крестьянства — замечательных русских поморов.

Все эти мероприятия в области перестройки управления государством укрепляли великокняжскую власть, власть «самодержавную». Иван III, опираясь на поместное войско, дворян, на приказных, все чаще и чаще обходился без боярства, игнорировал Боярскую думу. Боярская дума по-прежнему оставалась верховным органом управления страной, но изменились ее характер и состав. Работа ее становилась постоянной, функции усложнялись. Теперь уже далеко не все боярство могло принять участие в ее деятельности и «думать» с государем. Для того чтобы «думать» в Боярской думе, надо было быть «пожалована» боярством.

И сам термин «боярин» стал теперь обозначать и бояр — вотчинников, крупных землевладельцев, и членов Боярской думы. Вторым «думным чином» были «окольничие». Быть «пожалованным» боярством суждено было далеко не каждому боярину. Не все бояре удостаивались звания даже «окольничего». Зато в Думу вошли представители дворянства — «дети боярские, которые в думе живут», позднее названные «думными дворянами». Появились и «думные дьяки». Дворяне и дьяки в составе Боярской думы во времена Ивана III и Василия III как бы предвещали будущее старого титулованного боярства из «княжья».

И действительно, Боярская дума становилась средоточием сколков старой системы феодальной раздробленности — бояр-княжат, рюриковичей и гедиминовичей, которых государь жаловал «боярством» сразу же. В Боярской думе они видели свой сословный орган и намеревались через Думу управлять страной и влиять на государя, для того чтобы сохранить остатки своих былых прав и привилегий. Поэтому Боярская дума становится, в свою очередь, средоточием боярской реакционной оппозиции

против усиливающейся самодержавной власти и централизованного управления.

Естественно, что «государь всея Руси» стремится для управления страной найти опору вне Боярской думы и находит ее в лице дворянства и нарождающейся чиновной бюрократии, которая, придет время, будет «de facto...» править «...государством Российским».[1] Подлинное управление государством сосредоточивалось не столько в Думе, сколько в приказах. Чванливое боярство могло еще гордиться своей «породой», спесиво восседать каждый день с раннего утра в Думе, но подлинная кропотливая и сложная работа по сколачиванию государственного аппарата шла в приказах, где полными хозяевами были дьяки. Так сложился государственный аппарат — оплот и орудие самодержавной власти.

Значительно увеличилась и великокняжеская казна. Не стало хищной, алчной Золотой Орды, вымогавшей «выходы» и подарки, составлявшие ранее главный расход князя. Присоединение ряда земель и городов значительно увеличило, в свою очередь, княжеские доходы. Устанавливаются поземельное, подворное и промысловое обложения. С крестьян Иван III взимает «посошное». Для урегулирования сбора налогов он переписывает все крестьянское население, обязанное платить с «сохи». Размер «сох» и величина обложения были различными и зависели в деревне от качества земли, а в городе — от зажиточности дворов.

Кроме того, брали разные пошлины за всякий продаваемый товар. Обложены были налогом и промыслы. Казна получала большие доходы от монополий: варить мед, пиво и употреблять хмель стало привилегией казны. Натуральные подати все больше и больше заменялись денежными. Так пополнялась великокняжеская казна. Обогащение казны укрепляло власть великого князя.

Иван III вводит изменение и в монетном деле. Если раньше каждое княжество имело свою монетную систему и само чеканило деньги, то теперь чеканка монет была сосредоточена в Москве.

Для упрочения связи между отдаленными областями и Москвой Иван укрепляет почтовую связь, так называемый «ям». «Ямскую» повинность несли крестьяне. Из них вербовались «ямщики». Установилась определенная плата за проезд и появились специальные лица, ведавшие ямским делом. Население было обложено новым налогом — «ямскими деньгами». «Ям» — своего рода почтовая станция. Станции были расположены на расстоянии 25—30 верст друг от друга, и это давало возможность добираться из Москвы в Новгород за три дня.

Для управления ямской службой был создан Ямской приказ. Ямская повинность улучшила связь и облегчила сношения отдельных областей с центром и между собой, но она еще больше отяготила крестьян.

Так складывалась единая система управления Русской землей и в центре, и на местах. Единому управлению соответствовало и единое законодательство. В 1497 г. был создан Судебник, единый для всей Русской земли. Целью его было упрочение власти феодалов над крестьянами и прочим зависимым и эксплуатируемым людом и создание централизованной системы управления страной, введение единообразного судоустройства и судопроизводства. Это был первый в Европе единый свод законов,

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 1. С. 272.

свидетельствующий об успехах русской юридической мысли, в рамках, конечно, феодального общественного строя.

Меняется характер вооруженных сил Руси. Раньше, в период феодальной раздробленности, они состояли из дружин отдельных удельных князей и ополчений городов и земель. Теперь основную массу войска «государя всея Руси» составляет дворянское ополчение. Правда, остаются еще дружины, которые отдельные князья и бояре набирают «по силе» и водят на войну. В. И. Ленин отмечает эту особенность, указывая на то, что до XVII в. на Руси «местные бояре ходили на войну со своими полками».[1] Время от времени еще собирают «посошную рать».

Дворянская конница была вооружена саблями, копьями, луками с колчанами, наполненными стрелами, шестоперами, кистенями, кинжалами, а от оружия врага воинов дворянского ополчения охраняли остроконечные шлемы, кольчуги (пансыри, юшманы, бехтерцы, куяки), стальные наручи и наколенники.

Вооружение «посошной рати» состояло из топоров, рогатин, бердышей, ослопов, луков со стрелами, ножей. Появляются предтечи будущего постоянного войска (стрельцов и пушкарей) — отряды «пищальников». «Огненный бой» начинает играть все большую и большую роль.

Впервые русские применили огнестрельное оружие при обороне Москвы в 1382 г. Повествуя под 1382 г. об обороне Москвы от татар Тохтамыша, Никоновская летопись сообщает: «Гражане же наипаче пущаху на них стрелы, и камение метаху, и самострелы, и тюфяки.... стреляющее и камением шибающе, и самострелы напрязающе, и пороки, и тюфяки; есть же неции и самые тыа пушки пущаху на них». Об этом же говорят и более ранние летописи: Воскресенская, Ермолинская, Новгородская IV летопись. Пороки и самострелы — это не огнестрельное оружие, термины «пушки» и «пищали» только с самого конца XIV в. закрепляются за «огненным боем»; что же касается «тюфяков», то этот термин восточного, тюркского происхождения, в русском языке закрепился за орудиями «огненной стрельбы» и обозначал первые пушки на Руси. Появлением «огненного боя» на своих стенах Русь не была обязана Западу. Когда в 1389 г. на Русь привезли с Запада, «из немец», первые «арматы», на стенах Москвы уже больше семи лет стояли первые русские артиллерийские орудия — «тюфяки».

Как выглядели первые русские пушки XIV—начала XV в.? На тонкий железный ствол набиты толстые железные кольца. Грубо откованная приставная железная камора с ручкой, в середину которой вкладывался заряд пороховой мякоти, забитый пыжом (зернить порох начали лишь в XVI в.), приставлялась к стволу и закреплялась клиньями. Из-за неточной пригонки частей для ликвидации прорыва газов место соединения каморы со стволом замазывалось глиной, забивалось мокрой паклей, обматывалось тряпками. Ствол вставлялся в деревянную колоду. Цапф и прицела не было. Воспламенение заряда в каморе происходило через затравочное отверстие, к которому подносили раскаленный железный прут или фитиль. Дальность полета ядра таких пушек не превышала 300 метров, а скорость определялась одним выстрелом в течение часа, а то и нескольких часов. Таких и подобных орудий начала XV в. мы знаем несколько штук.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 1. С. 137.

Трудно даже сказать, чем был «тюфяк» — необычайно громоздким и тяжелым ручным огнестрельным оружием или сравнительно легкой пушкой; не было еще деления на ручное оружие и артиллерийское орудие. Фр. Энгельс указывает, «что артиллерия — восточного происхождения, это доказывается также способом выделки самых старых европейских орудий. Пушка делалась из полос кованого железа, сваренных вместе в длину и скрепленных с помощью набитых на них тяжелых железных обручей. Она состояла из нескольких частей, причем подвижная казенная часть закреплялась для стрельбы только после заряжения. Древнейшие китайские и индийские пушки были сделаны совершенно так же, а они относятся к столь же давнему времени или еще более давнему, чем самые старые европейские пушки».[1]

Русские пушки XIV и начала XV в., в которых мы вправе усматривать «тюфяки», относятся несомненно к такому «восточному» типу артиллерийского орудия, хотя выделывались они, конечно, не где-то на Востоке, а тут же, на Руси, первыми русскими кузнецами, превращавшимися постепенно в пушкарей.

Огнестрельное оружие в те времена имело только три преимущества: пробивную способность снаряда (ядра, пули), моральный эффект (грохот, огонь, дым) и будущее, но первые два факта были зримыми и ощутимыми, а третий был доступен лишь прозорливому оку, смотрящему далеко вперед.

Новое упоминание об «огненном бое» датируется летописным рассказом об осаде Москвы Едигеем в 1408 г. Снова речь идет о «тюфяках» и пушках.

Порох переставал быть редкостью. Уже в 1400 г. от «делания» пороха «погоре Москва вполночи загореся».

Огнестрельное оружие становится обычным на Руси и приводит к тому, что уже во времена Ивана III, и едва ли даже не Василия Темного, появляются специальные отряды пушкарей, затинщиков, пищальщиков, а в царствование Ивана Грозного русский «наряд» (артиллерия) по качеству и совершенству орудий, по количеству стволов, по мастерству пушкарей смело мог считаться лучшим в Европе. Об этом говорят свидетельства иностранцев, посетивших Москву в XVI в. (Барбарини, Кобенцель и др.) или сражавшихся с московским воинством в царствование Грозного.

В конце XV в. наряду с железными кованными из полос, скрепленными обручами пушками появляются орудия, отлитые из бронзы, появляются для того, чтобы в XVI в. окончательно вытеснить железные.

В 1475 г. в Россию приехал венецианский инженер Аристотель Фиоравенти с сыном Андреем и «паробком Петрушею». С его именем связано дальнейшее развитие пушечно-литейного дела на Руси. У Спасских ворот заработала «Пушечная изба». Смекалка и доходчивость русских пушкарей дала им возможность быстро превзойти «заморскую» премудрость. Нам известны имена русского пушечного мастера Якова и его учеников Ивана и Василия, русских «пушкарей». Древнейший дошедший до нас литой ствол датируется 1485 г. и имеет надпись «Яковлевы ученики Ваня и Васюк». Так родилась наша артиллерия.

---

[1] Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. 1936. Т. 1. С. 259.

Появление огнестрельного оружия сыграло большую роль в истории русского военного искусства. Усилилась обороноспособность Руси, непрерывно росла и совершенствовалась артиллерия, расцветало искусство русских пушкарей. Не случайно качеству русских пушек, их многочисленности, мастерству пушкарей Московской Руси XVI в. удивлялись иноземцы.

Распространение огнестрельного оружия имело большое значение и в деле «собирания» русских земель в единое Русское государство с самодержавной властью во главе. Энгельс указывал, что «огнестрельное оружие стало с самого начала оружием горожан и возвышавшейся при их поддержке монархии против феодального дворянства».[1]

Огнестрельное оружие быстро распространяется на Руси и в XV в. становится широко известным.

Так появилась «огненная стрельба» — первые пушки на Руси, и так русские «оуразумели з них среляти». Огненный бой дифференцируется. Появляется ручное огнестрельное оружие — «завесные пищали», а с ними вместе отряды пищальников — предтечи стрелецких полков. Первые пищальники появились в Москве. Впервые летопись упоминает о них под 1510 г. Набирали пищальников по городам, среди городского люда Пскова, Новгорода, Москвы и других городов. Пищальники набирались только на время похода и содержались за свой счет или за счет пославшего их города.

Появление огнестрельного оружия вызвало новшества в строительстве крепостей. Стали строить угловые башни, лучше противостоящие ядрам, другие башни возводили с расчетом обстрела стен. Толщина стен была значительно увеличена. Строили различные приспособления для установки пушек у «подошвы» и в средней части стен. Перестраивались стены Пскова, Изборска, Порхова, Ладоги, Москвы, возводились стены Ивангорода. «Рубили» городки-крепости на окраинах Руси, на пограничье с «Диким Полем», в степи, где неустанно охраняла границу земли Русской крепкая «сторóжа». Основная оборонительная линия шла по Оке. Это была так называемая «береговая черта», куда ежегодно по весне выходили на «береговую службу» «полки», занимавшие длинную полосу вдоль городов Серпухова, Калуги, Каширы, Тарусы, Коломны, Алексина. Затем «сторóжа» по мере расширения границ Руси на юге переносилась все дальше и дальше к степям, где насыпались сторожевые курганы, устраивались сторожевые вышки, и зоркие воины дымом и огнем извещали Русь о грозящей со стороны татар опасности. Преобразование воинских сил Руси, появление и распространение огнестрельного оружия укрепили Русь и помогли ей решить важнейшие вопросы внешней политики, укрепить свое международное положение.

Так создавалось централизованное управление единым Русским государством и в виде дворянского ополчения зарождалось постоянное войско. Создание государственного аппарата и возникновение постоянного войска являются свидетельством складывания самодержавного строя.

И. В. Сталин подчеркивает, что образование самодержавного строя и образование централизованного многонационального государства — «это две различные темы, хотя и нельзя считать их оторванными друг от друга».[2]

Как же складывалось самодержавие на Руси?

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI, ч. II. С. 389.

[2] И. В. Сталин. Соч. Т. 9. С. 176.

Став из «великого князя» «государем всея Руси», Иван III этим титулом подчеркивал, что отныне существует не Москва, Рязань, Тверь, Ярославль и т. д., а Русь, т. е. Русское государство. И действительно, в его княжение в основных чертах складывается государство великорусской народности. Москва перестает быть центром княжества и становится столицей государства. Укрепление Русского государства при Иване III, в свою очередь, было обусловлено созданием централизованной власти, установившей систематическую феодальную эксплуатацию крестьянства, власти, способной организовать борьбу с внешним врагом и ликвидировать феодальную раздробленность. Эта централизованная власть, власть «государя всея Руси» и «самодержца», опиралась на хорошо организованную военную силу и государственный аппарат.

Иван III старается подчеркнуть все эти перемены. Следствием возвеличения великокняжеской власти было прежде всего изменение титула великого князя, ставшего из «первого среди равных» единственным государем на Руси. Он уже не Иван, а Иоанн, «Божией милостью государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, и Пермский, и Болгарский и иных». В ряде грамот Иван именуется «царем всея Руси» и «самодержцем». «Самодержцем» и «царем» он стал со времени падения татарского ига (1480 г.), так как до того времени русские князья получали свои владения «из рук» хана, который и был «царем». Раньше «царем» в представлении русских людей, подпавших под власть Золотой Орды, были монгольский великий хан и византийский император. Теперь все переменилось, наконец-то «Бог переменил Орду», как когда-то мечтал о долгожданном освобождении от ненавистного татарского ига Дмитрий Донской, и не стало хана. Верховную власть «царя» никто уже не мог оспаривать у великого князя.

Меняется сам великокняжеский двор. При Иване вводится ряд новых придворных чинов: постельничий, сокольничий, ясельничий, санничий и т. д., складывается придворная иерархия. Пышность, сложный придворный церемониал, «благолепие», преклонение перед царем характеризуют русский двор. Преображается Кремль — резиденция Ивана III. Русские и иноземные мастера возводят церкви и хоромы, башни и палаты. Вводится новый герб — двуглавый орел, наследство византийской империи, хотя остается и старый московский герб, изображающий Георгия Победоносца, повергшего и поражающего копьем «змия», символизирующий победу русского оружия над золотоордынским ханом на поле Куликовом.

Брак Ивана III в 1472 г. с племянницей последнего византийского императора Зоей Палеолог, на Руси ставшей Софьей Фоминичной, дал некоторым «книжным» людям основание считать, что и это «царство» досталось в наследство «государю всея Руси». Иван, став мужем «царевны царегородской», стал почитаться ими и как глава восточнохристианского, «истинно православного» мира.

В конце XVI в. возникло «Сказание о великих князьях Владимирских», утверждавшее, что Рюрик, потомками которого были, по летописным преданиям, московские князья, — четырнадцатое поколение от Прусса, брата известного римского императора Августа. Таким образом, род русских князей начали выводить ни много ни мало как из... Рима. Вспоминали и о Владимире Мономахе, внуке византийского императора Константина Мономаха, которого якобы дед «благословил» царской ко-

роной.[1] Сыну Ивана, Василию III, инок псковского Елизарова монастыря Филофей писал, что все христианские царства сошлись в одном его царстве, что во всем мире остался он один, православный государь, а Москва — Третий и последний Рим.

Два Рима (Рим и Византия) пали из-за вероотступничества, а «древлее благочестие» сохранилось лишь в Москве, где «Божией милостью» правит русский православный царь. Четвертому же Риму не быть. Так создавалась церковниками-книжниками идеология самодержавия.

Церковь освящает власть Ивана, его чтут как царя и самодержца, как государя всей великой земли Русской в «древлих пределах» ее. И в идеологии складывающегося самодержавия этот момент — воссоединение Руси, возрождение ее самостоятельности — играл решающую роль, и в Иване III «государь всея Руси» торжествовал над мужем «царевны царегородской».

Ни Иван III, ни Василий III, ни Иван Грозный не делали из брака Ивана Васильевича с Зоей Палеолог, из «прав» на византийский престол орудия своей внешней политики, не претендовали на византийское наследие, не связывали с ним своего царского титула, хотя и не отказывались от своего родства с византийскими императорами. Они мечтали стать не «едиными государями во всей вселенной», как того требовал Филофей, требовала созданная им теория «Москвы — Третьего Рима», а «государями всея Руси», считая себя «изначала» государями «на своей земле», и верили «не в греков, а в Христа».

И хотя Филофей упорно навязывал «государям всей Руси» идею «вселенского царства», правительственная литература той поры остается ей чуждой, отстаивая извечность прав на царский титул и на самодержавное правление русских государей и их право на все русские земли в границах Киевского государства.

Придворные обычаи на Руси тоже отличались от византийских. Русское «благолепие» и возвеличение государя были далеки от византийского обычая объявления императора святым. Византийский император был фактически главой церкви и вел богослужение; на Руси великий князь возглавлял лишь светскую власть.

Идеология русского самодержавия создавалась на Руси (а не была введена Зоей Паолеолог и ее окружением) и основой ее был взгляд на великих князей как на законных и неограниченных в своей власти государей всей земли Русской.

Так складывался самодержавный строй на Руси.

Как мы уже видели, развитие феодальных отношений, усиление феодального гнета не могли не вызвать протеста со стороны широких народных масс. В то же самое время в процессе складывания централизованного феодального государства выявились противоречия между царем и дворянством, с одной стороны, и боярами-княжатами — с другой. Намечался раскол и среди духовенства. Если первое противоречие вызывало недовольство и выступления против существующего порядка со стороны горожан и крестьянства, то противоречия другого порядка были, собственно, борьбой различных группировок внутри самого господствующего класса, борьбой за власть, за первенство, за земли и крестьян.

---

[1] Отсюда и знаменитая «шапка Мономаха».

Идеологической формой этих противоречий являлись прежде всего «ереси» — религиозные течения. Религиозная борьба в период феодализма часто является лишь оболочкой классовой борьбы. Мы уже касались «ереси» жидовствующих, поскольку она отражала социальную борьбу трудового люда русских городов. Но «ересь» жидовствующих была очень сложным социальным движением и распространялась она среди духовенства и феодальной верхушки. Эта ее особенность была обусловлена прежде всего тем, что «ересь» явилась своего рода реформаторским движением на Руси, связанным с той тягой к знанию, которая определяет собой период образования единого Русского государства. По преданиям, «ересь» занес приехавший в 1471 г. в Новгород со свитой Михаила Олельковича киевский ученый еврей Зхария. Среди первых «жидовствующих» были ученые новгородские попы Денис и Алексей; кроме них к «ереси» примыкало много попов, дьяконов, дьяков и простых горожан. Когда Иван III столкнулся с жидовствующими, еретичность которых к тому времени еще не была официально установлена, он обратил на них внимание, приблизил к себе, а Алексея и Дениса сделал священниками придворных кремлевских соборов — Успенского и Архангельского. В Москве они «своротили в ересь» будущего митрополита — архимандрита Зосиму, думного посольского дьяка Федора Курицына и многих других дьяков Ивана III, а Иван Максимов «обратил в ересь» даже невестку великого князя Елену, жену Ивана Ивановича.

«Еретиками» стали и некоторые московские купцы, как например Кленов. Алексей и Курицын имели огромное влияние на Ивана III. «Ересь» свила себе гнездо в самом дворце «государя всея Руси».

Духовенство сперва не разбиралось в учении «жидовствующих», и только в 1487 г. архиепископ Геннадий обнаружил «еретические писания». С «ересью» боролись долго. Уж очень могущественны были покровители у жидовствующих — Федор Курицын, Зосима и даже сам Иван III. Жидовствующие отличались необыкновенной по тем временам ученостью. Ими впервые были переведены на русский язык еврейские богословские книги — «Священные Писания». Жидовствующие имели много книг по астрономии и астрологии, медицине, ряд переводов античных мифов и философов и т. д. Они отрицали церковное землевладение, «стяжательство», изобличали жадность и богатство духовенства, отрицали церковные обряды. Из споров с жидовствующими духовенство всегда выходило побежденным — не хватало «учености».

Борьба жидовствующих против церковного землевладения была очень заманчива для Ивана III. Монастыри были крупнейшими землевладельцами, а Ивану были нужны земли для испомещения «служилых людей» — дворян. Поэтому он не давал «еретиков» в обиду и поддерживал их.

Но долго так продолжаться не могло. «Ересь», направленная против феодальной церкви и существующих порядков вообще, была в конечном счете народным движением. Поэтому Ивану было не по пути с «еретиками».

В 1504 г. был созван духовный собор, который осудил жидовствующих. Иван Курицын (брат Федора, уже к тому времени скончавшегося), Иван Максимов, Дмитрий Коноплев, Кассиан, Некрас Рукавов и другие «еретики» были казнены. Характерно, что «еретики» по требованию заклятого врага, новгородского архиепископа Геннадия, были сожжены на

кострах — казнь, которой подвергали носителей передовой мысли в странах католического Запада. Не случайно Геннадий ратовал за применение к «еретикам» инквизиции и ставил в пример испанского короля.

В конце XV в. верхушка духовенства серьезно была озабочена вопросом о судьбах церковного землевладения, о взаимоотношении с великим князем. По-разному решались эти важные вопросы.

Внутри самой господствующей церкви появилось течение, также выступавшее против церковного землевладения и «стяжательства». Это были так называемые «нестяжатели», «заволжские старцы», возглавляемые Нилом Сорским. Нил Сорский происходил из старинного московского боярского рода Майковых. Монах Кирилло-Белозерского монастыря, он впоследствии основал скит на реке Соре в Белозерье. После смерти Нила Сорского, последовавшей в 1508 г., его преемником, возглавлявшим «нестяжателей», стал Вассиан Косой из рода опальных бояр-гедеминовичей Патрикеевых.

«Нестяжатели» проповедовали уход от мира с его «злосмрадием», с людьми, погрязшими в разврате и обуреваемыми страстями. В своем «Уставе о жительстве скитском» Нил Сорский призывал к нравственному совершенствованию вдали от мирской суеты, к борьбе со страстями, и прежде всего — со «стяжательством». Трудолюбие монахов его скита, суровость и правдолюбие самого Нила создали ему славу и почет. В учении «нестяжателей» был один вопрос, который втянул Нила, собиравшегося «спасать» себя и других в своем уединении на берегах Сори, в ожесточенную политическую борьбу и помог ему это сделать его ученик и преемник Вассиан Косой — отказаться от политической деятельности и борьбы этот в прошлом дипломат и полководец не мог. Речь идет о церковном землевладении. «Нестяжатели» были противниками церковного землевладения и собор 1503 г. впервые услышал пламенную речь Нила Сорского, направленную против церковного землевладения. «Нестяжатели» отказывались от земель — это было на руку Ивану III, но они отказывали ему в той помощи, которую обычно церковь оказывала князю, так как считали, что духовенство должно ограничиваться только делами церкви, — это не устраивало «государя всея Руси».

И когда на соборе 1503 г. выступил Нил Сорский «и нача... глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы черньцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием», в ответ произнес свою речь Иосиф Волоцкий.

Иван Санин (Иосиф Волоцкий) происходил из семьи служилых людей. Организатор и начетчик, он был прекрасным хозяином. Основанный им у Волоколамска монастырь был быстро и непрерывно растущей крупной хозяйственной вотчиной. В своем монастыре Иосиф Волоцкий ввел «строгое общежитие», разделил монахов на ранги в зависимости от богатства и знатности происхождения, строго соблюдал «благочиние» и внешнюю обрядность. В роли хозяина-феодала и блюстителя церковного порядка и «благочиния» Иосиф Волоцкий выступал в общественно-политической жизни Руси тех времен. Гонитель жидовствующих, он выступил и против «нестяжателей». Речи Иосифа Волоцкого на соборе 1503 г. слушали с вниманием. Игумен-вотчинник решительно защищал право церкви на земельные владения. Большинство собора пошло за ним, а вскоре подавляющая часть духовенства стала «осифлянами».

Но Иван III держал сторону «нестяжателей». Государю нужны были земли для испомещения служилых людей; конфискация земель новгородских монастырей и владыки только раздразнила его аппетит. Дружный напор «осифлян» сделал свое дело — Иван III отказался от поддержки «нестяжателей», но зато «осифляне» обещали государю безоговорочную и всемерную поддержку во всех его делах. Выдал Иван III на свирепую расправу Иосифу Волоцкому и «еретиков» — жидовствующих. Какие же социальные силы стояли за спиной борющихся сторон? Бояре-княжата охотно поддерживали «нестяжателей», считая, что конфискация монастырских земель насытит земельный голод быстро растущего и усиливающегося дворянства и отвлечет его взоры от вотчин бояр и князей. Кроме того, бояре рассчитывали, что во время дележа земель церкви, может быть, кое-что выпадет и на их долю. К тому же, в случае, если победят «нестяжатели», государь потеряет опору в лице церкви и волей-неволей будет считаться с княжьем. На стороне Иосифа Волоцкого были служилые люди — дворяне и «дети боярские», часть боярства, и немалая, и большинство духовенства. Стал на его сторону в конце концов и великий князь.

Тесный союз и дружба Ивана III и его сына Василия III с Иосифом Волоцким продолжалась до самой кончины последнего, последовавшей в 1515 г. Несмотря на смерть зачинателей обоих движений, борьба «нестяжателей» и «осифлян» продолжалась и позднее, при Василии III. Дело Нила Сорского с большим успехом и политической остротой продолжал Вассиан Косой, а «осифлян» возглавил митрополит Даниил, оба замечательные полемисты и публицисты. На сторону Вассиана Косого стал приехавший в 1518 г. в Россию с Афона «святогорский инок» Максим Грек, родом из Албании. Максим Грек был очень образованным человеком своего времени. Он учился в Париже, Флоренции, Венеции, слушал проповеди Савонароллы, изучил богословие, философию, историю, литературу, знал древние и современные языки.

Максим Грек выступил против церковного землевладения и стал поборником идей Вассиана Косого и его другом. Хотя Максим Грек разделял не все взгляды «нестяжателей», личное влияние Вассиана, его «тетради», «Собранье» и «Кормчая», его чувство собственного достоинства, уверенность в своей правоте и превосходстве заставили Максима Грека сблизиться с боярской и церковной оппозицией Василию III — «нестяжателями».

Необходимо отметить, что «осифляне», стремясь к созданию могущественного единого государства с сильной самодержавной властью во главе, были выразителями прогрессивной общественной мысли, облекаемой в оболочку церковного учения, тогда как «нестяжатели» с их патриархальными чаяниями, со стремлением уйти от политической жизни и создать независимую от светской власти церковь отражали консервативное начало в русской церкви.

Церковные соборы 1525 и 1531 гг. осудили «нестяжателей». После собора 1531 г. Вассиан Косой был заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь, а Максим Грек стал узником Тверского Отроча Монастыря.

«Осифляне» торжествовали. Победило прогрессивное направление в русской церкви.

Таковы были общественные течения времен образования Русского государства, отражавшие его сложную социальную структуру, борьбу классов и различных группировок внутри правящего класса.

ОБРАЗОВАНИЕ ВЕЛИКОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Процесс образования единого Русского государства был одновременно процессом складывания великорусской народности.

Вопрос формирования великорусской народности может быть разрешен на основании изучения работ И. В. Сталина. Гениальные работы товарища Сталина наряду с его трудами по национальному вопросу дают возможность проследить историю развития восточного славянства, в частности историю образования великорусской народности.

Говоря о различных этнических образованиях, свойственных различным этапам развития человеческого общества, И. В. Сталин прежде всего определяет понятие рода и племени, указывая на то, что племя является категорией этнографической.[1]

Род и племя являются типами этнического образования, характерными для первобытно-общинного строя.

В период возникновения феодального общества и государства объединения племен, характерные для последнего этапа первобытно-общинных отношений, уступают свое место более сложному образованию. И. В. Сталин определяет это образование как народность.[2]

Каковы были пути и этапы этнического развития восточного славянства, как сложилась русская народность? Славянские языки, а язык является определяющим этническую принадлежность, сложились в очень отдаленные времена.

И. В. Сталин отмечает: «Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»,[3] т. е. в период первобытно-общинного строя.

«Это был язык не сложный, с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но все же грамматическим строем».[4]

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950. С. 9—10; И. В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 301.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. С. 9—10. — Терминами «народность» и «национальность» И. В. Сталин в ряде своих работ пользуется альтернативно. См.: И. В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 303—304, 349—351; Т. 5. С. 47; История ВКП(б). Краткий курс. С. 6.

[3] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950. С. 22.

[4] Там же.

Языковое родство славянских народов — явление, уходящее в седую древность.

И. В. Сталин пишет: «Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории „праязыка". А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»[1].

Если мы попытаемся ответить на вопрос, когда же появляются те первые этнические образования, которые мы можем назвать славянскими, то для этого нам придется в первую очередь прибегнуть к анализу славянских языков. Таким способом мы можем реконструировать древнейшие языковые особенности, с течением времени оформляющиеся как славянские, определить общественную среду, в которой они возникли, уровень общественного развития их носителей, а следовательно, установить примерно время, от которого дошли до нас древнейшие элементы славянских языков.

Славянские термины родового строя: «род», «племя», «стар», «вече» и т. п., термины, обозначающие родственные отношения: «отьц» (отец), «мати» (мать), «сын», «дед», «баба», «внук», «брат», «сестра», «ятровь», «стрый», «сноха», «свекровь», «свекр», «золва» (золовка), «уй», «деверь» и др., встречающиеся во всех славянских языках и общие им всем, свидетельствуют о том, что процесс образования родовой организации славяне прошли в период тесной и неразрывной взаимной связи.

Чрезвычайно характерным для славянских языков уже в историческую эпоху является сохранение счета родства по материнской линии и наличие соответствующих терминов в языке — реликт далекого прошлого, пережиток материнского рода, возникающего на очень ранней стадии развития человеческого общества.

Наличие ряда терминов для обозначения птиц, зверей, рыб, орудий и приемов рыбной ловли и охоты, общих во всех славянских языках, свидетельствует о том, что элементы славянской речи уже имели место среди населения Европы еще в те времена, когда господствовали охота и рыбная ловля, еще до того, как славянская речь зазвучала в областях, занятых земледельцами.

Общеславянскими названиями являются наименования орудий охоты и рыбной ловли: «лук», «стрела», «тетива», «тул», «невод», «мережа», «верша», а также наименование рыб, зверей, птиц: «рыбы», «икра», «окунь», «щука», «линь», «язь», «плотва», «короп», «ерш» и др.

Были ли родовые объединения, члены которых в своей речи употребляли слова, звучащие по-славянски, славянами? Нет. Это были предшественники славян, с несложным языком, отличавшимся примитивным грамматическим строем и очень скудным словарным фондом. Их язык заключал в себе еще много архаических черт языков того далекого времени, когда в Европе звучала речь двигавшихся на север вслед за отступающим ледником мелких родовых групп охотников и рыбаков мезолита и раннего неолита. Если зародыши славянских языков могут быть обнаружены еще на стадии родовой организации охотников и рыбаков Европы,

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950. С. 28.

когда лишь зарождалось пастушеское скотоводство и возникали зачатки земледелия, то несомненно в те времена, когда скотоводство, а затем и земледелие стали главным занятием населения Европы, славянские языки достигли более высокого уровня развития.

Характеризуя этапы развития производительных сил от древних времен до наших дней, И. В. Сталин отмечает «переход от грубых каменных орудий к луку и стрелам и в связи с этим переход от охотничьего образа жизни к приручению животных и первобытному скотоводству; переход от каменных орудий к металлическим орудиям (железный топор, соха с железным лемехом и т. п.) и, соответственно с этим, переход к возделыванию растений и к земледелию».[1] В этот же период времени намечается переход к гончарному производству.[2]

Это было время сравнительно высокого развития производительных сил первобытного общества. У всех славян в эти далекие времена появились такие общие термины, как «гори» (горшок) — свидетельство возникшего и развивающегося гончарного производства; как «говядо» «корва» (корова), «вол», «бык», «теле» (теля, теленок), «овца», «агне» (ягненок), «конь», «жербе» (жеребец), «мелко» (молоко), «сыр», «сметана», «масло» и др. — свидетельство возникшего первобытного скотоводства.

Тщательный анализ земледельческих терминов во всех славянских языках дает возможность говорить об их удивительной близости, больше того, о тождестве, несмотря на огромные расстояния, отделяющие (да и отделявшие) славянские народы один от другого. Следом земледелия, ставшего с течением времени господствующим у славян на средней ступени варварства, является общность таких терминов, как «жито», «обилие», «брашно», «пъшеница» (пшеница»), «пъшено», «зръно» (зерно), «орать» (пахать), «рало» (древний плуг), «соха», «борна» (борона), «мотыга», «серп», «сев», «ратай» (пахарь), «нива», «семя», «ролья» (пашня), «ляда», «целина», «угор», «перелог», «бразда» (борозда), «коса», «ярь», «озимь», «мука», «сито», «жорн» (жернов), «гумно» и др. Из области огородничества можно указать на такие общеславянские названия, как «горох», «сочевица», «лук», «чеснок», «репа», «хмель», «мак», «плевела», «полоть» и др.

На это указывает и древний земледельческий языческий календарь, названия месяцев которого в основном соответствуют циклу сельскохозяйственных работ, календарь, и ныне сохранившийся у украинцев, белорусов, поляков и других славянских народов.

Таким образом, конкретный анализ славянских языков еще раз свидетельствует о гениальности сталинского определения глубокой древности элементов современных языков и языкового родства славянских наций.

Глубокая древность была периодом наибольшей языковой и культурной общности славян. Затем, в период великого переселения народов, славянские племена «дробились и расходились, смешивались и скрещивались»[3] и начали складываться западнославянские, южнославянские и восточнославянские племенные языки, имеющие много общего, но в то же время начинающие обособляться в три группы. Уже в VI—VII вв. намечаются основные особенности языка восточных славян («город» вместо

[1] История ВКП(б). Краткий курс. С. 118.

[2] Там же.

[3] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950. С. 22.

«град» западных славян и «град» южных славян; «ворона» вместо «врона» в западнославянских языках и «врана» в южнославянских, т. е. устанавливается так называемое «полногласие»; происходит замена «к» и «г» звуками «ц» и «з», например «цвет» вместо «квет» и «звезда» вместо «гвезда»; замена «е» — «о», например «олень», «озеро», «осень» вместо «елень», «езеро», «есень»; замена «а» — «я», например «яз», «ягне» вместо «аз», «агне»; сочетание глухих гласных «ъ» и «ь» с плавными согласными; смягчение зубных «д» и «т» и т. п.).

Процесс расселения славян по обширным пространствам Восточной Европы, сопровождаемый скрещением племенных языков восточных славян с языком неславянских племен, из которого всегда выходил победителем язык восточных славян, привел к появлению некоторых местных особенностей в их речи.

В VIII—IX вв. в передовых землях Руси племенной строй отмирает, уступая свое место государству. Прежнее языковое единство восточных славян дополняется единством политической жизни.

Общественное развитие, результатом которого было создание Киевского государства, вызвало большие изменения в этническом составе населения Восточной Европы.

Укрепление государственности на территории Восточной Европы имело огромное значение для формирования русской народности.

Киевское государство объединило восточнославянские племена в единый политический организм, связало их общностью политической жизни, культуры, религии, способствовало появлению и укреплению понятия единства Руси и русского народа.

Развивающиеся торговые связи между отдельными городами и областями Руси, сношения между русским населением различных земель, установившиеся в результате хозяйничания и управления княжих «мужей», расширения и распространения княжеской государственной и вотчинной администрации, освоение княжой дружиной, боярами и их «отроками» все новых и новых пространств, полюдье, сбор дани, суд, переселения по своей инициативе и по воле князя, расселение и колонизация, совместные поездки, походы, встречи на торгу и т. п. — все это в совокупности способствовало объединению восточнославянских племен в единую народность.

В племенные языки, в местные диалекты проникают элементы диалектов соседей, в быт населения отдельных земель — черты быта русского и нерусского люда других мест. Речь, обычаи, нравы, быт, порядки, религиозные представления, сохраняя много отличного, в то же самое время приобретают общие черты, характерные для всей Русской земли.

И так как «язык есть важнейшее средство человеческого общения»,[1] то эти изменения в сторону единства славянского населения Восточной Европы идут прежде всего по линии усиления общности языка, так как основа этнического образования — язык.

Мысль В. И. Ленина о языке как о важнейшем средстве человеческого общения не может быть понята, иначе как прямое указание на то, что в основе этнической общности людей лежит язык.

Эту мысль мы находим и в классическом труде И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», где в качестве первого признака нации

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 20. С. 368.

выступает общность языка.[1] В работе «Относительно марксизма в языкознании» И. В. Сталин отмечает: «Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе.

Обмен мыслями является постоянной и жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества, — стало быть, невозможно само существование общественного производства. Следовательно, без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество прекращает производство, распадается и перестает существовать, как общество. В этом смысле язык, будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества».[2]

В конце концов принадлежность человека или целого коллектива людей к той или иной народности определяется не антропологическими, расовыми признаками, не типом костюма и бытом, не типом оружия, архитектуры или домашней утвари, а языком.

«...Культура и язык — две разные вещи», — указывает И. В. Сталин.[3]

Племенному быту на Руси соответствовали племенные языки. Каждый племенной язык восточных славян имел ряд общих черт с другими племенными языками «словеneск язык на Руси» и в то же самое время отличался рядом особенностей, и подчас весьма существенных. Изменения в общественной и политической жизни обусловили новый этап этнического развития восточных славян.

И. В. Сталин указывает: «Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка. За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались...».[4]

Развитие производства, обусловившее замену первобытно-общинного строя на Руси новым, феодальным строем, возникновение классов и зарождение древнерусского Киевского государства, развитие торговли, появление письменности, развитие древнерусского литературного языка и древнерусской литературы — все это в совокупности и обусловило сглаживание особенностей речи восточных славян разных земель Руси, развитие древнерусского языка и складывание русской народности.

«Вне общества нет языка, — отмечает И. В. Сталин. — Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которо-

---

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 293.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950. С. 18—19.

[3] Там же. С. 16.

[4] Там же. С. 22.

му принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка».[1]

Изменения в общественной и политической жизни восточных славян, связанные с возникновением Киевского государства, неизбежно должны были вызвать и вызвали перемены в их речи.

Если в IV—VIII вв. славянские племена «дробились и расходились»,[2] заселяя степь, лесостепь и леса Восточной Европы, и намечались местные языковые особенности, то на грани VIII и IX вв. и позднее, когда начало складываться политическое единство восточных славян, шел процесс «дальнейшего развития... от языков племенных к языкам народностей...».[3]

Уже в древности, на самой заре русской государственности, со времени возвышения Киева, говор полян, «яже зовомая Русь», впитавший в себя элементы языков пришельцев в эту местность славянского и неславянского происхождения, выдвигался в качестве общерусского языка.

Он распространился по всей Русской земле в результате торговых поездок, переселений, совместных походов, выполнения различных государственных функций и т. д.

Так рождался общерусский язык, точнее — общий разговорный древнерусский язык.

В создании общерусского разговорного языка, хотя и сохраняющего диалектные особенности, но тем не менее ставшего речью всей Русской земли, решающую роль сыграли народные массы. Поездки «гостей», переселения по своей и по княжеской воле ремесленников, «нарубание» воинов в разных уголках Руси и поселения воинов разных племен на рубежах Русской земли, большая роль ополчений городов в военных предприятиях князей, когда князья с окружающими их дружинами еще не замкнулись в военно-феодальную верхушку общества и были возможны и летописно-эпический Ян Усмошвец, и былинный Илья Муромец, вышедшие из простого люда и ставшие дружинниками князя,[4] — все это является свидетельством решающей роли самих народных масс в складывании общерусского разговорного языка. Диалектные особенности в нем все больше и больше сглаживаются. Особенно в этом отношении характерна речь русского города. Вместе с усложнением общественно-политической жизни она все больше и больше усложняется, впитывает в себя специализированную речь воинов, духовенства, т. е. своеобразные жаргоны, обслуживающие не народные массы, а узкую социальную верхушку, или людей определенной профессии. Постепенно язык горожан, и в первую очередь «киян», стал влиять и на речь деревенского населения, которая тоже эволюционирует в сторону общерусской общности.

В создании общерусского языка значительную роль сыграл язык народного эпоса (песен, сказаний, былин), необычайно распространенного в Древней Руси, язык яркий и богатый, характерный отвлеченными понятиями, стандартами и другими элементами эпоса, язык «боянов», «соловьев старого времени».

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950. С. 18.

[2] Там же. С. 22.

[3] Там же. С. 9.

[4] Из этого вовсе не следует признание их исторически реальными личностями. Речь идет о том, что в памяти народа сохранилось воспоминание о временах, когда такого рода эволюция простого воина была возможна.

Наконец, в складывании общерусского языка видное место занимал язык правовых документов и норм, язык деловой литературы, возникшей еще до «Русской Правды», во времена «закона русского», если не раньше. Этот язык вырос из разговорной речи задолго до деятельности Кирилла и Мефодия. Уже в XI в. оформился древнерусский литературный язык, в основу которого лег древнерусский разговорный язык, лишь окрашенный языком старославянской письменности. Питающей средой богатого древнерусского литературного языка являлись местные диалекты восточных славян и лишь отчасти старославянский язык. Этим и объясняется исключительное богатство древнерусского литературного языка, высокий уровень его развития, его богатая стилистика и семантика.

Такова начальная стадия русского языка, одного «из самых сильных и самых богатых живых языков» (Ф. Энгельс).[1]

Русский язык той поры был речью всех восточных славян. Это была своего рода восточнославянская речь киевской поры, поры древнерусского государства, древнерусская речь.

Итак, налицо первый фактор, определяющий собой единство русского народа — язык.

Остановимся теперь на сознании единства русского народа.

Достаточно беглого взгляда, брошенного на наши источники, — а они отражают мысли людей Древней Руси, достаточно даже поверхностного знакомства с древнерусскими преданиями, а они отражают идеологию народа, — для того чтобы убедиться в том, насколько развито было у наших предков чувство единства народа, чувство патриотизма, любви к родине, само понятие Родины, земли Русской, насколько большое, всеобъемлющее понятие вкладывали они в слово «Русь», «Русская земля».

Яркими памятниками древнерусского патриотизма, отражающими чувство самосознания русского народа, являются и «Повесть временных лет» («Откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуду Русская земля стала есть»), и «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, и «Память и похвала» Иакова Мниха, и «Слово о полку Игореве», и другие жемчужины древнерусской литературы.

Они проникнуты чувством любви к земле Русской и с гордостью говорят о русском народе, о его славных богатырских делах. Сознанием единства Русской земли, единства русского народа от «Червенских градов» до Тмутаракани, от Ладоги и до Олешья проникнуты произведения «книжных» людей киевской поры.

Это сознание единства является величайшим вкладом киевского периода в историю всех трех братских славянских народностей Восточной Европы, имевшего одного общего предка — русский народ времен Владимира, Ярослава и Мономаха.

В это же время складывается единство материальной и духовной культуры, единство склада жизни от Перемышля и Берлади, от Пряшева и Ужгорода, от Малого Галича и Бельза до Мурома и Рязани, Ростова и Владимира, от Ладоги и Пскова, Изборска и Белоозера до Олешья и Тмутаракани; единство, проявляющееся буквально во всем — от архитектуры до эпоса, от украшений и резьбы по дереву до свадебных обрядов, поверий, песен и поговорок, от утвари и одежды до языковых реликтов; един-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV. С. 239.

ство, роднящее еще и в наши дни гуцула и лемка Карпат с русским крестьянином Мезени и Онеги, белоруса из-под Гродно с жителем рязанских лесов. И в этом единстве мы усматриваем великое наследие киевского периода в русской истории, ибо он, киевский период нашей истории, сделал русских русскими. И сознание единства, память о том, что во Львове, Галиче, Владимире Волынском, Берестье, Холме, Ярославе, Пряшеве, Хусте, Ужгороде, Киеве, Минске, Полоцке живут те же «русские», что и во Владимире на Клязьме, в Твери, Новгороде, Смоленске, Ярославле, Суздале, Галиче Мерском, связанные общим происхождением, близостью языка и культуры, общностью религии, историческими традициями киевских времен, — никогда не исчезали из самосознания великороссов, украинцев и белорусов, и не могло изгладить их ни Батыево нашествие, ни тяжкое татарское иго, ни вековое господство литовских и польских панов, венгерских магнатов, молдавских бояр, ни годы лихолетья, ни тяжкие испытания, выпавшие на долю всех трех ветвей великого народа русского. Сохранялось и языковое единство всех трех ветвей восточных славян — русского, украинского и белорусского народов, и никакой гнет не мог заставить русских, украинцев и белорусов отказаться от родной речи. «История отмечает большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции».[1]

То общее, что объединяет великоросса, украинца и белоруса, есть результат не только общности происхождения, уходящей в далекие времена, но и нерушимых связей, установившихся между населением различных уголков Руси еще на заре истории русского народа и его государства во времена Киевской Руси. И в этом — огромное значение киевского периода в истории славянских народов Восточной Европы.

Вряд ли кто-либо будет сейчас сомневаться в том, что в IX—X вв. восточное славянство складывается в единый русский народ.

На основе древних связей и традиций, на базе этнической общности восточного славянства, на основе общности языка, восходящей к далеким временам, ибо «структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох»,[2] на основе устанавливающейся общности обычаев, быта, законов, религии, идеологии, на основе единства материальной и духовной культуры, в условиях возникающего древнерусского государства, единства на международной арене, совместной борьбы за «землю и веру русскую», совместной политической жизни начинает возникать сознание единства русского народа. Люди русские осознают себя людьми одной веры, одного языка, одних обычаев, обычаев «отец своих», одних нравов, людьми одного психического склада, сыновьями и дочерьми своей страны — Руси.

Так сложился русский народ киевских времен — далекий предок русской, украинской и белорусской наций.

Какое же определение мы можем дать тому этническому объединению восточного славянства, которое характерно для киевского периода его истории?

Объединение восточных славян, сплотившихся в единый русский народ, должно быть определено как народность. Как мы уже видели,

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950. С. 21.
[2] Там же. С. 22; см. также с. 7.

И. В. Сталин отмечает, что на смену роду и племени приходит народность. Народность образовывается уже в период феодализма. Феодализм на Руси зарождается уже в IX в. В. И. Ленин указывает, что «...крепостничество *может* удержать и *веками* держит миллионы крестьян в забитости (напр., в России с IX по XIX век...)».[1]

Таким образом, можно считать установленным, что во времена Киевского государства восточнославянский мир сложился в единый русский народ, или, конкретизируя, в единую русскую народность. Но процесс дальнейшего объединения диалектов, материальной и духовной культуры, дальнейшего слияния восточных славян в единую народность был прерван феодальным раздроблением Руси и главным образом (этот фактор играл решающую роль) — Батыевым нашествием, отторжением русских земель, захватом западных, южных и восточных русских земель Швецией, Ливонским орденом, Литвой, Польшей, Венгрией, Молдавией, Золотой Ордой. Русские земли были разорваны, разобщены, изолированы, попали в различные исторические условия. Естественно, что и русский народ оказался расчлененным, разобщенным, отдельные части были оторваны друг от друга, разделены политическими границами, обособлены в экономическом отношении.

Все эти исторические условия определили дальнейший путь этнического развития восточного славянства. Пройдя через этап феодальной раздробленности, расчлененные и разобщенные, русские с течением времени сложились не в одну народность, как это намечалось в киевский период истории Руси, а объединились в три братские народности (или национальности) восточных славян: собственно русскую (русскую в узком смысле слова), или великорусскую, украинскую и белорусскую.

В XI столетии начинается, а в XII в. окончательно устанавливается феодальная раздробленность.

Процесс слияния восточного славянства в единую народность приостанавливается, замедляется, затем прерывается. Старые языковые особенности, унаследованные от племен и земель Руси, не ликвидированные общностью киевских времен, усложняются новыми особенностями, возникающими в период феодальной раздробленности и обусловленными экономической и политической изолированностью русских княжеств удельной поры.

Намечаются этнические образования, соответствующие крупным «самостоятельным полугосударствам» (И. В. Сталин) периода феодальной раздробленности, крупным княжествам удельной поры.

Подобно тому как «Русь» — единое Русское государство — уступила свое место отдельным «самостоятельным полугосударствам» — княжествам, так и складывающееся единство русской народности киевской поры уступает свое место изолированности местных этнических образований восточных славян населению отдельных «национальных областей» (В. И. Ленин) удельной поры: псковичам и новгородцам, нижегородцам и рязанцам.

Не случайно В. И. Ленин указывает, что до образования национальных государств существовали национальные области.[2]

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 20. С. 348.

[2] В. И. Ленин. Национальный вопрос: (Тезисы по памяти) // Ленинский сборник. Т. XXX. С. 62.

Не случайно хорошо известное лингвистам подчас поразительное совпадение границ диалектов русского языка и границ крупных княжеств (Москва, Псков, Новгород, Рязань) периода феодальной раздробленности.

Для XIII—XIV вв. характерна территориальная замкнутость и раздробленность восточнославянских диалектов. Объединяющие тенденции ослабевают.

Племенные языки и местные диалекты по-новому кристаллизуются в границах феодальных княжеств.

Псковичи с их особенностями речи (смешение «ч» и «ц», «ш» и «с», «ж» и «з», твердое «р», «акание», мена «у» и «в»), «окающие» новгородцы с их особенностями лексики, «акающие» рязанцы, «окающие», но не по-новгородски, «володимерцы» и другие образования составляют население «национальных областей» Руси.

Замечательной особенностью диалектов является то, что в них сохраняются пережиточно такие отношения между населением отдельных областей, которые в настоящее время уже не существуют.

Древнее новгородское княжество, например, давным-давно сошло с арены истории, однако его границы до сих пор сохраняются в несколько измененном виде в языковых особенностях северо-запада Руси.

Таких примеров можно было бы привести много. Период феодальной раздробленности был тем временем, когда границы русских княжеств расчленили, разделили русский народ.

Деление это было в значительной степени насаждаемым феодалами сверху, противоречащим воззрениям и стремлениям народных масс. Единство народной (мы отбрасываем специфические особенности местной культуры, обусловленные, в свою очередь, особенностями политической жизни феодальных верхов отдельных русских княжеств) материальной и духовной культуры продолжает иметь место не только в XI, но и в XII в., и только в XII—XIII вв. и позднее намечается процесс выделения местных особенностей.

Длительное политическое и экономическое обособление русских княжеств — результат свойственной феодалам тяги к изолированности — начинает оказывать влияние на население и обусловливает его языковые и культурные особенности.

Намечается развитие диалектов (псковского и новгородского, московского и нижегородского, рязанского и тверского), появляются некоторые местные черты быта, обычаев и т. п.

Это было время, когда Русь была раздроблена «на отдельные самостоятельные княжества, которые не только не были связаны друг с другом национальными узами, но решительно отрицали необходимость таких уз».[1]

Говоря об истории русского народа, Н. Г. Чернышевский отмечает, что есть страны, где «части одного и того же народа готовы жертвовать областному интересу национальным единством. У нас этого никогда не было (за исключением разве Новгорода): сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями».

---

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 11. С. 336.

Развивая эту совершенно правильную мысль, Н. Г. Чернышевский считает необходимым подчеркнуть, что «распадение Руси на уделы было, чисто, следствием дележа между князьями..., но не следствием стремлений самого русского народа». Поэтому «удельная разрозненность не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда и не имела корней в его сердце».[1]

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают возможность с уверенностью утверждать, что носителями сепаратизма и изолированности, «которы» и «нестроения», противниками единства Руси, единства русского народа, отрицавшими необходимость национальных уз, были удельные князья и боярская знать вечевых городов, в то время как широкие народные массы и в городе, и в деревне стремились к объединению, выступали противниками феодальной раздробленности, никогда не теряли чувства единства всех русских людей.

Но наступал конец феодальному раздроблению Руси.

Как некогда образование из отдельных восточнославянских племен древнерусской народности было обусловлено развитием производительных сил, переменами в общественной, социальной и в политической жизни Руси, так и позднее, в XIV—XVI вв., на северо-западе и северо-востоке Руси складывание русского населения «национальных областей» — княжеств — в великорусскую народность было обусловлено сдвигами в развитии производительных сил, ликвидацией системы феодальной раздробленности и образованием централизованного государства с самодержавной властью во главе.

Русские земли от Пскова до Нижнего Новгорода и от Заволочья до окраины Дикого Поля были объединены Москвой в единое государство.

Другой стороной этого процесса было объединение русского населения на территории от Чудского озера до низовьев Оки и от Северной Двины и Белоозера до Сейма в единую великорусскую народность. Местные диалекты периода феодальной раздробленности, в которых прослеживаются остатки племенных языков, сливаются в единый язык.

Образование великорусской народности происходило на древней племенной территории кривичей (без полоцкой их ветви), словен ильменских, вятичей и северян (в большей части).

Формирование великорусской речи с ее местными диалектами происходило на основе среднерусских и севернорусских диалектов. В состав великорусской речи вошли также диалект северян, близкий к южнорусским и среднерусским диалектам, и стоящие особняком владимиро-суздальские диалекты.

В процессе складывания великорусской народности приняли участие и балтийские племена (например, голядь, жившая на реке Поротве), и племена финно-угорских языков (меря, весь, мурома), быстро обрусевшие и совершенно (за исключением веси) растворившиеся среди русских, передав им, конечно, некоторые языковые элементы и бытовые черты. Говоря о скрещивании языков, когда один язык выходит победителем, И. В. Сталин отмечает: «Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем.

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. 1918. Т. II. С. 541.

Конечно, словарный состав русского языка пополнялся при этом за счет словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык».[1]

Образование централизованного Русского государства и формирование великорусской народности сопровождают друг друга и являются различными сторонами одного и того же явления.

Термины «великорусская» народность, «великороссы» («великоруссы») можно заменить терминами «русская народность», «русские», но можно остановиться на термине «великороссы», так как этим самым устраняется возможность смешения русской народности киевских времен и русской народности времен Ивана III, его сына и внука.

Термин «великороссы» мы находим в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина.

В. И. Ленин одну из своих работ, прямо посвященных интересующей нас проблеме — чувству национального самосознания, так и озаглавил — «О национальной гордости великороссов», и всюду в тексте он употребляет этот термин. И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и национальный вопрос» и в других пользуется термином «великороссы».[2] Что касается самого термина «Великая Русь», то следует отметить его очень древнее происхождение. Понятие «Великая Русь» встречается в обозначении всей Русской земли, и в этом значении оно находит отражение не только в древнейших русских литературных памятниках («Сказание о Борисе и Глебе»), но и очень давно, с XII в. встречается в зарубежной литературе («Roussie la large» романа о Фульке из Кандии, «Roussie la grant» в романе о «Bouve de Hantone»). В XIII в. термин «Великая Русь» закрепляется за северной частью русских земель, хотя еще в XIV в. термин «Великая Русь» употребляется для обозначения всей Руси в целом. Так было и в XV, и даже в XVI вв., когда мы встречаем термин «Великая Русь» и в том и в другом значении. Лишь в XVI в. «Великой Россией» стала именоваться только Московская Русь от Пскова до Оби и от Студеного моря до Дикого Поля. Население ее получило наименование великороссов. Впервые термин «великороссы» встречается в сочинении Памвы Баранды (1627 г.).

Каким же путем идет формирование русской (великорусской) народности?

В основе процесса образования русской народности лежат экономические явления.

На значение экономического фактора в объединении Руси в единое государство указывает И. В. Сталин.[3] Об экономической необходимости создания национального государства писал В. И. Ленин.[4]

Экономическое общение отдельных русских земель, областей и княжеств, политические их связи между собой являются основой образования великорусской (русской в узком смысле слова) народности или национальности. Мы знаем, что в период образования централизованного

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950. С. 25.

[2] И. В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 304; т. 5. С. 36.

[3] И. В. Сталин. Соч. Т. 9. С. 176; Приветствие И. В. Сталина // Правда. 1947, 7 сентября.

[4] В. И. Ленин. Национальный вопрос: (Тезисы по памяти) // Ленинский сборник. Т. XXX. С. 62.

государства в России не могла сложиться нация, ибо нация — категория историческая, возникающая в период поднимающегося капитализма. Во времена образования единого Русского государства складывалась русская народность.

Складывание русской народности, таким образом, происходило еще в феодальный период в процессе ликвидации феодальной раздробленности. Хронологически это были XIV—XVI вв. В этот период времени уже имели место отдельные элементы нации — язык, территория, культурная общность, но говорить о нации, конечно, еще не приходится.

И. В. Сталин отмечает: «Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях».[1]

Какие же элементы нации складываются в это время среди русского населения, определяющие его как народность, которые при известных благоприятных условиях могли в будущем определить его как нацию?

Начнем с языка — основы любого этнического образования.

Образование русского (великорусского) языка происходило на территории древнего Ростово-Суздальского княжества, в междуречье Волги и Оки; питающей средой его явились восточная часть среднерусских диалектов и северорусские.

Образование русской народности происходило главным образом в средневеликорусской полосе, переходные диалекты населения которой зашли дальше всего в стирании языковых границ.

С течением времени стержнем, вокруг которого обвивались различные диалекты великорусского языка, точнее — местные, «территориальные», диалекты (тверской, рязанский, нижегородский, псковский, новгородский), становится диалект Москвы, стоявшей на стыке южновеликорусских и северновеликорусских диалектов. Население Москвы одновременно и о́кало по-северновеликорусски, и а́кало по-южновеликорусски.

Археологические раскопки последнего времени доказали, что Москва была расположена на территории вятичей, была вятичским городом; эти раскопки дали возможность принять, развить и дополнить предположение о том, что народные массы Москвы, древнейшее ее вятичское население, а́кали, тогда как феодальная верхушка, пришедшая из Владимира, Суздаля, Ростова, Переяславля, преимущественно о́кала.

И хотя с XIV в. Москва возглавляет объединение Руси, московский диалект в те времена являлся только одним из диалектов складывающегося великорусского языка. Это вполне понятно, если мы учтем полную или почти полную независимость в ту пору отдельных княжеств и земель в пределах даже такого мощного феодального политического объединения, каким было Великое княжение Владимирское.

Но вот на основе территориальной общности, сложившейся в начале XVI в., складывается общность и языковая. Складывается и развивается язык великорусской (русской) народности. Правда, диалектизмы, местные говоры еще очень сильны, они веками сохраняются в деревне, правда, на-

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 11. С. 336.

ряду с московским диалектом еще очень распространен диалект новгородский, и только XVII в., этот, по определению В. И. Ленина, «новый период» в истории России, сгладит областные диалекты в русском национальном языке. И. В. Сталин отмечает, что «...с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка народности развились в нации, а языки народностей в национальные языки».[1]

Этим периодом в истории России был XVII в. — время складывания всероссийского национального рынка, национальных связей.

Но уже в XVI в. московский письменный язык, язык московских «книжных» и приказных людей, отражающих речь народных масс, становится общегосударственным языком, и конкурирующие с ним новгородский и рязанский, наиболее обособленные диалекты, внеся свой вклад в великорусский язык, отходят на второй план и с течением времени становятся речью главным образом, или даже почти исключительно, новгородской и рязанской деревни. Говоря об общих для племен и народностей языках, И. В. Сталин указывает: «Конечно, были наряду с этим диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности».[2]

Так было и на Руси.

Московский диалект впитывает в себя местные диалекты, местные говоры, речь населения «национальных областей», что значительно обогащает его. С течением времени, в XVI в., вместе с возвращением Русью утраченных ею когда-то земель, разных «украи́н», захваченных в свое время великими князьями литовскими, московский диалект подвергается сильному влиянию южновеликорусской речи. Объяснение этого явления мы находим также в реформах Ивана Васильевича. «Перебирая» и «передирая людишек», переселяя их своими указами, перераспределяя землю «служилым людям государевым», Иван Грозный искоренял гнезда «бояр-княжат», разгонял их и переселял вместе с «чада и домочадцы», со всякого рода челядью, и так как гнезда эти лежали сплошным массивом на о́кающем севере и северо-востоке, а новым хозяином этих земель становился опричник, зачастую вышедший из служилой мелкоты какой-либо южной или юго-западной «украи́ны» Московского государства, то вполне естественно, что сюда, на север, стала проникать и его а́кающая речь, его вокализмы.

Живая речь, речь народа, все больше и больше входит в официальный язык, язык письменности. Объяснялось это чувством национальной гордости, столь свойственным русским «книжным» людям, которое побуждало их не сторониться народной речи, а впитывать ее в свой язык.

Вместе с живой народной речью, речью трудящихся масс, всех этих «молодших», «менших», «мизинных» людей, с речью посада и всяких служилых людей «по прибору» да служилой мелкоты, хотя и отбывавшей «службу государеву по отечеству», но мало чем отличавшейся по «достатку» от стрельцов и пушкарей, в письменный язык Москвы вошли местные говоры «земель» и «украи́н».

Такой «украи́ной» в первую очередь была Северская Украина — Курск, Путивль, Рыльск, Кромы, Орел, Севск, Стародуб и др. В «Ответе

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950. С. 10.
[2] Там же.

товарищам» И. В. Сталин пишет: «Диалекты местные («территориальные»), наоборот, обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская «речь») русского языка, который лег в основу русского национального языка».[1]

Так вырабатывался новый письменный язык, все больше приближающийся к живой разговорный речи средних слоев общества, т. е. тех же служилых, приказных и посадских людей. И эта речь в отдельных случаях становилась одной из форм делового языка.

Так создавались разные стили языка русской письменности, разные социальные и профессиональные диалекты русского национального языка, так складывался русский национальный язык.

И. В. Сталин отмечает, что «...язык, как средство общения людей в обществе, одинаково обслуживает все классы общества и проявляет в этом отношении своего рода безразличие к классам. Но люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создаются „классовые“ диалекты, жаргоны, салонные „языки“».

И далее И. В. Сталин указывает, что нет ничего ошибочнее, как считать эти диалекты и жаргоны языками.[2]

Не были особыми языками и социальные диалекты и жаргоны Руси XV—XVI вв.

Говоря об образовании национальных языков и отмечая различные пути их складывания, К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что «...в любом современном развитом языке стихийно возникшая речь возвысилась до национального языка... благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией».[3]

Образование национального русского языка является классическим примером именно такого пути складывания национальных языков, указанного основоположниками научного социализма.

Так складывался богатый и выразительный, сильный и красивый, звучный и яркий национальный русский язык.

Складывалась и общность территории русского народа, закрепленная успешной объединительной политикой Ивана III и его сына.

К началу объединения русских земель Москвой, точнее, ко второй половине XIV в., относится заря национального пробуждения. Искра национального самосознания была только прикрыта пеплом княжеских усобиц, удельных порядков и татарского ига. И она возгорелась. Раздула ее в полымя Куликовская битва. Первая попытка всенародной борьбы, попытка

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950. С. 37.
[2] Там же. С. 11.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV. С. 414.

с оружием в руках сбросить ненавистное татарское иго, сыграла большую роль в развитии национального самосознания.[1] Воспрянул духом русский народ, пробудилось патриотическое чувство. Москва выступила в роли избавительницы Руси от нашествия Мамая, ее авторитет и популярность в народных массах еще более укрепились и выросли.

Эти симпатии народных масс и заставили новгородскую боярскую знать, враждебную Москве, пойти на уступки новгородским «меншим», «мизинным людям», «худым мужикам вечникам», восхвалявшим Москву и ее князя за то, что «боронят» его ратные люди «всю землю русскую» «от ворога», и вставить в Новгородскую IV летопись пространный рассказ о Куликовской битве, составленный в тоне, благожелательном для Москвы; эти симпатии народных масс заставили Софрония спустя два года после нашествия Мамая написать в Рязани, князь которой сыграл столь печальную роль в годину Куликовской битвы и «отступил» от Руси, знаменитую «Задонщину», составленную в духе прославления Москвы, грудью вставшей на защиту всей земли Русской.

Куликовская битва дала толчок подъему самосознания русских людей и явилась величайшим фактором идеологической подготовки образования русской народности и ее государства.

Национальное пробуждение, последовавшее за Куликовской битвой, стимулировало развитие русской культуры. Это последнее идет в ту пору по линии установления общерусских норм и форм, стремления к «живству», отказа от условности предшествующих времен. И наиболее яркое отражение эта тенденция к реализму, к «живству», если речь идет об изобразительном искусстве, нашла в творчестве Андрея Рублева. Естественный ландшафт, натуральные человеческие фигуры и лица, зачатки перспективы, светотень, отход от условного, мрачного, появление в живописи повествовательных и психологических моментов, яркость и разнообразие красок — все эти явления, отразившиеся и в творчестве Андрея Рублева, и в новгородской фресковой живописи второй половины XIV в. (Волотово, Ковалево, Федор Стратилат, Спас на Ильине), свидетельствуют о больших переменах в мировоззрении русских людей.

Национальное пробуждение времен Дмитрия Донского связано с развитием интереса к прошлому, к истории Руси. Этим объясняется реставрация древних архитектурных памятников (Успенский собор во Владимире, собор в Переяславле-Залесском).

В области летописания очень характерно стремление московских князей и «книжных» людей создать общерусские летописные своды. Областные летописи, летописи князей и княжеств, городов и земель перерабатываются, переоформляются и используются для составления летописей «всея Руси». Эта идеологическая работа московских летописцев подчас предупреждала и опережала рост политического значения Москвы и свидетельствовала о росте сознания общерусских интересов среди «книжных» людей Руси, о росте сознания единства земли Русской среди народа еще в те времена, когда эти идеи только возникали в политических планах правителей Москвы.

---

[1] Термин «национальное самосознание» я применяю в смысле сознания единства людей, принадлежащих к данной складывающейся национальности (народности), единства ее интересов, психического склада и т. п.

Первым летописным сводом «всея Руси» был так называемый «Летописец великий русский», составленный в конце XIV в. Но в нем идея общерусского единства еще только намечается. По-настоящему она отразилась в московском летописном своде 1408 г., в так называемой «Троицкой летописи». Свод Фотия в этом отношении еще ярче, и пронизывающая его идея единства переплетается с отчетливо выступающими демократическими тенденциями, что находит отражение в подчеркивании роли народа, московских посадских людей в обороне своего города («Повесть о нашествии Тохтамыша»).

К середине XV в. окончательно складывается единый киевский цикл русского былинного эпоса с его идеей единства и независимости Руси. Былины, возникавшие в разных местах на основе местного исторического припоминания, сохранявшие лишь туманные воспоминания о древнем единстве киевских времен, вместе с ростом сознания общерусского единства теряют локальные черты и поднимаются до идеи «одиначества» земли, власти и народа, становятся достоянием всего русского народа, что объясняется эволюцией исторических воззрений народа. Глубоко прав был Максим Горький, когда писал, что «от глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории».

Идея единства Руси — русского народа, никогда в нем не умиравшая, хотя и отодвинутая на второй план идеологией «безвременья» удельной поры и сепаратизма княжой «которы» и татарского лихолетья, теперь возрождается на новой основе, в иных экономических и политических условиях, в обстановке иных социальных взаимосвязей, в иные времена, возрождается с новой силой. Носительницей ее становится Москва. И если одно время Тверь и Новгород противопоставляли этой идее свои сепаратистские теории, то с течением времени они сами воспринимают ее и выступают не в роли идейных антиподов стремящейся к единству Москвы, а лишь в качестве ее соперников и конкурентов, вооруженных ее же мечом, принявших ее идеологическое оружие.

Но и в Новгороде, и в Твери растет число приверженцев наиболее последовательной сторонницы единства Руси — Москвы. Это были главным образом мелкие феодалы и посадский люд. Выражением этих настроений основных масс населения Новгорода была *деятельность* Упадыша, заклепавшего новгородские пушки, готовые открыть огонь по московскому войску, и *идеи* «Жития Михаила Клопского».

В «Слове» инока Фомы, адресованном тверскому князю Борису Александровичу, мы найдем и идею единства Руси и «одиначества» власти, и идею самодержавия, впервые названного «царской властью». Идеи «Слова» — несомненно передовые, прогрессивные, но вопрос о том, кто возглавит Русскую землю — Москва или Тверь, был уже решен в пользу Москвы, и в данной конкретной обстановке прогрессивные идеи опоздавшей Твери были лишь помехой на пути победного шествия Москвы, а в скором времени их вековечный спор был решен оружием в пользу Москвы.

Идея русского единства была столь сильна в Москве и так прочно завоевала литературу того времени, так овладела умами образованных русских людей и государственных деятелей Руси, что ее не вытеснили ни теория «Третьего Рима» с ее призраком «всемирной власти» и «вселенского царства», ни идея Москвы — наследницы Византии, оплота «истинного христианства», распространенная среди русского духовенства со

времен брака Ивана III с Софьей Палеолог. Государи московские были прежде всего государями «всея Руси», а не восточнохристианскими монархами призрачного царства; они были «изначала государи на своей земле» и, по выражению Максима Грека, «искали своих», а не добивались престола порфирородных византийских императоров, верили «не в греков, а в Христа», боролись не за престол императора восточнохристанского царства, а за «отчины» и «дедины» — старинные русские земли, за «наследство» не Палеолога и Константина Мономаха, а Святослава и Владимира, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Отсюда, из чувства превосходства своего, русского, вытекало различие византийских и русских придворных обычаев и церковных обрядов и взаимоотношений царя и митрополита. И изменения в титуле «государя всея Руси», пышность придворного церемониала, гордый и независимый тон русских дипломатических актов времен Ивана III связаны отнюдь не с женитьбой его на Софье Палеолог, а прежде всего с освобождением от татарского ига, с установлением формальной независимости Руси.

Идея объединения и независимости Руси, идея единства русского народа проявляются во всех сторонах духовной культуры и накладывают на нее неизгладимый отпечаток. Хотя в быту и обычаях, порядках и нравах русских людей разных концов Русской земли остается еще много местного, специфического, но все быстрее и быстрее идет процесс нивелировки. В быт и нравы русских людей разных мест проникают черты быта и нравов ближних и дальних соседей. По всей Русской земле распространяются одинаковые поверья и обычаи, единый эпос и т. п.

Идея единства Русской земли и русского народа отражается и в памятниках материальной культуры. В XV в. происходит объединение различных русских архитектурных направлений и школ, местных архитектурных традиций (псковской, тверской, новгородской) в единое русское зодчество, призванное отныне возводить величественные здания в столице «всея Руси» — Москве, ставшей «центром национальной жизни русского народа».[1]

Мы остановились лишь на некоторых важнейших сторонах развития русской материальной и духовной культуры, на развитии идеи единства, росте национального сознания и самосознания, на некоторых сторонах «национального пробуждения», которое определяет складывание народности. Но и приведенного достаточно, чтобы придти к выводу, что в конце XV и в XVI в. на Руси устанавливается «**общность психического склада**, сказывающаяся в общности культуры»,[2] яркой и красочной, самобытной русской материальной и духовной культуры.

Итак, в конце XV и в XVI в. на основе общности языка, общности территории, на основе общности психического склада, сказывающейся в общности культуры, складывается великорусская, или, что является синонимом, — русская народность (национальность).

Но почему мы не можем говорить по отношению к этому периоду времени о русской нации? Казалось бы, что если налицо ряд признаков, определяющих нацию: общность языка, территории и психического склада,

[1] Приветствие Московскому Городскому Совету депутатов трудящихся, Московскому Комитету ВКП (б), трудящимся города Москвы от Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) // Правда. 1947, 7 сентября.

[2] И. В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 296.

проявляющаяся в общности культуры, то можно говорить о формировании русской нации.

Но, как подчеркивает товарищ Сталин, «ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации»; больше того, **«только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию»**, «достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией».[1]

Чего же не хватало русской народности в рассматриваемый нами период времени для того, чтобы превратиться в нацию? В своей работе «Марксизм и национальный вопрос» И. В. Сталин подчеркивает, что своеобразный способ образования государств на Востоке Европы мог иметь место в условиях еще не ликвидированного феодализма, когда национальности не успели еще экономически консолидироваться в нации, и этим самым он выдвигает на первое место фактор экономический.[2] Национальности консолидируются в целостные нации прежде всего экономически. И в самом деле, в другой работе, «Национальный вопрос и ленинизм», говоря об элементах нации, создававшихся исподволь, еще в период докапиталистический, т. е. феодальный, И. В. Сталин считает необходимым отметить язык, территорию, культурную общность, но не говорит о таком элементе нации, как общность экономической жизни, как экономическая связность, ибо ее еще не было в полном смысле этого слова в период образования великорусской (русской) народности. «О национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные „земли“, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.», — так определяет этот период в русской истории В. И. Ленин.[3]

Итак, в XV—начале XVI в. русской нации еще не было, но уже существовала великорусская, или русская, народность (национальность), и созданное в это время Московское единое государство было государством русской народности. В конце XV—начале XVI в. Русское государство еще не было многонациональным, так как мелкие этнические образования, говорившие на финно-угорских, тюркских и других языках и обитавшие на землях, вошедших в состав Русского государства, как правило, не успели еще сложиться в народности, а представляли собой родовые группы, племена или союзы племен, переживавшие еще первобытно-общинный строй, очень малочисленные, затерянные в необозримых просторах тайги и тундры. Но в то же время складывающееся при Иване III централизованное Русское государство несло уже в себе некоторые черты многонационального государства, хотя таковым оно все же еще не являлось. Лишь с течением времени, когда внук Ивана III Иван Грозный завершит дело деда, заложившего фундамент Русского централизованного государства и Русское централизованное государство предстанет во всей своей мощи, оно выступит перед нами как многонациональное государство, объединившее ряд нерусских национальностей. «В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе ис-

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 2.
[2] Там же. С. 304.
[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 1. С. 137.

торически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию».[1]

Возникновение этой дворянской военной бюрократии было возможно лишь в условиях создания централизованного государства с самодержавной властью во главе. Это последнее становится с середины XVI в. многонациональным потому, что оно объединяет не только племена и союзы племен, но и народности — татар, башкир и т. д. Кроме того, среди других племен, в том числе и тех, которые еще в XV в. входили в состав Руси, в результате усиления влияния общественного строя Руси начинается переход к полупатриархальным-полуфеодальным формам социальных отношений, а затем и к феодализму, а следовательно, идет процесс складывания их в народности. Но об этом подробнее скажем дальше.

Таким образом, ядром многонационального централизованного государства времен Ивана Грозного и позднейших является Русское государство, созданное во времена Ивана III и Василия III, заложивших фундамент централизованного управления на Руси, государство в основном этнически однородное, населенное русской народностью и мелкими, малочисленными, разрозненными, слабо связанными друг с другом родоплеменными группами, племенами и союзами племен, говорившими на финно-угорских, тюркских и других языках, пребывавшими на различных стадиях развития первобытно-общинного строя и не определявшими собой этнический облик созданного Москвой государства.

Создав свое единое и могущественное государство, великороссы не остались равнодушны к судьбам своих собратьев — украинцев и белорусов, чьи предки вместе с пращурами великороссов когда-то, в Киевские времена, складывались в единую древнерусскую народность.

Жители болотистого Полесья и берегов Западной Двины, дебрей Беловежской Пущи и Закарпатских равнин, обитатели Карпатских гор и степей Приднепровья, дубрав Полесья и угрюмых лесов Черной Руси хорошо помнили, что все они русские, что и вера у них одна, и язык, и сами они составляют единый «язык» (народ).

Но пути исторического развития восточных славян разных концов их необозримых земель были различны. Юг и запад оказались под властью ливонских рыцарей, великих князей литовских, королей польских и венгерских, молдавских господарей. Процесс складывания единой русской народности прервался, и новые факторы экономической, политической и культурной жизни привели к образованию в границах Великого княжества Литовского белорусской, в границах Польши, Литвы, Венгрии, Молдавии, а позднее и в основном в России — украинской народности. Оба братских народа оказались под тяжким гнетом: классовым, национальным, религиозным, и, создав могущественное государство, великороссы начали «искать своих» в Витебске и Минске, Смоленске и Киеве, Чернигове и Гомеле, требовать свои «отчины», воевать за старинные русские земли, мечтая о единой Руси в границах Киевского государства, оказывая помощь украинцам и белорусам в их борьбе за независимость, в их стремлении к объединению с братским русским народом.

---

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 304.

ВОЙНЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУСИ В КНЯЖЕНИЕ ИВАНА III

Став «государем всея Руси», Иван III возглавил дипломатию и вел войны, преследующие общерусские цели.

Можно наметить три основных направления внешней политики Русского государства в конце XV и в начале XVI в. — борьба с татарами, ставящая своей целью освобождение от татарского ига и распространение влияния Москвы на соседнее Казанское ханство, борьба с Орденом за выход в Балтийское море, за «отчины» русских князей в Прибалтике и, наконец, стремление вернуть русские земли, захваченные Польшей и Литвой, старинные «отчины и дедины» «прародителей» Ивана III и восстановить единство Руси в государственных и этнических границах киевских времен.

Как бы ни были эфемерны следы былого подчинения Руси Золотой Орде, но все же без свержения ханского ига невозможно было развитие и укрепление Русского государства.

Некогда сильная и могучая Золотая Орда, несмотря на свои распад и ослабление во второй половине XV в., все же не оставляла притязаний на Москву и пыталась подготовить новое нашествие. Испуганное усилением Руси при Иване Польско-Литовское государство стремится приостановить рост Русского государства, заключив для этого союз с татарами.

Для выяснения основ союза злейших «ворогов» Руси необходимо отметить, что падение Новгорода обеспокоило Польшу, Литву, Ливонский орден и Швецию. Они увидели перед собой не Новгород и Псков, обособленные русские княжества, а силы «всея Руси». Пытаясь предотвратить укрепление Руси, ливонские рыцари нападают на Псков, шведы — на Новгород, а Казимир ищет союза с Золотой Ордой.

Еще в 1471 г. Казимир, желая закрепить за собой Новгород, посылает к хану Золотой Орды Ахмату Кирея Кривого. Как ни старался Кирей Кривой, этот перебежчик и изменник, сменивший Ивана на Казимира, убедить хана в необходимости выступления против Москвы, но Ахмат не смог помочь Литве. Между тем «удалые русские молодцы» — ушкуйники-вятчане напали на Сарай, взяли и разграбили его. Только летом 1472 г. Ахмат вторгся в русские земли и, несмотря на упорное сопротивление, взял и сжег Алексин и вырезал жителей его. На решительное сражение с русскими у татар уже не хватало сил, и когда Иван собрал пятнадцатитысячное войско, Ахмат повернул назад в свои улусы. Между противниками

был заключен мир. Иван чувствовал свою силу. Дань он прекратил платить с 1462 г., ограничившись лишь нерегулярно посылаемыми в Орду подарками да содержанием ханских послов, с которыми, кстати сказать, обращались на Руси все хуже и хуже.

Разрыв стал неизбежен. Готовясь к нему заранее, Иван заключил союз с сильнейшим из трех татарских государств — Крымским ханством. Ханом в те времена был Менгли-Гирей. У него с Иваном было два общих врага — Казимир и Ахмат, т. е. Польско-Литовское государство и Золотая Орда.

Сближение между Москвой и Крымом началось еще в 1474 г. Иван дорожил этой дружбой и высоко ставил Менгли-Гирея, которому он «бил челом», а не приказывал, как Казанскому хану, посаженному, как это мы увидим дальше, «из своих рук». Между Крымом и Москвой установились постоянные сношения, и послы Ивана Шеин и Ромодановский годами жили в Крыму. Приходилось привозить подарки крымцам, одаривать ханов, содержать их многочисленное посольство в Москве, но, с другой стороны, не прекращавшаяся борьба внутри самого правящего лагеря в Крыму вынуждала ханов искать помощи, а иногда и приюта в Москве. Подобное положение крымских ханов, в свою очередь, укрепляло позицию Ивана, который, оказывая помощь и давая пристанище неудачливым ханам, естественно, рассчитывал на поддержку и с их стороны. Вынужден был заключить договор с Иваном, прося его о помощи в случае переворота в Орде, и сам могущественный Менгли-Гирей. Так против союза Казимира с Ахматом складывался другой союз — Ивана с Менгли-Гиреем.

В конце 70-х годов XV в., после присоединения Новгорода к Москве, Казимир развернул энергичную деятельность, подстрекая Ахмата начать военные действия против Москвы. Казимира окрыляло еще то обстоятельство, что в начале 1480 г. поднялись против Ивана его братья Андрей и Борис, недовольные разделом вотчинных земель; они обратились к Казимиру с просьбой оказать помощь в борьбе против брата и готовились «отъехать» в Литву, уводя с собой многочисленное воинство. Дружины Бориса и Андрея шли к Новгороду. В самом Новгороде было неспокойно. В начале 1480 г. в Новгороде был открыт заговор. Заговорщики ставили своей целью оторвать Новгород от Москвы. Воспользовался «нестроением» на Руси и сам магистр Ливонского ордена — его войска осадили Псков. Город героически оборонялся.

На Руси грозила развернуться усобица, что было на руку Польше и Литве.

Между тем Менгли-Гирей готовился вторгнуться на Украину, подвластную Казимиру. Последний стал торопить Ахмата, и в 1480 г. Ахмат выступил на Москву. Иван двинул войска навстречу татарам, но Ахмат повернул к реке Угре, со стороны которой Москва была меньше защищена. Москва приготовилась к осаде. Сам Иван, отличавшийся осторожностью, решил оставить Москву, причем жену свою Софью отправил «к морю» (Белому) вместе с княжеской казной. Иван отступил к Кременцу, желая выиграть время, примириться с братьями и укрепить свои позиции.

Только добившись единства Руси, ликвидировав конфликт с братьями, грозивший вылиться в усобицу, тем более опасную для Руси, что орды Ахмата подходили все ближе и ближе к Москве, Иван мог рассчитывать на успех в грядущей битве.

Но среди бояр нашлись люди, настойчиво добивавшиеся от Ивана примирения с Ахматом.

30 сентября Иван въехал в готовящуюся к обороне Москву. Весть о том, что князь в Москве, быстро облетела город. Москвичи обступили князя, требуя от него решительных действий. Ростовский епископ Вассиан обращается к Ивану с призывом «боронити» Русь и вдохновляет его примерами из русской истории, напоминая ему славные дела Владимира Мономаха и Дмитрия Донского. Между тем сын Ивана Иван Иванович уже успел один раз отбросить татар от Угры и на просьбы отца вернуться в Москву ответил отказом. Наконец под давлением горожан и духовенства Иван выступил в поход на татар и присоединился к войскам своего сына. Татары и русские стояли на берегах Угры. Иван III сознательно не переходил в наступление, Ахмат не решался первым перейти реку и вступить в бой. Летописец осуждает некоторых бояр, «людей злых, сребролюбцев, богатых и тучных, предателей христианских, потаковников бусурманских», пытавшихся посеять сомнение в успехе дела. Но Иван был стоек. Он вел с Ахматом бесконечные переговоры, не желая начать военные действия до тех пор, пока к нему не присоединятся войска братьев Андрея и Бориса. Вассиан убеждал Ивана не слушать бояр и «боронить свое отечество».

Подошла осень. Иван приказал отступить к Кременцу, и здесь произошло долгожданное Иваном соединение русских войск. С этого момента татары были уже стратегически разбиты. Наступали холода, а с ними вместе голод и бескормица. Татары были плохо одеты, обносились в походе. Казимир не шел на помощь. Он был занят не только борьбой с крымскими татарами Менгли-Гирея, вторгшимися в Подолию, но и внутренними делами Литвы. В Литве начались усобицы.

«Нестроение» в Литве, о котором говорят источники, было вызвано противодействием русских князей и бояр, тяготевших к Москве. Все русские земли Литвы стремились присоединиться к Руси, что вызывало у Казимира опасения за судьбу Литвы. Уже в 1481 г. это «нестроение» вылилось в заговор князей Федора Бельского, Олельковича и Гольшанского, пытавшихся «отъехать» на Русь, на службу к московскому князю.

11 ноября 1480 г., не получив поддержки от Казимира и узнав о соединении русских войск, хан повернул назад, по дороге разорив окраинные земли своего союзника. Ахмат зазимовал в устьях Северского Донца. 6 января 1481 г. на него напал хан Шибанской (Тюменской) Орды Ивак, разбил золотоордынцев и убил Ахмата. В 1502 г. Менгли-Гирей добил Золотую Орду и выгнал сына Ахмата Шиг-Ахмета. Золотая Орда перестала существовать.

К. Маркс отмечает: «Иван свергнул иго Золотой Орды, не вступив с нею в бой, но вовлекши ее в наступление притворным желанием боя, чем истощил остатки ее жизненных сил и подставил ее под смертельные удары племен одной с нею расы, которых ему удалось превратить в своих союзников. Он погубил одних татар с помощью других татар».[1] Иван III, подчеркивает К. Маркс, «освободил Москву от татарского ига не одним сильным ударом, а 20-летним упорным трудом», «он не выбивает неприятеля из крепости, — продолжает К. Маркс, — но искусным маневрированием заставляет его уйти из нее».[2]

[1] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 83.
[2] Ibid. P. 81, 82.

Так пало столетия длившееся на Руси татарское иго.

Падение татарского ига, угнетавшего и унижавшего русский народ, сопровождавшегося систематическим террором, кровопролитием, массовыми убийствами и разорением, имело громадное историческое значение. Русь сбросила с себя «подавляющие ее цепи татарского ига» (К. Маркс), надолго задержавшие экономическое и культурное развитие Русской земли.

В борьбе с Золотой Ордой выросло и окрепло молодое Русское государство.

Падение ига Золотой Орды не сняло вопроса о борьбе Русского государства с татарами. На Востоке росло и усиливалось Казанское ханство.

Казанское ханство состояло из земель ряда народов. В него входили татары, смешавшиеся к тому времени с остатками камских (волжских, или серебряных) болгар, причем татары восприняли относительно высокую болгарскую феодальную культуру. Господствующим классом были татарские феодалы: царевичи, мурзы, карачаи, беги, татарские купечество и духовенство (муллы). Татарская феодальная верхушка эксплуатировала татар-земледельцев и ремесленников. Но огромная территория Казанского ханства (или царства), занимавшая все пространство Среднего Поволжья и бассейна Камы до Уральских гор и реки Яика (Урала), была населена кроме татар башкирами, чувашами, мордвой, мари (черемисами) и удмуртами (вотяками). Среди них также хозяйничала татарская знать, собирая дань, ясак и осуществляя национальное и классовое угнетение. Народы эти стояли на различных ступенях общественного развития. У кочевников-башкир сложилась своя феодальная знать — тарханы и батыри, эксплуатировавшие «тептярей» (кабальных людей). Феодальная верхушка стала возникать и среди других народов Поволжья: мари, удмуртов, чувашей и мордвы.

Казанское царство раздиралось внутренними противоречиями, обусловленными переплетением классового и национального угнетения, ослаблялось в процессе борьбы отдельных феодальных групп, из которых одни тяготели к сильному Крымскому ханству, а другие — к Москве. Этим и пользовался Иван III, обороняясь от казанских татар и готовя поход против них.

В 1467 г. в Казани усилилась «московская группировка», и на ханский престол ею был приглашен «служилый татарский царевич» Касим. Касим немедленно дал об этом знать Ивану III, и в помощь ему вышел из Москвы отряд князя Ивана Оболенского-Стриги. Но пока Касим с Оболенским шли к Казани, там произошел переворот, и новый хан Ибрагим не допустил их в свои земли. Страдавшие от голода и холода русские ратники и татары Касима повернули обратно. На их поход Ибрагим ответил налетом на Галич, но поживиться казанцам не удалось, так как жители были предупреждены и «сели в осаду». Русские, в свою очередь, опустошили в 1468 г. землю мари, разбили татар на берегах Камы, а за это Ибрагим «повоевал» Вятку. Чтобы прекратить постоянные набеги казанских татар и сокрушить энергичного и опасного врага, Иван в 1469 г. предпринимает поход на Казань. К Нижнему Новгороду отовсюду на судах съезжались ратные люди. Шли с севера, с Вяткой земли, шли из Москвы, Костромы, Мурома. Огромное войско собрал Иван под Казанью, но тут сказался рецидив старого феодального сепаратизма.

Не было единства командования, бояре и князья стояли во главе своих отрядов, и хотя выбрали воеводой Руно, но каждый действовал на свой страх и риск. Руно пошел самостоятельно на Казань, хотя это ему было запрещено. Он, правда, пожег посады казанские, но зато этим способствовал разгрому отряда князя ярославского. Под Казанью «молодые» не слушались «старших», один воевода не хотел дожидаться другого и каждый действовал по собственной инициативе. Многие воеводы сидели на месте, но энергично требовали «жалованья». Сказались и результаты этой путаницы и своеволия. Казань только «пожгли», а потеряли Вятку, которая временно была подчинена хану.

«Вести борьбу против феодального хозяйства с помощью войска, которое само было феодальным, в котором солдаты были соединены со своим непосредственным сюзереном более тесной связью, чем с главнокомандующим королевской армии, — это, очевидно, означало вращаться в заколдованном кругу и не быть в состоянии сдвинуться с места», — писал Ф. Энгельс.[1]

Это сказано по отношению к странам Западной Европы эпохи ликвидации феодальной раздробленности, но мысль Ф. Энгельса может быть вполне применима к Руси времен Ивана III.

Иван III учел урок похода на Казань, проведя соответствующую перестройку командования русским воинством. Это привело к желаемым результатам и в новом походе на Казань, и, как мы уже видели, в битве на Шелони.

Строго организованное, подчиненное единому командованию и действующее по единому плану московское воинство уже было не тем, чем было оно еще год-два назад.

Дабы ликвидировать последствия неудачи под Казанью, под осень 1469 г. Иван организует новый поход вместе со своими братьями Юрием и Андреем. Войска великого князя окружили Казань со всех сторон, и Ибрагим вынужден был заключить мир, подчиниться Ивану, выдать всех пленных и отказаться от Вятки. Несмотря на разгром, Ибрагим не смирился и пытался предпринять в 1478 г. налет на Русь, воспользовавшись осложнившейся для Москвы внутренней и международной обстановкой. В ответ московский воевода Образец, вятчане и устюжане опустошили Казанскую землю. Ибрагим снова запросил мира. Вскоре он умер, и между его сыновьями Али и Мухамед-Эмином завязалась борьба, в которой приняли активное участие казанские вельможи. Али, опираясь на ногайских татар, овладел престолом, и Мухамед-Эмин обратился за помощью к Ивану.

Иван, учтя, какие перспективы сулит ему вмешательство в распри казанской феодальной верхушки, немедленно оказал просимую помощь, тем более что с враждовавшей с казанцами крымской Ордой у Москвы был заключен мир, а мать Мухамед-Эмина незадолго до этого вышла замуж за крымского хана Менгли-Гирея. Иван постарался не упустить удобного случая. В апреле 1487 г. рати Даниила Холмского, Семена Ряполовского, Оболенского и других князей-воевод вместе с татарами Мухамед-Эмина двинулись в поход на Казань. Войска плыли на судах, как это обычно было при походах на Казань. Лошадей вели берегом. Казань

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I. С. 447.

была окружена и взята. Али был отвезен в ссылку в Вологду; с побежденным казанским ханом Иван поступил, как с опальным русским князем. Он все более и более чувствовал себя хозяином в Казани. Мухамед-Эмин, посаженный Иваном, стал его подручником, слушался во всем и, хотя в документах писался «братом» Ивана, тем не менее был его слугой, испрашивающим на все его разрешения.

Иван III не только «царя Махмета Аминя из своей руки посадил на царство в Казани», но, как указывает Архангелогородский летописец, Мухамед-Эмин «бил челом великому князю» и «назвал великого князя отцом», т. е. признал себя вассалом Ивана. И действительно, как говорит Герберштейн, посол германского императора, посетивший Москву в начале XVI в., московский князь «ставил по своей воле царей в Казани». С Казани Иван взимал даже дань. С этого момента в Казани укрепляется влияние Москвы. На престоле казанском один ставленник Москвы сменяет другого. После Мухамед-Эмина ханом был посаженный также Иваном третий сын Ибрагима Абдул Летиф, затем снова вернулся Мухамед-Эмин. Только в начале XVI в. победили сепаратистские стремления в Казани, и в 1505 г., не получив удовлетворения на свое требование, Мухамед-Эмин «отложился» от Москвы.

Несмотря на возвращение самостоятельности, Казань все же фактически зависела от Москвы. Используя противоречия среди самих татарских феодалов, а также национальные и классовые противоречия среди подчиненных Казани народов, московский князь создавал там свою «московскую партию» главным образом из «казанцев менших», враждебных казанской феодальной аристократии, «крымцам», и таким образом подготовлял подчинение Казани.

В княжение Ивана III было подчинено много народов и племен севера и северо-востока.

Некоторые народы и племена, говорившие на финно-угорских языках, входили в состав Руси еще во времена начала складывания и укрепления Русского государства. В княжение Дмитрия Донского в земле коми-пермяков появились московские рати и действовал знаменитый Стефан Пермский, приобщивший коми к христианству и создавший пермскую письменность.

Но особенно быстрый рост территории Московского государства за счет земель, целиком или в основном заселенных народностями и племенами финно-угорского происхождения, происходил во времена княжения Ивана III. Вместе с Новгородом Иван III присоединил землю карел, Тре, или Терский берег, заселенный «лопью»-саамами (та же «лопь» обитала и южнее, на территории современной Карелии), и Заволочье, Двинскую землю, заселенную русскими и «чудью заволочской» — коми-зырянами. На Вычегде и Печоре Иван присоединил земли новгородских данников — также коми-зырян, у берегов Ледовитого океана, в тундре — «самоядь» (ненцев). Москва устанавливала в этих землях далекого севера и северо-востока порядки, значительно отличавшиеся от старых, новгородских. Москва садилась править прочно, по-хозяйски, посылала своих воевод, ратных людей, дьяков только что родившихся приказов, ставила острожки и монастыри, облагала регулярной данью. Правда, берега Северной Двины очистились от вотчин новгородских бояр, густо усеявших Двинскую землю, и установившиеся

здесь порядки способствовали превращению Заволочья в край «черных земель» и «черносошных крестьян», в край вольнолюбивых и мужественных поморов, но зато в других землях под властью Господина Великого Новгорода жилось если не легче, то во всяком случае свободней. Новгородский гость да «удалой молодец» — ушкуйник с давних пор хаживали и в Карелу, и на Тре, и в Югру, и за далекий Камень. Если было возможно и сходило безнаказанно — грабил, обирал, в лучшем случае «имал дань»; если не выходило — вел торг, но засиживаться он не собирался и порядки свои не вводил. Ему было решительно безразлично, поклоняется ли его «смерд» из Югры своему «Юмале» (богу) или молится Христу, говорит на своем или русском языке, придерживается «обычаев отець своих» или заимствует русские. Ему, пришедшему из бойкого торгового Новгорода, нужны были меха да «рыбий зуб», а как и кем они будут добыты и в какой ипостаси выступает перед ним тот, кто поставляет ему в виде дани драгоценного соболя, ему, новгородцу, было совершенно безразлично.

Московские «государевы люди» «садились» на землю прочно, ставили городки и долгой зимней ночью в далеком Пустозерске плели нити, долженствующие навсегда привязать далекий северный край, край суровый, но богатый, к белокаменной Москве. И вслед за ними, а порой и обгоняя их, шла «поземщина» — промысловые люди, «промышлёны», и духовенство, обращая в веру Христову, насаждая обрывки знаний, распространяя письменность, а с ними вместе и свои монастырские земли и угодья. Приходил конец местным порядкам, туземным властям.

В 1472 г. в Пермь ходил воевода Ивана III Федор Пестрый, каравший коми-пермяков за их «неисправление».

Он взял городки Искор, Урос, Чердынь и Почку, разбил пермяков и взял в плен их воеводу Качаима.

Князем пермским был в то время крещеный коми-пермяк Михаил. У реки Колвы Федор Пестрый поставил городок и стал править от имени великого князя Ивана Васильевича и собирать ясак. Все население Перми было обложено ясаком, но управлялось первое время не только московскими воеводами, но и пермскими князьями из числа коми-пермяков. Проходит несколько лет. Московский великий князь начинает «осваивать» Пермь. Пленный пермский князь Михаил был отправлен в Москву. В скором времени (в 1505 г.) был «сведен» в Москву последний князь из пермяков Матвей Михайлович, а в Пермь поехал первый московский наместник Василий Ковер.

Московские воеводы проникают и в древнюю Югру. Обилие мелких «княжеств», по сути дела родов, облегчало московским воеводам покорение земель хантов (остяков) и манси (вогулов).

В 1465 г. устюжанин Сряба «повоевал» Югорскую землю, обложил ее данью и отправил пленных «князцов» в Москву, откуда Иван отпустил их обратно. Прошло два года и снова, на этот раз вятчане, «воюют» вогулов и берут в плен их «князца» Асыку. В ответ в 1481 г. ханты напали на Пермь. Через два года большая московская рать князя Федора Курбского разбила в устье Пелыма хантов, вторглась в Сибирь, откуда пошла Иртышом в Югорскую землю, причем взят был в плен «большой» кодский князь Молдан. Побежденные ханты обязались не нападать на Пермь.

В 1499—1500 гг. был предпринят новый поход. Во главе пятитысячной русской рати шел князь Семен Курбский. На Печоре Курбский построил крепость и двинулся дальше на восток, за Уральские горы. Он «повоевал» 40 городков и взял в плен 58 князьков. Западная Югра была подчинена, и хотя и у хантов, и у манси оставались еще долгое время самостоятельные «князьки», но отныне все население древней Югры должно было платить ясак и не нападать на подданных московского князя.

Огромную роль в подчинении Югры играл пермский владыка — епископ Филофей. Он сносился с князьками хантов и манси, выступал посредником между ними и Иваном III, ходатайствовал за них, убеждал присягнуть московскому князю и постепенно распространял влияние церкви и «государя всея Руси» на всю Югру.

Переход под «высокую руку» великого князя московского сопровождался, с одной стороны, распространением торговли и промыслов на далеком севере, среди народов и племен, которые до сей поры были слабо втянуты в торговлю; освоением промысловым населением, купцами, казаками, крестьянами и монастырским людом обширных, очень слабо заселенных пространств; распространением в некоторых районах земледелия и скотоводства, причем главными колонизационными базами выступали монастыри; приобщением хотя и ничтожной части населения к русской, более высокой культуре, к письменности, причем и в этом отношении огромная роль принадлежала монастырям. С другой стороны, распространение власти «государя всея Руси» на север Восточной Европы сопровождалось установлением систематической эксплуатации северных народов. Вводился ясак и «поминки; в землях Севера, где ранее сидели лишь свои, местные, единоплеменные «князцы», появлялись московские воеводы и наместники; распространялось христианство, причем часто насильственно; возникавшие монастыри, игравшие положительную роль как колонизационные базы и очаги письменности, в то же самое время выступали в качестве верных слуг московского князя и новых феодалов. Так постепенно «прибирали к рукам» Север великий князь и его люди, купечество и духовенство. Таково было положение северных финно-угорских народов, вошедших в состав Русского государства на рубеже XV и XVI вв.

В той части Поволжья, которая к тому времени также уже вошла в состав Руси, жили мордва, мещера и татары. Они также управлялись через своих «князцов» или касимовским татарским царевичем — вассалом московского великого князя, но все они были данниками Москвы.

Так постепенно завоевывались земли нерусских племен и народов и складывающееся во времена Ивана III Русское государство несло уже в себе черты многонационального государства во главе с правящими классами великорусской народности.

Как мы уже указывали, И. В. Сталин подчеркивал, что «интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока»[1] заставляли национальности Восточной Европы объединяться в единое централизованное государство еще в эпоху феодализма, до складывания национальностей в нации. Таким образом, Восточная Европа могла избавиться от нашествия со стороны народов Востока, со стороны турок и та-

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 34.

тар, чье иго, столетиями тяготевшее над русским народом и финно-угорскими народами и племенами Восточной Европы и Западной Сибири, только путем создания централизованного государства, способного исторгнуть народы востока Европы из «кровавого болота монгольского рабства» (К. Маркс). Но создать мощное, централизованное государство на востоке Европы не могли ни саамы, ни ханты, ни манси, ни коми, ни мари, ни удмурты, ни чуваши, ни мордва.

Единственной народностью, которая могла взять на себя инициативу в деле создания могущественного централизованного государства, способного не только удержать напор нашествия извне, со стороны татар и турок, но и сбросить длившееся веками, истощавшее народы Восточной Европы, тормозившее их экономическое, политическое и культурное развитие иго ханов Золотой Орды, была великорусская народность, и только она одна, — носитель наиболее совершенных форм хозяйственной и общественно-политической жизни, более высокой культуры, наиболее многочисленная, могущественная и высокоразвитая из национальностей Восточной Европы. И. В. Сталин указывает: «В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию».[1]

В конце XV в. Руси снова угрожало окрепшее и усилившееся при Казимире Польско-Литовское государство.

Ранее Москву от Литвы отделяла целая плеяда мелких русских княжеств, служивших то Литве, то Москве. Теперь порядки изменились. На литовских рубежах стояли московские войска. Но рубежи эти были больше условные, не было никаких естественных границ — гор, больших рек или непроходимых лесов и болот, никаких резких отличий в составе населения. Восточные области Польско-Литовского государства были заселены великороссами, белорусами и украинцами, находившимися под гнетом польско-литовских панов. Эти последние при Казимире захватывают в свои руки управление всем государством. Проводники польских порядков и культуры, польских законов и католицизма, паны ненавидят население Руси, как называли тогда входившие в состав Литвы русские, белорусские и украинские земли. Крестьянство этих земель рассматривалось лишь как объект эксплуатации и грабежа. Великокняжеские государственные земли раздавались польским и литовским панам-католикам, которые строили замки, фольварки,[2] окружали себя католической шляхтой, закрепощали русских, украинских и белорусских крестьян, превращая их в «хлопов», заставляли их нести «панщину» (барщину), платить дани, оброки, нести ряд повинностей: сенокосную (толоку), повозную, «серебщизну» и т. д.

Нетерпимость панов и шляхты, их ненависть ко всему русскому, презрение к «хлопам» и их «хлопской» вере и культуре обусловливали невиданный национально-религиозный гнет, тесно переплетавшийся с классовым угнетением.

Особенно тяжелым было положение «руси» в землях, где давно шла полонизация и окатоличивание литовских и русских магнатов. Во време-

---

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 304.

[2] Панские (барские) усадьбы.

на Казимира угнетение распространилось и на восточную, пограничную с Москвой окраину Польско-Литовского государства, где оставались самостоятельные, вассальные великому князю литовскому русские князья из черниговских князей, потомков Святослава Ярославича, да обруселые православные литовские Гедиминовичи. С ними теперь паны перестают считаться и князей Руси оттесняют на второй план. Теперь не только в народных массах угнетенной Руси начинается брожение — результат острого недовольства хозяйничанием панов. Недовольными оказались русские князья и бояре.[1] Если ранее Литва была сильна и к ней тяготели русские земли, которые должны были выбирать между ханом и великим князем литовским, причем обычно второго предпочитали первому, то теперь уже не подпавшая под влияние Польши Литва, а русское Московское государство притягивало к себе забитый и угнетенный панами русский, украинский и белорусский народы.

Надвигалась война, и в грядущем столкновении Москва имела все основания рассчитывать на победу. В Московском государстве подавляющее большинство населения составляли русские, но и в Польско-Литовском большую половину составляли русские, украинцы и белорусы. Москва была централизована и подчинялась единой великокняжеской власти, в Польско-Литовском же государстве власть короля и великого князя была слаба, централизация незначительна, и не только на местах, но и в центре хозяйничали паны.

Военные действия должны были развернуться на территории литовской Руси, население которой явно тяготело к единоверной и общей по культуре Москве. Это наконец понял Казимир и потребовал от пограничных с Москвой русских князей беспрекословного подчинения, чтобы они «земли своей от великого княжества Литовского не отступали». Но было уже поздно.

Опираясь на народные массы, встречая поддержку во всех слоях русского, украинского и белорусского населения литовской Руси, русские князья, Рюриковичи и обруселые Гедиминовичи, обиженные и обойденные польско-литовскими панами, организуют заговоры и «отъезжают» в Москву. Сперва «отъезжал» обычно один из представителей того или иного княжеского рода, но совместность «отчинных» владений, которые надо был делить (так как одна часть «тянула» к Литве, а другая к Москве), вызывала ссоры, стычки, пограничные столкновения. Великий князь литовский не мог защитить своих оставшихся в Литве вассалов, тогда как Иван действовал энергично, помогая своим новым слугам, например в 1473 г., когда он «повоевал» Любутскую волость. Поэтому, поколебавшись немного, «отъезжали» к Ивану и другие родственники. Так, например, за Иваном Белевским последовал Андрей, за Дмитрием Воротынским — Семен и т. д.

Пограничные стычки шли все время, но ни Казимир, ни Иван не решались на объявление войны, довольствуясь лишь дипломатической перепиской. В 1492 г. умер Казимир, и великим князем литовским стал его сын Александр, королем польским другой сын — Ян-Альбрехт. Воспользовавшись разделением Польши, Иван решил действовать. В августе

[1] «Русскими» тогда в Польско-Литовском государстве называли не только великороссов но и украинцев, белорусов и даже обрусевших литовцев.

1492 г. воевода Оболенский отбивает у Литвы Мценск, а Воротынский — Мосальск. Началась война.

Одновременно напал на Литву союзник Ивана, Менгли-Гирей. Александр вынужден был начать переговоры и попытался пойти на хитрость. Литовские послы предложили Ивану выдать одну из его дочерей замуж за Александра. Но в Москве и слышать не хотели о сватовстве, пока не будет заключен мир.

Воеводы Даниил Щеня и Василий Иванович берут Вязьму и приводят ее жителей к присяге московскому князю. Русские войска шли все дальше и дальше в глубь Литвы, отвоевывая старинные русские земли.

Непрерывно в разгаре военных действий «отъезжали» к Ивану русские князья, сдавались один за другим города. Взяты были Серпейск, Мещовск и многочисленные села и волости.

В январе 1493 г. был раскрыт заговор сторонников Литвы в Москве, во главе которого стояли Матвей Поляк и князь Иван Лукомский, которого подослал к Ивану еще Казимир, взяв с него слово, что он убьет или отравит Ивана. Среди заговорщиков был и беглец из Литвы Федор Бельский. Гнездо заговорщиков было ликвидировано. Уничтожив агентов врага в самом центре своего государства, Иван, несмотря на все еще продолжавшиеся переговоры о сватовстве, решительно продолжает военные действия.

Иван вел борьбу за воссоединение Руси, за создание единого Русского государства с включением в его состав всех старинных русских земель, захваченных некогда Литвой и Польшей, — Смоленской, Чернигово-Северской, Киевской, Полоцкой, Пинской, Берестейской, Галицкой и Волынской. Он воевал за Русь в границах киевских времен: от Волги до Галича и Черной Руси, от Мурома до Переяславля, Канева, Черкас и Олешья. И поэтому в 1493 г. посол его, дворянин Загряжский, читая грамоту Ивана Александру, поразил литовцев новым титулом московского князя: в грамоте Иван именовал себя «государем всея Руси», а не «великим князем», как ранее. Иван заявлял, что его «отчина» — «Киев и Волынская земля, и Полоцк и Витебск и иные городы русские многы», ибо «...вся Русская земля, Божию волею, из старины, от наших прародителей, наша отчина».

Эти притязания Ивана были подкреплены силой оружия; поэтому вскоре, в 1494 г., литовские послы заключили мир с Иваном. По мирному договору, к Москве отходили Вязьма, Серпейск, Козельск, Любутск и часть Мезецких княжеств; кроме того, Александр признал Новосильское, Одоевское, Перемышльское, Воротынское и Белевское княжества «тянущими» к Москве. Вскоре состоялось и обручение Александра с дочерью Ивана Еленой. Иван при этом требовал, чтобы Елену не принуждали принимать католичество, построили бы ей православную церковь, а ей самой при отъезде в Литву приказал помогать русским, православным, и ходатайствовать за них перед Александром. Для Александра условия брака были позором. Он даже побоялся признаться римскому папе об условиях женитьбы на Елене. Паны, конечно, встретили этот брак враждебно. Елена жаловалась отцу, что Александр не выполняет условий договора. Действительно, Александр содействовал насильственному внедрению католичества в русских землях. Поьдячий Шестаков писал в 1499 г. из Литвы в Москву: «Между латинами и нашим христианством стала смута великая...

Все наше православное христианство хотят окрестить». Мстя за мир 1494 г., Александр натравливал на Ивана татар, шведов. Правда, его попытки не увенчались успехом. Не «стерпя насилия», русские князья из Литвы все чаще и чаще отъезжали «на Москву».

Иван спешно готовился к новой войне. Собирали отряды пищальников, псковичи составляли ополчение: бобыли шли в пехоту, крестьяне с «десяти сох» давали коня, с «сорока рублев» горожане ставили «коня и воина в доспехах». Собирались «даточные люди» и по другим русским землям, сходились отряды князей и бояр. Решено было ударить на Литву по трем направлениям: на Оку, Сейм, Десну, Сож, на Западную Двину и на верховья Днепра. В мае 1500 г. Иван послал Александру гонца со «складной грамотой», т. е. снимал с себя присягу 1494 г., но «разметной грамоты» он не послал — Иван не воевал с Литвой за литовские земли, а возвращал себе русские, что, по его мнению, его право, добываемое не войной.

В мае же русские войска двинулись в поход. Один за другим освобождались старинные русские города — Мценск, Брянск, Трубчевск, Гомель, Чернигов, Любеч, Новгород-Северский, Стародуб, Путивль, Рыльск, Радогощь. В это же время псковские рати освободили Торопец.

Главный удар московское войско наносило в направлении на Дорогобуж и Смоленск. Во главе «большого полка», двигавшегося на Смоленск, стоял воевода московский боярин Юрий Захарьевич. Позднее его сменил в этой роли Даниил Щеня. Юрий Захарьевич вздумал было обидеться, но времена, когда можно было «местничать» в походе, прошли, и грозный окрик Ивана заставил строптивого боярина смиренно возглавить «сторожевой полк», для того чтобы стеречь «государское дело» и отличиться в бою, «малыми людьми» взяв Дорогобуж.

Навстречу прорвавшемуся далеко на запад Юрию Захарьевичу шел с воинством литовским гетман Константин Острожский. Но и к Юрию Захарьевичу вскоре подошли «другие большие воеводы». На берегу реки Ведроши, близ Дорогобужа, на Митьковом поле, литовские рати поджидало русское воинство. Русские передовые отряда перешли реку, инсценировали бегство, литовцы бросились через Ведрошь и тогда русские обрушили свой удар на них. Началась страшная сеча. Русские отряды прорвались вперед, уничтожили мост, наведенный Острожским через реку, а Даниил Щеня бросил в бой «засадный полк». Битва 14 июля 1500 г. закончилась полным разгромом войск Александра. Гетман, князь Константин Острожский, был взят в плен и отвезен в Вологду. 17 июля, день получения Иваном вести о победе при реке Ведроше, был объявлен праздничным днем в Москве.

Русские войска двинулись дальше, громя везде литовцев. Русские бились под Мстиславлем, осаждали Смоленск. Александр прибег тогда к помощи венгерского посла, и тому удалось уговорить Ивана заключить перемирие на шесть лет — от 25 марта 1503 г. до 25 марта 1509 г.

По договору, к Московскому государству отходили Северская Украина и ряд других городов и волостей. Московскими городами стали Чернигов, Гомель, Брянск, Трубчевск, Рыльск, Путивль, Стародуб, Новгород-Северский, Любеч, Почеп, Мосальск, Дорогобуж, Торопец и другие, числом 19. Кроме того, к Руси отходило 70 волостей. Это было важным приобретением для Руси: громадная территория была освобождена от власти польско-литовских панов.

В дальнейшем Александр напоминал Ивану, что, мол, пора вернуть земли, отошедшие по перемирию, о которых он как о своих «вотчинах» очень жалеет. Иван же отвечал, что он также жалеет о своих «вотчинах», находящихся под властью Александра: о Киеве, Смоленске, Волыни и т. д. Мир был очень непрочным. Война должна была возобновиться.

Но не один вопрос об «отчинах» в землях Великого князя Литовского волновал Ивана Васильевича; при нем определилась внешняя политика Русского государства и по отношению к Балтийскому морю. Здесь, по побережью Финского залива и Балтийского моря, тоже лежали «отчины» и «дедины» «государя всея Руси».

С незапамятных времен племена Прибалтики находились в тесных связях с Русью. Еще в начале новой эры славяне, носившие тогда название венедов, соседили с балтийскими племенами. Вместе с русскими племенами, словенами и кривичами, боролись в IX в., на заре русской государственности, с хищными и жадными норманнами-варягами жители Чудской земли — эсты. В образовании древнерусского государства на берегах Волхова, государства, называвшегося у арабов «Славией», центром которого был Новгород, приняли участие не только русские, но и балтийские племена. Во времена Владимира и Ярослава Мудрого часть Прибалтики входила в состав Киевского государства. Христианским именем Ярослава (Юрий) был назван основанный им в чудской земле город Юрьев (Тарту). Заимствования в эстонском языке из русского языка (например, «tapper» — топор, «look» — лук, «obruk» — оброк и т. д.), находки в Эстонии древнерусских монет, украшений, крестов, развалины русских церквей — все это свидетельствует о древности чудско-русских связей.

И дальше, на юге Прибалтики, по нижнему течению Западной Двины, куры, селы, летты, летьгола, ливы издавна соседили с русскими, проникшими на нижнее течение Западной Двины еще задолго до образования древнерусского государства. В латышском языке, так же как и в эстонском, немало заимствований из русского языка (поп, погост, крест, капуста, страда и др.). Русские принесли в Прибалтику христианство, а с ним вместе письменность, начатки более высокой культуры, укрепляли торговые связи Прибалтики с Востоком и Западом, способствуя таким образом экономическому развитию края и росту культуры его населения.

В земле летьголы (латгальцев), леттов (латышей), литовцев возникли русские города и княжества (Герцике, Куконойс) со смешанным населением.

Верховным правителем всех земель по Двине вплоть до моря считался полоцкий князь.

Русские не насаждали силой ни своей религии, ни своих политических учреждений, ни своих порядков и обычаев, не грабили и не угнетали местное население. Поэтому, когда в конце XII в. в Прибалтике появились немецкие рыцари, а в начале следующего столетия сложился разбойничий рыцарский Ливонский орден, русские, ливы, летты и эсты начали совместную борьбу с захватчиками.

Пользуясь своим численным превосходством и тем, что Русь была разорена, опустошена и обескровлена Батыевым нашествием, немецкие рыцари овладели Прибалтикой. И с этого момента вплоть до разгрома Ордена войсками Ивана Грозного фигура закованного в железо «божьего дворянина» — рыцаря-меченосца в белом плаще с вышитым на нем кре-

стом — в представлении эстонца и латыша, латгальца и лива, литовца и русского стала символом грабителя, угнетателя, убийцы. Народы Прибалтики ненавидели своих угнетателей и поработителей, поднимали восстания, обращались за помощью к русским. Так было в 1215—1224 гг., в 1343 г., во время великого восстания эстов против немцев, когда на помощь поднявшимся на борьбу в Юрьеву ночь эстонцам пришли ратники Русской земли.

Эти давние русско-эстонские связи обусловили то, что большие города Чудской земли носят русские названия (Таллинн — Колывань, Тарту — Юрьев, Оденпе — Медвежья Голова, старое городище Таллинна Линданисса — Леденец и т. д.).

Прибалтика была для Руси «окном в Европу» еще задолго до Петра. Здесь пролегал великий путь «из варяг в греки», тут проходили сухопутные, речные и морские пути новгородских и псковских купцов, связывающие Русь с Западной Европой. С конца XV в. изменилось направление основных торговых путей, связывавших Русь с Западной Европой. Падение Новгорода не могло не вызвать изменений в его торговле. Раньше Русь общалась с «заморскими странами» главным образом через Новгород, державший в своих руках северную оконечность великого водного пути «из варяг в греки». Новгородские купцы, равным образом как и «немцы», «готы»[1] и другие «гости», приезжавшие «из-за моря», плыли Волховом, Ладожским озером, Невой и выходили в открытое море.

С конца XV в. первенство в торговле с Западом переходит к Пскову, который торгует не через «пристанища» на русском взморье, а через города и порты Ливонского ордена — Нарву, Ревель, Дерпт (Юрьев) и Ригу.

В начале XVI в. эти города, установившие торговые связи с Русью, вступают в период расцвета. Современник этого расцвета Рюссов сообщает, что «в ливонских городах между русскими и ливонскими торговыми людьми шла такая оживленная торговля, особенно в Риге и Ревеле, что трудно было найти лучшую в других землях и городах...»

Положение Ливонии менялось — ее хозяйственный подъем был обусловлен установлением экономических связей с Русью; ее порты становились естественным конечным пунктом русских торговых путей и только этому они и были обязаны своим расцветом.

Русь была заинтересована в прямом выходе к балтийским портам. Это диктовалось не только интересами торговли, необходим был непосредственный контакт со странами Западной Европы. Этому всячески препятствовал Ливонский орден, ибо расцвет городов Ливонии не компенсировал необычайно быстрого роста могущества Руси, смертельно напугавшего алчных захватчиков — ливонских рыцарей.

Естественно, что Русь претендовала на побережье Балтики, на свои земли в Ливонии, на «отчины».

Появление на «немецком» рубеже вместо относительно слабых ратей Новгорода и Пскова воинских сил «государя всея Руси» резко изменило соотношение сил в Прибалтике. В борьбу за господство на Балтике включалось молодое и могущественное Русское государство. Естественно, что Ивану III пришлось вести войны с Ливонским орденом. Немцы непрерывно беспокоили Псков своими разбойничьими налетами. Так, по совету

[1] Купцы с острова Готланда.

предателей-псковичей Торгоши и Подкурского немцы совершили налет на Псков в 1469 г. Когда через год изменники Торгоша и Подкурский были разоблачены, разъяренные псковичи предали их казни. На помощь псковичам в 1473 г. Иван прислал огромную рать во главе с князем Холмским, и испуганный магистр вынужден был заключить мир с псковичами. Немцы не выполняли условий мира, чинили псковичам всякие убытки, задерживали псковских купцов в своих городах и в 1480 г. внезапно напали на Вышгород и Гдов. Воеводы Ивана и псковичи прогнали их и пожгли окрестности Юрьева. Когда московская рать ушла из Пскова, немцы снова выступили и напали на Изборск. На этот раз Иван выслал двенадцатитысячную рать, которая взяла Феллин и Тарваст и «вывела» массу пленных немцев и «всякого добра».

В 1482 г. немцы снова были вынуждены заключить перемирие на десять лет. Когда срок его стал истекать, Иван, не веря грабителям-рыцарям, в 1492 г. построил против Нарвы каменную крепость Ивангород.

Видя приготовления Ивана, магистр вынужден был продлить мир еще на десять лет, но опять коварным путем нарушил его. В Ревеле (Таллинне) сожгли одного русского купца, причем Ивану стало известно, что ревельцы похвалялись то же сделать и с ним. Иван потребовал у магистра выдачи всего ревельского магистрата. Магистр отказал. Тогда в том же 1493 г. Иван заключил союз с датским королем, который воевал со Швецией. Дания была врагом и Ганзы и просила у Руси помощи в борьбе со Швецией и Ганзой. Русские послы отправились в Копенгаген, заключили договор с Данией, а вслед за тем в 1491 г. Иван арестовал в Новгороде ганзейских купцов и закрыл Ганзейский двор. Орден смолчал, так как был не в силах один бороться с Москвой. Когда же началась война Москвы с Литовским государством, магистр воспользовался этим, заключил союз с Александром и объявил войну Ивану.

В бою у Изборска магистру Платтенбергу благодаря превосходству в артиллерии удалось разбить псковичей и московские рати Василия Шуйского и Даниила Пенко. Орденское войско осадило Изборск, разорило Остров, перебив более 4000 мирных жителей. Но русские скоро оправились от поражения и отряды московского воеводы Оболенского под Гелмедом наголову разбили немцев и гнали их десять верст. Русские били немцев, как говорит летопись, не саблями, а, как свиней, шестоперами,[1] и били так основательно, что не осталось даже «вестоноши» (гонца), который бы рассказал магистру о поражении.

Третий бой у озера Смолина, когда против Шуйского и Щени двинулся сам магистр, был также неудачен для немцев. Они вынуждены были отступить. Бои показали, что рыцари способны лишь на погромы, налеты и грабежи. Справиться с Иваном им было не под силу.

В 1503 г. немцы вынуждены были заключить мир. Магистр написал слезное письмо римскому папе, прося его объявить крестовый поход на Русь, но безрезультатно. Пришлось признать даже даннические отношения Ордена к Москве. Юрьев обязался платить дань Москве.[2]

---

[1] Шестопер — короткая металлическая булава с шестью ребрами.

[2] Дань была установлена еще в 1462 г., причем она возрождала отношения, сложившиеся между Русью и Орденом после разгрома немцев Ярославом Всеволодовичем в 1233—1234 гг.

Немцы притихли и только всячески старались воспрепятствовать проникновению на Русь иноземных купцов, лекарей, оружейников, зодчих, пороходелов, боясь, что это приведет к усилению Руси, которая со временем попытается восстановить свои права на Прибалтику, а их, захватчиков, выгонит вон.

Иван III вел войну и на севере, пытаясь овладеть Финляндией и побережьем Финского залива и изгнать шведов из северо-западных областей, куда некогда ходили новгородские воины и купцы. Заключив союз с Иоанном Датским, Иван III в 1496 г. посылает свои войска в Финляндию. Русские осаждают Выборг, но, несмотря на то что ими были пущены в ход огромные осадные орудия в три сажени длиной, стены шведской крепости выдержали огонь русских пушек. В 1497 г. русские снова вступили в Финляндию, разбили шведов и захватили весь край до Тавастгуса. Русская поморская рать, выйдя из устьев Северной Двины, вошла в Лапландию, завоевав ее до Лименги. Лапландцы (саамы) были приведены в русское подданство. Ответом со стороны шведов был налет Сванта Стура на Ивангород. Шведы взяли и сожгли город, но не смогли удержаться и отступили. Когда Иоанн Датский стал шведским королем, война была прекращена.

Так воевала Русь за свои «отчины и дедины», за свои права, боролась за свою независимость. Но рост международного значения Руси был обусловлен не только успехами русского оружия.

На помощь могущественному русскому воинству приходила искусная русская дипломатия.

При Иване III устанавливаются сношения с рядом государств Запада и Востока. Вместе с ростом могущества Москвы крепнет и ее международное положение. Огромные присоединения и приобретения Ивана сделали Московское княжество одним из крупнейших и сильнейших государств Европы.

В 1486 г. в Москву приехал странствующий рыцарь, силезец Николай Поппель. Пробыв в Москве короткое время, он вернулся в Германию и был принят императором Фридрихом III в 1487 г. в Нюренберге. Император и владетельные князья с удивлением слушали его доклад о далекой «Московии». Узнав о том, что «царь московитов» воюет с Польшей, Фридрих, у которого были с польским королем свои счеты, вновь отправил Поппеля в Москву. Поппель появился здесь в 1489 г. и с места в карьер предложил Ивану союз с императором, обручение одной из его дочерей с племянником императора, баденским маркграфом Альбрехтом, и даже включение «Московии» в состав «Священной Римской империи» путем пожалования Ивану королевского титула. Поппель думал, что Иван будет в восторге от этих предложений и требовал, чтобы ему немедленно показали невесту, но каково же было удивление императорского посла, когда ему ответили: «У нас в земле нет обычая, чтоб прежде дела показывали дочерей»; а о «делах» поговорили в таком тоне, что Поппель был окончательно ошеломлен. Ему ответили от имени Ивана: «Мы Божией милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей... а поставления как прежде мы не хотели ни от кого, так и теперь не хотим». Поппель был так смущен этим ответом, что оставил все разговоры о «поставлении» Ивана и даровании ему королевского титула и начал предлагать княжнам, дочерям Ивана, выгоднейших женихов — курфюр-

ста Саксонского, маркграфа Бранденбургского. Но все попытки Поппеля ни к чему не привели. Характерно, что Витовт всю жизнь свою стремился получить королевский титул, но так и умер «великим князем», а Иван, сам себя назвавший «государем всея Руси», с презрением отверг предложение императора, которое в свое время с радостью было бы принято исконным врагом Руси — литовским великим князем.

Не удалась Поппелю и попытка сосватать дочерей Ивана. В том же 1489 г. Иван отправляет своего посла Юрия Траханиота к Фридриху и его наследнику Максимилиану. Траханиот приехал во Франкфурт и заявил, что подходящим женихом для дочери «государя всея Руси» может быть разве только сам Максимилиан. С этого момента начался обмен посольствами, причем Максимилиан то просил Ивана отправить войска в Польшу, Фландрию и Германию, то принять «под свою высокую руку»... Тевтонский и Ливонский рыцарские ордена.

Последнее посольство, Гартингера, принято было Иваном в 1505 г., и кроме обмена фразами и обещаниями оно ничем не знаменательно. Переговоры ни к чему не привели, так как чересчур далеки были интересы обоих государств.

Еще ранее установились сношения Москвы с Венецией, через которую проезжал посол Ивана III Иван Фрязин. Венецианцы вели изнурительную войну с Турцией, и, узнав о сношениях Москвы с крымцами, венецианский дож попытался использовать русское посольство в своих целях. Дож просил Фрязина взять с собой его посла и указать ему дорогу в Крым. Своему послу дож поручил натравить татар на турок. Фрязин согласился. С ним поехал венецианец Тревизан, но, так как Фрязин сделал это тайно от Ивана, Иван их обоих задержал и потребовал у дожа объяснений. Дож вынужден был извиниться. Тревизан был отпущен в Крым, а посол Ивана Толбузин поехал в Венецию для вызова мастеров на Русь. Русские посольства с той же целью посетили Венецию в 1493 и 1499 гг.

Установились сношения и с молдавским господарем Стефаном Великим, дочь которого Елена была замужем за сыном Ивана Иваном Молодым. Иван III писал, что он находится со Стефаном в «свойстве и одиначестве». И это не были только слова. Когда Молдавии стало угрожать нашествие турок, Иван писал великому князю литовскому о необходимости помочь Молдавии и просил его это сделать, так как за дальностью расстояния он не сможет придти на помощь Стефану.

Когда в 1497 г. польские войска Яна-Альбрехта и литовские войска Александра напали на Молдавию и осадили столицу страны Сучаву, Стефан попросил у Ивана помощи. Иван в резких выражениях потребовал от Александра прекращения военных действий против молдаван. Грамота Ивана, привезенная Лобаном Заболоцким и Волком Курицыным, сделала свое дело — Александр «сам возвратися», а войска Яна-Альбрехта были разгромлены Стефаном в Кузьминском лесу.

Завязались сношения и с Венгрией. Венгерский король Матвей Корвин еще в 1482 г. прислал послов к Ивану, прося его помочь в борьбе против Казимира. Иван принял предложение. Но вскоре королем венгерским и богемским стал брат Александра Литовского Владислав, который в 1501 г. отправил послов в Москву, прося Ивана помириться с Александром. Писал к Ивану и римский папа Александр VI, уговаривая его не ссориться с Александром Литовским в тяжелую минуту наступления ту-

рок. Послы Владислава, как мы уже видели, справились со своей задачей и заключили мир с Иваном.

Вынуждена была считаться с Москвой и могущественная Турция, перед которой склонялись в то время сильнейшие государства Европы.

Еще в 1482 г. дьяк Федор Курицын, ездивший к Матвею Корвину, был схвачен в Белгороде турками. Турки вскоре отпустили дьяка и дали ему понять, что султан не прочь завязать сношения с Москвой. К тому времени Крым уже был подчинен Турции; в Крыму же постоянно пребывали русские купцы, ежегодно «гостившие», т. е. торговавшие, в Кафе, Азове и других торговых городах ханства. Но Иван не спешил использовать предложение турок об установлении дипломатических сношений. Только в 1486 г. в своей грамоте крымскому хану Менгли-Гирею Иван III просил его сообщить, какой дружбы с ним ищет турецкий султан. Султан Баязет через Менгли-Гирея повторил свое предложение. И тогда в 1492 г Иван отправил грамоту Баязету, в которой возмущался поведением азовского паши, притеснявшего русских купцов, и в заключение пенял Баязету, что он виноват в отсутствии нормальных сношений между Русью и Турцией. Купцов же русских Иван не пустил ни в Кафу, ни в Азов, заявляя, что «где над нашими гостьми сила чинится, и мы там своих гостей не отпускаем». В ответ Баязет направляет свое посольство в Москву, но Александр Литовский вернул турецкого посла с дороги.

В 1497 г. последовало первое русское посольство в Турцию, которое возглавил Михаил Андреевич Плещеев. Иван приказал Плещееву вести себя с достоинством и вручить султану «список которая сила чинится над государя гостьми в Турецкого землях».

Баязет был обескуражен поведением Плещеева. Русский посол держался гордо, с чувством собственного достоинства, категорически отказывался говорить со второстепенными лицами, отказался принять подарок — халат и деньги.

Последовало и второе посольство из Москвы в Турцию. В 1499 г. с караваном русских купцов, направлявшихся в Кафу, отправился к Баязету посол Алексей Голохвастов, привезший новую султанскую грамоту, подтверждавшую стремление Турции установить прочные связи с Русью. Иван Васильевич не отвергал домогательств Турции, так как интересы торговли, а русские купцы постоянно ездили в Кафу, Азов, Сурож, Константинополь, требовали установления дипломатических связей.

К. Маркс отмечает: «*Иван* покровительствовал торговле; с этой целью поддерживал в особенности сношения с *Азовом* и *Каффой*».[1]

Но он не обольщался заверениями Баязета в дружбе — воинственная Турция занесла свой кривой ятаган над многими народами Европы.

Эти народы искали помощи у Москвы, у «государя всея Руси». Как мы уже видели, Иван просил литовского князя помочь Молдавии в ее изнурительной и неравной борьбе с турками. По поводу обращения Стефана московский князь писал, что если бы ему не было так далеко, то он сердечно хотел бы помочь Молдавии и «стоять за христианство».

Ищет помощи у единоверной Руси далекая Грузия, рассчитывая на заступничество Ивана перед персидским шахом. В 1492 г. кахетинский царь

---

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 160.

Александр направляет посольство в Москву, шлет привет из «Иверской земле» и в грамоте к Ивану именует себя «меньшим холопом». Это посольство Александра кладет начало той помощи, которую Россия постоянно оказывает Грузии со времен Ивана Грозного и Федора Ивановича.

Но не одна Грузия искала у Руси помощи в борьбе с «бесерменами» — турками и персами. За помощью к Москве, прося спасти от турок, обращается мангупский (крымский) христианский князек Исаак (Исайка) и таманский (кавказский) правитель Захарий Гуйгурсис.

Уже в этот период Русь начинает играть роль спасителя христианских народов Крыма, Кавказа и Балкан от гнета турецких султанов.

Давние связи с южными славянами не были окончательно прерваны Батыевым нашествием и оттеснением Руси от Черноморского побережья и Дуная. Не только в XIII—XIV вв., но и в XVI в. на Дунае еще оставалось русское население, соседившее с болгарами, молдаванами и валахами, а русские бродники — предшественники казачества — появлялись и в Молдавии, и в Трансильвании, и на Балканах.

В Мачву, у Белграда, сидит русский князь Ростислав, в Болгарии — Яков-Святослав, поддерживавший связи с Русью: «всея русскыя земли благодержавного рода моего, их же отрасли корень аз бых святых отець моих». В Константинополе у церкви Предтечи и на Афоне в Пантелеймоновском монастыре жило много русских. «Царьградская» колония русских была очень многочисленной. На Афоне русские монахи сталкивались с болгарскими, сербскими, греческими. Русские писцы и составители житий Ефрем, Евсевий и Авраамий Русин славились и в Константинополе, и на Афоне, и на Руси.

Русские «книжные» люди не остались безучастны к судьбам своих братьев, подвергшихся нападению и порабощению со стороны турок. Они отметили и битву на Коссовом поле, закончившуюся разгромом сербов и подчинением их султану, и падение Тырнова, положившее начало многовековому угнетению Болгарии.

Болгары и сербы ищут помощи у России. На Россию взирают они с надеждой и гордостью.

Растет культурное влияние Руси на южных славян. Русский хронограф кладется в основу сербского летописания, на литературу Сербии и Болгарии оказывают большое влияние такие произведения древнерусской литературы, как «Слово о Законе и благодати» митрополита Иллариона, «Житие Бориса и Глеба» и др.

Серб Константин Костенчский (начало XV в.) в своем «Сказании о письменах» считает, что в основу славянской письменности в древние времена «добрые и дивные мужи» положили прекраснейший русский язык.

Спасаясь от гнета турок, в Москву приезжают болгарин Киприан (конец XIV в.), русский митрополит, серб Пахомий Логофет (первая половина XV в.), замечательный писатель, серб Лазарь, установивший в Москве часы «с молотом и колоколом» (начало XV в.).

После установления турецкого владычества в странах южных славян еще больше возросла роль «Святой горы» Афона, на который турки не наложили свою тяжкую длань.

Москва берет на себя роль заступника за все угнетенные Турцией православные народы. Еще бóльшую поддержку от государя Руси получает

русский Пантелеймоновский монастырь на Афоне. Большой дар получил Пантелеймоновский монастырь от Ивана III в 1497 г. Греческое и южнославянское духовенство ездит в Москву за «милостыней», за поддержкой, прося заступничества. Константинопольский патриарх, белградский митрополит, представители десятков монастырей Сербии, Болгарии, Македонии, Албании ищут помощи у Москвы, а так как духовенство в те времена у порабощенных болгар и сербов было единственной общественной прослойкой, представлявшей эти порабощенные народы и перед турецким правительством, и вне страны, то, естественно, значение этой помощи со стороны Руси вряд ли возможно переоценить. Со временем эта помощь, эти связи южных славян, греков, православных албанцев выльются в еще бóльшую тягу к Руси, которая станет в их представлении единственной заступницей, единственной могущественной славянской державой, которая освободит их от «султана турского», а усиление России, в свою очередь, даст ей возможность дипломатией и силой оружия заступиться за единоверных и единокровных своих братьев.

При Иване III устанавливаются сношения с рядом государств Востока. Иван отправляет посольство Марка Руфа в Персию, к хану Узун-Гассану, а в 1490 г. принимает в Москве посольство Хорасанского правителя Гуссейна, потомка Тамерлана.

Как мы видели, Иван III вел успешную и самостоятельную внешнюю политику. Попытка римского папы Сикста IV в 1472 г. осторожно прибрать его к рукам путем женитьбы на униатке Зое Палеолог кончилась скандальным провалом папского легата, разбитого и в богословском споре «ученым книжником» Никитой Поповичем, и в дипломатическом состязании московскими дьяками.

Общий итог войнам и внешней политике Русского государства времен Ивана III можно подвести словами Маркса: «В начале своего царствования (1462—1505) Иван III все еще был татарским данником: его власть все еще оспаривалась удельными князьями; Новгород, стоявший во главе русских республик, господствовал на севере России; Польско-Литовское государство стремилось к завоеванию Московии; наконец, Ливонские рыцари еще не сложили оружия. К концу царствования мы видим Ивана III сидящим на вполне независимом троне, об руку с дочерью последнего византийского императора;[1] мы видим Казань у его ног, мы видим, как остатки Золотой Орды толпятся у его двора; Новгород и другие русские республики покорны; Литва уменьшилась в своих пределах и ее король является послушным орудием в руках Ивана; ливонские рыцари разбиты. Изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, затиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от московитов надменные речи».[2]

---

[1] К. Маркс имеет в виду Фому Палеолога, последнего отпрыска византийской императорской династии.

[2] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. P. 81.

УСИЛЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ ВАСИЛИИ III

Иван III умер 17 октября 1505 г., отказавшись перед кончиной, в отличие от своих предков, принять схиму. Он жил и умер государем, а не чернецом, монахом.

На престол вступил его сын Василий Иванович. Но престол достался Василию III не сразу.

У сына «царевны царегородской» был соперник — внук Ивана III Дмитрий. Дмитрий был сыном Ивана Ивановича (Ивана Младшего), старшего сына Ивана III от первого брака, и Елены Стефановны, дочери молдавского господаря Стефана.

Иван Младший был законным наследником престола и уже был объявлен великим князем. В 1490 г. он скончался. Встал вопрос — кому быть наследником престола — внуку Ивана III Дмитрию или младшему сыну Ивана от второго брака с Зоей Палеолог Василию? Боярство считало «царевну царегородскую» одной из виновниц возвеличения Ивана Васильевича и, боясь дальнейшего усиления власти великого князя, поддерживало кандидатуру Дмитрия Ивановича, тогда как входившие в силу приказные дьяки и дети боярские оказывали помощь Василию Ивановичу и поддерживали Софью Фоминичну.

Вначале победило боярство, и Иван III назначил своим преемником Дмитрия Ивановича, назвав его «великим князем». Вскоре в Москве был раскрыт заговор сторонников Василия. Бояре и дети боярские, поддерживавшие Василия и его мать, подверглись преследованиям. Шесть бояр казнили, многих бросили в тюрьмы. Оказался в заключении и сам Василий. Но влиятельные дьяки не унимались и в конце концов добились своего. Иван резко изменил свое отношение к сыну, назвал его «государем» и «великим князем», назначил его своим преемником, а Дмитрий с матерью были заключены под стражу.

Иван III подчеркивал свое отношение к вопросу о престолонаследии и проводил в речах и грамотах мысль о праве великого князя распоряжаться престолом по своему усмотрению.

Послам вечевого Пскова, изумленным его непоследовательностью и резкой переменой отношения к Дмитрию, он ответил: «Чи не волен яз князь великий в своих детях и в своем княжении? Кому хочу, тому дам княжение».

Этим самым Иван Васильевич дает понять, что изменился характер княжеской власти.

Если ранее по мере усиления власти великого князя удельные князья постепенно теряли прерогативы верховной власти (право распоряжения своими «отчинами», суда, сбора пошлин, чеканки монеты и т. п.), а великие князья, наоборот, неограниченно распоряжались всем своим наследством и расширяли свою власть, то теперь растет власть великого князя-завещателя по отношению к членам своей семьи.

Как некогда переход земель от удельных князей к великому князю означал и передачу последнему части своих прав, а утрата ими этих последних и умаление их власти в пользу великого князя вызывали передачу ему и части земель, так теперь в руках великого князя-завещателя сосредоточивались и земля, и власть в самом великокняжеском роде. Власть от земли оторвать было невозможно. Земельная собственность феодала порождала его верховенство в управлении, войске, суде. То, что характерно было для страны, для государства в целом, то было характерно и для семьи великого князя.

Иван III «благословил» старшего сына Василия огромными земельными владениями. Их доля в великокняжеских вотчинах была значительно большей, нежели падавшая на «старший путь» при отце и деде Ивана. Василий Иванович получил от отца 66 городов, тогда как на долю всех остальных четырех его братьев пришлось только 30 городов. Все выморочные владения переходили только к нему; чеканка монеты составляла и его право, и его монополию; три четверти доходов поступало ему.

Естественно поэтому, что к Василию Ивановичу переходит и вся сумма великокняжеских прав, необычайно возросших за время княжения Ивана III, так как созданная последним централизованная система управления не была просто разросшейся и развившейся старой государственной системой, а принципиально новой формой организации государственной власти господствующего класса феодалов, когда обладателем всех прав и носителем всех функций высшей власти являлся только «государь всея Руси», тогда как все остальные были только его подданными, независимо от того, были ли их предки владетельными и самостоятельными князьями «рюриковичами» или «гедиминовичами» или прислуживали им в качестве псарей и доезжачих.

Больше того, Иван III слова, сказанные им псковским послам, оформляет в виде договорной грамоты, заключенной между Василием и следующим по старшинству своим сыном Юрием, по которой последний обязывался в случае смерти своего старшего брата Василия признать государем и великим князем того из сыновей Василия, которого тот «благословит» великим княжением.

Эта договорная грамота является свидетельством одновременно и стремления Ивана III закрепить за великим князем на вечные времена его право назначать наследника по своему усмотрению, и опасения повторения грозных и печальных событий времен Василия Темного.

Так вокняжился Василий III.

Величественное здание Русского государства было возведено еще его отцом, продолжавшим и закончившим дело первого «собирателя» земли Русской — Ивана Калиты, на долю Василия осталась доделка его. Оста-

вались еще неприсоединенными Псков и Рязань, еще было сильно «сведенное» на Москву удельное княжье.

Василий начал с Пскова. Здесь, чувствуя себя полным хозяином, управлял московский наместник Иван Репня-Оболенский. Его действия вызвали волнения среди свободолюбивых псковичей. В январе 1510 г. псковские послы были вызваны к Василию в Новгород и здесь арестованы, а в Псков приехал дьяк московского князя. Слушать речь государеву собралось вече, последнее псковское вече. Устами своего дьяка Василий требовал ликвидации вечевого строя вольного Пскова. Псков не мог обороняться, и на следующий день требования Василия были приняты. В скором времени в Псков прибыл Василий со своей ратью. Были схвачены многие бояре и купцы. И той же ночью 300 знатных псковских семейств должны были навек распроститься с родным городом. Их отправили в Москву.

Вскоре была присоединена и Рязань. Малолетний рязанский князь Иван Иванович был орудием в руках старинных рязанских боярских родов, стремившихся восстановить самостоятельность своего княжества. Их мелочные, корыстные интересы, их подозрительная политика приводят к тому, что Москва начала настороженно следить за Рязанью. Вскоре узнали, что Иван Иванович сносится с крымским ханом, ставшим врагом Руси. В 1520 г. Иван Иванович был вызван в Москву и арестован. Бежав, он пытался поднять восстание в Рязани, но и эта его попытка не имела успеха, и последний рязанский князь вынужден был искать приюта в Литве. В 20-х годах Василий III ликвидирует уделы Шемячичей, находившиеся в присоединенной по миру 1503 г. Северской Украине.

Так было закончено собирание русских земель.

Еще раньше Василий III присоединил Смоленск, отбив, наконец, этот древний русский город у великого князя литовского.

В 1506 г. умер великий князь литовский Александр, сын Казимира, злейшего врага Руси. Литва и Польша снова объединились под властью короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I Старого — брата покойного Александра. Новый польский король и великий князь литовский Сигизмунд I готовился к войне и сколачивал блок государств, направленных против Руси. В него кроме Польши и Литвы вошли Ливонский орден, Крым и Казань. Москва не боялась этого союза, зная, что русское население Литвы на ее стороне и рассчитывая на помощь со стороны крупнейшего литовского магната Михаила Глинского, намеревавшегося «отъехать» на Русь и тайно сносившегося с Василием.

Мы уже знаем, как «отъезжали» на Русь служить московскому князю князья и бояре из русских земель Литвы.

В 1500 г. «отъехал» к Ивану III вместе с «отчиной» князь Семен Иванович Бельский и просил принять «его в службу», так как «терпят они в Литве большую нужду за греческий закон». Примеру Бельского последовали московские «бегуны» — Василий Иванович Шемячич, сидевший в Рыльске, Семен Иванович Можайский. За ними потянулись князья Мосальские, Хотетовские.

Теперь готовил «отъезд» на Русь сам князь Михаил Львович Глинский. Глинские — богатейшие феодалы Украины и Белоруссии — происходили из обрусевших и принявших православие потомков татарского

князька Лексы, обосновавшихся во времена Витовта на Днепровском Левобережье. Михаил Глинский был очень бывалым и образованным человеком. Долгое время он жил при дворе императора Максимилиана, побывал в Италии, Испании. К. Маркс отмечает, что из него «выработался полководец и политик».[1]

При Александре благодаря Михаилу род Глинских входит в силу. Его братья становятся воеводами: один — киевским, другой — берестейским. В их руках вся «Глинщина» на Левобережье, волости и вотчины в Киевской земле, в Белоруссии, где город Туров становится оплотом движения. При Сигизмунде положение изменилось — Глинский чувствовал приближение опалы. Он мечтал о власти над всеми русскими землями Литвы под верховенством Москвы и обращался к Василию III с просьбой помочь ему и защитить православных, страдавших от преследований католиков.

Честолюбивые замыслы Михаила Глинского (вопросы религии его мало интересовали; православный, он принял на Западе католичество, а в Москве снова вернулся в православие) совпадали со стремлением Василия III продолжить начатую отцом борьбу за «отчины».

Агрессивной стороной выступила Литва. 2 февраля 1507 г. сейм, собравшийся в Вильно, решает начать войну с Москвой и немедленно приступить к сбору войск.

Сигизмунд Старый уже успел заключить союз против Москвы с крымским ханом Менгли-Гиреем и с ханом казанским Мухамед-Эмином. В марте 1507 г. посольство Сигизмунда нагло добивалось возвращения великому князю литовскому русских земель, присоединенных Иваном III в 1503 г. Надо было действовать быстро и решительно.

Осенью 1507 г. русские войска двинулись на Литву, а в феврале 1508 г. выступил из Турова Михаил Львович Глинский, направившийся на север, в земли литовские. На сторону Михаила Глинского перешли некоторые феодалы Украины и Белоруссии, но широкие народные массы не поддержали этот феодальный заговор, тем более что расправа Глинского с его противниками сопровождалась разорением их крестьян. На его сторону перешел только город Мозырь да брату Михаила Василию удалось поднять некоторые слои населения Киевской земли. Поэтому, естественно, большого успеха Михаил Львович не добился, а когда в сентябре 1508 г. был заключен мир между Русью и Литвой на основе признания за Москвой всего того, что по перемирию 1503 г. временно переходило к ней, Михаил Глинский должен был уйти на Русь.

За Глинскими потянулись в Москву их сторонники — князья Друцкие, Козловские, Жижемские, Одинцевичи.

Война 1507—1508 гг. вызвала активизацию европейских государств, заинтересованных в союзе с Русью. Возобновляются переговоры с Данией, а в 1514 г. посол императора Максимилиана заключает с Василием договор о войне с Сигизмундом. Но Василий не нуждался в помощи.

Уже в 1512 г. возобновляются военные действия против Литвы. Поход длился три месяца, и за это время русские войска принесли литовским феодалам «многи скорби и убытки». Подходили и к Смоленску, но не-

---

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 160.

удачно. В следующем 1513 г. снова русские войска стояли у Смоленска, но город остался за Сигизмундом.

8 июля 1514 г. в третий раз русские войска выступили из Москвы в поход на Смоленск.

Шли «со многими силами и с великим нарядом пушечным и пищальным». Исход похода должна была решить артиллерия. Подошли к Смоленску. Василий Иванович приказал «приступы великие чинити без отдыха» и «со всех стран града бити из пушек и из пищалей и огненные ядра во град стреляти, яко от пушечного и пищального стуку и людского кричания и вопля от градских людей, сопротивного боя пушек и пищалей, земле колебатись и друг друга не видети и в курении пламени и дыма мнетись, всему граду подыматись».

29 июля в третьем часу дня из-за Днепра донесся грохот выстрела неслыханной силы — по приказу Василия Ивановича пушкарь Стефан открыл огонь из огромного осадного орудия. Ядро попало в заряженную крепостную пушку и «пушку тую разорвало, и много в городе Смоленске людей погибло». В шестом часу дня второй раз ударила громадная пушка — Стефан «много мелких ядер собра и окова их свинцом и удари в другой, и того более в городе людей погибло».

Грянул и третий выстрел орудия Стефана.

Осажденные смольняне — такие же русские, православные люди, как и осаждающие,[1] — не хотели гибнуть во имя литовских панов и давно уже «тянули» к Москве. Они потребовали от наместника великого князя литовского Юрия Сологуба прекращения сопротивления.

К. Маркс подчеркивает решающую роль, которую сыграли жители Смоленска в переходе своего родного города под высокую руку «государя всея Руси». Наместник вынужден был уступить, и 30 июля Смоленск был возвращен России.

Русское население, освобожденное московскими ратями, дружно помогало воинам воеводы Шуйского укреплять разрушенные бомбардировкой стены города. Горожане же сообщили Шуйскому и о заговоре среди знати. Заговорщики были повешены. Все попытки отбить у русских Смоленск были неудачны. В это время, видя могущество Руси, австрийский император Максимилиан и магистр Ливонского ордена заключают союз с Москвой. Воспользовавшись этим, Василий в 1519 г. переходит в наступление. Русские дошли до Вильно и даже дальше в глубь Литвы, и в 1522 г. король вынужден был заключить мир. Смоленск остался за Русью.

Присоединение Смоленска имело огромное значение для Руси. Большой город с многочисленным купечеством и ремесленниками Смоленск был средоточием важнейших торговых путей, шедших из Руси на Украину (по Днепру), в Литву, Польшу, Прибалтику, своеобразным сухопутным «окном в Европу» для России. Смоленск имел и громадное военно-стратегическое значение. Пограничный Смоленск все время в русской истории выступал в качестве или оплота Руси в ее борьбе с враждебной Польшей, или «ворот Москвы», через которые враги России проходили обратно гораздо стремительнее, чем входили в них.

---

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 160.

Обладание прекрасно укрепленным Смоленском значительно укрепляло западную границу Руси. Недаром Смоленск все время беспокоил польских королей, стремившихся захватить этот древний русский город.

Москва «собрала» все великорусские земли, но ставила она своей целью собрать все русские земли в государственных границах Киевской Руси, в этнографических границах восточного славянства. Поэтому борьба с Литвой не могла завершиться возвращением Смоленска.

Успешно действовал Василий III и на Востоке, хотя обстановка на Востоке становилась все сложнее и сложнее.

Ушли в прошлое те времена, когда Русь в княжение Ивана III воевала с Польско-Литовским государством Казимира IV в союзе с крымским ханом Менгли-Гиреем. Крымское ханство, ставшее с 1476 г. вассалом Турции, теперь уже не нуждалось в помощи Москвы для борьбы с Литвой и Золотой Ордой — первая превратилась в союзника, второй не существовало. Окрыленные поддержкой со стороны своего союзника — могущественной Турции, алчные и хищные орды крымских татар превращались в серьезную угрозу для Руси. Изменялась позиция и Казанского ханства — в борьбе феодальных группировок за власть нередко перевес был на стороне противников Москвы.

В 1505 г. Мухамед-Эмин порывает с Москвой. Русские купцы, торговавшие с Казанью, были схвачены и перебиты, а осенью того же года татары двинулись на Нижний Новгород.

В ответ русские войска под командованием брата великого князя Дмитрия Ивановича Жилки «ходили» на Казань, но неудачно. Неудача окрылила врагов Руси. Сигизмунд Старый заключает союз против Москвы с Менгли-Гиреем, сносится с магистром Ливонского ордена Платтенбергом, предлагая ему выступить совместно против «неприятеля нашего великого князя Московского». Этот союз привлек внимание Мухамед-Эмина, который посылает гонцов к Сигизмунду, предлагая ему «быть за один» против Москвы.

Готовясь к войне с Литвой, Василий должен был обезопасить себя с Востока, со стороны Казани. Правда, мир с Казанью был заключен «по старине», но фактически в течение правления Мухамед-Эмина Казань была независима от Руси, хотя договор 1516 г. и гласил, что «без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакова не взяти».

Это условие договора дало возможность Василию в 1518 г., после смерти Мухамед-Эмина посадить на ханский престол в Казани своего ставленника Шах-Али, взяв с него и с «князей казанских» «запись» о том, что они будут «беречи» его «дела».

Благоприятная обстановка сложилась и в Крыму, где Мухамед-Гирей с трудом боролся с мятежным Ахматом, державшимся московской ориентации.

В Крыму, как и в Казани, имелась довольно значительная и влиятельная группировка феодалов, ориентирующаяся на Москву. Особенно активную роль играли крымские и казанские князья Ширинские, находившиеся в родстве друг с другом и с касимовскими «большими князьями Ширинскими», поданными Василия III.

Посол крымского хана князь Аппак от имени своего правителя категорически протестовал против возведения Василием на престол в Каза-

ни Шах-Али, но московские бояре настойчиво разъясняли Аппаку обстановку, в которой воцарился в Казани их ставленник, и защищали права «Шигалея» на казанский престол. Аппак сдал свои позиции и заключил договор «быти в крепкой дружбе и в братстве». Уступчивость крымского князька объясняется ожесточенной борьбой за власть, развернувшейся среди Гиреев и ослаблявшей Крым. Об этой борьбе много и подробно писал Василию посланный им в Крым в 1519 г. посол Голохвастов.

Но если в Казани во времена Шах-Али фактически распоряжался Федор Карпов, посланный туда с войсками для поддержки «Шигалея», то Крым не оставлял своих агрессивных по отношению к Руси намерений.

В 1520 г. в Турции вступил на престол Сулейман I, оказывавший особое покровительство крымскому хану Мухамед-Гирею.

Крым переходит в решительное наступление против Руси и под эгидой Турции начинает сколачивать блок враждебных Москве татарских мусульманских государств. Мухамед-Гирей направляет посольство к астраханскому хану Джанибеку с предложением союза с целью похода на Москву, а весной 1521 г. бросает на Казань отряды своей конницы. Воспользовавшись этим, казанские феодалы, придерживавшиеся крымской ориентации, совершили переворот. Шах-Али бежал в Москву, для того чтобы снова сесть в своем Касимове, а в Казани воцарился один из рода крымских Гиреев Сагиб-Гирей.

Переворот в Казани дал возможность обоим враждебным Москве татарским государствам начать одновременно поход на Русь.

Уже 26 мая 1521 г. «татарове казаньския с черемисою» напали на Унжу. Но «унженя на переем приидоша и много с татары бишася, и много татар и черемисы побиша и плен весь отъяша, и на костях сташа». Правда, в течение почти всей весны 1521 г. татарские отряды грабили, жгли, убивали, уводили в плен жителей русских земель Верхнего Поволжья.

Между тем основная масса казанского войска во главе с Сагиб-Гиреем, пройдя Муром и Мещеру (по другой версии — Владимир и Нижний Новгород) и «Рязань взяша», опустошая на своем пути «волости и села», в конце июля вышла к Коломне. Сюда же пришли свирепые и алчные крымцы Мухамед-Гирея, форсировавшие Оку. Крымцы шли вместе с ногайцами, с татарами Большой Орды, «со всею Ордою с Заволжскою, с Ногаи». Шел с ними отряд «от короля литовского» Евстафия Дашкевича. Так объединились внешние «вороги» Москвы. Но были еще и внутренние враги Василия — феодальная оппозиция. Как раз к лету 1521 г. относится бегство в Литву рязанского великого князя Ивана, которого Литва и Крым хотели видеть на рязанском престоле в качестве проводника своей враждебной Москве политики.

Соединившись в Коломне, войска обоих Гиреев 29 июля выступили на Москву. 1 августа «царевич крымской и татаровя» уже стояли под Москвой.

Татары «попленища много волостей и сел разориша... и многих в полон взяли и князинь и боляронь много множество, а иных присекоша, а села сожгоша. А до города не доходиша за три версты...».

Василий ушел в Волоколамск собирать ратные силы. Простой люд, недовольный действиями воевод, допустивших хищные татарские орды до самой Москвы, «мятеж учинил по всем городам велик» и, как

это уже не раз было в истории Руси, когда татары угрожали ее городам, а князья и воеводы оказывались не в состоянии в тот момент оказать отпор нашествию, сам готовился боронить свои города от силы вражьей.

Но уже 24 августа «прииде князь великий с братиею на Москву, и бысть тишина». Татары, опасаясь военных приготовлений русских, повернули обратно. Поход татар на Москву не привел к желаемым для них результатам. Даже составленная Василием III в момент военных успехов Гиреев «данная грамота», по которой он признавал себя данником крымского хана, неизвестно каким путем оказалась в руках рязанского наместника Ивана Хабара Симского.

В ответ на поход татар в 1523 г. Василий Иванович двинул свои войска на Казань и на реке Суре заложил крепость Василь-город, или Васильсурск, «чтоб ему ближе из того города с Казанью свое дело делати, людем бы его ближе ходити к Казани».

Васильсурск стал оплотом Руси в Поволжье, подступом к Казани. В городе был оставлен большой гарнизон во главе с воеводами — князем Александром Ивановичем Стригиным, Василием Салтыковым и Михаилом Бакеевым.

Обеспокоенный Сагиб-Гирей просит у Крыма помощи и настаивает на присылке пушек, пищалей и отборного войска — янычар. Новый крымский хан Сеадет-Гирей пробует оказать нажим на Москву, требуя от Василия отказа от борьбы с Казанью, но Василий и слышать не захотел, ссылаясь на свое право сажать на Казань ханов своей властью.

В 1524 г. русские войска снова направляются на Казань. Поход задуман был как большое военное предприятие, ставящее своей целью взятие Казани. Об этом свидетельствует огромное число орудий («большой наряд»), приданных московским ратям. Казань взять не удалось, но Сагиб-Гирей бежит в Крым, а его место занимает другой представитель того же правящего рода — Сафа-Гирей. Василий согласился оставить ханом Сафа-Гирея, но согласие это было вынужденным, и с целью нанесения ущерба экономике Казани он выводит из Казани торг русских купцов и переводит его в Нижний Новгород.

Растет вражда и с Турцией. Кончились уже те времена, когда султан заискивал перед Москвой и сам шел с ней на сближение, удерживал крымцев от нападений на Москву, направлял послов.

Турецкий султан Сулейман I распространил свою власть и на Казань. Распространив свое владычество на Крым, Казань, расширив свое влияние на Северном Кавказе и в низовьях Волги, Турция превращалась в могущественную державу в Восточной Европе, враждебную Руси. Если Русь ставила своей задачей ликвидацию остатков Золотой Орды, уничтожение возникших на ее развалинах агрессивных татарских государств, то Турция стремилась к их укреплению, объединению под своей властью с целью в дальнейшем восстановить на всей территории Восточной Европы, а следовательно, прежде всего на Руси, татарское иго, но только в форме турецко-татарского ига, которое, конечно, было бы нисколько не лучше старого, золотоордынского.

Уже в те времена на Востоке начинает складываться та ситуация, о которой писал И. В. Сталин, подчеркивая, что на востоке Европы «интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требо-

вали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия».[1]

В 1519 г. под предлогом «оберегания» русских послов, следовавших в Турцию через Азов, турки начинают укрепляться в устье Дона, который должен был стать их опорной базой для наступления на Север. В результате деятельности турецкого посла Скиндерсака, распространившего провокационный слух об агрессивных планах Москвы, Турция и Крым в 1525 г. готовят грандиозный поход на Москву. Турки выставили до 30 000 человек да более 20 000 давал крымский хан. Во главе турецко-татарского войска был поставлен старый недруг Москвы Сагиб-Гирей. Поход был сорван новой феодальной войной между крымскими Гиреями, но он был свидетельством растущей опасности на Востоке. Над Русью нависла не только татарская сабля, но и кривой турецкий ятаган. С 1533 г., когда крымским ханом становится ставленник Сулеймана I Сагиб-Гирей, враждебность Крыма к Москве еще больше усиливается.

Правда, несколько окрепли позиции Руси в Казани.

В 1530 г. русские войска двинулись к Казани, и несмотря на то что казанцам помогали их союзники ногайцы и астраханцы, они были разбиты и признали свою «вину». Затем рядом умелых дипломатических приемов русские послы добились организации очередного переворота и в 1532 г. в Казани воцарился ставленник Василия касимовский царевич Джан-Али, ставший вассалом Москвы.

Такова была обстановка на Востоке.

Враждебность татарских государств — Казани и Крыма — побуждала Русь заняться укреплением своих восточных и южных рубежей и организацией их обороны. Присоединение к Москве Рязанского Подонья и Северской Украины, включение в состав Русского государства земель «Польской Украины», как назывались тогда земли, прилегающие к степям, к «Дикому полю», вынудило Москву взять в свои руки дело обороны пристепных рубежей Руси.

Еще при Дмитрии Донском, в 60-х годах XIV в., по Хопру и Дону стояла московская сторóжа. В 1380 г. сторóжа доходит до Тихой Сосны, перебирается за Дон. В 1444 г., во времена налета татарского царевича Мустафы, упоминаются казаки — русская вольница, своей кровью поливавшая земли русских «украин», отбивая их у татар и отжимая этих хищных наездников все дальше и дальше на юг и восток. С давних пор уходили в «поле», в «молодечество» русские люди. Уходили от боярского оброка, от кабальных записей, от батожья государевых людей и, не желая «рядиться во крестьяне к помещикам и монастырям», шли искать жизнь хоть и опасную, но вольную

Здесь, в «молодечестве», на Дону, на «уходах» севруков, ходивших от Днепра до Волги, соединявшихся то с казачеством придонских степей, то с «черкасами» Днепровского Правобережья, вольница русская объединялась в «ватаги» во главе со «старшими», атаманами, добывала зверя и рыбу, пасла скот и собирала мед, отбивала у татарских чабанов отары овец, громила небольшие чамбулы крымцев и ногайцев. В степях не было так уж пустынно, как во времена, непосредственно последовавшие за нашествием Батыя.

---

[1] И. В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 34.

«Пахло Русью» и на Дону, и на Северном Донце, на Сейме и Ворскле, на Псле и Суле.

Уже в 1491 г. Василий Ромодановский доносил Ивану III из Крыма, что «людей твоих на поле (т. е. в степях, в «Диком поле». — *В. М.*) много».

Но наряду с вольницей создавалась великокняжеская сторóжа, нередко использующая окраины степей. В 1492 г. сторóжа детей боярских Федора Колтовского и Горяина Сидорова отбивает орду грабителей-татар у Тихой Сосны, в 1528 г. сторóжа князей Василия Семеновича Одоевского, Ивана Ивановича Щетина, Федора Васильевича Лопаты и Ивана Федоровича Овчины отбивает на Оке многочисленное войско крымских татар.

По берегу Оки возводится целая оборонительная линия, состоящая из укрепленных городков, засек, сторожевых вышек. Так возникла «береговая черта» — ближняя оборонительная линия Руси.

Но с расширением границ Руси на юге, с возрождением южнорусских городов, освобожденных и от татарского ига, и от владычества литовских князей, оборонительная линия уходит все южнее и южнее, в лесостепь. Здесь стояли старинные города Подесенья — Брянск и Чернигов и Посемья — Рыльск и Путивль. Путивль был в ту пору самым южным русским городом. Это был большой по тем временам город с каменной крепостью. Тогда еще не было ни Воронежа, ни Курска — «городище» Курск, говорившее о стоявшем здесь некогда, до Батыева нашествия, большом городе, «все древесами поросло».

Но напрасно было бы думать, что Батыево нашествие «створило» эту южную Русскую землю «пусту». Конечно, русское население здесь во второй половине XIII и в XIV вв. было гораздо малочисленнее, чем во времена киевских князей. И тем не менее во второй половине XIII в. в «Курской тьме», как по-татарски называлась область, прилегающая к Курску, в Посемье стояли города Рыльск, Путивль, Воргол, Воронеж, Липецк, лежали слободы, многолюдные «якоже грады великиа».

По свидетельству Вильгельма де-Рубрука, даже спустя несколько лет после нашествия Батыя татары не везде в южнорусских степях чувствовали себя хозяевами, по ночам они не передвигались, опасаясь нападений русских отрядов, действовавших смело и решительно. Так было на Дону, так было и в Посемье, в Посулье, на левом берегу Днепра, где прямые потомки древнего русского населения края (северян — севруки) продолжали сеять хлеб, ловить рыбу, собирать мед, пасти скот, оставаясь, конечно, все время начеку, готовые в любую минуту уйти под защиту городских стен или укрыться в степных балках или дремучих лесах, тянувшихся по Удаю, Суле, Пслу, Сейму (остатком этих лесов является «Лес на Ворскле» в современной Курской области).

Севруков было немало. Недаром, посылая своего слугу к Ивану III, Менгли-Гирей опасался, что его посольство «когда в Русскую землю войдут к тебе, брату моему, не дойдут из-за севрюков».

Русское население непрерывно продвигалось все дальше и дальше на юг, новые пришельцы пополняли ряды старой русской вольницы и с ней вместе уходили все южнее и южнее. Русское население, занимавшееся разными промыслами, в XV в. уже не редкость на Дону и за Доном, по Хопру и Тихой Сосне, по Воронежу и Цне, а в отбитых у великого князя литовского в 1503 г. землях Северской Украины, в Посемье, по Ворскле, Пслу и Суле, жили в «северских уходах» севруки.

И до того, как в лесостепи на территории бывшего Переяславльского княжества легла в 1503 г. граница между Русью и Литвой, и после этого Путивльские земли тянулись на юг, к верховьям Сулы и Ворсклы. Здесь лежали «уходы» севруков, и эта русская вольница, силой условий жизни превращенная в естественную пограничную стражу земли Русской, продолжала уходить за зверем, рыбой, медом и пасла скот на далеких «ухожаях» вплоть до Глинщины, где лежала «пустыня по реке Суле», Север-Сульская, Север-Глинщина, Удай-Север.

В состав Путивльских земель входили Жолвань, Биринь и заброшенные далеко в степь на Ворскле Хотмышль, Хотеллосичи, или Лосицкая волость, и Ницянская земля. Здесь же лежал Снипород и тянувшие к Посемью земли Посулья. Это были самые южные области «Русской Вкраины», слабо заселенные, хотя далеко не «пустыня», тесно связанные с Посемьем, где стояли Рыльск и Путивль, ставшие опорными пунктами Москвы на юге, важнейшими центрами сторожевой службы, откуда по шляхам, сакмам и дорогам выходили в «Дикое поле» нести сторожевую службу разъезды городовых казаков и севруков.

Связи «северских уходов», расположенных в землях по Суле и Ворскле с Посемьем, были столь прочны, а власть великого князя литовского в Глинщине и рядом лежащих землях была в такой мере номинальной, что севруки продолжали беспрепятственно направляться на свои «ухожаи», где они встречались с украинскими казаками, приходившими из Канева и Черкасс и поэтому получившими на Руси наименование черкасов.

Так бывшие татарские тьмы — Черниговская, Курская и Яголдаева, позднее литовские «земли» становились русскими волостями.

Но это не значит, что Литва и татары перестали претендовать на них. Еще Тохтамыш, ища убежища в Литве, своим ярлыком, данным незадолго до битвы на Ворскле (1399 г.), передал эти южные земли Руси Витовту. В списке русских городов, уступаемых Литве в 30-х годах XV в., снова встречаются знакомые нам названия русских городов Днепровского Левобережья. В своем письме Василию III, написанном в 1506 г., Менгли-Гирей напоминает, что Брянск, Стародуб, Почеп, Рыльск, Путивль и другие города «из старины деда нашего были».

Мы знаем, что в 1507 г. Сигизмунд Старый категорически требовал от Василия возвращения Литве этих городов и земель.

Богатый край с тучной, черноземной почвой, с реками, изобилующими рыбой, лиственными и хвойными лесами, где не редкостью были лоси и кабаны, олени и козы, куницы и бобры, медведи и рыси, меха которых так высоко ценились за рубежом, со степями, где носились косяки тарпанов и сайгаков, край, изобилующий природными богатствами, сравнительно слабо заселенный, покрытый не столько городами, сколько «городищами» — развалинами русских городов, погибших в годину страшного Батыева нашествия, — казалось, легко мог снова стать добычей литовского князя или крымского хана, но Русь зорко стерегла этот дышащий обилием старинный русский край.

Хищные и жадные крымцы продолжали рассматривать Русь как свою землю. В этом отношении характерен приведенный послом императора Сигизмундом Герберштейном рассказ о том, как однажды русские, взяв в плен какого-то толстого татарина, с изумлением спрашивали его: «Откуда

у тебя, собака, такой жир, когда тебе нечего есть?», в ответ на что пленник заявил: «Почему это мне нечего есть, когда я обладаю такой обширной землею от востока до самого запада?». В форме этого рассказа приводится характерное для крымских татар убеждение в том, что Русь — их владение, их земля и заповедное поле охоты за невольниками.

В грамотах конца XV и начала XVI в. непрерывно говорится о нападениях крымчаков на русских купцов, послов, промышленников на Осколе, Северском Донце, Псле, Орели, Ворскле. Но это были мелкие разбои, не больше.

В начале XVI в. крымские татары, к которым часто присоединялись ногайские татары, зимой и летом, только несколько меняя свою тактику в зависимости от времени года, совершали свои разбойные набеги на русские земли.

Эти набеги сопровождались страшным грабежом, кровопролитием и захватом в плен населения русских сел и деревень.

Пользуясь малочисленностью русских городов, минуя острожки, татары зимой прорывались сплошной лавиной, летом — несколькими отрядами и начинали грабить, жечь, насиловать, уводить в плен. Тысячи русских девушек и юношей, детей, взрослых мужчин и женщин уводились на аркане «в полон», чтобы быть проданными на невольничьих рынках Кафы или Козлова (Евпатории) и нести тяжелую службу раба или рабыни в мусульманских странах Европы, Азии и Африки.

Михалон Литвин приводит слова одного еврея — сборщика податей, жившего в Крыму, на Перекопе, мимо дома которого крымцы ежегодно проводили тысячи русских полоняников из Литвы и Московии, что, судя по количеству «ясыря» (пленных), в этих странах уже не должно было оставаться людей, и он поражен, что они еще заселены. Для борьбы с вековечными врагами своим — крымскими татарами — на окраине с «Диким полем» русские строили острожки, закладывали города, устанавливали сторожевую службу.

Как же была организована сторожевая служба?

Татары не были «городоимцами». Крымцы утратили характеризующее татар времен Чингисхана и Батыя искусство осаждать и брать укрепленные города. Русский город выдерживал осаду любой самой многочисленной орды крымцев, да и крымцы, зная свою слабость, как правило, проходили мимо городов. Войны Руси с крымскими татарами носили своеобразный характер. Татары не ставили своей задачей взятие городов, захват территории. Их походы носили характер грандиозных разбойничьих налетов. Цель бесчисленных набегов на русские земли хищных орд разбойничьего государства — Крымского ханства — составляла военная добыча во всех ее видах.

Не выдерживали татары и боя с равным им по численности регулярным войском. Особенно опасались они боя грудь с грудью, столкновения «в лоб», предпочитая прибегать к хитрости и главным образом использовать подвижность своей конницы и внезапность удара. Огнестрельного оружия они не применяли, полагаясь на лук, стрелы, саблю и аркан да на своего крепкого и выносливого коня.

Поэтому особенно важно было предупредить татар, приготовиться к обороне города, сосредоточить войска в одном месте, нанести удар ордам крымчаков, отбросить их, отбить «полон», добычу. Для этого нужно

было зорко наблюдать. Везде виднелись русские сторожевые пункты — в пограничных землях лесостепи на городищах, курганах, на высоких дубах. Обычно они состояли из двух-трех сторожей-севруков, городовых казаков, детей боярских. Пока один внимательно осматривал степь и дорогу, ведущую на юг, другой (или другие) пас лошадей. Если на горизонте появлялась пыль, сейчас же один из сторожей садился на коня и нередко «о дву конь» выезжал до следующего пункта. С этого пункта сейчас же несся всадник и предупреждал следующую сторóжу. И так далее, пока весть не дойдет до Москвы и не начнут собираться ратные люди, города готовиться к бою и по «береговой черте» у Оки готовиться к отпору на «засеках». Давали знать о приближении татар дымом смоляных бочек, огнем костров из сушняка и соломы. В степи зажигались огни и столбы дыма или ночью блеск костров говорил о страшной опасности — «Орда идет!».

По глубине следа, по высоте и ширине клубов пыли (в том случае, если татары шли своими обычными сакмами), по ширине проложенной в степи дороги (в том случае, когда татары шли целиной, без дорог) опытные русские сторожа из севруков и городовых казаков узнавали о численности татар, о пути их следования, о быстроте передвижения. Кроме того, сторожа направлялась по степным дорогам далеко в глубь степей, к Ворскле, Северскому Донцу, Тору, Миусу. Из Рыльска, Путивля и других городов пограничья выходили в разъезды севруки, городовые казаки, дети боярские, внимательно следили за полной опасности степью.

Обычно сторóжа делала свое дело — путь хищным ордам преграждали русские рати, столкновения с которыми крымцы избегали, предпочитая посылать маленькие чамбулы грабить и пленить жителей беззащитных сел и деревень.

Так боролся со свирепыми и алчными хищниками — крымскими татарами — русский люд этого богатого края. Здесь жить — означало воевать и только воюя — можно было жить.

Как и отец, Василий III выступает в роли не только воина, но и дипломата. Расширяются и укрепляются международные связи Руси.

В 1508 г. был заключен мирный договор со Швецией сроком на 60 лет, подтвержденный дважды, в 1513 и 1524 гг. Вынужден был заключать с Русью договоры о перемирии Ливонский орден (1509, 1521 и 1531 гг.).

В 1514 г. Василий заключает договор о перемирии на десять лет с городами Ганзы «с сей стороны Поморья и с оной стороны Заморья», и ганзейская торговля в Новгороде возобновляется.

В 1511 и 1517 гг. заключаются союзные договоры с датскими королями Иоанном и Христианом, которые добиваются разрешения датским купцам торговать в Новгороде и Ивангороде.

Продолжаются переговоры с германским императором. Как и во времена Ивана III, московские дипломаты, используя борьбу польских королей Ягеллонов и германского императора из-за Венгрии, предлагают императору Венгрию взамен Литвы, которая должна отойти к Москве как на девять десятых состоящую из «отчин и дедин» Василия Ивановича, заселенных «русским» (в широком смысле этого слова, т. е. украинским и белорусским) православным людом. Но, разрешив вопрос с Венгрией (в 1516 г. умер венгерский король Владислав из рода Ягеллонов), император, опасаясь усиления могущества Руси, стремится остановить ее рост за

счет Литовских «отчин» московского великого князя и титул его — «государь всея Руси» — начинает пугать не только великого князя литовского, но и императора Священной Римской империи германской нации.

И вот в 1517 и 1526 гг. следуют два посольства Сигизмунда Герберштейна.

Герберштейну не удалось убедить Василия Ивановича отказаться от притязаний на русские земли Литвы. Василий заявил, что он добивается «отчины своей от прародителей Киева» и в своем ответе императору впервые назвал себя не просто «государем», а «царем».

Не оставляет намерений распространить свое влияние на Русь и римский папа.

Папская курия предпринимает ряд шагов, направленных к достижению цели. В 1519 г. следует посольство Шомберга, за ним в 1524 г. — другое, в ответ в Рим едут русские послы: Замыцкий, а в 1525 г. — Дмитрий Герасимов. Римский папа сулил великие блага, обещая поставить митрополита всея Руси патриархом, призывал к миру с Литвой, к войне с Турцией. Ему упорно твердили, что «князь великий хочет вотчины свои земли Русские», и не соблазнялись великими посулами римского папы, а на предложение воевать с турками ответили от имени Василия Ивановича: «Мы, с Божиею волею, против неверных за христианство стоять будем». И это была не просто пустая фраза, а обещание, подкрепленное делом.

Южные славяне и греки все чаще и чаще прибегают к помощи могущественного государя своих единоверцев — русских.

В 1509 г. в Москву прибыли три «старца» из Сербии с письмами от белградского митрополита Феофана и вдовы деспота Стефана Ангелины с просьбой помочь белградской митрополии, так как «попустил благий господь Сербское Господство в руки иноплеменных, и монастырь сей долу низвергся и оскудела милостыня, а нет милователей». Просил о помощи и сербский деспот Иоанн и другие. Идя по стопам отца, уже «миловавшего» белградскую митрополию, Василий Иванович жалует Ангелину четырьмя сороками соболей и четырьмя тысячами белок, а митрополита тремя сороками соболей, тремя тысячами белок и серебряным ковшом.

Между прочим, род московских князей впоследствии породнился с потомками Ангелины. Ее сын Иван был женат на Елене Якшич, сестра которой Анна была замужем за князем Василием Львовичем Глинским. От этого брака родилась Елена Глинская, вторая жена Василия III, мать Ивана Грозного.

Таким образом, брак Василия Ивановича с Еленой Глинской носил политический характер. Недаром весть о разводе московского великого князя вызвала целый переполох на Афоне, так как греческие монахи опасались, что своей «милостыней» великий князь обойдет их, уделив все внимание сербам. Вот почему, памятуя об интересах своих соплеменников, ратовал против развода и Максим Грек, что, конечно, отнюдь не исключает влияния на него настроений и стремлений консервативного русского боярства.

В славянских странах, подпавших под власть турецкого султана, все больше и больше росло убеждение, что Москва — единственная православная славянская держава, полностью независимая от «агарян» (турок, мусульман), и только она одна может помочь им избавиться от ненавистного турецкого ига.

Не случайно спустя полстолетия один итальянец писал: «Все народы Болгарии, Сербии, Боснии, Мореи и Греции поклоняются имени великого князя московского, так как они принадлежат к тому же самому греческому вероисповеданию и не надеются, что их освободит от турецкого рабства чья-либо рука, кроме его».

Дошла слава о могущественном Русском государстве и до далекой Индии.

В сентябре 1532 г. Василий III принимает посольство основателя империи «великих моголов» индийского султана Бабура. Бабур через своего посла Хаджи-Гуссейна сообщал, что он желает вступить в «дружбу и братство» с московским великим князем. Василий III ответил согласием на установление торговых и дипломатических связей, но Бабур вскоре умер и посольство осталось безрезультатным.

Так крепла Русь и рос авторитет ее великого князя и государя в других странах.

Росли власть и авторитет великого князя, царя и государя Василия Ивановича и на Руси. Если отец Василия еще выслушивает от бояр «многая поносная и укоризная словеса», хотя и не терпел «встречь» (противоречий, возражений), то сам Василий уже не только не терпел «встречь», но и не допускал их.

Думному боярину Ивану Никитичу Берсень-Беклемишеву, попробовавшему было перечить ему, Василий Иванович с гневом закричал: «Пойди, смерд, прочь. Не надобен ми еси».

Недаром обиженный боярин жаловался Максиму Греку, что «ныне... государь наш запершыся сам третий у постели всякие дела делает», отставил боярскую думу, окружил себя близкими людьми, и пророчествовал: «Которая земля переставливает обычьи свои, и та земля недолго стоит; а здесь у нас старые обычьи князь великий переменил; ино на нас которого добра чаяти?»

Это уже была серьезная «встреча» и немудрено, что в феврале 1526 г. Берсень-Беклемишев и дьяк Федор Жареный были осуждены за непочтительные речи о государе.

Вот почему Сигизмунд Герберштейн писал о Василии III: «Властью, которую он применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов всего мира. И он докончил также то, что начал его отец, а именно отнял у всех князей и других властелинов все их города и укрепления. Во всяком случае даже родным своим братьям он не поручает крепостей, не доверяя и им. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, так что если он прикажет кому-нибудь быть при его дворе или идти на войну, или править какое-нибудь посольство, тот вынужден исполнять все это на свой счет... Из советников, которых он имеет, ни один не пользуется таким значением, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они открыто заявляют, что воля государя есть воля Божия и что ни сделает государь, он делает по воле Божией».

К. Маркс отмечает многочисленность и силу русского войска и процветание торговли в княжение Василия III.[1]

Василий III уничтожил последние уделы, не составлявшие собственности членов его семьи, установил строгий контроль за своими братьями и

[1] К. Маркс. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 161.

их слугами. Но в самой семье великого князя не все было благополучно. От первого брака с Соломонией Сабуровой, происходившей из старинного и знатного московского боярского рода, у Василия не было детей. Встал вопрос о разводе. Большинство бояр и дьяков, окружавших Василия, решительно настаивали на разводе, так как в противном случае престол перешел бы к одному из двух оставшихся в живых братьев Василия — удельным князьям Юрию Дмитровскому или Андрею Старицкому. Повторилось бы положение, напоминающее времена Василия Темного, и самодержавному порядку нанесен был бы страшный удар. Но противники усиления власти великого князя Вассиан Косой, Максим Грек, Семен Курбский (дед известного изменника времен Ивана Грозного князя Андрея Курбского) действовали решительно и смело. Тем не менее сила была не на их стороне. Митрополит Даниил — продолжатель дела Иосифа Волоцкого, а с ним большинство духовенства, боярство, дьяки да «дети боярские», «знатные лица, но с более скромным достатком... придавленные своей бедностью», единственно кого, по свидетельству Герберштейна, жаловал Василий Иванович, сделали свое дело. В ноябре 1525 г. Василий Иванович развелся с Соломонией Сабуровой, отправленной в монастырь, а в январе 1526 г. он женился на Елене Васильевне Глинской. В 1530 г. у Елены родился сын Иван, а через год с небольшим — Юрий.

В сентябре 1533 г. Василий Иванович разболелся. Болезнь (заражение крови от карбункула) была неизлечима. Когда в октябре выяснился характер болезни, Василий был чрезвычайно обеспокоен судьбами своего дела. Трехлетний великий князь на престоле — этого, казалось, было достаточно для того, чтобы подняла голову феодальная реакция «княжат». Василий тщательно скрывал свою болезнь от братьев — Юрия и Андрея, но, почувствовав приближение кончины, он начал действовать. Стряпчий Мансуров и дьяк Меньшой Путятин привезли старые духовные грамоты его и отца, Ивана Васильевича. Тайно, запершись с этими двумя доверенными людьми, Василий уничтожает старую духовную, а затем, призвав еще дворецкого Шигону Поджогина, «сам третей, у постели» начинает решать вопрос, кого из бояр позвать при составлении новой духовной. Призваны были бояре — князья Василий Васильевич Шуйский, Михаил Юрьевич Захарьин, Михаил Семенович Воронцов, казначей Петр Иванович Головин, дворецкий Шигона Поджогин и дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишурин.

Кроме этих бояр в состав совета позже вошли еще Иван Васильевич Шуйский, Михаил Васильевич Тучков и дядя Елены Васильевны, оставляемой правительницей при трехлетнем сыне Иване, которому отец завещал престол, Михаил Львович Глинский.

Но по-прежнему, до самой кончины Василий оставался верен себе — его ближайшими помощниками были дьяки, а не бояре.

В ночь на 4 декабря 1533 г., приказав всем «служить» Ивану, которому он «дал» «свое государство», Василий III скончался.

На престол вступил трехлетний Иван IV Васильевич, Иван Грозный.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА XIV—НАЧАЛА XVI В.

Объединение русских земель в единое государство, подъем производительных сил, успешная оборона Руси, расширение ее границ, рост и укрепление ее международного положения, образование русской народности — все это не могло не сопровождаться развитием яркой и красочной, многогранной и самобытной русской культуры.

В. И. Ленин подчеркивает сопровождающее и отчасти определяющее образование единых государств «нац[иональное] проб[уждение]».[1]

И. В. Сталин указывает, что только «страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста...», и далее подчеркивает: «Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси».[2]

Таким образом, создание единого Русского централизованного государства явилось важнейшим условием серьезного культурного роста Руси, важнейшей предпосылкой бурного развития русской материальной и духовной культуры.

Это было время сплочения земель, областей и княжеств в единое государство, время создания великорусского языка (а язык — основа народности), эпоха национального пробуждения и возрождения, эпоха складывания русской народности.

Усложнение экономической и социально-политической жизни Московской Руси, рост государственности, борьба за независимость Руси, усиление ее влияния на международные дела, рост национального самосознания — все это в совокупности неизбежно вело к росту и укреплению русской культуры.

Крупнейшим фактором, обусловившим бурный рост культуры Московской Руси, было освобождение от ненавистного татарского ига. Падение татарского ига имело огромное историческое значение.

Развитие русской техники, науки, искусства конца XIV, XV и XVI вв. отражает ту борьбу за Русскую землю, за независимость русского народа, которая создала могучую Русь — Русское государство, с боем пробив-

---

[1] В. И. Ленин. Национальный вопрос: (Тезисы по памяти) // Ленинский сборник. Т. XXX. С. 62.

[2] Приветствие И. В. Сталина // Правда. 1947, 7 сентября.

шееся в ряды сильнейших государств и с честью отстоявшее свое право на независимое существование. Освобожденные от оков татарского ига творческие силы народа проявляют себя в архитектуре и живописи, в технике и публицистике, во всех проявлениях материальной и духовной культуры. Создание обширного, богатого и могучего государства обусловливало органический рост культурных потребностей и научных интересов русского народа.

Все в динамике, все в борьбе, все в движении! Все бурно развивается, растет, стихийно тянется к жизни, к реализму, к «живству».

Выше мы уже отмечали тот подъем, который характеризует собой развитие ремесла на Руси в XIV—XV вв. Этот подъем проявляется прежде всего в росте художественного ремесла.

Высокого уровня развития достигает ювелирное искусство. Особенно славились русские изделия, украшенные финифтью: чаши, блюда, кресты, оружие, ларчики, кольца и т. п. Славилось и богато украшенное русское оружие. Приклады и замки пищалей, сабли и боевые топоры были произведениями высокого искусства.

Немало на Руси было искусных чеканщиков и мастеров, «наводивших чернью» сложнейшие рисунки на золотых и серебряных изделиях. Исключительно искусными были русские резчики по дереву. Сложность узоров и чистота выполнения были подчас изумительны. Даже слесари создавали высокохудожественные изделия. Простые дверные петли, ключи, замки обращались в предмет искусства. Славились на Руси подлинно художественные изделия из кости и шитье. Высоким мастерством, необычайной тонкостью работы отличались столяры и плотники; конструктивно сложные, красивейшие здания воздвигают безвестные зодчие Московской Руси.

Замечательная работа новгородского «мастера Авраама», восстанавливавшего утраченные детали знаменитых «Корсунских врат» Софийского собора в Новгороде, искусные гравюры на сделанной из булатной стали и оправленной в серебро рогатине Бориса Александровича Тверского (середина XV в.), изображающие восемь сцен на сюжеты из «Щелкановщины», прекрасная рельефная чеканка новгородского панагиара 1435 г., оклад Евангелия конца XV в., хранящегося в Загорском музее, ковчег с чернью, эмалью и позолотой, сделанный в 1383 г. для суздальского архиепископа Дионисия представляют собой шедевры ремесленного искусства.

Яшмовый потир новгородского архиепископа Моисея, сделанный в 1330 г., оправленный в серебро и украшенный сканью, кресты и иконки, искусно вырезанные мастером Амвросием (первая половина XV в.) из ореха и палисандра, эмалевые медальоны на окладе Евангелия боярина Федора Кошки (1392 г.), золотая наводка новгородских Васильевских врат (1336 г.) являются замечательными произведениями русских мастеров.

Понятно, почему русские ремесленники с конца XIV и начала XV в. смело ставят свои имена на изделиях и наряду с произведениями безвестных мастеров появляются подписные изделия: триптих мастера Лукьяна (1414 г.), панагиар мастера Ивана (1436 г.), потир[1] мастера Ивана Фомина

[1] Триптих, панагиар, потир — церковная утварь.

(1449 г.), складень мастера Амвросия (1456 г.), «пояс золот с ременем Макарова дела», «пояс золот Шышкина дела» (XIV в.) и др.

Немудрено, что в Чехии в XIV в. были очень популярны железные замки, «в просторечии называемые русскими»; русские купцы, ездившие для торговли на юг, в Крым, везли с собой успешно конкурировавшие с итальянскими и дамасскими изделиями кольчуги, брони, ножи, иголки и прочие стальные изделия и оружие, а Менгли-Гирей упорно просил у великого князя московского «пансыри».

Таковы были искусные русские ремесленники. Их опыт и искусство, профессионально-технические навыки и естественно-научные выводы, к которым они приходили эмпирическим путем, — все это подготовляло базу для развития подлинно научных знаний.

Особый расцвет в XIV—начале XV в. переживала русская архитектура. Грандиозные сооружения начали строиться в Москве, в Коломне и других городах еще с конца XIV в., отражая патриотический подъем Куликовской победы.

Приехавшие в Москву по приглашению Ивана III иноземные мастера (при этом следует отметить — только мастера очень высокой квалификации, «хитрые») — Аристотель Фиоравенти, Марко Руффо, Пиетро Антонио Солари, Алевиз, Антон Фрязин — строили здания и мастерские, обучали русских мастеров, но в то же время они сами обучались русской технике, усваивали русские естественно-научные сведения и придавали своему творчеству русский характер. Русские мастера, усваивая «чужое», «заморское», властно заставляли его служить «своему», русскому, и уроки иностранцев сочетали со своим опытом.

Развитие национального самосознания в период объединения Москвой русских земель выразилось в усилении интереса к родной старине, к памятникам времен былого единства Руси, к памятникам владимирского зодчества. Во времена Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича ремонтируются и обновляются Успенский собор во Владимире, собор в Переяславле-Залесском и др.

Русские зодчие времен Ивана III Кривцов, Мышкин, Ермолин, псковские и новгородские мастера возводили величественные здания. Ермолину принадлежит честь решения сложнейших задач по соблюдению равновесия.

Искусными зодчими были псковские мастера. Они обнесли свой родной пограничный город мощными каменными стенами, вызвавшими восторженные отзывы французского путешественника Де-Ланнуа (1413 г.): «Псков очень хорошо укреплен каменными стенами, и в нем находится один очень большой замок...». Эти же псковские мастера умели, так же как и Ермолин, решать задачи по соблюдению равновесия. Не случайно поэтому новгородские мастера в начале XV в., не доверяя мастерам-немцам, с большой пользой для дела исправляли по-своему для сохранения равновесия Евфимиеву палату в Новгородском Кремле. Когда во время землетрясения рухнули вследствие чрезмерной тяжести сводов стены возводимого в Москве Кривцовым и Мышкиным Успенского собора, псковские мастера, приглашенные в качестве экспертов, определили, что виной катастрофы явилось плохое качество извести и кладки с забутовкой.

Когда Аристотель Фиоравенти построил значительно меньший сравнительно с задуманным Кривцовым и Мышкиным Успенский собор, этот

последний сочетал в себе элементы московского, владимирского, новгородского искусства, а элементы итальянского были представлены весьма скромно, так как на русской почве творчество Аристотеля Фиоравенти обрусело.

В 1486 г. псковские зодчие возводят в Кремле Ризоположенную церковь, а в 1490 г. строят в Москве кремлевский Благовещенский собор. В 1505 г. была начата постройка Архангельского собора. С 1487 по 1508 г. идет строительство великокняжеского дворца в Кремле с его историческими Грановитой и Золотой палатами, с Красным крыльцом, с бесчисленными палатами, горницами, теремами, каморами, клетями, подклетями, переходами. Кремлевский дворец представлял собой типичный образец русского зодчества, сохранял и развивал традиции древних русских мастеров, традиции планировки деревянных сооружений.

В 1485 г. начинается грандиозное строительство Московского Кремля. Начало ему было положено закладкой 29 марта 1485 г. Тайницкой башни («стрельницы»). Через два года была заложена Беклемишевская башня, еще через год — Свибловская. Размах работ был поистине грандиозным. Ивана Васильевича не смущал ни ропот духовенства, негодовавшего по поводу снесения мешавших строительству Кремля монастырей и церквей, перенесения кладбищ, ни страшный пожар 1488 г., чуть ли не дотла уничтоживший Москву, ни преграды, поставленные самой природой (реки, болота). Уже в 1490 г. высились Боровицкая и Константино-Еленинская башни и высокая стена протянулась от одной башни к другой. Строились одна за другой башни — Собакина, Никольская, возводились стены, проводились гигантские работы на Неглинной: устраивались плотины, мельницы, шлюзы.

Не стало Ивана Васильевича — работы продолжались при сыне его Василии. Рыли и обкладывали камнем и кирпичом ров, наполненный водой из Неглинной, устраивали подъемные мосты, построили в 1516 г. первый в Москве каменный мост. В этом году строительство Кремля в основном закончилось и Московский Кремль стал сильнейшей крепостью Европы, намного превосходя своими размерами и знаменитый Миланский замок, и Мец.

Высокие круглые башни, оборонительная линия стен с изломами, толщина стен — все это свидетельствовало о том, что строители Московского Кремля были хорошо знакомы с «огненным боем» и учитывали то новое, что принесла с собой в искусстве обороны и осады быстро развивавшаяся артиллерия. Подземные ходы, «тайники» (родники), выходы и «слухи» для обнаружения подкопов врага, переходы и рвы облегчали оборону.

Но Кремль не был просто крепостью. Это был целый архитектурный комплекс, удивительно гармонично сочетающийся с местностью и целиком соответствующий принципам жизнерадостного русского зодчества.

Строилась, конечно, не одна Москва. Строился Псков, где замечательные псковские зодчие воздвигли в 1496 г. церковь Богоявления в Запсковье, в 1494 г. — церковь Георгия. Типичной для Пскова постройкой являются звонницы. Особенно выделяется замечательная звонница Вознесенской церкви, построенная в 1467 г. Псков продолжает укрепляться. В 1482 г. каменная стена окружила Запсковье.

После присоединения Пскова к Москве великий князь продолжал укреплять этот пограничный русский город. В 1517 г. ремонтируется Кремлевская стена, через два года дьяк Мисюрь Мунехин строит крепость Печерского монастыря, а в 1524 г. возводится знаменитая Гремячая башня. В XVI в. Псков становится самым укрепленным после Москвы городом Руси, и мощь его оборонительных укреплений познали во времена Ливонской войны войска Стефана Батория, вынужденные с большим уроном отступить от стен грозного русского города.

События 1478 г. оборвали бурное строительство предшествующих лет в Новгороде, но начиная с 1510 г., когда московский гость Иван Сырков поставил церковь жен-мироносиц, оно возобновляется. В 1520 г. московский гость Василий Тараканов построил церковь Климента на Иворове улице, за ним строит церковь Димитрий Иванович Сырков и другие новгородские и московские гости.

По указу государя были перестроены стены новгородского Детинца, перепланирована городская застройка, выпрямлены и расширены улицы.

Первая половина XVI в. характеризуется перенесением в каменное зодчество форм и принципов народного деревянного зодчества. Наиболее замечательным достижением русской архитектуры этой поры является создание каменных зданий, имеющих форму шатра. В такой форме народное деревянное зодчество проникало в строительство из камня. Каменное зодчество по мотивам деревянного шатрового народного строительного искусства непрерывно усложнялось и совершенствовалось. Венцом такого рода каменного зодчества, восходящего своими истоками к народному искусству, является знаменитая церковь Вознесения в селе Коломенском под Москвой. Возведена она была в 1532 г. при Василии III.

Церковь Вознесения — огромное шатрообразное здание высотой в 58 м — поставлена на высоком холме у самой кручи берега Москвы-реки и удивительно тесно связана с окружающей ее природой. Огромный краснокирпичный и белокаменный столп церкви как бы вырывается из вершины холма и устремляется ввысь.

«Вельми чу́дна высотою и красотою и светлостию, такова не бывала прежде сего на Руси», — говорили современники об этом «чуде из чудес», как называл впоследствии церковь Вознесения известный французский композитор Берлиоз.

Характерно отметить, что знаменитые соборы французского средневековья намного уступают по высоте церкви Вознесения. Так, например, собор в Амьене имеет высоту 42 м, собор в Бовэ достигает 47,5 и только собор Парижской Богоматери имеет высоту 69 м, но строился он десятки лет. Башня Кельнского собора имеет высоту 156 м, но она строилась семь столетий и была закончена лишь в XX в. при современной строительной технике.

Не менее характерна еще одна деталь в строительстве церкви Вознесения в Коломенском — она строилась всего-навсего несколько лет. Такими темпами не строили западноевропейские зодчие.

Если первой особенностью русской архитектуры начала XVI в. является проникновение в каменное зодчество мотивов народного деревянного творчества, отрицание тяжелых византийских форм, расцвет шатровой архитектуры, яркой, жизненной, берущей свое начало в глубинах народного

творчества, сохранившегося на Русском Севере и в гораздо более поздние времена, то второй ее особенностью является распространение общерусского архитектурного стиля, постепенно вытесняющего местные особенности зодчества. Московский архитектурный стиль распространяется в Новгороде (Преображенский собор Хутынского монастыря, построенный повелением Василия III в 1515 г., церковь Сретения в Антониевом монастыре 1533 г., сочетающая в себе и московские, и новгородские традиции), в Нижнем Новгороде, где в строительстве Кремля повторяются мотивы Московского Кремля, в Серпухове, Зарайске, Туле.

Москва по праву становится центром национальной жизни и культуры русского народа. И сказывается это ощутительно и зримо прежде всего в архитектуре, где так ярко проявляется народность русского искусства и где, пожалуй, раньше всего и быстрее всего намечается слияние местных стилей в один общерусский стиль.

Масштабы русского зодчества XV—XVI вв. заставляют предположить, что при возведении грандиозных сооружений, прославивших русских мастеров, эти последние руководствовались не только опытом, не только «рецептурной наукой», когда человек знает — ка́к сделать, но не знает — почему именно так, но и определенными теоретическими знаниями из области механики и математики, строительной механики. Производственные «секреты», что характерно вообще для всех стран мира эпохи феодализма, передавались лишь избранным, составляли тайну немногих, а то и вовсе одного лица, не фиксировались в руководствах.

Вот почему нельзя отказать русским мастерам в знании теории своего дела только на основе того, что они не оставили нам письменных трудов по своей специальности.

Вторая половина XIV в., XV и XVI вв. характеризуются развитием русской живописи. Все больше и больше сюжетом для русских художников становится человек, его сложные переживания, его действия. В изображениях Христа, Богоматери, святых наблюдается стремление художника передать человеческие чувства и переживания.

Человеческие фигуры передаются в движении. Появляются элементы пейзажа; на иконах стали изображать деревья и травы, цветы и листву. Краски яркие, жизнерадостные.

Стремление к наблюдению и воспроизведению действительности, к «живству», к своеобразному реализму выражается также в появлении в искусстве так называемого «бытейского письма». В нем отражается старый церковный дух иконописи, но «бытейское письмо» уже отрывается от церковной живописи, изображая притчи, аллегории, и переносится из церквей во дворцы и палаты.

Особенно характерны в этом отношении произведения живописцев Москвы, Пскова и Новгорода. В Новгороде, а потом в Москве во времена Дмитрия Донского создавал свои замечательные произведения Феофан Грек, прозванный «философом» за свой талант и умение скупыми средствами, уверенными мазками передавать сложную психологию человека и добиваться исключительного живописного эффекта.

Феофан Грек вместе с Симеоном Черным расписал церковь Рождества Богородицы в Москве (1395—1396 гг.), кремлевский Архангельский собор (1399 г.), а в 1405 г. вместе с Андреем Рублевым и Прохором он украшает живописью другой кремлевский собор — Благовещенский.

Но наиболее выдающимся русским живописцем той поры, оставившим неизгладимый след в истории русского искусства, является Андрей Рублев. Человечность и глубокий гуманизм, лиричность, мягкость и яркость красок характеризуют гениального русского художника, которого знатоки искусства ставят в один ряд с мастерами античности, с Рафаэлем и Леонардо да Винчи.

Творчество Андрея Рублева глубоко национально. Чувство человеческого достоинства, человеколюбие, правдивость, жизнерадостность — все это было взято из русской действительности, отражало психический склад русских людей.

Начал свою деятельность Андрей Рублев в Троице-Сергиевском монастыре, а затем в подмосковном Андронниковом. Как и Феофан Грек, Андрей Рублев пользовался покровительством Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича. Как мы уже отмечали, в 1405 г. вместе с Феофаном Греком он расписывает стены Благовещенского собора. В 1408 г. вместе с Даниилом Черным он расписывает Успенский собор во Владимире, затем в 1424—1426 гг. — Троицкой собор в Троице-Сергиевском монастыре. В это время он создает свое бессмертное произведение — «Троицу» (ныне хранится в Третьяковской галерее в Москве). Ученики Андрея Рублева продолжали его дело и еще в 1460 г. фресковая живопись Похвальского придела Успенского собора носит на себе печать искусства Андрея Рублева.

В конце XV и начале XVI в. создает свои замечательные произведения другой талантливый русский художник — Дионисий. Его произведения отличаются торжественностью и уверенностью. Дионисий вместе с Тимофеем Ярецом и Конем написал в 1481 г. иконы для кремлевского Успенского собора, в 1488 г. — для собора в Ростове; в 1484 г. Дионисий расписывал собор Иосифо-Волоколамского монастыря, а в 1500—1502 гг. — Ферапонтова монастыря в Белозерье.

Несколько слабее, в силу особенностей русской православной церкви,[1] развивалась скульптура, но и в этой отрасли искусства имелись такие замечательные мастера, как Ермолин, в 1464 г. закончивший работу над статуей Георгия Победоносца, украшавшей ворота Московского Кремля (хранится в Третьяковской галерее в Москве).

Вторая половина XIV в., время Куликовской битвы, была периодом подъема литературного творчества на Руси. Русская литература той поры отражала сдвиги, происходившие в жизни русского народа, и целиком была подчинена задачам создания единого Русского государства и слиянию русского населения отдельных земель и княжеств в единую великорусскую народность. Патриотизм, жизнерадостность, уверенность, пышность, торжественность характеризуют русскую литературу времен создания единого и могущественного государства русской народности.

Литература все более и более приобретает общерусский характер.

Древние русские книжники первыми отразили в своих произведениях стремление народа к единению, к сохранению самостоятельности Русской земли, патриотические чувства русского народа. Так, было записано народное предание о борьбе с татарами Чолхана Тудановича, знаменитая «Щелкановщина». Новгородцы создают два чудесных памятника, отра-

[1] В православной церкви скульптурные произведения запрещались.

зивших борьбу с немцами и шведами: «Сказание о великом князе Александре Невском» и «Рукописание Магнуша, короля свейского». Последнее сказание начинается так: «Я, Магнус, король шведский, нареченный во святом крещении Григорий, отходя от света сего, пишу рукописание при своем животе и приказываю своим детям, своей братье и всей земле шведской: не наступайте на Русь на крестное целование, потому что нам не удается». Далее следует перечисление всех неудачных походов шведов на Русь, начиная от Невской битвы и до похода Магнуса. Простотой и безыскусностью дышит сказание о другом герое борьбы Руси с немцами — псковском князе Довмонте.

Борьба с татарами отразилась в летописях и «повестях» в «Слове о погибели русской земли», в повести о «Мамаевом побоище», в «Задонщине», написанной в подражание известному древнерусскому патриотическому памятнику «Слову о полку Игореве». Но если «Слово о полку Игореве» пело о поражении русских дружин на Каяле, то «Задонщина» воспевала победу русского воинства на поле Куликовом. Не «тоска», как в «Слове о полку Игореве», а «веселие и буйство» распространилось по земле Русской, не «готские красные девы» звенели «русским» золотом, а «русские жены» — «татарским» золотом. В «Задонщине» Куликовская битва — это расплата за Каялу, за Калку, за все то, что пришлось снести Руси от полудиких орд кочевников.

«Сказание о Мамаевом побоище», созданное несколько позднее «Задонщины», в середине XV в., отличается от «Задонщины». На нем лежит печать влияния церкви, но оно заключает в себе ряд мест, заимствованных из народного эпоса. В XV в. перерабатываются древние народные рязанские сказания и песни о борьбе с татарами, сохранившиеся в «Повести о приходе Батыевой рати на Рязань». «Повесть» рассказывает о храбрых и удалых рязанских молодцах, сражавшихся с татарами Батыя, о простых горожанах рязанских, которые «непременно бьяхуся», порицает русских князей за то, что они «друг другу не поиде на помощь», образно описывает разорение земли рязанской (остались лишь «дым и земля и пепел»), повествует о герое рязанских народных преданий Евпатие Коловрате, беззаветно бившемся с татарами. О борьбе с татарами говорит «Повесть о Меркурии Смоленском». О ней мы читаем в особом сказании «О московском взятии от царя Тохтамыша», в «Повести об иконе Владимирской Божией матери», где говорится о нашествии Тимура, и других повестях и сказаниях, написанных в связи с менее значительными эпизодами борьбы русских с татарами («Повесть о царевиче Мустафе», «Сказание о битве на Ворскле» и т. д.). Волна народного гнева против угнетателя — золотоордынского хана — отразилась и в устном народном творчестве. Так, например, в былине о том, как «Илья Муромец освободил Киев от Калина царя», связанный татарами Илья Муромец

Вскочил в полдрева стоячего
Изорвал чембуры на могучих плечах, —
Не допустят Илью до добра коня
И до его то до палицы тяжкие,
До медны литы в три тысячи, —
Схватил Илья татарина за ноги,
Который ездил во Киев град,
И зачал татарином помахивати:

Куда ни махнет, тут и улицы лежат,
Куда отвернет — с переулками,
А сам татарину приговаривает:
«А и крепок татарин не ломится
А и жиловат, собака, не изорвется».
И только Илья слово вымолвил,
Оторвется глава его татарская,
Угодила та голова по силе вдоль
И бьет их, и ломит, в конец губит,
Достальные татары на побег пошли,
В болотах, в реках притонули все,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья ко Калину царю,
Схватил он Калина за белы руки,
Сам Калину приговаривает:
«Вас то, царей, не бьют, не казнят».
Согнет его корчагою,
Вздымал выше буйны головы своей,
Ударил его о горюч камень,
Расшиб его в крошечки...

Через всю русскую литературу, через все народные предания о борьбе с татарами красной нитью проходит не только чувство «тяготы», но и уверенность в своем превосходстве, в победе над «злым татарином».

Появляются повести и сказания и на другие темы. Так, «Повесть о Петре и Февронии» Муромских, покровителях московских князей, рассказывает о трогательной и сильной любви князя Петра к простой крестьянке Февронии, любви, встретившей противодействие местного боярства.

Писателей той поры интересуют психология, душевные переживания героев их произведений. Они охотно передают сложный душевный мир своих героев, охотно повторяют «умилительные» места. Психологизм и некоторый сентиментализм русской литературы конца XIV—XV вв. близки проявлениям этих же качеств в русской живописи той же поры.

В «Сказании о валашском воеводе Дракуле» выводится образ деспота в стиле тогдашних представлений о властном, жестоком, но храбром и справедливом монархе. Автор «Сказания» — русский человек, побывавший в Венгрии и Молдавии.

В «Слове избрано... на латыню» осуждается Флорентийская уния и подчеркивается независимость русской церкви, в «Послании» Вассиана Рыло Ивану III автор послания призывает великого князя стойко и мужественно «боронити свое отечество от бесерменства», в своих посланиях псковичам и Василию III инок Псковского Елизариева монастыря Филофей развивает теорию «Москвы — Третьего Рима», а «Сказание о князех Владимирских» подчеркивает древность рода московских князей, восходящего к Пруссу, брату основателя Римской империи Августа, и указывает, что московские князья «держатели» своей земли — Руси от времен первых киевских князей, и царским венцом венчаются великие князья со времен Владимира Мономаха.

Создавали свои произведения Иосиф Волоцкий и Нил Сорский, митрополит Даниил и Вассиан Патрикеев.

Особенно выделяются среди «книжных» людей конца XIV—начала XVI в. Епифаний Премудрый и Максим Грек.

Начитанный и образованный, знающий греческий и другие языки, много путешествовавший по странам Востока, Епифаний Премудрый в своих сочинениях показал исключительную эрудицию. Он хорошо знал житийную и историческую литературу, богословие и географию, был знаком с произведениями многих древних и средневековых ученых и писателей. Язык Епифания пышный и торжественный, полный лиризма и поэзии.

Максим Грек учился в Венеции, Флоренции, Париже, изучал богословие и философию, литературу и историю, знал латынь, французский и итальянский языки. В России Максим Грек проделал не только большую работу по переводам, но и выступал ревностным поборником нестяжательства, изобличал «латынские ереси» и «иудейское зловерие», «еллинское нечестие» и «огарянскую прелесть», ополчался против астрологии, писал проповеди и публицистические сочинения, философские и богословские трактаты, филологические изыскания, делал переводы, перекладывал молитвы на стихи. Более полутораста произведений оставил после себя этот «богохранимой Русской державы доброхотный и прилежнейший богомолец», горячо полюбивший Россию и ее народ, грек, для которого Русь стала второй, страстно любимой родиной. Его влияние было огромно. Среди его учеников Дмитрий Герасимов и Василий Власов (Власий), бояре Федор Карпов и Берсень-Беклемишев, князья Андрей Холмский, Андрей Курбский, Иван Токмак, монахи Нил Курлятев и Зиновий Отенский, дьяк Федор Жареный и другие. Как видно из приведенного, среди учеников и почитателей Максима Грека много представителей консервативного боярства, к лагерю которых он примкнул, отстаивая идеи нестяжателей, но в их числе и такие, как Дмитрий Герасимов и Василий Власов, а влияние его испытал на себе замечательный публицист XVI в. Ермолай-Еразм. Глубоко уважал «святогорского инока» и Иван Грозный.

Выход Руси на арену активной внешнеполитической деятельности вызвал интерес к истории и политической жизни других стран. Так, появились приведенные выше сказание о «Мутьянском» воеводе Дракуле, повесть о взятии турками в 1453 г. Царьграда, принадлежащая Нестору-Искандеру, включающая в себя пророчество Льва Премудрого о грядущем освобождении Константинополя «русым» народом, «Повесть о царице Динаре», прообразом которой явилась грузинская царица Тамара (1184—1212 гг.), «Повесть о Петре, царевиче ордынском», принявшем христианство, и др.

Русская литература конца XIV—XV—начала XVI вв. полна веры в могущество Руси, в силы и способности русского народа. Ей чужды узколичные темы и развлекательность. Она посвящена крупным общественным вопросам, темам социальной жизни и государственного строительства и стремится как можно правдивее, конечно в рамках представлений той поры, изобразить то, что есть, или то, что было.

Большую роль в развитии национального самосознания на Руси играет летописание. В период феодальной раздробленности летописи велись по приказу князей и епископов, архиепископа и бояр в Рязани и Смоленске, в Твери и Ростове, в Новгороде и Пскове.

С течением времени вместе с объединением русских земель вокруг Москвы начинают создаваться общерусские своды, продолжающие традиции великокняжеского летописца 1305 г. В 1408 г. по инициативе митрополита Киприана в Москве составляется общерусский летописный

свод (так называемая Троицкая летопись, сгоревшая в 1812 г.), прославляющий Москву и московского князя Ивана Калиту и рассматривающий все события с точки зрения единства Руси — Руси Московской и Руси Литовской. Но эта последняя точка зрения, характерная для Киприана, не могла удовлетворить московских политических деятелей, не собиравшихся оставлять «отчины и дедины» великого князя в руках Литвы. Свод Фотия 1418 г. (дошел до нас в основе Новгородской IV и Софийской I летописей) учел это и одновременно смягчил выпады против отдельных русских земель и княжеств, не желая сеять рознь между Москвой и рядовыми новгородцами, тверичами и т. д. Поэтому-то свод Фотия лег в основу последующих летописаний — новгородского, тверского, псковского, ростовского. Свод Фотия пронизан демократическими тенденциями и в повести о борьбе с Тохтамышем (1382 г.) выдвигает на первое место купцов, ремесленников, подлинных борцов за Москву, за землю Русскую.

В своде Фотия русская история не оторвана от всемирной, а тесно с ней связана. В этом отношении еще более характерен «Хронограф», составленный в 1441 г. Пахомием Логофетом (Пахомий Серб). Создавались и великокняжеские своды — Василия Дмитриевича, Василия Темного, летописи Ивана III, связанные с походами на Новгород.

Летописи пробуждали интерес к прошлому Руси, прославляли ее единство во времена киевских князей и призывали к единству, воспитывали патриотическое чувство, развивали национальное самосознание.

Передавая из уст в уста «секреты» своего производства, русские зодчие решали трудные и сложные задачи, возводили палаты и звонницы, крепостные стены и храмы; русские пушкари, учтя особенности медленно горевшего пороха, удлиняли стволы орудий, для того чтобы снаряд дольше подвергался бы давлению пороховых газов в дуле; русские механики применяли мельничное колесо и ворот, рычаги и зубчатые колеса, конструировали сложные часы и поршневые насосы, добивались больших успехов в производстве новых сплавов.

Развивалась и «книжная» наука. В XV—XVI вв. пробуждается интерес к геометрии, обусловленный практическими нуждами «землемерия», усложнением социальной жизни и государственного аппарата. Эти же причины дают толчок развитию математики. Появляются ростки биологии и медицины (анатомия, физиология, лекарственная ботаника).

Потребности «книжности» вызывают появление в XVI в. «бумажных мельниц», сведения о которых встречаются у иностранных путешественников, зарождение и распространение химии красок и чернил, изобретение новых химических составов.

Возросшие потребности обороны страны настоятельно диктовали применение научных данных в технике изготовления и в использовании оружия. С появлением «огненного боя» зародилось представление о соотношении заряда и снаряда, о калибре и длине ствола, о стандарте (производство ядер по «кружалам»), об угле возвышения. Зарождалась баллистика. Мастера знакомились со свойствами металла. Появились «винтовальные пищали» — предтечи будущих винтовок, казнозарядные пушки.

Так, опыт и русская смекалка помогли пушкарям Московской Руси обогнать западноевропейских мастеров и создать такое оружие, которое спустя века было все еще новинкой.

Распространяются простейшие машины и механизмы: блок, ворот, рычаг, зубчатые колеса, часы, поршневой насос и т. д. Появляются «пороховые мельницы» для изготовления «огненного зелья», литейные и пушечные дворы.

Развивается практическая и теоретическая математика, превращающаяся в необходимость отрасль знания, призванную к жизни в результате роста потребностей развивающегося народного хозяйства и государственного аппарата и фиска. «Землемерия», геометрия, «дощатый счет», «абаки», таблица умножения, таблица степеней, дроби, уравнения, сама математическая терминология, выросшая из практических нужд торговли (слагаемые — «перечни», разность — «остатки», уменьшаемое — «заемный перечень», вычитаемое — «платежный перечень» и т. п.) таким же путем, как геометрия вырастала из нужд «землемерия», — все это, ставшее достоянием русских людей XV—XVI вв., свидетельствует о высоком уровне математической культуры. Этим объясняется то обстоятельство, что Ермолин поразил современников, в 1467 г. исправив и обновив своды пострадавшей от пожара церкви Вознесения в Москве, сделав это «не разобравша всеа», а по частям переделав всю постройку так, что «дивитися всем необычайному делу сему», а при постройке церкви Вознесения в Коломенском строители так рассчитали толщину стен, что ничтожное их утоньшение грозило бы обвалом всего здания.

Развитие производительных сил страны обусловливает рост других отраслей естественно-научных знаний; геологии, металлургии, химии (неорганической и органической), физики, биологии, астрономии, что находит свое отражение в литературе того времени.

В этом отношении чрезвычайно характерной является литература «еретиков» — жидовствующих, представителей передовой общественной мысли на Руси конца XV—начала XVI в.

Жидовствующие перевели на русский язык «Шестокрыл» — астрономическое сочинение ученого XIV в. Иммануила-бен-Якоба, содержащее в себе таблицы, основанные на математической астрономии; и астрономия у жидовствующих превалирует над астрологией. Жидовствующие изучали «Тайная Тайных» или «Аристотелевы врата», сочинения типа энциклопедии, содержащие в себе сведения из различных отраслей науки, перевели сочинение философа и врача Моисея Египтянина о логике и метафизике, включающее в себя много философских, математических и физических понятий. Интересно отметить, что неизвестный переводчик этого сочинения впервые применяет русские термины для обозначения различных понятий: «роженая» — умозаключение, «душевенство» — дух, «гиюль» — материя, «держитель» — субъект, «одержанный» — объект, «снур» — линия, «треснурно» — треугольник, «плоть» — тело, «простор» — поверхность. Жидовствующие знали и изучали Эвклидову геометрию, проповедовали физиологию и медицину Гиппократа, Аристотеля, Галена, занимались формальной логикой и диалектикой.

Русские люди иначе стали осмыслять небесные явления и в отличие от своих предков XI—XIII вв. перестали связывать явления комет, падение болидов, затмения Солнца и Луны, северное сияние и тому подобные «знамения» с какими-нибудь событиями земной жизни, чаще всего ограничиваясь лишь описанием, нередко точным и детальным, самого явления. Летописцы XIV—XVI вв. то описывают, как «по многи нощи видяху человеци аки столпы по небу, небо черлено, аки кроваво», то рассказыва-

ют, что «бысть буря велиа с вихром, и туча страшная зело с дождем и з градом великим чрез обычай», причем в первом случае летописец пытается объяснить природу северного сияния, уловить связь между ним и тем видом, который приняли окружающие предметы, а во втором стремится дать объяснение различным типам молний, их происхождению и действию на людей.

В Никоновской летописи под 1472 г. мы читаем о «хвостатой» звезде, «луч от нее долог велми, толст, светел, светлее самые звезды». Комета шла с востока на запад, «а луч от нее вперед протяжеся, а конець луча того аки хвост великиа птицы распростерт». Это уже наблюдение, достойное астронома, вынужденного невооруженным глазом следить за небосводом. Наблюдения точны, верны, подробны.

Псковский летописец отмечает лучи, исходящие от солнца, круги «около солнца... круг за кругом связался, иной черлен, а иный зеленый, а иный бел, а иный всякими цветами различными».

И в отличие от древних летописцев киевских времен псковский летописец не объясняет все это мистическими явлениями, а пытается рассказать и осознать.

Никоновская летопись, сообщая о страшной засухе 1371 г., когда «сухмень же бысть тогда велика, и зной и жар мног», пытается связать явления на солнце, а именно обилие солнечных пятен («места чрьны по солнцу, аки гвозди») с явлениями на земле (знойной мглой, засухой, пересыханием болот, рек, озер) и в конце концов заключает свое описание реальным влиянием невиданной засухи на людей: «и бысть тогда дороговь хлебная велика и глад велий по всей земле». Русские люди, внимательно следившие за небесными и атмосферными явлениями, за изменениями климата, все большие и больше отходили от мистического объяснения событий, все меньше и меньше поражали их и пугали всякие «дива», все больше и больше пытались они все объяснить, все записать, возможно подробнее и точнее. Так создавались начальная астрономия и метеорология «книжных» людей Руси, основанные на народном опыте. В таких сочинениях, как, например, «Сборник от правил святых апостол и святых отец», написанный в 1424 г. основателем Кирилло-Белозерского монастыря Кириллом, встречается ряд трезвых и реалистичных суждений о широте Земли, ее устроении, о величине небесных светил, об атмосфере и т. п.

Русские люди XVI в. знали о времени обращения планет вокруг Солнца, составляли астрономические и пасхальные таблицы (впервые они были составлены в Новгороде около 1492 г.) и лунники (таблицы лунного года), отмечали в записях необычные небесные явления.

Не приходится уже говорить об астрономии жидовствующих, покоящейся на математике. Жидовствующие указывали на согласованность движения небесных светил («бег их съединачен»), определяли точно время обращения некоторых планет и Солнца вокруг Земли (считая, что центр вселенной — Земля, они полагали, что Солнце вращается вокруг Земли), размеры Солнца, Луны и планет.

Их астрономия не служила целям религии и была далека от последней.

Такова была русская астрономия XIV—XVI вв.

Развиваются физиология и медицина. Летописцы подробно описывают ход болезней. Так, например, описывая «мор» 1364 г., Никоновская летопись сообщает: «Болезнь же бысть сицева: прежде яко рогатиною ударит

за лопатку, или под груди противу сердца, или меж крил, и тако разболевся человек, начнет кровию харкати, и огнь зажжет и разворит, и потом пот велий пойдет, тако потом дрожь имет, и полежав день един, или два, а ретко того кто бы полежал три дни, и тако умираху; а еже железою боляху, не единако: инему убо на шии, иному же на стегне, иному же под пазухой, иному же за лопатою».

Этот рассказ не что иное, как более или менее точное описание «черной смерти» — чумы.

Больше того, касаясь распространения болезни, летописец правильно отмечает ее инфекционный характер.

Во II Софийской летописи сохранилось изумительно подробное, прямо клиническое описание типа «истории болезни» смертельного недуга Василия III. Великий князь заболел весьма злокачественным карбункулом, и летописец день за днем следит за развитием болезни, вплоть до предсмертной агонии. Летописный рассказ был составлен по наблюдениям и записям русских придворных лекарей великого князя и пользовавших его врачей-иностранцев, в первую очередь обрусевшего Николая Булева.

Кстати сказать, во времена Василия III уже хорошо понимали, что может сделать лекарь и в чем медицина бессильна, тогда как еще во времена Ивана III неискусных и неудачливых лекарей «немца Оттона» и еврея «Мистр Леона» казнили за неудачное лечение Ивана Молодого.

В XV—XVI вв. русские уже имели некоторое представление о распространении заразных болезней. Во время эпидемий ставили заставы, не допускалось причащение больных, больных изолировали и т. п. При монастырях устраивались больницы и богодельни.

Такие перемены в отношении к медицине были связаны с распространением лечебников, «Тайная Тайных» и некоторых других сочинений по физиологии и медицине, хотя, конечно, зерна истинного знания в этих и других аналогичных сочинениях были перемешаны с суеверием и мистикой.

Слабее были разработаны вопросы физики. Еще считали, что гром происходит от удара одного облака о другое, но уже подметили, что перспектива зависит от нашего «зрака»; отмечали цвета радуги и пытались объяснить переходы одного в другой; знали, что свет распространяется неизмеримо быстрее, чем звук. Но в XIV—XVI вв. в области физики господствовали практика и практические знания.

Еще более практический характер носили знания русских людей в области химии, хотя и в этой области добились немалых успехов. На Руси знали множество рецептов: что и в какой пропорции смешивать, чтобы получить чернила, краски, чернить серебро, наводить золото на железо, как растворять киноварь, что полезно и что вредно при добывании различных химических веществ и при производстве красок, «питий» и т. п.

Все это было лишь в зародыше, но даже в этом своем состоянии русская наука XIV—XVI вв. свидетельствует об огромной творческой силе русского народа.

Значительно расширились представления русских людей об окружающем их мире, и русские люди проникли в самые отдаленные земли Европы и Азии, проложили путь в «страны полунощные».

Продолжались начавшиеся еще во времена Киевской Руси паломничества в Константинополь, на Афон, в «Святую землю».

Плывет по Дону в Царьград в 1389 г. митрополит Пимен, направляется в Царьград, Палестину и на Афон епископ Смоленский Михаил (1389—1405 гг.) и монах Игнатий подробно описывает это «хождение». Едет в Иерусалим иеродиакон Зосима (1420 г.), «гость» Василий (1465—1466 гг.).

Таких «хождений» было немало, и мы уже говорили о многочисленности русских в Царьграде и о русском монастыре на Афоне, о русских купцах в Кафе, Азове, Суроже, о русских посольствах в Крым и Турцию. Но наиболее выдающимся из всех путешествий русских людей того времени было «хождение» тверского купца Афанасия Никитина «за три моря».

В 1466 г. в Москву к Ивану III прибыл посол властителя Шемахи Ширван-шаха Фаррух-Есара Асан-Бек. Славившаяся своим шелками Шемаха заинтересовала «государя всея Руси» и он послал в Шемаху ответное посольство Василия Папина, который должен был вручить Фаррух-Есару подарок великого князя — 90 кречетов, очень высоко ценившихся на Востоке и превосходивших резвостью и силой всех охотничьих ловчих птиц. Поехал с послом и Афанасий Никитин, а с ним вместе несколько московских и тверских купцов. В устье Волги на караван напали астраханские татары и разграбили его. Спаслось только два судна. На одно из них, русское, пересел потерявший все свои товары Афанасий Никитин. Судно Асан-Бека, где находился Никитин, пристало к Дербенту, а другое было выброшено бурей на берег у Тарки и здесь русские купцы были схвачены кайтаками и обобраны. Василий Папин и Асан-Бек заступились за них, купцы были отпущены по приказу Фаррух-Есара и доставлены в Шемаху. Часть из них вернулась на Русь. Афанасию Никитину не с чем было возвращаться; ему грозила тюрьма. И это обстоятельство наряду с жаждой увидеть далекие и богатые восточные страны, товары которых доходили до Руси, заставило его отправиться дальше в путь. Из Дербента Никитин отправился в Баку, где «огнь горит неугасимы», а затем переплыл Каспий и высадился в Мазандеране. Полгода он прожил в маленьком персидском городке Чапакуре, так как двинуться оттуда не мог, не имея средств для путешествия. Затем он перебрался в Сари, потом в Амоль и, наконец, через Рей и Иезд направился в Ормуз («Гурмыз»). Здесь он купил коня, узнав, что они очень ценятся в Индии, и, вступив на борт корабля «по Велице дни в Фомину неделю», «из Гурмыза пошел есми за море Индейское». Полтора месяца шел корабль («таву») к берегам Индии. Приставали к Маскату, Диу и, наконец, пристали к берегу Индии в городе Камбал. Первый русский сошел на берег далекого Индостана. Здесь он пробыл недолго и поплыл дальше, в Чаул. Отсюда, ведя жеребца под уздцы, Афанасий Никитин отправился в глубь Индии. Джунейр, Бидар (в Хайдерабаде), Шейх-аляуд-дин — один за другим проходят перед глазами русского путешественника города индуистской и мусульманской Индии. От своих друзей-индусов Никитин узнал о Цейлоне и Бирме, Индокитае и Китае. Много видел, узнал, запомнил и записал за три года, проведенные в Индии, русский тверской купец Афанасий Никитин.

Его любознательность неисчерпаема, его записи бесценны. Из его «Хождения за три моря» мы узнаем о климате разных стран (в Хорасане «варко, да ветер бывает», а в Гиляне «душно вельми, да жарище лихо») и о религии туземцев, о растительности и животном мире, об образе жизни и нравах жителей, о храме Будды в Паравате, о товарах, которые могут

заинтересовать русских торговых людей, о путях и расстояниях между городами и странами. Его наблюдения точны, суждения верны, его записки беспристрастны, толковы, отличаются точностью и ясностью.

Его не ослепила роскошь двора султана в Бидаре, его сказочно великолепное шествие по улицам города со множеством слуг. Он видел, что «...сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны; носят их на серебряных носилках», что кастовое различие повергает сотни тысяч людей в нищету и бесправие, позор и унижение.

Не могла прельстить его и экзотика тропических стран, хоть и богата и красива была природа этих мест. Но, отдавая ей должное, Афанасий Никитин с тоской вспоминал о своей родной Руси: «Да сохранит Бог землю Русскую! Боже, сохрани ее! В сем мире нет подобной ей земли! Некоторые бояре Русской земли несправедливы и недобры, но да устроится Русская земля!»

И вот весной 1472 г. Афанасий Никитин собрался на родину. Он сел на «таву» и отправился в путь, заплатив за проезд два золотых. Бурей судно прибило к берегу Африки. Здесь их пытались задержать пираты, но Никитин и его товарищи по плаванию откупились от них. Через аравийский порт Москат Никитин приехал в Ормуз и оттуда в короткий срок добрался до Трапезунда, проехав весь Иран с юго-востока на северо-запад за одно лето. В Трапезунде он едва оправдался перед турецкими властями, заподозрившими его, прибывшего из владений Узун-Гасана, в каких-то злых намерениях. Наконец, он нашел судно и пересек «третье море» — Черное. Через Гурзуф Никитин прибыл в Кафу. Оттуда с русскими «гостями» он поехал на Русь, но родную Тверь он так и не увидел. По дороге, не доезжая Смоленска, Афанасий Никитин скончался. Его записки «гости» привезли в Москву и вручили дьяку Василию Мамыреву. Затем они были включены в летопись.

Так закончилось «хождение за три моря» Афанасия Никитина — русского путешественника, побывавшего в Индии почти за 30 лет до того, как у берегов Индии бросили якорь португальские корабли Васко да Гама.

Далеко на восток пробирались русские люди. Ездили русские князья, в XIII—начале XIV в. посещавшие по приказу хана далекий Каракорум, где в те времена находилась ставка монгольского императора; путешествовали русские купцы, пробиравшиеся на восток по своей инициативе, таких предприимчивых русских купцов видели в XV в. в Иране, Самарканде, Индии; волею хана переселялись на восток русские воины и искусные ремесленники.

По китайской летописи Юань Пи Ши, в XIV в. русские поселения лежали у самой столицы Китая Камбалу (Ханбалыка), современного Пекина. Искусные русские охотники и рыбаки поставляли дичь и рыбу к богдыханскому двору. Здесь еще в 30-х годах XIV в. находилось большое поселение русских воинов.

Таким образом, русские люди, побывавшие в XIV—XV вв. в Китае и Индии, опередили открытие этих стран Востока португальцами, испанцами, голландцами и англичанами, уступив пальму первенства только знаменитому Марко Поло.

Русские люди издавна, еще во времена Киевской Руси, постоянно ездили по торговым и посольским делам в страны Западной Европы. После татаро-монгольского нашествия эти связи несколько ослабели, но отнюдь

не были прерваны. В XV в. они не только возобновились, но и значительно расширились.

В 1439 г. русская делегация через Германию едет в Италию на знаменитый Флорентийский собор. Это путешествие описано суздальским монахом Симеоном. Им описаны Дерпт, Любек, Люнебург, Аугсбург, Нюренберг, Флоренция, Венеция. В 1475 г. ездил в Венецию посол Толбузин, оставивший нам свои путевые заметки и описавший поразивший его город.

В эти же годы Федор Курицын посещает Венгрию.

В 1494 г. русские послы Дмитрий Зайцев и Дмитрий Грек, отправленные Иваном III к датскому королю, не смогли вернуться обратно на Русь через Колывань (Таллинн) и «прошли на Двину около Свейского королевства и около Мурманского носа морем окианом, мимо Соловецкий монастырь».

Это было первое плавание из стран Западной Европы в Белое море, на Русь, вдоль берегов Кольского полуострова. Русские послы Дмитрий Зайцев и Дмитрий Грек своим плаванием предвосхитили «открытия» Ченслера, Виллоуби, Баренца.

В 1496 г. Григорий Истома, посольский толмач, по свидетельству Герберштейна — «человек дельный и знающий латинский язык», по повелению Ивана III едет послом к Иоанну, королю датскому. Ввиду осложнения международной обстановки и враждебности Швеции Григорий Истома выбрал путь не по Балтийскому морю, а по Ледовитому океану. Он вышел на своих судах из устья Северной Двины и, идя берегом вдоль Мурмана, прошел русскую Лапландию, обошел «Каянскую землю», подвластную шведскому королю, Вардегуз, построенный норвежцами северо-западнее Рыбачьего полуострова, «Дикую Лопь» и Тронгейм. Тут лежали «смесные» (совместные) владения Руси и Норвегии, и очень интересно указание Григория Истомы, что государь московский имеет обыкновение взыскивать дань до самого Тронгейма.

Это было первое плавание вдоль Мурманского побережья из Руси в Западную Европу. Через некоторое время таким же путем, вдоль северной оконечности Европы, едет послом к императору в Испанию Василий Власов.

Выдающийся интерес представляют дипломатические поездки Дмитрия Герасимова. Дмитрий Герасимов родился в 1465 г. Получив образование в Ливонии, где он в совершенстве изучил немецкий и латинский языки, Дмитрий Герасимов принимал участие в переводческой и литературной деятельности таких образованных людей, как новгородский архиепископ Геннадий и Максим Грек. Дмитрий Герасимов известен как выдающийся дипломат. В качестве толмача русских посольств он побывал в Италии, Германии, Дании, Норвегии, Швеции. Он трижды огибал северную оконечность Европы, плывя вдоль Мурманского побережья Кольского полуострова в Норвегию и Данию.

Роль русских людей в открытии путей на Север и в освоении Севера чрезвычайно велика. В давние времена вышла к берегам Белого моря новгородская и «низовская» вольница. Уже в XI в. ходили в Югру и к Железным Воротам (Карским Воротам). Новгородские летописи рассказывают о поездках на далекий Север.

В 1320 г. «Лука ходи на Мурманы», в 1349 г. «ходиша новгородци и двиняне на Мурманы».

В XV—XVI вв. русские освоили побережья дальних северных морей. Здесь лежали Зимний, Летний, Терский (Тре), Поморский, Корельский и другие «берега». Плавания по Белому, Баренцову, Карскому морям стали обычными, привычными. Далеко на север пробирались русские люди. Задолго до Баренца, положившего начало «освоению» Шпицбергена, русские поморы плавали за зверем на далекий, заброшенный в Ледовитом океане Груланд, или Грумант, как называли они Шпицберген, подобно западноевропейским путешественникам и ученым путая Шпицберген с Гренландией, которая, как тогда считали, простиралась чуть ли не до Новой Земли.

Предание старинного рода поморов Старостиных, сотни лет промышлявших на «Груланде», говорит о том, что первые Старостины начали плавать на Шпицберген еще до основания Соловецкого монастыря, т. е. до 1435 г.

Отважные «груманлане», как позднее называли себя поморы, плававшие на Шпицберген, осваивали суровый остров, ставили зимовья, хоронили покойников, воздвигая на могилах кресты. Страшный океан не пугал их и хоть

«Грумант остров — от страшон
Весь горами обвышон,
Кругом льдами обнесен».

«Не те спины у груманланов,
Чтоб бояться Океана».[1]

Когда в конце XIV в. отошел от берегов Гренландии последний корабль, колонии датчан вследствие резкого изменения климата — длившегося сотни лет похолодания в Арктике — были обречены на медленное и мучительное вымирание.

Датский король Фридерик II пытался во что бы то ни стало связаться с отрезанными от всего мира ледяным барьером датскими колониями в Гренландии, о судьбе которых уже чуть ли не два столетия не было никаких известий. Король искал людей, которые могли бы найти путь в Ледовитом океане к трагически гибнувшим людям.

Из письма Фридерика II купцу Людвигу Мунку мы узнаем, что последний разыскал в городе Мальмусе, как в те времена норвежцы называли русский город Колу, основанный на Кольском полуострове, невдалеке от современного Мурманска, русского корщика (кормщика, штурмана) Павла Нищеца (Никитича?), который плавал в Гренландию «ежегодно около Варфоломеева дня» и знал пути, ведущие к далеким островам Ледовитого океана. Фридерик II просил Людвига Мунка связаться с русским корщиком, который и должен был взять на себя организацию этой трудной и опасной экспедиции.

Так плавали на Грумант отважные русские «груманланы», и «открывавшие» далекий Шпицберген голландские и английские моряки и китобои с удивлением находили в этом краю, где, как им казалось, до них не ступала нога человека, развалины русских изб на покинутых становищах и сиротливо стоящие среди угрюмых скал деревянные кресты.

---

[1] Из старинных песен поморов — «груманланов».

Русским поморам человечество обязано знанию и освоению европейского побережья Ледовитого океана и омывающих его морей. Смелые русские поморы заселяли «край непуганых птиц». «Бежали парусом» на Новую Землю, «ходили» морем на Печору, открывали полуостров Канин и острова Колгуев и Вайгач.

Вслед за промышлёнами» шли на северо-восток, в Сибирь (в «Себур», как назвала Сибирь первая европейская Каталонская карта, упоминающая о Сибири) московские ратные люди и воеводы. В 1483 г. ходили в Сибирскую землю Федор Курбский, Черный и Салтык Травин. Доходили до Тюмени, до Иртыша.

В конце XV (1499 г.) и начале XVI в. (1501 г.) Петр Федорович Ушатый с «детьми боярскими вологжанами» прошел в Западную Сибирь через Камень (Уральский хребет), определив его высочайшую точку и направление («от моря до моря») — с севера на юг, а не с запада на восток, как предполагали древние и средневековые авторы, указывая на направление Гиперборейских гор (Уральского хребта). В этих великих географических открытиях русским помогали коми-зыряне и югра — ханты и манси.

Но особенно быстро русские осваивали европейский Север. К концу XVI в. Мурман у Рыбачьего полуострова был густо заселен и отдельные поселки поморов по размерам напоминали города. К этому времени в море выходило около 7500 русских судов с командами, насчитывающими 30 000 поморов. При этом поморы Русского Севера совсем не были жалкими изгнанниками, терпевшими нужду и лишения. Англичанин Стивен Барро, плававший в Белом море в 1556 г., сообщает, что русские, встретив его корабль, подарили ему пшеничный хлеб, калачи, превосходную пшеничную муку, гусей, сушеную рыбу, бочки водки, меда, пива и т. п. Все русские были прекрасно одеты, выглядели бодро, весело. Они были очень предприимчивы, смелы и отличались большими познаниями в мореходстве.

Стивен Барро отмечает, что «русские (речь идет о поморах. — *В. М.*) были смелыми и хорошими мореходами, и суда их шли быстрее английских».

С севером Европы, с Северо-Западной Азией, с далекими северными морями, с Сибирью англичан и голландцев, немцев и итальянцев познакомили отважные и предприимчивые, знающие свое опасное дело русские мореходы.

Первым человеком, в категорической форме утвердительно ответившим на вопрос, можно ли из Европы, плывя Ледовитым океаном, вдоль берегов Сибири, достигнуть Китая и Индии, и набросавшим карту великого Северного морского пути, был русский дипломат и путешественник Дмитрий Герасимов.

Это он, по свидетельству венецианца Батиста Рамузио, говорил о пути в Восточную Индию через Ледовитый океан аугсбургским ученым (1525—1526 гг.). Когда летом 1525 г. в Риме принимали посла Василия III Дмитрия Герасимова, папская курия проявила к «московиту» исключительный интерес.

Дмитрий Герасимов рассказывал о востоке Европы, о Севере и Сибири так много нового и интересного, что слушавший его Павел Иовий сразу же на основе своих записей бесед с Герасимовым написал книгу, которую немедленно издал. Книга Павла Иовия была очень популярна, несколько

раз переиздавалась и переводилась на разные языки. Павлу Иовию Герасимов рассказал о безбрежном Ледовитом океане, держась правого берега которого можно добраться до Китая.

При этом Дмитрий Герасимов показывал какую-то карту, которую Павел Иовий использовал для своей книги, поручив составить копию с нее Баттисто Аньезе.

Виллоуби, Ченслер, Барро, Пит, Баренц, Герберштейн и другие путешественники XVI в. пользовались географическими сведениями русских людей. Один русский корщик, Гаврила, служил лоцманом Стивену Барро во время плавания его у берегов Кольского полуострова, а другой русский корщик, Лошак, хорошо знавший путь на Новую Землю и Обь, вел его судно по волнам Ледовитого океана. Стивен Барро отмечает их большую роль в своем плавании, их искусство, их доброжелательность и с большой теплотой вспоминает Лошака, Гаврилу, Федора и Кирилла. Герард Меркатор создавал свои карты в середине XVI в., пользуясь для обозначения Севера и Сибири сведениями, почерпнутыми от русских поморов. Сведения эти могли быть почерпнуты и со слов русских путешественников, мореходов и дипломатов, и из карт.

Географические карты русские начали составлять еще в конце XV в., когда впервые встречаются известия о том, как тот или иной дьяк реку или озеро «на луб начертил». При Василии III у нас имелись не только «списки», но и «чертежи» (карты) земель, рек и дорог Руси Литовской.

Этот интерес к окружающим Русь и далеким странам, столь характерный для русских людей конца XV—XVI в., обусловил то обстоятельство, что на Руси сравнительно рано узнали об Америке.

В 1530 г. Максим Грек писал об экспедиции Колумба, о Кубе, Молуккских островах (которые, кстати сказать, были открыты португальцами лишь в 1512 г.), а спустя 20—25 лет русские люди узнают подробности плавания Христофора Колумба и Америго Веспуччи («Веспуцея Шпанца»), причем Максим Грек писал и более научно, и более точно и серьезно, чем Мартин Бельский и переводные «Космографии» конца XVI в. Так русские люди XIV—XVI вв. своими смелыми путешествиями не только делали Русь вновь «слышимой и знаемой всеми концы земли», но и вносили бесценный вклад в географическую науку и знакомили народы Западной Европы и Азии с неизвестными им странами и морями.

В рассматриваемый нами период времени на Руси широко распространяется просвещение. Немало было на Руси «книжных людей». Среди них суздалец Дионисий (XIV в.), которого летопись характеризует как «мужа премудра, разумна, промышлена же и рассудна». Дионисий своей ученостью поверг в изумление константинопольских монахов. По его инициативе монахом Лаврентием была составлена знаменитая Лаврентьевская летопись. Его друг, нижегородец Павел Высоцкий, «книжен бысть вельми и философ велий» и в своем монастыре в Нижнем Новгороде время от времени проводил «зело» полезные «беседы», слушать которые собиралось немало монахов.

«Ученым» человеком был знаменитый московский митрополит Алексей. Большой образованностью отличался Иван Калита, что, правда, нельзя сказать о всех его потомках.

Появляются переводные сочинения по медицине, космографии, астрологии и т. п., в том числе знаменитый «Луцидариус» — своего рода

энциклопедия. Русские люди изучали польский, немецкий, латинский, греческий, шведский и другие языки. Афанасий Никитин пишет и по-арабски, и по-персидски, и по-татарски (тюркски).

История сохранила нам имена многих любознательных и образованных людей XV—начала XVI в., таких как Тучков, Токмак, Сабуров, Шуйский, Карпов, Герасимов, Вассиан Рыло и много других. В отрывках, изречениях они знают Гомера и Пифагора, Платона и Аристотеля, Гезиода и Сократа, Эпикура и Плутарха, Фукидида и Исократа, Геродота и Пифагора, Демосфена и Ксенофонта и других ученых и писателей античности.

Это были люди разных политических взглядов. Так, например, боярин Федор Иванович Карпов, единомышленник Максима Грека, видный дипломат, в свое время принимавший послов крымских, ногайских, казанских, польских, посланцев императора и папы, был человеком «премудрейшим», «многим разумом украшенным». Его пытливый ум хотел вникнуть во все, его мучили противоречия и сомнения, он боялся, что отходит от «благочестия». Он увлекался астрологией, считая ее наукой всех наук, «гомеровым словом». «Аз же ныне изнемогаю умом, в глубину впад сомнения», — писал он Максиму Греку. Его произведения полны скорби и пессимизма, он вслед за евангелистом Иоанном утверждает, что «весь мир во зле лежит», его взоры обращены к прошлому.

И полная ему противоположность — послания Филофея, Иосифа Волоцкого, полные энергии, оптимизма, отражающие идеологию складывающегося самодержавия.

Таким же «книжным» человеком нового склада, патриотом, политическим деятелем, стремившимся разобраться в новой государственной системе и теоретически ее обосновать, был Михаил Григорьевич Мисюрь-Мунехин, дьяк Василия III, первый великокняжеский дьяк во Пскове. Его друзьями были Дмитрий Герасимов, Николай Немчин (Николай Булев), Филофей, к которому он обращался, прося разрешить сомнения, и, судя по ответу Филофея, пытливый ум дьяка далек был от того, чтобы объяснить все «Божиим промыслом».

Нельзя думать, что на Руси «книжные» люди насчитывались единицами. Судя по подсчетам подписей на документах, в начале XVI в. на Русском Севере до 80 % населения были обучены грамоте, среди дворян и детей боярских Подмосковья было свыше 65 % грамотных, среди посадских процент грамотных доходил до 25—30. Таким числом грамотных людей не могли похвастаться многие европейские страны. Конечно, эти цифры не характерны для других областей Руси и других слоев населения.

Высокая грамотность была обусловлена наличием на Руси множества «учительных людей».

«Книжные» училища, где обучали детей и юношей «учительные людские повестники», были широко распространены на Руси. Имелись они и в больших городах в центре Руси, и на окраинах, на Севере. Так, у деревенских «учительных людей» в Обонежье обучались Зосима Соловецкий, Александр Свирский. В деревне у Белого моря учился грамоте Антоний Сийский. В миниатюре иллюстрированного («лицевого») жития Сергия Радонежского изображена комната, где на нескольких лавках сидит одиннадцать учеников. Учили «писати и пети, и чести учили» «мирские дьяки» и духовные лица.

Обучали грамоте, читали Часослов, Псалтирь, Апостол. Были даже попытки создания училищ различных ступеней — читал своего рода лекции

(проводил «беседы») Павел Высоцкий, учился для лучшего «наказания», будучи уже грамотным, у дьяка «разумна и искусна» Александр Ошевенский (XV в.). Создавались монастырские библиотеки. В конце XV в. монах Досифей положил начало библиотеке Соловецкого монастыря. Большие собрания книг скопились в результате деятельности «книжных» монахов в Новгородском Софийском соборе, в монастырях Троице-Сергиевском, Волоколамском, Чудовском, Кирилло-Белозерском и других. Библиотека Василия III привела в изумление Максима Грека; ни в Греции, ни в Италии он не видел ничего подобного. Здесь хранились подлинные сочинения Тита Ливия, Цицерона, Юлия Цезаря, Соллюстия, Светония, Аристофана, Полибия, своды римских и византийских законов и т. п. «Списывали» книги и заставляли это делать своих учеников-монахов Сергий Радонежский, Кирилл Белозерский, Стефан Пермский, Иосиф Волоцкий, Кирилл Комельский.

Особенно славились «книгописцы» Троице-Сергиевского монастыря. Вот почему Стоглавый Собор 1553 г. отмечал, что «...прежде сего училища бывали в Российском царствии в Москве и в Великом Новгороде, и по иным градам многие грамоте, писати и пети, и чести учили, потому тогда и грамоте гораздых было много, но писцы и певцы славны были по всей земле и до днесь».

Мы не знаем, почему незадолго до Собора оскудела Русь училищами (быть может, это было во время «боярского правления», в малолетство Ивана Грозного), но когда архиепископ новгородский Геннадий (конец XV в.) просил митрополита возбудить ходатайство перед великим князем об учреждении училищ, где бы обучали всему «накрепко», он это делал не в силу того, что новгородцы были неграмотны, а потому, что много новгородских «книжных» и «учительных людей» пошло за «еретиками» — жидовствующими, а ему были нужны не просто грамотные, а прежде всего «верные» люди.

Как и во все времена, создателем и творцом яркой и самобытной русской культуры явился народ. Нещадно эксплуатируемый и угнетаемый князьями, боярами и дворянами простой люд «градов» и «весей» своим титаническим трудом создал родную культуру, а в годины вражеских нашествий грудью вставал на ее защиту. Своими достижениями в области зодчества и ремесла, мореходства и промыслов, искусства и литературы, своими познаниями в географии и лекарственной ботанике, строительной механике и химии Русь обязана многим оставшимся не известными по имени талантливым русским людям, вложившим свои знания, опыт и труд в создание национальной культуры.

Простые русские люди любили и ценили книгу. Достаточно привести в качестве примера ту заботу о книгах, которую проявили москвичи, когда Тохтамыш подошел к городу. Они прежде всего старались спасти книги. Но кроме «книжной» существовала и другая наука — бесписьменная народная наука, опыт поколений. Русские люди знали, где искать руду и грунтовые воды, как «бежать парусом» и ориентироваться по звездам, как лечить себя, скот, когда производить земледельческие работы, какой ожидать погоды, как строить избы и возводить величественные здания.

Опыт и навык дровосеков и каменщиков, зодчих и земледельцев, охотников и воинов, поморов и купцов, накапливаемый десятилетиями, веками, приводил к приобретению новых познаний, к расширению кругозора

русских людей, к появлению новых воззрений на окружающую их живую и мертвую природу, к тяге к книге, к знанию, к попыткам осмыслить накопленные знания, объяснить их теоретически. Именно такое отношение к собственному опыту, мыслям, обобщениям обогащало русский народ, порождало ряд практических познаний, способствовало появлению искусных кузнецов и строителей, ювелиров и пушкарей, замечательных пахарей, осваивавших и леса, и степи, смелых мореходов, опытных лекарей.

Химия солеваров и красильщиков, физика и механика строителей и лесорубов, метеорология и астрономия поморов и «промышленных людей», география и языкознание «гостей», послов и все тех же поморов, геология первых «рудознатцев» и баллистика «пушкарей» — все это было неоценимым вкладом простых русских людей в свою национальную и мировую культуру.

Велик был подвиг русского крестьянина, дошедшего со своей «сошкой кленовой» в поисках «мяхкой» и «вольной землицы» до Оби и Белого моря, до Перми и Югры.

В тяжелом труде, в великой борьбе с природой, с «лихими людьми», с «ворогами» вырабатывались трудолюбие, выносливость, стойкость, прославленная русская смекалка.

В духовной культуре Руси того времени нашли отражение социальные чаяния и протест народных масс. В своих сказках русские люди мечтали о ковре-самолете, сапогах-скороходах, скатерти-самобранке, коньке-горбунке. В сказках и песнях проявлялся протест народа против социального зла. Народ тепло относился к беднякам, высмеивая богатых и злых бояр и князей. По селам ходили сказители, гусляры, скоморохи, воспевавшие далекую старину, предания старины глубокой, «края далекие» и славившие землю Русскую. Но «смеха бойся удалого скомороха» — говорили на Руси. Скоморохи высмеивали бояр и духовенство, бичевали отрицательные явления русской общественной жизни, социальное зло и неправду, продажность и взяточничество. В поисках правды простые люди русские уходили в «ереси» — стригольников и жидовствующих.

Но порою мало было на словах бороться с социальной несправедливостью, с классовым гнетом, закабалением. Не помогало это. Переполнялась чаша терпения народа и поднимали «встань» люди «черные», «мизинные», меншие» в городах, поднималось и крестьянство.

В эпоху образования, укрепления и расширения Русского государства русский народ совершил огромную, отражавшую собой народный гений работу по освоению богатств природы, по овладению ею. Это было время, когда накапливались, как в огромном аккумуляторе, творческие силы и научные возможности русского народа, для того чтобы спустя столетия создать русскую культуру Ломоносова и Татищева, Кулибина и Ползунова, Кантемира и Тредиаковского, Левицкого и Боровиковского, Академии наук и университетов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги.

Итак, при Иване III и Василии III сложилось единое Русское государство с возникающим централизованным управлением и самодержавной властью во главе.

В это же время складывается русская (великорусская) народность.

И. В. Сталин указывает: «Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости. Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси».[1]

Экономический подъем, рост культуры, утверждение независимости русского народа — таковы результаты объединения русских земель в единое централизованное государство.

Ф. Энгельс подчеркивал, что «...тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из существеннейших рычагов прогресса в средние века».[2]

Но процесс образования Русского государства происходил в классовом, феодальном обществе, где кипела ожесточенная классовая борьба.

И. В. Сталин указывает: «Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего господствующего класса за счет территории других государств или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме».[3]

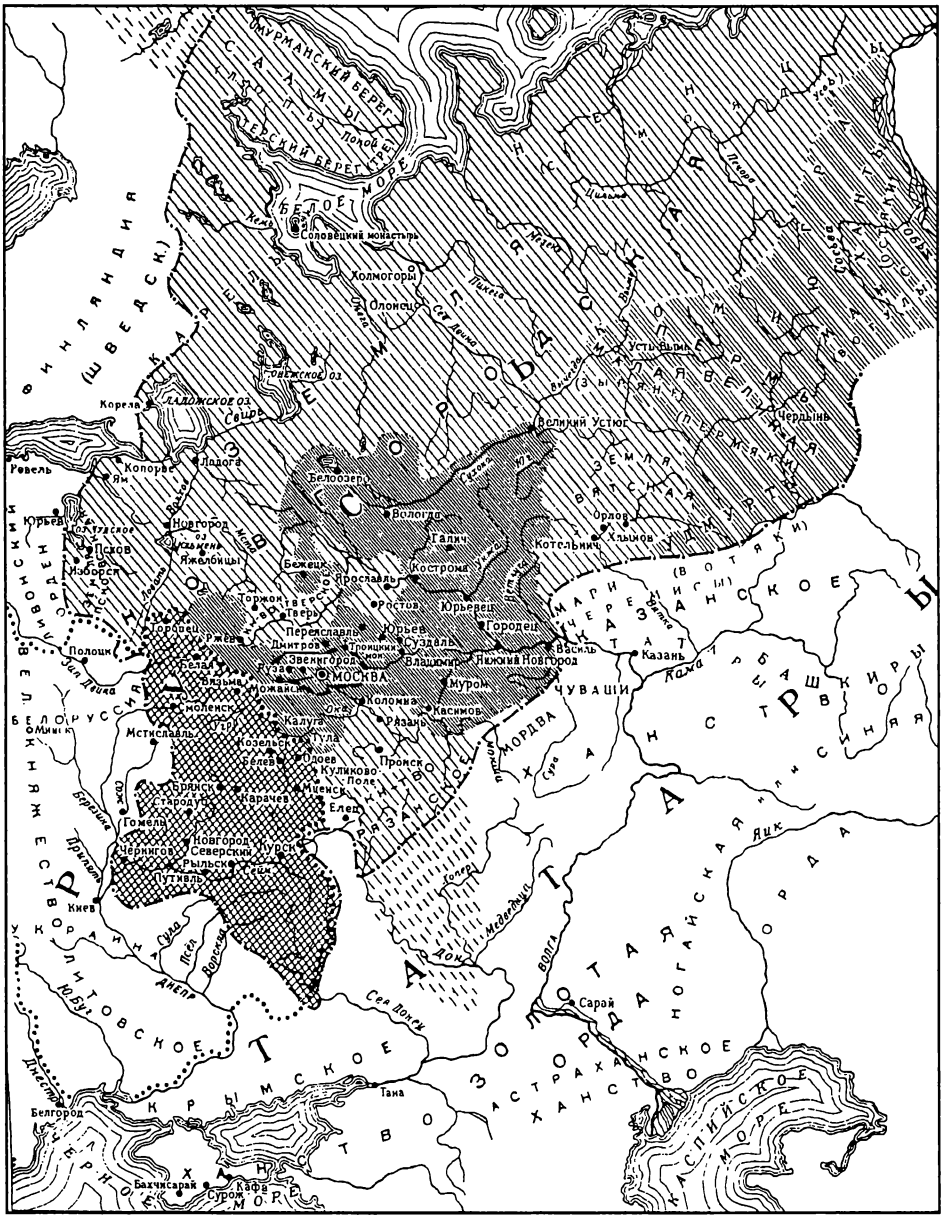
Кровью и потом народных масс было создано Русское государство. Оно не могло быть народным — государство Ивана III держало эксплуатируемое большинство в узде, и именно в это время началась регламентация государством крепостного состояния крестьян в общегосударствен-

---

[1] Приветствие товарища И. В. Сталина // Правда. 1947, 7 сентября.

[2] Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I. С. 444.

[3] И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. С. 604.


Мурманский берег
Терский берег
Белое море
Соловецкий монастырь
Холмогоры
Онега
Сев. Двина
Ладожское оз.
Корела
Ревель
Копорье
Ям
Ладога
Белозеро
Вологда
Великий Устюг
Чердынь
Юрьев
Новгород
Псков
Изборск
Бежецк
Кострома
Ярославль
Ростов
Юрьевец
Городец
Суздаль
Нижний Новгород
Торжок
Тверь
Переславль
Дмитров
Звенигород
Москва
Муром
Касимов
Рязань
Коломна
Можайск
Вязьма
Смоленск
Мстиславль
Орша
Витебск
Полоцк
Сев. Двина
Зап. Двина
Калуга
Тула
Козельск
Одоев
Белев
Куликово поле
Брянск
Стародуб
Карачев
Елец
Гомель
Новгород-Северский
Чернигов
Рыльск
Путивль
Киев
Прип.
Сула
Псел
Ворскла
Ока
Дон
Медведица
Волга
Сарай
Сев. Донец
Днепр
Юж. Буг
Днестр
Белгород
Тана
Бахчисарай
Кафа
Турок
Финляндия (шведск.)
Великое княжество Литовское
Княжество Рязанское
Княжество Тверское
Княжество Ростовское
Княжество Ярославское
Княжество Суздальское
Княжество Нижегородское
Княжество Белозерское
Княжество Вологодское
Княжество Галицкое
Княжество Угличское
Княжество Ржевское
Княжество Смоленское
Княжество Новгородское
Княжество Псковское
Княжество Полоцкое
Княжество Витебское
Княжество Мстиславское
Княжество Брянское
Княжество Северское
Княжество Киевское
Княжество Волынское
Княжество Подольское
Княжество Турово-Пин

ном масштабе. В масштабе «всея Руси» начал ограничиваться «выход» крестьян и зарождалось крепостное право. Образование сильного государства в условиях того времени возможно было лишь как создание государства со складывающейся самодержавной властью во главе.

И поскольку государство Ивана III и Василия III ставило своей задачей в первую очередь держать в узде крестьянство и ремесленный люд, т. е. эксплуатируемое большинство, вводило Юрьев день, создавало Судебник 1497 г., поощряло феодальную эксплуатацию и ростовщичество, обрекая народные массы на нищету и бесправие, постольку эти народные массы, производители материальных благ, вели борьбу с феодалами, выступали против властей, против государства, спасались бегством и «огурялись», примыкали к «еретикам» и поднимали восстания.

Но создание могущественного государства помогло защищать землю Русскую от нападения со стороны других государств, от всех и всяких «ворогов», помогло сохранить независимость Руси, сбросить подавляющие ее цепи татарского ига, отбить русские земли у захвативших их литовцев и татар, способствовало формированию великорусской народности, росту и укреплению богатой и многогранной культуры русского народа. Родственные русскому народу украинский и белорусский народы некогда, во времена Киевской Руси, объединенные с предками великороссов Северо-Восточной Руси в единое государство, в «русских», «руссов», «русь», племя русское», не смогли освободиться из-под власти Польши, Венгрии, Литвы и Молдавии и создать свои независимые государства. Только много столетий спустя Московская Русь и Российская империя объединили большую часть украинцев и весь белорусский народ под своей властью в едином многонациональном государстве. Но царская Россия конца XVIII в. была уже «тюрьмой народов». И поскольку государство Ивана III и Василия III ставило своей целью «защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств», постольку народные массы Руси поддерживали его и становились на защиту рубежей своей родной земли.

Таким образом, в результатах, которых добился Иван III, был заинтересован русский народ. Основным же результатом деятельности Ивана III были создание единого государства, ликвидация уделов и успешная оборона Русской земли. Энгельс по этому поводу замечает: «Даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III».[1]

Но еще в XVI в. сохранились удельные традиции, пережитки феодальной раздробленности. Ленин говорит об этом времени: «государство распадалось на отдельные „земли“, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.».[2] Еще оставались уделы: Углицкий, Старицкий. Бояре-княжата в своих вотчинах чувствовали себя по-прежнему удельными князями, неограниченными владыками. Воротынские, Одоевские, Шуйские и другие «были в своих уделах и велия отчины под собой имели». В вотчинах бояр-княжат жила многочисленная дворня, слуги,

[1] Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I. С. 450.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 1. С. 137.

стояли укрепленные острожки, собирались целые рати. Носители традиций феодальной раздробленности — бояре-княжата — препятствовали усилению самодержавной власти и централизации государства. В царствование Ивана Грозного (1533—1584 гг.) бояре-княжата пытались восстановить удельные порядки. Но, опираясь на дворян, на «прогрессивное войско опричников», Иван Грозный, этот человек «с сильной волей и характером»,[1] укрепляет самодержавную власть, учреждает опричнину и дает последний бой старым порядкам, порядкам феодальной раздробленности. Подготовляется «новый период русской истории», который «характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных».[2] Складывается на основе формирования связей торговых, связей буржуазных, всероссийский рынок. Создаются национальные связи — основа формирующейся нации. Начинается процесс превращения русской народности в русскую нацию. Одновременно со времен Ивана Грозного Россия становилась многонациональным государством, построенным на основе господства русской феодальной знати над всеми покоренными народностями и племенами: татарами, мордвой, марийцами, удмуртами, башкирами, коми-зырянами, хантами, манси и т. д. Ленин определяет Россию как «нац[иональное] г[о]с[у]д[арст]во в основе, базе»[3] и указывает «нац[иональный] гнет в Рос[сии] при нац[иональном] г[о]с[у]д[арст]ве в базе и нац[иональном] угн[етении] на окр[аинах]».[4]

Все это было подготовлено Иваном Грозным, а «примерно с 17 века» начинается «новый период русской истории».[5]

---

[1] О кинофильме «Большая жизнь». Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года. Большевик. 1946. № 16, авг. С. 52

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 1. С. 137—138.

[3] В. И. Ленин. Национальный вопрос: (Тезисы по памяти) // Ленинский сборник. Т. XXX. С. 65.

[4] Там же. С. 66.

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 1. С. 137.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1147	— Первое летописное упоминание о Москве
1156	— Юрий Долгорукий возводит деревянные стены вокруг Москвы
1209	— Первое летописное упоминание о Твери
1223	— Битва при Калке
1234	— Поход князя Ярослава Всеволодовича с новгородцами против ливонских рыцарей в Эстонию
1236—1240	— Нашествие Батыя на Русь
1237	— Объединение Ливонского ордена с Тевтонским орденом
1238	— Битва на реке Сити
1240, 15 июля	— Победа новгородского князя Александра Ярославича над шведами на реке Неве
1242, 5 апреля	— «Ледовое побоище». Разгром князем Александром Ярославичем Невским ливонских рыцарей на Чудском озере
1247	— Образование Тверского княжества
1249	— Переяславский князь Александр Ярославич Невский становится князем московским
1252—1263	— Великое княжение Александра Ярославича Невского
1259	— Восстание против татар в Новгороде
1262	— Восстания против татар в городах Северо-Восточной Руси (Владимире, Ростове и др.)
1263—1272	— Великое княжение Ярослава Ярославича (Тверского)
1265—1270	— Договоры Ярослава Ярославича (Тверского) с Новгородом
1266—1299	— Княжение Довмонта в Пскове
1270	— Новгород получает ярлык на свободную торговлю в Северо-Восточной Руси
1293—1303	— Княжение Даниила Александровича в Москве
1293	— Набег татарского царевича Дуденя на Москву
1294—1304	— Великое княжение Андрея Городецкого
XIV в.	— Волнения крестьян в вотчинах Стефанова Махрицского, Никольского, Павлова Обнорского, Кириллово-Челмогорского, Кириллово-Белозерского, Авраамиева Чухломского монастырей
1301	— Присоединение Коломны к Московскому княжеству
1302	— Присоединение Переяславля-Залесского к Московскому княжеству
1303—1324	— Княжение Юрия Даниловича в Москве
1304	— Народное восстание в Костроме против бояр
1304—1318	— Великое княжение Михаила Ярославича (Тверского)

1305 — Присоединение Можайска к Московскому княжеству
1305 — Народное восстание в Нижнем Новгороде против бояр
1307 — Первое столкновение Москвы с Тверью из-за Новгорода
1313 — Союз Новгорода с Москвой против Твери
1318—1322 — Великое княжение Юрия Даниловича
1322 — Отражение Юрием Даниловичем нападения шведов на Корелу. Осады Выборга русскими
1322—1324 — Великое княжение Дмитрия Михайловича (Тверского)
1323 — Юрий Данилович закладывает крепость Орешек (Петрокрепость)
1324—1328 — Великое княжение Александра Михайловича (Тверского)
1324—1341 — Княжение Ивана Калиты в Москве
1324 — Покорение чуди заволочской (коми-зырян) Москвой
1326 — Перенесение митрополии из Владимира в Москву
1326 — Постройка первой каменной церкви в Москве (Успенский собор)
1327 — Народное восстание против татар в Твери («щелкановщина»)
1328—1341 — Великое княжение Ивана Калиты
1329 — Княжение Ивана Калиты в Новгороде
1332—1335 — «Розмирье» Ивана Калиты с Новгородом
1335 — «Ряд» Ивана Калиты с Новгородом
1336 — Александр Михайлович (Тверской) вновь получил ярлык на Тверь
1337 — Пожар Кремля в Москве
1339 — Обнесение Московского Кремля новыми дубовыми стенами
1339 — Александр Михайлович (Тверской) убит в Орде
1340 — Народное восстание в Брянске. «Крамольницы»-брянцы убили князя
1341—1353 — Княжение Семена Ивановича Гордого в Москве. Великое княжение Семена Гордого
1341 — Нападение литовского князя Ольгерда на Можайск
1341, 1342, 1345, 1349 — Войны Пскова с немецкими рыцарями
1342 — Народное восстание в Новгороде
1343 — Народное восстание эстов против Ливонского ордена. Помощь Пскова восставшим
1348 — Болотовский договор Пскова с Новгородом. Окончательное отделение Пскова от Новгорода
1348 — Отражение новгородцами нападения шведского короля Магнуса. Поход новгородцев на Выборг
1350—1402 — Княжение Олега Ивановича в Рязани. Возвышение Рязани
1353 — Волнения крестьян Муромского монастыря
1353—1359 — Княжение Ивана Ивановича Красного в Москве
1357 — Народное восстание против «больших бояр» в Москве
1359 — Народное восстание в Новгороде
1359—1362 — Великое княжение Дмитрия Константиновича (Суздальско-Нижегородского)
1365 — Разгром Олегом Ивановичем (Рязанским) татарского князя Тогая у Шишевского леса
1366—1399 — Княжение Михаила Александровича в Твери
1367 — Возведение каменного Кремля в Москве
1368 — Нападение литовского князя Ольгерда на Москву
1369, 1399 — Торговые договоры Москвы с Тверью
1370 — Нападение на Москву литовского князя Ольгерда в союзе с Михаилом (Тверским) и Святославом (Смоленским)

70-е годы XIV в.—30-е годы XV в.	— Ересь стригольников
1371	— Война Москвы с Рязанью
1371	— Волнения крестьян Дмитриева Прилуцкого монастыря
1372	— Победа Дмитрия Ивановича над литовцами у Любутска
1375	— Разгром тверской рати Дмитрием Ивановичем. Михаил Тверской признает себя «молодшим братом» московского князя
1376	— Взятие Казани войсками Дмитрия Ивановича
1378	— Разгром русскими войсками татарского войска мурзы Бегича на реке Вожже
1380, 8 сент.	— Куликовская битва. Разгром Мамая Дмитрием Ивановичем
1380	— Торговый договор Москвы с Новгородом
1381	— Договор Дмитрия Ивановича с Олегом Ивановичем Рязанским, по которому последний признает старшинство Дмитрия
1382	— Нашествие Тохтамыша на Москву. Сожжение Москвы
1382	— Народное восстание в Москве
1382	— Первое известие о появлении огнестрельного оружия на Руси
1385	— Народное восстание в Пскове
1386	— Уния Великого княжества Литовского с королевством Польским (Кревская)
1386	— Установление зависимости Рязанского княжества от Москвы
1389—1425	— Княжение Василия I Дмитриевича в Москве. Великое княжение Василия I
1391	— Присоединение Нижегородского княжества к Московскому
1392—1430	— Княжение Витовта в Великом княжестве Литовском
1395	— Разгром Тохтамыша Тимуром на реке Тереке
1395—1396	— Феофан Грек и Даниил Черный расписали церковь Рождества Богородицы в Москве
1397	— Временное присоединение Двинской земли к Московскому княжеству
1399	— Поражение Витовта татарами на реке Ворскле
1399	— Феофан Грек и Даниил Черный расписали Архангельский собор в Москве
1399—1425	— Княжение Ивана Михайловича в Твери
XV в.	— Волнения крестьян в вотчинах Спасского Муромского, Соловецкого, Усть-Вымьского, Богословского Варлаама Своеземцева, Троицкого Калязинского, Корнилиева Комельского монастырей
1401	— Присоединение болгарских и мордовских земель к Московскому княжеству
1401	— Присоединение Суздаля к Москве
1404	— Захват Смоленска Витовтом
1405	— Феофан Грек, Андрей Рублев и Прохор расписали Благовещенский собор в Москве
1406—1408	— Столкновения Москвы с Литвой
1408	— Андрей Рублев и Даниил Черный расписали Успенский собор во Владимире
1408	— Составление летописного свода Киприана (Троицкая летопись)
1408	— Осада Москвы Едигеем
1410, 15 июля	— Победа соединенного русско-польско-литовского войска над Тевтонским орденом при Грюнвальде (Танненберге)
1418	— Народное восстание в Новгороде
1418	— Составление летописного свода Фотия

1424—1426 — Андрей Рублев и Даниил Черный расписали Троицкий собор в Троице-Сергиевском монастыре
1425—1462 — Княжение Василия II Васильевича Темного. Великое княжение Василия II
1425—1453 — Усобица в Московском княжестве
1425—1461 — Княжение Бориса Александровича в Твери
1433 — Поражение Василия II Юрием Дмитриевичем. Ссылка Василия II в Коломну
1435 — Борьба Василия Васильевича с Василием Юрьевичем
1439 — Флорентийская церковная уния
1440—1492 — Княжение Казимира Ягайловича в Великом княжестве Литовском
1441 — «Хронограф» Пахомия Логофета
1445 — Поражение русских ратей ханом Улу-Махметом. Пленение Василия Васильевича
1446 — Пленение Василия Васильевича Дмитрием Юрьевичем Шемякой, ослепление его и ссылка в Вологду
1447 — Поражение Шемяки. Возвращение Василия Васильевича в Москву
1451 — Нападение татарского царевича Мазовши на Москву
1453 — Смерть Шемяки
1456 — Яжелбицкий договор между Василием Васильевичем и Новгородом. Новгородцы признают московского наместника
1456 — Московский наместник в Рязани
1461 — Московский наместник в Пскове
1462—1505 — Великое княжение Ивана III Васильевича
1462 — Прекращение уплаты дани татарам
1463 — Ликвидация Ярославского княжества
1464 — Ермолин создал статую Георгия Победоносца для ворот Московского Кремля
1467—1472 — Путешествие Афанасия Никитина «за три моря» в Индию
1467 — Постройка звонницы Вознесенской церкви в Пскове
1467 — Последняя редакция «Псковской судной грамоты»
1469—1473 — Война Пскова с немцами
1471 — Поход Ивана III на Новгород. Поражение новгородцев на реке Шелони
1471—1487 — Начало ереси «жидовствующих»
1471 — Посольство в Венецию и Рим
1472 — Присоединение Перми к Московскому государству
1472 — Женитьба Ивана III на греческой царевне Софье (Зое) Палеолог
1474 — Ликвидация Ростовского княжества
1475 — Поездка московского посла Толбузина в Венецию
1478 — Присоединение Новгорода к Московскому государству
1478 — Присоединение Двинских земель к Московскому государству
1480 — «Стояние» на реке Угре. Отступление татарского войска. Окончательное свержение татарского ига
1480 — Составление Московского великокняжеского летописного свода
1480—1482 — Война Пскова с Ливонским орденом
1481 — Дионисий, Тимофей Ярец и Конь пишут иконы для Успенского собора в Московском Кремле
1482 — Посольство венгерского короля Матвея Корвина в Москве
1483 — Союз Михаила Борисовича (Тверского) с литовским князем Казимиром против Москвы
1483—1485 — Волнения смердов в Пскове
1483 — Экспедиция Федора Курбского в Западную Сибирь

1484 — Дионисий расписал собор Иосифо-Волоколамского монастыря
1485 — Присоединение Твери к Московскому государству
1485 — Война Ивана III с Казанью
1485—1516 — Постройка новых Кремлевских стен в Москве
1486 — Псковские зодчие возводят Ризоположенскую церковь в Московском Кремле
1487 — Взятие Казани Иваном III. Установление зависимости Казанского ханства от Московского государства
1487—1508 — Постройка великокняжеского дворца в Московском Кремле
1488 — Дионисий, Тимофей Ярец и Конь пишут иконы для собора в Ростове
1489—1505 — Переговоры Ивана III с Фридрихом III о союзе
1489 — Присоединение Вятки к Московскому государству
1490 — Постройка Благовещенского собора в Москве
1490, 1504 — Осуждение ереси «жидовствующих» на церковных соборах в Москве
1490 — Расправа с «жидовствующими» в Новгороде
1492—1494 — Война Московского государства с Литвой
1492 — Постройка крепости Ивангород
1492 — Посольство Александра Кахетинского в Москву с просьбой о помощи
1493 — Ликвидация заговора сторонников Польско-Литовского государства в Москве
1493 — Союз Ивана III с Данией
1494 — Закрытие Ганзейского двора в Новгороде
1494 — Русские послы Дмитрий Зайцев и Дмитрий Грек впервые прошли из Западной Европы на Русь вдоль побережья Кольского полуострова
1496 — Русский посол Григорий Истома совершил первое плавание вдоль побережья Кольского полуострова из Руси в Западную Европу
1496 — Построена церковь Богоявления в Пскове
1496—1497 — Поход русских ратей в Лапландию против шведов
1497 — «Судебник» Ивана III
1497 — Первое русское посольство в Турцию Михаила Андреевича Плещеева
1499—1500 — Поход Семена Курбского в Зауралье (в Югорскую землю)
1499—1501 — Экспедиция Петра Федоровича Ушатого на Урал и в Западную Сибирь
1500—1502 — Дионисий расписал собор Ферапонтова монастыря в Белозерье
1500—1503 — Война Руси с Литвой
1500 — Битва русских с литовцами на реке Ведроше. Победа русских войск
1501 — Победа русских войск над Ливонским орденом у Гельмеда
1502 — Уничтожение крымскими татарами Золотой Орды
1503, 1525, 1531 — Осуждение «нестяжателей» на церковных соборах в Москве
1505—1533 — Великое княжение Василия III Ивановича
1505 — Заложен Архангельский собор в Москве
1506—1544 — Княжение Сигизмунда Казимировича в Литве
1507—1508 — Война Русского государства с Литвой
1508 — Мирный договор Василия III со Швецией (подтвержденный в 1513, 1524 гг.)
1509 — Договор Василия III с Ливонским орденом о перемирии (продлевался в 1521 и 1531 гг.)

1509 — Посольство в Москву от Белградского митрополита Феофана и Ангелины, вдовы деспота Стефана
1510 — Присоединение Пскова к Московскому государству
1511 — Союз Василия III с датским королем Иоанном
1512—1522 — Война Русского государства с Литвой
1512, 1524 — Посещение Москвы посольством римского папы
1514 — Договор Василия III с императором Максимилианом о союзе против Сигизмунда
1514 — Взятие Смоленска русскими войсками
1515 — Постройка Преображенского собора Хутынского монастыря
1516 — Постройка первого каменного моста в Москве
1517, 1526 — Посольство Сигизмунда Герберштейна в Москву
1517 — Договор о союзе Василия III с датским королем Христианом
1517 — Ремонт Кремлевских стен в Пскове
1519 — Поход русских войск под Вильно
1519 — Постройка крепости Печерского монастыря
1520 — Присоединение Рязани к Московскому государству
1520 — Волнения крестьян в вотчинах Антониева Сийского монастыря
1521 — Нападение на Москву крымского хана Мухамед-Гирея
1523 — Закладка крепости Василь-город (Васильсурск)
1524 — Сооружение Гремячей башни в Пскове
1524 — Поход на Казань Василия III
1527 — Волнения крестьян в вотчинах Арсениева Комельского монастыря
1528 — Волнения крестьян в вотчинах Троицкого Болдина монастыря
1530-е годы — Волнения крестьян в вотчинах Данилово Переяславского монастыря
1530 — Рождение Ивана IV
1530 — Поход Василия III на Казань
1532 — Постройка церкви Вознесения в селе Коломенском

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. К критике политической экономии. Введение // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII, ч. I. С. 188.

Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу, 5 марта 1856 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. XXII. С. 122.

Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. V. С. 224; т. VI. С. 115; т. VIII. С. 148, 149, 151, 156, 158, 160, 161.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. VIII. С. 128, 129.

Энгельс Ф. Армия (статья из «Новой американской энциклопедии») // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI, ч. II. С. 389.

Энгельс Ф. Эмигрантская литература // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV. С. 239.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I. С. 139, 152.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и развитии буржуазии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I. С. 443—445, 447, 450.

Энгельс Ф. Письмо Иосифу Блоку. 21—22 сентября 1890 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII. С. 244, 245.

Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1936. Т. I. С. 259.

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. Т. IV. С. 14, 15, 414.

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч., Т. V. С. 483—484.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Соч. Т. I. С. 137—139.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Соч. Т. 3. С. 158, 159, 272, 329.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Соч. Т. 20. С. 368.

Ленин В. И. Национальный вопрос: (Тезисы по памяти) // Ленинский сборник. Т. XXX. С. 62, 65, 66.

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. С. 293, 296, 297, 301, 303, 304, 349, 350.

Сталин И. В. Украинский узел // Соч. Т. 4. С. 46.

Сталин И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии // Соч. Т. 5. С. 15.

Сталин И. В. Выступления на X съезде РКП(б). Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе; Заключительное слово // Соч. Т. 5. С. 34, 36, 47.
Сталин И. В. Письмо тт. Цветкову и Алыпову. 7 марта 1927 года // Соч. Т. 9. С. 176—178.
Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм. Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим // Соч. Т. 11. С. 335—337.
Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 года. М.: Партиздат, 1937. С. 8–10.
Сталин И. О диалектическом и историческом материализме // Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М.: Госполитиздат, 1946. С. 548, 552, 556.
Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М.: Госполитиздат, 1949. С. 30, 40, 196.
Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950.
Сталин И. В. О трех особенностях Красной Армии: (Речь на торжественном пленуме Московского Совета, посвященного 10-й годовщине Красной Армии). М.: Воениздат, 1939. С. 10—12.
Сталин И. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) // Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М.: Госполитиздат, 1946. С. 604.
Приветствие товарища И. В. Сталина (в связи с 800-летием города Москвы) // Правда 1947, 7 сентября.
История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1938. С. 6.
Сталин И. В., Киров С. М., Жданов А. А. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории. М., 1946. С. 21.

II. Выступления руководящих деятелей партии и правительства и постановления ЦК ВКП(б)

Калинин М. И. О задачах советской интеллигенции: Сборник. М.: Госполитиздат, 1939. С. 24.
О кинофильме «Большая жизнь». Постановление ЦК ВКП(б) от 4/IX 1946 года // Большевик. 1946. № 16, авг. С. 52.

III. Источники

а) Документы

Акты XIII—XVIII вв., представленные в Разрядный приказ. Собрал и издал Александр Юшков. М., 1898.
Архив П. М. Строева. Изд. Археографической комиссии. Т. I. Пг., 1915.
Библиотека иностранных писателей о России, издивением М. Калистратова, трудами В. Семенова. СПб., 1836. Т. I; СПб., 1847. Т. II.
Валегов Ф. А. Усольская летопись // Пермские Губернские Ведомости. 1882. № 96, 97.
Вятская летопись и хроника // Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881.
Герберштейн, барон Сигизмунд. Записка о московских делах / Пер. А. Малеина. СПб., 1908.
Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подготовили к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер и Е. А. Рыдзевская; Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
Дмитриев А. А. Соликамская летопись. Пермь, 1884.
Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909.

Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. / Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.; Л., 1948.
Микулинская летопись. Составлена по древним актам от 1354 до 1678 г. М., 1854.
Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909.
Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1888.
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
Новгородские летописи (так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879.
Новгородские писцовые книги. Изд. Археографической комиссии.
Т. I. Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 года. Первая половина. СПб., 1859.
Т. II. Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 года. Вторая половина. СПб., 1862.
Т. III. Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года. СПб., 1868.
Т. IV. Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1886.
Т. V. Книги Шелонской пятины около 1498, 1499—1551 гг. и др. СПб., 1905.
Т. VI. Книги Бежецкой пятины. СПб., 1910.
Основные этапы крепостного права в России. Памятники истории крестьян XIV—XIX вв. / Под ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье. 1939.
Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и Турцией. Т. I (1474—1505) / Ред. Г. Ф. Карпов // Сборник русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.
Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. Т. II (1508—1521) / Ред. Г. Ф. Карпов и Г. Ф. Штендман // Сборник русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895.
Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии, 1516—1520 / Ред. Г. Ф. Карпов // Сборник русского исторического общества. Т. 53. СПб., 1887.
Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I (1487—1533) / Ред. Г. Ф. Карпов // Сборник русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.
Памятники истории Великого Новгорода и Пскова / Сборник подготовил Г. Е. Кочин. М.; Л., 1935.
Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909.
Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. / Под ред. С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. М., 1929. Т. I.
Полное собрание русских летописей. Изд. Археографической комиссии.
Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846; Лаврентьевская летопись. СПб., 1872; СПб., 1879; Л., 1926—1928.
Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
Т. III. Новгородские летописи. СПб., 1841.
Т. IV. Новгородская и Псковская летописи. СПб., 1848.
Т. IV, ч. I, вып. 3. Новгородская четвертая летопись. Л., 1929.
Т. IV, ч. II. Новгородская пятая летопись. Пг., 1917.
Т. V. Псковская и Софийская летописи. СПб., 1851.
Т. VI. Софийская вторая летопись. СПб., 1853.
Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
Т. VIII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
Т. IX. Патриаршия, или Никоновская, летопись. СПб., 1862.
Т. X. Патриаршия, или Никоновская, летопись. СПб., 1885.
Т. XI. Патриаршия, или Никоновская, летопись. СПб., 1897.
Т. XII. Патриаршия, или Никоновская, летопись. СПб., 1901.

Т. XIII. Первая половина. Патриаршия, или Никоновская, летопись. СПб., 1904.
Т. XIII. Вторая половина. Дополнения к Патриаршей, или Никоновской, летописи. СПб., 1906.
Т. XIV. Царственная книга. Пг., 1918.
Т. XV. Тверская летопись. СПб., 1889.
Т. XV, вып. I. Рогожский летописец. Пг., 1922.
Т. XVI. Летопись Авраамки. СПб., 1889.
Т. XVII. Западнорусская летопись. СПб., 1907.
Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913.
Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903.
Т. XX, ч. I. Львовская летопись. СПб., 1910.
Т. XX, ч. II. Львовская летопись. СПб., 1914.
Т. XXI, ч. I. Книга степенная. СПб., 1908.
Т. XXI, ч. II. Книга степенная. СПб., 1913.
Т. XXII, ч. I. Русский хронограф. СПб., 1911.
Т. XXII, ч. II. Русский хронограф. СПб., 1914.
Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910.
Т. XXIV. Типографская летопись. Пг., 1926.
Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.

Приселков М. Д. Троицкая летопись, М.; Л., 1950.

Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Творение Иосифа игумена Волоцкого. Изд. 3-е. Казань, 1896.

Псковские летописи. Выпуск первый / Приготовил к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. I; М., 1819. Ч. II.

Судебники Русского государства. Горький, 1939.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.

Титов А. А. Летопись Великоустюжская. М., 1889.

Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889.

Устюжский летописный свод / Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

Феодальная деревня Московского государства XIV—XVI вв.: Сборник документов / Подготовлен к печати Б. Д. Грековым. М.; Л., 1935.

Хождение за три моря Афанасия Никитина / Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц; Пер. Н. С. Чаева. М.; Л., 1948.

Шишенко В. Пермская летопись с 1263 по 1676 г. (С извлечением из писцовых книг конца XVI и XVII вв.). Пермь, 1881—1884.

б) Хрестоматии

Гудзий Н. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков для высших учебных заведений. М., 1938; М., 1947.

Из героического прошлого нашего отечества: Книга для чтения для учащихся старших классов средней школы / Под ред. В. А. Десницкого. Ч. I. М., 1943.

Коваленский М. Н. Хрестоматия по русской истории. М.; Пг., 1923.

Тихомиров М. Н. Книга для чтения по истории СССР (Материалы и документы). Ч. I. С древнейших времен до конца XV в.: Для старших классов средней школы. М., 1941.

Хрестоматия по истории СССР: Пособие для учителей средней школы. Т. I. С древнейших времен до конца XVII в. / Сост. В. И. Лебедев, В. Е. Сыроечковский, М. Н. Тихомиров. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Учпедгиз, 1949.

Хрестоматия по истории русского права / Сост. М. Владимирский-Буданов. СПб.; Киев, 1889. Выпуск первый; Киев; СПб., 1901. Выпуск второй.

IV. Монографии[1]

Татищев В. Н. История российская с самых древнейших времен. М., 1768—1848.
Карамзин Н. М. История государства Российского. Изд. 5-е, кн. 1 и 2. 1842.
Беляев И. Д. История Новгорода Великого. М., 1866.
Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.
Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876.
Владимирский-Буданов М. Ф. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII века. Киев, 1886.
Дьяконов М. А. Власть московских государей. Очерки по истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889.
Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1, т. I—V. СПб., 1893.
Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893.
Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. II. 1906.
Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1—3. СПб., 1908—1909.
Бахрушин С. В. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI века // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909.
Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.
Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 3-е. СПб., 1910.
Ключевский В. О. История сословий в России. М., 1914.
Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918.
Любавский М. К. Древняя русская история до конца XVI в. М., 1918.
Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.
Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений. М.; Л., 1936.
Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. М., 1939.
Приселков М. История русского летописания. XI—XV вв. Л., 1940.
Райнов Т. И. Наука в России XI—XVII веков. Очерки по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу. М.; Л., 1940.
Шатагин Н. И. Русское государство в первой половине XVI в. Свердловск, 1940.
Мавродин В. В. Образование русского национального государства. Л., 1941.
Снегирев В. Л. Иван III и его время. М., 1942.
Алпатов М. В. Андрей Рублев. Русский художник XV в. М.; Л., 1943.
Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
Воронин Н. Н. Древнерусские города. М., 1945.
Дмитриев Ю. Н. Псковская земля. Л., 1945.
Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945.
Лихачев Д. С. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII веков. Л., 1945.

[1] Приводятся в хронологическом порядке.

Орлов А. С. Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945.
История русской литературы. Т. II, ч. 1. М.; Л., 1945. (Изд. Ин-та лит. АН СССР).
Казакова Н., Шаскольский И. Русь и Прибалтика (IX—XVII вв.). Л., 1945.
Базилевич К. В. Образование русского национального государства. Иван III. М., 1946.
Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVIII в. М.; Л., 1946.
Каргер М. Новгород Великий. М., 1946.
Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. М., 1946.
Тараканова С. А. Древний Псков. М.; Л., 1946.
Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946.
Бахрушин С. В., Костомаров Г. Москве 800 лет. М., 1947.
Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947.
Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. М.; Л., 1947.
Снегирев В. Л. Московские слободы. М., 1947.
Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947.
Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1947.
Данилевский В. В. Русская техника. Л., 1948.
Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
Снегирев В. Л. Московское зодчество. М., 1948.
Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948.
Эммаусский А. В. Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949.
Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

V. Статьи[1]

Мавродин В. В. Искажение М. Н. Покровским истории образования Русского государства. 1938, № 19. (Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук).
Черепнин Л. В. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI в. // Исторические записки. 1940. № 9.
Орфенов Б. Кабальное холопство в Московском государстве в конце XV—XVI вв. // Учен. зап. Саратов. гос. пед. ин-та. 1940. Вып. 6.
Базилевич К. В. К вопросу об исторических условиях образования Русского государства // Исторические записки. 1946. № 2—3.
Тихомиров М. Н. Начало Москвы // Преподавание истории в школе. 1946. № 2.
Тихомиров М. Н. Великокняжеская Москва XIV—XV вв. // Преподавание истории в школе. 1946. № 3. С. 33—42.
Греков Б. Д. Движение псковских смердов 1483—1486 гг. и «смердьи грамоты» // Исторические записки. 1946. Т. XX. С. 3—23.
Копанев А. И. О «куплях» Ивана Калиты // Исторические записки. 1946. Т. XX. С. 24—37.
Об образовании централизованного русского государства: К итогам дискуссии // Вопросы истории. 1946. № 11—12. С. 3—11.
Тихомиров М. Н. Москва в XV—XVII вв. // Преподавание истории в школе. 1946. № 4. С. 44—58.
Кафенгауз Б. Б. Происхождение и состав Псковской Судной грамоты // Исторические записки. 1946. № 18.

[1] Приводятся в хронологическом порядке.

Черепнин Л. В. Документы Московского великокняжеского архива и их значение в политической борьбе при Иване III // Тр. Ист.-архив. ин-та. 1946. Т. II. С. 3—67.
Бочкарев В. Н. Борьба русского народа с немецкой и шведской агрессией в XIV—XV вв. // Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. Ленина. 1946. Т. XXXV. С. 5—24.
Рабинович М. Г. К вопросу о начале Москвы. Археологические исследования в устье Яузы // Вестн. АН СССР. 1947. № 41. С. 60—65.
Мавродин В. В. Основные моменты развития Русского государства до XVIII в. // Вестн. Лен. ун-та. 1947. № 3. С. 79—102.
Бахрушин С. В. Население Москвы в XVI веке // Изв. АН СССР. Сер. ист. и философ. наук. 1947. № 3. С. 201—219.
Тихомиров М. Н. Начало возвышения Москвы // Изв. АН СССР. Сер. ист. и философ. наук. 1947. Т. I, № 3.
Арциховский А. В. Основные вопросы археологии Москвы // Матер. и исслед. по археологии СССР. 1947. № 7. С. 7—22.
Панкратова А. М. История возникновения и развития Москвы // Пропагандист и агитатор. 1947. № 7. С. 7—19.
Мавродин В. В. К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации // Советская этнография. 1947. № 4. С. 84—102.
Мавродин В. В. Причины возвышения Москвы // Вестн. Лен. ун-та. 1947. № 10.
Шашкин Н. И. К вопросу о происхождении названия «Москва» // Исторические записки. 1947. № 24.
Черепнин Л. В. Договорные и духовные грамоты Дмитрия Донского как источник для изучения политической истории великого княжества Московского // Исторические записки. 1947. № 24.
Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. 1947. № 22.
Перельман И. П. Новгородская деревня в XV—XVI веках // Исторические записки. 1948. № 26.
Смирнов И. И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. 1948. № 27.
Поршнев Б. Ф. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV—XVIII веках // Учен. зап. Акад. общест. наук. 1948. Вып. 2. С. 5—33.
Адрианова-Перетц В. П. Задонщина (Опыт реконструкции авторского текста) // Тр. Отд-ния древнерусс. литературы / Ин-т литературы АН СССР. 1948. Т. VI. С. 201—255.
Лепко И. В. Поход Ивана III «миром» в 1476 г. // Учен. зап. Лен. пед. ин-та им. Герцена. 1948. Т. LXXVIII. С. 133—168.
Герасимова В. И. Присоединение Пскова к Московскому централизованному государству // Учен. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. Герцена. 1948. Т. LXXVIII. С. 107—131.
Казакова Н. А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке // Исторические записки. 1949. Т. XXVIII. С. 111—131.
Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11.
Мавродин В. В. К вопросу о роли классовой борьбы в истории феодализма в России // Вестн. Лен. ун-та. 1950. № 2.
Пьянков А. П. К вопросу о причинах образования единого русского государства // Учен. зап. Белорус. гос. ун-та. 1950. Вып. 10.
Тихомиров М. Н. Сказание о начале Москвы // Исторические записки. 1950. № 32.
Кафенгауз Б. Б. Посадники и боярский совет в древнем Пскове // Исторические записки. 1950. № 33.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ю. В. Кривошеев. Владимир Васильевич Мавродин — ученый, педагог, человек 5

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Глава I. О происхождении славян 13

Глава II. Анты. Начальный этап в истории русского народа и русской государственности 45

Глава III. Восточнославянские племена перед образованием Киевского государства 77

Глава IV. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение феодальных отношений в Древней Руси 127

Глава V. У истоков Киевского государства. Первые государственные образования восточных славян 191

Глава VI. Образование Киевского государства 240

Глава VII. Владимир 311

Глава VIII. Ярослав 372

Глава IX. Киевский период в истории славянских народов Восточной Европы 406

Примечания к главе I (431—433). — К главе II (433—436). — К главе III (436—440). — К главе IV (440—446). — К главе V (447— 451). — К главе VI (451—455). — К главе VII (455—458). — К главе VIII (458—461). — К главе IX (461—462). — Список сокращений (462).

ОБРАЗОВАНИЕ ЕДИНОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Введение 465

Общественно-экономический и политический строй Северо-Восточной Руси в период феодальной раздробленности (середина XIII—середина XV вв.) 467

Княжества и земли Северо-Восточной Руси в период феодальной раздробленности (середина XIII—середина XV вв.) 487
Причины объединения русских земель 500
Предпосылки возвышения Москвы 517
Начало объединения Руси. Возвышение Москвы. Княжение Ивана Калиты 525
Московское княжество в середине XIV века 539
Дмитрий Донской и Куликовская битва 545
Феодальная война во второй четверти XV в. и ее политические итоги 564
Образование единого Русского государства. Завершение объединения Руси. Иван III 586
Общественно-экономический и политический строй Северо-Восточной Руси в период создания единого Русского государства 596
Образование великорусской народности 622
Войны и внешняя политика Руси в княжение Ивана III 642
Усиление Русского государства при Василии III 662
Русская культура XIV—начала XVI в. 678

Заключение 701
Хронологическая таблица 705
Библиография 711

Мавродин В. В. Древняя и средневековая Русь / В. В. Мавродин. — СПб.: Наука, 2009. — 719 с. (Сер. «Русская библиотека»).

ISBN 978-5-02-026311-6

В издании, приуроченном к столетнему юбилею ученого, будут представлены две монографии из богатейшего научного наследия крупного советского историка Владимира Васильевича Мавродина «Образование древнерусского государства» (Л., 1945) и «Образование единого Русского государства» (Л., 1951). Работы объединены одним научным подходом и общей идеей создания и развития русской государственности.

Созданные на основе лекционных курсов, прочитанных ученым в Ленинградском университете в середине XX в., книги безусловно представляют большой учебный и научный интерес.

Для современных ученых и студентов, а также широкого круга читателей.

Научное издание

Владимир Васильевич Мавродин

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

Печатается по изданиям:
Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945;
Мавродин В. В. Образование единого Русского государства. Л., 1951

Утверждено к печати Редколлегией серии «Русская библиотека»

Редактор издательства *Л. А. Бабушкина*. Художник *Л. А. Яценко*
Корректоры *О. М. Бобылева, Л. Д. Колосова, Ф. Я. Петрова* и *М. Н. Сенина*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 12.08.08. Подписано к печати 27.05.09.
Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 58.8. Уч.-изд. л. 58.7.
Тип. зак. № 3832. С 111

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-026311-6

